

ВЪ ПУТЬ-ДОРОГУ!

ВЪ ПУТЬ-ДОРОГУ!.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ КНИГАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

И. Д. БОБОРЫКИНА.

Томъ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіяхъ Внутренней Стражи и Э. Арнольда.

1864.

ВЪ ПУТЬ - ДОРОГУ!...

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Мы въ губернскомъ городѣ. — Осень. Сумерки. На улицахъ слякоть; идетъ мелкій, назойливый дождикъ. Неприятно и ненарядно смотритъ большой дикій домъ съ мезониномъ, на углу двухъ главныхъ улицъ города. Въ ворота видно уродливое, старинное крыльцо съ огромнымъ полукруглымъ окномъ; дальше — раскрытый сарай и въ немъ голова лошади, выглядывающая изъ темноты....

На крыльцѣ дикаго дома показался лакей въ синемъ фракѣ, и жиденькимъ голосомъ крикнулъ:

— Готово, Теофанъ?

— Готово, — послышалось изъ сарая, и лакей скрылся.

Выѣхали дрожки. На козлахъ сидѣлъ толстоватый, бѣлый парень, въ кожанномъ кафтанѣ и довольно-неловко сдержалъ передъ крыльцомъ саврасую вятку. Лошадь замотала головой и попятилась.

Минуты черезъ двѣ вышелъ молодой баринъ, въ гимназической форменной шинели и фуражкѣ съ краснымъ околышемъ. За нимъ показался лакей.

— На Варварку! — сказалъ молодой баринъ, садясь въ дрожки.

— Если бабинька будутъ спрашивать, куда изволили поѣхать — какъ доложить-съ? произнесъ лакей, морщась отъ дождя.

— Скажи, что къ Абласову; къ чаю буду...

На этихъ словахъ гимназистъ завернулся въ шинель. лошадь тронулась и дрожки съ какимъ-то скучнымъ шумомъ повернули изъ воротъ налѣво.

Лякей постоялъ еще на дождѣ, протянулъ руку горизонтально, какъ-бы желая убѣдиться, точно ли идетъ что-нибудь сверху, и потащился чрезъ весь дворъ, въ кухню.

Саврасая вятка пробѣжала половину дороги. Съ большой площади шла прямая улица къ острогу и бѣлый кучеръ пустилъ лошадь крупной рысью.

Дождь пошелъ сильнѣе.

Въ маленькой комнаткѣ, съ широкимъ и единственнымъ окномъ, гдѣ вся мебель состояла изъ кровати, стараго комода, трехъ соломенныхъ стульевъ, у большаго письменнаго стола покрытаго дырявымъ зеленымъ сукномъ, сидѣло двое. Одинъ былъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати, полный, русый, съ особеннымъ добродушіемъ въ лицѣ. Лицо это улыбалось, хотя и не было на губахъ улыбки. Сѣрые, большіе глаза смотрѣли бойко и ласково. На лбу торчалъ преоригинальный вихорь. Вся фигура юноши была немножко мѣшковата, но онъ сидѣлъ у стола съ какой-то угловатой граціей, закинувъ одну руку за спинку стула и изогнувъ правую ногу, внутрь колѣномъ. Одѣтъ онъ былъ въ коротенькую сѣрую визитку изъ твина. Бѣлья не было видно. Черные панталоны не прикрывали рыжихъ голенищъ.

Противъ него помѣщался такой же юноша, только онъ былъ помужественнѣе. Большой ростъ, продолговатое, блѣдное лицо, немного нахмуренные брови, длинные волосы пепельнаго цвѣта—все это давало ему болѣе серьезный и сосредоточенный видъ. Онъ прикрывался темненькимъ халатомъ, и, опершись объ столъ, наклонилъ голову къ своему собесѣднику, какъ-бы всматриваясь въ него.

Въ комнатѣ было темновато. Юноши точно смолкли послѣ большаго разговора, или, просто, такъ, какъ это часто бываетъ именно въ сумерки, когда много думается.

На лѣстницѣ послышались скорые шаги.

— Должно быть Телепневъ! — произнесъ картаво добродуш-

ный вихоръ, поднялся со стула, и очень быстро шаркнулъ спичкой объ уголь печки.

Комната освѣтилась. Вошелъ гимназистъ, пріѣхавшій на савраскѣ

— Вы меня ждали? — спросилъ онъ звучнымъ голосомъ. Здравствуй, Горшковъ, здравствуй, Абласовъ... И сбросивъ шинель на кровать гимназистъ поцѣловался сперва съ однимъ, потомъ съ другимъ товарищемъ.

— Ха-ха-ха! разразился добродушный Горшковъ. — Да что ты цѣлуешься давно, что ли, не видались?!..

Вошедшій былъ очень красивый молодой человекъ. Его уже можно было такъ назвать. И фигура, и выраженіе лица, и приемы говорили, что онъ почти сложился. Прежде всего выдавались его глаза, большіе, синіе, что такъ рѣдко встрѣчается у мужчинъ; лобъ былъ бѣлый, ясный; очертаніе губъ и носа немного женоподобно; всматриваясь въ него пристальнѣе, всякій замѣтилъ бы что-то черное въ игрѣ физіономіи, въ бровяхъ, во взглядѣ, въ красивомъ безпорядкѣ, въ какомъ темные волосы скаймляли лицо.

— Мы тебя не ждали, Телепневъ—сказалъ Абласовъ.

— Да хотѣлось съ вами поговорить: какъ завтра съ этимъ Каряковымъ дѣлаться?

— Да что тутъ думать!—вскричалъ Горшковъ,—загнуть ему подлеца—вотъ тебѣ и весь сказъ.

Абласовъ улыбнулся. Телепневъ поставилъ стулъ, сѣлъ и взялъ Горшкова за руку.

— Ахъ, братъ Валерьянъ, ты какой быстрый, подлеца-то скажешь...

— Ну и кончено. Видъ въ этомъ вся суть состоятъ. Онъ, скотина, явился тутъ изъ Казани въ ослиныхъ воротничкахъ да и думаетъ, что онъ съ нами какъ съ первоклассниками обращаться смѣетъ! Отлупить его и конченъ балъ!

Все это Горшковъ прокричалъ очень быстро, и на словѣ *отлупить* перевернулъ на одной ножкѣ соломенный стулъ, на которомъ передъ тѣмъ сидѣлъ.

— Не слѣдуетъ лупить, сказалъ на это съ улыбкой Телепневъ, и обратился взглядомъ къ Абласову.

Тотъ тоже улыбнулся и очень сознательно проговорилъ:
— Не слѣдуетъ бить.

— А по-моему такъ слѣдуетъ, — вскричалъ Горшковъ.

— Ты послушай, — началъ Телепневъ чего нужно теперь добиться?

— Чтобъ онъ убрался къ чорту!

— А прежде, я думаю, нужно, чтобъ онъ извинился предъ Скворцовымъ.

— Разумѣется, — проговорилъ Абласовъ и повелъ рукой по волосамъ.

— Это всѣ полумѣры, вы всѣ — размазня! — закричалъ опять Горшковъ. Извинится онъ, держи карманъ! Онъ іерихонцемъ смотреть, скотина!

— Не извинится — къ директору пойдемъ, — сказалъ Абласовъ, и посмотрѣлъ на Телепнева.

— А то заставимъ его выйти въ отставку, — прибавилъ тотъ, и лобъ его подернулся морщинами, которыя тутъ же исчезли. Онъ всталъ и обратился къ Горшкову, прибавилъ, — горячка! А потомъ взялъ его рукой за талию и подставилъ свое лицо очень близко къ его лицу.

— Ты ужъ повѣрь, Варельянь, что такъ лучше будетъ. По крайней-мѣрѣ, онъ дѣйствительно увидитъ, что имѣетъ дѣло не съ мальчишками какими-нибудь.

Все это онъ произнесъ очень мягко, и въ голосѣ слышалось сознаніе того, что онъ говоритъ умно.

— Ты правъ, — произнесъ медленно Абласовъ, и, запахнувшись въ халатъ, сказалъ совсѣмъ другимъ голосомъ, какъ это часто бываетъ въ такомъ возрастѣ: — Не хочешь ли покурить, Телепневъ?

Нѣтъ, не хочется. Я къ тебѣ, вѣдь, на минутку пріѣхалъ. Такъ что-то взгрустнулось.

— А что? — спросилъ быстро Горшковъ.

Телепневъ опустилъ голову, и какъ-будто стыдливо проговорилъ: „такъ не хорошо“

Абласовъ въ эту минуту закуривалъ папиросу и, смотря искоса на Телепнева, тоже потупился. Произошла пауза. Было что-то хорошее въ этой нѣмой сценѣ. Видно было, что у

Телепнева есть что-то на сердцѣ, на что отзываются его товарищи...

Абласовъ первый прервалъ молчаніе.

— А какъ отецъ?—спросилъ онъ тихо и нѣсколько робко.

Горшковъ посмотрѣлъ на Телепнева.

Тотъ поднялъ голову и проговорилъ съ грустной разсѣянностью: Очень плохъ.

Разговоръ опять прервался.

— Такъ завтра мы передъ классомъ предложимъ всѣмъ,— началъ Телепневъ, — только ты, Валерьянъ, пожалуйста, не мѣшай.

Горшковъ, съ очень кроткой миной, кивнулъ ему въ отвѣтъ головой.

— Да, что ты, въ самомъ дѣлѣ, Боря, хандришь; тебя, вѣрно, эта бабушка твоя заѣла: такъ ты ее похерь, братецъ,— вдругъ проговорилъ онъ дѣтскимъ, картавымъ голосомъ.

Телепневъ махнулъ рукой.

— А что мы завтра Шульману приготовимъ? -- началъ онъ, желая перемѣнить разговоръ.

— Я, братъ, изъ Беллюстина примѣръ цѣликомъ выпишу: онъ, вѣдь, нѣмчура, не догадается. Amaturus, amatura, amatigum... sim, sis, sit!.. заспрягалъ Горшковъ, сдѣлавъ гримасу и выгибая большой палецъ лѣвой руки. — Помните, братцы, какъ Егорка насъ мучилъ?—Дикъ видомъ!.. Стань столбомъ!.. Учить мастеръ былъ. А теперь, вотъ, какъ сдѣлали его инспекторомъ, такъ сталъ олухомъ царя небеснаго! Клянется и божится, что мнѣ, какъ своихъ ушей, не видать университета. „Возмутительный духъ“, говоритъ. Ха-ха-ха!

— Какъ то у насъ этотъ годъ пройдетъ?—проговорилъ, точно про себя, Абласовъ.—Пожалуй, ничего порядочнаго не сдѣлаешь.

— А ты на какіе это подвиги готовишься? — вскричалъ Горшковъ. — Извѣстно какъ пройдетъ: азъ-буки буквашки, вѣди таракашки... будемъ географію съ Ерошкой повторять.— И Горшковъ всталъ посреди комнаты, уперъ одну руку въ бокъ, а другой, съ вытянутымъ указательнымъ пальцомъ, началъ поводить по воздуху. — Вотъ, братцы, выйдетъ къ

доскѣ Петръ Скворцовъ и начнетъ тыкать палочкой по картѣ и на-распѣвъ заведетъ канитель: „произведенія ри-исъ. май-съ... хлопчатникъ, инди-и-го и табакъ.“ На табакъ ткнетъ въ городъ Парижъ, а Ерошка ему на это: „господинъ Скворцовъ, не ищите на картѣ табаку!“

Горшковъ произнесъ эти слова въ носъ. семинарскимъ акцентомъ, и съ такой уморительной гримасой, что его товарищи покатались со смѣху...

— Въдь, братцы, только бы дотянуть намъ до лѣта, а тамъ въ Казань закатимся. Я ужъ, такъ и быть, утѣшу Егорку: студентомъ не буду, въ вольные слушатели запишусь... У меня де артистическая натура. пирога и селедки не хочу носить; это ужъ вы надѣваете; намъ, артистамъ, это не по шерсти...

И Горшковъ, поднявъ плечи и надувши щоки, прошолся вдоль и поперегъ по комнатѣ.

— Вы что на меня смотрите, профаны? закричалъ онъ. — Я теперь красная говядина—гимназеръ... а дайте-ка срокъ. какъ вольнымъ слушателемъ сдѣлаюсь, волосы вотъ какіе отпущу — и онъ указалъ на плечи — афишу напечатаю: „Прибывшій изъ города Нижнеудинска малолѣтній пьянисть Валерьянъ Горшковъ, изумляющій нѣжнымъ возрастомъ и громадностью таланта, будетъ имѣть честь дать инструментальный концертъ, въ коемъ исполнить фантазію собственнаго сочиненія, на мотивы изъ оперы: „Жизнь за царя“.— Слався, слався святая Русь... турутумтумъ,—запѣлъ онъ, и, подскочивъ къ Телепневу, ткнулъ его подъ бокъ... Такъ-то, Борисъ, благодари Бога, что ты удостоился возсѣдать на однѣхъ скамейкахъ съ симъ сосудомъ всякихъ качествъ.— И Горшковъ, перевернувшись на одной ножкѣ, легъ на кровать, заложивъ руки назадъ...

Лицо Телепнева просвѣтлѣло отъ веселости Горшкова. Онъ подошелъ къ кровати и сказалъ ему:

— Что ты теперь пишешь. голубчикъ? Ты мнѣ давно ничего не игралъ.

Горшковъ повернулся къ нему, и фizioномія его получила совсѣмъ другой оттѣнокъ.

— Какъ же, пишу, отвѣчалъ онъ

шутовства. Задумалъ братъ большую вещь, да невытанцуется, пожалуй; я попробовалъ, такъ, маленькое allegro концертное. Приходи, какъ нибудь съ играю. Абласовъ! — крикнулъ онъ, — ты у меня умница, а въ музыкѣ братъ, ни бельмеса не смыслишь, просто, чурбанъ, — извини, пожалуйста, а вотъ Боря на скрипицѣ своей пилить хотъ и не ахти хорошо, а въ немъ есть толкъ. Я твоему вкусу вѣрю, — обратился онъ къ Телепневу, — ты мнѣ всегда дѣло говорилъ.

Телепневъ улыбнулся.

— А, вѣдь, никто не скажетъ. Валерьянъ, что ты такой серьезный музыкантъ, — проговорилъ онъ, наклонясь къ нему.

— Мнѣ и самому иной разъ не вѣрится, чтобы во мнѣ было что нибудь такое — знаешь, талантъ что ли. Вотъ я чего терпѣть не могу, братцы, когда ко мнѣ барыни пристанутъ: „вы, г. Горшковъ, талантъ, вамъ нужно за границу“ А имъ кромѣ мазурки Шульгофа ничего не треба; дуютъ себѣ Придановъ и восторгаются! Послушай: что, у твоей сестры есть наклонность къ музыкѣ?

Телепневъ весь оживился.

— Большая, произнесъ онъ весело.

— Хочешь, я ей буду уроки давать?

— Славно бы было, да у насъ въ домѣ развѣ можно? Вѣдь ты знаешь... и Телепневъ махнулъ рукой.

— Да, братъ, у васъ по всѣмъ комнатамъ тѣнь Гамлетова отца расхаживаетъ.

— Что дѣлать, — отозвался Телепневъ, и вздохнулъ. И я бросилъ совсѣмъ скрипку. Онъ сѣлъ на кровать, взялъ Горшкова за колѣни и поговорилъ. Вы братцы, вѣрно безъ меня поѣдете лѣтомъ по Волгѣ.

— Какъ такъ?—вскрикнулъ Горшковъ.

— Мнѣ нельзя будетъ въ университетъ, я ужъ это вижу.

— Вотъ вздоръ кукой! Ты, Боря, у насъ герой; не тебѣ бредить! Знаешь въ бѣллыустиной изрѣченіе о превратности... забылъ?

Брось ты скуку,

Морску скуку,

А знай штуку..

— Такъ-то,—мой родной, и Горшковъ схватилъ Телепнева за шею, поднялъ его на ноги, и началъ кружить.

— Мнѣ, однако, пора, — торопливо сказалъ тотъ. — До завтра.

— Да посиди! закричалъ Горшковъ.

— Нельзя.

— Ну, такъ мы завтра вздуемъ этого Карякова. Да ты какъ нибудь приѣзжай къ Телянинымъ. Концерты тамъ даютъ; барыня-то на меня глазенапы закидываетъ! Понравился! ха ха!

Абласовъ взялъ свѣчку и проводилъ Телепнева до сѣней.

Минуты съ-двѣ по уходѣ его, оба они молчали. Въ широкое окно крапалъ дождь.

II.

„Откладывай“, сказалъ Телепневъ кучеру, сходя съ дрожекъ. На крыльцѣ ничего не было видно, и онъ ощупью отыскалъ дверь въ переднюю.

Передняя, выкрашенная *подъ мраморъ*, сѣрой масляной краской, съ неизбежными ларями и двумя колоннами, подпиравшими антресоль, освѣщалась тонкой сальной свѣчей. У окна, на ларѣ, спала какая-то долговязая фигура; за колонной, у печки грѣлся тотъ самый лакей, который выскакивалъ на крыльцо. Это былъ рябоватый и очень глупый на видъ малый, съ осанкой портнаго. Онъ снялъ съ молодого барина шинель и разсудилъ положить ее на столъ.

— Папенька почиваетъ? — спросилъ Телепневъ, проходя въ залу.

— Не могу знать, кажется проснулись, — проговорилъ лакей жиденькимъ голосомъ. Бабинька изволили проснуться.

Телепневъ прошолъ большой, темной залой въ корридоръ и сталъ подниматься по лѣстницѣ, въ совершенной темнотѣ. Взобравшись на площадку, гдѣ по обѣимъ сторонамъ было по двери, онъ отворилъ правую, и очутился въ

низкой и продолговатой комнатѣ съ перегородкой. Тутъ онъ и спалъ, и занимался. Телепневъ зажегъ свѣчку и точно къ чему то прислушался. При свѣтѣ одинокой свѣчи можно было разглядѣть комнату. Въ лѣвой стѣнѣ углублялся альковъ, задернутый наполовину бѣлой занавѣской, съ старомодной красной бахромой. Прямо смотрѣли два довольно широкія окна съ такими же занавѣсками и съ такой же бахромой; между ними—старинное зеркало, въ золоченной фигурной рамѣ. Въ лѣвомъ углу — столъ, покрытый синимъ сукномъ, на столѣ опрятно разставлены чернильница и другія вещи, все старенькія, точно открытыя въ дѣдовской кладовой. Двѣ висячія этажерки съ книгами и низенькій турецкій диванъ давали этой *ольтской*, ученической комнатѣ видъ какого-то дѣвственнаго пріюта.

Кто-то пошевелился за перегородкой, сколоченной въ видѣ ящика съ дверью.

— Мироновна! — почти шопотомъ проговорилъ Телепневъ, подходя къ перегородкѣ.

— Сейчасъ, — отозвался, въ просонкахъ, женскій старый голосъ.

— Спи, спи, я тебя не бужу.

— Чего изволишь, батюшка?—послышалось въ отвѣтъ, и изъ ящика показалась небольшая фигура. Ее трудно было разсмотрѣть въ первую минуту.

Мироновна была маленькая старушка, съ худымъ, немножко запуганнымъ лицомъ; но это первое впечатлѣніе смѣнялось другимъ: въ лицѣ оказывался юморъ; глаза, носъ и очертаніе губъ носили на себѣ комическій оттѣнокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то добродушно-лукавое сказывалось въ сморщенныхъ чертахъ старушки, въ положеніи ея головы и всего тѣла. Головной платокъ ея отъ спанья сбился на бокъ и на одномъ вискѣ видѣнъ былъ клокъ русыхъ волосъ съ сильной просѣдью.

На ней надѣтъ былъ капотъ изъ старушечьяго ситца.

Старушка встала въ дверяхъ и, щурясь отъ свѣта, пыталась разглядѣть Телепнева.

— Да зачѣмъ ты встала?—проговорилъ онъ, подходя къ ней—мнѣ тебя совсѣмъ не нужно.

— Ну, и не нужно, а самъ безъ меня шагу не можетъ сдѣлать. Одѣваться, что-ли, тебѣ?

— Какое одѣваться, я только что пріѣхалъ.

— Что ты стоишь? спросила она, — учиться, что-ли, хочешь, или внизъ пойдешь?

— Тото я не знаю проснулся папенька или нѣтъ...

— А ты поди въ бильярдную, загляни потихоньку, произнесла Мироновна, поправляя головной платокъ. Что-то тихо внизу было...

— Да, вѣдь, ты спала?

— Ну ужъ, и спала, не такъ же спала, чтобъ ничего не услышала. Старушка слегка зѣвнула, перекрестивъ ротъ. — Гасить, что-ли, послѣ тебя свѣчу-то? — спросила она, подходя къ столу

— Нѣтъ, не гаси, мнѣ нужно заниматься, я сейчасъ вернусь, — сказалъ Телепневъ и вышелъ.

Спускаясь съ лѣстницы, онъ уже не былъ въ такой темнотѣ: въ залѣ, на простѣнкѣ, противъ двери въ коридоръ, горѣла лампа и освѣщала часть лѣстницы.

Телепневъ раскрылъ потихоньку большую и тяжелую дверь. Посрединѣ четвероугольной комнаты стоялъ темный бильярдъ, покрытый довольно грязной простыней. Въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ сдѣланы были углубленія для диванчиковъ, съ колонками по бокамъ; на одной изъ колоннъ висѣла лампа и необыкновенно скучно освѣщала бильярдную. Отъ входа къ лѣвому углу примыкала дверь, подъ красное дерево; она была притворена.

Когда Телепневъ взошелъ въ бильярдную и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, она отворилась: вышла пожилая женщина въ длинной, сѣрой кацавейкѣ и бѣломъ чепцѣ. Трудно было бы забыть черты этой старухи. Лицо ея — сухое, съ какими-то жесткими неровностями, покрыто было непріятнымъ лоскомъ. Сдавленный, съ длинными ноздрями. носъ, сжатая, большія губы и дряблый острый подбородокъ не скрашивались ни выраженіемъ карихъ подслѣповатыхъ глазъ, ни очертаніемъ лба и головы. Виски были открыты и выказывали уголъ височной кожи рѣзкой, бѣлой линіей. Волосы на вискахъ были приглажены и зачесаны

за уши. Сѣдина сливалась цвѣтомъ съ кацавейкой, въ которую старуха совсѣмъ уходила, выступая скользкой, неприятной поступью.

Женщина эта была бабушка Телепнева. Она подошла къ нему быстро; лицо ея точно передернуло, и глухимъ шопотомъ она проговорила.

— Куда это вы дѣлись. Борисъ Николаичъ? Отецъ вашъ умираетъ, а вы разѣзжаете.

Телепневъ взглянулъ ей прямо въ лицо, и сдержаннымъ голосомъ спросилъ:

— Что съ папенькой?

И, не дожидаясь отвѣта, онъ подошелъ къ красной двери, оставивъ старуху въ нерѣшительной позѣ. Старуха повернулась и пошла за внукомъ. Лицо ея опять измѣнило выраженіе: оно было очень кисло.

Удушливымъ воздухомъ больницы обдало Телепнева при входѣ въ спальню, оклеенную зелеными, тусклыми обоями. Между двумя шифоньерками стояла пустая кровать и подлѣ нея въ большомъ и глубокомъ креслѣ, тяжело опустившись, сидѣлъ больной отецъ его. Ему казалось лѣтъ подъ пятьдесятъ. Обвислое, водяночное лицо рѣзко отдѣлялось отъ спинки кресла, и точно выглядывало изъ темнаго фона картины. Русые, рѣдкіе волосы падали болѣзненно на виски; голова свѣсилась на грудь. Черты исказились страданіемъ, но онѣ были мягки и тонки. Больной сидѣлъ съ опущенными глазами и тяжело дышалъ. Раскрытый ворот рубашки поднимался отъ болѣзненнаго сотрясенія груди. Безпомощно и тяжело смотрѣлъ весь образъ этого человѣка въ этой зеленой комнатѣ, посреди стлянкохъ и пузырьковъ, которыми устѣянъ былъ небольшой столикъ, стоявшій около кровати.

Зеленый зонтикъ передъ свѣчей виднѣлся въ глубинѣ спальни. Большое бюро съ часами наверху бросало тѣнь на кресло и на больного, и въ этой тѣни все казалось еще мертвеннѣе. Когда Телепневъ вошелъ, часы пискливо, и точно по капелькѣ, пробили три четверти.

Больной открылъ глаза и сдѣлалъ движеніе рукой какъ бы желая позвать сына.

Тотъ подошолъ къ креслу, взялъ руку отца, и поцѣловалъ.

— Гдѣ былъ? — проговорилъ больной хриплымъ, обрывавшимся голосомъ.

— У товарища, — отвѣтилъ молодой Телепневъ.

Въ эту минуту старуха уже стояла за нимъ, и своими карими подслѣповатыми глазами вѣдо смотрѣла и на умиравшаго сына, и на молодого внука.

— Вамъ бы Борисъ Николаичъ — ввернула она — можно и дома посидѣть, около отца... да, видно, скучно.

Больной поглядѣлъ на нее искоса страдальческимъ взглядомъ, и кротко взглянулъ на сына. Минуты двѣ длилось молчаніе.

— Тебѣ, Никола, — начала бабинька топчась на мѣстѣ, — тяжело приходится въ твоей болѣзни... Когда не видишь никакихъ чувствъ отъ дѣтей, и здоровому человѣку умирать захочется. — И она прошла по спальнѣ вдоль, немного задѣвъ внука рукавомъ своей кацавейки, и помѣстилась за кресломъ, заслонивъ собой свѣчу съ абажуромъ.

Отцу и сыну было неловко; но ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ни слова.

— И вотъ, Никола, заговорила опять старуха я, тебѣ при сынѣ говорю: этакъ нельзя распускать дѣвочку. Надо что-нибудь одно: или воспитывать дѣтей или... старуха не договорила и опять прошла мимо внука въ другой уголъ комнаты. — Это ни на что не похоже.. Вотъ онъ (и она указала на молодого Телепнева) во все вмѣшивается и такъ ее избаловалъ, что она мнѣ, бабкѣ, ежесекундно грубитъ. Я не хочу дальше терпѣть отъ умничанья Бориса Николаича. Ты мой сынъ, ты этого не смѣешь допустить... ты самъ уважаешь меня, а она нагрубитъ, скверная дѣвчонка, да еще прощенія не хочетъ просить.

И бабиньку опять передернуло. Вся ея фигура, въ углу, казалась какой-то сѣрой ночной птицей. Рукава кацавейки колыхались, наподобіе крыльевъ. Старуха непріятно переминалась на одномъ мѣстѣ. Молодой Телепневъ стоялъ, немного нагнувшись около кресла и держался правой рукой за спинку его. На лицѣ была видна сдержанная грусть, на

лбу появились маленькія морщинки и странная улыбка шевелила на губахъ.

Больной приподнялъ голову и сильно закашлялся. Кашель этотъ обличалъ страданіе печени; удушливыми раскатами раздавался онъ по спальнѣ, и, уходя въ бильярдную, разносился по всему дому...

Припадокъ кашля продолжался минутъ десять. Долго послѣ того больной не могъ отдышаться, и на лбу у него выступилъ холодный потъ. Сынъ поддерживалъ ему голову. Старуха въ своемъ углу съ кислой миной ежилась и не двигалась съ мѣста.

— Гдѣ Маша?—спросилъ отецъ молодого Телепнева,—Что она, такое сдѣлала? -- прибавилъ онъ шопотомъ.

— Мы на колѣни ее поставили, — проговорила бабинька.—Да развѣ ее этимъ уймешь? Вотъ ты спрашиваешь Николинька у твоего сына, что она надѣлала. Извѣстно, онъ ее всегда будетъ защищать. --Онъ, вѣдь, давно отъ рукъ отбился... въ большіе люди поступилъ, умничасть да фыркаетъ старшимъ! Этакъ мнѣ житья нѣтъ,—заговорила дребезжащимъ, ѣдкимъ голосомъ старуха, и начала обдергивать свой чепецъ. —Въ своемъ домѣ хуже горничной дѣвки быть... отъ дѣтокъ твоихъ каждый божій день гадости! грубость, своеволие... Она начала опять переминыться на мѣстѣ.

Больной молча посмотрѣлъ на сына, спрашивая его взглядомъ, что такое случилось.

— Я не знаю; папенька, въ чемъ Маша провинилась передъ бабушкой,—проговорилъ молодой Телепневъ.

Старуха выскочила изъ своего угла.

— Вы не знаете? вскричала она порывисто... Вы бы больше дома сидѣли, да смотрѣли за вашей сестрицей. Я тебѣ въ послѣдній разъ говорю, Николинька, терпѣть больше отъ этой дѣвчонки не хочу,—слышишь? не хочу! —Оборка на чепцѣ бабиньки затряслась, рукава кацавейки разлетѣлись въ разныя стороны.—Пусть онъ приведетъ ее и заставить, вотъ здѣсь, при тебѣ, просить у меня прощенья.

Была минута томительнаго молчанія. Трудно было опредѣлить, больше ли физической боли жило въ этой зеленой спальнѣ, или накопившихъ душевныхъ страданій?

— Скажи же ему что-нибудь, Николая!—зашипѣла опять старуха, подступая своей скользкой походкой къ креслу больного. — Вели сынку привести ее сюда, и если ты ужь самъ не сможешь ей приказать, такъ хоть Борисъ Николаичъ научилъ бы ее просить прощенья у бабки...

Молодой Телепневъ наклонилъ голову на сторону отца, и встрѣтилъ его страдальческое, умолявшее лицо.

Больной изнемогалъ отъ боли, сцена была для него невыносима.

— Боря... проговорилъ онъ, едва слышно, чтожь это такое?.. Господи!.. и онъ упалъ на спинку кресла. Готовился опять припадокъ страшнаго кашля.

Старуха не унялась.

— Такъ вы не вѣрите мнѣ? Она взяла внука за бортъ сюртука, съ кошачьей уверткой. Вы думаете что я вру?

Юноша выпрямился и отвелъ ее рукой.

— Чего вы отъ меня хотите, бабушка?—заговорилъ онъ голосомъ, въ которомъ была и горечь, и сдержанныя молодыя слезы. Я не знаю, что сдѣлала Маша... заставлять ее просить у васъ прощенья не буду, и при папенькѣ говорю, что я не дамъ вамъ забивать мою сестру... А если она виновата, вы сказали бы мнѣ про это не здѣсь... Папенька слишкомъ страдаетъ: надо его хоть немного пожалѣть...

— А!.. Вы меня носомъ тычете, что я отца вашего морю!.. Что же мнѣ остается? вонъ бѣжать?.. И, прокричавъ это сиплымъ, удушливымъ голосомъ, бабинька повернулась и почти бѣгомъ выбѣжала изъ спальни.

Больного всего потрясло; онъ поднялся, хотѣлъ что-то сказать и разразился кашлемъ еще сильнѣйшимъ, чѣмъ въ первый разъ.

И долго послѣ того, какъ раздался послѣдній раскатъ этого кашля, въ ушахъ сына стоялъ все одинъ звукъ, — назойливый, безконечный, доводящій до холодной тоски.

Поддерживая голову отца, молодой Телепневъ опустился на колѣни.

— Боря,—проговорилъ больной,—не серди ты ее, ради Бога: ты, вѣдь, знаешь, каково мнѣ... и рука его обняла

шею сына съ какой-то судорожной нѣжностью... Ты у меня славный...

На глазахъ сына были слезы.

— Папенька.. могъ только проговорить онъ, цѣлуя бѣлую, болѣзненно-прозрачную руку больного,—я знаю, что она мучить Машу... Сестра добрая, дѣвочка... И какъ ей не грѣхъ тревожить васъ...

На этихъ словахъ онъ поднялъ голову и съ какимъ-то особымъ одушевленіемъ откинулъ волосы назадъ.

— Развѣ можно прощать такія вещи?!—вырвалось у него.

— Ахъ, полно, Боря, оставь!—произнесъ больной. Сходи къ сестрѣ, что тамъ у нихъ? Успокой меня,—выговорилъ онъ и просительно смѣтрѣлъ на сына. Тяжолое дыханіе его раздавалось по комнатѣ.

— Молодой Телепневъ молча всталъ, поцѣловалъ руки отца, и проговорилъ:

— Я иду, папенька.

Когда онъ притворилъ за собой дверь спальни, въ бильярдной ему пришлось опять столкнуться съ бабинькой, онъ измѣрилъ старуху съ ногъ до головы и прошелъ мимо ея смѣлой походкой.

Бабинька была не одна; она говорила шопотомъ съ какимъ-то мужчиной, въ сѣромъ фракѣ, сѣромъ жилетѣ и сѣрыхъ панталонахъ; лицо этого господина было также сѣрое; сѣдые, плотно стриженные волосы и бакенбарды, покрывавшіе щеки почти вплоть до носу, придавали этому лицу звѣриной видъ; сѣрые глаза смѣтрѣли упорно и жестко изъ-подъ сѣрыхъ же бровей. И бабинька, и сѣрый господинъ очень похожи были на какихъ-то хищныхъ ночныхъ звѣрей... Они стояли облокотясь о бильярдъ; подлѣ нихъ, въ довольно-почтительной позѣ, помѣщалась толстая и грязная женская фигура, точно колбаса, перехваченная сверху веревочкой. Рябые щеки выпятились впередъ; носъ смѣтрѣлъ животненно и вмѣстѣ съ толстыми губами какъ нельзя больше шолъ ко всему корпусу. Почти лысая голова ничѣмъ не была покрыта; желтые глазки искрились и проявляли желаніе заглянуть всюду, если можно. Потасканная шаль покоилась

на плечахъ этой тучной особы, а изъ подъ шали виднѣлось желтоватое клѣтчатое платье.

Старуха Телепнева указала головой на внука сѣрому господину, и когда дверь бильярдной затворилась, прошептала:

— Видѣли, Григорій Иванычъ, каковъ молодецъ? Онъ хотъ бы поклонился вамъ!... Силъ никакихъ нѣтъ... Отца въ гробъ кладетъ,—и голосъ бабиньки началъ принимать отънокъ кислой жалости, сквозь которую слышна была злость.— Посмотрите-ка на Николиньку, какой сейчасъ припадокъ былъ; я думала, кончается.

Сѣрый господинъ взглянулъ изъ-подъ своихъ звѣриныхъ бровей на красную дверь спальни и промычалъ что-то.

— Вѣдь, этакихъ скверныхъ дѣтей свѣтъ не производилъ! Вотъ Амалія Христофоровна, съ дѣвчонкой возится—просто каторга.

Колбаса кивнула, испутивъ вздохъ.

— А все слабость отцовская... старуха не договорила: изъ спальни послышался раскатъ кашля, который заставилъ всѣхъ вздрогнуть.

— Ахъ, Боже мой! пойдѣте къ нему, Григорій Иванычъ,—пропищала бабинька, — вотъ они его какъ ухостили.

Амалія Христофоровна, изобразивъ на рябыхъ щекахъ своихъ нѣкоторое сокрушеніе, проползла также въ дверь спальни.

III.

Наверху, противъ комнаты Бориса (такъ мы будемъ называть молодаго Телепнева) была другая *дѣтская*, такого же размѣра. Онъ быстро вошелъ въ нее. На порогъ бросилась къ нему дѣвочка лѣтъ 10 и обняла его. Это было такъ порывисто, что Борисъ опустился на низенькій диванъ, занимавшій, какъ и въ его комнатѣ, двѣ стѣны...

Дѣвочка вся дрожала. Борисъ началъ ее цѣловать.

— Голубчикъ мой, Машенька! говорилъ онъ тихо, смотря ей въ глаза.

— Ничего не было, Боря—вдругъ произнесла она; — ей-богу ничего... И поднявъ головку, дѣвочка обвила руками шею брата.

— Вѣрю, голубчикъ, вѣрю. Не бойся ты ихъ...

— Я знаю, я не боюсь, — шептала она сквозь слезы. — Мнѣ что... Бабушка, вѣдь, чай, папѣ насаждала? — И лицо Маши при этомъ вопросѣ подернулось тревогой.

Дѣвочка была прекрасна. Въ ней поражало сходство съ братомъ; но всѣ черты, всѣ формы сложились изящнѣе, чище, привлекательнѣй. Синіе глубокіе глаза съ длинными рѣсницами, овалъ лица, губы, очертаніе носа—все просилось на картину. Въ такихъ дѣвочкахъ красота никогда не умираетъ. Закинувъ свою темнорусую головку съ густыми, крупными локонами, Маша точно не могла наглядѣться на брата.

Комната, гдѣ сидѣли братъ съ сестрой, была перегорожена ширмами. За ними виднѣлась бѣлая кровать съ пологомъ, въ углу кіотъ съ лампадой, а въ простѣнкѣ, между окнами, небольшой туалетъ розоваго дерева; на немъ горѣла свѣча.

— За что же она на тебя взѣлась?—сказалъ Борисъ, цѣлуя сестру въ голову.

— Это все та... толстая,—отвѣчала Маша, немного успокоившись.—Я сидѣла, училась; она мнѣ говоритъ: „ступай-ти къ grand maman, она проснулась, поцѣлуйте у ней ручку“; а я не пошла, мнѣ дочитать хотѣлось... да и зачѣмъ я пойду къ бабушкѣ? — Ребенокъ произнесъ эти слова съ такимъ выраженіемъ, что Борисъ нѣсколько времени, и довольно внимательно, смотрѣлъ на нее.

— Ну, толстая и накинулась на меня; тутъ пришла бабушка... Я ее ничѣмъ не обижала, а она закричала „проси прощенья“ Въ чемъ бы я стала прощенья просить, скажи ты мнѣ Боря?

— И не проси, Маша, если чувствуешь что невиновата,—проговорилъ онъ.

— А что папа?

— Она его растревожила.

— Очень, Боринька, очень?

— Очень, голубчикъ.

Произошло молчаніе. Дѣвочка, сидя на колѣняхъ братъ, опустила головку и локоны покрыли совсѣмъ ея свѣтлое личико.

Черезъ минуту она встряхнула ими, и, обнявъ опять Бориса, тихо проговорила:

— Я попрошу у ней прошенья: она папѣ покою не дастъ... Нужно, Боря, это сдѣлать... И скорбный, совсѣмъ не дѣтскій вздохъ вырвался изъ груди ребенка.

— Вотъ ты у меня какая!—сказалъ Борисъ — ты лучше меня.

— Пойдемъ туда, внизъ, Боринька, къ папѣ. Я съ нимъ прощусь, онъ увидить... ему легче будетъ.

Дѣвочка встала и взяла за руку брата. Стоя она была также изящна. На ней надѣто было темненькое шерстяное платье, подпоясанное кожанымъ кушакомъ, и бѣлой воронничокъ.

—Пойдемъ,—повторила она и повела Бориса на лѣстницу.

— Погоди, голубчикъ,—отвѣтилъ ей братъ, отворяя дверь въ свою комнату,— я скажу только Мироновнѣ, чтобы она потушила у меня огонь.

—Мироновна!—крикнулъ онъ,—погаси свѣчку, я внизъ иду.

Старушка показалась въ дверяхъ.

— Куда опять, долговязый? — проговорила она щурясь и улыбаясь.

— Да, я опять внизъ, Мироновна. Ты, пожалуй заснешь, свѣча нагорить.

— Ну, ужъ и засну! Ты-то, вотъ, самъ спать гораздъ, не добудишься въ гимназію.—Съ послѣдними словами она обратилась къ Машѣ.

Дѣвочка весело взглянула на нее.

— Экіе вы оба пригожіе!—замѣтила Мироновна, какъ бы про себя — всѣ въ маменьку. Что, мамзель-то больно васъ муштруетъ, барышня?

Маша тряхнула локонами и необыкновенно-кротко и наивно отвѣчала: „муштруетъ“

— Колбаса, — проговорила старуха и, повернувшись, прибавила: — идите съ Богомъ, съ папенькой проститесь

Маша, держась за руку брата, тихо и задумчиво спускалась съ лѣстницы.

— А вотъ у меня не было няни,—сказала она вслухъ. Дѣвочка произнесла это не какъ упрекъ, а спокойно, точно вдумываясь грустною думой въ свою дѣтскую жизнь.

Борису сдѣлалось холодно отъ этихъ словъ. И вдругъ онъ взялъ сестру на руки, и покрывая поцѣлуями, повторилъ, спускаясь внизъ: „Маша моя добрая, Маша моя безцѣнная!“

Въ бильярдной никого не было, когда Борисъ и Маша вошли туда. Они приблизились на ципочкахъ къ дверямъ спальни, и Борисъ тихонько отворилъ.

Больной лежалъ уже въ кровати, на боку, подложивъ лѣвую руку подъ маленькую подушечку. Взглядъ его неподвижно устремленъ былъ на ручку двери. Положеніе всего тѣла было такъ мертвенно-спокойно, что можно было принять его за спящаго съ открытыми глазами.

Въ креслѣ помѣщался сѣрый господинъ, въ сухой, жесткой позѣ; у печки, въ углу, стояла бабинька. Фигура Амалии Христофоровны виднѣлась изъ-за темнаго бюро...

Маша взглянула торопливо изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ на бабушку и подошла къ кровати. Лицо больного просвѣтлѣло; онъ пошевелинулся и протянулъ руку. Дѣвочка поцѣловала и видно было, что ей хотѣлось нѣжно обнять отца; но она не смѣла.

— Ты на меня не сердись, папа — прошептала она, уткнувъ головку въ уголь подушки.

Больной ничего не отвѣчалъ и опустилъ глаза.

— Я попрошу прощенья,—прибавила Маша, и смѣло подошла къ бабушкѣ.

Та вся съежилась и завернулась, почему-то, въ свою кацавейку.

— Простите меня бабушка, —проговорила дѣвочка спокойнымъ, почти безстрастнымъ голосомъ.

Бабушка съ кошачьей ужимкой наклонилась впередъ и просунула въ рукавъ свою желтую руку съ кривыми, цѣпкими пальцами.

— Ты не стоишь, — прошептала она, — чтобъ тебя прощали. Скверныхъ дѣвчонокъ сѣкутъ... Старуха не договорила..

Маша устала на нее глубокий и смелый взгляд. Амалия Христофоровна выступила из-за бюро, и рябое лицо этой особы злобно смотрело на девочку. Бабинька сунула Маше руку, и та беззвучно приложилась к ней.

Вся эта сцена отразилась на больном. Он с детской боязнью слыл за выражением лица матери, и когда Маша поцеловала ее руку, он продолжительно вздохнул. Маша бросилась к нему от бабушки, и на этот раз обвила его шею и несколько раз поцеловала.

— Славная ты у меня... прошептала больной. Ему еще что-то хотлось сказать, но он от слабости опустил на подушки.

Бабинька подскочила к кровати и, схватив Машу за рукав, отдернула ее.

— Оставь... папеньку тревожишь... ступай наверх. Амалия Христофоровна, уведите ее. Николинкн почивать нужно. Старуха посмотрела искоса на всех и особенно вѣдко на внука.

Борисъ стоялъ, облокотясь на бюро; руки его сложены были на груди. Он смотрел на сцену между Машей и бабинькой и когда Маша приложилась к руке старухи, он вздрогнул. Амалия Христофоровна двинулась вперед; но прежде нежели она подошла к Маше, та поцеловала еще раз отца в плечо, обернулась к Борису. и сказала ему полушопотомъ: „пойдемъ на-верхъ, Боря“

Борисъ взялъ Машу за обе руки, нагнулся и смотрел на нее.

Сѣдой господинъ всталъ съ кресла. Бабинька обратила к нему свои подслѣповатые глазки.

— Черезъ два часа, проговорила она?

— Да, по столовой, — отвѣчалъ онъ ежовымъ семинарскимъ тономъ и, взглянувъ на больного, прибавилъ жестко, съ какой-то скверной усмѣшкой: — Спите, да на спину не ложитесь, а микстурку-то поакуратиѣ...

Больной не шевельнулся и лежалъ съ закрытыми глазами.

Сѣрый господинъ направился къ двери. Бабинька пошла за нимъ и, проходя, сказала внуку:

Проститесь съ отцомъ. Его нужно оставить. Амалия Христофоровна, уведите же девочку.

Колбаса взяла Машу за руку.

— Я приду, Машинька, сказалъ сестрѣ Борисъ и поцѣлвалъ ее въ одинъ изъ длинныхъ локоновъ.

Дѣвочка, уходя изъ спальни, еще разъ взглянула на больного и, отнявъ руку отъ гувернантки, кивнула головой брату Тихо, какъ-бы нехотя, вышла она изъ комнаты.

Больной былъ въ забытіи. Борисъ приблизился къ кровати, поправилъ одѣяло, и, сложивъ опять руки на груди, простоялъ такъ минуты двѣ.

Вдругъ больной приподнялся. Лицо его изнывало отъ боли. Онъ бросилъ на сына тусклый взглядъ, и тяжелымъ голосомъ простоналъ:

— „Истрадался я...“

Съ этимъ словомъ онъ повернулся на другой бокъ и впал опять въ прежнюю неподвижность.

Жутко было Борису, когда онъ выходилъ изъ спальни.

У бильярда стоялъ слуга съ вялой, заспанной наружностью, лѣтъ 30-ти, въ коричневомъ, потертомъ фракѣ, который придавалъ ему весьма комическій видъ. Подлѣ него помѣщалась маленькая, толстенъкая фигурка—не то горничная, не то приживалка—въ грязножелтой кацавейкѣ. Сѣрые глазки этой женщины искрились; носъ былъ очень нахалентъ; скулы выдались и на щекахъ видѣлись красныя жилки. Жидкіе волосы, съ просѣдью, завернуты были на темени въ микроскопическую косичку.

— Яковъ,—сказалъ Борисъ челоѣку,—если папенькѣ будетъ дурно ночью, разбудить меня.

— Я прибѣгу-съ, балинъ миленькій, — пролепетала маленькая женщина и хотѣла поцѣловать его въ плечико.

Онъ отклонился и непріятно вздрогнулъ.

Яковъ ничего не отвѣтилъ, а хлопнулъ только глазами, а маленькая женщина проговорила со вздохомъ:

— „Я всю ночь-съ около папеньки... Вы не извольте беспокоиться.“

Борисъ вышелъ въ корридоръ, взглянулъ на скучную лампу, бросавшую тусклый свѣтъ длинной полосой, повернулъ въ залу, и началъ ходить. Звонко раздавались его шаги по половицы паркетнаго пола потрескивали тамъ и сямъ. Изъ

бильярдной слышалось щолканье маятника; изъ передней доходилъ чей-то однообразный храпъ... Тяжело, мертвенно, тоскливо было во всемъ этомъ домѣ...

IV

Не въ первый разъ ходитъ онъ въ раздумьи по темной, пустой залѣ, перебираетъ прошлое, задаетъ себѣ все тѣ же вопросы.

Что же заключалось въ этомъ прошломъ?

Давно, лѣтъ сорокъ тому назадъ, женился дѣдушка Дмитрій Петровичъ Телепневъ — „не по любви, не по корысти, какъ рассказывала Борису нянька Мироновна, а такъ, шутъ его знаетъ, прости Господи, какъ и зачѣмъ...“

Дѣдушка былъ старичокъ низенькій, сѣденькій, розовый такой, ходилъ тихо, говорилъ картаво и, какъ маленькій. любилъ только лакомства; а больше, кажется, никого и ничего не любилъ. А если и любилъ, такъ не смѣлъ любить... Бабинька не приказывала. И сидѣлъ онъ вѣчно въ кабинетѣ, что-то такое писалъ, что-то такое читалъ, выходилъ къ обѣду, садился возлѣ бабушки, цѣловалъ у нея ручку послѣ обѣда, и уходилъ опять къ себѣ въ кабинетъ. Иногда дѣдушка призывалъ маленькаго Борю къ себѣ, вынималъ изъ бюро крымское яблоко или пряникъ и отдавалъ ему, не говоря ни слова.

Умеръ дѣдушка также незамѣтно какъ жилъ.. И кажется, что и теперь онъ сидитъ съ своимъ кабинетѣ.

Мать Бориса была высокая, блѣдная женщина съ синими глазами, которые она передала и ему и его безцѣнной Машѣ... Она цѣлые дни проводила наверху, въ той комнатѣ, гдѣ онъ живетъ теперь. Она часто плакала, часто молилась и его ставила возлѣ себя. И мальчикъ, смотря на плачущую мать, принимался рыдать и цѣловать ея руки... Не приходило ему на мысль спрашивать мать за чѣмъ она плачетъ... Она такъ и умерла, не сказавши ему причину

своихъ слезъ. Борисъ выучился у ней читать, и когда прочелъ всю азбуку, у него родилась сестра. Черезъ годъ Маша начала ходить; а матери ихъ не стало...

Отецъ рѣдко бывалъ дома. Онъ все ѣздилъ куда-то дѣло, по службѣ, какъ послѣ узналъ Борисъ. А когда возвращался, никогда почти не сидѣлъ съ матерью. Онъ былъ такой красивый, стройный; но рѣдко бывалъ веселъ. Бориса онъ ласкалъ, но все украдкой. Когда мать умерла, отецъ долго горевалъ, и съ этого времени жизнь мальчика измѣнилась; онъ почувствовалъ впервые гнетъ бабиньки Пелагеи Сергѣевны.

А она всегда была такая же, какъ и теперь: желтая, костлявая, все въ той же сѣрой кацавейкѣ. Рано почувствовалъ маленькій Боря, что отъ Пелагеи Сергѣевны всѣмъ жизнь нерадостна въ большомъ дикомъ домѣ. Мальчикъ видѣлъ, что съ матерью никогда почти не говорила она, и никогда не зналъ онъ отъ нея никакой ласки; цѣлый день слышался по дому шипящій голосъ старухи, и всѣ, начиная съ дѣдушки, кончая Юлькой, дѣвчонкой на побѣгушкахъ, преклонялись передъ старой барыней. Отецъ Бориса, когда жилъ дома, обращался въ маленькаго мальчика и все молчалъ, все молчалъ. Часто бабинька, напоптывала ему что-то у себя, въ диванной, и онъ становился нахмуреннымъ, когда приходилъ наверхъ, къ женѣ, и мать Бориса еще больше плакала, еще сильнѣе худѣла.

На сердцѣ мальчика расло отвращеніе къ старухѣ.

И вотъ, со смерти матери, онъ остался одинъ съ нею... Отецъ сталъ больше жить дома, по прежнему, урывками обращался къ Борису, и былъ для него все тѣмъ же полужужимъ человѣкомъ. Но мальчикъ начиналъ замѣчать, что не холодность отца была тому причиной, отецъ задыхался въ этомъ домѣ, и бѣгалъ отъ него.

Взяли Борису гувернера, забитаго нѣмца; начали мальчика учить; раздѣлили его день на клѣточки: утромъ уроки, вечеромъ уроки. Бабинька являлась и пронизывала мальчика своими глазками. Онъ лѣнился въ первое время; она собственноручно его наказывала и, по пріѣздѣ отца, передавала ему все съ прикрасами.

Борису былъ уже десятый годъ, когда отецъ его, въ первый разъ, серьезно занемогъ. Тутъ сынъ приблизился къ отцу и полюбилъ его. Но бабинька не допускала и этого сближенія. Она своимъ шипящимъ голосомъ, своими костлявыми ужимками отравляла Борису тѣ минуты, когда онъ урывками прибѣгалъ къ отцу и молча садился у кровати больного. Его сейчасъ отправляли наверхъ, въ классную, и онъ проводилъ цѣлые часы за нѣмецкими вокабулами, ничего не видя и ничего не понимая.

Къ Машѣ приставили самую злую и ненавистную женщину въ домѣ, Авдотью, которая точно списана была съ бабиньки. Борисъ видѣлъ, что маленькую сестру его держатъ дурно, что она осталась безпомощной, круглой сиротой, и еще тогда, ребенкомъ, началъ защищать свою сестренку, какъ онъ ее называлъ. Всѣ свободные часы между уроками онъ проводилъ съ сестрой, игралъ съ ней, и какъ бы горько ни пришлось ему въ классной, онъ бѣжалъ къ Машѣ и глядя на ея свѣтлое личико, на ея синіе, прекрасные глаза, мальчикъ бывалъ счастливъ. Но эта любовь давала ему всего больше страданій. Бабинька отнимала у него сестру, гоняла его отъ Маши; при немъ, точно нерочно, муштровала и доводила до слезъ, чтобъ наказать, поставить въ уголъ, или собственноручно высѣчь. И Борисъ спрашивалъ себя: „чего нужно этой противной старухѣ? зачѣмъ она всюду вмѣшивается, и всѣхъ язвить, всѣхъ давить?“

Только-что Борисъ сталъ привыкать къ своему забитому вѣмцу, только-что сошелся съ нимъ, и нѣмецъ полюбилъ его, понявъ тяжелое положеніе ребенка—бабинька взялась на нѣмца и прогнала. Мальчика отдали въ гимназію и приставили къ нему другого нѣмца, нелѣпаго, грубаго, безобразнаго. Борисъ и съ нимъ ужился бы, еслибъ нѣмецъ не возмущалъ его своей подленькой натурой. Онъ поставилъ себя въ лакейское положеніе передъ бабинькой и требовалъ, чтобъ внукъ оказывалъ ей всевозможные знаки почтенія, цѣловалъ ей руки, подслуживался, говорилъ ей поздравительные стихи. Мальчикъ рѣшительно возмутился противъ такой системы. Выходили сцены; вмѣшивали отца; онъ выговаривалъ мальчику, просилъ его не грубить бабушкѣ, за-

ставлялъ извиниться... И все это дѣлалъ онъ какимъ-то страннымъ тономъ. Мальчикъ рѣшительно не понималъ отца, но инстинктомъ чувствуя, что онъ тоже страдаетъ, исполнялъ его просьбы и слабыя приказанія. Онъ совсѣмъ почти потерялъ дѣтскую живость. Въ домѣ онъ ни шагу не могъ сдѣлать не думая о томъ, чего нужно ждать отъ бабушки, какъ это отразится на отцѣ, на Машѣ... Онъ только и считалъ жизнью тѣ минуты, когда ему удавалось вечеромъ сѣсть съ Машей гдѣ-нибудь въ уголокъ, слушать ея ребяческій лепетъ, цѣловать ея густые локоны...

Въ жизни отца онъ не замѣчалъ ничего новаго. Онъ, по прежнему, почти не жилъ дома; но чаще и чаще заболѣвалъ, и Борисъ познакомился съ его удушливымъ кашлемъ, слышнымъ по всему дому.

Грубый и подленькій нѣмецъ отошелъ: и его выжила бабинька. Маша поступила съ трехъ лѣтъ подъ вѣдѣніе Амаліи Христофоровны.

Въ двѣнадцать лѣтъ Борисъ почти осмыслилъ свое положеніе въ домѣ. Его маленькая жизнь распалась на нѣсколько полныхъ, совершенно, ясныхъ для него, сферъ. Учился онъ по врожденной даровитости, и это не составляло для него *дома*, *обузы*; но когда мальчикъ возвращался домой, все принимало въ глазахъ его сгrogій видъ дѣйствительности, требующей, налагающей какой-то крестъ, гдѣ ничего не можетъ быть сдѣлано *такъ*, за все придется отвѣчать чѣмъ-нибудь, во всемъ завязано что-нибудь хватающее за сердце.

Когда бабинька хлопотала приставить къ Борису новаго гувернера, онъ спросилъ себя: зачѣмъ мнѣ гувернеръ? и отвѣтилъ: бесполезенъ. Онъ уже зналъ какъ ему жить въ этомъ домѣ. И никакой гувернеръ не облегчалъ бы ему его задушевной жизни. Но мальчикъ радъ былъ *человѣку*. А новый учитель уже не пугалъ его *какъ учитель*, онъ впередъ зналъ, что могло быть между ними. Новый гувернеръ оказался французъ. старичокъ, плѣшивенькій, въ приглаженномъ паричкѣ, въ табачномъ фракѣ, съ вѣчной улыбкой и съ одними и тѣми же шуточками. Онъ попалъ въ гувернеры по убожеству, а прежде, лѣтъ двадцать состоялъ въ русской службѣ, имѣлъ званіе штабъ-лекаря, почему по

смерть свою получалъ даромъ изъ аптеки розовую воду, для промыванія красныхъ, вѣчно-плачущихъ глазъ. Старичокъ Богъ знаетъ чего не испыталъ въ жизни: потерялъ жену, былъ несчастнѣйшимъ отцомъ семейства, весь свой вѣкъ раздираемъ былъ на части заботами, непріятностями, дразгами, на старости лѣтъ чуть не умеръ съ голоду и остался веселъ, невозмутимъ, игралъ на флейточкѣ, и каждый день, смѣясь, спрашивалъ у Бориса: „какой парикъ надѣть сегодня“? Ихъ у него было шесть штукъ, и всѣ дареные. Когда мальчикъ узналъ жизнь своего новаго гувернера, его поразила эта жувучая, невозмутимая натура. Правда, ему не нравилась французская легкость въ Карлѣ Ивановичѣ; но чѣмъ-то примирительнымъ вѣяло отъ старичка. Съ французомъ у него установились совсѣмъ неученическія отношенія. Для Бориса онъ былъ добрый, веселый старичокъ, котораго нужно жалѣть и лучше не замѣчать его слабости. А французъ подъ старость любилъ выпить. Бабинька это подмѣтила и подъ конецъ прогнала его. Онъ прожилъ всего года два и на Борисѣ отразилось вліяніе его общества, его кроткаго, примирительнаго ума и какого-то дѣтскаго юмора. У мальчика сгладилась сосредоточенность; всѣ приемы его сдѣлались мягче и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдержаннѣе. По внѣшности онъ былъ даже слишкомъ безукоризненъ...

А жизнь, съ каждымъ днемъ задавала ему все новые вопросы. Молодой Телепневъ ясно видѣлъ, что все существованіе отца было чѣмъ-то разбито. И какъ ни старался онъ вызвать его на откровенность, узнать его душевную повѣсть—отецъ точно убѣгалъ отъ него. Онъ былъ нѣженъ съ Борисомъ въ инныя минуты; но мальчикъ никогда не слыхалъ отъ отца никакого прямого слова, совѣта, внушенія; онъ какъ-бы боялся завязать съ сыномъ настоящую, кровную связь. И съ каждымъ днемъ онъ становился скучнѣе, подавленнѣе; здоровье его быстро портилось; онъ уже почти не выходилъ изъ спальни, и дѣлался равнодушнѣе ко всему. Его подчиненіе матери переходило въ какую-то апатическую привычку.

И вотъ случилось обстоятельство, которое освѣтило для Бориса маленькій уголокъ семейной драмы.

Борисъ зналъ, что у него есть дядя, меньшой братъ отца; онъ никогда не жилъ въ семействѣ; о немъ никогда не говорили. Какая-то тайна была связана съ этою личностью,

Борисъ могъ узнать только, что бабинька не любила меньшого сына; что онъ всегда поступалъ противъ ея воли, пропадалъ куда-то изъ Россіи на нѣсколько лѣтъ, и былъ человѣкъ вообще странный. Помнилъ Борисъ, что когда ему было лѣтъ пять, дядя пріѣзжалъ домой. Онъ носилъ тогда большую черную бороду, былъ блѣденъ и высокъ ростомъ. Его онъ очень обласкалъ и все держалъ у себя на колѣняхъ. Борису помнилось также, что въ эти дни мать его совсѣмъ заперлась въ своей комнатѣ и почти не видалась съ дядей.

Потомъ дядя какъ въ воду канулъ.

Вскорѣ послѣ изгнанія бѣднаго Карла Ивановича отецъ Бориса вдругъ уѣхалъ въ Москву. Бабинька страшно чѣмъ-то волновалась, и внучкамъ не было отъ нея прохода. Отецъ вернулся изъ Москвы не одинъ, а съ дядей. Бориса поразила личность этого человѣка. Онъ былъ все такой же блѣдный, какъ и тогда, когда мальчикъ увидѣлъ его въ первый разъ, но печать неестественной старости лежала на лицѣ его. Что-то такое же нервное, болѣзненное виднѣлось въ немъ, какъ и въ отцѣ Бориса. Дядя прожилъ въ домѣ всего три дня. Отецъ и бабинька запирались съ нимъ въ кабинетъ, и что между ними было—неизвѣстно. Отецъ долго не ложился спать и все говорилъ съ братомъ, бабинька металась, какъ летучая мышь, по всѣмъ угламъ. Вечеромъ третьяго дня слышенъ былъ въ кабинетѣ крупный разговоръ, и визгливый голосъ бабиньки пронзительно прорывался въ общемъ гулѣ. Потомъ въ домѣ засуетились: съ бабинькой сдѣлалось дурно. Ее отвели въ спальню; дядя бросился изъ кабинета, блѣдный; отецъ сперва побѣждалъ къ матери, а потомъ они оба заперлись опять въ кабинетъ. Утромъ, на другой день, чѣмъ-свѣтъ, дядя уѣхалъ.

И еще мрачнѣе, тоскливѣе, невыносимѣе стало въ домѣ.

Отецъ Бориса ходилъ какъ тѣнь, онъ его видѣлъ только за обѣдомъ. Послѣ обѣда отецъ ложился спать, потомъ

съ часъ кашлялъ, и на весь вечеръ отправлялся въ клубъ. Черезъ полгода отецъ Бориса ѣздилъ еще разъ въ Москву, и, вернувшись, слегъ въ постель... онъ не вставалъ съ нея цѣлый годъ. Послѣднимъ ударомъ для него была внезапной смерти брата. Бабинька похныкала одинъ день— и зашипѣла попрежнему. Между нею и сыномъ вспыхнуло что-то. Онъ умолялъ ее о чемъ-то нѣсколько дней — и замолкъ. Страданія сердца и печени окончательно сломали его.

Начался послѣдній періодъ скорбной жизни дикаго дома.

Борисъ не отходилъ отъ отца; тотъ сбросилъ, наконецъ, свое безмолвіе. Борисъ узналъ, что дядя пріѣзжалъ просить позволенія жениться: выслушалъ проклятіе старухи и женился тайкомъ. Но многого не досказывалъ отецъ. Борисъ видѣлъ, какъ онъ таетъ съ каждымъ днемъ, и съ каждымъ днемъ строже и безвыходнѣ поднимался передъ нимъ вопросъ: „что же будетъ послѣ смерти отца?“ Онъ понималъ, что со смертью отца все перейдетъ въ руки бабиньки. О состояніи онъ не думалъ; онъ думалъ только о Машѣ. Какъ онъ вырветъ у бабиньки свою сестренку, какъ отдалить онъ отъ кровати умирающаго этихъ скверныхъ, сухихъ людей, этого сѣраго доктора, повѣреннаго всѣхъ тайнъ бабиньки?

Послѣдній годъ развилъ его больше десяти лѣтъ. Онъ смотрѣлъ на дѣйствительность такъ трезво и строго, что даже испугался. Онъ точно самъ собирался умирать. Точно съ жизнью отца уходила и его жизнь. А между тѣмъ, сознаніе говорило ему, что на себя только и была надежда.

V

— Кушать угодно?—проговорилъ, жиденькимъ голосомъ, заспанный лакей въ синемъ фракѣ, показавшись въ дверяхъ залы.

Борисъ вздрогнулъ.

— Который часъ?—спросилъ онъ.

— Одинадцать часовъ—двѣнадцатый.

Онъ и не замѣтилъ, какъ пробѣжали четыре часа.

„Неужели я это все ходилъ по залѣ?“ спросилъ онъ себя мысленно; и, обращаясь къ лакею, сказалъ громко:

— Я не хочу ужинать. Доложи Пелагеѣ Сергѣевнѣ, что я пошолъ спать.

— Слушаю-съ,—проговорилъ лакей и скрылся.

Борисъ никогда не ужиналъ съ бабинькой, и каждый разъ она посылала напоминать ему объ ужинѣ. Онъ избѣгалъ встрѣчъ съ нею, зная, что добромъ ни одна не кончится... Въ залѣ сдѣлалось еще темнѣе: лампа погасала. Пахло копотью, и дрожь пробѣжала по всему тѣлу Бориса. Онъ окинулъ взглядомъ сумрачную залу, и потупя голову, вышелъ въ корридоръ... Въ бильярдной не было уже свѣта, только въ углу на столикѣ мерцалъ огонекъ маленькой лампы, поставленной на тарелку. На кругломъ диванѣ спалъ камердинеръ и солидно храпѣлъ. Только что Борисъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ—въ углу, у столика, что-то такое зашевелилось. Женская фигурка, которая порывалась поцѣловать его въ плечико, вскочила и подбѣжала.

— Почиваетъ-съ,—прошептала она, показывая на дверь спальни.

Борисъ приблизился на ципочкахъ къ двери и сталъ слушать.

Раздавалось рѣдкое, но довольно громкое дыханіе больного.

— Я не сплю-съ,—прошептала маленькая женщина, и когда Борисъ подставилъ голову къ двери, она еще разъ попыталась поцѣловать его въ плечико.

Эта женщина была наперсница бабиньки, разливательница чая и собирательница всѣхъ сплетенъ и тайнствъ дворни. Борисъ зналъ ея качества, и ему противно было, что ее приставили сидѣлкой къ отцу, который точно такъ же не могъ ее терпѣть.

Подымаясь по лѣстницѣ онъ вспомнилъ о Машѣ.

— Она спитъ,—говорилъ онъ себѣ;—а я и не сходилъ съ ней проститься. Она, чай, ждала меня не дождалась.

И только что онъ поднялся на площадку, его кто-то окликнулъ:

— Маша, ты не спишь,—проговорилъ онъ, протягивая руки въ темнотѣ...

Дѣвочка бросилась къ нему.

— Ты, Боря, не говори,—шептала она, — пойдѣмъ къ тебѣ въ комнату... Я вѣдь тихонько ушла.

— Откуда... какъ ушла?.. И съ этими словами Телепневъ вошелъ въ свою темную комнату и зажегъ свѣчку.

Сестренка его прикрывалась чьей-то мантилей. На голыя ножки надѣты были старенькіе козловые башмаки... Локонны растрепались. Вся фигура ребенка полна была какой-то независимой граціи.

— Я думала Боря,—проговорила дѣвочка,—что ты уѣхалъ куда... я ждала-ждала тебя.. Меня толстая укладывала спать; а я не шла... внизъ-то она меня не пускала... Папа, говорить, заснулъ, вамъ, говорить, нечего тамъ дѣлать.—Ты гдѣ же былъ?

— По залѣ все ходилъ, голубчикъ...

— Вонъ ты какой скучный. Ужъ ты не боленъ ли? — Ребенокъ произнесъ эти слова серьезно, точно съ материнской заботой.

— Нѣтъ, Машенька, съ чего ты взяла, голубчикъ... И онъ принялся ласкать ее.

— А папа-то вѣдь умретъ; — вдругъ сказала дѣвочка, надорваннымъ голосомъ.

— Что ты, Маша, Господь съ тобой.

— Я вижу... что намъ тогда дѣлать, Боря?

— Папа выздоровѣетъ... Прощай сестренка, тебя хватятся.

— Хватится толстая... да все равно. — И дѣвочка еще разъ разцѣловала брата. Уходя, она сложила руки и грустно произнесла:

— Боря!....

— Что голубчикъ?

— Я еще разъ помолюсь объ томъ, чтобъ папа не такъ кашлялъ... и остался бы жить съ нами.. Ну, прощай... И Маша задумчиво вышла изъ комнаты.

Борису стало еще больнѣе, чѣмъ было въ залѣ.

Онъ подошелъ къ столу и выбралъ одну изъ учебныхъ книгъ,—это былъ Смарагдовъ,—потомъ сталъ раздѣваться.

За перегородкой, въ ящикѣ, спала Мироновна и проснулась въ эту минуту.

Старушка вышла и начала опять шуриться

— Зачѣмъ ты встаешь? спала бы себѣ, — проговорилъ Борисъ.

— А коли не нужно, такъ я и опять залягусь,—отвѣтила старушка соннымъ и добродушнѣйшимъ голосомъ.

Мироновна няньчила Бориса, и послѣ смерти его матери не оставляла своего питомца, прислуживала ему, и жила въ его комнатѣ. Бабинька не допустила ее къ Машѣ, и Мироновна только урывками видѣла барышню, и долго не могла помириться съ тѣмъ, что не привелось ей вынянчить сестру Бориса, котораго она любила безъ памяти. Старушка эта владѣла очень ровнымъ характеромъ. Она переживала свои испытанія такъ же, какъ французъ, Карлъ Ивановичъ; и никто не слыхалъ, чтобъ она хныкала, или на что-нибудь жаловалась. Юморъ никогда не оставлялъ ее; но она все видѣла все понимала, и Борисъ зналъ сколько теплоты и правды таилось въ его комической нянѣ. Онъ отводилъ съ ней душу въ самыя грустныя минуты; и всегда выносилъ изъ столкновений съ ея натурой какое-то свѣжее, здоровое чувство. Но тратить попусту слова старушка не любила.

Въ бильярдной часы пробили половину двѣнадцатаго, Борисъ легъ въ кровать, и довольно долго еще читалъ Смарагова. Читалось плохо. Ему хотѣлось обнять свою Машу, и заснуть подъ ея дѣтскую молитву.

Въ домѣ была мертвая тишина. Только бабинька, у себя, въ такъ называемой диванной, нашоптывала что-то на сонъ грядущій и, поворачиваясь съ боку на бокъ, крестила костлявыми пальцами всѣ углы комнаты.

Зала еще освѣщалась мерцаньемъ лампы. Служители забыли снять ее, и она умирала, шипя и охая.

И еслибъ кто нибудь зашелъ въ этотъ большой дикій домъ, его бы обдало какой-то особенной атмосферой затхла-

го, стараго, стоячаго... И проходя рядъ высокихъ комнатъ, поднимаясь по лѣстницамъ, заглядывая въ коморки и закоулки, онъ спросилъ бы, можетъ быть: куда же ушла отсюда жизнь, что видѣли эти стѣны, говорятъ-ли онѣ что-нибудь... Есть-ли для нихъ будущность или онѣ обречены на вѣчный сонъ?..

И въ отвѣтъ слышался бы изъ передней тяжелый безконечный храпъ.

VI.

Что же говорили эти стѣны, эти комнаты, коморки и переходы?

Они рассказывали все ту-же повѣсть, обыденную, длинную, несвязную, ту самую, что и вы, и я, и десятки людей заучиваемъ нехотя и повторяемъ поневолѣ.

Въ передней ничто не измѣнилось съ незапамятныхъ временъ. Масляная краска изображала тотъ же мраморъ; лари были тѣ же, какъ ихъ сколотили во дни постройки дикаго дома; висѣло въ простѣнкѣ то же сумрачное зеркальцо, стоялъ все тотъ же красный столъ съ безчисленными нарѣзками — плодомъ досуговъ многочисленной лакейской братіи. Въ этой передней десятки лѣтъ не умирали громкіе разговоры и звучное общее храпѣніе. Сколько разъ, Борисъ, послѣ вечернихъ уроковъ, когда во всемъ домѣ наступала мертвая тишина, слушалъ изъ залы гулъ и храпъ лакейской, съ желаніемъ прервать его и спросить себѣ у буфетчика стаканъ квасу и ломоть чорнаго хлѣба—свое любимое кушанье. И мальчикъ удерживался. Онъ зналъ, что буфетчикъ съ хмурымъ и кислымъ видомъ посмотритъ на барченка, и отвѣтитъ *сейчасъ* такимъ тономъ, что не въ охоту будетъ приниматься за свой любимой квасъ и чорный хлѣбъ.

Были въ этой передней свои законы, нравы и привычки

Поутру всѣ сидѣли съ ногами на ларяхъ, спала одна треть. Дворецкій Родивонъ читалъ у окна псалтирь; обучившіеся портному и сапожному ремеслу открывали свои мастерскія, не стѣсняясь прїѣздомъ гостей. Благородные дилеттанты предавались игрѣ въ шашки и куренію *самкроше* и *лучшаго вакшитафи*. Послѣ обѣда спали двѣ трети, остальные расходились: кто въ музыкантскую, кто въ кухню; оставался какой-нибудь мечтатель, и прислонясь къ горячей печкѣ, грѣлъ свои ладони и мурлыкалъ что-нибудь подъ носъ. Вечеромъ бесѣда оживлялась, являлись музыкальные инструменты, гармоніи, бандуры, мордовскіе гусли, рассказывались анекдоты, и потомъ вдругъ все смолкало. Всѣ три трети погружались въ истинно-лакейскій сонъ. На столѣ нагараля девятириковая свѣча—*монастырка*, какъ называли ее острияки передней,—и красный свѣтъ ея утопалъ въ густомъ, спертomъ воздухѣ, въ которомъ было все, кромѣ кислорода.

«Зачѣмъ столько дворни? спрашивалъ себя не разъ *барченко*. — Откуда въ ней это тупое недовольство, почему неловко проходить черезъ эту переднюю?...»

Когда ему случалось провожать своего нѣмецкаго учителя, или учителя музыки, онъ видѣлъ, что никто изъ служителей не поднимался съ мѣста. никто и не думалъ подать *нѣмцу* скромную шинель.

И что-то досадное рождалось на сердцѣ мальчика.

А *Передняя* продолжала жить своею жизнью, и весь домъ состоялъ при ней, былъ безъ нея невысказанно: но она не отнимала у залы ея обстановки, ея жизни и воспоминаній.

Большая желтая зала смотрѣла утрюмъ. Въ задней стѣнѣ были хоры. Они казались, въ сумеркахъ, какой-то бездонной пропастью.

Сухо и жестко глядѣли эти желтые стулья и ломберные столы, разставленные въ застывшей симметріи. И цвѣты на окнахъ и растенія въ горшкахъ—все было тускло, и ненарядно. Смѣшно даже было смотрѣть на эту зелень.

«Зачѣмъ она тутъ? Неужели для украшенія, спрашивалъ себя мальчикъ, ходя взадъ и впередъ по залѣ, въ долгіе зимніе вечера. — Неужели въ этой залѣ бывало весело?»

А мы знаемъ, что тутъ гремѣла когда-то доморожденная

музыка, на стѣнахъ горѣли, въ жестяныхъ бра, сальныя свѣчи, и, подъ мазурку Хлопицкаго, бренчали шпоры и разсѣкался воздухъ скачущими парами.

Буфетчикъ Алешка, пресытившись звуками, предавался сладкому сну въ объятяхъ контробаса, и мазурка шла себѣ безъ басовыхъ нотъ.

Да то-ли еще бывало!.. Оркестръ въ полномъ сборѣ. Собираются играть *концертъ*, какъ говорятъ старые дворовые музыканты. Начали. Затрубили волторны, заработали скрипки, флейта, какъ водится, зафальшивила, все идетъ прекрасно.

Вдругъ капельмейстеръ, Карпъ Ѳеодорычъ, останавливаетъ разыгравшійся хоръ и обращается съ удивленнымъ, но кроткимъ видомъ къ дворецкому, играющему съ большою важною на кларнетѣ.

— Родивонъ Ивановичъ, вѣдь вы что-то не то играете,—говоритъ Карпъ Ѳеодорычъ, указывая съ нѣкоторой нерѣшительностью на ноты, лежащія предъ Родивономъ Ивановичемъ.

— Нѣтъ-съ, я то играю,—отвѣчаетъ дворецкій съ глубокимъ сознаніемъ своего музыкальнаго достоинства.

— Да вы что же играете-съ,—позволяетъ себѣ спросить Карпъ Ѳеодорычъ.

— Я изъ Калифа Багдадскаго.

— А вѣдь мы изъ Двухъ Слѣпцовъ.

Волторнистъ Ѳедька фыркаетъ, по необузданности своего характера, Родивонъ Ивановичъ сердится и объявляетъ, что у него и нотъ нѣтъ изъ Двухъ Слѣпцовъ. Играютъ Калифа Багдадскаго.

Все это было; но оно не оставило залѣ ничего кромѣ пустоты, пыли и мертвой тишины. И только старое, добродушное фортепьяно съ отдѣлкой изъ корельской березы, сокращало долгіе часы, тянувшіеся въ этой жолтой, бесполезной комнатѣ. Къ нему присаживался мальчикъ, и бралъ тихіе аккорды, и, не зная нотъ, наигрывалъ какія-то мелодіи. неизвѣстно когда и гдѣ имъ подслушанныя.

Два раза жолтая зала освѣщалась погребальнымъ свѣтомъ восковыхъ свѣчъ.

Посреди ея стоялъ столъ, на столѣ—гробъ, и дѣдушка, въ павловскомъ мундирѣ выглядывалъ изъ него и точно улы-

бался. Маленькому Борѣ не страшно было смотрѣть на покойника. Онъ видѣлъ кругомъ тоскливыя, слезливо сморщенные лица дворовыхъ, старухъ и дѣвокъ, одѣтыхъ въ черныя каленкоровыя платья, съ бѣлыми платками на головахъ—и ему не хотѣлось плакать. Онъ съ любопытствомъ осматривалъ гробъ, и покровъ, и свѣчи, обвитыя флеромъ, и по нѣскольку разъ въ день подходилъ къ бархатной подушкѣ, на которой лежали очень красивые крестики... Въ залѣ было тогда такъ холодно, чѣмъ-то курили; въ форточки врывался рѣзкій мартовскій воздухъ; дверь въ переднюю безпрестанно отворялась, и къ гробу подходили разные гости, молодыя барыни, старушки, всякіе господа, толстые и худые. Одни, перекрестившись и сдѣлавъ земной полконъ, прикладывались къ дѣдушкѣ и, постоявъ нѣсколько минутъ, уходили; другіе заговаривали съ прислугой и оставались по-получасу.

Близкіе знакомые отправлялись въ диванную, къ бабушкѣ. Она не показывалась въ залу и мальчику было очень весело и покойно.

Въ залѣ красиво горѣли высокія свѣчи; темные углы рѣзко отдѣлялись отъ середины комнаты, гдѣ гробъ подымался высоко надъ головой Бори, и онъ все смотрѣлъ на отблески парчи, прислушивался къ треску свѣтиленъ и къ глухому чтенію дьячка.

Потомъ, на третій день, въ залу набралось много народу; зажгли много свѣчей и желтыхъ и зеленыхъ; вокругъ гроба стали священники, закалили и запѣли... Зала оживилась, точно она справляла свой послѣдній пиръ.

Это было, въ самомъ-дѣлѣ, послѣднее многолюдное собраніе.

Но еще разъ горѣли въ ней восковыя свѣчи, еще разъ стоялъ гробъ и врывался холодный воздухъ въ откѣтыя форточки. Въ гробу лежала мать Бориса. Въ залѣ не было такъ празднично, какъ на похоронахъ дѣдушки. Мальчикъ стоялъ въ углу, въ темномъ углу, и то принимался плакать, то смотрѣлъ неподвижно на бѣлую подушку, гдѣ покоилась голова покойницы. И въ залѣ была только его Мироновна и дьячокъ, читавшій такъ же глухо, какъ и у гроба розоваго дѣдушки.

Мало собралось гостей на вынось, не было и частного пристава, распорядившагося на похоронахъ дѣдушки.

И зала зажила своей тоскливой жизнью. Она служила только для прохода челядинцевъ изъ передней въ корридоръ. Но Борисъ привыкъ ходить въ ней по вечерамъ, и съ этой залой, съ грустнымъ фортепьяно, съ темными хорами, съ одинокой тусклой лампой — связанъ былъ весь міръ его дѣтскихъ, отроческихъ и юношескихъ думъ.

По отдѣлкѣ, зала была ровесница гостиной. куда, въ послѣдніе годы никто уже больше не проникалъ. Гостиная сохранилась въ чистотѣ стараго стиля. Въ ней жила та неподвижность, та неуютность и церемонность, какую дышать только старыя пріемныя комнаты. Потолокъ былъ расписанъ фруктами и какими-то стрѣлами, неизвѣстно откуда и куда летящими. Синяя картонная люстра, изображавшая лодку съ головой филина, была вмѣстилищемъ пыли и давно уже потеряла всякій смыслъ въ этой комнатѣ, вѣчно темной и покинутой. Гостиная потеряла свой первоначальный лазуревый цвѣтъ и казалась вымазанной чернилами. Двѣ большія печки, съ лежаночками, сдавливали заднюю стѣну; на лежанкахъ, покрытыхъ листьями жести, стояли два бѣлые, запыленные бюста какихъ-то царственныхъ особъ. Обширный диванъ, покрытый голубымъ штофомъ, занималъ заднюю стѣну почти сполна такъ-что только по угламъ оставалось мѣсто для двухъ лампъ на высокихъ деревянныхъ палкахъ. На стѣнѣ висѣлъ портретъ генерала съ суровымъ лѣцомъ, обращеннымъ вбокъ. Грудь этого генерала выпячивалась и руки были растопырены кренделемъ.

На двухъ боковыхъ стѣнахъ красовались масляныя картины, въ бурыхъ, позолоченныхъ рамахъ. На одной изъ картинъ изображалось гаданье: какая-то древняя старушка, въ высокомъ, бѣломъ чепцѣ, раскладывала карты на столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, и посматривала на двухъ красавицъ, въ сарафанахъ, чрезвычайно высокихъ и худыхъ. Неизвѣстно изъ какого сословія были эти красавицы: обѣ онѣ стояли подперевъ ладонью лѣвой руки голову, покрытую высокимъ кокошникомъ; на одной былъ голубой, на другой красный сарафанъ. Изъ дверей выглядывала фигура слугите-

ля съ взъерошеннымъ хохломъ, въ жолтомъ фракѣ, красномъ жилетѣ и зеленыхъ короткихъ панталонахъ. Служитель какъ-то подмигивалъ однимъ глазомъ и улыбаясь, смотрѣлъ также на бѣлолицыхъ красавицъ въ сарафанахъ.

А возлѣ гаданья висѣла картина съ болѣе понятнымъ содержаніемъ: ратникъ отправлялся на войну, старикъ отецъ благословлялъ его образомъ. Кругомъ стоятъ домашніе; мать, въ какомъ-то библейскомъ одѣяніи, жена, въ аломъ сарафанѣ и весьма театральной повязкѣ, пригорюнившись, и много ребятнишекъ босикомъ. Надъ группой возвышалась фигура солдата, въ высочайшемъ киверѣ съ краснымъ султаномъ. Солдатъ былъ нарисованъ самъ-по-себѣ; онъ ни на кого не смотрѣлъ и ни въ чемъ, казалось, не принималъ никакого участія. Ратникъ, въ походной аммуниціи нагнулся, точно хотѣлъ что-то поднять, а отецъ, въ бѣлой рубашкѣ, простиралъ руки не надъ нимъ, а совсѣмъ въ другую сторону. Всѣ это происходило неизвѣстно гдѣ: въ избѣ, или на полѣ, потому-что фонъ картины былъ неопредѣленно-сѣраго цвѣта, и вся она занята была фигурами. Только въ правомъ нижнемъ углу торчала откуда-то вѣточка. А на противоположной стѣнѣ, посреднѣ, висѣла большая, очень темная картина съ загадочнымъ содержаніемъ. Не-то на балконѣ, не-то въ галерей сидѣли два господина, въ мантильяхъ, съ горностаевой опушкой; лица у нихъ были жолтыя, точно лимонъ, волосы черныя; одинъ сидѣлъ слѣва, обращаясь глазами къ двери въ залу, другой глядѣлъ на него впрофиль; въ рукахъ держалъ свертокъ, а за ухомъ у него заткнуто было перо. На столѣ передъ нимъ — чернильница стариннаго фасона и большой исписанный листъ. Въ дверь выглядывалъ третій господинъ, совсѣмъ закоптѣлый, въ плоской черной шапкѣ, съ черной бородой. Въ глубинѣ виднѣнъ жолтый горизонтъ съ жиденькими деревцами. Картина должна была изображать какихъ-нибудь итальянскихъ средневѣковыхъ мужей; но больше она ничего не поясняла. По бокамъ ея висѣли два вида, тоже весьма закоптѣлые. На одномъ слѣва вправо тянулась совсѣмъ черная полоса, наподобіе крокодила, а въ сущности это были, кустарники; они окаймляли дорогу, спускавшуюся

съ горы. На другой картинѣ видѣнъ былъ такой же крокодилъ, только ужъ справа влѣво.

Въ гостиной стояли три дивана и передъ среднимъ — большой овальный столъ; въ простѣнкахъ два длинныхъ зеркала съ полукружіями, на которыхъ были мифологическія изображенія Діаны и бога солнца. Окна драпировались бѣлыми занавѣсками, съ красной бахромой. Поверхъ гардинъ привѣшены были круглые щиты изъ красной шерстяной матеріи, съ большими буфами посерединѣ. Среднее окно было вмѣстѣ и дверью на балконъ. Въ отличіе отъ другихъ оконъ, оно украшалось золотымъ полумѣсяцемъ, у котораго рога торчали вверхъ. Двери — высокія, пожелтѣвшія, съ рѣзьбой — уныло смотрѣли одна на другую и вѣчно были притворены.

И такъ стояла эта большая парадная комната; она точно застыла, по приказанію чародѣя, чтобъ повѣдать дальнему потомству о томъ, на какую жесткую мебель садились дѣдушки и бабушки, и какія странныя картины вѣшали они на стѣны.

Откуда зашли эти картины?.. Кажется, никто въ домѣ не зналъ про то. Сколько разъ Боря останавливался передъ ними и спрашивалъ себя: „кто эти кормилицы, и какая это старуха? ужъ не бабинька ли?“ и ему очень хотѣлось знать о чемъ она гадаетъ. Лицо старухи ему не нравилось, и онъ бы не пошелъ гадать о своей судьбѣ. Когда ему, бывало, взгрустнется, онъ начнетъ смотрѣть на картину разставанья, и думаетъ о томъ: лучше-ли идти на войну, гдѣ убьютъ, или оставаться въ этой скучной гостиной? И часто ему хотѣлось уйдти съ этимъ ратникомъ, захватить съ собой высокаго солдата и одного изъ босоногихъ ребятишекъ, бѣлокурого мальчика, который ему почему-то очень нравился. Средневѣковые итальянцы приводили его въ смущеніе: они смотрѣли такъ сумрачно и коварно, что мальчикъ только украдкой взглядывалъ на нихъ, и никакъ не могъ понять, зачѣмъ нарисовали такихъ темножелтыхъ людей и зачѣмъ ихъ держатъ въ гостиной...

Гостиная и сама бы не отвѣтила на этотъ вопросъ; она сама не знала, чтò ей дѣлать съ собой, съ своими диванами и зеркалами, бюстами и средневѣковыми итальянцами. Было

и у ней время, но оно давно прошло. Тогда на среднемъ диванѣ возсѣдала бабинька въ высокомъ чепцѣ съ оранжевыми лентами, въ гродестуровомъ платьѣ. Дѣдушка переходилъ съ мѣста на мѣсто, встрѣчалъ и провожалъ гостей. Гости, одинъ за другимъ, появлялись въ гостиной; дамы садились на диванъ; мужчины подходили къ ручкѣ бабиньки. И случалось это четыре раза въ годъ: въ именины и рожденіе бабиньки и дѣдиньки. Тогда снимали чахлы съ мебели, мыли занавѣски, стирали пыль съ итальянцевъ, гадалыщицы и съ картины разставанья. Виды съ подобіемъ крокодиловъ никогда не удостоивались такой чести, и оставались вѣчно въ пыли. А вечеромъ въ эти дни и въ другіе, когда въ залѣ хлопали каблуками подъ звуки доморощенного оркестра, передъ диванами ставили ломберные столы, зажигали синюю люстру, и филинъ смотрѣлъ празднично на игравшихъ въ вистъ и бостонъ. Итальянцы тоже охорашивались на картинѣ, а генералъ еще сильнѣе выпячивалъ грудь впередъ, и еще круче выворачивалъ руки фертомъ.

Въ послѣднее время гостиная еще болѣе замерла, чѣмъ зала; черезъ нее никто не проходилъ; только два-три раза въ годъ бабинька принимала какую-нибудь старуху, пріѣзжавшую отдать ей визитъ. по старой памяти.

Иногда маленькій Боря отворялъ большую дверь въ гостиную и находилъ тамъ свою мать... Она ходила взадъ и впередъ, скрестивъ руки на груди, и не замѣчала мальчика. Боря постоять бывало, нѣсколько минутъ и тихонько выскользнетъ опять въ залу.

А по смерти матери, отецъ Бориса, въ долгіе зимніе вечера, когда оставался дома, по нѣскольку часовъ ходилъ изъ залы въ темную гостиную; случалось, что бабинька запрется съ нимъ туда; онъ выйдетъ встревоженный и уѣдетъ на цѣлый день изъ дома.

Но лучшими минутами жосткой, холодной гостиной были тѣ, когда Борисъ взявъ сестренку свою на руки, входилъ туда тихонько и, прислушиваясь, что дѣлается у бабиньки, въ темнотѣ садился въ уголъ дивана, и оба молчали, и обоимъ хотѣлось просидѣть тутъ всю ночь, чтобъ никто не зналъ, гдѣ они и не хватились ихъ къ ужину...

Вотъ что было въ парадныхъ комнатахъ. Пойдемте въ жилия.

Сперва въ диванную, гдѣ сорокъ лѣтъ живетъ бабинька. Комната выкрашена зеленой краской, съ перегородкой, обтянутой зеленымъ каленкоромъ, съ длинными красными стрѣлами.

За ней помѣщается кровать бабиньки и кіотъ.

Въ диванной стоитъ какая-то особая атмосфера. пахнетъ и травами, и уксусомъ, и пылью.. Только старыя комнаты и старые люди окружены такимъ воздухомъ. Все зелено въ диванной—и занавѣски, и обойка мебели, и лицо бабиньки. особенно при свѣтѣ двухъ сальныхъ свѣчъ въ высокихъ шандалахъ, которые ставятся на круглый столъ, оклеенный по срединѣ зеленымъ же сукномъ. Здѣсь тянется все одна и та же жизнь. Бабинька встаетъ рано, одѣвается скоро и тотчасъ послѣ чаю начинаетъ двигаться, распекать, бѣгать по всѣмъ угламъ, давать приказанія, все высматривать и ко всему прислушиваться. Послѣ обѣда она немножко успокоится, ляжетъ отдохнуть. Вечеромъ, къ чаю, сядетъ на диванъ и работаетъ. Тутъ является къ ней Амалия Христофоровна и съ подобострастнѣйшей миной выслушиваетъ ея ворчанье. Машу приводятъ и сажаютъ рисовать или читать. Борисъ, когда былъ помоложе, тоже проводилъ вечера въ диванной, посматривая искоса на бабиньку. Гувернеры его сидѣли въ углу и дремали. Старуха обыкновенно чѣмъ-нибудь раздражалась, и только ея голосъ слышался въ зеленой комнатѣ. Такъ проходило время до ужина. Накрывали круглый столъ, ужинали и расходились. Бабинька отправлялась за перегородку, но не засыпала до-тѣхъ-поръ, пока не пріѣдетъ отецъ Бориса, когда онъ живалъ въ городѣ.

Небольше было радости въ диванной, чѣмъ въ двухъ приемныхъ комнатахъ...

Изъ диванной дверь отворялась на темную площадку Крутая лѣстница вела наверхъ; направо была уборная, въ которой никто не убирался, а разливали чай; прямо—большая дѣвичья. Она имѣла видъ какого-то чулана, заставленного сундуками и лавками. Грязь, въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ, украшала это вмѣстилище обширной женской пря-

слуги. На лавкахъ и сундукахъ сидѣли старухи и пряли; кто моложе, вязалъ чулки; маленькія дѣвчонки торчали на полу, въ естественныхъ сандаляхъ. Жужжанье веретенъ смѣшивалось съ говоромъ и ворчаньемъ старухъ. Въ 12 часовъ ставился большой столъ, происходило хлѣбаніе щей и *tasking* изъ нихъ солонины. Въ сумерки многія изъ старухъ пили потихоньку чаёкъ на своихъ сундукахъ, а вечеромъ начинались опять пряжа и вязанье, при свѣтѣ точно такой же монастырки, какая горѣла въ передней...

Жизни человѣческой не достало бы, чтобъ разсказать все то, чтó говорилось въ этой дѣвичей: она была храмомъ очистительной критики, вмѣстѣлищемъ безконечныхъ толковъ и никогда неумиравшей вражды между владѣтельницами разнородныхъ сундуковъ, на которыхъ выпрялась въ сорокъ лѣтъ не одна сотня пудовъ пряжи.

Къ дѣвичей примыкали двѣ, такъ называемыя, *оу-чскіа*; въ нихъ жилъ отецъ Бориса до смерти дѣдушки. Эти дѣтскія стояли пустыми, но Борисъ помнилъ, что дядя его помѣщался тамъ же, когда прѣзжалъ домой.

Комнаты верхняго этажа были двухъ родовъ: однѣ въ мезонинѣ, другія въ антресоляхъ. Крутая лѣстница вела съ темной площадки въ рядъ каморокъ, гдѣ жили когда-то приживалки и воспитанницы бабушки, а потомъ помѣщались гувернеры, Амалія Христофоровна и тѣ изъ старухъ, которымъ не достало мѣста въ дѣвичей.

Всего замѣчательнѣе была одна изъ этихъ каморокъ; изъ нея ходили въ чуланъ, черезъ узкій, совсѣмъ темный корридорчикъ, имѣющій видъ стойла. Каморка раздѣлялась на двѣ половины: одна съ окномъ, обклееная газетами, продранными въ разныхъ мѣстахъ, представляла салонъ; другая, въ видѣ темной кануры, служила спальней и полна была такой грязи, которую не опишешь никакимъ перомъ. Въ этомъ помѣщеніи жила до самой смерти старая дѣвица Степанида Оедоровна — личность, о которой Борисъ вспоминалъ каждый разъ съ любовью, какъ проходилъ мимо бывшей ея каморки.

Степанида Оедоровна была любимая фрейлина прабабушки. Та отпустила ее на волю: съ-тѣхъ-поръ Степанида Оедоров-

на жила на особомъ положеніи, занимала свою каморку, и цѣлые дни читала. Страсть къ чтенію не давала ей ни минуты покоя. Она каждый вечеръ пробиралась внизъ и выпрашивала у камердинера барскихъ газетъ; а если такимъ путемъ не удавалось добыть ихъ, она похищала что можно. Не было въ домѣ ни одной русской книги, которая не побывала бы въ рукахъ Степаниды Ѳедоровны. Освѣщенія ей не полагалось, и она по всему дому собирала сальные огарки и наполняла ими чайникъ съ отбитымъ горлышкомъ, который служилъ ей лампой. Собираніе кофейной гущи и табачныхъ окурковъ входило также въ ея специальность. Гущу она подваривала и пила, окурками набивала маленькую трубочку и курила.

Борись, мальчикомъ, часто забѣгалъ къ ней въ каморку, толковалъ съ ней объ Иванѣ Грозномъ и Наполеонѣ, просилъ иногда потихоньку затянуться. и Степанида Ѳедоровна никогда ему не отказывала, угощала даже медкомъ, который доставала изъ грязнѣйшаго шкалика. И много книжекъ перечиталъ онъ, подстрекаемый разказами Степаниды Ѳедоровны. Вся ея личность составляла что-то отдѣльное отъ общаго строя жизни дикаго дома. До нея ничто не касалось, кромѣ газетъ, книгъ, календарей, вытверженныхъ ею наизусть, кофейной гущи и окурковъ жукова. И съ ея смертію, каморка стала обитаема одними мышами.

А выше антресолей, въ мезонинѣ, въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ мы уже были, протекло много тихой страдальческой жизни; тамъ умерла мать Бориса, тамъ же протянулось его дѣтство. Комнатки были уютнѣе и свѣтлѣе другихъ; въ нихъ было больше душевныхъ, хоть и тяжелыхъ образовъ.

Бильярдная и спальня при дѣдушкѣ носили на себѣ отбѣнокъ какой-то стариковской наивности. Спальня была тогда кабинетомъ, и дни приходили въ ней однообразнѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ комнатахъ. А со смерти дѣдушки кабинетъ сдѣлался тоскливой спальней, гдѣ въ послѣдніе годы непрерывно раздавался кашель больного Телепнева.

Только одна музыкантская за хорами не грустила и сохраняла свой первобытный юморъ, вмѣстѣ съ запахомъ, неистребимымъ вѣками. Тамъ покоились груды рукописныхъ нотъ,

старыя волторны и огромный трехструнный контрбасъ съ лвиной головой. Стѣны музыкантской рассказали-бы не одинъ комическій эпизодъ изъ быта доморощенныхъ артистовъ... И всѣ ея атрибуты, начиная съ ломаныхъ волторнъ, и кончая прорваннымъ турецкимъ барабаномъ, составляли одну горькую усмѣшку надъ жизнью дикаго дома. Заглянувъ въ эту музыкантскую, всякій бы сказалъ: какъ это смѣшно! но, выйдя оттуда, сознался бы, что безъ волторнъ и барабана не воскреснетъ повѣсть о той жизни, въ которой, вѣроятно былъ тоже свой смыслъ. Маленькій Борисъ забѣгалъ, бывало, въ музыкантскую, начиналъ дудѣть въ волторны и водить большимъ смычкомъ по контрбаснымъ струнамъ.

А волторны, контрбасъ и барабанъ точно говорили ему: „съ нами кончилось хорошее житье... мы перестали гудѣть, нечѣмъ уже скрасить ни жолчь, ни слезы, ни тоску, ни смерть...“

VII.

Утро. Въ передней сонъ еще царилъ надъ служителями. Буфетчикъ Митька, возставъ съ ложа своего, войлочнаго тюфяка, распростертаго въ залѣ, около фортепьяно, протиралъ глаза и позѣвывалъ. Въ бильярдной камердинеръ Яковъ похаживалъ около диванчика. Дверь въ спальню была притворена. У бабиньки все было въ движеніи. Она распекала столяра Прошку за какія-то провинности. Напересница стояла передъ ней и держала баулъ, для предстоящаго считанья денегъ.

Борисъ проснулся въ девятомъ часу. Мироновна подала ему чаю. Одѣвшись, онъ заглянулъ въ комнату сестры: Маша сидѣла за ширмами у кіота и держала книжку въ старенькомъ кожаномъ переплетѣ; это было евангеліе покойной матери.

— Хочешь почитать со мной, Боря? — спросила дѣвочка, поздоровавшись съ братомъ.

Борисъ сълъ подлѣ нея и прослушалъ главу, прочитанную Машей нетвердымъ, дѣтскимъ голосомъ.

Чтеніе было прервано Амаліей Христофоровной. Она увела дѣвочку къ себѣ на урокъ.

— Прощай, Боря, сегодня среда: ты, вѣдь, пораньше прѣдешь,—проговорила Маша,—Амалія Христофоровна, я пойду съ Борей поздороваться къ папѣ.

— Вы не пойдете. Я сейчасъ внизу была: папенька спитъ. Нѣмка увела Машу...

Камердинеръ Яковъ доложилъ барину, что папенька изволить еще почивать, а ночью просыпались и заснули только на разсвѣтѣ.

Не заходя къ бабинькѣ, Борисъ вышелъ прямо изъ бильярдной въ переднюю. Лакей съ жиденькимъ голосомъ подалъ ему шинель и выбѣжалъ на крыльцо.

Подѣхали опять тѣ же дрожки съ бѣлымъ кучеромъ и савраской.

День разгулялся. Осенней свѣжестью вѣяло въ лицо. Улица смотрѣла повеселѣе, чѣмъ наканунѣ. Борисъ, сидя на дрожкахъ, поглядывалъ вправо и влѣво на давно-знакомые ему дома. Вотъ уже седьмой годъ онъ каждый день отправлялся по одной и той же дорогѣ въ гимназію. Прежде его возили гувернеры: тогда ему бывало потѣшнѣ сидѣть на дрожкахъ и неловко держать подъ мышкой свою ученическую сумку. Много смѣнялось этихъ сумокъ. Сперва, до третьяго класса, ѣздилъ онъ съ красной сафьянной, домашняго издѣлія, съ ремнемъ черезъ плечо; она жестоко пострадала отъ перочинныхъ ножей и шалости первоклассниковъ. Ее замѣнилъ портфель большого размѣра, поддержанный и непріятный на видъ. Борисъ не любилъ его, потому-что онъ былъ найденъ бабинькой въ кладовой и подаренъ ему. Портфель, по счастью, прожилъ еще меньше красной сумки. Въ одинъ годъ онъ потерялъ всякій образъ и прорванъ былъ во всевозможныхъ мѣстахъ. Съ четвертаго класса Борисъ ѣздилъ съ очень красивымъ портфелемъ изъ коричневаго сафьяна, съ блестящимъ замкомъ и ключикомъ, на розовой тесемкѣ; его похитили въ *сборной* комнатѣ. До седьмаго класса перебивалось еще два портфеля: одинъ онъ подарилъ маленькому гимназисту,

а другой отдалъ Машѣ—класть тетрадки и прописи. Теперь онъ ѣхалъ безъ всякой сумки, съ книгой, въ которую заложена была тетрадь.

Борисъ зналъ по дорогѣ каждый домъ, каждое лицо, каждую водовозную лошадь. Длинная улица давно успѣла ему надоесть своимъ однообразіемъ, и нелѣпыя выѣски уже не смѣшили: дѣтское любопытство давно притупилось, а пробуждающаяся разумная наблюдательность была еще равнодушна къ этому насущному матеріалу.

Но площадь, гдѣ стояла гимназія, ему не прискучила. Онъ часто заглядывался на башни кремля, выходившаго туда одной изъ стѣнъ. Средину площади занимала старая пятиглавая церковь. Она придавала всему этому мѣсту что-то такое, выходящее изъ обыденной колесни губернской жизни. Какія-то воспоминанія будила она, и не одинъ гимназистикъ призадумывался, глядя на ея древнія украшенія. Большею свѣжестью и жизнью вѣяло отъ нихъ, чѣмъ отъ историческихъ учебниковъ, предназначенныхъ къ зубренію. И Борису часто представлялось народное вѣче тутъ, передъ пятиглавой церковью. Онъ инстинктомъ понималъ, какова была эта давно-протекшая жизнь. Ему хотѣлось знать, что стояло на мѣстѣ гимназіи: гостиный ли дворъ или какая-нибудь земская изба... „Тогда, вѣрно, не разъ думалъ онъ, подъѣзжая къ гимназіи, не было этой несносной мостовой и казенной пестрой будки, и жидкаго, запыленнаго бульвара около кремлевской стѣны.“

За церковью, вдали, виднѣлась набережная Волги, и высоко на горизонтѣ подымалась башня, гдѣ, говорятъ, въ подвалѣ хранились орудія пытки...

Гимназія—большое двухъ-этажное зданіе съ флюгеромъ на крышѣ—обставляла площадь справа, и вмѣстѣ съ почтовой конторой стояла у вѣзда въ улицу, ведущую къ острогу. Она была выкрашена дикой, сумрачной краской, и флюгеръ ея очень внушительно торчалъ въ небесномъ пространствѣ; онъ придавалъ зданію педантскій видъ, говоря проходящимъ и проѣзжающимъ о своемъ ученomъ значеніи. Отъ палки ко всѣмъ четыремъ сторонамъ шли желѣзные прутья, на концѣ которыхъ приѣланы были буквы: Ю. Е. С. З... Одинъ изъ учителей математики, отъявленный острякъ, переводилъ эти

буквы на понятный языкъ; „а это значить, говорилъ онъ, юношей велѣно съчъ зѣло“.

Прямо противъ церкви былъ большой подъѣздъ съ массивными фонарными столбами, выкрашенными подъ бронзу; онъ открывался только разъ въ годъ, въ день акта; боковой, ученическій выходилъ въ Острожную улицу. а директорскій, на противоположной сторонѣ, въ узкій переулокъ. Ученическій подъѣздъ очень загрязнился; ступеньки крыльца повалились; дверь полиняла, а замка давнымъ давно не было. Ветхій сторожъ, Кутузовъ, завѣдывалъ крыльцомъ и никогда не мѣлъ его. Жоны сторожей, учительскія кухарки, дѣвчонки и мальчишки всякаго рода—то-и-дѣло показывались въ дверяхъ; а по вечерамъ, въ хорошіе ясные дни, все крыльцо облѣплялось жителями кухонъ и *сторожевскихъ*, и шла долгая бесѣда; всѣ учительскія, инспекторскія и директорскія тайны выплывали на свѣтъ Божій, и часто разговоры разрѣшались пѣснями; при чемъ ветхій Кутузовъ и суровый старшой Суворовъ держали баса, а *унтеръ*, Куртинъ, служившій въ 12-мъ году въ егеряхъ, бралъ верхи высочайшей фистулой.

Съ крыльца налѣво шолъ темный сторожевскій корридоръ, оттуда каждаго входящаго гимназистика обдавало специфическимъ запахомъ, въ которомъ квашеная капуста спорила съ солдатской махоркой, атмосфера прачечной съ благовоніемъ избы.

Нижній корридоръ имѣлъ немалое значеніе въ школьной жизни,—это было вмѣстилище всего тайнаго и противозаконнаго. Случалось ли гимназистика убѣжать отъ урока — онъ спускался въ нижній корридоръ, и тамъ ходилъ въ темнотѣ, прислушиваясь къ тому, что дѣлается наверху. Вотъ, наконецъ, зазвонили: стукъ и голоса по лѣстницѣ; повалили изъ классовъ на дворъ; бѣглець смѣшивается въ толпѣ и входитъ въ классный корридоръ, какъ ни въ чемъ не бывало. Куреніе совершалось также въ глубинахъ нижняго корридора, тамъ же происходили схватки; а гимназисты, вступивъ въ юношескій возрастъ, искали въ учительскихъ кухняхъ и другихъ наслажденій. Какая-нибудь дѣвица, съ засученными локтями, неразъ увертывалась тамъ отъ юнаго питомца просвѣщенія...

VIII.

Борисъ прошолъ по среднему учительскому корридору и поднялся въ классы. Ему попались два мальчугана, отправлявшіеся на дворъ, вѣроятно, подраться до перваго звонка.

Только-что онъ отворилъ дверь въ классы, мимо него пролетѣлъ инспекторъ, выпятивъ животъ и ухвативъ двухъ мальчишекъ за вихры; онъ ихъ велъ и подталкивалъ впередъ. Борисъ отправился слѣдомъ за этой процессіей до шинельной комнаты, гдѣ инспекторъ поставилъ гимназистовъ въ разные углы, прикрикнувъ: „стоять столбомъ до звонка!“

Инспекторъ, рябой, съ широкимъ, какъ тарелка, лицомъ, былъ преисполненъ величайшаго самодовольства. Гимназисты звали его „Егоркой и вафлей“ и ни на волосъ не уважали. Онъ ко всему придирался, всѣмъ надоѣдалъ и не чуждъ былъ взятокъ.

Борисъ, снимая шинель, поклонился ему

— Здравствуйте,—проговорилъ многозначительно инспекторъ, вытягивая губы,—и точно вспомнивъ что-то, онъ подошолъ къ Борису очень близко и внушительно сказалъ ему:

— Я вами недоволенъ.

Телепневъ промолчалъ.

— Я вами недоволенъ!—повторилъ съ удареніемъ инспекторъ:— вы волнуете вашихъ товарищей.

— Чѣмъ же, Егоръ Пантелѣичъ?—спросилъ Телепневъ, улыбувшись.

— Чѣмъ, чѣмъ?... Это не ваше дѣло спрашивать, про то я знаю. Смотрите у меня... я не посмотрю на то, что вы въ геніи мѣтите... Если я что еще узнаю, доложу Іону Петровичу... Ступайте въ классъ.

Инспекторъ повернулся и пошолъ въ сборную, гдѣ сидѣли всѣ гимназисты до звонка. Тамъ онъ расхаживалъ и распекалъ за все, что случилось наканунѣ, а часто поднималъ и старое.

Телепневъ пошолъ прямо въ классъ. Семиклассникамъ дана была эта привилегія.

До звонка оставалось минутъ пять. Длинный корридоръ съ чугуннымъ поломъ смотрѣлъ сумрачно. Звонко раздавались по нему шаги входящихъ гимназистовъ. Сторожъ Куртинъ посматривалъ въ стеклянную дверь 7-го класса на большіе часы. Въ рукахъ у него былъ колокольчикъ.

Онъ отворилъ дверь Телепневу.

Почти весь 7 классъ былъ уже въ сборѣ. На первомъ мѣстѣ сидѣлъ Абласовъ и читалъ. Горшковъ расположился на столѣ съ ногами, спиной къ двери и, размахивая руками, рассказывалъ что-то собравшейся около него кучкѣ. Взадъ и впередъ по классу ходили человѣкъ пять съ книгами. Это были, такъ называемые, *зубрилы-мученики*.

— А Телепневъ!—закричалъ Горшковъ,—а я думалъ, ты не придешь сегодня.

Онъ перескочилъ черезъ *парту*, а за нимъ и остальные.

— Послушайте, братцы—заговорилъ Горшковъ.—время терять нечего, надо же сговориться... Абласовъ, да полно тебѣ зубрить, успеешь...

Всѣ собрались въ кружокъ около первой парты.

— Надо же рѣшить—что дѣлать.

— Горчицей каеэдру вымазать,—пропищалъ маленькій гимназистъ, становясь на скамейку.

Нѣкоторые разразились хохотомъ.

— Тс! Мечковскій, — кричали другіе не паясничать... Ну. Скворцовъ, что же ты хочешь дѣлать съ Коряковымъ?

Скворцовъ, здоровый, долговязый малый, стоялъ и довольно глупо смотрѣлъ на товарищей.

— Да я не знаю, господа,—проговорилъ онъ невнятнымъ, гнусавымъ голосомъ,—какъ вы.

Видно было, что онъ трусилъ.

— Да что жъ тутъ брендить-то,—обратился къ нему Горшковъ,—что жъ *мы*? мы особъ-статья, да обругалъ-то онъ тебя, вѣдь.

— Знаю, что меня,—повторилъ Скворцовъ.

— Такъ не паться же назадъ!—послышалось съ разныхъ

сторонѣ. Маленькій Мечковскій ударилъ его сверху по головѣ и пропищалъ: „огурецъ соленый!“

— Позвольте, господа... не дурачьтесь! дѣло дѣлать, такъ не школьничать,—вмѣшался Абласовъ.—Телепневъ, предложи, братецъ, что ты вчера говорилъ.

Что, что такое?—заговорили гимназисты.

Телепневъ очень весело взглянулъ на Сковцова.

— Тутъ Сковцова не нужно самого замѣшивать, господа,—проговорилъ онъ.—Обиженъ онъ одинъ—это правда, но заступиться нужно намъ всѣмъ. Какъ придетъ Коряковъ, кто-нибудь изъ насъ переговорить съ нимъ.

— Да, да!—закричало нѣсколько голосовъ,—пусть извинится.

— А кто будетъ говорить? — пропищалъ маленький Мечковскій.—Прильпне языкъ къ гортани, ха, ха!

— Кто жъ, въ-самомъ-дѣлѣ, подойдетъ?—спросилъ черно-волосый, плечистый гимназистъ.

— Да вотъ, Телепневъ,—сказалъ Абласовъ.

— Хорошо,—послышалось ото всѣхъ,—Телепневъ...

— А если Коряковъ заартачится?—вскричалъ Горшковъ.

— Тогда нужно къ директору, господа, — сказалъ Телепневъ. — Нужно же, въ-самомъ-дѣлѣ, показать ему, что у насъ дѣлается.

— Ему некогда, — вставилъ Мечковскій, — онъ бутылки съ наливкой на солнцѣ сушить, опытъ переливанія производить.

— Только, чуръ, дружно, господа! — началъ опять Горшковъ...

— Что это за сборище? На мѣста!

Всѣ обернулись. Посреди класса стоялъ инспекторъ, загнувъ большой палецъ.

— Собрание! вѣче! Объ чемъ это? Что затѣваете! — прокричалъ онъ, махая фуляровымъ платкомъ. И Телепневъ ужъ тутъ — ораторомъ, и Горшковъ — артистъ... виртуозъ. По мѣстамъ! Дебоширы!

Нѣкоторые изъ смѣльчаковъ фыркнули.

Инспекторъ хотѣлъ чѣмъ-то разразиться, но въ эту минуту Куртинъ произвелъ сильнѣйшій звонъ. Онъ удоволь-

ствовався гнѣвнымъ взглядомъ и прошолъ въ шестой классъ.

Когда звонокъ пересталъ, всѣ помаленьку разсѣлись по мѣстамъ.

— Такъ сейчасъ же говорить!—закричалъ еще разъ Горшковъ,

— Сейчасъ, сейчасъ!—отвѣтили всѣ.

Дверь изъ корридора отворилась.

IX.

— Читайте молитву — сказалъ вошедшій учитель, на онъ, и прямо взлѣзъ на каеэдру.

Учителю казалось лѣтъ двадцать-пять. Онъ точно проглотилъ аршинъ; ноги переставлялъ, какъ палки; головы не поворачивалъ и рукъ не поднималъ. Голова его помѣщалась между двумя высокими и туго накрахмаленными воротничками. Бѣлые волосы, зачесанные назадъ, веснушки и бурья пятна по всему лицу и желтые тупые глаза не давали ничего представительнаго фizioноміи преподавателя.

— Читайте молитву, — проговорилъ онъ еще разъ.

Всѣ обратились къ углу, гдѣ висѣлъ образъ.

Маленькій Мечковскій выскочилъ на средину класса и своимъ дѣтскимъ голосомъ *отзвонилъ* молитву. Только и можно было разобрать первыя два слова. „Преблагій Господи“, и послѣднія „и обществу всему на пользу“. На словъ *полюза* Мечковскій поднялся тономъ выше и, юркнувъ подъ столъ, сѣлъ на мѣсто.

Всѣ переглядывались и смотрѣли на первую парту. Горшковъ то и дѣло поворачивался. Телепневъ и Абласовъ сидѣли очень спокойно. Скворцовъ продолжалъ трусить.

— Подайте книгу! — произнесъ Коряковъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности.

Никто не двигался съ мѣста.

— Подайте книгу! — тѣмъ же голосомъ повторилъ Коряковъ, и однимъ глазомъ посмотрѣлъ на учениковъ.

Телепневъ всталъ и подошелъ къ каѳедрѣ. Учитель поднялъ голову и удивленно посмотрѣлъ на него. Въ классѣ точно струя какая пробѣжала по всѣмъ лавкамъ. Мечковскій уткнулъ носъ въ книгу. Скворцовъ покраснѣлъ и потупился.

— Харлампій Ивановичъ, — началъ Телепневъ, положивъ одну руку на верхъ каѳедры, — вы вчера позволили себѣ такъ обойтись съ Скворцовымъ, что мы предлагаемъ вамъ извиниться передъ нимъ.

— Чего-съ?—спросилъ Коряковъ и покраснѣлъ. — Извиниться? Да вамъ какое до этого дѣло? Ступайте на мѣсто!

— Я не отъ себя лично говорю: всѣ мои товарищи этого желаютъ.

— Чего-съ—повторилъ Коряковъ.—Какъ вы смѣете подходить ко мнѣ съ такими предложеніями?—все это онъ произнесъ вятскимъ, грубымъ выговоромъ и безстрастнѣйшимъ тономъ.

— Такъ вамъ неудобно извиниться?—спросилъ Телепневъ и быстро взглянулъ на него.

Корякова покорило.

— Вы его называли дуракомъ,—проговорилъ онъ.

— Олухомъ, скотомъ!—раздалось съ разныхъ лавокъ.

Коряковъ поднялся, придерживаясь за стулъ.

— Пошелъ на мѣсто! — отрѣзалъ онъ глухимъ голосомъ.

Борисъ отдернулъ руку отъ каѳедры и самъ покраснѣлъ.

— Господинъ Коряковъ, — заговорилъ онъ, и голосъ его дрожалъ,—ученикамъ 7-го класса не говорятъ *ты*. Если вы этого не знаете, вы можете спросить у директора... Господа!—обратился онъ къ товарищамъ, — господинъ Коряковъ не хочетъ извиняться передъ Скворцовымъ.

— Не хочетъ, не хочетъ! — закричалъ весь классъ и повскакалъ съ мѣстъ.

Коряковъ поблѣднѣлъ и началъ застегивать вицмундиръ на всѣ пуговицы.

Мигомъ каѳедра была окружена; впереди всѣхъ очутился Горшковъ.

— Вы обругали Скворцова!—закричалъ онъ.

— Обругали, обругали!—повторили остальные хоромъ.

— Мы директору пожалуемся. Вы не смѣте!—кричали гимназисты.

Коряковъ совсѣмъ растерялся.

— Извиняйтесь!—крикнулъ выше всѣхъ Горшковъ.

Скворцова не видно было въ кучѣ. Телепневъ переглянулся съ Абласовымъ.

— Господа!—заговорилъ онъ громко,—сядѣмте на мѣста. Мы сдѣлали, что нужно было... остальное послѣ класса. Голосъ его смѣшался въ общемъ гулѣ.

— Извиняйтесь! — кричали задніе, и визгливый голосокъ Мечковского былъ выше всѣхъ.

Коряковъ посмотрѣлъ на всѣхъ и вдругъ вскочилъ съ каедръ и бросился вонъ изъ класса.

— Вятская харя!—крикнулъ Мечковский; другіе подхватили и посыпались эпитеты...

Потомъ всѣ замолчали и переглянулись.

— Къ директору удралъ, свинья! — вскрикнулъ первый Горшковъ.

— Эхъ, господа! не то, не то,—проговорилъ Абласовъ, и махнулъ рукой.

Что, не то?—крикнулъ на него Горшковъ.—Посильнѣе надо было—вотъ ты что скажи.

— Зачѣмъ вы вставали, господа?—спросилъ Телепневъ.—Дали бы мнѣ одному говорить... А теперь на всѣхъ васъ падеть. Онъ наскажетъ, что вы на него лѣзли драться.

— Пускай наскажетъ, вятская рожа! — закричало нѣсколько голосовъ.

— Ужь шельмовать, такъ шельмовать!—заклучилъ Горшковъ.

— Послушайте, господа,—перебилъ Телепневъ, — сядѣмте на мѣста, чтобъ тихо было. *Юнка* теперь спитъ; онъ инспектора приведетъ. А этакъ мы всегда будемъ виноваты...—И все дѣло представить какъ было,—закричалъ Горшковъ;—не отпираться!...

Начали разсаживаться молча. Только-что всѣ усѣлись на мѣста, отворилась дверь и влетѣлъ пузатый инспекторъ, а за нимъ Коряковъ. Онъ такъ и остался въ застегнутомъ вицмундирѣ.

Всѣ сидѣли неподвижно.

Встаньте столбомъ! — закричалъ педагогъ: — Что это? Онъ подскочилъ къ Телепневу. Какъ вы осмѣлились грубить преподавателю, угрожать ему — а? Что вы такое сказали г-ну Корякову? отвѣчайте!

— Харлампій Ивановичъ, — отвѣчалъ Телепневъ очень спокойно, — назвалъ вчера одного изъ насъ дуракомъ, — и я отъ лица товарищей предложилъ ему извиниться.

— А! что? отъ лица товарищей! Каковъ! Да съ кѣмъ вы говорите?

— Онъ всѣхъ взбунтовалъ, — глухо проговорилъ Коряковъ, — мальчишка дерзкій!

— Знаю, знаю, — закричалъ инспекторъ. — Это язва, зараза... овца шелудивая. Такъ-то вы, — обратился онъ ко всему классу. — Вы въ студенты готовитесь! Вотъ мы вамъ дадимъ университетъ! всѣхъ по шеямъ домой, а то выпоремъ.

— Харлампій Ивановичъ, — обратился онъ къ учителю, — какъ только Іонъ Петровичъ проснется, я доведу до свѣдѣнія его. Телепневъ будетъ примѣрно наказанъ. Весь классъ на колѣни! — крикнулъ онъ и гнѣвно посмотрѣлъ.

Горшковъ и Мечковскій чуть не фыркнули.

— Ораторъ!, мы вамъ дадимъ знать! — крикнулъ инспекторъ еще разъ и, хлопнувъ дверью, ушелъ.

Х.

Въ классѣ настала тишина. Коряковъ, заключившись въ свои воротнички, тупо посмотрѣлъ на всѣхъ и точно чего-то ждалъ. Первая парта переглядывалась съ остальными и кое-гдѣ слышенъ былъ разговоръ шопотомъ.

— Господинъ Мечковскій, — проговорилъ наконецъ учитель, — извольте отвѣчать, — а потомъ онъ взглянулъ на Телепнева и отрѣзалъ: — на колѣни становитесь!

Борисъ посмотрѣлъ ему въ лицо, ничего не сказалъ и не двинулся съ мѣста.

— На колѣни, вамъ говорить! — промычалъ опять Коряковъ и покраснѣлъ.

— Я не встану, — отвѣтилъ Борисъ.

Глаза всѣхъ учениковъ обратились на него и видно было общее желаніе соскочить съ мѣста и обступить каедрю Коряковъ точно почувствовалъ возможность такой сцены и вдругъ примолкъ.

— Отвѣчайте же! — повторилъ онъ только Мечковскому.

Маленькій гимназистъ пересмѣхнулся со всѣмъ классомъ и началъ отвѣчать.

Въ теченіе цѣлаго урока Коряковъ сидѣлъ неподвижно и своимъ безстрастнымъ голосомъ выкликалъ учениковъ. Бориса онъ не вызвалъ. Минуть за десять до звонка онъ спросилъ „Смарагдова“, прочиталъ вслухъ четыре параграфа и велѣлъ ихъ выучить къ слѣдующему разу. Въ этомъ состояла лекція.

Какъ только прозвонили и Коряковъ вышелъ изъ класса, составилось шумное вѣче.

— Теперь дѣло проиграно, — кричалъ Горшковъ. — Юнка взбѣлится и всѣхъ насъ, какъ школяровъ, изругаетъ.

— Надо идти къ директору, — сказалъ Борисъ, — этакъ нельзя оставить — и сейчасъ же, не теряя времени.

— Кто пойдетъ? — раздалось въ кучѣ.

— Я же, конечно, и пойду, — отвѣтилъ Борисъ.

— Да какой же толкъ въ этомъ будетъ? — спросилъ кто-то изъ заднихъ.

— А тотъ толкъ, что если мы начинали, такъ нужно и продолжать. Мы въ правѣ были требовать отъ Корякова извиненія. Надо идти дальше, что бы тамъ ни было.

— Одному тебѣ нельзя идти, — заговорилъ Горшковъ. — Зачѣмъ же ты за всѣхъ станешь отвѣчать? Надо еще кому-нибудь.

— Я пойду, — сказалъ Абласовъ.

— Зачѣмъ тебѣ? — проговорилъ Горшковъ. — Ты первый ученикъ.

— Такъ, что жъ, что первый? я, вѣдь, не испугаюсь.

— Еще лучше будетъ; ступай, Абласовъ, — подтвердили многіе.

— Такъ возьмите и меня, братцы! — закричалъ Горшковъ, — втроемъ пойдемъ. Я для подкрѣпленія, въ случаѣ—что Іонку придется помять!...

— Ха, ха, ха,—разразились весельчаки.

— Ну, идемте! сейчасъ будетъ звонокъ,—сказалъ Борисъ и пошелъ къ двери: за нимъ Горшковъ и Абласовъ.

А въ стеклянныя двери седьмого класса глядѣла многочисленная публика. Гимназисты, поднявшись на ципочки, высматривали, что такое творится у *семиклассниковъ*. Когда инспекторъ выскочилъ оттуда, попался ему ученикъ второго класса. Гимназистикъ, сообразивъ, что въ седьмомъ классѣ что-нибудь случилось, сейчасъ пустилъ по всему корридору вѣсть, что семиклассники взбунтовались, и Корякова побили. „Бунтъ“! пронеслось въ перемѣну по всѣмъ классамъ, въ среднемъ корридорѣ, въ нижнемъ корридорѣ, на дворѣ—и всѣ бѣжали смотрѣть на семиклассниковъ.

Три друга вышли изъ класса, и кучка мальчиковъ разсыпалась. Никто изъ нихъ не смѣлъ задать вопроса большимъ.

— Куда это вы, Горшковъ? — спросилъ наконецъ черномазенькій гимназистъ, забѣгая впередъ по корридору.

— Къ директору идемъ,—отвѣчалъ Горшковъ.

И по всѣмъ классамъ пущена было вѣсть: „къ директору пошли, къ директору пошли“

Депутаты прошли длиннымъ корридоромъ до актовой залы. За залой начиналась квартира директора. Въ темномъ корридорчикѣ, передъ прихожей, они на минутку остановились.

— Кто жъ начнетъ?—спросилъ довольно громко Горшковъ.

Борисъ только кивнулъ головой и отворилъ дверь въ прихожую.

Тамъ стоялъ *старшой*. Онъ сурово посмотрѣлъ на нихъ.

— Чего вамъ нужно?

— Мы къ директору, — отвѣчалъ Борисъ, — доложи.

— Нельзя, тамъ шипекторъ.

Горшковъ тихонько свиснулъ и проговорилъ: „финита ля комедія“

— Пойдемте, господа!—сказалъ Борисъ и. обратившись къ старшему, прибавилъ: доложи Іону Петровичу, намъ нужно...

Только-что они показались въ пріемную, изъ директорскаго кабинета вышелъ инспекторъ, размахивая платкомъ.

— Какъ!... вы здѣсь,—закричалъ онъ, немного сдерживая свой голосъ.—Какъ вы осмѣлились ворваться сюда, къ Іону Петровичу.

Инспекторъ поднялъ руки чуть не къ небу, и повернулся на каблучкахъ.

— За мной! предстаньте предъ Іона Петровича... за мной!

Директоръ, грязный человѣчекъ, въ какомъ-то буромъ халатѣ на бѣличьемъ мѣху, съ красными пятнами по лицу и съ очень подозрительнымъ носомъ, вскочилъ съ кресла и дряблой походкой подступилъ къ ученикамъ.

— Что это такое?—загнулъ онъ.

— Ворвались сюда, Іонъ Петровичъ, — доложилъ инспекторъ, съ потрясеніемъ живота.

— Мы къ вамъ съ жалобой,—началъ-было Борисъ.

— Съ жалобой!—прогнулъ директоръ. — Я вамъ дамъ, голубчики, депутаціи отправлять!... Молчать!... Ты у меня весь классъ перепакостили. Я васъ, голубчики высѣку—слышите? не посмотрю, что вы въ седьмомъ классѣ—сегодня же въ сборной, при всемъ классѣ высѣку. А до васъ, милый мой,—обратился онъ къ Борису,—я давно добираюсь. У васъ отецъ умираетъ, а вы разбойничаете, голубчикъ мой. Я ему сегодня напишу, что хочу васъ высѣчь. Я, вѣдь, никого не боюсь.

Бориса передернуло. Онъ порывался отвѣтить, но гнуса-вый директоръ не далъ ему разинуть рта.

— И ты, Абласовъ, тутъ же смѣешь бунтовать! Да ты вспомни, милый, что я тебя въ солдаты законопачу. И тебя, Горшковъ, вышвырну; ты у меня перестанешь на фортепьянѣ барабанить.

Это было сказано такъ глупо, что депутаты переглянулись.

— Ведите ихъ въ классъ, Егоръ Пантелѣичъ... Я самъ буду. Оставить всѣхъ трехъ безъ обѣда и велѣть высѣчь.

— Да позвольте же Ионъ Петровичъ, — сказалъ Борисъ и сдѣлалъ два шага впередъ.

— Ай, ай! Суворовъ! Суворовъ! Да онъ разбойникъ и меня бить собирается, — закричалъ директоръ, отступая за кресло.

Въ дверяхъ явился старшой.

— Выпроводи ихъ, вонъ, вонъ!

Старшой хотѣлъ буквально исполнить приказаніе, но Борисъ отвелъ его рукой и всѣ трое вышли, молча, изъ кабинета.

Инспекторъ кинулся — было за ними, но потомъ подлетѣлъ къ директору.

XI.

— Халдеи, халдеи! — повторялъ Горшковъ, проходя по залѣ.

— Глупо, очень глупо! — вырвалось у Бориса.

Абласовъ шолъ молча, ни на кого не глядя.

Когда прошла первая минута досады, Борису сейчасъ же представилась мысль объ отцѣ. Если директоръ пошлетъ записку, отецъ страшно встревожится. „Какъ тутъ быть?“ — спрашивалъ онъ самъ себя, хмуря лобъ и ускоряя шаги.

Депутаты вернулись въ классъ послѣ звонка. Кааедру занималъ новый учитель, самая популярная личность во всей гимназіи, Ардальонъ Захарычъ Самородскій, изъ хохловъ. Фигура Ардальона Захарыча была изъ очень невзрачныхъ. При маленькомъ ростѣ, онъ имѣлъ пренеуклюжее туловище, на кривыхъ ножкахъ; былъ рябъ и косъ; но рябое лицо всегда сіяло, въ глазахъ и въ очертаніи рта сидѣлъ неистощимый юморъ. Ардальонъ Захарычъ любилъ цвѣтныя матеріи и всѣ части его туалета, кромѣ вицмундира, поражали пестротой. Онъ былъ старшій учитель физики и математики, очень плохо зналъ свой предметъ, но замѣнялъ отсутствіе знаній безконечнымъ добродушіемъ. Его всѣ любили; но никто у него ничего не дѣлалъ.

— Что, крсаавцы, набѣдоурили?—встрѣтилъ онъ депутатовъ, встряхнувъ своими кудрявыми волосами... Ардальонъ Захарычъ былъ уже не первой молодости, но постоянно носилъ юношескую прическу.

— Набѣдоурили,—отвѣтилъ Горшковъ, съ гримасой.—Ну, господа,—обратился онъ ко всему классу, — будетъ лупка.

— Какъ, лупка?—закричало нѣсколько голосовъ.

— Да, такъ,—Горшковъ поднялъ лѣвую руку на отвѣсъ, а правой сдѣлалъ нѣсколько движеній по воздуху: — вотъ этакъ, господа... въ сборной послѣ классовъ.

Многіе расхохотались.

— Перестань врать! — проговорилъ учитель. Онъ всѣхъ *тыкалъ* и никто этимъ не обижался. — Телепневъ, расскажи, что у васъ тамъ было.

— Горшковъ вовсе не выдумываетъ,—отвѣтилъ Борисъ.— Директоръ приказалъ насъ высѣчь.

— Ну, крсаадецъ, это больно густо что-то.

— Ужъ не знаю какъ, Ардальонъ Захарычъ: онъ съ нами не разсуждалъ.

— Эхъ вы, зеліе! — проговорилъ Самородскій, съ душевнымъ сокрушеніемъ.—Какъ же быть-то?

— Разумѣется, мы не дадимъ себя высѣчь.

— Да, скверно, красавцы, все-таки скверно?

— Что же скверно-то, Ардальонъ Захарычъ?

Самородскій не нашолся, что отвѣтить. Онъ только ударилъ ладонью о каѳедру и еще разъ проговорилъ: скверно.

Въ классъ поднялся говоръ. Нѣкоторые соскочили съ лавокъ и подошли къ первой партѣ; другіе окружили каѳедру.

— Шш... зеліе!—крикнулъ Ардальонъ Захарычъ! — По мѣстамъ садитесь! что за жидовская школа... слова не дадутъ сказать.

Говоръ не вдругъ унялся. Ученики медленно разсаживались, и продолжали перекидываться словами.

Ардальонъ Захарычъ снова обратился къ депутатамъ:

— Ну, послушайте, крсаавцы,—заговорилъ онъ,—вы надурили; „не спросясь броду, да сунулись въ воду“: глупо, глупо!

— А что жъ нужно было дѣлать?—спросилъ Горшковъ.

— Какъ что? Вѣдь, не тебя обругали, зеліе, такъ ты что же совался?

— Помилуйте, Ардальонъ Захарычъ,—замѣтилъ съ силой Борисъ,—какъ же вы такъ разсуждаете? Вѣдь, послѣ этого всѣхъ насъ будутъ ругать походя. Надо же было показать Корякову, что онъ поступилъ скверно.

— Ну-ну, умница, ты мнѣ проповѣди не читай, я, вѣдь, не глупѣе тебя.

— Что же мы такое сдѣлали?—продолжалъ Борисъ, воодушевившись.—Онъ не хотѣлъ извиняться, — мы къ директору пошли.

— Законный путь, — подтвердилъ Горшковъ, подмигнувъ Ардальону Захарычу

— Молчи ты, балаяникъ! — осадилъ его Ардальонъ Захарычъ, погрозивъ пальцемъ. — Нѣтъ, крусавцы, — обратился онъ ко всѣмъ тремъ депутатамъ, — глупо сдѣлали! Зачѣмъ тутъ директора вмѣшивать? Не достало смекалки, что онъ оборветъ васъ, какъ сидорову козу.

— Такъ, стало, намъ самимъ нужно было распорядиться?—ввернулъ Горшковъ.

— Не перебивай, егоза!—крикнулъ Ардальонъ Захарычъ,—Я вотъ тебя самого вздую, зеліе... Горячитесь вы всѣ, въ студенты всѣ лезете... Онъ тамъ, какой ни на есть, да старшій учитель, крусавцы. а вы къ нему въ классъ съ ножомъ къ горлу приступили... Вѣдь, онъ гусь лапчатый... онъ и съ нами-то ежъ ежомъ, а не то, что съ вашимъ братомъ... Вы бы на квартиру къ нему пришли, представили резоны...

— Да ужъ объ этомъ что же толковать теперь?—прервалъ его Абласовъ, смотря изподлобья, — попустому только время тратить.

Онъ выговорилъ это такъ твердо и серьезно, что Ардальонъ Захарычъ немного стѣснился.

— Я васъ предостерегаю, крусавцы, какъ вы не хотите понять?...

— Мы понимаемъ,—сказалъ Борисъ,—и очень вамъ благодарны; да теперь дѣло-то сдѣлано.

— А все-таки вы грибъ соленый съѣли, хлопцы.

— Кто же виновать-то! — ввернул Горшковъ, — наши безмозглые... Егорка съ Ионкой.

— Тсс! егоза! Вотъ что я вамъ скажу, крусавцы, слушайте! Бросьте вы Корякова: ничего не добьетесь; и остальных не толкайте... курсъ вамъ кончить нужно, а не войну съ начальствомъ затѣвовать. Слышите, команда безпардонная? — Ардальонъ Захарычъ привсталъ и обратился ко всему классу.

Директора боялись, и не у многихъ было желаніе затѣвать новую исторію.

— Скажи же мнѣ, зелье, съ чѣмъ васъ Ионъ-то отпустилъ? — спросилъ опять у Горшкова Ардальонъ Захарычъ.

— Да, вѣдь, я вамъ изобразилъ: выпоротъ и безъ обѣда оставить.

— Ну, этого не будетъ. Онъ только языкомъ почесалъ; безъ совѣта не смѣетъ! — повторилъ Ардальонъ Захарычъ, обратясь къ Борису.

Борисъ его не слушалъ и стоялъ въ какой-то неопредѣленной позѣ, съ поникшей головой.

— Вы не беспокойтесь! — вдругъ проговорилъ онъ, — не высѣкутъ.

Абласовъ посмотрѣлъ на Бориса и такимъ же тономъ повторилъ: „не высѣкутъ“

— Смотрите же, крусавцы! — вскричалъ Ардальонъ Захарычъ: — Рцы слово крѣпко... Забунтите — наплюю на васъ. Садитесь по мѣстамъ! Балясничаешь съ вами... полчаса прошло. Урокъ приготовили? — спросилъ онъ, распахнувъ борты вицмундира и заложивъ большой палецъ за выемку жилета.

— Вы обѣщали, Ардальонъ Захарычъ, въ физическій...

— Электрическую зарядить...

— Въ физическій Ардальонъ Захарычъ! — послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Лѣнтяи... крапивное зелье! вамъ бы только балбесничать... проговорилъ Ардальонъ Захарычъ, вставая.

— Ну, идемте, — прибавилъ онъ не безъ удовольствія. Онъ самъ радъ-радехонекъ былъ избавиться отъ спрашиванья уроковъ.

Поднялся гвалтъ. Всѣ повскакали съ мѣстъ. Отворилась

дверь и Самородскій, заложивъ руки въ карманы своихъ широчайшихъ панталонъ вишневаго цвѣта, зашагалъ кривыми ножками по корридору... За нимъ повалила толпа... Семиклассники, поюнѣе, заглядывали въ другіе классы и барабанили по стекляннымъ дверямъ...

„Въ физическій пошли“ повторялось въ низшихъ классахъ, съ затаенной завистью...

И не одинъ гимназистигъ замечталъ о томъ блаженномъ времени, когда онъ начнетъ слушать физику и проникнетъ въ *физическій*, гдѣ не спрашиваютъ уроковъ, а потѣшаются разными шутучками...

ХII.

Въ физическій кабинетъ дверь вела изъ актовой залы. Кабинетъ занималъ три комнаты, и, благодаря лѣни Ардальона Захарыча, былъ въ страшномъ безпорядкѣ: ни одинъ аппаратъ, ни одно колесо не дѣйствовало, какъ слѣдуетъ. Ардальонъ Захарычъ отговаривался все тѣмъ, что занятъ метеорологическими наблюденіями. Ученики седьмого класса знали, *какъ* составлялись эти наблюденія.

Толпа, ввалившись въ кабинетъ, рассыпалась по всѣмъ тремъ комнатамъ. Началась бѣготня, полѣзли въ шкапы разбирать всякую всячину. Ардальонъ Захарычъ кричалъ, остерегалъ—никто его не слушалъ. Около электрической машины собрался кружокъ. Мечковскій уже залѣзъ на скамейку и пищалъ:

— Ну, братцы, накачивайте, накачивайте сильнѣй!

Два-три гимназиста начали вертѣть, что было мочи.

— Сыплются, сыплются! заговорили наблюдатели.

Ардальонъ Захарычъ, только-что освободившій какой-то хрупкій аппаратъ изъ нецеремонныхъ рукъ юныхъ изслѣдователей, подбѣжалъ къ электрической машинѣ.

— Зеліе! что вы тутъ мастерите?

— Заряжаютъ меня, Ардальонъ Захарычъ, — пропищалъ Мечковскій и подпрыгнулъ на скамейкѣ.

— Я вотъ заряжу тебя! прочь пошолъ! Ардальонъ Захарычъ столкнулъ Мечковского со скамьи и отвелъ рукой *накачивателей*. — Дайте срокъ... что вы вертите, крусавцы... Бѣснуетесь, а ни аза не смыслете.

— Ну, такъ вы насъ научите уму-разуму, — ввернулъ Мечковскій...

— Молчи, физикъ!

Всѣ фыркнули. Ардальонъ Захарычъ самъ засмѣялся своей остротѣ.

— Ну, вотъ, крусавцы, заговорилъ онъ: — вы видите: тутъ всѣ части электрической машины...

— Нѣтъ не видимъ, — закричалъ Мечковскій: — Скворцовъ носомъ зогородилъ.

Раздался опять взрывъ смѣха.

— Да провались ты, непотребный хлопецъ!..

Мечковскій юркнулъ и спрятался за огромный глобусъ, между двумя шкапами.

Ардальонъ Захарычъ началъ описывать электрическую машину, нельзя сказать, чтобъ очень вразумительно, а больше съ помощью тѣлодвиженій.

— Что ты, Борисъ, призадумался? — спросилъ Горшковъ Телепнева.

Они стояли поодаль отъ всѣхъ, у стола, на которомъ, въ безпорядкѣ, валялись разныя трубки и разбитые термометры.

— Ну что за важность, что безъ обѣда оставлять? Не умремъ съ голоду. Неужто ты боишься, что онъ намъ съкуцію задастъ? — продолжалъ Горшковъ.

— Что ты глупости говоришь, Валерьянъ! Ничего я не боюсь.

— Такъ что-жь ты приунылъ?

Борисъ съ трудомъ высказывался даже такимъ близкимъ товарищамъ, какъ Горшковъ. Его наполняла забота о томъ, какъ бы помѣшать директору растрогать отца.

— Да что же ты молчишь?

— Тотъ дуракъ... сказалъ онъ и остановился.

— Какой? Ионка, что ли?

— Да.

— Ну что-жь? Покричалъ, да и довольно; больше, вѣдь, у него и пороху не хватитъ.

— Онъ отцу напишетъ.

— Ну такъ чтò же?

— Какъ *что*?

Борисъ такъ взглянулъ на Горшкова, что тотъ покраснѣлъ.

— Знаю, чувствую, — заговорилъ онъ: — Но неужто ужъ къ тебѣ настолько довѣрія не имѣютъ дома... Да онъ и не напишетъ; гдѣ ему писать! у него руки отъ водки ходуномъ ходятъ.

Бориса не успокоили эти доводы. Лицо его не прояснялось.

— Ну, вотъ, кривавцы, — кричалъ, между-тѣмъ, Ардальонъ Захарычъ, пришедши въ ученый азартъ, — вы знаете, что въ этой части машины... такъ сказать вырабатывается электричество... и оно проводится, такъ сказать...

— Проведите черезъ меня, — пропищалъ Мечковскій и вскочилъ на скамейку.

Ардальонъ Захарычъ кинулся къ нему; тотъ, соскочивъ, задѣлъ за какой-то колпакъ: поднялся звонъ и хохотъ.

— Директоръ! — вдругъ крикнулъ кто-то сзади.

ХІІІ.

Посреди суетни, смѣха и говора явился директоръ, въ ар-халукѣ, сопровождаемый пузатымъ инспекторомъ.

Онъ взошелъ въ ту минуту, когда Ардальонъ Захарычъ погнался за Мечковскимъ.

Мальчуганъ отскочилъ и весь съѣжился. Ардальонъ Захарычъ, увидѣвъ директора, немножко растерялся и попятился назадъ. Всѣ притихли и обернулись лицомъ къ двери.

— Что это? загнулъ директоръ, — Содомъ и Гоморъ! Ты, голубчикъ, въ присядку, что-ли, плясалъ? — спросилъ онъ Мечковского.

Гимназистикъ не нашолся что́ отвѣтить.

— Чѣмъ это вы занимаетесь? — обратился директоръ къ Ардальону Захарычу. — Что это у васъ за гвалтъ такой идетъ?

Самородскій оправился и, оглянувшись назадъ, отвѣтилъ:

— Опыты производилъ, описывалъ электрическую машину.

— Зачѣмъ же это они у васъ разбрелись по разнымъ угламъ? прогнусилъ директоръ.

Учитель промолчалъ. Всѣ собрались къ одному мѣсту.

— Я пришолъ, голубчики, не сказки вамъ рассказывать. Вы пакостники, милые мои, депутаціи вздумали посылать. Вотъ у меня запокуютъ депутаты. Егоръ Пантелѣичъ, вызовите-ка ораторовъ-то.

Инспекторъ выдвинулся впередъ и провозгласилъ:

— Телепневъ, Горшковъ, Абласовъ.

Они вышли впередъ.

— Я васъ сегодня выѣмъ—слышите? такъ-таки въ сборной отдеру, а въ поведеніи нуль поставлю; да и всѣмъ. голубчики, такія отмѣтки будутъ кондунтныя, что не только въ студенты, въ писаря не попадете.

Ардальонъ Захарычъ улыбнулся и такъ значительно, что директоръ замѣтилъ.

— Вы его все геніемъ считали, — обратился вдругъ къ нему Иона Петровичъ, показывая на Телепнева, — а изъ него первый негодяй вышелъ. Слышите же, милые мои? — загнусилъ директоръ возвышеннымъ тономъ, — попробуйте у меня еще разъ поуmnичать — всѣхъ выгоню.

Сцена, проектированная директоромъ, не удалась. Было мало силы въ его грозныхъ изрѣченіяхъ. Тонъ гнусливаго педагога только раздражилъ учениковъ; но кромѣ этого раздраженія и съѣженности, оставшейся у нѣкоторыхъ по малодушію и привычкѣ, ничего не шевельнулось въ семиклассникахъ. Директора знали за человѣка злого, способнаго на всякую гадость и сумасбродство, а потому половина класса боялась его; но на этотъ разъ никто не проникся убѣжденіемъ, что *Ионка* въ-самомъ-дѣлѣ можетъ выгнать, по своему произволу.

И директоръ, какъ-будто, это почувствовалъ: его стѣсняло

также присутствіе Ардальона Захарыча, этого *вѣчнаго защитника*, какъ онъ его называлъ.

— Какой у васъ безпорядокъ! — проговорилъ онъ, сморщившись и посматривая на шкапы.

Ардальонъ Захарычъ покраснѣлъ, но не растерялся и очень развязно отвѣчалъ:

— Много занятій, Іонъ Петровичъ, по наблюденіямъ... вѣдомости... и потомъ вамъ извѣстно, кабинетъ нуждается въ ремонтѣ.

— Ремонтъ! ремонтъ! Порядку нѣтъ-съ, чистоты нѣтъ-съ, это не отъ ремонту, — да-съ, — и онъ обернулся къ двери.

Ардальонъ Захарычъ засунулъ одну руку въ вишневые панталоны и встряхнулъ кудрями, что у него означало раздраженіе. Хотѣлось ему отвѣтить хорошенько, но при ученикахъ онъ долженъ былъ сдержать себя.

Всѣмъ становилось очень неловко. Телепневъ, Абласовъ и Горшковъ стояли на томъ же мѣстѣ, впереди всѣхъ.

— Какъ же прикажете съ этими тремя? — ввернулъ пузатый инспекторъ, почти подъ ухомъ директора.

— Оставить безъ обѣда. — Директоръ обернулся къ нимъ. — А съ вами, мой милый, сказалъ онъ Борису, пригрозивъ пальцемъ, — мы еще раздѣлаемся какъ слѣдуетъ: мы изъ васъ фонаберію-то выпишемъ, голубчикъ мой. Отецъ вашъ узнаетъ про всѣ ваши гадости...

Больше ничего не воспослѣдовало. Педагогъ, недовольный собою, скоро зашагалъ и вышелъ изъ кабинета, оставивъ очень неполное впечатлѣніе на аудиторию.

Съ минуту всѣ молчали.

— Ну что, кривовцы, — заговорилъ первый Ардальонъ Захарычъ, — я вѣдь вамъ все впередъ расписалъ.

— А все это изъ-за скворца долгоносаго, — пропищалъ Мечковский, толкнувъ Скворцова впередъ.

— А онъ ни гугу, — сказалъ кто-то изъ заднихъ.

— Труса праздновалъ.

— Кривавецъ, это все изъ-за тебя исторію затѣяли, — обратился къ нему Ардальонъ Захарычъ; — ты бы вотъ за нихъ безъ обѣда-то остался — а, зеліе?

Скворцовъ заморгалъ глазами.

— Я невиновать-съ, Ардальонъ Захарычъ, что жъ я могу-сь?— промычалъ онъ

— Что могу?...—ты тюря, крусавецъ! Только товарищей въ бѣду ввелъ; а самъ баба-бабой.

Ардальонъ Захарычъ и не замѣчалъ, какъ жестоко противорѣчилъ увѣщаніямъ. произнесеннымъ имъ въ классѣ.

А депутаты тѣмъ временемъ молча переглядывались.

— Побудемъ на антоніевой пицѣ, — сказалъ наконецъ Горшковъ, обратившись къ Борису и Абласову.

Абласовъ улыбнулся, а Борисъ не слыхалъ даже словъ Горшкова.

Онъ на что-то рѣшился и сдѣлалъ даже два шага къ двери.

— Куда ты? — успѣлъ спросить его Горшковъ и взялъ за полу сюртука.

— Оставь меня!

— Ты къ Ионкѣ? Полно, Борисъ. наплюй.

— Ахъ, оставь меня, ради Бога! — порывисто сказалъ Борисъ и, выскочивъ изъ кабинета, повернулъ направо, въ директорскій корридоръ.

XIV

Директоръ пошелъ не къ себѣ, а въ классы. Борисъ дожидая его минутъ съ десять въ пріемной. Суровый старшой Суворовъ совсѣмъ-было не хотѣлъ впускать туда оштрафованнаго гимназиста.

Мало было надежды у Бориса на добрый исходъ предстоявшей сцены съ Иономъ Петровичемъ.

Онъ ходилъ вдоль одной стѣны и разсматривалъ портреты разныхъ древнихъ и новыхъ мужей. Директоръ почему-то сочеталъ въ своей портретной коллекціи греческихъ философовъ съ поэтами юной Франціи. Подлѣ Платона висѣлъ Ла-

мартинъ, подлѣ Сократа Викторъ Гюго, и все въ такомъ вкусѣ.

Въ Борисѣ происходила немалая борьба. Самолюбіе *юноши* не улеглось. Нелегко ему было просить директора. Онъ зналъ, что тотъ никакъ не захочетъ понять его; увидить только одно желаніе школьника скрыть отъ отца причину наказанія Бориса возмущала мысль, что онъ долженъ *измѣниться* передъ *мущинами* *Тонкой*, говорить ему о такихъ задушевныхъ вещахъ, до которыхъ онъ никогда бы не допустилъ дотронуться грязнаго и ненавистнаго педагога.

Была минута колебанія; онъ хотѣлъ уйти, но привычка работать *надъ собою* взяла верхъ — Нужно просить, сказалъ онъ себѣ и успокоился. Когда дверь изъ передней отворилась, онъ очень внимательно смотрѣлъ на портретъ Александра Дюма и нисколько не смутился.

За то педагогъ, въ архалукѣ очень спокойно подошелъ къ гимназисту. Его всего подернуло. Онъ запахнулся въ свое одѣяніе и, перекосивши какъ-то ротъ, загнулся:

— Зачѣмъ вы здѣсь—а? какъ вы осмѣлились? Эй, Суворовъ!

Старшой высунуль голову

— Выведи его!

Борисъ прервалъ директора.

— Ионъ Петровичъ,—сказалъ онъ очень твердо.—у меня до васъ есть просьба: исполните ее хоть для моего отца.

— Что, какого отца?—загнулся директоръ,—что вамъ нужно? Я васъ знать не хочу

— Ионъ Петровичъ,—продолжалъ Борисъ,—вы знаете, что папенька очень боленъ. всякое огорченіе можетъ убить его.— Борисъ покраснѣлъ, выговоривъ это —Накажите меня, только не тревожьте его.

— А!—вскричалъ педагогъ, понявъ, въ чемъ дѣло!—Лазаря пѣть, куксить! Клянчить, чтобъ я ваши мерзопакостные поступки прикрывалъ! Прекрасно, ловко, очень ловко!

Я бы не просилъ васъ,—выговорилъ Борисъ,—еслибъ отецъ мой былъ здоровъ. Я отъ него ничего не скрываю. Но поймите, Ионъ Петровичъ, что неожиданность вашей записки..

Ничего я не хочу понимать! Я васъ выгоню. Если вы умо-
рите отца, я очень радъ буду!...

Борисъ весь вздрогнулъ и такъ посмотрѣлъ на директора,
что тотъ отшатнулся.

— Да, да, я очень радъ буду. Стану я вамъ снисхожденія
дѣлать, какъ бы не такъ! Васъ безъ обѣда продержатъ, а вы
тамъ наврете что-нибудь на насъ. Итъ. голубчикъ, меня вы
чувствительностью-то не проимете. Вы изъ себя героя не
представляйте. Ступайте вонъ...

И директоръ, хлопнувъ дверьми, ушелъ въ заднія комнаты.

Борису захотѣлось схватить его за шиворотъ, но точно
невидимая рука удержала его.

Досада, горечь, раскаяніе кипѣли у него на душѣ, когда
онъ проходилъ по залѣ и классному корридору

Бориса въ первый еще разъ оставили *безъ обѣда*. Но само
наказаніе не раздражало его самолюбія. Напротивъ, сознаніе,
что онъ безъ вины виноватъ, позволяло ему взглянуть на это
совершенно спокойно и даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Но
это такъ не шло къ тому, что дѣлалось дома. Дома онъ былъ
не ученикъ, не гимназистъ, а полухозяинъ, дѣйствующее
лицо, боецъ ежедневной борьбы. И этотъ маленькій фактъ,
это школьное наказаніе могло повести за собой много тяжо-
лага, много мелкихъ, но ѣдкихъ столкновеній, и прежде всего
обрушиться на отца.

И какъ глупо!—повторялъ Борисъ, перебирая въ головѣ
всѣ сцены и эпизоды, бывшіе въ гимназіи. „Хочешь что-
нибудь порядочное сдѣлать, а всегда кончится пошлостью, по-
школьнически“

Не разъ убѣждался онъ въ этомъ. Онъ не выговаривалъ
только одного, что выросъ изъ своего красного воротника.

Горшковъ встрѣтилъ Бориса въ корридорѣ.

— Ну что, Боря?

— Ничего.

— Не добился?

— Не добился.

Борисъ больше ничего не отвѣтилъ, и взошелъ въ классъ,
вслѣдъ за новымъ учителемъ.

На учениковъ напало какое-то утомленіе. Толки затихли, точно ничего не случилось особеннаго.

Классъ протянулся очень спокойно. Иванъ Егорычъ Ергачовъ, учитель русской словесности, производилъ своей личностью снотворное впечатлѣніе. Онъ былъ тихъ и невозмутимъ, *словесныхъ* качествъ не имѣлъ никакихъ; всегда молчалъ и давалъ *записки*, неглупо составленныя.

На этотъ разъ онъ развернулъ томъ Пушкина на Борисѣ Годуновѣ и, молча, положилъ книгу на первую парту.

— Прочтите,—сказалъ онъ глухо Телепневу.

Борисъ считался лучшимъ чтецомъ въ классѣ и любимымъ ученикомъ Ергачева.

Онъ началъ читать неровно, спотыкался. дѣлалъ частыя паузы, но, мало-по-малу, увлекаясь музыкой стиха, одушевился и забылъ про директора, про записку и даже про большой дікій домъ.

Куртинъ прервалъ чтеніе въ четверть второго сильнѣйшимъ звономъ. Была среда. Классы кончились.

XV

Всѣ начали собираться. Классъ опустѣлъ. Остались только трое: Телепневъ, Абласовъ и Горшковъ. Ученики расходились въ какомъ-то недоумѣніи. Многимъ было совѣстно, что за весь классъ пришлось отвѣчать троимъ. Но каждый понималъ, что дѣлать больше нечего.

Наказанные сидѣли на первой партѣ. Горшковъ болталъ съ уходившими товарищами.

— Господа!—кричалъ онъ,—нѣтъ ли съ кѣмъ съѣстного? Не утаивайте.

— У меня крендель остался!—крикнулъ Мечковскій, и вынулъ изъ задняго кармана заварной и очень сухой кренделекъ.

— А! пичушка, съ запасомъ! Давай!

Мечковскій подошолъ къ Борису и, заглянувъ ему въ лицо, проговорилъ съ дѣтской усмѣшкой:

— Ты не бойся, Телепневъ: долго не продержатъ.

Борисъ молча улыбнулся и, вставши съ мѣста, началъ ходить по классу.

Минуты черезъ двѣ вошолъ инспекторъ. Онъ принялъ на себя важный, невозмутимый видъ и лаконически изрекъ:

— Разойдитесь по разнымъ классамъ. Телепневъ останется здѣсь, Горшковъ во второй. Абласовъ въ пятый классъ.

Инспектору хотѣлось покричать, но онъ удержался и величественно вышелъ изъ класса, отдавши приказъ старшему, стоявшему въ корридорѣ.

Наказанные оставались еще нѣкоторое время вмѣстѣ: Абласовъ сталъ собирать свои книги. Въ эту минуту высунулась изъ двери голова старшова.

— Что-жъ вы нейдете? — обратился онъ къ Горшкову. — Классы запрутъ сейчасъ.

— Идемъ! — отвѣтилъ Горшковъ, — не спрячемся. Ну, ты собрался, Абласовъ? Ахъ, жалко, лексикона нѣтъ латинскаго: для увеселенія сталъ-бы слова зубрить. Буду, коли такъ, стихи писать: посланіе къ Егоркѣ о благоденствіи его толстаго пуза. Прощай Борисъ.

Абласовъ еще разъ очень оригинально улыбнулся и пошолъ вслѣдъ за Горшковымъ.

Старшой заперъ за ними дверь, щелкнувъ два раза ключомъ.

Борисъ, оставшись одинъ, походилъ сперва позади доски, потомъ взглянулъ машинально на часы, прослушалъ, какъ они глухо и густо пробили три, потомъ подошолъ къ окну и долго смотрѣлъ на пятиглавую церковь, на кремль, на башенныя ворота. Уголокъ горизонта виднѣлся оттуда, и точно дрожалъ каждый разъ, какъ что-нибудь вѣбзжало или выѣбжало изъ кремля. Лѣвѣе отъ церкви была извощичья биржа. Длинный рядъ дрожекъ тянулся почти вплоть до бульвара. Борисъ началъ считать ихъ: разъ, два, три... на десяти онъ обернулся къ окну спиной, и сталъ прислушиваться.

Въ корридорѣ кто-то перекликнулся; брякнули ключи и раздались тяжелые сторожевскіе шаги. Потомъ, все притихло, только изрѣдка, точно что отдастся гдѣ-нибудь, какъ будто — отдаленный гулъ — и смѣнится тяжелой тишиной, какая бываетъ въ длинныхъ корридорахъ и большихъ пустыхъ комнатахъ.

Борису, вдругъ, ужасно захотѣлось крикнуть. Онъ, однако, не крикнулъ; а такъ, въ какой-то вытянутой позѣ, постоялъ по срединѣ класса — и сѣлъ потомъ на каѳедру, опустивши голову на сложенные руки.

XVI.

Мы знаемъ, что его заботило, но мысли какъ-то нескладно вязались. Когда человѣка запрутъ и у него есть довольно времени пораздумать, тогда-то и дѣлается въ головѣ сумбуръ.

Въ мысляхъ Бориса былъ его *большой домъ* — и отецъ, и Маша, и бабинька, и свое *я*, свои задушевные думы. были картины дѣтства, были разныя школьничьи сцены и тревоги.

Вдали представлялся университетъ и въ то же время его волновало какое-то досадное чувство на эту пошлую, гимназическую обстановку

Борису сдѣлалось какъ-бы жалко своихъ 17 лѣтъ. Онъ точно съ раскаяньемъ относился къ семи годамъ, протекшимъ въ стѣнахъ этой гимназіи.

А что, въ-самомъ-дѣлѣ, сдѣлала она для него? на сколько онъ въ ней *выросъ*?

Борисъ былъ самымъ способнымъ ученикомъ въ классѣ. Первымъ сидѣлъ Абласовъ; вторымъ онъ, но Абласовъ занималъ это мѣсто по прилежанію и по старой памяти. Онъ съ маленькихъ классовъ сидѣлъ первымъ, а отмѣтки у нихъ были всегда одинакія. Борисъ много значилъ въ классѣ; учи-

тели его любили; начальство, т. е. директоръ съ инспекторомъ, благоволили къ нему до 5-го класса, а потомъ стали не долюбивать „за возмутительный духъ“, какъ выражался пузатый Егоръ Пантелеичъ.

Какимъ былъ Борисъ дома, такимъ и въ гимназiи. Дома выработывался его характеръ, и онъ приносилъ его *готовымъ* въ мiръ своихъ сверстниковъ. *Барченка* въ немъ никогда не было. Въ гимназiи, гдѣ такое разношерстное общество, всего скорѣе скажутся зародыши чванства и сословныхъ претензiй. Борисъ былъ изъ хорошаго дома, принадлежавшаго къ *аристократiи* города, а товарищи его, почти поголовно, были невиднаго происхожденiя: дѣти мелкихъ чиновниковъ, мѣщанъ; но онъ подошелъ подъ общiй уровень, не *аристократничалъ* и получилъ только то преобладанiе, какое дается каждому ученику, изъ *отличныхъ*. Правда, первые годы его возили гувернѣры, его не пускали до 4-го класса одного: все это разобщило немного съ массой, но не отражалось на его развитiи. Внутренно онъ всегда тяготился такой отмѣткой, и самолюбіе его не раздувалось барствомъ, а страдало только оттого, что онъ лишонъ былъ преимуществъ свободы, какими пользовались его товарищи. И еще тогда Борисъ. при всякомъ удобномъ случаѣ, сливался съ массой, любилъ участвовать въ народныхъ удовольствiяхъ мальчикомъ, подраться съ ними, поиграть въ снѣжки, убѣжать на Волгу, покататься на лодкѣ, купить на гривенникъ калачей и рыбы—*воблы*, запивать ихъ кислыми щами... Ему удавалось это рѣдко; но всѣ эти дешовыя забавы получили оттого двойную цѣну. А потомъ, когда онъ подростъ и сбросилъ съ себя ферулу бабиньки и гувернѣровъ, Борисъ былъ въ классахъ и на улицѣ такой же *вольный* гимназистъ, какъ и всѣ другіе. Онъ чувствовалъ себя тамъ свободно, легко, гораздо свободнѣе и легче, чѣмъ дома, и никто изъ товарищей не могъ попрекнуть его тѣмъ, что онъ зазнавался. Правда, онъ рано потерялъ живость и смотрѣлъ *большимъ*. Но это пришло само собой и никого не поражало, никому не казалось смѣшнымъ, оно только давало Борису Нравственный перевѣсъ надъ товарищами. Какъ въ маленькихъ классахъ, Борисъ не чувствовался никого, сходилъ съ самыми темными гимназистами,

такъ и въ старшихъ не выбиралъ, не пріискивалъ себѣ кружка, а былъ со всѣми равенъ. Онъ не былъ очень общителенъ, его нельзя было назвать *душой* всего класса; но онъ считался добрымъ товарищемъ, и друзей своихъ—Горшкова и Абласова, отыскалъ также въ числѣ *демократовъ*.

Дома дали Борису выправку. Онъ былъ ловокъ и порядоченъ. Одиночество не придавало ему дикости; въ обществѣ онъ не терялся. Гимназія оживляла его и связывала съ *средой простыхъ* людей, съ ихъ нуждами, съ ихъ невзрачной обстановкой, — словомъ, онъ прошолъ чрезъ ту школу, черезъ какую проходятъ только въ народныхъ заведеніяхъ.

Зналъ онъ много для ученика 7-го класса, но недоволенъ былъ тѣмъ, какъ зналъ. Въ гимназіи первые три класса—классы непосредственного зубренья. Только даровитость, или болѣзненно развитое самолюбіе могутъ протолкать мальчика сквозъ массу зубренья, достоящагося на долю этому періоду школьной жизни. Бѣдные гимназистики низшихъ классовъ еще по сіе время не видятъ никакого смысла и занимательности въ своихъ трудахъ. Черезъ то же прошелъ и Борисъ. Но параллельно съ уроками, онъ поглощалъ книги; конечно, не учебныя, да ихъ и не нашолъ бы онъ, помимо тѣхъ, какія проходили въ гимназіи. Перешли въ старшіе классы—измѣнился немного тонъ учителей; дали книжки потолще и безтолковѣе, а сущность осталась та же.

Науки не было; не было даже ученья; было хожденіе въ классы и наборъ учебныхъ книгъ. Исторія представлялась въ видѣ *Смарагдова*, въ бѣлой оберткѣ, словесность—маленькая книжка въ сѣрой бумажкѣ, физика—толстая книга въ корешкѣ бураго цвѣта. больше ничего не поднималось въ представленіи большинства гимназистовъ.

Лучшіе, какъ Борисъ, сознавали, что этого слишкомъ мало; дополняли чтеніемъ того, что было подъ рукой, но въ учителяхъ поддержки не имѣли. Выпросить, бывало, Борисъ книгу изъ библіотеки—дадутъ; но толковать о прочитанномъ не съ кѣмъ: учитель слишкомъ лѣнивъ, или слишкомъ грубъ для этого.

Оставалось одно отрывочное, неосмысленное чтеніе. Все

проглатывалось съ одинаковой жаждой: и „Вѣчный Жидъ“, и „Космосъ“, и „Исторія“ Соловьева и „Мусташъ“ Польде-Кока.

А если и были у учителей попытки развить учениковъ, дать имъ что-нибудь больше учебниковъ—это не удавалось. или по лѣни, или по неумѣнью.

Нѣмецъ вздумалъ было въ 6-мъ классѣ читать исторію литературы, да только насмѣшилъ компанію. Всѣ біографіи писателей и поэтовъ оказались у него на одинъ фасонъ. Каждый изъ нихъ былъ пылкій юноша, каждого заставляли заниматься богословіемъ, *но пылкій юноша обращался къ поэзии.* На Лессингъ нѣмецъ сѣлъ и прозванъ былъ *пылкимъ юношей.*

Въ 7-мъ классѣ началось дотягиваніе. лѣнивое повтореніе задовъ, а новое шло черезъ пень-колоду. Всѣ уже присмотрѣлись другъ къ другу, и никто ничего порядочнаго отъ учителей не ждалъ. Знали, что Ардальонъ Захарычъ ни аза не смыслить въ математикѣ, что Коряковъ скотина и тупица. что нѣмецъ и французъ глупы, что латинскаго учителя интересуетъ черемисскій языкъ—и больше ничего, и что словесникъ Ергачовъ не можетъ написать складно двухъ строкъ.

А до университета оставалось нѣсколько мѣсяцевъ.

Оттого-то и жалко было Борису семи *учебныхъ* лѣтъ.

Въ немъ не сказывалось никакой рѣзкой наклонности къ одному предмету, къ одному занятію. Всего слабѣе былъ онъ въ математикѣ. Всего больше интересовался исторіей, и много историческихъ романовъ перечиталъ еще въ первыхъ классахъ. Съ пятаго класса онъ считался *лучшимъ словесникомъ.* Слава эта далась ему очень дешево. Борисъ писалъ *сочиненія* пограмотнѣе и посамобытнѣе упражненій остальной братіи, которая преспокойно переводила описаніе дикихъ звѣрей Бюффона и восходъ солнца Руссо изъ хрестоматіи Ноэля и Де-Лапласа.

Послѣдніе два года Борисъ былъ поглощенъ домашнимъ міромъ, читалъ меньше, и не могъ отдаться тѣмъ стремленіямъ, которыя вспыхивали въ его воспріимчивой душѣ.

Иной разъ захочетъ прочесть что-нибудь объ томъ или дуугомъ предметѣ, захочется написать, придетъ удачный стихъ, забредетъ новая мысль,—а выполнить некогда: на душѣ неспокойно, жизнь не свѣтла, простору мало.

Даже мысль объ университетѣ точно уходила все на задній планъ. Борисъ какъ-бы отказывался отъ нея. А вмѣстѣ съ тѣмъ явилось сознаніе, что для университета куда какъ мало сдѣлано, и нѣтъ рѣшительнаго призванія, не скажешь себѣ: какой выбрать путь, какую специальность. Какъ поразобратить, такъ и математика плоха, и латынь хромаетъ, исторія и словесность—по верхамъ..

„А, вѣдь, не я одинъ, подумалъ Борисъ,— и другіе также. Да и трудно какъ-то выбиться. Мы-ли, не мы-ли виноваты: а все некрасиво. Абласовъ насъ тверже все знаетъ, а тоже недоволенъ; а Горшковъ тѣмъ и счастливъ, что артистъ.“

XVII.

Телепневъ рано сошелся съ Горшковымъ и Абласовымъ... Они постоянно сидѣли на первой партѣ.

По своей натурѣ, середину между ними занималъ Горшковъ. Съ виду онъ былъ веселый мальчикъ-крикунъ—и больше ничего, но въ немъ таилась искра.

Горшковъ провелъ дѣтство также не радостно, какъ и Борисъ. Отецъ его, бѣдный дворянинъ, былъ несчастливъ по службѣ, прожилъ имѣніице, и еще передъ смертью своей почти по-міру пустилъ всю семью. Она состояла тогда изъ жены и троихъ дѣтей. Мать Валерьяна, женщина очень недужинная, билась какъ рыба объ ледъ, чтобъ чѣмъ-нибудь поддержать семейство и дать дѣтямъ какое-нибудь воспитаніе. Отъ нея наследовалъ Горшковъ свой талантъ; и она же первая уставляла пальчики шестилѣтняго Валерьяна по клавишамъ. Мальчикъ родился съ какой-то неистощимой любовью къ звукамъ и гармоніи. Онъ проводилъ цѣлые дни за фортепьяно, едва доставая ручонками до клавишъ; онъ прибиралъ мелодіи и подыскивалъ аккорды. Бывало, цѣлый часъ про-

думаетъ, достанетъ клочокъ нотной бумаги, карандашъ, и, славивши аккордъ, сейчасъ запишетъ. Десяти лѣтъ, Валерьянъ уже владѣлъ вполне гармоніей, сочинялъ серьезныя вещи, а по исполненію былъ такъ силенъ, что мать должна была отказаться учить его. Она помѣстила Валерьяна въ гимназію; до черей приняли на казенный счетъ въ институтъ. Въ губернскомъ городѣ ничто не укроется, и музыкальные способности Валерьяна сдѣлались извѣстны всѣмъ. Жилъ въ городѣ нѣмецъ Дорнихъ, учитель музыки, хорошій пѣанистъ. Онъ прельстился игрой и композиціями мальчика и сталъ учить его даромъ. Онъ далъ Горшкову строгій музыкальный закалъ, но, по дарованіямъ, ученикъ былъ гораздо выше учителя.

Въ исполненіи Горшковъ дѣлалъ быстрые успѣхи, безъ изнурительнаго труда. Онъ прошелъ черезъ всѣ мытарства механическаго приготовленія свободно, легко, и развилъ въ себѣ качество блестящаго, увлекательнаго пѣаниста.

Но эта сторона дарованія не удовлетворяла его; онъ смотрѣлъ на нее почти какъ на средство. Цѣль была компози-торство. Горшковъ не останавливался на легкихъ мелодіяхъ, презиралъ всякія *штучки*: фантазіи, морсю.. Онъ рано получилъ вѣрный и строгій взглядъ на музыку, *итальянщиной* не увлекался; вкусъ *массы* его смѣшилъ, а подчасъ и возмущалъ.

Но, изучая Баха, Бетховена и Шумана, онъ не набирался замашекъ нѣмца — музыканта, не впадалъ въ исключительность, не вдавался въ музыкальную схоластику, и больше вѣрилъ въ непосредственное творчество, чѣмъ во всевозможные *контрапункты*.

Рано началъ онъ цѣнить *народный* элементъ въ музыкѣ. Въ душѣ его все яснѣе и яснѣе становился идеалъ, къ которому долженъ стремиться русскій музыкантъ. Глинка прояснилъ ему этотъ путь, и его творенія были изучены Горшковымъ до тонкости...

И глядя на этого веселаго юношу, на его дѣтскую шаловливость, на его выходки и дурачество, никто-бы не подумалъ, что онъ живетъ сознательной, художественной жизнью. Борисъ особенно и полюбилъ Горшкова за то, что въ немъ не было тѣни артистическаго фатовства; онъ вездѣ былъ правдивъ.

Учился онъ хорошо; любилъ математику и хорошіе стихи; о спеціальному образованіи не думалъ, но въ общемъ чувствовалъ большую потребность.

Къ нему совсѣмъ не привилось раннее пренебреженіе ко всякому знанію, какое развивается у всевозможныхъ артистовъ и дѣлаетъ ихъ на всю жизнь ребятами и невѣждами.

Горшковъ поддерживалъ мать, давая уроки. Въ обществѣ его любили, желали ему покровительствовать, кричали о немъ. Всѣ оваціи онъ принималъ съ большимъ тактомъ. Въ немъ не было ходульнаго желанія славы; въ немъ жило только свободное чувство художника; всегда чего-то ищущее.

Таковъ былъ веселый другъ Бориса.

Серьѣзный Абласовъ, не отличался даровитостію и былъ просто умный, прилежный гимназистъ. Онъ сидѣлъ первымъ и необыкновенно добросовѣстно учился всему, чему только можно было научиться. Онъ развивался медленнѣе обоихъ друзей своихъ, но прочнѣе. Молчаливый, скромный, тихій, онъ очень много работалъ надъ самимъ собой. Умъ его никогда не оставался празднымъ и ничего не принималъ на вѣру; но до всего допытывался. Въ Абласовѣ таился зародышъ скептицизма, и жизнь не манила его свѣтлыми образами, не родила въ немъ поэтическаго чутія, спасающаго отъ суроваго дыханія дѣйствительности.

Абласовъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, воспитанникъ народныхъ школъ. Родился онъ въ уѣздномъ городѣ, въ семьѣ бѣднаго ремесленника. Отецъ, мѣдныхъ дѣлъ мастеръ, отдалъ его сперва въ приходское, потомъ въ уѣздное училище, гдѣ онъ кончилъ курсъ съ отличнымъ аттестатомъ и поступилъ въ гимназію лѣтъ уже двѣнадцати, въ первый классъ, потому-что латыни не зналъ; а въ то время съ перваго класса начинали склонять *mensa* и спрягать *amare*. Разумѣется, Абласовъ оказался, по познаніямъ, гораздо выше своихъ товарищей.

Вначалѣ надъ нимъ многіе смѣялись: онъ былъ какъ-то неуклюжъ, имѣлъ особый провинціальный говоръ, былъ выше другихъ ростомъ, — все это давало поводъ къ насмѣшкамъ. Но скоро всѣ полюбили его и, не подчиняясь его вліянію, привыкли считать за самага безукоризненнаго ученика.

Обязанности *старшего* исполнял онъ честно; никогда не подслуживался инспектору и защищалъ товарищей. Всѣ знали, что онъ не ябедникъ и не корчитъ изъ себя *начальствующаго*.

Абласовъ жилъ трудами: онъ давалъ уроки. Отецъ первые два-три года содержалъ его, потомъ, когда дочери подросли, ничего не могъ высылать ему...

Много насмотрѣлся Абласовъ темнаго, мелкаго, пошленькаго въ томъ мірѣ, гдѣ прошло его дѣтство. Онъ не гнушался семьей, не стыдился говорить, что отецъ его простой мѣщанинъ, дѣлающій самовары, но впечатлѣнія дѣтства немного подавили его. Онъ глубоко чувствовалъ всю немощь, въ которой жила сфера мелкаго мѣщанства. Нигдѣ онъ не видалъ свѣтлаго луча; все было грязно, тупо. Въ семействѣ онъ былъ совершенно одинокъ.

Отецъ—умный мужикъ, но пьяный и угрюмый; мать — совсѣмъ простая женщина: съ сестрами онъ не могъ сойтись: слишкомъ велика была разница въ ихъ развитіи.

Предъ Абласовымъ открывалась трудовая дорога. Онъ готовился въ университетъ безъ всякихъ претензій, безъ всякихъ самообольщеній, зная, что тамъ потечетъ такая же скромная, работающая жизнь. Въ немъ было много желанія учиться, но онъ привыкъ сдерживать себя мыслью, что бѣдному человѣку и учиться-то нельзя въ *свое удовольствіе*, а нужно подумать о кускѣ хлѣба для себя и своей семьи, да о томъ, чтобы судьба не затерла тебя и не забросила въ другой, грязный, безвыходный міръ.

XVIII.

Прошло шесть часовъ. Старшой Суворовъ покоился въ своей сторожевской. Ему данъ былъ приказъ отъ инспектора — выпустить гимназистовъ въ седьмомъ часу Суворовъ курилъ трубочку, пропустивши чашекъ пять-шесть чаю.

Въ классномъ корридорѣ стояла тьма кромѣшная. Невесело было арестантамъ; даже Горшкову взгруснулось. Онъ сидѣлъ съ ногами на окнѣ, и прислушивался къ тому, что дѣлалось на улицѣ. Тоскливо прозвенять извощичьи дрожки, и потомъ опять все смолкнетъ.

„Экіе скоты! — говорилъ про себя Горшковъ, — хотѣ-бы поѣсть чего-нибудь дали.“

Въ шесть часовъ у него былъ урокъ музыки.

Опоздаешь, да такъ и останешься не ѣвши до ужина... Ахъ перепендеи!.. и Горшковъ ворочался на окнѣ.

Абласовъ уснулъ на лавкѣ, положивъ въ голову подушку изъ учительскаго кресла.

Ему также нужно было идти на урокъ въ пять часовъ.

Въ половинѣ седьмаго слышались голоса и тяжелые шаги въ корридорѣ; сторожа пришли топить. Показался огонь... По стѣнамъ замелькалъ свѣтъ.

Ворисъ въ это время ходилъ въ задъ и впередъ по классу. Ему было очень не по-себѣ.

Наискосокъ, противъ двери, затопили печки: стало, какъ будто повеселѣе.

Наконецъ-то Суворовъ забренчалъ ключами и подошелъ къ седьмому классу

Ворисъ торопливо взялъ со стола фуражку и книгу. Какъ школьникъ обрадовался онъ, въ первую минуту, появленію старшова, и потомъ ему вдругъ сдѣлалось жутко, за сердце схватило, точно долженъ онъ былъ предстать предъ какое-то страшное судилище.

Большой дикій домъ промелькнулъ передъ его глазами и смотрѣлъ такъ угрюмо, непривѣтно.

Старшой щолкнулъ ключомъ и промычалъ въ дверь.

-- Ступайте домой; шипекторъ приказалъ выпустить.

Грубый голосъ старшова какъ-то особенно отозвался на душѣ Телепнева.

Въ эту минуту всплыло все самолюбіе *юноши*, какое было въ немъ.

Борису захотѣлось разругать всѣхъ этихъ уродовъ и старшова и высшее начальство, и послать къ чорту гимназію. Онъ глубоко и болѣзненно чувствовалъ, какое вопіющее про-

творѣчіе между тѣмъ, что въ немъ живетъ, и всей этой глупой гимназической обстановкой...

Онъ могъ бы безъ всякаго фатовства смѣяться надъ этимъ; но молодость брала свое и не давала еще спокойнаго взгляда.

Борисъ встрѣтился въ сборной съ Горшковымъ и Абласовымъ; они вошли туда въ одно время изъ разныхъ дверей. Въ сборной было совсѣмъ темно и надо было отыскивать ощупью.

— Нѣтъ, каковы скоты!—кричалъ Горшковъ, — они объ нашихъ носахъ ни мало не заботятся. Гдѣ ты, Абласовъ?

Я здѣсь,—отозвался Абласовъ изъ шкапа.

— А? ты ужъ туда залѣзъ. Боря и ты вѣдь здѣсь?

— Здѣсь, отвѣчалъ Телепневъ.

— Ну, что, братъ, смѣшно тебѣ?

— Очень смѣшно...

— Ты все, чай, о томъ сокрушался, что глупо кончилось? Очень, братъ, пошло, такъ пошло, что изъ рукъ вонъ! Да главное — ѣсть хочется!.. Что ты тамъ возишься, Абласовъ?

— Да калоши куда-то засѣли... отвѣчалъ серьезнѣйшимъ тономъ Абласовъ, шаря по полу...

— Коли не найдешь, произведемъ гвалтъ. Къ Егоркѣ махнемъ. Нашолъ-ты наконецъ калоши, а?

— Нашолъ. Ишь, проклятыя, подъ четвертымъ классомъ очутились...

Борисъ вышелъ съ Горшковымъ и сказалъ ему тихо:

— А мнѣ, братъ Валерьянъ, завидно на тебя смотрѣть.

— А что?

— Да вотъ ты веселый какой.

— Да неужто ты, дружище, раскисъ отъ того, что тебя, дурня, на три часа заперли...

— Ужъ я не знаю отъ чего, но мнѣ нехорошо... скверно какъ-то ..

— О бабушкѣ, небось, думаешь?

— Нѣтъ, объ отцѣ..

— Ну, чгожь отецъ?—выговорилъ Горшковъ и замолчалъ. Да оно точно, Боря, у тебя все заботы Эй, Абласовъ, не отставай! —крикнулъ онъ.

Они проходили мимо топившейся печки. На полу сидѣлъ Кутузовъ и курилъ.

— Ну что ты, инвалидная крыса, намъ калачика не досталъ?—сказалъ ему Горшковъ...

— Калачика захотѣлъ баринъ; что не посылалъ, я бы сходилъ.

— А ты бы подарилъ мнѣ?

— Даришь-то уѣхалъ въ Парижъ, а остался братъ его—купишь.—Кутузовъ поперхнулся и сплюнулъ.

Абласовъ нагналъ товарищей на лѣстницѣ.

— У тебя урокъ былъ?—спросилъ его Горшковъ.

— Да, теперь уже опоздалъ.

— Да и я также, а все-таки пойду...

— Куда? спросилъ Борисъ.

— Къ Телянинымъ...

Они вышли на крыльцо. Стояла темная осенняя ночь. Накапывалъ дождикъ.

— Ну вотъ и конецъ нашей депутаціи!—сказалъ Борисъ и невольно разсмѣялся.

— Трагическій конецъ, —сказалъ Горшковъ.

— Иначе и не могло быть, —заклучилъ Абласовъ.

— Эка темень!—проговорилъ Горшковъ, —и дождь. —Ну, мы съ тобой по Варваркѣ, Абласовъ. А ты, Боря, какъ пѣшкомъ-то пойдешь? бабинька-то не прислала; пройдишь ужъ разокъ, не аристократничай...

— Да извоици тутъ есть, —замѣтилъ Абласовъ.

— Нѣтъ, я пѣшкомъ. Ну, прощайте господа.

Борисъ завернулся въ шинель и сталъ переходить улицу

— Борисъ!—крикнулъ Горшковъ черезъ улицу.

— Что?

— Каковъ уродъ, Егорка? Сегодня, вѣдь, среда, такъ онъ насъ съ четверти второго держалъ.

Борисъ вспомнилъ, что Маша ждала его раньше обыкновеннаго.

— Прощай, Горшковъ, — крикнулъ онъ и отправился по тротуару

По площади мелькали фонари, и на горизонтѣ едва-едва отдѣлялись зубцы кремлевской стѣны. Надъ башенными во-

ротами висѣла лампада передъ образомъ и бросала вокругъ себя сіяніе.

Борису рѣдко приходилось ходить пѣшкомъ въ такую пору. Онъ шолъ быстро. Ему показалось, что улица какъ-то особенно длинна. На встрѣчу почти никто не попадался.

XIX.

Въ передней слышенъ былъ довольно дружный храпъ, когда Борисъ отворилъ дверь изъ сѣней. Ему точно совѣстно стало передъ лакеями. Одинъ изъ служителей вскочилъ. Борисъ снялъ шинель и, ничего не спрашивая, прошолъ въ бильярдную. Дверь въ кабинетъ была притворена. По обыкновенію, Яковъ прохаживался вдоль диванчика и на одной изъ колоннъ горѣла одинокая, скучная лампа.

— Что папенька?—спросилъ Борисъ.

— Почиваютъ! — отвѣтилъ лѣнливо Яковъ и началъ опять ходить.

Борису хотѣлось спросить: не приносили ли какой записки изъ гимназіи, спрашивалъ объ немъ отецъ, или нѣтъ, но онъ удержался.

— Докторъ былъ?

— Никакъ нѣтъ-съ!—отвѣчалъ Яковъ.

— Какъ сегодня папенька?—спросилъ, помолчавъ, Борисъ. Онъ боялся, что услышитъ, что-нибудь непріятное.

— Ничего!—проговорилъ Яковъ.—Кашлять—мало кашляли; предъ обѣдомъ прошлись по комнатамъ. Полегче сегодня.—заклучилъ онъ, не глядя на Бориса.

У Бориса отлегло на сердцѣ:—отцу легче сегодня, стало быть, онъ не встревоженъ. Но бабинька навѣрное ужъ послала справиться у Теофана, почему я не вернулся,—разсуждалъ онъ про себя, выходя въ корридоръ.

На лѣстницѣ слышались скорые шаги, по всѣмъ ступе

нямъ прошолъ скрипучій звукъ, и съ площадки слетѣла внизъ Маша.

Она бросилась къ брату.

— Боринька, что это, гдѣ ты?

Борисъ расцѣловалъ ее. Ему совѣстно было, но онъ не хотѣлъ лгать передъ Машей.

— Вотъ, видишь, голубчикъ,—продолжалъ онъ,—твой братишка провинился; его и наказали.

— Какъ наказали?

— Да такъ, продержали въ классѣ до 7-ми часовъ.

— И ты ничего не ѣлъ, Боря?

— Ничего.

— Такъ пойдемъ поскорѣй... Какъ же это?... А-а, стой, я тебѣ что скажу: вѣдь, бабушка сердится: все ворчала; ждали мы тебя обѣдать — тебя нѣтъ. Она послала у кучера спросить. Говорятъ: не выходилъ; онъ постоялъ, да и ушолъ.

— А что папа?

— Да онъ ничего, Боря. Она, разумѣется, ему наябедничала. Да папа ничего. Я его видѣла послѣ обѣда: онъ такой веселый былъ, мало кашлялъ.

— Записки не приносили ему?

— Нѣтъ! я не знаю... да, нѣтъ, не приносили. — Маша сдѣлала пресерьѣзную мину.—Это объ тебѣ, что ли?

— Да!—проговорилъ Борисъ.

— Бабушка ужъ наябедничала бы.

— Она гдѣ?

— У себя въ диванной, и толстая тамъ.

— А ты какъ это услышала, что я пришолъ.

— Я все наверху прислушивалась, Боря. Все тихо было; вдругъ шаги—я и сбѣжала. Ну, пойдемъ же наверхъ; тебѣ обѣдать нужно.

Маша взяла его за руку и повела по лѣстницѣ.

— Вѣдь, тебѣ бы нужно сегодня раньше вернуться,—говорила Маша, поднимаясь по ступенямъ.—И за что же это тебя, Боря, засадили? Ты такой большой... Развѣ тебя смѣютъ наказывать?

— Смѣютъ, голубчикъ.

— Да ты шалилъ, что ли?

— Нѣтъ, не шалилъ. Мы учителя просили извиниться, чтобъ не бранился: вотъ насъ за это и засадили.

— Такъ, стало, ты не одинъ?

— Горшковъ со мной, Абласовъ.

— Ахъ, и Горшковъ!—Маша покачала головой. — Только ты бабушкѣ не говори, ты ужъ лучше папѣ прямо скажи

— Хорошо, хорошо, Машенька.

Они взобрались на площадку

— Я сейчасъ свѣчку принесу!—сказала Маша и вбѣжала въ свою комнату.

Она явилась со свѣчой въ рукахъ.

Мироновна тоже дожидалась Бориса; но незадолго до его прихода заснула.

Борисъ вошелъ въ свою комнату объ руку съ Машей и былъ очень удивленъ: на столѣ разостлана была салфетка и стоялъ приборъ.

— Это Мироновна?—сказалъ Борисъ.

— Нѣтъ, это я, Боря,—отвѣтила съ улыбкой Маша.

— Да ты умница, Маша. Когда же это ты распорядилась!

— И кушанье въ печкѣ. Мироновна не хотѣла; все говорила, что ты гдѣ-нибудь обѣдаешь, а я ее упросила сходить.

Въ дверяхъ показалась старушка.

— А, долговязый!—проговорила она,—откуда явился? гдѣ загулялъ?

— Безъ обѣда оставили, Мироновна!—отвѣчалъ, улыбаясь, Борисъ.

— Ишь безстыжій какой! Заперли этакое долговязаго. Да провинился, что ли, въ самомъ дѣлѣ?

— Нѣтъ, няня, такъ.

— То-то такъ... А я думала передумала, куда онъ запропастился? Поди-ка ты бабинькѣ покажись; она тамъ все разыскивала.

— Мироновна,—заговорила Маша, подходя къ старушкѣ, — достаешь-ка поѣсть Борѣ: онъ, вѣдь, голоденъ.

— Сейчасъ, сейчасъ,—отвѣтила старуха и начала доставать изъ печки тарелку.

Борисъ сѣлъ къ столу, Маша помѣстилась подлѣ него и все смотрѣла ему въ глаза.

XX.

Бабинька сидѣла въ диванной съ Амаліей Христофоровной и вязала чулокъ.

На столѣ горѣли двѣ сальныя свѣчки.

— Сашка!—крикнула Пелагея Сергѣевна.

Изъ-за перегородки показалась дѣвчонка, очень косматая.

— Чего изволите-съ?

— Поди, узнай, пришолъ ли Борисъ Николаичъ.

— Пришли-съ.

Бабушка привстала.

— Когда пришолъ?—спросила она, мигая своими карими глазками.

— Я видѣла-съ, они сейчасъ наверхъ поднялись.

Бабинька встала и начала ходить по комнатѣ. Амалія Христофоровна слѣдила за ней глазами.

— Онъ и носу не покажетъ!—ворчала старуха, —изъ благороднаго дома мальчикъ, по улицамъ шатается каждый день.—Николинька въ него вѣритъ, а онъ таскается по сквернымъ мѣстамъ.

Бабинькѣ мало было ходить по диванной, она вышла въ корридоръ и отправилась въ бильярдную.

— Проснулся Николинька? —спросила старуха у Якова, подходя къ двери въ спальню

— Никакъ нѣтъ-съ! —отвѣтилъ Яковъ.

Старуха, не слушая его, отворила дверь.

Больной лежалъ на лѣвомъ боку, и ту минуту, какъ бабинька вошла, онъ проснулся.

Комната освѣщалась, какъ и наканунѣ, лампой, стоявшей за кресломъ, на столѣ.

Бабинька подошла къ больному и съ кошачей ужимкой

нагнулась. Она положила одну руку на плечо его, а другой уперлась въ подушку.

Больной не взглянулъ на нее, а только потянулся немного.

Бабинька поцаловала его въ лобъ. Больной непріятно поморщился и перевернулся на спину

— Ну, каково тебѣ, Николинъка! — проговорила Пелагея Сергѣевна.

— Ничего, полегче... И онъ свободно вздохнулъ.

— Не хочешь ли сѣсть?

— Нѣтъ; я еще полежу немножко.

Старуха выпрямилась и начала переминаться. Она всегда производила эти эволюціи, когда собиралась кого-нибудь точить.

— Борисъ Николаичъ явился,—пропустила она, очень ядовито улыбнувшись.

— А-а, приполъ!—проговорилъ больной. Видно, что ему непріятно было говорить объ этомъ съ матерью: онъ уже предчувствовалъ, какой оборотъ приметъ разговоръ.

— Не показывается!—значительно проговорила бабинька. Больной промолчалъ.

— Ты его, Николинъка, по-крайнѣй мѣрѣ, спроси: куда это онъ пропадалъ? Вѣдь это ужъ изъ рукъ вонъ какое своевольство!

— Вѣрно у кого-нибудь изъ товарищей обѣдалъ, отвѣтилъ больной.

— Обѣдалъ. Такъ онъ бы поѣхалъ туда, а Теофашка стоялъ, стоялъ, не дождался: долженъ былъ домой вернуться. Его, навѣрно, тамъ наказали.

— За что же, матушка?

— Какъ за что? Вотъ прекрасно! Это только ты считаешь его херувимомъ. Много мы съ тобой знаемъ о немъ! Онъ цѣлый день шатается. Вѣрно, успѣлъ ужъ въ гимназіи всякимъ пакостямъ научиться.

Бабинька выговорила это съ особой рѣзкостью, такъ, что больной болѣзненно вздрогнулъ.

— Послушайте, матушка,—проговорилъ онъ слабымъ, но спокойнымъ голосомъ, и приподнялся на кровати:—оставьте вы, пожалуйста, Бориса въ покоѣ.

Старуха отступила назадъ и съ удивленіемъ посмотрѣла на сына.

— Вѣдь нельзя же, матушка, все нападать безпричинно, — продолжалъ больной, одушевляясь. Я его отецъ, я его знаю съ дѣтства и вижу, что онъ славный малый.

— Ты ничего не видишь, Николинька! — вставила старуха.

— Я умираю, матушка! — перебилъ онъ, голосъ его получалъ все бѣольшую и бѣольшую силу. — Я умираю! — повторилъ онъ, смотря пристально на мать; — мнѣ какихъ-нибудь десять дней дотянуть, такъ зачѣмъ же вы меня передъ смертью стараетесь увѣрить, что изъ дѣтей моихъ выйдутъ негодяи?

Бабиньку передернуло.

— Что ты, Николинька? — зашипѣла она, — ты развѣ забываешь, что я изъ одной любви, къ нимъ; ты развѣ забылъ, что я всегда жила для тебя? и ты мнѣ говоришь такія вещи. Я и для тебя судомойкой стала.

Пелагея Сергѣевна приступила къ кровати.

Больной, сидя, вытянулся и высоко поднялъ голову.

— Матушка! — прервалъ онъ потокъ рѣчей старухи, — я всю жизнь свою молчалъ передъ вами, неужели же и теперь, въ могилу глядя, нельзя мнѣ вамъ слова сказать отъ души? Вѣдь, вы мнѣ всю душу вытянули. Ужъ Господь васъ знаетъ почему вы озлоблены противъ дѣтей моихъ. Какъ же мнѣ молчать-то теперь! Вѣдь, вы съ ними останетесь послѣ меня, а я вижу въ васъ какую-то злобу.

Больной воодушевился; глаза горѣли. Бабинька стояла передъ нимъ въ такой позѣ, точно она наступила на гвоздь.

— И я прошу васъ Христомъ Богомъ, какіе бы они не были, дайте вы мнѣ хоть одну минуту покоя!

Въ послѣднихъ словахъ больного были слезы. Все, что долго таилось въ душѣ, вылилось съ силой, на какую часто способны самые слабые люди.

— Вы и могилу-то мою отравляете... вскричалъ больной и остановился. Въ дверяхъ стоялъ Борисъ.

XXI

Его поразила сцена между отцомъ и Пелагеей Сергѣевной. Бабинька вся съѣжилась. Отецъ такъ и остался съ поднятой рукой. Глаза его горѣли, грудь была полуобнажена; весь онъ волновался, губы шевелились, точно они продолжали высказывать все, что накипѣло на сердцѣ.

Съ минуту длилось молчаніе. Борисъ почувствовалъ, что нужно прекратить эту томительную сцену. Онъ подошелъ къ кровати и взялъ отца за руку

— Какъ вы сегодня: получше?—сказалъ онъ, цѣлуя руку. Затѣмъ, онъ повернулся немного въ сторону къ Пелагее Сергѣевнѣ и проговорилъ: здравствуйте, бабушка.

Больной поцѣловалъ его съ особеннымъ чувствомъ въ лобъ.

— Да, мнѣ лучше, Боря... Соснулъ немножко... Отъ груди отлегло...

Бабинька наконецъ оправилась. Она сдѣлала такое движеніе, какъ-будто хотѣла схватить Бориса сзади за шюртукъ. Ей хотѣлось такъ же *излиться*, но она была слишкомъ озадачена. Она не нашла даже чѣмъ встрѣтить Бориса, хотя готовилась къ этому цѣлый день...

Помявшись на одномъ мѣстѣ, она вдругъ вышла изъ комнаты.

Борисъ посмотрѣлъ вопросительно на отца...

У больного вдругъ пропало его напряженное состояніе; онъ опустился на подушки и, протянувъ руку къ сыну, проговорилъ мягкимъ и довольно-спокойнымъ голосомъ:

— А ты обѣдалъ гдѣ-нибудь у товарища, Боря?..

Борису стало немножко совѣстно; но первый проблескъ юношескаго самолюбія исчезъ и онъ очень свободно отвѣчалъ:

— Нѣтъ, папенька, меня нынче оставили въ гимназій.

— Какъ,—проговорилъ больной и опять приподнялся, за что же Боря?

— Да видите, у насъ учитель есть Коряковъ, очень гру-

бый Онъ вчера одного ученика обругалъ. Мы ему предложили извиниться; онъ отказался. Мы къ директору пошли; ну, и остались виноваты.

— Да ты-то за что же наказанъ?

— Я предлагалъ ему извиниться отъ всѣхъ товарищей, отвѣтилъ Борисъ, и немного потупился. Я виновать передъ вами, папенька, что встревожилъ васъ.

— Чѣмъ же Боря? спросилъ больной. Я и не думалъ тревожиться... Чтѣ бы про тебя ни наговаривали мнѣ, я знаю, что все это сплетни, злость одна...

Борисъ слушалъ отца и чувствовалъ, что въ немъ сегодня есть какая-то новая энергія. Для него ясно было, что между отцомъ и бабинькой былъ крупный разговоръ.

— Папенька, — вдругъ проговорилъ онъ, — нагибаясь къ отцу, вы изъ за меня встревожились вотъ сейчасъ съ бабушкой?

Глаза больного опять заблестали. Онъ оперся руками о постель и поднялъ голову

— Боря, сказалъ онъ, взволнованнымъ, отрывистымъ голосомъ, — какъ мнѣ тяжело передъ смертью, еслибъ ты только зналъ какъ мнѣ тяжело...

И онъ смолкъ, точно подавленный своей душевной тяжестью.

— Я, вѣдь, вижу, папенька, отчего вамъ тяжело. Но неужели же вы не сбросите съ себя... Борисъ не договорилъ.

— Что я сброшу?.. Ну, куда я теперь уйду? Ты видишь, чтѣ я такое: мертвецъ, а не живой человекъ. Мы убѣжимъ что ли изъ этого дома? И онъ съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ осмотрѣлъ кругомъ всю комнату.

— Поздно другъ, поздно.. назадъ не вернешь того, что убито... А мнѣ чтѣ же дѣлать? Я лежу... не запрещаю: все будутъ люди входить... А вѣдь она говоритъ, что любя все дѣлается... И больной горько улыбнулся.

— Если вы мнѣ довѣряете, папенька, скажите мнѣ хоть одно слово... не бойтесь, вы никого; а то, ей-богу, я путаюсь, я не знаю, чтѣ мнѣ думать, чтѣ мнѣ дѣлать... Въ этомъ домѣ я одинъ, кому вы можете повѣрить все... Мнѣ вѣдь предъ вами не хвалиться...

Борисъ былъ въ большомъ волненіи. Дѣло шло о жизни или смерти. Пропустить минуту — и пойдетъ опять та же безысходная жизнь: никакъ уже не вырвешь у отца ни одного живаго слова.

— Я знаю, что вамъ нельзя убѣжать изъ этого дома,— продолжалъ Борисъ;—но, вѣдь, васъ мучать каждый день и вы этому поддаетесь... У васъ даже нѣтъ сидѣлки порядочной, докторъ вамъ противенъ—и вы его держите... Зачѣмъ, зачѣмъ все это, папенька?

Больной взялъ сына за руку.—Правда, Боря, все это правда,—проговорилъ онъ, да обо мнѣ нечего тужить, самъ виноватъ; но передъ вами, вотъ передъ тобой и передъ Машей... стыдно мнѣ... Постой... я вотъ сяду... кашель меня не душитъ... можетъ, въ послѣдній разъ поговорить съ тобой. Слушай...

Больной спустилъ съ кровати ноги. Борисъ помогъ ему надѣть халатъ и усадилъ въ кресло. Съ минуту больной довольно-тяжело дышалъ.

— Аа, нечего обо мнѣ сокрушаться, Борисъ... Ты все понимаешь... все видѣлъ. Слабость меня погубила!.. Я крѣпостной былъ, у матушки въ услуженіи... Былъ когда-то я человѣкъ, и учился, и зналъ кое-что и жить собирался хорошо—все это рухнуло. Одинъ я виноватъ. Теперь вотъ васъ однихъ оставляю, и то у меня силъ нѣтъ заступиться за васъ. Помоги ты мнѣ... Боря,—вскричалъ больной, и обнялъ Бориса.

— Говорите, говорите, папенька, могъ только прошептать Борисъ.

— Я скрывалъ отъ тебя Боря, прости мнѣ... теперь не втерпѣжъ стало; чувствую, что этакъ я весь изподлился; все молчу, себя измучилъ, да и дѣтей на мученье отдаю.. Нѣтъ, будетъ, довольно. Посвоему сдѣлаю,—проговорилъ больной, судорожно повернувшись въ креслѣ, и взглянувъ на дверь.

— Запри дверь на задвижку, прошепталъ онъ.

Борисъ заперъ дверь и вернулся.

— Слушай, Боря... Болѣзнь меня совсѣмъ скрутила. Завѣщаніе я написалъ, какъ ей хотѣлось... Не я писалъ... другіе, я согласился... Не вини ты меня очень. Ты да Маша

одни остались въ семьѣ, только она... кому же мнѣ было поручить васъ? А теперь я знаю кому!.. Эхъ Боря! не отдавай ты никогда въ жизни своей свободы... Мужчинѣ срамъ весь свой вѣкъ мальчишкой быть. И умрешь собачонкой какой-то, а не человѣкомъ. Смотри что я такое? я тебѣ живой примѣръ...

Вотъ теперь мы что сдѣлаемъ,—началь больной, глубоко вздохнувъ,—завтра Боря, ты съѣдешь отъ меня къ Лапину, Ѳедору Петровичу, попроси его быть у меня до обѣда или объ эту пору, только чтобъ матушка не знала. Выносить ужъ я больше не могу, голосъ одинъ меня за душу хватаетъ.

Вольной закашлялся и долго послѣ того, не могъ отдышаться.

—Ну, вотъ видишь,—началь онъ,—опять задушило, слово-то сказать нельзя. Еще—день другой и дышать перестанешь, а ничего не сдѣлано...

— Вы хотите Лапина въ душеприкащики взять? спросилъ Борисъ.

— Да, я ему расскажу, онъ напишетъ. Ты все узнаешь. Нѣтъ у меня секретовъ... Ты для Маши и отецъ, и мать. Тебѣ нечего говорить, ты ее больше самого себя любишь—я вижу Она на твоихъ рукахъ остается. Горько мнѣ Борисъ, вспоминать старое. Ты, вѣдь, помнишь твою мать: не вини ты меня въ томъ, что жизнь ея была не красная. Вѣдь и я страдалъ, вѣдь и для меня жизнь-то каторгой была.

— Онъ махнулъ рукой.—Эхъ.. не требуй ты отъ меня, Боря, чтобъ я себѣ сердце бередилъ... Когда-нибудь, когда меня не станетъ, все узнаешь.

Слова отца поразили Бориса. Еще никогда онъ не слышалъ отъ него ничего о матери. Тысяча вопросовъ бродили въ его душѣ; онъ не могъ ихъ высказать; онъ видѣлъ, что отецъ страдаетъ... И вдругъ ему сдѣлалось стыдно самого себя. Выслушивая повѣсть умирающаго, онъ точно къ одному стремился—воспользоваться послѣдними минутами; точно сама смерть для него ничего не значила.

— Зачѣмъ вы все о смерти думаете, папенька?—проговорилъ онъ, цѣлуя руку отца; и въ то же время взглянувъ

въ лицо больному, онъ прочелъ на немъ смертный приговоръ.

Слова такъ и застыли на губахъ.

— Да, о смерти, Боря,—отвѣчалъ шопотомъ больной, (силы уже оставляли его). Поздно, черезчуръ поздно заговорилъ объ ней... Слушай: отыщи ключи. они вотъ тутъ... въ шифоньеркѣ на верхней полкѣ.

Борисъ досталъ связку ключей и подалъ отцу

— Отопри верхній ящикъ въ бюро... тамъ все лежитъ... Завѣщаніе и билеты, и деньги на мои похороны... Завѣщаніе въ правомъ углу... вотъ оно! подай.

Борисъ подалъ толстый пакетъ, запечатанный большой красной печатью.

— Ничего не будетъ—прошепталъ больной... сжечь его нужно, да... возьми это Боря... прочти у себя и разорви, чтобы духу его не было... другое есть, въ палатѣ лежитъ... то мы тоже уничтожимъ... Только Ѳедора Петровича ко мнѣ... мы...

Раскаты кашля опять прервали рѣчь больного; онъ совсѣмъ ослабъ.

— И завтра, Борисъ,—началъ онъ медленно, слабымъ голосомъ,—ты выбери минутку, когда мнѣ полегче будетъ, приди ты, бумаги принеси почтовой и перо. Много, много мнѣ нужно тебѣ сказать—не могу .. смертная слабость опять... Лечь, лечь надо,—повторялъ больной и началъ метаться.—Уложи меня, уложи.

Борисъ приподнялъ отца, уложилъ и укуталъ его.

— Слышишь, Боря,—шепталъ больной,—завтра письмо напишемъ, я продиктую; а то умру и ничего не будетъ! Господи!..

И слезы потекли изъ слабыхъ, потухавшихъ глазъ страдальца.

— Не пускай никого; не хочу никого видѣть, запри меня—слышишь—Машу приведи... и сожги, разорви ты это,—и онъ указалъ на пакетъ, который Борисъ положилъ на кресло.

— Кому вы хотите писать, папенька?—спросилъ Борисъ?

— Увидишь, Боря. Мы ей напишемъ.

— Ей?.. вырвалось у Бориса.

— Да, да, — повторилъ больной и впалъ въ забытѣ.

Сынъ простоялъ минуты двѣ у кровати. Онъ не могъ проя-
снить своихъ впечатлѣній. Съ какимъ-то страннымъ, совер-
шенно новымъ для него чувствомъ взялъ онъ пакетъ съ
кресла и посмотрѣлъ на бюро.

Онъ чѣмъ-то былъ утѣшенъ, но на днѣ души было стра-
даніе, свѣжая боль. И страшно ему стало глядѣть на уми-
равшаго отца. Онъ быстро вышелъ.

XXII.

Выходя изъ кабинета, Борисъ спряталъ пакетъ въ боковой
карманъ.

— Яковъ! — сказалъ онъ камердинеру, — никого не пускай
къ папенькѣ: онъ започивалъ.

— Слушаю-съ, — процѣдилъ Яковъ.

Прошло половина десятаго.

Въ корридорѣ, у лѣстницы, стояла наперстница бабиньки,
и какъ только завидѣла Бориса, подбѣжала къ нему.

— Баринъ миленькій, — прошепелявила она — бабиньки
васъ къ себѣ просятъ. Первая мысль Бориса было — отка-
заться. Ему противно было смотрѣть на старуху, особенно
теперь, послѣ разговора съ отцомъ. Это движеніе смѣнилось
другимъ. Онъ устыдился своей слабости и, вмѣсто отвѣта
наперстницѣ, отправился, по корридору въ диванную.

Бабинька его встрѣтила у самыхъ дверей...

— О чемъ ты говорилъ съ отцомъ? — начала она прямо
вопросомъ.

— Какъ о чемъ-съ? — спросилъ въ свою очередь Борисъ.

— Да, о чемъ? Ты думаешь, я не знаю? все знаю: вы ду-
маете оттереть меня отъ отца; ну, а онъ умретъ, кто же съ

вами останется? Вы, вѣдь, дѣти: домъ и имѣнье есть, — кто имъ будетъ управлять?

— Позвольте, бабушка, — отвѣтилъ Борисъ, — я не знаю, зачѣмъ вы заговорили объ этомъ. Что бы ни было по смерти папеньки, ни вы, ни я измѣнить того не можемъ. У васъ какія-то подозрѣнія; я ихъ не понимаю. Вамъ, вѣдь, извѣстны всѣ желанія папеньки?...

— Не финти ты со мной! — закричала вдругъ старуха, скверный ты мальчишка! Вижу я, что ты тамъ творишь, что ты отцу въ ухо напѣваешь! Ты хочешь меня перехитрить, такъ это ты врешь, не доросъ еще.

Бабенька заколыхалась.

Бориса взорвало.

— Я не думаю хитрить, сказалъ онъ громко. — А если за отца заступиться, такъ всегда заступлюсь и не стану прятаться отъ васъ. Чего вамъ отъ меня нужно?... Неужели вы не видите, что я васъ ненавижу... Еслибъ у васъ была хоть капля доброты въ сердцѣ, вы бы не мучили отца каждый день!... (Онъ весь свой вѣкъ слушался васъ, — всю жизнь вы его точили, этого вамъ мало: вы и передъ смертью хотите тиранить.

— А, такъ это ты его науськалъ, вскричала старуха, всѣмъ ужъ разсвирѣпѣвъ; нѣтъ, не уйдешь отъ меня. Я буду глава и не дамъ тебѣ командовать, — ты знай это, скверный мальчишка, что отецъ сдѣлаетъ не по-твоему, а по-моему.

Борисъ хотѣлъ показать старухѣ пакетъ; но удержался.

— Такъ изъ-за чѣго же вы бѣснуетесь, бабушка? — прервалъ онъ. — Вы глава, вы будете командовать, вы только дожидаетесь смерти отца!... Такъ, вѣдь, вы и теперь командуете... Я одинъ только васъ не слушаю, и никогда не буду слушать!

— Чтѣжъ ты, убѣжишь, что-ли, изъ дома, и Машку твою уведешь? — вскричала бабушка, размахнувъ руками.

Бориса ущемило за сердце. Онъ почувствовалъ вдругъ, что положеніе Маши всѣ-таки тяжело.. Отецъ бредилъ: кому кромѣ бабиньки, оставить онъ дочь!... Больно, страшно стало Борису; онъ готовъ былъ просить старуху за свою Машу

Но это была одна минута. Онъ выпрямился и съ прежнимъ гордымъ чувствомъ взглянулъ на старуху

— Не боюсь я васъ,—вырвалось у него,—и нечего мнѣ васъ бояться. Пока я живъ буду—вамъ не удастся тиранить сестру. Вы сами чувствуете, что въ васъ уже нѣтъ силы. Да, бабушка, васъ злость разбираетъ, а вы ничего не можете сдѣлать.

Старуха совершенно разъярилась и кинулась—было на Бориса.

— Разбойникъ!—кричала она — ты смѣешь меня ругать! Батюшки! —бабиньку всю покорило.—Да послѣ того ты у меня мѣста не найдешь, я тебя живого въ гробъ уложу!

Старуха такъ взбѣсилась, что сама не знала, что говорить.

Борисъ расхохотался.

— Воды напейтесь, бабушка,—сказалъ онъ и вышелъ въ корридоръ.—Кто тутъ есть? — крикнулъ онъ въ дѣвичью,—бабушка зоветъ; стаканъ воды ей!

— Кончено ея царство! — проговорилъ онъ, и онъ все-таки, невольно, вздохнулъ. Онъ выходилъ побѣдителемъ, но ему не было отъ того легче: — впереди предстояло, можетъ быть, еще больше борьбы и страданья.

Борисъ наткнулся въ корридорѣ на колбасу и сказалъ ей:

— Бабушка васъ ждетъ: успокойте ее, пожалуйста.

Колбаса хищно взглянула на него

XXIII.

— Голубчикъ мой, Машенька,—говорилъ Борисъ, цѣлуя сестру, у себя въ комнатѣ,—отчего ты за меня такъ боялась? Ты думала бабушка меня заѣстъ?

— Да, Боря, я ужъ и не знала что думать. Ты ушелъ и все внизу былъ. Я боялась, что папа на тебя разсердится.

— Нѣтъ, папа ничего. Ты видишь, какъ я веселъ. Папа

нынче мнѣ много хорошихъ вещей сказалъ: теперь другое пойдетъ..

— Что пойдетъ?—наивно проговорилъ ребенокъ.

— Лучше жить будетъ.

— А папа долго проживетъ?

Борисъ промолчалъ.

— Ты что же молчишь, Боря? видно. онъ скоро умретъ,— сказала дѣвочка, покачавъ головой.

Борисъ былъ въ волненіи. Онъ прошлся по комнатѣ и, глядя на сестру, призадумался. Какія надежды волновали его? Чѣмъ онъ могъ утѣшить этого ребенка?

— Маша.—проговорилъ онъ тихо..

-- Что, Боря?

— А если папа, въ-самомъ-дѣлѣ умретъ—куда мы уйдемъ отъ бабушки?

— Не знаю, Боря Я съ тобой... отвѣтила дѣвочка.и взглянула на брата.

— Да, Машенька... проговорилъ Борисъ. взявъ сестру за руку... Онъ сѣлъ на диванъ, а ее посадилъ къ себѣ на колѣни.. Ты со мной, и уходить намъ ненужно: тебя бабушкѣ не отдадутъ.

— Боря, толстая всѣмъ страшается, что меня въ институтъ отправятъ. И зачѣмъ это она мнѣ каждый день твердитъ: „Погодите, присмирѣете вы, какъ на васъ казенное платье надѣнуть, да по звонку будутъ съ постели подымать...“ А знаешь, Боря, мнѣ хочется куда нибудь.

— И меня не жалко! спросилъ Борисъ.

Дѣвочка зарумянилась и обняла брата.

— Ахъ, Боря! жалко; да вѣдь тебѣ изъ-за меня все достается. Ни одного денька нѣтъ, чтобъ у насъ въ домѣ весело было.

Ребенокъ сказалъ это со слезами на глазахъ.

— Тебя увезутъ тогда только,—проговорилъ Борисъ,—когда ни папы, ни меня на свѣтѣ не будетъ. Развѣ тебѣ хочется, чтобъ я умеръ!

— Ахъ нѣтъ, что ты, что ты, Боря!—закричала дѣвочка и заплакала. Борисъ не утѣшалъ ее, не удерживалъ ея слезъ.

Эти слезы были такъ хороши, что на нихъ можно было только любоваться.

— Нѣтъ, Боря,—заговорила дѣвочка, закладывая за уши свои прекрасные локоны, не хочу я никуда; какъ меня ни брани, хоть наказывай каждый день, а я безъ тебя жить не могу. Ну, пока маленькая—потерплю; а какъ вырасту, тогда ужъ толстой не будетъ: бабушка умретъ; а если и жить будетъ, такъ, вѣдь-я ужъ сдѣлаюсь большой. Вотъ тогда-то мы съ тобой заживемъ!—проговорила дѣвочка и лицомъ по-свѣтлѣла.

Борисъ любовался на свою сестренку, на выраженіе ея глазъ, на тонъ ея простодушной рѣчи, на ея дѣтскій говоръ.

Она смягчила для него впечатлѣнія дня, отъ которыхъ на сердцѣ было такъ жутко.

— Маша, сходимъ внизъ,—сказалъ Борисъ, опуская ее съ колѣнъ:—посмотримъ, спитъ ли папа. Онъ велѣлъ тебя привести, да и заснулъ сейчасъ же.

— Пойдемъ, Борисъ, пойдемъ.

Они тихонько спускались съ лѣстницы и, отворивъ дверь въ бильярдную, стали приближаться на ципочкахъ къ двери въ спальню. Она была на половину отворена.

— Войдемъ, Маша,—проговорилъ Борисъ:—къ папѣ можно.

Больной засыпалъ вторично, но, увидавъ дѣтей, приподнялъ голову и подозвалъ ихъ.

Маша бросилась цѣловать его.

— Тебѣ, папа, лучше сегодня?

— Да, Маша, отвѣтилъ больной слабымъ голосомъ,—лучше, голубушка моя.

— Я хотѣла придти къ тебѣ пораньше проститься, да думала что нельзя.

— Боря,—проговорилъ больной, указывая на дочь,—какая она у насъ славная дѣвочка! И онъ взглянулъ на Бориса такъ, что тотъ понялъ все въ этомъ взглядѣ.

— Ты, Маша, слушайся брата, во всемъ, что онъ скажетъ... того и я желаю. Больной опустилъ голову и прошепталъ:

— Ну, прощайте, дѣти...

Маша поцаловала его руку и взглянула на брата.

— Слышишь, Боря,—прошепталъ еще больной.. завтра не забудь...

Борисъ поцѣловалъ отца въ плечо и проговорилъ:

— Все будетъ исполнено, папенька.

Онъ тихо вышелъ съ сестрой изъ спальни и проводилъ ее до ея комнаты.

— Ну, пора спать, Маненька; завтра папѣ будетъ еще лучше.

Маша поднялась и, цѣлуя Бориса, перекрестила его своей ручкой.

— Прощай, Боря... Толстая у бабушки долго просидитъ.

— Прощай, голубчикъ.

XXIV

Мироновна, по обыкновенію, спала, за перегородкой. Она всегда просыпалась около одиннадцати часовъ.

Разговоръ между Борисомъ и Машей не разбудилъ ее. Она показалась въ дверяхъ только въ ту минуту, какъ Борисъ подошелъ къ столу и вынулъ изъ боковаго кармана пакетъ съ завѣщаніемъ.

Ну, что, долговязый?—проговорила она. Что папенька-то?

Борисъ подошелъ къ старушкѣ.

— Мироновна,—сказалъ онъ весело,—ты знаешь ли что? Теперь бабушка-то ужъ не станетъ такъ мучить папеньку.

— А что?—спросила Мироновна довольно спокойно.

— Онъ не хочетъ дѣлать все по ея приказу.

— Не выдержитъ,—проговорила значительно старушка.

— Выдержитъ видишь вотъ, — сказалъ онъ, указывая на пакетъ:—тутъ вотъ, въ этой бумагѣ папенька распорядился, какъ ей хотѣлось; а теперь онъ велѣлъ сжечь это завѣщаніе.

Старушка, въ недоумѣніи, посмотрѣла на Бориса.

— Вольно ты ужъ умень, — сказала она, — а ужъ бабиньку не перехитритъ тебѣ. Папенька твой весь свой вѣкъ прожилъ какъ малый ребенокъ; а останетесь вы круглыми сиротами — ан Бога только надѣяться, а больше ужъ ни на кого.

Борисъ сознавался, что няня говоритъ правду. Его на дежда отуманивалась... Ничего нельзя было возразить старушкѣ. Онъ утѣшился только тѣмъ, что Мироновна никогда ничѣмъ не увлекалась, вѣрила всегда послѣдняя.

— А ты, вотъ, спать ложись лучше, — проговорила старушка. — Читать еще, поди, будешь...

Борису все еще хотѣлось увѣрить свою няню, что будетъ лучше.

А что лучше — онъ и самъ не зналъ. Мироновна скрылась за перегородку, а онъ сѣлъ къ свѣчкѣ и разломалъ печать на пакетѣ. Онъ съ тревожнымъ чувствомъ вынулъ изъ пакета завѣщаніе, написанное на нѣсколькихъ листахъ, сшитыхъ въ одну тетрадь.

Пробило половина перваго, а Борисъ все еще читалъ завѣщаніе.

Прежде всего поразили его подписи душеприкащиковъ. Одинъ изъ нихъ былъ докторъ, другой — старый пріятель бабиньки, какой-то подленькій старикашка, вышедшій изъ подъячихъ.

Отецъ Бориса назначалъ бабиньку опекуной и попечительницей дѣтей своихъ; повѣрялъ ей управленіе имѣньемъ и завѣщевалъ дѣтямъ безусловное повиновеніе ея волѣ. Читая это, Борисъ, какъ бы почувствовалъ на себѣ гнѣтъ бабинькиной личности и все повторялъ про себя, что это перемѣнится, ничего этого не будетъ.

Потомъ въ завѣщаніи упоминалось о деньгахъ, оставленныхъ также бабинькѣ съ тѣмъ, чтобы она, по благоусмотрѣнію, наградила внуковъ, „буде они заслужатъ сіе“. Далѣе говорилось о нѣкоторыхъ дворовыхъ; одни получали вольную, другіе денежную награду. Въ самомъ концѣ завѣщанія, въ послѣднемъ пунктѣ упоминалось о женѣ покойнаго дяди: ее поручалъ отецъ любви и уваженію дѣтей; но все это высказано было вскользь, и точно укрдкой.

Все завѣщаніе написано было слогомъ приказнаго, и въ каждомъ словѣ видно было торжество бабушки.

Долго просидѣлъ Борисъ, облокотясь объ столъ.

Послѣдній пунктъ завѣщанія какъ-то особенно заставилъ его призадуматься:

„Кто она — эта женщина. Получить ли она свою часть? спрашивалъ себя Ворись. Увижу я ее когда-нибудь, или нѣтъ“?

Вспомнилъ онъ послѣдній прїѣздъ дяди и вопросы потекли одинъ за другимъ, и трудно было разрѣшить ихъ.

Все, что привелось ему пережить въ этотъ день, наконецъ утомило его молодую натуру.

Борись тотчасъ заснулъ.

А бабинька въ это время еще не спала. Она шептала что-то Амаліи Христофоровнѣ, лежа въ кровати. Отданъ былъ приказъ послать утромъ на другой день за докторомъ, для совѣщанія.

Бабинька задыхалась отъ злости, но что-то ей говорило о бесплодіи этой злости. Она весь вечеръ нигуда не показывалась изъ диванной и даже не посылала узнавать, что дѣлается въ бильярдной и наверху.

XXV

Рано проснулась Пелагея Сергѣевна. Она вся поглощена была одною мыслью, или лучше, она вся была полна одной лихорадочной тревоги. Обыкновенно. малѣйшій поводъ къ раздраженію былъ достаточенъ. чтобъ *зарядить машину*, какъ выражались про нее въ дѣвичьей. А наканунѣ она испытала небывалыя ощущенія. Еще никогда отецъ Бориса не возвышалъ голоса такъ энергически. Бабинька чувствовала, что оборвалось что-то такое, разорвана цѣпь, которой она всю жизнь держала сына на привязи.

Все, что въ большомъ дикомъ домѣ было тяжелаго, все это было дѣло рукъ бабинькиныхъ; но ее уже не давилъ гнѣтъ той жизни, которая досталась на долю ея старости. Ей точно вѣкъ хотѣлось просидѣть въ этомъ домѣ; точно она говорила. что иначе и быть не можетъ, что нужно было привести къ такому исходу свое семейство.

Пробило восемь часовъ.

Пелагея Сергѣевна напилась чаю очень поспѣшно. Она уже раза два посылала наперсницу узнать: проснулся ли Николай Дмитричъ, и каждый разъ Яковъ отвѣчалъ, что еще почиваютъ.

Около девяти часовъ Амалия Христофоровна привела Машу здороваться съ бабушкой.

Старуха никогда не отпускала ее безъ какого-нибудь замѣчанія, но на этотъ разъ промолчала.

Амалия Христофоровна услала Машу на верхъ и подсѣла къ бабинькѣ.

— Тотъ уѣхалъ ужъ,—проговорила Пелагея Сергѣевна,—рано что-то поднялся.

— Слышала-съ,—отвѣчала толстая.

— Куда-нибудь не спроста.

Колбаса кивнула утвердительно головой.

— Фицка!—крикнула бабинька.

Явилась наперсница.

— Послала за Григорьемъ Ивановичемъ?

— Θεοφανъ барина повезъ,—прошепелявила *Фицка*,—такъ Епишка поѣхалъ-съ.

— Какъ проснется Николинъка, сказать мнѣ.

— Слушаю-съ!

Наперсница скрылась.

Бабинька со вчерашняго вечера все еще не рѣшила вопроса: идти ей къ сыну или нѣтъ. Она поджидала доктора, и доискивалась все настоящей причины вчерашней выходки больного.

— Ужъ я знаю,—проговорила она, послѣ долгаго молчанія,—что это *ея* дѣло.

— Конечно, кто же другой станетъ такія пакости дѣлать,—отвѣтила медоточиво Амалия Христофоровна.

— Желала бы я только знать,—продолжала Пелагея Сергѣевна,—какъ это она съ нимъ переписывается.

— Какъ переписывается? Это очень легко придумать,—отвѣтила колбаса, щуя глаза.—Навѣрно, тутъ Борисъ Николаичъ участвуетъ. Вѣдь, онъ радъ: ему только бы что-нибудь противъ васъ сдѣлать.

— Вѣру какую въ него имѣть; что сказалъ онъ, то и свято. — Бабинька замолчала.

— И какъ я, — заговорила она съ силой, — какъ я допустила это? Мальчишка вшивый — и что изъ себя корчить! Онъ скоро меня въ дѣвичью сошлетъ?

— И знаете что, Пелагея Сергѣевна, вчера, какъ я у васъ здѣсь сидѣла, онъ тамъ у себя, наверху, заперся; Вѣрка видѣла; у стола все сидѣлъ, какой-то пакетъ съ собой принесъ изъ кабинета.

— Пакетъ? — быстро спросила бабинька.

— Да-съ, пакетъ. и большую бумагу оттуда вынулъ, все читалъ, долго читалъ. Это какія-нибудь важныя бумаги онъ утащилъ изъ кабинета.

Бабинька вскочила и пошла ходить по диванной. Кацавейка и чепчикъ также заходили подъ ея пальцами.

— Пакетъ! — вскричала бабинька, — на большихъ листахъ, вы говорите?

— Да-съ; на большихъ.. онъ все переворачивалъ — Вѣрка видѣла.

— Да-да, это оно. Такъ вотъ они зачѣмъ запирались! А меня прочь, долой! Меня, какъ собаку какую, вонъ изъ дому вышвырнѣть! А-а! — И Пелагея Сергѣевна заметалась по комнатамъ, издавая какіе-то дикіе звуки.

Въ дверяхъ показалась Фицка.

— Проснулся баринъ, — доложила она.

Пелагея Сергѣевна подлетѣла къ ней.

— Ты что смотришь? Гдѣ нужно, тамъ тебя нѣтъ а? И увѣсистая пощочина досталась на утренній завтракъ наперсницѣ.

— Она мнѣ тычетъ въ носъ: „проснулся“ Я и безъ тебя знаю, что проснулся, а больше-то ты ничего не знаешь.

Наперсница съѣжилась и молчала, Амалия Христофоровна щурила глазки.

Бабинька не могла успокоиться.

— Западно строить! — кричала она. — Они мерзавку эту изъ Москвы выпишутъ; она распутничать станетъ у меня въ домѣ!..

Послышались шаги въ корридорѣ.

— Матушка, барынька, — пропищала Фицка, — Григорій Ивановичъ идутъ-съ.

XXVI.

Воиолъ докторъ.

— Что вы, матушка?—пробасилъ онъ и поцѣловалъ руку Пелагеи Сергѣевны, — плохо что-ли больно?

Бабинька все еще не успокоилась, и даже не нашлась что отвѣтить въ первую минуту.

— Какъ больной-то нашъ?—спросилъ докторъ.

— Не знаю, Григорій Ивановичъ, ничего я теперь не знаю,—выговорила она, разведя руками въ разныя стороны.—Я за вами послала; вѣдь надо же этому конецъ положить. Амалия Христофоровна, скажите, чтобъ подали чаю Григорью Ивановичу

Колбаса поняла, что ей слѣдовало удалиться.

Когда она вышла, бабинька схватила доктора за руку и подвела къ дивану.

— Сядьте, сядьте, Григорій Ивановичъ,—заговорила она,—вы не повѣрите, Николинъка совсѣмъ теряетъ, у него отуманился разумокъ.

— Гм!—промычалъ сѣрый господинъ.

— Да, да, омрачился разумокъ. Онъ на меня кинулся вчера; я думала прибѣтъ меня,—ей-богу Въ глазахъ такое выраженіе страшное...

— Да, чтожь это съ нимъ? спросилъ сѣрый докторъ безстрастнымъ тѣномъ.

— Ума не приложу. Вы знаете его любовь ко мнѣ, повиновеніе всегдашнее: могъ-ли онъ когда подумать о томъ, чтобъ возстать на меня? Вчера, видите, этого сквернаго мальчишку, умника-то нашего, Бориса Николаича, за мерзости какія-то оставили въ гимназій. Къ обѣду нѣтъ; пятый, шестой часъ—все нѣтъ. Вотъ я въ седьмомъ часу иду къ Николинъкѣ и въ разговорѣ, такъ, сказала, что нѣтъ его. И что бы вы думали, Григорій Ивановичъ? онъ какъ подымется на

меня, я ну кричать: „вы лжете; вы клевете на него? Я ему вѣрю больше, чѣмъ вамъ. Вы мнѣ умереть спокойно не дадите. Вы меня мучите, живымъ въ гробъ заколачиваете.“ Я ушамъ своимъ не вѣрила. Точно бѣлены обѣлся, точно духъ въ него засѣлъ какой-то.

— Ничего, сударыня, осядется, — пробасилъ эскулапъ.

— И все это мерзкій мальчишка натворилъ. Но слушайте, это еще не все. Приподнялся онъ на кровати и кричить на меня; въ эту самую минуту входитъ сынокъ возлюбленный. Я не могла вытерпѣть, выбѣжала бѣгомъ изъ спальни. А они тамъ заперлись, битыхъ три часа шептались, и — что бы вы думали? — онъ ему пакетъ какой-то отдалъ; тотъ его, наверху у себя читалъ. Вѣдь это завѣщаніе. Какой же можетъ быть другой пакетъ, скажите на милость?!

— Можетъ быть, и оно, — промычалъ докторъ.

— Оно, непременно оно! — Бабинька вскочила съ мѣста и заходила по комнатѣ.

— Что же это будетъ, Григорій Ивановичъ? Вѣдь онъ теперь Богъ знаетъ что натворить. Умъ у него помрачился. Онъ мнѣ ничего не скажетъ.

— Можно все узнать, сударыня, пробасилъ докторъ. — Онъ, вѣдь, не убѣжитъ отъ васъ. Ну, чтожъ изъ того, что отдалъ сыну пакетъ?

— Какъ что, Григорій Ивановичъ? Зачѣмъ онъ отдалъ, когда ему нужно въ бюрѣ лежать? Что они такое замышляютъ? Вѣдь, замышляютъ же они что-нибудь? — спросила бабинька, наступая на доктора.

Эскулапъ поднялъ на нее глаза, повелъ бровями и проговорилъ:

— Вздоръ все, матушка, нечего пустяковъ бояться. Что бы они тамъ ни замышляли, все выйдетъ одинъ болтунъ, кавардакъ. Ну что можетъ вашъ сынъ противъ васъ замыслить? Завѣщаніе, что-ли, перемѣнить? Да какъ же онъ, его измѣнить? Васъ что-ли устранить? Такъ кого же онъ, сударыня, при дѣтяхъ-то оставить — Мироновну или Палашку какую-нибудь?

— Вы не говорите этого, Григорій Ивановичъ, я ужъ чув-

ствую, какія тутъ мины подводятся. Мое сердце чувствуетъ, кто тутъ всему причина.

Бабинька остановилась. Въ комнату вошла одна изъ босоногихъ дѣвицъ съ подносомъ, подала доктору чаю и стала, по обыкновенію, у притолка, опустивъ поднось.

Бабинька взглянула на нее многозначительно; но дѣвица не поняла.

— Ступай! — сказала бабинька босоногой дѣвицѣ, и та скрылась.

— Это она, это та распутница тутъ дѣйствуетъ,—заговорила бабинька:—Вѣрьте мнѣ, Григорій Ивановичъ, вѣдь вы знаете, какъ онъ всегда ея сторону бралъ, защищалъ ее всегда. въ домъ ввести хотѣлъ, дѣтей его воспитывать —вы это все помните. Ну, вотъ онъ теперь и сдѣлаетъ штуку: онъ ее выпишетъ сюда, а меня по шеѣ, вонъ!

— Полноте, сударыня,—возразилъ эскулапъ.

— Нѣтъ, вы меня не утѣшайте; а поймите, какія тутъ пакости творятся. Припугните вы его, Григорій Ивановичъ, чтобъ не имѣлъ онъ долгихъ разговоровъ съ сквернымъ мальчишкой...

Вѣдь у меня, — продолжала бабинька со слезами, —вся внутренность переворачивается, какъ подумаю, что такое посрамленіе я должна выносить. А будетъ это: чувствуетъ мое сердце, что будетъ. Такъ вы запретите ему разговоры. Они его уморятъ поскорѣй, чтобъ имъ вольнѣе было меня выгнать.

Эскулапъ всталъ.

— Гдѣ ему, сударыня, исторіи затѣвать! — проговорилъ онъ. —Онъ вотъ вчера посвѣжѣ былъ, такъ и похорохорился маленько; а какъ прикрутить, такъ какія тутъ распоряженія дѣлать? А этого, умника-то, выдрать бы надо. Напишите директору, чтобъ его всполосовали, такъ онъ и перестанетъ въ большіе-то лѣзть. Пойдемте,—надо провѣдать.

— Нѣтъ ужъ, Григорій Ивановичъ, вы меня не оставьте. Я здѣсь одна: меня задушатъ здѣсь. Всѣ людишки озлоблены... Пойдите хоть вы за меня. Не дамъ я этой распутницѣ втереться въ мой домъ, осрамить меня на старости лѣтъ.

— Идемте, идемте—повторилъ докторъ. —Я сударыня, языкомъ болтать лишняго не стану, а ужъ на меня вы можете

положиться. И все обойдется, матушка; никто васъ не выго-
нить. Онъ, поди, теперь прощенья у васъ станетъ просить,
что осмѣлился слово сказать.

XXVII

Въ корридорѣ къ бабинькѣ подлетѣла наперсница и шеп-
нула:

— Оеофанъ пріѣхалъ-съ.

— Узнай, гдѣ былъ.

— Баринъ не приказалъ къ себѣ пускать никого-съ.

— Какъ?—Бабинька остановилась. — Григорій Ивановичъ! —
крикнула она, — слышите вы?

— Что матушка?

— Николинька никого къ себѣ впускать не велѣлъ. — Да
ты врешь скверная!—прикрикнула она на Фицку

— Иѣтъ-съ; матушка барынька... Яковъ сейчасъ мнѣ го-
ворилъ: не приказано-де пускать никого, и дверь на задвиж-
кѣ-съ; я сама пробовала.

Пелагея Сергѣевна покраснѣла и двинулась впередъ за док-
торомъ, который вошелъ уже въ бильярдную.

Дверь была дѣйствительно заперта, Яковъ ходилъ взадъ и
впередъ вдоль дивана.

Докторъ и Пелагея Сергѣевна вмѣстѣ подошли къ двери.

Оказалось, что извнутри она была на задвижкѣ.

— Яковъ,—спросила бабинька,—баринъ почиваетъ?

— Не могу знать, — процѣдилъ Яковъ, не поднимая го-
ловы.

— Какъ не можешь знать?.. Баринъ самъ заперся?

— Сами-съ, я не запиралъ.

Да, вѣдь, ему нужно лекарство принимать?

— Не могу знать-съ... Они не кликали.

— Оселъ, не кликали!.. Ты-бы долженъ былъ догадаться...

А съ нимъ дурно сдѣлалается, что-жь тогда будетъ, — а? лѣнивая образина! Вотъ, Григорій Иванычъ, какой у насъ народъ, мерзавцы, разбойники?...

Эскулапъ обернулся къ Пелагеѣ Сергѣевнѣ.

— Его разбудить нужно, коли спать, — проговорилъ онъ: — много спать ему вредно.

Онъ постучалъ въ дверь.

Отвѣта не было.

— Николай Дмитричъ, — пробасилъ докторъ, это я. -- Вы спите что-ли, такъ проснитесь, дайте на себя взглянуть.

— Николинъка, — провизжала Пелагея Сергѣевна, Григорій Иванычъ тутъ; тебѣ лекарство нужно принимать... Я тебя еще не видала съ утра.

Отвѣта не было.

— Яковъ, — спросила Пелагея Сергѣевна, да баринъ просыпался?

— Да-съ, — пропустилъ камердинеръ.

— Давно онъ проснулся?

— Не очень давно-съ.

— Да ты къ нему входилъ?

— Какъ-же-съ; они чай кушали.

— Значить самъ заперся?

— Я вѣдь вамъ докладывалъ, сударыня, что они сами изволили запереться.

Бабиньку такъ всю и передернуло. — Что же это такое, Григорій Иванычъ? Видите вы, куда это идетъ?.. шипѣла она.

— Да пушай его, — отрѣзалъ эскулапъ, — не отворяетъ, такъ значить, не хочетъ отворить; а нужно будетъ, такъ позоветъ.

И онъ отошелъ отъ двери.

— Нѣтъ, да какъ же это его одного оставлять? Чуть живъ и лежитъ въ запертой комнатѣ... Вѣдь этого никогда съ нимъ не бывало; вѣдь у него силъ не хватитъ встать: онъ такъ и пролежитъ цѣлый день!..

— Какъ бы силъ не хватило, такъ не сталъ бы запираťся, изрекъ докторъ.

— Николинъка, — начала опять старуха, прикладываясь ли-

цомъ къ двери,—если можешь встать, отопри. Григорій Ивановичъ здѣсь.

Прошло съ минуту Все молчало.

Наконецъ бабинька услыхала шорохъ.

— Встаетъ,—проговорила она.

— Оставьте меня, ради Бога,—послышалось въ спальнѣ.

Старуха вздрогнула.

— Ты не хочешь насъ видѣть?—пропищала она.

— Оставьте меня, — повторилъ больной, никого не хочу видѣть.

Бабинька очень явственно разслыхала эти послѣднія слова, но она не унялась.

— Григорій Ивановичъ здѣсь,—начала она опять.

Больной вздохнулъ и еще разъ громко сказалъ:

— Никого, никого.

Лицо Пелагеи Сергѣевны горѣло. Она судорожно потирала мѣдную ручку двери. Нужно было идти назадъ. Дѣло было проиграно. Она взглянула на Григорія Ивановича. Григорій Ивановичъ направился уже къ двери.

— Григорій Ивановичъ, — проговорила бабинька; вѣдь его нельзя такъ оставить.

— Да что жъ сударыня, дверь что-ли топоромъ взломать? Соскучится—отопретъ. А мнѣ пора заключилъ онъ очень рѣшительно.

— Вы хоть вечеркомъ-то, пожалуйста, заверните.

— Коли худо больно будетъ, такъ пришлите, — проговорилъ сѣрый эскулапъ и направился изъ бильярдной.

Бабинька пошла его провожать, подергивая свою кацавейку.

— Сговорились, ворчала она, сговорились... и этотъ сѣрый тоже съ ними заодно!

Докторъ уѣхалъ. Пелагея Сергѣевна долго еще ходила по залѣ, и то-и-дѣло заглядывала въ бильярдную.

— Матушка барынька,—прошептала, подбѣжавъ къ ней, наперсница... Теофана спрашивала.

— Ну, что онъ?

— Говорить, что прямо въ немназію возилъ-съ.

— Вреть, шельмецъ, вреть мерзавецъ,—закричала Пелагея Сергѣевна. Стачка, всѣ за него стоятъ горой!

— Прямо, говорить, въ немназію; никуда не заѣзжали.

— Что ты тутъ твердишь, мерзкая. Ничего ты не умѣешь сдѣлать!

И бабинька толкнула наперсницу въ плечо. 'а съѣжилась и скрылась.

А дверь въ спальню была все заперта.

Пелагея Сергѣевна, полная тревоги и злости, пошла обратно въ диванную.

XXVIII.

Борисъ выѣхалъ изъ дома въ началѣ девятаго. Онъ хотѣлъ до гимназіи исполнить вчерашнее порученіе отца.

Федоръ Петровичъ Лапинъ жилъ далеко, чуть не въ полѣ, и ѣхать къ нему нужно было добрые полчаса. Борисъ мало зналъ этого Федора Петровича. Онъ зналъ только, что отецъ когда-то служилъ съ нимъ вмѣстѣ, что Федоръ Петровичъ — старый холостякъ, ѣздитъ лѣтомъ въ какой-то таратайкѣ, на большой рыжей лошади, носитъ странный картузь горохового цвѣта и считается чудакомъ.

Саврасая вятка подвезла Бориса къ небольшому домику, выкрашенному розовой краской. Домикъ стоялъ на самомъ выѣздѣ. За нимъ тянулся заборъ; а дальше видно было поле.

Крыльцо выходило на улицу Борисъ позвонилъ.

Явился мальчикъ, очень веселой наружности, въ сѣрой курткѣ.

— Дома Федоръ Петровичъ?—спросилъ Борисъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Гулять пошли-съ.

— Гулять?—переспросилъ Борисъ.

— Такъ точно-съ. Они по утрамъ каждый день гуляютъ.

— А назадъ скоро вернется?

— Ближе какъ черезъ часъ не будутъ-съ,—отвѣтилъ мальчикъ и встряхнулъ волосами.

— А въ которомъ часу баринъ обѣдаетъ?

— Въ двѣнадцать ровно-съ, — отвѣтилъ мальчикъ.

— Послѣ обѣда почиваетъ?

— Отдыхаютъ полчаса ровно-съ.

— Такъ ты вотъ что для меня сдѣлай: когда Ѳеодоръ Петровичъ вернется съ гулянья, ты забудь сказать ему, что прїѣзжалъ Телепневъ, сынъ Николая Дмитрича — баринъ ужъ знаетъ.

— Понимаю-съ! — вставилъ мальчикъ.

— Папенька просить Ѳеодора Петровича... нѣтъ... скажи лучше, что я заѣду во второмъ часу; что у меня дѣло есть важное, отъ папеньки. Понимаешь?

— Понимаю-съ! — отвѣтилъ мальчикъ очень внушительно; и на его веселомъ лицѣ видно было, что онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, понялъ, что ему говорили.

— Вѣдь, баринъ по послѣобѣдамъ дома бываетъ? — спросилъ Борисъ.

— Да-съ, завсегда дома; только вечеромъ въ клубъ ѣздить, да и то рѣдко.

— Такъ не забудь же, — повторилъ еще разъ Борисъ, садясь на дрожки.

— Какъ можно-съ! — отвѣчалъ мальчикъ, оправляя его шинель.

„Надо будетъ изъ класса уйти, — передумывалъ Борисъ дорогой, — а то опоздаешь къ обѣду, и Целагеѣ Сергѣевнѣ подозрѣнія дашь... Ѳеодора Петровича нужно позвать послѣ обѣда, когда она спитъ. А впрочемъ, что ее бояться!.. Это малодушіе, трусость какая-то!..“

Но мысль объ отцѣ, о его слабости въ мигъ убѣдила Бориса, что нельзя теперь вести съ бабинькой открытую борьбу.

Онъ вспомнилъ также, что бабинька станетъ непременно дознаваться, гдѣ онъ былъ.

Ему совѣстно стало предостеречь кучера; а надо было.

— Ѳеоданъ, — проговорилъ онъ, — если будутъ дома узнавать, куда ты меня возилъ, — скажи, что прямо въ гимназію.

Бѣлый кучеръ обернулся, и съ очень серьезной миной отвѣтилъ:

— Слушаю-съ.

Борисъ былъ увѣренъ, что Теофанъ ничего не разболтаетъ. Этотъ парень былъ одинъ изъ лучшихъ людей двора, и очень любилъ молодого барина.

XXIX.

Въ гимназіи все шло постарому, только инспекторъ свирѣпо заглядывалъ въ седьмой классъ.

Было много толковъ о вчерашнемъ днѣ. Горшковъ болталъ со всѣми учителями, передразнивалъ директора, описывалъ сцену въ физическомъ кабинетѣ и производилъ этимъ взрывы шумнаго смѣха.

Въ этотъ день были все языки; французъ и нѣмецъ, по обыкновенію, переливали изъ пустаго въ порожнее; Французъ переводилъ все: «*Les ruines de Palmire*», а нѣмецъ — „Украинскую ночь“ изъ книги Топорова.

Послѣ переменъ, классъ раздѣлился: одна половина учениковъ осталась на урокъ законовѣдѣнія, а *университетскіе* пошли въ сборную, на латинскій языкъ.

У Бориса заданное сочиненіе не было написано: не до того ему было наканунѣ. Онъ извинился передъ учителемъ; а кенигсбергскому филологу, преподававшему латинскій языкъ, было все, какъ говорятъ нѣмцы, ganz Rommade.

Онъ задалъ переводъ и, не слушая какъ ученики варварски искажаютъ смыслъ гораціевыхъ одъ, углубился въ переписываніе черемисской грамматики, составляемой имъ нѣсколько лѣтъ.

Борису хотѣлось уйти послѣ латинскаго класса. Онъ шепнулъ объ этомъ Абласову и Горшкову

— Ступай,—сказалъ Абласовъ.—Я ужь совру, коли Егорка хватится.

— А что, Борисъ,—спросилъ его Горшковъ,—какъ дома обошлось? Вѣдь, не было записки?

— Не было... за то много было другаго... расскажу послѣ.

— Куда же тебѣ нужно-то?

— Отецъ просилъ... надо много рассказывать.

Прозвонили .. Не выходя изъ сборной, Борисъ надѣлъ шинель; Горшковъ подсмотрѣлъ, какъ инспекторъ прошолъ въ первый классъ и крикнулъ объ этомъ Телепневу.

Борисъ почти бѣгомъ побѣжалъ по корридору, и по улицѣ еще нескоро умѣрилъ свою походку.

Онъ взялъ бы извозчика, но съ собой у него не было денегъ, а дома онъ не хотѣлъ расплачиваться съ извозчикомъ... Ему хотѣлось побывать у Ѳедора Петровича и потомъ опять, если можно, поспѣть и гимназію, въ половинѣ третьяго, и пріѣхать съ Ѳеофаномъ домой.

Отъ гимназіи до дома Ѳедора Петровича было не такъ далеко, и Борисъ шолъ форсированнымъ шагомъ.

XXX.

Ѳедоръ Петровичъ встрѣтилъ Бориса въ передней. Борисъ только въ первый разъ поближе разглядѣлъ его. Ѳедору Петровичу было лѣтъ за сорокъ. Высокая его фигура немного сгорбилась. Крупное, довольно-полное лицо было серьезно, даже немного угрюмо, но въ карихъ глазахъ виднѣлась доброта. Волосы на головѣ и небольшихъ бакенбардахъ отливали просѣдью. Ѳедоръ Петровичъ одѣтъ былъ въ старенькій лиловый архалукъ, на бѣлыхъ мерлушкахъ.

Онъ безъ особаго выраженія поклонился Борису и лѣнивымъ тономъ сказалъ:

— Вы отъ батюшки вашего. Милости прошу.

Они вошли въ свѣтлую небольшую комнату; которая служила Ѳедору Петровичу и кабинетомъ, и спальней, и салономъ. У средняго окна стоялъ столикъ и большое кресло: видно было, что въ немъ постоянно сидѣлъ хозяинъ.

— Садитесь, пожалуйста, — сказалъ онъ Борису, и, указывая ему на мѣсто противъ себя, опустился въ свое кресло — Вы отъ батюшки вашего? — повторилъ онъ еще разъ.

— Да, — отвѣтилъ Борисъ. — Папенька просить васъ заѣхать къ нему сегодня, если можно, часу въ пятомъ: онъ хочетъ поговорить съ вами о какомъ-то очень важномъ дѣлѣ, — прибавилъ онъ.

— Хорошо, я буду, отвѣчалъ медленно Ѳеодоръ Петровичъ. А что, батюшкѣ полегче?

— Вчера онъ лучше себя чувствовалъ; но обыкновенно очень плохъ...

— Давно я его не видалъ, — проговорилъ, помолчавъ, Ѳеодоръ Петровичъ. — Вы вотъ меня совсѣмъ не знаете, а мы съ вашимъ батюшкой старинные пріятели.

— Папенька служилъ вмѣстѣ съ вами, промолвилъ Борисъ.

— Да-съ, служилъ... Немного онъ выслужилъ... только умаялся... У насъ собачья служба была; чиновниковъ при губернаторѣ всего, вѣдь, двое было; не такъ какъ нынче — шестеро ихъ. Вашъ батюшка все по слѣдствіямъ... дома ему не жилось, — прибавилъ Ѳеодоръ Петровичъ, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ.

Борисъ не нашолся, что отвѣчать на это.

— А бабушка ваша все здравствуетъ? — спросилъ Ѳеодоръ Петровичъ, и улыбнулся.

— Какъ-же, — отвѣтилъ Борисъ, — она здорова...

— Я ее ужъ года съ два не видалъ. Она, вѣдь, меня не долюбиваетъ.. Я вашего дикаго дома боюсь... право, какъ мимо проѣдешь, страхъ какой-то проберетъ... Потому-то мы и съ батюшкой съ вашимъ совсѣмъ точно раззнакомились.

Ѳеодоръ Петровичъ помолчалъ съ минуту.

— Такъ вы говорите, очень онъ плохъ?

— Плохъ, — отвѣтилъ Борисъ. Надо бы консилиумъ созвать да папенька не соглашается.

— А кто лечить-то? Все тотъ, поди, сѣрый?

— Да, Григорій Ивановичъ.

— Бабушки вашей пріятель; а по-моему, противнѣйшая

особа, не только-что больному, и здоровому-то на него глядѣть скверно.

При этомъ Ѳеодоръ Петровичъ взглянулъ на Бориса очень мягко.

— Ну, а что же съ вами-то будетъ? — проговорилъ онъ. Вѣдь сестра-то у васъ еще маленькая?.. Домъ вымеръ, — проговорилъ онъ, почти шопотомъ, и всталъ.

Борисъ тоже всталъ и взялся за фуражку.

— Прикажете сказать папенькѣ, что вы будете?

— Буду, непременно буду; въ началѣ пятого часа приѣду. До свиданія. — И Ѳеодоръ Петровичъ подаль Борису руку „Хорошій человекъ, этотъ Ѳеодоръ Петровичъ“, подумалъ Борисъ, когда былъ уже на улицѣ. Онъ почувствовалъ какую-то поддержку. Ѳеодоръ Петровичъ понималъ его положеніе, и объясняться имъ было нечего. Ему понравилось также въ немъ безцеремонная искренность тона и весь складъ его серьезной фигуры.

Время, однако, шло. Надо было торопиться въ гимназію, чтобъ попасть къ половинѣ третьяго, половчѣе зайти съ директорскаго хода, или со двора и, спустившись въ нижній корридоръ, смѣшаться съ толпой. Борисъ отправлялся на крупныхъ рысяхъ. Длинная и пустая улица, полная заборовъ и грязи, вела на небольшую площадь. Нѣсколько переулковъ расходилось оттуда въ разныя стороны. Посрединѣ площади стоялъ питейный домъ, а на углу одного изъ переулковъ красовалась вывѣска: *Парижъ—заведеніе*. Виднѣлось еще два-три воза съ сѣномъ, калачная, нѣсколько ободраныхъ извозчиковъ — и только. Борисъ вошелъ въ одинъ изъ переулковъ и увидалъ впереди, на тротуарѣ, синее мохнатое пальто, которое двигалось по тому же направленію, какъ и онъ. Борисъ узналъ инспектора. Надо было спастись бѣгствомъ, на что онъ и рѣшился. Дома черезъ два открывался узенькій переулочекъ, куда онъ и юркнулъ. Оттуда онъ вышелъ опять на площадь и долженъ былъ дать большой крюкъ, чтобъ обойти гимназію справа и не попасться инспектору. Борисъ было и смѣшно и грустно. Во всемъ школьникъ сталкивался съ человекомъ. Приближаясь къ директорскому подъѣзду, онъ ощутилъ нѣкоторое безпокойство: а ну, какъ подъѣдетъ

директоръ? Крыльцо и сѣни прошолъ онъ благополучно. Когда онъ спустился въ нижній корридоръ, справа изъ средняго показался писецъ директорской канцеляріи, большой франтъ и пріятель всѣхъ семиклассниковъ. Онъ очень развязно крикнулъ: Здравствуйте г-нъ Телепневъ, и шаркнулъ даже по-семинарски, откидывая ногу назадъ. Недолго походилъ Борисъ въ нижнемъ корридорѣ: раздался звонокъ.

— А, Боря!—вотъ ты откуда!—крикнулъ Горшковъ, когда Борисъ появился на ученическомъ крыльцѣ. — Егорка сейчасъ заглядывалъ въ классъ.

Борисъ рассказалъ ему встрѣчу съ инспекторомъ. Вышелъ Абласовъ и еще нѣсколько гимназистовъ седьмого класса. Мечковскій по поясничалъ, послѣ чего всѣ стали расходиться. Теофанъ подаль Борису дрожжи. Гимназисты потянулись въ разныя стороны, шлепая по грязи.

XXXI.

Маша всегда встрѣчала Бориса въ залѣ. Обѣдали обыкновенно у Пелагеи Сергѣевны, въ диванной.

— Папа спитъ, — сказала Маша Борису, поздоровавшись съ нимъ.—А бабушка очень сердита сегодня.

— А что такое?—спросилъ Борисъ.

— Да не знаю. Пришла наверхъ, все ворчала, тебя все бранила, Боря.

— А папа давно заснулъ?

— У него цѣлый день дверь заперта была. Бабушка все говорила, Боря: запирается, запирается, какъ смѣть, какъ смѣть?!..

Маша передавала слова бабиньки серьезнѣйшимъ тономъ. Этотъ тонъ всегда тѣшилъ ея брата.

Яковъ доложилъ Борису, что баринъ изволятъ теперь по-

чивать; но приказали, какъ Борисъ Николаичъ откушаютъ, сейчасъ позвать его къ себѣ.

Не хотѣлось Борису идти обѣдать къ бабинькѣ: онъ предчувствовалъ, что обѣда пройдетъ въ самомъ томительномъ настроеніи, особенно послѣ вчерашнихъ событій; но онъ еще не зналъ, что было утромъ, безъ него.

Ему не хотѣлось и *малодушествовать*, какъ онъ выражался. Бабиньку онъ уже не боялся; ему непріятны были только ея присутствіе, ея фигура, ея голосъ.

— Кушать подано,—доложилъ буфетчикъ Митька, выставясь изъ коридора въ залу, гдѣ Борисъ ходилъ съ сестрой.

— Ну что нынче будетъ, Боря, отгадай, котлеты или ножки?—спросила, смѣясь, Маша.

— Ножки, голубчикъ.

— А почему ты знаешь?

— Какъ же: сегодня четвергъ, простой день, только по средамъ да по пятницамъ даютъ котлеты.

Дѣвочка разсмѣялась ..

— А ужъ сколько ножекъ мы съѣли! — проговорила она, идя съ Борисомъ въ диванную.

Дѣйствительно, братъ съ сестрой съѣли много телячьихъ ножекъ. Ъда у бабиньки имѣла такой же застывшій, старый, потертый видъ, какъ меблировка пріемныхъ комнатъ... Супы смотрѣли болтушками; въ нихъ было всегда напичкано муки, раскиснувшихъ гренокъ, безвкуснаго шпинату За супомъ слѣдовали котлеты, жованыя-пережованыя, вкусомъ похожія на какое-то тѣсто, которое потому только и можно было проглотить, что оно пережовано. Котлеты подавались поочередно съ ножками. Эти ножки были всегда скользки, жилисты. Борисъ и Маша постоянно давились ими. Соусъ къ ножкамъ состоялъ изъ тертаго шпината на красной подливкѣ, почему-то необыкновенно соленого, точно его дѣлали съ сеledкой; шпинатъ только увеличивалъ безвкусіе самихъ ножекъ. Казенное телячье жаркое было неизбѣжно, какъ судьба. Борисъ, какъ былъ помоложе, всегда посматривалъ на блюдо, не лежитъ ли тамъ кусокъ почки, но это случалось только разъ въ недѣлю, да и то сама бабинька часто брала этотъ кусокъ. *Хмбенное*—какъ выражаются повара стараго покроя—

было дѣйствительно всегда хлѣбное: розанцы, или стружки, кудри, кольца... все это очень сухое, крайне мучнистое, съ микроскопическими капельками варенья, стараго, засахарившагося, или прокислаго. У бабиньки въ расходъ шли всегда *третьегодичиніе* запасы.

Когда Борисъ съ сестрой вошли въ диванную, Пелагея Сергѣевна помѣстилась уже на своемъ мѣстѣ. Столъ былъ накрытъ на четыре прибора. Амалія Христофоровна сидѣла возлѣ бабиньки. Борисъ поклонился Пелагеѣ Сергѣевнѣ, но къ ручкѣ не подошелъ. Старуха сидѣла уткнувъ голову въ кацавейку. Она только разъ взглянула на внука, и точно порывалась обругать его, но не издала никакого звука.

Братъ съ сестрой сѣли молча. Подали супъ-болтушку. Только слышно было какъ работаютъ ложки...

Маша съѣла ложки двѣ-три и остановилась.

— Ышьте супъ,—сказала ей Амалія Христофоровна.

Маша, однако, не принималась.

— Что жъ ты не ѣшь? рѣзко спросила ее бабинька.

— Я не хочу-съ,—отвѣтила дѣвочка, и искоса взглянула на брата.

— Тебя и не спрашиваютъ хочешь или нѣтъ. Цѣлый день жуешь все.

При этомъ старуха еще разъ взглянула на внука, и опять какъ-будто ее подмывало оборвать его.

Послѣ супа послѣдовали ножки, по предсказанію Бориса. Онѣ были безъ шпината, съ краснымъ соусомъ, тѣмъ самымъ соусомъ, который зашелъ на святую Русь, какъ бичъ всѣхъ юныхъ желудковъ.

Маша и Борисъ съ улыбкой переглянулись.

Амалія Христофоровна подслуживалась бабинькѣ и силилась завязать разговоръ, но онъ все не клеился.

Послѣ телятины Пелагея Сергѣевна взглянула еще разъ на внука и отрывисто проговорила:

— Что такъ рано извоили уѣхать сегодня?

Борисъ поднялъ голову и посмотрѣлъ искоса на бабиньку.

— Такъ — отвѣтилъ онъ.

Амалія Христофоровна улыбнулась, и значительно взглянула на Пелагею Сергѣевну.

Въ заключеніе обѣда были поданы розанцы, съ очень кислыми капельками смородиннаго варенья.

Маша поцѣловала у бабиньки руку и получила отъ Амалии Христофоровны приказаніе: идти на верхъ учиться. Борисъ поклонился старухѣ и вышелъ вслѣдъ за сестрой. Обѣдъ былъ такъ скученъ и киселъ, что онъ съ ужасомъ подумалъ о завтрашнемъ, точно такомъ же, обѣдѣ.

XXXII.

Въ спальнѣ больного было уже почти темно, когда Борисъ вошелъ къ отцу.

Больной довольно-бодро сидѣлъ въ креслѣ. Въ глазахъ не было той неподвижности, которая особенно поражаетъ у тяжело-больныхъ; волосы были точно приглажены; халатъ запахнутъ и шнурокъ съ кистями завязанъ въ узелъ.

Онъ заговорилъ съ Борисомъ очень твердымъ голосомъ:

— Заѣзжалъ ты къ Ѳедору Петровичу?

— Какъ-же; онъ обѣщался быть въ пятомъ часу.

— Славный онъ человѣкъ, всегда меня любилъ. Вотъ меня не будетъ, Борисъ, ты къ нему... Честный человѣкъ... я увѣренъ, что все онъ выполнить послѣ меня, о чемъ я его только попрошу...

Борисъ молчалъ.

— Я, Боря, вотъ тебѣ что скажу, — началъ опять больной, — мнѣ передъ тобой совѣстно... я, какъ малый ребенокъ боюсь всѣхъ, прячусь... не могу по волѣ своей поступить... это все отъ слабости моей. Да вѣдь себя ужъ не передѣлаешь... Вотъ я сегодня заперся, не пускалъ доктора, хоть нынѣшній день, спокойно пожить... только силы-то бы меня не покинули...

— Вы бы, папенька, — проговорилъ Борисъ, — совсѣмъ прогнали доктора...

— Ужь теперь никто меня не вылечить, другъ; а съ нимъ я прошусь... бровей его звѣриныхъ выносить не могу...

— Вы видѣли бабушку?—спросилъ Борисъ.

— Нѣтъ, не видалъ,—отвѣтилъ больной, и посмотрѣлъ на дверь.—Я никого не пускалъ. Ты смотри, Борисъ, чтобъ она не вошла сюда, когда Ѳедоръ Петровичъ пріѣдетъ... мы запремся...

Въ эту минуту дверь отворилась. Больной подался впередъ, точно желая встать; на лицѣ изобразился испугъ, но выраженіе его тотчасъ исчезло. Въ спальню вошелъ Лапинъ.

Въ комнатѣ было уже на столько темно, что Ѳедоръ Петровичъ едва разглядѣлъ больного..

— Здравствуйте батюшка. Ѳедоръ Петровичъ, — проговорилъ мягкимъ голосомъ больной, протягивая руку,—спасибо, что пріѣхали.. Боря... придвинь-ка стулъ Ѳедору Петровичу, да вели лампу подать.

Лапинъ пожалъ руку больного, и, въ первую минуту, не нашолся что сказать.

— Что вы на меня такъ смотрите, Ѳедоръ Петровичъ? видно ужъ я на мертвеца сталъ похожъ?

— Давненько мы съ вами не видались,—промолвилъ Лапинъ и поклонился Борису..

— Ужь вы на меня за это не сердитесь... и больной не договорилъ...

Борисъ вышелъ. Онъ чувствовалъ, что отецъ и Ѳедоръ Петровичъ стѣсняются. Онъ зналъ, что нелегко отцу приступить къ дѣлу

Борисъ приказалъ Якову внести лампу въ спальню, и прошолъ въ залу. Въ это время бабинька спала въ диванной. Наверху Амалия Христофоровна учила Машу.

Зала еще не была освѣщена... Что-то шевельнулось, когда Борисъ прошолъ, черезъ корридоръ, изъ бильярдной въ залу. Это была наперсница, исполнявшая должность лазутчика; она видѣла, какъ вошелъ Лапинъ, и готовилась уже доложить Пелагеѣ Сергѣевнѣ, что пріѣхалъ какой-то баринъ и прошолъ къ Николаю Дмитричу. Борисъ походилъ немного по залѣ, и опять заглянулъ въ бильярдную. На сердцѣ у него было тревожное чувство: онъ боялся за отца. Онъ точ-

но все ожидалъ, что вотъ ворвется бабинька, и произойдетъ сцена, и отецъ упадетъ духомъ. „Да чего же я боюсь“, спрашивалъ онъ себя, чего добиваюсь? И опять ему пришла мысль, что все тутъ вертится около наслѣдства, и ему стало еще разъ гадко... Страхъ смѣнился у него, скоро, юношеской увѣренностью. Бабушка дѣлалась въ глазахъ его все меньше и меньше. „Просто вздорная старуха“, сказалъ онъ себѣ. И вся жизнь дикаго дома начала ему представляться въ другомъ свѣтѣ: краски спали, размѣры сѣзулись... „Почему было у насъ все такъ тяжело, страшно?“ спрашивалъ себя Борисъ. Отецъ умираетъ измученный, всѣмъ скучно, жутко, всѣ подъ гнетомъ, а могло бы быть весело, свободно. И отчего это боялись всѣ Пелагею Сергѣевну? и что въ ней такого страшнаго?..“ Борисъ чувствовалъ также, хоть и не такъ ясно, что весь этотъ тяжелый грузъ жизни, борьбы, страданій, рабства и страха былъ безцѣленъ, не привелъ ни къ чему, не носилъ въ себѣ ни глубокаго смысла, ни очистительной жертвы...

Часы въ бильярдной пробили половину шестого.

Борисъ опять заглянулъ въ бильярдную, и, остановившись у бильярда, обратился взглядомъ къ двери въ спальню... Въ большой комнатѣ раздавались только скрипучіе шаги Якова. Въ щель между косякомъ и дверью глядѣлъ лазутческій глазъ Фицки...

Такъ прошло минутъ десять.

XXXIII.

Наконецъ, изъ спальни вышелъ Федоръ Петровичъ.

На его серьезномъ лицѣ нельзя было прочесть: взволнованъ онъ или нѣтъ. Онъ опустилъ голову внизъ и, проходя мимо Бориса, поклонился ему молча: потомъ, дошедши до дверей, оглянулся назадъ и проговорилъ:

— Прощайте.

Борисъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него. Онъ точно ожидалъ, что Ѳедоръ Петровичъ подойдетъ и расскажетъ ему въ чемъ состояла ихъ бесѣда, и что теперь будетъ онъ дѣлать, по просьбѣ отца.

— Яковъ! — слышалось изъ спальни.

Борисъ двинулся съ мѣста, и въ эту минуту вспомнилъ про почтовую бумагу для письма. Ему стыдно стало, что онъ такъ разсѣянъ, не приготовилъ того, о чемъ просилъ отецъ.

— Скажи папенькѣ, что я сейчасъ приду — шепнулъ онъ Якову и, взбѣжавъ наверхъ, къ себѣ, досталъ тамъ бумаги и свою маленькую ученическую чернильницу, и, шагая черезъ три ступени, спустился опять внизъ.

Больной все еще сидѣлъ въ большомъ креслѣ довольно бодро. Въ его лицѣ виднѣлось какое-то одушевленіе вмѣстѣ съ таинственностью. Онъ приказалъ вошедшему Борису, запереть дверь на задвижку и, точно послѣ какого усилія, глухо и звучно вздохнулъ.

— Ну вотъ, Боря, — вымолвилъ онъ, — теперь все будетъ исполнено: Ѳедоръ Петровичъ честный человѣкъ. Я ему изложилъ мою волю... Точно съ трудомъ это слово выговорено было больнымъ.

— Тяжело мнѣ, Боря, идти противъ матушки, вдругъ такъ разомъ покончить, да нельзя, вижу, что нельзя. Ну, что-жь? ее Богъ не обидѣлъ: у нея есть свое имѣнье, и я бы не пожалѣлъ удѣлить ей, да вѣдь она теперь отъ меня ничего не возьметъ. Ѳедора Петровича просилъ я васъ не покинуть. Онъ и опекуномъ и попечителемъ будетъ, и въ дѣла взойдетъ. Человѣкъ толковый, добрый — самъ видишь. Только бы еще хоть нѣсколько денечковъ мнѣ-то дотянуть...

Больной взглянулъ на сына и увидѣлъ въ рукахъ его почтовый листъ.

— А, спасибо, Боря, не забыть. Зремя нечего терять, садись, садись, вотъ къ столику ..

Борисъ придвинулъ стулъ, положивъ на столикъ листъ бумаги, поставилъ чернильницу и приготовился писать.

— Ты знаешь ли кому писать? — спросилъ больной, пристально посмотрѣвъ на сына.

— Нѣтъ папенька, — отвѣтилъ Борисъ. Въ эту минуту онъ, дѣйствительно, не догадывался.

— Къ теткѣ твоей, къ Софѣ Николаевнѣ.

— Къ Софѣ Николаевнѣ? — вырвалось у Бориса.

— Да, другъ, ты ее совсѣмъ не знаешь. Ничего, послѣ узнаешь. Чудная она женщина...

— Она, вѣдь, въ Москвѣ живетъ, — промолвилъ Борисъ.

— Да, въ Москвѣ. Я хочу, Боря, выписать ее сюда. Она будетъ для васъ какъ мать. Покойный братъ Александръ много настрадался на своемъ вѣку; не задались мы съ нимъ какъ-то, и жену вотъ такъ оставилъ, между небомъ и землей. Ну, пиши же, Боря. Не торопись, я скоро говорить не могу.

Борисъ приготовился.

— Начни такъ: „Дорогой другъ мой, Софья Николаевна. Приходится мнѣ умирать, и недолго уже ждать прихода смерти...

Больной при этомъ вздохнулъ и опустилъ голову на грудь, закрывъ глаза.

— „Вы знаете, продолжалъ онъ, что я васъ люблю какъ сестру, и въ вашу привязанность вѣрю всей душой...“ Да братъ, Боря, уже эта женщина не солжетъ, для нея всякое чувство — святое дѣло.

Прошла значительная пауза. Больной вдругъ взглянулъ на дверь.

— Боря, быстро произнесъ онъ, — мы и забыли запереть дверь.

— Я заперъ папенька, отвѣтилъ Борисъ.

— Ахъ, да!

— Ну, дальше пиши. „На васъ теперь вся моя надежда. На краю гроба, прошу я васъ быть матерью дѣтей моихъ. Пріѣзжайте родная; можетъ быть, застанете меня въ живыхъ, а нѣтъ — не отвергните моей предсмертной просьбы и войдите хозяйкою въ домъ дѣтей моихъ...

— Папенька, — проговорилъ тихо Борисъ, — поѣдетъ ли она? вѣдь она знаетъ, что бабушка такъ дурно къ ней расположена.

Больной пристально взглянулъ на него.

— Да, Боря, ты правду говоришь; но я еще не кончилъ,

пиши. „Я чувствую, дорогой другъ, что не могу поручить дѣтей моихъ матушкѣ; я не хочу, чтобъ имъ жизнь такъ же тяжела была, какъ и мнѣ съ братомъ. Вспоминая о несчастной долѣ брата Александра, я вѣрю, что только вы, какъ ангель, принесете съ собой и жизнь и свѣтъ, и этимъ можете мнѣ искупить свою вину передъ братомъ, и вами, и дѣтьми моими..

На глазахъ больного были слезы. Звукъ его голоса полонъ былъ глубокой грусти, и говорилъ, что нѣтъ уже никакого исхода этому раскаянью, кромѣ смерти.

Борисъ не глядѣлъ на отца; онъ сидѣлъ, опутивъ голову, и ему, какъ маленькому, хотѣлось плакать, и долго плакать. Отцу нельзя было сказать утѣшенія, а добрыя слова, а порывы чувства не просились наружу

— „Я умру, — продолжалъ диктовать больной, — я умру спокойно, оставляя дѣтей вамъ. Въ моемъ завѣщаніи вы найдете ту же просьбу, ту же волю въ отношеніи дѣтей моихъ, и я знаю, что они все выполнятъ и благословятъ васъ на вѣки.“

Больной остановился. Дыханіе его сдѣлалось прерывисто. Припадокъ кашля слѣдовалъ затѣмъ, и минутъ на десять прервалъ его рѣчь.

— Не отложить ли письмо?—спросилъ Борисъ, смотря съ безпокойствомъ на отца.

— Нѣтъ, Бо я,—промолвилъ больной, оправившись,—докончить нужно сегодня. Еще два слова. Много не зачѣмъ: она все сердцемъ своимъ пойметъ. Вотъ что допиши: „Спѣшите дорогой другъ. Дайте взглянуть на себя, а на могилѣ моей помолитесь о грѣшномъ братѣ вашемъ Николаѣ“

— Все?—спросилъ Борисъ.

— Да. Запечатай и надпиши: Софѣѣ Николаевнѣ Телепневой, въ Москву, на Арбатѣ, въ Фивоникольскомъ переулкѣ, въ домѣ Цибашиевой.

— Я у себя наверху запечатаю, — проговорилъ Борисъ, вставая.

— Ну, хорошо: завтра и отправь, какъ въ гимназію поѣдешь. Ужъ не знаю, Боря, застанетъ ли она меня въ живыхъ; а если не застанетъ, когда завѣщаніе мое прочтутъ,

все приготовь къ ея прїѣзду. Отдай ей свою комнату, а самъ вотъ въ моей спальнѣ поселись. Матушка здѣсь долго не наживетъ, я знаю. Она къ себѣ въ деревню отправится.

У Бориса на языкѣ было много вопросовъ, но слова какъ-то застывали.

— Какъ же вы, папенька, объявите обо всемъ этомъ бабушкѣ?—могъ онъ только проговорить.

— Какъ? Я не стану ей объявлять. Тяжело мнѣ очень будетъ, Боря; ужъ я вѣдь не могу больше выносить никакихъ сценъ. Скрывать нужно, другъ, скрывать. Воли своей я не перемѣню, а слово я теперь скажи—бурю подыму. Чтò дѣлать, Боря, чтò дѣлать... повторилъ онъ, со вздохомъ.

Борисъ не упрекнулъ отца въ слабости: ему слишкомъ было жалко его.

— Да и ей самой легче будетъ, продолжалъ больной, легче будетъ узнать все послѣ смерти моей.

-- Папенька, — замѣтилъ Борисъ, — Софья Николавна можетъ скоро прїѣхать, и онѣ встрѣтятся...

— Ты думаешь она меня застанетъ? Нѣтъ, Боря, мы съ ней не увидимся, — произнесъ больной съ горькой усмѣшкой, — я вѣдь чувствую. А что же ей матушка можетъ сдѣлать? Она ее не выгонитъ отсюда, я ее въ завѣщаніи попечительницей надъ дѣтьми моими назначаю.

Послѣднія слова больной выговорилъ такъ, какъ будто онъ хотѣлъ увѣриться, что дѣйствительно его посмертная воля будетъ свято выполнена.

Но онъ замѣтно ослабъ. Голова его совсѣмъ опустилась, и весь онъ ушелъ глубоко въ кресло.

— Ну, Боря, произнесъ онъ тихимъ, ослабшимъ голосомъ, мнѣ пора и на покой. Ты теперь все знаешь. Случится мнѣ завтра умереть—видно такъ Богу угодно будетъ, а все-таки я свою волю высказалъ. А до моей смерти, ты бабушку не серди, оставь ее. Ужъ ее другъ не исправишь, и не воротить ты того, чего нельзя воротить.

Борисъ подошелъ къ отцу и взялъ его руку.

— Я не буду ее сердить, папенька, ее ужъ нечего бояться.

— Но ты радъ за свою Машу?—спросилъ больной, обнимая сына.

— Да. И отчего это бабушка такъ невозлюбила насъ!

— Отчего? переспросилъ больной. Не спрашивай меня, Боря. Послѣ узнаешь. А скажи отъ меня теткѣ, чтобъ не покидала Наши, въ институтъ бы ее не отдавала. А ты вотъ какъ кончишь курсъ, въ Москву переѣзжайте, живите всѣ вмѣстѣ. Домъ этотъ продай, пускай онъ умретъ съ нами, вамъ ужъ не жить въ этомъ гнѣздѣ. А деньги, Боря—я вамъ съ сестрой оставляю... изъ имѣнья часть брата Александра отдѣли теткѣ, по смерти ея. Если этого ты не исполнишь, грѣхъ тебѣ будетъ. Нѣтъ, да ты не такой, въ тебѣ душа есть. По-міру не пойдешь, Боря, да не объ этомъ думай. Ну, да тебѣ другая жизнь предстоитъ, свободы много будетъ, никто у тебя ее не отниметъ, а коли я для тебя мало сдѣлалъ, не кляни ты меня и костей моихъ не тревожь...

Больной приподнялся и долго смотрѣлъ на сына.

— Ну, Христосъ съ тобой, произнесъ онъ, тронутымъ торжественнымъ голосомъ.

Борисъ опустился на колѣни, отецъ перекрестилъ его.

Минуту спустя онъ выходилъ изъ спальни, съ поникшей головой, держа въ рукахъ написанное письмо. Бываютъ мгновенья, когда жизнь какъ-то особенно ясно и осязательно выступаетъ передъ вами, даже въ годы самой первой молодости. Въ такіе минуты ни о чемъ не спрашиваешь, ничему не удивляешься, и какъ бы сильна ни была боль сердца, съ непонятной рѣшимостью хочешь идти вдаль, не пугаешься жизни, и въ самой грусти чувствуешь какую-то живую струю.

То же было и на душѣ Бориса.

XXXIV

Прошло нѣсколько дней.

Новое завѣщаніе было написано. Оедоръ Петровичъ часто пріѣзжалъ одинъ и съ свидѣтелями. Вольной все это время чувствовалъ себя дурно, и только поутру могъ говорить. Его

начинало душить; онъ не могъ ни лежать, ни сидѣть. — Пелагея Сергѣевна видѣла ясно, что противъ нея ведется борьба, и ничто уже ей не помогало разбить *козни* ея недоброжелателей. — Когда она узнала, что Николай Дмитричъ написалъ новое завѣщаніе — она такъ взволновалась, что на два дня слегла въ постель. — Затѣмъ она кинулась въ спальню, но ничего не успѣла ни узнать, ни разстроить. — Николай Дмитричъ почти не пускалъ ее къ себѣ; а когда она входила и начинала говорить — онъ молчалъ. Въ немъ была теперь полная холодность и рѣшимость слабохарактернаго человека, который отвѣчаетъ на всѣ равнодушіемъ.

Разъ, когда Федоръ Петровичъ выходилъ отъ больного, его попросили въ диванную, къ бабинькѣ.

— Милостивый государь, — начала старуха, — позвольте мнѣ вамъ сказать, что вы безчестно поступаете?

— Какъ же это, сударыня? — сказалъ ей въ отвѣтъ Лапинъ, своимъ спокойнымъ голосомъ.

— Вы втерлись въ наши семейныя дѣла; по вашему наущенію Николинька уничтожилъ завѣщаніе. Онъ не въ полномъ разумѣ теперь. Я буду жаловаться, что тутъ обманъ, подлогъ?

Федоръ Петровичъ окинулъ Пелагею Сергѣевну строгимъ взглядомъ, и, немного улыбнувшись, отвѣчалъ:

— Сударыня, вы увлекаетесь... Что вашъ сынъ былъ въ полномъ разумѣ — на то свидѣтели есть, которые и подписались на завѣщаніи. А что по моему наущенію Николай Дмитричъ распорядился, такъ про то вы, видно, больше меня знаете. Вотъ что я вамъ скажу, сударыня: успокойтесь вы. Изъ-за чего вы только бьетесь? Будетъ съ васъ того, что вы живыми дѣтьми командовали; а умирающихъ-то оставьте, — право, грѣхъ. Какъ бы сынъ вашъ ни распорядился — имѣнье его, дѣти также его. У васъ своя часть есть. Лучше вамъ на покой, да грѣхи отмаливать.

— Да вы скажите мнѣ: кому же онъ оставляетъ дѣтей? Я должна это знать! Развратницъ что ли этой?

— Какой развратницъ? — спросилъ Федоръ Петровичъ.

— Вы знаете какой! — крикнула бабинька. Я бабка внукамъ своимъ, я не могу же ихъ кинуть.

— Вашъ сынъ, сударыня, выразилъ свою волю въ завѣщаніи.

— Я не останусь здѣсь, если эта мерзкая пріѣдетъ!

— Какъ вамъ угодно. Видно вы себя больше всѣхъ любите. Никто васъ не гонитъ, а коли для васъ все равно, когда и какъ умереть вашъ сынъ, такъ чего же вы ждете?

На этихъ словахъ Ѳедоръ Петровичъ раскланялся и вышелъ.

Бабинька задыхалась; но дня черезъ два она совсѣмъ притихла. Молча ходила она по корридору и по пріемнымъ комнатамъ. Если спальня не была заперта, она входила туда, садилась по одадь отъ кровати, молчала цѣлыми часами, и только отъ времени до времени отрывисто взглядывала на сына.—Когда являлся Борисъ, она скрывалась. Безполезно было ей придираться къ внуку. Она уже почувствовала, что царствію ея положенъ конецъ, и это сознаніе ежесекундно точило ея душу, хотя наружно она и присмирѣла. Еслибъ челоѡкъ со стороны вошелъ въ большой дикій домъ, его бы поразила натянутость отношеній между матерью, сыномъ и внукомъ. А между тѣмъ иначе и быть не могло.—Бабинька отводила душу только съ Амаліей Христофоровной, у себя въ диванной. И въ домѣ всѣ люди тотчасъ замѣтили, что декорація перемѣнилась; что *старая барыня* отставлена на задній планъ. Домъ и большая часть дворовыхъ были *молодаю барина*, какъ привыкли всѣ называть, по старой привычкѣ, Николая Дмитрича, и послѣ смерти его, всѣ это переходило барчонку Пелагея Сергѣевна на своихъ дѣвкахъ выливала жолчь, и наперсницѣ доставалось, по тридцати разъ въ сутки. Она съ прежнимъ усердіемъ исполняла должность лазутчика, и со всевозможными подробностями докладывала ежеминутно, что вотъ Лапинскій баринъ пріѣхалъ, и еще двоихъ господъ привезъ, и чернилицу въ спальню требовали, и Борисъ Николаичъ рано уѣхали, и съ Лапинымъ въ залѣ шептались... Все это бабинька знала въ подробности; но оно только раздражало ее, только еще яснѣе показывало ей, что никакія лазутничества не помогутъ, и бабинька часто награждала Фицку за все ея усердіе бранью, а подчасъ и пощочинами. — Но Фицка уже не могла разстаться съ своей ролью, которая органически вѣѣлась во все ея существо.

XXXV

Григорій Ивановичъ, послѣ сцены въ бильярдной, долго не показывался.

Бабинька послала за нимъ, разъ вечеромъ, когда Николаю Дмитричу сдѣлалось очень худо.

Сѣрый эскулапъ только что вошелъ въ спальню, какъ больной, обратился прямо къ нему

— Дайте мнѣ умереть безъ вашихъ лекарствъ, — сказалъ онъ, раздраженнымъ голосомъ.

Коли не хотите, такъ не буду давать.

— Оставьте меня, ради Создателя!

— Что жъ, мнѣ совѣмъ васъ оставить? спросилъ эскулапъ.

— Совѣмъ, совѣмъ! — проговорилъ больной.

Григорій Ивановичъ сердито повелъ бровями и, оборотясь къ Пелагеѣ Сергѣевнѣ, сказалъ:

— Мнѣ здѣсь матушка больше нечего дѣлать, грубости слушать я не подрадилъ.

Бабинька бросилась за нимъ, изъ спальни, и стала его упрашивать.

Николай Дмитриевъ подозвалъ къ себѣ Бориса, и послалъ его сказать Пелагеѣ Сергѣевнѣ, чтобы она *спраю* разочла; а если хочетъ его оставить своимъ докторомъ, то чтобы къ нему его не звала. — Борисъ исполнилъ это, и въ тотъ же день, отправился къ Ѳеодору Петровичу, посовѣтываться: какого медика взять. — Ѳеодоръ Петровичъ привезъ съ собой своего пріятеля, старшаго врача при больницѣ, добродушнаго нѣмца. Они съ Борисомъ, убѣдили больного принимать средства, какія новый докторъ пропишетъ. — Добродушный нѣмецъ качалъ все головой, очень кротко изъяснился съ больнымъ, и на третій день созвалъ консилиумъ. — На консилиумѣ, какъ водится, поговорили на очень скверномъ латинскомъ языкѣ, и рѣшили, конечно, что надежды никакой нѣтъ; а остается только облегчить страданія больного.

— Ну что, Боря,—говорилъ Николай Дмитричъ, въ день консилиума, — новаго ничего они не выдумали? Все равно, приходится умирать. А письма нѣтъ изъ Москвы?...

— Нѣтъ, папенька, не могу понять.

— Вѣрно сама выѣхала. А если письмо не дошло, подожди еще дня два три, и пиши, и Федора Петровича проси написать.

Борисъ почти цѣлые дни проводилъ у кровати отца. Только что воротится изъ гимназіи, приходилъ въ спальню; съ бабинькой не обѣдалъ, а закусывалъ чего нибудь у себя на верху, или въ бильярдной.—Нѣсколько томительныхъ ночей провелъ онъ въ спальнѣ. Больной очень страдалъ, припадки кашля совсѣмъ задушили его. Онъ уже не въ состояніи былъ лежать ни на спинѣ, ни на боку. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ въ креслѣ, не приклоняясь къ спинкѣ, опустивъ руки на ручки креселъ, тяжело дыша и охая, съ мутными глазами. Но больной не былъ раздражителенъ. Онъ даже дѣлалъ надъ собой усилія, чтобъ не стонать, и не любилъ, чтобъ ему очень прислуживали. Борисъ, въ эти нѣсколько дней, вступилъ въ другой періодъ жизни. Прежней мелкой, но утомительной борьбы съ бабинькой уже не существовало, наступило сознаніе силъ, было на душѣ больше спокойствія; но въ настоящемъ, въ его отношеніяхъ къ отцу и бабушкѣ, въ этихъ долгихъ приготовленіяхъ къ смерти было все-таки что-то хлопотливое, можно сказать полицейское и ничѣмъ онъ не могъ заглушить мысли, что наслѣдство, личная воля, интересъ завязаны во всемъ этомъ. Ожидая письма изъ Москвы, Борисъ много думалъ о новомъ лицѣ его семейной драмы, объ этой теткѣ, про которую отецъ говорилъ съ такимъ глубокимъ чувствомъ. Если она въ самомъ дѣлѣ чудная жинщина — думалъ Борисъ, — какъ славно заживемъ мы! И тотчасъ же Борисъ краснѣлъ, мысленно выговаривая это. Онъ стыдился такъ думать у кровати умиравшаго. Но напрасно онъ налагалъ на себя узы: молодость брала свое, живое объ живомъ и говорило. Съ бабушкой Борисъ сдѣлался гораздо ровнѣе; ожесточенія — какъ не бывало. Ему даже было жалко ее, и онъ ни разу себѣ не позволилъ сказать ей что нибудь рѣзкое, или заикнуться о ней въ разговорахъ

съ отцомъ. Борису хотѣлось только чтобы Пелагея Сергѣевна вела себя лучше, чтобъ она поняла, наконецъ, свое положеніе, бросила подглядыванья и подслушиванья. Сколько разъ хотѣлось ему высказать это, но онъ удерживался, не желая сценъ. Послѣдніе дни еще на годъ состарили Бориса.

XXXVI.

Шестой часъ. Все тихо въ домѣ. Больной съ утра чувствовалъ себя лучше; одышка не такъ мучила его. Онъ легъ въ постель часу въ третьемъ и заснулъ.

Борисъ въ этотъ день обѣдалъ въ диванной, у бабиньки, и послѣ обѣда увелъ къ себѣ въ комнату Машу на урокъ. Онъ подиктовалъ немного сестрѣ, задалъ ей задачу, но ученье какъ-то не шло.—Маша, пописавши на грифельной доскѣ, положила грифель на столъ, и, поднявъ свои синіе глаза на Бориса, долго смотрѣла на него.

Борисъ въ это время сидѣлъ опустивъ голову, и тыкалъ въ столъ перочиннымъ ножичкомъ.

— Боря.. промолвила дѣвочка.

— Что?

— Ты о чемъ это такъ задумался?

— Такъ, дружокъ.

— Ты о папѣ думаешь?

— Да, о папѣ.

— И я тоже. Не хочется мнѣ учиться, въ голову ничего нейдетъ Боря. Я какъ на папу посмотрю—мнѣ страшно становится. Вотъ и бабушка: теперь она тихая, а еще страшнѣе стала, глазами все такъ поводитъ.

И Маня показала какъ бабушка поводитъ глазами.

— А она совсѣмъ притихла,—продолжала дѣвочка, — за столомъ слова не скажетъ. Отчего это, Боря?

— Устала, голубчикъ. Она видитъ, что понапрасну только сердилась.

— Боря, а вдругъ папа умереть, мы съ ней съ одной останемся?

Борисъ всталъ и положилъ руки на плеча Маши.

— Тетушка къ намъ скоро прїѣдетъ.

— Какая тетушка?

— А ты помнишь дядю Александра, что изъ Москвы-то прїѣзжалъ?

— Съ бородой, Боря?

— Да.

— Онъ вѣдь умеръ? Мнѣ папа о немъ молиться велѣлъ.

— Это жена его. Ее папа сюда выписалъ.

— Что жъ, она съ нами жить останется?

— Да, дружокъ.

— Ну а бабушка-то какъ же?

— Она къ себѣ въ деревню поѣдетъ.

— Да кто же такъ рѣшилъ, Боря?

Борисъ усмѣхнулся.

— Никто голубчикъ не рѣшилъ—промолвилъ онъ,—а такъ сдѣлается.

— Хорошо кабы такъ,—сказала со вздохомъ Маша и задумалась.

— Что-то внизу—проговорилъ Борисъ.

— Вѣдь папа спитъ, я схожу узнаю.

— Зачѣмъ, и я могу

— Нѣтъ, нѣтъ, ты и такъ все, Боря, цѣлый день ходишь, я мигомъ сбѣгаю.

Маша встала, встряхнула своими кудрями и черезъ секунду слышно было, какъ она тихими, но быстрыми шагами спускалась съ слѣстницы. Лицо Бориса не проявлялось. Онъ самъ себѣ замѣтилъ, разъ какъ-то утромъ, одѣваясь, что на лбу его. точно кто нарочно сдѣлалъ складку, и никакъ не хочетъ расправить ее.

Вошла Мироновна.

— Что, долговязый?—промолвила старушка, подходя къ нему, и заглядывая искоса,—иль невесело?

— Да, Мироновна, не очень радостно.

— Много еще тебѣ на вѣку всего будетъ; ужь такое горе, всего одно, больше не повторится. Что папенька-то? Остала ли его старая-то барыня въ покоѣ?

Она притихла, — отвѣтилъ Борисъ.

— Въ время догадалась, прости Господи. А письма-то нѣтъ все отъ той-то?

Мироновнѣ были извѣстны всѣ тайны Бориса.

— Нѣтъ, няня.

— Что же за притча, ужь не больна ли? А ты бы еще написалъ.

— Хочу писать.

— То-то, и какъ только это они встрѣтятся, я знаю, что старая барыня не стерпитъ.

— Какъ-нибудь обойдется, — промолвилъ Борисъ и опять задумался.

Мироновна долго стояла молча и смотрѣла на него.

— Да что ты ужь больно раскисъ. Ты бы куда-нибудь поѣхалъ, посидѣлъ бы съ часокъ.

— Куда же я поѣду, няня?

— Ну, къ товарищамъ, вонъ къ тому, къ бѣлокурому-то, что на музыкѣ-то играетъ. Папенькѣ нынче лучше, ну, посидѣлъ бы часокъ-другой, мысли-то бы посвѣжѣли; а то, вѣдь, этакъ ты совсѣмъ уходишь себя.

Старушка проговорила все это въ полушутливомъ, полусерьѣзномъ тонѣ.

Борисъ взглянулъ на нее и улыбнулся.

— Къ Горшкову развѣ на минутку съѣздить, — вымолвилъ онъ.

Въ это время вошла Маша.

— Папа все спитъ еще, — сказала она. — Яковъ говорилъ мнѣ, что онъ не просыпался.

— Ну, вотъ видишь, — встѣвила Мироновна, — вотъ ты пока и съѣзди.

— Куда это — спросила Маша, куда ты это его шлешь, Мироновна?

— Проходиться ему надо, очень засидѣлся, барышня.

— А вѣдь и то правда, Боря, — произнесла Маша серьезнѣйшимъ тономъ, — ты вонъ какой!

— Такъ я велю, чтобъ лошадь заложили?—спросила Мироновна.

— Вели,—отвѣтилъ Борисъ и, взявъ Машу за обѣ руки, поцѣловалъ ее въ лобъ.

XXXVII.

Горшковъ жилъ на той же улицѣ, гдѣ и Абласовъ.

Борисъ подъѣхалъ къ маленькому домику, въ четыре окна. Ставни были уже заперты, и только въ трехъ окнахъ свѣтъ выходилъ изъ отверстій, вырѣзанныхъ въ видѣ сердецъ. Изъ калитки крытая *голдареечка* вела на крыльцо, гдѣ было очень темно. Борисъ ощупью отыскалъ дверь и вошелъ въ маленькую прихожую, куда свѣтъ падалъ изъ первой комнаты.

— Кто тамъ?—крикнулъ мягкій женскій голосъ.

— Это я, Анна Ивановна, я, Телепневъ,—отозвался Борисъ, снимая шинель.

— Ахъ, это вы, очень рада. Валеринька! Борисъ Николаичъ.

Въ дверяхъ показалась еще не очень старая женщина, довольно полная, съ бѣлокурыми волосами и родинкой на правой щекѣ, въ большомъ клѣтччатомъ платкѣ и безъ чепца.

Она держала свѣчу.

— Здравствуйте, Борисъ Николаичъ. Давненько вы къ намъ не заглядывали,—проговорила она, помогая Борису повѣсить шинель на вѣшалку. Она подала ему руку, онъ пожалъ.

— Да; я ужъ у васъ больше мѣсяца не былъ,—отвѣтилъ Борисъ, проходя съ ней въ слѣдующую комнату, оклеенную жолтенькими обоями, съ фортепьянами у лѣвой стѣны.

— Видно, батюшка вашъ плохъ? Слышала я отъ Валерьяна.

Выскочилъ Горшковъ и, не здороваясь съ Борисомъ, схватилъ его за плечи.

— Ну, что ты? Вотъ это, братъ, неглупо придумалъ— вскричалъ онъ.

— Меня Мироновна моя прогнала.

— И прекрасно, братъ. сдѣлала! ты хоть минутку побудь съ людьми, а то ты совсѣмъ одурѣешь. Мамочка, велите-ка намъ дать чайку. Пойдемъ пока ко мнѣ въ комнату, Боря.

Горшковъ увелъ Бориса къ себѣ. Его каморка была въ одно окно и почти вся была занята кроватью, подлѣ которой помѣщался столъ и этажерка. На столѣ разбросаны тетрадки и нотные листы. Во всемъ большой беспорядокъ.

— Ну, вотъ садись на кровать, Боря, гость будешь. Я братъ тутъ кое-что писалъ, квартетъ пробую, для упражненія... Да знаешь что, у тебя лошадь дожидается?

— Да, здѣсь.

— Ты ее не отпускай. Я собирался къ Телянинымъ, мы тамъ тріо произведемъ. Ты у нихъ уже мѣсяца два не былъ— махнемъ туда.

Борисъ поморщился.

— Да я вѣдь, Валерьянъ, не надолго: отца нельзя оставить. — проговорилъ онъ.

— Полно, Боря, что это такое? Вѣдь я тебя знаю: ужъ коли ты уѣхалъ, значить сегодня отцу лучше.

— Да, нынче онъ посвѣжѣе.

— Ну вотъ видишь! Мы, вѣдь, недолго, какихъ-нибудь два часа пробудемъ. Ыдемъ, чаю напьемся — и маршъ. А чаю нужно непременно напиться, а то тамъ дадутъ по чашечкѣ, да и то брандахлысту

— Съ кѣмъ будешь играть тріо?—спросилъ Борисъ.

— На віолончели этотъ иѣмчура, Келлеръ, на скрипицѣ Петинька.

— А Надя-то не будетъ?

— Какъ же, я ее за себя посажу, она у меня посмотри какъ работаетъ.

— Славная дѣвочка!

— Толстая братъ какая стала, матушка-то ее все еще въ пентильмоніяхъ водить, а она меня головой выше. Пріятная дѣвочка, я тебѣ скажу, какія, братъ, у ней ужъ формы!

Борисъ усмѣхнулся.

— Что ты все вздоръ говоришь, Валерьянъ, проговорилъ онъ.

— Ахъ ты Иванъ-постный—красная дѣвица! Полно глазки-то опускать, поѣдемъ, такъ самъ братъ разглядишь. А я, какъ уроки ей даю по вечерамъ, такъ все грѣшныя мысли приходятъ. Ха, ха, ха!.. Да, самое братъ это подлое званіе, уроки давать, особенно женскому полу. Равнодушіе на нихъ нападаетъ, точно подлѣ нихъ бревно какое сидитъ; а не молодой человѣкъ пріятной наружности, въ партикулярномъ платьѣ!

При этомъ Горшковъ выпрямился и подперъ руки фертонъ.

— А что матушка?—спросилъ Борисъ.

— А ты лучше спроси еще про дочку Она, братъ, о тебѣ все навѣдывается: „а что жъ Телепневъ, отчего онъ у насъ не бываетъ, онъ насъ совсѣмъ забылъ, я хочу съ нимъ дуэтъ играть“, и все это братъ нараспѣвъ какъ-то, совсѣмъ особый тонъ принимаетъ. Такая дѣвчушка забористая. Вотъ на нашего брата вниманія не обращаетъ, а съ тобой желаетъ дуэтъ играть. Я ужъ, такъ и быть, для васъ дуэтъ наваляю, и сладко будетъ и безвкусно, и раздирательно, все за одинъ разъ! А то, коли хочешь, тряхни стариной, помнишь какъ Надя еще кудерьки носила, ты съ ней пилилъ Страньеры дуэтъ, или еще тюря какая-то есть, la plainte d'une jeune fille, что ли?

— Я съ полгода и скрипки то, въ руки не бралъ.

— Ничего братъ, главное, Надя-то будетъ очень довольна. Вѣдь этакой ты деревянный. Для меня братъ, Боря, самое лучшее дѣло—это вотъ такіе лутики въ пятнадцать лѣтъ, свѣжа такъ, ни малѣйшей хитрости нѣтъ, не ломается еще. А ужъ мнѣ эти дѣвицы спѣлыя, да дамы, ффу! претить; иная виляетъ, виляетъ хвостомъ... и всѣ въ музыкантши лѣзутъ!

— А что, ты съ англичанкой помирился?

— Съ миссъ чортъ? нѣтъ братъ, еще грызусь. Я двѣ такія фразы выучилъ: *ю аръ ули*, и *майдиръ*, вотъ я ими ее и допекаю. Точно жвачку все жуеетъ старушенція. Рожу-то у ней точно квасцами кто стянулъ въ клубокъ. И какъ только урокъ покончишь, она Надю нейчасъ къ себѣ, подъ юбку, въ комнату свою, куда отъ одного запаха не войдешь. Вотъ они

братъ маменьки-то модныя: она тамъ у себя въ кабинетѣ возлежитъ, да о высшихъ предметахъ толкуетъ съ губернаторскими адъютантами. а дочь кисни съ паршивой англичанкой. Старушенція ее точмя точить, просто жалость беретъ на нее глядя. Я ужъ ей разъ хватилъ: Надежда Петровна, говорю, что вы эту старушенцію слушаете, похерьте вы ее.

— Такъ и сказалъ: похерьте?

— Ну ужъ тамъ не помню какъ. Ужъ погоди, выучусь я поанглійски такую штуку, что она у меня три дня чихать будетъ, какъ я ей поднесу

— Валерьяша!—послышалось изъ первой комнаты,—веди гостя чай кушать.

— Ну, пойдемъ, Боря; надуемся чаю—да и маршъ.

За небольшимъ столомъ, покрытымъ пестрой ярославской скагертью, сидѣла мать Горшкова. Она перемывала чашки. На столѣ кипѣлъ самоваръ и стояли двѣ свѣчки въ мѣдныхъ шандалахъ. Прислуживала высокая, немного сгорбленная женщина, совсѣмъ сѣдая, но бодрая, въ черномъ, какого-то церковнаго покроя, платьѣ. Она прислуживала такъ, какъ служатъ старые дворовые. Въ сущности она ничего въ эту минуту не дѣлала; но вся ея фигура носила на себѣ печать старательности.

Вся комната смотрѣла очень добродушно. Мебель старенькая изъ карельской березы, съ завитушками и бронзовыми бляхами; на стѣнахъ англійскія гравюры 20 годовъ; на окнахъ бальзамины и гераніумы; въ углу, на стѣнкѣ, часы, съ трескучимъ, домовитымъ боемъ.

Мать Бориса сидѣла на диванѣ; подлѣ нея помѣщался огромный котъ палеваго цвѣта. Котъ жмурилъ глаза, отъ свѣчей, и потягивался.

— Садитесь вотъ сюда, ко мнѣ Борисъ Николаичъ,—проговорила мать Горшкова. Что онъ тамъ болталъ?—прибавила она, указывая съ улыбкой на сына.

— Про ученицу свою рассказывалъ, Анна Ивановна.

— Влюбленъ онъ въ нее, уши мнѣ прожужжалъ.

— Ну, ужъ и влюбленъ, мамочка. Я только говорю, что она толстая такая.

— Вѣдь ему никто не нравится, то и дѣло ругаетъ всѣхъ

барынь нашихъ; а вотъ у Теляниныхъ по цѣлымъ вечерамъ сидитъ. въ четыре руки играютъ. Да чего, сочинилъ недавно ноктюрнъ, хочетъ ей посвятить.

Горшковъ вскочилъ.

— Ну, что вы, мамочка, выдумываете! Что за нѣжности такія! Стану я посвящать? Вѣдь это только французики — пошляки, настрочить дрянъ какую-нибудь, да и надпишетъ: *Composé et dédié a la Princesse Dourakoff*.

— Ну ужъ полно, дружокъ, я выдумывать не стану, три дня цѣлыхъ за фортепьянами сидѣлъ.

— Сыграй Валерьянъ, — вставилъ Борисъ.

— Да что сыграть-то?

— Да вотъ ноктюрнъ, Надинъ.

— Ноктюрнъ! какой ноктюрнъ? Что за названіе такое! Просто такъ идеяка пришла. Мамочка вѣдь все на иностранный манеръ назоветъ; — она у меня все еще на Герцъ сидитъ. — Горшковъ подскочилъ къ матери и поцѣловалъ ее.

— Ужъ ты у меня умникъ; все у тебя устарѣло. Старое-то и хорошо.

— Вѣдь не Герцъ же, да Гюntenъ мамочка?

— А Моцартъ? ты вотъ ужъ и о Моцартѣ какъ-то сталъ не такъ отзываться. — И мать Горшкова улынувшись, покачала головой.

— Моцартъ! Ну Моцартъ — извѣстно Моцартъ! Да менуэтовъ больно много.

— Да сыграй же, Валерьянъ, — приставалъ Борисъ.

— Полно, Боря, дай чаю напиться. Мамочка, покрѣпче налейте.

— А вамъ какъ, Ворисъ Николаичъ? — спросила Анна Ивановна.

— Я слабый пью.

— Его бабушка приучила — ввернулъ Горшковъ.

— А что Пелагея Сергѣевна? спросила Анна Ивановна.

— Ахъ, мамочка, что вы спрашиваете; она все въ томъ же положеніи, мафусаиловъ вѣкъ проживетъ...

Борисъ улыбнулся.

Анна Ивановна посмотрѣла на сына.

— Что ты это, Валерьяша, промолвила она, немного стѣснившись.

— Ничего, мамочка, вы зачѣмъ же покраснѣли? Онъ вѣдь бабушку терпѣть не можетъ. И я ее терпѣть не могу, и о существованіи ея нимаю не забочусь.

— А знаете, Борисъ Николаичъ, — начала Анна Ивановна, — я какъ на васъ вотъ гляжу, такъ передо мной маменька ваша, покойница, какъ живая стоитъ. Я ее всего раза три видѣла; и помню послѣдній разъ въ церкви; мы тогда еще у Николы жили, въ вашемъ приходѣ. Такая она бѣлая была, совсѣмъ бѣлая, и такъ она стояла на колѣняхъ, просто хотъ картину списать съ нея.

— Да вѣдь и онъ у меня картина, — вскричалъ Горшковъ, взявши Бориса за подбородокъ.

— Я всегда, смолоду, — продолжала Анна Ивановна, — красивыхъ женщинъ любила, а такого лица, какъ у вашей маменьки было, я никогда не видала. И какъ мнѣ тогда захотѣлось съ ней познакомиться! да негдѣ было, а послѣ какъ узнала я о томъ, что она скончалась, точно будто родная сестра умерла.

— А есть у тебя, Боря, портретъ матери, — спросилъ Горшковъ.

— Есть, развѣ ты никогда не видалъ?

— Да гдѣ онъ виситъ?

— У меня, надъ кроватью, въ альковѣ.

— А давно ужъ это было, — начала опять Анна Ивановна, — еще мой Михайль Семенычъ тогда живъ былъ. Я вотъ не осмотрѣлась, а ужъ Валерьяша вытянулся, и вы, Борисъ Николаичъ, большой человекъ. Я вотъ часто объ васъ съ Валерьяшей говорю: какая вамъ жизнь странная выпала. Въ домѣ у васъ тишина такая, болѣзнь папеньки, все вы одни, да одни; этакъ совсѣмъ и молодость потѣряешь, право. Вонъ у меня Валерьянъ: даромъ что въ Бетховены наровить, а такой вѣдь школьникъ еще.

— Я артистъ! — закричалъ Горшковъ, и выпятилъ щоки.

— Борисъ разсмѣялся.

— Вотъ вѣдь онъ такъ цѣлый день паясничаетъ...

— А что жь мнѣ, мамочка, Читьи-минеи, что ли, читать, и власы пепломъ посыпать?

— А не худо бы иной разъ и духовное почитать. Вотъ такъ теперь къ слову пришлось; а я скажу, что мало что-то въ васъ господа вѣры... Ты что на меня смотришь, Валерьяша? я дѣло говорю. Росли вы такъ же, какъ и мы, да видно ужъ нынче это въ воздухѣ.

— Мамочка,—закричалъ Горшковъ.—вы изволите ворчать! Это совсѣмъ къ вамъ нейдетъ. Онъ подскочилъ опять къ матери и обнялъ ее.

— Ахъ постой, Валерьянъ, совсѣмъ задушилъ меня,—заговорила она,—какой ты сильный сталъ, просто хотъ кричи, какъ стиснешь.

— Вы на насъ не ворчите, мы мальчики хорошіе,—кричалъ Горшковъ,—а вотъ Боря, такъ примѣръ добродѣтели.

— Да вѣдь скажите, — обратилась Анна Ивановна къ Борису,—дѣло я говорила, или нѣтъ?

— Дѣло, мамочка, дѣло! —закричалъ Горшковъ, ручку пожалуйте, за китайскій чай. Ну, надулись, и довольно, пора собираться.

— Анфиса, — крикнула Анна Ивановна, убирай-ка самоваръ.

Борисъ поблагодарилъ хозяйку, и всталъ.

Явилась высокая Анфиса съ услужливымъ видомъ, и унесла самоваръ.

— Горшковъ подошелъ къ фортепьяно, открылъ его и сѣлъ на низенькій, старинный табуретъ.

— Ты намъ ноктюрнъ сыграешь,—спросилъ его Борисъ.

— Нѣтъ, идейку, какъ онъ называетъ,—замѣтила смѣясь Анна Ивановна.

— Мамашенька, не задѣвайте меня,—отозвался Горшковъ, и, встряхнувъ вихромъ своимъ, заигралъ.

Борисъ стоялъ около фортепьяно въ темномъ углу. Анна Ивановна опустилась на стулъ, поодаль, въ какой-то выжидающей и кроткой позѣ. Она не смотрѣла на сына съ умиленіемъ; она даже вовсе не смотрѣла на него; но на лицѣ ея была славная, умная и вмѣстѣ съ тѣмъ, материнская улыбка. Она знала, что ея Валерьянъ, дѣйствительно, играетъ

хорошую вещь; и ей вдвое было пріятнѣе оттого, что, не восхищаясь имъ громко, она внутренне сознавала глубину и силу его таланта. Ея лицо какъ будто говорило: ахъ ты Валерьяша, мальчикъ ты еще, школьникъ, а какой въ тебѣ Божій даръ.

Борисъ задумался. Онъ ни о чемъ опредѣлительно не думалъ; но звуки, выходившіе изъ подъ пальцевъ Горшкова, освѣжали его, и въ тоже время затягивали въ даль, рождали въ немъ чувство силы и порыванія куда-то, гдѣ навѣрно будетъ лучше. Точно этотъ ноктюрнъ нарочно раздался на рубежѣ двухъ эпохъ, точно вмѣстѣ съ нимъ отходила назадъ, скорбная, назойливая жизнь. Горшковъ игралъ покачиваясь вправо и влево... Густая, страстная и свѣжая мелодія рвалась и какъ бы не находила себѣ довольно мѣста на фортепьянныхъ клавишахъ... Имѣлъ ли Горшковъ передъ собой образъ Нади... или это былъ гимнъ молодости, силы, вдохновенія... но звуки лились могучимъ каскадомъ... и подъ конецъ безъ треска и банальныхъ нотъ мелодія не изсякла; но перешла въ тихую не то молитву — не то заунывную пѣснь... но только на одно мгновеніе... Это мгновеніе разрѣшилось глубокими аккордами...

— Прекрасно! вырвалось, у Бориса, когда Горшковъ остановился. У него были слезы на глазахъ...

Анна Ивановна приподнялась, и тихо проговорила: хорошо. Горшковъ вскочилъ.

— Да, хорошо, знаю, что хорошо.

Онъ бросился къ матери, сталъ передъ ней на колѣни и расцѣловалъ ея руки.

— Это вы, мамочка, меня научили—говорилъ онъ пискливо,—вы меня къ клавишамъ сажали, пальчики мои ломали... свой талантъ мнѣ подарили...

Анна Ивановна смѣялась хорошимъ, умнымъ смѣхомъ, показывая Борису глазами на сына.

— Ну,—вскричалъ Горшковъ, вскакивая,—въ чувствительность не впадать... Семейная сцена вышла первый сортъ! Идемъ Боря къ предмету моей страсти, какъ увѣряетъ мамашенька.

— Долго ли тамъ пробудешь, Валерьянъ?—спросила Анна Ивановна.

— Нѣтъ, мамочка, часовъ до десяти, не больше.

Борисъ простился съ Анной Ивановной и поцѣловалъ у ней руку

— Не забывайте насъ, Борисъ Николаичъ,—промолвила она.—Часто-то вамъ нельзя, я знаю; батюшка вашъ все плохъ; а вы хоть разокъ въ мѣсяцъ къ намъ заверните вечеромъ.

— Непремѣнно, Анна Ивановна, какъ только можно будетъ.

Горшковъ тѣмъ временемъ сбѣгалъ въ свою каморку и преобразился изъ сѣренькой затрапезной визитки въ новый сюртукъ.

— Ну, мамашенька,—заговорилъ онъ,—смотрите, хорошъ я? Можно въ меня влюбиться, или нельзя?

— Хорошъ, хорошъ!.. Вотъ еще я вамъ забыла сказать, Борисъ Николаичъ, онъ у меня въ франтовство пустился, въдь, должно быть, не спроста?..

— Конечно, Анна Ивановна, ужъ это самый дурной признакъ.

— Самый дурной признакъ! Ахъ, ты, мудрецъ! А я вотъ васъ, мамочка, прошу третій мѣсяцъ, чтобъ вы мнѣ галстухъ съ цвѣтными концами купили, такъ вы мнѣ и этого удовольствія не хотите доставить.

— Съ цвѣтными концами, Валерьянъ! — вскричалъ Борисъ. — Что ты, постыдись!

— А какъ же братъ; это что ни на есть самый шикъ. Мамашенька, купите?

— Куплю, куплю,—отозвалась, смѣясь, Анна Ивановна.— Анфиса, подай-ка имъ шинель,—прибавила она.

Анфиса надѣла шинели обоимъ друзьямъ и посвѣтила имъ въ сѣни.

— Прощайте, Борисъ Николаичъ. Такъ я тебя буду ждать, Валерьяша,—крикнула Анна Ивановна.

— Ждите, мамочка,—отвѣтилъ изъ сѣней Горшковъ.

— Они вышли на троттуаръ. Свѣтилъ мѣсяцъ; мокрая мостовая во многихъ мѣстахъ блестяла. Теофанъ прикурнулъ

на козлахъ. Борисъ разбудилъ его и, сядя съ Горшковымъ на дрожки, велѣлъ ѣхать къ Телянинымъ. Оефанъ проѣхавъ Барваркой, повернулъ направо въ улицу, которая шла въ гору. Ночь была яркая, теплая и влажная. Стояли послѣдніе, чисто-осенніе дни передъ сухими, жесткими морозами.

— А мать-то у тебя славная, — промолвилъ Борисъ, обратившись лицомъ къ Горшкову

— Да, братъ. Боря; хорошій человекъ у меня мать, къ Гюнтену пристрастіе имѣеть; а вообще я тебѣ скажу, поумнѣе да подобрѣ нашихъ благотворительныхъ-то барынь, что театры-то въ пользу бѣдныхъ устраиваютъ.

— И съ ней какъ-то весело, — отозвался Борисъ.

— Оттого, что у ней царь въ головѣ есть... вѣдь она всегда говоритъ, что у ней душа молода; мнѣ, говоритъ, шестнадцать лѣтъ, а не сорокъ-пять. Ну, а скажи-ка ты мнѣ, Боря, какъ у тебя дѣла-то?.. что, отецъ покончилъ съ завѣщаніемъ?

— Да, теперь все ужъ сдѣлано, — отвѣтилъ Борисъ, какъ бы нехотя: ему не хотѣлось говорить про домашнія дѣла при кучерѣ.

Горшковъ это понялъ и позволилъ себѣ еще одинъ вопросъ:

— Ну, а бабушка-то присмирѣла?

— Присмирѣла, — отвѣтилъ Борисъ.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— А что, Валерьянъ, — началъ Борисъ, — тебѣ въ-самомъ-дѣлѣ Надя-то нравится?

— Лутикъ, братъ, восхитительный. Вѣдь ты Боря, подло поступаешь.

— А что?

— Да какъ что? Небойсь прежде ты съ ней дуэты изъ Страньеры разыгрывалъ, а теперь совсѣмъ бросилъ... этакъ, братъ, негодится поступать! Я очень радъ, что ты бросилъ, а все-таки это скверно!

— Да что же, я влюбленъ, что ли, былъ?

— Ты ужъ, пожалуйста, не вилай... Ручки у ней цѣловалъ, въ горѣлки игралъ, локончиками все восхищался... это все еще не больно давно было, въ пятомъ классѣ.

— Она славная дѣвочка... я бы и теперь у нихъ бывалъ, да когда же!...

— И не ѣзди, я очень радъ! А то маменькой займись; она любитъ красивыхъ юношей.

Θеофанъ вѣхалъ въ ворота длиннаго одноэтажнаго дома.

— Ну, пріѣхали,—крикнулъ Горшковъ. Ты отпустишь кучера. Воря?

— Отпущу, пріѣзжай за мной часа черезъ два,—крикнулъ Борисъ Θеофану.

Они вошли въ сѣни, освѣщенныя лампой, и Горшковъ позвонилъ.

Дверь отперъ мальчикъ, одѣтый въ сѣрый ливрейный полуфракъ съ свѣтлыми пуговицами, въ жолтый жилетъ, и сѣрые штиблеты.

— Здравствуй, Вася,—сказалъ ему Горшковъ; нѣмецъ ужъ здѣсь,—прибавилъ онъ, увидавъ въ передней футляръ отъ віолончеля.

— Какъ-же-съ, давно готовы-съ,—отвѣчалъ, улыбаясь. Вася.

Зала, куда вошли друзья, была освѣщена лампой, стоявшей въ углу, на высокомъ штативѣ. Дикенькіе обои смотрѣли довольно-скромно. На окнахъ висѣли короткія драпировки съ кистями. Пянино у лѣвой стѣны, съ двумя этажерками, ширмочки, маскирующія двери изъ передней и заднихъ комнатъ, небольшіе диваны въ перемежку со стульями составляли мебель. Маленькая люстра, не очень модная, опускалась съ довольно низкаго потолка.

XXXVIII.

Домъ Лидіи Михайловны Теляниной считался самымъ тоннымъ во всемъ городѣ. Кто не бывалъ у нея по воскресеньямъ, тотъ не принадлежалъ къ фешѣнбельному монду. Она давно

вдовствовала, и занималась воспитаніемъ дѣтей, составленіемъ благотворительныхъ спектаклей и устройствомъ лотерей. Лидія Михайловна цѣлые дни принимала въ своемъ кабинетѣ, толковала о государственныхъ предметахъ съ двумя правовѣдами, объ искусствахъ съ губернаторскимъ адъютантомъ, и *продюжизировала* всѣ туземные таланты. У ней было двое дѣтей: дочь Надя и сынъ Петинька. Петинька вышелъ, за неспособностью, изъ гимназіи, и готовился или въ гвардейскіе юнкера, или въ дипломаты. Лидія Михайловна еще не рѣшила этого пункта, а тѣмъ временемъ онъ игралъ на скрипкѣ и пѣлъ романсы: „Сомнѣніе“

Борисъ, прежде довольно часто бывалъ у Теляниныхъ. Онъ въ одинъ годъ съ Петинькой поступилъ въ гимназію, въ одно время они начали учиться музыкѣ, и у Теляниныхъ Борисъ игралъ дуэты и съ Петинькой и съ Надей. Борисъ любилъ музыку, и его замѣчанія всегда принимались Горшковымъ; въ послѣднее время, дома заниматься скрипкой было некогда, точно такъ же какъ и ѣздить къ Телянинымъ. Борисъ много слышалъ хорошей, серьезной музыки, и въ этомъ домѣ и у Горшкова, и вкусъ его образовался. Въ исполнители онъ не лѣзъ, но очень часто жалѣлъ, что раньше не началъ изучать законы мелодіи и гармоніи. Онъ все это оставлялъ до университета! Слухъ у него былъ хорошій; почти самоучкой онъ выучился играть на фортепьяно и пѣлъ тоже самоучкой, свѣжимъ, груднымъ теноромъ. Музыка сблизила его года два, передъ тѣмъ, съ Надей. Какъ дѣти, они очень сошлись. Надя сама переписывала ему ноты, и даже связала ему кошелекъ. Они выступили вмѣстѣ, на судъ фешѣнбелянаго монда, въ одно изъ воскресеній, причемъ Борисъ немилосердно вралъ, а Надя ровно на десять тактовъ кончила раньше его. Послѣ этого дебюта они уже перестали стѣсняться при публикѣ, и приобрѣли репутацію милыхъ и талаѣтливыхъ дѣтей. Когда въ домѣ Бориса наступилъ періодъ послѣдней болѣзни отца, онъ почти никуда не ѣздилъ, и дуэты съ Надей прекратились. Она начала учиться у Горшкова, и Борисъ изрѣдка видалъ ее, каждый разъ замѣчая, что она растетъ и ужасно хорошеетъ. Ему было не до нѣжныхъ впечатлѣній. А Надя улыбалась ему, и всегда разспрашивала о немъ

Горшкова, за уроками. Борису, такъ же, какъ и Горшкову, жалко было эту дѣвочку. Она жила въ совершенномъ одиночествѣ: братецъ ея Петинька умѣлъ только хохотать полошадиному, а гувернантка надоѣдала ей своимъ ворчаньемъ; старчествомъ и тупостью. Лидія Михайловна занималась дѣтьми только *въ возможности*, а не въ суровой дѣйствительности.

XXXIX.

Когда Горшковъ вошелъ съ Борисомъ въ залу, они нашли тамъ Петиньку и нѣмца Келлера. Петинька поражалъ своей долговязой фигурой, огромными совиными глазами и вѣчно раскрытымъ ртомъ, откуда, какъ два клыка, торчали передніе зубы. Волосы у него были рыжіе, и зачесаны въ большіе виски. Безсмѣнный костюмъ Петиньки, составлялъ чорный полуфракъ (какіе шьютъ барченкамъ въ періодъ отъ 13—16 лѣтъ) и жилетъ изъ жолтаго шике.

Нѣмецъ Келлеръ, маленькая сухая фигурка, въ узенькихъ панталонахъ и бѣломъ галстухѣ, былъ органистъ при лютеранской церкви; но пилилъ и на віолончели. За неимѣніемъ лучшаго, онъ участвовалъ во всѣхъ музыкальныхъ упражненіяхъ дилеттантовъ, и отличался тою глупостью, какая особенно поражаетъ иногда нѣмецкихъ ремесленниковъ-музыкантовъ.

— Здравствуй Петинька, какъ поживашь?—крикнулъ Горшковъ и пихнулъ Петиньку въ животъ.

— Ха-ха-ха! разразился Петинька своимъ лошадинымъ смѣхомъ. Ахъ! Телепневъ, и ты...

— Да, и я. Петинька,—проговорилъ Борисъ, подавая ему руку; пріѣхалъ на тебя взглянуть.

— Ха-ха-ха! отвѣчалъ Петинька. Мы тліо сегодня!

— Знаю, знаю.

— Геръ Келлеръ, ви беоинденъ зи зихъ?—вопросилъ Горшковъ, органиста.

— O! ganz wohl! —отвѣтилъ тошконогій нѣмецъ.

— Ундъ васъ верденъ виръ продуциренъ?—спросилъ еще разъ Горшковъ.

Нѣмецъ засмѣялся очень глупо, но ничего не отвѣчалъ.

— Петя, — крикнулъ Горшковъ, что стоитъ пяти-копѣчная булка?.. Не знаешь? а вѣдь это всякій дуракъ знаетъ.

— Ха-ха-ха! — разразился Петинька.

— Къ татап можно?—спросилъ его Борисъ.

— Мозно, мозно. Петинька, къ довершенію другихъ качествъ, шепелявилъ и картавилъ на разные лады.

— Идемъ къ *принципессъ*, — шепнулъ Горшковъ, Борису Онъ всегда такъ звалъ Лидію Михайловну

Они прошли неосвѣщенную гостиную и вступили въ кабинетъ, весь заставленный мебелью и множествомъ зелени. Въ комнатѣ было очень темно и душно. Синій фонарчикъ бросалъ тяжелый, блуждающій свѣтъ. Налѣво отъ входа, въ бесѣдкѣ изъ плюща, на диванѣ, *возлежала*, какъ выражался Горшковъ, Лидія Михайловна. По бокамъ дивана стояли двѣ статуи, скрывая въ зелени свои обнаженные прелести. При блуждающемъ освѣщеніи можно было все-таки разглядѣть, что цвѣтъ лица хозяйки не уступалъ въ бѣлизнѣ цвѣту стыдливыхъ статуй. Лидія Михайловна поражала громадностью формъ. Грудь ея была обширна, голова очень велика, глаза *бычи*, какъ ихъ называлъ Горшковъ, вдобавокъ крупный носъ и чувственный широкій ротъ. Нетрудно было видѣть что покрывало щоки и лобъ Лидіи Михайловны. Ея огромные черные глаза были подкрашены на углахъ, и подъ нижними вѣками. Прическу Лидія Михайловна носила взбитую, очень высокую, и покрывалась всегда косынкой, изъ-подъ которой падали, довольно еще густые, черные волосы.

На этотъ разъ Лидія Михайловна драпировалась горностаевой мантилей.

Она была не одна; подлѣ нея на низкомъ креслѣ помѣщался жиденъкій господинъ, съ впалыми щеками, множествомъ морщинъ, съ сильной просѣдою на головѣ и широкихъ, коротко-подстриженныхъ бакенбардахъ. Господинъ держалъ въ правомъ глазу фиксъ. Отложные воротнички, безукоризненной бѣлизны, придавали ему видъ комической моложавости. Это былъ губернский прокуроръ, большой умникъ и бонмо-

тисть, съ государственной рѣзкостью рѣчей, какъ большинство правовѣдовъ, служащихъ въ провинціи. Лидія Михайловна боялась его язычка и очень заискивала въ немъ. Это не мѣшало, однакожъ, прокурору рассказывать—въ какихъ отношеніяхъ находится тонная вдова къ очень нетонному жандармскому капитану изъ нѣмцевъ, котораго она принимала только запросто.

Борисъ и Горшковъ, приблизившись къ дивану, гдѣ возлежала Телянина, поклонились скромно, какъ благовоспитанные мальчики.

— Ah! bonjour messieurs, — пропѣла Лидія Михайловна, разбитымъ, но густымъ голосомъ. La santé de m-r votre père?—обратилась она къ Борису

— Toujours mal, — отвѣчалъ онъ взглянувши на прокурора, который ему слегка поклонился.

— Ah! que c'est facheux... но я очень рада васъ видѣть, вы совсѣмъ забыли моихъ дѣтей. При этомъ вдова взглянула на красивое лицо Бориса, съ тѣмъ сластолюбіемъ, съ какимъ старикашки лорнируютъ танцовщицъ. Ну, а вы, м-г. Горшковъ, что вы намъ нынче сыграете?

— Нынче Надежда Петровна будетъ играть, — отвѣтилъ Горшковъ—она разучила бетховенское Grand trio.

— Да, я знаю, но и вы намъ сыграете что-нибудь изъ своего. Quel talent éminent!—изрекла Лидія Михайловна обратившись къ прокурору.

Горшковъ поморщился.

— Вотъ м-г Горскинъ—продолжала Телянина—очень мало слышала васъ.

М-г. Горскинъ страхнулъ свой фиксъ и взглянулъ мило-стиво на Горшкова.

— Я надѣюсь, что вы еще не привыкли faire le difficile?—процѣдилъ онъ, едва разжимая губы.

— Я такъ часто играю здѣсь, что еще успѣю вамъ надоесть, — отвѣтилъ Горшковъ.

— А вы можете начать, — запѣла Лидія Михайловна. Nadiné кончила, я думаю, урокъ свой. Мы сперва отсюда послушаемъ. Et vous, m-r Telepneff; est ce que vous avez totalement abandonné la musique?

— Non, madame; mais le temps me manque—отвѣтилъ Борисъ.

Прошло секунды три въ молчаніи, послѣ чего молодые люди разсудили удалиться; а вдова, величественно кивнувъ имъ головой, начала что-то вполголоса рассказывать прокурору.

— Аудіенція кончена,—проговорилъ Горшковъ, идя черезъ гостиную,—мальчиковъ обласкали и отпустили, только пряничка не доставало.

— И все она со своимъ французскимъ языкомъ, — замѣтилъ Борисъ.

— Нельзя, братъ; она только на *парле франсе* и держится; безъ этого она образъ и подобіе Божіе потеряетъ.

— Еще сильнѣе начала притираться.

— Мастадонъ,—завершилъ Горшковъ.

— Какъ, какъ Валерьянъ?

— Мастадонъ, допотопное животное, и въ тебя-то какъ впила^{сь}. Ужъ погоди, Боря, ты ей попадешься въ руки.

Въ залѣ было свѣтлѣе, на пьянино стояли двѣ свѣчи; возлѣ поставленъ былъ низенькій пюпитръ, и Петинька съ Келлеромъ^ъ настраивали инструменты.

— Петя,—крикнулъ Горшковъ, я пойду въ классную, на минутку; еще сестра твоя не готова. Пойдемъ курить, Боря.

Они вышли въ корридоръ, и Горшковъ отворилъ дверь въ продолговатую комнату, куда нужно было спуститься двѣ ступеньки.

Классная занята была большимъ столомъ и огромнымъ диваномъ. На стѣнѣ висѣли расписаніе уроковъ, и похвальный листъ, который Петинька получилъ въ первомъ классѣ. Такое чудо совершилось потому, что въ этотъ годъ Лидія Михайловна принимала у себя въ домѣ попечителя округа, пріѣзжавшаго ревизовать гимназію. Надъ простенькимъ чугуннымъ каминомъ висѣла лампа. Ни Горшковъ, ни Борисъ дома не курили, не отъ того, что были стѣснены, а такъ, не приходило на умъ. Борисъ зажегъ спичку. Въ эту минуту отворилась стеклянная дверь, завѣшенная изнутри красной тафтой, которая вела въ комнату гувернантки.

Вошла Надя, а за нею миссъ Бересфордъ, или миссъ Чортъ, какъ ее называлъ Горшковъ. Борисъ потушилъ спичку Горш-

ковъ, немножко пошкольнически спряталъ между пальцевъ папироску. Надя вышла и сейчасъ же улыбнулась, увидѣвъ двухъ друзей. Ей было лѣтъ пятнадцать; но на видъ казалось больше. Она наслѣдовала отъ матери большой ростъ, крупныя формы и черты. Лицо у ней было полное, съ немного пухлыми щеками. Цвѣтъ кожи прекрасный; большой правильный лобъ и темносѣрые глаза съ пріятнымъ разрывомъ въѣкъ, что-то смѣлое и вмѣстѣ очень мягкое было въ ея лицѣ. Густые темнокаштановые волосы заплетены были въ косички. На Надѣ ловко сидѣло сѣренькое платье съ пелеринкой, и довольно короткой юбкой, изъ-подъ которой виднѣлась крупная, но изящная нога, въ козловой ботинкѣ.

— Здравствуйте, Борисъ Николаичъ, — сказала она какимъ-то удивленнымъ и радостнымъ голосомъ... что-это вы пропали?

— Здравствуйте, Nadine, — отвѣтилъ Борисъ и взялъ ее за руку

Англичанка при этомъ поморщилась.

— Шу вотъ, привезъ вамъ, барышня, пріятеля вашего — началъ Горшковъ... Вы хоть мнѣ за это спасибо скажите... Онъ совсѣмъ затворникомъ живетъ, насилу затащилъ...

Надя опустила свои густыя рѣсницы, и потомъ довольно смѣло взглянула сперва на Горшкова, потомъ на Бориса.

— Пойдемте въ залу, — сказала она..

— Will you play together? — произнесла миссъ:

— Yes, my dear, отвѣтила кротко Надя и пошла впередъ. Горшковъ подлетѣлъ къ англичанкѣ.

— Какъ ваше драгоценное здравіе, май диръ? еще изволите процвѣтать?

Старуха сморщилась, и, чмокнувъ губами; что-то такое промычала. — Она похожа была на сушное яблоко: подбородокъ ея выдался, на щекахъ краснѣли жилки; ртомъ она точно жевала жвачку.

Борисъ раскланялся съ ней не такъ *кавалерственно*, какъ Горшковъ.

— How are you? — сказалъ онъ ей.

— Thank you, — прошамкала старуха.

Борисъ, бывая у Теляниныхъ, началъ болтать поанглійски.

Они отправились въ залу.

— Научи ты меня, Боря, какому-нибудь ругательному слову поанглійски,—шепталъ Горшковъ на уху Борису... А замѣтилъ какъ Надя-то обрадовалась? Ахъ ты презрѣнный рабъ!... рыба! сказалъ онъ громко...

Надя сходила къ матери на аудіенцію и вернулась.

Петинька и Келлеръ уже усѣлись за пюпитръ, одинъ противъ другого. Горшковъ раскладывалъ ноты.

Борисъ подошелъ къ Надѣ.

— Что это вы, Nadine, со мной церемониться начали?—сказалъ онъ, смотря ей въ глаза,—зачѣмъ это вы меня Борисъ Николаичъ зовете, я просто Боря.

Надя сперва молчала; а потомъ отвѣтила.

— Какъ же можно?... вы ужъ большой.

— Чтожъ такое, и вы большая...

— Ахъ, не говорите Борисъ... Борисъ Николаичъ...

— Да зачѣмъ же поправляться?...

— Не говорите, что я большая... *ma maman* меня каждый день все упрекаетъ... *que je me pose en grande demoiselle*... А вы все дома съ *papa*... Онъ очень боленъ? Мнѣ М-г Горшковъ про васъ рассказываетъ.—Надя немножко покраснѣла.— А играть мы ужъ не будемъ съ вами?—спросила она.

— Вотъ, какъ папенькѣ будетъ получше, тогда мы съ вами опять начнемъ музыканить...

— Пожалуйста!... вырвалось у Нади, и это „пожалуйста“ было такъ хорошо сказано, что Борису очень захотѣлось взять Надю за руку... Онъ было и протянулъ руку, да подошла англичанка и чмокая сказала Надѣ:

— Will you begin?

— Yes my dear,—опять такъ же кротко отвѣтила Надя и пошла къ пьянино, а за ней Борисъ.

— Ну, барышня, заговорилъ Горшковъ—ноты я вамъ разложилъ, какъ-то у насъ сойдетъ *trio*.

— Дурно сойдетъ,—отвѣтила улыбаясь Надя...

— Ну, дурно-недурно, это вы изволите скромничать. *Andante* пойдетъ прекрасно; финалъ похуже... слишкомъ спокойно ѳудетъ; но все-таки хорошо. Садитесь-ка.

Надя неторопливо сѣла, всѣ ея движенія и манера говорить были довольно медленны и необыкновенно плавны.

— Ты смотри у меня, Петя, крикнулъ Горшковъ; какъ сфальшивишь, такъ за правое ухо ущишу, канифолишь-ты такъ, что у тебя точно телѣга скрипучая...

— Ха-ха-ха! — разразился Петя.

— Геръ Келлеръ... крикнулъ Горшковъ нѣмцу, который принаровливался къ какой-то аппликатурѣ... шпилень зи нихъ зо... и онъ началъ махать пальцемъ, ви ейнъ машина... ферштейнъ зи?

— Ja, Ja, отвѣтили нѣмецъ, съ глупѣйшей миной...

Надя тихо разсмѣялась и переглянулась съ Борисомъ.

— Ну, барышня, съ Богомъ! Герръ Келлеръ!... ейнъ, цвей, дрей!

Горшковъ хлопнулъ. Начали тріо. Онъ сталъ около Нади и смотрѣлъ ей въ ноты, переворачивая листы. Надя играла спокойно; но съ толкомъ, сильно, точно помужски, отгѣняя очень хорошо переходы изъ *piano* въ *forte*.

Келлеръ замоталъ головой и завылъ на своей жолтой, пузатой віолончели, какія обыкновенно бываютъ въ странствующихъ нѣмецкихъ оркестрахъ. Петя сопѣлъ, топалъ ногой тактъ, срывался и безпрестанно передергивалъ скрипку. Смычекъ у него, въ самомъ дѣлѣ, дралъ немилосердно. Миссъ Бересфордъ усѣлась въ комокъ на стулѣ, въ углу; задремала и зачмокала. Борисъ отошолъ поодаль отъ пьянино, за этажерку, и смотрѣлъ на Горшкова и на Надю. Добродушное, юное лицо Горшкова, съ вихромъ, приняло полусерьѣзный видъ; но съ губъ не сходила его неистощимая улыбка. Ему пріятно было стоять около своей ученицы, поглядывать на нее какимъ-то лукавымъ взглядомъ и слѣдить за ея умной игрой. Когда начали *andante*, изъ гостиной выплыла Лидія Михайловна съ прокуроромъ. Она расположилась на одномъ изъ дивановъ, а прокуроръ подошолъ сперва къ пьянино, посмотрѣлъ въ свой фиксъ на ноты, Надю и Горшкова, и вернулся къ Лидіи Михайловнѣ. Она въ тактъ покачивала головой вправо и влѣво, и покровительственно улыбалась. Лидія Михайловна имѣла неизмѣримую претензію — понимать серьезную музыку, хотя Горшковъ и увѣрялъ, что ее въ мо-

лодости учили играть на органѣ, да и то оказалась неспособной.

— *Que c'est beau!*—воскликала хозяйка, покачивая головой въ тактъ. *M-r Keller n'est ce pas que c'est beau?*...

— *Ja, ja,*—отвѣчалъ Келлеръ, также покачивая головой въ тактъ.

Лидія Михайловна ни слова не знала понѣмецки, а Келлеръ пофранцузски; и каждый разъ они дѣлились такимъ способомъ своими впечатлѣніями.

Тріо кончилось. Хозяйка вдоволь уже намоталась головой. Петинька вдоволь нафальшивился. Борисъ стоялъ все облокотясь объ этажерку, и задумался, ни на кого не глядя.

— Баринъ, пожалуйста,—проговорилъ тихонько Вася, взявши его за рукавъ.

— Что тебѣ?—отозвался Борисъ, быстро обернувшись.

— За вами прислали, пожалуйста въ переднюю...

Борисъ пошелъ за Васей. Одинъ Горшковъ замѣтилъ это и обернулся. За нимъ обернулась и Надя и пропустила одинъ тактъ.

Вдова продолжала качать головой, а прокуроръ внушительно зѣвалъ.

Борисъ вышелъ въ переднюю.

Тамъ предстала предъ нимъ глупая физіономія буфетчика Митьки, очень встревоженная, въ шинели.

— Пожалуйста, баринъ, домой-съ,—проговорилъ онъ торопливо.

— Что случилось? спросилъ Борисъ и сердце у него ёкнуло.

— Папенькѣ дурно-съ... за батюшкой послали-съ... я вотъ за вами побѣжалъ-съ; да на дорогѣ дрожки повстрѣчалъ...

Борисомъ овладѣло ужасное безпокойство. Можетъ быть въ эту минуту... мелькнуло у него. Онъ судорожно обернулся и сказалъ Васѣ:

— Вынеси мою фуражку; она тутъ около ширмъ.

Вася побѣжалъ въ залу.

— Когда папенькѣ сдѣлалось дурно.

— Какъ проснулись... сперва ничего, только кашляли; а

тамъ Яковъ выбѣжалъ... васъ папенька хватились.. очень ужъ схватило... и за батюшкой... карету закладывать..

— Подай мнѣ шинель... Спасибо Вася,—говорилъ отрывисто Борисъ, беря фуражку изъ рукъ мальчика.

Въ эту минуту выбѣжалъ Горшковъ.

— Что такое, Борисъ?

— Отецъ умираетъ, прощай,—отвѣтилъ Борисъ и бросился на крыльцо.

Онъ вскричалъ Теофана, вскочилъ на дрожки, разлѣ него помѣстился Митька, держась въ лакейской позѣ. Саврасая вятка пустилась почти вскачь. Ночь сдѣлалась еще свѣтлѣе. Звонко отдавались рысь лошади и стукъ дрожекъ. Борисъ молчалъ; ему не хотѣлось спрашивать; онъ точно боялся извѣстія о смерти отца. Онъ мысленно успокоивалъ себя: что можетъ быть это *такъ*, припадокъ, какъ часто бывало съ отцомъ... И вдругъ ему стало стыдно.—Отецъ умираетъ, а я въ гостяхъ, музыкой занимаюсь, болтаю вздоръ,—повторялъ онъ. Не могъ посидѣть нѣсколько часовъ дома... И какой-то необычайной новостью показалась для него мысль о смерти; хотя онъ ее ожидалъ каждый день. Неужели же его не будетъ? спрашивалъ онъ; и пойдетъ совсѣмъ другая жизнь...

Вотъ уже повернули на большую улицу; вотъ красный домикъ въ три окна... еще два шага—и пріѣхали.

Еще сильнѣе сткнуло у Бориса внутри, когда савраска съ трескомъ влетѣла въ ворота.

XL.

Борисъ быстро вошелъ въ переднюю, и не замѣчая кто у него снялъ шинель, почти бѣгомъ очутился въ бильярдной; дверь въ спальню была отворена.

Тамъ была совершенная тишина.

Большой лежалъ на спинѣ, съ неподвижными глазами и всѣ

тѣло его колыхалось... Подлѣ него, въ креслахъ, новый докторъ, въ какой-то неопредѣленной позѣ, положивши одну руку на постель. Бабинька, въ ногахъ, наклонившись. Маша и Амаля Христофоровна въ углу за бюро. У притолки Яковъ, чего никогда не случалось съ нимъ. Борисъ, на ципочкахъ приблизился къ кровати... Бабинька сдѣлала движеніе, точно желая оттолкнуть его, и сурово на него взглянула.

Больной приподнялся и схватилъ сына за руку.

— Боря, — пробормоталъ онъ тяжело... Больше онъ ничего не могъ выговорить.

Борисъ, какъ стоялъ около кровати, такъ и застылъ въ одной позѣ. Съ напряженнымъ чувствомъ смотрѣлъ онъ на умирающаго, и ловилъ слова его. Больной силился говорить; хотѣлъ, какъ будто, рассказать передъ смертью, длинную повѣсть, которую хоронилъ при жизни, но было уже поздно... И Борису съ каждой минутой становилось больнѣй! Ему казалось, что весь образъ умирающаго отца, и всѣ эти люди, и вся комната — одинъ живой упрекъ ему... за то, что онъ опоздалъ, что не пришолъ вовремя услышать послѣднія слова отца. Больной опять опустился и впалъ въ полную неподвижность... Борисъ взглянулъ на доктора; тотъ сдѣлалъ ему знакъ — отойти отъ кровати. Въ передней раздался шумъ, Яковъ вышелъ, и черезъ минуту вернулся доложить, что „батюшку привезли“

Всѣ вышли изъ спальни... Борисъ встрѣтилъ старичка священника, съ дарами, у дверей въ корридоръ. Старичокъ, съ византійскимъ окладомъ лица, въ ризѣ, съ чашей въ рукахъ и освѣщенный свѣчей, которую несъ за нимъ причетникъ — распространялъ какой-то особый церковный воздухъ, и совсѣмъ новое настроеніе навѣялъ онъ на Бориса.

— Пожалуйте, батюшка, — могъ только проговорить Борисъ священнику и указалъ ему на дверь въ спальню.

Яковъ притворилъ дверь за священникомъ и всѣ стали около бильярда, обратившись лицомъ къ спальней. Пелагея Сергѣевна стояла у одной изъ колоннъ, вся сгорбившись и крестилась. Борисъ держалъ за руку Машу... Маша дрожала, поминутно взглядывала на брата, и потомъ вдругъ, тихо заплакавъ, опустила на колѣни и сложила ручки на груди.

Вмѣстѣ съ ней сталъ и Борисъ, и, наклонивъ голову, простоялъ такъ до того момента, когда дверь изъ спальни отворилась и появился опять священникъ. Это не была молитва, это было скорѣй порываніе куда-то... растворенное состояніе молодого сердца, которое впервые переживаетъ, вполне сознательно, фактическое, а не вымышленное, горе.

Бабинька что-то такое сказала священнику и ушла съ нимъ въ залу. Борисъ бросился въ кабинетъ, вмѣстѣ съ Машей и докторомъ. Больной сидѣлъ въ кровати, взгляды были свѣжѣе.. Какъ только показался Борисъ, онъ подозвалъ его рукой и совершенно внятно сказалъ:

— Прощай, Борисъ... Господь съ тобой... пора умирать.

Подошла Маша и бросилась цѣловать его руки.

— Ее люби,—прошепталъ умирающій и, поднявши руки, обнялъ дѣтей, опустивши на нихъ голову... Черезъ нѣсколько секундъ онъ поднялъ ее и прошепталъ:

— Гдѣ матушка... проститься съ ней...

— Яковъ, — сказалъ Борисъ, — позови... Целагею Сергѣевну.

Когда она вошла, умирающій долго смотрѣлъ на нее и потомъ протянулъ къ ней руку, и какъ-то страшно, дико посмотрѣлъ. Не то страхъ, не то упрекъ совѣсти видѣнъ былъ въ его потухавшемъ взглядѣ...

-- Николинька, -- вскричала старуха, и этотъ крикъ былъ тоже какой-то дикій... Невозможно, чтобъ въ ней не говорило чувство; но звукъ голоса бабиньки напоминалъ только жесткія слова и жолчныя сцены.

Старуха нѣсколько разъ поцѣловала сына и повторяла все: Николинька.

Больной молчалъ. Онъ не просилъ у матери прощенія; онъ точно молча говорилъ ей, что смерть все искупаетъ, и нельзя уже теперь измѣнить ничего. Эта нѣмая сцена вышла лучше, чѣмъ можно бы было ожидать. Прошло еще двѣ-три минуты — и больной впалъ въ безпамятство. Онъ задыхался, раздалось предсмертное хрипѣніе. Какой-то страхъ сжалъ сердце Бориса, и онъ, стоя у кровати, вздрагивалъ и томительно оглядывался. Когда священникъ прочелъ отходную, пролетѣла еще минута молчанія, боли, агоніи, и Николая Дмитрича не стало.

Борисъ до послѣдняго мгновенія все держалъ руку умирающаго и поддерживалъ его голову. Онъ первый почувствовалъ, что рука охладѣла, и голова, отяжелѣвъ, скатилась на подушку. Докторъ взглянулъ на умершаго, покачалъ головой и сказалъ многозначительно: скончался. Пелагея Сергѣевна не заплакала; но она долго смотрѣла на сына, и потомъ бросилась вонъ изъ спальни. Борисъ остался одинъ съ Машей. Маша громко плакала и прижималась къ брату. Борисъ вдругъ почувствовалъ новое одиночество и беспомощность. Вошелъ Ѳеодоръ Петровичъ. За нимъ послалъ еще самъ Николай Дмитричъ. Онъ опоздалъ пятью минутами и засталъ уже трупъ. Молча взглянулъ онъ и на покойника и на Бориса, молча подаль руку доктору.

— Ѳеодоръ Петровичъ,—сказалъ ему Борисъ,—ради Бога, распорядитесь вы... Бабушка не можетъ ни во что вмѣшиваться, вы знаете... вотъ тутъ деньги на похороны, и Борисъ указалъ на бюро.

— Хорошо, я знаю,—отвѣтилъ Ѳеодоръ Петровичъ своимъ спокойнымъ голосомъ.

Онъ подаль Борису руку и проговорилъ: о чемъ меня просилъ вашъ батюшка—все сдѣлаю... бабушку вы оставьте въ покоѣ... надо вотъ прежде спальню очистить и запереть.

Ѳеодоръ Петровичъ вынулъ изъ кармана связку ключей.

— Это отъ бюро, — сказалъ онъ. — Мы его сейчасъ припечатываемъ... Позовите женщину какуюнибудь потолковѣе...

— Яковъ, сходи за Мироновой,—сказалъ Борисъ.

Ѳеодоръ Петровичъ припечаталъ бюро. Потомъ онъ простился съ докторомъ и проговорилъ: завтра ко мнѣ приѣзжайте.

Докторъ ушелъ. Борисъ хотѣлъ что-то сказать Ѳеодору Петровичу, но со всѣмъ позабылъ.

— Спокойно скончался!—спросилъ его новый опекунъ.

— Спокойно, — отвѣчалъ Борисъ и тутъ же вспомнилъ, что онъ хотѣлъ сказать.

— Ѳеодоръ Петровичъ, промолвилъ онъ, какъ же вы бюро-то запечатали; вѣдь нужны будутъ деньги на похороны.

— Я изъ своихъ пока... Теперь нечего брать... Мы спальню и бюро откроемъ послѣ всего, послѣ похоронъ... тогда

ужь это сдѣлаемъ; а теперь нечего тревогу подымать... Бабушку вашу не тормозить, да и покойный такъ просилъ меня...

Борисъ промолчалъ.

Федоръ Петровичъ говорилъ съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ; но рѣчь его не была суха. Борису стало гораздо легче съ той минуты, какъ онъ пришолъ.

А Маша продолжала все плакать... Борисъ сѣлъ на кресло и посадилъ ее къ себѣ на колѣни.

— Боря... шептала дѣвочка, мнѣ страшно... папы нѣтъ...^{*} вотъ и ты умрешь... и я одна останусь...

Федоръ Петровичъ подошолъ къ ней и погладилъ ее по головѣ.

— Не плачьте,—сказалъ онъ, улыбаясь;— больше ужь никто не умретъ.

Явилась Мионовна и еще нѣсколько женщинъ, вмѣстѣ съ Яковомъ. Федоръ Петровичъ приказалъ приготовить въ залѣ столъ и, одѣвши покойника, вынести его изъ спальни сейчасъ же.

Борисъ вмѣстѣ съ нимъ и съ Машей вышелъ въ бильярдную.

— Знаете что, сказалъ ему Лапинъ.—ступайте-ка вы наверхъ къ себѣ... вотъ и Машу-то уведите; она здѣсь все будетъ плакать...

— Пойдемъ, Маша, наверхъ, сказалъ Борисъ сестрѣ.

Она ничего не отвѣчала и прижалась къ нему. Борисъ взялъ ее на руки и пошолъ.

— Я зайду къ Пелагеевѣ Сергѣевнѣ,—проговорилъ Федоръ Петровичъ.

— Пойдемте вмѣстѣ,—сказалъ Борисъ и спустил Машу на полъ.

Они вышли въ корридоръ. Прошмыгнула Фицка.

— Что бабушка?—спросилъ Борисъ.

Богу молятся, отвѣтила наперстница.

— Ну и пускай ее молится, — промолвилъ Федоръ Петровичъ,—а вы идите-ка... Вы и такъ надорвались... Онъ протянулъ руку Борису.

Что-то очень хорошее было на его на угрюмомъ лицѣ.

— Благодарю васъ,—проговорилъ Борисъ тронутымъ голосомъ.

— Не за что, батюшка, не за что!... Что съумѣю — выполняю. Ссориться со мной не будете... Покойной ночи... Я у васъ побуду еще часокъ-другой... за дѣлкомъ нужно послать, покровъ нужно... Это ваша нянька, что-ли, старушка-то?

— Да, няня, Федоръ Петровичъ.

— Она толковая, кажется. Такъ вотъ я уже ей накажу присмотрѣть сегодня... ступайте, завтра я рано буду... распорядиться всемъ надо.

Федоръ Петровичъ пошелъ въ спальню; а Борисъ, взявши опять Машу на руки, началъ подыматься по лѣстницѣ.

Маша всхлипывала и дрожала. Борисъ цѣловалъ ее и успокоивалъ; но она все повторяла: папа умеръ и ты умрешь... Онъ привелъ дѣвочку въ ея комнату; тамъ еще утѣшалъ ее до тѣхъ поръ, пока она, утомленная слезами, не заснула на его рукахъ.

Долго онъ держалъ спящую *сестренку*; точно отеческое чувство согрѣвало его, и ему не было уже такъ страшно.

Въ своей комнатѣ Борисъ бросился на кровать одѣтый, но ни на минуту не могъ заснуть. Внизу слышались шаги. На него начинала снова нападать тоска. Онъ пошелъ внизъ; но на площадкѣ остановился и вздрогнулъ: въ эту минуту изъ бильярдной въ залъ переносили покойника на рукахъ.

Борисъ ощутилъ дѣтское чувство страха и взбѣжалъ на лѣстницу.

— Пойти къ бабушкѣ?—спросилъ онъ себя. Не могу... я ей ненадобень. И вдругъ мелькнула у него мысль, что завтра, можетъ быть, пріѣдетъ, та съ которой начнется новая жизнь... И съ этой мыслию заснулъ Борисъ въ ночь смерти своего отца.

XII.

Утромъ рано Борисъ сошелъ въ залу. Какъ живо припомнились ему лица дѣдушки и матери! Они также лежали на этомъ столѣ. И всѣ три смерти слились для него въ одинъ образъ.

Въ залѣ было холодно. Покойникъ лежалъ, весь блѣдный и прозрачный, на простой подушкѣ, и покрытъ былъ ненаряднымъ покровомъ, взятымъ, на время, изъ церкви.

Борису сдѣлалось ужасно *жалко*, когда онъ подошелъ ближе къ покойнику; именно жалко, а не больно. Но плакать онъ не могъ, горе не было для него свѣжо, впечатлѣнія припустились отъ постоянной картины страданія.

Въ домѣ началась точно праздничная суетливость... Изъ передней то и дѣло проходили лакеи... изъ корридора выглядывали старухи, крестились и болтали въ полголоса.. Дьячокъ читалъ псалтырь черезъ-чуръ громко и бойко, и поминутно встряхивалъ своими космами.

Когда Борисъ осмотрѣлся въ залѣ, онъ почувствовалъ, что сдѣлался хозяиномъ, что нужно ему распоряжаться, а у него нѣтъ ни охоты, ни умѣнья. Борисъ подумалъ и о бабушкѣ. Ему стало жалко ее. Въ эту минуту она вошла въ залу. Лицо ея очень измѣнилось, скулы еще больше выдались; она была непріятнѣе на видъ, чѣмъ прежде. Приблизившись къ покойнику, она обняла его руками, и судорожно вздрогнувши, глухо заплакала, потомъ опустилась на колѣни. Борисъ подошелъ къ ней, желая ее придержать. Бабинька сухо взглянула на него, и ничего не сказала. Перекрестившись нѣсколько разъ, она поднялась, отошла къ стѣнѣ и сѣла. Физика стала передъ ней.

— Бабушка,—сказалъ Борисъ, подходя къ Пелагеѣ Сергѣевнѣ,—вамъ тяжело будетъ распоряжаться похоронами. Федоръ Петровичъ беретъ на себя.

— Оставьте меня въ покоѣ,—прошипѣла Пелагея Сергѣев-

на,—что я такое здѣсь?... что хотите дѣлайте... и она замолчала.

Борису сдѣлалось непріятно, что онъ сказалъ объ этомъ бабушкѣ. Онъ не хотѣлъ отстранять ее отъ распоряженій, но не могъ разрушить въ ней убѣжденіе, что она теперь въ домѣ ничего не значитъ. А Пелагея Сергѣевна заключилась въ свою желчь и притихла такъ, какъ она могла притихнуть по своей натурѣ.

Когда явился Ѳеодоръ Петровичъ, онъ очень спокойно раскланялся съ бабинькой, объявилъ ей, что чтеніе завѣщанія лучше будетъ сдѣлать послѣ похоронъ, предложилъ свои услуги, и бабинька отвѣтила ему тоже, что и Борису.

Борису не хотѣлось очень шумныхъ, церемонныхъ похоронъ.

— Ѳеодоръ Петровичъ,—сказалъ онъ Лапину, — нужно ли разсылать приглашенія?

— Нужно-съ,—рѣшилъ Лапинъ. — Отецъ вашъ не разночинецъ какой,—сдѣлаемъ все прилично.

Борисъ не сталъ возражать ему. Онъ видѣлъ, что Ѳеодоръ Петровичъ сказалъ это не по тщеславію, а по искреннему убѣжденію.

— Ужъ вы не беспокойтесь,—добавилъ Лапинъ,—все будетъ какъ слѣдуетъ...

И дѣйствительно, все было какъ слѣдуетъ; и началась та суетня, какая обыкновенно бываетъ въ большихъ домахъ, по случаю похоронъ. Явились разные гостинодворцы съ кусками парчи; разложили ихъ въ гостиной, пошолъ торгъ; а тамъ шитье покрова, платьевъ, бѣготня, уставленіе гроба... а все это длилось три дня... Во всѣ эти дни Борисъ или ходилъ по залѣ съ Машей, или читалъ вмѣсто дьячка, когда тотъ обѣдалъ, или отправлялся къ себѣ на верхъ... Онъ не обѣдалъ съ бабушкой; да и почти не присаживался... Постоянная тревога жила въ немъ... и подъ вечеръ онъ чувствовалъ ужасную усталость въ ногахъ...

Два раза въ день были панихиды.

Наканунъ похоронъ, за вечерней панихидой, Борисъ стоялъ въ темномъ углу, ни на кого не глядя, и когда онъ поднималъ голову, онъ увидалъ, въ числѣ другихъ посѣтителей, Надю

съ матерью, и подлѣ нихъ Горшкова. Горшковъ заходилъ къ нему нѣсколько разъ; но на службы онъ не являлся. Борисъ очень обрадовался Надѣ. По окончаніи панихиды, онъ подошолъ къ ней. Она давно его искала глазами, и не стѣсняясь даже присутствіемъ *мастадона*, пожала ему руку съ большимъ участіемъ.

— Спасибо, что пришли помолиться, — тихо проговорилъ ей Борисъ, и отдалъ поклонъ маменькѣ. Маменька пропѣла какую-то жалостную фразу на французскомъ діалектѣ, и подошла къ бабинькѣ, которая очень сурово ее встрѣтила.

— Это вы привезли тамап сюда?—спросилъ Надю Борисъ.

— Да, я попросила, — отвѣтила Надя своимъ мягкимъ голосомъ. Я тогда такъ испугалась, когда вы отъ насъ уѣхали вдругъ...

— И тріо не кончили, замѣтилъ Горшковъ..

— Да, мы ужъ больше тогда не играли. И Надя еще разъ взглянула на Бориса... Какая ваша бабушка...

— Что, договаривайте... вставилъ Горшковъ.

— Страшная, — выговорила Надя, и тихо прибавила, — мнѣ вашу сестру ужасно жалко.. Надѣ хотѣлось сказать, что ей жалко Бориса.

Маша стояла въ сторонкѣ и плакала. Надя, вмѣстѣ съ Борисомъ и Горшковымъ подошла къ ней, нагнулась и поцѣловала ее.

— Вы меня не знаете, а я васъ очень люблю, — сказала она дѣвочкѣ.

Мастадонъ приблизился и далъ знакъ дочери удалиться. Борисъ проводилъ ихъ, и еще разъ, на прощаньи, пожалъ руку Нади.

— Экая славная дѣвушка, — вырвалось у Горшкова... Вѣдь такъ, Боря?

— Да, славная, — повторилъ съ грустной улыбкой Борисъ, и, простившись съ Горшковымъ, пошолъ къ себѣ на верхъ.

XLII.

День похоронъ былъ особенно томителенъ для Бориса. Онъ хотѣлъ быть одинъ; ему хотѣлось помолиться за отца— онъ не могъ.

Набралось народу на выносъ, — такихъ фizioномій, которыя никогда и не бывали въ большомъ дикомъ домѣ. Тотъ же самый частный приставъ, который распоряжался на похоронахъ дѣдушки, явился опять, въ той же, кажется, трехугольной шляпѣ, съ вѣчной жалостливой улыбкой и скромной лысиной. Бабиньку не водили, она сама ходила; лицо ея было кисло. На отпѣваньи она не проронила ни слезинки и смотрѣла совершенно посторонней. Еще тяжелѣе было Борису въ церкви. Онъ стоялъ у гроба, смотрѣлъ на свои плерезы и держалъ за руку Машу. Дѣвочка перестала плакать. Она успокоилась, и какъ-то особенно кротко смотрѣла и на брата, и на покойника, и на все, что было вокругъ ея въ церкви. Но молиться Борисъ все-таки не могъ. Священникъ произнесъ длинное слово; Борисъ не слышалъ этого слова. Улыбка скользила по его губамъ. Только ему одному во всей этой церкви и было извѣстно, что унесъ съ собой отецъ, и что онъ оставилъ... и Борису хотѣлось сказать: батюшка, зачѣмъ вы затрогиваете то, отъ чего уже такъ много наболѣла душа... И почти безстрастно отдалъ Борисъ послѣдній поцѣлуй покойному. Бабинька не поѣхала на кладбище. Процессія потянулась. Былъ грязный, сумрачный день. Борисъ съ Оедоромъ Петровичемъ шли всю дорогу пѣшкомъ. На выносъ явились Горшковъ и Абласовъ, и пошли вмѣстѣ съ Борисомъ на кладбище. Священниковъ было много, былъ и архимандритъ, и архіерейскіе пѣвчіе и толстый соборный протодьякошъ. Дорогой Борисъ заговорилъ съ товарищами, но что онъ говорилъ—онъ самъ хорошенько не зналъ... Звукъ собственнаго голоса долетали до него такъ же отрывочно, какъ пѣніе пѣвчихъ, лѣниво тянувшихъ: Святыи Боже, святыи крѣпкій, святыи безсмертныи... Горшковъ не старался

развлекать Бориса. Только его веселая добродушная физиономія не подходила къ похоронной процессіи. Абласовъ былъ серьёзенъ, какъ всегда. На кладбищѣ у Бориса также ёкнуло сердце, какъ въ ту минуту, когда онъ прѣбхалъ домой отъ Теляниныхъ. Маша стояла подлѣ него на краю могилы и сильно плакала. Въ первый разъ Борисъ почувствовалъ слезы на глазахъ, и, взявши сестру, онъ почти бѣгомъ бросился съ кладбища, сѣлъ съ Машей въ карету, и всю дорогу проплакалъ... Дома онъ съ какимъ-то отвращеніемъ посмотрѣлъ на длинный столъ, накрытый на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ гробъ... Борисъ легъ въ своей комнатѣ на кровать, а Маша сидѣла на диванѣ и потихоньку всхлипывала.

Пришла Мироновна. Старушка въ бѣломъ каленкоровомъ платкѣ и черномъ платьѣ смотрѣла такъ же добродушно-лукаво, какъ всегда.

— Не пойдешь обѣдать?—спросила она у Бориса.

— Нѣтъ, няня, не могу я идти, — отвѣтилъ онъ... Я и ѣсть не хочу

— Какъ не хочешь, все надо чего-нибудь. А вамъ, барышня?—обратилась она къ Машѣ.

Маша ничего не отвѣтила, а только встала, и, подошедши къ кровати Бориса, уткнула голову въ подушку

— Вы имъ скажите, когда захочете кушать, сказала имъ обоимъ Мироновна; а мнѣ еще внизъ нужно.—Мироновна ушла.

— Зачѣмъ это тамъ обѣдаютъ, Боря? спросила дѣвочка, сквозь слезы...

— Имъ ѣсть хочется, дружокъ, — проговорилъ Борисъ, и долго онъ ласкалъ Машу, не говоря ей никакихъ утѣшеній.

А внизу былъ говоръ. Священники вернулись съ похоронъ. Поднялась бѣготня, стукъ тарелокъ, громкіе разговоры... Въ обѣдѣ принималъ необыкновенное участіе какой-то сладкій господинъ, съ длинными височками. Съ покойнымъ онъ никогда и знакомъ не былъ; но счелъ долгомъ явиться обѣдать. Кажется и Ѳедоръ Петровичъ не зналъ кто это такой. Потомъ Борисъ услышалъ громъ стульевъ... и вслѣдъ за тѣмъ минутъ черезъ десять, пѣніе.. Это ему показалось очень страннымъ. Онъ сошелъ внизъ... Въ залѣ убирали со стола.

Двери въ гостиную были отворены. Священники стояли въ дверяхъ, а посрединѣ гостиной протодьяконъ. На овальномъ столѣ, поставленномъ въ уголъ подъ образъ, помѣщалась большая миска. Всѣ черпали оттуда, пили и пѣли молитвы... Борисъ не зналъ этого обряда. Онъ сейчасъ же, незамѣченный, ушолъ опять къ себѣ на верхъ... и томительно ждалъ минуты, когда все утихнетъ... Маша все сидѣла у него на диванѣ и, глядя на нее, онъ еще разъ заплакалъ такъ же горячо какъ въ каретѣ, на дорогѣ съ кладбища.

Внизу начало стихать.

— „Слава Богу“,—подумалъ Борисъ.. Въ эту минуту вошелъ къ нему Ѳеодоръ Петровичъ. Борисъ вскочилъ съ кровати.

— Я къ вамъ вотъ съ чѣмъ,—проговорилъ Лапинъ, и подалъ Борису письмо съ черной печатью.

Борисъ увидалъ на штемпелѣ: Москва. Черная печать его испугала.

— Это изъ Москвы, отъ тетушки?—спросилъ онъ... и потомъ успокоивая себя, онъ проговорилъ: она, вѣдь въ траурѣ.

— Прочтите,—сказалъ Ѳеодоръ Петровичъ. Борисъ быстро сорвалъ печать и прочелъ громко:

„Сегодня я пишу вамъ нѣсколько строкъ, другъ мой, а завтра выѣзжаю. Я была очень больна; но какъ только силы мои немножко возстановились, я хочу ѣхать къ вамъ, исполнить всѣ желанія ваши, не боясь и не смущаясь ничѣмъ. Точно новой жизнью пахнули на меня ваши теплые слова. Вы мнѣ даете высокую цѣль, за которую я какъ сестра и другъ, благодарю васъ. Чрезъ нѣсколько дней мы увидимся, я обниму дѣтей вашихъ, горячо хотѣла бы и вамъ принести исцѣленіе... Господь съ вами. Сестра ваша Софья.“

— Она, можетъ быть, завтра пріѣдетъ, — сказалъ Ѳеодоръ Петровичъ,—или, много, послѣзавтра.

— Да... я ей хочу мою комнату отдать,—сказалъ Борисъ торопливо.

— Ну, слава Богу, что она жива и здорова, а объ этомъ завтра... Мнѣ нужно внизъ... Вы оставайтесь здѣсь. Ѳеодоръ Петровичъ, уходя, очень мягко взглянулъ на Бориса.

Когда Борисъ остался одинъ съ Машей, онъ обнялъ ее и сказалъ:

— Не плачь, Маша, тетушка пріѣдетъ и будетъ тебя любить.

Маша вдругъ успокоилась. А Борисъ и съ тревогой и съ отраднымъ чувствомъ началъ думать о Софьѣ Николаевнѣ и открывающейся новой жизни.

Конецъ первой книги.

КНИГА ВТОРАЯ.

ВЪ ПУТЬ-ДОРОГУ!...

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Большой дикій домъ точно обновился на другой день, послѣ похоронъ. Стояло свѣтлое, холодное утро. Солнце играло на окнахъ; стѣны смотрѣли свѣжѣе и опрятнѣе.

Часу въ двѣнадцатомъ, явился Ѳедоръ Петровичъ съ тремя свидѣтелями. Пелагея Сергѣевна, не кланяясь ему, вышла въ бильярдную, и сухо взглядывала на Бориса красными, наплаканными глазами. Борисъ всю ночь продумалъ о томъ, какъ пріѣдетъ Софья Николаевна и что сдѣлается съ бабушкой. Объ самомъ завѣщаніи онъ мало думалъ.

Съ самаго утра, когда онъ сошелъ сверху, имъ овладѣло опять беспокойство и даже какое-то раздраженіе. Ему попалось нѣсколько дворовыхъ, старухъ, лакеевъ. Всѣ они смотрѣли просительно, точно хотѣли его остановить и начать рассказывать о своихъ нуждахъ, и во всѣхъ ихъ взглядахъ и движеніяхъ виднѣлось то, что съ этого дня Борисъ для нихъ уже болѣе не барченокъ, а настоящій баринъ.

Съ Пелагеей Сергѣевной Борисъ почти не сказалъ ни слова.

— Приступимъ, — сказалъ Ѳедоръ Петровичъ своимъ спокойнымъ тономъ, когда всѣ собрались въ бильярдной.

Онъ подошелъ къ двери въ спальню, сломалъ печать и отперъ, пригласивъ всѣхъ рукой послѣдовать за нимъ.

Первое что бросилось Борису въ глаза, была пустая кровать. Больной точно сейчас оставилъ ее. И все въ комнатѣ, до малѣйшихъ вещицъ, застыло въ одномъ положеніи.

Пелагея Сергѣевна сѣла на одинъ изъ стульевъ, около стѣны; она упорно молчала и лицо ея было такъ жестоко и уязвлено, что трудно было подойти къ ней и заговорить. Борисъ сталъ въ уголъ около двери и облокотился о бюро.

Свидѣтели немножко стѣснялись. Одинъ изъ нихъ, маленький старичокъ, толстенный и круглый, подгородный помѣщикъ, примигивалъ все глазомъ. Двое остальныхъ—довольно молодой еще совѣтникъ палаты, съ бѣлокурыми височками, и отставной полковникъ хмураго вида—смотрѣли другъ на друга вопросительно и, по временамъ, взглядывали на Пелагею Сергѣевну.

Оедоръ Петровичъ отперъ верхній ящикъ бюро.

— Вотъ здѣсь,—обратился онъ къ свидѣтелямъ,—лежитъ завѣщаніе покойнаго, деньги и бумаги. Я припечаталъ его въ первый же день.

Бѣлокурый совѣтникъ съ улыбкой наклонилъ голову, а толстенный помѣщикъ подмигнулъ.

Оедоръ Петровичъ выложилъ на столъ три большіе пакета.

— Тутъ—сказалъ онъ, указывая на средній пакетъ, завѣщаніе, въ этомъ конвертѣ деньги на погребеніе, а вотъ въ этомъ—билеты и серіи.

Бабенька при словѣ *серіи* подняла голову и въ упоръ посмотрѣла на Оедора Петровича.

— Иванъ Иванычъ, не угодно ли вамъ будетъ прочесть завѣщаніе,—проговорилъ Ланинъ, обращаясь къ бѣлокурому совѣтнику.

Тотъ немножко поѣжился, подошелъ къ столу и, сломивъ печать съ конверта, вынулъ большую тетрадь въ листъ.

Началось чтеніе. Ланинъ и свидѣтели слушали, стоя. Борисъ, въ углу, за бюро, стоялъ, закрывши глаза рукой: ему тяжело было слѣдить за ходомъ завѣщанія; ему хотѣлось скорѣе уйти къ себѣ, наверхъ, отъ неловкихъ, колючихъ ощущеній. Неотвязчива была въ немъ мысль, что тутъ разыгрывается послѣдній актъ комедіи; что все это точно подготовлено и подведено.

Пелагея Сергѣевна сохраняла тотъ же суровый неподвижный видъ; но внутренно она съ жадностью слѣдила за чтеніемъ.

И что пришлось ей услышать?

Во-первыхъ, она отстранялась вполне отъ всякаго вліянія на имѣнье и дѣтей покойнаго. Опекуномъ назначался Лапинъ, попечительницей Софья Николаевна Телепнева. Когда бѣлокурый совѣтникъ прочелъ этотъ пунктъ, бабенка вся покраснѣла, но не измѣнила себѣ, не сдѣлала ни одного движенія. Покойный завѣщевалъ дѣтямъ выдѣлить изъ родового имѣнія бабкѣ слѣдующую ей часть, по ея выбору, и предоставить Софѣ Николаевнѣ пожизненно имѣнье, которое должно было идти ихъ дядѣ. Борисъ узналъ, что ему съ сестрой оставляетъ отецъ шестьсотъ душъ; билетами и серіями: пятьдесятъ тысячъ рублей.

— Теперь—сказалъ Ѳеодоръ Петровичъ, когда чтеніе было кончено,—вотъ тутъ деньги, назначенныя самимъ покойнымъ на погребеніе.—Онъ обернулся къ Борису и Пелагее Сергѣевнѣ.—Я истратилъ на похороны восемьсотъ рублей; тутъ тысяча. Какъ прикажете съ ними распорядиться?

Пелагея Сергѣевна молчала. Борисъ взглянулъ на нее впросительно.

— Отдать Якову—сказалъ онъ.

— Онъ получилъ награду,—замѣтилъ Ѳеодоръ Петровичъ.

— Да, но онъ право стоитъ,—проговорилъ Борисъ и тотчасъ же прибавилъ:—можетъ быть, бабушка желаетъ...

— Я ничего не желаю,—рѣзко отвѣтила старуха и поднялась. Что-то судорожное видно было въ ней.

Быстро вышла она изъ спальни, никому не поклонившись. Всѣ посмотрѣли ей въ слѣдъ и долго молчали.

Борису стало жаль старуху. Слишкомъ крутъ былъ переходъ отъ прошлаго къ настоящему. Завѣщаніе наносило ей глубокую рану. И тотъ пунктъ его, гдѣ покойный говорилъ дѣтямъ, что они должны уважать бабушку и не дѣлать ей никакихъ непріятностей, казался горькой насмѣшкой.

II.

Федоръ Петровичъ взялъ Бориса за руку.

— Ну, Борисъ Николаичъ,—сказалъ онъ ему,—батюшкѣ вашему угодно было сдѣлать меня вашимъ опекуномъ. Тяжеленько, да какъ-нибудь уладимъ все.

— Вотъ бабушка... вырвалось у Бориса.

— Что дѣлать!—сказалъ Лапинъ, пожавъ плечами,—вамъ что-нибудь одно выбирать: или исполнить волю отца вашего, или все отдать въ руки Целагеи Сергѣевны. Да вѣдь она теперь не смилуетъ все-равно.

Свидѣтели подошли къ Борису.

— Молодцомъ распорядился вашъ отецъ,—пробасилъ хмурый полковникъ;—я всегда бы такъ поступилъ.

— Хорошее состоянiе получили—прогосподрилъ, подмигивая, толстенкiй помѣщикъ. Знаю я вашу Ольховку: кругленькое имѣнiе.

— А какъ съ домомъ распорядитесь? — мягко спросилъ бѣлокурый совѣтникъ.

Всѣмъ было очень неловко, и, чрезъ нѣсколько минутъ они поспѣшили удалиться.

Борисъ и Федоръ Петровичъ, остались вдвоемъ.

— Федоръ Петровичъ, — сказалъ Борисъ, — мнѣ очень трудно будетъ съ бабушкой, такъ вы ужъ меня поддержите, вѣдь нельзя же ей выѣхать сейчасъ же изъ дома.

— Да, любезный другъ, никто ее и не гонитъ. Развѣ батюшка вашъ въ завѣщанiи говоритъ, чтобъ она въ домѣ не смѣла жить?

— Но когда Софья Николаевна прiѣдетъ?

— А ужъ тогда, какъ ей угодно. Разумѣется, не станетъ жить въ этомъ домѣ.—Федоръ Петровичъ пристально посмотрѣлъ на Бориса.—Жалко мнѣ васъ очень, — проговорилъ онъ — положенiе ваше такое чудное, да вѣдь тяжелѣе-то ужъ ни будетъ, и то сказать.

Въ дверяхъ показалась Фицка.

— Барыня васъ къ себѣ просятъ-съ доложила она.

— Кого?—спросилъ Борисъ.

— Васъ баринъ, и вотъ ихъ-съ,—и Фицка указала рукой на Ѳедора Петровича.

— Пойдемте,—сказалъ Лапинъ:— надо ее хоть немножко успокоить, прибавилъ онъ, точно про-себя. Онъ положилъ завѣщаніе и билеты въ бюро, заперъ и проговорилъ:

— Ключъ-то я съ собой возьму; а отъ комнаты— вы у себя держите.

Они нашли Пелагею Сергѣевну на диванѣ; она сидѣла, заложивъ руки за спину въ очень странной позѣ.

— Вы опекунъ моихъ внуковъ,—начала она, обратившись къ Ѳедору Петровичу.—Я вамъ объявляю, что отказываюсь отъ седьмой части, не хочу, чтобъ мнѣ подачку подавали. Мнѣ ничего не нужно, я не нищенка, не стану христарачничать.

— Помилуйте Пелагея Сергѣевна, — заговорилъ довольно мягкимъ тономъ Лапинъ,—ни сынъ вашъ, ни внуки никогда и не думали лишать васъ собственности.

— Я не хочу!—вскричала бабенка,—слышите я не хочу, и вы меня не заставьте милостыню просить! Довольно ужъ наругались надо мной!

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, поступайте какъ вамъ будетъ угодно. Если вы отказываетесь отъ части, слѣдующей вамъ по закону, составьте актъ въ пользу вашихъ внуковъ, или кого вы найдете достойными.

— Вотъ!—закричала Пелагея Сергѣевна. Вы рады— вамъ сейчасъ бумаги строчить, завѣщанія составлять, каверзы дѣлать! Никакого акта я составлять не хочу, а убѣгу я вотъ изъ этого вертепа, да! Съ меня здѣсь рады послѣднее платьешко стащить! Порадуйтесь, на меня глядя. Мнѣ въ шедестысять-то пять лѣтъ надо на колѣни вотъ передъ нимъ становиться, чтобъ онъ меня на улицу не выгналъ!

Пелагея Сергѣевна вся заколыхалась; въ голосѣ ея была слышна смѣсь желчи, слезъ и крика.

Ѳедоръ Петровичъ переглянулся съ Борисомъ. Его озадачила тирада бабиньки.

— Вы вѣдь все законно устроили!—закричала опять старуха,—ну, и прекрасно. Устраивайте, подведите законы такъ, чтобъ меня въ желтый домъ засадить и мое имѣнье у меня все отнять.

— Бабушка,—проговорилъ Борисъ,—успокойтесь.

Старуха вскочила съ мѣста.

— Молчи!—вскрикнула она.—Какая въ тебѣ кровь-то течетъ? уродился весь въ матушку!...

— Сударыня—прервалъ громко Ѳеодоръ Петровичъ,—вамъ угодно приказать мнѣ что-нибудь?—а то, вы меня извините, я долженъ ѣхать.

— Поѣзжайте, поѣзжайте! повторяла Пелагея Сергѣевна.— Мнѣ васъ не надо, и никого мнѣ не надо. Живите вы тутъ, умрите,—я уѣду; я дня здѣсь не останусь. Чтожъ мнѣ у новой-то хозяйки, у выписной-то барыни, въ холопкахъ, что ли, быть? Наверху Степанидкину конуру занимать? На что я вамъ нужна? Родной сынъ въ грязь втопталъ!..

Въ словахъ и возгласахъ старухи было что-то раздирательно жолчное.

Она прошла по комнатѣ и скрылась за перегородку, хлопнувъ за собой дверь.

Ѳеодоръ Петровичъ переглянулся съ Борисомъ, махнулъ рукой и тихо проговорилъ:

— Пойдемте. Чего же больше ждать?

Борисъ пошелъ за нимъ слѣдомъ и молчалъ до самой за-
лы, гдѣ они остановились.

Пелагея Сергѣевна лежала на кровати и плакала.

III

— Что же это такое, батюшка?—спросилъ Ѳеодоръ Петровичъ Бориса.—Бабушка-то ваша совсѣмъ, видно, помутилась. Зачѣмъ она насъ къ себѣ требовала, скажите вы мнѣ на милость?

— Да вы видите, Ѳедоръ Петровичъ, она такъ раздражена, вы ужъ не взыщите съ нея, вѣдь и ея-то положеніе...

— Знаю, что не очень веселое, да вѣдь дѣло-то ужъ сдѣлано: она должна же это понять. Вотъ женщины, всегда женщинами и останутся; силы нѣтъ, достоинства. Ну что-жъ не хочетъ здѣсь жить, бѣжать хочетъ? вѣдь удержать насильно нельзя; квартиру ей, что ли, подыскать, или въ деревню... ну, да это ужъ ея, дѣло. Право, къ ней и не подступись.

Добрый Ѳедоръ Петровичъ говорилъ все это съ озабоченнымъ видомъ. Онъ совсѣмъ не сердился на старуху; онъ жалѣлъ ее и не могъ придумать, какъ бы все помягче, да лучше уладить, такъ, чтобъ никто не страдалъ и не было бы тяжелыхъ, бесполезныхъ столкновений.

— О дворовыхъ-то, мы ужъ съ вами уже перетолкуемъ, сказалъ онъ Борису, надо ихъ собрать, объявить вольную, кому сказано, и награды раздать. Мнѣ пора и обѣдать, мой часъ ужъ прошелъ, прибавилъ онъ съ улыбкой. Вы завтра въ классы-то еще не ѣдите?

— Нѣтъ, я не поѣду

— Распорядитесь па счетъ комнаты. Пянюшкѣ своей скажите чтобъ у васъ тамъ, наверху, прибрали. Если что нужно будетъ, пришлите за мной пораньше... да я непременно буду часу въ седьмомъ.

Борисъ проводилъ Ѳедора Петровича до передней и долго ходить по залу.

Сцена у бабенки очень подавила его: ему жалко было старуху и досадно за нея.

— „Зачѣмъ она не выдержала характера? спрашивалъ онъ себя. Къ чему эта бездѣльная выходка въ такой день, когда нужно было поддержать свое достоинство?“

Но Борисъ чувствовалъ, сколько бабенка пережила въ каго при чтеніи завѣщанія. Онъ чуть не упрекнулъ покойнаго отца за этотъ рѣзкій переходъ, котораго онъ самъ такъ горячо желалъ. Выгнать изъ дома старуху, отнять всякое вліяніе и власть, и все это за одинъ разъ, все это какъ посмертная воля сына, сына вѣчно-покорнаго, безмолвнаго, придавленнаго...

— „Страшное наказаніе,—повторялъ Борисъ;—силыѣе и

болѣзненнѣе никто бы не выдумалъ, даже личный врагъ Пелагеи Сергѣевны... Но могу ли я винить отца? Не сама ли она все приготовила? И чего она, въ самомъ дѣлѣ, лишена? власти,—и только; а что ей до насъ? Если въ ней и живетъ къ намъ какое-нибудь чувство, много она не станетъ плакать: она всегда жила одна; близкіе люди были для нея нужны только для того, чтобъ теребить ихъ!“

Такъ-то рассуждалъ Борисъ, забывъ, что ему нужно начать распоряжаться по дому. Вся дворня была въ ожиданіи. Всѣ знали, что завѣщаніе читалось; что кто-то на волю отпущенъ; что, вѣрно, многихъ и по оброку разгонять. Какіе-то порядки будутъ? передумывали челядницы,—какъ поведетъ себя молодой баринъ?

Про то, что Пелагея Сергѣевна въ домѣ жить не останется—было также извѣстно. Эта новость произвела необычайное волненіе въ дѣвичьей. Старухи, женщины, дѣвки и дѣвчонки, населявшія эту хоромину, всѣ волновались однимъ вопросомъ: куда ихъ дѣнуть, куда отправять, не разгонять ли по бѣлу свѣту?

Нѣсколько женщинъ принадлежали бабенкѣ, были изъ ея приданнаго имѣнья. Эти не такъ волновались: онѣ знали, что если старая барыня изъ дома выѣдетъ, она ихъ съ собой возьметъ; но и имъ предстояла невеселая жизнь: всѣ онѣ привыкли къ городу, къ болтовнѣ, къ компаніи, къ чайку. А въ деревнѣ, не на что уже будетъ промыслить золотничокъ чайку, некому связать потихоньку чулки, некуда снести ихъ на продажу. Приданныхъ старухъ было всего двѣ-три, остальная масса принадлежала *барченку*.

Борисъ, въ раздумьи, ходилъ по залѣ и, повернувъ машинально голову къ двери въ корридоръ, увидѣлъ цѣлую толпу женщинъ, стоящихъ въ дверяхъ. Всѣ онѣ были одѣты въ черныя коленкоровыя платья и бѣлые платки, точно какія монашенки на молитвѣ.

Впереди стояли двѣ старухи: одна, худенькая съ плачущими, опухшими глазами, вся сморщенная; другая, такая же худенькая, но съ кислой улыбкой.

Только что Борисъ подошелъ къ нимъ, онѣ всѣ бухнулись въ ноги.

— Что вы?—вырвалось у Бориса.

— Батюшка,—захныкали старухи,—мы къ вашей молости: не сдѣлайте насъ несчастными, не гоните вы насъ, дайте...

— Да встаньте, встаньте! повторялъ молодой баринъ, краснѣя. Еще въ первый разъ передъ нимъ становились на колѣни.

— Встаньте же! прошу васъ. Что вамъ надо?

Всѣ поднялись. Слезливая старуха заговорила первая, голосъ у ней дрожалъ и она все давилась словами.

— Вы насъ не гоните. Мы бабинькѣ и папенькѣ вашему служили—заныла она.

— Куда же намъ дѣваться? На что мы теперь годны? слышалось изъ заднихъ рядовъ.

— Батюшка... заныла смѣющаяся старуха и подалась впередъ, желая взять у Бориса руку и поцѣловать ее.

Борисъ уклонился и покраснѣлъ.

— О чемъ вы хлопочете?—сказалъ онъ имъ.—Живите себѣ какъ жили, никто васъ гнать не будетъ.

— Да вѣдь теперь новые порядки пойдутъ, батюшка,—проговорила слезливая старуха.

Борисъ усмѣхнулся.

— Полно, никакихъ новыхъ порядковъ не будетъ. Ступайте и работайте себѣ.

Успокоительный тонъ Бориса подѣйствовалъ на женскую массу; волненіе исчезло съ лицъ.

— Ужъ мы на васъ, какъ на Бога,—заговорила опять слезливая старуха.

— Хорошо, хорошо!—повторялъ Борисъ и сдѣлалъ движеніе рукой, отступая назадъ.

Женщины потянулись въ корридоръ и отправились всей толпой въ дѣвичью.

Борису стало смѣшно.—„Отчего это я вдругъ сдѣлался бариномъ? спрашивалъ онъ себя. Что мнѣ съ ними дѣлать? Ну, пока стоитъ большой домъ, пускай ихъ доживаютъ въ дѣвичей.“ Борисъ подумалъ о томъ, сколько лѣтъ бабенка царила надъ этимъ міркомъ, и ему даже не совсѣмъ вѣрилось, что все исчезло такъ быстро, такъ мгновенно.

Онъ былъ утомленъ. День похоронъ, томительный и сует-

ливый, потомъ письмо изъ Москвы, долгая дума, тревожная ночь и сцена съ бабушкой—все это не могло пройти даромъ. Ему было очень тяжело. Только теперь онъ начиналъ чувствовать, что одиночество сдѣлалось еще сильнѣе; а образъ отца, съ его болѣзнию, слабостью, съ изнурительной и жалкой борьбой, предсталъ передъ нимъ, какъ живой, и точно дышалъ упрекомъ.

— „Вотъ теперь и свободно, да что дѣлать изъ этой свободы,“ говорилъ онъ себѣ. И въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту, онъ не зналъ, что ему съ ней дѣлать, да и стыдно ему было останавливаться только на своей жизни, на своемъ будущемъ.

Ночью, онъ такъ много думалъ о прїѣздѣ Софьи Николаевны, что теперь совсѣмъ позабылъ о ней. Ему казалось, въ эту минуту, что большой дикій домъ такъ и простоятъ цѣлую вѣчность, безъ новыхъ лицъ, безъ новой жизни; что имъ всѣмъ придется также умереть, какъ умеръ отецъ. Ему вдругъ припомнились слова Маши: „папа умеръ, и ты умрешь“ И горько стало ему за свою сестренку, за эту дѣвочку, которой готовилась какая-то странная судьба.

Онъ пошелъ къ ней наверхъ.

Маша сидѣла у себя въ комнаткѣ, на диванѣ, сложивъ ноги калачикомъ.

Въ траурномъ платицѣ, съ плерезами и бѣлымъ большимъ воротничкомъ, она была еще лучше. Опустивъ голову и длинные свои локоны, она читала какую-то книжку.

Борисъ подошелъ къ ней тихо и поцаловалъ ее въ темя. Маша подняла голову, кротко улыбнулась и молча, глядѣла на брата.

Въ ея лицѣ была какая-то сосредоточенная и тихая грусть. Она вся притихла и только ея синіе глаза глубоко свѣтились.

— Я вотъ читаю, Боря,—сказала она тономъ ребенка, присмирѣвшаго послѣ шума и рѣзвости.—Читать хочется, прибавила она, и опять опустила голову.

Борисъ заглянулъ въ книгу. Это было евангеліе.

— Читай, дружокъ, а я отдохну немножко,—сказала она.

— Отдохни,—повторила Маша, не поднимая головы, и взяла его за руку. Это движеніе было полно теплоты и предести,

— Толстая гдѣ? спросилъ Борисъ.

— Не знаю; она, кажется, и не заглядывала сегодня. Богъ съ ней, Боря,—прибавила Маша и взглянула на брата: она какъ будто хотѣла сказать этимъ взглядомъ, что теперь уже кончилась старая жизнь; надо было все забыть и все простить.

Борису хорошо стало на сердцѣ послѣ этого взгляда и словъ Маши.

Онъ еще разъ поцѣловалъ ее и пошелъ къ себѣ.

Мироновна была тамъ. Она прибирала комнату

Борисъ легъ на диванъ.

— Усталъ?—спросила его няня.

— Немножко; а ты развѣ не устала?

— Нѣтъ, я ничего, отвѣтила старушка. Ты ночью-то не спалъ, я вѣдь слышала.

— Сегодня выплещусь.

— Ну, ужъ выспишься, знаю я тебя. Бабушка-то что?—спросила, помолчавъ, Мироновна. Бумагу-то читали?

— Читали,—отвѣтилъ Борисъ.

— Какое же распоряженіе?

— Ахъ, няня, я ужъ тебѣ послѣ расскажу,—сказалъ Борисъ взволнованнымъ голосомъ.

— Ну, инъ ладно, я только такъ, промолвила старушка и, обернувшись, начала мести комнату

Борисъ продолжалъ лежать на диванѣ. Старушка, убравъ комнату, подошла къ нему

— Приказывать будешь что?—спросила она.

— Да няня, буду, надо вѣдь вещи мои вынести, я внизу, въ спальнѣ поселюсь, а оттуда можно взять шифоньерки...

— Сегодня, чтò ли, перетаскивать?

— Да, чего же ждать?

— Извѣстное дѣло, неровно пріѣдетъ.

— Ты погоди, проговорилъ Борисъ, прислушиваясь и вставая съ дивана. Кто-то внизу.

Онъ не договорилъ и бросился изъ комнаты.

IV

Вбѣжавъ въ залу, Борисъ остановился.

Передъ нимъ, стояла молодая женщина, высокаго роста. Блѣдное, продолговатое лицо, большіе глубокіе глаза и прекрасный ротъ, вотъ что прежде всего бросилось въ глаза Борису. На ней надѣто было суконное черное платье, съ высокимъ воротомъ, и узкими рукавами. Въ рукахъ она держала маленькій дорожный мѣшокъ. Длинный темный платокъ свалился съ ея плечъ.

Увидавъ Бориса, она сдѣлала шагъ впередъ.

Въ первую минуту Борисъ не зналъ что сказать, потомъ взглянувъ ей прямо въ лицо, онъ кинулся къ ней, взялъ ее за руку и началъ цаловать.

— Тетушка, это вы? выговорилъ онъ.

— Да это я, Борисъ. Она остановилась, и бросивши взглядъ на его плерезы, заплакала.

— Скончался, — сказалъ Борисъ тихо, вчера мы его похоронили. Говоря это, онъ поднялъ голову и встрѣтилъ взглядъ: мягкій, глубокій, прекрасный.

— И вы одни... промолвила Софья Николавна, держа его за руку.

Чѣмъ-то свѣжимъ, повѣяло на Бориса. Онъ никогда не слыхалъ такого прекраснаго органа, какой былъ у Софьи Николаевны. Онъ сжалъ ее за руку и чувствовалъ, что его рука дрожала и онъ весь былъ полонъ тревоги; но не томительной, не скорбной; а новой, сладкой. Онъ былъ тронутъ звукомъ голоса, взглядомъ, прекрасными слезами, всемъ образомъ этой женщины.

— Пойдемте сюда, присядьте — проговорилъ онъ, увлекая ее въ гостиную. Онъ усадилъ ее на диванъ; она смотрѣла на него немного удивленная, съ тихой улыбкой и слезами на большихъ черныхъ глазахъ.

— Тетушка, — началъ Борисъ, взволнованнымъ голосомъ,

у насъ съ вами одно горе, я знаю, что вы любили папеньку. Но мнѣ больно за васъ, вы пріѣхали сюда, въ нашъ домъ, гдѣ у васъ будутъ непріятности. Я не хочу отъ васъ скрывать, положеніе ваше при бабушкѣ...

Борисъ остановился. Онъ выговорилъ все это смущенный, съ опущенной головой, испытывая небывалое чувство робости и вмѣстѣ новое желаніе вылить передъ ней всю душу.

Софья Николавна взяла его за руку.

— Какой вы славный,—вымолвила она тихо, вы боитесь за меня. Я вѣдь знала, что найду здѣсь Пелагею Сергѣевну. Пойдемте къ ней, прибавила она и встала.

— Къ ней? вырвалось у Бориса.

— Да, развѣ вы меня хотите скрыть отъ нея?

— Вы ее не знаете—сказалъ Борисъ покачавъ головой.

— Узнаю, — отвѣчала Софья Николавна спокойно, и потомъ спросила:

— Она очень убита?

— Да, убита,—промолвилъ Борисъ, нерѣшительно.

— Вотъ видите ли, мой добрый, начала Софья Николавна, опускаясь опять на диванъ. Вашего отца я любила, его волю я исполню свято, я это скажу и бабушкѣ вашей. Мы будемъ жить хорошо, дружно, не правда ли?

И Софья Николаевна, такъ радостно взглянула на Бориса, что у него пропало и смущеніе и тревога. Въ ея тонѣ слышалась самая свѣжая молодость и какое-то правдивое спокойствіе. Движенія были необыкновенно легки и просты. Борисъ сейчасъ почувствовалъ, что они встрѣтились, какъ равные, даже слово „тетушка“ вдругъ зазвучало, странно, въ его ушахъ.

— Вы писали письмо ко мнѣ?—спросила Софья Николавна.

— Да, отвѣтилъ Борисъ.

Я получила его больная, шевельнуться не могла. Я рвалась сюда. Прежде меня пугала одна мысль объ этомъ домѣ... Софья Николаевна, въ первый разъ окинула взглядомъ гостиную. Но тутъ, всякій страхъ пропалъ, такъ мнѣ стало жаль и отца и васъ. Она опустила голову. И вотъ даже и взглянуть не привелось. Простите меня, сказала она по-

молчавъ, вамъ и безъ того тяжело. Вѣдь что дѣлать, мы женщины болтаемъ и болтаемъ.

Что вы говорите тетенька,—вырвалось у Бориса, я такъ радъ...

— Чему? спросила его Софья Николавна, смотря ему въ глаза.

— Вашему доброму слову тетенька.

— Ахъ вы бѣдный. Видно нелегко вамъ было. Вы знаете, что я о васъ много думала, и у меня сердце рвалось когда я представляла себѣ вашу жизнь. Одиночество, болѣзнь, борьба и все это когда же?.. Бѣдный мой мальчикъ.

Она произнесла это будто про себя; но съ такой искренностью, такъ симпатично и изящно, что Бориса точно что кольнуло въ сердце. Впечатленіе производимое Софьей Николаевной, съ каждой минутой вводило его въ иной, свѣтлый міръ. Самое горе, самая грусть преобразились подъ обаяніемъ ея натуры.

— Ничего, заключила она, будемъ жить, живымъ все сносно, только бы умершимъ было хорошо. У насъ съ вами одно существо на рукахъ... А гдѣ она, гдѣ Маша? Она на васъ похожа?

— Она похожа на тата, промолвилъ Борисъ.

— Какъ это хорошо,—сказала Софья Николавна, и встала съ этими словами. Идемте же къ бабушкѣ.

— А если она васъ не приметъ? тихо проговорилъ Борисъ.

— Нѣтъ, дорогой мой, этого не можетъ быть, пойдемте. И легкой быстрой поступью она пошла изъ гостиной. Борисъ слѣдовалъ за ней, не спуская съ нея глазъ.

V

Борисъ и Софья Николавна остановились у дверей въ бильярдную.

— Какой вашъ домъ странный,—сказала она, оглянувшись.—Въ немъ точно нѣсколько лѣтъ никто не жилъ. А это куда красная дверь?

— Это была папенькина спальня,—проговорилъ Борисъ.

Софья Николавна взглянула на него и тихо промолвила:

— Мы тудаходимъ послѣ.

— Тетенька,—сказалъ Борисъ, останавливая Софью Николаевну,— не лучше ли будетъ, если я сперва войду къ бабынкѣ, скажу ей...

— Полноте, добрый мой, что это какое у васъ малодушіе,—прибавила она съ улыбкой.

Борисъ покраснѣлъ и потупился.

Они вошли.

Въ диванной никого не было. Пелагея Сергѣевна лежала, за перегородкой, на кровати; подлѣ нея помѣщалась Оицка. Она уже успѣла доложить *барынкѣ*, что пріѣхала *московская*, на извозикѣ, и молодой баринъ руку у нея поцѣловалъ и въ гостиную повелъ.

Бабынка приняла это извѣстіе молча; только еще сильнѣе нахмурилась и привстала на кровати. Она не знала, что ей дѣлать, именно въ этотъ день. Хоть она и ожидала пріѣзда Софьи Николавны, но все-таки извѣстіе застало ее врасплохъ.

— Посмотри, кто тутъ?—шепнула она Оицкѣ, когда дверь изъ корридора отворилась.

Оицка припала своимъ лазуческимъ глазомъ къ щели между двумя половинками ширмъ, составлявшихъ перегородку сбоку, и увидала Бориса съ Софьей Николаевной.

— Барынка,—шепнула она,—баринъ съ ней-съ.

Бабынка совсѣмъ поднялась на кровати. Волненіе ея высказывалось въ томъ, что она поправляла на себѣ чепчикъ и все отодвигалась назадъ. Въ ней крѣпилось любопытство съ чувствомъ раздраженія. Ей захотѣлось выгнать Софью Николаевну; но потомъ она растерялась; ее поразило то, что Софья Николаевна первая пришла къ ней. Кто же она, эта распутная? спрашивала себя бабынка, и машинально опускала ноги съ кровати.

— Дай кацавейку,—сказала она Оицкѣ.

Наперстница накинута на нее кацавейку, и Пелагея Сергѣевна, обдергивая свой чепецъ, вышла въ диванную.

Софья Николавна не дала бабынкѣ времени подойти къ ней.

— Пелагея Сергѣевна, — сказала она, — вы меня простите, что я являюсь къ вамъ такъ просто. Между нами не можетъ быть никакихъ недоразумѣній. Я пріѣхала сюда потому, что это была воля покойнаго. Все тяжелое прошедшее должно забыться на его могилѣ...

Софья Николаевна проговорила все это тронутымъ голосомъ и протянула бабинькѣ руку.

Пелагея Сергѣевна стояла въ нерѣшительной позѣ. Она не знала, что ей отвѣтить на слова Софьи Николаевны.

— Я прошу васъ, — начала опять Софья Николаевна, — не ставьте и себя и меня въ неловкое положеніе... и безъ того жизнь не красна, зачѣмъ же мы еще сами будемъ создавать себѣ трудности.. Мнѣ очень горько, Пелагея Сергѣевна, что придется вступать въ вашу семью въ такую тяжелую минуту; но Богъ поможетъ намъ. Моя совѣсть чиста, а если я въ чемъ виновата — скажите.

Она слѣдала при этомъ движеніе такой теплой, общительной натуры, что Борисъ хотѣлъ схватить ея руку и расцѣловать.

Пелагея Сергѣевна все стояла, опустивъ глаза.

— Извините меня, — проговорила она наконецъ, — я себя нехорошо чувствую; поступайте, какъ вамъ угодно. Я противъ воли Николеньки ничего сказать не могу. А на васъ мнѣ за что жъ быть въ неудовольствіи. Мнѣ на покой пора, я стѣснять не буду. — Злая улыбка пробѣжала по губамъ Пелагеи Сергѣевны, когда она произносила послѣднія слова. По все-таки видно было, что она сильно стѣснилась, и не хватало у ней той жолчи, какую она способна была выпустить на Софью Николаевну.

— Такъ я васъ не буду больше беспокоить, отдыхайте, — сказала Софья Николаевна. — Мнѣ хотѣлось только взглянуть на васъ. Я знаю, когда есть горе, ненужно людей.

Пелагея Сергѣевна попятилась назадъ.

Софья Николаевна обернулась къ Борису и, смотря и на него и на бабенку, сказала:

— Молиться намъ нужно за покойнаго, а ужъ о себѣ-то пока забудемъ... Какъ Богъ дастъ.

И она вышла, посмотрѣвъ еще разъ на бабенку

Борись всю эту сцену простоялъ, опершись на подзеркальникъ, и не спускалъ глазъ ни съ бабенки, ни съ Софьи Николаевны.

Внутри у него было хорошо. Даже сухой тонъ бабенки не возмутилъ его. Онъ ее жалѣлъ. Онъ будто вдругъ увѣрился, что все обойдется хорошо; что дѣйствительно наступила другая жизнь, и нужно только любоваться этой чудной женщиной, къ которой льнуло его сердце.

Онъ пошелъ за ней и не могъ оторваться отъ ея головки.

А бабенка скрылась опять за перегородку и легла на кровать, обдергивая свой чепецъ.

Ей было досадно, скверно; она была недовольна собой и чувствовала безсиліе этого недовольства.

VI.

— Чтò тетенька? — спросилъ Борись, когда они были въ корридорѣ.

— Ничего, — отвѣтила Софья Николаевна и грустно улыбнулась. — Немножко тяжело смотрѣть на вашу бабушку. А вы думали, что она съѣстъ меня? Не за что мой другъ. Ахъ, какъ здѣсь холодно! — сказала она съ невольнымъ вздохомъ.

— А теперь теплѣе будетъ, — проговорилъ Борись и опять покраснѣлъ, — вы насъ всѣхъ оживите.

— Вы думаете? Дай-то Богъ!

Въ залѣ была Маша; она кинулась прямо къ Софьѣ Николаевнѣ.

— А, вотъ Маша!.. Ахъ моя родная, здравствуй, здравствуй, — и Софья Николаевна осыпала ее поцалуями. — Ты меня знаешь?

— Знаю, отвѣтила Маша и устремила на нее свои прекрасные глаза. Мнѣ Боря про васъ рассказывалъ: говорилъ, что пріѣдетъ изъ Москвы тетушка добрая...

— Вотъ я и пріѣхала, ангель мой. И мы будемъ съ тобой жить... Ужь я тебя полюбила Маша.

— И я васъ тоже, — отвѣтила дѣвочка и обвила шею Софьи Николаевны своими ручками.

Борисъ заглядѣлся на нихъ.

— Вотъ добрый мой, — обратилась къ нему Софья Николаевна, — смотрите, какъ будетъ легко жить съ этой славной дѣвочкой. Меня слушаться будешь, Маша?

— Буду, буду! вскричала дѣвушка.

— Ну и прекрасно ангель мой...

— А вы прямо изъ Москвы, тетя? — спросила Маша.

— Да, прямо, изъ Москвы.

— Отчего же вы не ѣхали? вотъ папа-то безъ васъ и умеръ... Маша наклонила голову и заплакала.

Софья Николаевна поцаловала ее въ голову и тоже всплакнула.

— Вотъ у меня теперь только одинъ Боря остался, — говорила Маша сквозь слезы.

— А я-то? — спросила Софья Николаевна.

— Да, и вы. Я васъ буду любить: вы добрая...

— Какая она прелесть! — сказала Софья Николаевна обратившись лицомъ къ Борису

— Да, вотъ она у меня какая! отвѣтилъ Борисъ, нагнувшись также къ Машѣ.

— Пойдемъ Маша, покажи мнѣ твою комнату, — сказала Софья Николаевна.

— Ахъ, тетенька, началъ Борисъ, — я, вѣдь, васъ не спросилъ: какъ вы сюда пріѣхали, вещи ваши гдѣ?

— Я и забыла, вотъ мы съ вами какіе юные... да впрочемъ, это успѣется. Только бѣдная моя Аннушка тамъ ждетъ.

— Гдѣ же, тетенька?

— Въ почтовой конторѣ. Я ее тамъ оставила съ вещами.

— Такъ я сейчасъ распоряжусь, пошлю человѣка съ дрожками.

— Благодарю, пошлите.

— Да вы, вѣдь, я думаю, ужасно устали; не хотите ли отдохнуть?

— Нѣтъ, ничего; я всю ночь въ каретѣ спала. Вотъ я пойду къ Машѣ наверхъ. Пойдемъ, Маша.

— Пойдемте, тетя, сказала дѣвочка радостно и взяла ее за руку

— Ваше^а комната также наверху,—проговорилъ Борисъ—противъ Машиной.

— Какъ, Боря, это, вѣдь, твоя?—быстро перебила его Маша, бросая на него испуганный взглядъ.

— Да, дружокъ, была моя, но въ ней теперь будетъ жить тетенька.

— Ахъ, зачѣмъ,—сказала Софья Николаевна, зачѣмъ это... пожалуйста, для меня ненужно никакихъ перемѣщеній. Вотъ видите, какъ Маша испугалась. Она не хочетъ васъ отъ себя отпускать. Маша, тебѣ, вѣдь, хочется, чтобъ Боря жилъ подлѣ тебя?

— Да, отвѣтила Маша;—онъ всегда тутъ жилъ.

— Ну, вотъ видите, — обратилась Софья Николаевна, не грѣхъ ли будетъ ее огорчать?

— Вѣдь это на время тетенька — упрасивалъ Борисъ,—вамъ здѣсь, внизу, рѣшительно негдѣ.

— Отчего же?—спросила Софья Николаевна,—такой большой домъ...

— А комнатъ нѣтъ, добавилъ Борисъ. Это пріемныя, или лучше, нежилыя, а тамъ—передняя и спальня, а за коридоромъ живетъ бабушка; въ папенькиной спальнѣ вамъ никакъ нельзя помѣститься: эта комната совсѣмъ отдѣльная и подлѣ прихожей.

— Такъ какъ же быть-то?—спросила Софья Николаевна.

— Да очень просто, тетенька: вы ужъ поселитесь въ моей комнатѣ. Ты, Маша, дружокъ—то подумай: тетенькѣ негдѣ будетъ жить, вотъ она и уѣдетъ отъ насъ опять, и больше ужъ не вернется..

— Ахъ нѣтъ, не надо! закричала Маша и бросилась обнимать Софью Николаевну.—Останьтесь, тетя, съ нами, живите на верху, Боря все равно будетъ со мной.

— Ну, и прекрасно дружокъ,—сказалъ Борисъ, цѣлуя ее.

— Уладили! добавила Софья Николаевна.—Ну, пойдемте, а мы все ни съ мѣста.

— Я сейчасъ, къ вамъ,—сказалъ Борисъ,—только прикажу на счетъ дрожекъ.

Онъ подбѣжалъ къ двери въ прихожую и крикнулъ: «Послать Теофана въ крыгыхъ дрожкахъ въ почтовую контору, привезти дѣвушку Софьи Николаевны съ вещами.»

Борись догналъ тетку и Машу въ корридорѣ; онѣ входили въ бильярдную.

— Спальня заперта?—спросила Софья Николаевна.

— Нѣтъ не заперта,—отвѣтилъ Борись.

— Войдемте, мнѣ хочется взглянуть.

— Тамъ папа умеръ,—вымолвила Маша, со вздохомъ указывая на дверь.

VII.

Маша, какъ вошла, бросилась къ кровати и заплакала.

Софья Николаевна остановилась посреди комнаты и оглянула ее кругомъ.

— Вотъ въ этомъ креслѣ онъ всегда сидѣлъ—промолвилъ Борись, указывая на кресло.

Софья Николаевна подошла къ нему и долго смотрѣла.

— Жалко мнѣ васъ, проговорила она:—много тутъ было болѣзни и горя... и, обернувшись въ уголъ, она перекрестилась.

— Я хочу тутъ поселиться,—сказалъ Борись.

— Нѣтъ, дорогой мой, вамъ будетъ слишкомъ тяжело.

— Я ужъ привыкъ къ этой комнатѣ: тяжело не будетъ того, какъ бывало.

— И долго онъ мучился предъ кончиной?—спросила Софья Николаевна.

— Нѣтъ; онъ съ утра себя хорошо чувствовалъ...

— Странно, произнесла, помолчавъ, Софья Николаевна,—я точно жила въ этой комнатѣ, точно вижу предъ собой отца вашего тутъ, въ креслѣ... такъ врѣзалось въ памяти лицо его. Онъ и въ Москвѣ былъ плохъ... Посмотрите на Машу: она все плачетъ бѣдная...

Софья Николаевна подошла къ ней.

— Маша, ангелъ мой! что ты все плачешь. Ты думаешь папѣ дурно? ему хорошо.

— Маша отняла голову отъ подушки и посмотрѣла на тетку.

— Я знаю, что хорошо,—проговорила она, — да такъ, плакать хочется..

— Ахъ, голубушка... ну плачь, коли хочется. Уведемъ ее,—сказала Софья Николаевна тихо Борису: мнѣ на нее такъ больно смотрѣть. Ну, Маша, пойдемъ къ тебѣ навверхъ.

Дѣвочка встала, утерла глаза платкомъ, и сквозь слезы улыбнулась теткѣ.

— Такъ вы сюда перебираетесь?—спросила Бориса Софья Николаевна выходя изъ спальни.

— Да, я сегодня же.

— А когда вамъ очень сгруснется, вы не засиживайтесь здѣсь, ко мнѣ приходите.

— Теперь-то тетенька, я одинъ не буду.

— Въ добрый часъ. Ну, Маша, иди впередъ по лѣстницѣ, показывай мнѣ дорогу.

Маша начала взбираться по ступенькамъ своей легкой поступи. Софья Николаевна и Борисъ слѣдовали за нею.

Поднимаясь позади, Борисъ опустилъ голову и взглядъ его невольно упалъ на ногу Софьи Николаевны. Нога была очень хороша. Софья Николаевна ступала ровно, но съ какимъ-то чуть замѣтнымъ покачиваніемъ, въ которомъ проявляясь гибкость ея тѣла...

Борисъ былъ увлеченъ своей теткой... Впечатлѣніе первой минуты смѣнилось рядомъ новыхъ впечатлѣній, одно другого лучше и неожиданнѣй.

Въ Софѣ Николаевнѣ привлекла не одна красота; не одна ея стройная, рошкшная фигура; но особенная прелесть пріемовъ, движеній, маленькихъ оттѣнковъ: голоса, взглядовъ, улыбки.. Независимость, свобода ея тона, показалась Борису чѣмъ-то невиданнымъ и не слыханнымъ... Онъ не встрѣчалъ еще такихъ изящно-простыхъ женщинъ; наконецъ, съ нимъ никто въ жизни еще не говорилъ такъ задушевно, съ такой прозрачной добротой и свободой... Онъ совершенно забылъ о себѣ, забылъ даже о своемъ горѣ, онъ только при-

слушивался къ ея голосу и въ каждомъ новомъ словѣ, обращенномъ къ нему, находилъ новое обаятельное выраженіе, новый прекрасный звукъ...

И Борисъ чувствовалъ, что ужасно робѣетъ, краска то и дѣло проступала на щекахъ его. Ему хотѣлось сейчасъ же излиться передъ Софьей Николаевной, но слова не вязались, рѣчь не лилась, и это только усиливало его смущеніе.

Онъ сознавалъ внутренно, что превращается въ мальчика; а мѣжду тѣмъ, ему все-таки было легко и хорошо... Въ самомъ смущеніи онъ находилъ какую-то новую жизнь... Онъ видѣлъ, что этой женщинѣ можно все сказать, все повѣрить, и она пойметъ, и сама подойдетъ со своимъ прекраснымъ взглядомъ и словами, которые такъ и хватаютъ за душу.

„И бабушка могла такъ назвать ее, думалъ Борисъ идя по лѣстницѣ. Онъ мысленно остановился передъ словомъ, обыкновенно употребляемымъ Пелагеей Сергѣевной. Такую женщину? повторилъ онъ про себя и весь вздрогнулъ. Отчего это?.. Что за жалкая злость?“

— Вотъ мы дошли, слышался голосъ Софьи Николаевны, на верхней площадкѣ.

Борисъ поднялся вслѣдъ за ней... Маша стояла въ дверяхъ своей комнаты и улыбалась.

— У меня хорошо, тетя, проговорила она, воздухъ чистый, канарейка у меня есть.

Комнатка, въ самомъ дѣлѣ смотрѣла очень чистенькой. Маша любила порядокъ, и сама каждое утро прибирала вездѣ.

— Какъ у тебя здѣсь хорошо — сказала ей Софья Николаевна... Вотъ и кіотъ... а этотъ туалетъ вѣрно маменькинъ? Съ этимъ вопросомъ она обратилась къ Борису.

— Да, это матушкинъ...

— А ея портрета нѣтъ?—спросила Софья Николаевна.

— У меня виситъ—отвѣтилъ грустно Борисъ...

— А гдѣ же твоя гувернантка Маша? — спросила Софья Николаевна.

— Она тамъ, въ своей комнатѣ. Вамъ развѣ ее надо, тетя?

— Нѣтъ мой ангелъ. я такъ спросила.

— Ну, тетенька, — сказалъ Борисъ, — теперь посмотрите мою комнату. Она вотъ тутъ напротивъ.

— Здѣсь жила ваша мама? спросила Софья Николаевна.

— Здѣсь, тетенька. У насъ во всѣхъ комнатахъ кто-нибудь жилъ и умеръ...

— И страдалъ, — прибавила тихо Софья Николаевна. — Ну, пойдемте къ вамъ.

— Тетя, — говорила Маша, переходя площадку. — вы ко мнѣ будете ходить въ гости?

— Зачѣмъ же въ гости, мой ангелъ? я съ тобой цѣлый день буду проводить.

Мироновна встрѣтила ихъ въ дверяхъ.

— Вотъ моя няня, — сказалъ Борисъ, указывая на старушку, — моя Мироновна.

— Здравствуйте, матушка, — проговорила старушка, и съ поклономъ поцѣловала Софью Николаевну въ плечо.

— Здравствуй, нянюшка. Какъ поживаешь?

— Помаленьку, матушка, помаленьку. Какъ доѣхать изволили?

— Благодарю. Мироновна васъ обихъ вынянчила? — спросила Софья Николаевна у Бориса.

— Нѣтъ, тетенька, только меня одного. У Маши не было няни.

— Почему такъ?

— Бабушка не хотѣла.

— Да, тетя, отозвалась Маша, — за мной злая Авдотья ходила.

— Вотъ, матушка, — обратилась Мироновна къ Софьѣ Николаевнѣ, — какія у насъ дѣти выросли: весь свой вѣкъ въ одиночествѣ. Ахъ, извините, сударыня, спохватилась старушка, — я, какъ дура какая, дорогу вамъ загородила.

— Ничего, ничего нянюшка, — отвѣтила ласково Софья Николаевна, проходя въ Борисову комнату.

Тамъ сдѣланы были перемѣны: на мѣстѣ стола помѣщался диванъ, и старинный туалетъ; о существованіи его Борисъ не имѣлъ понятія. Этотъ туалетъ Мироновна отыскивала въ одной изъ антресольныхъ каморокъ.

— Извините, тетенька, — сказалъ Борисъ, окинувъ комнату — здѣсь такъ неудобно и плохо убрано.

— Ахъ мой другъ, вы все еще извиняетесь, не стыдно ли

вамъ? Да что вы думаете: я въ раззолоченныхъ будуарахъ жила? Коли не хотите со мной ссориться, такъ пожалуйста не извиняйтесь. Чего мнѣ еще лучше этого? тутъ славно. Вотъ въ этомъ ящикѣ будетъ жить моя Аннушка, а тутъ, вотъ, альковъ; въ одной комнатѣ—цѣлыхъ три: и кабинетъ и спальня и дѣвичья. Мироновна,—обратилась она къ старушкѣ,—мнѣ предъ тобой стыдно.

А что матушка?

— Да вотъ Борисъ Николаичъ непремѣнно хочетъ, чтобъ я здѣсь поселилась, а ты ужъ вѣрно привыкла здѣсь.

— И, матушка, я походный человекъ, вездѣ могу прикурнуть. Да, вѣдь, ему то, (она указала на Бориса,) стыдно, чай, со мной, старухой, возиться, онъ ужъ вонъ какой долговязый!

Софья Николаевна разсмѣялась и сказала Борису:

— Какая она славная... Нянюшка,—продолжала она,—гдѣ же ты помѣстишься?

— Мало ли у насъ, сударыня мѣста! Вонъ послѣ Степаниды пустая каморка стоитъ—неизвольте беспокоиться. Вы матушка насчетъ вотъ этой-то комнаты прикажите: не нужно ли еще поставить чего?

— Ничего ненужно, нянюшка, все хорошо; а тамъ, если что понадобится, послѣ увидимъ.

— Вамъ, извѣстное дѣло, здѣсь самое удобное мѣсто,—заклчила Мироновна, вотъ и барышнѣ-то весело будетъ.

— Тетя,—заговорила Маша, подбѣгая къ алькову—вы тутъ будете спать?

— Да, мой ангелъ,—отвѣтила Софья Николаевна, и подошла также къ алькову.

Маша откинула занавѣску.

Вся ниша была выкрашена зеленой краской. Простенная кровать, подъ орѣхъ, приставлена была къ стѣнѣ; подлѣ нея маленькій столикъ, покрытый бѣлой салфеткой.

Надъ кроватью висѣлъ небольшой портретъ, въ золотой узкой рамѣ.

Софья Николаевна подошла ближе и стала пристально всматриваться въ портретъ.

Борисъ стоялъ за ней.

— Вотъ это портретъ татап?—спросила она.

— И очень похожій,—отозвался Борисъ.— Я вамъ его сниму.

Онъ всталъ колѣномъ на кровать, снялъ съ гвоздика портретъ, отряхнулъ его и вынесъ на свѣтъ.

Блѣдная женщина, съ пепельными волосами и синими глазами, сидѣла, опершись на столъ. Она была въ чепецъ и голубой шали. На губахъ блуждала странная, болѣзненная улыбка.

Софья Николаевна долго и внимательно смотрѣла на портретъ. Борисъ держалъ его, и глаза его перебѣгали отъ лица тѣтки къ лицу матери.

Какое-то облачко пролетѣло по прекраснымъ чертамъ Софьи Николаевны; даже легкій румянецъ выступилъ на щекахъ.

Она подняла голову и быстро взглянула на Бориса, и въ эту минуту ему бросилось въ глаза сходство портрета съ живой женщиной, которая смотрѣла на него.

Это сходство его поразило.

— Какъ она хороша!—сказала Софья Николаевна, потомъ, помолчавъ, прибавила:—нельзя было ее не любить.

Въ этихъ простыхъ словахъ Борису послышалось что-то особенное, какой-то сокровенный смыслъ, отозвавшійся на сердцѣ.

— И я ее не знала!—проговорила Софья Николаевна.— Вы очень похожи на мать, Борисъ, и Маша тоже.

— Да, оба въ маменьку, отозвалась Мироновна.

— Отчего мама такъ мало жила?—спросила Маша не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— Не жилось, мой ангелъ, — отвѣтила ей Софья Николаевна.

И опять Борису послышалось какая-то особенная нота въ ея голосѣ.

Онъ пристально взглянулъ на нее, а потомъ опять на портретъ.

Все вопросы лѣзли ему въ голову, а предлагать онъ ихъ не смѣлъ. И чувство, съ которымъ онъ смотрѣлъ на Софью Николаевну, какъ-то совѣмъ не подходило подъ тонъ разговора.

Борисъ поспѣшно унесъ въ альковъ портретъ и повѣсилъ его.

Ему почему-то захотѣлось переменить разговоръ.

— Тетенька,—сказалъ онъ громко, позвольте вамъ напомнить, что пора и кушать.

— А вы въ которомъ часу обѣдаете?—спросила она

— Обыкновенно въ три, но это я не для себя.. вѣдь вамъ съ дороги.

— Да, я хочу ѣсть, — перебила она его, — давайте обѣдать.

Софья Николаевна выговорила это съ такой простотой, что Борисъ невольно улыбнулся.

— Какой у васъ порядокъ? — добавила она. — Вы вѣрно съ бабушкой обѣдаете?

— Последнее время, я обѣдалъ почти всегда одинъ, — отвѣчалъ Борисъ.

— Бабушка все сердилась,—встала Маша.

— Сегодня, она навѣрно не захочетъ съ нами обѣдать,—сказалъ Борисъ.

— А вы пошлите спросить — проговорила Софья Николаевна.

— Я схожу, сударыня, узнаю, отозвалась Мироновна. Коли Пелагея Сергѣевна приказали себѣ подать однѣмъ или съ мадамой, такъ тогда и спрашивать нечего-съ, только гнѣваться будутъ, прибавила она съ полуулыбкой.

Ну, хорошо,—сказалъ Борисъ, — только ты ужъ не ходи. ты и такъ все бѣгала, я самъ схожу.

— Какъ хочешь, — отвѣтила Мироновна очень спокойно и вызвала улыбку на лицѣ Софьи Николаевны.

Борисъ сошелъ внизъ. Не могъ онъ дать себѣ поднаго отчета въ ощущеніяхъ, пережитыхъ имъ въ эти два-три часа. Онъ чувствовалъ себя точно въ праздникъ, когда теряешь вдругъ свои будничныя привычки, снимаешь свое затрапезное платье, внутри испытываешь какое-то свѣтло-торжественное ощущеніе и бессознательно улыбаешься

И Борисъ чувствовалъ, что онъ улыбался на другой день похоронъ отца. Ему даже не стало совѣстно сознаться въ этомъ: такъ проникли его свѣтлыя впечатлѣнія, принесенныя личною Софьи Николаевны.

Онъ спросилъ у Митьки: приказывала ли бабушка накрыть

у себя столъ, и получилъ отвѣтъ, что Пелагея Сергѣевна уже кушаютъ съ Амаліей Христофоровной.

Борисъ велѣлъ ему накрыть столъ наверху, у него въ комнатѣ, на троихъ. Онъ говорилъ съ буфетчикомъ въ залѣ. На дворъ въѣхали крытые дрожки и, минуты черезъ три, въ залу внесли два чемодана, нѣсколько картонокъ и позади всего этого добра, явилась худенькая, быстроглазая, курносенькая горничная, очень пріятная на видъ, въ шляпкѣ и въ сѣренькомъ бурнусикѣ.

Горничная поклонилась Борису.

— Ступайте за мной наверхъ, — сказалъ ей Борисъ и приказалъ людямъ нести чемоданы.

— Вотъ и ваша Аннушка, — объявилъ онъ входя въ комнату. Софья Николаевна сидѣла на диванѣ и держала за руки Машу. Маша ей что-то рассказывала и на лицѣ ея написано было, что ей пріятно съ теткой.

— Пріѣхала! — вскричала Софья Николаевна, — ну, разбейся.

Аннушка стояла въ дверяхъ и скромно улыбалась.

— А я ужъ думала, что вы меня совсѣмъ забыли, — проговорила она, — ужъ хотѣла извощика взять.

— Прости пожалуйста. Мы здѣсь будемъ жить; ты расположишься за этой перегородкой.

— Слушаю-съ, — отвѣтила курносенькая Аннушка и скрылась.

— Мионовна! — крикнулъ Борисъ, сходи въ дѣвичью, чтобъ кто-нибудь помогъ Аннушкѣ разобраться.

— Ну, дорогой мой! — сказала ему Софья Николаевна, когда Мионовна и Аннушка вышли, — какъ странно у васъ въ домѣ! Я до сихъ-поръ осмотрѣться не могу, и хотъ не маленькая, а, право, не знаю, какъ вести себя. — Она опустила голову съ какой-то дѣтской наивностью. Одно я знаю, досказала Софья Николаевна, — что я васъ очень полюбила и съ вами начну и жить и учиться.

— Чему же, тетенька? — спросилъ Борисъ.

— Да всему, — отвѣтила, улыбаясь, Софья Николаевна.

VIII.

Обѣдъ былъ такой же *жованный*, какъ и всегда. Борисъ и Маша смѣшили Софью Николаевну разсказами о ножкахъ и котлетахъ.

Послѣ обѣда пріѣхалъ Ѳеодоръ Петровичъ.

Онъ долго говорилъ съ Софьей Николаевной при Борисѣ, передавалъ ей послѣднюю волю покойнаго, сказалъ чтобъ она смотрѣла на него, какъ на своего вѣрнаго помощника, и на первыхъ порахъ, ни объ чемъ бы не беспокоилась.

Потомъ Борисъ пошелъ съ нимъ внизъ, и они толковали о дворовыхъ. Призвали тѣхъ, кого покойный отпускалъ на волю и награждалъ. Многимъ объявлено было, чтобъ искали себѣ мѣста и жили по паспорту. Старухи опять явились съ адресомъ, и Ѳеодоръ Петровичъ успокоилъ ихъ, въ свою очередь.

— Много возни будетъ съ ними, — промолвилъ Ѳеодоръ Петровичъ, когда они остались вдвоемъ въ спальнѣ. Ну, — а какъ бабушка? спросилъ онъ.

— Тѣстенька прямо пошла къ ней...

— Ну, и что же?

— Бабушка стѣснилась, сказала, что нездорова.

— Ругаться не ругалась? спросилъ, улыбаясь, Ѳеодоръ Петровичъ.

— Нѣтъ; она была ужъ очень озадачена.

— Извѣстное дѣло, что недолго здѣсь наживетъ. А куда жъ она поѣдетъ?

— Къ себѣ въ деревню.

— Ужъ надо поскорѣе чѣмъ-нибудь покончить, а то это два царства въ одной землѣ будетъ; этакъ совсѣмъ не годится и тетушка-то ваша измучится; вѣдь, ея положеніе пренеловкое съ какой стороны не оберни. Я еще удивляюсь, какъ она это такъ бодро все приняла!... Славная женщина, прибавилъ Ѳеодоръ Петровичъ помолчавъ.

Борису эти слова какъ-то особенно отозвались на сердцѣ.

Не правда ли, — быстро заговорилъ онъ, — что въ Софѣ Николаевнѣ есть что-то такое особенно хорошее.

— Да добрая, должно быть, барыня. Признаться вамъ сказать, мнѣ ее маленько жалко: ужъ дѣло не обойдется безъ непріятностей. Опять взять на себя воспитывать, хоть сестру вашу... какая отвѣтственность. Да, кажется, она найдется, бойка... Батюшка-то вашъ видно ее хорошо зналъ...

— Какъ же, Ѳедоръ Петровичъ, папенька всегда говорилъ о ней съ такимъ чувствомъ... Только-бы вотъ съ бабушкой обошлось, а мы-то будемъ всѣ жить мирно. Она такая славная, что къ ней нельзя не привязаться.

Борисъ покраснѣлъ, говоря это.

— А вотъ что я, сударь мой, теперь сдѣлаю, — сказалъ вдругъ Ѳедоръ Петровичъ, я пойду къ Пелагеѣ Сергѣевнѣ... Она меня пожалуй и выгонитъ, да все таки нужно же ей показать, что она не съ мошенниками имѣетъ дѣло.

Доброе сердце слышно было въ словахъ Ѳедора Петровича. Ему хотѣлось смягчить непріязненные отношенія къ старухѣ; ему жалко было, и онъ чувствовалъ, что слѣдуетъ подойти къ ней съ добрымъ словомъ.

— Подите, Ѳедоръ Петровичъ, — сказалъ ему Борисъ въ слѣдъ, мнѣ, вѣдь, самому тяжело разставаться такъ съ бабушкой, да чтожъ тутъ дѣлать, она слишкомъ озлоблена на меня...

— Наказаніе Божіе! — проговорилъ Ѳедоръ Петровичъ, — Божье наказаніе! видно, тутъ никто не виноватъ, кромѣ самой бабушки вашей, — Пелагеи Сергѣевны... въ ея правѣ крутомъ все кроется, вся исторія вашего дикаго дома...

— Да, — вырвалось со вздохомъ у Бориса.

Онъ посмотрѣлъ, какъ Ѳедоръ Петровичъ отправился по корридору въ диванную и, постоявъ немного на одномъ мѣстѣ, повернулъ въ залу, опять въ ту же залу, гдѣ тысячи разъ онъ проводилъ часы раздумья.

Толки о наслѣдствѣ, о домѣ, о дворовыхъ не беспокоили его: онъ относился ко всему этому точно посторонній; затрудненій онъ уже не видалъ; ему показалось, что все это уладится какъ нельзя лучше.

Образъ Софьи Николаевны заслонялъ собой все остальное...

Теперь, ходя по залѣ, онѣ думалъ не о бабушкѣ и не о томѣ, какъ она встрѣтитъ Ѳедора Петровича, мысль его была прикована къ Софѣѣ Николаевнѣ; ему хотѣлось бѣжать на верхъ, посмотрѣть, что она дѣлаетъ, опять послушать ея голоса, который не переставалъ дрожать въ его ушахъ. „Надо подождать Ѳедора Петровича“, повторялъ онѣ, а самѣ все порывался на лѣстницу. Вдругъ онѣ бросилъ взглядъ на средину залы... Еще вчера тутъ стоялъ гробъ.. ему живо представилось лицо покойника, — и вся скорбная жизнь дикаго дома промелькнула передъ нимѣ.

А въ немѣ, внутри его, была совсѣмъ другая жизнь.

“Отчего мнѣ не грустно?” спрашивалъ онѣ себя, и опять начиналъ, думать о тетинкѣ, и стыдно и отрадно ему было; онѣ даже не упрекнулъ себя въ сухости; слишкомъ искренно было чувство, которое наполнило его въ эти минуты.

Въ корридорѣ слышались шаги Ѳедора Петровича. Борисъ пошелъ къ нему на встрѣчу.

Ѳедоръ Петровичъ на ходу пожалъ ему руку и тряхнулъ головой.

— Нѣтъ, сударь мой,—сказалъ онѣ скороговоркой,—съ ней ничего вы не подѣлаете. Она такъ и въ могилку ляжетъ...

— Что же Ѳедоръ Петровичъ?

— Да что, батюшка, послала меня къ чорту! вотъ вамъ и весь сказъ. Самъ виноватъ: надо было ее въ покоѣ оставить, не приставать къ ней, а то она теперь еще сильнѣе разъярилась... Да и то сказать: какъ же ей меня и любить-то?

— Да, надо ее оставить,—повторилъ Борисъ.

— Пазадъ ужъ больше ходу нѣтъ; только впередъ; а насъ съ вами она не послушаетъ, такъ пусть будетъ, какъ сдѣлается. Прощайте. Теперь надо въ палатѣ похлопотать, чтобъ не затягивали утвержденія. И къ председателю завтра съѣзжу. А вы на новомъ мѣстѣ спать будете?

— Да, въ спальнѣ.

— Тамъ тетушкѣ-то вашей удобно. Я ужъ прощаться съ ней не пойду: она вѣрно ужъ легла, съ дороги-то. Передайте ей мое почтеніе, а бабушку-то оставьте въ покоѣ, а то туда же пошлетъ, куда и меня.

Федоръ Петровичъ махнулъ рукой и скорыми шагами вышелъ въ переднюю.

— Завтра заѣду,—проговорилъ онъ, надѣвая шинель.

Борисъ проводилъ его и пошелъ на верхъ.

Въ коридорѣ, у лѣстницы онъ столкнулся съ Целагеей Сергѣвной. Она была безъ чепца и безъ кацавейки, въ черномъ платьѣ съ плерезами. Увидѣвъ ее, Борисъ сдѣлалъ шагъ назадъ. Она его очень испугала, точно изъ земли выросла и смотрѣла на него пристально, во всѣ глаза.

— Что вамъ угодно, бабушка?—проговорилъ Борисъ, не зная что сказать.

Целагея Сергѣвна сдѣлала движеніе рукой и прошла въ залу; Борисъ за ней.

— Когда вы меня оставите въ покоѣ?—сказала старуха отрывисто, остановясь посреди залы.—Вамъ не въ терпѣжъ стало! вы сегодня же гнать меня хотите?

— Кто же васъ гонитъ, бабушка?—проговорилъ Борисъ.

— Зачѣмъ душеприкащикъ-то вашъ ко мнѣ приходилъ? я его развѣ звала? Убирайтесь-де поскорѣе, комнату занимаете: она для новой барыни нужна!...

Целагея Сергѣвна вся дрожала.

— Успокойтесь, бабушка... вымолвилъ Борисъ.

— Зовите людей! гоните меня, на ночь глядя, какъ собаку, если вы хотите... Бабушка быстро взглянула на Бориса.—Ты радъ, тебѣ весело, голубчикъ. Отца на кладбище снесли, бабку протурятъ. Оставляйтесь съ тетенькой... съ престлницей... любоваться ей будешь, ручки цаловать...

Борисъ чувствовалъ, что подъ дикими взглядами Целагеи Сергѣвны онъ краснѣетъ и мѣшается.

— Она разлетѣлась ко мнѣ, сразить хотѣла, околдовать.. Отродіе проклятое!—вскричала старуха и судорожно оглянулась на дверь въ коридоръ.

Борису просто стало страшно.

Мальчишка ты глупый!.. вдругъ начала Целагея Сергѣвна, схвативъ его за руку. Она подвела его къ одному изъ ломберныхъ столовъ, стоявшихъ вдоль стѣны. Я тебѣ, какъ заноза въ глазу? ты стереть меня хочешь? Ну, успокойся, я уѣду: оставляю васъ. Да чему же радоваться-то? Стыда въ

тебѣ нѣтъ, любви-то въ тебѣ нѣтъ ни къ кому... Кто здѣсь лежалъ вчера,—а? (Отецъ твой лежалъ—да! Кто его въ гробъ уложилъ—ты это знаешь ли? Ты думаешь я его заморила?.. И Пелагея Сергѣевна судорожно засмѣялась. Борисъ весь вздрогнулъ.

— Ну, положимъ, что я злодѣйка, что я эхидна, смѣя... Ты, вѣдь, не для себя мины-то подводилъ; ты больно сестру свою любишь!.. Я—видите ли—живую бы ее съѣла... Да знаешь ли кто ее теперь воспитывать-то будетъ, — а?.. кто она, нимфа-то эта? Откуда явилась? Ты знать объ этомъ не знаешь, глазки тебѣ понравились,—я вижу!

И старуха опять засмѣялась.

Бориса бросало изъ холода въ жаръ; что-то ѣдкое, бурное кипѣло на душѣ. Въ голосѣ бабиньки, въ каждомъ ея словѣ была какая-то неслыханная сила; эта сила подавляла, подчиняла Бориса; а образъ Софьи Николаевны стоялъ передъ нимъ и онъ путался и боялся точно какого роковаго извѣстія.

— Цалуй у нея ручки, — заговорила старуха, — она и тебя погубить, она и изъ тебя жизнь-то вытянетъ.

— Бабушка?... вырвалось у Бориса, и онъ стремительно взялъ ее руку, — что вы говорите?

— Что я говорю? А! ты думаешь, я обезумѣла?—Пелагея Сергѣевна выпрямилась и повела глазами.

— Я знаю, что говорю—сказала она ѣдкимъ, пронизывающимъ голосомъ. — Тебѣ рассказывалъ отецъ про тетеньку твою любезную? рассказывалъ онъ тебѣ, на комъ женился дядя? Ну, чтожъ молчишь? отвѣчай!

— Я не знаю, — проговорилъ взволнованнымъ голосомъ Борисъ.

— А, не знаешь?! Кто же она такая, эта красавица неопи-санная? Ты бы спросилъ у отца! Теперь нельзя: умеръ. Такъ ты у нея узнай!.. Что ты такъ на меня смотришь? Ты думаешь бабка рехнулась, обезумѣла? Нѣтъ, она въ полномъ умѣ; она видитъ, какъ вы всѣ погибаете, ну, и погибайте, я не заплачу! Цалуй у ней руки. Вѣдь и дядя твой, и отецъ разумъ свои потеряли на нея глядя, вѣдь они ей души свои какъ дьяволу, продали.

Пелагея Сергѣевна перевела духъ; голосъ ея оборвался. Борисъ стоялъ передъ ней съ поникшею головою. Въ залѣ было тоскливо и темно. Жутко было Борису. Ему хотѣлось убѣжать, онъ съ трудомъ выносилъ эту сцену: но какое-то тревожное любопытство закралось въ его душу. И оно его удерживало, приковывало къ одному мѣсту.

— Послушай,—сказала Пелагея Сергѣевна тихимъ голосомъ, въ которомъ уже не было ни жолчи, ни раздраженія:— ты здѣсь хозяиномъ остаешься, сестра на твоихъ рукахъ... не отдавай ее безпутной женщинѣ, самъ убѣги изъ этого дома. Пускай ее живетъ и другихъ въ сѣти свои ловить. Ну, положимъ, я дрянная старуха, я вѣдьма, ты меня совѣмъ позабуди, не обо мнѣ тутъ рѣчь. Отецъ твой въ гробъ смотрѣлъ—она его доканала, не побоялась Бога; уморила одного брата, за другого принялась. Она еще тогда втиралась въ домъ! Богъ не допустилъ беззаконія!

Борисъ слушалъ и хотѣлъ понять смыслъ отрывистыхъ рѣчей бабеньки. Вопросы, одинъ тяжелѣе другаго, давили его.

— Послушайте, бабушка—выговорилъ онъ наконецъ, въ чемъ же вы ее обвиняете?

— Въ чемъ я ее обвиняю? переспросила старуха. Ни въ чемъ; что—было то прошло. А я сумашедшая, злая старуха. Только слушай, когда ты обѣзумѣешь отъ этой женщины, когда она и тебя сведетъ въ гробъ, какъ свела туда дядю и отца твоего, когда она изъ твоей сестры сдѣлаетъ такую же скверную, развратную женщину, какъ она сама, тогда ты вспомнешь безумную старуху. Я тебѣ мѣшать не стану. Завтра меня здѣсь не будетъ.

— Куда же вы ѣдете, бабушка? вырвадось у Бориса.

— Это тебѣ, я думаю все, равно. Имѣнья вашего мнѣ не нужно, у меня свое есть, есть у меня и деньги, я ихъ не украла, мнѣ ихъ дѣдъ твой оставилъ; вамъ же все пойдетъ.

Пелагея Сергѣевна двинулась къ двери. Она шла спокойно; Борисъ остановилъ ее:

— Бабушка,—сказалъ онъ, неужели вы говорите правду? Кого же мнѣ слушать: васъ или папеньку? У меня нѣтъ ожесточенія, но я не могу вамъ вѣрить.

— И не вѣрь!—произнесла старуха громко и отрывисто.

Я не прошу твоей любви. Развѣ отъ тебя могла я ждать чего-нибудь, кромѣ злобы?! Тебѣ напѣли въ уши, что я умо-рила твою мать! на этомъ ты выросъ; и теперь вотъ, когда я въ домѣ хуже всякой шавки, ты не задумаешься ножомъ меня пырнуть за то, что я тебѣ пророчу хорошее житѣе съ тетенкой-красавицей. Ну ступай же наверхъ, больше ты отъ меня ничего не услышишь. А новой барынѣ скажи, что у меня теперь нѣтъ лакеевъ, чтобъ ее вывести, если она ко мнѣ завтра носъ покажетъ. У ней безстыдства-то хватитъ и на нѣсколько разовъ.

Пелагея Сергѣевна ушла, а Борисъ все еще стоялъ посреди залы.

Послѣднія слова ея болѣзненно отзывались на сердцѣ Бориса; вся прежняя горечь, все прежнее ѣдкое чувство противъ старухи отзывалось мгновенно съ новою силой.

— Клевета, злость!—проговорилъ онъ: образъ Софьи Николаевны стоялъ передъ нимъ чистый, прекрасный!

Но, странное дѣло! онъ не могъ освободиться отъ силы словъ старухи: гнетомъ давили его эти обвиненія, эта тайная драма, это не разгаданное прошедшее.

„Кто же она, эта женщина?—спрашивалъ Борисъ, и ему сдѣлалось опять страшно. Сердцѣ говорило, что она, эта женщина, уже привлекла его къ себѣ, уже владычествуетъ надъ нимъ. И ему слышались слова Пелагеи Сергѣевны... Отецъ, дядя, чтó было между ними и Софьей Николаевной?—Повторялъ онъ, ходя по залѣ скорыми шагами.

Никогда тонъ Пелагеи Сергѣевны не былъ такъ искрененъ, никогда не говорила она съ такимъ убѣжденіемъ, можно сказать, съ такимъ чувствомъ. Была минута, когда въ словахъ ея исчезла всякая жолчь, что-то спокойное, глубокое слышалось въ нихъ.

Голова Бориса горѣла; ему больно было то, что онъ не могъ совладать съ своими впечатлѣніями, онъ подавленъ былъ ими. Жилы на вискахъ бились, мысли одна другой страшнѣе, мелькали въ головѣ. И некого спросить, некому вылить душу, некуда броситься и освѣжиться!

Борису стало наконецъ до такой степени больно, что онъ дольше не выдержалъ и побѣжалъ наверхъ.

IX.

— Откуда вы дорогой мой? — спросила его Софья Николаевна.

Она сидѣла на диванѣ. На ней надѣта была сѣренькая блуза, перетянутая кушакомъ; на головѣ черная косынка.

Въ комнатѣ былъ полусвѣтъ. На туалетѣ горѣли двѣ свѣчи.

Борисъ взглянулъ на Софью Николаевну и остановился въ дверяхъ.

Его волненіе усилилось. Онъ не зналъ, что ему сказать теткѣ; у него не доставало словъ, выраженій; его тревога, его боль были слишкомъ новы и порывисты.

— Что вы стоите, мой другъ? — спросила опять Софья Николаевна и подалась впередъ, точно стараясь разглядѣть его.

Каждое ея движеніе было полно неожиданнаго изящества.

Борисъ сдѣлалъ шагъ впередъ и потомъ вдругъ бросился къ ней. Она встала и протянула ему руку. Онъ началъ цаловать эту руку и долго не могъ ничего выговорить.

— Что съ вами? — повторила Софья Николаевна, — добрый мой... вы весь дрожите. И она поцаловала его въ голову.

Звукъ ея голоса смягчилъ тревогу Бориса.

— Простите меня, тетенька, сказалъ онъ прерывистымъ голосомъ, я васъ испугалъ, но мнѣ слишкомъ тяжело было...

— Сядьте вотъ тутъ, прервала Софья Николаевна, усаживая его на диванъ возлѣ себя.

Она смотрѣла на него и улыбалась своей свѣтлой, примирительной улыбкой. Онъ не поднималъ на нее глазъ.

— Вы вѣрно говорили съ бабушкой? спросила она.

— Да, съ ней, тетенька. Я не хочу, я не могу вамъ передавать того, что я слышалъ, но не могу и молчать.. вы должны мнѣ что-нибудь сказать...

Борисъ чувствовалъ, что онъ путается.

— Вотъ вы какой! промолвила Софья Николаевна, — и молчать и говорить хотите за одинъ разъ. Она взяла его руку. — Одно я вижу, что у васъ прекрасное сердце; а больше мнѣ

ничего не надо знать. Вѣдь вы не захотите, чтобъ я себя стала расхваливать—такъ ли, другъ мой?

— Но вы меня не оставите въ этомъ лѣсу! Я хочу вамъ вѣрить; я хочу вѣрить отцу моему, а я ничего не знаю! Какое же право имѣетъ эта женщина говорить Богъ знаетъ что?... Она знаетъ, что я не могу ее заставить молчать: у меня нѣтъ доказательствъ, я ничего не знаю!

Слезы были слышны въ словахъ Бориса. Сидя около Софьи Николавны, онъ чувствовалъ, что съ каждымъ словомъ сердце его растетъ, что онъ готовъ все слушать отъ этой женщины, и все принимать какъ чистую, святую правду.

— Не волнуйтесь, дорогой мой! начала Софья Николавна. — Бабушка была вѣрна себѣ. Ну, позвольте мнѣ васъ немного поисповѣдовать. Она, вѣдь, называла меня погибшей, ужасной женщиной? называла?..

— Называла,—отвѣтилъ Борисъ.

— Говорила также, что я погубила вашего дядю, мужа моего...

— Даже папеньку, добавилъ Борисъ.

— Вотъ видите, какъ я отгадала. И что же, по своему, она права.

— Какъ права? вырвалось у Бориса.—Что вы говорите?— Онъ поднялъ голову и пристально взглянулъ на Софью Николавну.

Она отвѣчала ему все той же прекрасной улыбкой; на лицѣ ея не было видно ни одного облачка; глубокіе глаза блестѣли въ полусвѣтѣ. Борисъ не выдержалъ блеска этихъ глазъ и опять опустилъ голову.

— Да, она права, другъ мой,—повторила Софья Николавна. Въ чемъ она видѣла гибель своихъ дѣтей — отъ того они и погибли...

— Какъ, какъ? прервалъ ее Борисъ.

— Отцу вашему не нужно было встрѣчаться съ вашей матерью, а мужу моему — со мной.

— Отчего же? сказалъ тихо Борисъ.

— Отчего? Это длинная повѣсть. Я вамъ не расскажу ее теперь: вы слишкомъ взволнованы, голубчикъ; нельзя переживать такъ много въ одинъ день. Васъ я все-таки не успо-

коила—знаю. Да какъ же быть-то? Я сама не отвѣчу себѣ: хорошій я человѣкъ, или дрянной? это съ разу не дается...

— Вы хорошій человѣкъ! проговорилъ Борисъ.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Сердце, тетенька, сердце.

— Чего же лучше на первый разъ? Я сюда пріѣхала жить съ вами и для васъ. Опротивлю вамъ—вы придете и скажете мнѣ. Полно объ этомъ, — прибавила она, вставая. Что мной такъ много заниматься?

Борисъ также поднялся. Ему стало гораздо легче: скорбные вопросы отлетѣли, горечи не было. Хотѣлось только слушать Софью Николавну. Но спокойствіе не являлось, не исчезало то чувство, которое бросало его и въ жаръ и въ холодъ.

— Мнѣ опекунъ очень понравился,—продолжала Софья Николавна.—Славный такой. Я вижу, что мы съ нимъ сойдемся, а съ Машей мы друзья. Что это за прелесть — дѣвочка! Никогда я не видала такого прозрачнаго сердца, какъ у этого ребенка! Какіе вы оба хорошія дѣти! Право, душа надрывается глядя на вашу судьбу...

Борисъ чувствовалъ, что у него слезы на глазахъ. Ихъ вызвалъ звукъ ея голоса.

Она дотронулась до его руки.

— Что вы дорогой? Вы все не проясняетесь. Ужъ не обо мнѣ ли вы сокрушаетесь? Полноте, какъ не стыдно? Да, впрочемъ, что же это я? Сама напоминаю о вашемъ горѣ: оно слишкомъ свѣжо. Вы только отъ меня не прячьтесь. Захочется погоревать—придите ко мнѣ поплакать, поплачемъ вдвоемъ. Помолитесь захочется — помолимся.

И Борисъ съ замираніемъ сердца почувствовалъ, что она взяла его, какъ маленькаго за голову и поцаловала въ лобъ.

— Васъ никто не ласкалъ,—тихо говорила она,—безъ этого что за жизнь? Когда сердце заноситъ, когда жутко придется вамъ — придите, я, вѣдь, знаю... словъ мало, словами все-го не сдѣлаешь. Кто жилъ въ такомъ одиночествѣ, какъ вы, для того нужна ласка...

Нѣсколько секундъ простояла она, держа его за голову. Ея дыханіе горѣло на его щекъ.

— Господь съ вами! Подите спать. Отдохните хорошенько—

заговорила она опять, отпуская его голову. Маша не хотѣла ложиться, все васъ дожидалась, да я ужъ ее уложила. Много, много намъ надо говорить и дѣлать... Что это вы, родной мой,—вдругъ спросила она и подняла рукой его голову,—вы плачете?

Борисъ не смѣлъ взглянуть на нее; онъ весь дрожалъ и удерживалъ слезы, катившіяся по лицу его.

— Тетенька... могъ онъ только проговорить, — благодарю васъ...

— Не скрывайте слезъ. Я вижу, что вы меня полюбили — слава Богу! намъ легче будетъ жить. Славный вы... добрый, говорила она съ обаятельной нѣжностью.

И опять точно струя пробѣжала по всему тѣлу Бориса. Она еще разъ поцѣловала его въ лобъ.

Слезы подступили ему подъ горло; у него закружилась голова; онъ почти бѣгомъ бросился изъ комнаты и стрѣлою слетѣлъ внизъ.

Волненіе было такъ сильно, что онъ ничего не видалъ; онъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Съ рыданіемъ кинулся онъ на кровать. Нѣсколько чувствъ разомъ раздирали его. Ему было страшно спросить: что же это такое? Онъ могъ только рыдать...

Долго не могъ заснуть Борисъ. Рыданія утихли; онъ лежалъ не двигаясь, навзничъ, уткнувши голову въ подушки. Чего не передумалъ онъ!. Въ первый еще разъ такъ возбуждены были его нервы, въ первый разъ такъ замирало сердце и напращивались такіе вопросы...

Борисъ вспоминалъ слова бабушки; ея пророчество точно начинало сбываться. Онъ чувствовалъ еще, какъ на лбу его горѣлъ поцалуй Софьи Николаевны. Эти ласки, этотъ голосъ, эти глаза — все это было слишкомъ неожиданно, слишкомъ сильно и ново для него.

Но Борисъ отогналъ отъ себя образъ бабенки съ ѣдкими словами, съ темными обвиненіями; онъ отдался весь Софѣ Николаевнѣ...

Х

Рано проснулся Борисъ и увидалъ, что онъ спалъ не раздѣваясь. Голова его была свѣжа. Вчерашнія впечатлѣнія пролетѣли какъ сонъ. На душѣ было что-то доброе.

Онъ осмотрѣлся. Странной показалась ему эта комната, гдѣ за четыре дня еще жилъ отецъ. Борисъ сѣлъ въ большое кресло и такъ просидѣлъ минутъ десять. Въ бильярдной слышались чьи-то шаги. Борисъ отворилъ дверь: Яковъ, по старой привычкѣ, прохаживался вдоль дивана. Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на молодого барина.

— Виновать-съ, — проговорилъ онъ своимъ глухимъ голосомъ, — я думалъ что никого нѣтъ.

— Яковъ — сказалъ ему Борисъ, — ты вчера слышалъ отъ Ѳедора Петровича, какъ папенькѣ угодно было распорядиться на счетъ тебя.

— Много доволенъ-съ, — отвѣтилъ Яковъ, отвѣшивая низкій поклонъ.

— Ты получишь еще двѣсти рублей.

— Много доволенъ-съ, — повторилъ Яковъ съ поклономъ и двинулся, чтобъ поцѣловать руку Бориса.

— Нѣтъ, пожалуйста, не нужно! И вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать еще. Яковъ: ты теперь вольный, стало, можешь идти куда знаешь; но если ты желаешь остаться здѣсь, я тебѣ положу хорошее жалованье: ты будешь за мной ходить. Впрочемъ, какъ для тебя лучше.

Яковъ захопалъ глазами и скоро заговорилъ:

— Помилуйте, Борисъ Николаевичъ, коли милость ваша будетъ, куда же мнѣ идти-съ? лучше мнѣ мѣста не надо.

— Ну и прекрасно, — прибавилъ Борисъ. — Я буду жить здѣсь, въ спальнѣ, убирай эту комнату и чисть мое платье, больше дѣла у тебя не будетъ.

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ Яковъ своимъ обыкновеннымъ тономъ.

И точно съ этимъ словомъ онъ опять вошелъ въ прежнюю колею.

— Принеси мнѣ умыться, — сказалъ ему Борисъ, возвращаясь въ спальню.

Онъ первый еще разъ приказывалъ и чувствовалъ себя бариномъ.

„А гдѣ-то моя Мироновна? — подумалъ онъ — надо будетъ съ ней разлучиться... помѣстить ее наверху“ Ему жалко было своей комнатки съ перегородкой, гдѣ добродушная няня такъ много спала, будила его по утрамъ, одѣвала его и называла *домовязымъ*.

И тотчасъ же онъ перешелъ къ мысли, что въ той же самой комнатѣ живетъ теперь Софья Николаевна; лежитъ теперь въ альковѣ, на его кровати.

Ему было пріятно говорить себѣ, что она останется навсегда въ его домѣ. И слово *бабенка*, непріятное слово, такъ часто повторявшееся въ былое время, замѣнится словомъ *матеньки*.

„Какъ могъ я хоть минуту вѣрить этой злой старухѣ?“ — спрашивалъ онъ себя, думая о вчерашней сценѣ въ залѣ. Онъ однако чувствовалъ, что краснѣеть, вспоминая все, что онъ пережилъ наверху, въ разговорѣ съ нею; но ему не было уже страшно, какъ вчера, когда онъ кинулся на кровать: ласкающій голосъ Софьи Николаевны точно звучалъ около него.. и онъ улыбался. Онъ повторялъ мысленно всѣя ласковыя слова, которыя были для него такъ новы и обаятельны.

„Что это за чудесная женщина! что за жизнь будетъ возлѣ нея!... *возлѣ нея*, повторилъ онъ мысленно и опять покраснѣлъ. „Однако, какъ я былъ расстроенъ вчера“ продолжалъ онъ думать, „нервы у меня расходились. Изъ чего было такъ волноваться?“

Борисъ задумался. Онъ не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Ему было легко и онъ былъ слишкомъ молодъ еще, чтобъ залѣзть въ глубь своей душевной жизни и мучить себя въ минуты, когда мрачныя и тоскливыя впечатлѣнія смѣнялись другими, здоровыми и свѣтлыми.

Кто-то постучалъ въ дверь.

— Можно войти?—спросилъ женскій голосъ.

Борисъ узналъ Миронову.

— Войди, няня, войди, — крикнулъ онъ, и подошелъ къ двери.

— Что ты, долговязый, что съ тобой вчера-то было? — спрашивала старушка, входя къ нему, съ улыбкой. — Да ты, никакъ и не раздѣвался совсѣмъ?

— Нѣтъ, няня, я прилегъ да и не замѣтилъ, какъ заснулъ. Борисъ немного смутился, говоря это.

— Ну, какъ же теперь, — продолжала старушка, — мнѣ за тобой ходить-то ужъ не приходится: ты вѣдь здѣсь поселишься?

— Да, няня, я ужъ здѣсь; а тебѣ и негдѣ возлѣ меня-то.

— Довольно баловался, теперь самъ большой баринъ сталъ, одинъ живи, не все съ бабами возиться.

Старушка говорила это полушутливымъ тономъ; но видно было, что ей нелегко расставаться со своей прежней жизнью.

Борисъ смотрѣлъ на нее и грустно улыбался.

— Привыкъ я къ тебѣ, Мироновна, — сказалъ онъ.

— Знаю, что привыкъ, а и сама привыкла, да гдѣ же я здѣсь жить-то буду; не на бильярдѣ же мнѣ спать?

— Разумѣется. Я ужъ Якову сказалъ, чтобъ онъ за мной ходилъ.

— Извѣстное дѣло — Якову, онъ въ люди не пойдетъ. Да какая тутъ служба? самая пустая. Онъ надежный человѣкъ.

— Гдѣ же ты помѣстишься, Мироновна?—спросилъ Борисъ.

— Я-то? Да въ степанидиной.

— Зачѣмъ же? Тамъ вѣдь еще есть комнаты.

— Какія? Мамзель, вѣдь, тамъ живетъ?

— Ну, она, вѣрно, скоро очистится: мамзель отойдетъ. — Она ужъ чувствуетъ, что вѣтеръ изъ другого мѣста подулъ... сидитъ у себя въ комнатѣ и носу не показываетъ. Разочтете что ли ее?

— Да она, я думаю, сама догадается, — сказалъ Борисъ.

— Ее бабушка съ собой возьметъ.

— Куда?

— Какъ куда? Ты тутъ сидишь, ничего не знаешь: бабушка сегодня выѣзжаетъ. Степану объ лошадяхъ приказано.

— Что ты?

— А какъ ты думаешь? Въ каретѣ ѣдетъ, въ большой, съ собою Ѣицку, да Ульяну беретъ. Сегодня съ утра возню подняла.

Мироновна сѣла на стулъ около бюро.

— Приходилось отъ нея жутко,—продолжала она,—да ужъ теперь и жалко становится... Какъ ни поверни: старуха старая, седьмой десятокъ пошелъ, и вдругъ этакимъ манеромъ вонъ изъ дома...

Мироновна покачала головой.

Борись стоялъ передъ ней задумавшись.

— Да какъ же быть-то, няня?—проговорилъ онъ.—Теперь ужъ дѣла не поправишь.

— Знаю, что не поправишь, это не отъ тебя. Сама посвяла, теперь вотъ оно и сказывается. Даромъ ничего не бываетъ. Да все-таки жалко. И той-то, чай не весело.

— Кому?—спросилъ Борись.

— Да Софья-то Николаевна. Это у всякаго голова кругомъ пойдетъ. Въ чужой домъ прѣхать... прямо хозяйкой, да тещу изъ дому выжить. Бабочка-то какая молоденькая... Я думала она постарше.

— А какъ она тебѣ понравилась, няня?—сказалъ Борись, взглянувъ какъ-то урывкомъ на старушку.

— Да что? добрая должна быть. Голосъ такой ласковый у нея. Вѣдь и дядюшка-то ее, покойникъ, слышь, за доброту взялъ. Роду-то она, вѣдь, не больно знатнаго..

Старушка замялась немножко.

— Какого же она рода?—быстро спросилъ Борись.

— Да не знаю ужъ я... что-то такое такъ... говорили.. Я, вѣдь, пересудь-то этихъ не больно люблю. Кто ихъ знаетъ? Пелагея-то Сергѣевна въ тѣ поры и рвала, и метала, самъ, чай, помнишь. А барыня, должно быть, хорошая. Съ тобой-то она какъ?

— Со мной она какъ родная.

— Понравилась, значить, тебѣ—спросила старушка, взглянувъ пристально на Бориса.

Онъ опять почувствовалъ какое-то смущеніе.

— Какъ же, няня. Мы съ ней будемъ дружно жить.

— Извѣстное дѣло, повеселѣе тебѣ будетъ; тебѣ не съ кѣмъ будетъ воевать. Машу-то свою пригрѣешь. Въ домѣ самъ хозяинъ. Такъ это мнѣ чудно, какъ подумаешь, что, кромѣ тебя, набольшихъ нѣтъ въ домѣ.

— А тѣтинька?

— Ну, да она на время только... вѣдь это все твое. Старушка встала и подошла къ Борису. — Ты хоть и настоящій баринъ теперь, а вѣдь я тебя не боюсь, такъ — таки ни капельки не боюсь.

Она разсмѣялась и Борисъ вмѣстѣ съ нею.

— Какой же я для тебя баринъ? — сказалъ онъ.

— То-то же и есть. Ты командовать надо мной не вздумай. А какъ же съ Машенькой — то теперь: новую мамзель возьмете, что-ли, или сама Софья Николаевна учить ее будетъ?

— Не говорилъ еще я объ этомъ, няня. Да зачѣмъ брать мамзель; она сама ею будетъ заниматься, учителя ходить станутъ.

— Такъ вы втроемъ и будете проживать, точно молодой баринъ съ барыней, — проговорила старушка шутливо. — Ты смотри, Воря, тѣтка-то видишь какая красавица... ты больно — то на нее не засматривайся: ученье — то на умъ не пойдетъ.

— Что же, няня, — отвѣтилъ Борисъ, улыбаясь, — вѣдь по неволѣ заглядишься, коли хорошенькая... и потомъ, точно испугавшись, онъ прибавилъ: — мы (Машей будемъ вдвоемъ заниматься. Вотъ что я тебѣ хотѣлъ сказать: чтобы тебѣ теперь за Машей не присмотрѣть? какъ бы это хорошо было! Ты какъ объ этомъ думаешь?

— Я-то? Я, пожалуй, съ моимъ удовольствіемъ: на ногахъ еще хожу бодро, да какъ Софья-то Николаевна...

— Помилуй, она будетъ очень рада. Вѣдь ты сама знаешь, при Машѣ никого нѣтъ; дѣвчонка при ней Варька... все это безпорядокъ... Тебѣ, вѣдь, всегда хотѣлось нянчить Машу?

— Какъ же не хотѣться, извѣстно хотѣлось. Вотъ ты меня и гонишь отъ себя, — прибавила она, улыбаясь. — Я только въ гости къ тебѣ буду ходить.

— Да это еще не всё, няня, я на тебя еще должность взвалю...

— Это какую?

— Ты у насъ и экономкой будешь.

— Да когда же я успѣю, что ты! какъ же можно одному человѣку?

— Да какое у насъ хозяйство, всего-то двое. Нѣтъ, ты уже не отказывайся. Мнѣ изъ тѣхъ старухъ никто не нравится. Пожалуйста.

Борись началъ цаловать старуху.

— Да ну инъ Богъ съ тобой! Какъ прикажешь, ты вѣдь теперь баринъ у меня,—говорила старушка веселымъ голосомъ, пятясь назадъ.

Послышался стукъ.

— Это ты, Яковъ? спросилъ Борись.

— Я-съ — отозвался Яковъ за дверью, умываться прикажете?

— Войди, войди. Ну, няня, ты сходила бы туда, къ Софѣ Николаевнѣ; узнай, что она пьетъ по утрамъ: чай или кофе?

— Хорошо. Только вотъ что, долговязый: Фицка-то теперь такъ запыхалась, что у ней ничего на допросишься.

— Ну, ужъ ты тамъ какъ-нибудь распорядись.

Мироновна ушла. Явился Яковъ съ умывальникомъ и полотенцемъ. Борись умывшись и оправившись, подумалъ о бабушкѣ.

Яковъ доложилъ ему также, что Пелагея Сергѣвна приказывала на счетъ кареты и почтовыхъ лошадей.

Борису казалось все невозможнымъ, что она такъ скоро соберется, да ему этого совѣмъ и не хотѣлось.

„Пускай-бы себѣ жила“ — думалъ онъ. Онъ боялся также какой-нибудь сцены, боялся не за себя, а опять за Софью Николаевну. Ему было бы очень больно, еслибъ бабенка какъ-нибудь уколола ее; а этого онъ непремѣнно ждалъ, зная что Пелагея Сергѣвна потому только не оборвала Софью Николаевну, что сама стѣснилась.

„А впрочемъ что же — прибавилъ онъ — пускай себѣ поругается напоследокъ. вреда уже она никакого никому не сдѣластъ.“

Въ окно спальни Борисъ увидалъ, что сарай былъ отворенъ и выдвинута большая четверомѣстная карета, желтаго цвѣта, въ которой еще покойникъ дѣдушка ѣзжалъ съ бабенкой въ деревню. Огромныя козлы торчали въ высотѣ, покрыты кожаными чехломъ. Вокругъ кареты ходили кучера и осматривали ее.

Это напомнило Борису лѣто, когда весь домъ перебирался въ подгороднюю деревню, доставшуюся ему съ Машей.

Онъ подумалъ о томъ; какъ они будутъ тамъ жить лѣтомъ, какъ онъ кончитъ къ этому времени курсъ и, въ ожиданіи университета, проживетъ два-три мѣсяца со своей Машей и тѣтишкой, будутъ ходить за грибами, кататься верхомъ. А тамъ Москва, товарищи, полная, разнообразная жизнь. Все будетъ свѣтло, ново и заманчиво!...

— Чай будете кушать? спросилъ его сзади глухой голосъ Якова.

Борисъ очнулся точно отъ сна. Голосъ Якова перенесъ его въ другой міръ, онъ оглянулся, и опять на этомъ креслѣ, на этой кровати предсталъ передъ нимъ образъ отца. Его мутные глаза, его дрожавшій удушливый голосъ, его предсмертныя признанія — исповѣдь слабости... все воскресло въ этой комнатѣ. Вотъ тутъ у кресла Борисъ писалъ письмо ей, этой *чудной женщины*, какъ ее называлъ отецъ, и какъ Борису нравилось называть ее.

А Яковъ стоялъ въ выжидающей позѣ, не получая отвѣта.

— Спасибо, я послѣ напьюсь, — проговорилъ наконецъ Борисъ. Прибери здѣсь; и ключъ отъ комнаты принеси ко мнѣ. Я буду наверху у Марьи Николаевны.

Борисъ заглянулъ сперва въ корридоръ. Онъ былъ-бы не прочь зайти къ бабенкѣ; но не рѣшился на это. Слишкомъ часто были, въ послѣдніе дни, бесполезныя попытки смягчить отношенія. Вчерашняя сцена между нею и Софьей Николаевной была еще очень свѣжа. И теперь Борисъ нашелъ, что Софѣя Николаевна и не слѣдовало такъ прямо отправляться къ бабенкѣ.

„А какая она все-таки добрая, заключилъ онъ мысленно, и началъ подыматься наверхъ. Было еще рано. Часы въ бильярдной пробили половину девятого.

XI.

На площадкѣ онъ столкнулся съ Аннушкой; она несла платья въ комнату Софьи Николаевны.

— Тётинька проснулась?—спросилъ Борисъ.

— Давно съ, онѣ одѣлись, пожалуйста — отвѣтила Аннушка.

— А Маша здѣсь?

— У насъ,—отвѣтила Аннушка и посторонилась.

Борисъ вошелъ довольно нерѣшительно и остановился въ дверяхъ перегородки.

На диванѣ сидѣла Софья Николаевна, въ черномъ суконномъ платьѣ. На головѣ не было косынки. Волосы были зачесаны гладко и за уши заложено по одному большому локону. Только теперь Борисъ вполнѣ разсмотрѣлъ свою тётеньку. Ее нельзя было назвать брюнеткой, въ строгомъ смыслѣ. Волосы только на первый разъ казались совсѣмъ черными, и то спереди; коса была темнорусая, съ пріятнымъ отливомъ, густая, и свѣшивалась низко. Цвѣтъ кожи, бѣлизна лба, нѣжность и прозрачность ушей, — все это отнимало у ней ту рѣзкость типа, какая отличаетъ сильныхъ брюнетокъ. Но глаза были черные, глубокіе, такіе, что на нихъ нелегко было взглянуть пристально, а между тѣмъ они не смотрѣли строго. Ихъ выраженіе было необыкновенно молодое, отрадное, точно будто эти глаза говорили, что человѣку легко утѣшиться, когда они на него смотрять.

И Борисъ въ эту минуту дѣйствительно смотрѣлъ на нихъ и чувствовалъ себя утѣшеннымъ.

Когда онъ вошелъ, Маша стояла около Софьи Николаевны и показывала ей какую-то тетрадку.

Обѣ онѣ разомъ обернулись и увидѣли Бориса.

Маша сейчасъ бросилась къ нему. Софья Николаевна встала.

— Ахъ, Боря... здравствуй — закричала дѣвочка, цалуя брата. Вотъ ты какъ рано нынче? Хорошо спалъ тамъ, на новомъ мѣстѣ?

— Прекрасно, голубчикъ,—отвѣчалъ Борисъ и подошолъ къ Софѣ Николаевнѣ, поцаловать у ней руку.

— А вы какъ почивали тетинька?—спросилъ онъ.

— Я вездѣ хорошо; я, какъ маленькая, только - что прикурнула—сейчасъ какъ убитая... И сновъ никогда не вижу,—прибавила она, улыбаясь.

— И вы всегда рано встаете?

— Всегда въ восемь я уже на ногахъ; а лѣтомъ гораздо раньше, часу въ шестомъ.

— А я вотъ лѣнюсь,—сказалъ Борисъ. Вы меня отучите пожалуйста. Мнѣ бы надо въ семь вставать, а меня Миرونна будить, будить и въ восемь насилу добудится.

— Ну, полно Боря, а вотъ, какъ папа боленъ былъ, ты совсѣмъ не спалъ. Онъ все сидѣлъ около папы, — проговорила Маша, обратившись глазами къ Софѣ Николаевнѣ.

— Вы вѣдь очень утомлены, — сказала ему Софья Николаевна, держа его за руку. Я вижу это по вашимъ глазамъ и по блѣдности.

— Да, тетя, онъ такой розовый былъ, — замѣтила Маша съ своей комически серьезной миной. У него щоки такія красненькія были, а теперь вонъ онъ какой!

И она полѣзла обнимать его. Софья Николаевна улыбаясь смотрѣла на своихъ новыхъ дѣтей.

— Чтѣ вы кушаете, тетенька, по утрамъ?—спросилъ Борисъ.

— Ахъ, мой добрый, зачѣмъ это вы изъ-за меня такъ хлопчите; точно я какая прѣзжая принцесса. Нѣю то, чтѣ и другіе. Я вамъ запрещаю тормащиться изъ-за меня.—Она потрясла его руку.—Вамъ теперь нужно отдохнуть, а о другихъ не заботиться.

— А чаю-то вамъ все-таки не дають!—возразилъ Борисъ.

— Дадутъ, дадутъ, безъ васъ все сдѣлается.

Софья Николаевна сдѣлала шагъ назадъ, все держа руку Бориса въ своей рукѣ.

Ну, а какъ няня Миرونна? спросила она.

Съ Мироновой я долго толковалъ сегодня—отвѣтилъ Борисъ, сядя около Софьи Николаевны и сажая Машу къ себѣ на колѣни.— Я вотъ чтѣ думалъ, тетенька, не знаю, какого вы будете мнѣнія...

— Ахъ, какъ это официально что-то!—прервала его Софья Николаевна и довольно-громко разсмѣялась.

Борисъ покраснѣлъ.

-- Отчего же официально?—промолвилъ онъ.

— Да такъ, вы точно пришли ко мнѣ доложить по начальству. Ахъ, я, вѣдь, такая же молодая, какъ и вы. Посовѣтоваться со мной можете; но въ бабушки меня не производите. И она положила руку на его плечо.

— А что, вы хотѣли сказать?

— Да вотъ что тетенька: Мироновна теперь не можетъ ужь быть при мнѣ. Она сама находить это неудобнымъ.

--А что же она говоритъ? весело спросила Софья Николаевна.

— Да говорить, что я долговязый и мнѣ стыдно съ бабами возиться.

Софья Николаевна и Маша разсмѣялись.

— Она его все долговязымъ зоветъ, обратилась Маша къ теткѣ, указывая на Бориса.

— Ахъ, какая милая старушка, сказала Софья Николаевна.

— Я къ ней очень привыкъ, продолжалъ Борисъ.

— И прекрасно, прервала его Софья Николаевна; развѣ вамъ стыдно въ этомъ признаться!

— Нисколько, тетенка.. но ей неудобно ходить внизъ.

— Такъ что же вы надумали? спросила Софья Николаевна.

— Я хочу оставить Якова при себѣ камердинеромъ. Его папенька на волю отпустилъ; но онъ очень радъ остаться, а Мироновнѣ я предложилъ двѣ должности.

Какія же эти должности? спросила его Маша, устремивъ на него свои большіе синіе глаза.

— За тобой ходить, голубчикъ... тебѣ вѣдь всегда хотѣлось, чтобъ у тебя была няня... сказалъ Борисъ, цѣлуя сестру въ лобъ.

— Да, Борисъ, какъ это будетъ славно! Дѣвочка вскочила на полъ и забила въ ладошки. Но въ мигъ она одумалась.

— Да вѣдь она ужь старенькая, сказала она, подходя къ Борису и кладя ему руки на плечи. Мнѣ совѣстно.. какъ же она будетъ мнѣ служить?..

— Служить она тебѣ не будетъ, голубчикъ мой, говорилъ Борисъ, ты сама все дѣлаешь: а она присмотритъ за твоимъ платьемъ, чтобъ у тебя порядку больше было.

— Ахъ, это славно, Борисъ. Я ее вѣдь очень люблю, тетя,—обратилась она опять съ объясненіемъ къ теткѣ.

— Ну, прекрасно, это первая должность, отозвалась Софья Николавна; а вторая-то какая же?

— А вторая вотъ какая, тетенька, она будетъ у насъ экономкой. Наше хозяйство не велико... А она самая лучшая женщина во всемъ домѣ.

— Вы это лучше меня знаете, я вѣдь здѣсь, какъ въ лѣсу... ваша няня мнѣ очень нравится, она славная старушка, только вы меня въ командиры не производите... дайте мнѣ осмотрѣться, а то вы меня запугаете.

Борисъ поцѣловалъ у ней руку, въ то время, какъ она говорила это.

— Вы хотите, тетенька, сказалъ онъ, чтобы наши отношенія были совершенно равныя?

— А какъ же иначе, дорогой мой! Вы меня этакъ сѣйчасъ въ генералы произведете.

— Въ генералы! повторила Маша и разсмѣялась.

— Я совершенно согласна на все, начала опять Софья Николавна,—если мое согласіе необходимо; но вотъ что вы мнѣ скажите, добрый мой... вѣдь здѣсь въ домѣ, вѣрно, была экономка?

— Была тетя,—отвѣтила Маша,—бабушкина Фицка.

— Какъ, какъ? спросила Софья Николаевна.

— Фицка, повторилъ Борисъ. Такъ ее бабушка звала. Имя ея Фелицата.—Она дѣйствительно, была ключницей, но бабушка ѣдетъ сегодня и беретъ ее съ собой.

— Какъ, бабушка ѣдетъ сегодня? быстро спросила Софья Николаевна и приподнялась.

За ней всталъ и Борисъ.

— Да, она распорядилась уже на счетъ лошадей. Я видѣлъ дорожную карету на дворѣ.

— Такъ скоро!—проговорила будто про-себя Софья Николаевна и немного затуманилась.

— Совсѣмъ уѣдетъ бабушка? спросила Маша.

— Совсѣмъ, дружокъ,—отвѣтилъ Борисъ и взглянулъ на тѣтку, желая угадать, что она думаетъ въ этотъ моментъ.

Такъ пойдете съ ней прощаться,—заговорила Маша.—

Ла, можетъ, это неправда, я вотъ пойду узнаю.

И прежде, нежели Борисъ и Софья Николаевна сказали слово, Маша выбѣжала изъ комнаты.

ХІІ.

— Неужели она ѣдетъ?—сказала, помолчавъ, Софья Николаевна.

— Развѣ это васъ удивляетъ, тетенька?—отвѣтилъ Борисъ, и еще разъ взглянулъ на нее.

— Нѣтъ... а странно какъ-то!

— Вотъ то же самое чувство было и у меня сегодня утромъ, когда Мироновна пришла сказать мнѣ объ этомъ.

— Да какъ же теперь, въ глухую осень, куда она поѣдетъ?—сказала Софья Николаевна.

— Къ себѣ, въ деревню,—отвѣтилъ Борисъ.—Она беретъ съ собой и Амалью Христофоровну

— А кто это Амалья Христофоровна?

— Гувернантка Маши,—очень грязное созданіе.

— Ну, стало-быть, нужно радоваться, что она беретъ ее, — замѣтила Софья Николаевна.—Давно она при Машѣ?

— Больше трехъ лѣтъ. Вотъ тетенька, и объ этомъ намъ надо съ вами разсудить. Разумѣется, эта нѣмка никакой пользы Машѣ не приносила, она только раздражала ее. Но какъ вы думаете, нужно будетъ взять кого-нибудь къ ней?

Софья Николаевна помолчала.

— Погодите, добрый мой,—начала она,—теперь вы меня не торопите, а то я совсѣмъ запутаюсь. Я думаю, Машѣ пока не понадобится гувернантка. Что же я-то буду дѣлать?

Она сказала это съ такимъ свѣтлымъ, добрымъ взглядомъ, что Борисъ не утерпѣлъ, взялъ ее руку и поцаловалъ.

— Я только объ этомъ и мечталъ, тетенька, проговорилъ онъ радостно. Зачѣмъ намъ чужое лицо? зачѣмъ Машѣ лучшую наставницу?

— А вы знаете ли, Борисъ, что я была гувернанткой, настоящей гувернанткой?

— Нѣтъ, не знаю, тетенька. Когда же это было?

— До замужства моего. Это я вамъ все расскажу.

— Да, вы мнѣ обѣщали сказать многое...

— И не обману,—добавила, улыбаясь, Софья Николаевна.

Она была особенно-хороша въ эту минуту. На лицо ея падалъ свѣтъ изъ небольшого окна, выходившаго на дворъ. День былъ ясный, солнечный и морозный. Какой-то необыкновенной свѣжестью и молодостью дышало все существо этой женщины.

Борисъ опять начиналъ чувствовать вчерашнее смущеніе и невольно опустилъ глаза.

— А отчего,—подумалъ онъ,—она со мной церемонится, говорить мнѣ вы?

— Тетенька,—сказалъ онъ вслѣдъ затѣмъ,—я о чемъ у васъ попрошу.

— Просите, пожалуйста просите!

— Мнѣ неловко, что вы мнѣ не говорите *ты*, точно я вамъ посторонній.

Онъ краснѣлъ, говоря это.

Софья Николаевна тоже немножко смутилась.

— Вѣдь вонъ вы какой большой! мнѣ совѣстно будетъ немножко: вы ужъ и такъ меня произвели въ генералы какіе-то.

— Полноте, тетенька,—промолвилъ Борисъ,—и вамъ, и мнѣ легче будетъ.

— Легче-то, разумѣется, легче.. Только вы какой, быстрый хотите за разъ сдѣлать. А, впрочемъ, я это все сама люблю: у васъ натура славная.

И она протянула ему руку.

— Только какъ же это будетъ? Вы видите: я вѣдь какая-же тетка вамъ? Я слишкомъ юна для этого; вы мнѣ станете говорить *вы*, а я вамъ—*ты*: это опять выйдетъ генеральство.

— Да вѣдь не могу же я вамъ говорить ты, тетенька?—сказалъ смущенный Борисъ.

— А что? неприлично?.. Devant les gens, какъ обыкновенно выражаются при людяхъ.

Они оба разсмѣялись.

— Ну, такъ вы вотъ что сдѣлайте: мнѣ очень не нравится этотъ титулъ *тетенька*, *тетушка* также нехорошо...

— Да, *тетушка* еще хуже,—прибавилъ Борисъ.

— Зовите меня, какъ Маша.

— *Тетя?* сказалъ Борисъ вопросительно, и въ первый разъ посмотрѣлъ на нее во всѣ глаза, а Софья Николаевна, приблизивши свое лицо къ нему, улыбнулась и отвѣтила:

— Да, *тетя*... это вамъ не нравится?

— Ахъ, очень, очень! — вскричалъ Борисъ и пожалъ ея руку

— Хорошо... теперь вы...

— Ты, тетенька, перебилъ ее Борисъ.

— Да не *тетенька* же, а *тетя*.

И они опять расхохотались.

Вошла Аннушка съ чаемъ. Они обернулись и притихли.

— Какъ же съ бабушкой-то?—спросила Софья Николаевна.

— Надо пойти проститься,—промолвилъ Борисъ.

— Надо,—повторила Софья Николаевна. Ужь самолюбіе-то отложимъ къ сторонѣ. Напьемся вотъ чаю и сойдемъ внизъ.

Они начали пить чай и очень ласково поглядывали другъ на друга.

Борисъ чувствовалъ уже полную свободу въ обращеніи съ теткой, но сердце билось неровно, и краска не сходила съ лица.

Оба они были такъ молоды и хороши, что посторонній принялъ бы ихъ за жениха съ невѣстой.

ХІІІ.

Пелагея Сергѣевна съ раннего утра возилась въ диванной.

Оицка, то и дѣло, перебѣгала изъ чайной въ диванную, изъ диванной въ дѣвичью и на верхъ въ чуланъ, въ коморки, укладывала и доставала разные разности изъ сундуковъ.

Бабенька приказала, чтобы лошади были готовы къ оди-

надцати часамъ. Она брала съ собой, кромѣ Ёицки, старуху Ульяну и дворецкаго Степана. Долго разбирала она свои бумаги, счеты и деньги, бормотала себѣ подъ носъ и часто вставала съ мѣста.

Амалья Христофоровна совсѣмъ и не показывалась на глаза Борису и ни разу не заглянула въ комнату Маши.

Она не желала выдерживать характеръ и, прежде всего, выпросила у бабеньки позволеніе отправиться съ ней въ деревню, на что Пелагея Сергѣевна охотно согласилась. Въ послѣдніе дни своего паденія, бабенька привыкла къ наперсничеству толстой нѣмки. Наконецъ старость брала свое. Пелагея Сергѣевна боялась остаться совершенно одна.

Амалья Христофоровна укладывала свое добро и думала о томъ, что будетъ платить ей Пелагея Сергѣевна въ деревнѣ.

Ёицка только что отправила на верхъ чай, какъ побѣжала опять въ диванную.

— Ёицка, крикнула ей бабенька, отнимая голову отъ бумагъ, которыя она разбирала, позови Бориса Николаича.

— Слушаю-сь, отвѣчала Ёицка, и пустилась на рысяхъ наверхъ.

Пелагея Сергѣевна, при всемъ своемъ озлобленіи, начала принимать серьезный и умѣренный тонъ, говоря о внукѣ и звала его Борисъ Николаичъ.

Ёицка вдругъ появилась въ дверяхъ Борисовой комнаты, точно выросла изъ земли, такъ что и Борисъ и Софья Николаевна невольно вздрогнули.

— Что тебѣ? спросилъ Борисъ.

— Бабенька васъ просятъ-сь, прошепелявила наперсница и скрылась.

Борисъ всталъ и вопросительно посмотрѣлъ на тетку.

Она тоже взглянула на него.

— Зоветъ тебя, проговорила Софья Николаевна.

— Не понимаю я ее, тетя, сказалъ онъ.

— Иди, это прекрасно.

— Ахъ тетя, вы не знаете, всѣ сцены съ ней такъ тяжелы.

Онъ вспомнилъ тутъ про вчерашній разговоръ.

Софья Николаевна точно угадала его мысль.

— Ты не боишься-ли, что она опять примется бранить меня?.. Ничего, добрый мой, вѣдь сегодня — послѣдній день. Надо же ей высказать, что накопѣло на сердцахъ.

— Да что же могло у ней накопѣть? Вѣдь это все выдуманно, все одна злость! сказалъ порывисто Борисъ.

— Злостью нельзя же все объяснять! она вѣдь тоже прожила цѣлый вѣкъ; вся натура, всѣ ея мысли и убѣжденія сложились. Мы въ шестьдесятъ-то лѣтъ, пожалуй, не лучше будемъ.

Борисъ махнулъ нетерпѣливо рукой.

— Да, да, нечего рукой махать, продолжала Софья Николавна. Если у насъ не достанетъ снисхожденія, такъ значить, въ насъ гораздо больше эгоизма, чѣмъ въ бабушкѣ. Однако, ступай-ка къ ней; съ Богомъ.

Она взяла его за руку и подвела къ двери.

Борисъ уходя, улыбнулся и сказалъ съ наивной миной:

— Разругаетъ.

Ничего, отвѣчала Софья Николавна; я буду тебя ждать.

Она вышла на площадку и смотрѣла, какъ онъ сходилъ по лѣстницѣ внизъ.

Борисъ глядѣлъ все на верхъ и видѣлъ, что къ Софьѣ Николавнѣ подбѣжала Маша.

— Уѣзжаетъ, говорила она, и Амалия Христофоровна...

Дальше онъ уже не слышалъ и прошолъ по корридору.

Бабенька приняла его — сидя, за портфелемъ.

Борисъ первый не начиналъ говорить. Онъ остановился передъ Пелагеей Сергѣевной, въ очень скромной позѣ.

— Борисъ Николаичъ, начала бабенька, я черезъ два часа ѣду; ужъ больше мы, можетъ быть, и не увидимся.

— Отчего-же бабушка? промолвилъ Борисъ.

— Ко мнѣ въ гости не пожалуете; да не о томъ я хочу говорить съ вами: совѣтовъ больше давать не буду.. Пускай мои слова на вѣтеръ пойдутъ, это ваше дѣло, вы — большой человекъ теперь, помѣщикъ, хозяинъ... Такъ я должна вамъ домъ этотъ сдать, съ рукъ на руки... вѣдь я хозяйствомъ завѣдывала.

— Да зачѣмъ же, бабушка, какіе же счета?..

— Какъ, какіе счета? Что же я, ваши деньги, что-ли, украду? Мнѣ слѣдовало бы опекуну вашему счета всѣ пред-

ставить, да попечительницѣ; такъ ужъ увольте меня отъ этого. Вы не маленькій, вы имъ послѣ скажете, что я васъ не обсчитала.

Кислая улыбка искривила ротъ Пелагеи Сергѣевны. Она говорила съ жесткимъ спокойствіемъ, точно отчеканивая каждое слово

Борисъ стоялъ, наклонивъ голову. Видно было, что онъ рѣшился выслушать все, что только ни будетъ говорить бабенка, спокойно, ничѣмъ не возмущаясь.

— Да-съ, Борисъ Николаичъ — продолжала старуха, — вы сами хозяинъ. Вотъ извольте взглянуть. Она указала на книги: — Тутъ счеты по дому за нынѣшній годъ. Съ имѣнья деньги я получила, вы это знаете. У отца вашего не было расхожихъ денегъ. У меня осталось отъ нынѣшняго года четыре тысячи слишкомъ—вотъ онъ.

Старуха развернула пачку и начала считать ассигнаціи. Послѣ того, она еще раскрыла свои книги и счеты и заставила Бориса все это повѣрить.

— Это еще не все,—сказала она, вручая ему пачку: — у меня отъ прежнихъ годовъ оставались деньги — вотъ онъ, здѣсь. Она взяла съ дивана зелененькій ящикъ, со стальной отдѣлкой.

— Бабушка,—проговорилъ Борисъ,—вѣдь эти деньги ваши, какъ же ихъ учеть? имѣнье не было раздѣлено.

— Я чужихъ денегъ не хочу-съ—прервала его рѣзко старуха. Какой я доходъ получала съ моего имѣнья, тотъ мой, а деньги на расходъ по дому шли изъ Николинкина имѣнья. Ужъ позвольте мнѣ это знать...

Она отперла зелененькій ящикъ и вынула оттуда большую пачку ассигнацій и серій

— Вотъ тутъ,—продолжала она,—на ассигнаціи двадцать тысячъ; можете ихъ взять... пересчитайте... за нѣсколько лѣтъ тутъ остатокъ.

Считаніе денегъ продолжалось довольно-долго. Бабенка каждую бумажку пересматривала и передавала Борису.

Когда эта операція кончилась, она закрыла книги и встала.

— Ну-съ, Борисъ Николаичъ—сказала она,—что въ домѣ остается — все ваше. Я съ собой беру только свои вещи.

Вотъ вамъ ключи отъ чулана и погреба. Серебру счетъ вотъ тутъ, у меня. Мнѣ въ деревню ненужно этого.

— Но какъ же вы соберетесь въ одинъ день, бабушка?—спросилъ Борисъ.

— Такъ и соберусь: сяду въ карету, да и поѣду.

— Вѣдь зимой въ Андроновъ домъ холоденъ будетъ.

— Ужъ объ этомъ не беспокойтесь—отвѣтила ѣдко старуха и движеніемъ показала, что Борисъ могъ удалиться.

— Вы и кушать не будете?—спросилъ Борисъ.

— Нѣтъ, я къ вечеру туда. Ну, прощайте Борисъ Николаичъ, живите и веселитесь. Вы теперь на свободѣ, можете заняться воспитаніемъ сестрицы вашей... Амалія Христофоровна будетъ со мной. Да теперь зачѣмъ ей гувернантка?

Старуха, при этомъ, такъ сжала губы и такъ повела всѣмъ своимъ тѣломъ, что Борисъ покраснѣлъ.

— Мы придемъ проститься съ вами,—проговорилъ онъ.

— Кто проститься?—переспросила старуха.

— Я и Маша,—отвѣтилъ Борисъ.

— Какъ вамъ угодно, только ужъ не взыщите съ меня, тетюшки вашей я видѣть не желаю, вы это можете передать ей, а то я съ задняго крыльца уѣду. Возьмите же съ собой деньги и счета всѣ.... можете такъ, со всѣмъ портфелемъ, мнѣ его не нужно, и ящичекъ вотъ этотъ.

Борисъ взялъ портфель, книги и ящичекъ, и повернулъ къ двери.

— Да вотъ еще что: старухи у меня тутъ остаются, да двѣ дѣвчонки: ужъ вы покормите ихъ, я за ними подводу пришлю.

— Помилуйте, бабушка,—проговорилъ Борисъ и, смущенный, вышелъ. Ему было не то стыдно, и не то досадно.

Онъ зашелъ къ себѣ въ спальню, спряталъ все въ бюро и взбѣжалъ наверхъ.

Не хотѣлось Борису передавать въ подробности всю сцену съ бабушкой; но отъ Софьи Николаевны онъ не могъ ничего скрыть.

— Такъ она не желаетъ прощаться со мной? — спросила Софья Николаевна съ грустной, но добродушной улыбкой. — Ну, что жъ дѣлать! Въ этомъ она свободна... и, знаешь что Борисъ? прибавила она—поведеніе бабушки мнѣ очень нравится. Оно меня нисколько не возмущаетъ въ настоящую минуту.

Борисъ видѣлъ, что лицо тети было ясно и впечатлѣніе сцены съ бабушкой смягчилось. Простота и прямота Софьи Николаевны упрощали и его самого.

Въ 11 часовъ карета была заложена шестерикомъ. Поднялась суетня въ дѣвичьей. Дворня вся высыпала въ залу.

Борисъ сошелъ внизъ съ Машей. Пелагея Сергѣевна простилась съ ними холодно. Амаля Христофоровна имѣла видъ угнетенной невинности и желала даже прослезиться, цалуя Машу.

Въ дворнѣ было какое-то недоумѣніе, точно готовились всѣ къ чему-торжественному. Бабенъка зашла въ спальню, оглянула ее, перекрестилась и, ни съ кѣмъ больше не прощаясь, отправилась на крыльцо и сѣла въ карету.

Маша стояла на колѣняхъ, на стулѣ и смотрѣла въ окно.

— Вотъ бабушка и уѣхала,—сказала она Борису, вернувшемуся съ крыльца, куда онъ ее не пустилъ. Жалко мнѣ ее, Боря; а уже лучше пусть она назадъ-то не пріѣзжаетъ, — прибавила дѣвочка, покачавъ головой.

Борисъ невольно улынулся и, поднявшись съ ней наверхъ, объявилъ теткѣ, что бабенъка уѣхала.

И долго всѣ трое молчали.

XIV

Уѣхала бабенъка.

Большой, дикій домъ потерялъ своихъ старыхъ господъ. Новымъ было теперь много простора, даже черезчуръ много. Трудно было наполнить жизнью эти пустыя, высокія комнаты; этимъ комнатамъ точно становилось жалко, что не живутъ въ нихъ ни дѣдушка, ни бабушка... остались одни внуки.

Федоръ Петровичъ пріѣхалъ часу въ двѣнадцатомъ; онъ очень удивился, узнавъ, что Пелагея Сергѣевна такъ скоро собралась въ дорогу.

— Знаете — что Федоръ Петровичъ, говорила ему Софья Николаевна. Они сидѣли наверху, втроемъ. Мнѣ нравится ея поведеніе.

— А что-съ? спросилъ флегматически опекунъ.

— Она, по-крайней-мѣрѣ, открыто дѣйствуетъ.

— Ахъ, матушка, Софья Николаевна, прервалъ ее Лапинъ; я вижу, у васъ добрая душа; вы всякаго готовы извинить. Да я про себя скажу, что не долюбливаю я Пелагею Сергѣевну, не потому не долюбливаю, что она меня ругательски разругала, когда я къ ней сунулся.. оно тогда и слѣдовало меня—замѣтилъ онъ, улыбаясь,—а такъ, натура у ней жесткая... отталкиваетъ отъ себя. Вотъ хоть бы въ дѣлѣ наслѣдства... Безспорно, она безкорыстно поступила... да язвительно все. „На-те, подавитесь!“ вѣдь это вотъ что другими словами значить...

— Что же дѣлать, Федоръ Петровичъ?—сказала Софья Николаевна; вѣдь вы сами говорите: натура.. а натуру ужъ не передѣлаешь.

— Конечно, промолвилъ добродушный опекунъ и, обращаясь къ Борису, сказалъ: намъ съ вами еще на счетъ дворовыхъ-то...

— Я отдалъ Якову тѣ двѣсти рублей, какъ мы говорили.

— Ну, это ваша воля. Вотъ не придумаете ли, Софья Николаевна, что намъ дѣлать со старухами?

Она разсмѣялась.

— Это ужъ неизбежное зло,—сказала она. Ихъ нужно держать... только не мѣшало бы, кажется, почистить ихъ обиталище.

— Да и весь-то домъ, замѣтилъ Борисъ.

Разговоръ перешелъ на то, какія перемѣны сдѣлать въ домѣ. Пошли осматривать всѣ комнаты. Софья Николаевна удивлялась неудобности и непомѣстительности дома. Пустота и неуютность пріемныхъ комнатъ подавляли ее.

— Въ диванной мы будемъ сидѣть иногда по вечерамъ,—сказала она, а то внизу будетъ какое-то необитаемое аббатство.

— Именно аббатство, повторилъ Лапинъ, качая головой.

— Диванную можно отдѣлать немножко поуютнѣе,—говорила Софья Николаевна, осматривая бывшую обитель бабенки, откуда еще не вышелъ старушечій запахъ.

— Какъ странно становится,—замѣтила она, когда подумаешь, что здѣсь, въ этой комнатѣ протекла цѣлая жизнь... нѣсколько десятковъ лѣтъ просидѣла тутъ бабенка!

— У насъ комнаты,—проговорилъ Борисъ, точно застыли въ томъ видѣ, какъ онѣ были пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

Онъ началъ рассказывать Софѣ Николаевнѣ исторію каждаго дивана, каждой картины и зеркала.

Въ дѣвичьей они нашли многочисленное общество; тамъ происходили большіе толки по случаю отъѣзда старой барыни.

Всѣ съ любопытствомъ осматривали Софью Николаевну; потомъ толпа двинулась, предводительствуемая опять двумя старухами съ плачущимъ и смѣющимся лицомъ.

Онѣ пожелали получить ручку Софьи Николаевны и начали изъяснять ей свою любовь и радость, что она пожаловала въ добромъ здоровьи.

— А вамъ здѣсь, я думаю, холодно?—спросила она ихъ, и получила отвѣтъ, что дѣйствительно изъ сѣней страшно дуетъ; и изъ подвала тоже; а въ подвалъ ходъ тутъ же изъ дѣвичьей. Софья Николаевна разспросила ихъ: какое они получали жалованье и содержаніе. Оказалось, что они получали въ годъ по ситцевому платью и деревенскаго холста 20 аршинъ, а на прочее, какъ-то: на башмаки и другія вещи имъ ничего барыня не выдавала.

Борису стыдно стало за бабиньку. Ѳедоръ Петровичъ переписалъ всѣхъ старухъ и всю дворню, и перетолковалъ съ Софьей Николаевной и съ Борисомъ, кому какое назначить содержаніе.

Онъ остался обѣдать. Обѣдали наверху, а послѣ опять начались толки о дѣлахъ. Борисъ передалъ ему деньги, полученные отъ бабушки, и попросилъ взять къ себѣ вмѣстѣ съ остальными билетами и серіями, которые лежали въ бюро.

— Смотрите, говорилъ ему Лапинъ, собираясь домой.. я у васъ денежки-то возьму, да и былъ таковъ.

Вечеръ провели къ комнатѣ Софьи Николаевны. Борисъ еще не привыкъ къ мысли, что ему надо будетъ сидѣть внизу, въ спальнѣ отца и проводить тамъ по цѣлымъ часамъ.

Софья Николаевна разспрашивала все Машу объ урокахъ, о томъ, что она любитъ, играетъ ли она въ куклы, бываетъ ли ей скучно одной.

Маша была чрезвычайно мила, вспоминала разныя подробности изъ грустной жизни большаго дома, говорила больше

про своего Борю, чѣмъ про себя... и подъ конецъ объявила, что она—недурная дѣвочка; и что если ее бабушка и *постыкала*, такъ совершенно понапрасну, и Богъ ее за это накажетъ.

Послѣ ужина Маша ушла, сказавъ тѣткѣ, что она ее совершенно не боится, и чему бы тѣтка ни стала ее учить, она все вытерпитъ, потому-что „*тетя того заслуживаетъ*“

XV

Борись и Софья Николаевна опять остались вдвоемъ. Странно чувствовалъ онъ себя въ этой комнатѣ. Въ ней стоялъ совсѣмъ другой воздухъ; она ему казалась какимъ-то новымъ мѣстомъ, гдѣ все вызывало интересъ, и получало такую привлекательность, какой прежде не было.

— Ты, можетъ быть, усталъ? спросила его Софья Николаевна, лягъ нынче пораньше.

Она говорила съ нимъ такимъ задушевымъ тономъ, точно будто онъ выросъ на ея рукахъ. Онъ самъ просилъ ее бросить церемонное *вы*... А между тѣмъ *ты* звучало странно, оно волновало его; оно его даже страшило. Но еслибъ Софья Николаевна перешла опять на *вы*, ему стало бы непріятно.

— Идѣть, тѣтя,—поспѣшилъ отвѣтить Борись, напротивъ, мнѣ совсѣмъ не хочется спать. Если я вамъ мѣшаю, прогоните меня внизъ.

— Да я развѣ бы стала съ тобой стѣсняться? И со мной ты, пожалуйста... попроче. забудь мой титулъ... мы друзья, и ничего больше. Она уютно усѣлась въ углу дивана.. Садись вотъ тутъ. Насъ судьба свела, значить, не даромъ.. проговорила она послѣ маленькой паузы. И могла ли я когда-нибудь думать, что попаду въ такую жизнь и буду здѣсь?... никогда, никогда..

— Отчего же? спросилъ Борись.

— Какъ отчего? Да отъ всего, — отвѣтила Софья Нико-

лаевна и грустно улыбнулась... Во-первыхъ, оттого, что я была замужемъ за твоимъ дядей.. Она опустила голову, немного помолчала и потомъ вдругъ взглянула на Бориса... Нѣсколько секундъ смотрѣла она на него и тѣло проговорила:

— Ты помнишь Александра?

— Какъ же, тѣтя, не помнить, когда онъ былъ здѣсь года два тому назадъ... Да и въ первый разъ, какъ онъ прїѣзжалъ... его лицо... такъ врѣзалось мнѣ въ память... Онъ меня, кажется, полюбилъ... прибавилъ Борисъ.

— Да.. онъ говорилъ объ тебѣ... Но ты совсѣмъ его не зналъ, мало слышалъ о немъ.

— Очень мало. У насъ все было скрыто. Только въ послѣднее время отецъ рассказывалъ...

— Что?

Борисъ немножко помолчалъ.

— Что онъ прїѣзжалъ просить у бабушки позволенія...

— Жениться на мнѣ, — добавила Софья Николаевна, и она его проклѣла. Я уже тебѣ сказала, кажется, вчера, что Александръ не долженъ былъ встрѣчаться со мной. Я окончательно доканала его жизнь.

— Что вы, тетя? проговорилъ Борисъ, взглянувъ на Софью Николаевну во всѣ глаза.

— Да, дорогой мой... жизнь сложилась такъ... Еслибъ ты былъ немножко постарше, ты бы, пожалуй, подумалъ: что я рисуюсь.

Борисъ сдѣлалъ движеніе.

— Да, да, непременно бы подумалъ; но, къ счастью, ты молодъ и съ тобой можно говорить такъ же, какъ съ своей совѣстью.

Борисъ все продолжалъ смотрѣть на Софью Николаевну. Она казалась совершенно спокойною и точно говорила самой себѣ. Ему, въ первый еще разъ приводилось слышать, чтобъ кто нибудь съ такой простотой высказывалъ такія задушевные вещи.

— Хорошій человекъ былъ твой дядя Александръ, продолжала она, я никогда не встрѣчала человека честнѣе... за то и страннѣе не встрѣчала. Послушай, тебѣ должно быть очень тяжело, что до-сихъ-поръ около тебя была какая-то тайна?...

Софья Николаевна попала на чувствительное мѣсто.

— Да, тѣтенька, заговорилъ Борисъ, не мало я думалъ о прошедшемъ: только не у кого мнѣ было спрашивать... Въ послѣдніе дни отецъ былъ со мной откровененъ... но ему не хотѣлось высказываться; ему тяжело было... онъ только повторялъ: „послѣ все узнаешь, не вини меня“.

— И не вини его, добрый мой,—сказала Софья Николаевна и протянула ему руку... Люди никогда ни въ чемъ невиноваты: виновато время, и натуры наши, и прошедшее... Да вотъ тебѣ, чего же лучше: дядя твой прожилъ свой вѣкъ дико бесполезно, губительно для себя, и былъ все-таки прекрасный человѣкъ.

Бориса охватило желаніе узнать все и, главное, побольше о ней самой, даже больше, чѣмъ объ отцѣ и дядѣ. Онъ ясно видѣлъ, что она говоритъ о покойномъ мужѣ не такъ, какъ бы можно было ожидать отъ молодой женщины, которая страстно любила его. Чѣмъ-то ему шептало, что тутъ кроются какія-нибудь особые отношенія.

— Отчего дядя никогда не жилъ здѣсь? спросилъ Борисъ.

— Оттого, мой другъ, что... и она вдругъ остановилась.

— Что же вы не продолжаете, тетя, развѣ вы находите, что я не долженъ знать?...

Вотъ что, голубчикъ мой... Я вижу ты не ребенокъ. и скрывать отъ тебя нечего.. Для того только, чтобъ быть съ тобой свободно и просто. я бы коснулась всѣхъ тяжелыхъ и щекотливыхъ вопросовъ... но я невольно остановилась; мнѣ показалось вдругъ, что ты можешь мнѣ и не вѣрить, и тогда это было бы очень очинь дурно.

— Что вы, тетя, полноте, какъ вамъ не стыдно, вдругъ заговорилъ Борисъ, цѣлуя ея руку у меня ни одной минуты не было никакого сомнѣнія... всякое ваше слово... прямо идетъ въ душу. До-сихъ поръ мнѣ было такъ трудно... Точно у меня языкъ былъ связанъ. Намъ съ вами черезъ-чуръ тяжело было бы жить, скрывая то, что таится въ душѣ. А я никого обвинять не стану, кротко прибавилъ онъ

XVI.

— Видишь ли, добрый мой, начала Софья Николаевна, твой дядя Александръ былъ студентомъ въ Москвѣ давно, лѣтъ двадцать тому назадъ. Онъ былъ такой пылкій, причудливый, увлекающійся. Воображеніе у него играло первую роль... и это ты не долженъ забывать... Студентомъ еще онъ встрѣтилъ дѣвушку, красавицу, съ очень странной судьбой. Она была сирота, жила въ семействѣ родственниковъ... ее держали гувернанткой. Состояніемъ ея завладѣли и ея положеніе въ домѣ было очень жалкое, Александръ полюбилъ ее и рѣшился жениться... Разумѣется, встрѣтились препятствія... онъ написалъ сюда, ему пригрозили... На его натуру все чрезвычайно сильно дѣйствовало, и онъ заболѣлъ, заболѣлъ опасно. Это было передъ тѣмъ, какъ ему кончить курсъ... Твой отецъ прискакалъ въ Москву... долго онъ ухаживалъ за Александромъ... Александръ оправился кончилъ курсъ и уѣхалъ тотчасъ же за границу: его послали доктора для поправленія здоровья.

— Да, я все это слыхалъ, проговорилъ Борисъ, вспоминая. что няня ему что-то такое разсказывала.

— Ну вотъ видишь ли, отецъ твой, живя въ Москвѣ, сблизился съ дѣвушкой, которую полюбилъ Александръ, и чрезъ полгода онъ на ней женился.

— Какъ тѣтя... она была?...

Твоя мать, Лизавета Павловна Бабушка твоя приняла ее очень дурно. Во-первыхъ, она была бѣдна, а во-вторыхъ, она никогда не могла ей простить любви Александра, его болѣзни и его поѣздки за границу.

— Стало быть, и папенька женился безъ согласія бабушки?—спросилъ Борисъ.

— И да, и нѣтъ. Разумѣется, Пелагея Сергѣевна не хотѣла этого брака, но отца твоего она больше любила, и согласилась на его женитьбу. И вотъ тебѣ ключъ къ той нѣмой драмѣ, которая разыгривалась въ нашемъ семействѣ. Я

не знала твоей матери, Борисъ; я тебѣ рассказываю то, что я слышала отъ отца твоего и Александра. Тебя, можетъ, удивляетъ ея выходъ замужъ. Она не имѣла къ твоему отцу сильнаго, глубокаго чувства, но ея положеніе въ домѣ было слишкомъ тяжело; наконецъ она видѣла его любовь, его хорошую, добрую натуру. Когда Александръ узналъ объ этомъ, это его поразило, и такъ поразило, что подѣйствовало на его разсудокъ. Онъ одно время совсѣмъ помутился и долго страдалъ. За границей онъ прожилъ около десяти лѣтъ; тамъ онъ очень развился.. это былъ замѣчательный умъ.. За многое брался онъ, чему не учился—одинъ Богъ знаетъ, но ничто его не вылечило отъ любви, ни на чемъ онъ не могъ остановиться и успокоиться... А дома, у васъ, была другая драма... твоя мать, вышедши замужъ, не была несчастлива... отецъ твой горячо ея любилъ; но прежняя любовь воскресла, до нея доходили вѣсти объ Александрѣ, о его несчастной судьбѣ, о его болѣзни... и твоя бабушка явилась между нею и мужемъ, какъ духъ искушитель... Она подозрѣвала ее; она твердила твоему отцу, что жена его любитъ Александра и порывается бѣжать къ нему... словомъ, ты самъ можешь понять, что между ними было.

— А зачѣмъ дядя пріѣзжалъ сюда, когда мнѣ было лѣтъ пять? сказалъ Борисъ, подавленный всѣмъ этимъ рассказомъ.

— Онъ пріѣхалъ, просто, повидаться, онъ хотѣлъ переломить себя, покончить съ своей прежней страстью, наконецъ смягчить свои отношенія съ семействомъ.

— Я помню, что мама не показывалась внизъ, не видала дядю Александра.

— Да, она не надѣялась на себя.. И этотъ пріѣздъ принесъ только больше горечи и страданій. Александръ уѣхалъ съ такой же раной, какъ и прежде... Въ домѣ у васъ пошло еще хуже... Пелагея Сергѣевна построила на этомъ цѣлый романъ... она считала пріѣздъ Александра условленнымъ между нимъ и твоей матерью. Отецъ твой началъ мучиться подозрѣніями, Лизавета Павловна страдала.. въ ней чувство не умерло, но она хотѣла его заморить. Мать твоя, какъ ты знаешь, умерла чахоткой.

— А дядя? спросилъ опять Борисъ.

— А дядя опять ѣздилъ по свѣту, опять былъ боленъ, опять лечился.. и наконецъ немного выздоровѣлъ... прежняя страсть притихла. Онъ вернулся въ Москву и тутъ начинается нашъ романъ, прибавила, улыбаясь, Софья Николаевна... и остановилась.

— Теперь для меня ясна вся прошлая жизнь нашего дома, промолвилъ Борисъ; теперь я понимаю, почему бабушка не любила меня и Машу.

— Потому, что вы были дѣти Лизаветы Павловны, которую она ненавидѣла и подозрѣвала весь вѣкъ.

— Но въ чемъ же, тѣтя?

— Твоя мать была чиста, какъ ангелъ; но прежняя любовь къ Александру жила въ ней... и отецъ твой это чувствовалъ, и это было причиной тому, что онъ не могъ освободиться отъ деспотическаго вліянія Пелагеи Сергѣевны. По натурѣ онъ былъ слабый человѣкъ... въ него вкоренилась привычка покоряться матери, а въ этихъ обстоятельствахъ, при постоянныхъ подозрѣніяхъ... онъ невольно выслушивалъ все, что ему нашептывала бабушка, вѣрилъ ей, и все страдалъ, мучилъ себя и бѣгалъ изъ дома, гдѣ ему приходилось слишкомъ больно.

Прошла значительная пауза. Софья Николаевна точно припоминала разные эпизоды своей жизни. Борисъ не торопилъ ее, хотя внутренно онъ горѣлъ нетерпѣніемъ выслушать ея повѣсть. Когда-то няня Мироновна, въ этой самой комнатѣ, рассказывала ему сказки, и не думалъ онъ тогда, что ему придется выслушать эту послѣднюю грустную повѣсть, съ которой такъ тѣсно было связано все его прошлое.

— Я немного назадъ отойду, заговорила вдругъ Софья Николаевна... ты меня видишь, Борисъ... я всегда такая была.. юная, *шалая*, какъ меня называла мать, очень дикая дѣвица,—прибавила она съ комической миной. Я всѣ испытанія жизни принимала смѣясь; я точно всегда дразнила свою судьбу, и жила всегда хорошо... Но это только маленькое вступленіе. Ты можешь быть, не знаешь, что мой отецъ и мать живы. И вотъ съ матери-то я и начну. Ея повѣсть вотъ какая: выдали ее замужъ молоденькую, лѣтъ десяти, за одного полковника, какого-то... ну, бурбона, грязнаго, от-

вратительнаго. Она съ нимъ прожила годъ, другой, т. е. лучше сказать, помучилась, помучилась... дольше не вытерпѣла и убѣжала отъ него. Хлопотали они о разводѣ — ничего не выхлопотали; длилось это нѣсколько лѣтъ. Въ ея судьбѣ принималъ участіе одинъ докторъ, товарищъ твоего дяди по университету. Они полюбили другъ друга, и онъ ее называлъ своей женой... Они никогда не скрывали, что они не вѣнчаны. У нихъ родилось нѣсколько человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ и твоя тѣстенька, Софья Николаевна... Жили мы небогато, у отца была небольшая практика... матушка часто прихварывала; ее не переставала тяготить мысль о нашей будущности, о томъ, что у насъ *нѣтъ имени*. Мужъ ея, бурбонъ, часто ее пугалъ, писалъ ей отвратительныя письма... Богъ знаетъ, чтó дѣлалъ... Все это дѣйствовало на ея здорье; но духомъ она не падала, по-крайней-мѣрѣ наружно, и въ нашемъ домѣ никогда не было унынія. Я росла свободно; мной занимался отецъ, давалъ мнѣ все читать, выучилъ меня анатоміи, выучилъ меня по-англійски, далъ мнѣ въ руки Пушкина, Шекспира,—и онъ не высушилъ меня; я никогда не слыхала отъ него ни одной сентенціи, ни одной сухой мысли. Онъ всегда говорилъ мнѣ: „Софья, хочется тебѣ плакать—плачь, хочется тебѣ молиться—молись, полюбить захочется—полюби... и чтó бы ты ни сдѣлала, все это можно искупить, было бы только чувство правды“ И мнѣ хорошо было жить... я выросла; на воспитаніе мое хоть мало тратили, но все-таки отецъ ничего не жалѣлъ: нанималъ мнѣ учителей музыки, языкамъ я выучилась дома. По практика его шла плохо... средства дѣлались все меньше и меньше, а кромѣ меня былъ еще братъ, Николай, въ гимназій, и двѣ сестры... Мнѣ стало совѣстно, что я большая дѣвушка, 17 лѣтъ, ѣмъ даромъ хлѣбъ, живу въ домѣ какъ малолѣтняя, и ничего не зарабатываю. Я пришла къ отцу и объявила, что хочу идти въ гувернантки... Онъ меня не сталъ отговаривать, только сказалъ: „смотри, Соня, не испорти твоего характера.. такая жизнь затираетъ человѣка; а впрочемъ, съ Богомъ“. Матери было непріятно; но она согласилась. Я не выбирала; я взяла первое мѣсто, какое мнѣ почалось. Ты не знаешь Москвы. Борисъ. Въ Москвѣ живутъ

вѣдь предикіе люди; тамъ на каждомъ шагу все огорченные судьбой бары, у которыхъ накопило внутри цѣлое море не-удовлетворенныхъ претензій. Вотъ въ такое-то семейство и попала я. Матап... жирная барыня, племянница какого-то сенатора... ѣздила все къ нему по воскресеньямъ прикладываться къ ручкѣ... старшая дочь прочла „Пропилеи“ Леонтьева и ѣздила къ Старому Вознесенью высматривать жениховъ... да еще двѣ дѣвочки, въ самомъ дурномъ возрастѣ 14 и 15 лѣтъ; съ ними-то я и должна была заниматься и учить ихъ всѣмъ наукамъ и всѣмъ искусствамъ, какія только знала. Скучно мнѣ было, ничего не вдолбишь имъ, только и думаютъ о томъ, когда придетъ масляница да повезутъ ихъ кататься подъ Новинское. Тяжеленько мнѣ было и вотъ еще почему: жирная матап узнала о томъ, что я не *имѣю имени*, и не разъ кольнула меня этимъ... я, разумѣется, сперва плакала, а потомъ думаю себѣ: „глупо дѣлать изъ себя жертву“, взяла да и напѣла ей очень скромно, но сильно. Барыня моя стихла, и съ-тѣхъ-поръ мнѣ было покойнѣе. Я помирилась съ своей долей, очень много читала, отца и мать видѣла часто, и отецъ мой всегда говорилъ: „вижу, Софья, что ты все такой же молодецъ... натура твоя выдерживаетъ напоръ жизни, прекрасно, дитя мое“ — Разъ я пришла къ нему и увидала твоего дядю. Его лицо сейчасъ же меня заинтересовало. Онъ тогда только-что вернулся изъ второй поѣздки за границу...

— Вы говорили, тѣтя,—прервалъ ее Борисъ, что дядя былъ товарищъ вашего отца?

— Какже, голубчикъ, они вмѣстѣ и поступили... Тогда у нихъ было хорошее время; мнѣ отецъ и Александръ рассказывали много про это время... какой духъ былъ славный... направленіе философское... не чорстовое, а радостное какостое, примирительное... я это видѣла на отцѣ. Онъ всегда говорилъ: „нѣтъ вещи на землѣ, нѣтъ такого явленія, которое бы не сливалось въ общей гармоніи“ И все, что мы теперь читаемъ въ журналахъ, Бѣлинскій да и всѣ другіе, это все изъ Москвы, изъ того кружка... Мнѣ вотъ и теперь даже пріятно, когда я вспоминаю ихъ бесѣды... Честные, чистые люди, съ глубокой любовью... Вотъ ужъ они знали, что такое красота и поэзія въ жизни... Но я ударилась въ сторону,

прости меня, голубчикъ... Знаешь, Борисъ, я вотъ тебѣ рассказываю, и точно заново все это переживаю... у меня воображенія-то тоже не меньше, чѣмъ у твоего дяди Александра.

— Такъ вы его увидали,—подсказалъ ей Борисъ.

— Да, да... увидала и очень заинтересовалась. Отецъ ему рассказалъ обо мнѣ; я съ нимъ разговорила... онъ былъ такой занимательный, говорилъ прекрасно, вездѣ у него проглядывало чувство, замѣчанія о заграничной жизни такія свѣтлыя... Я ему понравилась. На другой день я опять была у своихъ. Александръ прямо подходитъ ко мнѣ, беретъ меня за руку и говорить: *вы будете моей женой: васъ самъ Богъ послалъ ко мнѣ на встрѣчу*, и потомъ все повторялъ: „какое сходство, Боже мой!..“ и нѣсколько разъ спросилъ меня, *точно ли я цувернантка?* Все это меня ужасно поразило; я сперва думала, что онъ шутилъ. Прошло двѣ недѣли, Александръ продолжалъ говорить, что я одна спасу его, что наша встрѣча не случайная. И дѣйствительно, онъ привязался ко мнѣ... этого мало... онъ меня полюбилъ готовою любовью... Тогда еще я не могла этого хорошенько понять, но я видѣла чувство, я видѣла также, что онъ страдаетъ, что это человѣкъ съ разбитой душой.

Черезъ полгода я ему сказала, что иду за него замужъ. Хочешь ты знать мою полную исповѣдь, Борисъ? У меня не было къ нему страстной любви, и не могло быть. Онъ меня трогалъ и поражалъ, но это чувство было съ-родни тому, съ которымъ я относилась къ отцу.. Голубчикъ мой, вотъ ты поживешь на свѣтѣ, ты узнаешь, что значить натура, молодость, гармонія силъ и надеждъ, черезъ это никакъ не перескочишь. Никогда женщина въ 20 лѣтъ не полюбитъ страстно человѣка, который годится ей въ отцы...

Она остановилась. Борисъ взглянулъ на нее и ему точно хотѣлось что-то сказать.

— Что ты на меня смотришь? спросила она. Тебѣ кажется рѣзкимъ, не *женственнымъ* то, что я сейчасъ сказала, это святая правда; она честнѣе напускныхъ чувствъ. А я все-таки вышла за Александра. Онъ меня увлекъ и тронулъ своей прекрасной, хотя дикой и сумасбродной натурой. Я въ самомъ дѣлѣ была для него какимъ-то *слесомъ*, онъ ожидалъ со

мною; и когда я узнала повѣсть его любви—все мнѣ открылось. Ты помнишь, вчера, какъ я пристально смотрѣла на портретъ твоей матери... Александра поразила мое сходство съ ней, по-крайней-мѣрѣ ему такъ казалось, потомъ, мое положеніе въ гувернанткахъ; все это дополняло образъ, который все еще жилъ у него въ сердцѣ, и онъ перенесъ на меня всю свою любовь; я, т. е. Софья Николаевна, для него почти не существовала, во мнѣ жила для него другая женщина. Когда я это почувствовала, меня оно не оскорбляло, я не имѣла никакихъ требованій, мнѣ было жалко Александра; но *хорошо жалко*, это была почти любовь, но любовь теплой сестры, матери. Прежде, до встрѣчи съ Александромъ, я не жаждала любви, какъ многія русскія дѣвы, я не ожидала отъ жизни и отъ людей ничего крупнаго и не говорила: *я отдамъ свое сердце только тогда, когда оно запалаетъ страстью—нѣтъ!* у меня былъ на это какой-то спокойный взглядъ, несмотря на то, что отецъ мой находилъ во мнѣ страстную натуру. Вотъ почему я и вышла за него.

— Дядя вамъ рассказывалъ про бабушку и папеньку? спросилъ Борисъ.

— Онъ мнѣ рассказалъ про свою любовь до свадьбы... онъ каждый день обращался къ этому. Но о семействѣ онъ молчалъ; говорилъ, что у него нѣтъ связей, что онъ свободенъ. Когда я его спросила: будетъ ли его мать согласна на его бракъ, онъ отвѣтилъ: мать меня давно прогнала изъ дома.

— И однако онъ пріѣзжалъ сюда.

— Ты знаешь, какъ его приняла Целагея Сергѣевна?

— Знаю, тѣтя.

— Вернувшись, онъ мнѣ ничего не сказалъ, точно будто ничего не произошло. Но ты видишь, какъ сильны были и въ немъ домашнія преданія; онъ долженъ былъ впередъ знать, что мать слышать не захочетъ о женитьбѣ на мнѣ: кто я такое въ глазахъ твоей бабушки? Я—отверженное созданіе, незаконная дочь... я мѣщанка... Но дядя твой весь былъ изъ странностей и увлеченій. У него было затаенное желаніе видѣть еще разъ тотъ домъ, гдѣ жила твоя мать—я въ этомъ увѣрена. Онъ поѣхалъ сюда съ твоимъ отцомъ.

— Вы тогда видѣли папеньку?

— Нѣтъ, Александръ не познакомилъ его... и ты понимаешь почему. Скоро послѣ нашей свадьбы онъ страшно измѣнился... Точно, побывавши здѣсь, онъ привезъ съ собой образъ твоей матери, и совершенно охладѣлъ ко мнѣ. Меня это не поразило, мнѣ только стало еще вдвое жаль его. Я видѣла, что съ каждымъ днемъ онъ теряетъ то, что для него было во мнѣ дорого... исчезалъ призракъ, созданный имъ, и съ каждымъ днемъ онъ все слабѣлъ и слабѣлъ; подѣ конецъ я замѣчала даже, что ему тяжело со мной, онъ хотѣлъ бы быть одинъ... не легко было и мнѣ! И такъ мы прожили цѣлый годъ. Тутъ я познакомилась съ твоимъ отцомъ; мы сошлись какъ-то вдругъ; намъ не нужно было объясняться: мы все знали и понимали. Я не знаю, кого мнѣ было болѣе жалко: Александра или отца твоего; я видѣла передъ собою двѣ разбитыя жизни; а помочь ничѣмъ нельзя было, ихъ отношенія были очень хороши. Въ то время, какъ твой отецъ жилъ въ Москвѣ, Александръ немножко посвѣжѣлъ; но послѣ него, черезъ мѣсяцъ, онъ умеръ воспаленіемъ легкихъ. Я тогда только съ новой силой почувствовала, что этотъ чловѣкъ былъ мое любимое дитя, но не страстно любимый мужъ.

Борись, смотря на Софью Николаевну, думалъ то же самое.

— Съ папсенькой вы переписывались? спросилъ онъ.

— Какъ же, и тутъ какое онъ показалъ ко мнѣ участіе! Я знаю, онъ тогда хотѣлъ, чтобъ я пріѣхала сюда, но при Пелагеѣ Сергѣевнѣ это было невозможно. Ты можешь теперь понять, Борисъ, что чувствовала она ко мнѣ, и что еще теперь чувствуетъ? Я, въ глазахъ ея, женщина темнаго происхожденія, которая завлекла въ свои сѣти и уморила ея сына и втиралась въ ея домъ. Да вѣрно она тебѣ это сама говорила.

— Да, да, повторилъ тихо Борисъ, вспоминая сцену съ бабушкой въ залѣ. И послѣ извѣстія о смерти дяди, папенька уже больше не вставалъ, промолвилъ онъ.

— Да; я перестала получать его письма. Мои старики захотѣли, чтобы я съ ними жила; они меня уже ни за что не отпускали опять въ гувернантки. Сестра Вѣра вышла замужъ

и уѣхала съ мужемъ въ Сибирь; Коля поступилъ въ университетъ казеннымъ; семья наша сдѣлалась маленькой; и старики мои обвинялись; бурбонъ умеръ наконецъ. Такъ прошелъ еще годъ. Я заболѣла, и не на шутку, да такъ раза два; и въ послѣднее мое нездоровье получила письмо, писанное твоей рукой. Отвѣтъ мой ты знаешь—я здѣсь: этимъ я все сказала. Старички мои поплакали да отпустили меня. Вотъ моя повѣсть, Борисъ, не большая, но и не маленькая.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Благодарю васъ тѣтя, проговорилъ Борисъ, цѣлуя ея руку. Вы мнѣ все, все рассказали; я точно вышелъ на свѣтъ теперь.

— И никого не обвиняешь?

— Никого.

— Я вотъ тебѣ сказала, что не нужно было Александру встрѣчаться со мной; это, въ-самомъ-дѣлѣ, правда, я его доканала, хоть и безъ причины; одинъ онъ прожилъ бы дольше. Можетъ быть, бабушка Пелагея Сергѣевна и чувствовала это безсознательно, но опять кто виновать?—никто.

— Да, какъ я выслушалъ васъ, тѣтя, проговорилъ Борисъ, трудно сказать, какъ нужно было жить, чтобъ быть всѣхъ счастливей... только какія вы...

— Что я? быстро спросила она.

— Какія вы славныя, какъ вы все кротко принимали...

Онъ не закончилъ фразы и взглянулъ на нее, слегка покраснѣвъ.

— Ахъ, дорогой мой, какъ же иначе-то? Вотъ ты видѣлъ, какъ мнѣ не приходилось въ жизни; я вѣрила только въ одно, что не созданы же люди затѣмъ, чтобъ вѣкъ мучиться, этакъ бы и Бога и свѣта не было. У меня было горе, у тебя тоже есть горе и большое... а будемъ жить, и Богъ дастъ хорошо проживемъ. Она поклонилась и поцѣловала его въ голову. — Мнѣ здѣсь теперь очень привольно: ты вонъ какой хорошій, Маша твоя прелесть... неужели весь вѣкъ будемъ страдать?

— Нѣтъ, не будемъ, повторилъ Борисъ.

— Однако, ты знаешь ли который часъ? Второй; этакъ нельзя, это совершенно по-женски... какъ институтки изди-

ваются до пѣтуховъ. Я тебѣ все рассказала, Борисъ, больше у меня нѣтъ ничего задушевнаго. Вотъ ты мнѣ въ другой разъ расскажешь... Да я знаю, не слыхавши, твою жизнь. У тебя есть, можетъ быть, другія какія тайны? сказала она, улыбаясь.

— Нѣтъ, тетя, никакихъ, проговорилъ Борисъ. Отъ васъ я ничего бы не скрылъ.

— Спасибо, добрый мой мальчикъ, Господь съ тобой. Прощай. Она поцѣловала его въ лобъ и проводила до лѣстницы.

Онъ долго не могъ заснуть, передумывая о томъ, что онъ слышалъ, и мысленно любовался лицомъ Софьи Николаевны, вспоминая каждое движеніе этого лица.

XVII.

Борисъ вѣхалъ въ гимназію точно послѣ вакаціи. Ему казалось, что прошло по-крайней-мѣрѣ мѣсяцъ, а еще недѣли не было съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ вернулся оттуда, въ день смерти отца.

Съ ночи выпалъ снѣгъ. Улица смотрѣла веселѣе обыкновеннаго. Въ саняхъ было покойнѣе сидѣть, чѣмъ въ тряскихъ дрожкахъ; соврасая вятка бѣжала бойче; дорога была мягкая, и снѣгъ блестялъ на солнцѣ.

Большая площадь, точно бѣлая скатерть, уходила вдоль набережной, и сливалась цвѣтомъ съ стѣнами и башнями кремля.

Подъѣзжая къ гимназіи, Борисъ опять перенесся въ свой прежній ученическій міръ: вспомнилъ, какъ его оставили безъ обѣда. Все это казалось ему смѣшнымъ; ему даже не вѣрилось, что онъ такой же гимназистъ, ученикъ седьмаго класса, какъ и недѣлю тому назадъ. Онъ чувствовалъ также, что прежде ему пріятнѣе было приближаться къ гимназіи: онъ тамъ отдыхалъ отъ тоски и тягости большого дома; теперь

совсѣмъ не то: его манило домой; его наполняла дума объ всемъ, что онъ выслушалъ отъ тѣтки. Ея разсказъ, ея воспоминанія расширили какъ-то его жизнь, прояснили ему прошедшее, примирили съ нимъ. И еще дороже стало для него все существо Софьи Николаевны.

Мелочности и барства было очень мало въ натурѣ Бориса, но все-таки въ немъ явилось сознаніе, что онъ теперь почти полный господинъ въ домѣ, не такъ, какъ въ этой гимназіи, гдѣ все пахнетъ Егоромъ Пантелѣичемъ и разными другими уродами.

Шумно встрѣтили Бориса въ классѣ. Даже серьезный Абласовъ просіялъ и долго держалъ его за руку.

— Ну, братъ, Боря, — кричалъ Горшковъ, — мы безъ тебя тутъ совсѣмъ пропали. Ионка насъ грызетъ... „Я, говорить, знаю: у васъ тайное общество есть, на жизнь мою покушаетесь... Я, говорить, васъ всѣхъ въ кантонисты, а Телепнева въ фельдшера, говорить, отдамъ.“

Всѣ расхохотались, а потомъ притихли. Флѣръ, нашитый на рукавъ Бориса, сдержалъ общій взрывъ веселости. Самъ Горшковъ немножко помутился.

И всѣмъ сдѣлалось неловко. Разспрашивать Бориса о смерти отца никто не сталъ; утѣшать его никто не умѣлъ.

Борисъ сѣлъ на свое мѣсто, между Абласовымъ и Горшковымъ.

Абласовъ съ любовью смотрѣлъ на него и даже улыбался.

— Одинъ теперь въ домѣ, спросилъ онъ, съ бабушкой остался?

— Она уѣхала.

— Какъ уѣхала? закричалъ Горшковъ и вскочилъ съ мѣста. Ура!...

— Уѣхала? переспросилъ Абласовъ и придвинулся къ Борису, когда же?

— Вчера. Собралась въ одно утро, взяла съ собой нѣмку и двухъ женщинъ, и отправилась къ себѣ въ деревню.

— Такъ тебѣ лафа! вскричалъ Горшковъ.

— Такъ вы вдвоемъ съ Машей, сказалъ Абласовъ, совсѣмъ хозяиномъ.

— Ахъ! я вамъ и не сказалъ... вѣдь Софья Николаевна пріѣхала.

И, не замѣчая того Борисъ краснѣлъ.

— Это тѣтка-то изъ Москвы, спросилъ Абласовъ и посмотрѣлъ на Бориса своимъ спокойнымъ взглядомъ, немного исподлобья.

Борисъ потупился.

— Кабы вы знали, голубчики, заговорилъ онъ скоро, какъ мнѣ теперь хорошо. Это такая женщина, какой, конечно, мы съ вами не видали. И онъ оглянулъ ихъ быстрымъ и ласкающимъ взглядомъ.

— Собою хороша? спросилъ Горшковъ.

— Да не одна красота, прервалъ Борисъ, какъ добра, какое у ней обращеніе! Мы съ ней точно вѣкъ жили вмѣстѣ... и какъ только она пріѣхала, мнѣ точно и отца не жаль... никакой во мнѣ горечи нѣтъ, и все это въ два дня сдѣлалось, такъ, что и не вѣрится даже.

Раздался звонокъ и Борисъ не досказалъ того, что наполнило его душу.

„Вотъ я и школьникъ,“ подумалъ онъ, „и учиться надо по звонку, наверхъ ужъ не пойдешь.“

Абласовъ и Горшковъ привстали, но продолжали смотрѣть на Бориса. Тонъ его показался имъ чѣмъ-то новымъ.

— Такъ вотъ какъ! тихо проговорилъ Абласовъ, ну и прекрасно!

— Ты все Расскажи, какъ слѣдуетъ, шепнулъ Борису Горшковъ когда дверь отворилась и вошелъ Самородскій.

— Хорошо, въ перемѣну,—отвѣтилъ Борисъ и обернулся въ уголь на молитву.

Самородскій, какъ только увидѣлъ Бориса, подозвалъ его. Смерть Николая Дмитриевича была, конечно, извѣстна всѣмъ въ гимназіи. У Ардальона Захаровича сердце было доброе; онъ съ истиннымъ участіемъ началъ спрашивать Бориса объ отцѣ, о наслѣдствѣ, о томъ, куда онъ собирается въ университетъ, и проболталъ съ нимъ съ полчаса.

Борисъ чувствовалъ, что ему легко теперь говорить о своихъ душевныхъ, домашнихъ дѣлахъ; прежнее безпокойство прошло и замѣнилось другимъ душевнымъ состояніемъ, прав-

да, немного возбужденнымъ, но съ какими-то пріятными ожиданіями, съ большей внутренней силой и возмужалостью. Онъ видѣлъ также, что и съ нимъ начинаютъ говорить другимъ тономъ. Ардальонъ Захарычъ обращался къ нему не какъ къ ученику своему, безъ менторскаго и даже безъ шутиливаго тона, а просто серьёзно, не употребляя даже ни разу; *«русавецъ и зѣле»*.

„Неужели это отъ того, что я получилъ наслѣдство? мелькнуло въ мысляхъ Бориса, отъ того что у меня домъ“

Онъ замѣтилъ, между прочимъ, и то, что Самородскій много стѣсняется, говоря ему *ты*.“

Сидя на своемъ мѣстѣ и слушая, какъ монотонно отвѣчаютъ уроки, Борисъ задумался и опять все-таки же о *тетѣ*.

XVIII.

Прозвонили еще разъ, Самородскій смѣнился Коряковымъ. Коряковъ послѣ исторіи, хоть она и кончилась невыгодно для учениковъ, сталъ приличнѣе и просидѣлъ цѣлый классъ, не двигаясь, безстрастно, вызывая учениковъ и никого не награждая эпитетами.

Бориса онъ вызвалъ и спокойно выслушалъ его извиненіе.

Въ перемѣну Горшковъ, Абласовъ и Борисъ зашли за доску, свое любимое мѣсто.

— Вы, пожалуйста голубчики, приходите ко мнѣ, сказалъ Борисъ, смотря на нихъ обоихъ, теперь у насъ въ домѣ свободно.

И онъ покраснѣлъ, говоря это. Точно будто онъ обрадовался смерти отца.

— Ты хозяинъ теперь, замѣтилъ Абласовъ.

— Помѣщикъ, ввернулъ Горшковъ и потрепалъ Бориса по плечу. Ну, ты Расскажи-ка, Боря, какъ же вы тамъ размѣстились... опекунъ какъ...

— Прекрасный, братъ, человѣкъ; онъ теперь хлопочетъ о завѣщаніи; въ домѣ еще будетъ много возни. Я тетенькѣ отдалъ мою комнату, а самъ помѣстился внизу.

— Гдѣ отецъ жилъ? спросилъ Абласовъ.

— Да, въ его спальнѣ; неудобно ей тамъ поселиться. Теперь и диванная стоитъ пустая; да тетенькѣ наверху больше нравится.

— Не вѣрится мнѣ, Боря, началъ Горшковъ, что бабушка твоя исчезла; это она только пошутила. Я себѣ и представить не могу: какъ это вдругъ въ вашемъ дикомъ домѣ да не будетъ бабушки.

— Видно, не будетъ, голубчики. Страшная она какая. Я ее право не понимаю.

— А что? спросилъ Абласовъ.

— Да вотъ передъ отъѣздомъ. Вѣдь вы знаете, что она тетиньку терпѣть не можетъ: дядя женился безъ позволенія. Ну и третьяго дня ее поразилъ пріѣздъ тетеньки. Та къ ней прямо пришла, а вечеромъ бабушка рѣшила уже ѣхать на другой день утромъ... и меня поймала, и такія мнѣ вещи говорила, что просто, братцы, у меня голова кругомъ пошла. Да еще передъ тѣмъ, призвала Ѳедора Петровича и меня. Я имѣнья, говоритъ, не хочу чужаго, ей вѣдь седьмая часть шла изъ дѣдушкинаго...

— Отказалась? спросилъ Абласовъ.

— Вретъ, такъ пошутила, вскричалъ Горшковъ.

— Какъ пошутила, не хочу да и кончено. А на другой день меня опять призвала; отдала мнѣ деньги какія-то, это, говоритъ экономія отъ годоваго расхода; а тамъ дватцать тысячъ, возьмите, говоритъ, я чужимъ не пользуюсь.

— Ну, значить, такой стихъ напалъ, великодушничала, сказалъ Горшковъ съ гримасой, дай-молъ удивлю.

— Все это прекрасно Валерьянъ, возразилъ Борисъ; да тонъ-то у ней совсѣмъ другой былъ, она точно съ чувствомъ все это говорила.

— Да что жъ тутъ мудренаго, промолвилъ Абласовъ, вѣдь ей нелегко, чай, было изъ дома-то выѣзжать; какова она ни была, не безчувственная вовсе, ну, вотъ она такъ и показала себя...

— Миѣ ее жаль было братцы, перебилъ Борисъ, ей-богу жаль! Пускай-бы жила-себѣ, да вѣдь ее ужъ ни чѣмъ не перезѣлаешь, а съ тетенькой бы она ни за что не ужилась; сна съ ней и проститься не хотѣла.

Видно было, что Борисъ гораздо сообщительнѣе съ товарищами; слова такъ и лились у него, чего прежде не бывало.

— А очень молода тетка-то? спросилъ Горшковъ.

— Ей двадцать-пятый годъ всего, а на видъ она еще молоде.

— Такъ она теперь попечительница надъ вами, промолвилъ Албасовъ, имѣніемъ и всѣмъ будетъ завѣдывать?

— Ну, по имѣнью-то больше будетъ Федоръ Петровичъ. Маша поступить подъ ея начальство. Она, вѣдь, братцы, гувернанткой была. Да ея жизнь замѣчательная... лучше для Маши и придумать нельзя; и какъ она ее любитъ! Только говорить все, чтобъ мы ее не считали теткой; это, говорить, черезчуръ важно; ты, говорить, меня въ генералы производишь.

Какъ-то особенно пріятно было Борису передавать друзьямъ своимъ всѣ эти маленькія подробности.

— Такъ тетка-то твоя, выходитъ, молодецъ, Боря! вскричалъ Горшковъ. Я очень радъ. Мы, этакъ, значить, заживемъ.

— Вотъ теперь-то, Валерьянъ, ты можешь начать съ Машей.

— Ахъ! и въ самомъ дѣлѣ; ладно, братъ, идетъ. Ну, а тетка-то какъ насчетъ музыки?

— Не знаю, не спрашивалъ; да вѣрно музыкантша.

— Это ты почему знаешь?

— Да такъ ужъ видно.

Албасовъ тихо улыбнулся.

— Ты Телепневъ смотри, проговорилъ онъ медленно, не влюбись въ тетку-то; что-то ты ужъ очень того...

Борисъ вдругъ покраснѣлъ.

— Ай-ай-ай! закричалъ Горшковъ, смотри-ка, какъ онъ разбурянился. Вотъ ты куда махнулъ!...

Онъ его взялъ въ сторонку.

— Надя-то все плакала... о тебѣ, знаешь ли ты это, безчувственное животное?

— Она добрая дѣвочка.

— Дѣвочка!.. Какъ ты это говоришь! Хамъ ты послѣ этого.

— Не сердись, Валерьянъ, сказалъ Борисъ ласково. Ты непременно желаешь, чтобъ я къ ней пыталъ... Абласовъ разсуди насъ... Валерьянъ хочетъ, чтобъ я былъ влюбленъ въ Надю.

— Ничего я не хочу. Я объявляю только, что ты эзопъ африканскій!

— Ты оставь его въ покоѣ, сказалъ Абласовъ Горшкову, указывая на Бориса... ты видишь, онъ теперь совсѣмъ другой человѣкъ сталъ.

— Какъ другой? спросилъ Борисъ.

— Разумѣется, отвѣчалъ Абласовъ съ тихой улыбкой; и такъ ты гораздо лучше.

— Въ самомъ дѣлѣ, спросилъ Борисъ съ разстановкой.

— Я тебѣ говорю, ужь вѣрь мнѣ.

— А въ самомъ дѣлѣ, вскричалъ Горшковъ, ты мнѣ больше нравишься уродъ!

— Такъ когда же вы ко мнѣ братцы? спросилъ Борисъ; соберетесь послѣ-завтра вечеромъ.

— Тетка-то твоя важная поди, сказалъ Абласовъ.

— Да ты видишь какая... полно Абласовъ, совсѣмъ простая—никого ужь не стѣснить, повѣрьте. Да мнѣ съ тобой нужно еще объ дѣлѣ переговорить.

— Что такое, спросилъ Абласовъ.

— Мы съ тетенькой еще не рѣшили на счетъ Машинныхъ уроковъ.. а я думаю она тебя попросить помочь ей.

— Какимъ же это наукамъ? проговорилъ Абласовъ.

— Да тамъ увидишь.. ариѳметикѣ.

— Вѣрно ариѳметикѣ, ввернулъ Горшковъ... Тамъ тетка, хоть и первый сортъ, а все, чай, слаба на счетъ десятичныхъ дробей; эта премудрость имъ не дается.

Горшковъ вдругъ остановился. За доской въ классѣ послышался голосъ пузатаго инспектора.

— Журналъ подать, гдѣ старшій? кричалъ Егоръ Пантелѣвичъ.

— Абласовъ, слышишь! шепнулъ Горшковъ, тебя кличетъ. Всѣ трое вышли изъ-за доски.

Инспекторъ не много попятился увидавъ Бориса.

— Телепневъ, закричалъ онъ, когда изволили пожаловать?

— Сегодня, Егоръ Пантелѣвичъ, отвѣчалъ Борисъ.

— Что такъ долго?

Борисъ ничего не отвѣчалъ.

— Я васъ спрашиваю, повторилъ инспекторъ.

— Нельзя было. Я отца хоронилъ.

— Надо было записку.

— Отъ кого же, Егоръ Пантелѣвичъ, спросилъ улыбаясь Борисъ.

— Какъ, отъ кого?.. Почему я знаю, кто у васъ тамъ родственники?

— Бабушка моя уѣхала... я одинъ съ маленькой сестрой, такъ отъ нея что ли прикажете записку?

Инспекторъ покраснѣлъ, и проворчалъ.

— Глупости все говорите, у васъ все отговорки. Развѣ вы одни теперь остались? спросилъ онъ перемѣнивши нѣсколько тона.

— Одинъ, отвѣтилъ Борисъ.

— Вѣдь вы еще несовершеннолѣтній... какъ же вы будете управлять имѣніемъ?

— Опекунъ есть.

Борисъ говорилъ такимъ голосомъ, что Егоръ Пантелѣвичъ не продолжалъ дальше распросовъ.

Онъ придрался сейчасъ же къ Абласову.

— Никогда васъ нѣтъ, заворчалъ онъ, никогда не придете съ журналомъ.. покажите мнѣ.

Абласовъ подалъ.

— Не явившихся никогда не записываете. Все стачка, товарищество глупое! Я знаю, что у васъ теперь завелось шатанье, отлыниванье отъ классовъ... по трактирамъ, по харчевнямъ сидите... дебоширите. Погодите! поймаю я кого-нибудь вотъ послѣ звонка... будете вы у меня гулять!.. Вѣрно кто-нибудь не пришелъ?

— Всѣ въ классѣ,—проговорилъ сумрачно Абласовъ.

— Знаю я васъ!.. Я вотъ загляну въ третью лекцію

Егоръ Пантелѣвичъ, по старинной семинарской привычкѣ, любилъ называть классы *лекціями*.

Помявшись на одномъ мѣстѣ, и перелистовавши, для *контенансу*, журналъ, пузатый инспекторъ потекъ изъ класса.

— Тумба тротуарная, — крикнулъ ему вслѣдъ Горшковъ. Господа! составимте подписку, лотерею устроимте, въ пользу умалишенныхъ... посадимте Егорку на общій счетъ въ желтый домъ, моченьки нѣтъ слушать его нелѣпости!

Выскочилъ Мечковскій, и ни съ того, ни сего прошелся колесомъ по залѣ.

Это почти всегда бывало послѣ всякой сцены съ начальствомъ. Мечковскій исполнялъ эту роль очень добросовѣстно.

— Bravo Мечковскій! еще, *bis!*—закричали всѣ .. Мечковскій повторилъ, къ общему удовольствію, и непосредственно за симъ перешелъ къ другой роли.

XIX.

Вошелъ Ергачевъ, учитель словесности. Мечковскій выскочилъ опять на средину класса и началъ пищать: Препоблагій Господи!

Ергачевъ очень любилъ Бориса. На этотъ разъ онъ его подозвалъ къ каюдрѣ, и долго говорилъ съ нимъ, что случилось чрезвычайно рѣдко.

— Я вотъ всѣмъ сочиненія задамъ, сказалъ онъ между прочимъ, такъ вы можете и подождать, теперь у васъ такое время.

— Нѣтъ, я постараюсь написать, отвѣтилъ Борисъ, мнѣ теперь хотѣлось бы, что-нибудь получше, да знаете Иванъ Егорычъ, а... вѣдь намъ, гимназистамъ, ужасно трудно писать: размышленія — все антимонію на водѣ разводишь, ничего мы порядкомъ не видали; да и думали-то мало... описанія... опять вода...

— Вамъ рассказы надо писать,—сказаль Ергачевъ, у васъ тонъ вѣрный, языкъ сжатый... наблюдательность есть... что видѣли да слышали, то и пишите, а чужаго-то не надо.

— Вотъ именно мнѣ бы и хотѣлось... знаете изъ себя что-нибудь, только ужъ вы повремените Иванъ Егорычъ, я въ срокъ-то пожалуй, и не представлю.

— И не нужно, проговорилъ Ергачевъ, это не такое дѣло. Вѣдь насъ заставляютъ... Да вотъ, если у васъ что-нибудь порядочное выйдетъ — бесѣду надо литературную сдѣлать... И директоръ все толкуеть... ну хоть черезъ мѣсяць.

— Черезъ мѣсяць я напишу, сказалъ Борисъ.

— Хорошо, а сегодня вотъ почитайте вслухъ. Демона прочтите.

Борисъ сѣлъ на мѣсто, и началъ читать.

Особенно пріятно звучаль стихъ въ его чтеніи. Онъ увлекся и замечтался... Ему живо представилась эта Тамара, съ черными, глубокими какъ ночь, глазами, такими, какъ у тети, досказаль онъ мысленно. И каждый стихъ, каждый поэтический образъ отзывался у него на сердцѣ, находилъ мѣсто въ его внутреннемъ мірѣ, точно что-нибудь родное, знакомое. Вся прекрасная жизнь, воздвигнутая передъ глазами могучимъ дарованіемъ поэта, воспринималась Борисомъ, сознательнѣе, живѣе, съ тѣмъ сострастіемъ, какое является въ молодыхъ натурахъ, начинающихъ, болѣе полную, болѣе свѣтлую жизнь.

И то, почему прежде только скользила мысль, что только щекотало ухо, получало теперь настоящій смыслъ, живой обаятельный образъ, рождало новыя чувства, уносило въ чудный міръ, гдѣ все стройно, все прекрасно и такъ правдиво и возможно.

Борисъ уже позабылъ, что онъ въ классѣ, онъ не замѣтилъ что вдоль и поперегъ ходить сухая, прозаическая фигура Ергачева, что Мечковскій играетъ въ дурачки со Скворцовымъ, что въ дверь смотреть сморщенная, желтая рожа Куртина. Онъ читаль.

И улыбається опа
Веселья дѣтскаго полна

Но лучъ луны во влагѣ зыбкой
Слегка играющій порой,
Едвадь сравнится съ той улыбкой.
Какъ жизнь, какъ молодость живой.

И ему вспоминалась эта улыбка, онъ зналъ ее также хорошо какъ и поэтъ, она улыбалась ему и будетъ еще улыбаться и будетъ краше еще радостнѣе.

Точно изъ себя самага лились звуки, вязались слова такъ, какъ того просила душа.

Развѣ это не правда? спрашивалъ Борисъ читая:

Но были всѣ ея движенья
Такъ стройны полны выраженья
Такъ полны милой простотой,
Что если-бъ Демонъ, пролетая,
Въ то время на нее взглянулъ,
То, прежнихъ братій вспоминая,
Онъ отвернулся-бъ и вздохнулъ.

И все глубже и глубже затягивалъ Бориса міръ красоты и силы, всё прозрачнѣе становилось для него каждая строчка.. Тотъ ли это демонъ, который, онъ еще тринадцати лѣтъ, въ засаленыхъ тетрадкахъ читалъ и заучивалъ наизусть. Онъ кажется самъ переживалъ каждый моментъ душевной драмы; онъ радовался каждому слову, которое выражало его новую жизнь. Онъ начиналъ чувствовать, почему поэты дѣйствительно поэты, а не простые люди.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, росло его волненіе; драма, кипящая въ чудной поэмѣ захватывала его дыханіе, будила въ немъ какія-то страшныя предчувствія... и вызывало снова, ту тревогу, отъ которой онъ уже прорывалъ цѣлую ночь.

Все затихло въ классѣ. Горшковъ сидѣлъ, закрывши лицо руками; Абласовъ смотрѣлъ на Бориса задушевымъ мягкимъ взглядомъ; прочіе слушали приподнявшись на мѣстахъ подчиняясь силѣ и чувству, которыми полно было чтеніе. Ергачевъ стоялъ по срединѣ класса, заложивъ руки въ карманы.

— Bravo крикнулъ Горшковъ и взглянулъ быстро на Бориса. Тотъ весь разгорѣвшись, перевернулъ страницу и читалъ дальше. Онъ не могъ уже остановиться. Его влекло; точно будто онъ не зналъ, чѣмъ кончится эта повѣсть.

И въ судьбѣ Тамары онъ видѣлъ чью-то близкую судьбу. Читая картину прекрасной смерти, онъ не могъ отогнать отъ себя мысли, что, вѣдь, и она можетъ умереть... Въ нашемъ домѣ всѣ умирають, повторялъ онъ... А вѣдь и мертвая она будетъ улыбаться. И въ отвѣтъ на свою странную мысль онъ читалъ.

Но тѣмень, какъ сама могила,
Печальный смыслъ улыбки той.
Что въ ней? насмѣшка-ль надъ судьбой
Непобѣдимое ль сомнѣнье,
Иль къ жизни хладное презрѣнье,
Иль съ небомъ гордая вражда?

Еслибъ когда-нибудь, въ другое время, ему пришли такія странныя мечты, онъ бы разсмѣялся или удивился, какъ чему-то неприличному въ его лѣта, и въ его положеніи. Борисъ, съ дѣтства привыкшій сдерживать себя, не находилъ теперь дикой такую впечатлительность; онъ не задавалъ себѣ благоразумныхъ вопросовъ; теперь въ глазахъ его все было возможно и естественно.

Когда онъ кончилъ, на лбу его показался потъ; онъ почувствовалъ утомленіе — и ему стало немного стыдно за свой пафосъ.

— Славно прочелъ! вскричалъ Горшковъ, — никогда еще на-меня Лермонтовскіе стихи такъ не дѣйствовали.

Многіе изъ учениковъ захопали.

Борисъ долго не могъ ничего сказать; ему хотѣлось уйти изъ класса, остаться одному, не показывать всѣмъ товарищамъ, что онъ тронутъ.

— Повтори послѣднія строфы! кричалъ Горшковъ. — Иванъ Егорычъ, позвольте еще разъ повторить.

Ергачовъ кивнулъ головой.

— Боря, пожалуйста повтори, — приставалъ Горшковъ.

— Нѣтъ, Валерьямъ, отвѣтилъ Борисъ, я усталъ.

— Ну маточка, пожалуйста, не кобенься, коли просятъ тебя.

Борисъ началъ опять читать и снова передъ нимъ проходили прекрасные образы, тайное, страстное свиданье и поцѣлуй и крикъ, въ которомъ было:

Любовь, страданье
Упрекъ съ послѣднею мольбой,
И безнадежное прощанье—
Прощанье съ жизнью молодой.

И картина прекрасной смерти, гробъ изукрашенный цвѣтами и чудное лицо съ вѣчной и неразгаданной улыбкой, и свѣтлый рай съ легкокрылымъ ангеломъ, несущимъ грѣшную душу, и встрѣча съ мрачнымъ демономъ.

Точно какой внутренній голосъ подсказывалъ ему чудныя слова:

Узнай! давно ее мы ждали!

Ему пришла мысль, что еслибъ тотъ же ангелъ несъ душу ея, онъ сказалъ бы тѣ же слова и такъ же бы кончилъ:

Она страдала и любила—
И рай открылся для любви!

Прозаическій звонокъ не далъ Борису докончить самыхъ послѣднихъ строкъ поэмы.

Слѣдующій урокъ, у француза, онъ ничего не дѣлалъ, немножко поболталъ съ учителемъ и стало ему ужасно скучно въ этой однообразной, пошлой гимназіи. Только тутъ онъ впервые почувствовалъ, какъ безцвѣтно проходитъ у всѣхъ цѣлая половина дня, тогда какъ она могла быть наполнена настоящей жизнью.

Еслибъ ему не было совѣстно, онъ сейчасъ убѣждалъ бы, рискуя даже попасться инспектору и просидѣть еще разъ безъ обѣда.

„А что, если меня теперь какъ-нибудь оставятъ. подумалъ онъ; какъ я явлюсь къ тѣтѣ? Ничего!“, отвѣтилъ онъ.

И не обманывалъ себя; онъ не чувствовалъ при этой мысли никакого особеннаго смущенія. Ихъ отношенія были уже на столько просты и задушевные, что онъ не боялся явиться передъ ней школьникомъ. Борисъ чувствовалъ, что она его уже знаетъ, и нечего ему драпироваться, казаться *большимъ*, когда онъ, въ самомъ-дѣлѣ, былъ не *маленькій*.

— Идѣть, послушай Абласовъ, говорилъ Горшковъ, согласишься, что у Телеснева нынче было что-то особенное... чувство какое... глубина, братецъ, какая... вѣдь я не изъ слезливыхъ, а просто меня прошибло. Послушай, Боря, Боря, да проснись!

— Что? спросилъ Борисъ, поднимая голову, которую онъ держалъ опущенной на сложенные руки.

— Что? Ты куда занесся? Богъ знаетъ, что съ нимъ такое... И потомъ, точно вспомнивъ, что три дня передъ тѣмъ были похороны борисова отца, Горшковъ проговорилъ: съ тобой ничего не случилось вотъ на этихъ дняхъ?

— Ничего, отвѣтилъ Борисъ, разсѣянно, а что?

— Ахъ, какъ ты надоѣлъ съ своимъ “а что!”, А то, что ты, должно быть влюбился въ кого-нибудь... Ты вѣдь нынче всѣхъ насъ въ чувствіе привелъ, просто, Мочаловъ какой-то!.. Хоть сейчасъ ручьи слезъ проливай!.. Вотъ и дѣдушка Абласовъ изрекъ, что это не проста.

— Влюбленъ должно быть, проговорилъ Абласовъ, поглядывая искоса на Бориса.

— Ужъ не въ Надю-ли опять? шепнулъ Горшковъ на ухо, давно бы пора, неблагодарный эеіопъ!

Борисъ ничего почти не слыхалъ, что ему говорилъ Горшковъ, и когда прозвонили, онъ, точно первоклассникъ, бросился въ шинельную

XX.

Съ особеннымъ удовольствіемъ садился Борисъ въ сани и думалъ о возвращеніи домой. Онъ зналъ, что его тамъ ждали, и будутъ встрѣчать, и скажутъ ласковое слово. Дорогой онъ перетолковалъ съ Θεованомъ, насчетъ лошадей. Въ послѣднее время на конюшнѣ стояло до десяти лошадей; но порядочныхъ не было и четверки. Всѣ онѣ, отъ долгаго стоянья, сѣли на ноги; надо было ихъ продать и завести нѣсколько молодыхъ, хорошихъ лошадей.

Борисъ толковалъ о лошадяхъ, а самъ думалъ совсѣмъ о другомъ.

— Я тебя позову какъ-нибудь Θεованъ, сказалъ онъ ку-

черу, мы съ Ѳедоръ Петровичемъ переговоримъ объ этомъ.

— Слушаю-съ, отвѣтилъ Ѳеофанъ; только батюшка, Борисъ Николаичъ, вотъ эту савраску надо ужъ оставить при домѣ, лошаденка надежная, послать за кѣмъ, или другое что...

— Хорошо, хорошо, отвѣтилъ скороговоркой Борисъ.

Въ эту минуту сани въѣхали въ ворота.

Борисъ не обманулся: его ждали, Софья Николаевна и Маша ходили по залѣ, и вмѣстѣ подошли къ нему.

— Вотъ ты опять гимназистъ, кричала Маша, дергая его за полы сюртука.

— Ахъ, вотъ ты какой, въ красномъ воротникѣ! сказала Софья Николаевна, протягивая ему руку.

Дома Борисъ носилъ партикулярное платье.

Ему сдѣлалось немного стыдно своего красного воротника

— Ну, какъ ты въ гимназіи? продолжала Софья Николаевна.

— Все по старому пошло; съ инспекторомъ немножко побранился.

— За что же?

— Требовалъ, чтобъ я непременно записку представилъ, почему не былъ. Я предложилъ вотъ отъ Маши привести записку

— Полно, полно, не пиши! сказала ласково Софья Николаевна, начальство надо уважать; этакъ ты и со мной затѣнешь войну.

— Да вѣдь у насъ съ нимъ давнишняя борьба; онъ меня за революціонныя мысли не долюбливаетъ.

— Вы не знаете тетя, заговорила Маша, его этотъ инспекторъ на той недѣлѣ вдругъ взялъ, да и оставилъ безъ обѣда.

— Какъ это? спросила Софья Николаевна, и во всѣ глаза поглядѣла на Бориса?

— Очень просто, тетя, взялъ да и велѣлъ запереть, отвѣтилъ онъ.

— Вотъ тебѣ и стыдно теперь, сказала она, смѣясь, — вонъ какъ покраснѣлъ.

Борису въ-самомъ-дѣлѣ было стыдно, но не потому, что онъ сидѣлъ безъ обѣда, а потому, что онъ вдругъ покраснѣлъ.

Онъ расмѣялся, довольно-непринужденно и проговорилъ:
— Что жъ дѣлать, тетя, наше дѣло подначальное, я еще школьникъ, ну, и наказанія школьныя.

Софья Николаевна подарила его улыбкой.

— И слава Богу, сказала она.

— Его, тетя, тогда не за лѣность наказали, вмѣшалась Маша, — онъ вѣдь умный; Борисъ, заступился за какого-то гимназиста. Инспекторъ у нихъ злющій такой!

— Правда ли? спросила Софья Николаевна.

— Правда, отвѣтилъ Борисъ, скромно опуская глаза.

— Прощаю и разрѣшаю на будущее время оставаться безъ обѣда, сказала Софья Николаевна и помолчавъ, прибавила: неужели у васъ въ ходу такія глупыя наказанія? Нѣтъ ужъ лучше не оставайся, Борисъ въ другой разъ, а то мнѣ будетъ за тебя досадно.

Борисъ поглядѣлъ на нее, и выраженіе ея лица особенно понравились ему въ эту минуту. Что-то говорило ему, что она дѣйствительно не считаетъ его школьникомъ.

— А что вы сегодня дѣлали, тетя? проговорилъ онъ.

— Ахъ, очень многое! Опекунъ былъ; мы съ нимъ толковали часа два, все объ дѣлахъ; онъ мнѣ показывалъ вѣдомости разныя, сказки, крѣпости и разныя разности... Это для меня все ново, но я кой-что понимаю, и мы съ тобой, Борисъ, все это еще разъ пересмотримъ. Онъ говорилъ, что самъ отправится скоро по деревнямъ, чтобъ все на мѣстѣ осмотрѣть.

— Разумѣется, нужно осмотрѣть, отвѣтилъ Борисъ; въ болѣзнь папеньки все заглазно дѣлалось. Ну, а съ Машей вы какъ условились?

— Тетя со мной ужъ занималась, заговорила Маша: у насъ былъ урокъ грамматики; тетя сказала, что я мало дѣлаю ошибокъ.

— Мы съ ней будемъ заниматься по утрамъ каждый день.

Борисъ хотѣлъ переговорить съ Софьей Николаевной объ урокахъ музыки, о Горшковѣ и Абласовѣ, но человѣкъ пришелъ доложить, что кушать подано.

— Ахъ, Борисъ! сказала Софья Николаевна, ты знаешь, что мы обѣдаемъ въ бильярдной?

— Какъ при дѣдушкѣ, — замѣтилъ Борисъ, — это всего удобнѣе. Но что намъ теперь дѣлать съ диванной?

— Я бы туда перешла, отозвалась Софья Николаевна, только я такъ далеко буду отъ Маши. Тебѣ, Борисъ, можетъ, хочется перейти наверхъ?

— Нѣтъ, тетя, пожолуйста, оставайтесь тамъ; мы будемъ сидѣть въ диванной по вечерамъ, сдѣлаемъ изъ нея хорошенькую гостиную...

— И вотъ я тебѣ еще что скажу, продолжала Софья Николаевна: я нынче сама обѣдъ заказывала ты увидишь много ли у мѣня воображенія.

— Ахъ, какъ радъ! вскричалъ Борисъ, ужь вѣрно не будетъ ножекъ и жованыхъ котлетъ.

Маша разсмѣялась.

— Я знаю, что будетъ, говорила она, да не скажу тебѣ, Борисъ.

Столъ былъ накрытъ по сю сторону бильярда. Борисъ не узналъ большого дикаго дома въ сервировкѣ стола. Скатерть и салфетки поражали своей чистотой, тарелки были точно другія, затрапезные ножи и вилки замѣнены новыми. Митька буфетчикъ стоялъ въ новомъ фракѣ, и его физіономія не была такъ грязна, какъ обыкновенно.

— Я вижу, что вы теперь хозяйка, шепнулъ Борисъ.

Ножки и жованья котлеты уже болѣе не появлялись. Заказанъ былъ очень хорошій обѣдъ. Его, точно, готовили совсѣмъ другіе повара. Супъ смотрѣлъ супомъ, а не болтушкой; все было вкусно; Маша ѣла улыбаясь, поглядывала на тетку, и передъ каждымъ блюдомъ спрашивала Бориса: а что теперь подадутъ, отгадай, Боря?

— Вы чудеса творите, тетя, говорилъ Борисъ Софьѣ Николаевнѣ, я не узнаю нашихъ поваровъ.

— Да они совсѣмъ не такъ дурны, отвѣчала она, только ихъ приучили готовить жованое... И ужь ихъ призывала...

— И вѣрно находите, что довольно будетъ и одного, а не трехъ?

— Конечно, отвѣтила она, здѣсь все было съ излишкомъ...

— И все дурно, промолвилъ тихо Борисъ.

Послѣ обѣда всѣ отправились наверхъ.

— Тѣтя, я пойду урокъ учить, что вы задали къ завтраму, сказала Маша и прошла къ себѣ въ комнату.

Борисъ вошелъ къ Софѣ Николаевнѣ и поторопился заговорить съ ней.

— Вотъ, тѣтя, началъ онъ, что я хотѣлъ вамъ сказать на счетъ Маши: я бы могъ попросить одного изъ моихъ товарищей раздѣлить съ вами занятія, напримѣръ учить ее ариметикѣ; да я и самъ, у меня время есть.

— Нѣтъ ужъ, голубчикъ, вы на себя-то не берите. Что же я-то стану дѣлать? Сложу ручки сидѣть? Машу я немножко проэкзаменовала и вижу чему и какъ ее учили. Вы теперь кончаете курсъ: вамъ время дорого. Ариметику я, пожалуй, уступлю. Кого же вы думаете просить?

— Одного изъ самыхъ близкихъ товарищей, Абласова — славный малый! а другой мой товарищъ, Горшковъ — прекрасный музыкантъ, талантъ огромный; онъ бы могъ учить Машу музыкѣ. У нея слухъ хорошій, а до-сихъ-поръ она еще не начинала, въ домѣ была всегда тишина...

— Ты меня обижаешь, Борисъ: никакихъ во мнѣ дарованій не признаешь...

— А вы музыкантша? быстро спросилъ онъ.

— Ну, не музыкантша это слишкомъ громко, а играю.

— И поете, тетя?

— И это тоже.

— Ахъ, какъ это хорошо! Мы будемъ пѣть дуэты?

— Будемъ, будемъ! Вотъ видишь, сколько у меня талантовъ, — продолжала она. А твой товарищъ хорошій музыкантъ?

— Какъ же, тетя, помилуйте, это огромный талантъ; онъ композиторъ, потому-то я и думалъ...

— Что же, и прекрасно! мужское ученье всегда лучше, особенно въ музыкѣ: строже и серьезнѣе. Только какъ же мы все это распредѣлимъ?

Они сѣли на диванъ и долго толковали объ урокахъ Маши.

— Вы мнѣ позвольте, тетя, представить вамъ моихъ товарищей, сказалъ послѣ того Борисъ; они общались ко мнѣ завтра вечеромъ.

— Пожалуйста, голубчикъ, мнѣ хочется войти въ твою

жизнь, познакомиться со всѣми твоими интересами. Тебѣ не нужно ли заниматься? вдругъ спросила она.

Борисъ сейчасъ же почувствовалъ себя ученикомъ.

— Вы хотите, тетя, сказать: не нужно ли мнѣ уроки готовить?

— Вѣдь нужно? сказала она улыбаясь.

— Разумѣется, нужно. Я все это время совсѣмъ позабылъ о своей гимназiи. Когда же было заниматься? я уроки готовилъ урывками, между классовъ.

— А ты изъ хорошихъ учениковъ? спросила она.

— Я сижу вторымъ, — отвѣтилъ Борисъ и немножко потупился...

— Такъ, значить, ты очень хорошо учишься?

Слово *учишься* непрiятно зазвучало въ ушахъ Бориса.

— Нѣтъ, тетя, промолвилъ онъ, вѣдь кабы вы знали, что у насъ такое гимназiя... Право, стыдно сказать, что учимся... такъ все идетъ, какъ говорится, черезъ пень колоду. Я, вотъ, считаюсь лучшимъ ученикомъ, а ничего порядочно не знаю, все по верхамъ. Да и трудно ли у насъ быть на хорошемъ счету? Въ послѣднее время мнѣ и въ книгу-то заглянуть некогда было, а я все сидѣлъ вторымъ.

Софья Николаевна слушала его внимательно и съ любопытствомъ глядѣла на его оживленное лицо.

— А много ты читалъ? спросила она.

— Теперь ничего не читаю, тетя; прежде читалъ много, да все такъ, безъ порядка, что попадется.

— Будемъ читать вмѣстѣ по вечерамъ, сказала Софья Николаевна. Я привезла съ собой свои любимыя книги. Знаешь, книги, какъ люди, только тогда онѣ и хороши, когда ихъ полюбишь. Ты по англійски знаешь?

— Нѣтъ, тетя начиналъ учиться; и кое-что болтаю, но хорошенько не знаю.

— Хочешь учиться у меня?

— Ахъ, голубушка! вырвалось у Бориса, и онъ вдругъ остановился; ему сдѣлалось совѣстно, что онъ такъ называлъ тѣтку

— Что жъ ты остановился? ты думаешь, я обидѣлась, что ты меня называлъ голубушкой? Отчего же, если я тебя зову

голубчикъ, ты мнѣ не можешь сказать голубушка?

И она разсмѣялась.

— Я, тѣтя, объ томъ только и мечталъ, заговорилъ Борисъ, чтобы мнѣ выучиться по-англійски.

— Вотъ и прекрасно! Я тебѣ буду давать уроки три раза въ недѣлю: по вторникамъ, по четвергамъ и по субботамъ, послѣ чая. Ты умѣешь читать и говорить даже?

— Такъ, немножко. Я выучился у Телянинихъ, въ семействѣ одного моего товарища.

Софья Николаевна встала.

— Ну, голубчикъ мой, сказала она, ступай заниматься, я тебя прогоню.. Ненужно раскисать: жизнь-то такъ и плыветъ, кусочекъ за кусочкомъ, а тамъ, глядишь, и ничего не сдѣлае. Голько вотъ что: мнѣ тебя жаль, ты тамъ внизу, одинъ въ спальнѣ... Она помолчала.—Тяжело тебѣ, спросила она, взявши его за руку, право, лучше ты опять сюда переселись.

— Нѣтъ, тѣтя, надо же привыкнуть, надо работать по-лучше, да вотъ бѣда-то: совсѣмъ это меня не удовлетворяетъ.

Она улыбулась.

— Ты въ большіе ужъ очень глядишь, Борисъ.

Борисъ покраснѣлъ.

— Нѣтъ, тетя, я совсѣмъ...

— Знаю, вижу, что не рисуешься. Да вотъ чтó я тебѣ скажу добрый мой: ты вообрази, что ты не гимназистъ, а студентъ; вѣдь и имъ приходится учить не все занимательныя вещи... Ну, прощай. Мнѣ надо также письмо написать въ Москву. Чай будемъ у меня, здѣсь, пить.

Борисъ поцѣловалъ у тѣтки руку и медленно началъ спускаться внизъ.

Яковъ, по обыкновенію, ходилъ въ бильярдной. Борисъ отперъ дверь, спросилъ свѣчу, и сѣлъ къ своему старому столу, перенесенному сверху

Долго не могъ онъ заглянуть въ книгу; нѣсколько разъ садился и вставалъ.

Странное вліяніе производила на него Софья Николаевна. Еще впервые почувствовалъ онъ себя мальчикомъ, ученикомъ въ такой степени, какъ теперь, въ разговорѣ съ нею,

но это не раздражило его: она говорила съ нимъ скорѣе, какъ съ товарищемъ, а не какъ съ ребенкомъ, котораго она собирается увѣщевать. И повторяя всѣ ея слова, онъ осматривался назадъ, на всю свою ученическую жизнь — и ему сильнѣе, чѣмъ когда-либо, захотѣлось учиться съ толкомъ; въ немъ зашевелилось не простое самолюбіе гимназиста, а что-то по-крупнѣе, посерьѣзнѣе, что-то такое, отъ чего его грудь дышала порывистѣе, отъ чего онъ читалъ „Демона“ съ такимъ одушевленіемъ, отъ чего онъ плакалъ на своей постели.

Въ большіе онъ не лѣзь, но хотѣлъ больше развиться, полнѣе жить, привести въ гармонію свое прошедшее съ своимъ настоящимъ.

Повѣсть Софьи Николаевны все еще наполняла душу его живымъ интересомъ, но ему хотѣлось проникнуть глубже, самому узнать эту натуру, это сердце, которое оставалось для него неразъяснимымъ. Онъ вѣрилъ ей, но сбавленіе, производимое Софьей Николаевной, вызывало въ немъ вмѣстѣ и какое-то недовѣріе, безпокойство, желаніе совладать со всѣмъ этимъ, не скрывать новыхъ ощущеній, мыслей, образовъ...

Нескоро принялся Борисъ за свои учебныя книги, да и нечего было съ ними дѣлать. Опять все тотъ же Парагдовъ, тотъ же Устряловъ и тѣ же тетрадки съ выписками латинскихъ переводовъ.

Не было у него подъ-рукой никакой любимой книги, и онъ въ первый разъ спросилъ себя: отчего у него нѣтъ любимаго поэта, задушевнаго друга, съ которымъ бы онъ отдыхалъ, у котораго онъ учился бы жизни, красотѣ и правдѣ? „А вѣдь я много читалъ,“ думалъ про-себя Борисъ, „сколько стиховъ знаю наизусть! и многое мнѣ нравилось, а все это проскользнуло, не сжилось со мной, не осѣлось. Видно, я еще не жилъ настоящей-то жизнью, оттого такъ холодно все и принималъ — и мысли, и стихи, и прозу. А надо, вѣдь, выйти изъ такого дѣтскаго состоянія.“

Борисъ всталъ, и долго ходилъ по комнатѣ; потомъ нѣсколько разъ присаживался къ столу, бралъ книгу въ руки, пробѣгалъ машинально нѣсколько строкъ, и бросалъ.

„Я думаю, что бы мнѣ написать для Ергачова...“ сказалъ онъ, и началъ опять ходить взадъ и впередъ. Ему бы хо-

тѣлось описать то, что въ немъ самомъ происходило. „Начать ли дневникъ“ спросилъ онъ. И какой-то тайный голосъ шепталъ ему: начни, у тебя есть что записывать, ты каждый часъ переживаешь все новыя чувства, и мысли приходятъ не такія, какъ прежде.

Но, не знаю почему, Борисъ боялся написать свой дневникъ; онъ боялся оставаться одинъ самъ съ собой, раскрывать свою душу и читать въ ней.

Когда часы пробили семь, Борисъ чувствовалъ боль въ головѣ и усталость во всемъ тѣлѣ. „А вѣдь ничего не сдѣлалъ путнаго“ проговорилъ онъ.

Маша пришла звать его пить чай; онъ обрадовался этому, какъ ребенокъ; но когда напился чаю, тотчасъ же опять ушелъ и просидѣлъ у себя до ужина; — и опять ничего не дѣлалъ. „Я только выдерживаю характеръ“, сказалъ онъ съ усмѣшкой, въ которой была внутренняя грусть.

XXI.

На другой день, часу въ седьмомъ, Горшковъ и Абласовъ были у Бориса. Онъ ихъ принялъ сперва у себя въ спальнѣ. Прежде, при бабушкѣ, Борисъ никогда почти не звалъ товарищей въ его стѣну: ему трудно было сидѣть съ ними наверху, а сейчасъ всталъ, — стоялъ въ стѣнѣ съ бабушкой.

— Это отъ какой комнаты? спросилъ Горшковъ, осматривая спальню. — Это въ первый разъ, Борисъ.

— Ты теперь дружимъ, замѣтилъ Абласовъ, тихо улыбаясь.

— Да, сарифъ, — повторилъ Борисъ со вздохомъ. Одинъ я и не держался со всѣмъ этимъ домомъ. Опекунъ-то у меня хорошъ.

Борисъ понималъ теперь товарищей какъ хозяевъ, и ему было это очень странно.

Онъ предложилъ имъ покурить и сказалъ, что тётенька будетъ съ нами пить чай въ диванной.

Горшковъ засѣлъ, по своей привычкѣ, на кровать и закурить папиросу.

— Скажи-ка, Борисъ, началъ онъ, — это диванная-то угольная комната, гдѣ бабушка всегда сидѣла?

— Да; ты тамъ тоже никогда не бывалъ?

— Не бывалъ, братъ, да я твою бабушку одинъ разъ всего и видѣлъ. Схожу я отъ тебя, сверху, и мурлычу что-то подынось, вдругъ она внизу, въ корридорѣ, какъ дастъ на меня окликъ: „кто это тамъ распѣлся?“ Я давай Богъ ноги, бросился въ переднюю.

— А какъ ты съ челядинцами? спросилъ Абласовъ, оставивъ всю эту араву?

— Нѣтъ, много по билету пойдутъ; ну а старухъ надо оставить; имъ некуда дѣваться.

— Фабрику открой, Борисъ, закричалъ Горшковъ, заставъ ихъ цыновки плести, какъ въ богоугодныхъ домахъ, и намъ въ гимназію поставляй.

Часы на бюро пробили семь.

— Ну! пойдѣте пить чай, — проговорилъ Борисъ, — тётенька насъ ждетъ.

Въ залѣ горѣла лампа свѣтлѣе обыкновеннаго. Дверь въ гостиную была отворена. Гостиная тоже освѣщалась лампой. Давно Борисъ не видалъ ее при вечернемъ освѣщеніи; на него она произвела почти такое же впечатлѣніе, какъ и на его товарищей.

Въ диванной, на столѣ, горѣли двѣ свѣчи, но тамъ было все таки довольно темно.

Софья Николаевна встрѣтила гостей посрединѣ комнаты. Борисъ хотѣлъ ихъ представить, но она не дала ему начать.

— Я ужъ васъ знаю, господа, сказала она съ улыбкой: вотъ вы — Горшковъ, а вотъ вы — Абласовъ, вѣдь я ошиблась?

— Нѣтъ, угадали, отозвался Горшковъ, вѣдь Боря вѣрно сказалъ о моемъ вихрѣ. Вотъ вы и узнали.

Абласовъ молчалъ; онъ стѣснялся и нахмурилъ брови.

— Садитесь, господа, сказала Софья Николаевна, будемъ пить чай.

Она сама разливала. Въ дверяхъ показалась вымытая рожа Митьки, и тотчасъ же скрылась. Маша сидѣла на боковомъ диванѣ, сложа ручки, очень кротко и съ любопытствомъ по-сматривала на гимназистовъ.

— Нѣтъ, о вихрѣ я ничего не слыхала, провозвизжа Софья Николаевна.

Всѣ разсмѣялись.

— Вся ваша фигура показываетъ, что вы художникъ; въ васъ что-то такое есть свободное...

— Даже черезчуръ свободное, добавилъ Горшковъ. Мнѣ ужъ не мало говорить, что я дѣлаю слишкомъ много движеній.

— Я еще не замѣчала этого.

Софья Николаевна, разговаривая, наливая чай, Борисъ слѣдилъ за ней глазами и каждый разъ, какъ она обращала лицо въ его сторону, онъ потуплялся.

— Садитесь поближе, говорила она, показывая Абласову мѣсто на диванѣ. Сладко вамъ?

— Сладко, отвѣтилъ Абласовъ спокойнымъ тономъ.

Борису хотѣлось втравить его въ разговоръ, но Софья Николаевна предупредила.

— Скажите пожалуйста, начала она, больше относительно Абласову, вы съ первыхъ классовъ составляете такой триумфъ, вирать?

— Какъ же! отвѣтилъ Абласовъ, мы всегда сидимъ вместе и сошлись, потому, можетъ быть, что у насъ такіе характеры, Горшковъ свѣтлый такой..

— Какъ это хорошо сказано, замѣтила Софья Николаевна, именно свѣтлый.

Телепневъ ровень очень; у него какъ-то ровненько въ мѣру дѣлается, а я больше молчу, заключаю. А дѣлать нечего, такъ.

Софья Николаевна значительно какой-то умный, мальчикъ,

ухъ:

— Будто вы все, молчите

— Немного говорить, отвѣтилъ за него Горшковъ; это оттого, что онъ у насъ философъ; въ каждую штуку вдумывается, а мы больше скользимъ...

— Я за то люблю Абласова, отозвался Борисъ, что онъ никогда не лжетъ и ничѣмъ безъ толку не восторгается...

— Ужь полноге, господа, вы меня очень захвалили, проговорилъ Абласовъ, поглядывая на своихъ друзей.

— И вы, вѣрно сидите первымъ въ классѣ? спросила его Софья Николаевна.

— Первымъ, самымъ первымъ, крикнулъ Горшковъ.

— Вы меня конфузите, промолвилъ Абласовъ, обращаясь къ Софѣ Николаевнѣ, точно у меня такая казенная физиономія: сейчасъ можно увидать, что я первый ученикъ.

— Нѣтъ, не потому, отвѣтила Софья Николаевна, но у васъ лицѣ серьезнѣе, вы, вѣрно, прилежниѣ вотъ ихъ обихъ?

И она укавала на Горшкова и Бориса.

А Борисъ пилъ чай, и съ улыбкой поглядывалъ на Абласова. „Вотъ какъ начинается думалъ онъ, „браво Абласовъ!“ Борису пріятно было сдѣлать за разговоромъ, любоваться геткой и наблюдать надъ своимъ серьезнымъ товарищемъ, который все помаленьку сбрасывалъ съ себя свою сдержанность и больше и больше воодушевлялся.

— Я только и беру прилежаніемъ, проговорилъ Абласовъ, въ этомъ проку мало... Телепневъ подаритѣ меня будетъ. Да учиться-то у насъ съ толкомъ трудно...

— Вотъ то же самое твердить и Борисъ, замѣтила Софья Николаевна, да я какъ-то это дурно понимаю, господа; мнѣ кажется, вездѣ можно учиться...

— Конечно вездѣ, вмѣшался Горшковъ, да дѣло-то въ то мы не гении, а просто гимназисты; и радъ-бы приче знаешь какъ? Неужто мы всѣ такія тупицы? а семь лѣтъ—мы по-латини аза въ глаза не зна-оттого, что въ первыхъ классахъ, когда глупы читали, да вмѣсто перевода писали: *хоть зимой голодомъ*, и все это сходило съ 7-го класса мы добрались, оглянулись—

— Да и это еще не все, прервалъ его Абласовъ. Онъ поставилъ чашку на столъ, и выпрямился. Позвольте мнѣ васъ спросить, Софья Николаевна, — сказалъ онъ смѣлымъ, мужественнымъ голосомъ, есть-ли возможность дѣлать какое-бы то ни было дѣло, когда вы видите, что это дѣло никто не любитъ. На кафедрѣ сидитъ учитель; мнѣ только и видно, что на немъ вицмундиръ надѣтъ, что онъ чиновникъ, а больше ничего, да каждый изъ нихъ чиновникъ и есть... Часъ свой отсидѣлъ, и довольно. Вѣдь, коли семь лѣтъ фигуру-то такую передъ собой видишь, такъ какая же любовь къ наукѣ родится?

Абласовъ остановился, быстро оглянулъ всѣхъ и точно самъ испугался своего краснорѣчія.

— Bravo Абласовъ! сказалъ Борисъ, приподнимаясь, такъ, такъ, совершенно справедливо. „Откуда это у него берется?“ спрашивалъ онъ себя; это все тетя вызвала..

— Вотъ это-то, продолжалъ Абласовъ съ новою силой, вотъ это-то и есть корень всего зла. Кабы учителя-то наши были не начальство, не чиновники, такъ они насъ знали бы и указывали бы намъ, на что каждый изъ насъ годенъ.... Вотъ я первымъ сажу, такъ и аттестуюсь и по успѣхамъ, и по способностямъ, а кто изъ нихъ знаетъ, что на послѣдней партѣ не сидитъ какой-нибудь Кильдіаровъ — лѣнтяй, съ самой свѣтлой головой; онъ сложенья не знаетъ, да можетъ быть, къ языкамъ имѣетъ талантъ. Оттого-то мы всѣ и ходимъ какъ овцы...

— Безъ пастыря, крикнулъ Горшковъ; да начальство наше ругаемъ...

— Въ томъ у насъ и время проходить, добавилъ Абласовъ. Вамъ Борисъ рассказывалъ за что насъ безъ обѣда оставили?

— Да, я знаю, отвѣтила Софья Николаевна.

— Вѣдь глупо, очень глупо! Такъ, вѣдь, и въ ученіи то же самое. Радъ бы и прочесть и потолковать, да не знаешь что. А тутъ еще глупость, да гадости на каждомъ шагу, человѣческаго слова не услышишь. директоръ - то богдыханомъ какимъ-то является... Одно недовольство въ насъ жи-

ветъ по пустякамъ время тратимъ, смѣемся, а оно, выходитъ совсѣмъ не такъ смѣшно.

И Абласовъ, очень энергически махнулъ рукой.

Софья Николаевна все время глядѣла на него съ интересомъ; ее удивила энергія, умъ и простота его тона. Скромная фигура и лице Абласова еще усиливали впечатлѣніе его рѣчи.

Когда онъ остановился, она подвинулась къ нему, положила одну руку на столъ и, наклонивши голову, проговорила:

— Вы правы, я теперь понимаю. Какъ же это грустно, однако; а вы ужъ всѣ кончаете курсъ, назадъ ужъ не пойдешъ.

— Въ томъ-то и бѣда, началъ опять Абласовъ. Вотъ шесть лѣтъ прошло, я ни по-французски, ни по-нѣмецки не знаю, вѣдь, не оттого-же, что изъ рукъ вонъ лѣнился; я въ это время, читалъ же книги, мудрость не большая... а университетъ, на носу. Куда ни сунься, вездѣ книги — нѣмецкіе источники нужны — вотъ и начинай опять съ азбуки, и начнешь.

— Языки у васъ плохи? спросила Софья Николаевна.

— Шестой годъ *les ruines de Palmyre* переводимъ, отвѣтилъ Горшковъ, къ маю кончимъ.

— Да, все это ужасно грустно, проговорила Софья Николаевна; — но коль-скоро вы разъ это сознали, вамъ ужъ можно теперь работать самимъ.

— Да мы и читаемъ, грустно отвѣтилъ Абласовъ, а для класса все по казенному идетъ, по учебникамъ, да иначе и быть не можетъ; выбора въ чтеніи у насъ нѣтъ... такъ бурда какая-то.

„Вотъ онъ ей тоже говоритъ“ думалъ въ это время Борисъ, „а она ему точно больше повѣрила, чѣмъ мнѣ.“ И, подумавши это, онъ тотчасъ покраснѣлъ.

— Я вамъ скажу откровенно, Абласовъ, начала Софья Николаевна, въ вашемъ тонѣ много правды и искренности; только одно мнѣ не нравится... Она остановилась и вскинула на него глазами.

— Что же? тихо спросилъ онъ, точно оробѣвъ.

— Въ васъ слышится какое-то затаенное недовольство; не развивайте вы въ себѣ этого, это нехорошо.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю, проговорилъ онъ; вы хотите сказать, что я нахожу много дурнымъ.

— Не одно это; я вотъ чего боюсь: вы останетесь съ постояннымъ протестомъ противъ того, что дѣлается вокругъ васъ.

— Не знаю - съ. Видно это въ моемъ характерѣ; нельзя быть довольнымъ тѣмъ, что дурно. Разумѣется я желалъ-бы, быть такимъ же беззаботнымъ, какъ былъ въ первомъ классѣ, да нельзя. Намъ наше начальство, да и вся наша обстановка послѣ не заплатятъ того, что они въ насъ на вѣкъ испортили, такъ по-неволю поймешь, каково приходится жить на свѣтѣ...

Все это Абласовъ произнесъ спокойно, напирая на каждое слово. Въ его тонѣ чувствовалось сильное, глубокое убѣжденіе, какое трудно было предположить въ молодомъ мальчикѣ.

Борисъ все смотрѣлъ на Абласова и не могъ узнать его; никогда еще онъ не говорилъ такъ много и съ такимъ одушевленіемъ. Даже Горшковъ удивленными глазами поглядывалъ на молчаливаго товарища.

— Онъ у насъ скептикъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Софѣ Николаевнѣ.

— Да, господа, отвѣтила она, вы что-то рано начинаете жить умомъ... Я почти увѣрена, что вы смѣтаете уже надъ многимъ... напримѣръ, надъ поэзіей...

— Помилуйте, почему же? вскричалъ Горшковъ. Да вотъ не дальше, какъ вчера, Борисъ, читалъ намъ вслухъ „Демона“ и съ такимъ чувствомъ, такъ хорошо, что мы всѣ были увлечены... Я вамъ долженъ сказать, Софья Николаевна, что онъ никогда такъ хорошо не читалъ... просто въ слезы меня ввелъ.

Софья Николаевна взглянула на Бориса. Онъ не много потупился.

— Что же это съ тобой такое было? проговорила она.

— Не знаю, тетя, на меня какъ-то особенно дѣйствовалъ

стихъ .. Я никогда еще такъ не понималъ и не чувствовалъ того, что читалъ, въ этотъ разъ.

— Жить начинаетъ, замѣтилъ Абласовъ и тихо улыбнулся.

Борисъ встрѣтилъ взглядъ Софьи Николаевны, неопредѣленный, загадочный взглядъ и смутился. Ему очень хотѣлось, чтобъ перемѣнили разговоръ.

— И я увѣрена также, сказала Софья Николаевна, опять обращаясь въ сторону Абласова, что всѣмъ вамъ гораздо больше нравится Лермонтовъ, чѣмъ Пушкинъ.

— Разумѣется такъ, вскричалъ Горшковъ, сила-то какая! Мысль!...

— А въ Пушкинѣ-то, значить и мысли нѣтъ? возразила Софья Николаевна, смотря на Абласова.

— Этого никто не говоритъ, промолвилъ онъ, опуская глаза.

— Вотъ вамъ Пушкинъ, крикнулъ Горшковъ:

Играй Адель,
Не знай печали.
Хариты, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали!

Ха-ха-ха!...

— Ты паясничаешь, Горшковъ, прервалъ его Борисъ, точно будто во всемъ Пушкинѣ и есть только, что одна Адель?

— Какъ вамъ не стыдно, Горшковъ, вскричала Софья Николаевна, вы артистъ — художникъ и забываете Бориса Годунова, Каменнаго Гостя, Моцарта и Сальери, Скупого рыцаря?...

— Вы его не вините, отозвался Абласовъ, онъ это такъ, онъ всѣмъ этимъ восхищается, что вы сейчасъ назвали; но, вѣдь, это все художество. хорошо, спору нѣтъ, да какъ-то мало оно за сердце хватаетъ; мы чего-то другого ищемъ. Я дурно выражаюсь, но говорю дѣйствительно то, что въ насъ есть... Вы возьмите-ка лирическіе стихи у Пушкина, учили мы всѣ ихъ, пока доберешься до одного слова, что задѣнетъ

тебя за живое.. все цвѣточки, да дѣвы, да посланія, да вакханки, да пиры какіе-то.

— Горшковъ привскочилъ на мѣстѣ и, останавливая рукой Абласова, закричалъ:

— Помнишь ты это?

Образъ Елены
Въ сердцѣ пылалъ!
Ахъ возвратися
Радость очей,
Хладно тронися
Грустью моей!...

Ха-ха-ха!...

— Ахъ, какой несносный Горшковъ! воскликнула Софья Николаевна. Да вы вспомните, когда это писано? сколько было ему лѣтъ?

— Да ужъ коли на лѣта пошло, возразилъ Абласовъ, такъ вотъ какой стихъ былъ у Лермонтова въ шестнадцать лѣтъ, тоже въ нѣжномъ родѣ...

— Знаю, что ты хочешь привести, прервалъ его Борисъ. Она поетъ?

— Да, да. Прочти, прочти ты лучше меня...

Борисъ, не отрывая глазъ отъ Софьи Николаевны прочелъ:

Она поетъ и звуки таютъ
Какъ поцѣлуи на устахъ;
Глядитъ—и небеса играютъ
Въ ея божественныхъ глазахъ;
Идетъ ли—всѣ ея движенія
Иль молвить слово—всѣ черты
Такъ полны чувства, выраженія!
Такъ полны дивной простоты...

Всѣ притихли подъ обаяніемъ музыки стиха.

— Хорошо, прекрасно! сказала Софья Николаевна. Да какъ ты славно читаешь, Борисъ!

— Онъ у насъ первый чтецъ, превозгласилъ Горшковъ.

Борису пріятно было, что она его похвалила. Онъ ничего на это не сказалъ, и только улыбнулся.

— Да все-таки это не доказательство, господа, начала опять Софья Николаевна. Вы забываете эпоху, вы забываете то, кому труднѣе было создавать новый стихъ.

— Совершенно справедливо, возразилъ Абласовъ, но не въ этомъ дѣло-сь. Не о стихѣ я и говорилъ. Содержанія больше такого, которое насъ всѣхъ волнуетъ... Вы возьмите у Лермонтова любое маленькое стихотвореніе: вездѣ что-то живое кровное... онъ страдаетъ, онъ возмущенъ; его тѣснить и давить... онъ нашъ, принадлежитъ нашему времени—вотъ что дорого-сь.

И точно въ отвѣтъ на это Борисъ прочелъ въ полголоса:

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?

На что намъ знать твои волненія,

Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,

Разсудка злыя сожалѣнья?...

— Слышите? проговорилъ Абласовъ. А эти помните слова?

О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ

И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,

Облитый горестью и злостью!...

Отъ этого защемить на сердцѣ—намъ то и нравится, Софья Николаевна, что намъ ближе. Назадъ, вѣдь, ужъ не пойдешь... Вы посмотрите въ журналахъ: одно направленіе, одинъ духъ— не Пушкинскій духъ... насущныя нужды есть... Вотъ въ Некрасовѣ какія все струны задѣваются: вся наша жизнь тутъ, не цвѣточки, не амуры до эроты какіе-нибудь, не сладкія элегіи...

На лицѣ Софьи Николаевны выразилось нетерпѣніе; она покраснѣлась, и только-что Абласовъ немного остановился, прервала его:

— Что вы говорите, Абласовъ, начала она съ силой, но сдержанно. Я понимаю, что вамъ всѣмъ нравится это направленіе, и слава Богу; видно, что вы и думаете и хотите жить, отзываясь на все, что у насъ есть тяжелаго и возмутительнаго; но вы всѣ, господа, схватили только верхи, вамъ дали это готовое, и вы забываете, черезъ что прошло общество; вы забываете, кто былъ нашъ учитель, кто далъ намъ почувствовать, что такое русская жизнь и русскій человѣкъ. Пушкинъ сдѣлалъ это, друзья мои. Когда Онѣгинъ вышелъ, мы прозрѣли; да, мы увидѣли все, что только есть, и высокоаго, и низкаго, и глубокаго и пустаго въ нашей натурѣ и въ нашей судьбѣ... Я увѣрена, что вы не разъ прочли (Онѣгина, да какъ: первый разъ, когда были дѣти, вы толь-

ко скользили по стиху, а теперь, въ седьмомъ классѣ, прибавила она съ улыбкой, вы прочли его съ заранѣе составленнымъ убѣжденіемъ, что все это цвѣточки и пустячки предъ Некрасовымъ...

Борисъ не отрывалъ взгляда отъ лица Софьи Николаевны. Онъ слышалъ опять тотъ же задушевный, увлекательный тонъ, который такъ обаятельно дѣйствовалъ на него, когда она ему рассказывала свое прошлое.

Абласовъ сидѣлъ потупившись; Горшковъ подался впередъ и потряхивалъ вихромъ.

Борисъ слушалъ, и какая то новая гордость наполняла его; ему было отъ того еще отрадно, что онъ самъ понималъ Пушкина почти такъ же, какъ говорила теперь Софья Николаевна.

— Да, когда я сама, продолжала она, начала разгадывать немножко дѣйствительность я открыла Онѣгина, и впервые нашла въ немъ поэзію и правду жизни. Что таилось во мнѣ непонятнаго для меня самой—все это улеглось, разъяснилось, и нѣтъ такой стороны нашего житья-бытья, которую бы все тотъ же Онѣгинъ не разрѣшилъ... Вы говорите, что содержанія мало, правды... Послушайте господа: вы молоды, начинаете жить; не нынче такъ завтра, не черезъ годъ, такъ черезъ два, вы полюбите... Задумывались ли вы надъ идеаломъ русской женщины? Кто создалъ намъ свѣтлый, чудный образъ Татьяны? И гдѣ найдется другая Татьяна? И не живая ли она стоитъ передъ вами, не дышетъ-ли она правдой, натурой?.. Какого же вамъ еще содержанія? какихъ еще интересовъ? Вамъ семнадцать лѣтъ и вы не любите прекраснаго, когда это прекрасное взято изъ родной вамъ жизни!

Она смолкла, отодвинулась назадъ и, какъ-бы желая приласкать ихъ всѣхъ, улыбнулась...

— Вотъ мои убѣжденія добавила она: я ихъ не вычитала, а пережила.

Борисъ кинулся-бы разцѣловать ея руки, но ихъ раздѣлялъ столъ. Онъ всталъ и подошелъ къ дивану съ той стороны, гдѣ она сидѣла.

— Тѣтя—шепнулъ онъ ей, дайте мнѣ вашу ручку, — вы ангелъ.

Она обернулась, и съ глубокой нѣжностью потрепала его по щекѣ.

— Вы, можетъ. и правы, Софья Николаевна, проговорилъ наконецъ Абласовъ, поднимая голову, вы все это сами по-себѣ испытали. а мы какъ-то прошли мимо, значить въ насъ самихъ есть что-нибудь другое.

— Правда ли это? спросила она Бориса, давая ему цѣловать свою ручку, и ласково смотря на него.

— Не знаю, тѣтя, отвѣчалъ онъ, я самъ не отвѣчу, кто ближе мнѣ: тотъ или другой поэтъ; но если они поэты, ихъ нельзя не любить.

— Вотъ это такъ, дорогой мой, сказала она и поцѣловала его въ голову.

— А я скажу, отозвался Горшковъ, что для меня стихъ Лермонтова — чистая музыка! Я гармонію люблю; что за страсть! какіе переливы! Романсы только и можно писать на его слова: это я самъ испробовалъ.

— Вы много писали для пѣнія?—спросила его Софья Николаевна.

— Нѣтъ, очень мало; я больше для оркестра, да фортепьянное.

Разговоръ перешелъ на музыку. Софья Николаевна, чрезвычайно умно и деликатно затронула всѣ пункты, на которые могъ откликнуться Горшковъ. Онъ очень радъ былъ помѣняться съ ней мыслями и вкусами, потому что сейчасъ же увидѣлъ въ ней не барыню, заучившую нѣсколько десятковъ фразъ, а любительницу, съ чувствомъ и смысломъ.

Видно было, что Софья Николаевна много слышала и во многое вдумывалась. Она не судила рѣзко; но всѣ ея вопросы и замѣчанія были оригинальны, серьезны, съ какимъ-то особеннымъ оттѣнкомъ изящнаго и тонкаго вкуса.

— Я, сказала она, между прочимъ, не признаю дѣлений въ музыкѣ, клѣточекъ, черезъ которыя точно и перескочить нельзя, я чувствую звуки, я слушаю мелодію—нѣмецкая она или итальянская—мнѣ все равно.

— А глубина, содержание? вскричалъ Горшковъ. Развѣ можно поставить на одну точку семигривенные конфеты ка-

кого-нибудь маэстро Верди съ мелодіей, вотъ, напримѣръ, въ цемольной симфоніи Бетховена?

— Да я и не ставлю ихъ на одну доску, отвѣтила она. Итальянецъ весь въ своей музыкѣ, зачѣмъ же вы требуете отъ него глубины? Онъ не можетъ быть глубоко, онъ поетъ о томъ, что поражаетъ его чувства...

— Оттого-то, подхватилъ Горшковъ, у нѣмцевъ чувства, а у итальянцевъ одна чувственность.

— Да хоть бы и чувственность, повторила Софья Николаевна, когда это искренно, значить тутъ есть и смыслъ и своя доля красоты...

— Однако, есть же, вѣдь, мѣрило, по которому мы находимъ одно высокимъ, а другое посредственнымъ?

— А развѣ я его отвергаю? отвѣтила она, улыбаясь... Сила, глубина, вдохновенные звуки всегда будутъ велики и прекрасны, но зачѣмъ уничтожать все остальное, что живетъ и въ чемъ есть также доля хорошаго? Вы немножко всѣ теоретики, доктринеры какіе-то; это, конечно, пройдетъ.

Потомъ зашла рѣчь о Глинкѣ и русской музыкѣ. Горшковъ говорилъ долго и съ большимъ одушевленіемъ. Его добродушный тонъ и юморъ очень понравились Софьѣ Николаевнѣ.

— Да, вы русскій музыкантъ, промолвила она, въ васъ есть что-то такое самобытное...

— Я то же скажу, отвѣтилъ Горшковъ, не потому люблю Глинку, что русскій...

— А потому, что онъ Глинка, добавила Софья Николаевна.

Борисъ слушалъ ихъ, нарочно не вступая въ разговоръ; онъ находилъ особое удовольствіе слѣдить за выраженіемъ лица тѣтки, а иногда замуривалъ глаза и прислушивался къ звуку ея голоса.

Обернувшись въ ту сторону, гдѣ стоялъ диванъ, онъ увидѣлъ, что Маша лежитъ и спитъ...

— Посмотрите тѣтя, сказалъ онъ, тихонько вставая: она уснула подъ наши разговоры.

Всѣ на минуту притихли.

— Ахъ, голубушка! промолвила Софья Николаевна, ну пускай ее спитъ, не буди ее, Борисъ... Ахъ, вотъ, господа,

она напомнила, что о ней нужно перетолковать. Вы не откажетесь помочь намъ? вамъ Борисъ уже говорилъ.

— Горшковъ и Абласовъ отвѣчали наклоненіемъ головы.

— Я очень буду счастливъ, началъ Горшковъ, чему-нибудь ее научить...

— Мы составимъ такимъ образомъ цѣлое педагогическое общество, сказала весело Софья Николаевна, и вы Абласовъ, намъ поможете?

— Чѣмъ могу, скромно отвѣтилъ онъ.

— Только вотъ что, Борисъ, надо позаботиться объ инструментѣ, вѣдь здѣсь въ родѣ цимбалъ. Мы также можемъ играть съ вами Горшковъ... если вамъ не очень надоѣло... разумѣется серьезныя вещи.

— И Боря съ нами можетъ, проговорилъ Горшковъ.

— Да развѣ ты играешь? спросила она Бориса.

— Какже тѣтя, я пилю на скрипкѣ.

— И очень солидно, прибавилъ Горшковъ.

— Ахъ, какъ это славно! такъ мы будемъ съ тобой играть дуэты.

— Да онъ и на фортепьяно лѣвую руку можетъ изобразить, вскричалъ Горшковъ. Онъ у насъ на всѣ руки.

— Это все новыя удовольствія.

— Мнѣ бы хотѣлось послушать что-нибудь хорошенькое, промолвилъ Борисъ, подходя къ Горшкову. — Валерьянъ съиграй хоть на нашихъ, на цимбалахъ.

— Да есть ли возможность? спросилъ Горшковъ.

— Возможность-то есть. И, обращаясь къ тѣткѣ, Борисъ тихо проговорилъ: — музыки что-то ужасно хочется.

Она отвѣчала ему глазами, что раздѣляетъ его желаніе, и пожала ему руку. Онъ весь вспыхнулъ.

— Пойдемте тише, — проговорила Софья Николаевна, опираясь на руку Бориса, пусть ее спитъ, — прибавила она, указывая на Машу.

Всѣ тихо вышли изъ диванной и Горшковъ притворилъ за собою дверь.

Лицо Абласова было очень оживлено, точно будто разговоръ съ Софьей Николаевной развязалъ ему языкъ и всю его натуру

Горшковъ, проходя сзади, удержалъ его на минутку и шепнулъ:

— Что ты, Пиеагоръ, откуда у тебя медоточивая струя полилась?

На это Абласовъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Барыня больно хороша.

Горшковъ догналъ Софью Николаевну съ Борисомъ.

Онъ сѣлъ за фортепьяно, открылъ крышку и обмахнулъ платкомъ пыль съ клавишъ, къ которымъ уже болѣе полгода никто не прикасался.

Дрожащій, наивный звукъ издало старое добродушное фортепьяно. Этотъ звукъ, напоминая моцартовскія менуэты и сонаты Гайдена, напоминалъ бабушекъ въ робронахъ и пудренныхъ парикахъ...

— Какая древность! произнесла Софья Николаевна, наклоняясь надъ фортопьяно.

Горшковъ взялъ нѣсколько аккордовъ и заигралъ, заигралъ свое. Это была какая-то торжественная мелодія, но глубокая и страстная. Борисъ, слушая ее перенесся душою къ образу отца, и ощутилъ новую грусть и новыя слезы... Онъ былъ очень растроганъ и весь ушелъ въ свою грусть, забылъ на мигъ то, что его окружало, забылъ и чудный голосъ, и сладкія рѣчи и огненные глаза женщины, которая явилась посла смерти отца, и такъ скоро, такъ всецѣло овладѣла его молодой натурой.

— Это ваше? спросила Софья Николаевна, также тронутая, когда Горшковъ кончилъ.

— Да-съ, отвѣчалъ онъ, это мнѣ пришло дня три назадъ. Хочу теперь духовной музыкой заняться; я хорошенко надъ ней еще не задумывался, а такъ только юлилъ вокругъ да около.

— Борисъ, не правда ли какъ хорошо? сказала Софья Николаевна, обратившись въ ту сторону, гдѣ онъ стоялъ.

— Борисъ обернулся и встрѣтилъ ея взглядъ, на глазахъ его блестѣли слезы.

— Да, чуть—слышно промолвилъ онъ.

— А чтобы вы спѣли что-нибудь? проговорилъ Горшковъ, вы, вѣдь, вѣрно поете, Софья Николаевна.

— Почему-же вы такъ увѣрены въ этомъ!

— Да у васъ голосъ такой, что должны пѣть. Вѣдь у Бориса очень недурной тенорочекъ... коли поете, вѣрно, знаете, что-нибудь наизусть, дуэтъ какой-нибудь.

— Послушай, Борисъ, сказала она, у тебя рѣшительно открываются всѣ таланты: ты и поешь—это меня еще болѣе утѣшаетъ, чѣмъ твоя скрипка. Что бы такое спѣть? не знаешь ли элегію Яковлева?

— Аранжированную Глиной? вмѣшался, Горшковъ, знаетъ, знаетъ!

— Знаю, отозвался Борисъ: „Когда душа просилась ты,“? Дельвига слова?

— Да, да, отвѣтила Софья Николаевна.

Они начали. Горшковъ имъ аккомпанировалъ.

Борисъ какъ-бы вперёдъ зналъ, что у Софьи Николаевны такой голосъ: контральтовый, полный, страстный, съ оттѣнками ласкающей нѣжности.

Борисъ пѣлъ съ особымъ одушевленіемъ, и когда его голосъ сливался съ голосомъ Софьи Николаевны, ему все не вѣрилось, что они дѣйствительно поютъ вмѣстѣ.

Точно въ этомъ пѣніи она еще ближе подходила къ нему, и сердце его открывало ей свою затаенную исповѣдь.

Долго были они у фортепьяно. Софья Николаевна спѣла нѣсколько Глинкиныхъ романсовъ, пѣла изъ „Жизни за Царя, Горшковъ игралъ по ея просьбѣ изъ Шопена, потомъ сыгралъ *andante* одной ея любимой бетховенской сонаты.

Время затянулось за полночь.

Софья Николаевна замѣтила наконецъ, что пора поужинать. Ужинали въ диванной.

Машу разбудили. Она спросила наивнѣйшимъ образомъ: который часъ и начала кушать, поглядывая на Бориса и улыбаясь.

Послѣ ужина Софья Николаевна увела ее, простившись съ Горшковымъ и Абласовымъ.

Борису она сказала тихо взглянувъ на него:

— Ты какой грустный сталъ; приди наверхъ проститься, я тебя такъ не отпущу спать.

Онъ улынулся, и пожалъ ея руку

— Ну, у тебя тетка первый сортъ! вскричалъ Горшковъ, когда они всѣ трое пришли въ спальню, нѣтъ... Абласовъ-то какъ разходился прошу покорно, что это съ тобой сдѣлалось?

— Да что сдѣлалось, отвѣчалъ Абласовъ, — ничего... Ну, — вижу хорошая такая дама, проста и понимаетъ что говорить, я ей и высказалъ.

— То-то проста! а ты съ нами-то отчего же больше молчкомъ отбояриваешься? приставалъ къ нему Горшковъ.

— Да отвяжись! что мнѣ съ вами разводы разводить, и безъ того меня знаете. Ну, прощай, Телепневъ, сказалъ онъ, тебѣ, я вижу, спать хочется.

— Такъ какъ же мнѣ учительствовать-то начинать? спросилъ Горшковъ, взявшись за фуражку.

— Я тебѣ скажу. Вотъ фортепьяно достанемъ, на этихъ цимбалахъ нельзя.

Онъ ихъ проводилъ въ залу.

— Тебѣ житье съ теткой, шепнулъ Горшковъ.

Борисъ весь вздрогнулъ отъ этихъ словъ.

— Первую такую барыню вижу, проговорилъ спокойно Абласовъ и, пожимая Борису руку, прибавилъ: есть-таки содержаніе.

Борисъ, простившись съ ними, постоялъ одинъ въ залѣ. Тяжело что-то, грустно ему было; онъ внутренно упрекалъ себя: „пою, веселюсь“, проговорилъ онъ, „а давно ли тутъ гробъ стоялъ?“

И съ поникшей головой, сталъ онъ подниматься наверхъ; ему тоже страшно было идти туда; съ каждой новой ступенькой становилось ему тягостнѣе.

Онъ увидѣлъ Софью Николаевну и чуть не закрылъ глаза.

Она была въ бѣломъ пеньюарѣ, и прямо подошла къ нему близко, близко.

— Я ужъ видѣла, тихо сказала она, что ты затуманился что то...

— Нѣтъ, тетя, я ничего... мнѣ очень хорошо.

— Что ты меня дичишься, какъ будто я не вижу... вижу отчего тебѣ грустно. Она взяла его за голову. Я за то тебя и люблю, что въ тебѣ душа прозрачная.

И, говоря это, она подвела его къ дивану.

— Станемъ вотъ тутъ да и помолимся.

Она опустилась на колѣни, и его увлекла за собой.

Онъ не помнилъ, что онъ говорилъ, что онъ думалъ, произносилъ ли онъ какія-нибудь молитвенныя слова или нѣтъ. Когда онъ очнулся, слезы градомъ текли изъ глазъ, а голова его была на ея плечѣ, и онъ слышалъ ея тихія рѣчи:

— Отецъ твой видитъ тебя, шептала она ему, молись всегда такъ, не приготовляйся, не смущай себя—а только люби, и все будетъ свѣтло, и все примирится въ твоей жизни...

Онъ не сказалъ ни одного слова, а только цѣловалъ ея руки; волненіе его облегчилось слезами, стихло и онъ готовъ былъ заснуть тутъ же, на ея рукахъ.

— Славный, безцѣнный мой мальчикъ, повторяла она, какъ много въ тебѣ теплоты! Кто тебя полюбитъ, — будетъ счастливъ.

Эти слова точно кольнули его, Борисъ всталъ, но ему не хотѣлось идти изъ этой комнаты, гдѣ было такъ хорошо.

На площадкѣ она перекрестила его.

„Боже! думалъ онъ, сходя внизъ, что-же это за женщина? одинъ звукъ ея—цѣлый рай! И нѣтъ подлѣ нея ни горя ни страданія!“

XXII.

Въ гимназіи много было толковъ между Горшковымъ, Абласовымъ и Борисомъ. Гимназистамъ, Софья Николаевна очень понравилась; видно было, что они вынесли изъ вчерашняго вечера какое-то новое ощущеніе.

— Мы съ твоей теткой поладимъ, говорилъ Горшковъ Борису: это не то, что другія барыни; эту, братъ, и Шульгофомъ не прельстишь?.. только вотъ что Борисъ, я хотѣлъ

тебѣ сказать: ты бы сегодня завернулъ хоть на минуточку, къ Телянинымъ...

— Зачѣмъ? спросилъ Борисъ разсѣянно.

— Какъ зачѣмъ? Ахъ, ты, презрѣнный этакой... Да что ты, въ самомъ-дѣлѣ, зарылся, сдѣлался бариномъ, такъ никого и знать не хочешь! Ты постыдись Борисъ, ты Надѣ-то хоть бы слово сказалъ, хоть бы плюнулъ, съ позволенія сказать. Она о тебѣ сокрушается... пріѣзжала сама... Ты хоть поблагодарить съѣзди.

— Да, я поѣду, проговорилъ Борисъ, — ему, въ-самомъ-дѣлѣ сдѣлалось стыдно, — какъ нибудь на-дняхъ..

— Да нѣтъ, не на-дняхъ, а сегодня. Я за тобой зайду и не отстану, пока въ сани не посажу.

Борисъ разсмѣялся, но внутренно онъ сознавалъ, что Горшковъ былъ правъ.

Дома Борисъ все молчалъ. Софья Николаевна рассказывала ему за обѣдомъ, какія она думаетъ сдѣлать распоряженія по дому, онъ ее слушалъ, но его мысли были гдѣ-то далеко.

Послѣ обѣда онъ нарочно не пошелъ за ней наверхъ. „Что же это я, точно хвостомъ, хожу за ней“, сказалъ онъ про-себя.

— Ты что нынче собираешься дѣлать? спросила его Софья Николаевна и, разглаживая рукой лобъ его, прибавила: Вотъ нынче опять нахмурился, въ пространство смотришь...

— Я немножко позаймусь, отвѣтилъ Борисъ, а тамъ хочу съѣздить.

— Куда?

— Къ Телянинымъ. Они ко мнѣ такъ добры всегда; надо у нихъ побывать. За мной заѣдетъ Горшковъ.

— А изъ кого состоитъ ихъ семейство?

— Мать и двое дѣтей: сынъ, моихъ лѣтъ, и дочь Надя..

— Какихъ? спросила Софья Николаевна и улыбнулась.

— Пятнадцати, отвѣтилъ очень серьезно Борисъ.

— Ну, ступай голубчикъ, это тебя немножко разсѣетъ, проговорила она и пошла наверхъ.

А Борису не хотѣлось ѣхать. Каждый шагъ изъ дома былъ для него неприятенъ.

Часу въ седьмомъ явился Горшковъ, и повезъ его къ Телянинымъ.

Дорогой Борисъ мало говорилъ, за то Горшковъ болталъ безъ умолку.

— Я тебя скоро оттуда не выпущу, Борисъ, мы тамъ музыку затѣмъ.

— Мнѣ бы хотѣлось домой.

— Да успѣешь еще насидѣться—экой медвѣдь! Ты посмотри только, какъ Надя-то тебѣ обрадуется! Чтò это за прелесть, братъ, просто, я тебѣ признаюсь, смотрю, смотрю на нее, да, кажется, во одно прекрасное утро какъ кинусь, да и ну ее цѣловать.

— Тебя по шеѣ и выгонять.

— Кто это? Матрона у себя въ кабинетѣ, а англичанкѣ я самъ сдачи дамъ.

У Теляниныхъ они не нашли никого въ залѣ, и отправились наверхъ къ Петинькѣ. Петинька лежалъ на кровати и плевалъ въ потолокъ, что составляло его обыкновенное послѣобѣденное занятіе.

Надя еще не кончила урока съ англичанкой; но когда мальчики сошли внизъ, чрезъ полчаса, она была уже тамъ.

Всѣ сидѣли въ классной. Надя съ радостной улыбкой подошла къ Борису, и долго пожимала его руку.

— Ахъ, какъ вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали къ намъ, проговорила она. Вы еще не видали татап, пойдемте къ ней. И она повела Бориса, употребляя маленькую хитрость, чтобъ не оставаться въ классной, чего не позволяла англичанка, и быть вмѣстѣ съ Борисомъ.

„Какая она славная дѣвочка! подумалъ Борисъ, глядя на нее. и онъ подумалъ это такъ спокойно, что Горшковъ, еслибъ могъ это почувствовать, непременно обозвалъ бы его презрѣннымъ рабомъ.

Мастодонтъ что-то такое читалъ возлежа, когда Надя и Борисъ вошли въ его кабинетъ.

Лидія Михайловна приподнялась, величественно улыбнулась и даже протянула руку Борису; мальчика надо было обласкать; онъ дѣлался первымъ будущимъ женихомъ въ городѣ.

— Bonjour cher m-r Telepneff, — запѣла она... enchantée... я много о васъ думала... Садитесь вотъ тутъ, на кресло... Nadine, вели мнѣ подать мантилью.

Борисъ сѣлъ.

— Ну, какъ вы, — продолжала принцесса, — я воображаю, какъ вамъ трудно одному въ большомъ домѣ. Ваша grand-maman, уѣхала.

— Я не совсѣмъ одинъ, отвѣтилъ Борисъ.

— Ахъ, да! я слыхала... кто-бишь мнѣ говорилъ? да, Горшковъ, что къ вамъ пріѣхала ваша тѣтка изъ Москвы... И Лидія Михайловна какъ-то поморщилась.

Борисъ покраснѣлъ, и готовъ былъ обругать эту крашеную статую.

— Она здѣсь не жила? спросила вдова.

— Нѣтъ-съ, отвѣтилъ Борисъ сухо, и минутъ чрезъ десять ушелъ изъ кабинета, сказавъ, что не хочетъ мѣшать Лидіи Михайловнѣ заниматься чтеніемъ.

— Какъ я за васъ рада, сказала ему Надя, въ залѣ; вамъ теперь легче; ваша тетушка живетъ теперь съ вами. Знаете, Боря, — сказала чуть-слышно Надя — мнѣ бы очень хотѣлось съ ней познакомиться, и съ вашей сестрой; она мнѣ такъ понравилась. Расскажите мнѣ про вашу тетушку, она молода?

— Молода, отвѣтилъ Борисъ, глядя на Надю съ улыбкой.

— И хорошенькая?

— Очень, сказалъ онъ, и ему почему-то сдѣлалось жалко Нади.

— Она не пріѣдетъ къ намъ? спросила Надя.

— Видите, Nadine, отвѣчалъ Борисъ, я не думаю, чтобъ тетенька стала знакомиться здѣсь въ городѣ.

— Отчего же?

— Она не можетъ выѣзжать.

Борисъ самъ не зналъ, почему онъ отвѣчаетъ за Софью Николасвну такъ утвердительно.

— Съ нами-то можно, только съ нами, проговорила Надя, опуская глаза.

— Да, вѣдь, если тетенька познакомится съ вашей маман, она должна будетъ ко всѣмъ ѣхать.

Ему дѣйствительно не хотѣлось, чтобъ Софья Николаевна знакомилась съ Теляниной.

Надя немножко огорчилась.

— Вотъ вы какой пехорошій, тихо промолвила она. А ваша музыка?

— Будемъ играть, отвѣтилъ Борисъ, а самъ въ эту минуту думалъ о своихъ дуэтахъ съ Софьей Николаевной.

— Тетушка ваша музыкантша? спросила Надя, краснѣя и поглядывая на Бориса какъ-то сбоку.

— Она играетъ и поетъ.

— И даже очень хорошо, вмѣшался Горшковъ, подходя къ нимъ. Мы ужъ вчера музыканили.

— Такъ, вы, этакъ насъ совсѣмъ забудете, проговорила Надя, и вся затуманилась.

Горшковъ силился одушевить общество, но ему не удавалось.

Онъ игралъ, и одинъ, и съ Надей, заставлялъ Бориса играть дуэты съ Надей, былъ даже любезенъ съ миссъ Чортъ и не дразнилъ Петиньку, но все какъ-то не кленлось. Часу въ десятомъ Борисъ взялъ фуражку, и распрощался.

— Прощайте, Борисъ Николаичъ, сказала ему Надя, я знаю, что вы у насъ не будете теперь нѣсколько мѣсяцевъ.

И въ голосъ бѣдной дѣвочки были чуть не слезы...

Борисъ пожалъ ей руку, и промолчалъ.

— Ты со мной ѣдешь, Валерьянъ? сказалъ онъ Горшкову.

Горшковъ сердито тряхнулъ своимъ вихромъ и проворчалъ:

— Убирайся, я съ тобой говорить не хочу. Я здѣсь еще остаюсь.

Борисъ улыбнулся, и вышелъ.

Дорогой онъ все думалъ о Надѣ. „А вѣдь я дѣйствительно скверно веду себя. Какъ она добра со мной, какое участіе— и такая миленькая, а я хоть бы одно теплое слово...“ И ему стало очень стыдно.

„Неужели я такъ поглощенъ однимъ... Онъ не досказалъ чѣмъ... Точно будто я потерялъ всѣ чувства и забылъ про всѣхъ для того, чтобы знать и думать только объ одномъ..“

Упреки, одинъ за другимъ, начали всплывать въ его душѣ, и ему становилось все грустнѣе и грустнѣе.

Пріѣхавъ домой, Борисъ пришелъ къ себѣ въ спальню, отпустилъ Якова, и хотѣлъ запереть дверь изнутри.

Вдругъ вошла Маша. Она подбѣжала къ нему, и крѣпко его обняла.

— Ты развѣ не придешь къ намъ?

— Нѣтъ, голубчикъ, мнѣ что-то спать хочется.

Онъ сѣлъ въ большое кресло, и посадилъ ее на колѣни.

— Ты и проститься не хотѣлъ придти, спросила дѣвочка, и прибавила грустнымъ голосомъ: ты меня разлюбилъ, Борисъ..

— Что ты, Машенька! Господь съ тобой...

— Я ужъ вижу, продолжала она, ты ужъ не тотъ; я тебя совсѣмъ не вижу, Борисъ... И она заплакала.

Борисъ началъ ее цѣловать.

— Ты тетю больше любишь, чѣмъ меня, говорила Маша, продолжая плакать: ты только на нее и смотришь, и ручки у ней цѣлуетъ...

— Развѣ тебѣ завидно, Маша?

— Пѣтъ, не завидно. А какъ ты меня разлюбишь?... ты такой сталъ мудреный, Борисъ... мнѣ страшно на тебя смотрѣть... Что съ тобой тетя дѣлаетъ? спросила она, глядя на него своими синими прозрачными глазами.

Борисъ невольно усмѣхнулся.

— Да ты не смѣйся, Борисъ, мнѣ тебя жалко очень... не знаю почему.

И она обняла его шею.

— Тебѣ грѣшно будетъ, коли ты меня разлюбишь; папа узнаетъ и ему больно будетъ.

Въ словахъ ребенка была какая-то чудная смѣсь дѣтскаго лепета со словами глубокой правды; каждое слово Маши проникало въ его душу. Борисъ чувствовалъ себя подавленнымъ, онъ не смѣлъ взглянуть на нее, и цѣловалъ только ея худенькіе, холодные пальчики.

Онъ вынесъ Машу на рукахъ изъ спальни, и поднялся съ ней на-верхъ. На площадкѣ онъ ее перекрестилъ и жарко поцѣловалъ.

— Полно, голубчикъ, сказалъ онъ ей, я немножко гру-

стиль, а ты меня совсѣмъ разогорчишь, если будешь говорить, что я тебя разлюбилъ.

— Не буду, не буду, Боринька. И она кинулась обнимать его. Ты не зайдешь къ тетѣ? спросила она.

— Нѣтъ, Маша, она ужъ, вѣрно, раздѣлась.

— Мы ждали тебя ужинать.

— Скажи, что я очень усталъ. Прощай.

Онъ сбѣжалъ съ лѣстницы. Въ корридорѣ взяла его за руку Мироновна.

— Чѣмъ, долговязый, тебя не видно цѣлый день? Ты нынче баринъ: съ тобой надо о дѣлѣ толковать... теперь вотъ въ кладовой...

— Ахъ няня! завтра объ этомъ...

— Да когда же завтра? завтра съ тетенькой на-верху засядешь.. Эхъ Боря! ты у меня что-то совсѣмъ развихлялся, и меня, старуху, совсѣмъ забылъ: ни разочка не заглянешь..

— Полно, голубушка, Мироновна, ты знаешь, я все еще такъ какъ-то...

Онъ не dokonчилъ, поцѣловалъ ее, и ушелъ къ себѣ.

А старушка долго еще стояла на одномъ мѣстѣ.

„Всѣ, всѣ говорятъ одно“ думалъ Борисъ, сидя на кровати—„неужели мнѣ до нихъ больше дѣла нѣтъ?... Маша моя безцѣнная! какія слова! я должно быть для нея все, все забылъ!...

„Тетя“!.. прошепталъ онъ, и заплакалъ.

Минуты черезъ двѣ онъ вскочилъ съ кровати. О! какъ ему захотѣлось бѣжать къ ней, на-верхъ. „Вѣдь она ждетъ меня: она огорчится!“! повторялъ онъ и порывался уже къ двери; но вдругъ бросился на подушку, и зарыдалъ еще болѣзненнѣе, чѣмъ въ первый разъ на этой самой кровати...

XXIII

Стала зима. Полетѣли дни за днями. — Въ большомъ домѣ сложился новый міръ. Незамѣтно, но съ каждымъ

часомъ, все больше и больше росло и проникало всюду вліяніе молодой хозяйки. Во всѣ мысли, привычки, занятія Бориса Софья Николаевна внесла полноту, опредѣленность, придала имъ живой интересъ, смягчила и осмыслила малѣйшую подробность будничной жизни. Отношенія ихъ были совершенно братскія; но въ сердцѣ Бориса жила тревога, съ которой не легко ему было справиться. И странно: Софья Николаевна какъ будто ничего не замѣчала... Въ ея тонѣ была какая-то прозрачная задумчивость... Каждое ея слово дышало простотой, она говорила съ Борисомъ, какъ съ меньшимъ братомъ, точно забывая, что она почти также молода, какъ онъ, не понимая точно, что ея голосъ, взглядъ, движенія, ласки, все-какъ электрическая искра зажигаю натуру молодого мальчика. Онъ боролся... и подъ конецъ немного успокоился, или лучше помирился съ своимъ новымъ чувствомъ... онъ притихъ. Борисъ гналъ отъ себя тревожныя мысли и вопросы; онъ приучалъ себя къ Софьѣ Николаевнѣ, и весь день проводилъ подлѣ нея. Съ новою силой принялся онъ за свои занятія; сталъ много читать и много думать о прочитанномъ. Они читали почти всегда вмѣстѣ... Все, что было ей извѣстно, надъ чѣмъ она задумывалась прежде, что было ея душевнымъ чтеніемъ, она съ женской мягкостью переливала въ душу Бориса, она возбуждала въ немъ работу ума спорами, замѣтками, самобытными мыслями, которыя у нея такъ и сыпались.

Самолюбіе Бориса было возбуждено. Онъ видѣлъ, что Софья Николаевна развитѣе его, и ему захотѣлось стать въ уровень съ нею, захотѣлось перечитать всѣ книги извѣстныя ей, получить на все свой взглядъ. И Софья Николаевна, при всемъ своемъ вліяніи на Бориса, не подавляла его самостоятельности... Она не учила его, не давала ему ни наставленій, ни готовыхъ мыслей, не побуждала его брать ея взгляды на вѣру. Она всегда говорила какъ бы для себя, точно удовлетворяла только потребности высказаться... и все у ней выходило свѣтло, мягко, примирительно... Для нея точно не существовало въ жизни ни мрачнаго зла, ни безвыходныхъ положеній, ни глубокихъ ударовъ. И происходило это не отъ сухости, не отъ жесткости натуры... напротивъ, теплота,

прорывалась у ней въ каждомъ словѣ... но она умѣла сглаживать противорѣчія, изъ всего извлекать смыслъ... ко всему обращаться съ любовью...

Объ томъ, что Борисъ перечиталъ до Софьи Николаевны они переговорили... Многое уже забылось имъ, или не было хорошенько понято... Она перечла съ нимъ это старое, приохотила его къ нѣмецкой поэзіи, дала ему нѣсколько серьезныхъ французскихъ книгъ, и освѣтила ему взглядъ на то, что онъ проглотилъ изъ обширной и трескучей французской беллетристики. День Бориса проходилъ, какъ одна минута. Возвратившись изъ гимназіи, онъ обѣдалъ, потомъ уходилъ къ себѣ въ комнату и занимался классными уроками...

Послѣ чаю начиналась его жизнь съ тетей. Она садилась на диванъ и читала. Три раза въ недѣлю Софья Николаевна давала ему уроки англійскаго языка. Ученье шло очень быстро. Въ два мѣсяца Борисъ началъ уже свободно понимать все, что читалъ. Бесѣды, споры, чтенія и уроки сдѣлались для Бориса до того необходимы, что онъ дня бы не могъ провести безъ нихъ. Вечеромъ, передъ ужиномъ, почти всегда, была музыка: играли дуэты, Софья Николаевна пѣла, или учила Бориса пѣть; онъ пробовалъ съ ней въ два голоса; часто они заигрывались въ четыре руки часа по два, по три. Абласовъ и Горшковъ принимали участіе во всѣхъ этихъ занятіяхъ, и видно было, что ихъ тянуло въ большой дикій домъ... Абласовъ тамъ перерождался, говорилъ много и всегда съ особеннымъ одушевленіемъ; Горшковъ то и дѣло приносилъ свои композиціи и показывалъ ихъ Софѣ Николаевнѣ, выслушивалъ ея мнѣнія, и очень ими дорожилъ.

Они оба учили Машу по послѣ-обѣдамъ, и эти уроки такъ ихъ занимали, что они всегда засиживались съ милой ученицей. А Маша, въ самое дѣло, становилась все милѣе и милѣе. Она, точно маленькая хозяйка большаго дома, одушевляла общество. Ея грація, веселость и необыкновенный тактъ всѣхъ приводили въ восхищеніе. Софья Николаевна занималась съ ней все утро; потомъ послѣ обѣда приходили ея юные учителя, а по вечерамъ она присаживалась къ болѣющимъ, и тихо слушала ихъ разговоры, изрѣдка вставляя

свое слово, всегда наивное и умное. Когда вечеромъ являлись гимназисты.— она каждому скажетъ что нибудь пріятное, попроситъ Горшкова поиграть, уведетъ Абласова въ залу и бѣгаетъ съ нимъ; всѣхъ проситъ за обѣдомъ кушать, и съ серьезнѣйшей миной разливаетъ вечерній чай. Дѣвочка тотчасъ поняла, что жизнь ея Бори стала иная, что ему пріятно быть постоянно съ тетей. Она всплакнула разъ—другой, и больше уже не позволяла себѣ упрекать Бориса. Онъ ее любилъ все также тепло; но она не была уже его исключительной привязанностью .. За то, какъ сіяло прелестное личико Маши, когда Борисъ уводилъ ее къ себѣ, или заходилъ къ ней въ комнатку, спрашивалъ ее про всѣ ея дѣтскія заботы и желанія, ласкалъ ее и называлъ своей милой, безцѣнной Машей.. Она понимала, что Боря ужъ большой, и нельзя же ему сидѣть по цѣлымъ днямъ съ ней, маленькой и глупой дѣвочкой... Не разъ она говорила ему: „вотъ, Боря, какъ мы славно теперь живемъ... если бы еще папу.. такъ лучше ничего не нужно... Тетя тебя любитъ.. и ты ее тоже... больше меня Боринька; да я не сержусь... вотъ, кабы она не тетя твоя была.. ты бы могъ на ней жениться!“

XXIV

Измѣнилась жизнь людей, измѣнилась и обстановка: жилыя комнаты большаго дома получили другой видъ. Въ одинъ мѣсяцъ ихъ нельзя было узнать. Диванная превратилась въ уютный рабочій кабинетъ и въ оживленную гостиную. Ее оклеили темными обоями, поставили новую мебель; наполнили ее цвѣтами и зеленью. На мѣстѣ стараго жесткаго дивана, гдѣ бабушка сидѣла дѣсятки лѣтъ, стоялъ мягкій, глубокий диванъ, на которомъ Борисъ и Софья Николаева про-

сигживали цѣлые вечера. У стѣны, примыкавшей къ гостиной, стояло пьянино, выписанное изъ Москвы; у противоположной стѣны помѣщался маленькій диванчикъ, тутъ ставился по вечерамъ чайный столъ, и Маша всегда хлопотала около него. Софья Николаевна придавала этой сухой комнатѣ такую привлекательность, что вся вечерняя жизнь большого дома сосредоточивалась въ ней. Она обставила ее разными бездѣлушками, съ которыми входитъ въ комнату жизнь. На столѣ, передъ диваномъ, лежали книги и журналы, Машины книжки и картинки, вездѣ видно было пріятное для глазъ разнообразіе, все дышало мыслью, работой, свѣжестью... и каждый вечеръ эта прежде суровая, старческая диванная на-полнялась молодыми лицами и молодыми голосами... и въ одинъ такой вечеръ больше слетало звуковъ и роилось мыслей, чѣмъ въ цѣлые годы владычества бабенъки.

Въ чайной помѣщался буфетъ. Тутъ было теперь царство Мироновны. Она разливала въ этой комнатѣ по утру чай, присматривала за столовымъ бѣльемъ и серебромъ, и сидѣла иногда по вечерамъ съ чулкомъ. Старушка была очень довольна своимъ положеніемъ. Но натурѣ дѣятельная, она имѣла теперь на рукахъ гораздо больше дѣла; занималась хозяйствомъ и Машей, и вездѣ поспѣвала. На Бориса она смотрѣла все также, по прежнему называла его *доловязымъ*, но привычка ходить за нимъ была такъ сильна въ Мироновнѣ, что каждое утро она подходила къ его спальнѣ и будила его. Тутъ у нихъ происходили всегда разговоры о разныхъ разностяхъ, и Борисъ видѣлъ съ удовольствіемъ, что Мироновнѣ пришлось по сердцу Софья Николаевна, что она не нахвалится ея добротой и смысленностью, какъ выражалась старушка.

Дѣвичья и верхнія коморки были также почищены. Въ нихъ размѣщены старухи, отъ которыхъ нельзя было избавиться. Комната Софьи Николаевны и Маши сдѣлались еще уютнѣе и свѣжѣе. Свѣтленькіе обои и простая мебель въ бѣлыхъ чехлахъ придавали имъ видъ необыкновенной чистоты... это были два пріюта изящной женственности: въ одномъ выпускался прекрасный цвѣтокъ, — а въ другомъ онъ жилъ уже въ полной красотѣ и энергіи. Борисъ рѣдко бывалъ въ ком-

натѣ Софьи Николаевны, его каждый разъ что-то удерживало. Онъ инстинктивно боялся чего-то. Когда ихъ бесѣды заходили далеко за полночь, онъ провожалъ ее на верхъ и тамъ оставался иногда нѣсколько минутъ; но рѣдко присаживался на диванѣ. Ему не хотѣлось тогда оставлять этой комнатки, гдѣ все дышало Софьей Николаевной, но онъ торопилъ себя, напоминалъ теткѣ, что пора спать, и быстро спускался внизъ къ себѣ, въ свою одинокую спальню.

А его спальня, хоть и была обновлена, но все носила на себѣ какой-то грустный отпечатокъ, по крайней мѣрѣ такъ казалось Борису, можетъ быть оттого, что тамъ онъ бывалъ одинъ съ воспоминаніями прежней скорбной жизни.

Бильярдная превратилась въ столовую. Въ ней было слишкомъ много мѣста для маленькой семьи въ три человѣка. Обѣдъ, всегда прекрасно сервированный, заказывался Софьей Николаевной. Она въ одну недѣлю измѣнила весь порядокъ въ домѣ, распустила лишнихъ людей, во все вошла сама, все привела въ приличный видъ, и съ постояннымъ вниманіемъ слѣдила за всѣми мелочами. Но ничего она не дѣлала, ни чѣмъ не распоряжалась, не переговоривши съ Федоромъ Петровичемъ и Борисомъ. Федоръ Петровичъ почти каждый день заѣзжалъ къ нимъ, больше по утрамъ; иногда обѣдалъ, вечеромъ бывалъ рѣдко, повторяя съ улыбкой „больно умно ужъ вы говорите, молодые люди; вамъ со мной скучно.“ Но онъ любилъ слушать пѣніе Софьи Николаевны, и разъ въ недѣлю доставлялъ себѣ это удовольствіе.

Федоръ Петровичъ продолжалъ хлопотать по дѣламъ своей опеки. Онъ помѣстилъ капиталъ и ѣздилъ осматрѣть деревни, привелъ тамъ все въ порядокъ, смѣнилъ прикащиковъ и строго слѣдилъ за ходомъ работъ, по донесеніямъ и деревенскимъ вѣдомостямъ.

Всѣ въ домѣ такъ привыкли къ нему, что смотрѣли какъ на роднаго; даже Горшковъ и Абласовъ сошлись съ нимъ, шутили; онъ имъ рассказывалъ анекдоты изъ своей школьной жизни, Федоръ Петровичъ былъ воспитанникъ московскаго университетскаго пансіона, и любилъ заводить объ немъ рѣчь, вспоминая времена, когда Мерзляковъ училъ ихъ поэзіи, а директоръ, старичокъ Антонскій, спрашивалъ на эк-

заменѣ изъ сельскаго хозяйства: по скольку яицъ несеть курица въ день.

И такъ, каждая жилая комната большого дома получила теперь смыслъ и жизнь. Но пріемная зала и гостинная стояли пустыя и холодныя, въ прежнемъ оледѣнеломъ видѣ. Только въ залѣ было новое фортепьяно, на которомъ Маша каждый день перебирала по клавишамъ своими прозрачными пальчиками.

Даже въ службахъ и на дворѣ все было подновлено и вычищено. Особенно кухня нуждалась въ этомъ. Безполезныя и безногія лошади были проданы и замѣнены тройкой прекрасныхъ сѣрыхъ лошадей. Савраска, по убѣжденію Теофила, осталась при домѣ; но лишилась уже чести служить молодому барину: она назначена была юнымъ учителямъ, каждое послѣ-обѣда — она привозила ихъ на урокъ и отвозила домой.

XXV

Наступили святки. Гимназистовъ распустили до 8 января Борисъ обрадовался зимней вакаціи. Не нужно было каждое утро отправляться въ классы; можно *цѣлый день* проводить дома.

Борисъ, вернувшись изъ гимназіи, объявилъ Софьѣ Николаевнѣ и Машѣ, что ни на минуту не расстанется съ ними, цѣлыхъ двѣ недѣли.

Маша захлопала въ ладоши и весь обѣдъ проболтала.

Вечеромъ, она рано ушла спать и Борисъ остался съ теткой въ диванной.

— Тетя, сказалъ Борисъ, мы можемъ удвоить наши англійскіе уроки теперь я цѣлый день буду дома.

— Хорошо, Борисъ, я стану тебѣ задавать переводы... Софья Николаевна прошла по комнатамъ и взглянула въ ок-

но. Какая сегодня славная, звѣздная ночь, не поѣхать-ли намъ покататься?

— Поѣдемте, въ маленькихъ санкахъ, я буду править... Сейчасъ велю заложить!...

Борись быстро вышелъ, и черезъ двадцать минутъ они уже ѣхали по площади.

Сильный морозъ хрустѣлъ подъ копытами и полозьями саней. Савраска бѣжала бойко, Борись сидѣлъ, плотно прижавшись къ Софѣ Николаевнѣ. Мягкій пухъ ея соболяго воротничка щекоталъ его лѣвую щоку и обдавалъ пріятной теплотой. Въ полусвѣтѣ снѣжной ночи, глаза ея блистали яркими звѣздами. Блѣдное лицо выглядывало изъ чорнаго атласнаго капора, точно изъ ниши, и дышало страстной красотой, среди холоднаго бѣлаго снѣга...

На поворотѣ съ площади въ Острожную улицу сани подскочили въ довольно глубокомъ ухабѣ. Софья Николаевна слегка вскрикнула и правой рукой схватила за Бориса.

Онъ остановилъ лошадь.

— Не бойтесь тетя, не выпадемъ.

— Я буду за тебя держаться, сказала Софья Николаевна и обняла Бориса.

— Да я васъ стѣснилъ... садитесь хорошенько... подальше отъ краю... Вотъ такъ... Борись самъ подвинулся. Софья Николаевна крѣпко охватила его рукой и улыбалась, глядя на него...

— Намъ надо чаще кататься, сказала она, мы съ тобой Боря, ужъ очень много сидимъ ..

— Да, тетя, особенно вы; я-то еще въ гимназію ѣзжу...

— А отчего ты не бываешь у Теляниныхъ?

Борись помолчалъ.

— Да оттого, тетя, началъ онъ, что мнѣ дома хорошо, меня никуда не тянетъ...

— Такъ-таки никуда? повторила она, бросивъ на него быстрый и ласкающій взглядъ.

— Никуда, отвѣтилъ Борись, и обратился къ ней всѣмъ лицомъ. Щоки его горѣли; онъ молча глядѣлъ на нее съ затасаннымъ трепетомъ. Возжи выпали у него изъ рукъ; са-

враска своротила въ сторону и чуть не стукнулась о фонарный столбъ.

— Боря, вдругъ вскрикнула Софья Николаевна, что жъ ты не правишь?

Боря встрепенулся и дернулъ лошадь.

— Простите тетя, проговорилъ онъ; я засмотрѣлся...

— На кого?

— На васъ... вышло у него. Боря испугался. Онъ никакъ не ожидалъ, что отвѣтитъ этими словами. Но вопросъ былъ такъ простъ, и такъ глубоко былъ онъ поглощенъ красотою своей тети, что истина сказалась...

Прошла минута молчанія.

-- На меня? промолвила Софья Николаевна. Такъ мнѣ съ тобой ѣздить нельзя, голубчикъ. ты меня непременно вывалишь.

И она громко засмѣялась.

Борису было и неловко и хорошо. Онъ смутился сначала; но смѣхъ Софьи Николаевны привелъ его въ какое-то небывалое настроеніе. Ему захотѣлось говорить, говорить про то, какъ онъ ее любитъ.

— Поѣдемъ по набережной, сказала Софья Николаевна. Что ты задумался? .. Да полно на меня глядѣть! И она опять разсмѣялась.

Борису сдѣлалось больно. Въ смѣхъ Софьи Николаевны онъ слышалъ какой-то равнодушный приговоръ.

Молча ударилъ онъ лошадь; Савраска побѣжала крупной рысью. Сани выѣхали на набережную. Тамъ дулъ довольно сильный вѣтеръ. Морозная пыль искрилась въ глазахъ. Отъ быстрой ѣзды и вѣтра лицо горѣло, грудь дышала порывисто. Борисъ ни разу не взглянулъ на Софью Николаевну. Она сидѣла прямо, подставивъ лицо вѣтру; глаза ея все больше и больше разгорались и пронизывали даль...

— Домой? спросилъ Борисъ, доѣхавъ до угловой башни, при поворотѣ на площадь.

— Нѣтъ, Боря, проѣзжай еще разъ по набережной... славная ночь...

— Дуешь, тетя, не простудитесь!

— Ахъ, полно...

Савраска сдѣлала еще два конца по набережной. Вѣтеръ крѣпчалъ и гудѣлъ, поднималась вьюга. Мелкій и острый снѣгъ лѣпилъ глаза, холодъ рѣзкій и пронзительный взбирался подъ шубы... Борисъ погонялъ Савраску и сжимался отъ холоду.

— Озябли, тетя? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нисколько, весело отвѣчала Софья Николаевна.

Вернулись домой Софья Николаевна пришла на верхъ въ салопъ. Борисъ остановилъ ее у лѣстницы.

— Прощайте, тетя, проговорилъ онъ.

— Ты развѣ не придешь ко мнѣ?...

— Спать хочется, отвѣтилъ Борисъ, не глядя на тетку

— Да что ты какой? Ты точно на меня разсердился?... И Софья Николаевна взяла его за обѣ руки. Да взгляни-же на меня!... Что это: стоишь точно къ смерти приговоренный. Дорогой возжи растерялъ.. такъ на меня заглядѣлся.. а теперь смотрѣть не хочетъ...

Борисъ поднялъ голову.

— Какія у васъ руки холодныя, тетя, проговорилъ онъ, вы продрогли?

— Немножко... да это не бѣда; а ты-то вотъ за что на меня разсердился? .. Ты, Борисъ, нѣтъ-нѣтъ, да и пошолъ хандрить; я вѣдь все замѣчаю... ты не смѣешь хандрить, слышишь? сказала она, пригрозивъ ему пальцемъ, — ты мнѣ долженъ все сказать, что у тебя тамъ, внутри происходитъ... Вотъ теперь вакація... мы читать будемъ меньше — станемъ больше говорить... Вѣдь ты прекрасный... ты знаешь-ли это?... А это не хорошо.. у меня душа на распашку съ тобой...

— А вы развѣ не видите, тетя, что у меня на душѣ? сказалъ Борисъ, смотря прямо ей въ глаза.

— Я еще не заглядывала! отвѣтила она.

— Я въ самомъ дѣлѣ скрытенъ, замѣтилъ Борисъ, точно про себя, вы меня исправите, тетя.. Онъ поцѣловалъ ея руку Прощайте, голубушка...

— Ну, прощай... Завтра приходи чай пить ко мнѣ. Софья Николаевна нагнулась и поцѣловала его въ лобъ. Ея лицо еще не согрѣлось. Зимней свѣжестью вѣяло отъ нея...

— Она начала подниматься. Борисъ смотрѣлъ вверхъ, и еще разъ они улыбнулись другъ другу.

— Что я отъ нее скрываю? подумалъ Борисъ, входя въ свою спальню. Что могу я ей сказать? Развѣ она не видитъ?...

Ему припомнился ея смѣхъ, ея взгляды, ласкающіе звуки ея голоса. „Неужели она смѣется надо мною какъ надъ глупымъ, сквернымъ мальчишкой?...”

И опять прежняя буря поднялась въ сердцѣ .. Опять Борисъ запутался въ тучѣ вопросовъ, опять онъ задышался въ знойномъ воздухѣ страсти.

„Чего-же тебѣ надо?“ шепталъ ему какой-то голосъ .. „Развѣ она не возлѣ тебя, развѣ ты не можешь ежеминутно любоваться ею, говорить про свою любовь, развѣ она запрещала тебѣ любить?... Не волнуйся и будь счастливъ... Ты любишь и тебѣ можно любить. “

Не скоро заснулъ Борисъ и ему снилось, что онъ катается съ нею по какой-то необозримой снѣжной равнинѣ... ему холодно, но онъ чувствуетъ на щекѣ ея жаркое дыханье... и черные глаза блещутъ... и смотрять на него такъ сладко, сладко...

XXVI.

Борисъ проснулся позднѣе обыкновеннаго.

Въ тѣ дни, когда не было классовъ, онъ всегда пилъ по утрамъ чай въ комнатѣ Софьи Николаевны.

Пробило половина десятаго. Борисъ пошелъ на верхъ и встрѣтилъ на площадкѣ Аннушку.

— Что, тетенька? спросилъ онъ.

— Одѣлись... да имъ что-то не можется... Ночью дурно почивали..

Борисъ отворилъ дверь, Софья Николаевна сидѣла закутавшись въ мѣховую мантилью.

— Что съ вами, тетя? проговорилъ онъ встревоженнымъ голосомъ, беря ее за руку...

— Ничего, Борисъ, а что?

— Да у васъ жаръ, посмотрите, глаза красные, руки, какъ огонь... это вы вчера, тетя, простудились... И ночь дурно почивали?

— Онъ глядѣлъ на нее, съ такимъ участиемъ, что она пожалала ему руку..

— Да, я дурно спала, промолвила она голова у меня не свѣжа.. да это ничего.

— Вы бы лучше легли, тетя... напились-бы чего-нибудь теплаго...

— Что ты, Борисъ... съ утра... эдакъ развалиешься... а я вотъ съ тобой чаю напьюсь.

Явилась Маша.

— Здравствуй, Борисъ, сказала она, цѣлуя брата. Тетя нездорова, за докторомъ надо... Тетя, лягьте... Она подошла къ дивану, и стала на колѣни передъ Софьей Николаевной... Борисъ пошли за докторомъ.

— Полноте, дѣти, промолвила Софья Николаевна, давайте лучше пить чай.

Она встала и подошла къ чайному столику Маша и Борисъ сѣли на диванъ. Борисъ все глядѣлъ на тетку. Щеки Софьи Николаевны горѣли. Въ глазахъ ее свѣтился лихорадочный блескъ. Видно было, что ей очень нелегко. Волосы въ беспорядкѣ падали на лобъ. Въ рукахъ чувствовалась чуть замѣтная дрожь. Она начала наливать чай, выпила чашку, ей стало очень жарко; она сняла мантилью, вернулась опять на прежнее мѣсто, и прилегла.

— Нѣтъ, тетя, голубушка, вы не перевозмогайте себя, заговорилъ Борисъ подбѣгая къ ней... Лягьте вы, ради Бога... Я съѣзжу за Эдуардомъ Ивановичемъ.

— Да ничего, вымолвила она и взялась рукой за голову.

— Какъ ничего... умоляю васъ... приложите укусу къ головѣ, поставьте горчичникъ.... Аннушка!... Борисъ выбѣжалъ въ корридоръ, позвалъ Аннушку, приказалъ ей раздѣть барыню и уложить въ кровать.

Софья Николаевна ничего не говорила. Она лежала за-

крывши глаза. Маша стояла передъ ней на колѣняхъ. На глазахъ ея были слезы.

— Тетя, милая, повторила она, что съ вами?...

Борись вернулся еще разъ къ дивану, Софья Николаевна приподнялась и взяла его за руку.

— Я лягу, проговорила она, ты успокойся, добрый мой Борись... просто у меня разболѣлась голова.. Она встала; Аннушка поддерживала и довела ее до кровати...

Борись смотрѣлъ на тетку и медлилъ выйти изъ комнаты. Жутко ему было. При одной мысли, что она можетъ опасно занемочь, захватывало у него дыханіе.

Наконецъ онъ спустился съ лѣстницы, велѣлъ челоуѣку привести извозчика, и черезъ пять минутъ скакалъ въ больницу, гдѣ надѣялся застать Эдуарда Иваныча.

Старичокъ докторъ, дѣйствительно, обходилъ въ это время больничныя палаты. Онъ выслушалъ Бориса, кивнулъ головой и проговорилъ:

— Сей-часъ буду.. посмотрѣвши на часы онъ прибавилъ: черезъ двадцать минутъ.

Борису это показалось ужасно долго..

А вамъ нельзя со мной Эдуардъ Иванычъ? промолвилъ онъ.

— Нѣтъ, не могу, долженъ кончить, лаконически отвѣтилъ аккуратный нѣмецъ...

Борись покорился и проговорилъ только:

— Пожалуйста не забудьте, прошу васъ.

Эдуардъ Иванычъ слегка усмѣхнулся.

— Вы не волнуйтесь такъ, это только маленькая простуда... сказалъ онъ и распростился.

„Поѣду къ Ѳедору Петровичу“, подумалъ Борись, и по-лѣтъ въ новую улицу къ Лапину.

Ѳедоръ Петровичъ встревожился.

— Да гдѣ же она простудилась? спрашивалъ онъ. Вѣдь она все дома!

— Вчера ей захотѣлось прокатиться въ саняхъ, вотъ мы и поѣхали; на набережной сильный вѣтеръ былъ.

— Эхъ, батюшка, что за радость кататься... въ нашемъ— медвѣжьемъ климатѣ... Тамъ на горѣ-то адскіе вѣтры!.. Ѳе-

доть Петровичъ нахмурился и началъ отыскивать шапку. Поѣдьте, проговорилъ онъ, вы тамъ одни-то голову поте-ряете...

— Я боюсь, говорилъ Борисъ дорогой, чтобъ воспаленіе не было... ужасный жаръ... у тетеньки.

— Ну, сей-часъ и воспаленіе! Простуда сильная можетъ быть...

— Эдуардъ-то Иванычъ-бы поскорѣе пріѣхалъ.

— Не обманеть, батюшка; а вѣдь ему нельзя-же бросить больницу... вѣдь они медики не такъ все къ сердцу принимаютъ, какъ мы; знаетъ, что ничего опаснаго теперь быть не можетъ... Ѳеодоръ Петровичъ видимо волновался, и—оставшуюся часть дороги промолчалъ. Борисъ сидѣлъ въ саняхъ закутавшись въ мѣховую шинель свою и думая только о томъ, что теперь чувствуетъ она, какъ у ней болитъ голова; а можетъ быть начался ужъ бредъ и воспаленіе...

На дворѣ дикаго дома стояли докторскіе сани, когда Борисъ и Ѳеодоръ Петровичъ подѣхали къ крыльцу Борисъ успокоился и взбѣжалъ сей-часъ же на верхъ.

Онъ взошелъ къ Софѣ Пикалаевнѣ въ минуту, когда Эдуардъ Иванычъ сидѣлъ у стола и прописывалъ рецепты. Мирославна стояла противъ него. Видно было, что онъ ей давалъ передъ тѣмъ какія-то наставленія.

Одна половина алькова была открыта. У изголовья кровати стояла Аннушка; а Маша сидѣла въ ногахъ, на скамейкѣ. Аннушка прикладывала бѣлый, мокрый платокъ къ головѣ Софьи Николаевны.

Все это показалось Борису чѣмъ-то нехорошимъ, зловѣщимъ. Въ комнатѣ уже чувствовался особый воздухъ, спутникъ болѣзни.. очень хорошо ему знакомый.

Тихо, на цыпочкахъ, приблизился Борисъ къ алькову.. Имъ овладѣла робость и нѣкоторый стыдъ; ему хотѣлось спросить: можно-ли видѣть Софью Николаевну въ кровати.

Но въ эту минуту больная сдѣлала движеніе и онъ увидалъ ея лицо, на половину закрытое платкомъ. Глаза были опущены, щочки горѣли, вокругъ глазъ точно уходили внутрь большіе синеватые круги. Борисъ подошелъ еще ближе къ кровати. Софья Николаевна лежала на спинѣ, склонивши го-

лову на бокъ; что-то утомленное, страдающее чувствовалось во всемъ положеніи тѣла. Она покрыта была темнымъ одѣяломъ. Рѣзко отдѣлялась отъ него бѣлая кофта и бѣлыя прозрачныя руки, опущенныя внизъ безъ всякаго движенія.

Борись молчалъ. Онъ боялся сдѣлать вопросъ Аннушкѣ, Машѣ; онъ боялся потревожить больную.. малѣйшимъ шорохомъ.

Она открыла глаза, увидала Бориса, взглянула на его синіе глаза, полные заботы и любви и улыбнулась..

Медленно приподняла она лѣвую руку и протянула ему. Онъ схватилъ ее и горячо поцѣловалъ.

— Добрый мой... тихо проговорила она... не волнуйся, пожалуйста...

— Что вы чувствуете, тетя? спросилъ Борисъ, нагнувшись къ ней.

— Боль въ головѣ и вотъ здѣсь. Она указала на грудь, приподнялась на кровати и закашлялась.

Борису этотъ кашель показался очень не хорошимъ.

— Грудь болитъ? спросилъ онъ.

— Да, отвѣтила Софья Николаевна и опустила на подушки.

Глаза опять закрылись; на губахъ осталась улыбка.

Борись обернулся въ сторону Маши. Маша приподнялась со скамейки, бросила на него глубокій взглядъ, тихонько прижалась къ нему и схватила его руку. Онъ поцѣловалъ ее въ голову.

— Тетя... бѣдная... прошептала Маша..

Софья Николаевна раскрыла глаза и взглянула молча на Машу.

Борису сдѣлалось очень тяжело. Онъ подошелъ къ Эдуарду Ивановичу Докторъ дописывалъ другой рецептъ. Дописавши, онъ всталъ, и отдалъ его Мионовнѣ.

— Однѣ тутъ капли, дать когда принесутъ и на ночь; а микстуру черезъ часъ по столовой ложкѣ, проговорилъ онъ съ разстановкой.

— Наружнаго ничего не дадите? спросилъ тихо Борисъ..

— Не знаю, что будетъ вечеромъ... Эдуардъ Ивановичъ подошелъ еще разъ къ кровати. Онъ вынулъ трубку чорнаго

дерева и приложилъ ее къ груди больной. Потомъ постукалъ; еще разъ приставилъ трубку и слушалъ нѣсколько минутъ, сморщивъ одинъ глазъ.

— Что вы мнѣ прописали? спросила Софья Николаевна.

— Микстуру... будьте такъ добры... чередъ часть... васъ успокоить... и груди будетъ легче... Все это Эдуардъ Ивановичъ выговорилъ очень кротко, и долго смотрѣлъ на больную; точно онъ по лицу ея хотѣлъ опредѣлить развивающуюся болѣзнь.

— Вечеромъ я буду непременно, добавилъ старичокъ и тихими шагами вышелъ изъ комнаты.

Бирисъ бросился за нимъ.

— Эдуардъ Ивановичъ, ради Бога, просилъ онъ спускаясь съ лѣстницы... скажите мнѣ: что у тетеньки?.. Ничего опаснаго?...

— Нѣтъ, ничего.. пока еще не ясно...

— Да вы, пожалуйста, отъ меня не скрывайте... если болѣзнь серьезная лучше же сказать...

Они остановились на площадкѣ. Снизу поднялся Федоръ Петровичъ.

— Ну, что? спросилъ онъ тихо, подавая руку доктору! Здравствуйте, батюшка Эдуардъ Ивановичъ. Что такое случилось у нашей барыни?

— Сильная простуда.. воспалительное состояніе... въ легкихъ не совсѣмъ хорошо... прошепталъ старичокъ отрывисто.

— Но что же можетъ развиться? спросилъ Борисъ, впившись глазами въ старичка, какъ бы желая проглотить у него въ душѣ всю его медицинскую мудрость.

— Не знаю; если къ вечеру груди не будетъ легче — тогда можетъ быть воспаленіе.

— Въ легкихъ, досказалъ Борисъ.

— Да, отвѣтилъ кратко старичокъ. Я прописалъ средство противъ пневмоніи... мы захватимъ болѣзнь, натура хорошая.

— Микстуру прописали? проговорилъ Борисъ.

Да, порядочную дозу *Tartari emetici*. Надо теперь слѣдить... Если поелъ обѣда будетъ хуже, пришлите за мною.

— Пивокъ не будете ставить? спросилъ Федоръ Петро-

вичъ; у меня тоже было разъ воспаленіе: такъ мнѣ шесть-десять штукъ закатили.

Эдуардъ Ивановичъ поморщился.

— Безъ нужды зачѣмъ... изнурять не надо, проговорилъ онъ внушительно.

Они спустились въ залу.

— Вы послѣ обѣда домой, сказалъ Борисъ.

— Да, весь вечеръ; пришлите прямо ко мнѣ на квартиру.. Взглянувши на Бориса, старичокъ улыбнулся и проговорилъ: вы, пожалуйста, не бойтесь такъ... за вашу те-тушку...

— Извѣстное дѣло, замѣтилъ Ѳедоръ Петровичъ... Это не то что старый человѣкъ... Вѣдь вотъ климатъ-то у насъ жестокій, суровость какая... Долго-ли воспаленіе схватить!

— Вчера она себя хорошо чувствовала? спросилъ докторъ, обращаясь къ Борису.

— Да-съ, она была совершенно здорова... промолвилъ грустнымъ голосомъ Борисъ. Въ эту минуту ему представлялась все вчерашняя поѣздка.

— Вотъ ѣздили кататься, вставилъ Ѳедоръ Петровичъ; на набережной и прохватило.

Звучали эти слова упрекомъ тяжелымъ. Борисъ чувствовалъ, какъ нѣсколько свѣтлыхъ минутъ совершенно поглотившись новымъ страданіемъ.

Старичокъ скоренько распрощался и уѣхалъ.

Долго Борисъ молча ходилъ съ Ѳедоромъ Петровичемъ по залѣ.

— Ну, что вы, батюшка, раскисли такъ? проговорилъ наконецъ опекунъ.

Борисъ поднималъ голову.

— Я не раскисъ, Ѳедоръ Петровичъ; а жалко мнѣ и... въ нашемъ домѣ все болѣзнь... и смерть.

— Ну, и смерть... что вы перекреститесь! Болѣзнь захвачена; да можетъ, и не будетъ ничего... Кто тамъ около нея?

— Мироновна и Аннушка... Да я стану тамъ сидѣть..

— Можно ее видѣть-то?

— Можно, Оегуръ Петровичъ; только она не говорить и почти не открываетъ глаза.

— Ну, такъ я не стану ее беспокоить. Ступайте туда, а я домой поѣду... Послѣ обѣда явлюсь... Не бойтесь; она у насъ барыня добрая, какъ разъ будетъ здоровенька.

— Ахъ, кабы вашими устами да медъ пить,—промолвилъ Борисъ, провожая Оедора Петровича въ лакейскую.

— Воспаленіе, пнеймонія... *Tartarus emeticus*! повторялъ онъ ходя по залѣ. Что-то будетъ? Воспаленіе вѣдь можетъ скрутить въ три дня!—И онъ чувствовалъ, какъ на лбу его выступалъ холодный потъ. Любовь, страхъ, тоска смѣшивались въ душѣ его съ какой-то досадой; онъ сердился на медика; Эдуардъ Иванычъ казался ему сухимъ, слишкомъ равнодушнымъ: онъ пропустилъ время! онъ ее погубить! повторялъ Борисъ. Зачѣмъ не поставилъ онъ пѣявокъ? Чего онъ ждетъ?..

Неутолимая, жгучая тревога такъ и обдавала его трепетнымъ жаромъ, и рой черныхъ думъ все сильнѣе и сильнѣе осаждалъ сердце бѣднаго мальчика. И въ эту минуту онъ не повторялъ, какъ любить прекрасную свою тетю.

Въ корридорѣ Борисъ столкнулся съ Мироновой.

Старушка шла на верхъ.

— Послала за лекарствомъ? быстро спросилъ ее Борисъ.

— Послала.

— Кого?

— Оеофана, верхомъ... Ты ужъ больно-то не тревожься, долговязый; ты погляди-ка, на тѣбѣ лица нѣтъ...

— Да что, няня... докторъ вишь сказалъ, что воспаленіе можетъ быть..

— Мало-ли что они говорятъ, они всегда пугаютъ. всякую лихую болѣсть выдумаютъ...

Старушка смотрѣла на Бориса съ заботой и недоумѣніемъ.

— Ты у меня совсѣмъ изведешься, говорила она.

— Пойдемъ на верхъ, сказалъ ей въ отвѣтъ Борисъ, и началъ подниматься по лѣстницѣ.

Больная все лежала съ закрытыми глазами. Борисъ взглянулъ на нее, и тихо опустился на диванъ.

Томительно считалъ онъ минуты и прислушивался къ ды-

ханію больной и смотрѣлъ на дверь, думая: скоро-ли принесутъ лекарства.

Лекарства принесли. Софья Николаевна приняла ихъ. Съ полчаса она была пободрѣе, говорила съ Машей и Борисомъ, шутила съ ними; но потомъ опять стихла и заснула. Послѣ обѣда, часу въ четвертомъ, она почувствовала себя хуже: кашель усилился, дыханіе захватило, жаръ сталъ знойнымъ... начался даже бредъ.

Борисъ тотчасъ послалъ за докторомъ, и въ тревогѣ ходилъ по залѣ. Ему представлялась уже вся картина болѣзни, всѣ страданія Софьи Николаевны; онъ ясно видѣлъ, что опасность близко, и съ каждымъ днемъ будетъ все сильнѣй и сильнѣй.

Эдуардъ Ивановичъ пріѣхалъ и очень призадумался. Онъ никакъ не ожидалъ такого быстрого хода болѣзни. Онъ прописалъ усиленную микстуру, послалъ за пѣвками, самъ ставилъ ихъ, пробылъ около больной до самого вечера, просилъ прислать за нимъ даже ночью, если будетъ нужно, и вообще показалъ большую внимательность.

Вечеромъ заѣзжалъ и Ѳедоръ Петровичъ, началъ было развлекать Бориса; да это ему не удалось. Бѣдный мальчикъ слушалъ опушта голову и ничего не слышалъ изъ того, что ему говорилъ добродушный опекунъ.

Всю ночь Борисъ провелъ безъ сна на верху, въ комнатѣ Маши. Софья Николаевна спала тревожно, безпрестанно просыпалась, жаръ не переставалъ; сознание терялось.

Смотря на нее, Борисъ вспоминалъ умиравшаго отца.

XXVII.

Протянулось десять дней. Болѣзнь Софьи Николаевны росла. Воспаленіе легкихъ энергически боролось со свѣжею натурой. Произошелъ наконецъ сильный, рѣшительный кри-

зись. На одиннадцатый день сознание вернулось, кончился бредъ, жаръ ослабъ, больная открыла глаза и заговорила.

Не малыхъ душевныхъ стараній стоили Борису эти десять дней. Онъ провелъ ихъ у кровати своей безцѣнной тети; не спалъ ни одной ночи, не позволялъ никому давать ей лекарства, слѣдилъ за малѣйшимъ движеніемъ ея страдающаго тѣла.

Эдуардъ Ивановичъ тоже измаялся. Онъ ѣздилъ по три раза въ день, и такъ привязался къ своей пациенткѣ, что опаздывалъ даже на визитацію въ больницу.

Большой дикій домъ жилъ въ эти дни безмолвною, тоскливою жизнью. Всѣ ходили на цыпочкахъ, шептались. На верху было еще тоскливѣе, чѣмъ внизу.

Слышенъ былъ только сухой кашель больной; а иногда шопотъ и тихія ласки Маши, сидящей гдѣ-нибудь въ уголкѣ, съ своимъ Борей. Дѣвочка сперва сильно плакала, потомъ перестала, подсмотрѣвши разъ, что Борисъ лежалъ въ ея комнатѣ на диванѣ и удерживалъ рыданія. Съ того дня она стала слѣдить за нимъ, точно старшая сестра, и утѣшала его своими теплыми ласками. Ея уроки прекратились. Разъ два приходили юные учителя; но ей было не до ученья. Нѣсколько ночей просидѣли съ Борисомъ Горшковъ и Абласовъ. Они съ участіемъ наблюдали за нимъ, и видно было, что серьезная болѣзнь Софьи Николаевны ихъ всѣхъ задѣла за живое.

Федоръ Петровичъ такъ затуманился, что совсѣмъ замолкъ. Онъ являлся разъ по пяти на день; и разъ ночевалъ даже въ спальнѣ Бориса. Какъ не былъ онъ расположенъ къ Эдуарду Ивановичу, какъ ни вѣровалъ въ его лекарство, но когда болѣзнь Софьи Николаевны разыгралась, дня за два до кризиса, онъ предложилъ консилиумъ.

Борисъ желалъ того же; но добродушный нѣмецъ не согласился, повторяя, что до этой минуты онъ еще можетъ взять болѣзнь на свою отвѣтственность. И онъ не обманулся.

Съ радостнымъ, сіяющимъ лицомъ повторялъ онъ Федору Петровичу и Борису:

— Я говорилъ, натура хорошая; прекрасный переломъ, опасности нѣтъ.

Домъ оживился. У всѣхъ на сердцѣ стало легче, и прежде всего у Бориса.

XXVIII.

Вечеромъ того дня, какъ Софѣ Николаевнѣ сдѣлалось лучше, часу въ девятомъ, Борисъ сидѣлъ около ея кровати.

Въ комнатѣ никого больше не было. Больныя лежали тихимъ, укрѣпляющимъ сномъ. Ея ровное, медленное дыханіе успокоивало нервы Бориса, въ этомъ дыханіи уже чувствовалось здоровье. На столикѣ, въ простѣвкѣ, горѣла свѣча съ низкимъ, зеленымъ абажуромъ. Свѣтъ ея почти не проникалъ въ альковъ.

Борису было легко, точно онъ самъ выздоравливалъ отъ какой-нибудь изнурительной болѣзни,

Долго смотрѣлъ онъ въ полночи на блѣдное, прекрасное лицо Софьи Николаевны. Въ первый разъ сознался онъ со всею силою, что такое для него тетя, и чувство радости охватило его... Любовь, прежде смутная, робкая, говорила теперь такъ ясно, такъ видимо. Онъ не смущался уже болѣе, онъ не пугалъ себя, не сдерживалъ. Тутъ, у кровати выстрадалъ онъ эту любовь.

Тихо, почти безсознательно опустился Борисъ со стула на колѣни, и такъ стоялъ, то всматриваясь въ ея лицо, то прикасаясь губами къ одѣялу

Что-то неиспытанное еще, но глубоко радостное и вмѣстѣ страстное, молодое овладѣло имъ.

Софья Николаевна открыла глаза:

— Боря, прошептала она.

Онъ быстро поднялъ голову. Она тоже приподнялась и протянула ему руки.

Борисъ взглянулъ ей въ лицо, гдѣ начиналась уже жизнь. Глаза Софьи Николаевны отвѣчали ему глубокой нѣжностью.

Ничего не могъ выговорить Борисъ. Слезы подступили ему подъ горло и полились. Онъ громко зарыдалъ. Софья Николаевна была поражена этимъ сильнымъ, порывистымъ голосомъ любви. Нѣсколько минутъ она молчала, не прикасалась къ Борису, только глядѣла на него сосредоточенно; на лицѣ ея играла мягкая улыбка.

Милый мой, проговорила она, наконецъ, и положила руку ему на голову. О чемъ же ты плачешь!

— Тетя, ангелъ, вырвалось у него. И онъ сталъ страстно цѣловать ея руки.

— Мнѣ лучше, продолжала она, лаская Бориса.

Онъ пересталъ плакать и молча глядѣлъ на нее.

— Тебѣ меня жалко было? спросила она, и не дожидаясь отвѣта, она промолвила: такъ вотъ ты меня какъ любишь!

— Да, люблю, люблю, шепталъ Борисъ, самъ не зная, что онъ говорить.

— О чемъ же ты плачешь? повторила она.

— О чемъ? спросилъ Борисъ порывисто.... Какъ о чемъ?... я плачу отъ радости, тетя... вѣдь вы спасены. вѣдь вы будете жить... здѣсь, съ нами, со мной... И онъ покрывалъ поцѣлуями ея тонкіе, прозрачные пальцы...

И вдругъ, точно испугавшись, онъ выпустилъ изъ своихъ рукъ ея руки и привсталъ. Въ его чертахъ проскользнуло что-то темное; ѣдкое чувство покорило его.

Она подняла на него свои блестящіе, утомленные болѣзнью глаза, и взглядомъ спрашивала: что съ нимъ?

Потомъ взяла его за руку, пожала и проговорила:

— Что съ тобой, Боря, голубчикъ?

Въ голосѣ Софьи Николаевны дрожало столько мягкости и сдержанной, тихой нѣги, что, видно, на сердцѣ Бориса опять все просіяло.

Онъ весь вспыхнулъ, опустился на колѣна и, точно обезумѣвъ отъ радости и счастья, началъ осыпать ее горячими страстными ласками.

Софья Николаевна отдавалась имъ. Она вся затихла, но глаза ея говорили. Она поняла, какая страсть жила передъ нею. Ей было все ясно.

— Вы мнѣ не запретите любить васъ? шепталъ Борисъ..

я не могу безъ васъ жить, тетя... вы для меня все... и мать и сестра... нѣтъ! вы больше матери.. вы дороже мнѣ Маши... я давно, съ первыхъ дней... мучился и любилъ васъ... Какъ? вы сами видите... Мнѣ не стыдно вамъ это говорить... Прежде было стыдно, а теперь нѣтъ... Мнѣ ничего не нужно; только не гоните меня дайте мнѣ глядѣть на васъ, слушать васъ, не покидайте меня...

Все это Борисъ выговорилъ отрывисто, со слезами на глазахъ, откинувъ голову назадъ и впиваясь глазами въ блѣдное, нервное лицо Софьи Николаевны.

Въ словахъ его ключемъ была молодая, первобытная страсть, А на лицѣ горѣлъ стыдъ, стыдъ разоблаченной сердечной тайны, трепеть свѣжей души, бьющейся въ первыхъ мукахъ и въ первомъ наслажденіи любви.

Она его слушала и улыбалась, Что было въ этой улыбкѣ?.. трудно сказать. Не то жалость, не то страхъ, не то любовь.

— Полно, Боря, вдругъ произнесла она, прерывая его порывистую рѣчь Ты слишкомъ страдаешь... Я вижу, какъ ты любишь и люби... Я не буду осуждать тебя!

Съ этимъ словомъ она взяла его обѣими руками за голову и долго, долго на него глядѣла.

— Люби меня, повторила она, и не мучься... я хочу чтобъ ты былъ счастливъ... добрый, дорогой мой Боря.

Больше ужъ ничего не слышалъ Борисъ. На губахъ его горѣлъ поцѣлуй.

Дверь тихонько отворилась. Вошла Маша.

Борисъ все еще стоялъ у кровати на колѣнахъ.

Маша бросилась къ теткѣ и стала ее цѣловать.

— Тѣтя, тѣтя, повторяла дѣвочка радостнымъ голосомъ... Теперь вы здоровы... Только вы не смѣйте говорить со мной... вредно вамъ.. Боря, сказала она брату, пойдемъ, простимся съ тетей, она устала, видишь, какіе глаза-то... И Маша поцѣловала тетку сперва въ лѣвый, а потомъ въ правый глазъ...

Борисъ всталъ и глядѣлъ все на Софью Николаевну. Сколько радости было на его лицѣ. Съ какимъ-то торжественнымъ чувствомъ приложился онъ къ ея рукѣ.

— Ну, пойдемъ-же, Боря, повторила Маша.

— Прощайте... голубушка.. тихо, почти съ благоговѣніемъ произнесъ Борисъ.

— Прощай, отвѣтила она, и приподнявшись, перекрестила его. Спокойно, свѣтло было выраженіе ея похудѣвшаго, блѣднаго лица. Прощай Маша, прибавила она и поцѣловала ее.

— Я къ вамъ пришлю Аннушку, промолвила Маша, уводя Бориса изъ алькова.

Когда они перешли въ Машину комнату, Борисъ точно очнулся отъ сна. Онъ вдругъ схватилъ свою сестрѣнку, и началъ горячо ласкать ее. Вся сила чувства, впервые загворившаго свободно, была въ этихъ ласкахъ. Маша удивленно смотрѣла на него. Давно онъ не ласкалъ ее такъ горячо.

— Ты радъ за тетю, сказала она.

— Да, да, голубчикъ мой, повторилъ Борисъ; и на душѣ его было сладкое, неизмѣримо сладкое ощущеніе. *Она позволила ему любить.* Вотъ что наполняло его свѣтлой радостью, какой никогда еще не приводилось ему испытать.

Онъ почти ничего не могъ связать въ головѣ, онъ не могъ говорить Машѣ о томъ, что захватывало ему духъ отъ наслажденія. Онъ только улыбался и цѣловалъ ее.

И все въ эту ночь было полно для него новой жизни, все благоухало надеждой, всему вѣрилось.

Даже къ Мироновнѣ бросился онъ чуть не на шею, и старушка поняла, отчего такъ веселъ ея *домовязый*.

Долго ходилъ по своей спальнѣ Борисъ и тихо повторялъ ея слова, точно завѣряя себя, что онъ дѣйствительно ихъ слышалъ...

Эти минуты вознаградили его за все, за недавнюю тревогу, за муки и слезы, которые лились въ тѣ бессонныя ночи, когда онъ рыдалъ на своей одинокой кровати.

Все въ домѣ уже спало. Борисъ поднялся еще разъ на верхъ. У Софьи Николаевны мерцалъ огонекъ лампы. Въ креслахъ сидѣла и дремала Аннушка. Тихо раздавалось дыханіе больной. Альковъ не былъ задернутъ. Борисъ подошелъ къ нему. Софья Николаевна лежала на спинѣ, руки были сложены на груди. Лицо почти не отдѣлялось отъ бѣ-

лой подушки: только брови и двѣ пряди волосъ чернѣлись въ темнотѣ алькова.

Неподвижно стоялъ Борисъ, всматриваясь въ дорогія черты. Какое-то отрадное спокойствіе разлилось по нему. Онъ благодарилъ, онъ вѣрилъ, онъ любилъ.

XXIX.

Выздоровленіе Софьи Николаевны шло быстро. Она уже вставала съ постели, и сидѣла подолгу на диванѣ, окруженная своими дѣтьми. Съ каждымъ днемъ здоровье все больше оживляло ея лицо, щоки начинали теплиться румянцемъ, глаза опять заблестали глубокимъ блескомъ. Она еще похорошѣла; лицо ея получило какой-то нервный отгѣнокъ, болѣзнь дала ей новую силу взгляда и улыбки.

Сидя возлѣ тети, и не отрывая отъ нея глазъ, Борисъ былъ счастливъ. Онъ говорилъ себѣ, что между нимъ и ею другая жизнь, другая связь. Но ни однимъ словомъ, ни однимъ порывомъ не вызывалъ онъ наружу любовь свою. Онъ думалъ теперь только объ ней, объ ея выздоровленіи; онъ боялся нарушить ея покой и былъ счастливъ уже тѣмъ, что можетъ свободно любить, безъ ѣдкой внутренней борьбы.

Они рѣдко оставались одни. Всегда между ними была Маша. Софья Николаевна засыпала рано, часу въ десятомъ, и поздно просыпалась. Борисъ приходилъ къ ней въ одно время съ сестрой, садился у кровати, болталъ, читалъ вслухъ, обѣдалъ на верху же; но по вечерамъ сидѣлъ у себя, боясь утомлять ее разговорами. Ея тонъ не измѣнился. Она все также его ласкала, какъ и прежде, безъ всякой сдержанности, безъ малѣйшаго новаго взгляда, мысли, слова.

Если бы Борисъ не былъ упоенъ радостнымъ чувствомъ свободы: *любить такъ, какъ того хотѣло его сердце*, онъ сейчасъ бы замѣтилъ, что въ Софьѣ Николаевнѣ видно слишкомъ много спокойствія. Она улыбалась такъ безразлично, такимъ

смѣющимся глазомъ смотрѣла на Бориса, что каждый бы увидалъ въ этихъ взглядахъ и улыбкѣ женщину, которой точно совсѣмъ и неизвѣстна буря, разыгрывающаяся въ душѣ молодого мальчика.

Но онъ еще не замѣтилъ этого. Софья Николаевна совсѣмъ оправилась. Она сошла внизъ въ тотъ день, какъ Борису пришлось опять ѣхать въ гимназію. Три недѣли зимней вакаціи были для него цѣлымъ періодомъ полной жизни: для него занялась новая заря; онъ уже чувствовалъ себя вполне человѣкомъ; ничего не давалось ему даромъ; первая любовь его просіяла сквозь тяжелую бурю душевную.

А на немъ опять былъ сюртукъ съ краснымъ воротникомъ; опять виднѣлась впереди вереница дней, однообразная нить мальчишеской жизни, съ уроками, перемѣнами, звонками, Егоромъ Пантелѣичемъ, и всѣми уродами большого сѣраго зданія, куда нужно было отправляться въ тѣ же неизбѣжные часы.

XXX.

Въ тотъ же день, вечеромъ, прежнее молодое общество собралось въ диванной.

Маша опять сѣла за свой столикъ и разливала чай.

Софья Николаевна помѣщалась въ диванной, возлѣ нея Борисъ; противъ нихъ Абласовъ и Горшковъ.

Какъ-будто ничего не прерывало ихъ вечернихъ бесѣдъ: тѣ же веселыя лица были тутъ, тѣ же голоса раздавались звонко и оживленно. Облачко пронеслось надъ большимъ дикимъ домомъ точно затѣмъ только, чтобы молодая жизнь заиграла въ стѣнахъ его еще ярче и радостнѣе.

— Вы на меня не сердитесь, пожалуйста, обратилась Софья Николаевна къ гимназистамъ.

— За что же? спросилъ Абласовъ, улыбаясь, по обыкновенію, своей тихой улыбкой.

— Да какже? Рязвѣ я не знаю... вы просиживали здѣсь по цѣлымъ ночамъ. Вы могли бы провести праздники такъ хорошо; а вышло, что я все испортила своей глупой болѣзнью. Посмотрите, вонъ у меня Боря-то какой,—даже щоки у него впали.

Она разсмѣялась и взглянула на Бориса искося.

— Да, Борисъ дѣйствительно похудѣлъ, заговорилъ Горшковъ; ну да объ этомъ что же вспоминать, Софья Николаевна. Я вакацій не жалѣю... Онѣ всегда вѣдь проходятъ глупо! Лучше всего то, что вы теперь здоровы и мы опять всѣ вмѣстѣ.

— Ну, а что вы дѣлали въ эти три недѣли? спросила Софья Николаевна.

— Да ничего, проговорилъ добродушно Абласовъ. Кое-что читали... спали много, добавилъ онъ съ какимъ-то комическимъ вздохомъ.

— Ну, и прекрасно.. значить вы теперь будете посвѣжѣе.

— Да ужъ конечно такъ, прервалъ Горшковъ... Въ праздники, знаете, Софья Николаевна, и лѣнь-то нападаетъ праздничная, часовъ во дню много... одинъ за другимъ проходятъ... а ты себѣ лежишь да думаешь: что торопиться, вѣдь вакаціи, день-то великъ.

— Ахъ, Горшковъ, вамъ-то бы ужъ грѣхъ лѣниться.

— Да онъ, кажется, что-то написалъ, вполголоса промолвилъ Абласовъ.

— Правда? спросила Софья Николаевна.

— Согрешилъ немножко... Это вотъ на послѣднихъ дняхъ — послѣ новаго года... Да какъ-то стало плохо писаться, прежде легче шло.

— Отчего же такъ?

— Больше видно мудрить, проговорилъ Абласовъ, и тихо засмѣялся.

— Увидимъ, увидимъ, послѣ чаю вы намъ сыграете.

— Непремѣнно-съ. Горшковъ перевернулся на креслѣ, и всѣ черты его вдругъ оживились. Ему, видно, очень хотѣлось опять грѣшнить для Софьи Николаевны.

Маша поднесла чаю своимъ учителямъ.

— Вотъ эта чашка вамъ, Валерьянъ Михайловичъ... вамъ

послаще, а вы, Абласовъ, съ лимономъ пейте. Если не сладко, я еще дамъ сахару... Какъ я давно ужъ васъ чаемъ не поила, сказала она весело... а вотъ мы въ диванной на прежнихъ мѣстахъ.

Она подошла потомъ къ брату.

— Вотъ Борисъ-то у насъ веселый сталъ.. Онъ хоть и молчить, а улыбается... Тебѣ покрѣпче или послабже, Боринька?

— Покрѣпче, дружокъ, проговорилъ Борисъ, погладивъ ее по волосамъ.

— Ну, а мнѣ какого чаю дашь? спросила Софья Николаевна.

— Вамъ, тетя, крѣпкаго никакъ нельзя, проговорила Маша, наморщивъ свой хорошенькій лобикъ.

— Отчего же это такъ?

— Эдуардъ Ивановичъ запретилъ, развѣ вы не помните?

— А ты не позволишь?

— Нѣтъ, не позволю.

— Вотъ кто меня вылечилъ, сказала Софья Николаевна гимназистамъ, указывая на Машу

— Борисъ точно ожидалъ, что Софья Николаевна укажетъ и на него, или, по-крайней-мѣрѣ, взглянуть; но она этого не сдѣлала.

Что-то въ родѣ упрека зашевелилось въ немъ, но тотчасъ же улетѣло; онъ только немного покраснѣлъ.

— Да, крѣпкаго чаю не дамъ вамъ, тетя, повторила Маша—у васъ голова разболится... и начнете опять кашлять.

— Ахъ ты моя хозяйка! Ну, дай хоть слабенькаго.

— Сей-часъ, сей-часъ, отвѣтила Маша и отправилась къ своему столику.

— Ну, а какже наши экзерциціи, Марья Николаевна! спросилъ Горшковъ.

— Ничего не забыла — откликнулась Маша изъ-за самовара, все помню, вотъ завтра приходите, такъ я васъ удивлю.

— А десятичныя дроби? спросилъ въ свою очередь Абласовъ.

— Ну, вотъ это плохо... очень плохо... отозвалась она, комически-грустнымъ тономъ.

— Отчего же такъ, дружокъ? спросилъ Борисъ.

— Да оттого, Боринька, что очень ужъ мудрено, ничего я не понимаю.

— Какъ же это не стыдно, математикъ! вскричалъ Горшковъ, обращаясь къ Абласову.

— Да вѣдь это не онъ виноватъ, откликнулась Маша и выставила свое личико изъ-за самовара, это я такая глупая... Онъ такъ толкуетъ мнѣ, что просто жалость смотрѣть.

Всѣ разсмѣялись.

— Право, заключила Маша, и поднесла чаю брату и теткѣ.

— Такъ ты и не будешь знать десятичныхъ дробей? спросилъ ее Борисъ.

— Нѣтъ ужъ видно буду .. Онъ вѣдь не оставитъ... Маша указала головой на Абласова.

Послѣ того Маша отправилась пить чай; и начала это дѣлать пресерьезно, и такъ аккуратно, какъ-будто она работала какую-нибудь работу.

Всѣ долго смотрѣли на нее, и потомъ переглянулись между собою, молча.

— Не прочитатъ-ли чего? тихо сказалъ Борисъ, почти на ухо Софьи Николаевны.

— А? спросила она протяжно.

— Не почитатъ-ли! повторилъ онъ громче.

— Нѣтъ, не теперь, отвѣтила она, и, почти не взглянувъ на него, обратился къ Горшкову.

— Пойдемте въ залу, сказала она и приподнялась.

Горшковъ вскочилъ съ своего кресла и отправился вслѣдъ за ней.

— А здѣсь, развѣ нельзя? крикнулъ Борисъ.

Софья Николаевна обернулась и проговорила:

— Нѣтъ, онъ будетъ играть новое, и здѣсь слишкомъ мало резонансу.

И не дожидаясь его отвѣта, она скрылась въ дверяхъ.

Борисъ остался на диванѣ; на одну минуту онъ опустилъ голову, но тотчасъ же ее поднялъ и встрѣтилъ взглядъ Абласова.

Абласовъ сидѣлъ противъ него, подперши голову обѣими руками. Его лицо не то улыбалось, не то хмурилось.

— Что, Боря? спросилъ онъ тихо. — Въ этомъ простомъ вопросѣ слышалось что-то новое.

— Да ничего, братъ, отвѣчалъ Борисъ.

И голова его машинально обратилась къ двери въ гостиную.

Абласовъ слѣдилъ за нимъ взглядами. Потомъ онъ всталъ и подошелъ къ нему.

— Ты все на нее не насмотришься, проговорилъ онъ, почти шопотомъ.

Борисъ слегка вздрогнулъ.

— Я, братъ, за тебя радъ, продолжалъ Абласовъ задушевымъ тономъ, — ты совсѣмъ переродился теперь.

— Да, отвѣтилъ Борисъ неопредѣленно, не зная самъ на что онъ отвѣчаетъ.

— Я тебѣ не завидую... но твоя жизнь теперь... настоящая жизнь... всякому свое; мы такъ, въ темномъ уголкѣ останемся; а ты поживешь... потому что у тебя душа-то не будничная.

— Ты развѣ видишь, что во мнѣ дѣлается? вдругъ спросилъ Борисъ.

— Вижу, проговорилъ Абласовъ тихо и серьезно, .. а тебѣ развѣ это не нравится.

И онъ пристально посмотрѣлъ на Бориса.

— Нѣтъ, отчего-же? отвѣтилъ тотъ и остановился.

— Я тебя на откровенность не вызываю, прервалъ его Абласовъ... ты все про себя держишь... это ужъ такой характеръ, я только за тебя радъ.

И онъ умолкъ.

Борисъ также не нашелъ — что ему сказать. Въ эту минуту ему было какъ-то жутко, что-то его тревожило. Слова Абласова вызывали его на длинный задушевный разговоръ; но онъ не чувствовалъ въ себѣ ни силы, ни желанія начать его. Въ натурѣ его жила постоянная привычка хоронить въ себѣ всѣ свои душевныя движенія. Она только въ послѣднее время поддавалась вліянію тѣтки. Но обратись къ нему Абласовъ не въ этотъ вечеръ, онъ отозвался бы на

его теплое слово, которое въ немъ онъ оцѣнилъ бы больше, чѣмъ въ комъ другомъ; въ эту минуту, онъ только съѣжился.

Маша допила свой чай, и подошла къ немъ.

— Пойдемте въ залу, сказала она, послушать Горшкова.

Оттуда доносились уже раскатистые звуки фортепьяно.

Всѣ трое молча прошли темную гостиную, и остановились въ дверяхъ залы.

Горшковъ игралъ, поваливаясь изъ стороны въ сторону и по временамъ взглядывая на Софью Николаевну.

Она стояла возлѣ него, одна рука лежала на спинкѣ стула, другой она упиралась о фортепьяно.

— Хорошо, хорошо, повторяла она вполголоса.

— Вотъ эта мысль мнѣ самому нравится больше всего остальнаго... вскричалъ Горшковъ, и началъ мелодію.

— Да, она очень свѣжа, отвѣтила Софья Николаевна.

Они были такъ поглощены музыкой, что и не замѣтили какъ вошли Борисъ съ Абласовымъ и Маша.

— Повторите, пожалуйста, еще разъ, громко сказала Софья Николаевна, когда Горшковъ кончилъ.

И снова полились звуки. Только уже ни самъ композиторъ, ни слушательница не прерывали ихъ замѣчаніями. Горшковъ сыгралъ всю нѣсу однимъ духомъ. Лицо его улыбалось. Въ самомъ покачиваніи его замѣчалось довольство. Онъ отбѣнялъ лучшія мѣста, и только обращался взглядомъ къ Софьѣ Николаевнѣ. Она одобрительно кивала ему головой.

Борисъ почти не слушалъ музыки Горшкова. Онъ только смотрѣлъ на него и на тѣтку. Ея поза, ея улыбка не нравились ему въ эту минуту. Въ Горшковѣ видѣлъ онъ непріятное самодовольство, въ Софьѣ Николаевнѣ сладкій дилетантизмъ. Что-то досадное зашевелилось въ немъ, и съ каждой минутой росло и росло.

Когда Горшковъ кончилъ въ другой разъ, Софья Николаевна нагнулась къ нему и хлопала въ ладоши.

Онъ привсталъ; она протянула ему руку и сильно пожала.

— Прекрасно... повторяла она... какія чудныя мысли...

Это какой-то радостный гимнъ. Что вамъ внушило такое настроеніе?

Горшковъ тряхнулъ вихрами и смѣясь отвѣтилъ:

— Я написалъ это... на ваше выздоровленіе.

— Какъ, на мое выздоровленіе?

— Да-съ... если это гимнъ... то гимнъ радости и здоровья.

— Ахъ какой вы славный... я рада, что была больна... вы мнѣ подарили прекрасный подарокъ.

— Нѣтъ, еще не вполне подарилъ, Софья Николаевна, но вы позволите... и Горшковъ остановился.

— Что, что такое? все позволю!

— Посвятить вамъ.

— Это слишкомъ много! — Неужели только за то, что я была больна?

— Нѣтъ-съ... не за то, а за то, что вы здоровы, за то, что вы такъ добры ко мнѣ.

— И къ вашимъ грѣшкамъ, прибавила она весело, и еще разъ протянула ему руку

Онъ пожалъ ее, а потомъ, вдругъ нагнулся и поцѣловалъ.

Борисъ слышалъ весь этотъ разговоръ. Когда Горшковъ прикоснулся къ рукѣ Софьи Николаевны, онъ вздрогнулъ и двинулся впередъ.

— А, Боря! заговорила Софья Николаевна; мы васъ и незамѣтили, вы все тутъ были?

— Да-съ, отвѣтилъ Абласовъ.

Борисъ промолчалъ и бокомъ отошелъ отъ фортепьяно.

— Вы все слышали? продолжала Софья Николаевна, обращаясь къ Абласову.

— Какже... все.

— Ну, что ты скажешь, мудрецъ? вскричалъ Горшковъ, прищуривая глазъ.

— Хорошо, братъ... да вѣдь ты меня за профана считаешь... да я въ самомъ дѣлѣ мало смыслю.

— Нѣтъ, ты исправляешься, значительно исправляешься... а вонъ Боря что-то молчитъ, ему, должно быть, не по вкусу пришлось.

Горшковъ подошелъ къ Борису и взялъ его за руку.

— Что ты такой хмурый? На тебя, видно, мой гимнъ навелъ уныніе?

— Нисколько, отвѣтилъ Борисъ и слегка улыбнулся.

— Боря, обратилась къ нему Софья Николаевна, вѣдь это гимнъ на мое выздоровленіе.

— Я слышалъ, тетя, проговорилъ онъ; и помолчавъ прибавилъ: очень свѣтлая музыка.

Софья Николаевна взглянула на него.

— Что это ты какой строгій сегодня.

— У него, видно, голова болитъ, промолвила Маша, подходя къ брату... Болитъ, Боря.

— Нѣтъ, мой дружокъ, съ чего это ты взяла?

— Я вижу, что болитъ... а то-бы ты веселѣй былъ.

— Нѣтъ, это вѣрно моя музыка, вскричалъ Горшковъ. Вѣдь это иногда бываетъ: пишешь въ свѣтломъ духѣ... на одного мелодія дѣйствуетъ радостно, а на другого грусть наводитъ! Я нисколько за это на тебя не въ претензіи, добавилъ онъ съ легкой гримасой; вотъ еслибъ ты зѣвать началъ—я бы сильно обидѣлся; а такъ—ничего... только бы было впечатлѣніе!

— Ахъ какой ты сталъ самолюбивый, замѣтилъ въ полголоса Абласовъ; смотри, Горшковъ, заразишься какъ разъ. Горшковъ расхохотался.

— Полно тебѣ, вскричалъ онъ, вѣдь я только вотъ здѣсь на распашку; что на душѣ, то и на языкѣ. Коли вижу, что удалось, не скрываю этого, а коли гадость—ругайте меня, мнѣ комплиментовъ не надо... ты со мной не хитри, Боря... я этого не люблю.

— Съ какой стати, отвѣтилъ тихо Борисъ, я просто задумался подъ твою музыку

— Ну, и прекрасно... развѣ я требую, чтобъ ты пустился плясать?

— Полно вамъ объясняться, прервалъ Абласовъ, лучше сыграй-ка еще что-нибудь.

Софья Николаевна стояла по-одоль и смотрѣла пристально на Бориса и Горшкова.

— Горшковъ, сказала она, подходя ближе; хотите—сы-

граемъ со мной что-нибудь изъ стараго, чтобы вотъ подходило подъ расположеніе духа Бори?

— Извольте, быстро отвѣтилъ Горшковъ, что вамъ угодно будетъ?

— Ну, хоть *Les sept paroles* Гайдена.

— Хорошо-съ, давайте.

Борисъ украдкой взглянулъ на тетку, въ ту минуту, какъ она пошла къ этажеркѣ отыскивать ноты. Софья Николаевна тотчасъ почувствовала его взглядъ и оглянулась. На губахъ ея была улыбка, непріятная для Бориса. Ему показалось, что и глаза ея смѣялись. Онъ испытывалъ большую неловкость. Въ его поведеніи было что-то угловатое, что его дивило; но онъ не переламывалъ себя, онъ отдавался своимъ ощущеніямъ.

Абласовъ молча глядѣлъ на него, Маша взяла его руку, и положила вокругъ шеи. Ей хотѣлось приласкать Борю. Онъ это чувствовалъ, и еще жутче стало ему отъ того.

А Горшковъ усѣлся за фортепьяно. Софья Николаевна разложила ноты, и они начали.

Тихая, торжественная музыка немного успокоила нервы Бориса; онъ ушелъ въ уголъ, и все время просидѣлъ въ темнотѣ, держа Машу на колѣнахъ. Машинально обрывалъ онъ листокъ пожелтѣлаго растенія, стоявшаго подлѣ него въ большомъ горшкѣ. Абласовъ облокотился о фортепьяно и задумался.

Звуки раздавались съ какимъ-то сладкимъ гуломъ, который уходилъ на хоры и тамъ замиралъ. Лампа горѣла одиноко; на стѣнѣ блуждали тѣни, когда Горшковъ качалъ головой, и переворачивалъ листы.

Борису чудилось, что онъ, какъ и въ былое время, одинъ съ Машей въ этой пустой залѣ. Также жутко и холодно ему было. Тоже недовольство подымалось на душѣ... Но дѣйствительно-ли недовольство было тоже?..

Нѣтъ, это была другая дума, другая тревожная горечь...

Маша молчала; но слушала музыку разсѣяннo. Она думала о братѣ. Ей хотѣлось его развеселить; но она, точно боялась заговорить съ Борисомъ, и не двигаясь смотрѣла на него.

Пѣсу кончили. Прошла маленькая пауза. Никто не заговорилъ. Борисъ не трогался. Онъ точно сквозь сонъ видѣлъ,

какъ Софья Николаевна приподнялась, достала съ этажерки другія ноты, и опять началась музыка.

Долго они играли. Маша успѣла заснуть на колѣнахъ Бориса. Онъ самъ чуть не заснулъ; но когда вслѣдъ за послѣднимъ аккордомъ настала непріятная тишина, онъ встрепенулся и быстрымъ, испытующимъ взглядомъ окинулъ группу у фортепьяно.

Софья Николаевна что-то говорила Горшкову. Борисъ не старался вслушиваться; онъ только глядѣлъ.

Минуты черезъ двѣ онъ спустилъ съ колѣнъ Машу, не замѣтивъ, что она спитъ, и подошелъ къ фортепьяно.

Софья Николаевна и Горшковъ стояли близко другъ къ другу. За ними виднѣлась фигура Абласова.

— Вы мнѣ пришлете вашъ гимнъ? говорила Софья Николаевна, онъ у васъ написанъ?

— Вчернѣ, отвѣтилъ Горшковъ, завтра я его перепишу.

— Я готова еще разъ заболѣть, продолжала она, чтобъ только давать вамъ такія чудныя мысли...

Маша подошла вмѣстѣ съ Борисомъ.

— Тетя, проговорила она полусоннымъ голосомъ, вамъ вѣдь пора бай-бай... Вы забыли?

— А ты, Маша, кажется, ужъ присоснула?... спросила Софья Николаевна.

— Это другое дѣло, отвѣтила Маша серьезнымъ тономъ, щуря глаза отъ свѣту.

Всѣ разсмѣялись.

Борисъ только улыбнулся.

— Ну, нечего дѣлать, надо разойтись, сказала Софья Николаевна, обращаясь больше къ Горшкову. Я васъ, господа, не приглашаю ужинать. Совсѣмъ забыла распорядиться; а съ моей болѣзью мы перестали ужинать... но я велю сей-часъ подать чего-нибудь...

— Не беспокойтесь, отозвался Абласовъ; поздно ужъ, намъ и по домамъ пора...

— Да мы никогда и не ѣдимъ на ночь, добавилъ Горшковъ.

Гимназисты распрощались. Борисъ молча пожалъ имъ руки, Горшковъ кивнулъ ему вихромъ; Абласовъ изподлобья, но съ участіемъ взглянулъ на него.

Софья Николаевна на прощаньи подала Горшкову руку.

— Благодарю. благодарю, повторяла она. Вы мнѣ дали сегодня такъ много наслажденья, что я, право, не знаю, чѣмъ мнѣ вамъ заплатить.

— Ужъ какъ-нибудь сочтемся, вскричалъ Горшковъ съ громкимъ смѣхомъ.

Борисъ наморщился.

Когда дверь передней затворилась за гимназистами, Софья Николаевна, обернувшись къ Борису, весело сказала:

— Ну, и намъ пора бай-бай.. Взглянувъ на него попристальнѣе, она вдругъ остановилась... Что ты болѣнь? спросила она.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Борисъ громко и съ дрожью въ голосѣ.

— Такъ что же это съ тобой?.. Маша, поди спать, мой ангелъ, я сей-часъ сама пойду.

Она поцѣловала Машу и отправила ее на верхъ.

Борисъ стоялъ прислонившись спиной къ одному изъ ломберныхъ столовъ, онъ держался за него обѣими руками, и судорожно вытягивался.

Софья Николаевна повторила еще разъ свой вопросъ.

Отвѣта не было.

— Да что же это ты все хандришь, Боря? ты впечатлительнѣе, какъ нервная барышня, проговорила она... стыдно, стыдно.. и она взяла его за ухо.

Борисъ отвелъ ее руку довольно сильно, и глядя ей прямо въ глаза, тихо произнесъ:

— Еслибы я былъ артистъ, еслибы у меня былъ талантъ, вы бы меня считали за человѣка и не играли бы мной!...

Софья Николаевна отступила шагъ назадъ, и окинула его удивленнымъ взглядомъ съ головы до ногъ.

— Что ты говоришь, Боря?... вырвалось у нея... что за странныя мысли?... ты разстроены сегодня, дитя мое... или ты капризничаешь...

Она приблизилась къ нему опять, взяла за оба плеча, и улыбаясь, поцѣловала въ лобъ.

Онъ вздрогнулъ, высвободился отъ ея ласкъ и отрывисто сказалъ:

— Покойной ночи, тетенька.. и точно про себя прибавилъ: вы смѣтаетесь; а я не хочу больше плакать.

Съ этими словами онъ вышелъ въ корридоръ.

Софья Николаевна двинулась было за нимъ; но осталась на мѣстѣ. Долго стояла она; потомъ тихо пошла на верхъ, и на лѣстницѣ еще разъ остановилась, глядя на красную дверь, въ комнату Бориса.

XXXI.

Струна была слишкомъ натянута... Въ душѣ мальчика вспыхнула реакція.

Борисъ, у себя въ комнатѣ, ни ходилъ взадъ и впередъ, ни падалъ на кровать, ни плакалъ... Онъ довольно спокойно раздѣлся, взялъ со стола книгу, почиталъ минутъ десять и легъ.

Сонъ его былъ тихъ, дыханіе ровно. Видѣлъ-ли онъ что?..

Утромъ, глаза его были ясны, въ лицѣ не замѣчалось утомленія; онъ бодрымъ шагомъ прошелъ нѣсколько разъ по бильярдной и уѣхалъ въ гимназію, раньше обыкновеннаго.

Вернулся онъ веселый, щоки его такъ и рдѣли отъ мороза; взглядъ прямой, въ голосѣ никакого волненія.

Софья Николаевна встрѣтила его въ залѣ.

Онъ поздоровался съ ней очень развязно, поцѣловалъ ея руку, началъ бѣгать съ Машей по залѣ; за обѣдомъ говорилъ все о гимназіи, и послѣ обѣда тотчасъ же отправился къ себѣ.

— Что это ты такъ торопишься? спросила его Софья Николаевна.

— Много работы, тетенька, отвѣтилъ онъ очень ровнымъ голосомъ.

— Какой это?

— За мной давно уже есть сочиненіе, а я его еще не написалъ...

— Ахъ... сочиненіе... что же ты думаешь... начать? расскажи-ка мнѣ.. мы бы обдумали вмѣстѣ...

— Нѣтъ, писать нужно одному, а то не пойдетъ...

— Ну, какъ знаешь, отвѣтила Софья Николаевна и пошла въ корридоръ.

Борисъ заперъ за собою дверь. Чуть замѣтная улыбка скользила по губамъ Софьи Николаевны. Что она думала?.. Она думала, можетъ быть, — мальчикъ капризничаетъ, разыгрываетъ героя, ломается... Можетъ быть, ей сдѣлалось жаль этого мальчика. Не задѣлъ-ли онъ ее за живое? Не возбудилъ-ли онъ въ ней какихъ нибудь новыхъ струнъ?..

Кто знаетъ?!..

А мальчикъ, тѣмъ временемъ, сидѣлъ у себя и писалъ. Онъ, дѣйствительно, писалъ сочиненіе для Ергачева...

Не долго думалъ онъ о тѣмъ. Ему пришло на мысль рассказать что-нибудь изъ своего прошлаго.

Онъ задумалъ маленькій разсказецъ. Героемъ разсказца былъ мальчикъ, у котораго перебивало нѣсколько гувернеровъ. Борису хотѣлось высказать все, что этотъ мальчикъ пережилъ со своими наставниками, что онъ въ нихъ замѣчалъ дурнаго и хорошаго, чему научился и какое сужденіе создалось въ немъ о своей отроческой жизни.

Борисъ прописалъ весь вечеръ. Чаю потребовалъ къ себѣ; въ десять часовъ, пошелъ онъ на верхъ къ теткѣ, простился съ ней и съ Машей, и тотчасъ же вернулся назадъ.

Софья Николаевна его не удерживала. Она смотрѣла на него съ недоумѣніемъ, и точно не рѣшалась заговорить. Въ ней было слишкомъ много такту, чтобы приставать къ нему, вызывать наружу его душевную борьбу. Неужели она, въ самомъ дѣлѣ, не понимала, что въ немъ происходитъ? Неужели мальчикъ дѣлался для нея загадкой?..

Что же говорило въ немъ? Ревность, ѹкоры совѣсти, оскорбленное самолюбіе, неудовлетворенная страсть!..

Лицо было спокойно; онъ писалъ почти не останавливаясь. Часы пробили двѣнадцать, когда Борисъ закрылъ тетрадку, и сталъ раздѣваться.

Слѣдующій день прошелъ точно также.

Въ гимназіи Борисъ весело переговаривался съ товарища-

ми. Его обращеніе съ Горшковымъ нисколько не измѣнилось. Онъ былъ съ нимъ очень хорошъ, мягокъ, даже общительнѣе, чѣмъ обыкновенно. Точно онъ хотѣлъ загладить передъ нимъ какую-то вину.

Абласовъ по временамъ взглядывалъ на Бориса, но ничего не могъ отыскать на его свѣтломъ, спокойномъ лицѣ.

Ергачевъ былъ очень доволенъ, узнавши, что Борисъ готовитъ сочиненіе.

— Когда кончите? спросилъ онъ его.

— После завтра непременно... Я, Иванъ Егорычъ, пишу изъ своихъ дѣтскихъ воспоминаній.

— Ну, и прекрасно.. вотъ, въ среду бесѣду устроимъ..

— Только ужъ начальство будетъ недовольно, сказалъ съ улыбкой Борисъ.

— Почему такъ?

— Рѣзкія мысли есть...

— Ну, вотъ увидимъ...

Два дня просидѣлъ Борисъ въ своей комнатѣ. Сочиненіе было кончено; случилось это въ субботу.

Въ воскресенье Борисъ уѣхалъ въ гимназическую церковь; оттуда завернулъ къ Горшкову и цѣлый день просидѣлъ тамъ.

Горшкова это немного удивило; но онъ ничего не сказалъ Борису.

Вернувшись домой, Борисъ прошелъ прямо въ свою комнату

XXXII.

Насталъ день литературной бесѣды.

Для этихъ собраній выбирали всегда среду, когда классы оканчивались въ четверть втораго.

Ергачевъ просмотрѣлъ сочиненіе Бориса и остался имъ доволенъ. Онъ нигдѣ не поправлялъ и сдѣлалъ только отмѣтки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Въ седьмомъ классѣ замѣтно было волненіе Никто. не приготовлялся возражать; всѣ скорѣе боялись за автора. Обыкновенно, замѣчанія дѣлали директоръ, инспекторъ и учителя; съ ними нужно было спорить и отстаивать свои мысли и выраженія. Изъ учениковъ немногіе, кто побойчѣе, осмѣливались поднимать голосъ. Очень рѣдко это были одноклассники, а кто-нибудь изъ смѣлыхъ и задорныхъ учениковъ нижнихъ классовъ, изъ шестаго, пятаго и даже четвертаго.

Еще наканунѣ разнеслась вѣсть, что будетъ „бесѣда“. По нѣскольку учениковъ отъ каждаго класса собирались отправиться туда; изъ маленькихъ, кого назначить инспекторъ, изъ старшихъ—по собственному желанію.

Седьмой классъ обставили приличной мебелью. По лѣвую сторону кафедры помѣщалось два кресла для начальства; противъ нея нѣсколько стульевъ для учителей.

Послѣ звонка, въ четверть второго, въ седьмомъ классѣ всѣ остались на мѣстахъ.

Ергачевъ вышелъ на нѣсколько минутъ.

Явились ученики изъ разныхъ классовъ. Всѣ парты были биткомъ набиты. Поднялась болтовня. Только маленькіе гимназистики, помѣстившись на окнахъ, любопытно озирались и молчали.

Не стѣсняясь чужими, Мечковскій выкидывалъ передъ публикой *колыма*. На первой партѣ тихо переговаривались. Горшковъ волновался за Бориса и, для *очистки совѣсти*, ругалъ, на чемъ свѣтъ стоитъ Егорку и Ионку. Абласовъ мало говорилъ; только изрѣдка посматривалъ на виновника предстоящаго торжества.

Борисъ перелистывалъ свое сочиненіе. Онъ былъ спокоенъ. Врядъ-ли занимало его очень то, что будетъ происходить во время литературной бесѣды.

— Что, Бори, сказалъ ему Горшковъ, заглядывая въ лицо, — будешь спорить съ учителями?

— Буду, отвѣтилъ Борисъ разсѣянно.

— Пробери ихъ, перепендѣвъ эдакихъ. Только жаль, Ергачъ-то у насъ больно плохъ: знай себѣ въ носу ковыряеть; а на словесность-то куда ужъ не боекъ...

Абласовъ пододвинулся къ Борису и шепнулъ ему:

— Не очень ругайся... ну, ихъ... что ихъ раздраживать. Отворились двери.

Все притихло. Вошли три учителя: Самородскій, Коряковъ и учитель грамматики въ низшихъ классахъ, грязный, косматый, курносый, въ серебряныхъ очкахъ, съ длиннѣйшими фалдами. Въ рукахъ держалъ онъ пестрый, ситцевый платокъ и табакерку. Онъ безпрестанно повертывалъ голову то вправо, то влѣво, и освобождалъ ее изъ-подъ галстуха, обмотаннаго вокругъ шеи, точно дорожный шарфъ.

Фамилія его была Геліодорскій. Бурса оставила на немъ неизгладимые слѣды въ каждомъ словѣ и движеніи. Толстыя губы, раздутость носа и выпуклыя скулы несли также свидѣтельство его *породы*. Онъ падалъ ницъ предъ грамматиками Востокова и Греча, и заставлялъ учениковъ зубрить и ту и другую. Поэзія для него не существовала: выше *посланія о пользѣ стекла* онъ ничего не признавалъ; билъ гимназистовъ линейкой за слово *русская* грамматика, какъ за величайшее вольнодумство, и свято вѣрилъ, что слогъ бываетъ *образцовый и подлый*... Знаки препинанія, грамматическій разборъ, подлежащія и сказуемыя были для него священнымъ культомъ. Говорилъ онъ красно, съ какимъ-то завываньемъ, причмокивая губами и ероша волосы. Къ ученикамъ старшихъ классовъ Геліодорскій питалъ затаенную, но жгучую ненависть. Во-первыхъ, онъ зналъ, что они смѣются надъ нимъ жестоко, даже подучаютъ маленькихъ рисовать на него каррикатуры и прищипливать къ фалдамъ бумажки и никогда ему не кланяются. Во-вторыхъ, онъ зналъ, что съ четвертаго класса начинается словесная *ересь*, слабое преподаваніе Ергачева, начинаются богохульные толки о бесполезности реторики Кошанскаго, отвергается глубина *хриі*, *синекдохъ*, *метонимій*, *единоокончаній*, *умолчаній*, *единоначитій* и прочихъ плодовъ словесного вертограда. Мало того: тамъ начиналось писаніе сочиненій въ возмутительномъ духѣ. Темы выбирали себѣ сами ученики; ни размысленій о величіи природы, ни описаній восхода солнца, кораблекрушенія, сельской тишины и вечерней зори—ничего этого не задавалось къ ужасу г. Геліодорскаго; тамъ же читались: Гоголь, Пушкинъ, Лермонтовъ, Отечественныя Записки, неуважающія Греча и Булгарина;

тамъ впивали въ себя ядь Бѣлинскаго! тамъ съ хохотомъ издѣвались надъ Херасковымъ и Сумароковымъ! Г. Геліодорскій лѣтъ уже пятнадцать въ гимназій—и весь седьмой классъ его бывшіе ученики. Каждый разъ появляется онъ на бесѣдѣ и на экзаменѣ словесности. И злорадно улыбается курносый педагогъ, какъ и въ этотъ разъ улыбался онъ, приготовляясь зарѣзать мальчишку, проникнутаго ересью *седми-класицы*.

Учителя вошли и разсѣялись по стульямъ. Геліодорскій не вдругъ успокоился. Онъ раза два вставалъ со стула и подходилъ къ первой партѣ, посматривая искоса на Бориса. Заговорить съ нимъ онъ не рѣшался. Онъ точно нюхалъ въ воздухѣ, чѣмъ пахнетъ отъ его сочиненія, и заранѣе собирався излить на него всю свою грамматическую жолчь.

Говоръ, смолкнувшій при появленіи учителей, поднялся опять. Но всѣ были возбуждены и то и дѣло поглядывали на стеклянную дверь.

Наконецъ она еще разъ отворилась. Всѣ встали, завидѣвъ фигуру директора. Онъ надѣлъ вицмундиръ и анненскій крестъ на шею. Его красная, угрявая физиономія смотрѣла торжественно. Туго накрахмаленная манишка торчала впередъ; галстухъ съ пряжкой лоснился; крестъ былъ свѣшенъ низко. За директоромъ двигалась пузатая фигура Егора Пантелѣича. Егоръ Пантелѣичъ изображалъ на рябой своей физиономіи смѣсь скромнаго достоинства съ педагогической глубиной, и, заложивъ правую руку за жилетъ, выступалъ сдержаннымъ, но величественнымъ шагомъ. За нимъ шолъ Ергачовъ, какъ и всегда хмурый и сонный. Для приличія онъ немножко причесался; а обыкновенно прядь волосъ завѣшивала ему глаза и носъ.

Шестіе замыкалъ учитель рисованія, Семень Трофимычъ Чижиковъ. Семень Трофимычъ вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность присутствовать при всѣхъ церемоніяхъ и сборищахъ, куда только пускали его. Онъ въ глубинахъ души своей носилъ убѣжденіе, что гдѣ его нѣтъ, тамъ не можетъ быть порядку. По воскресеньямъ онъ водилъ гимназистовъ въ церковь; на торжественныхъ актахъ уставлялъ ихъ въ *ранжиръ*, раскладывалъ на столѣ наградныя книги и по-

хвальные листы, заботился о благовоіи коридоровъ и за все это не получалъ и спасибо. Голова Чижикова украшалась хохломъ изъ рѣдкихъ свѣтлорусыхъ волосъ; щоки его были розовыя; носъ длинный и бѣлый; онъ сладко улыбался и носилъ узенькіе сѣрые панталоны по шиколку.

Директоръ кивнулъ головой въ отвѣтъ на общій поклонъ и произнесъ:

— Здравствуйте.

Затѣмъ онъ обратился къ учителямъ и, не подавая имъ руки, поклонился и проговорилъ:

— Здравствуйте господа.

Коряковъ только хлопнулъ глазами, Самородскій непріятно поморщился, Геліодорскій весь перегнулся. Директоръ сѣлъ и указалъ инспектору на мѣсто подлѣ себя. Ергачевъ взошелъ на кафедру Чижиковъ притворилъ дверь; и такъ какъ ему не хватило стула, то онъ помѣстился у дверей, стоя.

Іонъ Петровичъ являлся на литературныя бесѣды почти съ такими же чувствами какъ и Геліодорскій. Онъ былъ когда-то учителемъ словесности. Въ его время реторика Кошанскаго только что вводилась въ гимназіяхъ. Онъ такъ и остался *риторомъ*, и преподаваніемъ Ергачева былъ не доволенъ.

— Кто будетъ читать? спросилъ онъ, оборачиваясь къ Ергачеву.

— Телепневъ, отвѣтилъ тотъ глухо и взглянулъ на Бориса.

Директоръ и инспекторъ въ одно время повернули шеи и устремили свои начальничьи взоры на первую парту.

Борисъ всталъ, взялъ съ парты тетрадь и подошелъ къ кафедрѣ. Ергачевъ сказалъ ему вполголоса:

— Сами хотите читать?

— Какъ вамъ угодно отвѣтилъ Борисъ.

— Прочтите сами, рѣшилъ Ергачевъ и, обратившись къ директору, спросилъ:

— Начинать?

— Пускай начнетъ, прогнусавилъ Іонъ Петровичъ.

Геліодорскаго передернуло. Онъ нюхнулъ изъ табакерки

на весь классъ, поправилъ очки, чмокнулъ губами и приподнялся.

— А позвольте узнать, заговорилъ онъ съ сильнѣйшимъ удареніемъ на букву *а*; позвольте узнать какъ заголовокъ предстоящаго упражненія?

Борисъ, не смотря на Геліодорскаго, разложилъ тетрадь и прочелъ:

— „Кое-что о гувернерахъ.—Отрывокъ изъ дѣтскихъ воспоминаній.“

— Какъ? спросилъ Ионъ Петровичъ, и весь выпрямился.

— Повторите, сказалъ Ергачевъ Борису.

Борисъ повторилъ заглавіе.

— Кое-что!.. прогнусавилъ Ионъ Петровичъ. Это небрежно, фамильярно!.. въ этомъ мысли нѣтъ никакой...

Егоръ Пантелѣичъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

Геліодорскій весь заходилъ на стулъ и два раза сморкнулся съ шумомъ.

— Позвольте-съ, вскричалъ онъ. Этотъ заголовокъ не только небреженъ, какъ извоилъ замѣтить господинъ директоръ, но онъ сугубъ, противенъ законамъ отечественнаго языка... Въ началѣ у васъ стоитъ *кое-что*, употребленное въ качественъ существительнаго, и потомъ вы продолжаете — отрывокъ... Такое согласованіе есть погрѣшность вопіющая.

— Какъ же это такъ? спросилъ Борисъ съ улыбкой. Развѣ существительныя согласуются между собою? Вѣдь тутъ двѣ отдѣльныя фразы.

— Не въ томъ дѣло, изрекъ директоръ. Я нахожу заглавіе неточнымъ и для упражненія ученика гимназіи неприличнымъ.

— Почему же, Ионъ Петровичъ? спросилъ тихо Ергачевъ.

— Потому что въ этомъ заглавіи пренебреженіе какое-то, насмѣшка-съ... да и вообще такая тема не можетъ быть допущена... Что же это такое? Трактатъ педагогическій? О гувернерахъ!... въ насмѣшливомъ, значить, тонѣ?

Ионъ Петровичъ перевернулся въ креслахъ и поправилъ на шеѣ крестъ.

Геліодорскій внималъ словамъ начальника, и его курносая фizioномія изображала радость. Онъ глоталъ слова Иона Пе-

тровича и самъ порывался напасть на Бориса, какъ только директоръ докончить свою рѣчь.

Но Ергачевъ не далъ ему начать.

— Продолжайте, сказалъ онъ Борису.

Борисъ прочелъ эпиграфъ:

— „Это самимъ Богомъ устроено, и волтерьянцы напрасно противъ этого говорить.“

— Какъ? прогнусавилъ опять директоръ.

Борисъ повторилъ.

— Что это за эпиграфъ! закричалъ Ионъ Петровичъ. Это бессмыслица! это выходка мальчишеская... Вы голубчикъ, шутить съ нами вздумали? обратился онъ къ Борису, и его угревастыя щоки еще больше покраснѣли.

— Эпиграфъ изъ Гоголя, проговорилъ Борисъ безъ всякаго измѣненія въ голосъ.

— Откуда это изъ Гоголя?...

— Изъ Ревизора, сказалъ съ удареніемъ Ергачевъ, и въ упоръ посмотрѣлъ на директора.

— Изъ Ревизора! зафыркалъ Ионъ Петровичъ. Что это за выборъ?!... Ученики должны брать образцовыя сочиненія, а не Ревизора! Нельзя позволять ученикамъ читать чортъ знаетъ что! Дался имъ Гоголь!... Садьностямъ они научаются; языкъ — тривіальный, ни одного правильнаго предложенія.

Директоръ даже привсталъ и замахалъ руками. Ергачевъ слушалъ и хмурилъ брови. Геліодорскаго такъ и подмывало. Наконецъ онъ не вытерпѣлъ и, только что директоръ перевелъ духъ, заговорилъ:

— Это есть прямое извращеніе отечественнаго языка!... Вульгарная проза господина Гоголя не токмо не выдерживаетъ разбора грамматическаго, но приучаетъ юношей мыслить праздно, издѣваться надъ божественною природою чело-вѣковъ, надъ властями и чинами общества..

— Позвольте, Викторъ Ивановичъ, прервалъ его Самородскій, который до того времени только поглядывалъ на всѣхъ и чуть замѣтно улыбался; это заведетъ насъ слишкомъ далеко... Мы здѣсь не за тѣмъ, чтобъ Гоголя (Самородскій произносилъ *хохалъ*), критиковать, а за тѣмъ, чтобъ слушать

и разбирать сочиненіе г Телепнева. Позвольте ему начать читать. Вѣдь его сочиненіе пропущено Иваномъ Егорычемъ, значить, оно того достойно...

Геліодорскій вытянулся, поправилъ очки и ничего не возразилъ. Директоръ сурово взглянулъ на Самородскаго и многозначительно повелъ губами. Рябая фizioномія Егора Пантелеича сохраняла невозмутимую важность.

Въ классѣ наступила мертвая тишина. Гимназисты такъ и пристали къ своимъ мѣстамъ. Маленькіе со страхомъ взглядывали на директора и жались другъ къ другу. Большіе всѣ были возбуждены. Горшковъ раскраснѣлся и глазами перебѣгалъ отъ Бориса къ Ергачеву, отъ Ергачева къ директору, отъ директора къ Геліодорскому. Абласовъ закрылся книгой и оттуда посматривалъ на все собраніе. Два бойкихъ шестиклассника, сильно желавшіе возражать, съ недоумѣніемъ переглядывались. На лицахъ ихъ можно было прочесть: куда ужъ намъ соваться; тутъ вонъ начальство ругается.

Послѣ небольшой паузы, Борисъ перевернулъ заглавный листъ и началъ читать.

Его рассказъ былъ очень простъ. Въ началѣ онъ сдѣлалъ обращеніе къ своимъ товарищамъ и развилъ мысль, что каждый изъ нихъ болѣе или менѣе предоставленъ самовоспитанію, не смотря на обиліе гувернеровъ и учителей. Мысль была развита толково, простымъ языкомъ, мѣстами очень остроумно. Начальство слушало и морщилось. Борисъ воодушевлялся по мѣрѣ того, какъ читалъ. Ергачевъ отъ времени до времени поправлялъ свои волосы, лѣзшіе ему на глаза, и одобрительно улыбался. На лицѣ Самородскаго также была улыбка. Геліодорскій выставилъ впередъ лѣвое ухо и все нюхалъ своимъ курносымъ носомъ.

— Позвольте-съ, крикнулъ онъ, когда Борисъ оканчивалъ вступленіе. Имѣя многое сказать противъ незрѣлости и неблагоприятности мыслей, выражаемыхъ въ этомъ упражненіи, я остановлю васъ на послѣднемъ предложеніи. Не угодно-ли вамъ его повторить.

Борисъ прочелъ.

Директоръ опять вскочилъ съ мѣста.

— II какъ могло быть пропущена такая мысль въ ученическомъ упражненіи? вскричалъ онъ и обернулся къ Ергачеву.

Ергачевъ покраснѣлъ и вскинулъ волосами.

Позвольте ему дочитать проговорилъ онъ; онъ развиваетъ ее. Отрывками все покажется дурно и бессмысленно. Продолжайте, сказалъ онъ Борису.

Чтеніе опять началось.

Послѣ вступленія слѣдовалъ самый разсказъ. Борисъ описывалъ личности своихъ гувернеровъ. Онъ говорилъ не о себѣ; героемъ былъ представленъ мальчикъ въ барской семьѣ. Гувернеры смѣнялись одинъ другимъ. И въ каждомъ изъ нихъ были крупныя и мелкія недостатки, которые прежде всего поражали мальчика. Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ любви ни къ своему дѣлу, ни къ своему воспитаннику. Нѣсколько сценъ и подробностей, очень ловко набросанныхъ, показывали, какъ мальчикъ долженъ былъ въ каждой своей мысли, въ каждомъ поступкѣ спрашивать самого себя, по той простой причинѣ, что гувернеры и не догадывались, какая жизнь кроется въ его молодой душѣ.

Въ концѣ былъ сдѣланъ итогъ тѣхъ свѣдѣній, какія воспитанникъ получилъ отъ гувернеровъ и авторъ приходилъ къ заключенію, что видно такъ и долго будетъ дѣлаться на русской землѣ и опять повторилъ эпитафій изъ Ревизора.

Когда Борисъ кончилъ, минуты съ двѣ была глубокая тишина. Никто его не прерывалъ во время чтенія; никто больше не придирался къ словамъ; даже Геліодорскій успокоился, только безпрестанно нюхалъ и отиралъ съ лица клѣтчатымъ платкомъ крупный потъ. Начальство сидѣло безмолвно. Оно, морщилось; но видно было, что содержаніе занимало и Іона Петровича и Егора Пантелѣича.—На гимназистовъ сочиненіе сильно подѣйствовало. Задорныя гимназистики, явившіеся съ цѣлью *возражать*, были спутаны. Сюжетъ былъ такъ близокъ къ сердцу, что они и не подумали замѣчать отдѣльныя фразы, цѣпляться за слова и грамматическія ошибки. Всѣ лица свѣтились. Казенныя, натянутыя позы исчезли; всѣ подались впередъ, какъ кому ловчѣе: тотъ подперши голову ладонью, другой обнявши за шею товарища.

Ергачевъ обвелъ глазами весь классъ и проговорилъ:

— Не угодно-ли кому возражать?

Геліодорскій пробудился.

— Хотя, закричалъ онъ, изложеніе и заключаетъ въ себѣ относительное достоинство; но оно отрывочно, нѣтъ приличныхъ украшеній, долженствующихъ доказать, что ученику знакомы риторическіе законы, безъ коихъ не можетъ быть образцоваго слога...

Директоръ сдѣлалъ движеніе, показывая, что онъ желаетъ говорить. Геліодорскій проглотилъ слово и умилился.

Іонъ Петровичъ опять всталъ.

— Языкъ туда-сюда; но все сочиненіе вздоръ, болтовня, умничаніе! Чт^о вы хотѣли доказать? спросилъ онъ тыча пальцемъ по направленію къ каедрѣ.

— Я ничего не хотѣлъ доказывать, отвѣтилъ Борисъ; это не разсужденіе. Я просто разсказалъ нѣсколько случаевъ изъ дѣтской жизни.

— Чья-же это такая жизнь, ваша что-ли?

— Это все равно, Іонъ Петровичъ моя ли или чужая...

— А если я васъ спрашиваю.

— Есть нѣкоторыя черты и изъ моей...

— Прекрасно!.. Похвальные у васъ чувства къ вашимъ наставникамъ!... Этого еще не доставало!... Что-же вы доказываете, я васъ опять спрашиваю?.. Что никого не воспитываютъ, а портятъ. Мало они васъ сѣкли, голубчикъ; еслибъ больше сѣкли, такъ вы бы не посмѣли умничать!..

Директоръ прошолся по классу, и съ шумомъ опустился въ кресло.

— Мнѣ кажется, началъ вдругъ Самородскій, ни къ кому въ особенности не обращаясь, что г. Телепневъ нарисовалъ очень правдивую картину... Чему-же насъ учатъ нѣмцы и французы? Я нахожу это очень вѣрнымъ... я вижу талантъ литературный... и весьма серьезную мысль... Тутъ нѣтъ ничего дерзкаго и вольнодумнаго.

Ардальонъ Захарычъ повелъ по волосамъ, улыбнулся и заложилъ руку въ карманъ.

Інспекторъ значительно поглядѣлъ на него и тотчасъ же обратился лицомъ къ директору. Егоръ Пантелѣвичъ вообще

помалчивалъ, и только взглядами и тѣлодвиженіями выражалъ свое единомысліе съ директоромъ.

Іонъ Петровичъ поморщился и проворчалъ.

— Очень жаль-съ... вы можете полагать.. что вамъ угодно...

Это сочиненіе, продолжалъ онъ громогласно, не можетъ быть представлено въ округъ.

Ергачевъ покраснѣлъ и приподнялся.

— По какой причинѣ? отрывисто спросилъ онъ.

По его духу не можетъ быть!.. Вамъ угодно развѣ получить выговоръ!.

Я считаю его совершенно удовлетворительнымъ, отвѣчалъ Ергачевъ и взялъ у Бориса тетрадку.

Іонъ Петровичъ побагровѣлъ, какъ ракъ, всталъ и двинулся къ двери.

— Прощайте, господа,—проговорилъ онъ и вышелъ, хлопнувъ дверью; инспекторъ пошелъ за нимъ. Чижиговъ отворилъ дверь и скрылся за начальствомъ. Во время бесѣды онъ ничего не слыхалъ и только наблюдалъ за тѣмъ, въ какихъ позахъ сидятъ ученики. Коряковъ также ушелъ, ни съ кѣмъ не раскланившись.

Онъ не проронилъ ни слова; ни разу даже не повернулъ шею заключенной въ высочайшіе воротнички.

Геліодорскій вскочилъ, чтобы поклониться директору, и какъ тотъ вышелъ, подлетѣлъ къ каедрѣ. Онъ еще не вполне излился; директоръ не давалъ ему говорить.

Борисъ въ это время подходилъ къ партѣ. Геліодорскій взялъ его за руку.

— Позвольте, г. Телепневъ, закричалъ онъ, я не могу не замѣтить вамъ, что вы показали пренебреженіе всѣхъ правилъ изящной прозы!.. Ваше сочиненіе похоже на записную книжку... веденную рукой не искусной...

Полноте, вамъ, Викторъ Ивановичъ... пустяки-то говорить прервалъ его Самородскій... какую вамъ еще изящную прозу?.. Чего вамъ лучше для гимназиста седьмого класса?... И Самородскій ударилъ грамматика по плечу...

Геліодорскій окрысился; но видя, что на него никто не обращаетъ вниманія, нюхнулъ табаку и отправился къ двери.

Въ классѣ уже поднялся шумъ. Гимназистики повыскакали съ мѣстъ и собрались кучей около первой парты.

— Ну, крусавецъ говорилъ Само^{род}скій, держа Бориса за руку, молодець, зеліе... славно пишешь... Только смотри у меня—за вольныя мысли какъ разъ попадешься...

— Попадется, непременно попадется! подхватилъ со смѣхомъ Горшковъ. Молодець, Борисъ! Ура!..

— Ура! крикнуло нѣсколько человекъ.

— Тише, буйные народы! закричалъ Самородскій... и обратился къ Ергачеву.

— Ну, Иванъ Егорычъ, писака у васъ славный... только вотъ добромъ-то не кончилась бесѣда!.. Что прикажете дѣлать?..

Ергачевъ тряхнулъ головой и глухо проговорилъ:

— Много они смыслятъ... Телепневъ, продолжалъ онъ, я возьму съ собой ваше сочиненіе...

— Возьмите, Иванъ Егорычъ, отозвался Борисъ.

— Ну, прощайте, крусацы, крикнулъ Ардаляонъ Захарычъ, и, взявши Ергачева подъ руку, вышелъ изъ класса.

Тутъ начался шумъ и гамъ. Всѣ точно праздновали побѣду. Мечковский разъ пять прошолся колесомъ. Даже лупоглазый Скворцовъ, почему-то, ощутилъ радость и прискакивалъ на одной ножкѣ.

На Бориса лились похвалы товарищей. Задорные шести-классники поглядывали на него съ завистью, сильно раскраснѣвши. На ученикахъ 7-го класса можно было прочесть гордое сознаніе: вотъ-де у насъ какіе есть таланты; не чета вамъ, мальчуганамъ. Маленькіе окружали Бориса и во всѣ глаза глядѣли на него.

Онъ собрался домой.

— Ну, Телепневъ, сказалъ ему Абласовъ, увязывая книги; за сочиненіе тебѣ—спасибо; а еще больше за то, что не лѣзь ругаться съ учителями... это, братъ, лучше всего!...

— Лучше всего! крикнулъ Горшковъ! Ахъ ты Пифагоровы штаны! Надо бы имъ... такого феферу показать!...

— Хочешь ко мнѣ обѣдать? сказалъ ему Борисъ.

Горшкова это точно удивило, почему-то.

— Очень бы радъ, Боря, заговорилъ онъ, да никакъ нельзя, Телянины просили—я ужъ къ тебѣ въ воскресенье.

— Ну, какъ знаешь...

— А вотъ я Надѣ расскажу, какъ ты нынче воевалъ!... Она будетъ въ восхищеніи.

Борисъ улыбнулся...

Поклонись ей отъ меня, весело проговорилъ онъ, и подумавши немного, прибавилъ: я нынче туда приѣду вечеромъ, подожди меня!...

— Ну, и ладно, братья!... буду ждать!... Прощай!...

Горшковъ крѣпко пожалъ ему руку и перескочилъ черезъ скамью.

— Ну, такъ ты Абласовъ, поѣдешь ко мнѣ, сказалъ Борисъ...

— Согласенъ, братъ, вези... послѣ обѣда у меня кстати урокъ...

Они вышли въ корридоръ, окруженные толпой маленькихъ и большихъ гимназистовъ. Это было какое-то торжественное шествіе!..

— Что за процессія! крикнулъ вдругъ Егоръ Пантелѣвичъ, возвращавшійся отъ директора.. Разсыптесь!...

XXXIII.

Било уже три часа въ билльярдной, а Борисъ все еще не возвращался. Софья Николаевна сошла съ верху и прохаживалась по залѣ.

Маша играла гаммы, и часто посматривала на дверь въ переднюю. Пальчики ея довольно лѣниво перебѣгали по клавишамъ.

— Вотъ и Боря приѣхалъ! вдругъ вскричала она и вскочила съ табурета.

Въ эту минуту Борисъ въѣзжалъ въ ворота. Большая сѣрая лошадь, круто загнувъ голову, выступала гордо на тугихъ возжахъ. Оеофанъ въ нарядномъ армякѣ и красной бар-

хатной шапкѣ сидѣлъ молодцовато Въ саниахъ были двое: Борисъ и Абласовъ.

Маша подбѣжала къ окну.

— Смотри, тетя, крикнула она: и Абласовъ съ Борей!...

Софья Николаевна подошла также и смотрѣла, какъ Борисъ слѣзалъ съ саней и что-то такое приказывалъ кучеру За нимъ вышелъ и Абласовъ, въ коротенькой сѣрой шинелькѣ.

Черезъ минуту они вошли въ залу

— Здравствуйте, тетя, сказалъ весело Борисъ, цѣлуя у ней руку... извините, что заставилъ васъ ждать.

— Нынче у насъ бесѣда была, проговорилъ Абласовъ, кланаясь Софѣ Николаевнѣ. Она подала ему руку.

— Какая бесѣда? вскричала Маша, обнимая Бориса. Боря? какая это бесѣда?

— Я, голубчикъ, свое сочиненіе читалъ вслухъ, отвѣтилъ Борисъ... пойдѣмъ-ка въ столовую.. закусить хочется... Абласовъ не хочешь-ли сырку?...

И Борисъ, не ожидая отвѣта, отправился съ Машей въ бильярдную. Софья Николаевна и Абласовъ пошли за ними.

Въ бильярдной у входа стоялъ небольшой столъ съ закусками. Борисъ принялся забивать себѣ за обѣ щоки. Маша смотрѣла на него и смѣялась.

— Тетя, вскричала она, вонъ какъ Боря-то проголодался!...

— Поневоѣ проголодаешься, коли тебя съ половины девятаго до половины четвертаго проморятъ, говорилъ Борисъ, отрѣзывая себѣ огромный кусокъ сыру

— Что же такое у васъ было? обратилась къ нему Софья Николаевна.

— Ахъ, тетя, распросите вонъ Абласова; онъ былъ благороднымъ наблюдателемъ... онъ лучше расскажетъ... И Борисъ продолжалъ ѣсть.

— Мнѣ его сочиненіе очень нравится, сказалъ Абласовъ; читалъ онъ хорошо... и кромѣ начальства и нашего знаменитаго Виктора Иваныча ему никто не возражалъ.

— А кто это Викторъ Иванычъ? спросила Софья Николаевна.

— Учитель грамматики, г. Геліодорскій, курьезная личность. Онъ нападалъ на него, а директоръ просто убѣждалъ.

— Когда же ты мнѣ покажешь твое сочиненіе, проговорила Софья Николаевна, подходя къ Борису... Ты мнѣ хоть послѣ всѣхъ дай почитать.

— Съ радостью бы, тетенька; да его нѣтъ со мной — Ергачевъ взялъ.

— Ахъ, какой ты, право; Софья Николаевна сдѣлала маленькую гримасу

Сѣли за столъ.

Разговоръ все шолъ о бесѣдѣ. Абласовъ рассказывалъ содержаніе того, что читалъ Борисъ, передавалъ выходки Иона Петровича, и дѣлалъ это съ такимъ тихимъ, невозмутимымъ комизмомъ, что Маша весь обѣдъ прохохотала.

Софья Николаевна тоже смѣялась; но какимъ-то полусмѣхомъ. По лбу у ней мелькали морщинки. Она, отъ времени до времени, взглядывала на Бориса, и говорила мало. Абласовъ это замѣтилъ, и старался самъ больше говорить.

На этотъ разъ онъ занималъ все общество. Борисъ слушалъ его, очень много ѣлъ, изрѣдка вставлялъ свое словцо; но не вдавался ни въ какія подробности о томъ, что было въ гимназій. Точно будто не про него говорили. Видно было, что ему не совсѣмъ ловко; но онъ велъ себя какъ проголодавшійся мальчикъ, которому ни до чего дѣлать не хотѣлось.

Послѣ обѣда посидѣли въ диванной, напились кофе, немножко поговорили, но разговоръ что-то не клеился.

Абласовъ и Маша ушли на верхъ заниматься ариѳметикой. Борисъ пошелъ вслѣдъ за ними. Софья Николаевна, взглянувъ на него, сдѣлала также движеніе, но остановилась.

— Борисъ, тихо крикнула она.

— Что? спросилъ онъ отрывисто.

— Ты заниматься?

— Да, тетя.

И онъ вышелъ.

Софья Николаевна опустила въ кресло и закрыла глаза рукой. Съ полчаса сидѣла она въ такомъ положеніи. Потомъ она встала и нѣсколько разъ прошла по диванной. Еслибъ въ комнатѣ былъ свѣтъ, можно было бы видѣть, что щоки ея горѣли; и на губахъ лежала какая-то полунасмѣшливая, полугрустная улыбка. Она, машинально, взяла со стола кни-

гу, точно собираясь читать въ потемкахъ, поддержала ее и бросила опять на столъ. Быстрыми шагами отправилась она на верхъ и легла на кровать...

Въ седьмомъ часу кончился урокъ Маши. Абласовъ сходилъ внизъ, и увидалъ, что въ освѣщенной залѣ кто-то ходитъ. Онъ заглянулъ въ бильярдную. Дверь Борисовой комнаты была завѣтрена.

Въ залѣ онъ столкнулся съ Софьей Николаевной. Это его удивило. Онъ взглянулъ на нее, и хотя она стояла спиной къ лампѣ, но ему показалось, что у ней заплаканные глаза. Онъ, однако, не стѣснился, и очень развязно сказалъ ей:

— Вы гуляете, Софья Николаевна?

— Да. Кончили урокъ?

— Кончили-съ.. а Боря, должно быть, заснулъ отъ давишнихъ волненій?

— Нѣтъ, онъ уѣхалъ, отвѣтила она тихо.

— Какъ, куда? Ахъ, вспомнилъ.

— Куда же? спросила въ свою очередь Софья Николаевна.

— Къ Телянинымъ. Тамъ Горшковъ обѣдалъ. Боря его звалъ къ себѣ; да онъ отказался; они и согласились вечеръ провести вмѣстѣ, вѣрно тамъ музыкантъ.. прибавилъ Абласовъ.

— Софья Николаевна слегка улыбнулась.

— Походите немного до чаю, сказала она.

Абласовъ довольно пристально взглянулъ на нее и промолчалъ. Онъ хотъ и смутно, но понималъ, что есть какая-то перемена въ тонѣ Софьи Николаевны. Въ Борисѣ онъ тоже замѣтилъ что-то новое. Онъ боялся сдѣлать нескромность, предложить какой-нибудь вопросъ, но не чувствовалъ никакой особенной неловкости.

— Абласовъ? вдругъ спросила Софья Николаевна. Борису не можетъ быть никакихъ непріятностей за сегодняшнюю сцену съ директоромъ?

— Разумѣется, хорошаго нельзя ожидать... да оно не очень страшно... развѣ поставить четыре въ поведеніи, вотъ и не поступишь въ университетъ безъ экзамена.

— Да онъ самъ, кажется, раздражаетъ ихъ.

— Сегодня онъ велъ себя прекрасно.

— Не говорилъ онъ имъ грубостей?

— Грубостей? нѣтъ, никогда.. онъ и въ гимназіи такой же, какъ и дома.

— Вы его хорошо знаете, проговорила она, и остановилась посреди залы.

— Какъ сказать, Софья Николаевна—и да, и нѣтъ. Онъ вѣдь скрытенъ, но онъ прежде ровнѣе былъ, теперь въ немъ точно внутренняя передѣлка какая-то.

Абласовъ опустилъ голову, говоря это. Софья Николаевна слегка покраснѣла.

— А съ кѣмъ изъ васъ онъ ближе? спросила она.

— Да и на это трудно отвѣтить. Одно я скажу, что мнѣ эти дни почему-то его жалко. Еслибъ къ нему можно было легко подходить, я бы подошелъ.—Помолчавъ, онъ проговорилъ:—Вы его, конечно, лучше насъ узнали; отъ васъ онъ врядъ-ли, что скрываетъ.

Софья Николаевна промолчала.

— Онъ странный, выговорила она, наконецъ, не двигаясь съ мѣста.

Шумно вбѣжала въ эту минуту Маша.

— Ийдемте чай пить, крикнула она. Что вы тутъ стоите? А Воря гдѣ?

Она огорчилась, когда ей сказали, что Боря уѣхалъ въ гости. Въ диванной она разлила чай; но мало болтала. Абласовъ посидѣлъ съ полчаса, и распрощался. Софья Николаевна его не удерживала.

— Не почитать-ли чего? спросила ее Маша, когда онѣ остались однѣ. Мнѣ хочется вамъ въ слухъ по-французски почитать.

— Почитай, мой ангелъ, проговорила разсѣянно Софья Николаевна, и взяла со стола работу

Тихо, медленно читала Маша какую-то дѣтскую исторію. Она не глядѣла на тетку. Софья Николаевна сперва поработала; а тамъ откинулась на спинку дивана, и закрыла лицо руками, точно желая смягчить жаръ своего лица. Въ комнатѣ было темно, и каждое слово Маши звонко раздавалось, какъ отчеканенное. Прошло часа полтора, она дочла до кон-

ца свою исторію, подняла голову и увидѣла, что Софья Николаевна смотритъ въ уголъ и точно плачетъ.

— Тетя, проговорила она, я кончила.

— А, отозвалась Софья Николаевна.

— Бори-то все нѣтъ.

— Нѣтъ, отвѣтила Софья Николаевна и вздохнула.

Прошла еще пауза.

XXXIV

— Что вы тутъ дѣлаете? раздался вдругъ голосъ Бориса.

— Софья Николаевна встрепелась Маша вскочила съ дивана.

— Боря! Боря!... закричала она и бросилась его цѣловать.

Софья Николаевна смотрѣла на Бориса съ любопытствомъ. Онъ сѣлъ подлѣ нея въ кресла, и посадилъ къ себѣ Машу. Разсказывалъ онъ, что было у Теляниныхъ, какъ они съ Надей и Горшковымъ играли Мендельсоновское тріо... посмѣялся надъ *мастодономъ*, сказалъ, что Надя все хорошѣетъ, и, помолчавъ, зѣвнулъ.

— Мы ужинать не будемъ, проговорилъ онъ вставая... Я нынче немножко усталъ; такъ пора и спать... да и тебѣ ужъ пора, Маша, добавилъ онъ наклонившись къ сестрѣ...

— Я пойду, отвѣтила она съ кроткой миной...

— Ну, я тебя провожу .. прощайте, тетя.

Софья Николаевна встала.

— Пойдемте всѣ вмѣстѣ, я здѣсь одна не останусь... промолвила она.

Всѣ трое вышли въ корридоръ.—У лѣстницы Борисъ сталъ съ ними прощаться.

— Проведи меня до моей комнаты.. Боря, миленькій, начала упрашивать Маша, держа его за руку, ну, не лѣнись... успѣешь уснуть...

Борисъ сталъ подниматься. На верхней площадкѣ онъ еще разъ поцѣловалъ Машу. Она ушла къ себѣ въ комнату.

Софья Николаевна стояла противъ него и молчала. Онъ тоже молчалъ, не прощался съ ней, не протягивалъ ей руки... Пролетѣла томительная минута... Онъ сдѣлалъ шагъ назадъ, къ лѣстницѣ.

— Зайди ко мнѣ, вдругъ сказала она. Въ голосѣ ея не слышно было волненія; но фраза произнесена была торопливо, не твердо.

И, не дожидаясь отвѣта, она вошла къ себѣ.

Борисъ не сей-часъ двинулся. Съ минуту онъ еще помедлилъ, точно дожидаясь, когда у Софьи Николаевны покажется свѣтъ.

Она стояла посреди комнаты, когда Борисъ вошелъ туда. Онъ взглянулъ на нее смѣло, такъ смѣло, что она невольно потупилась. Прежней застычивости, краски въ Борисѣ, какъ не бывало. Онъ выжидалъ, что она скажетъ.

Софья Николаевна быстро подошла къ нему и положила ему руку на плечо.

Онъ немножко отшатнулся.

— Борисъ, начала она скоро, но тихимъ голосомъ... этакъ нельзя намъ жить... скажи же мнѣ, наконецъ, что съ тобою сдѣлалось?...

И она замолкла. Ее удержало что-то; она точно боялась выговорить одно, рѣшительное слово.

Борисъ ничего не отвѣтилъ. Онъ весь вспыхнулъ отъ внезапнаго взрыва внутренней борьбы.

— Что я тебѣ сдѣлала? начала она опять, почти со слезами, развѣ я заслуживаю такой скрытности, развѣ ты не можешь придти и сказать мнѣ все, все? Зачѣмъ ты мучишь и себя и меня?..

Да, вдругъ прервалъ ее Борисъ, и опустился на диванъ. Вы правду сказали... намъ нельзя жить вмѣстѣ. Зачѣмъ вы меня спрашиваете, что со мной дѣлается? вы это видите, вы это знаете... Я не могу оставаться въ этомъ домѣ. я задыхаюсь... Вы что думаете?... Вы думаете, я капризничаю... послѣ того вечера, что я...

И онъ смолкъ. Ему также было трудно сказать рѣшительное слово.

Она сѣла подлѣ него на диванъ.

— Ничего я не думаю... не обвиняю тебя ни въ чемъ... я хочу только знать, отчего ты страдаешь?

— Какъ отчего? почти вскрикнулъ Борисъ. Я васъ люблю... я говорилъ вамъ это... Боже мой!... Онъ всталъ, и ушелъ въ другой уголъ.

Она сидѣла на диванѣ, опутивъ голову.

— Ты меня любишь? промолвила она тихо... ну, и люби.

— Люби... повторилъ онъ съ какимъ-то ѣдкимъ звукомъ... Люби, говорите вы. Онъ опять очутился передъ ней... Но вѣдь я не двухлѣтній, за что же вы меня мучите?... Вы позволили любить васъ. и тѣшиться мной, какъ куклой!. Я знаю, что я негодяй, что я скверный мальчишка... такъ вы бы прогнали меня, мнѣ легче бы было; а зачѣмъ же вы меня дразнили; вѣдь у меня силъ больше нѣтъ... Довольно мнѣ краснѣть, плакать, мучиться.. это гадко, это отвратительно... знаю, но вѣдь отъ этого легче не станетъ? вы видите, что я не мальчишка.. Я вамъ прямо говорю: нельзя намъ такъ жить... въ этомъ домѣ.

Онъ проговорилъ это, стоя и смотря на нее твердымъ, почти суровымъ взглядомъ; слова звучали гордо; въ нихъ не было слезъ; въ нихъ была сила, новая сила, неизвѣстная еще самому Борису.

— Чего же ты требуешь? прервала его она. Дитя.. ты не знаешь что говоришь: я тебя дразнила? Чѣмъ, когда?... Она приподнялась... Я тебя любила, какъ брата... твоя... страсть ко мнѣ... поразила меня... не теперь... я этого не скрываю... но что же мнѣ оставалось дѣлать? Я хотѣла тихой лаской смягчить тебя,—я жалѣла тебя, Боря.

— Я не хочу жалости! почти съ гнѣвомъ вскрикнулъ онъ.

— Я не вѣрила вполне... что ты меня такъ любишь... промолвила она... Я и не хотѣла этому вѣрить...

— А теперь вы вѣрите? спросилъ онъ громко. Онъ взялъ ее за обѣ руки, и посадилъ опять на диванъ.

— Я вѣрю, проговорила она...

— Вы вѣрите, вскричалъ онъ... что же мнѣ вамъ больше говорить? Онъ упалъ передъ ней... Не жалѣйте меня, не утѣшайте .. ради Создателя... скажите мнѣ, чтобъ я ушелъ

вонъ, но не ласкайте, какъ мальчика, если вы не любите меня такъ, какъ я васъ люблю...

Слезы уже дрожали въ этихъ звукахъ. Онъ не глядѣлъ на нее. Онъ пряталъ голову въ ея колѣнахъ. Она сидѣла тихо, не двигаясь. На глазахъ ея были двѣ крупныя слезы...

— Нѣтъ, я не могу!... вырвалось у него. Онъ поднялъ голову. Все лицо его вдругъ поблѣднѣло... Точно въ одну минуту назойливое, ѣдкое страданіе переполнило все его тѣло, и всю душу... Я не могу васъ не любить... Куда я отъ васъ уйду!.. Я не хочу никуда идти!... я хочу васъ любить!...

Онъ повелѣвалъ и просилъ пощады, плакалъ, и отдавался страсти, которую уже ничто не сдерживало; съ жестомъ истиннаго отчаянія заломилъ онъ руки за голову и бросился цѣловать ея колѣна.

Софья Николаевна вся дрожала. Ни одного звука не промолвила она. Ей нечего было говорить... Она его любила...

XXXV

Какъ сказалась любовь Софьи Николаевны? Въ первые дни, она была точно въ туманѣ. Ее поразила страсть мальчика, этого Бори, котораго она думала смирить тихими ласками сестры. Потомъ чувство такъ сильно и быстро овладѣло ею, что ей некогда было думать, нельзя было больше сдерживать Бориса. На нее обаятельно, неотразимо дѣйствовала свѣжесть, искренность всѣхъ проявленій юношеской страсти. Нельзя ей было не отдаться этому потоку. Въ ней также играли молодыя силы, жажда любви горѣла и въ ней. Замужство оставило ей какое-то неудовлетворенное порываніе, отношенія къ покойному мужу были слишкомъ исключительны; они заключали въ себѣ много самоотверженія и свѣтлой дружбы; но любви не было въ нихъ. Чувство Софьи Николаевны къ Борису было не одна *жalousie*, не одно умиленіе надъ *блуд-*

нымъ мальчиномъ, не награда только за его душевную борьбу и горечь; а свой, самобытный, горячій порывъ. Поэзія юности заразителна. Нужно было не имѣть ни капли крови въ жилахъ, ни одного нерва, способнаго принять впечатлѣніе, заморозить себя и заставить стучать сердце по своему приказу, чтобъ остаться спокойной, твердой, холодной около свѣжаго, нетронутаго, только что распустившагося сердца, въ которомъ любовь ключомъ бьетъ и охватываетъ васъ своей первобытной правдой и простотой.

А онъ отдался ей весь, безъ раздѣленія, какъ любовникъ, какъ братъ, какъ сынъ, съ покорностію и съ тѣмъ чувствомъ счастья, какое возможно въ семнадцать лѣтъ. Онъ самъ не сознавалъ, какая прелесть была въ его чувствѣ, какъ сильно онъ овладѣлъ сердцемъ Софьи Николаѣвны. Въ первые дни она жила однимъ желаніемъ, чтобы Борисъ забылъ всю горечь своей борьбы и былъ безконечно счастливъ.

Тонъ ихъ измѣнился. Полное равенство чувствовалось между ними. Она не давала ему совѣтовъ, ни однимъ словомъ не выказывала своего превосходства въ чемъ-либо, какъ-то сократилась; но стала еще свѣтлѣе, еще примирительнѣе въ своихъ взглядахъ. Она гнала всякую темную мысль, малѣйшій упрекъ, малѣйшій вопросъ, который бы могъ нарушить ихъ тихій міръ. И Борисъ такъ привыкъ къ этому, что, дѣйствительно, ничто тревожное не поднималось на его душѣ. Онъ былъ съ ней свободенъ, какъ птица; ласки его были не сдержанны, смѣхъ, разговоръ, все въ немъ преобразилось. Онъ сталъ мужчиной, а думалъ, что онъ по прежнему юноша: преклоняющійся, рабскій, благоговѣющій предъ своей теткой.

Положеніе ихъ въ домѣ, около Маши, среди людей, какъ-то не тяготило ихъ. Въ первое время, имъ ни разу и въ голову не пришло скрываться. Стѣсняло Бориса то, что онъ говоритъ Софѣ Николаѣвнѣ *вы*; онъ началъ вслухъ говорить ей *ты* и совсѣмъ пересталъ звать ее тетя. Маша послѣдовала его примѣру, и это сравнялось, никому не бросилось въ глаза. Въ теченіе дня, онъ подойдетъ, приласкаетъ Софью Николаѣвну, она его, и оба при этомъ и не думаютъ, что они злоупотребляютъ своей родственной связью, играютъ ко-

медію... Слишкомъ много было въ нихъ молодости и жажды счастья, чтобы любовь съ перваго же дня принесла съ собой угрызенія совѣсти, тревогу, постоянную маскировку... Они были какъ дѣти, и въ сущности никого не обманывали, ни себя, ни другихъ.

Жизнь пошла тѣмъ же ровнымъ путемъ, съ тою разницею, что Борису еще невыносимѣе стало высиживать шесть часовъ въ гимназіи. Онъ думалъ даже вытти до окончаніи курса; но Софья Николавна упростила его не дѣлать этого. Горшковъ и Абласовъ ходили давать уроки; Маша, по прежнему, занимала всѣхъ; ихъ собственно она не стѣсняла. Замѣчали товарищи Бориса что нибудь, трудно было сказать; да и врядъ-ли. Конечно, свѣжему человѣку не трудно было увидать, какой огонь зажигался, когда встрѣчались, ихъ взгляды, но молодость невнимательна, и не любитъ подозрѣвать... Одно замѣтили Горшковъ и Абласовъ, что Борисъ сталъ необыкновенно ровень, мягокъ, веселъ; но они могли приписать это вліянію Софьи Николавны вообще, не давая никакого другаго смысла.

Федоръ Петровичъ, когда пріѣзжалъ, заставлялъ всегда семейную картину, всѣхъ въ диванной, за чаемъ, или съ книжкой... Врядъ-ли и ему что западало на умъ. Только Мионовна какъ-то странно посматривала на *парочку*, когда эта парочка ходила по залѣ, послѣ обѣда, въ сумеркахъ.

Съ той минуты, какъ Софья Николавна отдалась Борису, она перестала быть для него прежней *тетей*; но не потому, что онъ взглянулъ на нее, какъ побѣдитель; а потому, что она преобразилась въ страстную, молодую, наивную женщину, такую же молодую, какъ онъ. Они переживали съ нимъ одну и ту же эпоху жизни; иного и быть не могло. Но тутъ только Борисъ почувствовалъ, какъ холодно, неполно, тревожно было все то, что онъ испытывалъ прежде; только теперь съ мыслью о Софѣ Николавнѣ соединялось для него какое-то неизмѣримое и никогда не умирающее счастье... Называя ее дорогая моя, радость моя, онъ зналъ, какъ она ему дорога и какою радостью начинается каждый день, который для всѣхъ вокругъ него проходилъ такъ дюжинно, такъ кисло и безцвѣтно.

А она тѣшилась имъ, забыла всѣхъ, дышала на него, какъ на свое безцѣнное дитя, призванное къ наслажденію и свѣтлой будущности...

XXXVI.

Насталъ великій постъ. Уныло загудѣли колокола. Ранняя оттепель загрязнила улицы. Дни стояли пасмурные, скучные. Все пряталось по домамъ, притихла и безъ того не шумная жизнь губернскаго города.

У Телепневыхъ, изстари, велось говѣть на Страстной недѣлѣ. Борисъ не замѣтилъ, какъ пронеслись шесть недѣль поста. Ему было такъ легко, такъ полна была тайной прелести его юношеская жизнь, что въ инныя минуты онъ рѣшительно забывалъ, какъ живутъ остальные люди вокругъ него, въ домахъ и на улицахъ, движется-ли время къ Свѣтлому празднику или идетъ назадъ къ осени, кончаютъ его товарищи курсъ, или только переходятъ въ слѣдующій классъ.

Въ пятницу, на шестой недѣлѣ, Мироновна, встрѣтившись съ Борисомъ наверху, сказала ему внушительно:

— Вотъ долговязый... Вербное воскресенье послѣ завтра.. чай служба будетъ.

— Гдѣ? спросилъ онъ.

— Какъ гдѣ? у насъ, чай знаешь... Этихъ порядковъ-то не слѣдуетъ мѣнять. Надо инъ батюшкѣ дать знать... вотъ и говѣнье начнется... приходъ-то большой, не у однихъ у насъ на дому служба бываетъ, ты скажи Софѣ-то Николаевнѣ.

— Хорошо, хорошо, отвѣтилъ Борисъ и пошелъ къ теткѣ.

— Мы будемъ говѣть? спросилъ онъ.

Этотъ вопросъ точно удивилъ ее.

.... Тебѣ развѣ не хочется? проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, милый, я хотѣла говѣть на четвертой недѣлѣ; да поджидала тебя.

— У насъ всегда служба на дому бывала.

— И прекрасно... это и для Маши будетъ удобно.

— Мнѣ все не вѣрится, сказалъ Борисъ, что постъ прошелъ... и страстная недѣля черезъ два дня...

— И надо во всемъ каяться, съ тихой улыбкой промолвила Софья Николавна.. Тебѣ страшно, Боря?

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ и смѣло взглянулъ на нее...

Послѣ всенощной на вербное воскресенье, которую отслужилъ отецъ Павелъ, старый духовникъ ихъ дома, старикъ съ византійскимъ окладомъ лица, въ понедѣльникъ на Страстной недѣлѣ, въ восемь часовъ утра, въ залѣ раздался однообразный, то возвышающійся, то упадающійся звукъ. Его производилъ древній дьячокъ Сергѣичъ. Онъ выработалъ себѣ такую дикцію, такую быстроту и связность въ произнесеніи словъ, что не было никакой возможности слѣдить за нимъ. И вездѣ былъ онъ неизмѣненъ: и въ домовой службѣ, и на клиросѣ, и въ чтеніи псалтиря у богатыхъ и бѣдныхъ покойниковъ. Самыя тяжелыя минуты жизни Бориса связаны были съ монотоннымъ, спутаннымъ чтеніемъ дьячка Сергѣича. Стоило ему посмотреть на его фигуру, и услыхать звукъ его голоса, чтобъ предъ нимъ прошли картины смерти, похороны дѣдушки, матери и отца. Но самъ Сергѣичъ не смотрѣлъ сумрачно; на лицѣ его жила всегдашняя, какая-то плутоватодобродушная улыбка.

Одѣваясь у себя въ спальнѣ, Борисъ слышалъ чтеніе дьячка и вспомнилъ былые годы, когда, наверху, Мироновна будила его, торопила всегда молиться, и онъ съ сонными глазами сходилъ съ лѣстницы и глядѣлъ на Сергѣича, который помѣщался всегда у окна противъ дверей въ коридорѣ и, потряхивая своими сѣдыми кудрями, каталъ безъ малѣйшихъ паузъ. Вдоль правой стѣны, въ дверяхъ изъ передней и коридора стояли лакеи и горничныя съ постными лицами; старухи усердно и истово крестились и клали частые земные поклоны, молодыя дѣвки молились по модному. У дверей въ гостиную, за стуломъ пѣла бабушка, отецъ стоялъ всегда въ гостиной, такъ что его не было видно. Борисъ, бывало, прижмется въ уголъ, у двери; а подлѣ него станетъ Маша и все молится на колѣняхъ. А теперь дворни уже не было. Сошла Мироновна да Аннушка, да еще двѣ старухи;

а изъ передней выглядывала только фигура Якова. Софья Николаевна и Борисъ стояли рядомъ, недалеко отъ дверей въ гостиную; Маша въ уголкѣ опустилась на колѣни и шептала свои молитвы. Она говѣла въ первый разъ.

Въ залѣ было свѣжо и темновато. Отецъ Павелъ въ старинной фіолетовой ризѣ, осанисто занималъ мѣсто передъ столомъ, установленнымъ образами. Онъ медленно нагибался, кладя на себя крестъ, а сѣдая его голова, съ небольшой лысиной оставалась совсѣмъ неподвижной.

Когда онъ прерывалъ чтеніе дьячка словами великопостной молитвы, онъ произносилъ ее плавно, старческимъ, но еще звучнымъ голосомъ, съ какой-то особой торжественно-грустной интонаціей и становился на колѣни, почти не производя шума.

Борисъ повторялъ слова за священникомъ и, взглядывая украдкой на Софью Николаевну, клалъ земныя поклоны.

А ея лицо было безмятежно, спокойно, безъ всякаго постыаго выраженія. Она молилась, но безъ сокрушенія, съ какой-то, неподходящей къ Страстной недѣлѣ радостью...

И такъ прошло три дня. Каждое утро и каждое послѣ обѣда являлись „священники„ (по выраженію старыхъ дворовыхъ). Въ одиннадцатомъ часу Телепневы ѣздили въ церковь, къ обѣднѣ; потомъ вмѣстѣ читали евангеліе и проповѣди Іоанна Златоуста. Вечеръ проходилъ въ тихихъ общихъ разговорахъ. Маша предлагала разные *божественные* вопросы. У ней было большое расположеніе къ духовнымъ беседамъ. Всѣ эти дни она притихла, какая-то дѣтская важность видна была въ ея чистыхъ, прекрасныхъ глазахъ. Ее наполняло чувство *говѣнья*, и минутами, лицо ея точно хотѣло сказать: что это тетя и Боря какіе веселые; вѣдь они говѣютъ, такъ какъ и я?...

Въ Страстную среду, въ гостиной приготовили столъ съ образами. Тутъ *батюшка* долженъ былъ исповѣдовать. Послѣ обѣда Софья Николаевна и Борисъ ушли въ диванную, а Маша побѣжала по всему дому просить прощенія у людей. Съ Мироновной у нихъ вышелъ такой умилительный разговоръ, что обѣ заплакали. Яковъ даже просіялъ, когда Маша

подбѣжала къ нему, и сложивши ручки на груди, проговорила:

— Ты меня, пожалуйста прости Яковъ, въ чемъ я предъ тобой согрѣшила.

— Матушка, вскрикнулъ хмурый Яковъ, и кинулся цѣловать ея руку.

Она руку отдернула.

— Нѣтъ, ты, пожалуйста прости меня, кротко повторила она.

— Богъ васъ проститъ, барышня. Добрая барышня, прибавилъ онъ, смотря въ слѣдъ удаляющейся Маши.

— Когда она взшла въ диванную, Софья Николаевна и Борисъ сидѣли у окна и смотрѣли на улицу.

— Тетя, милая, заговорила Маша, бросаясь къ Софѣ Николаевнѣ... я предъ тобой да предъ Борей всего больше грѣшна...

— Въ чемъ-же? спросилъ Борисъ, привлекая ее къ себѣ.

— Какъ въ чемъ? Съ вами я всегда была вмѣстѣ, мнѣ самой теперь не вспомнить всего.. а много я грѣшила.. вѣдь грѣхи-то вольные и невольные бываютъ.

— Прощаю, прощаю тебя, голубушка моя, промолвила Софья Николаевна, цалуя ее.

— И ты прощаешь Боря? быстро спросила дѣвочка.

— Нѣтъ, никакъ не прощаю, отвѣтилъ онъ смѣясь, посадилъ ее на колѣни и началъ играть ея локанами.

— А ужъ у меня вы не просите прощенья, говорила Маша, обращаясь къ нимъ обимъ — я маленькая: противъ меня никто грѣшить не можетъ.

— Отчего-же это? спросилъ улыбаясь Борисъ.

— Да такъ, вы меня учите, любите меня, все для меня дѣлаете и игрушки и книги мнѣ дарите. какъ же вы согрѣшите противъ меня?

Борисъ и Софья Николаевна расхохотались, а Маша сохранила свою серьезную, кроткую физиономію.

— Вотъ я говѣю въ первый разъ, продолжала она; а мнѣ совѣмъ не страшно... я много грѣшила... да я батюшку не боюсь; онъ добрый...

— Зачѣмъ-же его бояться сказалъ Борисъ.

— Прежде меня пугали, Боря... что онъ заставить себя по комнатѣ возить... да это такъ... пустыя слова .. надо Богу каяться... а батюшка ничего самъ не можетъ сдѣлать.

Въ дверяхъ показалась Мироновна.

— Священники пришли, проговорила она.

Всѣ трое отправились въ залъ. Сергѣичъ читалъ немножко повнятиѣе. Отецъ Павелъ служилъ особенно-тихо. Кончилась вечерня. Онъ снялъ ризу, остался въ эпитрахили, и съ небольшимъ поклономъ пошелъ въ гостиную. Сергѣичъ началъ читать *правило*.

Ближе къ двери въ гостиную стояла Софья Николавна. Она пристально глядѣла въ уголъ, на средній образъ, стоявшій на столѣ. Трудно было прочесть что-нибудь на ея лицѣ. Лицо казалось спокойнымъ; только она немного поблѣднѣла и глаза разгорѣлись.

Борисъ не смотрѣлъ на нее. Онъ потупился и опустил голову. Запустивши правую руку за жилетъ онъ стоялъ неподвижно, не слушая и Сергѣича; перенесенный въ міръ своего дѣтства. Его также пугали, какъ и Машу, что батюшка сядетъ въ кресла и заставитъ себя возить по гостиной. И какъ тогда жутко было подходить къ двери, и отворивъ ее приближаться къ священнику. Торжественнымъ страхомъ наполнялась дѣтская душа, и губы дрожали, и колѣна тряслись.

— Пожалуйте, тихо проговорилъ отецъ Павелъ, показываясь изъ-за двери.

Софья Николавна чуть-чуть дрогнула и, перекрестившись, скорыми шагами пошла къ двери; а онъ все глядѣлъ ей въ слѣдъ. Лицо его горѣло. Мгновенно вспыхнуло въ немъ чувство грѣха, ему стыдно стало всѣхъ, кто стоялъ тутъ, и Маши и Мироновны и Сергѣича; онъ закрылъ даже глаза. Но это продолжалось нѣсколько секундъ.

Когда Софья Николавна вышла изъ гостиной минутъ черезъ пять, онъ прошедши мимо нея, увѣренно затворилъ за собою дверь.

Какъ онъ въ свой чередъ показался въ залу, Софья Николавна встрѣтила его какимъ-то недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Хорошо тебѣ, прошептала она?

Онъ въ отвѣтъ поцѣловалъ у нея руку

Маша еще разъ просила у нихъ прощенія, и тихо-тихо

отворила дверь въ гостиную. Вернулась она оттуда вся въ слезахъ, и бросилась цѣловать Бориса.

— Деньги-то-и забыла отдать, вдругъ вскрикнула она... Можно пойти опять, Боря?

— Отдай голубчикъ...

И она отправилась еще разъ въ гостиную; а Борисъ съ Софьей Николавной не могли удержаться отъ улыбки.

На другой день всѣ трое пріобщались; а вечеромъ было у нихъ чтеніе двѣнадцати евангелій. Маша бѣгала послѣ каждаго евангелія и зажигала всѣмъ свѣчи...

XXXVII.

По улицамъ не проходило ни одного пѣшехода.— Двѣнадцатый часъ ночи сковаль городъ сномъ. Только кое-гдѣ запоздалые дрожки подпрыгивали по жесткой, подмерзшей мостовой. Апрельская весенняя свѣжесть смѣнилась легкимъ морозомъ.

Въ дикомъ домѣ было темно и тихо. Изрѣдка кто-нибудь пройдетъ по залѣ со свѣчей, да въ дѣвичьей хлопнуть тяжелой дверью. Наверху свѣтъ былъ только въ комнатѣ Софьи Николавны.

Она сидѣла на диванѣ, свернувшись въ комочекъ. Борисъ помѣщался на полу, положилъ руки на диванъ и смотрѣлъ на нее пристально. Свѣтъ отъ свѣчи падалъ съ туалета и оставлялъ всю фигуру Бориса въ тѣни. Тѣнь ложилась и на нижнюю часть лица Софьи Николавны. Глаза ея не смотрѣли на Бориса; они были опущены; одна рука падала съ дивана, другой Софья Николавна подпирала щеку.

Въ комнатѣ замѣтно было приготовленіе къ чему-то. На туалетѣ чепчикъ, на большомъ турецкомъ диванѣ бѣлое платье и мантилья. Самый полусвѣтъ намекалъ на какое-то бдѣніе, на необычное ожиданіе чего-то.

Они говорили. Разговоръ былъ въ полголоса.

— Какъ ты проводилъ прежде эту ночь? спросила Софья Николавна.

— Ложился всегда спать, отвѣчалъ Борисъ, придвигаясь къ дивану Мироновна меня будила. Я надѣвалъ мундиръ, сходилъ внизъ, бабушка въ залъ—вся въ бѣломъ. Посадить въ карету и повезуть. А какъ по моложе былъ, я никогда всей заутрени не выстаивалъ...

— А что?

— Дурно сдѣлается, отъ жару, отъ свѣчь. Меня, бывало, выведуть въ предѣлъ, гдѣ купель стоитъ.

— Вотъ ты какой слабенькій былъ, проговорила Софья Николавна и подняла лѣвую руку, какъ-будто желая дотронуться до головы Бориса.

— Слабенькій, тихо повторилъ онъ.

— А теперь?

— Ну, теперь въ обморокъ не упаду

— Знаешь что, Борисъ, начала она, послѣ маленькой паузы. Мнѣ эта ночь напомнила мое дѣтство, моихъ стариковъ... хорошо они молились.. Они и сегодня, я думаю, вспоминаютъ меня... и мнѣ... Она остановилась.

— Что же тебѣ? быстро спросилъ Борисъ.

— Стыдно, Боря. Софья Николавна положила ему руку на плечо. Онъ промолчалъ.

— Вотъ мы въ церковь собираемся, продолжала она, будемъ стоять, свѣчку въ рукахъ держать, слушать такую радостную пѣснь... кругомъ торжество и примиреніе, а я боюсь, что въ сердцѣ его не будетъ.

— Почему же нѣтъ?

Софья Николавна обвила его шею руками.

— Потому, мальчикъ ты мой безцѣнный, что я люблю тебя... Когда предо мною Богъ, когда все вызываетъ въ душѣ вѣру, молитву.. сердце мнѣ сжимаетъ ѣдкое чувство... На меня, на меня на грѣшную ты тратишь свою молодость, я точно украла твою чистоту... и нечѣмъ мнѣ искупить этого?..

— Борисъ молчалъ.

— Я счастлива, а ты?—Въ инныя минуты я не смѣю за тебя молиться... Вѣдь я взяла у тебя все лучшее, мучила, раздувала страсть въ ребенкѣ.. и что же я дамъ въ замѣну..

Слезы слышались въ голосѣ, Софья Николавна говорила

отрывисто, точно будто каждое слово съ силой вырывалось изъ груди. Она подняла голову, посмотрѣла на Бориса и потомъ тотчасъ же опустила глаза.

— И если когда-нибудь ты охладѣешь ко мнѣ... ни одной минуты не скрывай этого.. обо мнѣ не думай, не смущайся, у тебя цѣлая жизнь впереди, лови ее, а меня забудь. Тебѣ нельзя идти со мною всю жизнь рука объ руку... ты будешь цвѣсти, я увядать.. и потомъ, если ты меня заклеиши упрекомъ, если ты даже скажешь, что я испортила, погубила твою жизнь—я роптать не стану... я заслужила это.

Софья Николавна произнесла послѣднія слова громче, тверже, но грустно, почти болѣзненно-горько.

Борисъ схватилъ ея руку и началъ горячо цѣловать.

— Голубушка моя, радость моя, шепталъ онъ, что это съ тобой! Что за мысли!... Какого же мнѣ счастья? Да и кто же можетъ быть счастливымъ меня?.. Я каждый день, каждый мигъ благодарю Бога за то...

— Нѣтъ, не благодари за меня, прервала его Софья Николавна. Я тѣшусь тобой... вотъ почему я великая грѣшница...

Борисъ съ какимъ-то удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Зачѣмъ такъ говорить? повторялъ онъ. Это не твои чувства, радость моя. Откуда онѣ у тебя?..

Его поразило настроеніе Софьи Николавны. Онъ силился высказаться, спросить ее, отчего у ней нѣтъ въ эту минуту ея свѣтлаго взгляда, съ которымъ онъ такъ сжился.

— Зачѣмъ я такъ говорю? Я не знаю, Борисъ. Это у меня накопило и сказалось именно теперь, именно въ эту ночь, передъ свѣтлымъ праздникомъ.—Я всегда весела, на все ясно смотрю, со всѣмъ примиряюсь.. а тутъ вдругъ другой голосъ... строгій, горькій, но онъ явился же...

— Ты меня не хочешь-ли бросить? вдругъ сказалъ Борисъ и съ дѣтской живостью опустилъ голову на ея колѣни. Какъ же я безъ тебя-то буду жить?...

— Бросить! вскричала она и взяла его обѣими руками за голову. Нѣтъ, нѣтъ! прекрасный мой мальчикъ. Жить для тебя хочу! Только прости меня, грѣшную, гадкую!..

— Не прощу, если хоть слово грустное скажешь...

Но лицо Софьи Николаовны просвѣтлѣло. Она съ увлеченіемъ цѣловала его глаза, волосы, губы...

Ударилъ колоколъ и загудѣлъ.—Борисъ и Софья Николаевна отскочили другъ отъ друга и перекрестились. Нѣсколько секундъ они какъ-то странно озирались кругомъ и молчали.

XXXVIII.

Первая прервала молчаніе Софья Николаевна.

— Надо будить Машу, проговорила она.

Борисъ всталъ, поцѣловалъ ее въ лобъ и еще разъ нагнувшись, поглядѣлъ ей въ глаза.

— Больше ничего не скажешь такого? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, дитя мое, нѣтъ. Позови Аннушку

— Ты вся въ бѣломъ будешь?

— Да, какъ бабушка .. иди же, мы этакъ опоздаемъ.

Борисъ вышелъ.

Оставшись одна, Софья Николаевна закрыла лицо руками, потомъ быстро приподнялась, ушла въ альковъ, тамъ упала на колѣни передъ кроватью и оставалась такъ до прихода Аннушки.

Аннушка ее окликнула. Когда Софья Николаевна вышла изъ алькова, лицо ея было свѣтло, даже радостно: и она начала одѣваться молча, точно съ какой то торжественностью.

Борисъ разбудилъ Мироновну и Машу и пошелъ къ себѣ внизъ одѣваться. Наканунѣ ему принесли новое партикулярное платье. Онъ хотѣлъ-было заказать себѣ и фракъ, но удержался. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ больше заниматься своимъ туалетомъ; хотя и прежде былъ всегда опрятенъ и порядоченъ и давно, чуть-ли не съ третьяго класса, дома и въ гостяхъ не носилъ гимназической формы

Яковъ сонный и хмурый, подалъ ему очень узк^і въ шею сапоги, бѣлый жилетъ и модный, по тому време

бортный пиджакъ съ бархатнымъ чернымъ воротникомъ. Платье сидѣло на немъ ловко, обливало его стройную фигуру. Борисъ пополнѣлъ за послѣдніе три-четыре мѣсяца; лицо стало немного длиннѣе, цвѣтъ лица пересталъ бросаться въ глаза своей свѣжестью, но сдѣлался ровнѣе; усы пробивались очень сильно, а бороду Борисъ началъ брить со смерти отца. Движенія его приобрѣли большую увѣренность; съ перваго взгляда онъ смотрѣлъ *бариномъ*, хозяиномъ дома, и прокралось это незамѣтно для него самого. Никто бы не сказалъ, взошедши въ кабинетъ въ ту минуту, когда Яковъ подавалъ ему новый пиджакъ, что это гимназистъ, семнадцатилѣтній мальчикъ, который полгода тому назадъ не могъ въ домѣ безъ спросу распорядиться савраской или приказать освѣтить гостиную лампой.

Минуть черезъ двадцать въ залу влетѣла сверху Маша, въ бѣломъ платьѣцѣ, съ длинными локонами, въ шитыхъ панталончикахъ, пышная, прозрачная, шумя своими юбками, съ блестящими глазами и свѣтлымъ личикомъ, на которомъ виднѣлись еще слѣды жаркой подушки, оставленной не въ урочное время.

Маша никого не нашла въ залѣ, заглянула въ бильярдную и постучалась въ спальню брата.

— Можно войти, Боря? крикнула она.

— Войди отозвался Борисъ.

Онъ былъ уже совсѣмъ одѣтъ, причесанъ и немножко поддушенъ. Яковъ подавалъ ему платокъ, перчатки и новую партикулярную фуражку.

— Боренька, какъ ты разфрантился! заговорила Маша, осматривая его со всѣхъ сторонъ. Покажись-ка, покажись-ка къ свѣту... какой галстухъ... а жилетка бѣлѣе моего платья.. ты совсѣмъ большой, Боря, точно помѣщикъ какой. Маша не прибрала другаго сравненія.

— Помѣщикъ, повторилъ Борисъ и разсмѣялся.

— Право, точно помѣщикъ... А пора ужъ ѣхать, Боря, давай Нѣтъ благодарствія... тѣсно, я думаю, какъ въ церкви. тебя хочу! Тасъ, голубчикъ, отвѣтилъ Борисъ и нагнулся къ — Не прѣнкай. Ну-ка, покажись и ты мнѣ... платье новое?

— Новое, Боря... тетя подарила... Ахъ вскричала дѣвочка, ахъ какая я гадкая... Боренька, милый мой, прости меня.

И она бросилась цѣловать его.

— За что, что такое? говорилъ Борисъ, отвѣчая на ея ласки.

— Я и не поблагодарила тебя; и она вдругъ вытянула изъ-подъ своего корсажа большой золотой крестъ, на золотой же тоненькой цѣпочкѣ.

— Это кто мнѣ подарилъ? вскричала она. А я и забыла поблагодарить; ахъ, какая я гадкая!

Маша даже огорчилась.

— Это я ужъ на тебя заглядѣлась, добавила дѣвочка, точно схватившись за оправданіе; а мнѣ твой подарокъ дороже всѣхъ будетъ.

И она опять бросилась къ брату.

— Ну, пойдемъ, ѣдемъ, сказала она, беря его за руку. Тетя совсѣмъ готова... Какая она хорошенькая, Боря. Никогда я ее такой не видала... Во всемъ свѣтѣ только два хорошенькихъ и есть: ты да она.

Они нашли Софью Николаевну въ залѣ. Дѣйствительно, Маша была права. Софья Николаевна, въ легкомъ бѣломъ платьѣ и длинной мантильи, съ небольшою наколкой на головѣ, казалась молодой, чуть не семнадцатилѣтней дѣвушкой; румянецъ игралъ на щекахъ, волосы съ собенною роскошью падали на лобъ и щеки; вся ея фигура въ бѣломъ казалась еще стройнѣе, еще изящнѣе. Именно такой должна она была явиться на Свѣтлый праздникъ.

Борисъ не удержался, чтобъ не взять ее за руку. Она взглянула на него мягко, ласково, но съ какимъ-то особымъ оттѣнкомъ, который подходилъ къ характеру этой ночи.

— Тетя, закричала Маша, ты точно невѣста! Мнѣ хочется съ тобой христоваться...

— А спать тебѣ не хочется? спросила ее, смѣясь, Софья Николаевна.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу Богу молиться; поѣдемте.

Борисъ подалъ салопъ Софѣ Николаевнѣ и, въ то время, какъ Маша проходила въ переднюю, поцѣловалъ ее въ шею и шепнулъ: радость моя!

XXXIX.

Приходская церковь Николая Чудотворца горѣла шкалика-ми. Вся колокольня была залита свѣтомъ. Звѣзды и разные фигуры размѣщены были между окнами; а на колоннахъ, поддерживающихъ карнизъ портика, висѣли треугольники. Надъ папертью картина на прозрачной бумагѣ изображала Воскресеніе Христово. Экипажей было много: народъ входилъ густою вереницей; нищіе въ два ряда обступили паперть.

Борись съ трудомъ протискался, очищая дорогу для Софьи Николаевны и Маши. Приходъ былъ богатый, дворянскій; народу набралось полна церковь. Семейство Телепневыхъ всегда становилось направо отъ входа, противъ праваго предѣла, во имя великомученицы Варвары, гдѣ въ Свѣтлый праздникъ и служили, обыкновенно, заутреню; а раннюю обѣдню переходили служить въ холодную церковь, отдѣленную отъ теплой большою аркою, сквозь которую видѣнь былъ богатый иконостасъ, освѣщенный сотнею свѣчъ въ паникадилахъ. На лѣвомъ предѣлѣ весь полъ былъ установленъ пасхами и куличачи, на большихъ блюдахъ и тарелкахъ. Тонкія свѣчки были прилѣплены къ каждому блюду, и свѣтъ ихъ, сливаясь съ освѣщеніемъ отъ паникадилъ, производилъ особенный, красноватый отливъ.

Служба только что началась. Въ церкви было очень душно. Запахъ ладана и воску наполнялъ церковь: но лица сіяли, смотрѣли празднично, молились мало; но точно чего-то всѣ ожидали... Чѣблыя платья женщинъ сплошною стѣною обступали амвонъ и клиросы.

Телепневы помѣстились въ углу за печкою и ограждены были отъ толчковъ и давки. Только что они стали на мѣсто, народъ хлынулъ къ выходу: пошли ходомъ вокругъ церкви. Настала тишина, прерываемая то тамъ, то сямъ кашлемъ, шопотомъ, шарканьемъ. На минуту всѣ какъ-будто совсѣмъ притихли... слышалось пѣніе на паперти; потомъ ближе

и ближе, и радостно ворвался наконецъ и загудѣлъ по церкви гимнъ!

— Христось Воскресе! раздался голосъ священника. — Воистину Воскресе, отвѣтили дружнымъ гуломъ сотни голосовъ, и пошло всеобщее цѣлованье.

Почти въ одинъ мигъ Борисъ и Софья Николавна обратились лицомъ къ другъ другу и похристосовались. Она пожала ему руку и тихо проговорила: мнѣ хорошо.

Борисъ долго держалъ ее за руку. Со свѣчей, въ своемъ бѣломъ нарядѣ, въ этомъ мірѣ свѣта и торжественныхъ звуковъ, она была чудно хороша. И онъ почувствовалъ, какъ что-то мягкое, глубоко-умиляющее входило ему въ сердце и точно еще больше сливало всю его жизнь съ жизнью любимой женщины. Не однимъ страстнымъ чувствомъ былъ онъ полонъ; въ эту минуту, онъ сливался съ нею въ порывъ къ чему-то, что казалось выше и прекраснѣе ихъ любви и жизни, съ ея радостями и угрызѣніями! онъ преклонялся предъ той любовью, которая проститъ ему все: и молодость, и первую страсть и всякую немощь духа и плоти.

А съ клироса долетали свѣтлые звуки: *и другъ друга обьемемъ, радостно пѣли молодые голоса, рцемъ братіе и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ!*

Но нѣсколько разъ Маша принималась христосоваться съ теткой и братомъ. Но она не ограничилась ими одними. Со всѣми, кто стоялъ около, она съ наивной торжественностью перецѣловалась, аккуратно по три раза.

Кончилась заутреня. Въ теплой церкви стало попросторнѣе. Толпа подвигалась въ холодную. Поднялся гулъ, всѣ говорили, переходили съ мѣста на мѣсто, христосовались. Пріѣхали мужья губернскихъ дамъ изъ собора въ мундирахъ и бѣлыхъ галстухахъ, съ праздничными фizioноміями, зажужжали поздравленія, заболталъ французскій языкъ.

— Здѣсь долженъ быть Абласовъ, сказалъ Борисъ, осматриваясь кругомъ.

— Я его видѣла, подхватила Маша, онъ тамъ впереди стоитъ, у лѣваго клироса... Достань его, Боря, я хочу съ нимъ христосоваться, я ему яичко приготовила.

— Придетъ самъ, онъ знаетъ наше мѣсто.

— Ты его пригласилъ къ намъ? спросила Софья Николаевна.

— Какже.

Абласовъ стоялъ впереди и также высматривалъ Телепневыхъ. Онъ жилъ въ другомъ приходѣ, но пришелъ сюда. Борисъ приглашалъ его разговѣться съ ними вмѣстѣ. Въ самой гимназiи церкви не было; по воскресеньямъ гимназистовъ водили въ старый соборъ, стоявшій на площади, а по праздникамъ имъ дозволялось ходить въ приходскія церкви. Абласовъ наконецъ увидалъ Бориса и сталъ пробираться. Первая похристосовалась съ нимъ Маша.

— Вотъ вамъ и яичко; а вы-то мнѣ что дарите? спрашивала она своего учителя, держа его за пуговицу мундира.

— Простите, Машенька, ничего не дамъ... проговорилъ онъ своимъ спокойнымъ голосомъ, и немного покраснѣлъ.

Онъ поцѣловалъ Бориса. Софья Николаевна протянула ему руку. Они не начали говорить. Имъ даже неловко было отъ всеобщей болтовни. Борисъ предложилъ перемѣнить мѣсто, стать поближе къ холодной церкви, чтобы слушать службу.

На лѣвомъ предѣлѣ былъ еще большой шумъ. Уставлялись пасхи и куличи. Одинъ изъ дьячковъ распоряжался и смирялъ возникающіе споры между служителями обоого пола, которые все прибывали, неся блюда, завязанные въ бѣлыхъ и цвѣтныхъ салфеткахъ.

— Какъ хорошо! вскричала Маша, проходя мимо пасохъ, съ зажженными свѣчками.

Борисъ и Софья Николаевна взглянули на эту картину и промолчали.

— Какая суета, проговорилъ съ полуулыбкой Абласовъ.

Софья Николаевна вскинула на него глазами. Онъ немножко потупился, и пропустивши ее впередъ, сталъ за колонну.

XL.

Борисъ прислушивался къ службѣ. Началось чтеніе евангелія. Сначала гудѣлъ густой, но надорванный голосъ дьякона. Каждое слово обрывалось и слетало точно съ какой-то высоты. Потомъ раздавался нѣсколько дребезжащій, но пріятный тенористый голосъ отца Павла. Онъ читалъ по русски. Младшій священникъ повторялъ жиденъкимъ фальцетомъ по латини и кто-то еще хрипло и нетвердо выговаривалъ по гречески.

И вспомнились Борису рассказы Мироновны, какъ въ соборѣ евангеліе читаютъ на двѣнадцати языкахъ. Онъ вотъ и въ эту минуту не зналъ доподлинно, правда это или нѣтъ, хоть и былъ уже большой, и могъ бы, еслибъ захотѣлъ, попасть и въ соборъ на свѣтлую заутреню.

Передъ Борисомъ стояли Софья Николаевна и Маша и тихо молились. Онъ взглянулъ на нихъ, на свои живыя привязанности и невольно опустилсѣ на колѣна.

Обѣдня отошла. Церковь начинала пустѣть. Телепневы двинулись къ двери. Абласовъ шелъ отъ нихъ поодаль.

— Христосъ Воскресе, Боря, крикнулъ вдругъ кто-то позади Бориса. Онъ обернулся. Передъ нимъ стоялъ Горшковъ съ сіяющей физіономіей, припомаженный, въ пестромъ галстухѣ и коричневой визиткѣ. Горшковъ расцѣловалъ его громко; а потомъ полѣзъ къ Абласову. Съ шумомъ раскланялся онъ съ Софьей Николаевной и Машей, и по очереди перѣцѣловалъ у нихъ руки.

— Ты какъ здѣсь? почти въ одинъ голосъ спросили Борисъ и Абласовъ.

— Мапочка притащила, громко отвѣчалъ Горшковъ, тряхнувъ при этомъ, вихромъ своимъ.

— А ваша маман здѣсь? спросила Софья Николаевна, пододвинувшись къ нимъ.

Маша услышала ея вопросъ.

— Гдѣ ваша мамаша, Валерьянъ Михайлычъ, покажите

мнѣ, пожалуйста, проговорила она, беря Горшкова за руку.

Въ эту минуту, мать его, Анна Ивановна, подошла къ группѣ. Она была также въ бѣломъ батистовомъ платьѣ, бѣлой шали съ турецкими цвѣтами по каймамъ и въ большомъ, нѣсколько старомодномъ, воротничкѣ, обшитомъ мелкимъ кружевцемъ, Анна Ивановна кротко улыбалась. Лицо ея точно помолодѣло; глаза были такіе свѣтлые; бѣлокурые волосы, гладко лежавшіе на вискахъ, придавали ей необыкновенно опрятный видъ.

— Здравствуйте, Борисъ Николаичъ, плавно проговорила она, слегка наклоняясь впередъ; со мной можно и похристосоваться.

Они облобызались. Послѣ того, Анна Ивановна взглянула мелькомъ на Софью Николаевну и Машу. Борисъ, обратившись къ нимъ, также весело сказалъ:

— Тетенька. Анна Ивановна Горшкова.

Софья Николаевна дружески протянула ей руку.

— Какъ я рада съ вами встрѣтиться, Анна Ивановна, проговорила она; мы такъ любимъ вашего сына, право, какъ роднаго.

Горшковъ подскочилъ къ нимъ.

— Вотъ, Софья Николаевна, моя мамочка. Я объ ней вамъ говорилъ. Имѣетъ слабость меня баловать... А васъ всѣхъ она прекрасно знаетъ; она знаетъ, что вы меня не меньше ея балуете.

Анна Ивановна взглянула такъ на своего Валерьяшу, что во взглядѣ ея можно было прочесть: „полно ты тараторить егоза“

— Благодарю васъ, отвѣтила она Софѣ Николаевнѣ съ ясной улыбкой... Я такъ рада, когда вотъ мой-то болтунъ бываетъ у васъ...

— А какъ это вы къ намъ въ приходъ попали, Анна Ивановна? спросилъ Борисъ.

— По старой памяти, Борисъ Николаичъ, по старой памяти. Прежде мы здѣсь, у Николы, жили... еще при Михайлѣ Семенычѣ, вся моя молодость прошла въ этой церкви. Вотъ, я вчера и говорю Валерьяшѣ: отстоимъ мы свѣтлую

заутреню у Николая Чудотворца. Здѣсь и говѣть изволили? обратилась она къ Софѣѣ Николаевнѣ.

— Какже... Здѣсь прекрасный священникъ.

— Отецъ Павелъ... старёнекъ сталъ; вотъ вѣдь ихъ обоихъ крестилъ. Она указала головой на Бориса и Горшкова; да и васъ также, обратилась она къ Машѣ, которая, немножко въ сторонкѣ, любопытно высматривала ее. Я сейчасъ бы узнала, Борисъ Николаичъ, что это ваша сестрица... что за красавица, проговорила она въ полголоса. Христось Воскресе! сказала она съ улыбкою Машѣ, и та, радостно, бросилась цѣловать ее.

— Я Валерьяна Николаича люблю очень, говорила дѣвочка, не выпуская изъ своихъ рукъ руки Анны Ивановны; онъ меня такъ славно учить, добрый такой.

— Милая вы моя, отвѣтила ей Анна Ивановна, не отрывая отъ нея глазъ. Какъ она похожа на маменьку, обратилась она къ Софѣѣ Николаевнѣ. Вотъ здѣсь, въ этой церкви ее видала не одинъ разъ. И въ свѣтлую заутреню приводилось стоять вмѣстѣ... Въ бѣломъ-то платьѣ.. бывало, какъ ангелъ какой.. Все прошло.. Ну, Богъ не оставилъ... вы имъ вторая мать, заключила Анна Ивановна и дружески, съ какой-то неотразимой искренностью, поглядѣла на Софью Николаевну.

Борисъ немного помутился, и въ глазахъ его тетки промелькнуло что-то, чего, впрочемъ, никто не замѣтилъ, кромѣ, можетъ быть, Абласова, который, въ сторонкѣ, какъ-то особенно смотрѣлъ на Софью Николаевну.

— Не смѣю васъ удерживать, проговорила Анна Ивановна, домой вамъ пора. Весело будетъ съ молодежью разгавливаться, вотъ и мы съ Вадерьяшей разговѣмся въ одинокой бесѣдѣ. Пойдемъ, обратилась она къ сыну.

Софья Николаевна подала ей руку.

— Посѣтите насъ когда-нибудь, сказала она ей привѣтливо.

— Благодарю васъ, отвѣтила Анна Ивановна, съ радостной улыбкой. я вѣдь нынче никуда.. а очень-бы хотѣлось воспользоваться вашимъ приглашеніемъ...

— Приходите яйца катать, крикнула Маша Горшкову.

XLI.

Телепневы отправились домой съ Абласовымъ. Его посадили на козлы. Ѳедоръ Петровичъ ждалъ ихъ и встрѣтилъ въ залѣ. Онъ поочередно со всѣми перецѣловался, а Машѣ поднесъ большое фарфоровое яйцо. Она получила много подарковъ. Софья Николавна и Борисъ вынесли ей цѣлый возъ игрушекъ и всякихъ сахарныхъ яицъ. Она половину ихъ сейчасъ раздѣлила, и непремѣнно требовала, чтобы Абласовъ тутъ же началъ катать съ ней яйца...

Столъ былъ накрытъ въ гостиной, которая точно удивлена была, что попала опять въ почетъ. Пасхи, куличи, окорокъ, масло и красныя яйца, все это блестѣло и пестрѣло при свѣчахъ. За отдѣльнымъ столикомъ Мироновна въ нарядномъ платьѣ разливала чай.

— Отчего вы не пріѣхали въ нашу церковь? говорила Софья Николавна, подавая Ляпину кусокъ кулича.

— Не люблю, я, сударыня, вашего прихода...

— Отъ чего это?

— Ужь больно люденъ, народу набьется, барынь всякихъ...

— Ахъ, какъ вы любезны, перебила она его со смѣхомъ.

— Извините, я не къ тому; а не люблю толкотни... У меня приходъ тихій... купцы... все это починнѣ...

— А какая радостная служба въ свѣтлую заутреню, проговорила Софья Николавна, послѣ маленькой паузы; не правда ли, Ѳедоръ Петровичъ?

— Да-съ, именно радостная.

— Я думаю, отозвался Абласовъ, оно только такъ кажется оттого, что мы готовимся къ празднику; а въ сущности-то все равно...

Софья Николавна быстро взглянула на него...

— Ахъ какой вы, Абласовъ, вѣчно спорите... Да какже не радостная служба? Когда поютъ такіе примирительные, свѣтлыя гимны?..

— Да это все, какъ себя человѣкъ настроилъ, возразилъ

Абласовъ. Вотъ вѣдь возьмите вы самое это розговѣніе.... Какъ бы вы себя не готовили къ празднику, такъ, что бы значили всѣ эти куличи и пасхи? зачѣмъ бы ихъ ѣсть ночью ни съ того ни съ сего, когда вовсе и не хочется ѣсть... А настроили себя, и ѣдимъ: кусокъ творогу особенное значеніе получаетъ, яйца крутыя... вѣдь совершенно смыслу не имѣеть..

— Какъ смыслу не имѣеть? спросила Софья Николаевна.

— То есть, я хочу сказать само-то по себѣ... Вѣдь, согласитесь, что мы не станемъ ѣсть въ обыкновенное время крутыхъ яицъ.

— Все это прекрасно, возразила она; положимъ, здѣсь играетъ роль настроеніе, а тамъ само торжество воодушевляетъ насъ.

— Не знаю-съ, тихо промолвилъ Абласовъ, и чуть замѣтно улыбнулся.

Софья Николаевнѣ были непріятны замѣчанія Абласова... Они не подходили ко всему тому празднику. Борису также стало неловко; онъ хотѣлъ даже шепнуть товарищу, чтобъ тотъ немножко примолчалъ.

Федоръ Петровичъ долго смотрѣлъ на Абласова, прилебавая изъ чашки; потомъ повернулся къ нему бокомъ и началъ намазывать себѣ тартинку.

— Хорошо вы разсуждаете, вдругъ заговорилъ онъ, вы юноша умный... и дѣлаете это не для близиру; а потому, что таково ваше мнѣніе, вѣрю; но позвольте мнѣ вотъ что вамъ сказать; если вы полагаете, что все зависитъ отъ настроенія, такъ значить настроеніе-то въ насъ очень сильно... Оно для насъ все скрашиваетъ... Вѣдь хоть бы и въ эту минуту Такъ зачѣмъ-же намъ разбирать-то все по ниточкѣ? Тогда лучше совсѣмъ ни въ церковь не ходить ни разгавливаться!

Абласовъ промолчалъ, и немножко покраснѣлъ. Онъ почувствовалъ, что его разсужденія были неумѣстны. Маша вывела его изъ неловкаго положенія и увлекла за собой въ залу.

— Охъ ужъ вы, юноши, промолвилъ Лапинъ, махнувъ рукой... Взглядъ на все такой язвительный имѣютъ, прибавилъ онъ и разсмѣялся.

— Молодо-зелено, сказала Софья Николавна; что есть лучшаго въ жизни, того не берутъ...

— Именно подтвердилъ Ѳеодоръ Петровичъ.

— А ты, Боря, спросила она съ улыбкой, — ты не мудрствуя берешь то, что хорошо?

— Да, голубушка, отвѣтилъ онъ, зарумянившись и поцѣловалъ ее руку.

Часу въ шестомъ всѣ разошлись; но Борисъ отправился еще на розговѣнье дворовыхъ, которое совершалось, съ незапамятныхъ временъ, въ бильярдной. Онъ каждому поднесъ по стакану вина и перецѣловался по три раза. Странно ему было занимать мѣсто дѣдушки и отца, и настоящимъ баринѣмъ угощать свою дворню.

Яковъ выпилъ на порядкахъ, но раздѣлъ Бориса съ особенной старательностью. — Совсѣмъ уже разсвѣло, какъ все улеглось въ домѣ; и Машѣ снились раскрашенные яички, съ розовыми херувимами... Только Мироновна хлопотала еще въ чайной, и заглянула разокъ какъ спать Маша. Такъ встрѣтили свѣтлый праздникъ въ дикомъ домѣ.

XLII.

Широко, какъ море, разлилась Волга. Низменный, луговой берегъ совсѣмъ потонулъ, и только красная крыша мельницы, на одномъ изъ островковъ, виднѣлась, какъ одинокая точка. Съ набережной открывался чудный видъ на весь разливъ рѣки. Отъ угольной башни Кремля, стоявшей надъ крутымъ обрывомъ, слѣва уходила длинная полоса воды и сливалась съ розовымъ небомъ, на которомъ догорали лучи весенняго, нежаркаго солнца; справа виднѣлась часть высокаго берега. На мысу, упиравшемъ въ рѣку, вверхъ по горкѣ расположенъ былъ живописный монастырь Зеленъ только что пробивалась, листья еще не распустились; но издали башенки и главы монастырскихъ церквей точно выглядывали

изъ-за чащи деревь. Чѣмъ-то чисто русскимъ отзывалась вся эта картина шири и раздолья, небогатая красками, но полная привольной и вмѣстѣ строгой красоты. Внизу, надъ набережной, берегъ былъ заставленъ пристанями, баржами пароходами. Свистѣлъ паръ, и, точно робѣя, проходили мимо неуклюжія бѣланы, разшивы и коноводныя машины, чуя будто, что не долго имъ гулять верхъ и внизъ по Волгѣ и будить ея тихіе берега безконечной и жалкой пѣснью своихъ сѣрыхъ бурлаковъ.

День былъ славный. Солнце не жарило; а точно любовалось разцвѣтающей жизнью. Въ воздухѣ стало что-то мягкое; чуть слышный вѣтерокъ приносилъ съ рѣки живительную свѣжесть; пыль еще не поднималась на улицахъ; яркая зелень дерна, покрывавшаго откосъ набережной, смягчала видъ рѣки.

Былъ часъ седьмой. По набережной двигались гуляющіе. Больше все шли отъ Кремля къ саду, расположенному на скатѣ крутаго нагорнаго берега. День былъ праздничный, воскресенье; послѣдній день святой недѣли. Всѣ высыпали погулять и посмотрѣть на разливъ, а съ Оминой опять за сѣсть и не отзываться на призывъ природы, которая, для жителей губернскихъ городовъ, существуетъ вѣдь только въ видѣ губернаторскихъ садовъ, бульваровъ и набережныхъ гуляній.

У башни, на самомъ юру, стояла небольшая группа. Тепленевы, Горшковъ и Абласовъ. Всѣ смотрѣли въ даль, на разливъ, на заходящее солнце, на синевато розовый отблескъ воды... Софья Николавна, опираясь на руку Бориса, вся наклонилась впередъ, и, казалось, сдѣлай она еще шагъ—земля непременно обвалится и унесетъ внизъ. На ней была темная шляпка и сѣрый бурнусъ, который падалъ прямыми, красивыми складками, съ ея высокой стройной фигуры. Борисъ былъ въ статскомъ платьѣ, модномъ пальто безъ талии и сѣрой, пуховой шляпѣ. Маша, взявши его за руку, тоже вытянулась и заглядѣлася на воду, заслоня себя, немножко, зонтикомъ. Ея длинныя, роскошныя локоны падали па плечики изъ подъ соломенной шляпки съ большими полями. — Горшковъ перегнулся и смотрѣлъ изъ-за Бориса,

сдѣлавши изъ руки зонтикъ. На его добродушномъ румянѣмъ лицѣ отражено было впечатлѣніе прекраснаго вида рѣки. Онъ прищуривалъ правый глазъ и немного подергивался, часто перемѣняя положеніе своего тѣла. Абласовъ стоялъ позади всѣхъ, и смотрѣлъ совсѣмъ въ другую сторону, внизъ на берегъ. Взглядъ его блуждалъ отъ одной пароходной трубы къ другой. Видно было, что онъ съ большимъ равнодушіемъ относится ко всей этой картинѣ; а можетъ быть не чувствуетъ въ ней никакой красоты. Оба были, въ гимназическіе сюртукахъ.

— Какъ здѣсь хорошо! вырвалось у Софьи Николаовны. Посмотри Борисъ, на эту даль. И она указала зонтикомъ на полосу воды, сливающуюся съ далекимъ горизонтомъ.

— Прекрасно!. Здѣсь всегда славный видъ... вотъ на монастырь также, когда берегъ покроется зеленью.

— А вѣдь монахи-то, вмѣшался Горшковъ, были видно художественный народъ.. Посмотрите, какія чудныя мѣста выбирали.. всегда гдѣ-нибудь на берегу... въ поэтической мѣстности, въ лѣсу, на пригоркѣ...

— А я такъ думаю, отозвался тихимъ голосомъ Абласовъ, селились тамъ, гдѣ повыгоднѣе, здѣсь вотъ мѣсто бойкое, судоходство, подъ городомъ...

— Ну, а въ лѣсахъ-то? быстро спросилъ Горшковъ.

— Ну, въ лѣсахъ... угодыя... десятины тысячъ по сту къ монастырямъ приписывали, чай знаешь.. монахамъ извѣстно было получше въ глуши.. лихой человекъ не зайдетъ.. ну и таинственность, чудеса, прибавилъ онъ съ усмѣшкой.

— Нѣтъ, ты не художникъ, вскричалъ Горшковъ, у тебя, братъ, какой-то сухой мертвящій взглядъ.

Софья Николаовна обернулась къ Абласову. Она слышала его замѣчанія.

— Вы, сказала она, немножко вспыхнувъ, отвергаете то, что люди, собравшіеся съ цѣлью уединиться отъ міра, выбирали такую мѣстность, которая бы настраивала къ молитвѣ...

— Можетъ быть это было въ первые вѣка христіанства, отвѣчалъ съ тихой усмѣшкой Абласовъ; а у насъ, на свя-

той Руси... я, право, не знаю зачѣмъ соединились и соединяются на тихое житье.

— Ну, это другое дѣло, проговорила Софья Николавна и стала опять смотрѣть на синѣющую даль разлива.

— Только пѣсни не достаетъ. сказалъ Борисъ, и окинулъ взглядомъ всю бойкую картину волжской жизни.. Свистъ слышенъ, а голосу нѣтъ... Прежде бывало, особенно подъ вечеръ, такъ и разливаются бурлацкія пѣсни...

— Горшковъ, начала Софья Николавна, изучаете-ли вы здѣшнія пѣсни? Вотъ вамъ богатый матерьялъ.

— Какъ-же-съ Софья Николавна, я вотъ съ весны все по Волгѣ катаюсь, пою съ рыбаками, и бурлацкія пѣсни подслушиваю... Больше всего люблю разбойничьи. Сила какая, что за богатство звуковъ... да и гамма какая-то особенная.

— Какая же? спросилъ Борисъ.

— Греческая, братъ, у грековъ такая была.

— Мнѣ, начала опять Софья Николавна, здѣсь все ново... я въ первый разъ въ жизни на большой рѣкѣ. Сюда надо ходить чаще. Мнѣ хотѣлось бы послушать, какъ поютъ эти бурлаки.

— Не веселыя пѣсни, замѣтилъ Абласовъ; я, можетъ быть, профанъ... но, право, что же въ нихъ поэтическаго? Тянется, тянется, безъ начала, безъ конца... вѣдь это они поютъ да и нельзя не нѣтъ... они какъ скоты какіе запряжены въ лямку... А со стороны-то, разумеется, хорошо восхищаться. Абласовъ выговорилъ это съ нѣкоторой желчью.

— Такъ по твоему значить, прервалъ его Горшковъ, круто повернувшись на одной ногѣ, что въ нашихъ пѣсняхъ ничего нѣтъ, ни поэзіи, ни музыки?

Софья Николавна и Борисъ пристально взглянули на Абласова.

— Я этого не говорю, отвѣтилъ онъ Горшкову спокойно, я не говорю вообще о пѣсняхъ: мало-ли хорошихъ пѣсенъ.

— Во саду-ли въ огородѣ! вставилъ Горшковъ.

— Я не знаю... ужь это твое дѣло разбирать, ты на то композиторъ... я о бурлацкихъ собственно... Это и насъ заставь камни ворочать и мы начнемъ понукать себя... Меня

за душу тянетъ, когда слышу ихъ. И восхищаться тутъ, право, нечѣмъ.

— Зачѣмъ же вы такъ жестко на это смотрите? проговорила Софья Николавна.

— На что-съ? спросилъ изъ подлѣбья Абласовъ.

— Да вотъ на эти пѣсни... на этихъ бурлаковъ...

Абласовъ немного покраснѣлъ и сдѣлалъ движеніе головой.

— Оттого-то я такъ и говорю, началъ онъ, что въ заунывной пѣсни вся ихъ жалкая жизнь... Что за поэзія, когда вы видите, какъ они волочатъ барку, шагъ за шагомъ, хуже лошадей или воловъ какихъ... Меня это не восхищаетъ: мнѣ тяжело дѣлается... а впрочемъ оно, можетъ быть, и очень хорошо съ музыкальной точки.

Всѣ вдругъ притихли. Софья Николавна опустила голову. Борисъ свѣтлымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Абласова.

— Это ты дѣло говоришь, сказалъ онъ ему, разумѣется, красиваго ничего нѣтъ, а все-таки поэзія.

— Можетъ быть, скромно повторилъ Абласовъ.

— Мыслитель! глубокая душа! вскричалъ со смѣхомъ Горшковъ и ударилъ Абласова по плечу

— Послушайте, Абласовъ, проговорила Софья Николавна, поднимая голову. Въ васъ нѣтъ поэзіи; но за то и прозы нѣтъ.

Онъ усмѣхнулся.

— Совершенная правда! подхватилъ Горшковъ.

— Боря, Боря! крикнула Маша, хватая брата за руку, смотри, пароходъ идетъ, какъ скоро, какъ скоро и какой маленькій.

Всѣ стали смотрѣть на пароходъ который бѣжалъ, судорожно выпуская маленькіе клубы дыму и пару.

— Тетя, просила Маша, пойдемъ по набережной, посмотримъ, куда пароходъ пристанетъ.

— Пойдемъ, дружокъ сказала Софья Николаевна и, бросивши еще разъ взглядъ на рѣку, прибавила:—такъ бы и не сошелъ съ этого мѣста.

Всѣ двинулись. Впереди шла маленькими шагами Маша, выступая, съ перевалочкой, своими изящными ножками въ свѣтлыхъ ботинкахъ. За ней Борисъ, подъ руку съ Софьей

Николавной. Съ боку, по мостовой, шелъ Горшковъ, а нѣсколько поодаль Абласовъ. Маша все глядѣла внизъ черезъ перила, куда пристанетъ пароходъ, и дѣлала замѣчанія о томъ, что красивѣе: красная труба на пароходѣ или черная. Она разбирала названіе пароходовъ и каждый разъ очень радовалась, когда имя было какое-нибудь знакомое.

— А что это такое Эolina? вдругъ спросила она, обернувшись къ теткѣ.

— Это такая богиня была, отвѣтилъ ей Горшковъ; былъ богъ Эоль, вѣтрами управлялъ, а это его жена.

Борисъ разсмѣялся.

— Ну это, кажется, твоя собственная мифологія, Валерьянъ, сказалъ онъ Горшкову.

— Есть немножко, замѣтилъ сзади Абласовъ.

Горшковъ разразился хохотомъ и вдругъ остановился.

— Посмотри-ка, Боря, заговорилъ онъ, узнаешь, кто къ намъ на встрѣчу шествуетъ, каковъ видъ у сего юноши? ..

— Кто это? спросила Софья Николавна у Бориса.

Онъ посмотрѣлъ впередъ и ему, прежде всего, бросилась въ глаза долговая и нескладная фигура Петеньки Телянина. Петенька выступалъ въ своемъ неизмѣнномъ полуфракѣ и желтомъ жилѣтѣ. На затылкѣ надѣта была коженная круглая фуражка; въ рукавъ держалъ онъ тросточку и помахивалъ ею. Подлѣ него шла Надя, въ пестромъ бурнусикѣ и круглой шляпѣ. Сзади ихъ тащилась миссъ Бересфортъ въ безобразной, ободранной шляпкѣ, имѣвшей видъ капора. Шествіе завершалъ Васька, въ сѣрыхъ штиблетахъ и картузѣ съ серебряннымъ галуномъ.

— Кто это, Боря? повторила вопросъ Маша.

— Это Телянины.

— Каковъ мой Петя! вскричалъ Горшковъ.

— Такъ это Надя? спросила, улыбаясь, Софья Николавна.

— Да, это она, отвѣчалъ Борисъ и ласково взглянулъ на тетку.

— Она очень мила, проговорила Софья Николавна; ваша ученица премиленькая, повторила она, обращаясь къ Горшкову.

— Какъ же помилуйте, она просто лутикъ.

— Что такое?

— Лутикъ!... Прелесть просто! завершилъ Горшковъ, издали улыбаясь Надѣ.

Онъ началъ какъ-то подпрыгивать и опередивши остальныхъ, подлетѣлъ къ своей ученицѣ.

Софья Николавна и Борисъ остановились, чтобъ пропустить Теляниныхъ. Борисъ освободилъ свою руку и поклонился Надѣ, когда она прошло мимо. Надя взглянула на него очень привѣтливо, потомъ бросила быстрый взглядъ на Софью Николавну и, кивнувши головой Борису, громко сказала,

— Здравствуйте, Борисъ Николаичъ.

— Телепневъ, какъ позиваесть! крикнулъ Петенька и осклабилъ свои клыки.

Борису стало немножко совѣстно. Во взглядѣ Нади онъ прочелъ упрекъ; по крайней мѣрѣ ему такъ показалось. Онъ чувствовалъ, что надо что-нибудь сказать ей. Уже больше двухъ мѣсяцевъ онъ и глазъ не казалъ къ Телянинымъ.

— Идите, я васъ догоню, проговорилъ онъ, обращаясь къ Софѣ Николавнѣ и Абласову, и почти бѣгомъ догналъ Теляниныхъ. Они стояли на мѣстѣ. Горшковъ кричалъ и размахивалъ руками. Надя смѣялась, Петенька скалилъ зубы; англичанка морщилась и чмокала.

— Поздравляю васъ съ праздникомъ, Nadine, сказалъ онъ весело, подавая ей руку.

Надя слегка зарумянилась.

— И васъ также. Я думала, что вы къ намъ хоть на Святой недѣли будете, а вы насъ совсѣмъ забыли, произнесла она кротко; мы васъ ждали яйца катать.. Вамъ развѣ Горшковъ не говорилъ?

— Говорилъ я, закричалъ Горшковъ, да его, презрѣннаго раба, ничѣмъ изъ дому не выкуришь. Точно онъ тамъ у себя, въ дикомъ аббатствѣ, земной рай обрѣлъ.

Петенька осклабилъ зубы, а Борисъ какъ-будто смутился.

— Я много виноватъ передъ вами, проговорилъ онъ, это правда, меня трудно вытащить.

— Вамъ такъ весело съ тетушкой, сказала Надя, смотря

въ ту сторону, куда шла Софья Николавна. Какая ваша тетушка хорошенькая, прибавила она, почти со вздохомъ.

Борись промолчалъ.

— Come, let us go, прошамкала англичанка.

— Заѣзжайте же, Борись Николаичъ, говорила Надя, протягивая ему руку

— Непремѣнно, повторялъ Борись.

— Обманеть, обманеть, рабъ коварный, кричалъ Горшковъ; а я сегодня къ вамъ заверну, барышня.

Они поклонились еще разъ удаляющейся Надѣ и стали догонять своихъ.

— Совсѣмъ ты похерилъ ее, бѣдную? спросилъ Горшковъ, толкнувъ Бориса въ спину кулакомъ.

Тотъ только усмѣхнулся.

— Эхъ ты, неблагодарный ээіопъ!

Они догнали Софью Николавну уже въ саду. Она сидѣла на скамейкѣ и смотрѣла на рѣку. Абласовъ и Маша стояли на краю дорожки, надъ обрывомъ.

— Такъ вамъ моя ученица нравится? спросилъ Горшковъ Софью Николавну.

— Очень, очень, я отъ нея въ восхищеніи!..

Борись подсѣлъ на скамейку

— Извинялся? шепнула ему Софья Николавна.

— Извинялся...

— И, вѣдь, обманешь, не поѣдешь?

— Обману, отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

— Стыдно.

— Нѣтъ, не стыдно...

И еслибъ это не было въ саду и при чужихъ, Борись непременно разцѣловалъ бы глаза, которые смотрѣли на него съ любовью и радостью.

Минуть черезъ десять все общество возвращалось изъ саду домой, опять по набережной, въ томъ же порядкѣ. Подходили къ башнѣ. Борись и Софья Николавна глядѣли больше на рѣку, изрѣдка отвѣчая на возгласы и замѣчанія Горшкова. Абласовъ молчалъ.

— Боря, берегись, вскрикнулъ вдругъ Горшковъ и даже схватилъ его за руку. Егорка катить!

— Ну, такъ что-жь? спросилъ Борисъ.

— Да вѣдь ты не въ формѣ... Полѣзай, братъ, черезъ перила... и въ Волгу!

— Это инспекторъ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ проговорила Софья Николавна.

— Ну, да что-жь за бѣда такая, нетерпѣливо замѣтилъ Борисъ и сморщилъ лобъ. Краски на лицѣ не выступило.

Дѣйствительно, на встрѣчу имъ, переваливаясь съ боку на бокъ, шествовалъ Егоръ Пантелѣичъ, въ шляпѣ и красноватой, камлотовой шинели.

Бориса немножко покорило. Мелькнула мысль: а вдругъ, какъ онъ меня тутъ же, *при ней*, оборветъ за партикулярное платье? Неловко было. Онъ не хотѣлъ взглянуть на Софью Николавну, но чувствовалъ, что она на него смотритъ. „Вѣдь не съ насмѣшкой же?“ спрашивалъ онъ себя, и потомъ вдругъ ему стало все равно, хотъ бы не только Егорка, самъ Ionка упалъ съ неба и принялся кричать на него. Борисъ обратился лицомъ къ Софѣ Николавнѣ, и, въ одной улыбкѣ, они насмѣялись надъ всѣмъ, что не принадлежало ихъ міру.

А Егоръ Пантелѣичъ былъ уже въ двухъ шагахъ. Завидѣвши гимназистовъ, онъ укутался въ шинель и замедлилъ шагъ свой.

Горшковъ съ комической развязностью поклонился ему. Борисъ приподнялъ свою сѣрую шляпу, на которую педагогъ пустилъ испытующій взглядъ, и тотчасъ же, придавъ своей рябой физиономіи игривое и выразительное выраженіе, стиснулъ губы и какимъ-то начальническимъ шопотомъ изрекъ:

— Здравствуйте, господа.

Онъ долженъ былъ сойти съ тротуара, не желая толкнуть даму. Отойдя нѣсколько шаговъ, Егоръ Пантелѣичъ обернулся и не могъ оторваться отъ сѣрой борисовой шляпы. Она видимо его поразила.

— Пронеслась гроза, сказалъ тихо Абласовъ.

— Ну, Боря, заговорилъ Горшковъ, губы стиснулъ съ улыбкой Талибрана. Завтра будетъ тебѣ гонка!

— Какой смѣшной вашъ инспекторъ! промолвила Софья Николавна.

— А ты что приунылъ, Борисъ? вскричалъ Горшковъ, ничего братъ, завтра за то весело будетъ въ классѣ.

— Очень, отвѣтилъ Борисъ.

— Этотъ рябой господинъ васъ тогда безъ обѣда оставилъ? спросила Маша обращаясь къ Борису.

— Да, голубчикъ...

— Сія встрѣча, началъ Горшковъ, многозначительна.. особенно здѣсь на берегу Волги... Она напоминаетъ намъ, какъ мы бѣжали, бывало, изъ класса сюда на рѣку; укатимъ на боръ, воблы купимъ... Помнишь, какъ ты было чуть не утонулъ, Борисъ?

— Неужели? спросила Софья Николавна.

— Помню, отозвался Борисъ. Я плавать не умѣлъ, да и зашелъ на средину рѣки, а плыла доска изъ разшивъ съ гвоздями, я на гвоздь-то и наскочилъ... упалъ... спасибо вытащили...

— А кто вытащилъ?

— Сибиряковъ... умеръ онъ въ прошломъ году.

— Какъ это ужасно однако, тихо промолвила Софья Николавна и замолкла.

Вплоть до дому общество шло молча. Встрѣча-ли съ Егоромъ Пантелѣичемъ или другое что, но разговоръ не клеился.

XLIII.

На другой день надо было ѣхать въ гимназію. Она въ послѣднее время страшно пріѣлась Борису. Правда, онъ очень мало объ ней думалъ, онъ жилъ совершенно въ иномъ мірѣ; но все-таки дѣйствительность брала свое. На носу висѣлъ экзамень. Всѣ его ждали, а Борисъ больше всѣхъ. Съ экзаменомъ кончалась его школьная жизнь, и въ ней ничего не было кромѣ переливанья изъ пустаго въ порожнее, глупаго сидѣнья на лавкахъ, повторенія скучныхъ задовъ, по тѣмъ же книжкамъ и *выпискамъ*.

Послѣ двухнедѣльной вакаціи, ученики рано собрались, точно обрадовались празднику. Для многихъ гимназія, на самомъ дѣлѣ, была веселымъ мѣстомъ, сравнительно съ тѣмъ, что ихъ окружало дома. Здѣсь они были въ обществѣ, могли пошутить, посмѣяться, пошкольничать, устроить возню и драку. Сборная комната была почти полна еще въ половинѣ девятаго. Егоръ Пантелѣичъ въ свѣтломъ пикейномъ жилетѣ, „на тѣнѣмъ положеніи“, расхаживалъ между партами, чинилъ судъ и расправу.

— Скверный Воскресенскій, кричалъ онъ взѣрошенному гимназисту, въ оборванномъ сюртукѣ, скверный Воскресенскій, сынъ столь-же сквернаго секретаришки... иди сюда, вотъ сюда, впередъ!...

Воскресенскій, покачивая головой и ухмыляясь, вышелъ почти на средину класса.

— И ухмыляется! ухмыляется въ добавокъ!.. Посѣдѣвъ отъ мерзостей идебоширства!.. Какъ ты проводилъ святую недѣлю? а?

— Никакъ-съ, отвѣчалъ Воскресенскій съ шутовской рожей.

Вся сборная засмѣялась.

— Никакъ?.. Стой-же здѣсь столбомъ до звонка!.. Кто въ орлянку игралъ подъ егорьевской башней? Кто дрался съ семинаристами при выходѣ изъ церкви Варвары Великомученицы?..

— Не я-съ, промышчалъ Воскресенскій!..

— Замолчи, скверный секретаришка! Воробьевскій!.. явился сюда: чтожь деньги за слушаніе лекціи, а?

Выѣхалъ впередъ крошечный гимназистъ съ огромнѣйшей сплюснутой вдоль головой, въ какихъ-то невозможныхъ панталонахъ по щиколку.

— Маменька принесутъ-съ, пропищалъ онъ; мнѣ въ руки денегъ не даютъ-съ.

— Маменьки твоей я не хочу знать; вотъ она бы лучше штаны тебѣ заштопала! Будешь исключенъ и обратишься въ невѣжество! завтра, чтобъ были деньги.

— Маменька принесутъ-съ, пропищалъ опять гимназистъ и исчезъ между партами.

На Егора Пантелѣича начинало находить жовіальное настроеніе.

— Трусовъ! крикнулъ онъ.

Съ одной изъ заднихъ партъ поднялся сутуловатый, черноватый гимназистъ, съ купеческимъ лицомъ.

— У твоего отца есть пароходъ?

— Есть-съ, отвѣчалъ уныло Трусовъ, точно ему ужасно было жалко, что у его отца есть пароходъ.

— Кильдіаровъ! крикнулъ Егоръ Пантелѣичъ и улѣбнулся.

Всталъ толстый гимназистъ, съ угрями, взъерошенный, съ приподнятымъ вверхъ правымъ плечомъ и какой-то масляной улыбкой.

— Трусовъ, провозгласилъ опять Егоръ Пантелѣичъ... посади Кильдіарова на пароходъ и свежи ты его внизъ по Волгѣ, въ Казань; онъ собирается въ студенты!

Кильдіаровъ тупо усмѣхнулся; а вся сборная громко захотала.

— Да, въ студенты его!.. А то вотъ мы ждемъ ревизора... Такое пугало показывать нельзя... Который ты годъ сидишь въ первомъ классѣ?

— Седьмой-съ, отвѣтилъ Кильдіаровъ и чуть не прыснулъ.

— Ну, кончилъ курсъ! Садись, братъ, на пароходъ! Трусовъ, свежи его даромъ, по долгу дружбы свежи даромъ.

И Егоръ Пантелѣичъ, очень довольный эффектомъ сцены, заходилъ по сборной.

Вдругъ онъ остановился, вынулъ платокъ, растопыривъ ноги, расправилъ платокъ въ видѣ паруса, и рябая его физиономія заиграла. Онъ видимо собрался чихнуть; но точно нарочно сдерживалъ этотъ актъ, предвкушая наслажденіе, сопровождающее его. Всѣ ученики знали, что произойдетъ чиханіе и приготовились отвѣчать громкимъ шарканьемъ. Наконецъ, передернувъ носъ и ротъ на разные фасыны, инспекторъ разразился громчайшимъ трескучимъ звукомъ. Зашаркала сотня ногъ. Егоръ Пантелѣичъ снисходительно раскланялся и начальнически прошепталъ.

— Благодарствуйте!

Послѣ чиха, его лицо надолго удерживало благородно-вольное выраженіе. Но на этотъ разъ, онъ тотчасъ же нахмурился, и круто повернулся на одномъ мѣстѣ. Онъ вспомнилъ что-то и скорыми шагами пошелъ изъ сборной. Всѣ

ученики прочли на его челѣ, что онъ отправился кого нибудь распекать.

Только что онъ скрылся, поднялся крикъ, болтовня. Воскресенскій, подбѣжавъ къ доскѣ, однимъ взмахомъ изобразилъ на ней мѣломъ неправильный кругъ; а потомъ истыкалъ его точками. Всѣ захохотали. Это былъ портретъ Егора Пантелѣича.

А между тѣмъ, Егоръ Пантелѣичъ направлялся, по коридору, въ седьмой классъ. Тамъ тоже было шумное вѣче. Кричалъ, разумѣется, Горшковъ. Онъ потѣшалъ братію рассказомъ о томъ, какъ два семинариста купили на общій счетъ колбасу и ухитрились половчѣе надуть одинъ другаго.

— Вотъ, братцы, рассказывалъ онъ, когда Егоръ Пантелѣичъ былъ уже около двери, одинъ-то Вертоградскій и говорить Виноградскому: ты принеси-ка водочки да уксусу захвати, а я, говоритъ, тѣмъ временемъ облуплю колбасу и на кусочки ее нарѣжу. А Виноградскій былъ паренъ тоже не промахъ...

— Чтожъ Виноградскій? спросилъ громогласно Егоръ Пантелѣичъ, становясь посреди класса.

Горшковъ спустился съ парты, на которой сидѣлъ, и бойко отвѣчалъ:

— А онъ самъ хотѣлъ облупить колбасу, Егоръ Пантелѣичъ.

— На мѣсто садитесь, оборвалъ его инспекторъ! Все скomorошествомъ занимаетесь! публику тѣшите!

Потомъ, поднявшись къ первой партѣ, онъ стиснулъ губы и устремилъ молніеносный взглядъ на Бориса.

— Чтожъ вы, наконецъ? Вы думаете, что вы геніальный сочинитель, такъ вамъ все даромъ съ рукъ сойдетъ? проговорилъ онъ чувствительнымъ тономъ.

Отступивъ два шага назадъ, онъ широко развелъ руками и поднялъ голову

— Добро-бы, закричалъ онъ, простую шляпу надѣлъ; а то пастушескую!

Мечковскій приснулъ и спрятался подъ лавку

— Да встаньте же, съ вами вѣдь говорить, крикнулъ

Егоръ Пантелѣвичъ, и ткнулъ пальцемъ по направленію, гдѣ сидѣлъ Борисъ

Борисъ приподнялся.

— Такъ вы ничего моднѣе не нашли? продолжалъ пузатый педагогъ, размахивая руками: пастушескую шляпу? (это слово такъ его привлекало, что онъ не могъ съ нимъ разстаться). А какъ вы смѣете показываться, на публичныхъ гуляньяхъ, въ неформенномъ платьѣ.

— Всѣ ходятъ, отвѣчалъ Борисъ.

— А кто позволилъ? Есть ли на это позволеніе? И, отступивши еще на два шага, Егоръ Пантелѣвичъ опять заговорилъ.—Мало того, что онъ себѣ пальто-сакъ заказалъ балахономъ; нѣтъ, онъ не унялся; онъ въ пастушеской шляпѣ явился, чтобъ вездѣ на него любовались!

На этотъ разъ уже не одинъ Мечковскій, а нѣсколько чело­вѣкъ разомъ громко прыснули, и Борисъ, какъ ему ни была противна эта глупая сцена, не могъ воздержаться отъ улыбки.

— А онъ еще смѣется! Не видать вамъ университета, какъ своего носа! Я доведу до свѣдѣнія Юна Петровича про всѣ ваши дебоширства! Мы вамъ покажемъ, какъ по набережной въ пастушескихъ шляпахъ разгуливать.

И долго бы кричалъ Егоръ Пантелѣвичъ, на потѣху всему классу, еслибъ его не прервалъ звонокъ.

Говорилъ я тебѣ, Борисъ, со смѣхомъ сказалъ Горшковъ по уходѣ инспектора. Будетъ тебѣ гонка за шляпу! и прибралъ же слово! этакая рябая тумба.

— Пастушеская, повторилъ Абласовъ съ странной своей улыбкой.

— Пастушеская шляпа! крикнулъ Мечковскій, надѣлъ на голову старый изодраный портфель и прошелъ по классу, подперши себѣ руки фертомъ.

— Дуракъ, проговорилъ съ гримасой Борисъ, и махнулъ рукой.

Ему была противна вся эта возня, и глупые возгласы инспектора и школьныя выходки Мечковского, а главное мысль о томъ, что онъ все-таки еще гимназистъ и его могутъ *разнекать за шляпу*.

XLII.

Быль теплый, яркій майскій вечеръ. Все уже зеленѣло. Пахло ландышемъ. Цвѣла черемуха и сирень. За городомъ дышалось вольно.

Улица, гдѣ стоялъ домъ Телепневыхъ, вела къ заставѣ. Два огромныхъ оврага отдѣляли край города отъ большого поля. Вдали виднѣлась бѣлая, кирпичная аграда кладбища. Маленькая, четырехугольная церковь съ одной главой выглядывала изъ-за деревьевъ. Лучи солнца падали на ее зеленую крышу... Весь пейзажикъ смотрѣлъ просто и нарядно.

Изъ глубины оврага, по крутой тропинкѣ, поднимались Борисъ и Софья Николавна; она въ своемъ сѣромъ бурнусѣ, онъ въ *пастушеской* шляпѣ. Поднявшись, они пошли полемъ къ кладбищу. Отъ сквозной калитки до церкви положены были доски. Звонко отдавались ихъ шаги по доскамъ, среди невозмутимой тишины кладбища. Вотъ они повернули на лѣво и стали пробираться между могилами. Шагахъ въ пятидесяти отъ церкви, высокая, чугунная рѣшетка отдѣляла довольно большой четырехугольникъ. Тамъ стояло два памятника: одинъ чугунный, массивный, въ видѣ какой-то урны, другой бѣлый мраморный, съ золотымъ крестомъ на верху. Подлѣ мраморнаго памятника возвышалась свѣжая насыпь съ деревяннымъ чернымъ крестомъ. Это была могила Борисова отца. Они остановились у рѣшетки, подъ самымъ крестомъ, стали на колѣни и долго молились.

Первая поднялась Софья Николавна.

Она облокотилась о рѣшетку и долго-долго смотрѣла на Бориса. Наконецъ онъ всталъ, приблизился къ ней и взялъ ее за обѣ руки.

— Тутъ вся исторія нашего дома, проговорилъ онъ, указывая рукой на памятники... Тяжело было имъ... намъ лучше...

— Боря, милый мой, здѣсь лежатъ твои родители... они смотрятъ на насъ. Имъ, я думаю, хочется сказать: живите,

любите другъ друга, но не бросайте Машу; помните, что она васъ соединила и вы должны замѣнить ей отца и мать...

— Ахъ, моя радость, перебилъ ее Борисъ, ты такъ говоришь; точно Маша у насъ въ забросѣ...

— Нѣтъ, Боря, мы ее любимъ, но мы себя любимъ больше ее.

И она поникла головой...

— Развѣ это дурно? тихо спросилъ онъ.

— Не знаю... Я вотъ здѣсь передъ Богомъ скажу, что я люблю тебя больше всѣхъ... Меня до сихъ поръ ничего не тревожило: я была невозмутима...

— А теперь? робко спросилъ Борисъ.

— Съ нѣкотораго времени я начала чувствовать свою вину... Я не должна бы тебѣ этого говорить; но я ничего отъ тебя скрыть не могу... И знаешь, это не угрызеніе совѣсти; мнѣ просто жалко тебя, милый мой.. Она взяла его за руку... Я ужасно счастлива; но я самой себѣ дѣлаюсь противна, когда чувствую, что ты долженъ принадлежать только мнѣ, что безъ тебя я не соглашусь прожить одного дня... Этотъ эгоизмъ овладѣваетъ мной сильнѣй и сильнѣй...

— Это любовь, проговорилъ онъ.

— Вотъ видишь, даже здѣсь, у могилы... я говорю только о себѣ... и что я говорю?... Все у меня такія грѣшныя, мятежныя страсти... За то я не долго проживу, вдругъ сказала она...

— Какъ? вырвалось у Бориса.

— Я всегда въ это вѣрила.. Да и къ чему долгая жизнь?.. Мнѣ такъ хорошо съ тобой... лучше того, какъ мы проживемъ, вотъ еще мѣсяца два—не будетъ никогда. За что-же меня награждать долгимъ счастіемъ?... Довольно съ меня...

— А Маша?

— Маша... вотъ тебѣ доказательство, что я не люблю ее такъ, какъ отецъ твой просилъ...

— Полно, радость моя, вскричалъ Борисъ, лаская ее... что ты на себя напускаешь... Куда мы безъ тебя денемся... А вотъ приведемъ послѣ завтра сюда Машу и Мироновну... И намъ будетъ хорошо...

Они еще разъ помолились. На возвратномъ пути Софья

Николаевна повеселѣла. Борисъ съ удивленіемъ сталъ замѣчать, что у ней все чаще и чаще стало появляться грустное настроеніе. Правда, оно продолжалось всегда нѣсколько минутъ, и потомъ Софья Николаевна опять все забывала, становилась такой-же молодой и радостной, какъ въ первые дни любви. Ему было неловко и тяжело въ такія минуты, онъ точно слушалъ другую женщину, точно чуялъ какое-то приближающееся страданіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находилъ въ себѣ живую силу и не отдавался тревогѣ, а напротивъ, смягчалъ и успокоивалъ Софью Николаевну. Такой избытокъ счастья и упованій переполнялъ сердце Бориса, что онъ одной лаской, однимъ словомъ, вырвавшимся изъ груди, восстанавливалъ гармонію. И ему это даже было пріятно; онъ чувствовалъ, что Софья Николаевна нуждается, въ инныя минуты, въ такомъ обновленіи, въ такой поддержкѣ.

Вечеръ былъ такъ хорошъ, что съ кладбища они не пошли прямо домой, а обогнули весь городъ. Вернувшись домой, имъ захотѣлось доставить удовольствіе Машѣ, и всѣ трое еще разъ отправились гулять на бульваръ около стѣнъ Кремля. Маша была въ полномъ восхищеніи.

XLV

Переѣздъ въ Липки назначенъ былъ черезъ два дня, въ субботу. Маша всего больше была рада деревнѣ. Она цѣлый день возилась съ Мироновой; по нѣсколько разъ перекладывала свои платья, воротнички, книги, тетрадки. Ее очень интересовало то, въ какомъ экипажѣ поѣдетъ она. Въ каретѣ ей ужасно не хотѣлось. Борисъ позволилъ ей ѣхать въ фаэтонѣ.

Въ субботу послѣ обѣда. отправились Телепневы въ двухъ экипажахъ: впередъ Борисъ съ Софьей Николаевной, въ двумѣстной маленькой каретѣ, сзади Маша съ Мироновой въ

коляскѣ. Утромъ отпавлены были люди съ кухней, мебелью. сундуками, на подводахъ...

Дорога сперва шла полями, мимо маленькаго подгороднаго хутора. За этимъ хуторомъ начинался изволокъ, не очень крутой, окаймленный справа и слѣва орѣшникомъ. Лошади бойко бѣжали; пыли почти не было: утромъ шолъ дождикъ. Борисъ и Софья Николавна глядѣли по сторонамъ въ открытыя окна, оглядывались назадъ на Машу, махали ей платкомъ и радостно улыбались. Имъ было очень легко. Не хотѣлось говорить; а на душѣ чувствовали они полноту, силу, наслажденіе своей молодостью, любовью, воздухомъ, запахомъ полей, всѣмъ, всѣмъ...

Поглядать-поглядывать въ окно, опустятся въ глубь кареты, взглянуть другъ къ другу прямо въ глаза и улыбнутся...

— Милый, шепнетъ она, и поцѣлуетъ его...

А потомъ опять впивали въ себя воздухъ, смотрѣли на зеленые кусты и рѣпейники и одинокія елки.. и сладко молчали.

Вѣхали въ лѣсъ; дорога пошла дурная: колеи, выбоины, корни ежеминутно качали карету изъ стороны въ сторону. Они велѣли остановиться и вышли. Карета поѣхала впередъ шагомъ. Маша выскочила изъ коляски и побѣжала къ нимъ. Она была въ полномъ восхищеніи. Мироновна, въ шелковомъ головномъ платкѣ и темномъ шерстяномъ салопѣ, съ узелкомъ въ рукахъ, тихонько шла позади. Маша побѣжала по кустамъ, увлекая за собой брата и тетку. Они перекликались, рвали ландыши и желтые позвонки, срывали вѣтки, Борисъ бѣгалъ въ запуски съ Машей, ловилъ ее, пугалъ. Больше получаса шли они такимъ путемъ по лѣсу вдоль дороги. Борису припоминались бывлыя времена, когда, при жизни дѣдушки, совершалось путешествіе въ деревню. Посадить, бывало, его, противъ бабушки, душно ему въ каретѣ, полинялый сафьянъ разгорится на солнцѣ, запахъ отъ него такой непріятный; въ лѣсу хочется выпрыгнуть, не пускаютъ... сиди и глди, какъ мелькаютъ передъ глазами веселые кустики и яркіе полевые цвѣтки. А дворян отправлялась цѣлой ордой, чуть-ли не на десяти телѣгахъ. На одной всегда помѣщали письменный столъ, изъ кабинета дѣдушки, и тор-

чалъ онъ своими четырьмя ногами вверхъ. На кухонной теплѣгѣ засѣдалъ пузатый Михайло Ивановъ, съ жирнымъ, поварскимъ лицомъ. Горничныя въ затрапезныхъ платьяхъ, взобравшись на возы, хихикали оттуда на остроты кого-нибудь изъ лакеевъ. Дворецкій шелъ всегда пѣшкомъ. Ему поручалось нести въ салфеткѣ часы изъ кабинета.

И все это прошло... Борису уже казалось, что онъ никогда не былъ мальчикомъ; что онъ давно баринъ, что давнымъ давно никто не смѣетъ посадить его въ желтую карету...

Тотчасъ за лѣсомъ открывалась деревня. Карета въѣхала въ околицу, или лучше сказать, въ ворота съ барскими затѣями, съ двумя большими столбами, на верху которыхъ красовались по деревянному шару. Порядокъ былъ расположенъ въ одну линію. Избы новыя, съ высокими крышами и балкончиками. Почти предъ каждой избой колодезь съ длиннѣйшей жердью. Домъ въ Липкахъ былъ двухъэтажный, высокій, съ четырьмя балконами и бельведеромъ.

На крыльцѣ Бориса и Софью Николавну встрѣтила Аннушка. Они выскочили, взяли подъ руки Машу и побѣжали по комнатамъ. Сперва осмотрѣли нижній этажъ, нѣсколько темноватый, съ деревенской желтой мебелью, обитою какимъ-то замысловатымъ ситцемъ, съ охотничьими сценами... Потомъ взбѣжали на верхъ. Большая бѣлая зала, съ хорами уставлена была высокими миртами, лимонами и олеандрами. Свѣту было много, съ двухъ сторонъ по балкону. Особый запахъ свѣжести и пустоты стоялъ по всѣмъ комнатамъ. Софья Николавна рѣшила, что наверху прохладно и хорошо гулять; но жить уютнѣе внизу.

Осмотрѣвши домъ, всѣ трое спустились по терасѣ въ цвѣтникъ, разбитый въ видѣ арфы. Передъ терассой—большой дерновый кругъ, съ клумбой посрединѣ, открывалъ видъ на высокіе красныя качели съ флагами и ярко-зеленымъ кресломъ. Вдоль дорожки, шедшей вокругъ дерна, зеленѣли кусты жимолостей, розъ; лиловый и бѣлый цвѣтъ сирени мѣшался съ серебристымъ отливомъ дрожащихъ листьевъ тополя.

Маша побѣжала по дорожкамъ къ качелямъ, влѣзла на сидѣнье и начала сама раскачивать. Софья Николавна и Борисъ

остались одни, и, какъ дѣти, пустились также бѣжать, внизъ, по липовой алеѣ, къ сквозной калиткѣ, откуда открывался далекій видъ съ горы. Садъ былъ расположенъ на крутой, выпуклой горѣ. Вдали по лѣвую руку, виднѣлось большое село съ красной церковью; подъ горой вилась рѣка, съ жиденькимъ мостикомъ и бѣлой купальней. Справа, спускалась внизъ долина съ яркимъ лугомъ и кудрявыми дубками по окраинамъ. Еще подальше зеленѣлъ темный, сосновый боръ, и уходилъ въ глубь горизонта. Въ воздухѣ было невозмутимо-покойно. Простой, не эффектной красотой дышала вокругъ сельская картина; но на нее можно было засмотрѣться...

Долго долго бродили они по садамъ. Ихъ было цѣлыхъ три. Большой фруктовый садъ примыкалъ, къ старинному саду, какіе нынче уже выводятся и вырубаются. Четыре длинныхъ аллеи изъ клена, березы и липы составляли огромный четырехъугольникъ, почти заросшій всякой дичью. На углу одной изъ этихъ темныхъ аллей, широкая дерновая скамья приглашала подъ тѣнь черемухи и густой рябины, съ извилистыми переплетенными стволами.

Часу до десятаго засидѣлись они на этой скамьѣ, въ тихихъ разговорахъ, въ воспоминаніяхъ былого, вдыхая въ себя привольную жизнь, полную красоты, здоровья, природы и горячей безотвѣтной любви съ ея вѣчными радостями!...

И вдругъ, при первомъ яркомъ лучѣ восходящаго свѣтлаго мѣсяца, въ кустахъ черемухи, загремѣлъ соловей, можетъ быть, въ первый еще разъ. Тю, тю!... разнеслась по глубокимъ аллеямъ молчаливаго сада и раскатисто, стремительно, страстно полилась пѣснь чудной птицы..

Внизу, разговоръ смолкъ, слышались только тихія ласки, прерываемыя молодыми, жгучими поцѣлуями.

XLVI.

На другой день рано проснулись обитатели Липкинского дома. Они собрались къ обѣднѣ, въ село Худяково. Сѣли въ большую линейку, взяли съ собой Аннушку Мироновну, по дорогѣ посадили двухъ мальчиковъ и трехъ крестьянскихъ дѣвочекъ, въ цвѣтныхъ сарафанахъ, пестрѣйшихъ передникахъ, подвязанныхъ подъ мышки и свѣтлыхъ головныхъ платкахъ съ распущенными концами.

Худяково, довольно большое казенное село, лежало на пригоркѣ. Почти вся дорога шла косогоромъ, и Маша боялась упасть съ линейки. Дѣвчонки хихикали; а мальчики прыгивали и бѣжали, придерживаясь за крылья линейки. Обѣдня шла по деревенски, безъ дьякона; дьячки и два-три молодыхъ парня пѣли ужасно.

Телепневы, вернувшись отъ обѣдни, позавтракали на открытомъ воздухѣ. Часу во второмъ Борисъ ходилъ купаться. Обѣдали рано; въ два часа Телепневы ждали Ѳедора Петровича. Онъ обѣщался непременно пріѣхать, но не сказалъ, въ какое именно время.

День былъ славный, яркій и прохладный. Послѣ обѣда, въ бесѣдкѣ изъ дикаго плюща, на диванчикѣ, сидѣла Софья Николавна; а въ ногахъ ея помѣстился Борисъ. Онъ положилъ голову на ея колѣна и зажмурилъ глаза. Въ свѣтломъ пальто, съ отложными воротничками, безъ фуражки, въ непринужденной, ласковой позѣ, онъ былъ очень милъ. Волосы его рассыпались и красиво падали на лѣвую щеку; тонкія черты казались еще изящнѣе въ радостной, живой зелени.. Она была въ бѣломъ платьѣ, сшитомъ, какъ блуза, безъ шляпки, съ прозрачной косынкой на черныхъ локонахъ..

— Какъ же ты безъ меня будешь жить въ городѣ? весело говорила она, расправляя его волосы...

— Ну, и буду... не умру..

— Такъ ты и оставайся... со своимъ Яковомъ; а сюда не смѣй глазъ показывать...

— Ну, и не покажусь, не умру, повторилъ онъ полусоннымъ, дѣтскимъ голосомъ...

— А на недѣлѣ пріѣдешь?

— Нѣтъ, не пріѣду, отвѣтилъ Борисъ, и вдругъ поднялся, схватилъ ея руку и началъ цѣловать каждый палець...

— Ты безъ меня, смотри, не излѣнься Боря... съ кѣмъ ты станешь читать, ты совсѣмъ разучился читать одинъ...

— Разучился, повторилъ онъ тѣмъ же дѣтскимъ голосомъ.

— Да не дурачься, глупый.. экзаменъ твой черезъ двѣ недѣли... Смотри, не лѣнься; сюда пріѣзжать можешь два раза въ недѣлю... Она остановилась и взглянула на него... Больше нельзя, милый.. ты этакъ курса не кончишь... Вѣдь я хочу, чтобъ ты поступилъ безъ экзамена: слышишь: я хочу... И она стала его гладить по головѣ...

— Чтожь, ты хочешь, чтобъ я промѣнялъ тебя на вафлю... влюбился въ него и думалъ только о гимназіи?...

— Думай обо мнѣ здѣсь, слышишь, здѣсь... когда ты возлѣ меня, а больше никогда...

— Радость моя, мнѣ ужъ очень опротивѣла гимназія... Ну, что я сижу тамъ каждый день, по шести часовъ .. Развѣ ты не умнѣе, не выше всей этой школьной премудрости?...

— А я тебѣ все-таки атестата не могу дать... Мало мы съ тобой читали... теперь, напоследокъ, ты можешь подумать объ учебныхъ книжкахъ, школьникомъ сдѣлайся, прибавила она съ улыбкой... Ну, притворись, ты вѣдь большой баринъ... ты только доиграй роль гимназиста.

Оба громко разсмѣялись. Веселая, сіяющая природа глядѣла на нихъ привѣтливимъ взоромъ. Они говорили объ ученіи, о книжкахъ, о гимназіи; а въ глазахъ была любовь и радость, въ звукахъ опять любовь и радость, въ каждомъ мимолетномъ движеніи нѣга и любовь...

— Гдѣ Маша? спросила вдругъ Софья Николавна.

— Ушла съ Мироновной и Аннушкой въ рощу искать земляники, которой нѣтъ...

— Гадкія мы съ тобой, Боря, проговорила Софья Николавна, и немного затуманилась.

— А что?

— Совсѣмъ ее забываемъ—вотъ она одна; а мы только для себя живемъ... развѣ это хорошо?

— Нѣтъ, не хорошо, моя радость, да вѣдь ты съ ней цѣлую недѣлю будешь; а я на одинъ денекъ..

— И надо тобой наслаждаться... Ахъ ты, негодный этакой... Она сорвала вѣтку и ударила его по лицу.

— Она маленькая, ей и безъ тебя весело..

— Да, правда, Боря, ей весело... а когда ты меня бросишь... я останусь съ Машей... та будетъ моя утѣха, всю любовь ей отдамъ, которую ты укралъ, глупый.

— Ну, а когда я тебя брошу?

— Не знаю...

— Скоро, завтра же признаюсь въ любви Егору Пантелѣичу.. Она поцѣловала его въ лобъ... Борисъ сѣлъ на скамейку; обнялъ ее и началъ цѣловать въ бѣлую, прозрачную шейку.. Вдругъ она встрепелась и отвела его руки. Онъ обомнѣлъ. Въ дверяхъ бесѣдки стоялъ Лапинъ, немного бочкомъ, но смотрѣлъ на нихъ не прямо, а куда-то въ зелень. Софья Николавна приподнялась и пришла въ себя. Она весело подала ему руку и попеняла за то, что не пріѣхалъ обѣдать. Борисъ все сидѣлъ на скамейкѣ и машинально поправлялъ волосы. Щеки его горѣли; онъ чувствовалъ большую неловкость и даже дрожь въ колѣнахъ.

— Здравствуйте, баринъ, сказалъ ему громко Лапинъ, что вы разсѣлись тутъ, вы мнѣ совсѣмъ не рады?

Борисъ вскочилъ и началъ жать руку Ѳедора Петровича; но рѣшительно не нашелъ, что ему сказать.

— Вы обѣдали? спросила Лапина Софья Николаевна.

— Вотъ еще, развѣ вы забыли, что я съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, обѣдаю въ 12 часовъ.

— Ну, такъ вы теперь опять голодны. Я велю вамъ дать кислаго молока... приходите на терассу.

И она удалилась скорыми шагами.

Борисъ, остался вдвоемъ съ Ѳедоромъ Петровичемъ, но не могъ, въ первую минуту совладать съ своимъ смущеніемъ. Ему хотѣлось выдти изъ бесѣдки; но Лапинъ загораживалъ дорогу, и какъ-то странно прищуривая правый глазъ, смотрѣлъ на него. Взгляды ихъ встрѣтились. Борисъ почувство-

валъ, какъ краска разлилась по всему лицу его, покрыла даже носъ и уши.

Вдругъ, Ѳеодоръ Петровичъ подалъ ему еще разъ свою широкую ладонь, прислалъ на скамейку и его посадилъ.

— Посмотрю я на васъ, началъ онъ, добродушнымъ, но серьезнымъ тономъ, вы юноша хороший, неиспорченный.

Борисъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза и не зналъ, что отвѣтить.

— Вы успокойтесь, продолжалъ Лапинъ тѣмъ же тономъ, если я и увидалъ это... меня не бойтесь... Я вамъ не дядька, не гувернеръ.. подошелъ немножко не впопадъ — извините меня.

Борису очень хотѣлось сказать, что онъ не боится и, конечно, не считаетъ своего опекуна гувернеромъ; но онъ промолчалъ.

— Я не хочу задѣвать васъ, продолжалъ Лапинъ. Только послушайте меня старика: коли можете удержать свое чувство, не вводите вы ее, Софью-то Николавну, въ лишній грѣхъ.. У ней обязанности есть къ Машенькѣ. Вы хоть и мальчикъ, юноша; но я вамъ это говорю потому, что вы все-таки мужчина, а мужчина всегда виноватъ... я такъ разсуждаю.

— Вы, Ѳеодоръ Петровичъ, думаете, началъ-было Борисъ; но Лапинъ остановилъ его взглядомъ.

— Не оправдывайтесь передо мной, вы ни въ чемъ не виноваты.. я не дядька вашъ... Вы смущены, значить въ васъ есть хорошее, молодое... маски на себя не умѣете еще надѣтъ.. Да вы поймите, что я вамъ говорю. Не запрещаю я вамъ любить... этого заказать нельзя... только не забывайте, что на вашихъ рукахъ сестра, не отдавайтесь такъ, очертя голову, не помня ни Бога, ни отца покойнаго, никого на свѣтѣ... Этакая любовь васъ высушитъ, вѣрьте мнѣ. Да и женщину то такая необузданная любовь испортитъ. Я опять повторяю: вы вѣдь мужчина и должны это помнить...

Борисъ взглянулъ на доброе и серьезное лицо Ѳеодора Петровича, и на душѣ его шевельнулось что-то очень хорошее.

— Благодарю васъ, тихо проговорилъ онъ, вы честный, благородный человѣкъ, вы мой лучший другъ..

— Другъ-то я вашъ другъ, это истинно, ну, такъ вы такъ и поступайте... меня не бойтесь, и позвольте иногда вамъ правду-матку отрѣзать.

Федоръ Петровичъ помолчалъ. Улыбка освѣтила его сжатые губы.

— А впрочемъ, сказалъ онъ, пользуйтесь тѣмъ, что есть лучшаго въ жизни.. благодарите Бога, что силы ваши, молодость ваша въ рукахъ такой прекрасной женщины... я вамъ вотъ нравоученія читаю, а вы въ правѣ надо мной смѣяться. Два раза молодость не приходитъ... Я по глазамъ вашимъ вижу, что вы счастливы. А вотъ бѣда-то настоящая, когда человѣка въ три погибели согнетъ отъ глупой, злополучной любви, на которую онъ все потратитъ; а въ концѣ-то концовъ—кукишъ ему покажутъ..

Федоръ Петровичъ чуть слышно вздохнулъ и проговорилъ:

— Пойдемте ѣсть кислое молоко; да вы ужъ полноте стѣсняться..

Борису стало совѣстно своего малодушія. Онъ встрепенулся, пожалъ Лапину руку и довольно бодро пошелъ съ нимъ къ терасѣ. Доброе слово Федора Петровича отогнало отъ него тяжелую, назойливую мысль, что тайна его открыта. Онъ чувствовалъ въ немъ вѣрнаго друга, ему сдѣлалось совсѣмъ легко. Только послѣднія слова и вздохъ Лапина заставили его задуматься. „Видно онъ любилъ несчастно?“ спрашивалъ онъ себя, „вотъ отъ того-то онъ такой добрый.“

Они нашли на терасѣ Софью Николавну за круглымъ столомъ, на которомъ стоялъ горшокъ съ простоквашей. Лапинъ началъ ѣсть и похваливать. Разговоръ оживился; не чувствовалось никакой натянутости. Софья Николавна была очень любезна; повела опекуна по саду, показывала ему лучшія мѣста, гдѣ можно посидѣть, почитать и помечтать. Борисъ ходилъ также съ ними. Потомъ прибѣжала Маша и объявила съ сокрушеннымъ сердцемъ, что земляники во всей рошѣ не оказалось...

За чаемъ на терасѣ былъ опять большой хозяйственный разговоръ. Федоръ Петровичъ, съ обычной своей заботли-

востью, спрашивалъ, все ли есть въ деревнѣ, не нужно-ли чего привезти изъ города или что покрасить, починить, передѣлать... Все было въ порядкѣ. Софья Николавна успокоивала его, и чтобъ угостить его вполнѣ, повела наверхъ, въ залу, и пропѣла ему любимые его романсы. Ѳедоръ Петровичъ сидѣлъ у окна, и тихо улыбался. Стемнѣлось, былъ уже часъ девятый. Борисъ стоялъ у фортепьянъ, и въ антрактахъ между пѣніемъ успѣлъ рассказать Софѣ Николавнѣ содержаніе своего разговора съ Лапинымъ.

— Прости меня, Боря, прошептала она, я гадкая...

— А вѣдь онъ славный? сказалъ Борисъ.

— Да, добрый, хорошій человѣкъ... но какъ онъ смѣетъ такъ подкрадываться... я вотъ заставлю его влюбиться въ меня... и согну его въ три погибели.

Они тихо засмѣялись, послѣ чего Софья Николавна опять запѣла.

— Спасибо, спасибо, барышня, говорилъ Ѳедоръ Петровичъ, прощаясь съ ней. Мнѣ пора и ѣхать... А вы, баринъ, не сомной-ли? завтра вѣдь въ классы пора.

Борисъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на тетку.

— Поѣзжай, Борисъ, отвѣчала она, и посмотрѣла на него. Онъ понялъ этотъ взглядъ и собрался ѣхать.

Маша начала его удерживать; но онъ ее утѣшилъ тѣмъ, что непременно пріѣдетъ въ среду.

Дорогой, сидя съ Лапинымъ, въ дрожкахъ, онъ много думалъ о прожитомъ днѣ. Ночь была чудная, свѣтлая и благоуханная. Они оба молчали, только Лапинъ дѣлалъ односложныя замѣчанія лошади и кучеру.

XLVII.

Прошли еще двѣ недѣли. Гимназическое начальство вывѣсило въ корридорѣ росписаніе выпускныхъ экзаменовъ. — Мальчуганы первыхъ классовъ всего больше заглядывались

на это роковое росписаніе. Все, что связано было съ судьбой седьмага класса, занимало ихъ до лихорадки.

На приготовленіе къ первому экзамену дали три дня. Борисъ, бродя въ пустомъ домѣ, какъ тѣнь, только и думалъ о Липкахъ. Онъ не чувствовалъ никакого смущенія отъ предстоящихъ испытаній. Не то, чтобы въ немъ была такая увѣренность, а онъ просто не жилъ своими школьными заботами. Горшковъ и Абласовъ ходили къ нему готовиться каждые послѣобѣда. Три раза въ недѣлю онъ отправлялся въ Липки и каждый разъ возвращался въ городъ раннимъ утромъ.

Первый экзаменъ былъ изъ закона Божія. Онъ совершался всегда съ нѣкоторымъ торжествомъ. Приглашали архіерея и ректора семинаріи; большой столъ въ седьмомъ классѣ покрывался краснымъ сукномъ. Физиономія Егора Пантелѣича принимала благочестивое выраженіе; Ионка украшался Анной и поражалъ всѣхъ знаніемъ текстовъ. — Законоучитель, веселый протоіерей, Василій Ивановичъ, надѣвалъ зеленую рясу съ разводами, кудри свои разчесывалъ тщательно и съ тревогой въ лицѣ похаживалъ около партъ. Ученики любили его за добродушіе. Онъ ничего обыкновенно не спрашивалъ и только въ концѣ года начиналъ умолять, чтобы не выдали его предъ начальствомъ. Программу составляли сами ученики и выкидывали болѣе половины билетовъ. Въ этомъ году всѣ учителя, кромѣ Корякова, оказались также милостивы, какъ *бабушка*. Трудные билеты были выброшены...

Законъ Божій сошелъ благополучно. Борисъ отвѣчалъ архіерею изъ всѣхъ исторій и катихизиса. Съдой, худощавый, старикъ все поддакивалъ ему и остался чрезвычайно доволенъ. Ионка злобно смотрѣлъ на Бориса, но оборвать его было неумѣстно. А тѣмъ временемъ *вафля* пробиралъ Горшкова изъ катихизиса. Горшковъ путался, и на счетъ текстовъ оказался плохъ. Егоръ Пантелѣичъ, самодовольно ухмыляясь, понукалъ бѣднаго Горшкова, который только пыхтѣлъ.

— Ну-съ, говорилъ инспекторъ, сжимая губы, какъ же этотъ текстъ: *вѣра есть*..

— Вѣра есть, повторилъ заикаясь Горшковъ.

— Ну-съ, вѣра есть... вы въ зубъ толкнуть не умѣете ни одного текста.

Съ полчаса экзаменовался Горшковъ, но добился-таки того, что Егорка поставилъ ему четыре. Онъ удовлетворилъ инспектора знаніями церковной исторіи, причемъ перевиралъ страшно года, но педагогъ въ хронологіи не былъ силенъ.

Послѣ закона Божія дали два дня отдохнуть. Борисъ уѣхалъ въ Дипки и вернулся оттуда вечеромъ, наканунѣ экзамена изъ предметовъ Ардаліона Захарыча. Въ математическихъ наукахъ начальство было вообще плохо; а потому представлялась возможность врать, не боясь быть обрѣзаннымъ. Ионка совался только въ физику, причемъ обыкновенно спрашивалъ:

— Вотъ, объясните-ка феноменъ, отчего у меня наливки въ бутылкахъ, какъ на окна поставишь, высыхаютъ? А изъ математической географіи задавалъ вопросъ: что такое истинный горизонтъ? Егоръ Пантелѣичъ совсѣмъ стушевывался; но все-таки лѣзъ въ экзаменаторы. Ему несли ужасную дичь, а онъ только повторялъ: ну-съ, извольте доказать эту теорему?

Борису достался изъ математической географіи билетъ о златомъ числѣ. Ионка выслушалъ всю статью съ недоумѣніемъ и придирался къ словамъ; но и на этотъ разъ не обрывалъ Бориса, чего тотъ ожидалъ ежеминутно..

Послѣ математики явилась географія, которую слѣдовало повторять въ теченіе послѣдняго года. Но она была въ совершенномъ забросѣ у семиклассниковъ. Разъ въ недѣлю являлся къ нимъ, учитель географіи, по прозванію Ерошка, забитая, чахоточная безъ голоса личность. Его убѣдили, что повторять географію—вздоръ; а потому весь классъ проходилъ въ болтовнѣ; Ерошка же, засунувъ руки въ карманы, ходилъ взадъ и впередъ и качалъ головою изъ стороны въ сторону, какъ медвѣдь. Результатъ вышелъ тотъ, что никто географіи не зналъ.

Борисъ вытянулъ изъ политической географіи: Пруссію. Въ списокѣ, по старымъ годамъ ему стояло пять. Началъ онъ отвѣчать Пруссію, экспромтомъ, что приходило на память; Ионка, остановилъ его, спросилъ какой-то заливъ; онъ совралъ. Ионкѣ только это и надо было.

— Депутаціи вы составлять мастеръ, загнусавилъ онъ, въ

сакъ-пальто щеголять, въ геніи лѣзть; а географіи не знаетъ!... Мерзости только отъ васъ и слышались, голубчикъ мой!... Вотъ онъ геній-то... онъ залива не знаетъ; за то по набережнымъ шляется!... Въ поведеніи ноль поставлю, аттестата не дамъ! Ну, отвѣчайте.

Въ какой-то рейнской провинціи Борисъ забылъ городъ. Ионка опять загремѣлъ.

— Куда, въ какой университетъ, по какому факультету собираешься? спросилъ онъ грубѣйшимъ тономъ, перемѣняя вдругъ вы на ты.

Борисъ весь вспыхнулъ.

— По словесному факультету... отвѣтилъ онъ отрывисто. Его душилъ оскорбительный тонъ директора.

— Да, поступишь ты, видалъ какъ лягушки скачутъ... Дамъ я тебѣ знать, что такое въ геніи мѣтитъ!... увидишь ты университетъ... фигу не хочешь-ли. Пошолъ на мѣсто; двойку тебѣ влѣплю.

Борисъ задрожалъ. Рябая физіономія Егора Пантелѣича злобно улыбалась. Всѣ ученики были возмущены этой сценой. Горшковъ и Абласовъ покраснѣли и переглянулись. Имъ было ужасно больно за Бориса.

Директоръ замаралъ пять въ спискѣ и поставилъ огромное *два*.

— Позвольте мнѣ взять другой билетъ, проговорилъ Борисъ, взволнованнымъ голосомъ.

— Какъ бы не такъ, на мѣсто садись.

Ерошка не взглянулъ даже на Бориса. Онъ трусилъ директора, да и вообще не любилъ седьмого класса. Стыдно было Борису идти отъ стола къ партамъ. Противъ его воли, имъ овладѣло чувство униженія. Онъ созналъ, какъ безпомощенъ былъ онъ въ эту минуту, какъ насмѣялись надъ его претензіями быть большимъ человѣкомъ. Онъ тотчасъ же ушолъ изъ класса и уѣхалъ въ Липки. Дорогой онъ передумывалъ: рассказать ему объ экзаменѣ Софѣ Николаевнѣ, или не рассказывать? „Нѣтъ, она встревожится“, рѣшилъ Борисъ, и объявилъ теткѣ и Машѣ, что все прошло хорошо.

Черезъ два дня нужно было являться на экзаменъ словесности. На словесность Борисъ надѣялся. Въ деревнѣ онъ про-

бѣжалъ теорію прозы и поэзіи, просмотрѣлъ записки Ергачева изъ исторіи литературы, и въ день экзамена, утромъ, часовъ въ пять, по холоду отправился въ городъ, прямо на квартиру Абласова. Долго стучался онъ, такъ что хотѣлъ даже уйти.

— Кто тутъ? спросилъ наконецъ сонный голосъ Абласова.

— Я, Телепневъ, отопри Николай.

— Что это ты съ пѣтухами? проговорилъ Абласовъ, отпирая дверь. Здорово, дружище, откуда?

— Да прямо изъ деревни... Я къ тебѣ забрался почитать кое-что изъ реторики, одному-то претить...

Они расположились на кровати. Солнце красноватымъ свѣтомъ освѣщало маленькую, желтенькую комнату. На улицѣ слышенъ былъ рогъ пастуха. Не хотѣлось читать, глаза слипались, утренній холодокъ пробѣгалъ по тѣлу легкой дрожью.

— Послушай, Телепневъ, сказалъ Абласовъ, облакачиваясь на подушку, вѣдь это свинство съ тобой сдѣлалъ Юнка онъ тебѣ аттестатъ замараешь.

— Ну, и чортъ съ нимъ.

— Ты готовился-ли къ словесности? И онъ посмотрѣлъ на Бориса, изъ подлobia, съ тихой улыбкой.

— Читалъ.

— Немного, чай! въ деревнѣ плохое приготовленіе.

— Разумѣется.

— Ты, Телепневъ, на меня не сердись? а я тебѣ вотъ что скажу: тебя тянетъ туда, въ Липки, ты очень ужъ ее любишь. И онъ остановился. Борисъ быстро на него взглянулъ и зарумянился.

— Я, вѣдь, не изъ любопытства, началъ опять Абласовъ... Вижу я, дружище, какъ ты ее любишь; ну, и она тебя также, и будте счастливы; да ты хоть на это-то время пріудержись... ну, что же за радость... аттестатъ испортить, вѣдь эти скоты на все способны.. безъ экзамена нельзя поступить..

— Да я въ Москву, братъ, мнѣ все равно... придется держать.

— Тебѣ медаль слѣдуетъ, зачѣмъ же не пользоваться. Да вѣдь это и досадно...

— Къ чему ты это ведешь, мудрецъ?

— Да къ тому, что не ѣзди ты въ деревню.—позубрить надо; оно хоть и глупо, а дѣлать-то нечего. Вотъ я и за сегоднешній экзамень боюсь.

— Хорошо, хорошо, заговорилъ Борисъ, успокойтесь дѣдушка Абласовъ, буду примѣрный мальчикъ; извольте читать объ источникахъ изобрѣтенія.

— Ты меня не считай такимъ сухаремъ, началъ опять Абласовъ и взявъ его руку; я, братъ, радъ за тебя, ты меня понимаешь.. житье тебѣ хорошее... счастливецъ ты.. я хочу, чтобъ ты и курсъ-то кончилъ счастливо.

Борисъ взглянулъ на доброе, умное лицо Абласова и сильно пожалъ ему руку. Ему не было непріятно, что Абласовъ дотронулся до его тайны; онъ видѣлъ, что хорошее, товарищеское чувство влекло Абласова къ нему.

Начали читать. Пошли фигуры и тропы и безчисленные примѣры достолюбезнаго Кошанскаго... Борисъ слушалъ — слушалъ, и черезъ полчаса заснулъ сладкимъ сномъ...

— Телепневъ, ты спишь! разбудилъ его Абласовъ.

— Нѣтъ, а что? спросилъ Борисъ, раскрывая глаза.

— Какъ что? пора на экзамень идти! Ты, братъ, всего Кошанскаго прогулялъ. А что видѣлъ во снѣ?

— Славный видѣлъ сонъ, отвѣтилъ Борисъ и сладко зѣвнулъ.

— Неисправимъ, проговорилъ Абласовъ, и началъ одѣваться.

XLVIII.

Угрюмая щеки Иона Петровича лоснились; красный носъ сіялъ. Директоръ былъ въ своей сферѣ. Старый словесникъ съ наслажденіемъ ожидалъ случая выказать свои познанія... Хмурый Ергачевъ сидѣлъ подлѣ него и, по обыкновенію, ковырялъ въ носу. Онъ не ладилъ съ директоромъ, и ни одинъ экзамень изъ его предмета не проходилъ безъ исторіи.

Когда Борисъ вышелъ къ столу, директоръ, скорчивъ ро-
жу и протянувши руку къ билетамъ, прогнусавилъ отры-
висто:

— Берите билетъ сразу, не шевырайте...

Надо было отвѣтити изъ четырехъ предметовъ, и прежде
всего изъ реторики. Борису досталась цѣлая дюжина фигуръ.
Онъ ихъ сказалъ твердо; но только директоръ съумѣлъ таки
его поддѣть.

— Примѣръ не тотъ, отрѣзалъ онъ.

— Примѣръ годится, проговорилъ Борисъ.

— Не тотъ... что вы умничааете... Я Кошанскаго-то знаю
какъ отче нашъ. Подайте книгу: на страницѣ 93-й. десятая
строка снизу... читайте примѣръ... на строку не ошибусь...
мы учились-то не по вашему, фантазировать-то намъ не по-
зволяли, прибавилъ онъ и взглянулъ искоса на Ергачева.

Егоръ Пайтелъичъ съ умиленіемъ обратилъ взоръ къ ди-
ректору Ергачевъ усмѣхнулся въ галсгухъ, Борисъ тоже не
могъ удержаться отъ улыбки.

Теорія прозы прошла благополучно Надъ пѣитикой соби-
ралась гроза.

— Борисъ отвѣтилъ на билетъ; но Юнъ Петровичъ этимъ
не удовольствовался.

— Ну, загнусавилъ онъ, скажите, какой вотъ это размѣръ:
ту-ту, ту-ту, тамъ-тамъ, тамъ-тамъ, тамъ-тамъ, ту-ту! а?

Онъ всегда такъ экзаменовалъ изъ стихосложенія.

— Это ямбъ, отвѣтилъ Борисъ.

— Ну, а вотъ на этотъ размѣръ скажите стихи: та-та,
та-та, та-та, та-та.

— „Влещутъ волны Флегетона“, началъ Борисъ.

— Такъ, а вотъ на этотъ: тамъ-тимъ-тамъ-та-та, тамъ-
тимъ-тамъ-та-та.

— Не припомню, отвѣтилъ Борисъ.

— Хорошъ словесникъ, вскричалъ Юнка и началъ читать:

Юная роза
Лишь развернула
Алой шипокъ!

Ужь этого не знаетъ!

— А вотъ на этотъ: бумъ-бумъ-бимъ, бумъ-бумъ, бумъ-бумъ-бумъ..

— Нѣ знаю, отвѣтилъ рѣзко Борисъ.

— Ну, скажите на анапестъ, или на дактиль? А на дактиль не можете, такъ на амфибрахій приберите

И такимъ образомъ производилъ онъ пѣитическую гимнастику минутъ двадцать. Подъ конецъ досада разобрала Бориса, онъ совсѣмъ пересталъ отвѣчать на всѣ: бумъ-бумъ, тимъ-тимъ, и та-та директора... Ионка злился.

— Ну, а это какой размѣръ, закричалъ онъ.

Се Роска Флакка зракъ,

Се тотъ, кто какъ и онъ?

— Ямбъ, проговорилъ сквозь зубы Борисъ.. и еслибъ Ионка еще продолжалъ пѣитическую гимнастику, онъ непременно сказалъ бы ему какую-нибудь дерзость.

Экзаменъ довершался исторіей литературы. Билетъ о Жуковскомъ не возбудилъ никакихъ преній... Надо было ставить отмѣтки.

— Слѣдуетъ уменьшить, прогнусавилъ Ионка, смотря иско-са на Ергачева.

— Отчего? лѣниво спросилъ Ергачевъ.

— Вы сами видѣли, въ пѣитикѣ не твердъ.. примѣровъ не знаетъ.

— Этакъ спрашивать нельзя, онъ не обязанъ знать стихи, какіе вы потребуете, я доволенъ и уменьшать отмѣтку не согласенъ...

— А я недоволенъ, закричалъ Ионка и угри его покраснѣли.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ спокойно Ергачевъ... Я имѣю право экзаменовать, а не вы... Садитесь, господинъ Телепневъ, обратился онъ къ Борису, очень хорошо-съ..:

Ионка закусилъ губы...

— Вѣдь это ему не повредитъ... Изъ пѣитики только будетъ четыре, проговорилъ онъ было мягкимъ тономъ.

— Да и этого не слѣдуетъ, отвѣтилъ Ергачевъ. Онъ самый способный ученикъ, а не зубрило...

Сіяющая физіономія Горшкова встрѣтила Бориса, когда онъ подходилъ къ партѣ.

— Крѣпись, Боря, шепнулъ онъ... Грибъ съѣлъ!

Абласовъ также взглянулъ съ участіемъ на Бориса. Они скоро отъэкзаменовались и всѣ трое вышли. Абласовъ и Горшковъ отправились въ сборную за шинелями, а Борисъ поджидалъ ихъ въ корридоръ. Вдругъ отворилась стеклянная дверь седьмага класса и предстали предъ нимъ угрюстыя щетки директора.

— Телепневъ, тихо крикнулъ онъ, подзывая его рукой.

Борисъ приблизился. Директоръ пошелъ по направленію къ актовой залѣ.

— У васъ въ деревнѣ, началъ онъ, оранжерея есть?

— Есть, отвѣчалъ глухо Борисъ.

— Ну, такъ вы тово.. кактусы у васъ были всегда бѣлые и красные... Мнѣ горшечка четыре...

Борисъ взглянулъ на Іонку во всѣ глаза; тотъ и ухомъ не повелъ.

.... Пришлите на подводѣ... хорошенькихъ... фуксій также горшечка два... А изъ географіи переэкзаменовку назначу

И не дожидаясь отвѣта, директоръ отправился къ себѣ черезъ залу. — Въ это время подошли къ Борису товарищи. Онъ имъ передалъ слова Іонки. Горшковъ расхохотался на весь корридоръ. Абласовъ покачалъ головой.

— Но это гадость! вырвалось у Бориса.

— Ахъ онъ животное! закричалъ Горшковъ во весь духъ. Крапивы ему да репейнику пошли! да куриной слѣпоты на придачу!

— Нужно послать, сказалъ со вздохомъ Абласовъ.

— Да вѣдь это взятка? вскричалъ Борисъ.

— Не ты ее навязывалъ, началъ Абласовъ убѣждающимъ тономъ. Тебѣ не портить же аттестата. Онъ такая скотина, что, пожалуй, вовсе безъ аттестата выпустить.

— Животное, подтвердилъ Горшковъ, фуксій захотѣлъ, кактусовъ!.

— Что за подлость, повторилъ Борисъ, спускаясь съ лѣстницы, и дорогой все думалъ о томъ, въ какое гнусное положеніе ставить его школьная жизнь. Былъ часъ второй. Онъ велѣлъ закладывать коляску и поѣхалъ въ деревню.

Маша выбѣжала къ нему на встрѣчу и сейчасъ же повела въ цвѣтникъ.

— Я тебѣ тетю покажу, говорила она со смѣхомъ, ты ее такъ никогда не видалъ.

— Они сошли съ терасы. Подъ кустомъ сирени, Софья Николавна варила варенье. Она сидѣла на стулѣ, передъ жаровней, и мѣшала ложкой въ мѣдномъ тазикѣ.

— Ахъ, Боря, вскрикнула она и приподнялась, чтобъ поцѣловать его.

— Что это ты дѣлаешь? спросилъ Борисъ.

— Варю для тебя землянику.

— Милая... въ такую жару, дыму нанюхаешься, голова у тебя заболитъ... и все это для меня! И онъ началъ цѣловать ея руки.

— Пѣночекъ не хочешь-ли, Боря? вскричала Маша, поднося ему блюдечко.

— Погоди, дружокъ, послѣ обѣда, тогда мнѣ и вареньица дадутъ.

— Ну, такъ я велю столъ накрывать, ты голоденъ, говорила Маша, держа его за обѣ руки. Экзаменъ хорошо выдержалъ?

— Хорошо, голубчикъ.

— Я сейчасъ вернусь, и Маша побѣжала въ домъ.

— Сядь ко вотъ тутъ, въ тѣнь, сказала Софья Николавна, лаская Бориса. Опять прискакалъ. А кто просить? Вѣдь прямо съ экзамена?

— Да, моя радость, прямо... Знаешь, какое дѣло случилось? Право, даже совѣстно рассказывать тебѣ.

Въ немъ происходила борьба. Не хотѣлось ему передавать сцену съ Юнкой; но тяжело было и скрывать что либо отъ Софьи Николавны. Потолковавши съ минуту, онъ таки все рассказалъ.

— Такъ онъ кактусовъ просить? проговорила она съ улыбкой.

— Ну, да, и фукцій... да гадко это такъ, ничего я ему не пошлю... за меня никогда взятко не давали.

— Постой, постой, прервала она, какую переэкзаменовку

онъ тебѣ назначилъ... Развѣ ты не выдержалъ изъ чего-нибудь?...

Борисъ вдругъ покраснѣлъ. Пруссія... мелькнула у него передъ глазами.

— Ты скрылъ отъ меня Боря?.. Случилось что-нибудь!... Какъ тебѣ не грѣхъ! И слезы показались у Софьи Николаевны. Борисъ опять все рассказалъ ей.

— Вотъ видишь, начала она, закрывая лицо руками, видишь, какая я гадкая, я всему причиной... Ты забываешь обо всемъ, каждый день ѣздишь... чтобъ быть со мной.. И вотъ ты не кончишь курса... Боря, ради Бога, не дѣлай этого, брось меня на все это время, вѣдь ты меня очень, очень огорчилъ... Я себѣ оправданія не найду!

Онъ началъ ее успокоивать. Она опять его прервала.

— Напротивъ, нужно отправить, цѣлый возъ и сегодня-же.

— Радость моя, вѣдь это будетъ взятка...

— Да, взятка, глупый: но кто ее вызвалъ... Я? я и должна быть наказана... сама повезу, если ты еще слово скажешь... Миѣ горько, обидно за тебя... но ты не виноватъ; это не на твою совѣсть ляжетъ, а на мою.

Она схватила его за руку

— Пойдемъ сейчасъ-же въ оранжерею, сказала она, увлекая его за собой. Борисъ повиновался.

Изъ цвѣтника дорожка вела въ особое отдѣленіе сада, гдѣ помѣщался грунтовой сарай, теплица и оранжерея, въ дверяхъ которой ихъ встрѣтила сухопарая, рыжая фигурка, въ длиннѣйшемъ нанковомъ сюртукѣ. Это былъ главный садовникъ Панфилъ, большой плутъ и святоша. Онъ имѣлъ обыкновеніе продавать въ городъ цвѣты, фрукты и овощи, а деньги класть себѣ въ карманъ. За то цѣлый день читалъ духовныя книги.

— Покажи, гдѣ у тебя кактусы, сказала ему Софья Николаевна, и начала ходить по оранжереѣ, высматривая цвѣты. Этотъ къ директору, указала она на огромный красный кактусъ, и улыбнулась Борису, да ты не смѣйся, пожалуйста, вотъ и этотъ, и этотъ... Она насчитала горшковъ десять, и потомъ принялась такимъ-же образомъ за фуксіи.

— Да это цѣлый возъ, проговорилъ смѣясь Борисъ.

— Не твое дѣло... Онъ перемѣнить на какую-нибудь гадость, сказала она Борису по-французски, указывая глазами на садовника.

— Панфилъ, обратилась она къ садовнику, ты всё эти горшки увяжи; они пойдутъ послѣ обѣда въ городъ. Я сама приду посмотрѣть, какъ ихъ будутъ укладывать...

И долго Софья Николавна не могла успокоиться. Ее мучила мысль, что изъ-за нея Борисъ лишится хорошаго аттестата. Онъ на силу немножко ее успокоилъ; но она требовала, чтобы онъ отправился въ городъ тотчасъ послѣ обѣда, и не являлся-бы прежде, нежели выдержитъ изъ всѣхъ главныхъ предметовъ.

За обѣдомъ, Маша угощала брата земляникой со сливками, рассказывала ему, какая у ней славная коза и два маленькихъ зайца, какъ она ихъ кормитъ салатомъ; а въ садъ, гдѣ малина, боится ходить, потому что тамъ змѣй много.

Только что кончился обѣдъ, коляска была уже подана.

— Что-же ты меня гонишь? пропищалъ Борисъ жалобно, цѣлуя руку у Софьи Николавны.

— Поѣзжай, поѣзжай и носу показывать не смѣй безъ аттестата...

— Прощай, Боря, залепетала Маша, обнимая его, тебѣ правду говорить, учись хорошенько.

Борисъ не могъ не разсмѣяться, и нехотя сѣлъ въ коляску. Обѣ онѣ стояли на крыльцѣ и кланялись ему.

Кактусы сейчасъ пойдутъ въ городъ, крикнула Софья Николавна.

„Проклятая гимназія“ выругался онъ внутренно; но на губахъ его явилась радостная улыбка. Онъ чувствовалъ, сколько любви окружало его; какъ это чудная женщина жила малѣйшими его интересами. И какъ ему захотѣлось выскочить изъ коляски и броситься къ ногамъ ей.

XLIX.

Кактусы произвели надлежащее дѣйствіе. латынскій языкъ, котораго всѣ трусили, потому что никто у Шульмана ничего не дѣлалъ, прошелъ такъ гладко, что Борису стало даже скверно. Ему то и дѣло представлялись фуксіи и кактусы, какъ очистительныя жертвы его незнанія. Іонъ Петровичъ, съ довольной фізіономіей вызвалъ его; но самъ спрашивать не сталъ, а поручилъ Ергачеву, принимавшему всегда участіе въ латинскихъ экзаменахъ. Борисъ выбралъ одну изъ рѣчей Цицерона, полегче, и сталъ переводить, зная, что Ергачевъ дурной отмѣтки не поставитъ.

Но многимъ было не такъ легко, какъ ему. Человѣкъ шесть попались въ лапы Егора Нантелѣича. Онъ торжествовалъ. Загнувъ большой палецъ правой руки и выпятивъ свое пузо, инспекторъ душилъ несчастныхъ семиклассниковъ непрерывными вопросами. Горшковъ чуть-чуть не схватилъ у него двойки.

— Вы піанистъ, провозглашалъ Егоръ Нантелѣичъ .. вы виртуозъ, а невѣжественны, какъ школьникъ приходскаго училища. Гдѣ вамъ Горація переводить. вы и съ баснями не совладаете. Ну, переводите мнѣ хоть басню, что въ первомъ классѣ я васъ заставлялъ учить наизусть... Ну-съ слушайте; *Cancerum retrogradum*... Что такое *cancerum*? Какое начало этого слова?

— *Cancer*—ракъ, отвѣтилъ Горшковъ съ гримасой, потряхивая своими вихрями.

— Ну-съ, а *retrogradum*, что это?

— *Retrogradum*, это отъ *retrogrado*...

— Ха ха ха, *retrogrado*, да что-жь это такое *retrogrado*?... хорошъ! хорошъ піанистъ; ну, а *moncbat*?

— Отъ *monco*.

— А *monco*, что значить?

— *Monco*, отвѣчалъ Горшковъ, съ увѣренностью, значить бранить.

— Бранить!... и Егоръ Пантелѣвичъ залился хохотомъ.

Несчастный Горшковъ получилъ тройку. Послѣ латинскаго языка Борисъ порывался въ деревню; но просьба Софьи Николаовны его удержала. Онъ писалъ ей длинное письмо, въ которомъ, во-первыхъ, просилъ позволенія явиться въ Липки; во-вторыхъ, поздравлялъ ее съ благополучнымъ окончаніемъ латинскаго экзамена; а конецъ письма былъ наполненъ изліяніями, какія тысячу разъ говорилъ онъ своей ненаглядной тетѣ.

Дней пять дано было на исторію. Борисъ, зная, что Коряковъ его не любитъ и на экзаменѣ ни въ какомъ случаѣ, не поддержитъ, подзубрилъ-таки три толстыя книги Смарагова и миниатюрную книжку Устрялова. Ионка находился все еще подъ вліяніемъ кактусовъ. Онъ снисходительно слушалъ Бориса, не дѣлая никакихъ замѣчаній. Только изъ новой исторіи, когда Борисъ рассказывалъ революцію 89 года и упомянулъ о герцогѣ орлеанскомъ, Ионка, обратившись къ Корякову, спросилъ:

— А какой это герцогъ орлеанскій?

— Это тотъ, котораго звали *егалите*, проговорилъ ежесловнымъ акцентомъ Коряковъ, погруженный въ свои воротнички.

Переэкзаменовка назначена была Борису на другой день. Ему было очень гадко, когда онъ явился одинъ въ пустой классъ, и началъ отвѣчать Ионкѣ опять ту же Пруссію. Онъ участвовалъ съ директоромъ въ обманѣ, въ сдѣлкѣ, основанной на взяточничествѣ. Эта мысль мѣшала ему говорить, и такъ дурно у него было на сердцѣ, когда Ионка переправилъ въ спискѣ двойку на прежнюю пятерку.

Вечеромъ въ Липкахъ, Борисъ передалъ всѣ свои ощущенія Софѣ Николаовнѣ, и на этотъ разъ уже она начала его успокоивать. За то, что онъ явился, она его не бранила. Главные предметы были сданы и съ отличными отмѣтками; оставались только пустяки, невинные французскій и нѣмецкій языки...

Изъ нѣмецкаго директоръ всегда экзаменовалъ, и даже заявлялъ нѣкоторую претензію на знаніе граматическаго разбора. Егоръ Пантелѣвичъ велъ себя слѣдующимъ образомъ. Съ незапамятныхъ временъ выучилъ онъ нѣсколько

изрѣченій въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, и задавалъ ихъ каждый разъ. Ему можно было плести чепуху, какую угодно; онъ ничего не понималъ и ни однимъ звукомъ не выражалъ своего мнѣнія; но не ставилъ порядочной отмѣтки до тѣхъ поръ, пока экзаменующійся не переведетъ ему одного изъ изрѣченій.

На этотъ разъ достался ему лупоглазый Скворцовъ, крайне слабый въ языкѣ германцевъ.

— Ну, изрекъ Егоръ Пантелѣичъ, переведите мнѣ слѣдующую фразу: не все то золото, что блеститъ.

— Слово не знаю, промычалъ Скворцовъ.

— Я самъ скажу слова: не—*нихтъ*, все—*аллесъ*, золото—*гольдъ*,—что—*дасъ*, то—*висъ*, блеститъ—*блицтъ*; какъ же будетъ вся фраза?

И тщетно дожидался Егоръ Пантелѣичъ. Скворцовъ никакимъ образомъ не могъ вообразить, какъ выйдетъ все изрѣченіе на нѣмецкомъ языкѣ.

На французскій экзаменъ директоръ обыкновенно не являлся, онъ поручалъ свое предсѣдательское мѣсто Егору Пантелѣичу, который по французски, какъ говорится, ни уха ни рыла не смыслилъ.—Онъ сидѣлъ величественно на креслѣ и вызывалъ учениковъ. Тѣмъ и ограничивалась его роль. Учитель, плотно стриженный, съ просьбою, французъ, по всѣмъ признакамъ бывшій помадный подмастерье, вертѣлся на своемъ стулѣ и громко поправлялъ ошибки переводившихъ ему изъ большой христоматіи Ноэля. Сочиненія, какія полагаются, по закону, писать на экзаменѣ, были заранѣе приготовлены и лежали у каждаго въ столѣ.

Когда Борисъ, отвѣтивъ, шелъ на мѣсто, французъ сказалъ ему:

— Transcrivez votre thème

Егоръ Пантелѣичъ понялъ фразу и внушительно проговорилъ:

— Ну-съ, на заданную вамъ сей-часъ тему извольте писать сочиненіе.

Мечковскій, услыжавъ это, приснулъ, а Борисъ, улыбнувшись, сталъ переписывать свое сочиненіе о причинахъ крестовыхъ походовъ.

Свободно вздохнули седьмиклассники, когда всё предметы были сданы. Изъ двадцати пяти человекъ никто не остался: человекъ десять получили право поступить въ университетъ, безъ экзамена.—Оставалось только выправить аттестаты.

Борисъ съ радостнымъ чувствомъ отправлялся въ Липки, зная, что никто больше не заставитъ его думать о гимназии и учебныхъ книгахъ. Онъ могъ утѣшить Софью Николавну и тѣмъ, что получить прекрасный аттестатъ и медаль. Горшковъ и Абласовъ ѣхали съ нимъ отпраздновать окончаніе курса. На другой день Абласовъ собирался въ свой уѣздный городокъ, а Горшковъ думалъ провести лѣто у Теляниныхъ.

L.

Шумно влетѣли наши юноши въ залу липкинскаго дома. Большою радостію для Софьи Николавны было все, что она услышала отъ Бориса и его товарищей о результатѣ экзаменовъ. Маша прыгала и обнимала своего Бориса, а потомъ побѣждала къ Мироновнѣ и начала ей въ подробности рассказывать изъ какихъ наукъ Боря экзаменовался и какую медаль ему за это дадутъ.

День провели на воздухѣ. Гостямъ показывали домъ и сады; ѣздили въ линейкѣ, ходили въ лѣсъ, очень много ѣли, а вечеромъ предались музыкѣ. Софья Николавна пѣла безъ усталости; Горшковъ импровизировалъ. Онъ былъ въ такомъ ударѣ, что клавиши звучали, какъ очарованныя подъ его пальцами... Абласовъ тоже расходился. За ужиномъ онъ вступилъ въ большой разговоръ съ Софьей Николавной. Они всегда спорили. Абласовъ не раздѣлялъ ея свѣтлаго, идеальнаго взгляда на жизнь. Въ немъ чувствовался ранній реализмъ.

— Неужели мы кончили нашу школьную жизнь? спрашивала Софья Николавна. Я говорю нашу, потому что и я считаю себя гимназистомъ.

— Да-съ. кончили, отвѣтилъ Абласовъ со вздохомъ. Оно хорошо, а очень радоваться нечему.. впереди много всякихъ терній... да вѣдь и въ университетѣ, какъ слушаешь, такое же почти школьничество. А нашему брату придется выбирать хлѣбную дорогу

— Что вы это какъ разсуждаете, Абласовъ, сказала Софья Николавна.

— Да какже-съ... я по медицинскому пойду, призванія нѣтъ, а пойду... да и какъ можно теперь сказать: вотъ, молъ, какое у меня призваніе.. Бѣдному человѣку о такихъ тонкостяхъ и думать нечего.

— Вы куда же собираетесь, въ Казань?

— Да-съ, въ Казань.

— Отчего же не въ Москву?

— Безъ экзамена во-первыхъ, во-вторыхъ, ближе, да и въ казенные скорѣ попадешь. Я, вѣдь, на это долженъ рассчитывать.

— А вы, Горшковъ?

— Не знаю еще, Софья Николавна, куда потянетъ. Я въ вольные слушатели хочу, такъ мнѣ экзаменъ ничего... Въ Москву дальше какъ-то.

— Полноте, поѣдьте съ нами... какже вамъ можно зарываться въ губернскомъ городѣ? для васъ главное не университетъ, а общество, поощреніе.

— Въ самомъ дѣлѣ, братцы, заговорилъ Борисъ, обращаясь къ товарищамъ, какже это мы въ разныя стороны разбредемся, этого я не могу допустить! Надо вмѣстѣ идти.

— Нечего, братъ, дѣлать, противъ роженя нельзя прать, проговорилъ съ улыбкой Абласовъ.

Мы это устроимъ, перебилъ его Борисъ... всѣ очутимся въ Москвѣ, и славно заживемъ.

— Заживемъ! крикнулъ Горшковъ.

И начали они строить планы, какъ пойдетъ ихъ студенческая жизнь. Одинъ Абласовъ не увлекался и говорилъ, что все тоже будетъ, только потрудишься. Еще цѣлый день были Горшковъ и Абласовъ въ Липкахъ и отправились ночью простившись на три недѣли. Черезъ три недѣли всѣ должны

были опять соединиться и рѣшить, куда ѣхать, въ Казань или въ Москву.

— Поклониться Надѣ. Борисъ! шепнулъ Горшковъ, выходя на крыльцо.

— Поклонись.

— Больше ничего не сказать?

— Ничего.

Эфіопъ ты... такъ и загубилъ ее... Ну погоди, я въ деревнѣ поселюсь. покорю ея сердце, а тебѣ кукишъ покажемъ.

Горшковъ, въ своей простотѣ, не замѣчалъ ничего, что произошло между Борисомъ и Софьей Николавной. Абласовъ же видѣлъ все, но не проронилъ объ этомъ ни одного слова, кромѣ того, что мы слышали въ разговорѣ его съ Борисомъ.

Обитатели Липковъ остались одни. Борисъ и Софья Николавна чувствовали себя такъ легко и радостно, точно настала новый, свѣтлый переходъ ихъ молодой жизни. Первый день они занимались до обѣда Машей, и потомъ пошли гулять.

За горой, влѣво отъ деревни, шла долина съ мелкимъ лѣскомъ и холмиками, покрытыми прекраснымъ лугомъ... Между двумя такими холмами, въ ущельи, протѣкалъ ручей студеной, чистой воды. Простая колода стояла подъ желобомъ, откуда лилась свѣтлая струя, разбрасывая брызги. Часу въ шестомъ вечера, Софья Николавна, облокотясь объ эту колоду, подставила ладонь подъ струю воды и громко смѣялась. Борисъ брызгалъ на нее и не давалъ ей напиться... Они играли, какъ дѣти.

— Полно, Боря. вскрикнула она, разсержусь.

— Сердись, а я все-таки не дамъ.

— Ну, такъ я напьюсь прямо. И она нагнулась, подставила свой ротъ подъ струю воды и начала глотать.

Борисъ зашелъ съ боку, взялъ ее за талию и потянулъ назадъ.

— Ай, крикнула она, все лицо забрызгалъ!... Глупый! и платье.

Онъ бросился обнимать ее, и привлекая опять къ ручью.

— Ну, посмотришь въ воду, моя радость, посмотришь... вотъ

тебѣ зеркало... вѣдь это ангелъ смотреть съ неба.. Прелесть ты моя!

Она смѣялась въ отвѣтъ на его ласки, и долго они тутъ барахтались у ручья, потомъ взобрались на пригорокъ и сѣли подъ дубокъ.

— Ты что думаешь, говорила она, здѣсь въ деревнѣ я съ тобой все цѣловаться буду?.. Такъ цѣлые дни нѣжничать? Нѣтъ, мой милый... я тебя засажу за книжки. Нужды нѣтъ что ты съ серебряной медалью... Мы съ тобой почти два мѣсяца ничего не читали... какъ это можно? Этакъ совсѣмъ облѣнишься.

— Да вѣдь, голубушка, всего-то три недѣльки намъ пожить здѣсь.

— Все равно... ты въ студенты готовишься... какже тебѣ можно время терять... Тамъ тебя не про Софью Николавну спросать. Я хочу, чтобъ ты былъ самый развитый студентъ. Цѣлый день у насъ наполнится работой. И Машей надо больше заняться.

Онъ не слушалъ, и думалъ про себя: все-таки ты меня любишь и приласкаешь меня, и вотъ, сюда, къ ручью, мы прибѣжимъ не одинъ разъ.

Поговорили они о товарищахъ.

— Абласовъ гордъ, я вижу, сказала Софья Николавна, но я его люблю, надо его въ Москву. Помогай ему, Борисъ; отъ тебя онъ можетъ все принять.

— Я объ этомъ только и думалъ, голубушка. Мнѣ грѣхъ не подѣлиться съ ними.

Софья Николавна никогда не спрашивала Бориса о томъ, замѣчаютъ-ли что его товарищи. Онъ не утаилъ отъ нея сцены своей съ Лапинымъ и нѣсколькихъ словъ Абласова; но въ этотъ вечеръ имъ не приходили тревожныя мысли. Они не хотѣли знать, догадывается-ли кто объ ихъ любви или нѣтъ, они просто были счастливы. И Софья Николавна была чистосердечна, какъ младенецъ. Угрызенія совѣсти вопросы, борьба въ этотъ день для нея не существовали.. Она какъ въ первое время своей любви, относилась къ Борису съ страстной привязанностью и заботой старшей сестры или матери. Она забывала о себѣ; она любовалась

млымъ мальчикомъ. но въ тоже время думала: какъ бы ему было лучше, какъ бы его поддержать, направить, развить и утѣшить.

Тихо возвращались они къ дому, по крутой дорогѣ, между двумя полосами ржи, уже начинавшей переливать серебристыми волнами. Они шли рука въ руку, молодые, смѣлые, смѣющіеся.

На встрѣчу попалась имъ крестьянка босая, но съ башмаками въ рукахъ. Они ей поклонились. Баба остановилась, отвѣсила имъ низкій поклонъ и проговорила:

— Здравствуйте, дружки.

Это слово разсмѣшило ихъ.

— Изъ какой деревни, матушка? спросилъ ее Борисъ.

— Изъ Вревилова, кормилецъ, весело отвѣчала баба, въ городъ ходила... а вы липкинскіе?

Да, липкинскіе, сказала Софья Николавна.

— Ишь ты... эка парочка... пригожи больно оба... молодые знать... баринъ съ барыней, вотъ и милуетесь... люблю на васъ глядѣть-то.. Ну, прощайте.

— Прощай голубушка, крикнули они ей. и опять разсмѣялись.

Дорогой они долго болтали объ этой встрѣчѣ.

— Баринъ молодой, повторяла Софья Николавна вотъ мы на кого похожи!

— Это и Маша говоритъ и Мироновна.

А Мироновна, дѣйствительно, не разъ дѣлала шутливыя замѣчанія на счетъ Бориса и Софьи Николавны. Вечеромъ Борисъ столкнулся съ ней на дворѣ, у дѣвичьяго крыльца. Старушка мало его видѣла, особливо въ послѣднее время. Ея прирожденная сдержанность не позволяла ей высказывать всего, что таилось на душѣ. А она многое подмѣчала.

— Ну, что, нянюшка, весело сказалъ ей Борисъ какъ ты, я тебя съ экзаменами-то совсѣмъ забылъ.

— Ничего, брожу... кончилъ, слышь, науку-то?

— Какже; теперь вотъ въ деревнѣ поживу.

— Отдохни, отдохни... только смотри, долговязый, не больно ужъ закруживайся... о Машенькѣ не забывай.

Борисъ понялъ, что хотѣла сказать Мироновна, и немного покраснѣлъ.. Она больше не стала его смущать.

— Ступай къ нимъ... а мнѣ, вотъ, съ поваромъ надо въ чуланъ. Отдохни, отдохни, заключала старушка и потрепала его по плечу.

Борисъ пошелъ отъ нея съ поникшей головой. На терасѣ онъ нашелъ Машу и крѣпко обнялъ ее. „Неужели всѣ боятся, что я ее брошу? подумалъ онъ. Развѣ наши общія заботы не охраняють ее! Или мы уже очень отдались своей страсти! Вонъ и тетя говоритъ, что мы забываемъ ее, бѣдную дѣвочку.“ И Борисъ, перенесся къ тому недавнему времени, когда эта Маша была его другомъ, существомъ, для котораго онъ жилъ.

И въ отвѣтъ на эти мысли, онъ началъ ласкать Машу. Маша говорила ему про то, что ей хорошо въ деревнѣ, какъ въ раю. Ее занимало все: и лѣсъ, и горы, и цвѣты, и коза, и садовникъ Панфилъ, и скотница Лукерья; и звѣзды и красныя качели. Слушая ее, Борисъ думалъ: вотъ она какъ счастлива, дорогое мое дитя! А съ какихъ поръ? Съ тетей, съ ней пришло это счастье, эта всеобщая радость. Онъ поднялъ глаза; возлѣ стояла Софья Николавна, и какъ мать, съ тихою нѣжностью глядѣла на нихъ. Все, все ей отдамъ, шевельнулось въ сердцѣ Бориса, и онъ прильнулъ губами къ ея прозрачной рукѣ.

LI.

Недѣля пролетѣла, какъ одинъ день. Софья Николавна хотѣла строго слѣдовать своей программѣ: раздѣлить утро и вечеръ на клѣточки; но все ей какъ-то не удавалось. Правда, они много читали съ Борисомъ; но много и гуляли. Положенные часы часто нарушались. Вечера обыкновенно проводили на воздухѣ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, часу въ десятомъ, сидѣли

они на своей любимой дерновой скамейкѣ, подѣ черемухой. Они говорили о томѣ, когда надо будетѣ собираться въ путь.

— Ты не получала еще отвѣта отѣ стариковѣ своихъ? спросилъ Борисъ.

— Нѣтъ, милый; завтра приходитѣ почта. Они намѣ наймутѣ славную квартиру.

— Да не переселить-ли ихѣ къ себѣ? такѣ всѣ бы вмѣстѣ и жили.

— Нѣтъ, Боря, это ихѣ стѣснить, они пускай себѣ живутѣ особо. Я каждый день буду съ ними видѣться.

— Какую же мы жизнь создадимѣ въ Москвѣ? проговорилъ онѣ, ласкаясь къ ней, — хорошую?

— Конечно, не плохую. У тебя университетѣ, наука, товарищи, и потомѣ дома чтеніе, музыка, театрѣ, мало-ли жизни. Только ты не начини кутить, Боря.

— Ну, а если начну?

— Я съ горя умру; а, впрочемѣ, нѣтъ; вѣдь это скоро пройдетѣ, ты не изѣ такихѣ. Я хогѣла бы также, чтобѣ ты выѣзжалѣ, Боря Ты такой у меня нарядный.

— Зачѣмѣ это я стану выѣзжать? Съ барышнями болтать! Экое веселье!

— Нельзя же тебѣ сидѣть со мной цѣлый день... смотри на людей, знакомься съ ними, узнавай жизнь; дѣлай хоть побѣды, я не разсержусь.

И она разсмѣялась.

— А ты что будешь дѣлать?

— Ахѣ, какой противный фатѣ, вскричала она, думаетѣ, что я безѣ него умру. Развѣ у меня мало дѣла? А Маша? Я ей буду гораздо больше заниматься, чѣмѣ тобой!

— И занимайся, радость моя, проговорилъ Борисъ, опускаясь передѣ ней на колѣни. Ты ужѣ слишкомѣ любишь Бору: все для него, а у другихѣ отнимаешь.

— А вотѣ и Маша, вотѣ и Маша; вскричала Софья Николавна.

Борисъ приподнялся и увидѣлъ, что въ темнотѣ аллеи бѣлѣлось платьице Маши. Она подбѣжала къ нимѣ и сѣла тѣткѣ на колѣни.

— Я васъ искала, лепетала она; а вы вотъ куда забились. Здѣсь славно.

— А что это у тебя голова мокрая? спросила Софья Николавна.

Ахъ, я вѣдь купалась.

— Кто позволилъ? сказалъ Борисъ, нахмуривъ брови. Безъ спросу убѣжала, простудишься ты Маша!

— Нѣтъ, въ водѣ такъ славно, ты не сердись, Боря, вѣдь лѣто тетя, вопъ, сама поздно купается, да и ты также.

— Вотъ и поймали насъ, проговорила, смѣясь, Софья Николавна; только въ другой разъ ты скажи, когда захочешь купаться, сегодня свѣжо. Пойдемте-ка въ комнаты.

На другой день Борису надо было ѣхать въ городъ узнать на счетъ аттестата. Онъ отправился послѣ утренняго чая. День былъ славный; на душѣ у него жило спокойствіе и надежды, въ головѣ молодые планы. Онъ ѣхалъ въ своемъ покойномъ фаэтонѣ и думалъ, какъ хорошо ему будетъ въ Москвѣ, среди разнообразныхъ трудовъ и удовольствій, съ ней, безъ горя и нужды, въ жизни полной здоровья, силъ и энергіи... Никогда не признавалъ онъ себя такимъ довольнымъ и невозмутимымъ.

Въ гимназіи онъ побывалъ у Ергачева, простился съ нимъ, потолковалъ объ университетѣ и зашелъ въ канцелярію. Отъ письмоводителя узналъ онъ, что аттестаты не будутъ готовы раньше конца августа, но что можно ему выдать свидѣтельство, которое замѣнитъ аттестатъ. Борисъ попросилъ письмоводителя таковое свидѣтельство ему написать, и вручилъ ему пятирублевую ассигнацію, за что письмоводитель согнулся въ три погибели и обѣщался доставить свидѣтельство "*самолично*"; тутъ же поздравивъ Бориса съ предстоящимъ полученіемъ серебрянной медали, даже прибавилъ, ухмыляясь, что по всѣмъ бы правиламъ слѣдовало ему золотую; а Абласову-де неприлично, такъ какъ онъ изъ мѣщанскаго званія.

Изъ гимназіи Борисъ завернулъ къ нѣкоторымъ товарищамъ; засталъ Мечковскаго, играющаго на дворѣ въ свайку съ мальчишками; отъ него прошелъ къ братьямъ Бисеровымъ, отличавшимся рыболовствомъ и голубиной охотой.

Юноши были здоровые, коренастые, суровые въ своихъ нравахъ. Одинъ желалъ идти въ землемѣры, а другой тайлъ наклонность къ военной службѣ. Они теперь предавались со страстію рыбной ловлѣ и увлекли Бориса погулять на рѣку. Тамъ всѣ трое сѣли въ лодку, переѣхали Волгу, отправились въ село Боръ, накупили калачей и квасу и пѣли бурлацкія пѣсни. Послѣ троекратнаго купанья вернулись они на городской берегъ, и Борисъ возвращался въ гору пѣшкомъ. Былъ уже часъ шестой. Онъ немножко попенялъ себѣ, что такъ зажился въ городѣ, и какъ ни усталъ, а скорыми шагами шелъ къ дикому дому.

Только что онъ вступилъ въ пустую залу; къ нему кинулась одна изъ старухъ, оставленныхъ на дѣто въ городѣ.

— Батюшка, Борисъ Николаичъ, а мы съ ногъ сбились, васъ искамши.

— Что случилось?

— Изъ деревни прискакалъ Андрюшка... еще въ два часа это было... Ѳедоръ Петровичъ уѣхали съ докторомъ.

Лихорадка забила Бориса.

— Кто заболѣлъ? спросилъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Да не разслыхала я хорошенько, барыня, либо барышня; а больно схватило...

— Лошадей! крикнулъ Борисъ и бросился на дворъ.

— Готовы, давно готовы... шамкала старуха, слѣдуя за нимъ.

Съ страшной тревогой скакалъ Борисъ по дорогѣ въ Липки. Онъ не хотѣлъ спрашивать у кучера, кто заболѣлъ. Онъ не могъ себя успокоивать, въ головѣ ходилъ какой-то туманъ; все путалось, въ глазахъ рябило; то и дѣло бросало его въ жаръ; онъ снялъ фуражку, развязалъ галстухъ и все озирался какими-то безумными глазами. Лѣсъ показался ему безконечнымъ. Подъѣзжая къ деревнѣ, онъ почувствовалъ вдругъ такую невыносимую тоску, что готовъ былъ выскочить изъ коляски и пуститься бѣжать къ дому.

Въ залѣ, куда онъ вбѣжалъ въ пальто и фуражкѣ, на шею къ нему бросилась Софья Николавна, вся въ слезахъ. Онъ обомлѣлъ отъ радости и зарыдалъ. Ему не вѣрилось, что онъ

держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, онъ не могъ слова выговорить и такъ былъ потрясенъ, что почти упалъ на стулъ.

— Маша больна? быстро проговорилъ онъ, немножко оправившись.

— Боря, милый... она задыхается... она умираетъ... И слезы заглушили ее слова.

Онъ вскочилъ и бросился черезъ гостиную въ комнату Маши, отдѣленную отъ спальни Софьи Николавны перегородкой. Около кровати сидѣли Эдуардъ Ивановичъ и Мироновна. Облокотясь о коммодъ, стоялъ Ѳедоръ Петровичъ. Борисъ подбѣжалъ къ Машиной кроваткѣ и, какъ вкопанный, остановился на мѣстѣ. Дѣвочка, вся блѣдная, съ синеватыми кругами вокругъ глазъ, лежала навзничъ и тяжело, порывисто дышала. Какая-то судорожная дрожь пробѣгала по ея нѣжной, дѣтской груди. Горло ея было увязано. Острый свистъ слышался, когда она, съ усиліемъ, съ судорогами въ лицѣ, хватаясь за горло, вдыхала въ себѣ воздухъ. Она взглянула на Бориса, протянула-было руку; но сейчасъ же схватилась за бортъ кровати и вся судорожно поднялась, съ хрипѣніемъ въ горлѣ. Что-то ужасное, безпомощное, раздирающее было въ выраженіи ея потухнувшихъ глазъ.

Борисъ не могъ вынести больше трехъ минутъ; онъ бросился вонъ и упалъ въ гостиной на диванъ. Съ нимъ сдѣлался обморокъ. Когда онъ очнулся, около него сидѣла Софья Николавна: а Лапинъ стоялъ и тыкалъ ему что-то въ носъ.

— Что она? было его первое слово. Пошлите еще за докторами; спасите ее, просилъ онъ, хватая за руку Ѳедора Петровича. У того тоже были слезы на глазахъ.

— Послалъ, отвѣтилъ Лапинъ, успокойтесь... все сдѣлаемъ.

— Прилягъ, Боря, милый, говорила Софья Николавна, укладывая его; не тревожься, ради Бога.

— Не успокаивай меня, прервалъ онъ ее, взглянувъ прямо въ лицо. Ты сама дрожишь... Что у ней, у ней крупъ.

— Но мы захватили, Боря, ей полегче...

— А какъ онъ ее задушить?

— Да зачѣмъ же бѣду-то накликать, что это у васъ, батюшка, за малодушіе, почти съ сердцемъ сказалъ Лапинъ.

Борисъ точно устыдился своего малодушія, довольно бодро

всталъ и пошелъ опять въ комнату Маши. Софья Николавна крѣпилась; но видно было, что она вся потрясена. Она глотала свои слезы и разрывалась между Машей и Борисомъ.

Эдуардъ Ивановичъ сказалъ Борису, что отчаяваться нечего; но припадки очень сильны. Вчерашнее купанье было причиной такой простуды. И какъ горько отозвалось въ сердцѣ Бориса мысль, что онъ и Софья Николавна не берегли Машу, не смотрѣли за ней, нѣжничали въ то время, какъ она рисковала своимъ здоровьемъ.

Черезъ два часа привезли изъ города двухъ докторовъ и фельдшера ставили пѣвки, давали рвотное, употребили всевозможныя средства; но Машѣ лучше не было.

Софья Николавна и Мионовна слѣдили за каждымъ ея движеніемъ. Борисъ сидѣлъ за перегородкой. Его не пускали къ кровати. Видъ Маши слишкомъ на него дѣйствовалъ. Въ ночи хрипѣніе немного стало легче. Два доктора послѣ консилиума отправились въ городъ. Эдуардъ Ивановичъ остался съ Лапинымъ ночевать. Борисъ не хотѣлъ ложиться; но Софья Николавна его уговорила. Только что онъ началъ забываться, до слуха его долетѣли шаги внизу. Онъ спустился по лѣстницѣ, безъ сюртука; въ гостиной было темно, заря только что занималась. Въ спальнѣ Софьи Николавны слышалось истерическое рыданіе. Борисъ едва не упалъ на мѣстѣ. Въ этомъ рыданіи онъ почувствовалъ смерть сестры. Въ туманѣ, не видя и не замѣчая никого, подбѣжалъ онъ къ кровати Маши, схватилъ ее, приподнялъ и началъ осыпать поцѣлуями. Въ рукахъ его лежало холодѣющее тѣло.

III

На маленькомъ столѣ, на бѣлой газетовой подушкѣ, окруженная цвѣтами, съ распущенными кудрями по плечамъ, лежала Маша въ верхней залѣ липинскаго дома. Смерти не было въ выраженіи ея младенческаго лица. Оно было свѣтло,

прозрачно, прекрасно, какъ то утро, которое благоухало и блистало вокругъ ея ложа. Бѣдная дѣвочка! она умерла посреди такой молодой, кипучей жизни, точно не захотѣла она смѣшивать свой дѣтскій, чистый, непорочный міръ съ міромъ ихъ страстныхъ наслаждений.

Весь домъ былъ погруженъ въ уныніе. Борисъ и Софья Николавна цѣлый день стояли у гроба Маши и горячо молились. Они почти ничего не говорили другъ другу. Имъ было слишкомъ тяжело. Они даже пробовали утѣшать Мироновну

Старушка сидѣла въ залѣ и горько плакала.

— Въ одинъ денекъ, моя голубушка, повторяла она, безъ святаго причастія отошла... Господи Іисусе!...

Въ тотъ день, когда отпѣвали тѣло Маши, Борисъ впалъ въ какое-то безчувственное состояніе. Онъ сидѣлъ на терасѣ и смотрѣлъ вдаль. Софья Николавна держала его за руку.

— Неужели это наказаніе? вдругъ прошептала онъ, устремляя на нее блуждающій взглядъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это слишкомъ! вскричала она и, рыдая, бросилась обнимать его.

Ее терзали угрызенія. У ней не было живаго мѣста въ сердцѣ; на языкѣ не было ни одного примирительнаго слова. Она, какъ преступница, сознавшая свою вину, просила только пощады у Бога, у совѣсти и молила только о томъ, чтобъ не загубить ей жизнь мальчика, отдавашагося ей всей душой.

— Ты мнѣ осталась, сказалъ Борисъ, и мгновенный блескъ заигралъ въ его глазахъ.

Эти слова какъ ножомъ рѣзнули Софью Николавну. И сладко и раздирательно было ихъ слышать въ эту минуту. Они звучали и отрадой и какимъ-то святотатствомъ передъ гробомъ чистаго младенца, которому оба они хотѣли посвятить свою жизнь!

— Живи, живи, мой милый, дорогой, шептала она; брось меня, я принесла смерть, я погублю тебя!..

Что ты, Соня, вдругъ сказалъ онъ громко, поднимая голову. Я одинъ... мы одни... Богъ у насъ отнялъ Машу; но неужели Онъ хочетъ, чтобъ мы разстались?... Только не живыми! Онъ убьетъ меня, сквернаго... Я первый обманулъ тебя... въ меня закралось... Онъ не dokonчилъ и за-

крылъ лицо руками. Но пока я живъ, заговорилъ онъ опять, кто же отниметъ тебя?.. Маша тамъ, на небѣ... она чиста, какъ ангелъ; она молится за насъ... Пойдемъ къ ней...

И они пошли молча, тихими шагами, и еще разъ склонились передъ гробомъ, откуда Маша какъ будто прощала имъ все и изливала свою чистую, прекрасную любовь въ ихъ мятежныя сердца.

Послѣ отпѣванья, гробъ повезли въ городъ, чтобъ положить Машу вмѣстѣ съ отцомъ и матерью. Ѳеодоръ Петровичъ, разстроенный, нервный, хлопоталъ за всѣхъ и раза по три въ день ѣздилъ въ городъ. Онъ боялся очень за Софью Николавну. На свѣжія силы Бориса онъ больше надѣялся. Эдуардъ Ивановичъ первый подаль мысль, что нужно имъ перѣѣхать совсѣмъ въ городъ, на что они сейчасъ же согласились. Имъ самимъ невыносимо было оставаться въ домѣ, гдѣ умерла и лежала въ гробу Маша. Но и въ дикомъ большомъ домѣ имъ было немногимъ легче. Они мѣста себѣ не находили и черезъ недѣлю собирались въ Москву. Каждый день, вмѣстѣ съ Мироновой, ѣздили они на кладбище и молились у свѣжей могилы. Всѣ платья, шляпки, игрушки и книги Машины собраны были въ ея комнатѣ и разложены, какъ дорогіе остатки. По нѣскольку разъ приходили они въ эту комнату и цѣловали все, что носила Маша и держала когда-либо въ рукахъ. И не оставляло ихъ жгучее чувство, что Маша умерла отъ ихъ нерадѣнія. Теперь только, въ этомъ холодномъ, пустомъ домѣ томительно почувствовали они, сколько жизни, прелести, поэзіи унесъ съ собою дорогой ребенокъ, какъ пусто и холодно безъ него, какъ ихъ собственное существованіе становится узкимъ, эгоистичнымъ безъ этой живой цѣли, безъ этой дѣвочки, которую умирающій отецъ поручилъ имъ съ такимъ горячимъ упованіемъ. Тяжко страдали они!

III.

Въ городѣ начиналась большая ярмарка. За рѣкой, гдѣ построены были лавки, кипѣла жизнь и въ воздухѣ стоялъ шумъ и трескъ. Торговый и черный людъ толпился на мосту и по рядамъ. Рѣка запружена была судами. Длинные вереницы воевъ съ товарами тянулись по всѣмъ направленіямъ.

Разъ, подъ вечеръ, Борисъ поѣхалъ съ Софьей Николавной прокатиться. Они спустились съ горы на ярмарку. Обѣхавъ ряды, велѣли они кучеру остановиться у собора и вошли туда. Служили всенощную. Имъ было немножко полегче. Софья Николавна оживилась, замѣтивъ, что Борисъ смотритъ на нее не болѣзненнымъ, блуждающимъ взглядомъ, а съ тихой улыбкой. Назадъ ѣхали они почти шагомъ и вели разговоръ о томъ, какъ возьмутъ съ собой въ Москву Миرونну и станутъ ухаживать за ней, потомъ стали разбирать Ѳедора Петровича и вычислять всѣ его добродѣтели...

— Не взять-ли и его въ Москву? спросилъ Борисъ.

— Не поѣдетъ, отвѣтила Софья Николавна, и размѣялась.

Отъѣздъ ихъ былъ назначенъ черезъ три дня. Эдуардъ Ивановичъ утромъ завернулъ къ нимъ и между прочимъ сказалъ, что въ городѣ холера, и довольно сильно забираетъ. Софья Николавна этого не слыхала, но Борисъ подумалъ, что скорѣй-бы уѣхать, сказалъ даже Ѳедору Петровичу; но тотъ объявилъ, что дорожная карета еще не готова, а въ дилижансѣ онъ ихъ не пуститъ.

Вернувшись съ прогулки, Софья Николавна читала Борису, потомъ положила книгу и начала его какъ-то особенно горячо ласкать.

— Отчего это, Боря, говорила она, чудится мнѣ, что для насъ уже невозможна та жизнь, о которой мы мечтали такъ недавно въ Липкахъ?...

— Не знаю, отвѣчалъ тихо Борисъ.

— И страхъ какой-то нападаетъ на меня Боря... точно

будто мы съ тобой живемъ теперь до сроку... а вотъ скоро-скоро настанетъ день—и все кончено.

И все въ такомъ тонѣ говорила она; а потомъ перешла къ шумной веселости, смѣялась, рассказывала ему разные исторіи изъ своего дѣтства, дѣлала планы на будущее лѣто: какъ они поѣдутъ за границу и возьмутъ непременно Мионовну и какъ Боря будетъ со временемъ извѣстнымъ писателемъ, а она беззубой старухой, станетъ читать его повѣсти и восхищаться...

Прощаясь, она крѣпко прижалась къ нему; потомъ перекрестила и нѣсколько разъ прошептала:

— Живи и будь счастливъ, слышишь, ну, Господь съ тобой.

Онъ долго не могъ уйти отъ нея.

Ночью его разбудили. Софья Николаевна заболѣла. У ней открылась холера. Черезъ два дня ея не стало. Борисъ былъ какъ безумный. Онъ ничего не понималъ, что вокругъ него дѣлается. Что-то жгучее, тяжелое, какъ камень, стояло у него въ груди; голова горѣла и точно хотѣла лопнуть. Предъ глазами носился образъ Софьи Николаевны, слышались ему слова ея, и все это утопало въ какомъ-то хаосѣ страданія, невыносимой тоски. Слезъ не было.

Его не пускали къ умирающей. Среди предсмертныхъ мукъ, она звала его къ себѣ, просила беречь, спасти отъ смерти, если онъ заболѣетъ такъ же, какъ она. Федоръ Петровичъ и докторъ, оба плакали глядя на нее. Мионовна слегла. Она утѣшена была тѣмъ, что Софья Николаевна причастилась. Какъ полонъ былъ взглядъ умирающей горячей мольбы объ искупленіи... и какъ трогательно просила она хоѣ на одинъ мигъ взглянуть на своего Бориса.

Тутъ, въ когтяхъ смерти, сказалось еще разъ ея страстная, глубокая, всеобъемлющая любовь къ милому мальчику...

Эдуардъ Ивановичъ боялся за состояніе Бориса, и не напрасно. За день до похоронъ, съ нимъ сдѣлалась нервная горячка. Въ дикомъ, большомъ домѣ лежалъ онъ безъ сознанія, одинъ обитатель этого убѣжища тишины и смерти. Онъ былъ очель плохъ. Лапкинъ совсѣмъ переселился въ дикій домъ. Мионовна опять поднялась, чтобъ ходить за своимъ

питомцемъ. Воротились Горшковъ и Абласовъ, и поочередно сидѣли у кровати больного Горшковъ, какъ въ первый разъ пришелъ, такъ и зарыдалъ.. Мать его, Анна Ивановна захотѣла непременно ходить за Борисомъ, и также совсѣмъ поселилась въ домъ Телепневыхъ

И не вѣрилось юношамъ, сидѣвшимъ у кровати больного товарища, что дѣйствительно въ этомъ самомъ домѣ начиналась веселая, молодая жизнь... Софья Николаевна промелькнула, какъ свѣтлая звѣзда и ихъ озарила немножко, а Бориса только затѣмъ осчастливила, чтобъ оставить его на перепуты, съ тоской, безъ цѣли и помощи, бросить его опять въ такую жизнь, которая была-бы еще тяжелѣе, чѣмъ его отрочество и юность до смерти отца...

И еслибъ бабенка Челагея Сергѣевна явилась вдругъ, какое чувство заговорило-бы въ ней? Стала-ли бы она радоваться смерти ненавистой ей женщины, стала-ли бы радоваться страданіямъ своего внука, которому она пророчила, на прощаньи, „*тыти престяци*“ Пророчество ея почти сбывалось, и сама она точно невидимо ходила по пустымъ комнатамъ дикаго дома и призывала смерть на новую, безвинную жертву

Жутко было всѣмъ, кто ходилъ за Борисомъ; а его спасала горячка отъ сознанія своей молодой, но непримиримой муки..

LIV

Въ послѣднихъ числахъ августа, въ самый полдень, пара сѣрыхъ спускала подъ гору, на ярмарочный мостъ, небольшую коляску, на плоскихъ рессорахъ. На козлахъ, возлѣ кучера, въ гимназической шинели и бѣлой фуражкѣ, сидѣлъ Абласовъ. Въ коляскѣ помѣщались Горшковъ, бочкомъ, въ коричневомъ пальто, и Борисъ, закутанный въ теплую шинель. Его трудно было узнать. Глаза впали, щеки, опустились, волосы были плотно острижены. Усталый взглядъ его

почти неподвижно былъ устремленъ на одну точку. Все, что мимо шло и ѣхало не развлекало его. Коляска обогнула нѣсколько рядовъ. Много криковъ слышалось съ разныхъ сторонъ, громъ желѣза смѣшивался съ скрипомъ воевъ; пыль, стукъ, суетня! Купцы въ сибиркахъ, татары, персіяне, казаки съ нагайками, все это пестрѣло въ глазахъ.

— Много жизни! сказалъ Горшковъ Борису...

— Да, глухо отвѣтилъ тотъ; но меня это утомляетъ; мнѣ этотъ шумъ противенъ... пошелъ скорѣе, Теофанъ! крикнулъ онъ кучеру...

„А чтобы было у меня, на душѣ, думалъ онъ, пока сѣрые катили коляску по пыльнымъ рядамъ, еслибъ тутъ, около меня, сидѣла она, моя радость... Какъ бы хорошо мнѣ все казалось.. а теперь...“ И невольная слеза скатилась по молодому, исхудалому лицу.

— Баринъ, подай копѣечку, запищалъ вдругъ босоногій мальчишка, догоняя коляску.

— Стой, крикнулъ Борисъ и началъ доставать кошелекъ.

— Сколько ихъ здѣсь шляется... промышленность открыли, проговорилъ съ козелъ Абласовъ.

Борисъ взглянулъ на него съ укоризною, и, подумалъ, подавая нищему гривенникъ: „она любила подавать бѣднымъ... и Маша тоже.“

Проѣхали ряды; потянулись заборы, склады и сараи. Не разъ дорогу загораживали возы съ товаромъ. Татарскіе поденщики то и дѣло сновали въ своихъ безконечныхъ рубашкахъ и сѣрыхъ колпакахъ. У пристани коляска остановилась.

Бориса встрѣтилъ Лапинъ, Мироновна и Яковъ.

— Билетъ вамъ взять, проговорилъ Оедоръ Петровичъ, въ первомъ классѣ.. Каюта славная, я ходилъ... Ну, на счетъ людей и лошадей не беспокойтесь; все это, батюшка, будетъ у васъ черезъ недѣлю.

— Благодарю васъ, Оедоръ Петровичъ, сказалъ Борисъ, пожимая ему руку, вы добры какъ ангелъ...

— Ну, полноте, прервалъ его Лапинъ и чуть-чуть не прослезился; вотъ со старухой-то проститесь...

Борисъ обнялъ Мироновну.

— Отъ чего ты не ѣдешь со мной, няня? говорилъ онъ ей взволнованнымъ голосомъ... Тебѣ вѣдь скучно будетъ...

— Нѣтъ, голубчикъ, отвѣчала она тихо, утирая платкомъ слезу съ своего старческаго лица, я здѣсь жила, здѣсь и умру... Мое мѣсто тамъ, на могилахъ... И она показала рукой на городъ... Христосъ съ тобой... Мнѣ хорошо будетъ... зимой на побывку пріѣдешь... вотъ и увидимся...

— Молись за нихъ, прошепталъ Борисъ и, удерживая рыданія, еще разъ поцѣловалъ Мироновну. Прощай, прощай... Жди меня!

Раздался свистокъ. Пассажиры взошли на палубу. Было довольно много народу. Какая-то толстая барыня съ очень простымъ лицомъ сидѣла подъ зонтикомъ и безпрестанно обращалась къ двумъ мальчикамъ въ бархатныхъ фуражкахъ, должно быть сыновьямъ ея, на французскомъ языкѣ:

— N'approchez pas, кричала она имъ, когда они подходили къ борту...

Нѣсколько купцовъ, лѣсной офицеръ и какой-то толстый помѣщикъ въ славянофильскомъ нарядѣ стояли кучей и разсуждали о томъ, какъ пойдетъ пароходъ.

А пароходъ „Луна“ шипѣлъ и выпускалъ паръ. Раздался второй свистокъ. Капитанъ, дюжій штурманъ, съ бородой и въ гуттаперчевомъ пальто закричалъ машинисту: впередъ... Колеса зашумѣли... Канаты были опущены... пароходъ двинулся. Борисъ стоялъ у борта и перекидывался словами съ Лапинымъ и няней. Они махали ему платками и въ десятый разъ кричали: прощайте! прощайте, голубчикъ!

Пароходъ повернулъ, прибавилъ ходу, обогнулъ мысъ и пошелъ внизъ по рѣкѣ, пыхтя и взбивая пѣну на тихой водѣ. Высоко на горѣ красовался городъ, съ кремлемъ, башнями и колокольнями. Яркими лучами окрашены были и облака и вода и бѣлыя стѣны кремля, и пестрая вереница домовъ вдоль набережной...

— Посмотри, какъ хорошо... Боря, проснись!... крикнулъ Горшковъ.

Но Борисъ не поднималъ головы. Этотъ отъѣздъ, этотъ пароходъ, это начало новой жизни, погрузило его въ надрывающую сердце думу... „Боже, говорилъ онъ, какое ужасное

паказаніе!.. Почему-же я не умеръ! За чѣмъ онъ обѣ по-
гибли за меня?... И куда я ѣду?... Что сулитъ мнѣ эта
жизнь!.. Тоску и одиночество!.. За одинъ мигъ радости!“

Дико, съ какой-то злобой осмотрѣлся онъ и закрылъ гла-
за. Онъ хотѣлъ плакать и не могъ

— Одинъ, совсѣмъ одинъ! шепталъ онъ, судорожно вздра-
гивая..

А солнце играло въ пѣнистой ряби парохода, раздавались
веселые голоса, зеленые берега улыбались и все тянули вдаль,
на новыя мѣста.

Конецъ второй книги.

ВЪ ПУТЬ-ДОРОГУ!..

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ КНИГАХЪ.

СОЧИНЕНИЕ

Н. Д. Боборыкина.

Томъ II.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіяхъ Внутренней Стражи и Э. Аригольда.

1861.

Дозволено ценсурою, 6-го сентября 1864 года.

КНИГА ТРЕТЯ.

ВЪ ПУТЬ-ДОРОГУ!...

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

По длинной дамбѣ, которая вела отъ Волги къ городу К., мимо адмиралтейской слободы, тащилось нѣсколько извозничьихъ дрожекъ. Передъ тѣмъ только что присталъ пароходъ, часть пассажировъ слѣзла и отправлялась въ городъ. Бѣлая долгоногая кляча везла просторную и довольно ободранную пролетку. На этой пролеткѣ, кромѣ извозчика въ полиняломъ нанковомъ зипунишкѣ, помѣщались наши знакомцы-гимназисты. Горшковъ сидѣлъ на колѣняхъ у своихъ товарищей и поминутно повертывалъ голову то вправо, то влѣво. Онъ былъ полонъ впечатлѣніями поѣздки на пароходѣ и продолжалъ увѣрять своихъ товарищей, что лѣсной офицеръ, вѣхавшій съ ними до города Чебоксаръ, — большая скотина, и нужно его непременно побить за то, что онъ осмѣлился студентовъ называть мальчишками. Абласовъ, по обыкновенію, больше отмалчивался; Телепневъ отвѣчалъ отрывисто на болтовню Горшкова. Дорога немного оживила его. На щекахъ проступалъ румянецъ, глаза не смотрѣли такъ неподвижно, молодость брала свое.

— А что это, братецъ, за штука торчитъ тамъ, на полѣ? крикнулъ Горшковъ извозчику, ткнувши пальцемъ въ лѣвую

сторону отъ дороги, гдѣ посреди болотистаго луга возвышалась какая-то усѣченная пирамида.

— А тутъ кости лежатъ, отвѣчалъ словоохотливо извозчикъ; когда значить городъ у татарвы брали, такъ на этомъ самомъ мѣстѣ большое страженіе было.

— И много костей? спросилъ Горшковъ.

— Нешто, цѣла куча будетъ, тамъ и панафиды служатъ каждый годъ.

По этому поводу Горшковъ пустился съ извозчикомъ въ довольно долгое разсужденіе о томъ, сколько могло быть побито русскихъ и сколько татаръ; вслѣдствіе чего, они протацились вдвое дольше чѣмъ слѣдовало. Абласовъ не задавалъ почти никакихъ вопросовъ извозчику. Онъ ограничивался только разсматриваніемъ мѣстности, а Телепневъ и того не дѣлалъ, онъ былъ еще слишкомъ погруженъ въ самого себя, чтобы отдаться впечатлѣніямъ новой обстановки. По правдѣ сказать, для глаза мало было занятнаго. Впереди тянулось шоссе, направо и налево кочковатое поле, съ кой-какими постройками. Склады дровъ, бревенъ, амбары, грязные заводы, кой-какая незавидная зелень,—вотъ и все, что представлялось туристу, по близости; а вдали виднѣлся городъ, правда довольно пестрый и обширный, но все-таки городъ, какъ и всѣ города на Руси. Прежде всего бросались въ глаза бѣлыя стѣны Кремля и очень высокій шпиль какой-то колокольни. Но даже любознательный и наивный Горшковъ нашелъ, что все это гораздо хуже, чѣмъ видъ съ Волги на кремль ихъ роднаго города. Стали подъѣзжать къ городу; пошли дома, какіе обыкновенно бываютъ въ слободахъ: вотъ и аптека попала въ деревянненькомъ домѣ, часть съ пожарнымъ сараемъ, сады пошли, вправо показалась деревянная мечеть и нѣсколько чумазныхъ татарчатъ выбѣжало на дамбу въ долгополыхъ рубашкахъ.

— Саликамъ-сала, крикнуть имъ Горшковъ.

— Берегись, пострѣлята! гаркнулъ извозчикъ.

— А умѣешь ты говорить по татарски? спросилъ его Горшковъ.

— Нѣтъ, баринъ, не умѣю, я не здѣшній, я саратовской.

Слѣва показался на пригоркѣ монастырь, окруженный

рѣдкой липовой рощицей. Былъ часъ шестой и засыпающее солнце бросало лучи на его бѣлую ограду.

— Что за монастырь? спросилъ Горшковъ.

— Зилантьевъ, отвѣтилъ извозчикъ. Монахи-то все штрафные тутъ живутъ, такіе дѣла дѣлаютъ, что и—и!...

Миновали заставу. Открылась длинная улица, съ которой скоро повернули наверхъ, въ гору, гдѣ стояла на Поломной улицѣ гостинница Одесса. Туда ѣхали наши юноши и туда же долженъ былъ явиться съ вещами Яковъ. Онъ тащился сади на ломовикъ-татаринъ, и отсталъ отъ господъ версты на двѣ.

II.

О чемъ думали юноши, приближаясь къ мѣсту, гдѣ готовилась для нихъ новая жизнь? Телепневъ, конечно, больше принадлежалъ прошедшему. Его потери были еще слишкомъ живы, силы не поднялись еще въ молодомъ тѣлѣ, энергія была на время парализована. И въ самомъ дѣлѣ, преддверіе его юношеской жизни потребовало слишкомъ много тратъ. Все, что пришло бы ему на мысль и одушевило бы его въ нормальномъ положеніи, теперь вовсе не приходило. Онъ представлялъ собой страдательное лицо. Впереди виднѣлась ему только одна формальная цѣль — поступить въ университетъ. Въ головѣ Абласова было все очень здраво и просто. Онъ не предавался никакимъ мечтаніямъ. Онъ не только инстинктомъ, но и яснымъ пониманіемъ сознавалъ, что съ поѣмной обстановки останется суть жизни. Въ немъ рѣшительно не было того дѣтскаго вздору и фразистой задорливости въ мысляхъ, съ которыми двѣ трети юношей надѣвали синій воротникъ. Просвѣтлѣнія своего умственного горизонта онъ ожидалъ какъ вещи возможной, но опять-таки не такой, которая бы возродила его къ какой-нибудь новой отрадной жизни. Онъ инстинктомъ чувствовалъ, что это умственное развитіе

повлечетъ за собою и другія обязанности, да главное не будетъ времени достигъ этого развитія какъ бы хотѣлось, а придется пробивать себѣ дорогу ремесломъ. Не весело подобнымъ юношамъ.

А вотъ добродушный нашъ Горшковъ мыслилъ совсѣмъ иначе. Ему совсѣмъ не нужно было ни задавать вопросовъ, ни отвѣчать на нихъ. Онъ бралъ жизнь объективно, такъ какъ она есть. Ъхалъ онъ въ городъ К., значить нужно было ѡхотѣ въ К. и жить тамъ, какъ поживется, все обглядѣть, повсюду выходить, посмѣяться надъ разными дураками, подразнить барынь, подыскать какого-нибудь *лутика* и обучать его музыкальному искусству .. а тамъ, что Богъ дастъ; мысли придутъ хорошіе, займется оркестровкой, вокальной музыкой, тамъ глядишь—и обь оперѣ начнетъ думать. . А кругомъ все товарищи, свои люди: добрый и мягкой Телепневъ, съ которымъ такъ легко живется, молчаливый и мудрѣйшій Абласовъ, да мало-ли еще встрѣтится народу свѣжаго, веселаго, курьезнаго!. Университетъ будетъ между дѣломъ, какъ отдыхъ, а не какъ занятіе, можно будетъ повозиться и съ выкладками, взглянуть, что за штука такая дифференціалы и интегралы, какая-токая вещь небесная механика и такъ ли уродливо и смѣшно добываютъ тамъ водородъ, какъ это дѣлывалъ въ 6-мъ классѣ Ардальонъ Захарычъ Самородскій. Больше, право, ничего не было въ душѣ наивнаго артиста. Вѣдь онъ былъ совершенное дитя, и на-вѣкъ остался имъ. И никакіе глубокіе продукты его дарованія не нарушили никогда простодушной объективности его взгляда на жизнь.

Вотъ съ какимъ настроеніемъ подъѣзжали наши друзья къ гостинницѣ Одесса. И съ разныхъ концовъ стремились, въ этотъ день и въ предшествовавшіе, много молодыхъ головъ, провидя одну пристань—высшую школу, внушительный храмъ науки. Въ большую идеализацію впали бы мы, еслибъ приписали всѣмъ, стремящимся въ университетъ, горячую жажду знанія. Столько же было въ многолюдномъ обществѣ этихъ гимназистовъ и частныхъ юношей житейскаго расчѣта, пустоты, и самой разнокалиберной, но глубокой неподготовленности къ какому-либо труду, какъ оно случается въ каждомъ людскомъ обществѣ. Вотъ тутъ-то бы, въ преддверіи универ-

ситета, на вступительныхъ экзаменахъ, въ коридорахъ и на улицахъ открыть бы сердцеѣдцу свою обсерваторію и повѣдать намъ: на комъ изъ этихъ питомцевъ просвѣщенія должны покоиться надежды общества. Легко, ужасно легко пройти мимо лучшихъ натуръ и не подмѣтить въ нихъ присутствія могучей силы!... Но не трудно отдаться и внѣшности и подъ впечатлѣніемъ шума, треска, разгула и всякихъ татарскихъ проявленій выдумать небывалыя силы и проглядѣть подъ этой шумихой всю массу вздора, дилетантства, полуневѣжества, кичливости, которые разнесутъ по всѣмъ концамъ своей родины десятки и сотни привилегированныхъ недоумковъ.

Но на комъ тяготитъ судъ, на жертвахъ или на источникѣ жертвъ? Не забудемъ одного, что въ тотъ годъ, когда мы пріѣхали съ друзьями напими въ городъ К. и нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ и послѣ того, свободный ходъ къ свѣтилицу науки привалили тяжелымъ камнемъ. Комплектъ роковой цифрой врѣзался въ душу всякаго мальчика мечтавшаго быть студентомъ. И каковы бы ни были эти мальчики каковы бы ни были ихъ побужденія, честь имъ и слава за то, что они прибѣжали въ опальное мѣсто и остались вѣрны своей, хотя и дѣтской мечтѣ.

III.

Наши пріатели заняли довольно большой номеръ и въ тотъ же вечеръ, переодѣвшись, отправились гулять по городу. Впереди разумѣется, шествовалъ Горшковъ, громко крича и размахивая руками. Съ той улицы, гдѣ стояла гостинница, они начали подниматься въ гору мимо лавокъ и вышли на главную улицу, всю обставленную каменными домами. Мостовая на ней была сплошь торцовая.

Эка роскошь, господа, вскрикнулъ Горшковъ, — тутъ хоть вензеля ногами выдѣлывай! Глянъ-ко, господа, вправо да влево—перспектива просто!

А улица дѣйствительно была красива; только на томъ углу, гдѣ стояли наши юнны, возвышалось очень большое зданіе, чуть не трехъ-этажное и все обгорѣлое. По всему видно было, что это казенное зданіе и его не собрались обновить съ самаго времени огромныхъ пожаровъ, опустошившихъ городъ К. Въ лѣвую сторону улица вела къ Кремлю, въ правую—длинный хвостъ ея терялся и оканчивался небольшою площадкой.

Наши пріятели пошли было по тротуару, но тотчасъ же убѣдились, что гораздо удобнѣе ходить по срединѣ улицы: тротуаръ былъ изъ булыжника и нестерпимо обдиралъ ноги а мостовая была гладкая, какъ полъ. Имъ попалось нѣсколько обывателей, занимающихся, видимо, вечерней прогулкой,—все безъ исключенія шли по срединѣ улицы, а не по тротуару.

— Студентъ, шепнулъ Горшковъ, и рукой остановилъ товарищей.

Абласовъ и Телепневъ оглянулись. На встрѣчу имъ шелъ приземистый, коренастый студентъ съ угреватымъ и краснымъ лицомъ и совершенно бѣлыми волосами. Къ головѣ его была приплюснута фуражка, заломленная на ухо, глянцевиная какъ блинъ, съ околышемъ уже не голубаго, а какого-то зеленовато-сѣраго цвѣта. На плечахъ его чуть держалась коротенькая шинелишка съ крошечнымъ капишономъ.

— Хочешь заговорю съ нимъ? спросилъ Горшковъ Абласова.

— Полно, братъ, что за шутовство!

— А вотъ сей-часъ же заговорю. И Горшковъ подскочилъ къ студенту, загородивши ему совершенно дорогу.

— А позвольте васъ спросить, заговорилъ онъ, пріятно улыбаясь, какъ пройти въ университетъ?

Студентъ сперва оглянулъ его съ ногъ до головы, потомъ крикнулъ и отвѣчалъ съ передышкой, напирая какъ-то особенно на букву о:

— Пойдете прямо по улицѣ, въ концѣ и будетъ университетъ.

Горшковъ разшаркался на мостовой.

— А вы поступающіе, что-ли? спросилъ студентъ, почему-то поморщившись.

— Да-съ, сегодня только прїѣхали, отвѣтилъ, Горшковъ въ полной радости, что завязалась бесѣда.

— А изъ какихъ мѣстъ? спросилъ студентъ, сурово глядя на юношу.

— Изъ Верхнегородской гимназіи, отвѣтилъ любезнѣйшимъ голосомъ Горшковъ.

— Гдѣ стоите?

— Въ Одессѣ.

— Дорого тамъ, а впрочемъ для прїѣзжихъ ничего Вы переберитесь-ка сюда, на Преображенскую улицу Вонъ, видите, угольный-то домъ напротивъ-то, что вонъ дуракъ портной Мельниковъ сажеными буквами вывѣску написалъ; тутъ номера есть студенческіе, — Чекчурина казарма называется, такъ вы вотъ тутъ поселяйтесь.

— Постараемся, проговорилъ Горшковъ, поддѣлываясь къ студенту.

— Прощайте, господа! пробасилъ еще суровѣ студентъ, и сдѣлавъ два шага остановился и какимъ-то инспекторскимъ тономъ спросилъ:—А въ какомъ номерѣ стоите?...

— Въ двадцать-третьемъ, поспѣшилъ отвѣтить Горшковъ, подымая очень высоко фуражку. А студентъ направился вдоль по улицѣ къ кремлю, переваливаясь по-медвѣжьи. Рукава его шинельки раздувались; а масляный блинъ, покрывавшій его голову, лоснился даже въ сумеркахъ.

— Ну, что, Абласовъ, грибокъ съѣлъ! Ты думалъ, что я и не заговорю съ студентомъ.

— Да ужъ тебя на всякую комедію станеть.

-- А какъ онъ тебѣ понравился, Боря, крикнулъ Горшковъ, Телепневу, который шелъ немножко поодаль и мало глядѣлъ по сторонамъ.

Телепневъ улыбнулся.

— Студентъ, какъ студентъ, отвѣтилъ онъ.

— Не первой молодости, проговорилъ Абласовъ.

— Да, старый студентъ; видно, что прошелъ огонь и воду, крикнулъ Горшковъ, и зашагалъ опять фертномъ по улицѣ, осматривая каждый домъ и вывѣску.

Дома были все каменные двухъ-этажные, чище и франтоватѣе глядѣли они, чѣмъ обыкновенныя обывательскія строе-

нія въ губернскомъ городѣ. Нижніе этажи, были почти сплошь заняты магазинами. Вотъ какой-то: „Gain, coiffeur de Paris,“ вотъ нѣмецкая виноторговля съ продажей лучшихъ водокъ, трактиръ „Китай“ купца Чернопузова, кондитерская. Горшкову очень захотѣлось зайти, но онъ удержался. Потомъ красная вывѣска: Deutsches Wirthshaus.

— Эхъ, сколько здѣсь нѣмецкихъ заведеній! крикнулъ онъ товарищамъ.

Дальше попались двѣ книжные лавки, дагеротипъ, какой-то барскій домъ съ фонариками и разноцвѣтнымъ лакеемъ на крыльцѣ, а противъ него трехъ-этажное зданіе—кирпично-краснаго цвѣта.

— Ужъ не это ли университетъ? крикнулъ Горшковъ.

—Вѣдь тебѣ сказали, что въ концѣ улицы, отвѣтилъ ему Абласовъ.

— А и то правда, отвѣтилъ онъ, и пошелъ снова шагать.

Вотъ показался направо длинный, желтый казенный домъ, съ вывѣской: градская полиція. Надъ крышей поднималась каланча, а внизу были пожарные сараи. Налѣво, противъ полиціи, стояла церковь въ трехъ экземплярахъ: одна зимняя, другая лѣтняя, а третья какая-то полинялая и маленькая. Прошли еще перекрестокъ. Справа опять показались казенные дома.

— Вотъ это такъ университетъ, крикнулъ Горшковъ, увлекая за собой товарищей. Завернемте, братцы, вотъ на площадку эту, оттуда будетъ видъ лучше.

Они дошли до конца улицы, гдѣ открывалась небольшая площадка, и остановившись, начали обозрѣвать зданіе университета.

Университетъ былъ двухъ-этажный, и показался бы гораздо красивѣе, еслибъ стоялъ на открытомъ мѣстѣ, а не былъ бы припертъ къ самому концу улицы. Три портика съ колоннами отымали у него казенный характеръ. Надъ среднимъ портикомъ, виднѣлся золотой крестъ, а надпись массивными буквами значила: Императорскій Университетъ. Долго смотрѣли наши юноши на храмъ наукъ, и онъ произвелъ на нихъ, кажется, довольно пріятное впечатлѣніе.

— Экъ его вытянуло! проговорилъ Горшковъ. А ниже нашей гимназіи будетъ, только почище маленько.

— Да, почище, подтвердилъ Абласовъ.

— А ты, Боря, какимъ воображалъ себѣ университетъ? спросилъ Горшковъ.

— Да я объ домѣ совсѣмъ и не думалъ, отвѣтилъ Телепневъ.

А мнѣ такъ, знаете, братцы, университетъ въ другомъ вкусѣ представлялся, въ какомъ-то готическомъ.

— Хватилъ, промолвилъ съ улыбкой Абласовъ.

— Ну, да и этотъ не дурень, греческій видъ имѣеть. А пойдемте-ка, братцы, къ подъѣзду, посмотримте антре; да кста-ти нужно спросить у кого-нибудь, въ которомъ часу ректоръ принимаетъ?

— А это, что за домъ? спросилъ Телепневъ, указывая на зданіе, которое стояло насупротивъ университета, по ту сторону площадки.

— Вывѣски нѣтъ, а внизу, вонъ посмотри—аптека. Должно быть университетское что нибудь.

— Вѣрно клиника, замѣтилъ Абласовъ.

Они перешли улицу и поднялись на ступени параднаго подъѣзда. Первый вошелъ Горшковъ. Было уже довольно темно, но можно было разглядѣть огромные сѣни, которые шли поперекъ всего зданія и оканчивались двумя парадными лѣстницами; потолокъ подпирался въ разныхъ мѣстахъ четвероугольными столбами со сводами. Въ нишахъ стояли поясные бюсты великихъ мужей, подъ бронзу, на довольно грязныхъ алебастровыхъ пьедесталахъ. Въ сѣняхъ царствовала совершенная пустота. Шаги вошедшихъ звонко отдались на чугунномъ полу.

— Вотъ швейцарская, сказалъ Горшковъ, указывая головой на небольшую дверку вправо.

Онъ подошелъ къ ней и постучалъ. Дверка отворилась и выглязла голова въ высокомъ картузѣ съ голубымъ околышемъ, а затѣмъ показались огромные бакенбарды.

— Чего вамъ нужно? спросилъ швейцаръ

Горшковъ вѣжливо съ нимъ раскланялся. Телепневъ и Абласовъ стояли нѣсколько поодаль и ближе ко входу

— Скажите пожалуйста, началъ Горшковъ чрезвычайно сладко, гдѣ живетъ ректоръ?

— А вотъ вы домъ-то прошли, угловой-то, что въ переулокъ выходитъ.

— А какъ его зовутъ?

— Швейцаръ взглянулъ на Горшкова отеческимъ взглядомъ.

— Вы изъ новичковъ, что ли?

Горшковъ нисколько этимъ не обидѣлся, но не счелъ нужнымъ отвѣчать, а только опять повторилъ вопросъ.

— Зовутъ Михалъ Ивановичъ.

— Онъ статскій или дѣйствительный статскій совѣтникъ? допрашивалъ Горшковъ.

Швейцаръ затруднился.

— Какой чинъ на немъ?

— Извѣстно, генералъ.

— Значить, штатскій генералъ, повторилъ Горшковъ и захохоталъ.

Швейцаръ такъ тряхнулъ головой, точно хотѣлъ обругать юнаго питомца просвѣщенія; но обругать не обругалъ, а скрылся въ свою конурку. Но Горшковъ этимъ не унялся, онъ опять стукнулъ въ стеклянную дверку швейцарской. Голова высунулась.

— Да чего вамъ нужно?

— Главнаго-то я тебя не спросилъ, любезный другъ, заговорилъ Горшковъ, подпирая себѣ руки въ бокъ: въ котормъ часу ректоръ-то принимаетъ?

— Почемъ я знаю, заворчалъ швейцаръ, видимо смущенный такою фамильярностью; подите туда спросите, тамъ есть сторожа.

— Да ты, дяденька, не сердчай, произнесъ Горшковъ, дѣлая гримасу: мы люди заѣзжіе, ты намъ толкомъ скажи.

Швейцаръ ухмыльнулся и милостиво отвѣчалъ:

— Ступайте завтра въ половинѣ одинадцатаго, въ самый разъ попадете, и за тѣмъ голова скрылась уже безвозвратно.

— Ну идемъ, больше толковать нечего, проговорилъ Абласовъ; тутъ видно служительство-то не лучше нашего гимназическаго.

— Да, не лучше Егоркиной команды, подхватилъ Горшковъ, и, бросивъ еще разъ взглядъ на бюсты знаменитыхъ людей, вышелъ съ товарищами на улицу.

Сумерки совсѣмъ уже сгустились. Лунный свѣтъ отражался на бѣлыхъ стѣнахъ университета и на золотыхъ крыльяхъ орла, повѣшеннаго надъ аптечной вывѣской. Стояла теплая, невозмутимая погода. Но наши заѣзжіе верхнегородцы впервые почувствовали какую-то влажность въ воздухѣ, что-то туманное и болотистое. Еще разъ остановились они на площадкѣ, прислушиваясь къ ночнымъ звукамъ города. Откуда-то неся отдаленный стукъ дрожекъ, собака гдѣ-то залаяла густымъ басомъ и брякнула цѣпью, долѣтали отрывистые фразы гуляющихъ. Потомъ вдругъ послышалось отдаленное хоровое пѣніе.

— Чу! какъ отхватываютъ! крикнулъ Горшковъ, кто бы это?

— Мастеровые должно быть, проговорилъ Телепневъ. А какую пѣсню поютъ, Валеріанъ?

Горшковъ прислушался съ видомъ, знатока, и даже почему-то снялъ фуражку.

— Поютъ „Ахъ Дунай, воды мой Дунай“..

Не успѣли они отойти нѣсколько шаговъ, какъ сзади ихъ загудѣлъ другой хоръ, составленный изъ мужскихъ и женскихъ голосовъ. Пѣніе происходило гдѣ-нибудь по близости, на университетскомъ дворѣ, или на той же площадкѣ, гдѣ они стояли.

— Что за оказія, крикнулъ Горшковъ, да здѣсь Венеція! Тутъ, видно, дѣвки хороводы водятъ! Это должно быть вонъ за угломъ, пойдете-ка, братцы, послушаемте!

И дѣйствительно, за угломъ того зданія, которое Абласовъ называлъ клинкой, стояла цѣлая толпа. Она составлялась изъ университетскихъ сторожей, водовозовъ, клиническихъ служителей, фельдшеровъ, прачекъ и кухарокъ. Но кромѣ участвующихъ въ пѣніи, зѣвющаго народа не было. Видно было, что такія вокальныя упражненія въ нравахъ города, и не обращаютъ на себя общественнаго вниманія.

— Каковы нравы-то! говорилъ Горшковъ, подходя къ тол-

пѣ, первобытная, братецъ, простота, и что за пѣснь такая прислушаемъ-ка, я ее не знаю...

А пѣли, дѣйствительно, какую-то курьозную пѣсню Горшкову удалось подхватить припѣвъ, начинавшійся словами:

„Ты скажи-ка, Расскажи-ка,
Сазанъ Тимофенчъ!
Ты скажи ка, Расскажи-ка
Про кувшинно рыло.“

— Восторгъ! крикнулъ Горшковъ. Вы только вслушайтесь, братцы, это просто первобытные времена!

Онъ не утерпѣлъ и обратился-таки съ распросами къ одному изъ участвующихъ въ пѣніи, курчавому и рябому фельдшеру, отъ котораго несло спермацетовой помадой. Фельдшеръ обстоятельно рассказалъ ему, что пѣніе происходитъ каждый вечеръ, когда хорошая погода, а пѣсня дѣйствительно такъ и называется: Сазанъ Тимофенчъ. Удовлетворившись этими объясненіями, Горшковъ объявилъ товарищамъ, что на первый разъ они осмотрѣли довольно и можно итти домой, чтобъ завтра пораньше проснуться и успѣть написать прошеніе ректору



IV

Заспанный Яковъ, встрѣтилъ въ номерѣ друзей нашихъ и помогъ имъ раздѣться.

— Ну, что жъ ты, братъ Яковъ, скажешь про татарскую столицу? спросилъ его Горшковъ, потягиваясь въ кровати.

— Да что, сударь, угрюмо отвѣчалъ неизмѣнный камердинеръ: городъ людной, да сразу не разглядишь; спички вотъ дешевы...

Больше онъ не выражалъ никакихъ сентенцій не только въ этотъ вечеръ, но во весь годъ, послѣдовавшій за этимъ вечеромъ.

Всѣ трое очень устали и сонъ скоро овладѣлъ ими. Только Горшковъ не могъ сразу уgomониться.

Онъ, засыпая, все-таки задалъ нѣсколько вопросовъ Абласову и Телепневу, которые помѣстились въ другой комнатѣ. Но каждый изъ нихъ заснулъ съ чувствомъ новаго мѣста, и съ тѣмъ пріятнымъ волненіемъ, какое испытываетъ всегда молодая натура, перевертывая новую страницу жизни. Ночная свѣжесть входила сквозь открытое окно и Телепневъ, закутавшись въ одѣяло, дышалъ легко, и ему не снились темныя картины прошлаго, а напротивъ, онъ летѣлъ по какому-то свѣтлomu, ярко-лиловому небу, и чѣмъ выше поднимался, тѣмъ ему становилось легче и легче дышать...

И спали юноши — добрымъ, крѣпительнымъ сномъ. И не одни были они въ эту минуту. Въ разныхъ уголкахъ города, по разнымъ квартиркамъ засыпали также новопріѣзжіе гимназистики, и всякому изъ нихъ, кто видѣлъ предъ собой двери университета, дышалось такъ хорошо, какъ потомъ не будетъ уже дышаться, при полученіи разныхъ дипломовъ и должностей.

Утромъ, часовъ въ семь, Яковъ разбудилъ Бориса. Телепневъ, проснувшись, еще въ первый разъ подумалъ о томъ, какъ ему поступить въ университетъ и на какой факультетъ. Его, безъ всякаго сомнѣнія, примутъ безъ экзамена, какой бы факультетъ онъ не выбралъ. Его потери и болѣзни совершенно перервали въ немъ нить желаній и замысловъ, которые онъ связывалъ съ мыслію объ университетѣ. И трудно ему было въ эту минуту собраться съ мыслями, такъ какъ хотѣлось...

Черезъ полчаса пріятели сидѣли за чаемъ и вели рѣчь о томъ, какъ писать прошеніе на имя ректора. Наконецъ, рѣшили, что писать будетъ Абласовъ, какъ обладатель каллиграфскаго почерка и какъ мудрецъ, знающій канцелярскія формы.

— По какому же ты хочешь? спросилъ Горюшковъ Телепнева, когда очередь дошла до него.

— Хотѣлъ по словесному, отвѣтилъ Борисъ, а теперь право все равно, да и мало знаю, — горячка всю память отняла.

— Ну такъ иди по юридическому, а то по камеральному; это говорятъ, братецъ, факультетъ — первый сортъ, всякую штуку показываютъ

Телепневъ призадумался немножко. Отъ словеснаго факультета онъ рѣшительно отказывался. Его неприготовленность предстала передъ нимъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Послѣ довольно долгаго раздумья, онъ сказалъ Абласову:

— Пиши прошеніе на камеральный. Я осмотрюсь, а тамъ послѣ увижу на чемъ можно будетъ остановиться.

— Разумѣется, Боря, крикнулъ Горшковъ, тебѣ отдохнуть нужно; мы съ тобой всѣ факультеты высмотримъ... Да за чѣмъ ты, братецъ, поступаешь въ студенты, шелъ бы со мной въ вольные.

— Нѣтъ, что за вольные, это тебѣ прилично — артисту, а я хочу настоящую службу нести.

— Хорошо дѣлаешь, проговорилъ Абласовъ, вывода своимъ каллиграфскимъ почеркомъ: *Его Превосходительству*. Это тебя втянетъ въ жизнь, и съ студентами больше сблизить.

Скоро всѣ три прошенія были готовы. Яковъ подалъ господамъ одѣться. Телепневъ не надѣлъ фрака, но въ сертукѣ былъ чрезвычайно представительнъ. Абласовъ натянулъ свой старый гимназическій мундиръ. Рукава доходили до локтей, въ такомъ же видѣ находились и фалдочки. Горшковъ, облекшись въ какую-то табачнаго цвѣта визитку, вертѣлся около Абласова, дергалъ его за фалдочки и хохоталъ.

— Ну, что Яковъ, кричалъ онъ, красивы мы? Можемъ явиться къ высшему начальству?

Яковъ только помоталъ головой, и въ первую минуту ничего не отвѣтилъ, а потомъ промычалъ:

— Какъ слѣдуетъ.

— Ну, братцы, продолжалъ говорить Горшковъ, кто же первый предстанетъ предъ генеральскую особу,—а?

— Да ужъ ты начинай, ты болтунъ, вымолвилъ Абласовъ.

— Да съ какихъ поръ вы меня въ депутаты произвели. Надо бы Борѣ отнаркаться, да ужъ такъ и быть, я для васъ это сдѣлаю, пойдѣмъ и съ генераломъ говорить!

Онъ надѣлъ на-бекрень фуражку и крикнулъ Якову:—отворяй двери.

— Взялъ ли всѣ бумаги, спросилъ Абласовъ Телепнева, а то, эта егоза такъ нашумить, что ничего и не сообразишь.

День былъ красный, солнечный, даже жаркій. Городъ показался нашимъ пріятелямъ красивѣе. Улица, гдѣ стояла Одесса, была полна народомъ. Множество лавокъ, крикъ, вѣзда, мелкія татарскіе торгаши, все это придавало городу бойкій, промышленный характеръ. Преображенская улица вся блестѣла, по гладкой торцовой мостовой, ровно и съ пріятнымъ звукомъ, катились экипажи. Наши верхнегородцы замѣтили, что въ городѣ К. преобладаютъ туземные фасоны экипажей, все какія-то линейки и долгушки Горшковъ расхохотался, когда мимо его проѣхали дроги съ сидѣньемъ по срединѣ. На одной сторонѣ этого сидѣнья помѣщалась дама, а на другой—противоположной, спиной къ ней, сидѣлъ лакей.

— Вотъ такъ экипажъ! крикнулъ Горшковъ: и дешево, и сердито. Равенство, братецъ, допускаетъ. Ай да татарское царство!

Вступивши на университетской дворъ, юноши почувствовали маленькое стѣсненіе. Инвалидъ, стоявшій у воротъ, указалъ имъ ходъ къ ректору Горшковъ сталъ первый подниматься по лѣстницѣ и очень бойко отворилъ дверь, которая, по добродушію туземныхъ нравовъ, была безъ колокольчика. Въ передней ихъ встрѣтилъ служитель съ голубымъ воротникомъ и преважный лакей въ казинетовомъ сюртукѣ.

— Что нужно? спросилъ сурово казинетовый лакей.

— Съ прошеніемъ къ ректору, отвѣтилъ съ большимъ достоинствомъ Горшковъ.

— Пожалуйте-съ, произнесъ служитель, толкнувъ одну половинку дверей въ залъ.

Юноши осторожно вошли въ залъ, а казинетовый сюртукъ отправился въ кабинетъ докладывать. Зала была обыкновенная; желтые стулья, ломберные столы. Борисъ вспомнилъ дикой домъ, увидавши въ углу точно такіе же растенія въ горшкахъ, какія онъ помнилъ съ пятилѣтняго возраста.

— Посмотрите-ка, братцы, шепнулъ Горшковъ, на стѣнахъ-то тѣ же самые великіе люди висятъ, какъ и у Іонки въ залъ, ну какъ ректоръ такое же животное?

Въ кабинетѣ слышался шумъ отодвинутаго кресла, а за тѣмъ въ дверяхъ появился казинетовой сюртукъ, и указа-

тельными перстомъ передалъ имъ позволеніе явиться къ особѣ его превосходительства.

Предводимые Горшковымъ, юноши вошли въ кабинетъ. Передъ ними стоялъ штатскій генераль, небольшого роста, пузатый и ужасно похожій на инспектора, Егора Пантелѣича. Эта мысль молніей пронеслась въ головѣ Горшкова и онъ чуть-чуть не прыснулъ, а Телепневъ и Абласовъ едва замѣтно улыбнулись. И одѣтъ-то ректоръ былъ точно Егоръ Пантелѣичъ на *мѣтнемъ положеніи*; только звѣзда свидѣтельствовала о его генеральствѣ. Сходство ректора съ Егоромъ Пантелѣичемъ придадо нашимъ гимназистамъ очень много бодрости, они очутились опять въ своей прежней сферѣ. Горшковъ подошелъ къ нему, подалъ свои бумаги и шаркался.

— Изъ какой гимназіи? спросилъ ректоръ, и точно свиснулъ.

— Мы всѣ изъ верхнегородской, отвѣтилъ съ развязностію Горшковъ и, взглянувъ на звѣзду, прибавилъ: ваше превосходительство!

Ректоръ пріятно сжалъ губы и опять свиснулъ. Абласовъ и Телепневъ подали ему также свои бумаги. Ректоръ отошелъ къ столу и началъ ихъ разсматривать.

Горшковъ внимательно за нимъ слѣдилъ и шепнулъ товарищамъ:—Плохо братцы, не приметъ, все посвистываетъ.

Довольно долго копался ректоръ, потомъ написалъ что-то на каждой просьбѣ и возвратилъ ихъ подателямъ.

— Аттестаты ваши, проговорилъ онъ съ тѣмъ же посвистываньемъ, даютъ вамъ право на поступленіе безъ экзамена. Вы, обратился онъ къ Телепневу, желаете на камеральный. Если попадете въ комплектъ, то поступите, а вы, отнесся онъ къ Абласову, можете поступить во всякомъ случаѣ, ибо на медицинскомъ факультетѣ комплекта нѣтъ. Отправьтесь, господа, къ г. синдику. Вы его найдете въ правленіи университета и отдадите ему ваши бумаги. А за симъ вы явитесь къ инспектору студентовъ, онъ живетъ тамъ же, гдѣ и правленіе, только въ нижнемъ этажѣ.

Проговоривши все это, ректоръ, на поклонъ юношей, подался всѣмъ корпусомъ и откинулъ свою ножку назадъ, въ

родѣ того, какъ кланяются благовоспитанные мальчики въ синихъ курточкахъ. Тѣмъ сцена и покончилась. Наши пріятели отправились въ университетъ и вошли въ него боковымъ входомъ со двора. За ректорскимъ домомъ помѣщалась обсерваторія, и самый университетскій дворъ былъ очень обширенъ. Горшковъ убѣдилъ товарищей сперва взглянуть на него, а потомъ идти къ синдикъ. По срединѣ двора стоялъ памятникъ, изображающій поэта въ тогѣ и съ лирою въ рукахъ.

— Не великую ему честь сдѣлали, вскричалъ Горшковъ, чуть не на задній дворъ отправили! Ну, а это что, Абласовъ? указалъ онъ на круглое зданіе съ куполомъ, стоявшее позади памятника за садикомъ и соединенное арками съ двумя двухъ-этажными домами особой ученой постройки.

— Это, должно быть, анатомическій театръ, проговорилъ Абласовъ.

— Гдѣ ты, любезный другъ, будешь мертвечину рѣзать.

Телепневъ постоялъ передъ памятникомъ, и весь видъ университетскаго двора показался ему очень оригинальнымъ точно будто нарочно и монументъ поэту, и зданіе, гдѣ разрабатывается наука, были загнаны на дворъ; точно будто ихъ держали въ черномъ тѣлѣ и не пускали даже скрасить будничную и казенную обстановку губернскаго города.

— Пойдемте, вотъ прямо, крикнулъ Горшковъ. Видите дверь, она видно въ сѣни выходитъ, гдѣ мы вчера были.

И всѣ трое зашагали по длинному двору, вымощенному мелкимъ булыжникомъ. Дверь указанная Горшковымъ, дѣйствительно привела въ сѣни, гдѣ они были наканунѣ; но въ правленіе оттуда нельзя было попасть прямо. Швейцаръ указалъ имъ на дверь въ боку, черезъ которую они вступили въ длинный, узкій и темнѣйшій корридоръ. Онъ имъ напомнилъ нижній корридоръ ихъ гимназій, гдѣ происходили всѣ тайныя школьныя дѣла. Пройдя этотъ корридоръ, они вышли на маленькую площадку съ однимъ окномъ. Направо дверь съ надписью: *Инспекторъ студентовъ*; налѣво двое дверей: одни въ студенческую шинельную, другія на лѣстницу въ аудиторіи.

Горшковъ сдѣлалъ рожу, взглянувши на инспекторскія две-

ри. Вотъ оно, подумалъ онъ, ближайшее-то начальство! но тотчасъ же сообразивши себѣ, что онъ вольнослушатель, тряхнулъ небрежно головой. Въ углу, на лавкѣ, у окна сидѣлъ сторожъ. По наружности онъ былъ весьма невзраченъ: рожа красная, носъ картофелиной, изобличающій употребленіе спиртуозовъ, вѣчно небритый подбородокъ, слѣды табу и плотно стриженные волосы съ просѣдью. Горшковъ очень бойко спросилъ его: куда пройти въ правленіе? Сторожъ посмотрѣлъ на него, какъ на новичка, и прежде нежели отвѣчать на вопросъ, сталъ самъ задавать ему вопросы: откуда онъ и когда пріѣхалъ, и куда поступаетъ. Къ бесѣдѣ присоединились Абласовъ и Теленевъ, и черезъ пять минутъ узнали, что сей невзрачный сторожъ лице не малое, что онъ состоитъ при инспекторѣ разсылнымъ и швейцаромъ, что отъ него исходятъ призыванія къ суду и расправѣ, что онъ есть вѣстникъ злыхъ и радостей, ибо черезъ него проходятъ все письма, посылки и деньги студентамъ. Узнали они также, что зовутъ его Дементьевъ или по-студенчески Демка. Онъ-то и былъ настоящій университетскій швейцаръ, не смотря на то, что онъ носилъ только названіе разсылнаго. Демка имъ разсказалъ, какъ пройти въ правленіе, какъ зовутъ синдика и объявилъ имъ, чтобы они не мѣшкали въ правленіи, ибо-де Федоръ Ивановичъ, инспекторъ, поѣдетъ къ попечителю, а явится имъ слѣдуетъ сейчасъ же, такой ужъ порядокъ.

Полѣзли они наврѣхъ. На первой площадкѣ они увидѣли стеклянную дверь съ надписью: аудиторіи,—и все трое подлюбопытствовали заглянуть. Прямо стояли большіе часы, немножко подальше, за дверью, большая черная доска съ надписью: объявленія инспектора студентовъ. Вѣшалка и три фізіономіи сторожей составляли всю обстановку. Одинъ изъ нихъ стоялъ у дверей и держался за ручку. Въ этомъ, вѣроятно, заключалась вся его обязанность. Поднявшись на самый верхъ, они прошли въ правленіе занимавшее рядъ маленькихъ комнатъ съ крошечными окнами. Ихъ провели въ присутствіе, гдѣ синдикъ отобралъ ихъ бумаги, сказалъ, что они могутъ быть приняты и велѣлъ явиться черезъ два дня; объ инспекторѣ ничего не упомянулъ. Синдикъ былъ маленькій

человѣкъ съ огромнымъ крючковатымъ носомъ, плотно стриженный и въ золотыхъ очкахъ. Говорилъ онъ очень сладко и показался нашимъ гимназистамъ чрезвычайно добрымъ и пріятнымъ человѣкомъ.

— Такъ идти къ инспектору, аль не идти? спросилъ Горшковъ, спускаясь по лѣстницѣ.

— Ты слышалъ, что идти. замѣтилъ улыбаясь Абласовъ. Демка улыбнулся имъ со своей скамейки, и прошамкалъ:

— Идите поскорѣй, а то уѣдетъ.

Отворивши дверь въ инспекторскую квартиру, Горшковъ съ компаніей очутились въ низкой комнатѣ со сводами, раздѣленной перегородкою на двѣ неравныя половины. Первая — служила чѣмъ-то въ родѣ передней для сниманія шинелей, вторая, бѣлая половина, играла роль пріемной. Стѣны ея были окрашены желтой краской, что не мѣшало ей, однако, походить на подвалъ.

Весьма мрачнаго вида служитель, въ какомъ-то долгополомъ сюртукѣ, спросилъ нашихъ пріятелей, чего имъ нужно? и затѣмъ объявилъ, что Оедоръ Ивановичъ сейчасъ выйдутъ, и они могутъ подождать.

А въ пріемной былъ уже народъ, чающій инспекторскаго выхода. Вдоль правой стѣны стояло человѣка четыре: одинъ по всѣмъ признакамъ, поступающій и трое студентовъ, изъ которыхъ два матерыхъ, лѣтъ по двадцати-пяти, если не больше, съ загорѣлыми лицами; у одного изъ нихъ было совершенно монгольское лицо, толстыя губы и совершенно выпятившія скулы; третій студентъ — горбатенькій, ростомъ въ полтора-аршина, съ закинутой назадъ головой и зачесанными за уши плоскими волосами. Онъ, то и дѣло, ежился, точно хотѣлъ вылѣзть вонъ изъ воротника. Всѣ трое были въ мундирахъ, при шпагахъ, и съ трехуголками въ рукахъ. На первомъ изъ двухъ крупныхъ студентовъ надѣтъ былъ прекуріознѣйшій мундиръ. Этотъ мундиръ навѣрно служилъ десятерымъ и обладалъ способностью растягиваться по всевозможнымъ тѣлосложеніямъ и формамъ. Горшковъ, Абласовъ и Телепневъ стали по лѣвую руку и оглядывали студентовъ; тѣ, въ свою очередь, смотрѣли на нихъ. Царствовала тишина. Горшковъ, при всей своей болтливости, не рѣшался

вслухъ дѣлать замѣчанія. Имъ пришлось подождать минутъ пять. Дверь слѣва отворилась и выступила фигура инспектора студентовъ, Ѳедора Ивановича Ранге. Ѳедоръ Ивановичъ изображалъ собою, по мнѣнію туземныхъ остряковъ, то самое, чѣмъ обозвалъ Хлестаковъ Землянику; и дѣйствительно, если взглянуть на него въ профиль, то было нѣчто похожее на голову животнаго, изображаемого обыкновенно на вывѣскахъ гастрономическихъ лавокъ. Губы и носъ выдались впередъ, все лицо собралось какъ-то къ одному мѣсту и Ѳедоръ Ивановичъ выпячивалъ это мѣсто впередъ, желая точно брать верхнимъ чутьемъ. Сплюснутая голова его прикрыта была темнокоричневымъ парикомъ, какіе обыкновенно носятъ плѣшивые отставные генералы. Вицмундиръ съ узкими рукавами и широкими фалдами сидѣлъ на Ѳедорѣ Ивановичѣ по начальнически, открывая его грудь, прикрытую туго-накрахмаленною манишкой, на которой красовался Станиславъ съ короной. Ноги Ѳедора Ивановича втиснуты были въ узѣйшіе на штрипкахъ панталоны, и онъ выступалъ выворачивая носки, точно собираясь стать въ пятую позицію. Сдѣлавши нѣсколько шаговъ отъ двери, онъ дѣйствительно сталъ въ эту позицію по срединѣ комнаты.

— Господинъ Вернеръ! произнесъ онъ рѣзкимъ и гнусавымъ голосомъ, который очень напомнилъ Горшкову голосъ незабвеннаго Іонки. Горбатенькій студентикъ, опустивши шляпу внизъ, выступилъ впередъ.

— Г. Вернеръ, началъ опять инспекторъ, во время вы являетесь. Медицинское свидѣтельство имѣете?

— Я прислалъ изъ деревни, отвѣчалъ горбатенькій.

— Этого недостаточно-съ, прозудѣлъ инспекторъ, вы подвергнетесь аресту во время зимнихъ вакацій.

— Да помилуйте, Ѳедоръ Ивановичъ, за чѣмъ же два свидѣтельства?

— Если вамъ говорятъ, что надо, — то надо! И повернувшись къ другимъ отрѣзалъ: не угодно ли вамъ итти и не оправдываться, когда вы провинились.

Несчастный, горбатенькій студентъ, помявшись на одномъ мѣстѣ и закинувъ голову назадъ, вышелъ.

„Ну это гимназіей пахнет“, подумали въ одно время наши пріатели.

Инспекторъ подступилъ къ первому матерому студенту.

— Г Кабановъ, вы были вчера опять въ нетрезвомъ видѣ.

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣтилъ отрывисто и сиплымъ голосомъ Кабановъ.

— Г помощникъ инспектора, Евментій Филиповичъ Глистовъ, довелъ до моего свѣденія, что вы произвели въ нетрезвомъ видѣ буйство, сперва въ очень непозволительномъ мѣстѣ, а потомъ въ квартирѣ частнаго пристава кремлевской части.

— Никакъ нѣтъ-съ, просипѣлъ опять Кабановъ.

— Извольте отправляться къ дежурному помощнику. Онъ васъ препроводитъ въ карцеръ, а я доведу до свѣденія его превосходительства, господина попечителя, о вашихъ буйственныхъ поступкахъ.

— Совершенная напраслина, просипѣлъ Кабановъ. А коли бьютъ, такъ нельзя же не отмахиваться.

— Безъ оправданій, г. Кабановъ! Не забывайте, что вы стоите предъ вашимъ непосредственнымъ начальникомъ! Ни слова больше и въ карцеръ.

Кабановъ передернулъ губы, точно хотѣлъ сказать: плевать мнѣ на все; но больше не разсуждалъ и съ понурой головой отправился къ двери.

Дошла очередь до студента съ монгольскимъ лицомъ.

— Г Абдіевъ, какъ вы смѣете не посѣщать храмъ Божій? спросилъ его инспекторъ

Абдіевъ вскинулъ своими калмыцкими глазками и на первый разъ ничего не отвѣтилъ.

— Я васъ спрашиваю, отчего вы не посѣщаете храмъ Божій, какъ того требуютъ обязанности студента?

— Да я, Оедоръ Ивановичъ, промышалъ тотъ, не обязанъ.

— Какъ не обязаны, милостивый государь? Вы изъ магометанъ обращены въ греко-россійскую вѣру.

— Обращень-то дѣйствительно, разсуждалъ, точно про себя, киргизскій питомецъ просвѣщенія; да что же изъ того, помилуйте, Оедоръ Ивановичъ!

— Если вы въ слѣдующее воскресенье осмѣлитесь не явить-

ся въ университетскую церковь къ божественной литургіи, я васъ накажу арестомъ и доведу до свѣденія г. попечителя о строптивости вашего права. Не забывайте, что можно попасть изъ студентовъ и въ фельдшера.

— Помилюте, промычалъ киргизъ, и не говоря больше ни слова, чуть не бѣгомъ, бросился изъ комнаты.

Аудіенція съ студентами была кончена. Не радостное чувство возбудила она въ нашихъ пріятеляхъ; инспекторъ обратился къ нимъ.

— Что вамъ угодно, господа? проговорилъ онъ покровительственнымъ тономъ.

Горшковъ объяснилъ, что такъ и такъ: они поступающіе и явились къ нему по начальству.

Инспекторъ спросилъ у каждого фамилію, велѣлъ записаться въ своей канцеляріи и заключилъ свою аудіенцію слѣдующимъ:

— Я вамъ долженъ внушить, господа, что съ этой минуты, вы уже находитесь въ вѣденіи и распоряженіи начальства. Всѣ ваши поступки будутъ мнѣ извѣстны; знайте, господа, что никакіе успѣхи по наукамъ ничего не значутъ, если я въ моемъ кондуитномъ списокѣ отмѣчу васъ дурно. Когда вы будете окончательно приняты, вы имѣете явиться ко мнѣ еще разъ испросить позволеніе на ношеніе форменнаго платья. Тогда вы получите квартирные свидѣтельства, и я предпишу вамъ правила ношенія платья и всѣ другія обязанности. Прощайте, господа!

Не очень весело было на душѣ у нашихъ пріятелей, когда они вышли на площадку, гдѣ сидѣлъ Демка. Демка поздравилъ ихъ съ поступленіемъ въ студенты и скорчилъ такую рожу, что нужно было ему что-нибудь дать.

— Да мы еще не поступили, замѣтилъ Абласовъ.

— Какъ, сударь не поступили? Коли къ Федору Ивановичу являлись, значить поступили.

У Телепнева были деньги и онъ далъ рубль Демкѣ, за что тотъ преисполнился веселія и даже объявилъ, что будетъ самъ носить имъ письма на квартиру.

Канцелярія инспектора находилась въ томъ самомъ, длинномъ и темномъ корридорѣ, по которому уже шли наши гим-

назисты. Квартиру ихъ и имена записалъ инспекторскій писмоводитель, испитой писецъ, вѣроятно, очень суровыхъ нравовъ.

Когда они вышли въ сѣни, Горшковъ усиленно вздохнулъ и значительно посмотрѣлъ сперва на Телепнева, а потомъ на Абласова.

— Ну, братцы, какъ вамъ все показалось? проговорилъ онъ, подмигивая.

— Что-то очень пошло; я не ожидалъ, отвѣтилъ Телепневъ.

— А меня такъ не удивило, спокойно промолвилъ Абласовъ.—Та же гимназія, только размѣры другіе.

— Да, братцы, размѣры, крикнулъ Горшковъ. Вотъ онъ кто, Сазанъ-то Тимофѣичъ, что вчера пѣли! Пойдите-ка полѣзайте въ кондуитный списокъ; а мое дѣло сторона, — я вольный артистъ, и зачѣмъ только я, дуракъ, являлся къ нему?

— Погоди, онъ и тебя прикрутитъ, весело замѣтилъ Телепневъ.

— Какъ бы не такъ! крикнулъ Горшковъ, я ни пирога, ни селедки носить не буду. А вотъ вы скажите: куда идти-то, въ аудиторіи что ли?

— Да что тамъ дѣлать, замѣтилъ Телепневъ, еще лекцій нѣтъ.

— Ну такъ пойдете квартиры смотрѣть, что вчера тотъ студентъ говорилъ,—тутъ на Преображенской. И Горшковъ, заломивши фуражку, опять принялъ предводительство своихъ товарищей и зашагалъ по Преображенской улицѣ.

У

Домъ г-жи Чекчуриной обладалъ весьма приличной наружностью, и по величинѣ принадлежалъ къ числу домовъ капитальныхъ. Выкрашенъ онъ былъ въ голубовато-сѣрый

цвѣтъ, въ бель-этажѣ помѣщался дагеротипъ и нѣмецкая гости-ница, внизу разослалъ на весь домъ свою вывѣску портной Мельниковъ. Этотъ портной не удовольствовался русскимъ діалектомъ, и на дверяхъ прибилъ еще вывѣску со слѣдующимъ вольнымъ переводомъ: *Melnikoff prend diférante mode, comme particulière et militaire*. Со двора домъ Чекчуриной принималъ совсѣмъ другой видъ. Въмѣсто двухъ, въ немъ оказывалось три этажа и вдоль каждаго этажа шла галлерейка или галдарейка, выражаясь языкомъ туземныхъ обитателей. Всѣ эти галдарейки и самыя стѣны были ужасно грязны; лѣстницы не уступали галдарейкамъ, и атмосфера ихъ заставляла каждаго входящаго значительно морщиться; а на дворѣ чекчуринскаго дома нечистота разыгралась въ самыхъ яркихъ краскахъ.

Населеніе чекчуринскаго дома съ задней стороны было разноколиберно и беспокоино. Въ двухъ нижнихъ этажахъ мастеровые, заѣзжіе офицеры, разные темные господа, являющіеся домой только мочевать. Верхняя галдарейка была исключительнымъ достояніемъ студентовъ, вперемѣжку съ погибшими, но милыми созданіями. Одинъ изъ меланхолическихъ юношей, живя въ чекчуринскомъ домѣ, такъ излилъ свое обличительное негодованіе на эту обитель въ своемъ дневникѣ: „Чекчуринская казарма вѣчно будетъ вмѣстилищемъ всего грязнаго и буйнаго, свидѣтельница ужасающихъ сценъ и укрывательницей испорченности и разврата!“

И къ этому-то вмѣстилищу направлялись наши пріатели. Они повернули въ переулокъ, чтобъ попасть въ ворота чекчуринской казармы. Живописная грязь задняго фасада привела ихъ немного въ недоумѣніе. Съ верхней галдарейки, свѣсившись на перилы, смотрѣла какая-то женская особа, пухлая, съ закрученными височками на ушахъ, въ малиновой фескѣ съ кистью и съ гитарой въ рукахъ. Первый ее примѣтилъ Телепневъ и указалъ Горшкову. Горшковъ раскланялся и сдѣлалъ ей ручкой, она отвѣчала ему тѣмъ же. Это вызвало громкій хохотъ Горшкова.

— Пойдемте, братцы, туда на галлерейку, распросимте у этой гречанки, кто хозяйка и какъ живутъ.

И не дожидаясь отвѣта товарищей. онъ ринулся на лѣстницу. Абласовъ и Телепневъ послѣдовали за нимъ.

По грязной и вонючей лѣстницѣ, которая шла все изворотами, они добрались до наружной галлерей третьяго этажа. На эту галлерей или галдарейку, во всю длину этажа, открывался рядъ оконъ и дверей. Тутъ было до десяти квартиръ и предъ каждымъ входомъ въ квартиру, была еще поперечная дверь въ самой галдарейкѣ. Наши пріатели миновали уже двѣ такихъ поперечныхъ двери и, отворивъ третью, Горшковъ очутился лицомъ къ лицу съ греческой особой, сидѣвшей на перилахъ.

— Что вамъ угодно? спросила она очень звонкимъ голосомъ. Ищите кого-нибудь?

— Освѣдомляемся о квартирахъ, отвѣчалъ Горшковъ; намъ говорили, что здѣсь есть удобныя кватиры для студентовъ.

Малиновая феска какъ-то соблазнительно улыбнулась и взяла акордъ на гитарѣ.

Квартиры здѣсь есть, проговорила она, дешевыя для студентовъ, распріятное житье. Вотъ эти два окна, что напротивъ, посмотрите: двѣ комнаты, пустыя стоятъ.

Они подошли къ окну и увидали сквозь него маленькую комнату съ грязными стѣнами, печкой и очень потасканной и скудной мебелью.

— Не казисто, замѣтилъ Горшковъ.

— Живетъ! отозвался Абласовъ. А какая цѣна? спросилъ онъ малиновую феску

— Да по восьми рублей съ мебелью. Переѣзжайте, милые господа, а то перебьютъ, охотниковъ много. Вы, я вижу, поступающіе птенчики, воскликнула она и засмѣялась. У насъ здѣсь житье лихое въ чекчуринской казармѣ! Все забубенныя головы живутъ. Вонъ тутъ Папушкинъ—славный студентъ, въ симбирскомъ имѣніи имѣетъ; а вонъ насупротивъ его Пашенька живетъ, хорошенькая дѣвушка; а въ пятомъ номерѣ я живу, а противъ меня Петровъ—рыбакъ прозывается, такой молодчина, что въ гвардію можно; такой милашка. когда не пьянъ; а въ третьемъ номерѣ трое живутъ, Саратовцы, а во второмъ Сорванцовы братья, все по театральному представляютъ—Гамлета съ Офеліей. Столько народу, что Боже мой! Я на этотъ предметъ и пѣсенку сложила вотъ какую:

Что за хваты, за ребята
У Чекчуриной въ дому!
Все изъ разныхъ мѣстъ набраты,
И сама дивлюсь тому.

Куплетъ этотъ малиновая феска пропѣла, акомпанируя себя на гитарѣ. Юноши стояли передъ ней, немного удивленные, но также и заинтересованные ею. Болтливость и безцеремонность ея всего болѣе понравилась Горшкову.

— А вы давно тутъ живете? спросилъ ее Горшковъ.

— А уже третій годъ, всѣхъ студентовъ знаю!

Абласову показалось, что ихъ бесѣда слишкомъ далеко зайдетъ и онъ спросилъ у пѣвицы, гдѣ живетъ хозяйка.

— Да вы ее самое не увидите, она барыня такая; а тутъ прикащикъ есть, управитель; вошь на дворѣ, подлѣ воротъ живетъ.

— Такъ пойдемъ туда, Горшковъ, сказалъ Телепневъ, которому малиновая феска очень не понравилась.

— Такъ вы нанимайте же квартиру, крикнула она имъ вслѣдъ, а я въ четвертомъ номерѣ живу

— Тутъ въ самомъ дѣлѣ казармы, говорилъ Телепневъ, спускаясь внизъ; и грязь такая, и что это за фигура?

— За то дешево, замѣтилъ Абласовъ.

— Ужъ ты вѣчно аристократничаешь, Боря. Тутъ-то самую суть и узнаемъ, вся студенческая жизнь! кричалъ Горшковъ и, остановившись на дворѣ, еще разъ сдѣлалъ ручкой греческой фескѣ.

— Нужно прикащика-то отыскать, отозвался Телепневъ.

Отыскали и прикащика. Прикащикъ объявилъ имъ, что студенческія квартиры, въ третьемъ этажѣ, дѣйствительно ходятъ по восьми рублей въ мѣсяцъ съ мебелью. Но вѣроятно фигура Телепнева показалась ему слишкомъ изящной и онъ добавилъ, что есть въ первомъ этажѣ, окнами въ переулокъ, цѣлое отдѣленіе меблированныхъ квартиръ, которыя будутъ поавантажиѣ. Онъ повелъ ихъ смотрѣть эти квартиры. Они дѣйствительно оказались гораздо поблаговиднѣе студенческихъ каморокъ. Эти меблированныя комнаты служили и номерами для прїѣзжающихъ. Одна изъ квартиръ,

въ двѣ большихъ комнаты съ передней, понравилась Телепневу, и онъ обѣщалъ зайти черезъ день сказать: оставляетъ ли онъ эту квартиру за собой или нѣтъ.

Дорогой пріятели все толковали о квартирѣ. Телепневъ просилъ ихъ обоимъ жить вмѣстѣ. Ему хотѣлось, чтобъ его товарищи, ни въ чемъ не нуждались, и жили бы у него. Горшковъ согласился на это; но Абласовъ, съ гордостью очень бѣднаго человѣка, долго упирался на своемъ и говорилъ, что ему нужно хлопотать о поступленіи въ казенные студенты; но Горшковъ обругалъ его и началъ горячо доказывать, что онъ жестоко обижаетъ Борю, что имъ считается нечего, и что лучше же Телепневу помочь ему кончить курсъ, чѣмъ истратить деньги на вздоръ.

— Такъ какъ же мы порѣшимъ? вскричалъ Горшковъ, когда они, посреди жаркихъ разговоровъ, очутились, сами того не замѣчая, предъ крыльцомъ гостиницы Одесса.

— А вотъ какъ, проговорилъ спокойно Телепневъ. Если я возьму ту квартиру; ты Валеріанъ поселишься со мной.

— А я, подхватилъ Абласовъ найму маленькую квартиру хоть тамъ наверху, а къ вамъ буду ходить каждый день.

— И то ладно! крикнулъ Горшковъ. — Ну теперь идти ли шататься по городу, али позавтракать?

— По нашему, и обѣдать пора, заключилъ Абласовъ.

И всѣ трое отправились въ общую залу, гдѣ машина давно ужъ завывала: „Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ“.

VI.

Вечеромъ, часу въ седьмомъ, наши гимназисты отправились гулять по городу. Городъ оказался очень большой. Въ разныя стороны разползлись концы его, въ видѣ слободъ. Гнилая рѣченка Буракъ отдѣляла лучшую часть города отъ худшей. Въ Забурачьи были татарскія слободы, селился весь

черный людъ и все, что только терпится полицейскимъ начальствомъ. Но туда юныя туристы еще не проникли. На первый разъ они пошли разсматривать фешенебельную половину города. Опрятная Преображенская улица повела ихъ къ кремлю, въ которомъ оказа^{сь} очень мало замѣчательнаго. Все такія же присутственныя мѣста, губернаторскій домъ съ очень жидкимъ садикомъ, соборъ казенной архитектуры, да еще какая-то татарская башня изъ краснаго кирпича. Можетъ быть, она кое-что и говорила о прошедшемъ, но все-таки не навела ни на какія мысли нашихъ юношей. Одиноко стояла эта башня посреди казенныхъ построекъ, и точно даже стыдилась своей неумѣстности. Возвращаясь назадъ, пріятели спустились по переулку въ лѣвую сторону отъ Преображенской и попали въ городской садъ, или *Черный прудъ*, какъ онъ назывался у туземцевъ. Этотъ Черный прудъ, былъ, по происхожденію своему, большой оврагъ, провалившійся въ болотистой лощинѣ. Стараніемъ мѣстныхъ властей и градоправителей, онъ былъ обнесенъ желѣзной рѣшеткой и обсаженъ деревьями. Гуляніе по нему, въ эту пору лѣта, было соединено съ удовольствіемъ нюхать запахъ водной плесени. На одной изъ главныхъ дорожекъ помѣщался балаганчикъ, долженствующій представлять собою кандитерскую. Около него, на скамейкахъ, помѣщались всюду кочующіе ярославцы съ мороженымъ. Этотъ продуктъ забирался больше студентами, и все въ долгъ.

— Татарское гулянье! крикнулъ Горшковъ, проходя по алеѣ вдоль озера, и запахъ первый сортъ,—припекаетъ, знаешь, а деревья только для украшенія!

Они заглянули въ балаганчикъ, увидѣли тамъ нѣсколько голубыхъ околышей вокругъ маленькихъ столиковъ, поѣли мороженаго: оно оказалось гораздо лучше той мерзости, которую обыкновенно предлагаютъ разнощики.

— А тебя какъ зовутъ? спросилъ Горшковъ мороженщика.

— Амосомъ, сударь, отвѣчалъ краснощекій, толстенный ярославецъ въ синей чуйкѣ, подпоясанный желто-зеленымъ кушакомъ.

— Хорошо торгуешь?

— Такъ-съ, середка на половинкѣ. Отъ гг. студентовъ не обиженъ, только въ долгахъ больно много пропадаетъ.

— А сколько? спрашиваетъ Горшковъ.

Да рублевъ триста слишкомъ.

— И получить не надѣешься?

— Нѣтъ, ужъ на эти я рукой махнулъ! И при этомъ краснощекой ярославецъ дѣйствительно махнулъ рукой.

По дорожкамъ пахучаго Чернаго пруда мелькали-таки гуляющіе. Попадались и дамы разнаго сорта: скромные чиновничьи жены съ дочерьми, купчихи въ платочкахъ, съ огромными бархатными воротниками на яркихъ салопахъ. Прошли двѣ дѣвицы изъ мѣстной аристократіи, съ гувернанткой и собачкой на веревочкѣ. Но всего больше попадалось студентовъ. Они и составляли, конечно, главный предметъ наблюденія нашихъ юношей. Горшковъ осматривалъ каждого съ ногъ до головы, Абласовъ смотрѣлъ на все равно, немного изъ-подлобья. Телепневъ поддавался новымъ впечатлѣніямъ, точно не хотя. Нельзя сказать, чтобы онъ совершенно безучастно и мертвенно относился теперь ко всему окружающему. Но онъ все еще не могъ ни на минуту помириться съ своимъ настоящимъ. Шелъ онъ теперь по дорожкѣ Чернаго пруда и казалось ему, что это не Черный прудъ, а садъ въ Липкахъ, и вотъ сейчасъ выскочить изъ алеи Маша; и войдетъ онъ въ бесѣдку, тамъ сидитъ она и смотритъ на него такъ, что его молодое сердце дѣйствительно хочетъ выпрыгнуть отъ радости. Да, большое горе было у него, когда онъ шелъ объ руку съ Абласовымъ и смотрѣлъ безучастными глазами на встрѣчныхъ ему студентовъ. Но эти студенты, хотя немного да занимали его. Ихъ общій видъ показался Телепневу чѣмъ-то грубымъ, непорядочнымъ. Это было первое впечатлѣніе, но оно не оставалось; его смѣнило другое, лучшее. Отъ всѣхъ этихъ потертыхъ сюртуковъ, фуражекъ надѣтыхъ на-бекрень, рѣзкихъ голосовъ, бойкихъ лицъ вѣяло чѣмъ-то новымъ, какимъ-то завлекательнымъ задоромъ, какого еще не приходилось видѣть Телепневу въ его дѣтской и отроческой жизни. И когда попались ему два-три франтика студента съ англійскимъ проборомъ, въ только что появившихся тогда блинообразныхъ фуражкахъ, въ длиннѣйшихъ

шикарныхъ сюртукахъ, чуть не по пятки, и узѣйшихъ брюкахъ—ему стало приторно, гадко; онъ возмущился ихъ порядочностью.

— Посмотри-ка, какіе гуси! ввернулъ Горшковъ, показывая Телепневу на одного изъ франтиковъ.

Телепневъ молча кивнулъ въ знакъ согласія. Они подходили въ это время къ бесѣдкѣ изъ акацій, гдѣ возсѣдала шумная компанія студентовъ. Впѣредѣ на дорожкѣ стоялъ студентъ въ пресмѣшной шинелькѣ. Горшковъ тотчасъ узналъ въ немъ вчерашняго знакомаго и поклонился ему.

— А, здравствуйте! просидѣлъ студентъ, кивая ему дружески головой; можно поздравить?—поступили?

— Какже-съ приняли безъ экзамена вотъ ихъ, прокричалъ Горшковъ, указывая на пріятелей, а я вольный козакъ, посторонній слушатель!

— Дѣло! теперь, какъ есть, студенты! А я къ вамъ хотѣлъ сегодня зайти. Вотъ, господа, обратился онъ къ шумящей компаніи: молодой народъ, юноши, поступаютъ только, науку хотятъ проникнуть. Присядьте къ намъ, господа!

Горшковъ не заставилъ себя долго просить, и тотчасъ же вступилъ въ разговоръ съ однимъ изъ сидящихъ на скамейкѣ. Телепневъ и Абласовъ немножко дичились. Борисъ всматривался въ фizioноміи студентовъ. Это были, вѣроятно, все земляки. Цвѣтъ волосъ, рѣзкія и грубыя черты, а главное—выговоръ обличалъ ихъ сѣверо-восточное происхожденіе. Онъ не прислушивался къ тому, что они говорили, а слова были все рѣзкія, а часто и ругательныя; ихъ прерывалъ крупный, довольно нахальный смѣхъ. Телепневъ даже замѣтилъ, что челоуѣка два-три были черезчуръ красны и отъ нихъ вѣялъ таки спиртной духъ.

— Что вы такимъ философomъ смотрите? обратился къ нему вчерашній студентъ.

— Да такъ себѣ, отвѣтилъ Телепневъ.

— Раздумывайте, что ль, о томъ, какъ наукамъ будете обучаться? такъ это вы напрасно себя тревожите. Самая настоящая наука—выпить и закуской закусить. Ужъ я до этого самъ дошелъ. А тоже, вѣдь, сути добывался!

Телепневъ взглянулъ на говорившаго, ему показалось, что уже онъ давно выпилъ и закуской закусиль.

— А вы на какомъ факультетѣ? спросилъ его Абласовъ.

— На какомъ факультетѣ! по всѣмъ по тремъ, батюшка. А числюсь по врачебному; вотъ это все тоже эскулапы, показалъ онъ на компанію. Вотъ учитесь, юноши, ихъ добродѣтелямъ. Этотъ безносый, по фамиліи Коридорскій, выпиваетъ полуштофъ изъ горлышка зъ-видъ чуда, изъ Костромы на камнѣ прибылъ сюда; Осинкинъ тоже, вонъ губы-то толстыя, въ Византіи всякой премудрости васъ научить; а вотъ этотъ милордъ, указалъ онъ на косматаго студента въ веснушкахъ, маркизъ Сусликовъ прозывается, — большая особа, своимъ умомъ до всего дошелъ, самъ таблицу умноженія выдумалъ.

Абласовъ слушалъ чрезвычайно серьезно и точно соображалъ: зачѣмъ это онъ все говоритъ? А для Телепнева, всѣ эти выходки были простымъ развлеченіемъ. Даже онъ немного заинтересовался личностью говорившаго.

— Вы къ намъ зайдите, кричалъ Горшковъ на другомъ концѣ скамейки. Мы вотъ скоро переѣдемъ на квартиру. Такъ вы говорите, что профессора-то дрянъ? обращался онъ къ веснушчатому студенту, носившему имя Сусликовъ.

— Да на нашемъ-то факультетѣ лучшіе. отозвался тотъ, неприятно обнажая десны.

— А на остальныхъ то, что же? допрашивалъ Горшковъ.

— Такая сволочь, что просто... И тутъ Сусликовъ выразился такъ энергически, что Телепневъ покраснѣлъ, смутился немножко и Абласовъ. Они еще не привыкли къ такой первобытной простотѣ выраженій.

— А скоро ли начнутся лекціи? поспѣшилъ спросить Абласовъ бѣлаго студента.

— На той недѣлѣ, да успѣете еще насладиться, упляшечесь, батюшка, — захотите живой водицы напиться.

— А каковъ медицинскій факультетъ? задалъ еще вопросъ Абласовъ.

— Огличѣйшій факультетъ! вскричалъ бѣлобрысый резонеръ: такіе есть рѣдкія чучелы, что только подъ стекломъ держать! Дайте срокъ, подтянуть они васъ. А ужъ коли вы

желаете обучиться врачебной наукѣ, такъ ужъ объ этомъ отложите попеченіе. Васъ не медицинѣ выучать, а такой дьявольщинѣ, что въ мозгахъ поврежденіе сдѣлается. А вы въ медики? спросилъ онъ Абласова

— На медицинскій, отвѣчалъ Абласовъ.

— Ну а вы? ткнулъ онъ пальцемъ на Телепнева

— Я по юридическому

— Бомбовъ! крикнулъ резонеръ плечистому малому съ толстѣйшими губами: слышишь? Вотъ юноша собирается въ юристы! Какъ бишь ты все орешь про юстицію-то? *Justitia est rerum humanarum et divinarum notitia...* Такъ, что ли?

— Врешь! отвѣчалъ Бомбовъ, точно выстрѣлилъ изъ пушки.

— Я не въ юристы, отозвался Телепневъ, я на камеральный.

— На камеральный? хрипѣлъ резонеръ, — богоспасаемый камеральный! Такъ вы въ ухори записываетесь, что штаны-то въ обтяжку напяливаютъ? разлюбезное дѣло! Только ужъ мозглявый же тамъ народъ; а изъ богатырей, одинъ безносый Коридорскій затесался, да и то пристрастія къ камеральной мудрости не оказалъ? На это у насъ и оду сочинили.

«Къ точному знанію наукъ камеральныхъ
Охоты большой не имѣлъ.»

— Такъ, что ли, Рѣпа?

Коридорскій, прозываемый, вѣроятно, по-товарищески Рѣпой, разразился громкимъ хохотомъ.

— Такъ вы, продолжалъ резонеръ, обращаясь къ Телепневу, всего щипнуть хотите? и химіи кусочекъ, исторіи, изъ законовъ кое-что, объ тычинкахъ, объ пестикахъ, — это дѣло хорошее; ну и статистику тоже, сколько гдѣ значится скотовъ, рогатыхъ и не рогатыхъ?

— Тутъ резонеръ расхохотался самъ своей остротѣ.

Телепневу сдѣлалось неловко отъ этихъ шутокъ. Онъ смутно чувствовалъ въ нихъ что-то напускное; но бѣлый резонеръ все-таки непереставалъ его занимать. Въ немъ сквозь неряшество, грубую нецеремонность, сквозь замашку дешеваго остряка, чувствовалось что-то искреннее, что-то такое, что давало всей этой неуклюжей фигурѣ довольно выгодный

колоритъ, посреди остальной разношерстной и крайне непреставительной компаніи.

А Горшковъ. тѣмъ временемъ, успѣлъ уже подружиться съ Сусликовымъ, разспросилъ его обстоятельно обо всемъ; но, конечно, самъ говорилъ больше, чѣмъ слушалъ.

Телепневу почему-то хотѣлось узнать фамилію бѣлобрысаго резонера, и, поднимаясь со скамейки, онъ спросилъ:

— Позвольте узнать, какъ ваша фамилія?

— Двужилинъ, отвѣчалъ резонеръ. Такая ужъ, батюшка, фамилія. Есть лошади двужильные, а есть и люди. Я вотъ изъ двужильной породы.

— А откуда вы родомъ? спросилъ скромно Абласовъ.

— Я изъ Вологодскихъ краевъ, а вотъ это все мои земляки. Вы куда жъ собираетесь, господа? А вы бы съ нами, мы бы васъ по разнымъ хорошимъ мѣстамъ повели.

— Намъ пора, отвѣтилъ Телепневъ, предчувствуя, что не совсѣмъ ловко будетъ связаться съ этой компаніей; но Горшковъ объявилъ громогласно, что они врутъ, и что дома дѣйствительно дѣлать нечего.

И вся компанія встала на ноги и отправилась гулять. Нашимъ юношамъ показали еще нѣсколько улицъ; но становилось ужъ темно и Телепневъ съ Абласовымъ опять заявили желаніе вернуться домой. Ихъ проводили до гостинницы. Надо было пригласить новыхъ знакомыхъ зайти. У Абласова явилось смутное предчувствіе, что они попросятъ водки; но они не попросили, и ушли бы чинно, если бы дѣло опять не испортилъ Горшковъ, предложивъ имъ выпить чаю. Эту просьбу повторилъ и Телепневъ. Компанія согласилась; но, конечно, не ограничилась чаемъ. Черезъ полчаса, на столѣ была уже водка и закуска, а черезъ часъ все уже было сизо, за исключеніемъ троихъ хозяевъ номера; какъ ни приставалъ къ нимъ въ особенности Двужилинъ, но ни одинъ изъ нихъ пить не соглашался.

— Ты, душа моя, сипѣлъ Двужилинъ, покачиваясь и обнимая Телепнева. Ты, душа моя,—скотина! Ты—барченокъ, аристократиншко! Только ты, я вижу, не совсѣмъ зазнался, чванства нѣтъ!... Смотри ты у меня! коли ты на затылкѣ себѣ проборъ проберешь, я тебѣ такого феферу задамъ!...

Цоцфлуемся, душа! Ты не смотри на меня, что я пьянь. Я многимъ наукамъ обучался. До всего доходилъ. Годъ цѣлый потерялъ на одну эту распроклятую философiю. Вотъ дай-ка я еще выпью... И такая, братецъ ты мой, это собачья комедiя!.. Видишь, Греки начали спервоначала. Греки... Анаксагоръ, дуракъ былъ.. видишь ли, одинъ совреть, а другой поправить. И разные были Греки, кто во что гораздъ. Сократъ тоже, толкая башка была!... Умъ, говоритъ, всему начало; ну, умъ такъ умъ. А Платонъ говоритъ: врешь!.. Ну, а послѣ нихъ—стопъ машина; тутъ ужъ, братъ, нѣмцы, такая, душа моя, тухлятина!... Одинъ только молодецъ. Ничего, говоритъ, нѣтъ; никакихъ, значить, ни людей, ни звѣрей не существуетъ, а все, говоритъ, это одна фантазмагорiя. Туманная, говоритъ, картины передъ нами, а настоящаго ничего нѣтъ. Я какъ, братъ, это раскусилъ, говорю: стопъ-машина, — дальше не пойду! Нѣтъ, ты разсуди, душа моя, каковъ нѣмецъ-то,—туманная говоритъ картины! Я въ эту вѣру и записался. И сталъ я пить, душа моя, ты думаешь, по безобразiю,—нѣтъ, а потому, что туманнѣе все кажется, никакой субстанцiи не признаю, прозываюсь я нигилистъ-рыбка. Понимаешь ты всю суть-то? Какъ рыба водку пью, а субстанцiи не признаю!

Телепневъ слушалъ и становилось ему не много стыдно, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боялся какъ-нибудь раздражить своего гостя, а потому молчалъ.

Съ Горшковымъ лобызался Сусликовъ, нарѣзавшiйся сильнѣе Двужилина.

— Ты щенокъ! кричалъ онъ Горшкову; но у тебя глазъ математическiй. Ты, братецъ, не можешь еще разумѣть, какая есть разница между простымъ человѣкомъ и математикомъ. Да это все вздоръ: первое дѣло, чтобъ человѣкъ пьяница былъ. Коли у тебя три копѣйки — двѣ съ половиною пропей, денежку проѣшь. И доколь ты не будешь выпивать полуштофа, — ты пакость, а не студентъ! Вотъ я бы тебя теперь свелъ въ такое мѣсто, что люли-малина! а не сведу, потому что ты щенокъ. И что ты мнѣ толкуешь объ музыкѣ? Плевать мнѣ на твою музыку! Когда человѣкъ требуетъ музыки, тогда онъ пьянь, а трезвому зачѣмъ музыка?

И Горшковъ, при всемъ своемъ добродушіи, поморщивался и все порывался перебить своего пьянаго собесѣдника.

Камералистъ Коридорскій сидѣлъ одинъ, обнявшись съ графинчикомъ. Онъ всей своей фигурой убѣждалъ, что не только къ точному знанью наукъ камеральныхъ, но и ни къ какому знанью охоты имѣть не могъ.

Въ углу слышался гробовой голосъ студента Бомбова, въ бесѣдѣ съ Абласовымъ.

— Ты поступай къ намъ въ казенные, гудѣлъ онъ, ероша себѣ волосы. У насъ все сволочь, зато пьютъ здорово. Сибиряки такъ тянутъ, что образа человѣческаго лишаются. А ужъ эконома, подлеца, мы, какъ только всѣ соберутся съ вакаціи, — шкуру съ него сдеремъ! И чухонскую свинью въ ермолкѣ, тоже разразимъ. Онъ къ намъ и морды своей показать не смѣетъ. А ты въ нашу занимательную просись. Только ужъ тогда разрѣшеніе вина и елѣя; а теперь, по глупости твоей, прощается.

И все, въ такомъ же миломъ родѣ текли бурныя рѣчи питомцевъ просвѣщенія. Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что ихъ нужно было почти вынести; и когда наніи гимназисты остались втроемъ, имъ какъ-то не захотѣлось обмѣниваться впечатлѣніями.

Яковъ съ недоумѣніемъ посматривалъ на господъ и, вѣроятно, думалъ: „что это за кабакъ устроили? и какого это званія люди?“

Телепневъ даже поскорѣй отослалъ его спать и раздѣлся самъ, хотя, какъ намъ извѣстно, онъ ни одной рюмкой не участвовалъ въ попойкѣ.

— Народецъ же! крикнулъ, однако, Горшковъ, укутываясь въ одѣяло. Абласовъ и Телепневъ прошли молчаніемъ этотъ возгласъ.

VII.

Дня черезъ два открылись лекціи. Съ квартирой Телепневъ распорядился такъ, какъ они предполагали; только Горшковъ взялъ себѣ отдѣльный нумеръ, черезъ корридоръ отъ Телепнева. Въ тотъ день, когда открылись лекціи, нашимъ пріятелямъ объявлено было, что они приняты, а инспекторъ разрѣшилъ Абласову и Телепневу „ношеніе форменной одежды.“

Въ корридорѣ, гдѣ были аудиторіи, съ десяти часовъ набралось уже много народу. Телепневъ сѣлъ на окно подлѣ часовъ и оглядывалъ входящихъ. Общій видъ студентовъ уже былъ ему знакомъ. Но въ аудиторіяхъ они смотрѣли почище; да и вообще видно было, что тутъ собирались болѣе аристократическіе факультеты: юридическій и камеральный; было не мало длинныхъ сюртуковъ и узкихъ брюкъ, пестрѣли гимназическіе мундиры съ золотыми и серебрянными галунами, долгополые сюртуки поступающихъ изъ семинаристовъ, разнокалиберныя визитки, пальто, даже фраки, все это смѣшивалось и гудѣло по корридору. Двѣ вещи бросались въ глаза Телепневу Во-первыхъ, на безчисленномъ множествѣ новопоступившихъ оказались очки. И потомъ, отъ общей массы студентовъ и гимназистовъ, рѣзкою чертою отдѣлялись нѣсколько черноволосыхъ и горбоносыхъ юношей съ восточнымъ типомъ и весьма рѣзкими манерами. Телепневъ догадался, что это должны быть студенты восточнаго факультета, вѣроятно, сыны Кавказа. Одинъ даже ходилъ въ черкескѣ и съ кинжаломъ. Вся эта картина была оживлена какимъ-то тревожнымъ, чисто юношескимъ оживленіемъ. Телепневъ въ первый разъ почувствовалъ, что это не гимназія, что нѣтъ уже тутъ той мѣрки, какая опошляла такъ гимназическую обстановку. На сколько во всемъ этомъ было хорошаго и дурнаго, онъ, конечно, не сознавалъ да и не задавалъ себѣ этихъ вопросовъ; довольно было ему того, что

все это движеніе, вся эта панорама молодыхъ лицъ уничтожала почти картину грязной попойки, когда *министръ-рыбка*, такъ ломался передъ нимъ и дружественно обзывалъ его скотиной.

Послѣ студентовъ Телепневъ осмотрѣлъ и профессоровъ. Къ первой лекціи собралось человѣкъ десять. Сперва явился маленькій человѣкъ въ вицъ мундирѣ, застегнутомъ до верху. Изъ подъ густыхъ, нависшихъ бровей выглядывали бойкіе глаза, и онъ, то и дѣло, кивалъ головой снизу вверхъ. Пошелъ онъ по корридору такимъ размѣреннымъ шагомъ, точно будто онъ считалъ свои шаги.

— Интеграль, интеграль!... зашептали кругомъ студенты и новопоступившіе.

Телепневъ понялъ, что это должно быть профессоръ математики. Вслѣдъ за нимъ, явился совсѣмъ сѣдой старикъ высокаго роста, во фракѣ съ короткими фалдочками, и такъ смѣшно кашлянулъ на весь корридоръ, что нѣкоторые изъ юношей фыркнули. Въ правой рукѣ у него былъ пестрый платокъ и онъ все имъ помахивалъ, точно хотѣлъ кого хлестнуть сзади.

— Гоголь-моголь!.. послышалось въ толпѣ.

Каждый изъ профессоровъ, снявши пальто или шинель, съ помощью сторожа спеціально къ тому приставленнаго, подходилъ къ зеркальцу, висѣвшему въ простѣнкѣ между двумя окнами, и оправлялся; такъ что Телепневу открыто было каждый разъ все лицо профессора.

Явилось еще нѣсколько человѣкъ. Одинъ, съ широкимъ и плоскимъ лицомъ, держалъ въ рукахъ шляпу, точно тарелку, и пробирался по корридору вдоль стѣнки, спотыкаясь на каждомъ шагѣ. Другой коренастый, съ неизмѣримой спиной, съ острымъ носомъ и волосами въ кружало, безпрестанно поправлялъ очки и поминутно раскланивался. Тихо и еле шевелясь, прошелъ по корридору худенькій, черноволосый человѣчекъ лѣтъ тридцати пяти. Блѣдное, высохшее лицо смотрѣло немного страдательно. Въ большомъ, умномъ лбѣ, какъ угли горѣли глаза. На безцвѣтныхъ губахъ играла тихая улыбка. Вся фигура профессора говорила о трудовой кабинетной жизни; но въ ней было что-то изящное, тонкое, за-

ставляющее каждого задуматься надъ вопросомъ: что это за человѣкъ? Телепневъ замѣтилъ, что нѣсколько человѣкъ раскланялись съ нимъ очень низко. Его сопровождалъ по корридору почтительный шопоть, и новопоступившимъ показывали на него товарищи. „Дмитрій Ивановичъ, Дмитрій Ивановичъ!“ слышалось со всѣхъ сторонъ. Телепневъ подумалъ, что вѣрно этотъ Дмитрій Ивановичъ какая-нибудь крупная личность, и странное чувство возбудила она въ немъ, Образъ этого человѣка точно сразу далъ ему осязать, что такое за вещь—наука. Онъ не зналъ, что она такое, но видѣлъ теперь, что вотъ какое выраженіе лицу, движеніямъ, всему образу даетъ эта вещь. И почему-то хотѣлось Телепневу вѣрить, что это дѣйствительно истинный ученый, отравшійся тихой, святой, таинственной жизни. Вслѣдъ за Дмитриемъ Ивановичемъ, съ умерщвленной плотью, ввалился въ аудиторію ражій дѣтина, весь состоящій изъ плоти и крови. Круглая, большая голова съ широкимъ веснущатымъ лицомъ плотно и безъ всякой шеи сидѣла на приподнятыхъ плечахъ, размѣра въ косяую сажень. Синій вицмундиръ обтягивалъ его туловище такъ, что нельзя было нигдѣ ущипнуть. Толстыя ноги втиснуты были въ узкія свѣтло-сѣрыя брюки, по тогдашней модѣ. Дѣтина этотъ шелъ и поднималъ все плечи. На поклоны нѣкоторыхъ студентовъ онъ отвѣчалъ отрывисто и громко, съ семинарскимъ акцентомъ: „здравствуйте, господа!“

За европейскими профессорами появились оріентальные, надъ которыми Телепневъ уже не задумался, а только осматривалъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Онъ глазамъ не вѣрилъ, когда мимо его прошелъ китаецъ, настоящій китаецъ, какихъ рисуютъ на чайныхъ ящикахъ въ юбочкѣ и въ китайскомъ шлыкѣ, съ кривыми ногами и сморщеннымъ какъ у обезьяны лицомъ. Китайцу никто не кланялся; онъ только щурилъ свои микроскопическіе глазки и покачивался на кривыхъ ногахъ. Явились и другіе сыны востока. Торжественно вошелъ въ корридоръ темно-коричневый старецъ съ лимоннымъ отливомъ. На головѣ его была чалма изъ пестрой шали. Сторожъ снялъ съ него синій халатъ, подъ которымъ очутился другой, зеленый. Телепневъ разсматривалъ его также, какъ и китайца: разглядѣлъ его мягкіе сапоги и какой-то ящичекъ,

привѣшенный къ поясу. Впослѣдствіи онъ узналъ, что это чернилица. „Арабъ, арабъ!“ послышалось въ группахъ новичковъ. Студенты съ восточными физіономіями кланялись этому сыну степей, и онъ величественно кивалъ имъ въ отвѣтъ.

За арабомъ слѣдовалъ персъ, должно быть, большой франтъ, съ яркимъ шелковымъ нагрудникомъ и щегольскими разрывными рукавами. Въ его костюмѣ было уже много европейскаго: шинель, которую онъ снялъ при входѣ, перчатки, сѣрые панталоны и сапоги. Передъ зеркаломъ онъ причесался, и Телепневъ слышалъ, что съ однимъ изъ студентовъ онъ заговорилъ по-русски, хоть и съ акцентомъ, но свободно. Телепневъ ожидалъ явленія еще какой-нибудь фигуры въ халатѣ или бараньей шапкѣ, но больше никто не показывался изъ сыновъ востока. Въ нѣкоторыя аудиторіи вошли профессора. Но масса студентовъ и новичковъ ходила по корридору и кого-то дожидалась. Телепневъ посмотрѣлъ на часы, было уже 32 минуты перваго. Изъ этого онъ заключилъ, что профессора имѣли обычай начинать лекцію полчаса позднѣе звонка.

Наконецъ сторожъ, приставленный къ стеклянной двери, широко растворилъ ее и вошелъ тотъ профессоръ, котораго ждали. „Деканъ, деканъ!“ послышалось въ толпѣ, и всѣ почти бросились въ двери первой аудиторіи налѣво. Телепневъ смотрѣлъ на вошедшаго. Это былъ высокій человѣкъ съ жесткимъ, опухшимъ и рябоватымъ лицомъ. Облѣзлое тѣмя прикрывалось волосами, зачесанными на виски. Онъ немного горбился и, глядя свои волосы на вискахъ, какъ-то все отдувался и икалъ. Одѣтъ онъ былъ, какъ одѣваются старыя учителя гимназій: во всемъ синемъ, довольно потертомъ, галстухъ съ пряжкой, манишка торчкомъ. Сторожъ снялъ съ него старомодную шинель коричневаго комлота, и онъ, взявши подъ мышку потасканный портфель, пошелъ по корридору. Вся фигура этого человѣка говорила о какой-то грубой силѣ, о чемъ-то дѣльномъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ учительствомъ отзывалась она. Деканъ пошелъ по корридору, а всѣ ожидавшіе его слушатели забрались въ аудиторію такъ, что площадка совсѣмъ опустѣла. Телепневъ подошелъ къ росписанію лекцій, висѣвшему на стѣнѣ подлѣ объявленія инспектора, и прочи-

талъ, что въ первой аудиторіи отъ двѣнадцати до часу — лекція русской исторіи ординарнаго профессора и декана юридическаго факультета Павла Алексѣевича Тихонова. Теплепневу, какъ камералисту, нужно было слушать русскую исторію, и онъ повернулъ съ площадки въ первую полуоткрытую дверь.

VIII.

Аудиторія, куда вошелъ Теплепневъ, представляла собой амфитеатръ, въ нѣсколько рядовъ лавокъ. Всѣ лавки были заняты слушателями. На первой скамейкѣ помѣщались второкурсники и самые рьяные изъ новичковъ. Теплепневъ пробрался на самый верхъ, и оттуда смотрѣлъ на шумное сборище. на разнокалиберныя фizioноміи слушателей, на черную доску, стоящую подлѣ кафедры, которая вовсе не была похожа на гимназическіе кафедры и представляла собой довольно высокій шкафъ съ двумя ступеньками и кресломъ внутри. Юность и нѣкоторая необузданность чувствовалась въ массѣ слушателей. Но и самымъ краснощежимъ гимназистикамъ желательно было изобразить на своей фizioноміи нѣкоторую ученую важность. Особенно задорно смотрѣли юноши, надѣвшиіе наканунѣ только очки. Почти передъ всѣми лежали тетрадки, приготовленныя для записыванія лекціи, У иныхъ новичковъ такъ и зудѣли руки, но были и такіе, и даже не мало, которые занимались чищеніемъ ногтей иликовыряньемъ лавки и стола, что очень хорошо напомнило Теплепневу гимназическія времена. Прошло и еще пять минутъ и наконецъ въ дверяхъ показалась учительская фигура декана. Онъ подошелъ къ кафедрѣ дѣловымъ шагомъ, наклоня голову и помазывая виски ладонью правой руки.

Наступило глубокое молчаніе. Видно было, что этого суроваго историка побаивались. Онъ расположился на креслѣ, довольно долго разбиралъ свои тетрадки, нѣсколько разъ ик-

нулъ, и наконецъ разразился фразой. Голосъ его соотвѣтствовалъ размѣру аудиторіи. Этотъ голосъ отзывался надутой торжественностью. Въ немъ проскользали носовые звуки, и ораторъ, дѣлая частыя паузы, вдругъ пускалъ какое-нибудь слово, точно волчокъ.

„Милостивые государи!„ началъ громогласно деканъ, и на лицахъ новичковъ явилась улыбка отъ мысли, что ихъ называютъ: милостивые государи. Это щекотнуло немного и Телепнева.

„Милостивые государи!„ повторилъ громогласно ораторъ: „приступая къ изложенію отечественной исторіи, позвольте мнѣ (опять улыбка на лицахъ новичковъ) предпослать нѣсколько соображеній, имѣющихъ связь съ предметомъ предстоящихъ чтеній.“

„Экъ какъ говорить-то!“ подумали многіе изъ юношей, „точно бисеръ нанизываетъ!“ Телепневу сразу показалось что-то неладнымъ въ тонѣ профессора. Слогъ былъ слишкомъ высокопаренъ, а манера говорить ни мало не симпатична.

„Имѣя намѣреніе, трубилъ профессоръ, изложить предъ вами, милостивые государи, новый періодъ отечественной исторіи, открывающійся геніемъ великаго преобразователя Россіи, я позволю себѣ, милостивые государи, подвергнуть вашему вниманію нѣсколько вопросовъ, касающихся понятій объ историческомъ значеніи геніальныхъ дѣятелей, къ числу коихъ безспорно принадлежитъ и нашъ сѣверный колоссъ, нашъ вѣнчанный просвѣтитель, императоръ Петръ“

Вся эта напыщенная тирада вылетѣла точно изъ мѣдной трубы, сопровождаемая свисгающимъ скрипомъ перьевъ. Тѣмъ которые писали, было, конечно, лучше: они только подбирали слова; но Телепневъ, хотя и съ любопытствомъ, но безучастно и даже съ улыбкой слушалъ этотъ трескучій потокъ словъ съ паузами и икотой.

Профессоръ вдался въ длинѣйшее разглагольствованіе о томъ: что такое геній, когда онъ необходимъ для историческаго движенія народа, и глубокомысленно разбиралъ вопросъ, прошло-ли теперь время геніевъ или нѣтъ, а если не прош

до, то какъ они будутъ дѣйствовать при тѣхъ или иныхъ условіяхъ.

Слушатели, и пишущіе, и непишущіе, были, вѣроятно, подавлены потокомъ словъ. Но все-таки новичкамъ казалось, что они записываютъ и слушаютъ что-то очень глубокомысленное; а главное, имъ пріятно было сознавать, что это не урокъ какой-нибудь; никто не крикнетъ: Оедоровъ! отвѣчайте-ка! а называютъ ихъ *милостивые государи* и *останавливаютъ ихъ вниманіе* и просятъ у нихъ позволенія *предпослать нѣсколько соображеній* и т. д.

Вынесли-ли слушатели что-нибудь путное изъ первой лекціи громогласнаго декана—весьма сомнительно; по крайней мѣрѣ у Телепнева остались въ головѣ только клочки кой-какихъ фразъ и мыслей. Но эти мысли, фразы, были ему совершенно постороннія. Они не разбудили въ немъ желанія думать. Онъ не могъ сказать, чего ожидалъ отъ первой лекціи; но все таки прекрасно сознавалъ, что не этого. Да и могъ ли быть живымъ для массы новичковъ и гимназистовъ отвлеченный вопросъ о томъ, что такое геній и что не геній, когда никто изъ нихъ не понималъ хорошенько, въ чемъ состоитъ историческое движеніе не только русскаго, но и какого бы то ни было народа.

Передъ звонкомъ, натрубившій вдоволь историкъ значительно икнулъ и посмотрѣлъ на часы. Прервался потокъ громкозвучныхъ предложеній съ нѣмецкимъ строенъ, и онъ завершилъ свою лекцію тирадой, вызвавшей опять пріятную улыбку на лица новичковъ: „Милостивые государи!“ возгласилъ онъ, „позвольте мнѣ имѣть честь остановить ваше вниманіе на изложенныхъ мною соображеніяхъ. Въ послѣдующее чтеніе я продолжу эти соображенія, на сколько они будутъ вытекать изъ существа самаго вопроса.“ Деканъ приподнялся, собралъ свои тетрадки и, спустившись съ кафедры, пошелъ въ дверь, помазывая свои виски. Вся аудиторія встала и провожала его почтительными поклонами.

IX.

Въ корридорѣ, вокругъ Телепнева, жужжалъ говоръ. Юношество видимо было возбуждено многословной лекціей о геніѣ. Всего больше волновались, конечно, гимназисты. Нѣкоторые выхватывали даже фразы изъ тетрадки и дѣлились ими съ товарищами. Телепневъ подошелъ къ росписанію и увидалъ, что на камеральномъ разрядѣ лекцій больше нѣтъ; но на юридическомъ стояла лекція римскаго права, въ шестой аудиторіи. Домой ему не хотѣлось, и онъ полюбоствовалъ послушать римскаго права. Профессоръ былъ съ какой-то мудреной нѣмецкой фамиліей. Прохаживаясь по корридору, Телепневъ задумался. Чувство одиночества защемило его посреди всей этой шумной толпы сверстниковъ. Знакомыхъ не было, да и трудно было ему завязывать знакомства такъ, какъ это дѣлалъ Горшковъ. Онъ сознавалъ, что всѣ эти юноши гораздо довольнѣе его, что ихъ наполняетъ животрепещущій интересъ минуты, что они полны удовольствія, вкушая новыя преимущества большаго человѣка—студента. И очень досадно ему стало, отчего и въ немъ нѣтъ того же; отчего онъ такъ безучастенъ ко всему окружающему, точно начитался онъ романовъ и хочетъ представлять изъ себя героя уже все испытавшаго. Его влекло къ этой массѣ свѣжей молодости, разгуливающей по корридору, гораздо больше, чѣмъ къ самому университету; но и тутъ не доставало ему пріемовъ. Онъ впервые почувствовалъ, что въ послѣднее время былъ слишкомъ поглощенъ своей личной жизнью. И тотчасъ же, при этой мысли, явились опять передъ нимъ неразлучные образы, и еще тоскливѣе стало ему еще мельче и ничтожнѣе показалась ему вся эта корридорная суета.

Сѣлъ онъ опять на окно площадки, гдѣ наблюдалъ, въ первый разъ, входящихъ профессоровъ. Площадка и корридоръ почти опустѣли, остались одни новички—юристы перваго курса. Стеклянная дверь сильно звякнула и Телепневъ

поднялъ голову Онъ былъ въ эту минуту очень грустно настроенъ, но все-таки не могъ удержаться отъ улыбки. Въ коридоръ влетѣла пресмѣшная фигура: старикъ, какъ-то весь перекошенный, въ сѣромъ утконообразномъ картузѣ уродливой формы, въ какихъ обыкновенно являются комическіе резонеры на провинціальныхъ и столичныхъ сценахъ. Искривленное туловище старика прикрывала вытертая свѣтло-зеленая бекешъ, покроя тридцатыхъ годовъ, съ собачьимъ воротникомъ, хотя на дворѣ стоялъ очень теплый сентябрь. Когда старикъ снялъ свой безконечный картузъ, открылась огромнѣйшая голова, покрытая сѣдыми всклокоченными волосами. Желтое морщинистое лицо какъ-то тоже перекосилось. На круглый носъ надѣты были серебрянныя толстыя очки. Одинъ глазъ глядѣлъ въ бокъ, а другой совсѣмъ былъ закрытъ, и придавалъ еще болѣе странный и даже дикій видъ фигурѣ старика. Снявши порывисто бекешъ, съ помощію сторожа, онъ вытащилъ изъ задняго кармана, какой-то свертокъ и зашагалъ стремительно по корридору, устремляясь все въ одну сторону и глядя бокомъ единственнымъ своимъ глазомъ. Телепневъ не могъ безъ смѣху смотрѣть на фигуру старика, и онъ почему-то догадался, что это и долженъ быть профессоръ римскаго права съ мудреной фамиліей. Онъ отправился въ шестую аудиторію, куда вошли всѣ ожидавшіе одноглазаго профессора. Слушателей было человѣкъ подъ тридцать и все новички. Минуть черезъ пять явился профессоръ и возсѣлъ на кафедру. Онъ ужасно засопѣлъ, разглядывалъ однимъ глазомъ своихъ слушателей и вѣдѣлывалъ смѣшнѣйшія эволюціи своимъ огромнымъ ртомъ, откуда торчали рѣдкіе большіе зубы, всѣ почернѣвшіе.

„Онъ очень смѣшонъ, думалъ Телепневъ; но вѣдь какъ же судить по наружности? можетъ быть, онъ ученѣйшій человѣкъ.“ И приготовился онъ слушать совсѣмъ незнакомую для него штуку Въ гимназіи онъ и не задумывался надъ тѣмъ, что такое право, а юридическія науки представлялъ себѣ больше въ видѣ законовъ. Тоже самое, вѣроятно, думали и присяжные слушатели сѣдовласаго циклопа, новички-юристы. Всѣ они приготовились записать лекцію и сидѣли въ ожидающей позѣ, глядя пристально на кафедру и на профессора.

А профессоръ сопѣлъ, сопѣлъ и наконецъ, оставивши тетрадку въ бокъ, началъ читать. Телепневъ, при всей своей серьезности, чуть-чуть не прыснулъ; да той же опасности подверглись-было и всѣ остальные слушатели: такъ неожиданно-уродливо было русское произношеніе профессора. Каждый изъ слушателей тотчасъ же сообразилъ, что профессоръ не можетъ связать двухъ словъ по-русски и еле еле разбираетъ написанное въ тетрадкѣ.

„Римское право!“ крикнулъ старикъ, и его передернуло. „*R* большое, *n* маленькое и подчеркнуть, господа, подчеркнуть!“

Телепневъ ушамъ своимъ не вѣрилъ. Въ самомъ дѣлѣ, штука была поразительная и должна была поставить вверхъ дномъ всѣ мысли юныхъ слушателей объ университетскомъ преподаваніи.

И съ каждою минутою, это представленіе дѣлалось все смѣшнѣе и страннѣе. Мало того, что происходила школьная диктовка, сѣдовласый старецъ кричалъ даже, гдѣ ставить знаки: colon, semicolon, punctum, не умѣя назвать ихъ по-русски. И съ каждымъ словомъ, произношеніе его становилось все уродливѣе, а въ нихъ мѣстахъ слушатели приходили въ крайнее недоумѣніе, потому что рѣшительно нельзя было понять, что такое прочелъ ученый юристъ. Въ результатѣ вышло, конечно, то, что кто записывалъ записалъ вздоръ, а кто только слушалъ, какъ Телепневъ, тотъ, выйдя изъ аудиторіи по окончаніи лекціи, могъ мысленно или вслухъ сказать: чортъ знаетъ что такое! А невозможный профессоръ, какъ ни въ чемъ не бывало, засовалъ свою рукопись въ задній карманъ и также стремительно помчался въ корридоръ.

Х.

Пока Телепневъ ѣдетъ домой изъ университета, перебирая въ головѣ все то, что онъ вынесъ изъ сегодняшнихъ впечатлѣній, посмотримъ, что видѣли и что слышали Горшковъ и Абласовъ.

У Горшкова было также двѣ лекціи. Первая — рано утромъ въ общихъ аудиторіяхъ. Слушалъ онъ алгебраическій анализъ, ну и, разумѣется, не вынесъ онъ изъ этой лекціи ничего новаго, кромѣ того, что уроковъ не спрашиваютъ. Читалъ очень скромнаго вида господинъ въ почтенныхъ лѣтахъ, хотя и значился въ росписаніи только адъюнктъ-профессоромъ. Изложеніе было сухое, спокойное; но болѣе толковое, чѣмъ во время оно у Ардальона Захаровича. Самый предметъ занималъ Горшкова, и онъ очень аккуратно записалъ всю лекцію на клочкахъ бумаги. Товарищей у него оказалось довольно, человѣкъ тоже тридцать. Были между ними всякія народы: человѣка два франтиковъ, на лицахъ которыхъ такъ и было написано, что они стремятся въ ученые офицеры; были ужасно косматые юноши съ задатками буйныхъ нравовъ; большинство же представляло типъ угрюмый и даже придавленный — будущихъ безвѣстныхъ учителей математики. Горшковъ, разумѣется, со многими заговорилъ и узналъ кто, откуда и зачѣмъ поступилъ на математическій факультетъ. Оказалось, что онъ былъ единственный вольнослушатель во всемъ факультетѣ, и это извѣстіе было ему очень пріятно.

Послѣ алгебраическаго анализа, первокурсники отправились на лекціи физики. Физика читалась въ одномъ изъ зданій ученаго вида, стоящихъ на университетскомъ дворѣ. Нижній этажъ этого зданія занимала химическая лабораторія, а верхній — физическій кабинетъ. На физику собралось много народу. Кромѣ математиковъ и естественниковъ, тутъ былъ еще цѣлый первый курсъ медиковъ, человѣкъ шестьдесятъ, коли не больше. Горшковъ столкнулся съ Абласо-

вымъ, и сѣли они вмѣстѣ на первой скамейкѣ полукруглаго амфитеатра.

Нигдѣ еще не былъ? спросилъ Горшковъ Абласова.

— Нѣтъ, это первая лекція.

— Какъ-то противъ нашего Захарыча будетъ?

— А можетъ и хуже, отозвался Абласовъ, съ серьезной миной.

— Эхъ народу-то навалило! крикнулъ Горшковъ, безцеремонно озираясь на всю публику.

— Все наша братія — медики, тихо промолвилъ Абласовъ.

Дверь изъ кабинета съ шумомъ отворилась, и выбѣжалъ оттуда маленькой человѣчекъ, весь сгорбленный, съ ключковатымъ носомъ и курчавыми волосами, что-то среднее между итальянскимъ разнощикомъ и жидовскимъ факторомъ. Раскланявшись съ публикой, онъ началъ вертѣться около кафедры, потряхивая головой и дѣлая разныя ужимки и подергиванія. Началъ онъ говорить скоро-скоро, визгливымъ, бабьимъ голосомъ, съ какимъ-то вскрикиваньемъ и, въ добавокъ, съ очень рѣзкимъ акцентомъ неизвѣстно какого оттѣнка. На лицахъ слушателей выразилось недоумѣніе. Фигура, манеры и выговоръ профессора не располагали къ слушанію лекціи. А между тѣмъ онъ былъ ученый мужъ, наговорилъ многое множество вещей, и въ первую лекцію втиснулъ чуть не всю физику, перескакивая отъ одного предмета къ другому, кидаясь къ доскѣ на каждомъ шагу для выкладокъ, такъ что весь этотъ трескъ и визгъ, всѣ цитаты, факты и явленія подъ конецъ перемѣшались и перепутались въ головахъ слушателей. Только и осталось въ памяти горбатая и крючконосая фигура профессора съ жидовскими манерами.

— А вѣдь дѣльная, должно быть, башка, говорилъ Горшковъ Абласову, сходя по лѣстницѣ.

— Не знаю, братъ, отвѣтилъ Абласовъ, что-то спутано больно, и не разберешь. Для насъ, медиковъ, надо бы по-проще.

— А какой, братъ, онъ націи?

— А кто его знаетъ: лице еврейское, а можетъ и итальянецъ какой.

— Ты куда, Абласовъ, спросилъ Горшковъ: домой?

— Нѣтъ, братъ. я вотъ налѣво, въ анатомическій театръ. Первая лекція анатоміи будетъ; здѣсь, братъ, профессоръ-то знаменитый. Не хочешь ли и ты зайти?

— Нѣтъ, дяденька, не хочу я на вашу мертвечину и глядѣть-то. Мнѣ нужно фортопіаны подыскать на прокатъ. Къ двумъ часамъ придешь?

— Приду, крикнулъ Абласовъ, и пошелъ по дорожкѣ черезъ садикъ, разбитый передъ анатомическимъ театромъ.

XI.

Низенькая дверка вела въ небольшія сѣни, откуда, поднявшись нѣсколько ступеней, Абласовъ отворилъ большую дверь и очутился въ передней, предъ аудиторіей, гдѣ уже слушатели покрывали скамейки. Съ первыхъ шаговъ, его обдало особымъ запахомъ гнили, какого ему еще не случалось нюхать. Откуда исходилъ этотъ запахъ, онъ не замѣчалъ, но и самыя стѣны были имъ проникнуты. Аудиторія была — круглая зала, съ куполомъ и въ два свѣта. Лавки шли по стѣнамъ, амфитеатромъ. По срединѣ залы стояло большое кресло, а передъ нимъ длинный столъ, окрашенный черной краскою. Отъ него разило посильнѣе, чѣмъ отъ стѣнъ и лавокъ. По крайней мѣрѣ, такъ показалось Абласову. Въ углу, у доски, помѣщался скелетъ, а между оконъ стояло нѣсколько шкафовъ съ разными препаратами, которые новички осматривали съ любопытствомъ. Для Абласова все тутъ было ново. Но такъ какъ онъ постоянно готовилъ себя въ студенты медицины, то ему показалось все это точно знакомымъ, по крайней мѣрѣ, оно очень подходило къ тому, что онъ не разъ представлялъ себѣ.

Изъ задней комнаты, сторожъ вынесъ на черной доскѣ нѣсколько костей и поставилъ на столъ. Всѣ успѣли по мѣстамъ, и въ залу вошелъ человекъ лѣтъ подъ пятьдесятъ съ

громадной курчавой прической, острымъ рябоватымъ лицомъ и тонкими губами. Бодрой, неспѣшной походкой подошелъ онъ къ креслу, и отдавши легкій поклонъ аудиторіи, сѣлъ въ кресло, склонивши немного свою большую голову къ лѣвому плечу. Быстрымъ взглядомъ окинулъ онъ скамейки амфитеатра, гдѣ въ рядахъ новичковъ виднѣлись и потертые сюртуки старыхъ медиковъ. Съ улыбкой посмотрѣлъ онъ на нихъ, и проведя правой рукой по волосамъ, началъ лекцію.

Онъ говорилъ тихо, немного въ ность, но плавно, безъ паузъ. Каждая его фраза легко усвоивалась. Мысли смѣняли одна другую безъ натяжки, безъ педантизма. Онъ пересыпалъ общія понятія своей науки остроумными замѣчаніями; при чемъ улыбка всегда скользила по его тонкимъ губамъ. Говоря объ анатоміи, онъ сейчасъ же сумѣлъ дать почувствовать своимъ молодымъ слушателямъ въ какой міръ онъ ихъ вводитъ. Каждому, самому неразвитому гимназисту, заронилъ онъ въ голову, что такое преподаваніе уже не школьное зубреніе, а наука. Абласовъ живо почувствовалъ, какъ слова профессора шевелили его умъ и дѣйствительно открывали передъ нимъ совершенно новый міръ. И все ему понравилось въ профессорѣ, и умное лицо, и оригинальная манера говорить, и остроты, и тонкая насмѣшливая улыбка... Все это отзывалось не казеннымъ учительствомъ, а живой работой ума. Лекція пролетѣла незамѣтно; но зато ни одно слово не пропало даромъ. Всѣ юноши были видимо возбуждены. И даже скромный Абласовъ почувствовалъ необходимость похвалить лекцію какому-то долгогривому новичку, который вмѣстѣ съ нимъ выходилъ изъ анатомическаго театра.

ХІІ.

Въ третьемъ часу, наши пріятели всѣ собрались домой. Они сообщили другъ другу, чего насмотрѣлись и наслушались въ это утро. Одинъ Абласовъ могъ сказать, что не даромъ пошелъ въ университетъ. И было имъ какъ-то жут-

ко отъ того, что пришлось съ перваго же дня мириться съ тѣмъ же, что они ругали и въ гимназiи. Правда, въ нихъ самихъ не было, ни опредѣленныхъ требованiй, ни серьезной подготовки; но вѣдь молодость желаетъ лучшаго, не спрося и вѣруя, что ея требованiя, какъ бы не были они рѣзки, все-таки законны.

Телепневъ убѣдилъ Абласова приходить обѣдать къ нему. Они всѣмъ троемъ помѣстились къ столу и, поговоривши объ лекціяхъ, перешли къ болѣе житейскимъ предметамъ.

— А кто у тебя сосѣди? спросилъ Телепневъ Абласова.

— Да какіе-то трое симбирцевъ: одинъ, должно быть кутила, другой медикъ, а третiй мало показывается. При нихъ человѣкъ есть.

— Что жъ ты къ нимъ не сходишь? крикнулъ Горшковъ.

— Съ какой стати?

— Да такъ, для знакомства.

— Да тутъ, братъ, коли со всѣми знакомиться, такъ и времени не напасешься.

— Время можно найти! крикнулъ Горшковъ; а вотъ я къ тебѣ заберусь на галдарейку-то и всѣмъ визитъ отдамъ. Да пойдете, братцы, послѣ обѣда! Ты, Боря, на эту чучелу не смотри, указалъ онъ на Абласова. Онъ пріѣхалъ сюда мертвечину рѣзать, а намъ надо себя показать и людей посмотреть.

— Но какъ же ты, Валеріанъ, проговорилъ Телепневъ, устроился со своей музыкой?

— Заходилъ, братъ, къ фортопіанщику, тутъ на Преображенской,—на-прокатъ проситъ пять рублей въ мѣсяцъ.

— Ну, а какъ же на счетъ уроковъ?

— А вотъ, братецъ, завтра день праздничный, такъ я отправлюсь Христа славить. Телянина письмо мнѣ дала къ одной модной барынѣ здѣсь, начальницѣ института. Я ее живымъ манеромъ запрягу, чтобы достала мнѣ уроковъ.

Послѣ обѣда Горшковъ повелъ всѣхъ на галдарейку. Квартирка Абласова вся состояла изъ двухъ комнатъ. Въ первой, за перегородкой, помѣщалась кровать, а вторая служила всѣмъ, чѣмъ угодно. Темненька и грязненька была квартира,

и Телепневу все хотѣлось перетащить къ себѣ не сговорчиваго товарища.

— А дома сосѣди? спросилъ Горшковъ.

— Кто-нибудь да есть, промолвилъ Абласовъ.

— Я пойду, братцы, такъ-таки и отрекомендуюсь.

— Полно, удерживалъ его Абласовъ.

— Чего тутъ полно?

Горшковъ выбѣжалъ въ сѣни. Отворивши дверь въ сосѣдную квартиру онъ не нашелъ въ первой комнатѣ никого. Это его не остановило, онъ пошелъ во вторую. Довольно странное зрѣлище предстало передъ нимъ. На двухъ низенькихъ, ободранныхъ диванахъ, занимавшихъ цѣлыхъ двѣ стѣны, лежали двѣ фигуры, обѣ въ халатахъ. А по срединѣ комнаты, помѣщалась третья фигура на стулѣ, съ книжкой въ рукахъ, также въ халатѣ. Эта фигура читала въ слухъ стихи.

Горшковъ влетѣлъ въ комнату, и въ удивленіи остановился. Онъ окинулъ взглядомъ все, что предъ нимъ было, и разсмотрѣлъ, что студенты на диванахъ спали сномъ праведныхъ; а третій—чтецъ забавлялся, вѣроятно, для собственного удовольствія, или для засыпки товарищей. Наружность чтеца была не изъ взрачныхъ. Круглая голова, плотно остриженная, носъ въ видѣ пуговицы, маленькія глаза и очки, все это имѣло какой-то китайскій видъ. Драпировался онъ въ узенькій бухарскій халатъ изъ буро-желтой тармамы; на ногахъ виднѣлись красные сафьянные сапоги. Курносый студентъ вопросительно взглянулъ на Горшкова и немного стѣснился. Горшковъ тоже хотѣлъ было сконфузиться, однако нашелся, и шаркнувъ ножкой, заговорилъ весьма бойко.

— Мы съ вами сосѣди. Моя фамилія Горшковъ, вольный слушатель математическаго факультета, насъ здѣсь трое изъ верхнегородской гимназіи,—имѣли желаніе съ вами познакомиться!

Чтецъ стиховъ улыбнулся и протянулъ Горшкову руку.

— Очень пріятно, проговорилъ онъ. Мы здѣсь ужъ давно. Грязна эта чекчуринская казарма, прибавилъ онъ съ усмѣшкой, да вотъ товарищи мои очень привыкли. И онъ указалъ на лежащіе халаты.

Курносый студентъ видимо стѣснялся непредставительностью своей квартиры.

— Вы курите? спросилъ онъ Горшкова.

— Курю.

Халатъ опять немножко стѣснился.

— Извините, проговорилъ онъ: я самъ не курильщикъ, я вотъ сейчасъ разбужу ихъ.

— Не нужно, не нужно! крикнулъ такъ Горшковъ, что лежавшіе на диванахъ вскочили; что, въ свою очередь, заставило Горшкова сконфузиться.

Первый изъ проснувшихся имѣлъ прекуръозную наружность. Большая голова была покрыта нечесанными волосами какого-то пепельно-бураго цвѣта. Волоса эти висѣли прядями, въ разныя стороны. Все лицо покрыто было какими-то прибавленіями всевозможныхъ цвѣтовъ. Носъ крючкомъ, пресмѣшной формы. Глаза онъ щурилъ и протиралъ. Во всей его фигурѣ пробивалась смѣсь неряшества съ какой-то удалью и юморомъ, который сидѣлъ у него въ выраженіи губъ и въ движеніяхъ, какія онъ дѣлалъ носомъ и волосами. Второй, проснувшійся былъ коренастый небольшого роста малый съ зачесанными вверхъ жесткими черными волосами, съ недовольнымъ, нѣсколько тупымъ лицомъ. Изъ подъ густыхъ бровей холодно смотрѣли сѣрые глаза. Все лицо представляло четырехугольникъ съ плоскимъ непріятнымъ носомъ.

Оба проснувшіеся, приподнявшись на диванахъ, глядѣли съ удивленіемъ на Горшкова.

— Гриневъ, обратился курносый къ косматому: гдѣ у тебя папиросы?

— Въ комодѣ, въ первомъ ящикѣ, отвѣтилъ Гриневъ, и такъ при этомъ потрянулъ своими космами, что Горшковъ невольно усмѣхнулся.

Курносый отправился доставать папиросы.

— Пожалуйста не безпокойтесь, заговорилъ Горшковъ. Я васъ разбудилъ? обратился онъ къ Гриневу и другому студенту

— Ничего не значить, отвѣтилъ косматый, расправляя свои волосы. Онъ не счелъ нужнымъ вставать, даже не опу-

стиль ногъ, а только поправилъ подушку, и облокотившись на нее, сѣлъ и подложилъ подъ себя ноги калачикомъ.

— Дубровинъ, крикнулъ онъ черноволосому: вставай! Это безобразіе, какъ ты валяешься!

Черноволосый искоса взглянулъ на него, и запахиваясь халатомъ, приподнялся и всталъ на ноги.

— Буеракинъ, продолжалъ Гриневъ: дай же и мнѣ папироску.—А вы, обратился онъ къ Горшкову, садьте-ка вотъ тутъ около меня. Вы сосѣдъ намъ?

— Мы здѣсь втроемъ, отвѣтилъ Горшковъ: товарищъ мой, Абласовъ живетъ противъ васъ, а я и Телепневъ внизу у воротъ.

— Такъ у васъ, должно быть, денегъ много? продолжалъ Гриневъ, скорчивъ гримасу

— У меня-то лишнихъ нѣтъ, смѣясь проговорилъ Горшковъ; это Телепневъ хотѣлъ, чтобъ я съ нимъ помѣстился, да мнѣ и самому съ нимъ веселѣе.

— А у него есть деньгá? быстро спросилъ Гриневъ.

Горшковъ разсмѣялся:

— Да вы что же занять у него хотите? спросилъ онъ.

— А вы думаете не займу? какъ разъ займу.

Курносый, ходившій взадъ и впередъ, остановился передъ диваномъ и съ насмѣшливой улыбкой проговорилъ:

— У него ужъ такая болѣзнь: только и думаетъ, какъ бы гдѣ промыслить.

— Ну, ты мыслитель! крикнулъ Гриневъ: пожалуйста, братъ, не ломайся. Онъ, вотъ видите, на благоприличіи помѣшанъ, обратился Гриневъ къ Горшкову; а у насъ во всей квартирѣ, хоть бы одинъ семишникъ обрѣтался. Приѣхали съ вакаціи, да—знаете—дорогой-то маленько растрясло. Рекомендую вамъ моихъ сожителей. И онъ указалъ на обоихъ. Сей есть Дмитрій Буеракинъ,—скорбитъ, сударь вы мой, объ нуждахъ человѣчества, читаетъ мнѣ для засыпки стихи и пишетъ романы, немножко похуже Милорда Георга. А вотъ этотъ — Дубровинъ Сократъ; да, батюшка, не Греческой, а Симбирской,—просто Сократъ, такое имя есть собачье, любить кое о чемъ помолчать и зубрить анатомію до омерзѣнія! А я, коли желаете знать,—Николай Гриневъ, студентъ

душеспасительныхъ наукъ, камеральными зовомыхъ! Люблю природу и пою:

«Съ красоткой, съ картами, съ виномъ
Мы жизнь безпечную ведемъ!»

а остальное все прахъ и суета!

Горшкову нравился Гриневъ. Ему хотѣлось только привести Телепнева съ Абласовымъ.

— Вы прекрасно сдѣлали, обратился къ нему Буеракинъ, что поступили въ вольные слушатели: васъ не будетъ давить формализмъ.

— Ну разговоры о чувствахъ отставить къ сторонѣ! крикнулъ Гриневъ. Ты ужъ пошелъ развивать юношество! А вы вотъ что скажите мнѣ вольнослушатель: гдѣ ваши товарищи-то?

Горшкову только это и нужно было.

— Они тутъ напротивъ, въ квартирѣ Абласова, заговорилъ онъ.

— Тащите ихъ, крикнулъ Гриневъ. Дубровинъ, есть у насъ чай?

— Какъ же не быть чаю, отвѣтилъ басомъ медикъ. Ты самъ знаешь, что третьяго дня купили.

— Да вѣдь вы съ Михалъ Мемноновымъ по пятнадцати самоваровъ задуваете. Михалъ Мемноновъ! крикнулъ онъ въ первую комнату.

— Нѣтъ его, отозвался Буеракинъ.

— Куда жъ онъ дѣлся?

— Послалъ взять почтовой бумаги.

— Вотъ, батюшка, крикнулъ Гриневъ: сей мудрецъ въ безчисленной перепискѣ состоитъ съ разными дѣвицами объ высокихъ предметахъ. И, вдругъ ни съ того, ни съ сего, Гриневъ раскрылъ ротъ и дикимъ голосомъ заоралъ:

«Дай мнѣ луку,
Иль перцу,
Иль чесноку,
Макаронъ!»

Горшковъ расхохотался.

— Веселый вы, вырвалось у него. Такъ позвольте же привести товарищей-то.

— Да что за церемонія, батюшка: тащите ихъ!

Горшковъ бросился къ Абласову, а Гриневъ вслѣдъ ему заораль:

«Дружина храбрая впередъ,
Дирекція направо!»

— Ну, братцы, заговорилъ Горшковъ вбѣгая къ товарищамъ: я съ ними познакомился. Веселый народъ, пойдемте туда.

Абласовъ было противился, но Горшковъ таки настоялъ на своемъ, и потащилъ товарищей къ своимъ новымъ знакомымъ. Всѣ скоро перезнакомились. Абласовъ заговорилъ съ медикомъ объ анатомическомъ театрѣ, Телепнева занималъ больше курносый блондинъ, Горшковъ болталъ съ Гриневымъ, голосъ котораго царилъ надъ всѣми. Собесѣдникъ Телепнева обстоятельно распросилъ его: откуда онъ, на какой поступилъ факультетъ и даже предложилъ ему вопросъ: чувствуетъ ли къ чему призванье или нѣтъ. Телепневу съ первыхъ же словъ его показалось, что этотъ студентъ любитъ поговорить внушительнымъ голосомъ о серьезныхъ предметахъ. Въ немъ видно было желаніе сейчасъ же начать *развитіе* новичка. Отъ этого разговоръ принялъ нѣсколько натянутый характеръ, хотя Телепневъ далеко не прочь былъ кое о чемъ спросить студента.

— Чаю желаете, господа? крикнулъ Гриневъ и запѣлъ:

«Какъ пріятно въ вечеръ майскій
Чай китайскій распивать,
Какъ пріятно въ чай китайскій
Ромъ ямайскій подливать!»

— Выпьемъ, отвѣтилъ за всѣхъ Горшковъ.

— Эй, Михалъ Мемноновъ, явись сюда! крикнулъ Гриневъ.

Изъ первой комнаты явилась фигура служителя.

Михалъ Мемноновъ обладалъ солидной, министерской физиономіей. Высокій лобъ украшался хохломъ, правая щека немножко поприпухла; но тѣмъ не менѣе вся физиономія была пристойна. Коричневый сюртукъ изъ какой-то лѣтней матеріи покрывалъ довольно худощавую фигуру служителя.

— Рекомендую вамъ, господа, крикнулъ Гриневъ, указывая гостямъ на вошедшаго: первый спорщикъ и фанатикъ! Говорить о сотвореніи міра такъ, что волосы дыбомъ становятся!

— Чего изволите? сурово выговорилъ служитель.

— Нѣтъ, не угодно ли вамъ, продолжалъ Гриневъ предложить сему фанатику вопросъ: на чемъ держится земля?

— А на чемъ? подхватилъ Горшковъ, подходя къ служителю.

— Извѣстно на чемъ, и Михалъ Мемноновъ сурово усмѣхнулся,—на водѣ держится.

— Слышите вы? крикнулъ Гриневъ: каковъ фанатизмъ! А какъ онъ, батюшка, хлещетъ политическую экономію,—такъ это, я вамъ скажу, курьозъ!

— Да вамъ, что угодно-то проговорилъ въ сердцахъ Михалъ Мемноновъ, я ужъ это слышалъ-съ.

— Не сердчай, фанатикъ, не сердчай! Вотъ что ты смастери. Изготовь намъ китайскихъ травъ, съ лимончикомъ, слышишь?

— Слышу-съ проворчалъ Мемноновъ и, махнувъ рукой, скрылся.

— Каковъ индивидъ! крикнулъ Гриневъ обращаясь ко всѣмъ. Это, государи мои, нашъ виночерпій и хлѣбодаръ, кассиръ и резонеръ. Находится въ крѣпостномъ званіи вотъ у этого добросерда, показалъ онъ на Буеракина. Ни барина своего, ни всѣхъ насъ,—ни въ грошъ не ставитъ! Во всемъ твердъ, въ нравахъ чистъ; но есть таки одинъ слабый пунктъ, подъ видомъ прачки шведскаго происхожденія!

— Ну ужъ вы начнете прибирать! послышалось изъ первой комнаты.

— О Мемноновъ! воскликнулъ Гриневъ. Мемнонъ или черты мудраго, романъ Вальтера!

— Да ужъ нечего, послышалось изъ первой комнаты: знаемъ ваши прибаутки!

Горшковъ расхохотался. Телепнева тоже очень забавляла эта сцена.

— Это неистощимый предметъ для Гринева, сказалъ ему Буеракинъ. Мой человѣкъ вылился въ такую форму, что пересоздать его невозможно; но Гриневъ все еще надѣется.

— А онъ давно при васъ? спросилъ Телепневъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я въ университетѣ. Личность типичная, добавилъ съ улыбкой Буеракинъ.

— Вы пожалуйста заверните къ намъ, проговорилъ Телепневъ. Мы все дома будемъ, лекцій мало.

— Да ужъ особенно на вашемъ разрядѣ, сказалъ насмѣшливо Буеракинъ.

— Я поступилъ на камеральный, чтобъ осмотрѣться немножко.

— Да, если вы, не торопитесь кончить курсъ, такъ отъ чего же не позволить себѣ такой роскоши? добавилъ Буеракинъ.

А въ углу, на диванѣ Абласовъ велъ очень сухой, казенный разговоръ съ Дубровинымъ о томъ, гдѣ и какъ достать записокъ. Дубровинъ предложилъ ему часть анатоміи; но сейчасъ же прибавилъ, чтобы съ тетрадками обойтись осторожно.

— Купите у меня костей, сказалъ онъ, поглядывая изъ-подлобья на юношу; хорошія кости и не дорого продамъ.

Абласовъ отвѣтилъ на это, что лишнихъ денегъ у него нѣтъ. Этотъ отвѣтъ не понравился Дубровину, и онъ еще не словоохотливѣе продолжалъ бесѣду съ новичкомъ.

— Самоваръ! закричалъ Гриневъ и заоралъ:

«Обѣдать, обѣдать давайте скорѣй,
Люблю я трудиться, за добрымъ столомъ,
Что можетъ быть въ жизни пріятнѣй, милѣй,
Какъ вкусное блюдо съ хорошимъ виномъ?!»

Михалъ Мемноновъ, ставя самоваръ на столъ, только поморщился на такую необузданность Гринева, и когда тотъ кончилъ, онъ внушительно проговорилъ:

— Какой тутъ обѣдъ? чаю-то порядкомъ не напьетесь, какъ добрые люди!

Гриневъ схватилъ его за руку и, вставши на колѣни, запѣлъ тончайшей фистулой:

«Ты не повѣришь, ты не повѣришь,
Ты не повѣришь, какъ ты мила!»

— У, чтобы васъ! варвалось у Михалъ Мемнонова, и махнувъ многозначительно рукой, онъ пошелъ за чашками.

— А вы, господа, архіерейскихъ сливокъ не употребляете? крикнулъ Гриневъ.

— То есть какихъ это? спросилъ Горшковъ.

— Ямайскихъ.

— Нѣтъ, мы этого не употребляемъ.

— Напрасно. Это и въ писаніи говорится, Михалъ Мемноновъ, какъ объ этомъ значится въ книгахъ живота?

— Не знаю-съ! съ сердцемъ отозвался служитель.

— Веселіе есть человѣку пити. Присядьте, господа, начнемъ задувать чай!

За чаемъ бесѣда сдѣлалась оживленнѣе и перешла скоро къ описанію нравовъ чекчуринской казармы.

— А что эта за пѣвица? наивно спросилъ Горшковъ. Мы ее видѣли на галдарейкѣ въ первый день, съ гитарой сидѣла.

— Ха, ха, ха! разразился Гриневъ. Это, батюшка, Дульцинея Тобозская, объ ней вы у одного моего пріятеля можете распросить. И Гриневъ кивнулъ головой въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Дубровинъ.

Курносый Буеракинъ усмѣхнулся. Абласовъ скромно опустилъ глаза.

— Она одна живетъ здѣсь? допрашивалъ Горшковъ.

— А вы, я вижу, Ловелась! Хотя и въ юныхъ лѣтахъ, а до самой сути добираетесь. Нѣтъ, батюшка мой, она здѣсь не одна живетъ, а здѣсь ихъ двѣ сестрицы: Агата и Цецилія, а по-россійски—Людмила и Агашка.

— Гриневъ, заговорилъ Буеракинъ: ужъ ты пошелъ съ своимъ цинизмомъ!

— Чего? А кто третьяго дня вечеркомъ-то пробирался по галдареечкѣ? .. Ну, идеалистъ, скажи-ка?

Курносый немножко покраснѣлъ.

— Да, другъ любезный, обратился Гриневъ къ Горшкову, и положилъ ему на плечо руку: выбрали вы мѣсто злачное! Коли желаете, такъ пойдемте къ сосѣдкамъ въ гости, я вотъ такъ—пашой пойду, они не взыщутъ.

— Нѣтъ, ужъ мы въ другой разъ, поспѣшилиъ отвѣтить Горшковъ и покраснѣлъ.

Медикъ Дубровинъ хмурился. Абласовъ по своей натурѣ

тоже не былъ способенъ поддерживать подобный разговоръ. Телепневъ обратился съ вопросомъ къ Гриневу.

— А каковъ здѣсь театръ? проговорилъ онъ.

— Театръ? вскричалъ Гриневъ и заоралъ:

«Тамъ, тамъ подъ сѣнію кулисъ

Младья дни мои неслись!»

— Вы еще не были, господа? Такъ хватимте сегодня. У насъ нѣкій храмъ музъ, всякую штуку вамъ изобразять. Есть у насъ двѣ партіи, одни стрѣлкисты, а другіе прокописты. Стрѣлкистъ—я. У Стрѣлкиной талантъ, батюшка; я еще ее дѣвчонкой зналъ, когда она толстыми ножищами качучу выдѣлывала на макарьевской ярмаркѣ! И большой талантъ, только физіей не вышла; ну, да это въ сравненіи съ вѣчностью ничего не значить. А прокописты, батюшка, это самая шваль, модники. Вотъ и сочувствователь нашъ къ тому же цеху приписался, и онъ указалъ на Буеракина. Все объ искусствѣ толкуеть, а на повѣрку-то выходитъ—ему любо, когда Прокопова ногой драгнетъ.

— Поѣдемте, господа! обратился Телепневъ къ своимъ товарищамъ.

— Я готовъ, крикнулъ Горшковъ, занятно будетъ посмотреть, какъ здѣсь искусство процвѣтаетъ.

— Ну, а ты Абласовъ? спросилъ Телепневъ.

— Я дома останусь.

— Ну пожалуйста, бутусъ ты, живодеръ ты мой! поѣдемъ, приставалъ Горшковъ къ Абласову.

— А я своихъ уродовъ приглашать не буду; на послѣдній рубль иду Михалъ Мемноновъ, одѣваться!

Гриневъ вскочилъ, зашагалъ по комнатѣ и запѣлъ:

«Пиши куплетъ, когда съ испаньошеткой,

Въ усахъ, съ хохломъ сидитъ въ театрѣ франтъ,

И, съ важностью вертя своей лорнеткой,

Вретъ всякій вздоръ и въ слухъ бранить таланты!»

Показалась голова Михалъ Мемнонова.

— Чего изволите?

— Фанатикъ, одѣваться!

— Во что?

— Въ чемъ полагается быть во храмѣ музъ: пирогъ, се-

ледку, панталонцы съ перехватомъ въ колѣнцахъ и со штри-
виками.

Мемноновъ ничего не отвѣчалъ, а подошелъ только къ
столу.

— Убирать самоваръ? проговорилъ онъ, ни къ кому не
относясь въ особенности.

— Тащи, тащи, крикнулъ Гриневъ.

— Большія здѣсь притензіи въ городѣ, сказалъ улыбаясь
Буеракинъ Телепневу.

— А что? отозвался Телепневъ.

— Да такъ-съ. Все Парижъ изъ себя представляютъ; ну
и въ театрѣ тоже: все даютъ, и оперы и балеты, а ужъ
какъ даютъ—сами увидите.

— Вы до театра не охотникъ? спрашивалъ басомъ Дубро-
винъ Абласова.

— Да я почти и не бывалъ въ театрѣ.

— Трата денегъ одна, а въ сущности — собачья комедія,
пробасилъ Дубровинъ.

— Да почти, что такъ, заключилъ Абласовъ.

— Такъ вы, господа, собирайтесь, а я къ вамъ сейчасъ
зайду, крикнулъ Гриневъ, и началъ одѣваться.

Пріятели наши раскланялись и отправились домой.

ХІІІ.

Въ сторонѣ отъ той площади, гдѣ находился Черный прудъ,
посреди длинной улицы, ведущей въ поле къ женскому ин-
ституту, возвышался городской театръ. Онъ смотрѣлъ весьма
презентабельно и представлялъ собой квадратное зданіе въ
два этажа, съ большими круглыми колонами и какими-то
греческими украшеніями на фронтонѣ. Онъ былъ выстроенъ
лѣтъ пять-шесть передъ тѣмъ, и не успѣлъ еще загрязниться.

Часовъ въ семь, у подъезда стояло, какъ и быть слѣ-

дуетъ, два жандарма и жокалы. Подъѣзжали всякіе экипажи: и коляски мѣстныхъ аристократовъ, и мизерные извозчики съ треуголками и студенческими воротниками.

Наши пріатели и Гриневъ помѣстились на двухъ дрожкахъ; Гриневъ ѣхалъ впереди съ Горшковымъ, и козыремъ влетѣлъ въ театральныя сѣни. Сѣни были большія. Вдоль одной стѣны шла длинная лавка, раздѣленная на маленькія сидѣнья, вѣроятно для служительскаго сословія. Посрединѣ жандармъ снималъ въ эту минуту шинель съ вертляваго адъютанта, завитаго барашкомъ.

— Это, батюшка, крикнулъ Горшкову Гриневъ, замѣчательный офицеръ. Ихъ тутъ двое состоитъ при губернаторѣ. И такой феноменъ: одинъ глупѣе по понедѣльникамъ и четвергамъ; а другой по пятницамъ и воскресеньямъ.

— Ха, ха, ха! разразился Горшковъ.

Адъютантъ презрительно взглянувъ на студентовъ, звякнулъ саблей и отправился въ кресла

— Да что нынче идетъ-то? спрашивалъ Телепневъ, отправляясь за Гриневымъ въ кассу.

— Нынче комедь—первый сортъ! Материнское благословеніе или бѣдность и честь. Стрѣлкина тутъ, батюшка, такъ играетъ, что у васъ всѣ поджилки затрясутся!

Взяли билеты, по совѣту Гринева, въ четвертомъ ряду.

— Съ этого ряда, внушалъ онъ юношамъ, проходя въ кресла, начинается студенческая публика. Тутъ-то самые цѣнители и есть. А всего лучше бы въ раекъ затесаться.

Театральная зала показалась нашимъ юношамъ очень приличной. Ложи были висячія, разрисованы разными цѣвницами и дудками и чуть ли не отдѣланы бархатомъ. Кресла, обитыя краснымъ сукномъ, съ проходомъ по срединѣ и по бокамъ. На занавѣсѣ изображался университетской дворъ съ анатомическимъ театромъ и памятникомъ, что очень понравилось Горшкову. Ложи бель-этажа были совсѣмъ открытыя; но въ первомъ ярусѣ половина ложъ, противъ сцены, раздѣлены были перегородочками съ занавѣсками, что придавало имъ видъ стойлъ. У Телепнева былъ бинокль и онъ осматривалъ всю публику. Въ ложахъ было два-три помѣщичьихъ семейства, съ большимъ количествомъ дѣтей, какая-то

барыня въ красной шали, все незанимательныя личности. Первый ярусъ почти весь былъ занятъ студентами, человѣкъ по семи въ ложѣ; да въ чуланчикахъ виднѣлись купеческія фізіономіи и бороды съ женами въ головкахъ. Въ крайней ложѣ перваго яруса, обращенной къ сценѣ сидѣла татарка, закрытая бѣлой фатой, въ блестящей шапкѣ и въ цвѣтной тебетейкѣ. Сзади ея виднѣлась бритая голова молодого татарина въ золотой ермолкѣ. Онъ упирался на палку и бойко поглядывалъ по сторонамъ.

— Это что такое? спросилъ Телепневъ Гринева, указывая на татарскую ложу.

— А это, батюшка, татарскіе дилетанты. Богатый купецъ съ женой — Байбаковъ. Мыло варить, жуиръ тоже; вопреки Магомету, тянетъ водку и шампанское.

— А жена его?

— Должно быть уродъ какой-нибудь, — не видалъ. У нихъ у всѣхъ рожа, какъ тарелка, и румянятся до омерзѣнія.

Телепневъ поднялъ бинокль на раекъ. И тамъ мелькали свѣтлыя пуговицы, посреди платочковъ, сибирокъ и татарскихъ ермолокъ. Одна изъ литерныхъ ложъ, оклеенная, какими-то яркими обоями освѣщалась изнутри лампой. Впереди сидѣли двѣ дамы: брюнетка уже не первой молодости съ орлинымъ носомъ и молодая женщина съ чрезвычайно игривой фізіономіей. Телепневъ довольно долго смотрѣлъ на нее. Свѣтлыя волосы ея были очень шикарно взбиты. Свѣтлый цвѣтъ лица, не много вздернутый носъ, большіе бойкіе глаза, щеки съ ямочками и крупныя полуоткрытыя губы, все это вмѣстѣ давало ей очень пикантную и бросающуюся въ глаза наружность. Дама подняла руку, и на ея длинныхъ бѣлыхъ пальцахъ, безъ перчатки, можно было разглядѣть множество колецъ.

— Кто это? спросилъ Телепневъ Гринева.

— Аристократка какая-то, громко отвѣтилъ Гринева, они здѣсь, батюшка, всѣ и въ хвостъ, и въ голову... И Гринева махнулъ рукой, не договоривши фразы.

Въ креслахъ было довольно народу. Облокотившись на барьеръ, стояли туземные фешенебели: два завитыхъ адъютанта, какой-то кавалерійскій штабъ-офицеръ, по всѣмъ при-

знакамъ бонъ-виванъ, съ совершенно бараными глазами, господинъ небольшого роста съ утиной физиономіей, въ тальмѣ по тогдашней модѣ и съ модной тростью, въ которую вдѣланъ былъ бинокль. Плотный и плечистый баринъ, должно быть, крупный пропріетеръ, съ манерами псаля, громко о чемъ-то бесѣдовалъ съ сѣдымъ старичкомъ въ коричневомъ фракѣ. Съ четвертаго ряда начиналась студенческая публика. Въ креслахъ студенты были поблагообразнѣе: причесанные, съ треугольными шляпами и при шпагахъ. Телепневъ замѣтилъ нѣсколько физиономій, встрѣченныхъ имъ на Черномъ прудѣ.

Горшковъ, въ свою очередь, спрашивалъ обо всемъ Гриневу и громко дѣлалъ свои замѣчанія.

— Парижъ, батюшка, Парижъ! вскричалъ Гриневъ и поднималъ руку, чтобы указать на кого-то, но тотчасъ же опустил ее и посторонился въ проходѣ.

Инспекторъ студентовъ выступалъ своей танцмейстерской походкой, и съ начальнической граціей кивалъ головой подчиненному юношеству, которое инстинктивно поправляло свои сюртуки и волосы.

— Познакомились съ нашей свиньей въ ермолкѣ? шепнулъ Гриневъ Горшкову.

— Какъ же; да вѣдь мнѣ наплевать, я вольный слушатель.

Инспекторъ раскланялся съ однимъ изъ адъютантовъ, съ старичкомъ во фракѣ и сталъ оглядывать театр. Мгновенно свѣтлыя пуговицы какъ-то померкли въ райкѣ; а въ ложахъ перваго яруса водворилось больше спокойствія. Глянцовитая физиономія инспектора самодовольно улыбнулась по окончаніи осмотра.

Присутствіе инспектора и общій видъ всей этой вытяжки, не очень-таки нравилась Телепневу. Особенно противны ему были нѣкоторые студентики. Они такъ и показывали всѣмъ красную подкладку своихъ рукавовъ.

Одинъ обратилъ вниманіе Телепнева своимъ краснощекимъ, неизмѣримо глупымъ лицомъ. Въ глазахъ его сіяла какая-то праздничная тупость, Онъ выпялилъ грудь и обдергивалъ все толстую цѣпочку съ огромнѣйшимъ ключемъ.

— „Какъ, должно быть, ему весело!“ подумалъ Телепневъ. И точно въ отвѣтъ на эту мысль, краснощекій студентъ ни съ того, ни съ сего улыбнулся во весь ротъ. Было уже минутъ двадцать восьмага, а занавѣсъ все-таки не поднимали. Въ райкѣ разъ пять уже начиналось хлопанье, но бинокль инспектора смиралъ эти порывы юности. Оркестръ грянулъ увертюру изъ оперы „Цампа“ Всѣ сѣли въ кресла, и Телепневъ сталъ просматривать афишу. Значились всякія актерскіе фамиліи: былъ тутъ и господинъ Славскій, и Волынкинъ, и Ленскій, и Звѣздаковъ, и кака-то госпожа Незабудкина. Фамиліи двухъ соперницъ—Стрѣлкиной и Прокоповой и актера Славскаго напечатаны были крупными буквами. Въ разсматриваніи афиши принималъ участіе и Горшковъ, которому Гринева расписывалъ каждого актера, завершая каждую сентенцію тѣмъ, что это „большая скотина“.

Два раза прозвѣнѣлъ колокольчикъ и начали „Материнское Благословеніе“ Г-жу Стрѣлкину, при ея выходѣ, встрѣтили аплодисментами, раекъ и первый ярусъ; англійскіе проборы и красныя подкладки шикали, что привело въ ярость Гринева, и онъ высунулъ даже языкъ краснощекому студенту съ толстой цѣпочкой.

— Скоты! крикнулъ онъ, и положивши шляпу на колѣни, началъ съ неистовствомъ хлопать, причемъ поднялъ руки выше головы.

Телепневъ смотрѣлъ на сцену; но самая пьеса его не занимала, онъ только разглядывалъ актеровъ и обстановку. Давно ужъ онъ не былъ въ театрѣ. Ему припомнились дѣтскіе годы, когда у нихъ, въ большомъ дикомъ домѣ, ѣздили еще въ театръ. Театръ этотъ сгорѣлъ, но Телепневъ его прекрасно помнилъ. Губернскіе остряки называли его театромъ на ватѣ. И въ самомъ дѣлѣ, ложи были точно стеганое одѣяло. А въ коридорахъ полъ выказывалъ такія щели, что сверху внизъ можно было все видѣть. Визжали блоки, нестерпимо несло ламповымъ масломъ; и все-таки всѣ любили этотъ балаганъ, сжились съ нимъ, и по зимамъ, кутаясь въ шубы и капоры, утѣшали себя тѣмъ, что еще не очень холодно. И давали тогда все страшныя пьесы: „Терезу жевневскую сироту“, „Разбойниковъ“, „Ненависть къ людямъ“,

„Рыбаковъ, керугальскихъ“ и Боря прятался всегда за барьеръ, какъ только начинали пускать громъ и молнію. Онъ любилъ театръ, но его рѣдко возили, а потомъ, когда начались въ большомъ домѣ годы болѣзни и тишины — не до театра было.

Г-жа Стрѣлкина показалаcя Телепневу не дурной. Это была небольшого роста дѣвушка, плотнаго сложенія, съ коротенькой таліей. Лице ея даже подъ театральными румянами было блѣднаго. Большіе темно-сѣрые глаза, открытый лобъ, не много строгое выраженіе губъ, фізіономія вообще не дюжинная. Въ ея манерахъ, конечно, сказывался провинціальный театръ; но все-таки были у ней движенія такой простоты и чувства, которыя отличали ея игру отъ окружающей обстановки.

Первые три акта прошли благополучно, аплодисменты были въ мѣру, только одинъ Гриневъ обругалъ еще кой-кого изъ прокопистовъ. Въ антрактахъ онъ успѣлъ побывать въ буфетѣ и Телепневъ замѣтилъ, что его угреватые щеки все больше и больше разгорались послѣ каждаго посѣщенія буфета.

Началось четвертое дѣйствіе. Послѣ явленія отца Маріи г-жа Стрѣлкина запѣла раздирающимъ голосомъ:

«Въ хижину бѣдную,
Богомъ хранимую,
Скоро ль опять возвращусь?»

Поднялся ужасный громъ стрѣлкистовъ. Гриневъ неистовствовалъ. На четвертый рядъ обратились глаза начальства. Слышны были какіе-то дикіе возгласы. Шиканье только сильнѣе раздражило массу стрѣлкистовъ, и Гриневъ чуть не бросился на одного бѣлокураго студента, сидѣвшаго позади его въ пятомъ ряду. По окончаніи акта, онъ только было рванулся въ буфетъ, какъ его остановила всемогущая рука инспектора.

— Г Гриневъ, проговорилъ Федоръ Ивановичъ, вы ведете себя неблагопорядочно.

— Помилуйте, Федоръ Ивановичъ, началъ Гриневъ размахивая руками, зачѣмъ же эти скоты шикаютъ?

Лакированная фізіономія инспектора покраснѣла.

— Милостивый государь. проговорилъ онъ ядовитымъ шепотомъ: не угодно ли вамъ отправиться къ дежурному помощнику...

— Да мнѣ совсѣмъ неужгодно, прервалъ Гринева, потряхивая волосами.

— Если вы осмѣлитесь произнести еще одно слово, прошипѣлъ инспекторъ, то я прикажу вывести васъ.

Гринева хотѣлъ было что то такое отвѣтить, да видно одумался, махнулъ только рукой, и повернувшись налѣво кругомъ, пошелъ въ сѣни, а оттуда въ буфетъ. Инспекторъ, замѣтивъ въ буйствѣ одну изъ ложъ перваго яруса, отправился туда и произвелъ тамъ энергическое внушеніе.

Наши юноши были свидѣтелями арестованія Гринева. Горшкову вся эта сцена показалась очень смѣшною.

— Вотъ и тебя, Боря, возьмутъ! шепталъ Горшковъ; а я, братъ, вольный козакъ. Дѣдушка Абласовъ, ты, не бося дрожишь: начальство—не свой братъ!

— Изъ чего только бѣснуются? проговорилъ тихо Абласовъ.

— Ахъ ты рыба, подлекарскій ты ученикъ! шепталъ Горшковъ, тебя ни что не раззадорить.

— Жаль мнѣ Гринева, промолвилъ Телепневъ, такъ, ни за что, попался.

— Планида, братъ, завершилъ Горшковъ, а пора и садиться, вонъ занавѣсъ подымается.

Въ пятомъ актѣ Стрѣлкина играла съ неподдѣльнымъ чувствомъ. Горшковъ, то и дѣло, дергалъ Телепнева за рукавъ и довольно громко восклицалъ: „хорошо, молодцомъ, ай да Стрѣлкина!“ Когда занавѣсъ упалъ, вызовамъ Стрѣлкиной не было конца; прокописты потерпѣли въ этотъ вечеръ полное пораженіе. Они хотя и порывались шикать, но какъ-то нерѣшительно, трусливо, волей-неволей подчиняясь увлеченію пламенныхъ стрѣлкистовъ.

Въ антрактѣ Телепневъ съ Горшковымъ зашли въ буфетъ. Они увидѣли тамъ Гринева, съ другимъ, какимъ-то студентомъ. Они пили. Собесѣдникъ Гринева былъ вертлявый малый, съ плутовской физиономіей. впалыми развратными глазами и нахальнымъ носомъ.

— А! крикнулъ Гриневъ, завидѣвъ Горшкова съ Телепневмъ. Онъ былъ ужъ совсѣмъ готовъ. Малые птенцы, смотрите какъ гибнетъ Гриневъ за любовь къ искусству! Вотъ братъ, Храповъ, обратился онъ къ собутыльнику: славные мальчуганы! Я ихъ беру подъ свое покровительство. Одинъ— артистъ, и онъ ткнулъ на Горшкова, душа—человѣкъ будетъ, а вотъ тотъ немножко баричъ, ну да все-таки славный мальчуганъ. Пейте! крикнулъ онъ юношамъ.

— Вотъ, братъ, Храповъ, какой плюгавый народъ, не пьютъ да и баста! Нѣтъ, я такъ еще въ гимназiи въ пьяномъ видѣ дебоши производилъ. Что вы на меня смотрите, юноши? Вы думаете я испугался той чухонской свиньи? Идемъ, братъ, Храповъ, туда, разворитимъ ему самое сусло! Прокопистовъ разразимъ!

— Можно всякую штуку устроить. отвѣтилъ съ какой-то мошеннической ужимкой Храповъ.

Телепневъ и Горшковъ двинулись.

— Вы въ кресла юноши, крикнулъ Гриневъ! Искровените свинью въ ермолкѣ, и cadaго подлеца прокописта въ зубецъ; а я сейчасъ явлюсь. Хересу подай!

„Что это за безобразіе!“ думалъ Телепневъ, переходя въ партеръ. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ было точно угаръ какой-то.

Водевиль уже начался. Г-жа Проколова, плѣняла красныя подкладки и по-видимому была очень довольна всей своей особой. Шелъ водевиль „Френологъ и Хиромантикъ“, гдѣ она должна была производить разныя переодѣванья, къ вѣщшему удовольствію фешенебельной публики. Телепневъ осматривалъ ее въ бинокль. Водевильная примадонна обладала совершенно водевильной наружностью: толстыя щеки, вздернутый носъ, ухмыляющіяся уста, прищуренныя заигрывающія глазки; но при всемъ этомъ, ни какой простоты и очень мало истинной веселости. Запѣла г-жа Проколова какой то куплетъ и на второмъ стихѣ споткнулась. Стрѣлкисты это подхватили, и одинъ изъ ярыхъ обитателей парадиса, весьма энергически свиснулъ. Въ первомъ ярусѣ раздалось сильное шиканье и Проколова въ замѣшательствѣ остановилась.

Но красныя подкладки напряглись всѣми силами и неисто-

во захлопали. Адъютанты поддержали ихъ. Г. Проконова поправилась и снова запѣла куплетъ.

Телепневъ начиналъ чувствовать утомленіе: кривлянье актеровъ не занимало его, въ театрѣ было душно, къ толпѣ онъ не привыкъ; и его поддерживала только довольная, улыбающаяся физіономія Горшкова. Онъ былъ очень радъ, когда занавѣсъ опустился и можно было идти домой. Г-жу Проконову вызывали фешенебли, но масса осталась совершенно равнодушна. Но этимъ еще не суждено было кончиться спектаклю. Случилось такъ, что наши юноши подвигались за толпой тотчасъ позади инспектора. Онъ выступалъ поглядывая все поверхамъ, гдѣ раздавались еще громкіе студенческіе голоса. Вдругъ у входа въ кресла послышался шумъ.

— Уйдите! кричалъ рѣзкій голосъ.

— Разражу, бормоталъ кто-то въ отвѣтъ.

— Пропустите, господа! прогнулъ инспекторъ, чуя добычу. Наши юноши послѣдовали за нимъ. И вотъ какое зрѣлище увидали они.

У входа въ кресла, растопыривъ руки, стоялъ студентъ совершенно пьяный. Голова его свѣсилась на одно плечо, треугольная шляпа надѣта была поперекъ, на плечи была накинута старая шинель съ мѣховымъ воротникомъ, а вмѣсто форменной одежды виденъ былъ ночной туалетъ; растегнутый воротъ рубашки выказывалъ загорѣлую грудь.

Инспекторъ, въ первую минуту, даже смутился отъ такого скандала.

— Выдите вонъ, милостивый государь! крикнулъ онъ на студента.

— Рады стараться! пробормоталъ студентъ и еще больше распахнулъ шинель.

А публика ждала, чѣмъ кончится происшествіе.

— Конница наступай! крикнулъ студентъ.

— Г. Абалдуевъ, воскликнулъ инспекторъ, я вамъ приказываю выйти!

— Коли, руби, промычалъ студентъ.

Всей публикѣ, кромѣ инспектора, ясно было, что со студентомъ ничего не подѣлаешь.

— Федоръ Ивановичъ, вмѣшался долговязый, рыжій приставъ, вы видите, что онъ совсѣмъ готовъ. Надо его силой вытащить.

Оедоръ Ивановичъ, оскорбился кажется вмѣшательствомъ полиціи; но видя, что дѣлать больше нечего, прибѣгнувъ къ ея помощи, и два дюжихъ квартальныхъ, съ помощью театральнаго служителя, повлекли виновника скандальной сцены въ корридоръ. Публика стала расходиться. Телепневу было и смѣшно, и гадко. Только Горшковъ потѣшался, передразнивая пьяные возгласы студента и гнусавый голосъ инспектора. Абласовъ молчалъ, но на лицѣ его была такая улыбка, что не трудно было узнать его мысли.

Въ сѣняхъ Телепневъ опять увидалъ даму, сидѣвшую въ literной ложѣ. Она прощалась со своей знакомой. Эта знакомая была должно быть какая-нибудь важная особа, потому что около нее увивались адъютанты и полицейскіе. Величественно прошла она къ подъѣзду, когда лакей въ красной ливреѣ крикнулъ: „карета готова, ваше превосходительство!“ Блондинка сказала два-три слова адъютанту и пошла къ крыльцу, въ слѣдъ за генеральшей. Телепневъ взглянулъ на нее и ему показалось, что она улыбулась, въ отвѣтъ на тотъ взглядъ.

— Барыня съ шикомъ, шепнулъ Горшковъ, глаза такіе, что ой-ой!

Домой наши юноши отправились пѣшкомъ. Говоря о скандалѣ, происшедшемъ въ театрѣ, они все-таки должны были сознаться, что студентъ былъ кругомъ виноватъ, и что такого безобразія имъ никогда не приводилось видѣть.

XIV

У воротъ чекчуринской казармы наши юноши опять наткнулись на сцену. Пьяный Гриневъ въ сопровожденіи Храпова бурлилъ съ дворникомъ и еще какими-то двумя фигу-

рами. Всѣ такъ кричали, что рѣшительно нельзя было разобратъ въ чемъ дѣло

— Товарищи сюда! крикнулъ Гриневъ. Бей ихъ, подлецовъ, рази ихъ въ сусло!

Подошли наши юноши. Телепневъ чуть было не получилъ ударъ отъ какой-то фигуры въ халатѣ. Ему удалось, однако, узнать отъ дворника, что исторію затѣялъ Гриневъ. Онъ хотѣлъ пробраться въ модный магазинъ, находившійся въ нижнемъ этажѣ чекчуринской казармы, и противъ него высланы были двое молодцовъ отъ портного Мельникова, чтобы удержать наступательное движеніе. Втроемъ юноши едва успѣли немного усмирить Гринева. Храповъ, по всѣмъ признакамъ, трусишка, тоже не поддерживалъ его въ воинственныхъ намѣреніяхъ.

— Товарищи, кричалъ Гриневъ, обращаясь къ юношамъ, не покидайте меня! Ужъ коли вы меня просите пощадить этихъ скотовъ, я добръ, я согласенъ на это, но я васъ не отпущу, идемте ко мнѣ!

Телепневъ сталъ отговариваться, что пора спать.

— Вздоръ! кричалъ Гриневъ: вы восчувствуйте, что я васъ люблю! Вотъ Храпова мнѣ не надо, онъ пушай идетъ на всѣ четыре стороны; а вы хорошіе мордашки, я для васъ на все готовъ, и халатниковъ пощажу; а не пойдете со мной—раскровеню!

Нечего было дѣлать. Телепневъ и Горшковъ повели Гринева на верхъ. Абласовъ составлялъ аріергардъ.

— Стой, крикнулъ Гриневъ, когда они, взобравшись на галдарейку, миновали двѣ поперечные двери. Стой, здѣсь привалъ.

— Да вѣдь дальше, замѣтилъ Телепневъ.

— Врешь, дурашка! ты хоть и трезвый, а ничего не видишь. Я носомъ чую, что здѣсь. Отворяй дверь, и!

Телепневъ нащупалъ ручку; но дверь была заперта. Онъ постучалъ.

— Кто тамъ? послышался женскій голосъ.

— Дульцинея Тобозская! закричалъ Гриневъ: я здѣсь, твой Донъ Кихоть Ламанчскій! Зерцало дней моихъ, зѣло прекрасная Агафоклея! отпирай, а то разможжу!

Дверь отворилась. На порогѣ стояла женщина высокаго роста съ черными впалыми глазами, въ розовой блузѣ съ открытой шеей. Въ рукахъ она держала большой мѣдный шандаль съ сальной свѣчкой.

— Агаша! закричалъ опять Гриневъ и ринулся къ ней. Защити меня отъ ударовъ судьбы. Юноши идите со мной въ храмъ музъ! И онъ потащилъ за руку Телепнева, а за нимъ Горшкова и Абласова.

Агаша не стѣснилась приходомъ гостей. Она была не одна. У стола, покрытаго красной скатертью, сидѣла знакомая юношамъ пѣвица, тоже въ распашной блузѣ, а рядомъ съ ней медикъ Дубровинъ, весьма сконфуженный приходомъ постороннихъ.

— Ба! крикнулъ Гриневъ. Вотъ гдѣ раки-то зимуютъ! Смотрите, юноши, каковъ лекаришка-то, а? Видите рожа-то у него сердитая какая? Ха, ха, ха! вывели на свѣжую воду!

Дубровинъ ежился, и хмурясь отвѣтилъ на поклонъ вошедшихъ юношей.

— Людмила прекрасная! ты знаешь ихъ, славные мордашки, угости и соврати ихъ.

Пѣвица усмѣхнулась во весь ротъ и закурила попироску.

— Угощать нечѣмъ, сказала она, а посѣщенію рады! Вы это гдѣ его накатили? обратилась она къ Телепневу.

— Какъ ты смѣешь непочтительно обо мнѣ отзываться? крикнулъ Гриневъ.

— А вы полноте, Владиміръ Александровичъ, сказала Агаша: что куражитесь?

— Дульцинея! крикнулъ Гриневъ, и схватилъ ее за рукавъ. Она стала вырываться, потомъ схватила его и повалила на кресло.

— Вотъ тебѣ Володька! кричала она, дергая его за носъ, вотъ тебѣ дуракъ!

Телепневъ переглянулся съ товарищами, и всѣ трое поскорѣй вышли вонъ, не поклонившись даже Дубровину, который сидѣлъ сконфуженный въ углу дивана.

— Куда вы? посидите, кричала имъ вслѣдъ греческая феска; но они уже были въ корридорѣ.

Абласовъ пошелъ къ себѣ, а Телепневъ съ Горшковымъ спустились ощупью внизъ.

— Что за мерзость! вырвалось у Телепнева при прощаніи съ Горшковымъ.

— Народы дикіе любятъ необузданность, отвѣтилъ со смѣхомъ Горшковъ и отправился въ свою комнату.

Сонная фигура Якова навела на Телепнева большое раздумье; съ этой фигурой стояла передъ нимъ другая жизнь. Истинно жалко стало ему этой жизни. Въ бильярдной, гдѣ столько лѣтъ шагаль Яковъ, онъ привыкъ еще мальчикомъ и страдать, и бояться, и таить дорогія желанія, и бороться по своему; а теперь ему рѣшительно нечего было дѣлать. Умъ не работалъ, ничего не жаждалъ, ни одна страсть не говорила, не хотѣлось мелкихъ наслажденій, не было нужды и заботъ. И можетъ быть, въ-первые, въ эту минуту, оглядывая свою неуютную, но большую квартиру, Телепневъ почувствовалъ, что отсутствіе нужды столько же, сколько и потери отнимало у него энергію и казалось впереди тунейдную, пустую жизнь. А врожденная здравость мысли, подсказывала ему, что высокихъ цѣлей не создашь себѣ сразу, что они даются натурой или гнетомъ жизни. И метался Телепневъ на кровати, стараясь лучше не думать о томъ, какъ ему предстоитъ жить. А сна, какъ нарочно, не было, и какъ нарочно лѣзли все въ голову клочки мысли, бесполезные вопросы, на которые не умѣлъ онъ отвѣтить; и только на расвѣтѣ, мысли спутались и перешли въ сонъ, смутный, невеселый сонъ, все дальше и дальше уплывали отъ него два женскихъ лица, какъ онъ ни старался догнать ихъ. Это происходило въ какомъ-то длинномъ, длинномъ корридорѣ. Онъ бѣжалъ, а они все плыли, и вдругъ изъ всего этого выросла лоценовая физиономія Федора Ивановича и гнусавый голосъ остановилъ его вопросомъ: „А какъ вы смѣете, милостивый государь, бѣжать по Преображенской улицѣ, въ нетрезвомъ видѣ?...“

XV

Прошла недѣля. Наши пріятели начали понемногу устраивать свою студенческую жизнь. Всего скорѣе примѣнился къ ней Абласовъ. Утромъ онъ ходилъ на лекціи; послѣ обѣда, часу въ шестомъ, отправлялся въ анатомическій театръ, и пробывалъ тамъ часовъ до десяти и позднѣе. Товарищей у него было множество, народъ все здоровый, съ рѣзкими лицами и грубыми голосами: были тутъ и сибиряки, отличавшіеся своимъ говоромъ и какой-то особенной угловатостью, были и сыны степей, и вертлявые симбирцы и бѣлобрысые вятичи, не мало насчитывалось и семинаристовъ всякаго покроя; за то франтика не было ни одного. Съ первыхъ дней Абласовъ началъ заниматься въ одномъ углу препаровочной залы съ семинаристомъ угрюмаго вида. Фамилія этого семинариста была Генерозовъ. Онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ кинулся на анатомію, и глядя на него, Абласову легче было зазубривать всевозможные: *meatus auditorius externus* и *processus zygomaticus*.

Генерозовъ былъ человѣкъ-кряжъ. Онъ пѣшкомъ ходилъ въ Петербургъ, съ годъ тому назадъ, по своей надобности, какъ онъ выражался. Усидчивости былъ непомѣрной: въ три мѣсяца выучилъ нѣмецкій лексиконъ; теперь онъ просился на казенный счетъ и мечталъ объ этомъ какъ объ какомъ-то царствіи небесномъ. Копааясь надъ костями, они мало говорили между собой, но внутренно сознавали, что по натурамъ своимъ близко подходятъ другъ къ другу,

Оба они, какъ и весь курсъ, были очень довольны профессоромъ анатоміи, и она совсѣмъ поглотила ихъ такъ, что на другія лекціи не хотѣлось и заглядывать. Абласовъ понималъ, конечно, что естественныя науки необходимы для медика; но они казались ему черезчуръ мелкими въ сравненіи съ наукой о человѣкѣ, да и какъ же преподавались онѣ? Пошелъ онъ, напримѣръ, на лекцію зоологіи. Явилась какая-то мумія, едва волоча ноги, и на невозможномъ діалектѣ на-

чала бормотать что-то подъ носъ. Какъ ни былъ Абласовъ серіозенъ по своей натурѣ, онъ едва удержался отъ смѣху. Остальныя братья реагировала также на чтеніе муміи. Вслѣдъ за муміей вбѣжала какая-то кургузая фигура въ вицмундирѣ и рыжемъ парикѣ, въ сопровожденіи двухъ сторожей, которые несли разныя звѣриныя чучела. Мумія тыкала пальцемъ въ чучела и издавала фразы, въ родѣ слѣдующихъ: *кликъ два, брюхъ большой* и т. п., и такъ всю лекцію, да и слова-то не всѣ можно было разслышать; мумія какъ-то сюсюкала и выдѣлывала ртомъ эволюціи, не хуже одноглазаго профессора римскаго права. Ужъ больше на зоологію Абласовъ не пошелъ, зная, что ему предстоитъ одно и тоже удовольствіе.

Говорили ему нѣкоторые новички, что эта мумія—знаменитость, что она ѣздила нѣсколько разъ вокругъ свѣта и открыла множество звѣрей. Но даже и говорившіе объ ученой славѣ зоолога мало по малу всѣ перестали ходить къ нему; и такимъ путемъ, зоологія до экзамена была сдана въ архивъ, и весь курсъ въ шестьдесятъ человѣкъ подвергнулся неизбѣжной участи—сдѣлаться медиками безъ малѣйшихъ зоологическихъ познаній. Зоологія отбивала охоту ходить и на остальныя науки, хотя онѣ читались получше. Ботаника еще привлекала слушателей. Читалъ ее господинъ съ оригинальнымъ даромъ слова. Онъ давился словами, такъ ихъ много вылетало у него въ одну минуту. Нужно было напрягать всѣ свои слуховыя способности, чтобъ понимать его скороговорку. Можно было, конечно, съ пользою слушать его, да медикамъ скучны казались всѣ эти тычинки, пестики, семянодоли, явнوبرачныя и тайнобрачныя, вся эта мелюзга механическаго заучиванія. Сейчасъ же представлялся вопросъ: зачѣмъ намъ все это? Намъ будутъ читать еще формаконозію во второмъ курсѣ, тамъ всѣ медицинскіе растенія, а намъ не разорваться же? И ботаника сдана была въ архивъ; а за ней, разумѣется, и минералогія *ужь совершенно безполезна*,—двухъ лекцій достаточно было, чтобы всѣ набили оскмину разными тетраэдрами, ромбоэдрами и всякими другими штуками.

XVI.

А Горшковъ пустился въ свѣтъ. Заказавши себѣ фрачную пару, у портнаго Мельникова, отправился онъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Теляниной къ начальницѣ женскаго института. Институтъ стоялъ за городомъ, въ полѣ, и Горшковъ истратилъ цѣлыхъ три гривенника до сего храма просвѣщенныхъ дѣвственницъ.

Швейцаръ въ красной ливреѣ, допросивши у него, какое онъ имѣетъ дѣло къ начальницѣ, сдалъ его ливрейному лакею, который пошелъ докладывать *генеральшѣ*. И долгонько таки продержала генеральша нашего артиста, въ фрачной парѣ. Какъ ни былъ Горшковъ боекъ и добродушенъ, но онъ выругалъ себя, и за шитье фрака, и за письмо Теляниной, которое привело его къ такому лакейскому ожиданію.

Наконецъ ввели его въ генеральскіе покои. Онъ прошелъ залу, гдѣ въ углу стоялъ рояль, и не безъ трепета вступилъ въ гостиную. Въ углу, на голубомъ диванѣ, предъ большимъ круглымъ столомъ, возсѣдала генеральша. Ростомъ и фигурой она напоминала ему Телянину. Только черты лица были благообразнѣе: строгій носъ, большой лобъ, волосы съ сильной просѣдью и начальственное выраженіе губъ. На ней было синее платье, а на груди большая бѣлая брошка.

Горшковъ ощутилъ робость при видѣ этого синяго платья, хотя и привыкъ къ величественнымъ позамъ *madame Теляниной*.

Съ письмомъ въ рукахъ, и не зная какъ держать свою новую, только что купленную шляпу, Горшковъ приблизился къ дивану и раскланялся по всѣмъ правиламъ танцевальнаго искусства. Генеральша кивнула ему. Это киваніе еще больше стѣснило Горшкова; но онъ вдругъ подумалъ: да вѣдь она такая же глупая баба, какъ и всѣ. И ему прибавилось бодрости; онъ, даже не дожидаясь приглашенія генеральши, весьма развязно сѣлъ на кресло, и подавая ей письмо, бойко проговорилъ:

— Отъ Лидіи Петровны Теляниной.

Генеральша взяла письмо не торопливо, прочла его, и съ покровительственной улыбкой взглянула на Горшкова.

— Очень рада, произнесла она медленнымъ, но звучнымъ голосомъ. Madame Телянина съ большимъ увлеченіемъ отзывается о вашемъ талантѣ. Вы и композиторъ?

— Немножко съ, отвѣтилъ Горшковъ и тряхнулъ вихромъ.

— Какую же вы музыку предпочитаете?

— Хорошую-съ, отвѣтилъ Горшковъ.

Генеральша изволили милостиво усмѣхнуться.

— Очень рада. У насъ совсѣмъ не музыкальный городъ. Только вотъ у меня иногда дѣлаютъ музыку. (На этотъ галлицизмъ генеральша имѣла полное право, потому что говорила съ Горшковымъ на отечественномъ языкѣ).

Нашъ піанистъ усмѣхнулся и понабравшись еще бодрости проговорилъ:

— Здѣсь какъ дѣвицы: на Шульгофѣ сидятъ, или не дошли до него?

— Ха, ха, да вы я вижу, monsieur Горшковъ, престрогой музыкантъ. Вамъ здѣсь не на чемъ будетъ отдохнуть.

— Отдыхать зачѣмъ же-съ, только бы было желаніе учиться.

— А вы будете давать уроки?

— Не откажусь.

Горшкову показалось, что генеральша, взглянувши на него, подумала: мальчишка, а лѣзетъ въ учителя.

— Мои юныя лѣта, сказалъ онъ, уже своимъ обыкновеннымъ бойкимъ тономъ, всему помѣхой. Вѣдь у насъ, коли учитель музыки, такъ непременно долженъ быть нѣмецъ въ очкахъ, съ лысиной; а коли молодой, такъ генія изъ себя корчитъ, волосы по плечи носить; а я, какъ видите, простой гражданинъ.

Генеральша опять милостиво улыбнулась. Горшковъ ей рѣшительно нравился. Нѣкоторую вульгарность тона она ему прощала, во вниманіе къ юному блестящему таланту, въ которомъ завѣряла ее madame Телянина.

Въ эту минуту, въ гостиную, вошли двѣ дѣвицы; одна

высокая, плотная блондинка съ прекрутымъ лбомъ, въ цвѣтномъ платьѣ; другая поменьше ростомъ, и гораздо моложе, въ голубомъ институтскомъ платьѣ, съ перелинкой и фартукомъ. Черныя волосы были гладко зачесаны за уши, каріе глазки очень бойко смотрѣли. Блондинка поклонилась Горшкову по-свѣтски; брюнетка присѣла по институтски.

— Мои дочери, произнесла начальница, обращаясь къ Горшкову. *Barbe, Sophie...* *mr. Горшковъ*—піанистъ. *М-me Телянина* поручаетъ намъ его, она съ восхищенія отъ таланта *mr. Горшкова*.

Дѣвицы сѣли къ столу.

— Мои дочери, начала опять генеральша, очень любятъ музыку, особенно *Barbe. Sophie* еще беретъ уроки.

— А кто у васъ учитель въ институтѣ? спросилъ Горшковъ.

— Брандорфъ, успѣшила отвѣтить блондинка: пресмѣшной старикъ.

— *Mr. Горшковъ* композиторъ, проговорила покровительственнымъ тономъ генеральша.

— Сыграйте намъ что-нибудь свое, начала просить блондинка.

А институтка сидѣла все молча, и только изъ-подлобья, оглядывала Горшкова своими умными, карими глазками.

Горшкову стало совсѣмъ легко. Онъ видѣлъ, что генеральша, при всей своей величественности, женщина не глупая. По крайней мѣрѣ, она ему не казалась такой недѣпой особой, какъ Телянина. Дѣвицы ему также понравились, особенно институтка, которая напомнила ему Надю. Онъ назвалъ ее про себя — лутикомъ, и тотчасъ же пожелалъ превратить въ свою ученицу. Когда генеральша повторила просьбу старшей дочери, чтобъ онъ сыгралъ имъ что-нибудь свое, институтка взглянула на него съ такимъ выраженіемъ добродушнаго любопытства, что онъ, ни мало ни медля, началъ снимать перчатки и отправился въ залъ, куда обѣ дѣвицы побѣжали за нимъ; а начальница осталась все въ той же величественной позѣ на диванѣ.

Въ залѣ институтка заговорила.

— Что вамъ даетъ играть нѣмецъ? спросилъ вдругъ Горшковъ.

— Все пустяки, отвѣчала она, немного краснѣя.

— *Trois rêveries par Rosellen?*

Обѣ сестры разсмѣялись.

— Я играла это, проговорила институтка.

— А вѣдь это право не дурно, замѣтила старшая сестра.

— Ну, а чижики, чижики, гдѣ ты былъ... вамъ нравится? вскрикнулъ Горшковъ своимъ обыкновеннымъ діапазономъ.

Дѣвицы опять разсмѣялись.

— Что бы вамъ такое сыграть? говорилъ Горшковъ, покачиваясь на табуретѣ. Онъ внутренно рѣшилъ, что съ этими барышнями можно, какъ говорится, быть съ кандачка.

— Сыграйте непременно свое собственное, приставала блондинка, а потомъ вотъ *Sophie* вамъ сыграетъ; она у насъ тоже композиторша.

— Ахъ, что это, *Barbe*?

Институтка зардѣлась.

— Я васъ увѣряю, м-г Горшковъ, продолжала *Barbe* со смѣхомъ, она у насъ каждый вечеръ фантазируетъ.

Институтка совсѣмъ застыдилась.

— А, если такъ, отвѣчалъ Горшковъ, такъ я соглашаюсь играть съ уговоромъ, чтобы вы мнѣ профантазировали.

— Да вѣдь этого нельзя такъ, по заказу, отвѣтила институтка и нахмурила свои брови.

— М-г Горшковъ, слышался въ гостинной величественный голосъ генеральши, мы ждемъ вашей музыки.

Горшковъ сдѣлалъ при этомъ гримасу, чѣмъ опять разсмѣшилъ дѣвицъ.

Онъ заигралъ. Это была небольшая вещица, задуманная имъ во время болѣзни Телепнева, когда онъ, просиживая цѣлые дни въ большомъ дикомъ домѣ, забѣгалъ на минутку домой и присаживался къ своему старому фортепиано. Мелодія дѣйствительно хватала за душу. Въ ней сказывалась не одна грусть, но и бурный ропотъ горячаго сердца противъ дикой судьбы, страданія, смерти.

Дѣвицамъ вѣрно не приводилось слушать такую музыку. Старшая сестра, по натурѣ вертлявая особа, даже прослезилась, а темноглазая Sophie какъ-то сосредоточенно глядѣла въ пространство, и щеки ея горѣли.

— Славный у васъ инструментъ, сказалъ громко Горшковъ, вставая съ табурета.

Генеральша очутилась въ дверяхъ залы и соизволила захлопать, въ знакъ своего удовольствія. Barbe разсыпалась въ комплиментахъ, а институтка не сѣумѣла ничего сказать, но такъ посмотрѣла на Горшкова, что онъ еще разъ мысленно назвалъ ее дутикомъ. Генеральша просила его бывать у нихъ чаще и общалась достать ему десятки уроковъ. Горшковъ ушелъ очень довольный.

XVII.

Скучнѣе всѣхъ было Телепневу. День его былъ кое-какъ занять, но ничего не было въ этихъ занятіяхъ привлекательнаго. а главное — ничего строго необходимаго. Телепневъ устраивалъ свою квартирку, сдѣлалъ хозяйкѣ предложеніе оклеить комнаты новыми обоями, устанавливалъ свою библіотеку, ходилъ въ гостиный дворъ покупать разныя разности, студенческія вещи: шляпу, шпагу, перчатки, шитой воротникъ. Изъ дому пришли къ нему лошади, что ему показалось чрезвычайно страннымъ. Когда онъ уѣзжалъ, онъ ничего не помнилъ и никакихъ распоряженій не дѣлалъ. „Зачѣмъ мнѣ лошади, спрашивалъ онъ, мнѣ и ѣздить-то некуда здѣсь. А назадъ посылать тоже не ловко—пожалуй, еще Федоръ Петровичъ обидится.“ Его сѣрые рысаки и кучеръ Теофанъ произвели рѣшительный фуроръ на дворѣ чекчуринской казармы. Все населеніе галдарейки вылѣзло смотрѣть на нихъ. Заказалъ себѣ Телепневъ платье у портного Мельникова, который умолялъ его пустить сюртукъ на полторы черверти длиннѣе колѣнъ, увѣряя, что иначе въ сюртукѣ

благородства никакого не будетъ. Самую большую тягость и пустоту онъ чувствовалъ дома. Горшковъ и Абласовъ не могли быть съ нимъ постоянно. Для каждаго изъ нихъ открывались свои занятія, свой характеръ жизни. А Телепневъ, въ настоящую минуту, не сознавалъ въ себѣ силъ стремиться къ чему-нибудь опредѣленному. Университетъ не тянулъ его, для сближенія съ новыми товарищами не хватало желанія новыхъ ощущеній, картина студенческой жизни нисколько не привлекала его. И ходилъ онъ изъ угла въ уголъ, почти съ ужасомъ помышляя о цѣлыхъ годахъ такого душевнаго бездѣлья.

Телепневъ былъ очень обрадованъ письмомъ отъ Лапина. Добродушный Федоръ Петровичъ съ необыкновенной нѣжностью писалъ, какъ ему скучно безъ Бориса, такъ что захотѣлось даже сѣсть на пароходъ и пріѣхать къ нему. „Жаль только, прибавлялъ онъ, что по моимъ лѣтамъ не примутъ меня въ студенты.“ Передавалъ онъ также Борису поклоны и благословенія Мироновны, замѣчая отъ себя, что старушка бодро переноситъ свое одиночество. О Палагѣй Сергѣевнѣ слышно, что все прихварываетъ. Въ заключеніе письма, Федоръ Петровичъ подробно толковалъ о хозяйственныхъ дѣлахъ по имѣнію. О большомъ дикомъ домѣ писалъ, что есть охотники нанять за хорошую цѣну, да онъ, безъ согласія Бориса, на это не пошелъ. Спрашивалъ еще: не нужно ли какихъ вещей для дому, что заставио разсмѣяться Бориса. Ему и безъ того казалось лишнимъ все то, что у него въ квартирѣ было куплено и привезено съ собою. Онъ получилъ еще письмо отъ отца и матери Софьи Николаевны, къ которымъ онъ самъ не могъ написать въ Н. Долго и горько плакалъ нашъ юноша надъ этимъ письмомъ, въ своей одинокой студентской квартирѣ. Ни одной утѣшительной мысли не промелькнуло въ его головѣ, а вокругъ шла посторонняя, безучастная для него жизнь.

Отвѣчая родителямъ Софьи Николаевны, Телепневъ повторилъ имъ просьбу, которую до отъѣзда въ К. передавалъ черезъ Федора Петровича. Онъ желалъ предоставить часть имѣнія ссѣлку Софьи Николаевны. Ея старики отклоняли это предложеніе; но онъ просилъ принять его, нисколько не

какъ великодушный даръ, но какъ исполненіе его прямого долга. Ѳедору Петровичу написалъ онъ длинное и горячее письмо. Только теперь сказалось ему, сколько доброты и терпимости было въ этомъ чудакѣ. Телепневъ чувствовалъ, что его отношенія къ Ѳедору Петровичу совершенно родственныя, что между ними нѣтъ и не можетъ быть никакихъ недомолвокъ. Лапинъ все понималъ молча и полюбилъ Бориса, не меньше его Мироновны.

„Зимой, писалъ ему Телепневъ, намъ нужно непременно увидаться, Ѳедоръ Петровичъ. Безъ васъ я съ тоски умру. И отчего бы вамъ не сдѣлаться студентомъ и не осчастливить меня своимъ пріѣздомъ. Вѣдь вы — одно близкое мнѣ лицо во всемъ свѣтѣ, кромѣ Горшкова, Абласова да Мироновны. И такое я чувствую здѣсь одиночество, что радъ даже смотрѣть на своихъ сѣрыхъ лошадей, какъ на что-то родное, хотя мнѣ некуда на нихъ ѣздить. Не знаю, что дальше будетъ, а теперь сѣлъ бы опять на пароходъ, да и прилетѣлъ бы опять къ вамъ.“

XVIII.

На лекціяхъ Телепневъ видѣлъ и слышалъ все тѣхъ же уроковъ. Все также раздавался пресловутый голосъ историка. Покончивши разсужденіе о гениальныхъ людяхъ, деканъ преспокойно приступилъ къ самому казенному изложенію царствованія Петра Великаго. Пустота и надутость его лекцій занимала только самыхъ наивныхъ новичковъ; но все-таки вся аудиторія записывала: историкъ былъ крутъ нравомъ и на экзаменахъ немилосердно проваливалъ. Кое-какіе новые факты, разумѣется, сообщались имъ, но идеи не было, — трещала только одна шумиха фразъ и долгихъ нѣмецкихъ періодовъ. Полюбопытствовалъ Борисъ сходить на лекцію общей исторіи, но больше раза уже не доставлялъ себѣ этого удовольствія. Всеобщую исторію читалъ адъюнктъ, по

прозванію Мишинька Буянскій, маленькой человѣчекъ, по всѣмъ атрибутамъ—мышиный жеребчикъ. Наружность его была такого рода, что всякій безпристрастный наблюдатель счелъ бы его за маркера; да Мишинька тѣмъ только и занимался со времени окончанія курса, что въ гостинницѣ Одесса упражнялся на бильярдѣ и въ картишки, а питомцамъ просвѣщенія читалъ каждый годъ крестовые походы. Въ тотъ разъ, когда Телепневъ пришелъ на его лекцію, было это въ восемь часовъ утра, адъюнктъ всю ночь, вѣроятно, проигралъ въ карты, а потому, опоздавши сорокъ минутъ, явился нечесанный, съ опухшими глазами, и началъ читать такимъ голосомъ, какой вырабатывается только у закоренѣлыхъ жуировъ. И Боже, что читалъ онъ! Это былъ какой-то винегретъ изъ фразъ Кайданова и собственныхъ ненужныхъ и безсвязныхъ разсужденій, изъ перескакиванія съ одного факта на другой, такъ что всю лекцію нельзя было иначе назвать, какъ профессорскимъ похмѣльемъ. Даже наивнѣйшіе изъ новичковъ зѣвали, или съ недоумѣніемъ переглядывались. Послѣ лекціи, одинъ изъ слушателей разсказалъ даже анекдотъ про этого адъюнкта. Игралъ Мишинька всю ночь въ карты и запивалъ шампанскимъ виномъ. Къ утру нужно было ѣхать на лекцію. Собутыльники, для приведенія его въ приличный видъ, вылили на его голову два ведра воды. Поѣхалъ Мишинька на лекцію, прочелъ, и возвращается опять въ компанію, которая продолжала играть. „Ну что, спрашиваютъ, читалъ?“—„Хоть убейте, восклицаетъ Мишинька, ни одного слова не помню, что болталъ!“

А другой краснощекой новичекъ, обратившись именно къ Телепневу, проговорилъ:

— Про него и пѣсеньку сложили:

Мишинька Буянскій
Смотрить пѣтушкомъ
Изъ породы шпанской,
Тянетъ голый ромъ!

Завернулъ Телепневъ, по дорогѣ, на Римское право. Ему хотѣлось увѣриться—такъ ли пойдеть все, какъ было въ незабвенную первую лекцію. Увы! только что одноглазый юристъ влѣтѣлъ на кафедру и развернулъ свою *рукопись*, какъ провозгласилъ невозможнымъ голосомъ:

— Leges Valeriae: L большее и V большее и подшеркнуть, господа!

И пошла писать!—такъ что Телепневу пришлось поплатиться таки за свое любопытство.

Значилась въ его курсѣ ботаника, которую, особенно для камералистовъ, читалъ нѣкій кандидатъ Ноль, въ аудиторіяхъ естественнаго факультета. Кандидатъ этотъ, чуть ли не ирландскаго происхожденія, представлялъ собою длинный шестъ, незгибающійся ни въ какую сторону. Только руки его, какъ грабли, ходили взадъ и впередъ. Читалъ онъ отвратительно и такъ снотворно, что вся аудиторія спала, и ни въ одномъ слушателѣ не зарождалось капельнаго желанія заняться міромъ тычинокъ, лепестковъ, чешуекъ, лапчатыхъ и ланцетовидныхъ листьевъ. Кандидатъ Ноль являлся обыкновенно вмѣстѣ съ звонкомъ и проходилъ въ аудиторію, гдѣ снималъ свое пальто и калоши. А слушатели собирались сперва въ умывальной казенныхъ студентовъ, которая находилась въ концѣ корридора. Посреди этой умывальной возвышались двѣ мѣдныхъ урны съ бассейнами. По стѣнамъ стояли шкафы съ полотенцами и мыломъ казенныхъ студентовъ. Въ простѣнкѣ между двумя окнами висѣло большое, запыленное зеркало, а на подзеркальникѣ красовалась грязнѣйшая щетка съ гребенкой, которыми казеннокоштные франты приглаживали свои волосы.

Тутъ Телепневъ въ первый разъ увидалъ, кто были его университетскіе товарищи, изъ кого собственно состоялъ первый курсъ богоспасаемаго камеральнаго разряда.

Всѣхъ было человекъ до двадцати: трое сибиряковъ, одинъ съ какимъ-то рьянымъ, не уложеннымъ ни въ какую форму лицомъ и бѣлыми взъерошенными волосами; другой высокій, съ птичьимъ носомъ, застѣнчивый и скромный малый; третій низменный, плечистый юноша съ широчайшимъ лицомъ и совсѣмъ не юношескимъ басомъ. Всѣ три земляка были казеннокоштные, обитатели конурокъ, носившихъ громкое названіе занимательныхъ. Было человекъ четыре симбирцевъ. Изъ нихъ особенно выдѣлялся одинъ, вертлявый, по всѣмъ примѣтамъ враль и хвастунишка. Онъ началъ уже потѣшать публику анекдотами. Былъ еще богатый купеческій сынокъ съ пухлымъ, добродушнымъ лицомъ. Крѣпостью сложенія и

шириной размѣровъ отличался, особенно, одинъ нижегородецъ съ четвероугольнымъ подбородкомъ и военной походкой. Онъ жилъ также въ чекчуринскихъ казармахъ, какъ потомъ узналъ Телепневъ.

Но Бориса заинтересовали три личности. Во первыхъ, черноватый, небольшого роста юноша съ тонкими губами. Ему ужъ было лѣтъ подъ двадцать, и онъ какимъ-то насмѣшливымъ взглядомъ смотрѣлъ на остальную братью. Контрастъ ему составлялъ долговязый саратовецъ съ длиннѣйшей шеей. Онъ все улыбался и встряхивалъ волосами. Было что-то чрезвычайно наивное во всей его фигурѣ. Съ нимъ разговаривалъ бѣлокурый мальчикъ съ пальчикъ, зачесанный *à la moujik*, съ широкимъ, до ушей, ртомъ и съ самодовольнѣйшей улыбкой. Эти личности показались Телепневу почему-то покрупнѣе другихъ. Вообще же весь курсъ производилъ впечатлѣніе необычайной пустоты; видно было, что тутъ собрались все дилетанты, желающіе убить какъ-нибудь четыре года университетскаго ученія. Никакой мысли, никакой энергіи не проявляли лица этихъ юношей. Телепневу сдѣлалось даже непріятно, что онъ попалъ въ такой пустѣйшій факультетъ. И въ самомъ дѣлѣ, чего только не было наткано въ программу курса? Читалась русская исторія, а всеобщая не читалась; изъ естественныхъ наукъ ботаника и химія, а остальныхъ ни одной; а тамъ въ слѣдующихъ курсахъ и технология, и статистика, и уголовное право; а въ результатѣ безсмыслица.

Телепневъ упрекалъ себя въ томъ, что выбралъ безцѣльный дилетантскій разрядъ. Но на какой же было поступить? Ни онъ, ни десятки юношей на всѣхъ другихъ факультетахъ не были въ состояніи сознательно выбрать себѣ тотъ или иной путь. Только житейскіе расчеты заставляли выбирать себѣ медицинскую или математическую спеціальность.

Общій характеръ камералистовъ, товарищей Телепнева, отличался отъ характера всей студенческой массы. Камералистовъ обыкновенно называли аристократами, ихъ отличіе состояло въ хлыщеватости, въ совершенномъ ничего недѣланіи, толстыхъ цѣпочкахъ, англійскихъ проборахъ, блинообразныхъ фуражкахъ и красныхъ подкладкахъ. Телепневу его то-

варищи показались весьма не порядочными. Почти во всѣхъ видно было желаніе порисоваться, только сибиряки были просты, да еще двѣ три личности. Образовались уже маленькія группы земляковъ, и только одинъ Телепневъ оставался въ сторонкѣ. Всѣ, разумѣется, осматривали его, но не чувствовалось ни въ комъ общительности, — какимъ-то холодомъ вѣяло отъ этого сборища молодыхъ людей. Только вертлявый нахальный симбирецъ подскочилъ къ Телепневу и началъ изъ себя корчить стараго студента, ругать инспектора и хвастаться своими похождениями.

XIX

Всѣ пошили себѣ студенческую форму. Въ одно изъ воскресеній, послана была всѣмъ новичкамъ повѣстка, черезъ Демку о томъ, чтобы они явились въ университетскую церковь къ обѣднѣ въ мундирной формѣ; а послѣ того, собрались бы въ большой актовъ залѣ.

Надѣлъ Телепневъ въ первый разъ мундиръ. Портной Мельниковъ, помѣшанный на шикѣ, затянулъ его въ рюмочку, а панталоны сдѣлалъ узѣйшіе, доказывая опять, что иначе не будетъ ни малѣйшаго благородства. Мундиръ шелъ къ Борису. Его похудалое, блѣдное лицо очень красиво выступало изъ оклада темныхъ волосъ. Блестящія серебрянныя петлицы, какъ то еще замѣтнѣе отѣняли красивую блѣдность его лица.

Подавая барину шляпу и шпагу, Яковъ позволилъ себѣ усмѣхнуться, да и самому Борису смѣшны показались эти атрибуты студенчества.

— Ну, братъ, совсѣмъ квартальный! крикнулъ Горшковъ, входя къ Борису. — А я вчера поздно вернулся. Былъ въ институтѣ. Я тебѣ скажу, эта дѣвочка, голубая-то, просто лутикъ.

— Лучше Нади? спросилъ Телепневъ.

— Ты мнѣ не тычь, братъ, Надей-то, я пребуду ей вѣренъ по гробъ; а эта само-сбой, только, братъ, муштрують, все это бабье проклятое!... И Горшковъ заболталъ о томъ, какъ бы онъ водворилъ свободу въ стѣнахъ института.

— А знаешь что, Боря? вскричалъ онъ:—тебѣ, братецъ, нужно въ свѣтъ пуститься, въ бомондъ. Ты джентельменъ, на разныхъ діалектахъ изъясняешься, — а главное развлеки себя, голубчикъ, я вѣдь вижу, ты какъ муха мотаешься.

— Хорошо, увидимъ! сказалъ Телепневъ, натягивая замшевыя перчатки.

— Ахъ! я и забылъ тебѣ сказать, крикнулъ Горшковъ: вѣдь вчера у генеральши была та барыня, помнишь, что мы въ театрѣ-то видѣли, въ большой ложѣ, лице-то такое забористое!

— Помню.

— Такая, что ну-ну! Ко мнѣ подошла и говорить: „Я въ музыкѣ мало понимаю, но я васъ прошу быть со мной знакомымъ.“ И знаешь, братецъ, что-то въ ней не такое, что въ другихъ бабахъ,—простота, ну и глаза дьявольскіе. А главное вотъ штука-то въ чемъ. Говоритъ она мнѣ: „я васъ, м-г Горшковъ, видѣла въ театрѣ, въ материнскомъ благословеніи.“—„Точно такъ-съ“, отвѣчаю: „я былъ.“—„А кто, спрашиваетъ, подлѣ васъ сидѣлъ? какое славное лицо!“ Отвѣчаю: „товарищъ мой Телепневъ.“ И начала, братецъ ты мой, спрашивать: поступаешь ли ты въ студенты, откуда, какъ и почему. Я, разумѣется, кое-что разсказалъ объ тебѣ....

— Очень нужно, прервалъ Телепневъ.

— Ну, ужъ ты не интересничай! баба умная, отъ чего же не обойтись съ ней по-человѣчески?

— Чѣмъ же это все кончилось? спросилъ Телепневъ.

— А кончилось тѣмъ, что еще разъ приглашала. Пріѣзжайте за-просто обѣдать, я васъ познакомлю съ мужемъ.

— Ну вотъ и отправляйся сегодня, я тебѣ коляску свою дамъ.

— Больно густо! и пешедраломъ продеремъ. А ты вотъ возжелай только, и отправимся къ барынѣ.

— Ну, ѣдемъ въ университетъ, сказалъ Телепневъ, надѣвая шляпу, или тебѣ не нужно, ты вольный козакъ?

— Нѣтъ, братъ, я поѣду, посмотрю, что будетъ въ залѣ-то.

— А Абласовъ что?

— Я къ нему заходилъ, съ черепомъ возится. а мундира еще не построилъ себѣ.

— Ну такъ ѣдемъ. Да какъ бы ему не досталось отъ инспектора.

— Онъ медикъ, братъ, на особомъ положеніи.

Яковъ подаль Телепневу очень благовидную шинель, съ голубымъ воротникомъ изъ сѣростудентскаго сукна стального цвѣта. Подъѣхала коляска, и кудрявый Феофанъ едва сдерживалъ сѣрыхъ, которые такъ и прыгали.

Быстро помчались наши пріятель по торцовой мостовой Преображенской улицы. День былъ яркій, по улицѣ разѣзжали туземныя долгушки съ разодѣтыми барынями; студенческія шляпы направлялись все въ сторону университета. Коляска Телепнева обогнала противъ церкви Преображенія небольшой фаэтончикъ, на маленькихъ саврасыхъ вяткахъ. Горшковъ толкнулъ Телепнева и раскланялся съ дамой въ фаэтонѣ.

— Вѣдь это она, шепнулъ онъ: вчерашняя барыня.

Борисъ очень скромно взглянулъ на даму и тотчасъ же отвернулся, встрѣтивъ ея пристальный взглядъ. Сѣрые подкатили коляску къ большому подъѣзду Швейцаръ былъ въ полной формѣ, съ булавой. Горшковъ придержалъ Телепнева на подъѣздѣ, чтобы раскланяться еще разъ съ дамой. Она выскочила изъ фаэтона и, проходя мимо Горшкова, еще разъ, очень привѣтливо кивнула ему головой.

— Отчего же вы не въ мундирѣ? спросила она Горшкова, взглянувъ на Телепнева.

— Я вольный козакъ — посторонній слушатель.

— По праву артиста, замѣтила она разсмѣявшись, и пошла на лѣстницу.

— Какова барыня? шепталъ Горшковъ Телепневу, поднимаясь по лѣстницѣ, посмотрѣвъ Боря, какая нога!

А нога дѣйствительно была очень хороша. Барыня подни-

малась, очень бойко шагая по ступенямъ. Она еще разъ оглянулась назадъ, и съ какимъ-то особеннымъ интересомъ.

— На тебя заглядывается, шепнулъ Горшковъ.

Взобравшись наверхъ, они прошли въ-слѣдъ за барыней, по большой свѣтлой площадкѣ, на которую выходила дверь въ актовую залу. Вторая дверь вела въ церковь. Въ церкви было очень полно, такъ что интересная дама могла съ трудомъ пробраться впередъ. Телепневъ осмотрѣлся. Кругомъ все студенты и студентки; изъ алтаря шелъ слабый свѣтъ, но церковь была очень темна, совершенно безъ оконъ, кромѣ трехъ выходящихъ изъ алтаря на улицу. Впереди стояло начальство, Ѳедоръ Ивановичъ, посѣщающій храмъ Божій каждое воскресенье, не смотря на то, что былъ лютеранинъ, ректоръ, маленькій синдикъ, громогласный деканъ, въ какомъ-то коричневомъ сюртукѣ. Но на самомъ видномъ мѣстѣ помѣщался толстенькій, приземистый мужчина сѣдой и съ огромной лысиной. Телепневъ догадался, что это былъ попечитель. Инспекторъ помѣщался отъ него въ сторонкѣ, стоялъ въ ранжирѣ, но съ сохраненіемъ достоинства въ физиономіи. Между студентами разсыпаны были помощники инспектора въ виц-мундирахъ. Одинъ изъ нихъ, сѣдоватый старичекъ съ брюзгливымъ лицомъ, высматривалъ изъ своего высокаго галстука и пыжился все, вѣроятно для того, чтобы представить изъ себя начальственное лицо. Шитые воротники блистали на мундирахъ новичковъ, но было въ церкви довольно и старыхъ студентовъ. Нѣкоторые изъ новичковъ стояли впереди, на глазахъ начальства, какъ скромные, благочестивые мальчики. Особенно поражали своей благонаправленной наружностью два новичка, очень схожіе другъ съ другомъ лицомъ. Телепневу, стоявшему у одной изъ колонъ видны были эти юноши. Онъ вспомнилъ, что лица ихъ ему знакомы.

— Гдѣ мы видѣли вонъ тѣхъ? спросилъ онъ Горшкова.

— А на паракодѣ-то, что съ маменькой-то ѣхали, по-французски-то все упражнялись.

Не трудно было отличить казенныхъ отъ остальной массы студентовъ. И изъ себя-то они были какъ-то пошаршавѣе, смотрѣли плебеями, да и мундиры-то на нихъ были казенной

постройки, изъ толстаго сукна, съ широкими неуклюжими фалдами, съ высокими воротниками, на которыхъ вмѣсто блестящихъ петлицъ, шитыхъ серебромъ, значились очень невзрачныя галуныя нашивки. Особенною рѣзкостью чертъ отличались сибиряки; ихъ между казенными было человѣкъ до двадцати. Въ нѣкоторыхъ уголкахъ шли разговоры; всѣ осматривались, шушукали, глядѣли на дамъ, стоявшихъ отдѣльной кучкой за колонами, позади начальства. Служба шла какъ обыкновенно. За причетниковъ прислуживали два маленькіе студента, перетянутые въ рюмочку и немилосердно завитые. Хоръ пѣвчихъ пѣлъ хорошо; онъ стоялъ изъ казенныхъ и мальчиковъ уѣзднаго училища. Въ церкви пѣвчіе стояли въ растегнутыхъ мундирахъ, что составляло также ихъ привиллегію. Регентъ, рябоватый малый съ курчавыми волосами, то-и-дѣло подтягивалъ мальчиковъ, которые съ вытянутыми шеями смотрѣли на него и голосили. Цвѣтъ хора составляли толстый-претолстый теноръ и громаднаго роста басъ, оба изъ семинаристовъ, какъ и большая часть пѣвчихъ.

Телепневъ съ Горшковымъ не пошли къ кресту, а остановились у дверей.

— Господа новопоступившіе, пожалуйста въ актовъ залъ! приглашали помощники инспектора.

Интересная дама прошла мимо нашихъ пріятелей.

— Вы будете сегодня у Варвары Ивановны? спросила она Горшкова.

— Какъ же-съ, буду

— Ну, а ко мнѣ-то когда же?

— На дняхъ-съ, отвѣтилъ Горшковъ, и шаркнулъ ножкой.

— Пожалуйста, проговорила она, добродушно кивая ему, и пошла по лѣстницѣ.

— Ну, прощай, братъ Боря! ступай по начальству, а я пойду домой, чайку напьюсь хорошенько и тебя буду ждать, проговорилъ Горшковъ.

— Доѣзжай, въ коляскѣ.

— Нѣтъ, братъ, больно важно.

При входѣ въ залъ, переминался на одномъ мѣстѣ старикашка помощникъ. со шляпой въ рукахъ.

— Позвольте, батюшка, васъ спросить, зашепелявилъ онъ, подходя къ Телепневу и взявъ его за руку Какъ ваша фамилія?

— Телепневъ.

— А, очень пріятно, батюшка. Вы Пензенскій?

— Нѣтъ, я изъ Н—ской гимназіи.

— А въ Пензѣ у васъ родственники есть?

— Не могу вамъ сказать...

— Я, батюшка, въ Пензѣ зналъ одно очень почтенное семейство... Я, батюшка, вотъ ужъ тридцать лѣтъ обращаюсь съ русскимъ юношествомъ, и много черезъ мои руки прошло... Жаль только, что все это, батюшка, вольнодумствомъ заражаются нынче, даже предъ вышнимъ начальствомъ нѣтъ должнаго почтенія...

„Что онъ ко мнѣ пристаётъ?“ подумалъ Телепневъ.

— Такъ вы не изъ Пензы, батюшка? проговорилъ старикашка.

— Нѣтъ, не изъ Пензы, отвѣтилъ Телепневъ улыбаясь.

— Ну, и въ Ярославлѣ у васъ нѣтъ родственниковъ?

— Въ Ярославлѣ нѣтъ.

— Почтенное семейство я зналъ, многочисленное. Ну, а меня-то вы не знаете, батюшка? Я старшій помощникъ, Иванъ Христофоровичъ Винтеръ; теперь ужъ года мои ушли, да вѣдь развѣ заслуги цѣнятся! а еще не очень давно, мы съ Николаемъ Ивановичемъ управляли округомъ,—и все шло какъ слѣдуетъ...

Телепневъ не скоро бы освободился отъ старикашки, управлявшаго съ Николаемъ Ивановичемъ округомъ; но въ эту минуту влетѣлъ другой помощникъ, провозглашая: попечитель идетъ! Старикашка застегнулъ виц-мундиръ и пошелъ къ дверямъ, а Телепневъ присоединился къ толпѣ. Но попечитель не сейчасъ пришелъ, протянулось еще нѣсколько минутъ, поднялся опять гулъ; новичковъ собралось человекъ сто; самые неказистые были медики, воротники блестѣли у камералистовъ. Толпа занимала средину залы. Зала была длинная, желтая и узкая,—какъ водится, съ хора-

ми, кафедрой и портретами. Вдоль одной стѣны стояло нѣсколько шкафовъ съ китайскими и египетскими рѣдкостями. Телепневъ, въ первый разъ, увидѣлъ здѣсь настоящую мумію.

Послышались чьи-то шаги изъ передней, но вошелъ не попечитель, а пока еще Ѳеодоръ Ивановичъ. Его глянцеви-тая физія какъ-то особенно сіяла, а грудь съ животомъ со-всѣмъ выпятилась впередъ.

— Господа! провозгласилъ онъ, махая шляпой, прошу васъ стать въ порядкѣ, по факультетамъ. Врачебнаго факультета сюда направо, историко-филологическаго вотъ здѣсь къ кафедрѣ, камеральнаго разряда - къ шкафамъ, вотъ тутъ; господа юристы правѣе, господа математики порѣже, не сбивайтесь въ кучу.

И Ѳеодоръ Ивановичъ, отойдя нѣсколько шаговъ назадъ, сталъ въ позицію, какъ какой-нибудь баталіонный командиръ и оглянулъ всѣ факультеты.

— Сейчасъ сюда пожалуетъ его превосходительство господинъ попечитель, провозгласилъ онъ. Его превосходительство обратится къ вамъ съ рѣчью. Послѣ того, вы еще останетесь здѣсь, для полученія отъ меня нѣкоторыхъ приказаній.

Произнесши эти знаменательныя слова, инспекторъ отправился на встрѣчу попечителю. Всѣ стояли въ молчаніи; только по многимъ лицамъ видно было, что не одинъ новичекъ ругнулъ инспектора про себя.

Вошелъ попечитель. Въ свѣтлой залѣ ярче выступила его пузатенькая, плѣшивая фигура. Круглая, голая голова уходила въ большой воротникъ, одной рукой старичекъ держалъ каску, другой придерживалъ саблю. Круглое лицо старичка представляло смѣсь добродушія съ той комической важностью, какая только бываетъ у иныхъ старыхъ сыновъ Марса. Попечитель подошелъ къ студентамъ и раскланялся съ ними какъ то въ бокъ, махнувъ правой рукой. Онъ хлопнулъ нѣсколько разъ глазами, губы чмокнули, и юноши приготовились къ слушанію попечительскаго спича.

— Господа, началъ онъ рѣзко, шамкая и старчески раз-

крывая ротъ, поздравляю васъ съ поступленіемъ въ студенты!

Толпа хотѣла сказать: покорно васъ благодаримъ, но удержалась.

Старичекъ немножко помолчалъ и чмокнувши еще, оперся на саблю.

— Я надѣюсь, господа, продолжалъ онъ, что мнѣ.. не нужно... внушать вамъ. (онъ началъ путаться и поглядывалъ на Ѳедора Ивановича). И такъ я надѣюсь, господа, что вы сами... вполне понимаете... долгъ всякаго благороднаго... человѣка (опять пауза). Вотъ я, господа, я старикъ я солдатъ... но я исполняю обязанности... (Физиономія Ѳедора Ивановича силилась придать старичку краснорѣчія, но пребывала въ официальной безстрастности). Господа, началъ опять, и на свѣтломъ лбу его выступилъ потъ, я не могу вамъ ничего сказать больше, я укажу только на вашу шпагу.. на вашу шляпу... господа, вы ужъ не мальчики, я надѣюсь, господа, что вы меня поняли. Учитесь, господа... наука намъ нужна... Я всегда готовъ... по мѣрѣ силъ. Еще разъ поздравляю васъ, господа!

И поклонившись опять въ бокъ, старичекъ вздохнулъ глубоко, кивнулъ очень милостиво на поклонъ студентовъ, и отправился изъ залы, въ сопровожденіи инспектора и помощниковъ.

Многозначительно переглянулись между собой новички. Спичъ произвелъ въ нихъ жовіальное настроеніе. Они тотчасъ поняли, въ комъ изъ начальства заключается вся суть; но нѣкоторые изъ франтиковъ все-таки взглянули на свою шпагу и шляпу, и на лицахъ выразили, что они не мальчики. Всего сильнѣе зубоскалилъ медицинскій факультетъ, тамъ все собрались радикалы; масса же скользила только по поверхности: посмѣялась надъ фигурой старичка и его спичемъ, но конечно не поняла, въ чемъ заключался печальный комизмъ всей сцены. Гулъ, поднявшійся по уходѣ попечителя, тотчасъ замолкъ, когда въ дверяхъ опять показался инспекторъ.

— Господа, началъ Ѳедоръ Ивановичъ, такимъ тономъ, который говорилъ, что возраженій не допускается: я вамъ

скажу объ вашихъ обязанностяхъ, за нарушеніе которыхъ каждый изъ васъ подвергнется строгому взысканію.

„Это ужъ не *надѣюсь*,“ подумали новички.

— Вашимъ наружнымъ видомъ я доволенъ. И Ѳеодоръ Ивановичъ обвелъ глазами всѣхъ.—Только господа камералисты и медики отпустили себѣ кудри, которые я приказываю обстричь. Ношеніе формы есть первая обязанность студента. Подъ строжайшимъ взысканіемъ запрещается всякое уклоненіе отъ форменной одежды, а тѣмъ паче ношеніе партикулярнаго платья. Если вы не поняли, я могу повторить.

— Поняли, поняли, послышалось въ толпѣ.

— Вы получите квартирные свидѣтельства, возгласилъ Ѳеодоръ Ивановичъ, и имѣете являться ко мнѣ для представленія этихъ свидѣтельствъ—въ полной формѣ при шляпѣ и шпагѣ. Входъ въ трактирные и другія заведенія строго воспрещается. Всякія поступки, нарушающіе правила студентовъ, будутъ наказываться безъ всякаго снисхожденія. Прошу васъ не забывать, что помимо меня ничего не можетъ произойти. Слабая отмѣтка, назначенная мною въ кондуитномъ спискѣ, подвергаетъ студента немедленному исключенію. Затѣмъ прощайте господа.

Инспектору всѣ отвѣсили низкій поклонъ, и онъ отправился своей танцмейстерской походкой опять въ сопровожденіи помощниковъ.

Содержаніе рѣчи не нуждалось въ повтореніи. Всѣ, конечно, испытали не совсѣмъ пріятное чувство, но въ очень многихъ это чувство заглушено было страхомъ предъ всемогущею властью инспектора.

„Вотъ тебѣ и университетъ!“ думалъ Телепневъ, спускаясь съ лѣстницы. „Видно, кромѣ шпаги и шляпы, больше ничего нѣтъ.“

Въ снѣгахъ онъ столкнулся съ Двужилинымъ.

— А! захрипѣлъ тотъ: ваше благородіе, съ представленія возвращаетесь?

— Да, проговорилъ Телепневъ.

— Ничего-съ, это полезно, полируетъ юношамъ кровь. Я къ вамъ собирался все зайти, съ новосельемъ поздравить, да больно вы, слышь, аристократомъ зажили.

— Зайдите какъ-нибудь, промолвилъ Телепневъ.

— Да вѣдь мнѣ съ вами компанію-то водить не рука, захрипѣлъ Двужилинъ. Вы пить не пьете. Стало быть, по доброй волѣ, водкой угощать не станете; а вы примите мой совѣтъ юноша: займитесь вы водкой—разлюбезное дѣло будетъ, ужъ какъ ни бейтесь, а ужъ этимъ кончите! Коли въ васъ душонка есть, а не паръ, такъ вы чай должны разумѣть какая здѣсь сладость вкушается. За то, въ ранжиръ васъ выстроить. Начальству кланяться учили?

— Учили, отвѣтилъ смѣясь Телепневъ.

— Дайте срокъ, обучать. А корни наукъ вкусили ужъ,—горекъ сей корень; но сладости плодовъ его описать не возможно. Обучайтесь наукамъ,—похвально! а паче всего радуйте сердце начальства благонравнымъ поведеніемъ. А начальство у насъ самое такое, какъ нужно для всей нашей стаи. И будь я на мѣстѣ инспектора, я бы имъ показалъ! Однако, прощайте! Вы хоть и не пьете водки, но мнѣ поднесите, когда я заверну.

Они вышли на крыльцо. Большой контрастъ составляли ихъ фигуры: одинъ молодой, красивый и нарядный, а другой смотрѣлъ какимъ-то Діогеномъ.

— Экъ у васъ коляска-то какая! крикнулъ Двужилинъ. Дайте срокъ, мы ее спустимъ!

XX.

Михалъ Мемноновъ, служитель студенческой квартиры, гдѣ мы уже были, нѣсколько дней ходилъ угрюмъ и не общителенъ. Гриневъ, только что выпущенный изъ карцера, опять попалъ туда за энегрическія дѣйствія противъ туземной полиціи въ полуночное время. У Михалъ Мемнонова былъ свой баринъ; но о Гриневѣ онъ едва ли не больше заботился, зная, что тотъ по своимъ нравамъ человѣкъ не надежный. И вотъ теперь, когда Гриневъ сидитъ опять въ кар-

церѣ, на Мемнонова нападаетъ какое-то нервное расслабленіе, все у него изъ рукъ валится, исчезаетъ наклонность къ портняжеству, къ чинкѣ и штопанью студенческаго платья. Присядетъ къ столу и начнетъ ножичкомъ ковырять..

Мемноновъ сидѣлъ-сидѣлъ у стола и взяла его одурь. Господъ дова не было, и поворчать не на кого. Вышелъ онъ на галдарейку. На встрѣчу ему Агаша. Она въ утреннемъ туалетѣ, но очень ужъ что-то растрепана, лицо утомленное и такое же скучное, какъ у Михалъ Мемнонова.

— Здравствуйте, Лимднычъ! проговорила она.

Мемноновъ молча кивнулъ головой, но остановился передъ ней.

— Еще не выпускали? спросила Агаша.

— Держи карманъ, выпустять!

— А долго продержатъ?

— Почему я знаю, я вѣдь не начальство. Демку вчера встрѣтилъ, говорить, какъ бы не исключили, буйства, говорить, большія надѣлалъ.

— Ну, ужъ и исключить! воскликнула Агаша. Эка невидаль, что студентъ кутить!

— Ужъ про то не намъ съ тобой разсуждать.

— Зайдите, Лимонычъ, ко мнѣ кофейку напиться.

— Какіе тутъ кофеи.

— Да все бы зашли.

Мемноновъ молча согласился.

Агаша привела его къ себѣ. Сожительницы ея не было. Она начала угощать своего гостя кофеемъ, безъ цикорія, и Мемноновъ сперва пилъ, какъ бы нехотя, а потомъ разохотился. Дѣло дошло до изліяній. Агаша начала жаловаться ему на свою горькую долю.

— Что моя за жизнь такая, Лимонычъ! самой мнѣ гадко.

— А какой же шутъ тебя толкаетъ?

— Что и говорить, Лимонычъ! И Агаша уже собиралась плакать.

— Ты вѣдь ровно бѣсноватая, продолжалъ Мемноновъ, тебя и за человѣка-то никто не считаетъ; ты почувствуй это! а дѣвушка ты хорошая.

Агаша сидѣла и въ три ручья плакала, а Михалъ Мем-

ноновъ запивалъ ожесточенную рѣчь четвертымъ стаканомъ кофею.

— Куда жь я дѣнусь, Лимонычъ?

— Въ работницы ступай, лучше мякину есть, чѣмъ беззаконничать такимъ манеромъ.

— Да не возьметъ меня никто.

— Въ другой городъ уѣзжай, ты вотъ нюни то распустила, а завтра же пойдешь беззаконничать.

И еще минутъ двадцать продолжалась бесѣда въ такомъ же духѣ. Не знаю, вѣрилъ ли Мемноновъ самъ въ дѣйствительность своихъ внушеній. По натурѣ онъ былъ доктринеръ, а потому вмѣнялъ себѣ въ обязанность, при каждой встрѣчѣ съ Агашей, представить ей картину ея *бѣсноватаго* существованія. А въ сущности оба остались довольны другъ другомъ.

Мемноновъ вышелъ на галдарейку съ болѣе яснымъ челомъ и спустился даже внизъ посмотрѣть, что дѣлается на дворѣ. Его интересовали новые постояльцы, особенно Телепневъ, и его барская обстановка. Мемноновъ не былъ тщеславенъ и не привыкъ увлекаться внѣшностью, но такъ какъ все студенчество возбуждало въ немъ сильное презрѣніе своей непорядочностью, то онъ съ уваженіемъ смотрѣлъ на признаки довольства и степенности. Онъ видѣлъ уже рысаковъ Телепнева, и не увлекся собственно лошадьми; но ему понравилось то, что вотъ есть же студентъ, который собирается жить по-господски, какъ слѣдуетъ барину, стало быть хочетъ выдѣлиться изъ всей толпы этихъ *безштаныхъ*, какъ называлъ Мемноновъ своихъ пріятелей заштопывая имъ разныя части одежды. Мемноновъ не былъ также любопытенъ. Онъ до сихъ поръ не разузналъ подробностей объ интересномъ для него жильцѣ чекчуринской казармы, но не прочь былъ узнать, если бы представился къ тому случай. А случай представился въ видѣ Якова, который въ эту минуту лѣниво сидѣлъ на крылечкѣ и смотрѣлъ, какъ дерутся два пѣтуха на дворѣ. Мемноновъ подошелъ къ крылечку, но не вдругъ рѣшился заговорить съ Яковымъ. Въ сношеніяхъ съ незнакомыми онъ былъ очень сдержанъ и при случаѣ всегда

смѣлся даже надъ обыкновенною наянливостью служительскаго сословія.

Яковъ привсталъ со скамейки и сошелъ на ступеньки крыльца. Ему тоже, видно отъ скуки, захотѣлось покалякать. Разговоръ все-таки началъ Мемноновъ, какъ туземецъ.

— Вы при томъ баринъ состоите? вымолвилъ онъ.

— Да, при немъ.

— А изъ какой губерніи?

— Мы изъ Н***.

— Скучно чай здѣсь, съ непривычки-то?

— Мнѣ, ничего... отвѣчалъ спокойно апатичный Яковъ.

— Здѣсь бы ничего была жизнь, продолжалъ Мемноновъ, да у насъ больно вотъ въ этомъ околodкѣ студенты колобродятъ.

— А что? спросилъ Яковъ, какъ чистый провинціалъ.

— Безобразіе! вырвалось у Мемнонова, и онъ даже махнулъ рукой.

Яковъ, по новизнѣ предмета, ничего не могъ сказать на это.

— А вашъ-то, кажется, другихъ правилъ будетъ, началъ опять Мемноновъ мягкимъ голосомъ, какой онъ очень рѣдко употреблялъ — Правда, еще молодъ, да оно сейчасъ видно, что другую жизнь повести хочетъ.

Мемноновъ, съ первыхъ же словъ разговора, сообразилъ съ кѣмъ имѣеть дѣло. Онъ увидалъ, что хотя баринъ Якова долженъ быть изъ богатыхъ господъ, потому что еще студентомъ держитъ рысаковъ, но что самъ Яковъ изъ простачковъ, лакей заурядный. Когда Мемноновъ въ-первые пожелалъ разузнать о Телепневѣ, онъ больше всего боялся, что *камардинъ* окажется у него модный, а модничанье въ лакейскомъ сословіи ненавидѣлось Мемновымъ всею силою души. Простота и угрюмая скромность Якова совершенно размяглили его сердце; для его гордости не предстояло никакихъ щекотливыхъ струнъ въ сношеніи съ новымъ знакомымъ.

— Лошадокъ-то отъ себя привели? проговорилъ онъ, изъ вотчины должно быть?

— Нѣтъ, городскія.

— Родители, стало быть, значительные люди?

— Баринъ-то самъ имѣнъемъ владѣть. Папенька ихъ скончались, вотъ скоро годъ будетъ.

— Большое имѣніе?

— Да, значительное.

— А вы самп-то барскій?

— На волю отпущенъ бариномъ покойнымъ, а такъ, по своему желанію, живу

Михалъ Мемнонову это почему-то не понравилось. Онъ въ принципѣ былъ противникъ крѣпостнаго права, и даже дня не проходило, чтобъ объ этомъ предметѣ не возгоралось жаркихъ споровъ между нимъ и кѣмъ-нибудь изъ его господъ. Но онъ держался безнадежнаго взгляда на крѣпостное состояніе, и каждый разъ завершалъ споръ тѣмъ, что никогда крестьянъ у господъ не отнять, и что этому не бывать и черезъ тысячу лѣтъ. И не могло ему понравиться такое необычное общественное положеніе Якова. Крѣпостной, отпущенный на волю, и опять на службѣ у своихъ господъ,— вѣрно за хорошее жалованье... Все это какъ-то не нравилось Мемнонову. Но опять безобидный видъ Якова обезоружилъ его. Видъ былъ самый крѣпостной, и самолюбіе Мемнонова могло успокоиться.

— А много жалованья? спросилъ онъ, какимъ-то полутономъ.

— Десять рублей, отвѣчалъ сонливо Яковъ.

— На ассигнаціи, подсказалъ Мемноновъ.

— Нѣтъ, на серебро.

Опять передернуло Мемнонова.

— Пища, одежда своя? спросилъ онъ съ отчаяніемъ въ голосъ.

— Нѣтъ, господская.

Это былъ окончательный ударъ. Чуть ли не ненавистью вспикѣло сердце Мемнонова. Онъ никакъ не могъ переварить сочетанія всѣхъ этихъ странныхъ фактовъ. А Яковъ стоялъ ни въ чемъ неповинный, и хмурымъ недвижимымъ лицомъ глядѣлъ на лужу посреди двора. Мемноновъ вскинулъ на него глазами и опять улеглось его задорное самолюбіе.

Бесѣда кончилась очень мирно и даже (что очень трудно

было предполагать), Мемноновъ снизошелъ до такой любезности, что позволилъ угостить себя чаемъ; при чемъ выпилъ четыре стакана, и того, считая утренній чай съ господами, принялъ въ себя одиннадцать стакановъ теплой жидкости.

XXI.

Въ числѣ предметовъ камеральнаго разряда стояла химія. Телепневъ отправился въ лабораторію. Ему интересно было начать слушать эту совершенно неизвѣстную ему науку.

Полукруглая аудиторія была почти полна. Телепневъ сѣлъ рядомъ съ Абласовымъ, который какъ медикъ, слушалъ тоже и химію. Передъ лавками помѣщался большой, во всю комнату, полукруглый столъ, покрытый изразцами. На немъ стояло множество склянокъ, банокъ, спиртовая лампа, два мѣдныхъ штатива и стеклянная реторта. Предъ появленіемъ профессора, вышелъ изъ лабораторіи бѣлобрысый господинъ, и началъ переставлять склянки. Нѣкоторые изъ новичковъ приняли было его за профессора; но тотчасъ же спохватились, видя что онъ въ какомъ-то кургузомъ сюртукѣ и слишкомъ смотритъ аптекарскимъ гезелемъ.

Минуть черезъ двадцать пять явился и самъ профессоръ. Онъ бойко выскочилъ изъ дверей и дробнымъ шагомъ подлетѣлъ къ изразцовому столу. Это былъ молодой еще чело-вѣкъ. Большой лобъ съ вздымами, продолговатое лицо съ острымъ носомъ и прищуренными косыми глазками, придавали его личности бойкій и даже игривый характеръ. Заговаривалъ онъ громко, очень внятно, ударяя на нѣкоторыя слова, много разводилъ руками, вставалъ и садился, вообще велъ себя непринужденно, чѣмъ и произвелъ пріятное впечатлѣніе на аудиторію. Его изложеніе было просто, безъ профессорскихъ замашекъ, и въ первую лекцію онъ отчетливо и вразумительно разъяснилъ слушателямъ, что это такое за

•

штука химія и чѣмъ она отличается отъ другихъ естественныхъ наукъ. Лекція кончилась описаніемъ свойствъ кислорода, при чемъ бѣлобрысый лаборантъ весьма эффектно произвелъ сожженіе проволоки въ кислородномъ газѣ.

— Какъ тебѣ понравилось? спросилъ Телепневъ Абласова.

— Говорить толково.

— И наука занимательная.

— Да, да вотъ жалко по-русски учебниковъ-то нѣтъ. Слышалъ? онъ говорилъ, только и есть, что Гессъ и Реньо какой-то.

XXII.

Не тянуло Телепнева къ занятіямъ. Не умѣлъ онъ приняться, не видѣлъ цѣли, потратился слишкомъ много на житейскія испытанія. А прошедшимъ все-таки существовать было нельзя. Какіе ни текли дни, а какъ-нибудь да надо было пробавляться насущнымъ. Позавидовать бы Телепневу оборваннымъ студентамъ, которые бились изъ того, чтобъ прожить такъ или иначе: нѣкоторые изъ куска хлѣба, другіе изъ-за лишняго полуштофа водки. Да такая зависть и западала уже въ сердце Телепнева. А все-таки не было стимуловъ къ дѣятельности, да и долго не могло ихъ явиться. Въ своей грусти, Телепневу негдѣ было искать утѣшенія; онъ и предъ товарищами не могъ быть на распашку. Онъ еще ни одному человѣку въ мірѣ не сказалъ, что потерялъ онъ въ Софѣѣ Николаевѣ; и вспоминались ему слова этой женщины, ея примирительныя рѣчи, ея постоянный призывъ къ свѣтлому наслажденію жизнью. Какія силы далъ ему этотъ постоянный призывъ? Онъ боялся останавливаться теперь на такомъ вопросѣ, но его грусть была не тихая, самоотверженная грусть, а какая-то недовольная, не молодая, безотрадная.

Телепневъ перезнакомился съ однокурсниками. Нѣкото-

рые изъ нихъ заходили къ нему; но пріятельство съ ними какъ-то не шло. Только долгошей студентъ, котораго запри-мѣтилъ Телепневъ на лекціи батаники, правился ему почему-то больше другихъ. Заходилъ къ нему Двужилинъ, являлся Гриневъ, приглашали они его въ разныя походы; но ему не хотѣлось пускаться. Эти господа не въ состояніи были завлечь его своимъ разгуломъ. Въ нихъ не было ничего привлекательнаго; ихъ разгулъ носилъ слишкомъ грубыя формы: Людмилки и Агашки, составляющія ихъ обстановку, совсѣмъ уже не существовали для Телепнева. Онъ въ этомъ отношеніи былъ вполнѣ застрахованъ.

Въ одно изъ послѣ-обѣдъ зашелъ къ нему Буеракинъ. Телепневъ какъ-то съ перваго раза обратилъ на него мало вниманія и это, кажется, задѣло Буеракина. Его видимо стала интересовать личность новичка.

— Чѣмъ вы думаете заняться? спросилъ онъ Телепнева.

— Какъ придется, отвѣтилъ Телепневъ. Сказать по правдѣ, у меня нѣтъ еще настоящаго влеченія къ одной, какой-нибудь наукѣ.

— Что же, это не бѣда. Вѣдь оно только для красоты слога говорится, что:

«Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ.»

А въ сущности-то учиться порядочно у насъ нельзя. А нельзя потому, что идемъ мы въ университетъ, сами не зная зачѣмъ. А здѣсь кругомъ все мерзости, пьянство, пустота непомѣрная, между профессорами и студентами никакихъ отношеній порядочныхъ; профессора—тупицы, старье. Разумѣется, долбить вездѣ можно, да огня-то нѣтъ настоящаго; вотъ кое-что и почитываешь, да и за то еще спасибо сказать нужно, что послѣдніе панталоны не пропьешь.

Телепневъ слушалъ и, по его настроенію, ему хотѣлось во всемъ согласиться съ Буеракинымъ.

— Вы вѣдь естественникъ? спросилъ онъ.

— Да-съ.

— А вотъ, кажется, профессоръ химіи не дурно читаетъ?

— Да-съ. Но только это на первый разъ такъ кажется.

Системы у него никакой нѣтъ. По нѣмецкому учебнику ка-
таетъ; а, впрочемъ, и за то спасибо.

— Вы у него не занимаетесь?

— Нѣтъ-съ. Я вѣдь въ специалисты себя не готовлю. У
меня такихъ претензій нѣтъ. Да вѣдь у нихъ тамъ, въ лабо-
раторіи, ничего путнаго не дѣлаютъ, какую-нибудь молочную
кислоту по цѣлому году добываютъ, а при случаѣ спиртъ
изъ лампъ потягиваютъ. И Буеракинъ засмѣялся.

— Вы все больше дома? спросилъ его Телепневъ.

— Да-съ. Я здѣсь пробовалъ всякую жизнь, а кончилъ
тѣмъ, что засѣлъ. Пьянствовать не могу, въ туземный бо-
мондъ пускаться не имѣю желанія,—вездѣ непроходимая глу-
пость, чванство, развратъ... Не красиво-съ вообще,—остает-
ся тянуть по немножку ламку

И все въ такомъ тонѣ говорилъ Буеракинъ, а Телепневъ
слушалъ его и внутренно соглашался.

XXIII.

Горшковъ началъ вести жизнь привольную. На лекціи хо-
дилъ мало, дома обѣдалъ рѣдко, а все больше въ гостяхъ.
Вечера проводилъ также въ гостяхъ. Очень скоро стяжалъ
онъ славу въ аристократическомъ мірѣ города К. Дамы и
дѣвицы наперерывъ оказывали ему всякія любезности, и курь-
езно было видѣть оригинальную фигуру Горшкова съ его
школьными манерами въ бонтонныхъ гостиныхъ, гдѣ онъ ни
мало не стѣснялся. Уроковъ ему нашли довольно, такъ что
онъ считалъ себя вполне счастливымъ; только ему какъ-то
не писалось; не тянуло его къ себѣ, въ квартиру, слишкомъ
ужъ онъ заболтался съ барынями. Меньшая дочь *инеральши*
сдѣлалась таки его ученицей. Горшковъ уже въ глаза назы-
валъ ее лутикомъ, и очень заглядывался на ея каріе глазки.
Видно, и онъ начиналъ забывать Надю. Къ Телепневу Горш-

ковъ заходилъ каждый день, пилъ съ нимъ по утрамъ чай; но подолгу не оставался. Онъ, какъ добрый мальчикъ очень привязанный къ Борису, замѣчалъ, что грусть Телепнева принимаетъ какой-то апатическій, очень нехорошій оттѣнокъ. Но онъ не признавалъ въ себѣ такой именно вещи, которою могъ-бы въ эту минуту разшевелить Телепнева. Ему какъ-то совѣстно становилось являться къ Борису со своими дѣтскими выходками. И онъ, и Абласовъ не смѣли коснуться до прошлаго, сказать что-нибудь о свѣтлыхъ дняхъ, которые переживали они въ дикомъ домѣ съ Софьей Николавной; это былъ между ними щекотливый пунктъ, но не потому что Борисъ избѣгалъ его, а потому, что они сами слишкомъ уважали внутреннюю жизнь своего товарища.

Но Горшкову все-таки хотѣлось какъ нибудь занять Телепнева.

— Что ты все сидишь, Боря? сказалъ онъ ему разъ утромъ, отправляясь на какой-то урокъ.

— Да что-жъ мнѣ дѣлать? возразилъ Телепневъ. Я читаю...

— Да что читаешь? ты, братъ, все хандрить, Боря, вотъ что скверно! Вѣдь мы не затѣмъ сюда прѣехали, чтобъ запереться ото всѣхъ..

— Да ты, кажется, совсѣмъ не запираешься, Валеріанъ, прервалъ его Телепневъ съ улыбкой.

— Да кто про это говорить, — я, братъ, извѣстно, таранта! но мнѣ хотѣлось бы и тебя немножко раззадорить. Вѣдь вотъ мы мало видимся — мнѣ по урокамъ нужно, ну и барыни пристають, лутики есть хорошіе, — вечера-то и заняты, а намъ бы какъ-нибудь вмѣстѣ надо... Разумѣется, все это парле франсе — мерзость. и весь этотъ бомондъ татарскій выдѣннаго яйца не стоитъ, да все таки, братъ, можно на время потолкаться между ними... А какъ надоѣстъ — похеришь.

— Да мнѣ не рекомендоваться же ѣхать, какъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ.

— Это, братъ, все дѣло рукъ человѣческихъ. Да вотъ чего лучше: поѣдемъ къ той барынѣ...

— Къ какой это?

— Да помнишь, блондинка, глаза-то такіе, въ церкви-то была? Я съ ней еще встрѣчался. Она барыня — первый сортъ!

Я вотъ завтра отправлюсь къ ней, а потомъ и тебя потащу — Очень нужно.

— Да ужъ твоего мнѣнія не спрашиваютъ.

И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней, Горшковъ такъ присталъ къ Телепневу, что тотъ долженъ былъ согласиться и поѣхать съ нимъ къ интересной блондинкѣ. Онъ все увѣрялъ Бориса, что барыня проста и мила до нельзя, и гораздо лучше всего остального бонтона.

— Въ студентахъ, братецъ, принимаетъ большое участіе.

— Ты обо мнѣ-то не много болталъ? проговорилъ Телепневъ.

— Она имѣетъ самое настоящее понятіе объ тебѣ, только ты пожалуйста не церемонься. Вѣдь она хоть и лучше другихъ, а все баба. Вѣдь онъ всѣ интересничаютъ, а какъ отпоръ имъ хорошенькій дашь, такъ послѣ съ ними гораздо веселѣе бываетъ.

Этотъ разговоръ происходилъ въ коляскѣ, когда наши друзья отправлялись съ первымъ визитомъ къ м-ме. М-овой. Домъ ея стоялъ на театральной улицѣ и совсѣмъ почти скрывался за деревьями палисадника, какіе обыкновенно бываютъ въ губернскихъ городахъ. Домъ деревянный и небольшой, выкрашенный желтой краской, имѣлъ обще-дворянскую наружность. Коляска подъѣхала къ чистенькому крылечку съ навѣсомъ. Въ передней, нашихъ пріятелей встрѣтилъ молодой малый, въ сѣромъ ливрейномъ фракѣ, и на вопросъ Горшкова: дома ли барыня? отвѣчалъ: пожалуйста-съ, они въ угловой.

Зала, чрезъ которую они прошли, и гостинная, ужасно напомнили Борису домъ Теляниной. Онъ даже улыбнулся: такъ это сходство бросилось ему въ глаза. Угловая, куда они вступили изъ гостинной, была очень маленькая комната, въ одно окно на улицу. Вся мебель ея состояла изъ краснаго мягкаго дивана, двухъ-трехъ креселъ, дамскаго письменнаго стола и шкафчика. На диванѣ сидѣла хозяйка и привстала, завидѣвъ въ дверяхъ гостей. Въ одной рукѣ она держала книгу, въ другой папиросу

Телепневъ вошелъ позади Горшкова. Одѣтъ онъ былъ въ полуформу, и треугольная шляпа немного безпокоила его, но онъ все-таки развязно подошелъ къ хозяйкѣ.

— Вотъ вамъ, Ольга Ивановна, началъ Горшковъ, другъ

и пріятель мой Телепневъ. Я поручаю вамъ познакомить его со всѣмъ городомъ, хотя бы онъ и отбояривался.

— Очень рада, сказала хозяйка, только позволить ли вашъ пріятель распорядиться собой такъ деспотически? Садитесь, господа, прибавила она.

— Да на него нечего обращать вниманія, началъ Горшковъ.

— А вы отчего же не хотите познакомиться съ нашимъ обществомъ? спросила хозяйка Телепнева, и кинула на него очень ласковый взглядъ.

— Я не собрался еще, отвѣтилъ Телепневъ. Мнѣ хотѣлось сначала осмотрѣться въ моей новой жизни; но я ни какого общества не бѣгаю, прибавилъ онъ, и тонъ его, видимо, понравился хозяйкѣ.

— Въ добрый часъ, промолвила она. Студенты здѣсь чуждаются общества, и это напрасно; разумѣется, у нихъ есть занятія; но не одно это причина, а просто желаніе ни чѣмъ не стѣсняться. Нравы здѣшнихъ студентовъ очень буйны, прибавила она съ улыбкой.

— Мнѣ кажется, возразилъ ей Телепневъ, студенты избѣгаютъ общества потому, что боятся его обстановки, а они люди все больше бѣдные, совсѣмъ не свѣтскіе.

— Ахъ, Боже мой! вскричала хозяйка; да какъ будтобы кто-нибудь требуетъ, чтобы студенты непременно блистали...

— Однако, прервалъ ее Телепневъ, еслибъ я къ вамъ пришелъ въ старомъ изодранномъ сертукѣ, сталъ бы черезчуръ громко говорить, развалился бы, — не знаю, захотѣли ли бы вы видѣть меня въ вашей гостиной!

— Ахъ, какой вы, *monsieur* Телепневъ! Мнѣ кажется, порядочности можно требовать отъ самаго бѣднаго человека.

— Можно-съ; но прежде нужно дать средства бѣдному студенту воспитать себя; а до тѣхъ поръ, пока онъ это сдѣлаетъ, ни вы, никто изъ дамъ и дѣвицъ не простятъ ему его непорядочности.

— Ну, прекрасно, сказала хозяйка, немножко раскраснѣвшись и съ большимъ интересомъ всматриваясь въ своего гостя, -- положимъ, что вы и правы; но вѣдь здѣсь городъ большой, у насъ есть много кружковъ общества. Студенты могли бы взойти въ средній кругъ, гдѣ не потребовали бы отъ нихъ никакого изящества.

— Можетъ быть, они тамъ и бываютъ, сказалъ Телепневъ,—я еще здѣсь мало знаю; но вѣдь въ обществѣ мелкихъ чиновниковъ они тоже не очень разовьются...

— Вотъ видите, прервала его М-нова, сейчасъ является гордость! А въ среднемъ кругу студенты, по ихъ уму и образованію, могли бы быть очень полезны, и все-таки это общество отучало бы ихъ хоть немножко отъ кутежа, прибавила она съ усмѣшкой.

— Все это такъ-съ, вскричалъ Горшковъ, предупреждая возраженія Телепнева; но Борисъ все таки правду сказалъ. Вѣдь вотъ меня бомондъ вашъ принимаетъ оттого только, что я хорошо на фортепіано брянчу; а не будь этого, меня бы никто не пускалъ,—манеры у меня скверныя, и по-французски не говорю!

— Полноте, сказала ему М-нова, вѣдь не всѣ же смотреть только на французскій языкъ.

Разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ. Хозяйка подерживала его очень умно и непринужденно.

Она не третировала нашихъ юношей съ-высока, не говорила съ ними, какъ старшая сестра съ братьями-гимназистами; что, конечно, сейчасъ же было ими замѣчено. Разговоръ ихъ былъ такъ оживленъ, что Телепневъ не только не почувствовалъ никакого стѣсненія, но даже въ первыя минуты не разсмотрѣлъ хорошенько ея фигуры и туалета. М-нова была небольшого роста, съ широкими плечами и прекрасной шеей. Она очень часто перемѣняла положеніе тѣла, и когда смѣялась, не много наклоняла голову къ плечу. Замѣчательно хороши были у нее руки, и всѣ почти пальцы покрыты были кольцами. Темное платье и щегольская бархатная шубка составляли ея туалетъ. Вглядѣвшись въ ея черты, Борисъ увидалъ, что она уже не самой первой молодости, хотя чрезвычайно свѣжа. Въ впадинахъ глазъ, въ подбородкѣ, въ контурѣ щекъ было уже что-то говорившее о тридцатой веснѣ; но общее выраженіе лица все-таки сохранило молодость и пикантность. Бѣлокурые, взбитые волосы изящно оттѣняли красоту лба и темныхъ блестящихъ глазъ Ольги Ивановны.

— Если вы пожелали со мной познакомиться, обратилась

она предъ уходомъ гостей къ Телепневу, то я не хочу, чтобы это было одной фразой. Во-первыхъ, я васъ приглашаю послѣ завтра, въ воскресенье, обѣдать, и познакомлю васъ съ моимъ мужемъ. Его нѣтъ въ городѣ,—онъ поѣхалъ дня на два въ деревню. Онъ очень любитъ студентовъ. Здѣсь вы встрѣтитесь съ нѣкоторыми профессорами. А про себя я скажу только, что мнѣ ни французскаго языка, ни изящныхъ манеръ не нужно, и пожалуйста не причисляйте меня къ бомонду, какъ вы его понимаете, г-нъ Горшковъ.

— Не буду, вскричалъ нашъ артистъ. Только простите меня, Ольга Ивановна: послѣ завтра не могу къ вамъ явиться, меня начальница просила обѣдать; но Телепнева я непременно пришлю

— Вотъ видите, каковъ вашъ другъ, обратилась Ольга Ивановна къ Телепневу. Общество бранить Богъ знаетъ какъ, а его ужъ совсѣмъ заполонили въ институтъ!

— Противорѣчить себѣ, артистъ! отвѣтилъ Телепневъ.

— Пожалуйста не бранись, вскричалъ Горшковъ, и оба съ веселыми лицами раскланялись съ хозяйкой, которая проводила ихъ до залы и очень привѣтливо кивнула на прощанье.

XXIV

На галдарейкѣ чекчуринской казармы жизнь шла своимъ порядкомъ. Рѣдкій день обходился безъ какого-нибудь буйства. И удивительное дѣло! откуда брались только деньги у голоштаныхъ (по выраженію Мемнонова). Ъсть было нечего, а на выпивку всегда доставали. Особенно неистовствовалъ студентъ Петровъ, прозванный рыбакомъ, неизвѣстно по какому случаю. Вечеромъ того дня, когда Телепневъ былъ съ Горшковымъ у М-новой, въ квартирѣ рыбака шумѣла пирушка. Тутъ были всѣ пьющіе обитатели галдарейки. Гри-

невъ, только что выпущенный изъ карцера, его пріятель Храповъ, братья Сорванцовы, изображающіе Гамлета и Офелію, знакомый намъ Двужилинъ и землякъ его Бомбовъ. Было тутъ еще три обитателя казармы: во-первыхъ, медикъ Папушкинъ смертельно и безнадежно влюбленный въ извѣстную намъ Агашу; во-вторыхъ, прекуръзная личность—камералистъ Калаченко. Этотъ Калаченко съ малороссійской фамиліей былъ прогорѣвшій петербургскій студентъ, нравовъ очень легкихъ, съ затаенными но жгучими претензіями на знаніе литературы, французскій языкъ и тонкость обращенія, но по своей склонности къ горячимъ напиткамъ принадлежащій къ плебейской партіи кутилъ. Внѣшній видъ Калаченки былъ пресмѣшной. На коротенькихъ ножкахъ сидѣло длинное туловище. Голова огромная, курчавая, длиннѣйшій носъ крючкомъ, очки и толстыя губы. Ко всему этому надо прибавить, что Калаченко былъ сутуловатъ и короткошейка, сюртукъ носилъ точно съ барскаго плеча, а брюки узкіе-преузкіе. Когда его не беспокоили очень кредиторы, а въ особенности, если онъ чуялъ носомъ попойку, румяныя его щеки начинали сіять, вмѣстѣ съ краснымъ носомъ. Въ такія минуты, Калаченко любилъ распространяться на ту тему, что онъ воспитывался въ первой гимназіи, куда принимаютъ только дворянъ и цѣлый годъ былъ на словесномъ факультетѣ. Товарищъ Калаченки по квартирѣ и переходу изъ петербургскаго университета, юристъ Быковскій, былъ также довольно интересный субъектъ. Быковскій по способностямъ стоялъ головой выше не только своихъ однокурсниковъ, но пожалуй выше цѣлой половины университета. Въ языкѣ, въ сужденіяхъ, въ пріемахъ этого студента сказывались: умъ, развитость, очень много такту и порядочности. Но все это можно было замѣтить только въ трезвомъ видѣ, въ пьяномъ же исчезало и замѣнялось однимъ дикимъ побужденіемъ: бить всѣхъ, кто только попадется подъ руку. И Быковскій все сильнѣе втягивался въ попойки, становился все яростнѣе, а когда хмѣль проходилъ, все больше и больше терялъ сознаніе своего безобразія.

Такъ вотъ какая компанія собралась у рыбака Петрова, по случаю полученія имъ денегъ изъ родительскаго дома. Такъ

какъ деньги были, то водка замѣнена была туземнымъ хересомъ и особымъ напиткомъ, извѣстнымъ подъ именемъ то-тинскаго шампанскаго. Его взяли тридцать полубутылокъ, и послѣ солидныхъ хересовъ начали варить сженку, надъ чѣмъ сильнѣе всѣхъ хлопоталъ Калаченко. Агаши и Цициліи не было на попойкѣ. Рыбакъ Петровъ произвелъ у нихъ скандалъ нѣсколько дней передъ тѣмъ, а потому и не пригласилъ ихъ.

Часу въ десятомъ, компанія находилась еще только на первомъ взводѣ. Самъ хозяинъ пилъ едва ли не больше всѣхъ. Репутацію свою онъ приобрѣлъ въ очень короткое время. Петровъ состоялъ всего второй годъ студентомъ, первый про-велъ на душеспасительномъ камеральномъ, и провалившись по всѣмъ предметамъ, перешелъ на естественный разрядъ. По наружности своей, Петровъ принадлежалъ къ цвѣтущимъ юношамъ: похожъ былъ на румяное яблочко, и въ трезвомъ видѣ отличался даже нѣжнымъ выраженіемъ лица.

Пока еще хереса были на столѣ, бесѣда шла общая. Гриневъ рассказывалъ про свои исторіи съ инспекторомъ и представлялъ въ лицахъ, какъ карцерный сторожъ, по прозванію Дагоберъ, приходилъ по утрамъ топить печку и приносилъ съ собой косушку водки, которую они дѣлили побратски.

— Нѣтъ, каково животное! кричалъ Гриневъ про инспектора. „Знаете, говорить, милостивый государь, что у васъ въ кондуитномъ спискѣ стоитъ двойка?“

— А ты что по-пусту шумишь, Гриневъ? басилъ юристъ Бомбовъ; ты вотъ что, братецъ, соверши,—достойную хвалу отъ потомства получишь: наставъ ты должнымъ манеромъ нашего эконома, и я тебѣ помогу!

— Хорошо, дѣти мои, сипѣлъ Двужилинъ, обрабатывая пятый стаканъ хересу. Подвизайтесь на пути добродѣтели!

Братья Сорванцовы и студентъ Папушкинъ пили молча. Папушкинъ питалъ жгучую ревность къ Гриневу, который отбилъ у него сердце Агаши. А братья Сорванцовы были еще на столько трезвы, что сдерживали свои драматическія наклонности.

— Господа, сженка готова! закричалъ Калаченко, и съ помощью Быковского, поставилъ на столъ большую кострюльку, гдѣ еще пылалъ синеватый огонь спиртной жидкости.

Всѣ стали тушить пламя, и потомъ черпать изъ кастрюльки стаканами. Двужилинъ, въ качествѣ старшаго, наблюдалъ порядокъ и не позволялъ рьянымъ охотникамъ брать двойную порцію противъ товарищей.

— Ты хоть и варишь сженку, крикнулъ онъ Калаченкѣ, опускавшему руку въ кастрюлю, но знай свою очередь!

— Господа! крикнулъ Гриневъ: сегодня такъ день не долженъ кончиться, послѣ попойки надо двинуться въ походъ на Палермо. Помните, какъ въ прошломъ году насъ отдѣляли?—надо отомстить!

— Отщелкаемъ! подхватилъ хозяинъ. И физиономіи у всѣхъ приняли воинственное выраженіе. Послѣ втораго стакана сженки, полились уже бранныя рѣчи; и вскорѣ по галдарейкѣ раздалась хоровая пѣснь. Запѣвалой былъ Гриневъ.

Нашъ деканъ Болвановъ
Тянетъ сиволдай;
Выпьетъ хоть пять жбановъ,
Только подавай.
А Меньшовъ короткій,
Онъ же интеграль,
Сильно занятъ водкой,
Да ужъ слишкомъ малъ.
А профессоръ Богель,
Пришедъ въ частный домъ,
Пьетъ не гоголь-моголь,
А чистѣйшій ромъ.
Калаченко Павелъ
Сженку заварилъ;
Тѣмъ себя прославилъ,
Удовлетворилъ!

А потомъ пошли и другія подобныя пѣсни съ весьма неприличнымъ содежаніемъ. Но пѣніе долго не продолжалось. Произошелъ пассажъ, какого нужно было ожидать. Быковскій сначала велъ себя очень мило: говорилъ, пѣлъ съ другими, потомъ начиналъ дѣлаться все мрачнѣе и мрачнѣе. Подлѣ него сидѣлъ одинъ изъ братьевъ Сорванцовыхъ.

— Ты что на меня такъ смотришь? крикнулъ онъ вдругъ своему сосѣду. — Ты смѣешь мнѣ противорѣчить?!

Сорванцовъ хотѣлъ что-то такое отвѣчать ему, но Быковский ударилъ его куда попало. Произошло смятеніе. Быковский страшно разбушевался. Не оставалось другого средства какъ связать его. Рыбакъ Петровъ вмѣстѣ съ Папушкинымъ, какъ самые здоровые экземпляры, скрутили наконецъ ему руки и ноги какимъ-то полотенцемъ и, съ помощью братьевъ Сорванцовыхъ, снесли его въ темную кухню, принадлежащую къ квартирѣ Папушкина, гдѣ и заперли на крючекъ.

— Ай да Гришенька, кричалъ Гриневъ: безъ побитій не можетъ обойтись!

— А здорово онъ тебя хватилъ? спросилъ Двужилинъ невинную жертву ярости Быковского.

— Ничего-таки! отвѣчалъ тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Этакой нравъ поганый! Отличный малый, а не можетъ, чтобы кого-нибудь не раскровенить.

— Ну-ка, на это пѣсно! крикнулъ Гриневъ, и запѣлъ сперва одинъ, а потомъ вмѣстѣ съ хоромъ:

Гришенька Быковский,
Когда подопьетъ,
У сосѣда съ права
Рыло разобьетъ.

И всѣмъ сдѣлалось еще веселѣе. Въ этомъ обществѣ, на пьяныхъ вообще имѣли взглядъ терпимый до безконечности. Пьяному прощалось всякое буйство, всякое неистовство, не только съ постороннимъ, но и съ своимъ братомъ студентомъ. Выхodka Быковского ни мало не возмутила ни кого изъ присутствующихъ, со включеніемъ и пострадавшаго Сорванцова. Но по удаленіи бойца, общее настроеніе попойки скоро приняло также довольно воинственный характеръ. Студентъ Папушкинъ началъ придираяться къ Гриневу. Въ немъ заговорила ревность.

— Ты что похваляешься? приставалъ онъ къ нему: ты думаешь—красавецъ писанный? а ты просто мальчишка, второкурсникъ.—наровишь только какъ бы тебѣ бѣдную дѣвушку ободрать!

— Ну, что ты брешешь? Папушникъ ты этакой! отвѣчалъ ему Гриневъ, покачиваясь. У тебя вѣдь на физимордіи-то

черти горохъ молотили, — такъ какая же тебя дѣвушка полюбить? уразумѣй ты это!

— Я ее обезпечить хотѣлъ, кричалъ Папушкинъ, ударяя себя въ грудь. Чтобы она жизнь эту безобразную бросила!

— Сочетаться законнымъ бракомъ? ха, ха, ха!

— А ты молчи дрянъ! Я какъ благородный человѣкъ хотѣлъ поступить, потому что у меня душа есть; а ты только надругаешься надъ ней.

— Дай срокъ, кричалъ въ свою очередь Гриневъ, и тебѣ еще останется!

— Какъ ты смѣешь такъ говорить? заревѣлъ Папушкинъ. И бранныя рѣчи полились изъ устъ его.

Дѣло приняло бы серьезный оборотъ; но въ эту минуту произошла слѣдующая картина: въ дверяхъ комнаты, гдѣ пиновала компанія, появилась вдругъ неожиданно, негаданно пьяная и мрачная фигура Быковского. Въ рукахъ держалъ онъ огромнѣйшее полѣно и помахивалъ имъ.

— А, вы здѣсь, голубчики! бормоталъ онъ. Вы меня заперли! я въ тартарары провалился, всѣ ступеньки пересчиталъ! Кайтесь, я васъ расказню! И онъ приблизился, покачиваясь, къ столу и размахнулся дубиной такъ, что всѣ отъ страху вскочили.

Положеніе было критическое; но ни кто не рѣшался напасть на Быковского, который все болѣе и болѣе подступалъ къ столу. И опять одинъ изъ братьевъ Сорванцовыхъ сдѣлался жертвой его пьянаго гнѣва. Гришенька задѣлъ его полѣномъ такъ, что тотъ упалъ. Тутъ приняты были сильныя мѣры. Двужилинъ, какъ самый старшій изъ всей компаніи, отправился сейчасъ же внизъ, во второй этажъ, гдѣ жилъ портной Мельниковъ, и привелъ съ собою человѣкъ шесть *молодцовъ*. Эта дружина зашла непріятелю съ тылу и наконецъ обезоружила его. Гришеньку связали по рукамъ и по ногамъ. Попойка опять началась, но такъ какъ всѣ были утомлены, то походъ на Палермо отложенъ былъ до другаго раза.

XXV

Пришло воскресенье, и Борисъ отправился обѣдать къ М—новой. Онъ нашелъ ее опять въ угольной комнатѣ на диванѣ.

— Пойдемте къ мужу, сказала она вставая, и повела его въ кабинетъ.

Въ кабинетѣ сидѣли два господина. Одинъ—толстый, маленькаго роста, съ курчавыми волосами; другой — худой съ улыбающимся лицомъ, въ вицмундирѣ. Обоимъ было лѣтъ подъ пятьдесятъ. Когда Борисъ взшелъ вслѣдъ за хозяйкой, толстякъ что-то такое горячо рассказывалъ своему собесѣднику, размахивая руками.

— Вотъ, мой другъ, начала Ольга Ивановна, обращаясь къ толстяку, я тебѣ представляю моего знакомаго, Бориса Николаевича Телепнева.

Телепневъ поклонился молча. Хозяинъ вскочилъ съ кушетки, и очень радушно протянулъ ему обѣ руки, круглыя и пухлыя.

— Весьма пріятно, повторилъ онъ раза три, суетясь и приглашая Телепнева садиться.

Ольга Ивановна помѣстилась поодаль на кушеткѣ, возлѣ шкафа съ книгами. Въ этотъ день она была очень эффектна. Румянецъ такъ и игралъ на щекахъ, въ волосахъ блестѣли двѣ большія булавки. Широкіе рукава легкаго свѣтлаго платья открывали по локоть ея прекрасныя руки.

— Вы изъ Н? спросилъ хозяинъ Телепнева.

— Да-съ.

— А вѣдь вѣшь бывший директоръ въ одинъ годъ со мною вышелъ изъ университета. На филологическомъ были вмѣстѣ.

— Кто такой? спросилъ гость въ вицмундирѣ.

— Геліантовъ, Іонъ Петровичъ. Облѣнился, говорятъ, теперь. Таковъ ужъ удѣлъ, видно, русскаго человѣка! И толстякъ захохоталъ

Тема объ Іонѣ Петровичѣ была довольно богата, но Телепневъ не воспользовался ею,—ему не хотѣлось перерывать опять старое гимназическое бѣлье

— Ну, какъ вамъ нашъ университетъ понравился? спросилъ его М—новъ съ добродушной, полуотцовской улыбкой.

— Я еще все присматриваюсь, отвѣчалъ Телепневъ.

— И прекрасно-съ, перебилъ его хозяинъ. Присмотритесь. Наука дѣло святое. А на какой факультетъ поступили?

— На камеральный, проговорилъ Телепневъ, и подумалъ: „что это онъ меня экзаменуетъ?“

— Что же, доброе дѣло - съ, заговорилъ опять хозяинъ. Вы, значить, человѣкъ новый—*Novus homo*, посвящаете себя реальному знанію. Всякому свое - съ. Теперь ужъ наша филологія не въ ходу, хотя мы не жалѣемъ, что учились ей, сказалъ онъ, подмигнувъ глазомъ гостю въ вицмундиръ. Вотъ мой коллега, Владиміръ Ивановичъ, профессоръ здѣшняго университета, и онъ указалъ на вицмундиръ, — помнить, какое у насъ время было. Мы вѣру имѣли въ слово человѣческое... цѣлый горизонтъ для насъ открывался. Такъ ли я говорю Владиміръ Ивановичъ?

— Да, да, отвѣчалъ Владиміръ Ивановичъ, многозначительно улыбаясь.

— А все-таки я скажу, что таково, видно, ужъ ваше время,—реального знанія ищете, торжество положительности наступаетъ.

— Я признаюсь, началъ Телепневъ, еще хорошенько не знаю чѣмъ буду заниматься.

— Какъ же это такъ? вскричалъ хозяинъ. Гдѣ же благородный юношескій жаръ? Нѣтъ, мы въ наше время не такъ были. Мы со страхомъ и трепетомъ приступали...

— Другое, видно, время было, промолвилъ Телепневъ.

— Другое, другое-съ. Вамъ теперь не нужны классическія науки, вы надъ этимъ смѣтаетесь. И надъ греками, и надъ латынью. А безъ филологіи ни какъ нельзя-съ!

Телепневъ не возражалъ добродушному толстяку; онъ только изрѣдка поглядывалъ на Ольгу Ивановну, а Ольга Ивановна, не вмѣшиваясь въ разговоръ, посматривала на своего зупруга съ какой-то двусмысленной улыбкой, не то ласко-

вой, не то насмѣшливой Теченію рѣчей хозяина дома воспрепятствовалъ приходъ чловѣка, объявившаго, что кушать подано. Всѣ отправились въ столовую. Ольга Ивановна помѣстила Телепнева по правую руку отъ себя, противъ него сѣлъ хозяинъ и пріятель его профессоръ. Изъ заднихъ дверей показалась какая то неопредѣленная фигура женскаго пола и весьма печальнаго вида, а за ней особа болѣе опредѣленнаго характера, по всѣмъ признакамъ гувернантка, и за нею двѣ дѣвочки и мальчикъ. Старшая дѣвочка была уже лѣтъ девяти—рыженькая и краснощекая, мальчикъ также съ рыжеватыми волосами, въ синей курточкѣ — очень шустрый и подвижной. Дѣти смотрѣли бойко, и за столомъ шушукали между собой. Видно было, что Ольга Ивановна, ихъ не муштровала. Они безъ всякой боязни въ глазахъ смотрѣли и на отца съ матерью, и на гостей. Телепневъ замѣтилъ, что мужъ жену звалъ Оляша, а она его Павелъ Семеновичъ. Павелъ Семеновичъ продолжалъ было трактовать о филологіи; но потомъ свелъ рѣчь на то, какъ онъ ѣздилъ въ какой-то монастырь къ старому знакомому своему, архіерею, который жилъ тамъ на покоѣ.

— Мой мужъ, обратилась Ольга Ивановна къ Телепневу, имѣетъ слабость къ архіереямъ и архимандритамъ, и по монастырямъ отыскиваетъ все старые манускрипты.

— Да-съ, почтеннѣйшій коллега, заговорилъ хозяинъ съ гостемъ, видѣлъ я экземплярчикъ стоглава—пальчики оближешь! ужъ я какъ-нибудь пріобрѣту его.

— Какимъ же способомъ? спросилъ профессоръ, добродушно улыбаясь.

— Ужъ какимъ-нибудь нужно будетъ ухитриться.

— Что же ты, похищеніе что ли хочешь сдѣлать? спросила его жена.

Да ужъ какъ-нибудь умудрюсь. Вотъ вы молодой чловѣкъ, обратился онъ къ Телепневу, вы этой страсти не знаете! Для васъ, для молодежи, всякій манускриптъ просто старая, грязная бумага, годная на растопку печи, а для насъ въ ней цѣлая жизнь! Мы въ каждой буквѣ, въ каждомъ крючкѣ видимъ смыслъ, торжество духа чловѣческаго.

Разглагольствуя такимъ образомъ, толстый дилетантъ вѣлъ

за двоихъ и очень громко причмокивалъ. Послѣ каждой фразы, онъ обращалъ взоръ къ своему коллегѣ, точно желая сказать: каково мы юношеству-то внушаемъ! А коллега только наивно улыбался. Это была добродушнѣйшая фигура, должно быть, простой, душевный человѣкъ. Телепневу пафосъ Павла Семеновича казался не много смѣшонъ, хотя вся его особа была для него нова и занимательна

Отъ рукописей и архіереевъ разговоръ перешелъ на сто-
ловерченіе, которое въ ту пору было въ страшномъ ходу.

— Вы вертите столы? спросила Ольга Ивановна Телепнева.

— Нѣтъ, и не пробовалъ.

— Я васъ научу, сказала она улыбаясь.

— Не вертите пожалуйста, вскричалъ Павелъ Семеновичъ, умъ за разумъ зайдетъ, да и глупость какая! электричество, говорятъ, а по моему—просто надувательство.

— Ахъ, какой ты смѣшной! сказала Ольга Ивановна. Изъ чего тутъ горячиться?

— Изъ того, матушка, что это признакъ общественнаго растлѣнія! Это даромъ такъ не является. На это нужно смотрѣть, какъ на предвѣстника всякихъ золъ.

— Какихъ же это? спросила съ комическою наивною Ольга Ивановна.

— А такихъ, воскликнулъ Павелъ Семеновичъ, что просто не уявися, что будетъ.

— Ну, коли это такъ далеко, возразила подсмѣиваясь Ольга Ивановна, такъ пока нечего хлопотать.

Но супругъ ея еще не скоро успокоился. Онъ много толковалъ о признакахъ всемірнаго паденія нравовъ, а потомъ перешолъ въ политикъ и началъ доказывать, что теперь-то вотъ предстоитъ случай славянскому элементу сразиться съ западомъ.

Послѣ обѣда онъ хотѣлъ было увести Телепнева къ себѣ въ кабинетъ, но Ольга Ивановна воспротивилась этому. Она помѣстилась опять на своемъ диванѣ и предложила Борису курить. Телепневъ не пристрастился къ куренію; но въ послѣднее время, въ одиночествѣ, по немногу втягивался въ него. Сидѣли они очень уютно одинъ противъ другаго и

попивали кофе. Ольга Ивановна безъ мужа была въ настоящей своей сферѣ; но она и въ его присутствіи нисколько не стѣснялась. Она вела себя какъ снисходительная мать съ балованнымъ ребенкомъ. Это не ускользнуло отъ Телепнева.

— Вы къ моему мужу очень привыкнете, сказала Ольга Ивановна. У него странные вкусы, но за то онъ любить молодыхъ людей—студентовъ, и до сихъ-поръ еще многимъ увлекается.

— Да, это видно, отвѣтилъ Телепневъ: Павелъ Семеновичъ очень молодъ душой.

— Да вы не думайте, что онъ старъ. Я не многимъ моложе его, прибавала она.

— Будто бы? спросилъ Телепневъ.

Увѣряю васъ. Онъ только такъ держится старикомъ. Онъ здѣсь въ обществѣ почти единственный человѣкъ, который интересуется университетомъ, литературой...

— А здѣсь что же дѣлаютъ? спросилъ Телепневъ.

— Да какъ вамъ сказать?.. въ карты играютъ больше.

— Всѣ?

— Не всѣ, а почти всѣ, даже дѣвицы. Пляшутъ по зимамъ, дѣлаютъ визиты, ѣдятъ, пьютъ.

— Незанимательное общество! промолвилъ Телепневъ.

— Такое какъ и вездѣ, monsieur Телепневъ, а все-таки вамъ нужно съ нимъ познакомиться, иначе не проживете, будетъ очень скучно, коли не захотите кутить со студентами. Здѣсь очень много милыхъ дамъ, вы можете потомъ составить себѣ кружокъ общества, какой вамъ понравится, а для этого нужно познакомиться сперва со всѣми.

— Начиная съ властей? спросилъ Телепневъ.

— Ну этого не нужно: у насъ вѣдь особые законы. Порядочное общество состоитъ почти все изъ помѣщиковъ, а властей вы совсѣмъ и не встрѣтите, ни совѣтниковъ, даже вице-губернаторъ нигдѣ не бываетъ.

— Отъ чего же такой аристократизмъ?

— Да это не отъ гордости происходитъ; здѣсь, на примѣръ, жена частнаго пристава принадлежитъ къ обществу

— А кто же даетъ тонъ? спросилъ Телепневъ: губернаторша?

— Нѣтъ. Здѣсь есть дома, куда попасть гораздо труднѣе, чѣмъ къ губернатору. А вамъ все-таки нужно будетъ представиться нашей губернаторшѣ, она очень милая женщина.

— Это та дама, съ которой вы были въ театрѣ? спросилъ Телепневъ.

— Когда?

— Когда давали „Материнское Благословеніе“

— А вы развѣ помните, что я была? проговорила Ольга Ивановна, и довольно пристально посмотрѣла на Телепнева. И почему вы узнали, что я была съ губернаторшей?

— Да такъ, она очень величественно смотрѣла.

— Ну да, у ней есть не много важности; но вы все-таки къ ней поѣзжайте. Право, monsieur Телепневъ, я васъ вижу второй разъ, но вы меня поражаете. Вамъ ужъ, конечно, не больше восемнадцати лѣтъ, а вы смотрите такъ, точно для васъ ничего уже нѣтъ въ жизни — ни новаго, ни хорошаго. Не ужели вы рисуетесь?

Телепневъ хотѣлъ было ей отвѣчать, но слегка покраснѣлъ и потомъ задумался, да такъ, что Ольгѣ Ивановнѣ очень стало неловко.

Въ эту минуту въ гостиной послышался шорохъ шелкового платья, и въ дверяхъ показалась дама небольшого роста, въ шляпкѣ, черноволосая, съ прищуренными глазами и пятнышкомъ на правой щекѣ. Она вошла, и увидавъ Телепнева, немножко остановилась.

— Alexandrine! здравствуйте! заговорила хозяйка приподнимаясь и подавая ей руку

Alexandrine пожала ее, повернулась, отвѣтила на поклонъ Телепневу и очень развязно сѣла въ кресла.

— М-г Телепневъ, сказала Ольга Ивановна, указывая ей на Бориса. Телепневъ поклонился еще разъ.

— А я уѣхала изъ дому, начала Александрина скороговоркой, у насъ обѣдъ былъ — такая скука! Господинъ этотъ... все какія-то допотопныя любезности говорить.

— Какой, генералъ? спросила Ольга Ивановна.

— Да вотъ, что пріѣхалъ ревизовать рара... Какъ встали

изъ-за стола, я сейчасъ говорю маман: я поѣду къ Ольгѣ Ивановнѣ, а вы съ Лизой занимайте гостя.

— И прекрасно сдѣлали, ma chere. А вотъ прежде всего, я еще разъ представлю моего гостя, и Ольга Ивановна съ улыбкой посмортѣла на Телепнева. М-г Телепневъ бѣгаетъ общества, такъ надо какъ-нибудь его исправить.

— Если только м-г Телепневъ пожелаетъ, сказала бойко Александрина. Вѣдь это, въ самомъ дѣлѣ, странно, что у насъ въ обществѣ такъ мало бываетъ студентовъ. А кто у насъ молодые люди? Совсѣмъ никого нѣтъ... Вы помните, chere Ольга Ивановна, какой былъ милый студентъ, какъ его... да, да Синицынъ, премилый мальчикъ!... Александрина вдругъ остановилась.

— Parden, м-г Телепневъ! это у меня такъ сорвалось съ языка.

— Что такое? спросилъ разсѣянно Телепневъ.

— Да вотъ я назвала студента мальчикомъ. И Александрина расхохоталась!

— Что же такое? сказалъ Телепневъ, тутъ нѣтъ ничего обиднаго.

— Ахъ, полноте, полноте, всѣмъ студентамъ хочется смотрѣть стариками.

— Нѣтъ, Alexandrine, вмѣшалась Ольга Ивановна, м-г Телепневъ совсѣмъ не хочетъ казаться старикомъ, а это оттого.

— Отъ чего? прервалъ ее Телепневъ. Вѣдь вы не знаете? Ольга Ивановна немножко смутилась.

Вѣдь вотъ, mesdames, началъ онъ, извините меня, но я удивляюсь, какъ это можно заниматься такими пустяками и разбирать: корчитъ ли такой-то студентъ изъ себя что-нибудь, или не корчитъ? Вотъ отъ этого-то, вѣроятно, и въ карты-то у васъ всѣ въ городѣ играютъ.

— А вы почему знаете? спросила Александрина, тоже немножко сконфуженная.

— Я слышалъ вотъ отъ Ольги Ивановны.

— Ахъ, chere Ольга Ивановна, зачѣмъ вы про насъ такія вещи рассказываете?

— Вѣдь это немножко правда, Alexandrine, проговорила

Ольга Ивановна, и очень милостиво взглянула на Телепнева. Этотъ взглядъ говорилъ: хотя ты намъ натацію прочиталъ, а все-таки ты очень милый мальчикъ.

— Ахъ, сhere Ольга Ивановна, начала тараторить Александрина, какого я пьяниста прекраснаго слышала у Но-вицкихъ!

— Горшкова? спросила Ольга Ивановна.

— Да, да, Горшкова, такая смѣшная фамилія, и самъ онъ пресмѣшной!

— Но милый мальчикъ, прибавилъ, улыбаясь, Телепневъ.

— А вы его развѣ знаете?

— Вѣдь это другъ м-г Телепнева, они вмѣстѣ живутъ, вмѣшалась Ольга Ивановна.

— Вотъ я и опять попалась, вскричала Александрина, вѣдь это не на что не похоже!

— Да чѣмъ же вы попались? прервалъ ее Телепневъ; у Горшкова дѣйствительно смѣшная фамилія и фигура смѣшная, вотъ кабы онъ былъ дѣвица, которая мнѣ нравится, тогда другое дѣло.

— А вы съ нимъ давно пріатели? спросила Александрина.

— Съ дѣтства.

— Стало быть, и вы музыкантъ?

— Совсѣмъ не стало быть, отвѣтилъ Телепневъ.

— Pardon, m-г Телепневъ! заговорила Ольга Ивановна, вы немножко лжете. Вашъ пріатель говорилъ мнѣ, что у васъ самые разнообразные таланты: вы играете и поете.

— Ахъ, вы поете! воскликнула Александрина. Спойте пожалуйста, пойдите въ залъ.

— Нѣтъ-съ, я не могу пѣть.

— Да отъ чего же? приставала Александрина.

— Нѣтъ таланту, да и какое же пѣніе послѣ обѣда? прибавилъ онъ улыбувшись.

— Дѣйствительно, замѣтила Ольга Ивановна, видя что Телепневу почему-то не хотѣлось пѣть.

Они еще поболтали. Больше всѣхъ, конечно, говорила Александрина. На прощаньи, она взяла слово съ Телепнева, что онъ явится къ нимъ съ визитомъ.

— Я васъ прямо приглашаю, м-г Телепневъ, тараторила она: тамап рѣдко выходить, и хозяйка—я.

Въ свою очередь, и Ольга Ивановна не оставила его въ покоѣ.

— Я объ васъ скажу губернаторшѣ и начальницѣ.

— Будетъ довольно и одной, отвѣтилъ Телепневъ раскланиваясь.

Въ кабинетѣ онъ встрѣтилъ Павла Семеновича и получилъ отъ него нѣсколько старомодныхъ привѣтствій.

— У меня вѣдь есть таки порядочное книгохранилище, говорилъ толстякъ, пожимая Телепневу руку. Могу сказать, есть такія вещицы, что и въ университетской не найдете, особенно по рукописямъ.... Вы не филологъ, а все-таки, что понадобится, пожалуйста обратитесь, я съ полной готовностью..

Телепневъ посмотрѣлъ въ эту минуту на маленькій шкафъ съ книгами.

— Мое книгохранилище, проговорилъ Павелъ Семеновичъ, не здѣсь: я его держу въ кладовой, на случай пожара. Наученъ опытомъ, лишился рѣдкихъ вещей!

Телепневъ еще разъ раскланялся.

— Прощайте, прощайте. мой дорогой! говорилъ ему Павелъ Семеновичъ, провожая его до дверей зала, не забывайте насъ.

XXVI.

Телепневъ вѣхалъ домой и думалъ о своихъ новыхъ знакомыхъ. Ему почти правился этотъ домъ. Онъ не спрашивалъ себя: будетъ ли ему тамъ скучно, или нѣтъ, онъ зналъ только, что ему тамъ довольно ловко. Толстый Павелъ Семеновичъ съ своими рукописями занималъ его, Ольга Ивановна казалась довольно умной женщиной. Хотя въ послѣднее

время, онъ поглощенъ былъ внутренней жизнью и нигдѣ почти не бывалъ; но Софья Николаевна сдѣлала то, что для Телепнева встрѣча съ какой бы то ни было женщиной не представляла уже ничего заманчиваго, онъ чувствовалъ себя совершенно свободно, точно онъ нѣсколько лѣтъ вращался въ свѣтской жизни. Но все почти время, которое онъ провелъ въ этотъ день у М—новой, Телепневу было очень и очень грустно, едва ли не больнѣе, чѣмъ у себя въ своей одинокой квартирѣ. До сихъ поръ онъ еще ни съ кѣмъ не дѣлился своей потерей, и эта замкнутость ужасно давила его. Она еще болѣе придавала ему тотъ почти апатичный видъ, который удивилъ Ольгу Ивановну и заставилъ ее спросить Телепнева: не рисуется ли онъ? И когда она сказала эту фразу, ему сдѣлалось больно потому, что его горе, какое бы оно ни было, сейчасъ такъ опошлялось объясненіемъ постороннихъ людей. А съ этими людьми ни что его ни связывало, нельзя было открыться имъ и не тянуло къ тому. „А товарищи?“ спросилъ себя Телепневъ; „зачѣмъ я удалился отъ нихъ? Развѣ они меня отталкивали чѣмънибудь?“ Но когда Телепневъ выѣхалъ на Преображенскую, мысли его получили другой ходъ. Онъ говорилъ себѣ, что иначе и быть не можетъ. Зачѣмъ онъ пойдетъ изливаться? Отъ такого изліянія легче не будетъ; а товарищи понимаютъ его горе и любятъ его. Больше онъ ничего не могъ отъ нихъ требовать. А все-таки на сердцѣ сдѣлалось еще тоскливѣе, когда онъ пріѣхалъ домой. Сталъ онъ ходить изъ угла въ уголъ, читать не хотѣлось, въ голову лѣзли все невеселыя мысли. Онъ отправился въ комнату Горшкова, гдѣ стояло фортепіано. Присѣлъ онъ къ этому фортепіано и началъ наигрывать свои любимые мотивы. Музыка также отходила отъ него въ-далѣ. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ ни за что не принимался: да музыка и не могла дать ему облегченія, потому что съ каждымъ мотивомъ, съ каждымъ романсомъ, который онъ хотѣлъ бы запѣть, связана была утекшая жизнь съ радостями, невозвратно погибшими. Послѣ нѣсколькихъ аккордовъ Телепневъ всталъ и снова заходилъ по комнатамъ своей квартиры.

„Пойду“, подумалъ онъ, къ Абласову, „онъ вѣрно дома.“

Онъ перешелъ дворъ и поднялся на галдарейку. Абласовъ дѣйствительно былъ дома и по обыкновенію сидѣлъ надъ черепомъ. Когда Телепневъ вошелъ къ нему, вѣрно лице у него было такое, что Абласовъ, приподнявши голову отъ черепа, быстро всталъ съ дивана и взялъ Телепнева за руку.

— Что ты, Борисъ? сказалъ онъ мягкимъ, задушевымъ голосомъ.

— Тоска! вырвалось у Телепнева, и онъ вдругъ, опустивши руки на плечи Абласову, громко и порывисто зарыдалъ.

Абласовъ далъ ему выплакаться и посадилъ на диванъ.

— Какъ же съ этимъ быть-то? началъ онъ. Видно, надо за другую жизнь приниматься, Боря.

Телепневъ ничего не отвѣчалъ.

— Извѣстное дѣло тебѣ тоска, а еще сильнѣе оттого, что ты не знаешь, за что приняться.

— Да, да. Ты правъ. Абласовъ, повторялъ Телепневъ. Тяжело мнѣ оттого также, что я отъ васъ скрываю мою тоску.

— Да что же и рассказывать-то, прервалъ его Абласовъ, развѣ мы не чувствуемъ, какое у тебя горе? Развѣ я не понималъ, что для тебя была Софья Николаевна? Только вотъ что я тебѣ скажу Борисъ: горе—горемъ, а дѣло—дѣломъ. Такъ тебѣ не слѣдуетъ оставаться.

— Какъ? спросилъ Телепневъ.

Съ одной тоской Ты чѣмъ-нибудь займись, а не можешь дѣломъ заняться—знакомство заведи; что хочешь дѣлай, только чтобы было похоже на жизнь.

— Абласовъ! проговорилъ Борисъ, когда она была жива, тогда я самъ на себя больше надѣялся. И работать хотѣлось, и считалъ я себя на многое годнымъ, а теперь вижу, что я—пустой мальчишка! Все хорошее было въ ней, а не во мнѣ. Она для меня жила, а не я для нея. Да и какъ вспомнишь про прежнее, все-то я не такъ дѣлалъ, какъ нужно. И опять бы все воротить: и отца, и Машу, и бабушку даже; да нельзя. Вотъ я и свободенъ, иди на всѣ четыре стороны, а силъ у меня никакихъ нѣтъ! Она мнѣ всегда го-

ворила, какую можно себѣ хорошую жизнь сдѣлать въ университетѣ. Я тогда думалъ объ себѣ Богъ знаетъ что. А вотъ на дѣлѣ-то у меня и нѣтъ силъ...

— Да тебѣ себя жаль, или ее? спросилъ вдругъ Абласовъ.

— Всего, всего, что было! вскричалъ Борисъ.

Долго сидѣлъ онъ у Абласова. Впервые говорилъ онъ о своей страсти, о прекрасной женщинѣ, которая дѣйствительно любила его безъ оглядки, глубокимъ, горячимъ чувствомъ. И съ каждымъ словомъ, съ каждой чертой изъ дорогихъ воспоминаній, онъ сильнѣе и сильнѣе сознавалъ, какъ тосклива, тяжела и блѣдна будетъ его теперешняя жизнь. Но когда онъ простился съ Абласовымъ и тотъ сжалъ крѣпко его руку, они были больше друзья, чѣмъ прежде.

XXVII.

На другой день Телепневъ писалъ своему опекуну Эта переписка становилась для него все необходимѣе. Онъ его спрашивалъ о Пелагеѣ Сергѣевнѣ: не слышно ли про ея здоровье? И справляясь объ этомъ, Телепневъ никакъ не хитрилъ. Въ послѣднее время вся его прежняя вражда къ старухѣ пропала; ея потеря и теперешнее одиночество—заставили Телепнева все забыть. Онъ желалъ бы даже повидаться съ ней, зная напередъ, что Пелагея Сергѣевна приняла бы его очень дурно. Да онъ объ этомъ теперь и не думалъ, а напротивъ, очень во многомъ обвинялъ себя чистосердечно. Борисъ сдѣлалъ надъ собой усиліе какъ распредѣлить свой день, чтобъ онъ былъ наполненъ чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ. Послѣ писемъ онъ былъ на лекціяхъ, потомъ зашелъ въ книжную лавку на Преображенской, подписался на журналы и, вернувшись домой до обѣда, разбиралъ свои книги и пересматривалъ каждую изъ любимыхъ книгъ Софьи Николаевны.

Къ обѣду явился Горшковъ и затараторилъ.

— Слышалъ ты, Боря, какой скандалъ здѣсь былъ у Петрова?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Между собой благородное студентство подралось, доходило до смертоубійства.

— Да, шумъ порядочный былъ, отозвался Абласовъ.

— А у васъ тамъ въ живодернѣ-то, чай много такихъ же тузовъ, а особенно изъ семинаристовъ, поди буйства-то немалыя учиняють?

— Да не на что пить-то, у насъ все народъ бѣдный.

— Ну ужъ ты защищаешь своихъ живодеровъ; а здѣсь кого не спроси, всѣ только говорятъ, что самые пьяницы и буяны медики.

— Не знаю, отвѣтилъ не хотя Абласовъ и продолжалъ ѣсть супъ.

— Ну, какъ же ты у барыни-то? спросилъ Горшковъ Телепнева: звала еще?

— Звала, проговорилъ Телепневъ, непременно хочетъ, чтобъ я ѣхалъ къ начальницѣ.

— Да, я тебя потащу, и не дальше какъ завтра.

— Была тамъ дѣвица, какая-то Александрина, она тебя знаетъ.

— А, черномазенькая? вертлявая, братъ, дѣвица, наянливая такая,—пристала ко мнѣ такъ, что я чуть не плюнулъ! А супруга барыни видѣлъ?

— Видѣлъ и супруга.

— Каковъ?

— Потѣшный господинъ, все толкуеть о филологіи.

— Что ты говоришь? А барыня объ чемъ толкуеть?

— Ничего, она не глупая женщина.

— Въдъ я тебѣ говорилъ, Боря; ужъ у меня глазъ такой, особенно на счетъ барынь. А вчера я удостоился счастья быть представленнымъ здѣшней герцогинѣ.

— Губернаторшѣ, что-ль? спросилъ Абласовъ.

— Самолично, братцы, и получилъ отъ нее полнѣйшее одобреніе.

— Вѣдь это она тогда была въ театрѣ съ Ольгой Иванов-ной? спросилъ Телепневъ.

— Она, братецъ. Такая великатность въ обхожденіи, что только такъ на театрахъ играютъ. Но такъ какъ я моветонъ, мнѣ и шаркать передъ ней было нечего. А ужъ въ музыкѣ она такъ смыслить, что только слюнки потекутъ, когда слушаешь ее сентенцій.

— Что жъ ты къ ней поѣдешь? сказалъ Телепневъ.

— Да ужъ теперь нельзя, братъ, отбояриться. Изволили милостиво пригласить меня къ себѣ на раутъ, и чтобъ я имъ изобразилъ мазурку Шульгофа.

Послѣ обѣда Абласовъ ушелъ къ себѣ, а Горшковъ продолжалъ толковать съ Телепневымъ.

— Вотъ, Боря, говорилъ онъ ему, ты потолкайся, голубчикъ, между татарскими аристократами, это тебя займетъ. И къ барынькѣ почаще ѣзди, она въ самомъ дѣлѣ бабенка умная.

— Да больно ужъ они здѣсь всѣ пустословятъ.

— А ты чего захотѣлъ? Извѣстное дѣло, вздоръ городятъ. Еще за то спасибо скажи, которая не ломается, бонтонъ-то свой не показываетъ.

— Ну, а что у начальницы? спросилъ Телепневъ.

— Да тамъ, братецъ, ничего. Сама-то она важненька, а дѣвчурки хорошія, особливо меньшая.

— Любить музыку?

— Ничего. Я ей подъ шумокъ разныя вольнодумныя мысли внушаю: бонтону-то не набирайтесь.

— И что жъ она?

— Ничего. Она потѣшная такая. Всѣхъ учителей и класныхъ дамъ передразниваетъ. И физіи же тамъ есть. А дамы веселаго нрава, особливо одна есть—Бурдонъ кака-то, французенка толстая. Ко мнѣ все съ любезностями подѣзжаетъ, да я ей говорю: проваливай, мать моя! Но какіе же здѣсь дѣвы губернскіе, просто смѣху достойно. Одинъ все тамъ торчитъ, воротнички, братецъ, носить такіе, что въ носъ упираются, и какъ же глупъ, создатели мои!

Горшковъ долго еще тараторилъ. Потомъ онъ предложилъ Телепневу сыграть въ четыре руки, они играли часа два-

три, и Телепневъ очень обрадовался этой музыкѣ; съ Горшковымъ тоска его не одолѣвала, и звуки клавишей не раздражали нервовъ. Они перебрали много изъ стараго, играннаго; но Горшковъ не рѣшался, по случаю музыки, напоминать Борису о Софѣ Николаевнѣ. Ихъ отношенія были совершенно иныя, чѣмъ у Телепнева съ Абласовымъ. Съ тѣмъ онъ казался холоднѣе, но въ тяжелыя минуты говорилъ съ нимъ такъ, какъ съ Горшковымъ ему вовсе не говорилось: такова уже была натура Горшкова.

Въ этотъ вечеръ Горшковъ никуда не отправлялся, и до ужина игралъ. Онъ много фантазировалъ, игралъ Телепневу все, что онъ задумалъ въ послѣднее время, были тутъ и торжественныя мелодіи, и тихіе звуки, и глубокіе акорды, поражающіе свѣжестью новизны и гармоніи.

Въ первый разъ по пріѣздѣ въ К. Телепневъ заснулъ поспоконнѣе. Въ теченіе дня, онъ чувствовалъ меньше тревоги и ѣдкой тоски, чѣмъ обыкновенно. Но все-таки онъ засыпалъ съ мыслию, что завтра начнется такой же день, какъ и сегодня, съ тѣмъ же одиночествомъ, съ тѣмъ же отсутствіемъ заботы и нужды, съ отсутствіемъ горячихъ, кровныхъ интересовъ, а главное—съ отсутствіемъ юношеской жажды жить и гнаться за дешевыми наслажденіями. А въ эту ночь, когда такъ засыпалъ новичекъ, десятки старыхъ студентовъ находили въ разныхъ концахъ города К. эти дешевыя наслажденія, и ровно въ два часа ночи по Преображенской неслась пѣснь, распѣваемая пьяными и хриплыми голосами:

Владѣтель Китая
Смотритъ пошлякомъ,
Если въ чашку чая
Не вольетъ онъ ромъ.

XXVIII

Камералисты-первокурсники по немножку перезнакомились между собой. Между ними образовались, разумѣется, небольшіе кружки. Казенные сибиряки составляли свой мірокъ, симбирцы свой, саратовцы также. Были, разумѣется, и такія личности, которыя со всѣми сошлись и перебѣгали отъ одного къ другому, потѣшая компанію сценами и прибаутками.

Борисъ ни съ кѣмъ особенно не сближался; но чрезъ нѣсколько недѣль, незамѣтно образовался между нимъ и его однокурсниками тотъ легкій полутонъ, который обыкновенно называютъ — товарищескими отношеніями. Ему нравились сибиряки своей первобытной суровостью.

— Пойдемъ къ намъ курить, сказалъ ему разъ сибирякъ съ рьянымъ лицомъ. Онъ, кажется, первый началъ говорить ему *ты*.

Они поднялись въ *занимательная*. Крутая лѣстница, довольно грязненькая, привела ихъ къ стеклянной двери, черезъ которую они вошли въ длиннѣйшій и низенькій корридоръ. По лѣвую сторону его шелъ цѣлый рядъ такихъ же низенькихъ комнатъ съ окнами, чуть ли не на полу. Хотя эти студенческія помѣщенія назывались *занимательными*, но заниматься въ нихъ было не легко.

— Вотъ, братъ, у насъ какія палаты! сказалъ сибирякъ, вводя Телепнева въ свой номеръ.

Комната полагалась на шесть человѣкъ. Въ ней не было ничего кромѣ конторокъ и низенькихъ табуретовъ безъ подушекъ. Когда Телепневъ окинулъ взглядомъ всю комнату, онъ легко понялъ, какъ пріятно жить въ такомъ удобномъ помѣщеніи. У одной изъ конторокъ сидѣлъ какой-то краснощекій, рыжеватый студентъ въ халатѣ и что-то такое зубрилъ, заткнувъ уши. На окнѣ съ ногами помѣщался другой, по лицу непремѣнно сибирякъ, смуглый съ безпорядочнымъ, но чрезвычайно нахальнымъ лицомъ. Онъ былъ безъ галсту-

ка, въ засаленомъ полотнономъ пальто. Къ лѣвой стѣнѣ при- ставлены были три табуретки и на нихъ спалъ кто-то, при- крывшись студенческой шинелью.

— Вотъ наше житье-то какое! проговорилъ сибирякъ, указывая на спящаго.

— Да развѣ кроватей не полагается? спросилъ Телеп- невъ.

— Какъ не полагается? да они внизу въ спальнѣ стоятъ, а спальня заперта весь день. Хорошо еще, какъ изъ зани- мательной разойдутся, такъ можно вотъ табуретки составить, а то хоть на полу валяйся.

А спавшій тѣмъ временемъ пресолодно храпѣлъ. Часть шинели скатилась и открыла его красное, тоже сибирское лицо съ длинными волосами. Не трудно было замѣтить, что онъ спалъ не отъ утомленія, а отъ кой-чего другаго.

— Вставай, Сеничка, вставай! крикнулъ ему сидѣвшій на окнѣ.

Сеничка только повернулся лицомъ и неистово всхрап- нулъ.

— Оставь его, проговорилъ товарищъ Телепнева, еще бур- лить начнетъ! Пальто всталъ и ткнулъ Сеничку въ носъ па- пиросой. Сеничка чихнулъ, отвернулся къ стѣнѣ и опять за- храпѣлъ.

— Вы камералистъ? рѣзко спросилъ Телепнева сибирякъ- пальто.

— Камералистъ.

— А хлѣбнымъ виномъ занимаетесь?

Телепневъ немножко стѣснился.

— Чѣмъ же васъ угощать, продолжало пальто. Куритель- ное зелье употребляете?

— Курю.

— Ну такъ угощайтесь; тамъ на окошкѣ папиросы. Сядьте на чемъ стоите, а ноги свѣсьте.

— Намъ житье-то не то, что вамъ баричамъ, сказалъ то- варищъ Телепнева. Ты спроси-ка, чѣмъ насъ кормятъ.

— А чѣмъ?

— Да чуть не мертвечиной, драныхъ кошекъ подъ соусомъ даютъ; а то подадутъ тебѣ гамлетъ въ чашкахъ, да и гово-

рять потомъ, что гг. студенты ничѣмъ не довольны, а ихъ каждый день, пирожнымъ угощаютъ. А тутъ какой гамлетъ?— намъ мяса давай!

— Вы, дяденька, обратился вдругъ сибирякъ-пальто, говорятъ, богатый баричъ, такъ вы бы вотъ нашу братью—казенщину прикармливали.

— Пожалуйста приходите, господа!

— А мы васъ вотъ еще кваскомъ угостимъ.

— Хочешъ пить? спросилъ Телепнева однокурсникъ.

— Хочу.

И онъ повелъ его опять въ корридоръ къ темной площадкѣ, гдѣ стоялъ большой мѣдный жбанъ съ двумя кранами для квасу и воды. Два жестяныхъ стакана висѣли на цѣпочкахъ.

— Цѣди изъ праваго, сказалъ сибирякъ. Телепневъ нацѣдилъ себѣ квасу, который сильно отзывался мятой.

— Вотъ тебѣ, братъ, и все наше удовольствіе!

Пошли они опять по корридору. Въ стеклянныя двери видно было, что творится въ занимательныхъ.

Вездѣ было тоже удобство: кто лежалъ на табуреткахъ, кто на окнѣ. Какихъ-то два юныхъ новичка подняли бѣготню и возню въ корридорѣ. Въ одной изъ занимательныхъ кто-то жестоко пилилъ на скрипкѣ. Мѣсто во всѣхъ отношеніяхъ было не злочно и не прохладно. Темнота и духота стояли въ корридорѣ.

XXIX.

Разговоры на первомъ курсѣ были самого глупаго свойства, простое каляканье, а если бесѣда оживлялась, то вѣроятно предметомъ ея были какіе-нибудь эротическіе анекдотцы и различнаго рода непристойности, которыя обыкновенно возбуждали общее удовольствіе. Ни у кого собственныхъ интересовъ не было. Даже не оказывалось особыхъ побужденій къ буйству и пьянству; но все-таки ухарство вра-

вилось всѣмъ, въ чемъ бы оно не проявлялось: въ скандальныхъ ли разговорахъ, въ руготнѣ ли инспектора, въ разсказахъ ли о какихъ-нибудь давнопрошедшихъ и славныхъ исторіяхъ съ портными, половыми, и т. д.

Камералисты были все народъ безъ темперамента; *качества и художества* имѣлись у нихъ мелкаго разбора. Непроходимой лѣнью страдали почти всѣ; но и самая эта лѣнь была мелкаго свойства, раздроблялась на самые ничтожные интересы.

XXX.

Не прошло трехъ дней, какъ Телепневъ былъ у М-новыхъ, и онъ уже получилъ отъ Ольги Ивановны новое приглашеніе; а наканунѣ Горшковъ повезъ его къ генеральшѣ. Начальница приняла Телепнева безъ особенной величественности. Но когда она убѣдилась въ безукоризненности его французскаго акцента, то сдѣлалась очень любезна. Дѣвицы также обошлись съ нимъ мило, особенно бойкая Варѣ, которая сейчасъ же объяснила ему, что онъ долженъ бывать вездѣ уже потому только, что про студентовъ слышны разные ужасы, и онъ этимъ только и покажетъ свое благонравіе.

— Вы вѣдь тоже музыкантъ? спросила она его.

— Плохой.

— И прекрасно. Мы съ вами будемъ играть, а ужъ Горшковъ вашъ, такой ученый, пускай его съ Соничкой занимается. Онъ славный такой, вашъ Горшковъ; но ужъ когда заговоритъ объ музыкѣ, слишкомъ мудритъ.

— Смѣется надъ тѣмъ, что барыни играютъ?

— Ну да, вѣдь нельзя же все одни сонаты разыгрывать; захочется чегонибудь и легонькаго. А вы пріѣзжайте къ намъ какъ-нибудь вечеромъ, одни, вотъ мы съ вами и будемъ играть.

Генеральша милостиво обратилась опять къ Телепневу и

•

довольно обстоятельно распросила его обо всемъ. Борисъ давалъ ей краткіе, но благовоспитанные отвѣты, и въ результатѣ оказалось то, что генеральша мысленно назвала его; „un enfant de bonne maison.“ Телепневу занятно было смотрѣть на Горшкова въ этомъ губернскомъ аристократическомъ салонѣ. Горшковъ былъ полный хозяинъ и не стѣснялъ себя ни въ чемъ. Напротивъ, онъ какъ бы давалъ тонъ; по-французски онъ не говорилъ—и разговоръ шелъ на русскомъ языкѣ. Онъ свободно переходилъ съ мѣста на мѣсто, изъ комнаты въ комнату, подзывалъ къ себѣ дѣвицъ и хихикалъ съ ними довольно громко, — и все это генеральша прощала ему, вѣроятно, въ уваженіе къ его таланту.

Горшковъ увелъ Телепнева въ залъ и позвалъ туда барышень. Sophie очень понравилась Борису. Онъ замѣтилъ, что она обходится съ Горшковымъ съ какой-то наивной короткостью.

— Знаете, что мы устроимъ, сказалъ имъ всѣмъ Горшковъ.

— Что такое? спросила Barbe.

— У васъ тамъ, въ третьей комнатѣ, стоитъ старый рояль, онъ еще не дурень, такъ вы попросите маман, чтобы его поставили сюда въ залъ.

— И что же тогда будетъ? спросила опять нетерпѣливая Barbe.

— А то, что мы сыиграемъ въ восемь рукъ камаринскую Глинки.

— Какую это камаринскую? спросила Barbe.

— Ай, ай, ай! закричалъ Горшковъ, чуть не во все горло: не стыдно вамъ, Варвара Павловна, вы не знаете, кто написалъ камаринскую? а всякую *Fantaisie par Prudan, dédié à son ami Gloria* вы знаете.

— Ну такъ что же изъ того? сказала, покраснѣвши, Barbe.

— А то, что стыдно — съ, вы русская, вы вотъ меня все срамите тѣмъ, что я по-французски не говорю; такъ это еще не бѣда, а вы вотъ музыку Глинки не знаете.

— Полноте ворчать, м-г Горшковъ, проговорила тихо Sophie и подняла на него свои умные глаза.

— Не буду. барышня! крикнулъ Горшковъ. Вотъ, Бори,

обратился онъ къ Телепневу: Софья Павловна такая у меня ученица, растеть въ музыкѣ, какъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ.

— Ахъ, полноте, прервала его Sophie и зарумянилась.

— Да что, полноте?—скромничать, барышня, не слѣдуетъ, это хотя есть признакъ таланта, но со мной церемониться нечего. Зачѣмъ не сознавать своихъ недостатковъ? Вотъ я по-французски не говорю. Варвара Павловна, по добротѣ своей, хочетъ обучить меня этому діалекту.

— Въ самомъ дѣлѣ хотите? спросилъ Телепневъ.

Barbe разсмѣялась.

— Я предлагаю свои услуги, начала она, но м-г Горшковъ не хочетъ: говорить, что это не пойдетъ къ его физиономіи.

— Да что вы меня все м-г Горшковъ зовете? можно ли къ такой вульгарной фамиліи приставлять благовоспитанное слово?

— Mes enfants! раздался голосъ генеральши изъ гостиной.

— Тсс! шепнулъ Горшковъ, маменька разгнѣваются, что мы удалились. Слушайте, я сейчасъ вамъ парадную штуку сыграю. Меня ужъ за нее здѣсь сколько барынь похваливали, Это сочиненіе Антонія Конскаго, вотъ прислушайте—такъ и чувствуешь конскій топотъ!

И Горшковъ, покачиваясь и гримасничая, началъ играть тогда очень модный: Caprice héroïque.

— Ну что, барышня, спросилъ онъ старшую сестру, вставая изъ за рояля: вамъ навѣрно нравится эта штука?

— Да чѣмъ же это дурно? проговорила Barbe.

— Первый сортъ — одно слово! А еще бы лучше было, кабы мы прошлись подъ эту музыку учебнымъ карабинернымъ шагомъ.

— Съ вашимъ другомъ, обратилась Barbe къ Телепневу, нѣтъ никакого ладу: онъ надо всѣмъ смѣется.

— И буду смѣяться, барышня, началъ Горшковъ, до тѣхъ поръ, пока эта глупая французская музыка не сгинетъ съ лица земли.

— Никогда этого не будетъ, воскликнула задорно Barbe.

— Mes enfants! послышалось опять изъ гостиной.

Все молодое общество отправилось въ гостиную, гдѣ генеральша похвалила очень пьесу, сыгранную Горшковымъ. А къ Телепневу обратилась она съ любезнымъ приглашеніемъ посѣщать ея домъ. Варбе, со своей стороны, сказала Борису, чтобы онъ на этой же недѣли являлся вмѣстѣ съ Горшковымъ играть въ восемь рукъ.

— А уроки французскаго языка начнутся? спросилъ Телепневъ.

— Какъ же, братецъ, отозвался Горшковъ, я ужъ и тетрадку купилъ, буду вокабулы учить; человѣкъ: *ломъ, ломъ*, душа: *ламъ, ламъ*.

Смѣхъ дѣвицъ провожалъ нашихъ пріятелей.

XXXI.

Ольга Ивановна приняла Телепнева такъ радушно, точно будто они были давнымъ-давно знакомы.

— Мужа моего нѣтъ въ городѣ, сказала она: онъ уѣхалъ на цѣлую недѣлю.

Телепневъ доложилъ ей, что онъ уже былъ у начальницы.

— Она очень умная женщина, замѣтила Ольга Ивановна, и дочерей своихъ держитъ очень хорошо.

— А что такое значить, спросилъ Телепневъ, держать хорошо дочерей?

Вы пожалуйста не придирайтесь къ словамъ, м-г Телепневъ. Держитъ хорошо, т. е. не какъ куколъ, а довольно свободно...

— Величественности въ ней много, замѣтилъ, улыбаясь, Телепневъ.

— Какъ же вы хотите иначе, вѣдь она начальница! а все-таки въ ней нѣтъ такой пустоты, какой переполнены многія изъ нашихъ барынь...

— Къ которымъ вы мнѣ прикажете также явиться? добавилъ Телепневъ.

— Да, къ нѣкоторымъ.

— Ну, Богъ съ ними, объ нихъ еще рѣчь впереди.

Послѣ маленькой паузы, Ольга Ивановна посмотрѣла пристально на Телепнева.

— Послушайте, сказала она ему: въ тотъ разъ, когда вы были у мнѣ, я, кажется, васъ огорчила.

— Чѣмъ же это? прервалъ Телепневъ.

— Я васъ упрекнула тѣмъ, что вы рисуетесь.

— Ну такъ что жъ изъ этого?

— Какъ что? я не имѣла на это никакого права. Вы очень молоды,—это правда; но развѣ вы не могли имѣть въ жизни испытаній, которыя отняли у васъ то, что всѣ привыкли видѣть въ студентѣ вашихъ лѣтъ.

Телепневъ выслушалъ все это опустивши голову, и вскинулъ глазами на Ольгу Ивановну такъ, что она немножко стѣснилась.

— Зачѣмъ вы все это говорите? сказалъ онъ спокойно и тихо. Вы меня ничѣмъ не огорчили. Если вамъ показалось, что я дѣйствительно рисуюсь, почему и не замѣтить этого. А теперь вы извиняетесь передъ мной, точно будто бы убѣдились, что я дѣйствительно не рисуюсь.

— Конечно, нѣтъ, перебила Ольга Ивановна.

— Очень вамъ благодаренъ; но вѣдь ваши слова вызываютъ объясненіе съ моей стороны,—я долженъ сказать вамъ: да, Ольга Ивановна, я не рисуюсь, въ жизни моей произошло то-то и то-то...

Когда онъ это кончилъ, Ольга Ивановна подумала: „Вотъ онъ какой! Да онъ преинтересный мальчикъ! — его нельзя оставить въ покоѣ.“

— Значить, проговорила она вслухъ, я сдѣлала двѣ глупости, и мнѣ нужно опять просить у васъ извиненія.

— Ахъ полноте, Ольга Ивановна, перебилъ ее Телепневъ, что за объясненія? Вотъ поживемъ, больше познакомимся, тогда все видно будетъ.

— Благодарю васъ, проговорила она и протянула Телепневу руку.

Онъ пожалъ.

— Ну, вы не увлечетесь, продолжала она, нашимъ обществомъ, я это вижу.

— Зачѣмъ же вы желаете, чтобы я со всѣми познакомился?

— Затѣмъ, что это общество все-таки будетъ для васъ

ново, а когда надобѣсть — вы его бросите и составите себѣ тогда маленькій кружокъ друзей.

— Картина очень превлекательная! добавилъ съ усмѣшкой Телепневъ.

Ольга Ивановна хотѣла что-то возразить, но человѣкъ вошелъ и доложилъ: „Алексѣй Ларионовичъ Бигюковъ.“

— Проси, сказала Ольга Ивановна, и обратясь къ Телепневу тихо прибавила: нашъ левъ и первый женихъ.

Въ дверяхъ показалась высокая, широкоплечая фигура. На здоровенномъ туловищѣ сидѣла круглая голова съ грубыми и нахальными чертами лица. Чѣмъ-то кучерскимъ, ухарскимъ, циничнымъ отзывалась вся физіономія барина. Одѣтъ онъ былъ въ черную просторную визитку, свѣтлые брюки и плюшевый жилетъ. Высокіе, тугіе воротнички давливали его короткую шею.

— Здравствуйте! рѣзко вскрикнулъ онъ, и тотчасъ же опустился въ низенькое кресло возлѣ окна. Ноги онъ задралъ на ножку небольшого столика, стоявшаго передъ нимъ.

Ольга Ивановна познакомила ихъ другъ съ другомъ.

Бигюковъ прежде всего зѣвнулъ во весь ротъ и, не спрашивая позволенія хозяйки, вынулъ сигару и закурилъ.

— Гдѣ вашъ благовѣрный? проговорилъ онъ съ гримасой: по святымъ обителямъ отправился?

— Уѣхалъ въ деревню, отвѣтила Ольга Ивановна.

— И вы здѣсь вдовствуете? Онъ опять зѣвнулъ. — А я сейчасъ былъ у Рожковыхъ. Вотъ дѣвицы-то привезли. Говорятъ, онѣ могутъ уписать по двѣ ковриги въ день хлѣба! У нихъ, я вамъ доложу, вотъ эти мѣста, такъ просто зазорно смотрѣть...

— А вы сколько глупостей можете сказать въ день? спросила Ольга Ивановна.

— Да ужъ что дѣлать, такова игра природы! продолжалъ левъ тѣмъ тономъ, который особенно въ ходу у губернскихъ остряковъ.

— Невѣсты хорошія. Сказала съ усмѣшкой Ольга Ивановна.

— Надо у нянюшки спросить, можетъ есть какіе тайные изъяны.

Битюковъ взглянулъ вдругъ въ окно и приподнялся.

— Экъ лошадь-то какая важная! вскричалъ онъ; чья бы это? Задъ-то задъ-то какой, и какъ забираетъ!

Телепневъ невольно переглянулся съ Ольгой Ивановной и оба они улыбнулись.

— А что, Александръ Дмитріевичъ, спросила М-нова: открываются у насъ клубы?

— Никакъ нѣтъ-съ, благородное шляхетство не даетъ заны. А ихъ превосходительства будутъ приглашать почтенную публику по пятницамъ, поить лимонадцемъ и кормить страшной скукой.

— А вы развѣ не будете занимать публику? спросила Ольга Ивановна.

— Куда намъ! Здѣшнія барыни такой народъ, что имъ нужно кого-нибудь посвѣже насъ. А мы скоро запишемся въ одинъ цехъ съ мужьями. И онъ сдѣлалъ при этомъ такой жестъ, что Ольга Ивановна, взглянувши на Телепнева, немножко стѣснилась.

И много вещей въ такомъ вкусѣ говорилъ г. Битюковъ. Телепневъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на него и думалъ: „Неужели это здѣсь считается хорошимъ тономъ? Вѣдь этотъ баринъ просто говоритъ неприличности.“ И ему стало какъ то совѣстно за хозяйку дома, которая, хотя я не очень поддерживала скабресный разговоръ губернскаго льва, но за то и ни разу не остановила его; она точно привыкла къ этому.

— Я предлагаю, началъ Битюковъ, устроить такой клубъ, куда бы допускались только дѣвицы и дамы, а себя предложу въ старшины — охранять ихъ, аки евнухъ.

— Ахъ, полноте врать! перебила его наконецъ Ольга Ивановна.

Но Битюковъ ни мало не сконфузился, и до конца своего визита сказалъ еще съ десятку двусмысленностей.

— Пріѣзжайте же на губернаторскую скуку; мы какой-нибудь спектакль устроимъ. Генерала Кемниса заставимъ въ жгутикъ играть. Онъ пожалъ руку Ольги Ивановны и чуть-чуть кивнувъ головой Телепневу, разваливаясь, вышелъ.

— Хорошъ господинъ! проговорилъ Телепневъ, значительно взглянувши на Ольгу Ивановну.

— Избаловали наши барыни, отвѣтила она; онъ не такъ пошлъ, какъ кажется, просто напустилъ на себя такую манеру.

— Да зачѣмъ же ему позволяютъ все, что онъ вретъ? сказалъ довольно сильно Телепневъ, и даже взглянулъ такъ на Ольгу Ивановну, что она могла это принять на свой счетъ.

— Разъ позволили. Онъ очень близокъ къ дому губернатора и дѣлаетъ себѣ тамъ все, что хочетъ.

— Это странно. Мнѣ кажется, еслибъ его хоть разъ хорошенько осадить, онъ бы присмирѣлъ.

— Да ни одна порядочная женщина не позволить ему ничего, никакой дерзости; а перевоспитывать нельзя же человѣка.

— А развѣ пріятно слушать пошлости? Проговоривши эту тираду, Телепневъ остановился, взглянулъ на Ольгу Ивановну и прибавилъ:—извините меня, я, можетъ быть, не имѣю права этого говорить.

— Почему же? Вѣдь мы здѣсь, въ провинціи, всѣ ужасно портимся: свѣжему человѣку многое можетъ показаться дикимъ.

Ольга Ивановна, слегка задѣтая замѣчаніемъ Телепнева, еще съ большимъ любопытствомъ смотрѣла на него. Онъ въ глазахъ ея, рѣшительно выдѣлялся изъ числа тѣхъ юношей, какіе попадались ей до сихъ поръ въ салонахъ города К. „Есть что-то такое въ этомъ мальчикѣ“, думала она: „до чего онъ не допускаетъ дотронуться. И гдѣ онъ могъ такъ развиться, получить такую выдержку? Занимательный мальчикъ!“

— „Барыня не глупая“, думалъ Телепневъ: „съ ней нескучно.“ Больше онъ ничего не подумалъ. Ольга Ивановна не подстрекала его любопытства. Подъ конецъ визита, Телепневъ получилъ самое любезное приглашеніе—бывать какъ можно чаще.

XXXII.

Въ двѣ недѣли, почти все, что составляло бомондъ города К. было знакомо Телепневу. Объ этомъ особенно старалась Ольга Ивановна. Она, прежде всего, дала ему случай представиться къ градоначальницѣ. Съ визитомъ въ губернаторскій домъ Телепневъ отправился въ одно изъ воскресеній.

Начальница губерніи принимала на раззолоченномъ креслѣ Губернскіе злоязычники доказывали, что она имѣла привычку поджимать подъ себя ногу; но сразу этого не было видно. Видно было только то, что она принимала у себя въ перчаткахъ и кланялась съ такой снисходительностію, что сердца добрыхъ гражданъ города К. наполнялись униженіемъ, а сердца злыхъ—тайной, но жгучей ѣдкостью, плодомъ которой и было мнѣніе, что начальница губерніи поджимаетъ подъ себя ногу

Телепневъ подъѣхалъ къ губернаторскому дому въ коляскѣ, почему швейцаръ въ красной ливреѣ поклонился ему почтительно. У крыльца стояло два-три экипажа. Одинъ изъ красногрудыхъ лакеевъ спросилъ его: кого онъ желаетъ видѣть, и указалъ на лѣстницу во второй этажъ. Черезъ какія-то двѣ неопредѣленные комнаты, онъ вступилъ въ то святилище, гдѣ владычествовали красота и изящество начальницы губерніи.

На этотъ разъ Марья Денисовна (такъ звали губернаторшу) облечена была въ очень нѣжное платье лиловаго цвѣта. Перчатки на рукахъ ея превосходительства соотвѣтствовали цвѣту платья. Восточный профиль лица и черныя глаза составляли характерныя особенности губернаторши и свидѣтельствовали о чрезвычайно эффектной красотѣ, которая, двадцать слишкомъ лѣтъ передъ тѣмъ, вдохновляла поэтовъ. Но увы, свѣжесть ланитъ нуждалась уже въ нѣкоторыхъ подправкахъ, что опять-таки составляло предметъ ядовитыхъ сужденій, распространяемыхъ злосердечными посѣтителями губернатор-

ской гостиной. На головѣ Марьи Денисовны было что-то напоминающее вѣнокъ, въ сущности чепчикъ, но онъ такъ сидѣлъ, что терялъ свою обыкновенную физиономію, а пріобрѣталъ что-то театральное.

Въ салонѣ, кромѣ начальницы губерніи было нѣсколько члѣовѣкъ мужчинъ и три дамы. Одна изъ нихъ, худенькая барынька, вертлявая, съ ужаснымъ французскимъ языкомъ, какая-то княгиня, изъ туземнаго бомонда — средней руки. Она очень старалась занимать губернаторшу своей особой и все подвигала свой стулъ ближе и ближе къ ней. На небольшомъ диванчикѣ, противъ хозяйки, помѣщались двѣ курьезныя фигуры, дѣвицы Синуовы, изъ коихъ младшей было 53 года. Одна была маленькая, кривая; другая—длинная и желтая какъ лимонъ. Эти старыя дѣвственницы принадлежали къ старой туземной аристократіи. Городъ К. имѣлъ претензію обладать всѣми оттѣнками цивилизаціи, даже подраздѣленіемъ помѣщичьяго общества на старое и новое.

Начальница губерніи милостиво поклонилась Телепневу и онъ сѣлъ немножко поодаль, и не могъ удержаться отъ вопроса: зачѣмъ это я сюда явился?

— Давно вы видѣли madame M—нову? спросила его губернаторша, и почти не дожидаясь отвѣта, обратилась къ престарѣлымъ дѣвицамъ. Съ ними она говорила съ нѣкоторымъ вниманіемъ, точно будто въ лицѣ ихъ она хотѣла почтить историческія преданія города К.

Телепневъ сначала непріятно себя чувствовалъ въ гостиной начальницы губерніи. Самолюбіе шепнуло ему, что губернаторша третируетъ его, какъ мальчика. Но онъ тотчасъ же увидалъ, что она такимъ же тономъ относится и къ молодымъ людямъ, бывшимъ тутъ въ гостиной.

Одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, высокій брюнетъ, очень рисовался. Онъ положилъ руку на свою шляпу такъ, чтобы всѣ видѣли ея пріятную форму.

— М-г Баратовъ, обратилась къ этому фешенеблю губернаторша, вы думаете пробыть всю зиму здѣсь?

— Не знаю, отвѣтилъ протяжно фешенебль; если здѣсь будетъ такъ же скучно какъ въ прошломъ году, то я не останусь.

Губернаторша не пожелала дослушать фешенебля, и обратилась опять съ какой-то любезной фразой къ одной изъ дѣвственницъ. Всѣмъ присутствующимъ было очень скучно. Телепневъ въ пять минутъ понялъ, что такое губернаторскій домъ. И спрашивалъ онъ себя: какъ умная и веселая Ольга Ивановна могла быть близка къ такой натянутой особѣ, какъ начальница губерніи?

Въ этотъ разъ ему не удалось увидеть супруга этой представительной особы. Начальникъ губерніи былъ хотя и свѣтскій, но простой человѣкъ. Время свое проводилъ онъ больше въ сообществѣ ямайскаго рома, предсѣдателя казенной палаты и правителя своей канцеляріи. Когда Телепневъ раскланивался, губернаторша пробормотала ему что-то; но что именно: приглашеніе ли бывать у ней, или что другое—этого разобрать онъ не могъ.

XXXIII.

Отцу Александрины Телепневъ представленъ былъ Ольгой Ивановной. Родитель этой бойкой дѣвицы оказался ражимъ полковникомъ, не уступавшимъ въ бойкости своей дочери. Онъ съ какимъ-то необыкновеннымъ ухарствомъ *обласкалъ* Телепнева, объявилъ между прочимъ, что дочь его—у-у какая! и попросилъ Телепнева съ нимъ не церемониться, а пріѣхать за-просто вечеромъ.

Борисъ все таки отправился къ нему съ визитомъ. Его приняла Александрина, которая дома изображала изъ себя полную хозяйку, и выказывала совершенно дамскія манеры.

— Et, madame, votre mère? спросилъ Телепневъ.

— Маман не совсѣмъ здорова, да она и не любитъ принимать гостей.

У Александрины еще оказалась сестра Лиза,—пухляя барышня съ чрезвычайно глупой улыбкой.

Телепневъ замѣтилъ только то, что на ней была очень эффектная мантилья съ турецкими цвѣтами.

— Вообразите, м-г Телепневъ, затараторила Александрина, моя сестра пишетъ дневникъ,—такія глупости, что просто ужасъ!

— Молчи, Саша, крикнула Лиза и чуть не бросилась зажимать ей ротъ.

— Когда она ноговорить съ какимъ-нибудь мужчиной, такъ надъ этимъ днемъ крестикъ ставить.

— Молчи, молчи! кричала Лиза. Пожалуйста не вѣрьте ей, обратилась она къ Телепневу

— А вотъ я сбѣгаю за твоей тетрадкой! — и бѣгомъ бросилась въ двери, Лиза за ней. И Телепневъ одинъ остался въ гостиной.

„Свободныя нравы!“ подумалъ онъ, и началъ разсматривать узоръ на столовой салфеткѣ. Минуты черезъ двѣ вбѣжали опять сестры съ визгомъ и на этотъ разъ уже Лиза дразнила Александрину.

— Грибъ съѣла—не нашла, и никогда не найдешь!

— Ужъ я вамъ отыщу, м-г Телепневъ, кричала Александра... Да, вспомнила, когда же вы будете пѣть? Пойдемте въ залъ, я вамъ буду акомпанировать, только пожалуйста не отпѣкивайтесь, я слышать не хочу! Она почти потащила его въ залъ и онъ долженъ былъ ей спѣть какой-то романсъ, послѣ чего обѣ сестры заахали отъ восхищенія

— Лиза! крикнула Александра, садись и играй намъ польку. М-г Телепневъ, пойдемте!

И она въ одинъ прыжокъ очутилась около Телепнева, и положила ему руку на плечо. Онъ взглянулъ на нее съ улыбкой и немного подался назадъ.

— Я не умѣю танцевать, проговорилъ онъ.

— Вздоръ, вздоръ! Вы все хотите корчить разочарованнаго!

Дѣлать было нечего, Александра такъ цѣпко схватила его, что надо было пуститься въ плясъ.

— Прекрасно танцуете, покрикивала Александра. Она предавалась танцевальному упражненію, такъ сказать, всѣмъ своимъ естествомъ. Телепневъ чувствовалъ, что дѣвица ужас-

но опирается на его плечо. Александрина имѣла привычку до тѣхъ поръ не выпускать своего кавалера, пока волненіе ея груди не достигнетъ высшаго предѣла.

— Ухъ! вырвалось у нее послѣ десятаго тура. Телепневъ сейчасъ же ее выпустилъ, и она бухнулась на стулъ очень громко дыша и закрывая глаза.

— И я хочу! отозвалась Лиза.

Телепневъ не зналъ, что ему дѣлать.

— Нѣтъ, Лиза, крикнула Александрина, — онъ очень усталъ; я его совсѣмъ замучила.

Послѣ этого танцевальнаго упражненія, перешли опять въ гостиную Александрина подѣла очень близко къ Телепневу и начала болтать о томъ, что вотъ она, бѣдная дѣвушка, тратитъ свою жизнь Богъ знаетъ какъ, что не съ кѣмъ ей душу отвести, что она по неволѣ занимается вздоромъ, и что на днѣ ея души хранятся разные сокровища.

— Да что же вы ни чѣмъ не займетесь? спросилъ ее Телепневъ.

— Ахъ, все скучно, воскликнула бойкая дѣвица и какъ-то очень умильно взглянула на Телепнева.

Онъ всталъ, взялъ свою треуголку и началъ раскланиваться.

— Пріѣзжайте къ намъ, заговорили въ одинъ голосъ сестры.

— Вы прекрасно выдерживаете вашу роль, сказала ему Александрина на порогѣ залы.

— Какую? спросилъ Телепневъ.

— И знаете, что это къ вамъ очень идетъ.

Она подала ему руку и пожала также крѣпко, какъ крѣпко держалась за кавалера во время танцевъ.

И опять Телепневъ спросилъ себя: какъ это, умная и пріятная Ольга Ивановна можетъ быть близко знакома съ особой, подобной Александринѣ?

XXXIV

Въ домѣ губернскаго предводителя обстановка была нѣсколько иная. Самъ предводитель оказался тучный, молчаливый старикъ, съ крестомъ на шеѣ; жена его — очень простая и порядочная дама. Они имѣли привычку принимать всѣхъ одинаково, съ той расплывающейся привѣтливостью, какая попадаетъ только въ провинціи.

Телепневъ нашелъ въ предводительскомъ домѣ двухъ дочерей, дѣвицъ — маленькихъ ростомъ, некрасивыхъ и неграціозныхъ; но онѣ сразу ему понравились, особенно меньшая. Она съ такимъ добродушіемъ начала ему говорить о своей жизни, объ обществѣ, такъ просто спрашивала его объ университетѣ, о товарищахъ, о томъ, кто ему больше понравился изъ новыхъ знакомыхъ, что Телепневъ немножко ожилъ и проговорилъ съ ней болѣе полчасу, — такъ спокойно и простодушно, какъ давно ему не случалось говорить.

Свои великосвѣтскія знакомства заключилъ онъ домомъ Щекаловыхъ, куда, по мнѣнію туземцевъ, гораздо труднѣе было попасть, чѣмъ въ губернаторскій домъ.

Семейство это состояло изъ ничтожнаго и крайне не представительнаго супруга, жены его, въ которой и заключалось все барство и великолѣпіе дома, барыни, тратившей, по увѣренію туземцевъ, до десяти тысячъ на свой туалетъ, и большаго количества дочерей, отъ пятнадцати лѣтъ, до шести недѣль включительно.

Пріемъ въ этомъ домѣ заключался почти въ томъ, что молодые люди входили въ гостиную, кланялись хозяину, который обыкновенно стоялъ въ дверяхъ и улыбался, хозяйка говорила каждому изъ нихъ по одной фразѣ, а супругъ, при проходѣ молодаго человѣка, произносилъ: *enchanté*.

Барыня была не столько проникнута чувствомъ собственного достоинства, сколько пресыщена была своимъ барствомъ и полнымъ однообразіемъ губернской жизни. Она толь-

ко поводи́ла глазами и способна была на одни однозвучныя слова. Телепневу этотъ домъ показался чѣмъ-то чудовищнымъ, — такъ ярко было въ немъ отсутствіе всякой жизни и чего-нибудь похожаго на мысль. Штофныя гардины и золотыя стулья, нисколько не тѣшили глазъ, а придавали только смѣшную торжественность жизни такихъ субъектовъ, которые при другой обстановкѣ были бы по крайней мѣрѣ добродушнѣе въ своей ничтожности.

XXXV

Изъ молодыхъ людей, фешенеблей города К., Телепневъ ни съ кѣмъ прямо не познакомился. Онъ всѣхъ ихъ видѣлъ въ разныхъ домахъ и никто ему не понравился. Самыми противными были три субъекта: пріятель губернаторскаго дома, нахальный Битюковъ, затѣмъ г. Баратовъ, и нѣкій фешенебль Пикетовъ, завитой въ видѣ барашка, съ козлиной бородой, неразлучно связанный съ одной изъ львицъ города К., шадаше Кудласовою, съ которой Телепневъ не познакомился. Эти три милые проказника составляли цвѣтъ холостяго бомонда. Телепневъ замѣтилъ, что между ними и всѣми почти дамами города К. существовалъ очень легкій тонъ. Каждый изъ нихъ позволялъ себѣ говорить все, что ему вздумается. Это было бы само по себѣ ничего, если бы въ свободѣ обращенія они не прибавляли разныхъ пряностей съ туземнымъ букетомъ.

Барыни любили милые анекдотцы и полузамаскированныя сальности. Все это не мѣшало, однакожъ, фешенеблямъ соблюдать правила великосвѣтскости: съ малознакомыми женщинами говорить на сладкомъ французскомъ языкѣ, носить узѣйшіе панталоны и самые модные воротнички. Телепневъ замѣтилъ также, что у каждаго фешенебля была своя дама, какъ оно и прилично въ городѣ, живущемъ парижскими нравами. Скандальными подробностями полна была интимная

хроника подземныхъ нравовъ гостиныхъ. Довольно безцвѣтную роль играли въ обществѣ тѣ изъ студентовъ носившихъ англійскіе проборы, которые такъ или иначе попали туда. Правда, на нихъ не смотрѣли какъ на мальчиковъ, но до привилегій молодыхъ людей имъ было очень далеко; короче сказать, ихъ только терпѣли. И въ самомъ дѣдѣ — студентъ не женихъ и не чичисбей; не женихъ, потому что учится и званія не имѣетъ, а не чичисбей, потому что губернской львицѣ не прилично заниматься амурами съ какимъ-нибудь студентикомъ. Студенты являлись въ гостиныя, какъ тѣни; присутствіе ихъ почти не замѣчалось; видны были только свѣтлыя петлицы, личность же юношей исчезла. Они поражали своей безцвѣтностью и ничтожностью, и въ добавокъ: у многихъ изъ нихъ претензія — казаться свѣтскими и развязными была до крайности смѣшна. Салонные студенты дѣлились на два разряда: одни увивались больше за дѣвицами — возили имъ конфекты, разговоры вели самые невинные и дѣлали по воскресеньямъ визиты во всѣ первенствующие дома. Второй разрядъ исполненъ былъ претензіи изображать изъ себя львовъ и онагровъ. На дѣвицъ они не обращали никакого вниманія, а усиленно, хотя и безуспѣшно, ѣздили къ дамамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, для приданія себѣ солидности, садились съ пожилыми барынями въ карты; цѣлью cadaго было поставлено: протанцовать хоть одинъ танецъ съ какой-нибудь шикарной женщиной. Не находя удачи въ свѣтѣ, они обращались обыкновенно къ закулисному міру и проводили вечера у г-жи Прокоповой, гдѣ занимались съ ней игрой въ мельники. Были между ними и такіе, которые отъ великосвѣтскихъ барынь переходили къ класснымъ дамамъ, ища у сихъ дѣвственницъ отрады душевной. Губернскіе зоиы находили этотъ путь весьма удобнымъ.

Немудрено, что всѣ эти питомцы просвѣщенія не могли имѣть никакого умственнаго вліянія на общество, въ которомъ вращались. Университетъ занималъ самое невидное мѣсто въ городскихъ толкахъ. Городъ жилъ своей обиходной жизнью, своими желудочными, эротическими и всякими другими интересами, кромѣ интересовъ умственныхъ. Изъ профессоровъ — много двое, трое показывались иногда въ кое-ка-

кихъ гостинныхъ; но нечего и говорить, что они не давали тону. Никто изъ нихъ не открывалъ публичныхъ лекцій, такъ что зданіе университета никогда не посѣщалось, кромѣ торжественныхъ актовъ да службы въ университетской церкви. Только сильные студенческіе скандалы давали пищу городскимъ толкамъ; но никакъ не потому, что они выходили изъ университета, но потому, что нельзя же не поговорить о скандалѣ, гдѣ бы онъ ни случился.

XXXVI.

— Что же, Борисъ Николаевичъ, спрашивала Телепнева Ольга Ивановна: не превлекаетъ васъ наше общество?

— Не особенно, отвѣчалъ онъ.

— Выберите себѣ свой кружокъ, сказала она, съ удареніемъ; а остальнымъ можете дѣлать визиты.

— Позвольте мнѣ ограничиться вашимъ домомъ? проговорилъ Борисъ.

М—новой это очень понравилось. Еслибъ въ Телепневѣ было больше фатовства, онъ легко бы замѣтилъ, что Ольга Ивановна начинаетъ имъ особенно заниматься. Почти дня не проходило, чтобъ она гдѣ-нибудь съ нимъ не встрѣтилась. Да и онъ понемножку привыкалъ къ ней. Потребность женскаго общества начинала опять пробиваться. Ольгу Ивановну влекла къ юношѣ его сдержанность. Ей ужасно хотѣлось разгадать: отчего у Телепнева такой тихо-грустный видъ, отчего онъ не похожъ на другихъ студентовъ, она только и думала, какъ бы вызвать его на откровенность. Да и лицо его... Ольгѣ Ивановнѣ не много приводилось видѣть такихъ красивыхъ, изящныхъ *малышковъ*. Были минуты, когда она рѣшительно заглядывалась на Бориса.

Да вотъ и теперь, ее такъ и позывало спѣть ему что-нибудь нѣжное, просто даже приласкать его...

Сидѣли они *въ уловѣй*, послѣ обѣда. Свѣчей еще не подавали; въ комнатѣ было темно. Ольга Ивановна откинулась на спинку дивана и курила. Борисъ сидѣлъ въ низкомъ креслѣ и тоже курилъ. Онъ говорилъ ровно и медленно; Ольга Ивановна, напротивъ, дѣлала ему вопросы тревожнымъ голосомъ...

— Спасибо вамъ, проговорила она и протянула ему руку. Я ужъ постараюсь, чтобы вы у меня не скучали.

— У васъ-то я не скучаю; дома меня одолѣваетъ тоска, вырвалось у Телепнева.

— Тоска!... Ахъ, Борисъ Николаичъ, знаете отчего это?

— Отчего?

— Вы ужасно скрытны.. Вы никогда слова не скажете о себѣ. ваша грусть накапливаетъ .. и давить васъ.

И она подвинулась къ той сторонѣ, гдѣ сидѣлъ Телепневъ.

— Развѣ я не вижу, заговорила она тихимъ вкрадчивымъ голосомъ, что вы страдаете.. И вѣрьте мнѣ Борисъ Николаевичъ, я тронута тѣмъ, что вы у меня немножко отдохнули .. Я хотѣла бы замѣнить для васъ, сколько могу, близкихъ вамъ людей.

Телепневъ слушалъ Ольгу Ивановну, опустивши голову. Въ эту минуту онъ какъ-то распустился, какая-то совершенно дѣтская, расплывающаяся грусть охватила его. Онъ хотѣлъ было заговорить, но губы его дрожали и онъ чуть-чуть не заплакалъ громко.

Ольга Ивановна взяла его руку.

— Не стыдитесь своихъ слезъ, проговорила она, это хорошіе слезы, не сдерживайтесь, скажите мнѣ все, что у васъ на душѣ.

Голосъ Ольги Ивановны былъ очень сладокъ. Телепневъ не выдержалъ, онъ заговорилъ, говорилъ долго и привелъ въ слезы самую Ольгу Ивановну. Началъ онъ ей разсказывать про свое дѣтство, про дикій домъ, про отца, Машу, наконецъ про Софью Николаевну

— Она васъ любила? вдругъ спросила его Ольга Ивановна.

Этотъ вопросъ остановилъ его. Онъ испугался своей от-

кровенности, испугался того, что Сльга Ивановна поняла изъ разсказа характеръ его любви къ теткѣ. Телепневъ ничего не отвѣчалъ, быстро всталъ съ кресла. подавъ Ольгѣ Ивановнѣ руку и схватился за шляпу

— Куда вы? спросила она.

— Извините меня, прощайте! выговорилъ онъ и почти пробѣжалъ темную гостиную и залъ.

Скверно, гадко было на душѣ Телепнева, когда онъ, сидя въ коляскѣ, ѣхалъ къ себѣ домой. Въ одну минуту изъ-за двухъ-трехъ чувствительныхъ словъ первой попавшейся ему женщины онъ такъ раскись, что готовъ былъ оскорбить память той, которая ему все отдала, готовъ былъ доставить пищу пустому любопытству какой-нибудь барыни и хныкать около нея о своемъ одиночествѣ!

Когда коляска повернула на Преображенскую улицу, Телепневъ взглянулъ на церковь, увидалъ въ ней свѣтъ и велѣлъ кучеру остановиться. Служили вечерню. Темная церковь была совсѣмъ почти пуста. Телепневъ сталъ въ уголъ и закрылъ лицо руками. Но онъ не молился. На душѣ не было никакого порыва, никакого умиленія. И какъ острая игла, кольнула его мысль, что никогда искренно не хотѣлось ему молиться, что нѣтъ въ немъ того чувства, той силы, которая грѣетъ и примиряетъ. Только съ ней, съ Софьей Николаевной, могъ онъ молиться, да и тѣ молитвы, были не сила, а слабость! И также стремительно бросился онъ изъ пустой церкви, какъ изъ угловой комнаты Ольги Ивановны.

Дома Телепневъ кинулся на кровать и пролежалъ весь вечеръ въ темной комнатѣ. Никогда еще не казался онъ себѣ такимъ гадкимъ, какъ въ эти минуты. Ни одной утѣшительной мысли не приходило ему! Только ѣдкая горечь и сознаніе своей пустоты гнели его все больше и больше!..

XXXVII.

А татарская жизнь бурлила вокругъ и около и не давала отвѣта ни на какія разумныя вопросы...

По Преображенской улицѣ трусила скорымъ учебнымъ шагомъ, подпираясь палочкой, короткая фигура Демки, въ овчинномъ тулупчикѣ, покрытомъ синей нанкой. День былъ ноябрскій, свѣтлый и морозный. Демка закутывалъ свою физиономію воротникомъ тулупа, придерживая его одной рукой въ зеленой, замшевой варешкѣ. Демка подвигался къ чекчуринской казармѣ. Повернувъ направо въ переулокъ, онъ юркнулъ въ ворота и началъ подниматься, постукивая палочкой своей по ступенькамъ. На второй площадкѣ до слуха его дошли звуки съ верхней галдарейки. Демка достигъ третьей площадки. Звуки дѣлались яснѣе и яснѣе. Можно было разобрать слова.

Здорово, братъ, служивый!

Куришь ли табачокъ?

Демка улыбнулся и взобрался, наконецъ, на верхнюю галдарейку.

А съ другаго конца на встрѣчу къ нему, распѣвая во все горло, шелъ Гриневъ.

— Демка! крикнулъ онъ. Съ письмомъ, что ли?

— Есть кое-что-съ, отвѣчалъ Демка, отправляясь въ карманъ.

— Ужъ не повѣстка ли? говори скорѣй.

— Есть и повѣсточка.

— Давай! Гриневъ вырвалъ изъ рукъ Демки повѣстку и началъ громко читать: „полтора^{ста} рублей, его благородію Владиміру Александровичу Гриневу!“ Демка, понимаешь ли ты, что это я? старая ты физія! Брависсимо! крикнулъ онъ что есть силы, и бросился бѣжать назадъ по галдарейкѣ.

— Сударь, баринъ, а за повѣсточку-то? шамкалъ Демка, пускаясь за нимъ въ погоню.

Гриневъ остановился.

— За повѣстку-то тебѣ Демка? занесу завтра въ университетъ.

— Да какъ же, сударь?

— Ну, какъ же! Говорять: нѣтъ,—и конченъ балъ!

И Гриневъ пустился бѣжать, распѣвая.

Студентъ молодой,
Студентъ удалой
Подъ кровомъ таинственной ночи
Съ красавицей шелъ,
Красавицу вель,
Впиваясь красавицѣ въ очи.

А Демка постоялъ, понюхалъ табаку, положилъ письмо въ карманъ штановъ и проворчавши: „Эхъ прощальники!“ отправился своей дорогой, постукивая палочкой.

— Михалъ Мемноновъ! деньги, братъ! Смотри повѣстку! гаркнулъ Гриневъ, влетая въ квартиру

Мемноновъ занимался записываніемъ чего-то въ небольшой тетрадкѣ, и отвѣчалъ на возгласъ Гринева недовѣрчивымъ взглядомъ; но тотъ ткнулъ ему повѣсткой въ носъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, никакъ повѣстка! произнесъ онъ, приподнимаясь съ мѣста.

— То-то и есть, что въ самомъ дѣлѣ!... Господа! Буеракинъ, Дубровинъ,—ликуйте, мы съ деньгами!

— Неужто получилъ? спросилъ Дубровинъ, лежавшій на диванѣ.

— Повѣстка, господа, на полтораста рублей. Кутнемъ!

— Еще не больно раскутитесь, слышалось изъ первой комнаты, не велики деньги, надо и о долгахъ подумать.

— Мы васъ знаемъ! Явился сюда съ книжкой и скептицизмомъ.

— Не долго и эти задежатся, проворчалъ Михалъ Мемноновъ, показываясь въ дверяхъ съ счетами и съ книжечкой.

— Высчитывай, да смотри не поймайся!

— Небось. не поймаюсь.

Мемноновъ вдѣлъ очки; подошелъ къ столу, положилъ счета и развернулъ книжку. Гриневъ взялъ карандашъ, лоскутокъ бумаги и приготовился писать. Буеракинъ и Дубровинъ оставались зрителями. Долго Мемноновъ рылся въ книж-

кѣ, потомъ швырнулъ ее съ сердцемъ. проворчалъ: „а пусто тебѣ будь!“ и отправился за другой.

— Смотри не помайся на книжкѣ-то! крикнулъ Гриневъ.

— Чего тутъ ловиться-то: не ту взялъ, значить.

— То-то не ту....

Отчего у лошадей,
Не растутъ во рту лимоны?
Отъ того, что у Дидоны,
Не достало двухъ рублей
На конфеты для ершей.

— Что ты тамъ долго копаешься-то?

— Сейчасъ, экъ загорѣлось!

Наконецъ Мемноновъ отыскалъ завалившуюся тетрадь.

— Начинай съ капитальныхъ долговъ, крикнулъ Гриневъ.
Кому долженъ всего больше?

— Барину 18 руб. 56¹/₂ копѣекъ.

— Полно, такъ ли?

— Извѣстно такъ: часы заложены въ 15 рубляхъ, проценту, значить, выходить 3 рубля, нѣтъ два рубля, да еще за 16 дней положимъ копѣекъ 60.

— Стой, часы не стану выкупать!

— Какъ же не выкупать? срамота!

— Ну, выкупимъ.

— Теперь, за два мѣсяца за столъ 8 рублей.

— Еще что? а?

Пезарь—сынъ отваги
И Помпей—герой
Продавали шпаги
Тою же цѣной!

— Да вы позвольте, Владиміръ Александровичъ! ужъ коли считать, такъ ужъ считать, а напоетесь и послѣ.

— Хорошо, премудрый Михаилъ. Продолжай, кому еще долженъ?

— За квартиру, выходить, за три мѣсяца по 2 рубли.

— Ну, шесть рублей...

— Да-съ, извольте писать шесть.

— Ну, а еще нѣтъ ничего?

— Какъ нѣтъ: булочнику 2 руб. 75 копѣекъ; прачкѣ,

Митькѣ извозчику цѣлковый, да тому еще.. красная рожа-то.
2 р. 17 коп.

— Всѣ?

— Миѣ еще трицать двѣ съ деньгой.

— Итого сколько выходитъ, фанатикъ?

— Итого-съ выходитъ, вотъ сейчасъ.. пятьдесятъ пять рублей девяноста одна копейка.

— Поймался! крикнулъ Гриневъ.

— Извѣстно, такъ.

— А по сложенію выходитъ не такъ.

— Да я по вашей арихметикѣ не знаю. Позвольте-съ: за квартиру 6 руб — шесть; за столъ 8 рублей—восемь.

— Ты ошибся, сказалъ Буеракинъ.

— Не можетъ быть, я не прочтусь; это вы только меня арихметикой сбили.

И съ этими словами Мемноновъ схватилъ книжку и счеты и удалился въ другую комнату.

— Смотри не ловись, пожалуй и поймаешься! крикнулъ ему Гриневъ.

— Нечего тутъ прибирать, ворчалъ Мемноновъ, начиная снова счетъ. Гриневъ запрыгалъ по комнатѣ.

— Лечу, кричалъ онъ, прямо въ канцелярію, сто цѣлковыхъ останется, пустимъ брандера! Михалъ Мемноновъ сосчиталъ что ли, или еще не выпутался?

— Сосчиталъ, послышалось изъ передней.

— Ну кто же совралъ, а?

— Я обчелся, да все ваша арихметика сбила.

— Идемте, господа!

Всѣ три студента отправились, а Мемноновъ спряталъ счеты, тетрадку, снялъ очки, немножко посидѣлъ, а тамъ прилегъ и не могъ удержаться отъ замѣчанія: „народецъ-то же, нечего сказать!“

XXXVIII.

Студентъ Храповъ, съ которымъ мы уже немножко знакомы, проснулся поздно. Вило двѣнадцать часовъ. Онъ чувствовалъ себя неловко. все тѣло расклеилось, во рту эскадронъ гусаръ ночевалъ.

— Гришка! крикнулъ онъ заспаннымъ хриплымъ голосомъ.

Въ дверяхъ спальни явился малый въ дубленомъ короткомъ полушубкѣ.

— Который часъ?

— Первый-съ.

— Экъ я заспался, съ проклятой попойки. А вѣдь ракалія шулеръ-то былъ вчера?

— Штука, отвѣтилъ ухмыляясь Гришка.

— Облупилъ подлецъ!

— Вольно же вамъ было, Николай Васильевичъ, пускаться съ нимъ.

— А сперва какъ-будто не догадывался, что карты-то тово..

— Не на такого напали, и за картами новыми послалъ. Видѣли, чай, что нечего взять, а сами-то вотъ и продулись.

— Ну, молчи, болванъ, въ разсужденія пускается! А не осталось у тебя денегъ?

— Нѣтъ-съ.

— Одѣваться, дуракъ!

Гришка вышелъ изъ спальни. Храповъ поднялся, съ постели, протеръ глаза, надѣлъ халатъ и туфли.

Экая рожа! сказалъ онъ подходя къ зеркалу; поддѣлъ-таки барабанный селадонъ, канальски играетъ?

— Гриневъ, слышишь, деньги получилъ, проговорилъ Гришка, подавая барину одѣваться.

— Кто сказывалъ?

— Я Мемнонова видѣлъ. Якову Андрееву деньги за столъ приносилъ, такъ я и спрашивалъ.

— А сколько?

— Да онъ по малу-то не получаетъ.

— Да гдѣ его отыщешь теперь?

— Въ Византіи сидитъ. Онъ и вчера цѣлый день съ Наливинскимъ кутилъ.

Одѣваться!

Храповъ вышелъ изъ дома мѣщанина Опеенкова и отправился на Рыбную улицу, гдѣ красовалась гостиница Византія, купца Бѣлозерова.

Дорогой Храповъ размышлялъ о томъ, какъ бы ему полочѣе нагрѣть Гринева и неистово ругалъ себя за то, что могъ проигратъ до тла, при его способностяхъ и методѣ.

Забрался онъ по грязной и вонючей лѣстницѣ въ первую комнату заведенія, гдѣ помѣщались и буфетъ, и кухня.

— Есть въ билиардной студенты? спросилъ Храповъ летѣвшаго мимо его полового.

— Есть-съ. Пожалуйста! отвѣчалъ на ходу половой, работая такъ ногами, что вся посуда тряслась въ буфетѣ.

Билиардная была небольшая, низенькая комната. Вдоль стѣнъ стояли скамейки, въ углу столъ. подлѣ двери ставка съ кіями, на лежанкѣ навалено нѣсколько шинелей.

Ожиданія Храпова не были напрасны. Гринева игралъ на билиардѣ съ черномазымъ студентомъ по фамиліи Тыченко. Про Тыченку рассказывали товарищи, что онъ по воскреснымъ днямъ ходилъ въ полной формѣ къ иностранкѣ Дерри-Берри, говорившей на семи европейскихъ языкахъ. Онъ былъ страстный охотникъ до билиарда, игралъ плохо, страшно горячился и проигрывалъ послѣднія деньжонки.

У лежанки стоялъ студентъ Наливинскій, про котораго говорилъ Гришка Храпову. Студентъ этотъ отличался очень плоской рожей и солдатскимъ складомъ. Жить на *шармака*— было его специальностью. Онъ все улыбался и, при малѣйшей плоскости, хохоталъ лошадинымъ смѣхомъ.

Вдоль стѣны похаживалъ маркеръ Иванъ Тимофѣевъ, сухой, лысый Ярославецъ въ длинополомъ коричневомъ сюртукѣ.

— Двадцать пять и ничего, покрикивалъ онъ; сорокъ два и очень мало.

Партія кончилась. У Гринева было сорокъ восемь, Тыченко испачкался весь мѣломъ и не сдѣлалъ ни одного очка.

А, Храповъ! крикнулъ Гринева: вали сюда! А вотъ я, братъ, желтаго хвачу въ уголъ.

— Славный ударъ! вскричалъ Храповъ.—Ну, а ты, Тыченко, все на киксахъ выѣзжаешь? Что жъ, нужно и киксы умѣючи дѣлать— сукно не прорвать.

— Ха, ха, ха! разразился Наливинскій.

— Не въ ударъ нынче, отвѣчалъ Тыченко. Помѣлите, Иванъ Тимофѣевичъ.

— Нѣтъ, братъ, Тыченко, плоходыровато ты играешь, сказалъ Гринева, намѣчивая желтаго въ среднюю. Я тебѣ посоветую:

Коль въ любви ты несчастливъ,

Кушай русскій черносливъ.

— Пошелъ, шарушка,—партія!

Побѣда, побѣда

Надъ лютымъ врагомъ!

Тыченко остался на сухой и страшно поводилъ глазами. Не простившись ни съ кѣмъ, онъ надѣлъ фуражку и съ ворчаніемъ скрылся изъ билиардной.

— Не хочешь ли тридцать впередъ? крикнулъ ему Храповъ.

— Не спотыкнитесь на лѣстницѣ, закричалъ съ хохотомъ Наливинскій.

— А что, господа, не худо бы выпить и поѣсть, обратился Гринева къ товарищамъ.

— Угодимъ мамонъ! отвѣтилъ Храповъ.

— Иванъ Тимофѣевъ, крикнулъ Гринева: три обѣда, два графина водки и три бутылки хересу. А пока, братъ Храповъ, сразимся.

— На шарокатъ—шаропеками!

— Ха, ха, ха! разразился Наливинской.

— Игра завязалась. Храповъ сначала поддавался, но послѣ обѣда, когда у Гринева сильно зашумѣло въ головѣ, онъ спустилъ ужъ рублей пятьдесятъ.

— Будетъ! крикнулъ Храповъ, тебѣ не везетъ!

— На контру, приставадь красный, какъ ракъ, Гриневъ; хочу играть!

— Нѣтъ, нѣтъ и не толкуй, а поѣдемъ-ко лучше...

— Куда? въ театр? Гайда! И онъ запѣлъ пьянымъ голосомъ:

Въ театры стану ѣздить поздно

Чтобъ показаться и взглянуть.

— Ну ихъ къ шути и театры-то! вскричалъ Храповъ. Стоить на нихъ глядѣть, а мы лучше ко мнѣ поѣдемъ, и всякую штуку тамъ изобразимъ.

— Ладно, ѣдемъ, а Наливинской гдѣ? спросилъ Гриневъ, совсѣмъ ужъ чирый.

— Вышли-сь, отвѣтилъ Иванъ Тимофѣевъ.

— Не выдержалъ, должно быть!.. сказалъ Храповъ.

— Щетъ! крикнулъ Гриневъ Ивану Тимофѣеву.

— Десять рубликовъ въ окурать.

— Возьми, несчастный, и на водку получи.

— Покорно благодарствую! пропустилъ Иванъ Тимофѣевъ, подавая ему шинель, а тотъ запѣлъ во все горло:

Я далъ ему злато и прогналъ его!

XXXIX.

— Гришка, крикнулъ Храповъ, входя съ Гриневымъ въ свою квартиру: вставай, болванъ, подай огня!

Гришка расположившійся на ларѣ, вскочилъ, нащупалъ въ печуркѣ коробочку спичекъ, шаркнулъ и зажегъ сальный огарокъ.

— Такъ тебя, душа, облапошилъ шулеришка? говорилъ пьянымъ голосомъ Гриневъ, располагаясь на кушеткѣ; да ты бы его!..

— Перепилъ.

— Они какъ губки тянуть, ну а мы выпьемъ, душа?

— Какъ же, сейчасъ вотъ смастеримъ. Отправляйся Гришка къ Вараксину, возьми крамбамбулевой полштофа, закусь что-нибудь, хересовъ бутылку.

— А, крамбамбули! закричалъ Гриневъ, лежа на кушеткѣ, давай сюда.

Крамбамбули, отцевъ наслѣдство,
Любимое питье у насъ!

— Оно, знаешь, прокутить ничего, говорилъ Храповъ, а вотъ, какъ этакая ракалія обдеретъ тебя, какъ сидорову козу, такъ запоешь матушку-рѣпку!

— Карты—хорошее дѣло! бормоталъ Гриневъ: я играть буду съ человѣкомъ, а съ шулеромъ не буду.

— А ты давно не сражался, дружище? спросилъ Храповъ, и подошелъ къ ломберному столу, на которомъ уже лежала колода картъ.

— Люблю поставить кофѣйку ребромъ! пробормоталъ Гриневъ. Съиграемъ, душка, направо налѣво, а тамъ запьемъ крамбамбулевой!

— Не везетъ, братъ, хоть зарокъ давай.

— Утѣшь, душа, заложимъ банчишко.

Когда явилось подкрѣпленіе въ видѣ крамбамбули и хересу, Гриневъ былъ уже на послѣднемъ взводѣ. Онъ то-и-дѣло кричалъ: „ва-банкъ!“ и въ четверть часа просадила всѣ свои деньги.

— Забастуемъ, братъ, сказалъ Храповъ. Завтра отыграешься, а теперь пора спать.

— Спать?... не хочу...

— Да ночуй у меня.

— Нѣтъ, кочу гулять!

— Ты братъ, мыслете писать будешь; я тебѣ Гришку дамъ.

— Давай Гришку.

По всей Германіи я смѣло....

Дальше ничего не вышло. На Гринева надѣли шинель, галоши и фуражку; Гришка взялъ его подъ руку и вывелъ на крыльцо. Храповъ прокричалъ ему въ слѣдъ: — Прощай дружище! потомъ подошелъ къ карточному столу, взялъ одну карту на свѣтъ и проговорилъ: „печдюхъ!“

Гриневъ всю дорогу распѣвалъ и кричалъ объ актрисахъ картахъ и всякой всячинѣ.

— Дошли? а? крикнулъ онъ, когда они приблизились къ назначенному мѣсту. Шумно началъ онъ взбираться по лѣстницѣ, спотыкаясь о каждую ступеньку.

— Вы теперь, сударь, и сами найдете квартиру, сказалъ плутоватый Гришка на верхней галдарейкѣ, а я домой-съ.

— Иди! кричалъ Гриневъ, колотя кулакомъ по окнамъ, мимо которыхъ шелъ.

—

Что было лучше: пьяный ли сонъ студента забуддыги или безплодное, хотя и трезвое, волненіе Телепнева? Онъ не хотѣлъ знать, что настоящая, живая жизнь окружала его, слышались пѣсни, брань и крики, пьянство и шулерство, будочники и половые.... А въ убогихъ домикахъ, въ душныхъ *занимательныхъ*, сидѣли юноши и жадно читали, до изнеможенія проработавши надъ перепиской какихъ-нибудь безтолковыхъ лекцій. Ихъ было мало, но море водки не поглотило ихъ ..

Конецъ третьей книги.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЪ ПУТЬ-ДОРОГУ!...

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Городъ К. потонулъ въ снѣгахъ. Зима совсѣмъ закутала его, и только Преображенская улица не боялась ея суровости и блистала на зимнемъ солнцѣ. Жизнь приняла также зимнія формы. Студенчество пило еще сильнѣе, аристократія играла въ карты и плясала каждый вечеръ. Въ дворянскомъ собраніи шли выборы.

На хорахъ собранія, въ тотъ день, когда выбирали губернскаго предводителя, блисталъ цѣлый вѣнокъ фешенебельныхъ дамъ, а въ числѣ ихъ и Ольга Ивановна. Возлѣ нее сидѣлъ Телепневъ.

Послѣ того, какъ онъ убѣждалъ изъ угловой комнаты Ольги Ивановны, Телепневъ недѣли двѣ не бывалъ у нее. Ему было и гадко и досадно на себя въ первые дни, а потомъ стало невыносимо скучно; онъ долженъ былъ сознаться, что ему необходимо общество женщины, а отсюда не далеко было и до новаго визита въ домъ М-выхъ. Ольга Ивановна, конечно, приняла его такъ, что Телепневу ни минуты не было не ловко. Она слегка его пожурила, и съ перваго же дня ввела

въ колею своей жизни. Эта женщина не производила на него никакого вліянія, но въ ней было столько умной ласки, столько готовности занять и развлечь Телепнева, что нужно было ему имѣть особый стоицизмъ для того, чтобъ не привыкнуть къ этой женщинѣ въ нѣсколько недѣль.

На хорахъ они встрѣчались каждый день. Онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на пеструю массу, которая жужжала внизу. Ольга Ивановна рассказывала ему про всѣ выборы интриги и обрадала его вниманіе на разныя помѣщичьи фигуры — пузатые и непузатые, въ стародавнихъ военныхъ мундирахъ и неуклюжихъ дворянскихъ воротникахъ. И такъ тянулся между ними разговоръ отъ одного дня до другаго, разговоръ не мудрый, а между тѣмъ все-таки, въ часть, Телепневъ отправлялся на хоры, отыскивалъ Ольгу Ивановну на обычномъ мѣстѣ — противъ портрета, и задавалъ ей какой-нибудь вопросъ, имѣвшій связь со вчерашнимъ разговоромъ.

Въ этотъ день, когда мы ихъ опять нашли на хорахъ, внизу выбирали губернскаго предводителя.

— Посмотрите, — сказалъ Телепневъ Ольгѣ Ивановнѣ: — что выдѣлываетъ вашъ милый Битюковъ.

— А что такое?

— Да просто неистовствуетъ.

А Битюковъ въ эту минуту стоялъ у одного изъ уѣздныхъ столовъ, оралъ на всю залу, и съ азартомъ приставалъ къ какому-то маленькому господину въ уланскомъ мундирѣ безъ эполетъ.

— А его выберутъ, пожалуй, въ губернскіе, — сказала Ольга Ивановна.

— Хорошая будетъ штука, — отвѣтилъ Телепневъ, и сталъ слѣдить глазами за чиновникомъ собранія, который съ ящичкомъ обходилъ залу.

Миновать черезъ десять, въ залѣ произошло большое волненіе. Кучка помѣщиковъ окружила Битюкова; всѣ въ одинъ голосъ упрасивали его, а онъ отмахивался руками. Секретарь дворянства, провозгласилъ имена трехъ претендентовъ на предводительское мѣсто, въ числѣ ихъ и Битюкова.

— Выберутъ, выберутъ, — говорила, посмѣиваясь, Ольга Ивановна: — и тогда, Борисъ Николаевичъ, вы должны будете

звать его ваше превосходительство, и явиться къ нему съ визитомъ.

— Непремѣнно. А прислушайтесь-ка, шары считаютъ; вѣдь, пожалуй, и выберутъ.

И дѣйствительно Битюковъ получилъ сто сорокъ бѣлыхъ, и всѣ начали его поздравлять, и благодарить стараго предводителя, который уже два трехлѣтія сряду все отказывался отъ своей должности.

— Ну, такую радость, — начала Ольга Ивановна — надо праздновать, поѣдемте къ намъ обѣдать, мужъ скоро вернется.

Телепневъ согласился. Они двинулись съ мѣста. На хорахъ было тѣсно. Съ очень многими дамами и дѣвицами, Телепневъ раскланивался и долженъ былъ заговорить съ Александриной, которая пристала къ нему и проболтала до самаго подъѣзда. Съ тѣхъ поръ, какъ Телепневъ сталъ часто бывать у Ольги Ивановны и состоять при ней въ обществѣ, туземныя львицы начали замѣтно привѣтливѣе относиться къ нему. Онъ подчинялся нравамъ города, и вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣлялъ себя изъ тѣхъ студентиковъ, которые безцвѣтно и безвредно прыгали на балахъ.

II.

— Вотъ и вы, Борисъ Николаевичъ, — говорила Ольга Ивановна сидя на своемъ диванѣ: — лѣтъ черезъ десять можете также балотироваться въ губернскіе; вѣдь вы богатый помѣщикъ.

— Ни во что не буду, — отвѣчалъ Телепневъ. — Эти выборы — по большей части кукольная комедія. Нѣтъ ни толку, ни уваженія къ мѣсту

— Ахъ, какой вы строгій! Ну, вотъ, когда кончите курсъ, и подите служить по выборамъ, какъ слѣдуетъ; что вамъ на другихъ ссылатся!

— Если я помѣщикъ,—сказалъ Телепневъ:—такъ все-таки не затѣмъ, чтобъ въ предводители лѣзть.

— А что же, вы будете заниматься крестьянами?

— Очень бы желалъ заняться.

— Что же, вы школы заведёте? будете агрономіей заниматься?

— Что вы ко мнѣ пристаёте?—возразилъ со смѣхомъ Телепневъ.—Это все оттого, что я не признаю прелестей вашего татарскаго льва Битюкова!

— Имя его не употребляйте безъ уваженія—раздался голосъ Павла Семеновича, показавшагося въ дверяхъ: — онъ нашъ предводитель теперь, и ему подобаётъ честь и мѣсто.

— Ну, чѣмъ же кончилось?—спросила Ольга Ивановна мужа:—говорилъ онъ вамъ благодарственную рѣчь?

— Сказалъ, сказалъ. Что же, я ничего противъ этого не имѣю. Надо давать ходъ молодымъ людямъ.—И Павелъ Семеновичъ, чмокнувши губами, отправился въ кабинетъ снимать свой дворянскій мундиръ съ безконечнымъ воротникомъ.

Телепневъ очень привыкъ къ фізіономіи Павла Семеновича и любилъ иногда съ нимъ потолковать о матеріяхъ важныхъ. Въ его разговоры съ Ольгой Ивановной мужъ иногда вмѣшивался; но она умѣла какъ-то всякой разъ очень ловко удалить Павла Семеновича въ кабинетъ. Онъ тамъ и сидѣлъ, разложивши передъ собой какую-нибудь старую книжку, или разбирая деревенскія вѣдомости. Съ Телепневымъ Павелъ Семеновичъ былъ всегда очень привѣтливъ, но въ тонѣ его пробивалось желаніе пріобщить юношу къ трактованію о высокихъ предметахъ, указать ему суть жизни, наставить и просвѣтить. Все это, конечно, не могло задѣвать Телепнева, потому что сопровождалось крайнимъ добродушіемъ и комизмомъ, которымъ дышала вся фигура Павла Семеновича. Ольга Ивановна никогда объ мужѣ своемъ не говорила съ Телепневымъ, но была съ нимъ постоянно ласкова, и вообще вела себя такъ, что иглочки не подточить.

Послѣ обѣда, за которымъ Павелъ Семеновичъ трактовалъ высокимъ слогомъ на счетъ священныхъ обязанностей дворянина, онъ увелъ Телепнева къ себѣ въ кабинетъ, чего почти никогда не дѣлалъ.

— Присядьте-ка минуточку, — прибавилъ онъ, набивая трубку. — Я, дорогой мой, хочу подѣлиться съ вами одной вещью; хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть, какъ это отразится на вашу юную впечатлительность.

— А что такое? — наивно спросилъ Телепневъ.

— Вотъ видите ли, какъ поживешь въ тиши семейственного міра, такъ созерцаніе сдѣлается спокойнѣе: на все бытіе человѣческое взглянешь окомъ трезвымъ, ну, и захочется заявить во всеобщее свѣдѣніе плоды своего крайняго разумія.

— Да-съ, — проговорилъ Телепневъ, и подумалъ: „должно быть читать что-нибудь начнетъ“.

Павелъ Семеновичъ дѣйствительно порылся на столѣ въ бумагахъ и досталъ небольшую тетрадку съ широко загнутыми полями, исписанную мелкимъ, довольно стариннымъ почеркомъ.

— Это ваша статья? — спросилъ Телепневъ.

— Плодъ моихъ задушевныхъ соображеній, дорогой мой! — отвѣтилъ съ вздохомъ и зажмури глаза Павелъ Семеновичъ, и затянувшись изъ своего длиннѣйшаго чубука, опустилсѣ въ кресло противъ Телепнева.

— Теперь, — началъ онъ какимъ-то грустно торжественнымъ тономъ: — когда вся Европа противъ насъ, всякій истинный славянинъ долженъ принести свою посильную лепту на разъясненіе великаго восточнаго вопроса. Всѣ струны натянуты, все славянство потрясено. Я силюсь разъяснить, такъ сказать, тѣ основы духовнаго строя нашего, которыя... Да вотъ вы выслушайте.

— А, вы желаете, Павелъ Семеновичъ, печатать вашу статью? — спросилъ добродушно Телепневъ.

— Тщеславія у меня нѣтъ, дорогой мой. Это только посильная лепта на алтарь истины. Всего умѣстнѣе дать ходъ моей вещицѣ... къ Михалъ Петровичу, онъ одинъ у насъ теперь понимаетъ, какую мы минуту переживаемъ.

Телепневъ скромно сидѣлъ на своемъ стульчикѣ и покуривалъ папиросу; но не безъ нѣкотораго любопытства ожидалъ чтенія Павла Семеновича.

— Заголовокъ у меня такой, — началъ тотъ скороговор-

кой: — „Нравственный строй славянского духа въ борьбѣ съ основами западнаго отщепенства“... Вотъ это слово я позволилъ себѣ впервые употребить... А какъ оно вамъ нравится?

— Хорошее слово,—проговорилъ Телепневъ.

— Мѣтко, разительно передаетъ мысль,—заклучилъ Павелъ Семеновичъ и, чмокнувши раза два губами, принялся за чтеніе своего „Нравственного строя“

Читалъ онъ плохо, на распѣвъ, но фizioномія его имѣла при этомъ такую комическую важность, что Телепневу очень хотѣлось смѣяться. Изъ статьи онъ мало понималъ. Видно было, что Павелъ Семеновичъ силился что-то доказать, но запуталъ всѣ свои мысли старокнижными словами и такими оборотами, какихъ Телепневу никогда не приводилось и слышать.

— Что же говорить ваше юное сердце? — спросилъ добрякъ, покончивши чтеніе: — какъ отозвалась ваша неиспорченная природа на эти мои стариковскія изліянія?

Телепневъ рѣшительно не зналъ, что отвѣчать. Очень грубо соврать ему не хотѣлось, а промолчать тоже нельзя было, не обидѣвши, хоть и смѣшного немножко, но истинно добраго Павла Семеновича.

— Вѣдь я плохой судья,—проговорилъ онъ. Мнѣ кажется, вы очень откровенно высказываетесь.

Этотъ отвѣтъ почему-то чрезвычайно польстил Павлу Семеновичу. Толстыя щеки его заиграли и, зажмуривъ глаза, онъ сластолюбиво затанулся.

— Я такъ и ожидалъ,—воскликнулъ онъ: — вотъ что значитъ золотая юность! Коли оно на васъ такъ подѣйствовало, значитъ тутъ правда заключается! Въ искренности-то и состоитъ основа славянского духа. Благодарю васъ, дорогой мой, никакой хитросплетенной критики мнѣ больше не нужно. Я ужъ подвергалъ это разсмотрѣнію пріятели моего Владиміра Ивановича. Онъ тоже остался доволенъ коренной мыслью.

Павелъ Семеновичъ, отъ внутренняго волненія, всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Да, милый мой, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Телепневу съ какою-то вѣжностью въ голосѣ. — Мы, конечно,

люди малограмотные, не стоимъ, такъ сказать, на публичныхъ площадяхъ просвѣщенія, но мы никогда все-таки не зарывали таланта своего. и не тушили свѣтильника своего. Оттого, что идеаль для насъ—святое дѣло. Да вотъ какъ я вамъ скажу, — заговорилъ онъ немного понижая голосъ, но еще съ большимъ воодушевленіемъ,—я многого въ жизни не желалъ, самомявнѣемъ не былъ зараженъ, а старался достичь только чистоты духа; и вотъ, какъ видите, дорогой мой, живу, благодареніе Господу, въ довольствѣ душевномъ, хоть и старше жены своей на двадцать лѣтъ, но любимъ ею, какъ въ первые дни супружества. И говорю вамъ тоже, что и сыну своему скажу въ ваши лѣта: сохраните только въ чистотѣ нравственный строй вашъ, и вы всегда пожнете плоды трудовъ своихъ и солью земли назоветесь!

Послѣдній комплиментъ себѣ Павелъ Семеновичъ проговорилъ съ невозмутимымъ добродушіемъ, и даже съ нѣкоторымъ азартомъ, а Телепневъ сидѣлъ и думалъ про себя „экъ какъ толстяка разбираетъ! поспросить бы обо всемъ этомъ у Ольги Ивановны.“

— Можно войти?—послышался въ эту минуту голосъ Ольги Ивановны.

— Войди. войди, Оляша,—крикнулъ Павелъ Семеновичъ.

Оляша вошла, оглянула ихъ обоихъ, поняла въ чемъ было дѣло. и съ улыбкой обратилась къ мужу.

— Ты вѣрно угощалъ Бориса Николаевича чтеніемъ?

— Да, матушка; я пробовалъ неиспорченное пониманіе этого юноши, и онъ меня премного утѣшилъ. Я вполнѣ вѣрю правдѣ молодыхъ впечатлѣній.

Вотъ какъ!.. проговорила спокойно Ольга Ивановна.— Только вы, Борисъ Николаевичъ, ужь очень-то не вдавайтесь въ политику; а тебѣ, мой другъ, пора и соснуть;—закончила она, и глазами пригласила Телепнева итти за ней.

— Очень, очень вамъ благодаренъ. мой дорогой!—разшаркался Павелъ Семеновичъ, пожимая руку Телепнева.

„Ужъ не знаю за что онъ меня благодарить!“ подумалъ тотъ, отправляясь вслѣдъ за Ольгой Ивановной въ угловую; смѣшна казалась ему эта картина семейнаго счастья: все об-

стояло благополучно, а между тѣмъ существовала полнѣйшая фальшь.

— Читаніямъ-то очень не поддавайтесь, — говорила Ольга Ивановна Телепневу, — а то онъ васъ совсѣмъ зачитаетъ.

— Что жъ, я люблю толковать съ Павломъ Семеновичемъ, отвѣтилъ Телепневъ безъ малѣйшей насмѣшки въ голосъ.

— Да вѣдь онъ у меня ученый мужъ, только вотъ имѣетъ несчастную привычку говорить высокимъ слогомъ.

— Ну и писать немножко такимъ же слогомъ, — прибавилъ съ улыбкой Телепневъ.

— Ужь про это я не знаю..

— Какъ же вамъ не стыдно, — возразилъ Телепневъ, — вы не участвуете въ интересахъ вашего мужа.

— Я слишкомъ мало образована для этого, — отвѣтила Ольга Ивановна, и сдѣлала полусутоливую, полунаивную мину. — Павла Семеновича занимаютъ разныя рукописи, всякія важныя вопросы, въ которыхъ я ничего не понимаю. Да не ужъ-то, когда вы женитесь, — продолжала она, — вы потребуете отъ жены учености?

— Учености, зачѣмъ? но мнѣ кажется не дурно будетъ, если она станетъ сочувствовать всему, что меня занимаетъ.

— Доживемъ-посмотримъ, — проговорила Ольга Ивановна.

— Не знаю, доживете-ли.

— Вы развѣ наложите на себя обѣтъ безбрачія?

— Врядъ ли когданибудь женюсь.

И разговоръ продолжался все въ томъ же духѣ, т. е. въ переливаніи изъ пустого въ порожнее. Но Ольга Ивановна всегда переходила къ чувствительнымъ предметамъ, и переходила, надо отдать ей справедливость, весьма умно. Часу въ восьмомъ вечера она сказала Телепневу.

— Послушайте, Борисъ Николаевичъ, что вы скрытны — я это вижу; что вы не хотите вполне довѣрить мнѣ вашу задушевную жизнь — я тоже знаю; но это меня не обижаетъ, напротивъ, меня радуетъ то, что у меня вы проводите время, и кажется не жалѣете объ этомъ.

— Ни мало, Ольга Ивановна; напротивъ, я съ каждымъ днемъ все больше и больше привыкаю къ вамъ.

— Привыкаете? какое дурное слово!

— Отчего же? это слово лучше всякаго комплимента; если я дѣлаю привычку, значить скоро я безъ васъ обойтись не съумѣю.

— Что? — вырвалось у Ольги Ивановны, и потомъ она вдругъ замолкла.

Въ половинѣ десятаго были уже болѣе энергическія изліянія.

— Есть всякая любовь, — говорила Ольга Ивановна. — Одна тревожная, изнурительная; другая — простая любовь, немудреная. И кто жилъ, тотъ цѣнитъ эту любовь.

Въ половинѣ двѣнадцатаго происходилъ слѣдующій разговоръ:

— Я до тѣхъ поръ не успокоюсь, — говорила Ольга Ивановна, смотря прямо въ глаза Телепневу, — пока вы не будете хандрить ни одной минуты, пока чувство мое къ вамъ будетъ въ самомъ дѣлѣ необходимо для васъ.

— Благодарю, благодарю! — повторилъ Телепневъ и потихоньку взялъ ея руку.

— Въ маскарадъ завтра будете?

— А развѣ завтра маскарадъ?

— Вы и забыли!... Прекрасно, я васъ за это накажу.

— Какъ?

— Вы не узнаете, во что я хочу одѣться.

— И не нужно совсѣмъ мнѣ говорить: я самъ догадаюсь.

Не знаю, когда и чѣмъ бы кончилась бесѣда, но пріѣхалъ Павелъ Семеновичъ изъ клуба, и зашелъ на минутку къ женѣ. Впрочемъ, онъ тотчасъ же удалился, жалуясь на головную боль.

Телепневъ разсудилъ тоже раскланяться и поцѣловалъ у Ольги Ивановны на прощанье руку.

— Что вы бѣжите? — проговорила она почти шопотомъ.

— Прибѣгу еще, — отвѣтилъ онъ тихо и разсмѣялся.

III

— Закатимся-ка, братъ,—говорилъ Гриневъ рыбаку Петрову, сидя у него въ квартирѣ.

— Вотъ еще чорта лысаго!—отвѣчалъ цвѣтущій ланитами рыбакъ.

— Я тебѣ говорю, закатимся!—приставалъ къ нему Гриневъ,—Сорванцовыхъ пристегнемъ; костюмы сочинить не долго. Ты поѣзжай, какъ есть въ мундирѣ, я у Агашки возьму весь женскій атрибутъ, а Сорванцовыхъ одѣнемъ потеатральному; мнѣ Волынкину только слово сказать, онъ изъ гардероба стащить.

— А шутка въ мундиръ-то влѣзать! да и какого бѣса смотрѣть, аристократокъ-то этихъ чванныхъ?

— А мы перво-на-перво выпьемъ. Ну тогда намъ хошь аристократки, хошь кто хочешь, — все единственно будетъ. Идемъ къ Сорванцовымъ.

Отправились они по галдарейкѣ къ любителямъ драматическаго искусства. Братья Сорванцовы занимали первую по счету квартиру, налѣво отъ входа на галдарейку. Ихъ можно было всегда застать дома, ибо они посѣщеніемъ лекцій не занимались и, кажется, кромѣ халатовъ не имѣли никакихъ другихъ одѣяній. Лицомъ они были такъ схожи, что врядъ ли кто зналъ, котораго зовутъ Иванъ, а котораго Петръ. Единственное отличіе состояло въ томъ, что Петръ обыкновенно представлялъ Гамлета, а Иванъ Офелію.

Только что Гриневъ съ рыбакомъ показались въ дверяхъ ихъ квартиры, Гамлетъ, ходившій взадъ и впередъ по совершенно пустой первой комнатѣ, закинулъ за плеча свой парусинный измазанный халатъ и, взявши Гринева за шиворотъ, возопилъ: „Офелія, ты честная дѣвушка и красива!“

— Перестань, шутъ!—крикнулъ Гриневъ,—ѣдемъ, братъ, въ маскарадъ.

— Чго вы говорите, принцъ?—пропищала Офелія изъ дру-

гой комнаты и показалась въ дверяхъ въ тропическомъ одѣяніи.

— Я говорю, — кричалъ Гамлетъ, тормоша Гринева, — что ты честная и хорошенькая дѣвушка.

— Да не дери горло-то! — И Гринева толкнулъ Гамлета такъ, что тотъ едва не упалъ.

— За Оболенскаго! — крикнулъ Гамлетъ.

— У-у-у! — загудѣла Офелія, изображая народъ въ Еленѣ Глинской.

— А вы полно, шуты гороховые! — началъ опять Гринева. — Мы къ вамъ вотъ съ какимъ предложеніемъ пришли. Возьмѣли мы желаніе закатиться въ маскарадъ. Такъ вы должны съ нами эту обязанность справить.

— А выпивка будетъ? — спросилъ Гамлетъ. На лицѣ Офеліи изобразился тотъ же вопросъ.

— Выпивка будетъ кредитная, забористая! россійскаго по полуштофу и наливки аккермановской три бутылки на четыре рыла.

«О зядѣмъ ты не растаешь, не распадешься прахомъ!

О зачѣмъ ты крѣпко тѣло человѣка?!»

заоралъ Гамлетъ, а Офелія, теребя свой тропическій костюмъ, завизжала:

«Развѣ дѣвица не знаетъ,

Я шутилъ, вѣдь я шутилъ!»

— Что жъ тамъ дѣлать? — спросилъ Гамлетъ.

— По усмотрѣнію, — отвѣчалъ Гринева. — Вы одѣньтесь по-театральному; да чтобъ почуднѣй, ты птицей зумъ, а брата бабой ягой.

— Я Эсмеральдой одѣнусь! — крикнула Офелія и пошла колесомъ по комнатѣ.

— А я Квазимодой! — гаркнулъ Гамлетъ. — Мои колокола! завопилъ онъ.

— Такъ будьте же готовы къ семи часамъ; а теперь надо махнуть къ Волюнкину на счетъ костюмовъ, надо одного изъ васъ захватить.

«Воззри ты на главу лишенную волосъ:

Ихъ засушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ!»

— Гамлетъ пропѣлъ эти два стиха басомъ и прибавилъ: — не имѣю одѣянія!

— Возьми у рыбака,—крикнулъ Гриневъ.
Рыбакъ изъявилъ согласіе, и дѣло было улажено.

IV

Вечеромъ часу въ седьмомъ, Абласовъ шелъ по Преображенской, изъ анатомическаго театра. Онъ закутывался въ свою короткую шинель съ собачьимъ воротникомъ и по сторонамъ не глядѣлъ.

— Стой, дружище! — крикнулъ ему кто-то сзади. Онъ остановился. Это былъ Горшковъ, въ свѣтлой бекешѣ и мѣховой шапкѣ съ кистью.

— Откуда?—спросилъ Абласовъ.

— Съ обѣда, братецъ, ростбифами обжирался.

— Гдѣ же это?

— У первѣйшаго аристократа.

— У какого такого аристократа?

— У Кудласова, братецъ.

— А гдѣ нашъ барчепокъ? вотъ ужъ третій день не обѣдаетъ дома.

— Все, братецъ, съ барынями: большой ему респектъ оказываютъ.

— Да это ничего, пускай его развлечется.

— Извѣстное дѣло, съ барынькой съ этой онъ возится; она первый сортъ!...

— А что у нихъ развѣ?... И Абласовъ посмотрѣлъ искося на Горшкова.

— Ужъ про это, братъ, не знаю; а впрочемъ силенъ врагъ рода человѣческаго.... Да что мы стоимъ на стужѣ-то маршируемъ; вѣдь ты домой?

— Домой.

— Ну, такъ маршируемъ, зайдемъ къ Борѣ, онъ теперь, поди, дома. Сегодня братецъ машкарадъ, весь бомондъ бѣса потѣшаетъ.

— Ужь ты не собираешься ли?

— А и то собираюсь, въ машкарадахъ-то говорятъ, всѣхъ барынь тычуть; такъ я хочу посмотрѣть: занято ли это будетъ, примѣрно, здѣшной герцогинѣ подпустить какое ни то бомбо.

Такъ-то калякая, дошли они до казармы, и завернули въ квартиру Телепнева. Былъ ужъ часъ восьмой; Телепневъ пилъ чай.

— Въ машкарадъ ѣдешь?—спросилъ его Горшковъ разваливаясь на диванѣ.

— Ъду.

— Съ грѣховными помышленіями?

Телепневъ разсмѣялся.

— Не знаю, какія придуть помышленія; а коли ты тоже хочешь ѣхать, такъ совѣтую тебѣ одѣваться. А ты Абласовъ, съѣздишь съ нами?

— Вотъ еще! что я тамъ забылъ? Это вамъ, молодчикамъ, прилично.

— Маточка, поѣдемъ!—началъ приставать къ нему Горшковъ,—ты себѣ мундирчикъ новый построилъ, и при твоей благообразной физіи можешь возжечь огонь страстей въ нашихъ барыняхъ.

— Да ну тебя!—отбояривался Абласовъ.

— Вѣдь ты не бывалъ въ машкарадахъ, а какой же ты будешь сердцеѣдъ? Эскулапъ долженъ всякую суть знать.

— Поѣзжай, Абласовъ,—упрашивалъ съ своей стороны Телепневъ.— Ты тутъ заразъ увидишь все здѣшнее общество; дамъ поинтригуй...

Наконецъ-таки уломали медика, и тогда принялись пить чай.

— Коли другой разъ будешь такъ ломаться, — говорилъ Горшковъ, я тебя, право, прибую; ты ужъ очень интересничать сталъ со своей живодерней.

— Эхъ, вы, господа!—отвѣтилъ добродушно Абласовъ,— вы народъ модный, а нашъ братъ чернорабочій; вамъ одна дорога, а мнѣ другая.

— Да ты что же въ иноки, что ли, собираешься? — прервалъ его Горшковъ.

— Не въ иноки, а не подходящее дѣло; за себя ручаться нельзя, какъ будешь смотрѣть-то на людское веселье, трудовая-то жизнь и некрасна покажется.

— Ну, держи карманъ!—вскричалъ Горшковъ,—такой ты человѣкъ, чтобъ соблазнился!

Поболтали еще съ четверть часа, но ни Горшковъ, ни Абласовъ, ничего не спросили Телепнева о М—вой. Онъ это замѣтилъ; но, разумѣется, ничего не сказалъ, а между тѣмъ, ему вовсе не хотѣлось, чтобы между нимъ и его товарищами, раждался еще новый щекотливый вопросъ.

Прошло половина девятого, и всѣ трое начали одѣваться для отправленія въ маскарадъ.

V

Маскерады въ дворянскомъ собраніи были довольно свѣжею новостью для города К. Ихъ начали давать зимы за двѣ передъ тѣмъ, и въ первую зиму, фешенебельное общество, смотрѣло на нихъ какъ-то подозрительно. Потомъ, когда присмотрѣлись къ нимъ, то они, какъ нельзя болѣе, подошли къ нравамъ города. Общество маскарadowъ было, конечно, болѣе смѣшанное, чѣмъ на балахъ дворянскаго собранія; но подъ маской всѣ были уравнены. А львицы аристократическаго міра нарочно являлись въ невзрачныхъ домино, чтобы не быть узанными.

Много было уже народу въ залахъ, когда наши пріатели поднимались по обширной лѣстницѣ дворянскаго собранія. На площадкахъ стояли ливрейные лакеи; но внизу въ сѣняхъ, по скамейкамъ, и даже на полу, размѣщались съ сапогами наперстницы барынь изъ туземнаго полусвѣта. Благовоніе курительнаго порошка бросалось въ носъ, и теплый воздухъ охватывалъ каждого входящаго на верхнюю площадку, гдѣ стояло большое трюмо, и откуда былъ ходъ налѣво

въ дамскую уборную, а направо въ первую залу Тамъ былъ устроенъ буфетъ и толпилось уже не мало студентовъ.

Телепневъ тотчасъ запримѣтилъ философа Двужилина съ братіей, и весьма удивился, какъ попала сюда вся эта компанія.

— Посмотри-ка, — сказалъ ему Горшковъ, — и сюда притащились: навѣрняка, безъ скандала не обойдется.

Абласовъ молча все осматривалъ и, отдѣлившись отъ товарищей, остановился у дверей въ большую залу

Маски шныряли взадъ и впередъ, больше все въ черныхъ домино, съ капудинами и колпаками, но не мало было и цвѣтныхъ съ разными неподходящими украшеніями на головѣ, съ ажурными лифами и тому подобными прелестями. Всѣ производили страшную пискотню, одни очень рѣшительно приступали къ мужчинамъ, другія же держались больше въ сторонкѣ. Студенчество было больше на виду, чѣмъ на балахъ; маски средней руки положительно тяготѣли къ голубымъ воротникамъ.

— Смотри, Боря, — заговорилъ Горшковъ, когда они вошли въ большую залу, — видишь, вонъ тамъ у крайней колонны, это вѣдь наша герцогиня, а рядомъ съ ней твоя барыня.

— Какая это? — спросилъ Телепневъ.

— Да М—нова же. Смотри, вонъ свѣтлыя волосы у ней пробиваются изъ подъ капюшона; вонъ и Битюковъ скотинище съ герцогиней заигрываетъ. Ты пройдишь братецъ, въ ту сторону, а я поищу лутиковъ.

— Ну, ужъ твоего лутика навѣрное здѣсь нѣтъ.

— Кого нибудь да отыщу.

— И съ этими словами, Горшковъ, тряхнувъ своимъ вихромъ, зашагалъ по залѣ, безцеремонно заглядывая подъ маски и заговаривая со всѣми, кто только ему попадался.

Телепневъ почти никого не узналъ изъ масокъ; нѣкоторыхъ же только по кавалерамъ.

— Здравствуй поэтъ! — пропищала ему маленькая, плотная маска и подала даже руку.

— Ты меня произвела въ поэты? — отвѣчалъ онъ.

— Ты любишь, а пока человекъ любить, онъ поэтъ,— отвѣтила маска, игриво повертываясь на мѣстѣ.

— Не скажешь ли кого?—проговорилъ Телепневъ, узнавая въ маскѣ Александрина.

— Поищи, найдешь здѣсь. Прощай! я не хочу тебѣ мѣшать.

И Александрина, подцѣпивши одного изъ губернаторскихъ адъютантовъ, скрылась за колонами. Телепневъ продолжалъ двигаться по залѣ, раскланиваясь съ мущинами и отвѣчая на поклоны нѣкоторыхъ масокъ. Мимо его прошелъ новый губернский предводитель Битюковъ, подъ руку съ бѣлымъ домино, которое выступало съ величественностью.

— Здравствуй! -- вдругъ проговорилъ сзади его женскій голосъ.

Онъ обернулся; передъ нимъ стояло то самое черное домино, на которое ему указывалъ Горшковъ.

— Здравствуй!—отвѣтилъ онъ, весело протягивая руку.

— Я думала, ты не будешь.

— Ты слишкомъ льстишь мнѣ; не вѣрится, чтобы ты меня ждала.

— Еслибъ я тебя не знала, — проговорила маска, болѣе простымъ голосомъ,—я бы сказала, что твоя скромность отзывается фатовствомъ.

— А зачѣмъ мы интересничаемъ, — сказалъ вдругъ Телепневъ, подавая маскѣ руку, и повелъ ее за колоны.

— Вы меня узнали сейчасъ же?—спросила Ольга Ивановна шепотомъ.

— Васъ нетрудно узнать.

— Будто бы? Это немножко досадно.

— Отчего такъ?

— Да оттого, что всѣ будутъ подходить и болтать вздоръ; пойдемте въ гостиную.

Въ гостиной они сѣли на угловой диванчикъ за дверью.

— Вы знаете, Телепневъ,—начала Ольга Ивановна,—что я съ вами не стѣсняюсь; но я все-таки нахожу, что подъ маской свободнѣе.

— Очень радъ,—отвѣтилъ съ усмѣшкой Телепневъ.

Ольга Ивановна наклонилась къ нему и слегка ударила его по рукѣ.

— Фи! какъ вы противно улыбулись, точно селадонъ какой!—проговорила она, видимо заигрывая.

— Да что жъ мудренаго?—отвѣтилъ Телепневъ, приближаясь къ ней,—вы сейчасъ хоть кого испортите.

— Что?

— Да, да, еще недѣли двѣ, и я прибрѣту такія же манеры, какими прельщаетъ здѣшнихъ барынь господинъ Битюковъ.

— Ха, ха, ха!... И будете доказывать, что я въ этомъ виновата?

— Непремѣнно!...

Въ эту минуту Битюковъ точно выросъ передъ ними. Новоизбранный предводитель, заложивши ладонь правой руки за неизмѣримый бѣлый жилетъ, остановился въ безцеремонной позѣ.

Разставивъ свои огромныя ноги и покачиваясь, сталъ онъ разглядывать Ольгу Ивановну.

— Битюковъ!—сказала она,—ты такъ сіяешь отъ своего предводительства, что на тебя противно смотрѣть...

— Не смотри, прелестная маска, займись лучше обученіемъ твоего юнаго кавалера... Ты практическая женщина.. самые сливочки снимаешь... И предводитель, разинувъ свой нахальный ротъ, захохоталъ, что есть мочи.

Телепневъ покраснѣлъ и выпрямился; Ольга Ивановна тоже покраснѣла подъ маской.

— Поздравляю тебя,—отвѣтила она рѣзко,—ты дѣлаешь быстрые успѣхи въ глупости!...

Телепневъ такъ и ожидалъ, что Битюковъ разразится какой-нибудь крупной дерзостью; но первостатейный левъ только помялся на мѣстѣ, и отходя, сдѣлалъ имъ обоимъ ручкой, проговоривъ:

— Не сердитесь, никому не скажу!

— Довольны?—спросилъ Телепневъ Ольгу Ивановну когда Битюковъ скрылся въ залу,—или хотите еще какихъ-нибудь пріятностей?

Я сама виновата; мнѣ не нужно было его задирать.

— Ахъ, Ольга Ивановна,—началъ горячо Телепневъ,—какъ это вы можете спокойно говорить о подобныхъ вещахъ?

Какъ васъ не возмущаетъ то, что здѣсь всякая дрянъ смѣетъ говорить женщинѣ двусмысленности и вольности?!..

— Тише, тише, юноша, — отвѣтила Ольга Ивановна, и опять коснулась рукой его руки. — Что вы за исправитель нравовъ!.. Оставьте въ покоѣ этихъ господъ; стоитъ ли ими заниматься, развѣ вы затѣмъ пріѣхали сюда? — И говоря это, она взглянула на него какъ-то особенно привѣтливо.

„Что это въ ней за равнодушіе?“ думалъ Телепневъ. „Неужели она не можетъ протестовать противъ того, что менѣ возмущаетъ... или она также?...“ Онъ не додумалъ, и самъ устыдился своей мысли.

А между тѣмъ рука его, почему-то, отвѣчала на пожатіе Ольги Ивановны, и онъ чувствовалъ себя тревожно...

— Отучитесь вы разсуждать,—продолжала Ольга Ивановна; — развѣ можно резонировать въ восемнадцать лѣтъ?... Вамъ, видно, совсѣмъ не хочется пожить

— Какъ пожить?—спросилъ разсѣянно Телепневъ.

— Ахъ какой противный, я уйду отъ васъ!.

Ольга Ивановна, не сводя глазъ съ Телепнева, откинулась на спинку дивана и начала стучать ножкой объ полъ.

— Вы престранное созданіе, Телепневъ!—вдругъ проговорила она;—держите себя старикомъ, а между тѣмъ молодости въ васъ ужасно много; оттого-то съ вами такъ весело мнѣ, старухѣ.

— Очень весело?—спросилъ Телепневъ.

— Очень. И одно мнѣ досадно.

— Что вамъ не шестнадцать лѣтъ? — подхватилъ Телепневъ.

— Именно.

— Подъ маской у всѣхъ одинъ возрастъ.

Говоря это, Телепневъ опять взялъ руку Ольги Ивановны, и совершенно безсознательно пожалъ ее.

Ему отвѣчали тѣмъ же. Это пожатіе повело за собою нѣмой, но довольно вразумительный разговоръ: оба, взглянувъ другъ на друга, улыбнулись и нѣсколько минутъ ничего не говорили, только видно было, что глаза Ольги Ивановны какъ-то особенно заблистали, а лицо все вспыхнуло такъ, что даже шея покраснѣла. Что творилось въ ней, уже

пожившей женщи́нѣ,—не знаю, но въ Телепневѣ говорила одна молодость. Въ эту минуту онъ не задавалъ себѣ никакихъ вопросовъ, а просто чувствовалъ удовольствіе отъ прикосновенія хорошенькой женщины. И все кругомъ поддерживало его настроеніе: шныряли маски, слышался женскій шопотъ, смѣхъ; изъ залы несея гулъ музыки и разговоръ, въ комнатахъ стояла особая атмосфера, волнующая кровь болѣе обыкновеннаго.

— Пойдемте ходить,—вдругъ сказала Ольга Ивановна приподнимаясь съ дивана.

Телепневъ, нехотя, всталъ и подалъ ей руку

— Мы опять вернемся сюда,—прибавила она многозначительно.

Почти въ дверяхъ большой залы попался имъ Горшковъ. Видно было, что онъ вдоволь ужъ наболтался съ барынями, такъ что его круглое добродушное лицо совсѣмъ осовѣло; шляпа была надѣта чуть не на затылокъ. Онъ наполовину растегнулъ свой желетъ и какъ-то все отдувался.

— Ну, Боря. — закричалъ онъ, увидавши Телепнева,— проклятая это штука маскарадъ: просто, въ голову мнѣ вступило; маски эти визжать, толчешься, толчешься съ ними, просто безобразіе!...

— Отчего такъ строго, Горшковъ?—спросила Ольга Ивановна.—Видно тебѣ здѣсь нечего дѣлать.

— Разумѣется, нечего; развѣ вотъ съ тобой побороться.

— За что это?—спросила она весело.

— А за то, что ты женщина, и ѣдишь въ маскарады. А еслибъ женщины не надѣвали масокъ, никто бы не толкался здѣсь.

— Ну такъ поѣзжай отсюда въ институтъ, и вздыхай около своей ученицы.

— Ха, ха, ха! вздыхай!—И Горшковъ разразился смѣхомъ.—Нашла вздыхателя! А домой-то я дѣйствительно поѣду Прощай, Боря!

— Полно—началъ его удерживать Телепневъ,—поѣдемъ вмѣстѣ.

— Да ты еще долго будешь прохладяться.

Нѣтъ, голубчикъ!... началъ было Телепневъ; но получилъ

легкое пожатіе своей дамы, которое дало ему почувствовать, чтобы онъ не удерживалъ своего пріятеля. Ужь если ты такъ хочешь ѣхать, — прибавилъ онъ, — такъ возьми мои сани и пришли назадъ.

— Хорошо. Прощайте, прелестная маска! — обратился Горшковъ къ Ольгѣ Ивановнѣ и сдѣлалъ такую смѣшную гримасу, что она расхохоталась.

— А гдѣ Абласовъ? — спросилъ Телепневъ Горшкова.

— Да онъ не удралъ-ли?

— Чего добраго, отъ него станется, ты бы его поискалъ и подвезъ бы, если онъ не хочетъ дожидаться меня.

И Телепневъ поспѣшилъ проститься съ пріятелемъ, потому что опять почувствовалъ легкое пожатіе.

VI.

Около буфета собралось цѣлое вѣче. Центръ составляла партія вологодцевъ. Не стѣсняясь великосвѣтской обстановкой, студенческая братья шумѣла, точно въ какомъ нибудь трактирномъ заведеніи.

— А вотъ бы, братцы, что... — заговорилъ Двужилинъ, поглядывая на товарищей, — что тамъ эти аристократки-то разхаживаютъ съ фертиками, двинемся-ка, ребята, да пригласимъ ихъ на плясовую.

— Дѣло, дѣло! не худо скандальчикъ пустить! — послышалось въ кучкѣ студентовъ.

Вертлявый симбирецъ, однокурсникъ Телепнева, егозилъ и занимался распотѣшиваньемъ всей компаніи.

— Посмотрите, господа, — крикнулъ онъ, — какая парочка лѣзетъ!

— Ха, ха, ха! — разразилось все общество.

— Въ эту миину въ залъ появились братья Сорванцовы, а за ними рыбакъ Петровъ и Гриневъ. Одинъ изъ братьевъ

былъ одѣтъ Квазимодой въ рыжемъ парикѣ съ наклеяннымъ носомъ, а другой—Эсмеральдой, въ короткой юбочкѣ и открытомъ спензерѣ изъ полинялаго малиноваго бархата. Эта парочка произвела большой эффектъ при своемъ появленіи. Ее сейчасъ окружили, поднялись остроты, смѣхъ, шумъ и гамъ. Рыбакъ Петровъ съ Гриневымъ были уже на второмъ взводѣ. Гриневъ все хваталъ Эсмеральду за юбку, а она отмахивалась отъ него тамбуриномъ. Маска на Эсмеральдѣ была бѣлая съ двумя красными пятнами на щекахъ.

— Спаси меня!—кричала Эсмеральда, — простирая руки къ Квазимодо.

— Мои колокола!—ревѣлъ Квазимодо, а публика кругомъ хохотала.

— Ну-ка, братъ, Квазимодо,—крикнулъ Гриневъ, махая своей треуголкой,—устрой зрѣлище: подхвати-ка мамзель-то на плечи!

— Подсаживай, подсаживай, братцы!—гаркнулъ нахальный симбирецъ.

Квазимодо зарычалъ и потянулся уже къ Эсмеральдѣ, чтобы взвалить ее на себя для произведенія увеселительнаго скандала. Но въ эту минуту къ шумной кучкѣ подошелъ Битюковъ.

— Ха, ха, ха, — разразился онъ предводительскимъ смѣхомъ.—Браво, браво, господа! очень мило! Эсмеральда безподобна. Вашу ручку синьора!..

Всѣ посторонились и пропустили Битюкова въ середину. Студенческая братія не очень дружелюбно осматривала Битюкова. Когда въ студенческихъ кружкахъ говорили объ *аристократіи*, то его всегда ругали большой скотиной. Въ этотъ разъ ему видно захотѣлось задобрить ихъ. Онъ широко осклабилъ свое нахальное лицо и снова разразился покровительственнымъ хохотомъ.

— За здоровье этакой парочки,—вскричалъ онъ, — надо выпить, чтобъ имъ веселѣе было въ плясъ пуститься.

— Отчего не выпить?—отозвался Гриневъ:—дѣло подходящее.

— Господа!—провозгласилъ Битюковъ; — позвольте мнѣ

предложить вамъ выпить по стакану вина за здоровье милой четы!

На лицахъ изобразилось сначала недоумѣніе. Но тотчасъ же всѣ почти пріятно улыбнулись и подались ближе къ буфету, подталкивая Квазимодо съ Эсмеральдой. Предводитель поставилъ дюжину шампанскаго. Когда выпили нѣсколько бутылокъ, сердца студенческой братіи такъ размягчились, что предложенъ былъ тостъ за здоровье угощавшаго и нѣсколько довольно пьяныхъ голосовъ хватили даже ура!

— Я, господа,—говорилъ громогласно Битюковъ,—очень люблю студентовъ, молодость люблю: очень радъ съ вами познакомиться! Прошу любить да жаловать...

— Мы тебя любимъ сердечно!.. просипѣлъ Двужилинъ.

И совсѣхъ сторонъ начались увѣренія въ любви и преданности. Битюковъ стоялъ и съ самодовольствомъ посматривалъ на мальчишекъ, которымъ въ диво было его шампанское.

— А вы что плошаете, господа!—провозгласилъ предводитель—вы бы на счетъ барынь-то прохаживались; они у насъ жиру-то нагуляли, на весь университетъ хватить! Ха, ха, ха!

— Молодцо!—заоралъ Гриневъ:—хорошо говорить!

— Мужьямъ-то не давайте — продолжалъ Битюковъ;—а то вѣдь это срамъ просто! Посмотрите: всѣ наши молодки одни ходятъ, а то такъ съ казьявками какими-то. А намъ куда-же барынь-то дѣтъ солить что-ли?

— Ха, ха, ха!—разразилась вся братія.

— Вотъ, посмотрите-ка парочка идетъ,—заговорилъ почти шепотомъ Битюковъ;—вы вотъ старые студенты, а позволяете молокососу такимъ дѣломъ орудовать.

— Кто это, кто это?—начали приставать юноши, разгорѣвшіеся отъ шампанскаго.

— Важная барыня!—проговорилъ Битюковъ: ни съ кѣмъ знаться не хочетъ, студентовъ мальчишками обзываетъ...

— Дрянь значить, аристократка! — хватилъ Гриневъ. — Скандалъ ей учинить, братцы!

— А вы отбейте ее у мальчугана этого, —подуськовалъ Битюковъ.

— Да надо еще узнать какой въ ней прокъ! засипѣлъ

Двужилинъ, — благообразна ли физія, маску потревожить нужно, чтобы обличье свое намъ показала.

— Поднять маску! — крикнуло нѣсколько голосовъ.

Всѣ эти выходки относились къ Ольгѣ Ивановнѣ, которая въ эту минуту, ничего не подозрѣвая, проходила изъ большой залы мимо буфета, подъ-руку съ Телепневымъ,

Первые подскочили къ нимъ: Гриневъ, нахальный симбирецъ и одинъ изъ земляковъ Двужилина.

— Прелестная маска! — началъ приставать Гриневъ: — куда ты спѣшишь, стой на минутку здѣсь; мы тебя просимъ выпить.

— И закусить! прибавилъ сзади Двужилинъ. И всѣ расхохотались.

Телепневъ быстро взглянулъ на Гринева, и не отвѣчая ничего за свою маску пошелъ дальше.

— Стой! та, та, та! — заговорилъ Гриневъ и схватилъ Ольгу Ивановну за платье. — Что ты какая сердитая, маска? Квазимодо! — крикнулъ онъ: — вотъ кому въ любви-то признайся, авось смилуется, покажетъ намъ свое личико. И онъ уже порывался приподнять маску у Ольги Ивановны.

А у буфета Битюковъ чокался со студентами и, ослабивъ свою рожу, смотрѣлъ на эту сцену. Изъ кучки выступилъ Двужилинъ на подкрѣпленіе Гриневу.

— Ну, барченокъ, — засипѣлъ онъ, обращаясь къ Телепневу, — уступите ка намъ вашу дамочку, хоть на четверть часика, вы ужъ довольно съ ней занимались.

— Позаялся таки! — подхватилъ Гриневъ. И опять вся компанія захохотала.

— Что вамъ угодно, господа? — спросилъ Телепневъ, блѣднѣя, и почувствовалъ, что Ольга Ивановна вся дрожить.

— А вотъ что намъ угодно, — прервалъ Двужилинъ, — чтобы вы, барченокъ, прогулялись бы, а съ дамочкой вашей мы сами полюбезничаемъ.

— Господа, не угодно-ли вамъ замолчать! — вырвалось у Телепнева, — вы забываете гдѣ вы. — И онъ шепнулъ тихо своей маскѣ: „проходите поскорѣй въ залъ, а я останусь.“

— Не нужно, — отвѣтила она, и потомъ, возвышая голосъ, громко проговорила: — М-г Битюковъ, подите сюда!

Нечего было дѣлать. преддѣлать подошелъ.

— Вы директоръ собранія, — продолжала Ольга Ивановна: — будьте такъ добры, скажите этимъ господамъ, что ихъ выведутъ, если они будутъ вести себя такимъ образомъ.

Битюковъ не нашелся, что отвѣтить; онъ только разинулъ ротъ и поглядывалъ то на студентовъ, то на Ольгу Ивановну.

— Пойдемте! — шепнула Ольга Ивановна Телепневу и отправилась къ выходу.

Телепневъ былъ ужасно возмущенъ. Хотя онъ не чувствовалъ особенной симпатіи къ студенческой братіи, но все таки ему было стыдно за нихъ предъ Ольгой Ивановной; но въ тоже время ему чрезвычайно понравилась та находчивость, съ которой его дама отвѣтила студентамъ. Немножко и самолюбіе кольнуло его въ эту минуту: онъ почувствовалъ, что она вела себя, какъ женщина, и онъ какъ мальчикъ.

— Я сгараю отъ стыда, — проговорилъ онъ, когда они вышли на площадку; — мнѣ такъ стыдно за моихъ товарищей!...

— Полноте! — отвѣтила она мягко, и пожала ему руку.

— Вы не имѣете съ ними ничего общаго. Благодарю васъ!

— За что жъ? — спросилъ Телепневъ.

— Я объ этомъ скажу вамъ завтра, — промолвила она и посмотрѣла на него такъ, что онъ потупился. — До свиданія! — прибавила она. — Не провожайте меня, я сойду одна.

Она начала довольно скоро опускаться, а Телепневъ стоялъ, опершись на перилы, и тутъ еще разъ подумалъ: „Какая она милая, эта Ольга Ивановна! Я вѣдь вотъ такъ привыкъ къ ней, что мнѣ жалко ее отпускать“. А Ольга Ивановна, дошедши до нижней площадки остановилась, и такъ завлекательно кивнула ему головой, что если бы не запрещеніе ея, онъ бросился бы внизъ и разцѣловалъ бы ее хорошенькую ручку.

„Завтра же поѣду къ ней“, думалъ онъ; „она такъ добра ко мнѣ, а я все точно рисуюсь передъ ней... А вѣдь она очень мнѣ нравится“.

Съ неудовольствіемъ переступалъ онъ порогъ первой залы; въ первую минуту ему даже вовсе не хотѣлось туда идти,

но онъ упрекнулъ себя въ малодушіи и вступилъ въ залу съ видомъ очень рѣшительнымъ. Подгулявшая компанія разсчитывала на его возвращеніе, и ему тотчасъ попалась бѣлобрысая фигура Двужилина, который такъ сталъ посреди залы, что видимо хотѣлъ ему загоридить дорогу.

— А! защитникъ невинности!... захрипѣлъ онъ. — Изящный кавалеръ, пожалуйста-ка сюда! Позвольте вамъ отпустить нѣкоторое бомбо!

Вся компанія пододвинулась ближе, и впередъ выступили Квазимодо, студентъ Бомбовъ и красный, какъ ракъ, Гриневъ. Битюкова уже не было.

Телепневъ сперва подался немножко назадъ, но потомъ самъ довольно наступательно придвинулся къ Двужилину и смѣрилъ его съ ногъ до головы.

— Я не знаю, что вамъ угодно, господа, — проговорилъ онъ; — но я прошу васъ оставить меня въ покоѣ. Я не подавалъ вамъ никакого повода придирааться ко мнѣ и къ той дамѣ, съ которой я ходилъ; но ваше поведеніе было дурно, гадко.

— Что? — закричалъ Гриневъ. — Ахъ ты молокососъ! ты намъ нравоученіе читаешь?

— Повторите-ка, милордъ, что вы намъ сказали! — проговорилъ Двужилинъ, подстывая къ самому носу Телепнева.

Вся кучка взволновалась. Эсмеральда подскочила къ Телепневу съ боку, и даже замахнулась на него тамбуриномъ.

— Что, что? — кричало нѣсколько голосовъ.

— Я не испугаюсь вашихъ криковъ, — выговорилъ Телепневъ, замѣтно поблѣднѣвъ, — я бы не позволилъ себѣ господа, оуждать ваше поведеніе, еслибы вы сами не задѣли меня, но теперь я еще разъ повторяю, что вы воступили очень скверно!

— Сволочь! — крикнулъ кто-то сзади.

Всѣ понахлынули и окружили Телепнева. Хотя мѣсто было внушительное, но компанія на столько прошлась по напиткамъ, что отъ нея всего можно было ожидать.

— Ты восчувствуй, аристократишко, — захрипѣлъ Двужилинъ и взялъ Телепнева за шляпу, — коли мы, твои това-

рищи, захотѣли пройтись насчетъ мамзели какой-нибудь въ черномъ колпакѣ, такъ какъ же ты дерзнулъ нраву нашему препятствовать?

— За юбку заступился дрянъ! — кричали сзади.

— Лизоблюдь губернаторскій! — рывкнулъ кто-то ближе къ буфету

Всѣми этими возгласами Телепневъ былъ оглушенъ. Ему приходилось отвѣчать на крики и дерзости тою же монетою.

— Какъ же ты смѣлъ, аристократишко? — воскликнулъ опять Двужилинъ и поднялъ руку.

Въ эту минуту, кто-то оттолкнулъ его и сталъ рядомъ съ Телепневымъ. Тотъ инстинктивно подался назадъ, и сразу не узналъ Абласова. Абласовъ былъ также блѣденъ, какъ онъ, и даже губы его дрожали.

— На кого вы кричите, господинъ Двужилинъ? — спросилъ онъ, дѣлая шагъ впередъ. — Кто васъ боится? Оттого, что вы всѣ здѣсь напились, такъ новичку нужно вамъ въ ноги кланяться? Вы его, — и онъ указалъ на Телепнева, — ругаете аристократишкой, а вамъ сейчасъ баринъ вина поднесъ, такъ вы ему ура кричали! Стыдно, господа, такъ безобразничать!...

— А этотъ еще откуда? — слышались голоса: — сволочь!..

— Отойдите прочь! — почти крикнулъ Абласовъ, — а то разбѣжитесь же, инспекторъ идетъ.

Нѣсколько головъ въ ту же минуту оглянулись, по направлению къ большой залѣ, откуда дѣйствительно катила фигура Ѳедора Ивановича, въ черномъ фракѣ, сшитомъ точно также, какъ и вицъ-мундиръ. Всѣ притихли и остались съ разинутыми рта́ми. Кружокъ который тѣснилъ Телепнева съ Абласовымъ, раздался, и имъ безпрепятственно можно было идти.

— Поѣдемъ домой, — сказалъ Абласовъ.

— Они подумаютъ еще, что мы убѣжали, — проговорилъ взволнованнымъ голосомъ Теленевъ.

А очень нужно, что они подумаютъ, пьяная орда!

Послѣдніе слова онъ произнесъ такъ громко, что всѣ

могли слышать, но никто не отвѣчалъ, а напротивъ всѣ жались другъ за друга, испытывая непріятное приближеніе инспектора.

А Ѳедоръ Ивановичъ, завидѣвъ издали Квазимодо съ Эсмеральдой возымѣлъ желаніе разузнать: принадлежать ли эти театральныя лица его вѣдомству или нѣтъ. Для этого, онъ зашелъ сбоку къ Эсмеральдѣ и весьма нескромно заглянулъ подъ маску Эсмеральда по чувству самосохраненія прикрылась тамбуринамъ, а Квазимодо какъ-то стушевался, и только кончикъ его рыжаго парика выглядывалъ изъ-за головы студента Бомбова. Двужилинъ, очутившись очень близко къ инспектору, инстинктивно прикрылъ ротъ ладонью.

— Господа! — произнесъ Ѳедоръ Ивановичъ, потянувши въ себя воздухъ налитанный спиртуозами. — я здѣсь слышалъ какой-то шумъ..

Всѣ молчали, только сзади кто-то икнулъ.

— А мнѣ эта Эсмеральда немножко знакома, — продолжалъ Ѳедоръ Ивановичъ, съ улыбкой оглядывая всю компанію; — напрасно она прикрывается тамбуриномъ, глазъ начальства все видить.

Голова Квазимодо скрылась совсѣмъ за широкоплечей фигурой Бомбова.

— Желалъ бы я, — продолжалъ Ѳедоръ Ивановичъ, подвигаясь къ буфету, — взглянуть и на Квазимодо. Покажитесь, господинъ Квазимодо, за чѣмъ вы его заслоняете, господинъ Бомбовъ.

Нечего было дѣлать, приходилось предстать предъ очи начальства. Эсмеральда была счастливѣе, на ней красовалась маска, а на Квазимодо былъ только наклейной носъ, и какъ не была его физіономія намалевана, но не трудно было узнать Гамлета-Сорванцова.

Господинъ Сорванцевъ! — заглушилъ съ предательской улыбкой Ѳедоръ Ивановичъ, — вы очень удачно одѣлись; вѣдь Квазимодо сидѣлъ все на колокольнѣ, и вамъ можетъ быть, придется завтра посидѣть довольно высоко.

Почти всѣ улыбнулись отъ этой начальнической шутки,

только самому Квазимодо не понравилась она, и онъ смиренно опустилъ голову

— Отчего вы всё не идете туда въ залъ, — провозгласилъ Ѳеодоръ Ивановичъ. — Я полагаю, что вы пріѣхали сюда не за тѣмъ, чтобы, — и онъ выразительно показалъ на буфетъ.

Всѣ стали подаваться, толкая другъ друга впередъ, къ большой залѣ; только однокурникъ Телепнева, нахальный симбирецъ отвѣтилъ инспектору.

— Здѣсь, Ѳеодоръ Ивановичъ, мѣсто злачно и прохладно, — сказалъ онъ, широко ухмыльнувшись.

— Есть мѣсто и прохладнѣе, господинъ Суковкинъ, — оборвалъ его инспекторъ съ величественнымъ спокойствіемъ! — совѣтую вамъ не забывать этого.

Симбирецъ только блеснулъ фалдочками, и уже былъ въ большой залѣ, а за нимъ потянулась и остальная братія. Ѳеодоръ Ивановичъ, какъ пастырь, погналъ отъ буфета заблудшихъ овецъ. Квазимодо и Эсмеральда также исчезли, не произведя никакого эффекта.

Телепневъ и Абласовъ стояли у дверей на лѣстницѣ и были свидѣтелями этой сцены.

— Хорошій народъ! — тихо проговорилъ Абласовъ, качая головой; — скандалы дѣлаютъ, а предъ инспекторомъ дрожать какъ мальчишки.

— Откуда ты явился вдругъ, — спросилъ Телепневъ, — когда меня окружили?

— Да я все тутъ былъ, смотрѣлъ, какъ ихъ тотъ баринъ подпаивалъ.

— Развѣ онъ ихъ дѣйствительно поилъ?

— Ну да какъ же, дюжину шампанскаго имъ поставилъ! Уже они съ радости-то чуть ли качать его не принимались.

Телепневъ слушалъ Абласова и очень ему странно было видѣть его въ подобномъ настроеніи.

— Спасибо тебѣ, — сказалъ онъ, беря его за руку, и въ то же время подумалъ: „Въ немъ побольше энергіи-то, чѣмъ во мнѣ.“

Они сошли внизъ, и чрезъ нѣсколько минутъ Ѳеоданъ катилъ ихъ на крупныхъ рысяхъ по большой Кузнечной пло-

щади, которую ярко освѣщаль мѣсяцъ. Ночь стояла чудная и деревья чернаго пруда свѣтились издали сплошной массою.

— Экая тутъ пустяковина! — проговорилъ Абласовъ кутаясь въ шинель.

— Гдѣ?

— Да въ этомъ маскарадѣ-то. Ходятъ, ходятъ, вранье ни единой мысли не услышишь человѣческой!

— Да.—отвѣтилъ Телепневъ,—хорошо здѣсь все, и студенчество, и бонтоны. Вотъ вы ко мнѣ съ Горшковымъ все приставали: познакомься! Лучше дома сидѣть, чемъ въ такомъ обществѣ бывать.

— Правда-то, правда,—проговорилъ Абласовъ.—А тебѣ все-таки по твоему характеру одному нельзя оставаться.—Больше онъ ничего не прибавилъ, а Телепневъ на это не возражалъ. Они молча подъѣхали къ дому Чекчуриной, простились у воротъ, и Телепневъ, входя въ свою квартиру, еще разъ, подумалъ объ Ольгѣ Ивановнѣ, вспомнилъ ея послѣдній взглядъ, поклонъ съ нижней площадки и спросилъ себя „А въ которомъ часу, завтра, я поѣду къ ней?“

VII.

Маленькій скандалъ въ маскарадѣ хотя и пошелъ по городу, но шуму не надѣлалъ,—въ сферахъ аристократіи потому, что Битюкову все-таки совѣстно было почти на другой день своего предводительства рассказывать о томъ, какъ онъ подпайвалъ студентовъ; а студенческая братія не очень болтала, по случаю понесеннаго пораженія, кончившагося тѣмъ, что оба брата Сорванцовы сидѣли въ карцерѣ. Но все-таки въ городѣ ходили толки, что на какую-то маску напали студенты и защитилъ ее офицеръ, но кто такая маска была, этого доподлинно не знали, хотя нѣкоторые утверждали, что

маска была прїѣзжая симбирская помѣщица, а офицеръ прѣзжалъ изъ Сибири и влюбился въ нее, въ этомъ же маскарадѣ. Окончательный выводъ, сдѣланный всѣми порядочными людьми, былъ такого рода: что студентовъ, какъ мальчишекъ подлыхъ и буйныхъ, не слѣдовало бы никуда принимать. Въ студенческомъ мірѣ, по поводу арестованія братьевъ Сорванцовыхъ, говорилось на ту тему, что аристократовъ слѣдуетъ бить, а съ аристократками произвести, что ни на есть хуже скандалъ. Доказывали также, что первокурсникъ Телепневъ шпионить у начальства и донесъ Ѳедору Ивановичу про Квазимодо и Эсмеральду, а потому донесъ, что въ чекчуринскихъ казармахъ его сильно побили.

А предметъ этихъ толковъ, самъ юный первокурсникъ, лежалъ на другой день послѣ маскарада въ кровати и раздумывалъ: какъ это на свѣтѣ все глупо дѣлается. Вчерашняя исторія была ему непрїятна особенно потому, что онъ сталъ во враждебныя отношенія къ студентамъ. И сдѣлалось это совершенно противъ его воли. Онъ хорошо сознавалъ, что ни въ чемъ не былъ виноватъ, и даже въ немъ заговорило непрїязненное чувство, когда ему припомнились грубые лица студентовъ, окружившихъ его въ залѣ: нахальный носъ симбирца, бѣлые космы Двужилина и угрястыя щеки Гринева. Но онъ не долго остался въ такомъ настроеніи. Мысли его повернулись въ другую сторону, онъ сталъ раздумывать: какая же была причина того, что именно онъ, а не какой-нибудь другой новичекъ подвергся насмѣшкамъ и даже оскорбленіямъ студентовъ? „Причина одна“, отвѣчалъ онъ: „они считаютъ меня аристократомъ, я кажусь имъ барченкомъ... Больше я ни въ чемъ передъ ними не провинился. Но значить во мнѣ есть что-то такое“, продолжалъ думать Телепневъ, „что возмущаетъ простыхъ людей.“ И въ слѣдъ за этой мыслью началось самообвиненіе. Телепневъ началъ осуждать себя за то, что онъ, вмѣсто сближенія со студентами, сталъ таскаться по разнымъ баламъ и барскимъ гостинымъ, что ни съ однимъ изъ своихъ однокурсниковъ онъ не сблизился настолько, чтобы войти въ его жизнь, дѣйствительно убѣдиться, какой онъ человѣкъ, привязать его къ себѣ хоть сколько-нибудь, такъ чтобы хоть въ своемъ курсѣ не считали его

чужимъ. „Вѣдь вотъ“, думалъ онъ. „однокурсники, кажется, всѣ со мной хороши, а между тѣмъ симбирецъ Суковкинъ сейчасъ присоединился къ вчерашней компаніи. Стало быть, ни на кого изъ нихъ мнѣ нельзя положиться.“

За этой грустной мыслью поднялся сейчасъ вопросъ: а что такое Суковкинъ? И на вопросъ послѣдовалъ скорый отвѣтъ: большая дрянъ. И какже сближаться съ подобными людьми, съ Гриневыми, съ Двужилиными и Сорванцовыми? Надо было пить и участвовать во всѣхъ безобразіяхъ. „Ну, положимъ, я барченокъ“, рассуждалъ Телепневъ; „но если они лучше меня, то почему жъ все, что они ни дѣлають, такъ грубо, почему же я не способенъ оскорблять другихъ, а они, напившись, не задумаются оскорбить порядочную женщину, которая не подавала къ тому ни малѣйшаго повода? И я ли виноватъ, что ни одинъ изъ нихъ не сблизился со мной? Вѣдь явился же Абласовъ на мою защиту. Что его побудило къ этому? Чувство ко мнѣ, а ужъ онъ, конечно, неизмѣримо выше всей компаніи, которая напала на меня. И не лучше ли мнѣ дорожить такими людьми, какъ Абласовъ, чѣмъ добиваться во чтобы-то ни стало популярности въ этой пьяной братіи?“

„Конечно“, рассуждалъ Телепневъ, нѣсколько минутъ спустя, „это высшее общество, здѣшняя аристократія—пуста, и ничего въ ней нѣтъ привлекательнаго, но все-таки есть порядочные люди.“ И тутъ онъ сейчасъ же подумалъ объ Ольгѣ Ивановнѣ и нѣсколько разъ повторилъ: какая она милая, какъ она себя благородно вела вчера, просто прелесть!.. И долго такъ думалъ онъ на эту тему и кончилъ совсѣмъ не такъ, какъ началъ; онъ сказалъ себѣ, что нечего огорчаться нерасположеніемъ студентовъ и обвинять себя въ небывалыхъ преступленіяхъ. И тутъ же онъ рѣшилъ, что нужно ѣхать къ Ольгѣ Ивановнѣ пораньше, часу въ седьмомъ.

VIII.

Послѣ обѣда, въ сумеркахъ Ольга Ивановна сидѣла въ своей угловой. Въ комнатѣ было совсѣмъ почти темно, только папираса, которую она тревожно курила, тлѣлась маленькой искрой. Ольга Ивановна, закинувъ свою хорошенькую голову, думала тоже о вчерашнемъ днѣ. Ей, конечно, нечего было особенно волноваться, какъ женщинѣ уже пожившей; но все-таки она чувствовала не совсѣмъ обыкновенное волненіе, когда мысль ея останавливалась на Телепневѣ. Что онъ ей очень нравился, она про это знала уже давно; что ея любопытство и отчасти самолюбіе было сразу возбуждено, мы про это тоже знаемъ; но въ эту минуту, да и вчера въ маскарадѣ въ ней происходило нѣчто посильнѣе,—ей просто нужно было сбросить съ себя свѣтскую маску и сказать мальчику: да или нѣтъ? Отчего пришла она такъ скоро къ этому вопросу, отвѣтить не легко. Ольга Ивановна всю свою жизнь прожила такъ, что только сама, да очень немногіе другіе знали, чего она въ жизни желала, какія у ней были побужденія и какими наслажденіями пользовалась она. Злоязычники города К., могли, конечно, подъ шумокъ рассказать и про нее кое-что; но всѣ эти толки были гадательны, ничего въ нихъ не было фактическаго, неоспоримаго. И въ самомъ дѣлѣ, въ ея обхожденіи съ мужчинами, въ ея отношеніяхъ къ мужу, къ дѣтямъ — все было безукоризненно. Мы видѣли, что Битюковъ и ей говорилъ сальности, но онъ пріобрѣлъ себѣ такія права, противъ которыхъ и Ольгѣ Ивановнѣ трудно было ратовать. Но когда ей чего-нибудь хотѣлось, когда она желала сорвать какой-нибудь цвѣтокъ удовольствія на пути своей жизни, она шла къ этому прямо и достигала своей цѣли, чудесно хороня концы.

Въ кабинетѣ Павла Семеновича часы прошипѣли шесть разъ. Онъ покоился и посапывалъ себѣ на кушеткѣ. Дѣти въ классной сидѣли за приготовленіемъ уроковъ, и потихоньку шушукали между собой.

— Оля! Маня!—шептали губастенькій мальчикъ своимъ сестрамъ, поглядывая искоса на полуотворенную дверь въ комнату гувернантки, которая въ это время сидѣла у стола и поглощала съ жадностью „Сына Тайны“ Поля Феваля.

— Ну что?—спросили дѣвочки.

— Пойдемъ къ мамѣ, попросимся кататься.

— Не пустить,—сказала старшая дѣвочка.

— Я тебѣ говорю, пустить. Урокъ знаешь?

— Знаю.

— А ты, Маня?—спросилъ онъ у меньшей сестры.

— Знаю,—отвѣтила весело дѣвочка.

— Такъ пойдемте къ Аннѣ Мартыновнѣ, скажемъ ей урокъ, да и маршъ къ мамѣ.

А Ольга Ивановна продолжала сидѣть на диванѣ съ закинутою назадъ головкою и курить тревожно папиросу. Она ждала; и такъ задумалась о томъ, кого она ждала, что только тогда, когда часы пробили шесть, она осмотрѣлась и увидала себя въ совершенной темнотѣ. Ольга Ивановна сама зажгла свѣчу, стоявшую на столикѣ подъ зеленымъ абажуромъ, и опять опустилась на диванъ. Въ залѣ слышались шаги, она привстала и инстинктивно оправдала волосы. Глаза ея такъ и заиграли; она вся подалась впередъ къ двери въ ожидающей позѣ. Въ угловую вошли дѣти, вторымъ мальчикъ, а за нимъ не совѣмъ рѣшительно дѣвочки.

Лицо Ольги Ивановны пересоздалось въ одну секунду. Она съ удивленіемъ взглянула на дѣтей.

— Что вамъ нужно дѣти?—спросила она.

— Мама,—началъ мальчикъ, поглядывая на мать своими бойкими глазками,—мы уроки выучили, Анна Мартыновна насъ спросила позволь намъ покататься въ большихъ саняхъ.

Ольга Ивановна немного нахмурила брови и ничего не отвѣтила.

— Позволь, мамочка, позволь!—заговорили дѣвочки, бросаясь съ двухъ сторонъ цѣловать ее.

Ольга Ивановна съ минуту подумала, потомъ улыбунулась и разрѣшила дѣтямъ поѣхать кататься.

Дѣти бросились цѣловать ея руку, и съ шумомъ отправи

лись назадъ теребить Анну Мартыновну, чтобы она сейчасъ же ѣхала съ ними.

Ольга Ивановна почему-то очень охотно отпустила дѣтей кататься. Она знала также, что раньше восьмого часу Певель Семеновичъ не выйдетъ изъ своего кабинета, и это обстоятельство было ей тоже почему-то пріятно.

Но прошло еще съ четверть часа, дѣти уѣхали кататься, а все въ передней не слышно было никакого шума. Ольга Ивановна встала и пошла въ темную гостиную, а оттуда въ залу, постояла у окна, приложилась даже лбомъ къ холодной рамѣ, послѣ чего велѣла зажечь лампу въ залѣ. На свой красный диванъ она опустилась съ очень замѣтнымъ волненіемъ и закурила новую папиросу. Минуты бѣжали, Павелъ Семеновичъ могъ проснуться, дѣти пріѣдутъ съ катанья, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Она позвонила. Вошла дѣвушка.

— Позови сюда Клеопатру Васильевну.

Горничная скрылась, а взамѣнъ ея выросла та фигура неопредѣленнаго свойства, которую Телепневъ видалъ обыкновенно за обѣдомъ.

— Клеопатра Васильевна, — сказала Ольга Ивановна — когда вернутся дѣти съ катанья будьте готовы, вы поѣдете со мной.

И при этомъ Ольга Ивановна такъ посмотрѣла на свою наперстницу, что та, безъ лишнихъ вопросовъ, проговорила только: „буду готова-съ“, и попятилась къ двери, какъ это дѣлають наперстницы въ трагедіяхъ, когда ретируются предъ царственными особами, поднимая свой хвостъ.

Наконецъ, въ передней, чуть слышно, хлопнула дверь и кто-то очень тихо спросилъ; но Ольгѣ Ивановнѣ ясно слышался голосъ Телепнева; она вскочила и хотѣла идти, но удержалась и еще глубже опустилась на диванъ.

Телепневъ прошелъ полуосвѣщенной залой, и совершенно темной гостиной, откуда увидалъ Ольгу Ивановну и поклонился ей. Она его встрѣтила въ дверяхъ, и такъ пожала его руку, что нельзя было не поцѣловать эту бѣдную, тонкую и изукрашенную кольцами ручку. Онъ сдѣлалъ это

даже нѣсколько разъ и получилъ взамѣнъ нѣсколько очень выразительныхъ поцѣлуевъ въ щеку и въ лобъ.

— Какъ поздно! — проговорила она порывистымъ голосомъ. — Не стыдно?..

— Какъ поздно? — спросилъ Телепневъ, лаская ее взглядомъ; — всего только семь часовъ... Я и то боюсь, что слишкомъ рано явлюсь.

— Ко мнѣ-то? — сказала она почти шопотомъ, и не выпуская его руки изъ своей, подвела къ дивану и усадила рядомъ съ собою.

— Я много думалъ о вчерашнемъ, — началъ было Телепневъ.

— О чемъ это? — вдругъ прервала его Ольга Ивановна, и, обернувшись къ нему всѣмъ лицомъ, взяла за обѣ руки и держала ихъ. — Вы огорчились... за меня.. стоитъ объ этомъ говорить!... Я вотъ рада васъ видѣть, сидѣть съ вами здѣсь, на диванѣ, а больше я ни о чемъ не хочу знать...

На это Телепневъ ничего не отвѣтилъ; но почувствовалъ что руки Ольги Ивановны судорожно вздрагиваютъ....

„Какой онъ глупый!“ промелькнуло въ головѣ ея. И она, какъ бы желая убѣдиться въ его умственныхъ способностяхъ, придвинула свою ножку къ его ногѣ.

— Я вижу, — прошептала она, — вы добры... Но вы....

И она остановилась.

— Что я? что я? — началъ допрашивать ее Телепневъ, и, не могъ не охватить ея талии.

— Горды, — выговорила она наконецъ, и заплакала ...

— Чего вы ждете.. чтобъ я... развѣ вы не видите?...

Она еще разъ не договорила, а просто вырвала свои руки изъ рукъ Телепнева, и бросилась цѣловать его.

IX.

Павелъ Семеновичъ очень заспался, и только въ половинѣ восьмага, напившись кваску, выглянулъ въ залу. Въ этотъ вечеръ онъ не собирался въ клубъ, а желалъ посидѣть „у домашнего очага,“ какъ онъ выражался. Въ залѣ увидалъ онъ на одномъ изъ ломберныхъ столовъ треугольную шляпу. Видъ этой шляпы не возбудилъ никакихъ непріятныхъ чувствъ въ его супружескомъ сердцѣ. Павелъ Семеновичъ очень тщеславился привлекательностію своей Оляши, и всегда съ удовольствіемъ смотрѣлъ, когда около нея увивается какойнибудь юноша. Въ такія минуты, онъ внутренно вкушалъ сознаніе тѣхъ семейныхъ благъ, какія доставляла ему его Оляша, и на его жирномъ лицѣ являлась улыбка гласившая: увивайтесь, юноши, увивайтесь, а у насъ вонъ посмотрите какая женушка, и мы-таки срываемъ въ жизни цвѣты удовольствія.

Пройдась раза два вдоль по залѣ, Павелъ Семеновичъ громко откашлянувшись, и потекъ къ женѣ. Когда онъ взошелъ въ угловую, Ольга Ивановна сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ обыкновенной своей позѣ, точно будто она два дня сряду сидѣла въ этой позѣ. Лице у ней было очень оживленное, но не больше; только глаза горѣли не совсѣмъ обыкновеннымъ блескомъ, а можетъ быть и выраженіе ихъ было новое, но трудно было разсмотрѣть это, потому что въ комнатѣ стоялъ полусвѣтъ. Телепневъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, но когда Павелъ Семеновичъ вошелъ въ угловую, то онъ низко опустилъ голову надъ столикомъ.

— Ну я таки воздалъ честь Морфею! — провозгласилъ Павелъ Семеновичъ, подходя прямо къ женѣ и поцѣловалъ ее въ лобъ. — Борису Николаевичу мое нижайшее почтеніе!

Телепневъ приподнялся и неловко подаль ему руку

— Здоровая привычка опочивать послѣ обѣда, — продолжалъ Павелъ Семеновичъ; — обычай предковъ нашихъ, но не нужно имъ злоупотреблять.

— А ты таки нынче соснулъ.—сказала Ольга Ивановна, кротко посматривая на него.

— Да, Оляня, всхрапнулъ порядкомъ. Позвольте мнѣ васъ поблагодарить, мой дорогой,—обратился онъ къ Телепневу, протягивая ему руку.

— За что же?—спросилъ поспѣшно Телепневъ.

— За жену мою,—проговорилъ съ самодовольнѣйшимъ тономъ Павелъ Семеновичъ. Вы ее такъ чудесно занимали вчера въ маскарадѣ, что она осталась въ полномъ восхищеніи отъ этого заморскаго удовольствія.

— А ты почему знаешь, что я была?—шутливо спросила Ольга Ивановна.

— Я на то мужъ, сударыня,—отвѣтилъ добрякъ,—чтобы знать всѣ стези, по которымъ супруга моя шествуетъ въ юдолъ сей

И Павелъ Семеновичъ, очень довольный своей фразой, усѣлся на диванъ и кругля его щеки выразили желаніе полюбезничать съ своей женой. Онъ придвинулся къ Ольгѣ Ивановнѣ и взялъ ее за руку. Она не противилась этимъ супружескимъ нѣжностямъ и очень ласково наклонилась къ его лицу.

Телепневъ украдкой посмотрѣлъ на супруговъ. Онъ вообще былъ стѣсненъ и никакъ не могъ попасть въ колею обыкновеннаго разговора. Павелъ Семеновичъ не замѣчалъ этого; но Ольга Ивановна быстро взглянувъ въ тотъ уголъ, гдѣ сидѣлъ Телепневъ, и этимъ взглядомъ хотѣла, кажется, придать ему больше развязности.

— Такъ-то, милый мой!—говорилъ Павелъ Семеновичъ, любовно поглядывая на свою Оляшу. —Вы вотъ, юноша, по маскарадамъ ходите, ищете все сильныхъ ощущеній, гоняетесь за призрачными наслажденіями, кичитесь своею юностію, красотой и молодечествомъ, а мы вогъ, старики, негодные, по вашему мнѣнію, ни на что, мы у очага своего находимъ прочныя радости, и такъ посмѣиваемся надъ вами въ тихомолку

Павелъ Семеновичъ дѣйствительно захихикалъ и очень бойко подмигнулъ своей женѣ. Ей сдѣлалось какъ будто немножко неловко; она опять взглянула украдкой на Телепнева,

но тотъ не поднималъ головы и барабанилъ пальцами по колокольчику, стоявшему на столѣ.

— Что жъ вы намъ ничего не скажете, дорогой мой? — продолжалъ разглагольствовать Павелъ Семеновичъ. — Вы что то нынче заскучали, или, можетъ быть, вы меня не долюбливать стали, или завидуете, что я вотъ предъ вами сижу да похваляюсь? Что жъ дѣлать! Въ ваши юныя лѣта люди только стремятся и мечутся изъ стороны въ сторону; ну, а коли вы сгараєте любовью въ супругъ моей, такъ я ужъ и не знаю, что съ вами дѣлать; развѣ мнѣ за васъ похлопотать?

Все это говорилось съ такимъ невозмутимо-добродушнымъ самодовольствомъ, что Телепнева невольно покоробило.

— Да скажите же чтонибудь, милый мой! — приставалъ къ нему Павелъ Семеновичъ; — а то я, право, подумаю, что вы ко мнѣ питаете затаенную неприязнь.

— Что ты къ нему пристаешь? — проговорила Ольга Ивановна; у Бориса Николаевича голова болитъ.

— Болитъ голова? — крикнулъ Павелъ Семеновичъ. — А отъ чего? отъ незаконнаго бдѣнія на игрищахъ, ха, ха, ха! Вотъ мы по маскарадамъ не ходимъ, у насъ, благодареніе Богу, все въ порядкѣ.

— Да я, Павелъ Семеновичъ, — началъ было Телепневъ, — очень рано вернулся домой.

— Рано по-вашему, а Ипократъ говорилъ, что надо до полночи быть въ постели.

Ольга Ивановна разсмѣялась.

— Ты почему же знаешь, что говорилъ Ипократъ? — спросила она.

— Эхъ, матушка, да это у всякаго лекаря спроси.

И все въ такомъ вкусѣ болталъ Павелъ Семеновичъ, а Ольга Ивановна поддерживала эту болтовню шуточками и маленькими вопросцами. Телепневъ очень мало участвовалъ въ разговорѣ, не смотря на приставаніе хозяина. Ему не совсѣмъ ловко было глядѣть на добродушную фигуру Павла Семеновича, который такъ довѣрчиво ластился къ своей возлюбленной Оляшѣ, и съ такимъ наивнымъ самодовольствомъ приобщалъ его къ своему супружескому счастью.

— Ахъ, забылъ сказать вамъ, дорогой мой,—вскрикнулъ Павелъ Семеновичъ,—вѣдь я кое-что измѣнилъ.

— Въ вашей статьѣ?—спросилъ Телепневъ.

— Да. Пришли мнѣ такія соображенія, законность которыхъ кажется мнѣ осязательной; такъ какъ я подвергалъ все мое писаніе на вашъ свѣжій, неиспорченный судъ, то мнѣ хотѣлось бы....

— Нѣтъ, нѣтъ!—заговорила вдругъ Ольга Ивановна, — ты опять замучаешь Бориса Николаевича своимъ чтеніемъ; я этого не позволю.

— Да я, матушка, совсѣмъ не то.

— Нѣтъ, ты опять его уведешь и засадишь на цѣлый вечеръ.

Право же не то, я не хочу надоедать Борису Николаевичу; а такъ какъ онъ знакомъ съ моей рукописью, то я буду просить его захватить ее собой и на досугъ просмотрѣть.

— Да и этого не нужно,—сказала Ольга Ивановна, — у него есть свои университетскія занятія.

— Я съ большимъ удовольствіемъ прочту, — проговорилъ Телепневъ;—теперь же вакація, дѣла никакого нѣтъ.

— Вотъ вы увидите, мой дорогой, увидите, — вскричалъ Павелъ Семеновичъ, очень обрадованный и вскочилъ съ дивана.

— Я сейчасъ схожу за рукописью, но не бойтесь — читать не буду.

Ольга Ивановна ничего противъ этого не возражала и Павелъ Семеновичъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Какъ онъ только скрылся, Ольга Ивановна подошла къ Телепневу.

— Юноша!—сказала она шепотомъ и поцѣловала его въ лобъ.

Онъ поднялъ голову и на губахъ его явилась какая-то странная улыбка.

— Не смущайся,—проговорила она спокойнымъ и ласкающимъ голосомъ.—Тебѣ нечего бояться моего старика, онъ тебя полюбитъ какъ сына, если я этого захочу.

— Да вы все можете сдѣлать, — сказалъ медленно Телепневъ и пожалъ ея руку

— Что это за вы? — прервалъ его Ольга Ивановна и слегка ударила по лицу.

Онъ покраснѣлъ, а она обняла его быстро и прошептала: „Не смѣй уходить уже, не простившись со мной хорошенько!“

Заслышались шаги Павла Семеновича и Ольга Ивановна очень спокойно стала закуривать папиросу у свѣчки и, поглядывая на Телепнева лукавымъ глазомъ, такъ соблазнительно улыбалась, что Телепневъ при всемъ томъ, что чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, разцѣловалъ бы эти пышные губки, улыбавшіяся ему, еслибъ въ эту минуту Павелъ Семеновичъ не появился въ дверяхъ съ завѣтною рукописью. Ольга Ивановна, закуривши попиросу, спокойно сѣла на диванъ.

— Ну, вотъ мой дорогой, — заговорилъ Павелъ Семеновичъ, передавая Телепневу свою рукопись. — Я не стану вамъ докучать своимъ чтеніемъ.

И съ этими словами онъ опять подсѣлъ къ женѣ; но минуť черезъ десять какъ-то незамѣтно опять перешелъ къ своему писанію, попросилъ опять рукопись у Телепнева и началъ читать, не обращая вниманія на то, что Ольга Ивановна вырывала у него рукопись изъ рукъ, а Телепневъ, хотя изъ приличія прислушивался, но въ сущности значительно зѣвалъ, и изъ подлѣбья поглядывалъ на Ольгу Ивановну. Онъ поуспокоился, и не показывалъ уже никакой неловкости; но это только съ внѣшней стороны, а внутри въ немъ шевелились разные вопросы, и прежде всего вопросъ о томъ, какъ Ольга Ивановна могла съ такой легкостью переходить отъ одной сцены къ другой, какъ она съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣчала на супружескія изліянія и заигрыванія Павла Семеновича, послѣ того, что произошло въ этой комнатѣ до его прихода.

Такъ протянулся вечеръ до чаю, который пили, обыкновенно, въ залѣ, за круглымъ столомъ. Къ чаю явились дѣти съ гувернанткой и Клеопатрой Васильевной и болтали о своей прогулкѣ въ саняхъ. Ольга Ивановна очень ласково и

весело спрашивала ихъ. Она, въ этотъ вечеръ, какъ-то особенно хорошо выполняла свою материнскую роль. Это бросилось въ глаза Телепневу. Его посадила Ольга Ивановна рядомъ съ собою, около самовара, такъ что лица ихъ обоихъ, почти скрыты были отъ Павла Семеновича, сидѣвшаго напротивъ. Телепневъ нѣсколько разъ чувствовалъ прикосновеніе колѣнъ Ольги Ивановны къ своимъ ногамъ, и каждый разъ взглядывалъ на нее. А она, въ эти минуты разливала спокойно чай, и только мгновенная дрожь, пробѣгавшая по щекамъ, показывала, какое волненіе крылось въ ней.

Послѣ чаю, Павелъ Семеновичъ порывался было продолжать свои супружескія изліянія, но Ольга Ивановна сложила свои губки корабликомъ, и такъ ловко сѣумѣла сократить его порыванія, что онъ, помявшись и сказавши нѣсколько благодушныхъ пріятностей, объявилъ, что у него есть разныя скучныя дѣла, распростился и отправился къ себѣ въ кабинетъ. Дѣти также пришли проститься, и Ольга Ивановна, нѣжно перецѣловавъ ихъ, каждого по-одиночкѣ перекрестила.

Когда всѣ чада и домочадцы скрылись, Ольга Ивановна вздохнула такъ, точно съ плечъ ея свалилась обуза. Она, безъ дальнихъ словъ, показала Телепневу рукой на мѣсто рядомъ съ собою.

— Что ты все стѣсняешься? — говорила она со смѣхомъ который прерывался поцѣлуями; — а еще студентъ!

— Да я ничего, — отвѣчалъ Телепневъ.

— Право, какой ты... просто красная дѣвушка!...

— Послушай! — началъ онъ: — мнѣ вѣдь совѣстно предъ Павломъ Семеновичемъ!

— Нашолъ объ чемъ горевать!... Ты, я вижу, ужасный идеалистъ... Развѣ ты не, понялъ еще Павла Семеновича!... Ты меня видишь: могу я его любить, или нѣтъ?

На такой рѣшительный вопросъ Телепневъ ничего не сказалъ, а Ольга Ивановна продолжала:

— Онъ очень добръ, и ты пожалуйста не думай, что ему дурно жить со мною; напротивъ, лучше меня никто не знаетъ,

что ему нужно, и какъ себя вести съ нимъ!... Чего же ему больше?

И на этотъ категорическій вопросъ Телепневъ не нашолъ отвѣта.

— Да что объ этомъ говорить! продолжала Ольга Ивановна. Со мной тебѣ нечего бояться.

Телепнева кольнуло это успокоиванье, но онъ промолчалъ. А въ эту минуту блестящіе и влажные глаза смотрѣли на него такъ зажигательно, что дѣйствительно можно было отложить до другого раза разговоры о Павлѣ Семеновичѣ. Ольга Ивановна умѣла такъ распредѣлить свои страстные ласки, что ни Телепневу, никому другому, на его мѣстѣ, некогда было одуматься... Ему не нужно было говорить о своей любви, надѣлать ее нѣжными именами, предаваться мечтамъ и планамъ на будущее; ничего этого она не требовала. Она сама говорила о своей любви очень выразительно, и въ расплывчытыя изліянія не пускалась; но все-таки тотчасъ же подошла къ весьма чувствительному пункту.

— Я за тебя рада, Борисъ,—говорила она ему, въ промежуткахъ своихъ ласкъ.—Ты со мной немножко отдохнешь.. разсвѣтешь, право; а то ты какимъ-то мертвецомъ явился сюда....

Дальше этого уже не простиралось выраженіе любопытства, которое, въ сущности пожирало Ольгу Ивановну. Но Телепневъ не былъ расположенъ къ какимъ бы то ни было изліяніямъ. Перемѣна въ его отношеніяхъ къ Ольгѣ Ивановнѣ произошла такъ внезапно и такъ мало была вызвана его собственными желаніями, что онъ могъ только страдательно вести себя, и будь это съ другой женщиной, оно вышло бы не совсѣмъ красиво; но Ольга Ивановна гораздо больше давала, чѣмъ требовала.

— Когда ты будешь завтра?

— Да не знаю, можно ли такъ часто?

— Опять боишься! Ну, хорошо; да, я и забыла, что завтра нельзя, завтра балъ у Щекаловыхъ, ты будешь?

— Да меня, кажется, не приглашали.

— Не можетъ быть, вѣрно приглашали. Только вотъ что ты сдѣлай: Павелъ Семеновичъ далъ тебѣ свой манускриптъ,

такъ ты прочитай его завтра и привѣжай передъ баломъ; ну, такъ, часу въ восьмомъ: онъ будетъ въ восхищеніи.

Весь этотъ діалогъ велся въ такомъ тонѣ, какъ будто Телепневъ и Ольга Ивановна цѣлыя годы знали и любили другъ друга.

— А какъ ты будешь одѣта?—спросилъ онъ.

— А будто тебѣ хочется это знать? — скромно проговорила она.

— Разумѣется, хочется; я очень люблю видѣть тебя на балахъ: ты всегда такая блестящая, изящная. Къ тебѣ особенно идетъ свѣтлозеленый цвѣтъ.

— Когда это ты все разсмотрѣлъ?

— Какъ же не разсмотрѣть такую эффектную особу...

— Безъ дерзости!

И за симъ послѣдовали продолжительные поцѣлуи.

— Такъ какъ же ты будешь одѣта? — спросилъ еще разъ Телепневъ.

— Не скажу, привѣжай завтра къ моему туалету

— И Ольга Ивановна еще съ полчаса болтала съ нимъ и не съ-разу отпустила его домой.

— Павелъ Семеновичъ, я думаю, давно спитъ,—говорилъ Телепневъ на прощанье.

— Нѣтъ, онъ у себя; онъ никогда не посмѣетъ пройти въ спальню, если у меня кто-нибудь есть.

— А развѣ... и Телепневъ не договорилъ.

— Дурная привычка,—проговорила Ольга Ивановна и расхохоталась.—Какой ты смѣшной!—прибавила она, и потому что-то такое прошептала ему на ухо, послѣ чего Телепневъ тоже разсмѣялся, но тотчасъ всталъ и окончательно простился съ ней.

Проходя совершенно темную гостиную, Ольга Ивановна удержала его, и дѣло не обошлось безъ объятій.

— Спи хорошенько и ничего не бойся,—проговорила она и потреспала его по щекѣ.

— Эта послѣдняя ласка, послѣ горячихъ поцѣлуевъ очень понравилась Телепневу и онъ ушелъ чрезвычайно спокойный. Сядь въ сани, онъ взглянулъ на звѣздное небо, завернувшись

въ свой дорогой бобровый воротникъ и внутренно проговори́лъ: „а вѣдь на свѣтѣ иногда хорошо живется!“

Х.

Телепневъ, когда вернулся домой и легъ спать, ни о чемъ почти не думалъ. Онъ, просто, былъ утомленъ и спалъ какъ убитый часу до десятого, безъ всякихъ пріятныхъ или тяжелыхъ сновидѣній. Но когда онъ проснулся, то весь вчерашній вечеръ представился ему во всѣхъ своихъ подробностяхъ, и онъ, прежде всего, ощутилъ почти омерзеніе къ самому себѣ. Онъ не могъ даже объяснить себѣ хорошенько, какъ все это случилось, какъ онъ такъ быстро, безъ всякихъ волненій, безъ всякой страсти превратился въ любовника Ольги Ивановны. Это слово сейчасъ же представилось ему во всей своей наготѣ. Всего полгода прошло со смерти Софьи Николаевны, а онъ записался уже въ чичисбенъ къ сластолюбивой барынѣ. Вся жизнь въ большомъ дикомъ домѣ и въ Липкахъ проніала мимо его въ тысячѣ сценъ и мгновеній, когда его наслажденія были полны такой свѣжести, когда страсть была такъ искренна, и помыслы такъ полны были задушевности. Онъ почти съ ужасомъ созналъ, что ничто его не связывало съ Ольгой Ивановной. Ни любопытство, ни самолюбіе, ни страсть не влекли его къ этой связи, и онъ изнемогалъ подъ тяжестью вопроса: какъ могло это такъ скоро случиться? „Не ужели я только любовникъ ея, въ самомъ грубомъ смыслѣ слова?“ спрашивалъ онъ себя; и это такъ больно его задѣвало, что онъ сейчасъ же рѣшился было бросить все и не ѣздить больше къ Ольгѣ Ивановнѣ. Но эта вспышка небыла продолжительна. Какъ бросить?... „Вѣдь еслибъ я“, думалъ онъ, „велъ себя иначе, такъ она не зашла бы со мной такъ далеко. Стало быть, бросить—будетъ не честно“ Телепневъ сознавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что вчера

его ощущенія были иныя, что его не возмутило то настроеніе, которымъ онъ отвѣчалъ на соблазнительныя подстреканія Ольги Ивановны. Значить, въ немъ самомъ сильны были инстинкты, или онъ дѣйствительно привязанъ къ этой женщинѣ, хотя и не даетъ себѣ въ томъ отчета.

Телепневъ былъ такъ разстроенъ, что когда Горшковъ пришелъ къ нему пить чай, то спросилъ его, не боленъ ли онъ. Горшкову онъ ничего не рассказывалъ, во-первыхъ потому, что ему было слишкомъ совѣстно, а во-вторыхъ и потому, что ихъ пріятельскія отношенія вообще обходились безъ изліяній.

— Скажи мнѣ, Боря, — спросилъ его Горшковъ, — что за штука вышла въ маскарадѣ какъ я уѣхалъ, говорятъ, барыню какую то ошельмовали?

— Не знаю, — отвѣтилъ нехотя Телепневъ.

— Да, говорятъ, и ты тутъ какъ-то замѣшался; расскажи-ка, братъ, исторію-то. Ужъ не на твою ли Ольгу Ивановну сдѣлали нападеніе?

Телепневу очень не хотѣлось отвѣчать, и тонъ Горшкова, какъ-то особенно болѣзненно отзывался въ немъ.

— Ничего не было, — сказалъ онъ съ гримасой. — Тамъ какіе-то пьяненькіе попались.

Ему совѣстно было лгать передъ Горшковымъ, но рассказывать въ эту минуту всю исторію было для него невыносимо. Горшковъ, замѣтя, что онъ не въ духѣ и въ разговоръ вступаетъ неохотно, вскорѣ удалился. Телепневъ, оставшись одинъ, долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ надѣлъ фуражку и въ сюртукѣ отправился черезъ дворъ на галдарейку, къ Абласову. Въ тяжелыя минуты, онъ всегда чувствовалъ потребность пойти къ нему и излиться. Наканунъ онъ его не видалъ.

Абласовъ, въ это время, сидѣлъ дома и отдыхалъ отъ анатоміи⁴ за разсматриваніемъ какихъ-то лекцій изъ втораго курса, которыми угостилъ его медикъ Генерозовъ. Онъ особенно обрадовался приходу Телепнева, и тотчасъ же понималъ, что тотъ чѣмъ-то очень разстроенъ.

— Ну, что ты? — сказалъ онъ ему кротко, ударивъ его

слегка по плечу. — Неужли не можешь все помириться съ глупой исторіей?

— Нѣтъ, я забылъ объ ней, — отвѣтилъ Телепневъ. Онъ тутъ же хотѣлъ разсказать Абласову все, что было между нимъ и Ольгой Ивановной; но не могъ этого исполнить, онъ не находилъ словъ, съ чего бы начать; онъ не хотѣлъ оправдываться; но вмѣстѣ съ тѣмъ у него не хватало силъ сказать просто: „Абласовъ, я любовникъ М — новой!“ Зачѣмъ же я пришелъ сюда? подумалъ онъ въ эту минуту.

— Ты очень что-то разстроены, Боря? — продолжалъ Абласовъ.

На Телепнева мягко подѣйствовало слово *Боря*. Абласовъ рѣдко звалъ его такимъ образомъ.

— Ахъ, Абласовъ, что мнѣ съ собой дѣлать?... Нигуда я не гожусь!...

— Отчего же это такъ? — спросилъ съ усмѣшкой Абласовъ.

— Отчего?.. Я такъ гадокъ, что вотъ теперь пришелъ все, все тебѣ разсказать... и не могу, долженъ или лгать, или молчать!...

Абласовъ искоса взглянулъ на Телепнева и значительно помолчалъ.

— Зачѣмъ лишнія изліянія, Боря,—проговорилъ онъ наконецъ,—развѣ они непременно нужны? Спасибо тебѣ за то, что ты хотѣлъ подѣлиться со мною твоей душевной жизнью... Этого очень довольно...

И онъ такъ искренно, съ такимъ славнымъ движеніемъ подалъ ему руку, что Телепневу сдѣлалось легко; онъ почувствовалъ, что и безъ его изліяній Абласовъ все понялъ.

XI.

Часу въ восьмомъ, визжали по морозному снѣгу сани, спускаясь съ Преображенской на Кузнечную площадь. Они везли Телепнева на Театральную улицу, къ М—новымъ. Мы знаемъ, что чувствовалъ и какъ разсуждалъ онъ поутру. Но волненія и угрызенія совѣсти видно не были такъ сильны, чтобы удержать его отъ условленнаго свиданія съ новой любовницей. Къ обѣду Телепневъ долженъ былъ сознаться, что онъ очень привыкъ къ Ольгѣ Ивановнѣ, что онъ не можетъ спокойно вспомнить ея ласкъ, и что было бы величайшей подлостью бросить ее сейчасъ же, послѣ того, какъ самъ онъ охотно шелъ на сближеніе съ нею...

Къ семи часамъ это сознаніе все возрастало, и результатомъ его было то, что Телепневъ приказалъ Якову закладывать „вахлака“, а тридцать пять минутъ восьмого вѣзжалъ въ ворота дома М—новыхъ.

Павелъ Семенычъ еще опочивалъ, собираясь отправиться съ Оляшей на парадный балъ. Человѣкъ, встрѣтившій Телепнева въ передней, сейчасъ доложилъ ему объ этомъ, и прямо пригласилъ его пройти въ угловую. Видно было, что онъ съ утра получилъ уже приказанія на счетъ пріѣзда Телепнева.

Въ угловой никого не было, когда онъ вошелъ туда; но дверь въ уборную Ольги Ивановны была пріотворена, и оттуда виднѣлся свѣтъ. Онъ кашлянулъ, дверь еще больше отворилась, и на порогъ стояла Ольга Ивановна въ пеньюарѣ, но съ убранный головой. Лицо такъ и задышало радостью при видѣ Телепнева.

— Душа моя! — проговорила она, подходя къ нему и осторожно протягивая ему свои красныя губки. — Какая ты прелесть, пріѣхалъ даже раньше, чѣмъ я ждала!... Позвольте поцѣловать васъ, за это, въ глазокъ!

Телепневъ отвѣчалъ на ея ласки, и всякія размышленія окончательно отлетѣли отъ него.

— Я въ самомъ дѣлѣ, кажется, рано забрался... Павелъ Семенычъ спить... началъ было онъ.

— Опять Павелъ Семенычъ! Ха, ха, ха!... Да успокойся ты, ради Бога... Ужь я тебя не скомпрометирую.. Вы стѣсняетесь, что я васъ принимаю въ такомъ туалетѣ... Извините, мы васъ сейчасъ выгонимъ.

— Да я вовсе не стѣсняюсь,—оправдывался Телепневъ и, такъ какъ въ эту минуту роскошное плечико Ольги Ивановны весьма было близко къ его лицу, то онъ поцаловалъ его.

— Вотъ что ты сдѣлай, — продолжала Ольга Ивановна, кладя ему свою бѣлую полуоткрытую руку на плечо, — пока я буду одѣваться, ты съѣзди и привези мнѣ перчатки, а ужъ я такъ сдѣлаю, что Павелъ Семеновичъ встрѣтитъ тебя съ распростертыми объятіями. А сочиненіе его привезъ?—добавила она.

— Позабылъ,—вскричалъ Телепневъ, махнувъ рукой.

— Ну, прощай! но ты долженъ заѣхать сейчасъ же домой, взять съ собой рукопись и привезти ее вмѣстѣ съ моими перчатками.

Телепневъ расцѣловалъ руки, которые ему были протянуты, потомъ получилъ нѣсколько очень красивыхъ поцѣлуевъ и былъ почти насильно выпровоженъ изъ угловой. Минуть черезъ сорокъ, онъ опять подѣзжалъ къ дому М-новыхъ съ рукописью и съ перчатками. Павелъ Семеновичъ, въ бѣломъ жилетѣ и раздушенный амбре, встрѣтилъ его въ передней и рассыпался въ ужасныхъ любезностяхъ. Изъ этихъ любезностей Телепневъ заключилъ, что онъ былъ уже подготовленъ къ его принятію. Ольга Ивановна рассказала мужу, что Телепневъ пріѣзжалъ къ нему съ его сочиненіемъ въ то время, когда онъ спалъ, а она не могла принять Телепнева.

Павелъ Семеновичъ тотчасъ увелъ своего гостя къ себѣ въ кабинетъ и тамъ не утерпѣлъ-таки, прочелъ ему почти все свое писаніе и требовалъ непремѣнно замѣчаній. Телепневу стыдно было на него глядѣть и слушать его добродушныя разглагольствованія. Ольга Ивановна ужъ слишкомъ артистически дурачила своего добродѣтельнаго мужа. Когда Павелъ Семеновичъ слышалъ въ залѣ шаги Ольги Ивановны, онъ

вскочилъ и началъ извиняться передъ Телепневымъ, что такъ ему надоѣдаетъ.

— Пойдемте къ Оляшѣ,—проговорилъ онъ.— Она вѣрно готова и очень желаетъ васъ видѣть, поблагодарить васъ за вашу рѣдкую обязательность.

Они нашли Ольгу Ивановну, не въ залѣ, а въ гостиной передъ трюмо. Она стояла и оправляла платье. Изъ дверей угловой комнаты выглядывали фигуры гувернантки и наперестницы.

— Во вкусъ эллинскомъ изукрасила себя!—воскликнулъ Павелъ Семеновичъ, обходя жену сзади.—Представляю тебѣ, мой другъ, сего юношу, доброта котораго превышаетъ его цѣломудріе.

Ольга Ивановна быстро обернулась лицомъ къ Телепневу и подала ему руку такъ, что точно будто въ первый разъ видѣла его въ этотъ вечеръ. Онъ былъ пріятно пораженъ эффектомъ ея туалета. На головѣ ея лежалъ вѣнокъ изъ виноградныхъ листьевъ, и вмѣстѣ съ двумя локонами, отпрыски этого вѣнка касались ея изящныхъ плечъ, которыя при близкомъ свѣтѣ свѣчей стоявшихъ на трюмо, такъ и ослѣпили Телепнева своей бѣлизной. Платье нѣжно-зеленаго цвѣта, съ кружевной отдѣлкой, какъ-то особенно блистало и молодило Ольгу Ивановну. Во взглядъ Телепнева она прочла восхищеніе и успѣла, на глазахъ своего супруга, подавая Телепневу руку, злодѣйски усмѣхнуться. А ея возлюбленный стоялъ молча и не могъ оторваться отъ ея роскошнаго бюста.

— Привезли перчатки?—спросила Ольга Ивановна.

Телепневъ немножко даже стѣснился отъ этого вопроса. Художественность Ольги Ивановны, въ дѣлѣ надуванія своего супруга, поражала его.

— Привезъ,—отвѣтилъ онъ.

— Вообрази,—обратилась она къ мужу,—любезность Бориса Николаевича не имѣетъ предѣловъ. Онъ пріѣхалъ тутъ, когда ты спалъ, я примѣряла перчатки, онѣ лопнули; я выслала къ нему дѣвушку и просила привести.

И при этомъ хоть-бы бровью повела, на губахъ сіяла вызывающая улыбка, а страстные глаза говорили: „И ты боишься такого дурака, какъ мой благовѣрный супругъ?“

— Мирить меня, мирить со всѣмъ молодымъ поколѣ-

ніемъ,—вскричалъ благовѣрный супругъ и протянулъ Телепневу свою широкую ладонь.

Въ эту минуту, онъ былъ въ полномъ восхищеніи, первыхъ отъ созерцанія прелестей своей Оляши, а во-вторыхъ оттого, что напелъ наконецъ юную неиспорченную душу, которую можетъ зачитывать своими произведеніями.

— Когда-же мы ѣдемъ на торжище?—спросилъ онъ.

— Еще рано,—отозвалась Ольга Ивановна,—раньше десяти никакъ нельзя ѣхать.

— Ну, а нельзя, такъ нельзя,—отвѣтилъ кротко Павелъ Семеновичъ, и хотѣлъ было, кажется, расположиться въ гостиной и начать бесѣду съ Телепневымъ о высокихъ предметахъ. Но Ольга Ивановна въ гостиной не осталась, а ушла съ Телепневымъ въ залу и посадила его играть за рояль. Прохаживаясь взадъ и впередъ по залѣ, она переглядывалась съ нимъ, а отъ времени до времени подходила и такъ близко наклонялась къ Телепневу, что ему нельзя было не цѣловать урывками бѣлое изящное плечико, которое наклоняли къ нему. И по крайней мѣрѣ съ полчаса происходила такая музыка, а Павелъ Семеновичъ успѣлъ вздремнуть подъ нее въ гостиной, и ему снилось, какъ его рукопись напечатана Михайломъ Петровичемъ и читается по всему пространству земли русской.

Когда Ольга Ивановна нашла нужнымъ прекратить музыку, она послала за дѣтьми, перекрестила ихъ на сонъ грядущій и зная, что Павелъ Семеновичъ навѣрное прикурнулъ, отправилась въ гостиную будить его.

— Прекрасный у васъ талантъ, дорогой мой!—произнесъ онъ, являясь въ залу:—задушевности бездна...

Телепневъ усмѣхнулся и поспѣшилъ взять съ окна свою трехуголку и распроститься.

— А что жъ вы не приглашаете моей Оляши на кадрили?—вскричалъ Павелъ Семеновичъ, удерживая его.

— Одну я ему даю,—проговорила Ольга Ивановна: вторую.

Телепневъ молча поклонился.

— Да вы бы ужъ на мазурочку попросили бы,—приставалъ добрякъ.

— Мазурку я съ нимъ не хочу тапцовать, — отозвалась Ольга Ивановна.

— Это для адъютантовъ оставляется, — вскричалъ Павелъ Семеновичъ, и разразился хохотомъ.

„Чортъ знаетъ что это такое!“ невольно подумалъ Телепневъ и, молча раскланявшись, вышелъ.

ХІІ.

Домъ Щекаловыхъ блисталъ огнями. Парадная лѣстница вся уставлена была зеленью. Ливрейные лакеи въ башмакахъ и чулкахъ стояли у каждаго дверей. Вездѣ было накурено, каждая вещь бросалась въ глаза своей аляповатой роскошью. Хозяинъ дома, по обыкновенію, торчалъ у входа въ гостиную, говорилъ каждому, „enchanté!“ и подергивалъ фалдочки своего фрака. Хозяйка хлопала глазами на раззолоченномъ диванѣ, окруженная дочерями, разныхъ возрастовъ и степеней.

Телепневъ пріѣхалъ въ одинадцатомъ часу. Цвѣтъ аристократіи еще не собрался. Въ залѣ стояли кучками молодые люди, между которыми виднѣлись и студенческіе воротники. Двѣ-три дѣвицы, побойчѣе, ходили, взявшись за руки, вдоль по залѣ. Раскланиваясь хозяйкѣ, Телепневъ замѣтилъ, что она какъ-то особенно важно обошлась съ нимъ. Онъ повертѣлся, ощутивъ нѣкоторую неловкость, послѣ чего отправился въ залъ и подошелъ къ кучкѣ мужчинъ. Тамъ рѣчь шла о томъ, что въ магазинѣ Подираева получена великолѣпная паюсная икра. Отъ икры перешли къ военнымъ дѣйствіямъ, а отъ военныхъ дѣйствій къ тому, что у барынь теперь мода очень декольтироваться; одни находили, что это славная штука, а другіе, напротивъ, по этому поводу распространились о безвравственности. Почти всѣ студенты, какіе приглашены

были къ Щекаловымъ, принадлежали къ самымъ пустоголовымъ. Между ними особенно красовался краснощекій парень съ толстѣйшей цѣпочкой и глупѣйшими глазами, тотъ самый прокопистъ, на котораго Гриневъ такъ энергически крикнулъ въ описанный нами спектакль. Нахальный симбирецъ, однокурсникъ Телепнева, какъ-то тоже пролѣзъ въ барскую гостиную Щекаловыхъ. Онъ вертѣлся около одного изъ губернаторскихъ адъютантовъ и хотѣлъ манерами своими показать, что онъ салонный кавалеръ, и что ему самъ чортъ не братъ... Было еще нѣсколько юношей въ узкихъ брюкахъ и англійскихъ проборахъ. Они стояли въ сторонкѣ.

Телепневъ только было хотѣлъ пробраться въ кабинетъ хозяина, гдѣ курили, какъ на пути его выросла Александрина. Она выходила изъ уборной, раскачиваясь направо и налево, и придерживая рукой юбку. Эта дѣвица любила такъ разоблачать свои формы. На правой лопаткѣ у ней имѣлось родимое пятно порядочной величины, и Александрина никогда не декольтировалась выше этой помѣтки. Нужно было вступить съ ней въ разговоръ, и Телепневъ приступилъ къ этому процессу, скрѣпя сердце. Александрина сейчасъ же начала его спрашивать о томъ, что такое случилось въ маскарадѣ. Онъ, разумѣется, отвѣчалъ темно; но отъ нея не легко было отвертѣться. Она ему рассказала, что въ городѣ всѣ страшно вооружены противъ студентовъ, и что мадамъ Щекалова не хотѣла даже никого приглашать изъ студентовъ кромѣ Телепнева.

— А Усиковы,—болтала Александрина,—такъ тѣ сейчасъ въ уборной мнѣ клялись, что ни одна изъ нихъ не поидетъ сегодня танцовать съ студентами.

— И со мной не пойдутъ?—спросилъ Телепневъ.

— Ну съ вами-то совсѣмъ другое дѣло, вы вѣдь съ ними знакомы?

— Къ несчастію...

— Ахъ, какой вы! вы, пожалуй, и про меня такъ же говорите.

— Не случилось...

— Въ наказаніе, я васъ ангажирую на мазурку. Вы свободны?

Телепневу хотѣлось солгать; да ужь очень приставала цѣпкая дѣвица. Онъ отвѣчалъ молчаливымъ наклоненіемъ головы.

— Такъ-таки съ другими студентами и не будетъ никто танцевать?—переспросилъ онъ.

— По крайней мѣрѣ съ незнакомыми, — отвѣтила рѣшительно Александрѣна.

Танцы начались въ половинѣ одинадцатаго, не дожидаясь прїѣзда губернаторши. Этимъ обозначалась полная независимость барскаго дома Щекаловыхъ, что составляло главный иникъ трехъ баловъ, которые они имѣли привычку давать въ теченіи зимы. Съ Ольгой Ивановной Телепневъ встрѣтился въ буфетѣ, гдѣ она стояла съ хозяиномъ дома. Она ему поклонилась очень привѣтливо и попросила тутъ же налить ей стаканъ лимонаду.

— Вы намѣрены много танцевать, м-г Телепневъ?—спросила она, помахивая вѣеромъ.

— Какъ придется, — проговорилъ Телепневъ.

Онъ все еще чувствовалъ неловкость съ ней въ присутствіи какого-нибудь третьяго лица, почему и не продолжалъ разговора, а отправился опять въ залу. Тамъ прохаживались дѣвицы Усиковы, поклявшіяся не танцевать въ этотъ вечеръ съ *мочешками*-студентами. Ихъ значилось счетомъ три; всѣ до такой степени бѣлобрысыя, что не было никакой возможности распознать: гдѣ у нихъ начинались волосы на головѣ. Фигуры опѣ имѣли совершенно дѣтскія; точно будто имъ было по 12 лѣтъ, и надѣли на нихъ длинныя платья, подъ которыми скрывались дѣтскіе панталончики.

Телепневъ обратился къ средней.

— Вы будете со мной танцевать четвертую кадрили? — спросилъ онъ ее, очень серьезно.

Дѣвица переглянулась въ недоумѣніи съ сестрами. Видно было, что онѣ не рѣшили между собою, можно ли танцевать съ Телепневымъ, или на него наложить печать отверженія. А онъ стоялъ съ серьезнѣйшимъ видомъ и дожидался отвѣта.

— Хорошо-съ, — проговорила наконецъ бѣлобрысая дѣвица, и всѣ быстро отошли въ сторону.

Телепневу это показалось очень смѣшнымъ, и еслибъ Алек-

сандрина не навязалась къ нему, онъ непремѣнно сталъ бы добиваться мазурки отъ одной изъ дѣвицъ Усиковыхъ.

Проиграли ригурнель первой кадрили. Ее общала Телепневу, еще за недѣлю до бала, Варбе, старшая дочь начальницы. Но начальница не являлась, а надо было становиться въ пары. *Vis-à-vis* Телепнева на всѣхъ балахъ былъ одинъ изъ губернаторскихъ чиновниковъ, бѣлокурый бѣломъ, очень веселый, красный отъ перваго танца, но имѣвшій талантъ плясать до полной потери всякихъ физическихъ силъ. Онъ подбѣжалъ къ Телепневу и началъ его упрашивать поскорѣе занять хорошенькое мѣстечко. Телепневъ ему объяснилъ, что его дама еще не пріѣхала. Чиновникъ былъ въ отчаяніи.

— Нѣтъ вы ужъ какъ хотите, — твердилъ онъ, — а доставайте даму!

Телепневъ увидалъ одну изъ дочерей стараго предводителя, и пригласилъ ее, рассказавши очень добродушно, что его дама не пріѣхала. Та нисколько не обидѣлась этимъ не-свѣтскимъ объясненіемъ, и съ самой доброй улыбкой подала ему руку. Только что они стали напротивъ бѣлокураго бѣлома, танцовавшаго съ м-ме Кудласовой, какъ въ дверяхъ залы показалась величественная фигура *генеральши*, съ бѣлой брошкой, въ горностаевой мантильи; а за ней стройная Варбе въ голубомъ платьѣ, съ вѣнкомъ на головѣ. Телепневъ не зналъ, что ему дѣлать; его дама тотчасъ замѣтила это и сказала просто и весело:

— Пожалуйста не стѣсняйтесь, м-г Телепневъ, пойдите къ Варбе; это будетъ дурно не танцовать съ ней.

Телепневъ поблагодарилъ ее и подлетѣлъ къ Варбе.

— Я не съ вами танцую эту кадрили, — сказала Варбе, и немножко покраснѣла.

— Какъ не со мной? Да вы еще недѣлю тому назадъ общали мнѣ.

— Ахъ! простите, Борисъ Николаичъ, — заговорила Варбе, еще болѣе краснѣя. — Я совсѣмъ забыла; но, пожалуйста, нельзя ли вамъ другую. Вѣдь вамъ... все равно; какую хотите, хоть даже двѣ..

— Да, оно, конечно, ничего, — отвѣтилъ Телепневъ.

— Ну, не сердитесь,—прибавила она съ кокетливой миной; я съ вами третью... и скрылась.

Телепневъ вернулся къ своему визави и объяснилъ ему свое горе.

— Да вы опять съ прежней дамой становитесь.

— Совѣстно!

— Эхъ, mon cher! тутъ сейчасъ начать; а вы еще разбираете... Ради Бога, вы хоть меня-то не губите.

Красное лицо плясуна было такъ жалостно, что Телепневъ рѣшился отыскать даму хоть какую-нибудь... Ему все-таки нужно было подойти къ предводительской дочери.

— Ну, что жъ вы?—добродушно спросила она его.

— Да m-lle Barbe меня обманула..

— Ну, такъ со мной протанцуйте.

— Мнѣ, право, такъ совѣстно,—началъ было Телепневъ.

— Ахъ, полноте! развѣ мы дѣло какое-нибудь дѣлаемъ, я вѣдь не самолюбива! Становитесь, видите, какъ вашъ визави порывается танцовать.

Телепнева эта простота чрезвычайно тронула. Онъ еще болѣе помирился съ туземнымъ обществомъ и повторилъ самъ себѣ: „Кто же виноватъ, что пренебрегаютъ студентами!... Какія же во мнѣ особыя качества, а вотъ какъ ко мнѣ внимательны!“ На эту тему онъ говорилъ Ольгѣ Ивановнѣ, танцующей съ ней вторую кадрили, а она глядѣла на него съ своей постоянной улыбкой и повторяла все: вы не въ счетъ. Третья кадрили также усилила самолюбіе Телепнева. Barbe начала предъ нимъ извиняться такъ, что ему самому стало совѣстно. Она даже два раза во время кадрили пожала ему руку и нѣсколько разъ повторила приглашеніе бывать у нихъ, по крайней мѣрѣ, каждую недѣлю. Barbe очень хорошо помнила, что общалась Телепневу первую кадрили; но въ эту зиму она питала нѣжную страсть къ инженерному поручику Шаде и мечтала объ узахъ Гименея съ этимъ избранникомъ. Онъ ее ангажировалъ на лѣстницѣ, и Barbe, конечно, не задумалась обмануть Телепнева. Но, сверхъ ожиданія, поручикъ, хоть и пригласилъ ее, однако былъ необычайно холоденъ, и бѣдная Barbe чуть не плакала. На мазурку онъ ее не ангажировалъ, такъ что она и огорчилась и разгнѣвалась вмѣстѣ. Резуль-

татомъ всего этого было угрызеніе совѣсти и извиненія передъ Телепневымъ. Она ему предложила даже мазурку и не обидѣлась его отказомъ.—Словомъ, Телепневъ былъ подавленъ ея любезностью, и съ каждой минутой убѣждался въ томъ, что общество ни въ чемъ не виновато передъ студентами.

Но не то испытывала остальная братія; особливо два экземпляра: краснощекій прокопистъ и нахальный симбирецъ. Симбирцу рѣшительно не везло. Толкнулся было онъ къ дамамъ львиной породы, но вездѣ получилъ отвѣтъ, что уже ангажированы. Въ отчаяніи бросился онъ къ дѣвицамъ Усиковымъ, рассчитывая, что навѣрно хоть одна изъ нихъ свободна. Онъ подлетѣлъ къ нимъ козыремъ и, не разбирая, обратился къ самой маленькой.

Дѣвица Усикова переглянулась съ сестрами, и всѣ три приняли видъ суровый и неподходимый.

— Мы съ незнакомыми не танцуемъ, — отвѣтила за меньшую старшая сестра.

Симбирецъ растерялся. Такого пассажи онъ никакъ не ожидалъ.

Дѣвицы Усиковы, не удостоивая войти съ нимъ въ дальнѣйшее объясненіе, повернулись къ нему спинами и потекли въ уборную.

Симбирецъ воспыалъ гнѣвомъ и мщеніемъ; но танцовать онъ хотѣлъ во что-бы то ни стало. Онъ искалъ глазами своего визави, краснощекаго прокописта, и увидалъ его, наконецъ, въ дверяхъ гостиной съ дамой. Дама на поклонъ прокописта и, вѣроятно, ангажированіе, что-то такое отвѣтила, отъ чего краснощекаго юношу ударило въ кирпичный цвѣтъ.

А дама была никто иная, какъ Александрина. Такъ какъ въ натурѣ этой особы лежала необычайная бойкость и подвижность желаній, то и захотѣлось ей вдругъ произвести маленькій скандалъ, и сказать дерзость студенту. Прокописта она знала по фамиліи, и даже не мало прыгала съ нимъ на другихъ балахъ и вечерахъ; но когда онъ подошелъ просить ее на первую кадрили, то она ему отвѣтила, что съ студентами не танцуетъ. Прокопистъ былъ такъ глупъ, что, пре-

вратившись въ кирпичъ, не сѣумѣлъ отвѣтить Александринѣ какой-нибудь равносильной пріятности.

Симбирецъ и прокопистъ, со смертью и адомъ въ уязвленныхъ сердцахъ, встрѣтились посреди залы и помѣнялись своими горькими испытаніями. Они также поклялись, подобно дѣвицамъ Усиковымъ, побить всѣхъ студентовъ уѣхать съ балу, и на этой же недѣлѣ произвести страшный скандалъ семейству Усиковыхъ, а потомъ и всѣмъ безъ исключенія *аристократкамъ* города К. Невольно ихъ взоры устремились на Телепнева, который преспокойно танцевалъ, и все съ лучшими дамами, съ дочерью стараго предводителя, съ М-новой, съ дочерью начальницы. Собравшись кучкой челоуѣкъ въ пять, студенты рѣшили, что Телепневъ дрянъ и слѣдуетъ его побить въ эту же ночь... Но что произошло въ сердцахъ прокописта и симбирца, когда на четвертую кадрили Телепневъ сталъ рядомъ съ одной изъ дѣвицъ Усиковыхъ.

— Я ее обругаю, — вскричалъ симбирецъ и, подкрѣпившись въ буфетѣ шампанскимъ, стоявшимъ въ серебряныхъ вазахъ, величественно подошелъ къ дамѣ Телепнева.

— Вотъ вѣдь вы танцуете съ студентами, какъ же вы смѣли мнѣ отказать? — проговорилъ онъ, подпершись подъ бокъ правой рукой.

— Я танцую, съ кѣмъ я хочу, — отвѣтила дѣвица Усикова, — и кого я знаю.

Въ эту минуту музыка заиграла и она начала кадрили. Симбирецъ опять остался на бобахъ. Ярость его выразилась тѣмъ, что онъ хватилъ еще стаканъ шампанскаго.

Въ антрактѣ между третьей и четвертой кадрили Ольга Ивановна подошла къ Телепневу, который сидѣлъ въ одной изъ боковыхъ комнатъ и спросила его тихо:

— Съ кѣмъ ты танцуешь четвертую кадрили?

— Съ одной изъ дѣвицъ Усиковыхъ.

— А пятую?

— Ни съ кѣмъ.

— Проси герцогиню...

— Губернаторшу?

— Да.

— Ну вотъ еще!...

— Пожалуйста, голубчикъ, прошу тебя, ты мнѣ сдѣлаешь этимъ большое удовольствіе.

— Для эффекта?

— Ну да, для эффекта; не капризничай. Вотъ она сидитъ въ гостиной, на угловомъ диванѣ; я пойду и подсаду къ ней, а ты подойди, заговори и ангажируй!

Съ этими словами она ушла въ гостиную и, дѣйствительно, подсѣла къ герцогинѣ. А герцогиня, вся въ бѣломъ, съ какимъ-то золотымъ кольцомъ на головѣ, представляла собою такую царственную особу, что застѣнчивому юношѣ, особенно изъ студенческой братіи, никогда бы не посмѣлъ приблизиться къ ней. Начальница губерніи говорила что-то повелительное тому изъ адъютантовъ, который по понедѣльникамъ и пятницамъ бывалъ глупѣе, чѣмъ въ остальные дни.

Ольгѣ Ивановнѣ она дружески подала руку и усадила рядомъ съ собой. Телепневъ, проходя мимо дивана, на которомъ помѣщались онѣ, отвѣсилъ довольно почтительный поклонъ герцогинѣ. Она пріятно улыбнулась и открыла ротъ. Телепневъ остановился въ позѣ благовоспитаннаго мальчика.

— Я васъ давно не видала, м-г Телепневъ; отчего вы забыли наши четверги? произнесла она съ царственной внимательностью, на чистѣйшемъ французскомъ діалектѣ.

Телепневъ отвѣчалъ скромно и почтительно, что онъ не преминетъ воспользоваться ея любезнымъ приглашеніемъ. Въ эту минуту Ольга Ивановна быстро взглянула на него. Онъ сдѣлалъ надъ собой маленькое усиліе и ангажировалъ герцогиню на пятую кадрили. Герцогиня не удивилась, а переглянувшись съ Ольгой Ивановной, изъяснила свое согласіе.

Впечатлѣніе, произведенное на оскорбленную студенческую братію видомъ Телепнева, танцующаго съ дѣвицей Усовой, и потомъ съ самой начальницей губерніи, было поразительное. Нахальный симбирецъ поблѣднѣлъ отъ злости и убѣдилъ таки остальныхъ не дожидаться мазурки, а всѣмъ огуломъ уѣхать, и тѣмъ произвести неописанный эффектъ Телепнева рѣшено было побить, а дѣвицамъ Усовымъ сдѣлать примѣрный скандалъ, подробности котораго обдумать на этой же недѣли. Никто однако не замѣтилъ исчезновенія сту-

дентовъ, хотя они нарочно, минутъ съ пять, стояли кучкой на лѣстницѣ, и очень громко говорили.

Мазурка съ Александриной завершила балныя удовольствія Телепнева. Александрина, въ этотъ разъ, дѣлала ему такіе авансы и подъ шумъ музыки и хлопающихъ каблучковъ вдавалась въ такія подробности касательно непріятностей своей дѣвичьей жизни, что Телепневъ, посматривая на нее съ любопытствомъ, рѣшительно не зналъ, какъ поддерживать подобный разговоръ. Между прочимъ, она прямо объявила, что напрасно онъ не обращаетъ на нее вниманія, что она вовсе не изъ тѣхъ недоступныхъ невинностей, которыя умѣютъ только вздыхать и краснѣть при словѣ *любовь*. Эта тирада сопровождалась весьма выразительнымъ взглядомъ. Она закончила тѣмъ, что еслибъ Ольга Ивановна не была такая душка, то она, конечно, не простила бы ей... чего,—догадаться было не трудно.

Телепневъ хотѣлъ въ тотъ же вечеръ рассказать весь этотъ разговоръ Ольгѣ Ивановнѣ, но имъ не удалось какъ-то встрѣтиться. Только на подъѣздѣ раскланялись они, и она ему шепнула: „до завтра.“

XIII.

Это „завтра“ ввело Телепнева въ новую фазу испытаній. Какъ только они остались съ Ольгой Ивановной одни въ угловой, онъ разумѣется, завелъ рѣчь о вчерашнихъ изліяніяхъ Александрины. Тутъ же онъ не утаилъ того, что его очень удивляютъ отношенія Александрины къ Ольгѣ Ивановнѣ.

— Ахъ, Борисъ!—сказала она ему игриво,—какой ты глупенькій! Съ волками жить по-волчьи выть. Александрина—это первая болтуня въ городѣ. Но за ней самой водятся грѣшки.—И тутъ Ольга Ивановна шепнула нѣсколько словъ

на ухо Телепнева.—Такъ ты понимаешь, мой другъ, что ее не надо раздражать... Тогда она сама ничего не увидитъ, и будетъ вести себя такъ, какъ намъ нужно.

Телепнева покорило отъ этого объясненія. Оно дало ему вдругъ почувствовать какого кодекса нравственности придерживалась Ольга Ивановна.

— Что жъ ты на меня такъ смотришь?—спросила она его; твоя невинная душа возмущается этимъ? Ахъ ты, мой дурачокъ!

И за симъ послѣдовали ласки, которыя Ольга Ивановна умѣла такъ разнообразить. Она рѣшительно не давала ему времени одуматься. Когда Телепневъ былъ около нея, она привлекала его своей красотой, своей страстностью, своимъ юморомъ. Когда онъ оставался одинъ, раздумье и даже угрызенія совѣсти начинали обыкновенно мучить его, но до перваго свиданія съ нею... Только съ каждымъ днемъ онъ все меньше и меньше уважалъ себя...

Этотъ вечеръ прошелъ въ разсказахъ Ольги Ивановны. Она познакомила его со всей скандальной хроникой города К. Съ необыкновеннымъ искусствомъ передавала она ему разныя приключенія аристократическихъ барынь на поприщѣ служенія богу любви. Весь городъ былъ опутанъ свѣтями, и всѣ должны были по неволѣ отличаться большой терпимостью другъ къ другу. Про какую барыню не спрашивалъ Телепневъ у Ольги Ивановны, у каждой имѣлась исторія въ прошедшемъ и въ настоящемъ... Та-то съ такимъ-то, а такой-то съ той-то.. и не было конца сему..

— Да вѣдь это ужасно!—вырвалось наконецъ у Телепнева, послѣ того, какъ онъ прослушалъ штукъ пятнадцать разныхъ исторій.

— Что жъ тутъ ужаснаго?—наивно спросила его Ольга Ивановна.

— Да какіе же это нравы!...

— Нравы очень простые,—отвѣтила невозмутимая Ольга Ивановна.—Иначе и быть не можетъ... Мы всѣ, сколько насъ ни есть, какъ мы шли замужъ? Дѣвчонками, у которыхъ было одно желаніе—надѣть поскорѣе чепчикъ... А мужья, ни одинъ не умѣетъ хорошенько повести жену; лѣ-

нивы, смѣшны, стары, скучны, или еще похуже: картежники, пьяницы, дураки... Извини, мой другъ, что я такъ откровенно выражаюсь, но я правду говорю... Кто же виновать?... Самъ разсуди; а любить хочется, безъ любви эта пошлая губернская жизнь совсѣмъ бы уморила насъ всѣхъ... Ну, что жъ ты, развѣ возмущенъ, что я, напримѣръ, тебя полюбила, а?

Что можно было Телепневу отвѣчать на подобный вопросъ? Оставалось только поцѣловать губки, которыя ему подставляли.

— Павелъ Семеновичъ,—продолжала спокойно Ольга Ивановна,—очень хорошій человѣкъ; но вѣдь, еслибъ ты былъ женщина, Борисъ, ты бы не выжилъ съ нимъ двухъ дней; а я, какъ видишь, живу съ нимъ одиннадцатый годъ и, право, онъ счастливъ!...

Телепневъ слушалъ и все болѣе и болѣе понимать значеніе французскаго слова „faire l'amour“, которое онъ когда-то впервые вычиталъ въ романѣ Поль-де-Кока. Онъ чувствовалъ себя на рубежѣ двухъ противоположныхъ настроеній: почти ужаса отъ той *дѣйствительности*, которая развѣртывалась передъ нимъ, и снисхожденія къ Ольгѣ Ивановнѣ, а вмѣстѣ съ нею и ко всѣмъ барынямъ, живущимъ также, какъ и она. Ея откровенность, ея установившійся взглядъ на все, что она сама дѣлала, и что вокругъ нее дѣлалось, сбивали его съ толку. Сердце его говорило ему, что разсужденія Ольги Ивановны—все ложь и безобразіе; но самолюбивая молодость брала свое: ему пріятно было обладать этою женщиной. Умъ тоже работалъ и склоненъ былъ разсуждать терпимо и задавать себѣ вопросы, предложенные Ольгой Ивановной, т. е., виновата-ли она, да могло ли быть иначе, да и что тутъ возмутительнаго, если она любитъ *меня*?

XIV

Нахальный симбирецъ, съ неустанной энергіей пропагандировалъ мщеніе противъ аристократокъ по всѣмъ аудиторіямъ; а въ своемъ курсѣ возбуждалъ негодованіе противъ Телепнева. Сибиряки, какъ народъ первобытный, первые приняли его рѣчи за чистую истину, и воспылали благороднымъ негодованіемъ на своего *аристократа*-однокурсника.

Когда Телепневъ пришелъ на лекцію государственныхъ законовъ, то его почти всѣ встрѣтили съ нахмуренными лицами. Даже длинношей саратовецъ нехотя подаль ему руку. Онъ сейчасъ понялъ въ чемъ дѣло, и очень ему захотѣлось оборвать нахальнаго симбирца! Онъ подошелъ къ сибирякамъ и объ чемъ-то спросилъ одного изъ нихъ. Тотъ отъ него отвернулся.

— Послушайте, господа,—заговорилъ онъ,—я вижу, что вы что-то противъ меня имѣете... Въ такомъ случаѣ, скажите: что именно?... Если я не нравлюсь Суковкину, то въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды!....

Всѣ молчали.

— Суковкинъ!—вскричалъ Телепневъ, подходя къ симбирцу,—хотите вы, чтобы я разсказалъ вотъ всѣмъ нашимъ товарищамъ про ваше прекрасное поведеніе въ маскарадѣ?

— Нѣтъ, вы лучше, баринъ, вотъ что разскажите,—отвѣтилъ ему Суковкинъ,—какъ вы у губернаторши въ лакейской должности состоите?... Что вчера со студентами у Щекаловыхъ сдѣлали? а? Съ нами танцовать не шли, какъ со сволочью обращались; а вы хоть бы ухомъ повели, вамъ и горя мало, что товарищей вашихъ шельмуютъ!.. Онъ господа, за то съ губернаторшей танцовалъ, и съ М—винихой!....

Вся краска бросилась въ лицо Телепнева. Еслибъ въ эту минуту не вошелъ профессоръ, онъ бы бросился на симбирца, при всей сдержанности своей натуры. Нахальный тонъ

Суковкина возмутилъ его еще болѣе потому, что ничего ему нельзя было возражать, и большая доля правды заключалась въ словахъ симбирца. Онъ дѣйствительно, не принявъ къ сердцу обиды нанесенной студентамъ, и внутренне отдѣлилъ себя отъ всей ихъ массы. Всю лекцію просидѣлъ онъ подавленный и выходя изъ аудиторіи совсѣмъ осовѣлъ. Раздраженіе противъ симбирца замѣнилось сильнѣйшимъ раздраженіемъ противъ самого себя.

Дсмой Телепневъ пріѣхалъ очень мрачный. Онъ не зналъ, какъ ему поладить съ товарищами. Каковы бы они ни были, непріязненные отношенія къ нимъ поставятъ его въ самое тяжелое положеніе, и невольно пришла ему ѣдкая мысль, что все это было въ связи съ тѣмъ, что внесла въ его теперешнюю жизнь Ольга Ивановна.

Послѣ обѣда ему опять захотѣлось пойти къ Абласову. Въ это время въ квартирѣ братьевъ Сорванцовыхъ собралась довольно пьяная компанія, которая еще наканунѣ порѣшила проучить аристократишку за всѣ его мерзостные поступки. Изъ окна первой комнаты квартиры Сорванцовыхъ видно было кто подымался по лѣстницѣ на гаддарейку.

— Господа! — крикнула Офелія, — барченокъ-то катить къ намъ на гаддарейку, произведемте ему лупку.

— Ублажимъ,—брякнулъ Бомбовъ, находившійся въ компаніи.

Только что Телепневъ ступилъ на площадку, какъ изъ дверей вылетѣла вся братія, состоявшая изъ семи человекъ. Напасть прямо на Телепнева они посовѣстились, надо было сначала задрать. Первый опять подступилъ Двужилинъ.

— Зачѣмъ вы сюда похаживаете, милордъ?—началъ онъ;— вы бы себѣ выбрали другія дорожки, гдѣ бы не такъ воняло, какъ здѣсь.

На это Телепневъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ идти; но Двужилинъ остановилъ его за руку; а остальная компанія пододвинулась.

— Ты отвѣчай, когда съ тобой говорить!—крикнулъ ему Бомбовъ.

И вслѣдъ за симъ раздались бранныя существительныя и прилагательныя. Телепневъ не испугался этого нападенія,

но ему сдѣлалось такъ жутко, что онъ готовъ былъ просить прощенья у этихъ полупьяныхъ юношей, или плачемъ отвѣчать на ихъ брань и дерзость.

Не знаю чѣмъ бы разыгралась эта сцена, еслибъ дверь изъ квартиры саратовцевъ не отворилась и не вышли оттуда Буеракинъ, сожитель его Дубровинъ, а за ними Михаль Мемноновъ. Ихъ появленіе задержало воинственные порывы Двужилина съ братіей: а Михаль Мемноновъ, вообще не церемонившійся съ студентами, взглянулъ на нихъ хмурымъ окомъ и проговорилъ:

— Что вы, господа, дебоши-то дѣлаете! не то что чужихъ, а и товарищей задѣваете!—И потомъ, обращаясь къ Телепневу, прибавилъ: Пожалуйте, сударь, извольте идти своей дорогой.

Буеракинъ отправился вслѣдъ за Телепневымъ и сталъ его спрашивать о томъ, что случилось. Телепневу эти вопросы были чистой мукой. Онъ могъ только отвѣтить: „Я вамъ послѣ разскажу,“ и почти бѣгомъ бросился по галдарейкѣ въ квартиру Абласова. Тамъ онъ упалъ на диванъ и истерически зарыдалъ. Абласовъ тихо подсѣлъ къ нему и далъ ему время выплакаться.

— Нѣтъ, я не могу больше терпѣть! — вскричалъ наконецъ Телепневъ, вставая съ дивана. — Уѣдемъ отсюда, ради создателя уѣдемъ!

— Куда жь?—спросилъ тихо Абласовъ.

— Куда-нибудь, домой къ намъ, или въ Москву, въ Петербургъ, перейдемъ въ другой университетъ! Я здѣсь, въ эти два мѣсяца сталъ такъ гадокъ, такъ вооружилъ противъ себя, мнѣ проходу нѣтъ, меня оскорбляютъ, я пошлѣю здѣсь съ каждой минутой! Ты скажешь, не обращай на это вниманія: развѣ это можно, когда на меня нападаютъ, когда сейчасъ меня могли избить. И кабы внутренно я былъ вполнѣ правъ, я бы все это перенесъ, а то нѣтъ, Абласовъ, какъ эти люди ни грубы, ни пьяны, они чувствуютъ, что во мнѣ есть что-то такое фальшивое, претензія есть, самолюбіе, барство! А при такомъ ожесточеніи противъ меня, какъ мнѣ съ ними сблизиться? Прощенья просить, заискивать, кутить

съ ними; они скажутъ, что я струсилъ и тогда мое положеніе будетъ еще ужаснѣе...

И долго изливался онъ на эту тему. Абласовъ ничего ему не возражалъ и не успокоивалъ. Онъ видѣлъ, что Телепневъ слишкомъ взволнованъ, и говорить съ нимъ хладнокровно не было возможности. Наконецъ, когда онъ немножко поутихъ, Абласовъ сказалъ ему:

— Повѣрь мнѣ, Боря, еще два мѣсяца, и ты стряхнешь съ себя все, что теперь тебя давитъ. И всѣ эти дразги пройдутъ и ты будешь очень хорошо знать, какъ поступать тебѣ, какъ честному человѣку. Если въ тебѣ дѣйствительно нѣтъ ни гордости, ни чванства, такъ очень скоро присмирѣетъ вся эта пьяная братія.

Телепневъ просидѣлъ у Абласова до двѣнадцати часовъ, и такъ былъ нравственно возбужденъ, что съ нимъ сдѣлался даже лихорадочный припадокъ. Абласовъ свелъ его самъ съ галдарейки, уложилъ въ кровать и напоилъ горячимъ

XV

Если компаніи нахальнаго симбирца и Двужилина не удалось побить Телепнева, то экспедиція противъ аристократовъ выполнена была гораздо удачнѣе.

На другой день послѣ нападенія въ чекчуринской казармѣ на Телепнева, часу въ десятомъ, четырехмѣстный возокъ, визжа полозьями по крѣпкому морозному снѣгу, поднимался на Преображенскую по клинической горѣ. Ночь стояла очень свѣтлая. Можно было разглядѣть, и лошадей, и кучера съ большой бородой въ четырехъ-угольной, довольно уродливой шапкѣ, и лакея на запяткахъ въ темной ливреѣ съ двумя каппончиками. Возокъ повернулъ направо по Преображенской и потащился на мелкихъ хозяйскихъ рысяхъ. Въ возкѣ сидѣли двѣицы Усиковы съ своей маменькой, золотушно-

нервной барыней, отправлявшейся на вечера со своими дочерьми регулярно каждый день, тая въ душѣ своей убѣжденіе, что такимъ путемъ выйдетъ хотя одна изъ нихъ за кого нибудь Дѣвицы молчали и, на ухабахъ, толкали другъ друга колѣнами. Дома, они только что въ сласть наговорились о томъ, какъ досталось отъ нихъ мовешкамъ-студентамъ и дали себѣ новую клятву не ходить танцовать даже съ знакомыми студентами, причѣмъ старшая сестра выпросила исключеніе для Телепнева, съ которымъ танцуетъ сама губернаторша.

Ныряя по ухабамъ, возокъ приближался къ казенному дому кирпичнаго цвѣта. А за этимъ домомъ, въ тѣни, шедшей отъ него по переулку темнѣлась и шевелилась кучка студентовъ. Какъ только возокъ показался на Преображенской, караульный, который былъ никто иной, какъ Гамлетъ-Сорванцовъ, побѣждалъ извѣстить товарищей. Планъ былъ уже составленъ философомъ Двужилинымъ, а главой дѣйствія избрали нахальнаго симбирца, по праву оскорбленной жертвы. По знаку Суковкина, вся компанія, состоявшая изъ двѣнадцати человѣкъ, выскочила на улицу и стала посреди ея, такъ что возокъ долженъ былъ наѣхать на нее. Кучеръ крикнулъ было, но четверо студентовъ, а именно братья Сорванцовы, Рыбакъ и Коридорскій схватили лошадей подъ уздцы. Двужилинъ съ однимъ изъ сибиряковъ, однокурсникомъ Телепнева, стащили лакея и сейчасъ же завязали ему ротъ. Бомбовъ съ другимъ вологодцемъ подвергнули кучера такой же операци. Для производства скандала съ аристократками остались четверо: глава возстанія Суковкинъ, краснощекій камералистъ, фешенебельный юристъ изъ оскорбленныхъ на балѣ Щекаловыхъ и пріятель нашъ Гриневъ, совершенно почти пьяный и готовый участвовать въ каждой исторіи, какого бы рода она ни была.

Когда кучеръ и лакей лишены были голоса и свободного движенія, Суковкинъ и Гриневъ открыли дверцы возка съ обѣихъ сторонъ. Дамы сперва въ одинъ голосъ закричали; но увидѣвши студенческіе фуражки и свѣтлыя пуговицы со всѣмъ присмирѣли.

— Прелестныя незнакомки! — вскричалъ Суковкинъ: — не

угодно ли вамъ будетъ выйти изъ возка; мы устроимъ маленькій балетъ.

— При лунномъ, такъ сказать, освѣщеніи! — подхватилъ Гриневъ.

Отвѣта не послѣдовало. Дѣвицы Усиковы и ихъ маменька, дрожа, прижались каждая въ своемъ углу.

— Если вы не выйдете, — началъ Гриневъ, — то мы васъ силой вытащимъ.

Нечего было дѣлать, изъ каждаго дверецъ возка высадили по двѣ дамы. Симбирецъ подошелъ къ той, которая ему отказала на балѣ.

— Вы не танцуете съ студентами, — заговорилъ онъ, ухмыляясь, — на паркетѣ вы ихъ не удостоиваете этой чести, такъ вотъ на снѣгу не угодно ли пройти со мной полечку.

И не дожидаясь отвѣта, онъ подхватилъ бѣлобрысую дѣвицу, которая вся дрожала отъ страха, и при двадцати-градусномъ морозѣ пустился съ ней прыгать вокругъ возка. Краснощекій камералистъ и юристъ подхватили двухъ остальныхъ и отправились вслѣдъ за симбирцемъ. Гриневъ хотѣлъ было обнять маменьку, но она рванулась отъ него и вскочила опять въ возокъ.

Послѣ двухъ туровъ дамъ усадили, развязали ротъ лакею и кучеру, и пустили лошадей.

XIV

Исторія съ семействомъ Усиковыхъ прогремѣла по городу. Негодованіе благороднаго общества противъ студентовъ было страшное. Папенька дѣвицъ Усиковыхъ, занимавшій мѣсто предсѣдателя какой-то палаты, поѣхалъ жаловаться къ попечителю, и въ тотъ же день Ѳедоръ Ивановичъ началъ слѣдствіе. Найти виновныхъ впрочемъ было весьма не трудно.

Дѣвицы Усиковы очень хорошо разглядѣли своихъ кавалеровъ, и хотя не могли назвать ихъ по фамиліямъ, но доложили папенькѣ, что всѣ эти студенты были на балѣ у Щекаловыхъ.

Федоръ Ивановичъ, собравши свѣдѣнія, потребовалъ къ себѣ всѣхъ студентовъ, бывшихъ на балѣ у Щекаловыхъ, а въ томъ числѣ и Телепнева, который не выходилъ изъ квартиры съ того самаго дня, когда онъ изливался Абласову. Явился къ нему Дѣмка и таинственно пригласилъ къ инспектору. Телепневъ, ничего не зная о происшествіи съ дѣвицами Усиковыми и не зная также за собой никакой вины, довольно спокойно отправился къ инспектору. Очень непріятно ему было увидать въ пріемной инспектора нахальную рожу симбирца и остальной братіи, т. е. краснощекаго прокописта, фешенебельнаго юриста и Гринева.

Гринева могъ бы и не попасться, но дѣвицы Усиковы помогли своей маменькѣ припомнить его угрюмую и косматую фیزیомію. Когда эта фیزیомія была подробно описана Федору Ивановичу, онъ тотчасъ же догадался, что это Гринева, весьма извѣстный ему по разнымъ скандальнымъ исторіямъ.

Молча стояли студенты въ пріемной Федора Ивановича. Онъ не заставилъ себя долго ждать. Козыремъ вылетѣлъ онъ изъ кабинета и, не отвѣчая на поклонъ студентовъ, прямо началъ съ того, что они обвиняются въ совершеніи буйственнаго поступка надъ одной благородной фамиліей. Телепневъ рѣшительно не понялъ сразу въ чемъ дѣло и хотѣлъ было возразить, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго прикосновенія къ этой исторіи, но Федоръ Ивановичъ не далъ сказать ему слова. Онъ торжественно объявилъ, чтобы всѣ они немедленно отправились въ карцеръ. Дежурный помощникъ инспектора, въ сопровожденіи карцернаго солдата Дагобера, отвелъ всѣхъ пятерыхъ въ студенческую темницу, помѣщавшуюся подъ крышей надъ занимательными. Тамъ ихъ размѣстили въ трехъ комнатахъ. Двѣ составляли собственно карцеръ, а третья назначалась для тѣхъ, кого сажали подъ арестъ за небольшія проступки. Туда попалъ Телепневъ съ Гриневымъ. Помощникъ инспектора ввелъ ихъ и лаконически прогово-

рилъ: „Вотъ ваша комната“ Комната была похожа на занимательную казенныхъ студентовъ, съ окнами на самомъ полу и съ огромной печкой. Вся мебель состояла изъ грязнаго стола и обломаннаго, деревяннаго стула, на которомъ помѣщался оббитый глиняный кувшинъ и сухая корка хлѣба на черепкѣ тарелки. Въ углу лежалъ тюфякъ, покрытый грязнѣйшимъ байковымъ одѣяломъ.

Арестованіе Телепнева произошло такъ скоро, что онъ, придя въ карцеръ, не могъ все сообразить, что это съ нимъ такое дѣлается, и зачѣмъ его запрутъ въ этой пустой и крайне неопредѣлительной клѣткѣ. Онъ стоялъ посреди комнаты въ шубѣ и трехъуголкѣ, какъ вышелъ отъ инспектора и рѣшительно не зная, куда сложить свои доспѣхи. Гриневъ, какъ человѣкъ бывалый, ни мало не стѣсняясь, сбросилъ свою шинеленку на кровать. Помощникъ инспектора хотѣлъ было удалиться, но Гриневъ схватилъ его за руку.

— Нѣтъ, погодите, батенька!—вскричалъ онъ.—Какъ же съ этимъ быть. Вѣдь мы здѣсь навѣрняка не одну ночь переночуемъ, а тюфякъ-то всего одинъ! Такъ ужъ вы доложите по начальству, что на голомъ-то полу держать нашего брата не полагается.

Помощникъ опять лаконически отвѣтилъ: „Хорошо-съ“, и скрылся вслѣдъ за Дагоберомъ, которой, звеня ключами, тяжело ступалъ по извилистой лѣстницѣ ведущей изъ карцера.

Телепневъ все еще стоялъ посреди комнаты въ нерѣшительной позѣ, не снимая ни шубы, ни шляпы. А Гриневъ, устраиваясь по хозяйству посматривалъ на него искоса, и думалъ про себя: „Какъ этотъ баринъ залетѣлъ сюда вмѣстѣ съ нами?“ Самъ по себѣ, онъ не имѣлъ никакого озлобленія противъ Телепнева, а просто для компаніи согласенъ былъ произвести съ нимъ скандалъ. Теперь же, видя его вмѣстѣ съ собой въ карцерѣ, онъ, какъ добрый малый, ощутилъ даже нѣкоторую жалость, къ которой присоединился сейчасъ расчетъ: „Что вѣрно, дескать, у этого барченка деньжата водятся, и можно будетъ порядочно устроить свое карцерное житіе.“

— Что же вы шинель-то не скидаете?—сказалъ онъ под-

ходя къ Телепневу.—Насъ вѣдь здѣсь, поди, не одну ночь продержать.

Телепневъ оглянулъ комнату и затруднился, куда сложить свою шубу.

— А вы, батенька, посмотрите тамъ въ первой-то коморкѣ, кажется, есть гвозди; у меня вѣдь здѣсь мѣсто-то насиженное.

Телепневъ пошелъ отыскивать гвоздикъ, отыскалъ и повѣсилъ свою шубу.

— А мы съ вами красивы!—началъ Гриневъ:—какъ есть драбанты! Мундирчикъ-то свой собственный?—прибавилъ онъ, трогая Телепнева за фалды.

— Свой.

— А у меня такъ вольнонаемный; да оно и лучше: на вольномъ воздухѣ, какъ разъ спустишь; а здѣсь нельзя, потому по начальству потребуютъ.

— А какъ мы тутъ размѣстимся?—спросилъ Телепневъ.

— Да вотъ погодите, сейчасъ тотъ старый домовый придетъ.

— Какой?

— Дагоберъ, въ коемъ вся суть заключается. Коли у васъ есть презрѣнный металлъ, дайте вы этому воину нѣсколько серебрянниковъ и спосылаемъ мы его въ Чекчуринскія казармы съ цидулкой. Оттуда пришлютъ намъ жратвы и питья. А мундирчикъ-то скиньте.

Минуть черезъ пять послышались тяжелые шаги на лѣстницѣ и звяканіе ключей.

— Вонъ ужъ валить!—вскричалъ Гриневъ,—чуешь разживу-то, старый песъ. Ну раскошеливайтесь, баринъ, у меня на счетъ серебрянниковъ-то жалостно.

Вошелъ Дагоберъ и, ухмыльнувшись сквозь свои общипанные усы, спросилъ:

— Не протопить ли, господа?

— Пропустить, дяденька, нужно,—подхватилъ Гриневъ, и приблизившись къ Дагоберу, весьма нѣжно обнялъ его. — Ты вѣдь меня знаешь,—сказалъ онъ,—я тебя знаю, почтенный старецъ.

— Какъ не знать, — отвѣтилъ Дагоберъ, и потряхнулъ головой.

— Не мало мы съ тобой претерпѣли въ сей юдоли скорби и печали.

— Да вамъ чего?

— А ты дай выплакаться.

— А вы инъ говорите скорѣй, — отрѣзалъ Дагоберъ.

— Нельзя ли вотъ тюфякъ бы, — началъ Телепневъ.

— Сперва объ дѣлѣ, батенька, — перебилъ его Гриневъ. Вотъ слушай, старецъ, — обратился онъ опять къ Дагоберу: — у этого барина есть сребренники. Ты отъ него получишь благодостыню и побѣжишь ты въ Чекчуринскія казармы. Вы синьоръ, — обратился онъ къ Телепневу, — желаете изобразить что нибудь письменно.

— Желаю, — отвѣтилъ Телепневъ.

— Ну, такъ ты, старый хрычъ, принеси скорѣй бумаги, да не оберточной, а писчей.

— Дагоберъ удалился, опять зазвенѣвъ ключами; а Гриневъ, безъ всякой церемоніи, сталъ спрашивать у Телепева: есть ли у него лишнія деньги, и если есть, такъ чтобы онъ на его долю удѣлилъ рубликовъ пять, такъ какъ, по всей вѣроятности, скоро ихъ не выпустятъ. Телепева эта безцеремонность сразу вывела изъ стѣсненнаго положенія. Онъ очень хорошо почувствовалъ, что Гриневъ вовсе не принадлежитъ къ числу его враговъ, и что сожителство съ нимъ въ карцерѣ не будетъ для него источникомъ новыхъ нравственныхъ непріятностей.

Когда Дагоберъ явился во второй разъ съ бумагою и карандашемъ, написаны были двѣ записки: одна отъ Телепева къ Абласову, а другая отъ Гринева къ Буеракину и служителю Михалу Мемнонову. Послѣ того Гриневъ далъ Дагоберу подробную инструкцію, что къ какому времени принести, и Дагоберъ, которому посулили полтинникъ, клялся и божился, что ѣда, хлѣбные и виноградные напитки, книги, папиросы и постель будутъ немедленно доставлены.

Оставшись опять наединѣ съ Гриневымъ, Телепневъ, хотя и освободился отъ стѣсненія, но не зналъ, какъ заговорить съ своимъ карцернымъ товарищемъ.

Гринева помогъ ему. Онъ безъ всякихъ обиняковъ спросилъ Телепнева:

— Разскажите-ка, батенька, какъ вы сюда попали?

— Право не знаю, въ этой исторіи я не участвовалъ...

Гринева кивнулъ головой, въ знакъ согласія, и потомъ вдругъ, какъ бы спохватился. Это движеніе не ускользнуло отъ Телепнева. Онъ покраснѣлъ и даже отвернулся къ окну. Ясно было, что даже Гринева, при всемъ своемъ добродушіи, подозрѣвалъ его и боялся проболтаться объ исторіи, за которую попался.

— Послушайте, Гринева,—заговорилъ Телепневъ, быстро подходя къ нему,—если вы боитесь меня, то лучше будемъ молчать, или я попрошу, чтобъ меня перевели въ другое мѣсто.

— А что?—спросилъ наивно Гринева.

— Пожалуста не хитрите со мной; вы, не знаю почему, подозрѣваете меня, думаете, что я шпионъ. . . Вы боитесь, чтобъ я не передалъ того, что вы мнѣ разскажете, инспектору. Но, Боже мой, чѣмъ же я заслужилъ это?... Ну, скажите мнѣ по совѣсти, отчего вы меня боитесь, отчего я васъ и вашихъ товарищей такъ раздражилъ, что они чуть не побили меня?

Гринева слушалъ и встряхивалъ своими косматыми волосами. Онъ уже съ первыхъ словъ Телепнева помирился съ нимъ, и какъ только тотъ остановился, махнулъ какъ-то въ сторону рукой и, повернувшись на кублукахъ, взглянулъ съ улыбкою прямо въ лицо Телепневу.

— Вы, баринъ, не обижайтесь, — началъ онъ, — мнѣ на васъ злоствовать нечего. Вы хорошій мальчуганъ; а наша компанія на васъ взѣлась за то, что больно вы ужъ по аристократамъ стали таскаться!... Ну и я, подъ пьяную руку, на васъ вознегодовалъ!

Послѣднюю фразу Гринева произнесъ съ такой уморительной гримасой, что Телепневъ невольно расхохотался. Черезъ пять минутъ Гринева уже болталъ ему про исторію съ Усиковыми, и въ лицахъ представлялъ, какъ онъ предложилъ ихъ маменькѣ пройти съ нимъ по снѣжку „менуэть или контрадансъ“.

— Меня аристократки не знаютъ, да вотъ рожа-то моя скверная все дѣло изгадила. Должно полагать, по описанію Ѳеодоръ Ивановичъ захватилъ меня, раба Вожія... Ну, а васъ, батенька, взяли по ошибкѣ....

— Разумѣется, по ошибкѣ...—повторилъ Телепневъ.

— Вы на балѣ тамъ были, вотъ и васъ цапъ-царапъ....

— Очную ставку будетъ дѣлать?—спросилъ нерѣшительно Телепневъ.

— Будутъ; да мы всѣ, извѣстно, отопремся...

— Ваши товарищи, пожалуй, станутъ бояться меня.

— Ну, нѣтъ, я ихъ сегодня же извѣщу

— Какъ?

— Дагобера за бока... полтинникъ въ зубы, и ночью пустить къ нимъ. Я вѣдь, батенька, здѣсь всѣ закоулки выщупалъ.... На счетъ этого не извольте сумлѣваться.... Ваше дѣло сторона: зачѣмъ вамъ погибать, коли вы ни въ чемъ не виноваты.... Вы себѣ твердите: знанъ не знаю, вѣдать не вѣдаю. Я вотъ—другое дѣло; я не отверчусь, потому больно ужъ я солоно пришелся свиному-то рылу!

— Что-жъ съ вами будетъ?—спросилъ съ участіемъ Телепневъ.

— Исключать, какъ пить дадутъ!... Да мнѣ наплевать!... Мнѣ ужъ здѣсь больно надоѣло!... Закачусь къ сестрѣ въ Саратовъ; а тамъ-махну въ военную! Буду проливать кровь за отечество въ Чугуевскомъ уланскомъ полку! Пальмерстона разражу! Съ французомъ потягаемся....

И онъ заоралъ:

„Вотъ, въ военственномъ азартѣ,
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ!“

Телепневъ совершенно успокоился. Ему не надо было больше увѣрять Гринева въ своей непорочности передъ студентами. Онъ очень хорошо видѣлъ, что Гриневъ нисколько не думаетъ злобствовать противъ него; что всѣ его желанія и мысли въ эту минуту сопровождаютъ Дагобера и возвращаются около закуски и выпивки.

Вы, батенька, не скучайте,—сказалъ ему Гриневъ, хлопая

его по плечу:—это дѣло плевое!.. Въ карцерѣ житье малина; спать будемъ съ вами въ запуски. Вотъ только на счетъ женскаго пола—не рука; да и то, коли Дагоберу отсчитать зелененькую!...

И растегнувши свой мундиръ, Гриневъ пустился по карцеру чуть не въ присядку, припѣвая:

„Ахъ ты, Оenea, моя Оenea,
Оenea ягода моя!“

Дагоберъ доставилъ все, что обѣщалъ. Явился обѣдъ и выпивка для Гринева, явилась другая постель, книги и папиросы. Гриневъ воздалъ должную честь Бахусу: одинъ опорожнилъ графинчикъ, принесенный Дагоберомъ. Результатомъ этого было размягченіе его сердца; онъ началъ цѣловать Телепнева, объясняться ему въ любви, называть его славной мордашкой, прыгать и скакать по карцеру. Телепневъ хотѣлъ было почитать, но съ Гриневымъ это не могло удасться. Съ четвертаго часа, начало смеркаться, а Дагоберъ ни за какія деньги, не соглашался принести свѣчей.

Когда въ комнатѣ стало совсѣмъ темно и Гриневъ, напѣвшись, захрапѣлъ въ своемъ углу, Телепневу сдѣлалось жутко, и не оттого, что онъ сидѣлъ въ карцерѣ и боялся исключенія, а оттого, что ужасно пошла казалась ему вся его жизнь, съ той минуты, какъ онъ потерялъ Софью Николаевну. Сколько разъ онъ думалъ и передумывалъ на эту тему, и не находилъ въ себѣ на столько энергіи, чтобы начать другую жизнь, къ чему нибудь сильнѣе привязаться: къ занятіямъ, или къ кружку пріятелей, или къ женщинѣ; но не такой какъ Ольга Ивановна, подсказывала ему его мысль. Вспомнилось ему, что онъ не былъ пустой мальчикъ, онъ думалъ и читалъ, у него были интересы, онъ даже по своему боролся... Его ученическая жизнь была въ миллионъ разъ полнѣе, занимательнѣе, серьезнѣе, чѣмъ студентская. „Что такое я?“ спрашивалъ себя Телепневъ. „Пустѣйшій студентъ, прихвостень барынь, шаркунъ, ничѣмъ не отличающійся отъ губернаторскихъ адъютантовъ! И ужели-же нѣтъ во мнѣ ни капли охоты чѣмъ нибудь заняться? или я способенъ только хныкать да плакать, да искать утѣшенія возлѣ юбокъ?“

Мысль за мыслью дошелъ онъ до вопроса: было-ли во всей его прежней жизни что-нибудь, чему онъ отдавался всей душой? Самая любовь къ Софѣ Николаевнѣ, укрѣпила ли она его энергію; дала ли ему силы начать трудовую жизнь, въ память женщины, которая впервые скрасила его дни? Вопросы были слишкомъ строги; Телепневъ не смѣлъ отвѣчать на нихъ рѣшительно; но тайный голосъ шепталъ, что не даромъ приходятъ эти вопросы; что не сѣмѣлъ бы онъ защититься передъ самимъ собою.... И все жутче и жутче становилось ему подъ гнетомъ тяжелой темноты, которая стояла въ комнатѣ. А въ отвѣтъ на скороспѣлые и тяжелые вопросы одного юноши, раздавался несмолкаемый и пьяный храпъ другого.

XVII.

Ольга Ивановна два дня прождала Телепнева. На третій она не вытерпѣла, и послала Клеопатру Васильевну въ Чекчуринскія казармы. Наперстница отправилась съ запиской, проникла до Якова, и узнала отъ него, что баринъ съ утра сидитъ „подъ началомъ,“ какъ онъ выразился. Это извѣстіе, хотя не очень смутило Ольгу Ивановну, но ей все-таки сдѣлалось непріятно, во-первыхъ потому, что ей не хотѣлось дѣлиться съ карцеромъ своимъ возлюбленнымъ, а во-вторыхъ потому, что это школьное наказаніе Телепнева раздражало ея самолюбіе. Въ тотъ-же день разнеслась по всему городу исторія о скандалѣ, произведенномъ съ дѣвицами Усиковыми. Ольга Ивановна легко сообразила, что Телепневъ могъ, какъ нибудь, быть замѣшанъ, и на другой день утромъ узнала навѣрное, что онъ дѣйствительно сидитъ въ карцерѣ. Она очень хорошо знала, что Телепневу не изъ-за чего было участвовать въ скандалѣ, что, напротивъ, всѣ дамы осыпали его своимъ вниманіемъ. Павелъ Семено-

вичъ ссейчасъ-же былъ такъ настроенъ своей (Оляшей, что воспылялъ благороднымъ негодованіемъ на грубый произволъ университетскаго начальства и, ни мало не медля, отправился, сперва къ попечителю, потомъ къ ректору и наконецъ къ Ѳедору Ивановичу. Попечитель и ректоръ не сказали ему ничего рѣшительнаго, потому что безъ Ѳедора Ивановича не имѣли никакой воли. Но Павелъ Семеновичъ все таки съ энтузіазмомъ вступился за Телепнева; вопіялъ противъ того, какъ могли, по одному подозрѣнію, подвергнуть такому постыдному наказанію образцоваго молодого человѣка, который не только не былъ во враждебныхъ отношеніяхъ къ обществу, но напротивъ пользовался всеобщимъ расположеніемъ. Ѳедору Ивановичу онъ битыхъ полчаса доказывалъ, что Телепневъ ни въ какомъ случаѣ не могъ участвовать въ этой исторіи, что онъ, Павелъ Семеновичъ, своими собственными глазами видѣлъ, какъ Телепневъ танцевалъ съ одной изъ дѣвицъ Усиковыхъ и, кромѣ того, съ его женой, съ дочерью начальницы, съ самой губернаторшей, словомъ—со всѣми лучшими дамами и что, наконецъ, въ тотъ вечеръ, когда случилась исторія, Телепневъ былъ у него отъ семи до часу Павелъ Семеновичъ привралъ, и по добротѣ своей не могъ не приврать. Онъ закончилъ свою защитительную рѣчь тѣмъ, что попечитель не менѣе его возмущенъ арестомъ столь достойнаго молодого человѣка, который можетъ служить образцомъ всему остальному университетскому юношеству.

Ѳеооръ Ивановичъ не сразу убѣдился доводами Павла Семеновича и въ этотъ день Телепневъ еще не былъ выпущенъ. Ольга Ивановна пустила въ ходъ другія пружины Она поѣхала къ герцогинѣ, и въ тотъ-же день, часу въ пятомъ явился помощникъ инспектора и объявилъ Телепневу, что онъ свободенъ. Надъ остальной братіей началось слѣдствіе и почти вся Чекчуринаская казарма была забрана.

Телепневъ, конечно, очень обрадовался своему выходу, но странное чувство овладѣло имъ, когда онъ вышелъ на улицу; онъ точно пожалѣлъ о карцерѣ и почти съ отвращеніемъ подумалъ о томъ, что опять онъ начнетъ свою будничную тоскливую жизнь. Домой онъ пошелъ пѣшкомъ и дойдя

до Чекчуринскихъ казармъ, остановился въ раздумьи. Ему вдругъ представился вопросъ: почему его выпустили, безъ всякихъ объясненій и распросовъ. Записка отъ Ольги Ивановны, которую онъ нашелъ у себя, отвѣтила на этотъ вопросъ. Записка была самая лѣжная и вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не приторная, такъ что у Телепнева сейчасъ-же явилось желаніе ѣхать къ ней.

Влетѣвъ Горшковъ, началъ лобызать Телепнева и наполнилъ комнату шумомъ и возгласами. Послали и за Абласовымъ. Абласовъ даже разцѣловалъ Телепнева, такъ онъ былъ ему радъ. Начались распросы, говоръ, смѣхъ. Телепневъ представлялъ имъ въ лицахъ, что выдѣлывалъ Гриневъ, какъ Дагоберъ являлся къ нимъ ночью топить печку, и какіе происходили при этомъ разговоры. Телепневу сдѣлалось вдругъ очень весело, точно карцеръ обновилъ его, точно снялъ съ него ту натянутость, которая вкрадывалась въ его отношенія къ товарищамъ.. Они просидѣли часа два-три; Горшковъ все уговаривалъ Телепнева ѣхать къ начальницѣ; но не уговорилъ и отправился одинъ, взявши съ него слово быть тамъ непременно черезъ два дня. Абласовъ предлагалъ Телепневу заснуть и немножко успокоится; на что Телепневъ отвѣчалъ, что въ карцерѣ выспался на десять дней впередъ; а лучше сядетъ писать письма.

Абласовъ ушелъ; но Телепневъ письма писать раздумалъ, а велѣлъ закладывать лошадь и, черезъ полчаса входитъ въ угловую Ольги Ивановны. Не было конца ласкамъ ея. Она радовалась такъ, точно будто Телепневъ спасся отъ смертельной болѣзни. Благодарностей отъ Телепнева она никакихъ не желала принять; но въ подробности рассказала ему про походъ Павла Семеновича на университетское начальство..

— Видишь, какъ онъ тебя любитъ?—говорила она со смѣхомъ.—Просто цѣлые дни ходилъ растерянный, кажется собрался министру писать жалобу: о вопіющемъ производѣ и гибели добродѣтельнаго юноши..

Ольга Ивановна еще долго потѣшалась на счетъ своего супруга. Онъ въ это время опочивалъ; но его велѣли разбудить и возвѣстить ему, что пріѣхалъ Борисъ Николаичъ.

Добрякъ сейчасъ-же прилетѣлъ, въ какомъ-то даже странномъ одѣяніи, въ родѣ архалука и бросился цѣловать Телепнева.

— Давидъ побѣдившій Голиафа! — вскричалъ онъ. — Юноша, похищенный изъ темницъ хладныхъ!.. Злобствую, родной мой, злобствую на вашъ синедріонъ!.. Еслибъ они васъ еще одинъ день продержали, я бы въ колокола ударилъ, я бы протестъ поднялъ, ко всѣмъ профессорамъ бы поѣхалъ, министру бы подаль...

— Полноте, Павелъ Семенычъ, — прервалъ его Телепневъ, — вы видите: я здоровъ и невредимъ... душевно вамъ благодаренъ!...

И въ такомъ вкусѣ разговоры продолжались до того момента, пока Ольга Ивановна не признала за благо удалить своего благовѣрнаго...

Телепневъ, сядя въ сани, часу въ первомъ ночи почувствовалъ, что началась опять та же *докарцерная жизнь*.

XVIII.

По слѣдствію надъ студентами, пострадало шесть чело-вѣкъ: Гриневъ, симбирецъ, прокопистъ, великосвѣтскій юристъ, старшій Сорванцовъ и рыбакъ-Петровъ. Ихъ всѣхъ исключили, потребовали немедленнаго выѣзда, для чего всѣхъ сдали на руки полиціи. Выѣхать было рѣшительно не на что, ни у одного изъ этой братіи не имѣлось въ карманѣ почти никакихъ финансовъ. Хотя симбирецъ, прокопистъ и юристъ и причисляли себя къ фешенеблямъ; но вмѣсто рублей серебромъ имѣли за собой только долги. Состояніе финансовъ обитателей Чекчуринской казармы было, какъ намъ извѣстно, всегда плачевное.

Освобожденные узники, лишеныя правъ гражданства въ городѣ К., рѣшили между собою: выѣхать изъ города и по-

селиться, до присылки денегъ, въ одной изъ подгородныхъ деревень, у мужика, знакомаго Гринеvu и Рыбаку, по охотничьимъ упражненіямъ.

Такъ и сдѣлали. Цѣлая изба пошла подъ студентовъ. Въ Чекчуринскихъ казармахъ было большое волненіе. Растроивалось три студенческихъ хозяйства, и Михаль Мемноновъ сокрушаясь внутренно о судьбѣ Гринева, ходилъ суровъ и не приступенъ, ворчалъ ежеминутно и съ сердцемъ собиралъ пожитки Гринева. Всѣ атрибуты студенчества, принадлежавшіе Гринеvu, какъ то: мундиръ, шляпа, шпага и много кой чего изъ галантерейныхъ вещей были спущены на татарскій базаръ, гдѣ все пошло рублей въ десять. Агаша волновалась еще сильнѣе Мемнонова. Она никакъ не хотѣла пускать Гринева въ деревню одного.

— Ну, что ты тамъ будешь дѣлать?—говорилъ Мемноновъ на галдарейкѣ, — пуще одно безобразіе расплодишь.

— Нѣтъ, Мемновычъ, я здѣсь съ тоски умру, а онъ-то тамъ одинъ, безъ васъ да безъ меня совсѣмъ оборвется съ пьяной-то ордой.

— Да мнѣ какъ хочешь, — говорилъ Мемноновъ, — только смотри дѣвка, разуму не теряй! Прогоришь ты съ ними до нитки. Еще пока-то имъ деньги вышлютъ, такъ они съ тебя послѣднее платье сдернутъ, чай теперь ужъ много кой чего спустила?

— Да какъ-же, Мемнонычъ, вѣдь коли ужъ переѣзжать, такъ тамъ небось какое ни есть обзаведеніе потребуется.

— Да, обзаведеніе: полуштофъ да косушка. Лучше бы ужъ всей-то ордой въ питейномъ домѣ поселились.

— Да авось, Мемнонычъ, остепенится теперь.

— Держи карманъ: Нѣтъ ужъ, мать моя, горбатаго одна могила исправить. Ну поѣдешь ты съ нимъ, будете вы тамъ въ нагольныхъ тулупахъ ходить; ну, а какъ денегъ-то вышлютъ, что ты, небось, думаешь онъ тебя съ собой возьметъ, въ законный бракъ вступить? Охъ ты простоволосая! и не видишь откуда тебѣ счастье идетъ. Вотъ Папушкинъ студентъ, отъ этого тебѣ разжива была не въ примѣръ лучше: Я ужъ вижу, ты изъ него хоть веревки вей, потому больно ужъ онъ въ тебя втюрился, а ты вотъ поди въ чувствіе та-

кое взошла, хуже не выбрала голоштанного-то, какъ нашего сорванца.

Не смотря однакожъ на эти строгія внушенія, Мемноновъ помогаль Агашѣ въ продажѣ нѣкоторыхъ ея вещей и въ покупкѣ разныхъ разностей для новаго деревенскаго хозяйства. Гриневъ согласился взять Агашу съ собой, но нисколько не былъ тронутъ ея любовью. Онъ не поцеремонился воспользоваться скудными финансами, какіе она выручила продажей своихъ пожитковъ, и наканунѣ выѣзда на эти самыя деньги устроилъ попойку. Вся Чекчуринская казарма ликовала. На этой попойкѣ состоялся новый заговоръ: побить начальство. Поднялись также толки о томъ, что Телепневъ выдалъ ихъ, для чего нарочно былъ посаженъ въ карцеръ Симбирецъ тутъ же предложилъ отправиться внизъ къ нему въ квартиру и „изувѣчить подлеца“ Но противъ всѣхъ возсталъ Гриневъ. Онъ началъ распинаться за Телепнева, и голову свою давалъ на отсѣченіе въ томъ, что Телепневъ благороднѣйшій малый и всѣхъ ихъ очень любитъ, а не сходилъ съ ними только потому, что не умѣетъ пить и дебоширствовать.

— Да хотите, господа, — воскликнулъ Гриневъ, — я сейчасъ пойду къ нему внизъ и приведу сюда. Я знаю, онъ будетъ очень радъ сойтись съ вами и выпить на прощанье. Онъ бѣлоручка — это правда, но все-таки мальчуганъ отличный.

— Ненадо! — крикнуло нѣсколько голосовъ.

— А я приведу, потому вы скоты, какъ задолбили одно, такъ и орете.

И съ этими словами онъ бросился вонъ изъ квартиры Сорванцовыхъ, гдѣ происходила попойка, сбѣжалъ внизъ и вломился къ Телепневу. Онъ засталъ его дома, бросился лобызать его и объявилъ, что если Телепневъ не пойдетъ съ нимъ сейчасъ же на прощальную попойку, то онъ будетъ величайшая скотина. Телепневъ тотчасъ же согласился, сказалъ даже, что очень радъ и безъ всякаго смущенія отправился въ квартиру Сорванцовыхъ. Тамъ его приняли съ нахмуренными лицами, но Гриневъ обходился съ нимъ съ такою нѣжностью и панибратствомъ, что дѣло обошлось, на-

чались изліянія, и даже симбирецъ сталъ просить прощенія въ своихъ злостныхъ противъ него намѣреніяхъ. Телепневъ долженъ былъ выпить порядочное количество разныхъ напитковъ, послѣ чего ему уже совсѣмъ не трудно было объясняться съ остальной братіей; онъ даже въ тотъ же вечеръ провожалъ ихъ до самой той деревни, гдѣ поселилась исключенная компанія. Тамъ была еще попойка и Телепневъ заночевалъ въ избѣ на лавкѣ, а на другой день утромъ, простившись съ своими новыми пріятелями, уѣхалъ съ головной болью, но за то примиренный съ студенческимъ міромъ.

XIX.

Вернувшись домой, Телепневъ нашелъ письмо отъ Лапина. Опекунъ все изъяснялся ему въ любви, пенялъ, что Телепневъ не пріѣхалъ на зимнюю вакацію и совсѣмъ забылъ его старика. Про бабиньку Пелагею Сергѣевну писалъ, что она совсѣмъ расклеилась и давала ему знать письменно о своемъ желаніи повидаться съ Борисомъ. Все холоднѣе и холоднѣе становился Телепневъ къ письмамъ Ѳедора Петровича. Не привязавшись ни къ чему въ городѣ К., онъ терялъ связь съ роднымъ своимъ городомъ и съ памятью о прежнихъ привязанностяхъ. Очень рѣдко вспоминалъ онъ дикой домъ, и не только тяжелыя его картины, но и свѣтлыя минуты. Даже образъ Маши исчезалъ изъ его сердца и не вдохновлялъ его ни на какую здоровую мысль, ни на какое свѣжее движеніе. Память о Софѣ Николаевнѣ также бѣжала отъ него, и самъ онъ боялся думать объ этой женщинѣ; стыдился своей теперешней жизни и съ каждой минутой сознавалъ все больше и больше, что образъ Софьи Николаевны уже не имѣетъ для него животворной силы.

И опять вечеръ не обошелся безъ Ольги Ивановны. Онъ не нашелъ никого у М—виновыхъ, но въ запискѣ его при-

глашали прїѣхать въ театръ въ литерную ложу съ лѣвой стороны. Тамъ онъ нашелъ свою возлюбленную вмѣстѣ съ гувернанткой и, помѣстившись позади Ольги Ивановны, не глядѣлъ на сцену, но за то любовался ея плечиками и вралъ съ ней всякій вздоръ. Въ антрактахъ входили въ ложу разные фешенебли и въ томъ числѣ также Битюковъ, который помирился съ Ольгой Ивановной. Они присаживались, жали руку Телепневу, болтали все больше въ эротическомъ вкусѣ съ Ольгой Ивановной и уходили.

Ольга Ивановна была, въ этотъ вечеръ, особенно весела. Она все спрашивала Телепнева, не имѣетъ ли онъ какихъ нибудь тайныхъ знакомствъ за кулисами, и совѣтовала ему завести ихъ, когда она и всѣ другія барыни надоѣдаютъ ему.

— А гдѣ Павелъ Семенычъ? — спросилъ Телепневъ въ послѣдній антрактъ.

— Онъ уѣхалъ къ знакомцу своему, игумену, въ — скій монастырь.

— Часто бываютъ эти поѣздки?

— Почти каждую недѣлю, — отвѣтила Ольга Ивановна, и, прикрываясь вѣромъ, шептала: — ты ко мнѣ послѣ спектакля..

Телепневъ, конечно, не отпѣкивался. Сани его вѣѣхали въ ворота, вслѣдъ за возкомъ Ольги Ивановны. Въ угловой они пили вдвоемъ чай. Въ домѣ все спало. Въ передней прикурнулъ мальчикъ-казачекъ, который ѣздилъ съ барыней въ театръ. Большого лакея не было; онъ отправился съ Павломъ Семенычемъ въ отъѣздъ.

Не мало прошло времени съ той минуты, когда Ольга Ивановна и Телепневъ вошли въ угловую, до того момента, когда Телепневъ сталъ прощаться.

— Хочешь я тебя провожу? — спросила Ольга Ивановна.

— Куда?

— Домой, къ тебѣ; мы прокатимся, а потомъ ты меня привезешь назадъ.

— Прекрасно!...

Поѣхали. Ночь стояла дивная; только вѣтеръ все крѣпчалъ и немножко рѣзалъ глаза при скорой ѣздѣ. На своихъ маленькихъ саняхъ Телепневъ долженъ былъ плотно прижатъ-

ся къ Ольгѣ Ивановѣ и придерживать ее за талію. Они дали два конца по Театральной улицѣ, потомъ спустились на Кузнечную площадь, съ площади поднялись на Преображенскую, проѣхали мимо Чекчуринскихъ казармъ, остановились даже передъ окнами квартиры Телепнева и поѣхали опять на Театральную улицу. Эта прогулка, въ лунную ночь, въ саняхъ была какъ-бы повтореніемъ того, что случилось годъ передъ тѣмъ. Стояла такая же ночь, морозная, блестящая, съ крѣпкимъ вѣтромъ и скрипучимъ снѣгомъ. Также точно сидѣлъ Телепневъ въ саняхъ и придерживалъ за талію молодую и красивую женщину; на него также смотрѣли прекрасные глаза и улыбались ему уста радостной улыбкой! Но то ли это было? Этотъ вопросъ представлялся Телепневу; но его не бросило въ краску; онъ не ужаснулся той пропасти, которая раздѣляла его недавнее прошедшее отъ настоящаго.

И совершенно спокойно посадилъ онъ у крыльца Ольгу Ивановну, взошелъ съ ней въ сѣни, поцѣловалъ ее, можетъ быть, въ сотый разъ въ этотъ день, и завернувшись въ свои бобры, отправился домой спать.

XX.

Прошло мѣсяца полтора. Въ Чекчуринской казармѣ очень опустѣло. Квартиры Сорванцовыхъ и Рыбака стояли незаняты. Не было Агаши, Мемноновъ ходилъ сердитый и молчаливый. Абласовъ началъ готовиться къ экзамену; Горшковъ совсѣмъ поселился въ домѣ начальницы, обѣдалъ тамъ по цѣлымъ недѣлямъ, и только занимался, что своимъ *лутникомъ*.

Жизнь Телепнева прошла въ эти полтора мѣсяца самымъ безалабернымъ, и, въ то же время, монотоннымъ образомъ. Каждый день онъ плясалъ или на балѣ, или на какомъ

нибудь пикникъ, или на *folle journée*. Всѣ антракты проводилъ въ обществѣ Ольги Ивановны, и дома бывалъ только ночью и утромъ до двѣнадцати часовъ.

На лекціи совсѣмъ почти не заглядывалъ. Съ Абласовымъ и Горшковымъ видѣлся чрезвычайно рѣдко.

Начался великій постъ. Веселости смолкли; прекратился плясъ. Павелъ Семенычъ отправился говѣть въ свой монастырь къ *знакомцу*-игумену, захвативши съ собой цѣлый ворохъ божественныхъ книгъ. Ольга Ивановна, конечно, не сопровождала его. Она ѣздила къ вечернѣ, а вечера проводила съ Телепневымъ, и занимала его больше юмористическими рассказами про своего благовѣрнаго Павла Семеныча. Она приучила Телепнева къ слушанію такихъ юмористическихъ рассказовъ. Говорить про чувствительные предметы онъ съ ней не хотѣлъ; серьезный разговоръ Ольга Ивановна могла вести только о практическихъ вещахъ... а рассказывать смѣшныя и скандалезныя исторіи она была большая мастерица.

Въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста, они сидѣли въ угловой и говорили опять-таки о Павлѣ Семенычѣ.

— Что-то онъ ужъ зажился у своихъ монаховъ,—замѣтилъ Телепневъ.

— Помилуй, мой другъ; онъ туда столько повезъ книгъ, пока всѣ перечитаетъ, весь постъ пройдетъ,—отвѣтила Ольга Ивановна.

— Такъ, что онъ любитъ монастырскую братію больше своей несравненной Оляши?—спросилъ смѣясь Телепневъ.

— Только въ великомъ посту...

Въ эту минуту послышался громкій говоръ въ передней°

— А! вотъ и онъ, легокъ на поминкѣ,—воскликнула Ольга Ивановна и пошла встрѣчать своего благовѣрнаго.

Благовѣрный, увязанный зеленымъ шарфомъ, облобызался и съ Оляшей, и съ Телепневымъ, и съ охами объявилъ имъ, что его въ дорогѣ что-то разломило, и онъ всепокорнѣйше проситъ извинить его, сейчасъ же ляжетъ въ постель и желаетъ, чтобъ его напоили горячимъ.

Телепневъ предложилъ: не послать ли за докторомъ; но Павелъ Семенычъ не согласился на это, сказавши, что онъ

самъ себя всегда лечилъ и всегда былъ здоровъ. Ольга Ивановна ушла въ кабинетъ ухаживать за супругомъ, а Телепневъ, не прощаясь, удалился по-французски.

На другой день Павлу Семенычу сдѣлалось хуже. Онъ весь день пролежалъ въ страшномъ жару. Ольга Ивановна сидѣла возлѣ него, Телепневъ также усердствовалъ, предлагалъ ему даже почитать что-нибудь вслухъ; но больной былъ уже такъ не хорошъ, что почти все время молчалъ, и тревожно метался на подушкѣ. Къ вечеру послали за туземной знаменитостью, профессоромъ съ какой-то мудреной нѣмецкой фамиліей. Знаменитость объявила, что у Павла Семеныча признаки тифа. Тифъ дѣйствительно оказался...

XXI.

Темно было въ домѣ М-иновыхъ. Зала и гостиная стояли неосвѣщенныя. Въ угловой горѣла одна свѣча; въ спальнѣ, гдѣ лежалъ Павелъ Семенычъ, теплилась лампада за бѣлымъ алебастровымъ щитомъ. Больной уже нѣсколько дней лежалъ безъ сознанія; но въ этотъ вечеръ жаръ унялся, глаза прояснились, и тихимъ голосомъ онъ сказалъ уже нѣсколько сознательныхъ словъ, Ольга Ивановна сидѣла у кровати, и разсѣянно глядѣла, не въ лицо мужа, а въ уголъ, темнѣвшійся чернымъ пятномъ. Въ угловой комнатѣ слышались шаги. Она сейчасъ же встала и вышла; а черезъ минуту вернулась съ Телепневымъ, который, взойдя, остановился осторожно у дверей.

Видъ всей спальни и больного кольнулъ его прямо въ сердце. Павелъ Семенычъ лежалъ въ безпомощной позѣ, и его похудѣлое, но все еще пухлое лицо, смотрѣло прямо на жену и на Телепнева съ добрымъ, жалостно-простодушнымъ выраженіемъ. Мучительно сдѣлалось Телепневу при мысли, что онъ, въ эту минуту, такъ безсовѣстно обманывалъ его;

гадко ему сдѣлалось, когда онъ вспомнилъ, что въ этой самой комнатѣ, гдѣ добрякъ могъ умереть на его глазахъ, онъ забавлялся съ Ольгой Ивановной любовью и слушалъ ея скандалезные анекдотцы про ея ни въ чемъ неповиннаго мужа.

— Борисъ Николаичъ, — проговорила Ольга Ивановна, указывая мужу на Телепнева.

Павель Семенычъ приподнялъ руку, и улынулся.

— Очень радъ... — прошепталъ онъ, — онъ славный... — и больной сидѣлъ взять жену за руку. — Я его очень люблю... душа моя... — вырвалось у него. Ольга Ивановна поцѣловала его въ лобъ.

Подойдите ближе, — сказала она Телепневу; — присядьте вотъ на табуретъ.

Телепневъ не двигался; ему было слишкомъ жутко.

— Я такъ счастлива, голубчикъ, — шептала Ольга Ивановна, наклоняясь къ больному, — что тебѣ лучше.. Только ты молчи, не разговаривай!

— Умру, — промолвилъ больной, и вдругъ его взглядъ замутился. — Гдѣ дѣти?... выговорилъ онъ и совсѣмъ умолкъ.

Телепневъ взглянулъ ему въ лицо. „Дѣйствительно умереть“, проговорилъ онъ мысленно. Онъ уже видѣлъ нѣсколько смертей, и лицо, голосъ, глаза Павла Семеныча припомнили и навѣяли ему смерть... Онъ отвернулся и пріотворилъ дверь.

— Душа моя, — шептала Ольга Ивановна, цѣлуя руки больного и, въ самомъ дѣлѣ, глотая слезы, успокойся, тебѣ лучше...

И вдругъ она остановилась, увидавши, что Телепнева нѣтъ въ спальнѣ. Она взглянула на мужа заплаканнымъ, но безстрастнымъ взглядомъ, встала и быстро вышла въ угловую.

— Что ты, Борисъ? — спросила она Телепнева, который сидѣлъ на диванѣ съ поникшей головой и блѣднымъ, какъ полотно лицомъ.

— Онъ плохъ... Мнѣ страшно жалко его, — вымолвилъ Телепневъ и чуть-чуть не зарыдалъ.

— Умереть? — спросила Ольга Ивановна, и въ этомъ вопросѣ послышалось ему не скорбь, а удивленіе... И, не дожидаясь его отвѣта, она обняла его и сласнолюбовно прошептала: „Ты мнѣ останешься, душа моя!...“

Точно ужаленный, отскочилъ отъ нее Телепневъ. Его бросило въ краску, губы его задрожали; онъ взглянулъ на нее быстро, презрительно, и трепетнымъ голосомъ сказалъ:

— Вы мнѣ гадки!... Бога вы не боитесь, вѣдь онъ умираетъ!...

Больше у него не хватило словъ; онъ не могъ на нее смотрѣть; еслибъ еще одна минута, онъ бы съ ненавистью бросился на нее.

Ольга Ивановна хотѣла было взять его за руку, но онъ отшатнулся и почти вскричалъ: „Оставьте меня!“ Онъ выбѣжалъ въ переднюю, схватилъ свою шинель и, выскочивъ на крыльцо въ сильнѣйшемъ волненіи, побѣжалъ по улицѣ. На этотъ разъ уже не простая впечатлительность заговорила въ Телепневѣ. Онъ былъ глубоко потрясенъ. Чаша переполнилась, вся пошлость его отношеній къ Ольгѣ Ивановнѣ уязвила его. Эта женщина, своимъ бездушнымъ сластолюбіемъ оскорбила въ немъ тѣ свѣжія силы, которыя онъ не успѣлъ еще потратить въ своемъ селадонствѣ, и все стало для него ясно; онъ не раскисъ, не расчувствовался, ему не хотѣлось ни плакать, ни изливаться; въ немъ тотчасъ же родилось твердое желаніе убѣжать изъ этого лживаго и пошлаго міра, не лгать каждодневно самому себѣ, не анализировать себя безплодно, а начать какое-нибудь дѣло. Бросить Ольгу Ивановну ничего ему не стоило. Съ нею онъ ничего не терялъ, ему слѣдовало только жалѣть о себѣ и о своемъ оплошнѣніи.

Онъ пришелъ домой и тутъ же рѣшилъ, какъ ему быть. Къ дому М—иновыхъ его ничто не влекло; но ему жалко было Павла Семеновича и онъ сказалъ себѣ, что разорвавши всякую связь съ Ольгой Ивановной, онъ будетъ навѣщать только больного. Никакихъ вопросовъ больше онъ себѣ не задавалъ, а съ завтрашняго же дня хотѣлъ начать готовиться, хлопотать о запискахъ и засѣсть за чтеніе.

Рано утромъ всталъ онъ на другой день, и когда вспомнилъ о вчерашнемъ, то вскипѣло у него сердце на Ольгу Ивановну и стало ему также гадко, какъ въ ту минуту когда она обнимала его на диванѣ.

Яковъ замѣтилъ, что баринъ всталъ гораздо раньше обык-

новеннаго, началъ перебирать книги и вообще повелъ себя другимъ образомъ. Телепневъ послалъ его за Горшковымъ, и когда тотъ пришелъ, то за утреннимъ чаемъ онъ очень серьезно объявилъ ему, что покончилъ со своей свѣтской жизнью, будетъ проводить время дома и съ товарищами, а Горшкова проситъ заниматься съ нимъ каждый день, или по крайней мѣрѣ раза три въ недѣлю, часа по два музыкой.

Предъ уходомъ на лекціи, Телепневъ получилъ записку отъ Ольги Ивановны. Записка начиналась такъ:

«Милый мой дурачокъ!

Еслибъ я не знала, что ты бываешь иногда нервенъ, хуже всякой женщины, то я должна была бы выдрать тебя за уши, за твою вчерашнюю выходку...»

Записка была разорвана въ куски Телепневымъ. Ему сдѣлалась противно за Ольгу Ивановну. Онъ не могъ думать, чтобы она не поняла его вчерашняго возмущенія; и вмѣстѣ съ тѣмъ, вся записка была проникнута какимъ-то диллетанскимъ цинизмомъ.

Человѣкъ дожидался отвѣта. Телепневъ не хотѣлъ отвѣчать письменно и велѣлъ доложить Ольгѣ Ивановнѣ, что онъ будетъ сегодня въ два часа.

На лекціяхъ Телепневъ сидѣлъ и слушалъ внимательно, весело толковалъ со своими однокурсниками и безъ всякихъ нервныхъ волненій отправился въ два часа на Театральную улицу

Въ залъ онъ никого не нашелъ; Ольга Ивановна встрѣтила его на порогѣ спальни, куда онъ осторожно приотворилъ дверь.

— Онъ спитъ, ему лучше, — тихо проговорила она и, затворивъ за собою дверь, хотѣла было поздороваться съ Телепневымъ, какъ она обыкновенно привыкла, но онъ такъ на нее взглянулъ, что она даже потупилась.

— Пойдемъ въ кабинетъ, — сказала она, и пошла черезъ гостиную.

Телепневъ чувствовалъ, что между нимъ и этой женщиной все кончено. Онъ не хотѣлъ изливаться передъ ней. Но и сантиментальной жалости не закралось въ его душу; надо же

было показать ей, что не капризь и не нервность заговорили въ немъ наканунѣ.

— Что съ тобой? — спросила Ольга Ивановна, когда Телепневъ притворилъ дверь кабинета. — Я право не могу понять. Да говори жѣ, что жъ ты молчишь? Развѣ я провинилась чѣмъ противъ тебя?

— Ничего я не имѣю противъ васъ, — отвѣтилъ онъ тихо. Но я прошу васъ оставить меня...

— Да что съ тобой?... повторила опять Ольга Ивановна.

— Вы меня развратили! — вскричалъ онъ. — Вотъ что со мной!... Я гадокъ самому себѣ! здѣсь, въ этомъ домѣ, гдѣ мужъ вашъ умираетъ, мы точно злодѣи какіе!... Вѣдь это мужъ вашъ!... Вы его могли не любить; но должна же быть жалость, уваженіе... Да избавьте меня отъ объясненій. Прощайте!

И онъ рванулся къ двери. Но она его не пускала, схватила за руки, и хотѣла увлечь его своими ласками. Это раздражило его до такой степени, что онъ съ силой оттолкнулъ ее.

— Какъ вамъ не стыдно! вскричалъ онъ. — Неужли вы думаете, что вы соблазните меня своими поцѣлуями?... Мнѣ довольно ихъ; они меня оскорбляютъ. Я вижу, что не могу васъ уважать. да и вы меня не должны уважать... Что же такое наша любовь?... Я не умѣю назвать ее... Ради Бога оставьте меня!... Больше я вамъ ничего не скажу!...

Жутко было смотрѣть на Телепнева въ эту минуту. Онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Въ глазахъ у него было столько презрѣнія, и эти глаза такъ смѣло глядѣли на Ольгу Ивановну, что она присѣла на диванъ, покраснѣла и инстинктивно опустила голову. У ней не хватало духу заговорить; но она чувствовала, что всякое слово, которое она скажетъ для успокоенія Телепнева, будетъ пошло, противно, возмутительно.... По необходимости она заплакала, сперва тихо, потомъ все громче и громче. Женскія слезы всегда дѣйствительны. Послѣ нихъ легче говорить, особливо оправдываться.

Телепневъ стоялъ у дверей и ему стало жутко отъ рыданій Ольги Ивановны. Онъ сдѣлалъ даже два шага къ ней,

— Полноте! — проговорилъ онъ тихо, — тутъ не объ чемъ плакать.

— Это жестоко, это несправедливо, — шептала Ольга Ивановна въ промежуткахъ рыданій. — Я знаю, что я виновата, но не вамъ упрекать меня, я васъ ничѣмъ не оскорбила; я вамъ не продавала свою любовь.

— Перестаньте, перестаньте! — повторилъ Телепневъ, держа за ручку двери.

Она вскочила съ дивана, и глотая слезы, быстро подошла къ нему.

— Ты бѣжишь отъ меня, Борисъ? — вскричала она, — и въ такую минуту, когда мнѣ нужна поддержка, когда я могу остаться одна въ цѣломъ мірѣ? Сжался надо мной!

Вся сущность этой женщины сказала въ эту минуту самымъ блестящимъ образомъ. Телепневъ былъ по крайней мѣрѣ десятью годами моложе ее, но онъ пораженъ былъ въ эту минуту тѣмъ, какъ Ольга Ивановна безтактно веда себя. Для него было бы лучше, еслибъ она возмутилась, наговорила ему дерзостей, стала бы язвить его всѣмъ, чѣмъ умная женщина можетъ язвить любовника, отказавшагося отъ нея. Но мелодраматическій родъ вовсе не шелъ къ ней; и ея слезы подѣйствовали на Телепнева только фізіологически, т. е. утомили его нервы.

— Полноте! — сказалъ онъ рѣзко, — я не могу быть для васъ поддержкой; мы только забавлялись, а не любили другъ друга; горю вашему я не вѣрю; наконецъ, если у васъ осталась какая-нибудь привязанность къ мужу, если вамъ сколько-нибудь жалко его, мое присутствіе должно васъ оскорблять.

— Нѣтъ, — воскликнула Ольга Ивановна, — ты меня не понимаешь, ты не хочешь понять меня, развѣ я чтонибудь требую? Если ты охладѣлъ ко мнѣ, если моя любовь тебѣ противна, оскорбляетъ тебя, ну я не буду ее выражать, но не бросай меня такъ грубо, съ такимъ презрѣніемъ, будь хоть немножко моимъ другомъ.

— Вашимъ другомъ? — прервалъ ее Телепневъ. — Нѣтъ, Ольга Ивановна, я не могу быть вашимъ другомъ. То-то и

ужасно, что между нами не было ни малѣйшей дружбы; ничего кромѣ... И онъ, не досказавши, махнулъ рукой.

Въ эту минуту кто-то приотворилъ дверь; Телепневъ обернулся, показалась голова Клеопатры Васильевны.

— Ольга Ивановна здѣсь? — прошептала она торопливо.

— Здѣсь, — отвѣтилъ Телепневъ.

— Павлу Семенычу опять дурно, заметались на кровати, не удержать совсѣмъ.

— Что такое? — быстро спросила Ольга Ивановна.

Телепневъ повторилъ ей слова наперстницы.

— Я васъ не удерживаю, — прибавилъ онъ.

Ольга Ивановна вся вспыхнула и, проходя въ дверь мимо его, прошептала:

— Благодарю.

Онъ взглянулъ ей вслѣдъ, и не ощутилъ ничего, чтобы заставило сказать ей на прощанье какое-нибудь доброе слово.

XXII.

Черезъ два дня разнеслась по городу новость о смерти Павла Семеныча.

Телепневъ поѣхалъ на панихиду. Было очень много народу; почти весь туземный бомондъ. Ольга Ивановна, въ плерезахъ, изящно заплаканная, стояла на колѣнахъ въ дверяхъ гостиной. Телепневу, остановившемуся при входѣ въ залу, было ее очень хорошо видно. „Можетъ быть, она и искренно плачетъ“, подумалъ онъ одну минуту. „Да, впрочемъ Богъ съ ней, довольно возмущаться!“

Онъ не оставался до окончанія службы, и на третій день пріѣхалъ на выносъ тѣла. Съ Ольгой Ивановной хотя никакихъ конвульсій не приключилось, но ее увели въ спальню. Гробъ несли до церкви на рукахъ, въ томъ числѣ и Телепневъ. Павелъ Семенычъ лежалъ въ гробу потемнѣлый, но

лицо сохранило еще самодовольный видъ. „Не удалось тебѣ, добрякъ“, думалъ Телепневъ идя за гробомъ на кладбище, „не удалось тебѣ получить отвѣтъ отъ Михаила Петровича и повѣдать всей землѣ русской свои задушевные мысли... И умеръ ты въ полной увѣренности, что все написанное тобой было исполнено мудрости; точно также, какъ унесъ ты съ собой въ могилу вѣру въ то, что твоя возлюбленная Оляша предпочитала тебя всѣмъ юношамъ въ мірѣ.“

Когда Телепневъ, стоя на краю могилы Павла Семеныча, бросилъ въ нее горсть земли, онъ чувствовалъ, что не будетъ больше тревожить тѣнь покойника и не увидитъ Ольгу Ивановну также, какъ и ея благовѣрнаго супруга.

И онъ сдержалъ свое слово. Ольга Ивановна сама была на столько умна, что уже не беспокоила его болѣе. Телепневъ никуда не показывался. Визиты ему стали противны; онъ проводилъ все время дома или на лекціяхъ.—Съ Абласовымъ они все болѣе и болѣе сближались. Телепневъ присматривался къ тому, какъ Абласовъ работаетъ, съ какой любовью онъ ходитъ слушать свою анатомію и копается надъ трупами; ему досадно стало, что предметы его курса не возбуждаютъ и въ немъ такой же охоты. Но начать заниматься чѣмъ-нибудь исключительно было уже не время. На носу висѣли экзамены, и какъ ни мала была программа перваго курса *богоспасаемаго камеральнаго*, а все же слѣдовало приготовить изъ семи предметовъ.

Телепневъ пригласилъ къ себѣ заниматься долгошеяго саратовца и одного изъ сибиряковъ. Начали они съ химіи. Записокъ никто изъ камералистовъ не составлялъ. Пришлось читать книжку Егорова; нѣмецкое руководство Телепневъ было предложилъ, но товарищи его не знали по-нѣмецки, и надо было ограничиться Егоровымъ.... Ему очень досадно было, начавши готовиться изъ химіи, что ничего онъ не зналъ, что всѣ почти термины и слова слышалъ въ первый разъ; опытовъ не видалъ, а сидѣлъ во время лекцій въ угловой комнатѣ у Ольги Ивановны.

То же повторилось и съ остальными предметами. Надо было ограничиться тетрадками, и Телепневу тяжело было сознаться, что въ цѣлый годъ онъ ни на шагъ не ушелъ

впередъ, а чувствовалъ себя все такимъ же гимназистомъ. Великій постъ прошелъ чрезвычайно быстро; Преображенская почернѣла; началось говѣнье въ университетской церкви; пришло свѣтлое Воскресенье; начальство христосовалось со студентами; казенные съѣли свой казенный куличъ, экономъ угощалъ два дня пѣвчихъ напитками... Закрылись лекціи... запахло экзаменомъ.

На приготовленія, кромѣ Святой и Өоминой дали еще двѣ недѣли. Май уже стоялъ на дворѣ; Черный прудъ зазеленѣлъ; живописные холмы Верхнеплошкиной улицы покрылись также зеленью и студентами, которые, сидя на вершинахъ ихъ, въ домашнихъ одѣянiяхъ, читали тетрадки .. Въ Чекчуринской казармѣ зубрили также, и на верху и внизу. Только одинъ Горшковъ, состоя на правахъ свободного слушателя и въ усъ себѣ не дулъ, и построивъ свѣтлошеколадное пальто и соломенный картузь, расхаживалъ въ нихъ по Преображенской, заложа руки въ карманы. Ему также надѣли барыни, но онъ хотѣлъ уединиться въ институтъ и тамъ исключительно заняться лутикомъ. Онъ замѣтилъ конечно, что Телепневъ разошелся съ Ольгой Ивановной; сначала это ему не понравилось; онъ думалъ, что Борисъ опять начнетъ скучать; но увидалъ, что тотъ засѣлъ заниматься, и, по-видимому, совсѣмъ не тоскуетъ. Разговоровъ по этому поводу между ними не было. Да и съ Абласовымъ Телепневъ не объяснялся, а только сказалъ что теперь уже онъ не будетъ больше волноваться, на что Абласовъ отвѣчалъ:

— Я очень хорошо зналъ, что ты къ этому придешь, а теперь вотъ, поуспокоившись присмотришься къ тому, что вокругъ тебя дѣлается. А ужъ очень надѣсть здѣсь, такъ ты вольная птица, поѣзжай куда вздумается.

XXIII.

У Ваксина, одного изъ однокурсниковъ Телепнева, собралась большая компанія, — почти весь курсъ. Этотъ Ваксинъ былъ купческаго рода, проживалъ хорошія деньги и нанималъ квартиру противъ самаго университетскаго подъѣзда. Приготовленія къ экзамену въ его квартирѣ происходили больше на зеленомъ сукнѣ; вмѣсто химическихъ терминовъ и историческихъ именъ слышалось только: „черви“, „бубны“, „купилъ“, „пасъ“ и „гранъ-мизеръ“

Дѣло было наканунѣ экзамена ботаники. Составилось цѣлое совѣщаніе о томъ: какъ бы выдти всѣмъ на шармачга и провести кандидата Ноля на сухой. Билеты писали сами студенты.

— Что же, братцы, — спрашивалъ одинъ изъ сибиряковъ, тотъ самый который занимался съ Телепневымъ, — вѣдь надо устроить представленіе. Ваксинъ, давай же, братъ, сюда билеты-то.

Телепневъ былъ также приглашенъ на совѣщаніе, но дѣятельнаго участія въ немъ не принималъ, а только поглядывалъ на другихъ.

— Ну, вотъ вамъ и карточки, — вскричалъ Ваксинъ, выкладывая на столъ двѣ пачки. — Вотъ эта для начальства, а эта для домашняго обихода.

Всѣ начали разсматривать билеты, сличать ихъ, одного ли цвѣта бумага, хорошо ли выведены номера, а потомъ каждый себѣ выбралъ по билету

— Ну братцы, — вскричалъ Ваксинъ, — всѣ ли теперь разобрали.

— Всѣ, всѣ, послышалось нѣсколько голосовъ.

— Ну, такъ репетицію слѣдуетъ устроить.

Устроили репетицію. Долгошеяго саратовца посадили за столъ. Онъ долженъ былъ представлять собой профессора. Одну пачку билетовъ разложили по столу; другая была разбрана по рукамъ и каждый держалъ билетъ двумя паль-

цами лѣвой руки, засунувъ его въ обшлагъ сюртука. Телепневу достался также билетъ.

— Господа, — началъ было онъ, — да вѣдь это ужъ будетъ чрезчуръ не благовидно.

— Вотъ еще, — закричали почти всѣ, — неужели эту чушь зубрить? Коли хочешь, выходи безъ билета.

— Не смѣешь, не смѣешь! — крикнуло нѣсколько голо-совъ. — Ужъ коли согласились, господа, такъ не финтить.

Телепневъ замолчалъ. Въ самомъ дѣлѣ, нечего было бла-городствовать, слѣдовало подчиниться общей затѣвѣ.

— Ну, господа, — кричалъ Ваксинъ, — подходить ко столу нужно втроемъ, а не въ одиночку. Ну, подходи, братцы, по алфавиту.

Подошли трое къ столу, взяли по билету, и ретируясь отъ стола, заходили другъ за друга и въ это время вытаскивали изъ рукава билеты. Почти всѣ произвели эту операцію довольно ловко, такъ что долгошей саратовецъ, изображавшій профессора, то и дѣло покрикивалъ: „Хорошо, братцы, важнецъ!“

Всѣ были очень довольны представленіемъ, которое кончилось тѣмъ, что въ той же комнатѣ поставили три ломберныхъ стола и начались опять пикендрясы, большіе и малые мизеры.

Телепневъ взялъ съ собой билетъ и пошелъ домой. Очень ему не нравилась эта продѣлка, но, по правдѣ сказать, онъ тоже не совсѣмъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ экзамена. Ботаника ему не далась; а не хотѣлось бы въ первый же день шлепнуться.

Въ это время Абласовъ съ товарищемъ своимъ Генерозовымъ сидѣли въ анатомическомъ театрѣ и по конспекту проходили міологию. Съ профессоромъ анатоміи нользя было сыграть такой же штуки, какъ съ кандидатомъ Полеми. Онъ никогда не ограничивался однимъ билетомъ, а, какъ говорятъ, студенты, прохаживался по всему предмету. Наканунѣ они не спали всю ночь и, надѣлавши билетовъ, отвѣчали другъ другу поочередно. Во всѣхъ углахъ анатомическаго театра видѣлись кучки студентовъ. Экзамень анатоміи для каждаго былъ роковой день, рѣшавшій судьбу цѣлаго года.

Для нѣкоторыхъ же это былъ турниръ, на которомъ они могли выставиться на глаза профессора. Одинъ маленькій казеннокоштный студентъ дошелъ до такого художества, что, зажмурия глаза, указывалъ на кости всякую ямочку и, какъ заведенная машина, каталъ по запискамъ, не опуская ни одного слова.

Когда Абласовъ прошелъ съ Генерозовымъ весь конспектъ они начали его еще разъ и далеко за полночь раздавался глухой и басистый голосъ семинариста, произносящій скороговоркою латинскія имена безчисленныхъ мышцъ и сухожилий, нервовъ и сосудовъ, изъ которыхъ каждое должно было засѣсть въ памяти для предстоящаго, страшнаго экзамена.

XXIV

Открытіе экзаменовъ облекалось всегда въ довольно торжественную форму. Въ актовомъ залѣ ставили нѣсколько большихъ столовъ, обтянутыхъ черной клеенкой. Подъ кафедрой помѣщался столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ зеркаломъ. За этимъ столомъ экзаменовали обыкновенно изъ какого-нибудь первостатейнаго предмета, изъ какой-нибудь *деканской науки*. Направо отъ входа въ залу, въ первый экзаменъ, всегда, располагался профессоръ анатоміи. Множество аппаратовъ и костей покрывали огромный столъ. Большая, курчавая голова профессора высилась надъ всей этой анатомической выставкой. Скелетъ стоялъ по правую руку его. Противъ него, на столѣ, ставили графинъ воды и стаканъ. Эта привычка была освящена преданіемъ долгихъ лѣтъ.

Съ девяти часовъ волны студентовъ колыхались уже въ верхнемъ корридорѣ, въ двухъ переднихъ комнатахъ и въ залѣ. Половина залы была уставлена креслами и стульями для экзаменующихся. Нѣкоторые приходили и, занявши мѣста, уже не покидали его до той минуты, когда ихъ вызо-

вугъ. Это были, или зубрили, увѣренные, что они знаютъ каждый билетъ зубъ въ зубъ, или безнадежные и крайне равнодушные субъекты, убѣдившіеся, что какъ ты себѣ не волнуешься, а ни коимъ образомъ нельзя вдругъ узнать то, чего никогда не читалъ. Въ проходѣ между креслами, въ передней комнатѣ и въ корридорахъ, сновали студенты, съ тетрадками подъ мышкой, съ тетрадками въ рукахъ, съ тетрадками въ карманахъ. Они неистово зубрили; иные даже вслухъ. Ничего не видя и не слыша, они всѣхъ толкали и бѣгали, какъ угорѣлые, съ тупыми, на записки устремленными глазами. То и дѣло переворачивали они листы, и заглядывали то туда, то сюда, желая, въ полчаса пересмотрѣть и подтвердить все, что у нихъ было не твердо. Непріятно испытывать ощущенія подобныхъ экземпляровъ. Ихъ нервическая лихорадка растетъ съ каждой минутой, по мѣрѣ приближенія къ тому моменту, когда надо подойти къ экзаменаціонному столу и выдернуть билетъ.

Но много было народу веселаго и безпечнаго. Тѣ стояли кучками въ корридорѣ, въ передней, въ самой залѣ, вели громкіе разговоры, потѣшали другъ друга рассказами и прибаутками.

Когда Телепневъ, снявши внизу шинель, поднялся по парадной лѣстницѣ, его охватилъ гулъ, сходящій по всему верхнему корридору. Мундиры такъ и пестрѣли въ глазахъ, особливо при входѣ въ залу. Во второй пріемной комнатѣ у окна стояли кучкой однокурсники Телепнева. Онъ подошелъ къ нимъ.

— Ну, братъ,—встрѣтилъ его Ваксинъ,—билеттики представили начальству; теперь, братцы, не плошай.

— А здѣсь Ноль?—спросилъ Телепневъ.

— Въ профессорской, сейчасъ выкатить. Его посадятъ за тотъ столъ, что около китайскаго шкапа, возлѣ самыхъ креселъ.

— А кто депутатомъ?

— Депутатомъ Сашенька, химикъ... Просто лафа будетъ, коли никто не сбрендитъ.

Камералисты-первокурсники смотрѣли очень бодро, хотя больше половины ихъ, что называется, въ зубъ не умѣла

толкнуть безъ *своихъ* билетовъ. Всѣ двинулись гурьбой въ залу и заняли ближайшія кресла къ тому столу, за которымъ долженъ былъ экзаменовать кандидатъ Ноль. Телепневъ помѣстился позади всѣхъ однокурсниковъ, въ третьемъ ряду креселъ. Онъ оглянулъ залу. Та часть ея, гдѣ стояли столы, была еще пуста; только два помощника инспектора ходили, размѣреннымъ шагомъ, въ новыхъ виц-мундирахъ и посматривали, не видать ли гдѣ-нибудь студента въ сюртукѣ? Наконецъ, въ началѣ одиннадцатаго, изъ дверей профессорской залы показалось нѣсколько человѣкъ. Длинноногій кандидатъ Ноль замѣченъ былъ сейчасъ же ожидавшими его камералистами. Онъ выступалъ не сгибая колѣнъ, со спискомъ въ рукахъ. Профессора разсѣлись по разнымъ столамъ; за зеркаломъ псмѣстился грозный деканъ и профессоръ Богель, читавшій уголовное право. Къ нимъ же присѣлъ ректоръ со звѣздой. Возлѣ скелета показалась кудрявая голова анатома, и медики, цѣлой стѣной, окружили столъ, покрытый ~~анатомическими~~ ратами и костями. Кандидатъ Ноль дѣйствительно расположился на томъ мѣстѣ, о которомъ говорилъ Ваксинъ. *Сашенька*, какъ называли студенты профессора химіи, похаживалъ вокругъ стола и дрягалъ ногами. Кандидатъ методически разложилъ списокъ и билеты вѣеромъ. Камералисты придвинулись кучкой. Впереди всѣхъ стояли сибиряки; какъ казенные, они значились по спискамъ раньше своекоштныхъ студентовъ.

Началось представленіе вчерашней репетиціи. Человѣка четыре отвѣтили благополучно. Каждый бралъ лѣвой рукой билетъ, ретировался за товарища, мѣлъ въ рукахъ доставшійся ему билетъ, а *свой* вынималъ изъ праваго обшлага. Ваксинъ, какъ главный заводчикъ, совершилъ эту операцію блистательно, почти на глазахъ депутата и получилъ пятерку. Кандидатъ Ноль только корчилъ свои длинные пальцы, сисясь изобразить ими тычинки, пестики и чешуйки. Съ торжествующимъ видомъ отошелъ Ваксинъ отъ стола, и шепнулъ товарищамъ: „Валяй братцы, накатывай его, дурака!...“ Телепневу приходилось отвѣчать одному изъ послѣднихъ. Послѣ Ваксина благополучно кончили еще человѣка три. Дѣшла очередь до длиношеяго саратовца. Онъ былъ малый

трусливый и очень неловкій. Когда онъ выбиралъ билетъ изъ кучки, онъ не съумѣлъ это сдѣлать одной лѣвой рукой, билеты пристали одинъ къ другому и надо было пустить въ-ходъ правую руку. Поднявши ее, онъ выронилъ билетъ, который держалъ за обшлагомъ, ужасно смѣшался и началъ рыться обѣими руками, въ билетахъ. Кандидадъ Ноль взглянулъ на него своими зелеными глазами и нахмурился.

— Который номеръ?—спросилъ онъ лаконически.

— Семнадцатый,—отвѣчалъ покраснѣвшій саратовецъ.

— Семнадцатый уже былъ.

Всѣ первокурсики, которымъ предстояло еще эккаменоваться дрогнули, дѣло было проиграно. Могъ произойти скандалъ. Кандидадъ Ноль началъ пересматривать кучку билетовъ уже отвѣченныхъ и нашелъ тамъ семнадцатый номеръ. Онъ покраснѣлъ; но такъ какъ, по натурѣ своей, лишенъ былъ всякой способности произвести какую-нибудь сцену, то ограничился только тѣмъ, что надулъ губы и своимъ сухимъ, указательнымъ перстомъ ткнулъ въ пачку билетовъ, показывая тѣмъ, что нужно взять новый билетъ. Саратовецъ взялъ. По счастью, ему достался вопросъ изъ терминологіи и онъ отвѣтилъ порядочно; но кандидадъ этимъ не удовольствовался. Убѣдившись въ коварствѣ и школьничествѣ своихъ слушателей, батаникъ началъ прохаживаться по всему предмету. Для остальной братіи сдѣлалось ясно, что со своими билетами не выйдешь, а только попадешься. Саратовецъ, еле-еле, выкарабкался и насилу упросилъ кандидата поставить ему тройку. Очень сконфуженный, почти убитый своей неудачей, пошелъ онъ отъ стола и по дорогѣ нѣсколько человѣкъ его выругало. Только одинъ Телепневъ проводилъ его до корридора и старался немножко пріободрить. Нѣсколько человѣкъ провалилось и весьма красивыя единицы залетѣли въ списокъ батаника.

— Ну-ка, Телепневъ, маршируй,—шепнулъ ему маленькій блондинъ, очень счастливый тѣмъ, что онъ по списку значился на букву х. Телепневъ, еще въ корридорѣ, бросилъ свой подставной билетъ изъ обшлага, и хотя не считалъ себя очень хорошо приготовленнымъ, но все-таки вздохнулъ свободнѣе, подходя къ столу. А у стола, кромѣ депутата,

сидѣла еще фигура, которую Телепневъ только разъ всего въ теченіи года, видѣлъ въ церкви. Это былъ помощникъ попечителя, когда-то профессоръ математики и ректоръ. Онъ представлялъ собою высокую и мрачную фигуру. Огромная голова была покрыта всклокоченными волосами съ просѣдью, длинныя брови нависли надъ краснымъ носомъ. Телепневъ весьма удивился увидавши, что мрачная фигура помощника попечителя сидитъ въ креслѣ спиной къ столу, такъ что не было ни какой возможности, ни профессору, ни экзаменуемому обращаться съ рѣчью въ его сторону, а математикъ, низко опустивши голову, имѣлъ, видъ человѣка или спящаго, или пришибленнаго ударомъ.

Телепневъ взялъ билетъ. Ему досталось семейство крестоцвѣтныхъ. Билетъ былъ ему знакомъ. Онъ отвѣтилъ бойко, но его чрезвычайно стѣсняла фигура помощника попечителя, такъ что онъ рѣшительно не зналъ въ какую сторону обращаться. Не менѣе стѣснялся и кандидатъ Ноль, а математикъ въ своемъ креслѣ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни. Когда Телепневъ кончалъ свой вопросъ, тотъ поднялся, и вдругъ, подойдя къ нему, спросилъ въ носъ:

— Что вы отвѣчаете?

— Семейство крестоцвѣтныхъ, — проговорилъ скромно Телепневъ.

— Какихъ?—мрачно переспросилъ математикъ.

— Крестоцвѣтныхъ, —повторилъ Телепневъ.

Математикъ промышаль что-то такое и отходя отъ стола, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, надѣлъ шляпу. Побойчѣе изъ первокурсниковъ фыркнули, химикъ-депутатъ улыбнулся, а кандидатъ Ноль только развелъ своими крючковатыми пальцами. Помощники инспектора, какіе были въ залѣ, остановились въ изумленіи, увидя, что его превосходительство Николай Ивановичъ выкинулъ черезчуръ ужъ математическое колѣнцо. Одинъ изъ нихъ подошелъ было къ нему, но Николай Ивановичъ такъ на него взглянулъ, изъ подъ своихъ огромныхъ бровей, что помощникъ сократился. Все это заняло вниманіе экзаменатора, онъ мало понималъ Телепнева и, задавши ему два три-вопроса, помимо билета, отпустилъ и поставилъ четверку Телепневъ не пошелъ домой

а остался еще съ полчаса, прислушиваясь и приглядываясь къ тому, что происходило въ залѣ.

У медицинскаго стола экзаменъ имѣлъ суровую и внушительную форму. По раскраснѣвшимъ лицамъ студентовъ, по отрывистому шопоту, который проносился въ кучкѣ, окружавшей столъ, видно было, что тутъ дѣло не шуточное. Любимый профессоръ былъ очень строгъ, требовалъ всегда отвѣта на шесть билетовъ, и вдобавокъ еще прохаживался по всему предмету. Когда Телепневъ придвинулся къ медикамъ, сквозь толпу онъ увидѣлъ Абласова отвѣчавшаго что-то, съ костью въ рукахъ. Абласовъ немножко поблѣднѣлъ и все поправлялъ правой рукой свои длинные волосы. Профессоръ слушалъ его, точно все улыбаясь и прерывалъ односложными вопросами. Экзаменъ Абласова длился, по крайней мѣрѣ, минутъ двадцать. Все это время Телепневъ слѣдилъ за нимъ глазами, и немножко волновался. Наконецъ, профессоръ кивнулъ головой, и Абласовъ отошелъ отъ стола.

— Сколько?—спросилъ его Телепневъ.

— Незнаю,—отвѣтилъ тотъ,—кажется пять.

Они вмѣстѣ отправились домой. Тревога перваго экзамена гораздо болѣе отразилась на Абласовѣ, чѣмъ на Телепневѣ. Для него это было не шуточное дѣло; а рѣшеніе судьбы цѣлаго года.

— Ну вотъ и университетскіе экзамены, — промолвилъ Телепневъ.—Не больно-то красиво!...

— А что я тебѣ говорилъ, Боря, еще годъ тому назадъ!.. Та же гимназія, коли еще не похуже...

— Ну у васъ-то,—перебилъ Телепневъ—все еще серьезнѣе надо все-таки знать предметъ.. нельзя на фуфу, съ своими билетами являться...

— Да, только изъ одной анатоміи. Мы всѣ работали, правда, круглый годъ... и то вѣдь больше изъ страху дѣлается... А естественныхъ-то наукъ ни одинъ въ зубъ толкнуть не умѣетъ... хоть шаромъ покати... Просто срамъ!..

— Да какже это такъ?

— Да очень просто... читали скверно, охоты небыло ходить, книгъ порядочныхъ нѣтъ, записки дурацкія, на анатомію ушло все время, такъ никто и не принимался...

— Ну съ чѣмъ-же вы явитесь?

— Кое-что подчитаемъ; а то такъ и съ своими билетами.... Я изъ химіи еще маракую, ну изъ батаники также; а ужъ на минералогію эту и не заглядывалъ... Такъ тутъ по неволѣ начнешь школьничать....

Телепневъ взглянулъ искоса на Абласова и потупился. Ему просто непріятно сдѣлалось, что онъ, этотъ трудолюбивый и честный Абласовъ, будетъ также, какъ и камеральная братія, поддѣлывать билеты. Не красивой оказывалась дѣйствительность. Прошло не больше года и всѣ иллюзіи гимназиста разлетѣлись. Телепневъ чувствовалъ, что ни одна его надежда не сбылась, все было не такъ и сложилось иначе, чѣмъ онъ думалъ и создавалъ своимъ воображеніемъ. И самъ онъ, и обстановка его, и занятія, и профессора, и экзамены, все это было такъ мелко, пошло, мизерно, обыденно. Можетъ быть, тоже самое думалъ, въ эту минуту и Абласовъ. Но онъ все-таки преслѣдовалъ свою цѣль; онъ зналъ, что ему надо быть медикомъ; и худо-ли, хорошо-ли, а онъ выучится медицинѣ.

— Здравствуйте, мудрецы критскіе! — вдругъ вскрикнулъ Горшковъ, останавливая ихъ на Преображенской. — Что прошпандорили васъ порядкомъ? Что носы-то повѣсили? А я только побѣждалъ полюбоваться, какъ вы будете всю эту комедь изображать!... Кто провалился, сказывай ребята!

— Никто — отвѣтилъ Телепневъ, — оба прошли благополучно!

— Ну вотъ это я люблю! Это значить паиньки; я вамъ за это куплю по лошаdkѣ... Только чуръ не плошать!.. Всю гимнастику у меня пройти, ни на чемъ не споткнуться!..

— Вотъ артистъ-то! — проговорилъ улыбаясь Абласовъ, ударивъ Горшкова по плечу, — въ усь себѣ не дуешь!..

— И разлюбезное дѣло, братцы!... Меня моя математика не стѣсняетъ!... Хочу—люблю, хочу—дарю!. А вы завтракали?

— Нѣтъ, гдѣ же завтракать, — отвѣчалъ Телепневъ.

— Ну такъ валите въ ресторацію!... Я васъ угощаю. Да мы устали, — началъ было Телепневъ.

— Нѣтъ, знать ничего не хочу!... Ашасымъ кия!... Въ

Одессу дуемъ, я вамъ такой ростбиѣъ закажу, что вы у меня послѣ febris examinalis-то въ плотную понакинетесь!...

И Горшковъ, довольный тѣмъ, что онъ будетъ угощать товарищей ростбиѣомъ, повелъ ихъ внизъ на Полонную улицу.

XXV

Приготовленіе къ экзамену исторіи приняло драматическій колоритъ. У Телепнева готовились цѣлыхъ шесть человѣкъ. Наканунѣ экзамена, они всю ночь бодрствовали, расположившись въ его спальнѣ на окнахъ, на стульяхъ, на кровати, даже на полу. Яковъ, то и дѣло, обносилъ всю компанію крѣпкимъ холоднымъ чаемъ и кофеемъ. Это средство считалось самымъ дѣйствительнымъ во время экзамена ихъ бдѣній.

Громко читалъ опять тотъ же Ваксинъ, который зная, что у себя на квартирѣ онъ ничего не сдѣлаетъ, присталъ къ Телепневу, чтобъ онъ взялъ его къ себѣ готовиться. Всѣ трусили исторіи. Это былъ хоть и побочный предметъ, но читался звѣремъ и въ то же время деканомъ. У декана на экзаменѣ надо было держать ухо востро; а объ билетахъ нельзя было имѣть и помышленія. У него лѣтъ уже десять существовали классическіе картонные билеты, величиною въ добрую книжку; и не было никакой возможности сфабриковать такой билетъ; а главное, засунуть его за обшлагъ.

Во второмъ часу ночи компанія рѣшила, что съ часикъ можно соснуть. Всѣ заснули, какъ убитые, гдѣ кто сидѣлъ Телепневъ приказалъ Якову разбудить ихъ въ три, чуть станутъ брежжиться. Молчаливый служитель исполнилъ въ точности приказъ барина, и началъ довольно энергически толкать студентовъ. Отъ Ваксина получилъ онъ въ отвѣтъ ударъ

рукой; но онъ этимъ не смутился и дотолкался таки до того, что тотъ протеръ глаза и поднялся.

— Ну, братцы,—говорилъ онъ, садясь съ ногами, на кровать Телепнева.—Вы меня хоть убейте, а въ головѣ у меня теперь, какъ въ чуланѣ; то есть, ничего-то я не помню....

— Не бось вспомнишь, какъ приспичить,—отозвался бѣлый сибирякъ съ рынымъ лицомъ. — Вѣдь Тихановъ-то, братъ, такъ жиганетъ, что всѣ поджилки затрясутся.

— А что, господа, не прозубрить ли еще по конспекту?—спросилъ маленькій астраханецъ, болѣе спокойный чѣмъ остальные, на томъ основаніи, что онъ значился въ спискѣ на букву х.

— Дурацкая вещь всѣ эти конспекты, — хватилъ Ваксинъ: — именъ да годовъ натискано... зудись-зудись; а послѣ глядь—все и вылетѣло!

— А я такъ предлагаю,—промолвилъ, зѣвая и потягиваясь, другой сибирякъ, коротенькій и широкоплечій,—лечь всѣмъ спать; какого дьявола вы до девяти-то часовъ выучите, только надорвешься этакъ-то, и будетъ тебѣ въ залѣ мутить все нутро....

— А то, въ самомъ дѣлѣ, прикурнемъ,—подтвердилъ Ваксинъ, который радъ былъ придратъ ко всякому случаю, только бы ему какъ-нибудь не заниматься.

— Нѣтъ, господа, — прервалъ его Телепневъ, — мы, все равно, не выспимся; такъ ужъ лучше не расклеиваться, а такъ досидѣть до девяти часовъ.

Яковъ обнесъ опять холоднымъ кофеемъ и началось чтеніе конспекта. Въ девять часовъ напились горячаго чаю, надѣли мундиры и пошли всей гурьбой въ университетъ. У декана экзаменовалось изъ русской исторіи нѣсколько курсовъ, два курса камералистовъ, два юристовъ и четыре курса простыхъ и восточныхъ словесниковъ. Историкъ ходилъ вокругъ стола, съ крестомъ на шеѣ, съ суровымъ видомъ, производившимъ въ массѣ студентовъ припадки *febris examinalis*. Началъ онъ со словесниковъ и порядкомъ пробралъ ихъ. Онъ не любилъ этого факультета за то, что его тамъ не выбрали въ деканы. Словесники отъэкзаменовались часа въ три; до этого време-

ни камералисты рѣшительно не знали, когда придетъ ихъ очередь: послѣ юристовъ или за словесниками. Компанія приготовлявшаяся у Телепнева была страшно утомлена, но домой обѣдать не ходила, ожидая все, что деканъ начнетъ экзаменовать первый курсъ камералистовъ. Въ такихъ ожиданіяхъ прошелъ весь вечеръ. Большой залъ опустѣлъ часу въ четвертомъ и деканъ перебрался въ профессорскую. Онъ также не ходилъ обѣдать. Съ голоду усилилась его суровость. Онъ велѣлъ себѣ подать воды и, шагая по профессорской, глоталъ стаканъ за стаканомъ. Звонко отдавались его тяжелые шаги, и гулъ, производимый голосомъ экзаменующагося. Когда онъ добрался до перваго курса камералистовъ, былъ уже осьмой часъ. Чѣмъ позднѣе становилось, тѣмъ деканъ дѣлался злѣе и злѣе. У юристовъ перваго курса, онъ поставилъ десять единицъ. Та же участь ожидала и однокурсниковъ Телепнева. Казенные попались первые. Одинъ получилъ единицу, другой двойку, третій, отвѣчавшій о геніи Петра Великаго, еле-еле, натянулъ на тройку. Провалился и Ваксинъ, который отвѣчалъ уже при свѣчахъ. Телепневъ сидѣлъ на диванѣ въ углу и не столько волновался ожиданіемъ, сколько усталъ и соскучился слушать, какъ отвѣчаютъ, заикаясь на каждомъ шагу, и смотрѣть какъ деканъ шагаетъ по залу, проваливается и пьетъ воду.

— Господинъ Телепневъ! — прогудѣлъ своимъ торжественнымъ голосомъ историкъ.

Телепневъ вострепнулся и подошелъ къ столу. Онъ очень поспѣшно вынулъ одинъ изъ классическихъ билетовъ на картонной бумагѣ и проговорилъ вслухъ: „Номеръ двѣнадцатый.“

Деканъ наклонился надъ столомъ и прочелъ: „Сѣверная война.“

Сѣверную войну Телепневъ началъ отвѣчать не очень бойко, но сносно. Деканъ послушалъ его минутъ пять, подошелъ къ столу и оперся на него.

— Довольно, господинъ Телепневъ! — провозгласилъ онъ: — Хорошо-съ! благодарю васъ; вижу, что вы посѣщали мои лекціи. Садитесь.

Телепневъ очень радъ былъ сѣсть; только никакъ ужъ онъ

не могъ понять, какимъ образомъ деканъ примѣтилъ его на своихъ лекціяхъ, которыхъ онъ совсѣмъ не посѣщалъ.

Господинъ Ѳедоровъ! — воскликнулъ деканъ вслѣдъ удаляющемуся Телепневу.

А на диванѣ сидѣло трое, и всѣ трое спали. Телепневъ долженъ былъ разбудить господина Ѳедорова, который съ просонокъ понесъ такую гиль, что деканъ сѣйчасъ же влѣпилъ ему единицу Бѣлокуренькій астраханецъ, стоявшій послѣднимъ на букву *херъ*, храпѣлъ въ это время такъ громко, что заглушалъ звукъ шаговъ декана.

Телепневъ вышелъ въ корридоръ, почти шатаясь. Вся эта гимнастика совсѣмъ его подавила; онъ стремился къ одному — лечь въ кровать и соснуть.

XXVI.

Цѣлый мѣсяцъ тянулись экзамены. Каждый день отъ десяти до трехъ актовая зала вмѣщала въ себѣ жужжащую публику; за то на улицахъ студенты видны были только днемъ по дорогѣ изъ университета или въ университетъ, да гдѣ нибудь въ закоулочкахъ перебѣгали они изъ квартиры въ квартиру съ тетрадками подъ мышкой. Посерьезнѣе работали одни медики, а на остальныхъ факультетахъ все выѣзжало на шармачка. Зубреніе было самое лихорадочное у тѣхъ, кто дѣйствительно боялся экзамена. А въ остальной братіи царствовала таже вѣра на авось, съ какою они, вѣроятно, начали жить и по окончаніи курса. Много было и такихъ, которые смотрѣли на экзаменъ, какъ на очень смѣшную исторію, гдѣ профессоровъ можно одурачить, какъ заблагоразсудится. Студентъ Храповъ, напримѣръ, отличавшійся въ сущности полнѣйшимъ невѣжествомъ, у профессоровъ, которые врядъ-ли видѣли его когда на лекціяхъ, былъ на счету прекраснаго студента, замѣчательнаго своими способностями и

успѣхами въ наукахъ. А Храповъ, каждый разъ, какъ онъ рассказывалъ, видѣлъ всегда во снѣ тотъ билетъ, какой ему на другой день попадался на экзаменѣ. Какъ это случалось, про то вѣдалъ онъ самъ да лакей Гришка; но ни на одномъ экзаменѣ въ теченіи трехъ лѣтъ, Храповъ, не провалился, а имѣлъ еще привычку разбавлять всегда свой отвѣтъ разными прибаутками. Не только такихъ воронъ, какъ кандидатъ Ноля проводилъ онъ какъ ему заблагоразсудится, но на двухъ переходныхъ экзаменахъ прельщалъ самого декана.

Не хуже былъ другой экземпляръ—камералистъ второго курса подъ заглавіемъ Пашка Протасовъ. Въ экзамены случился съ нимъ такой пассажъ. Собрались всѣ его однокурсники сдавать сельское хозяйство у того же кандидата Ноля. Часамъ къ одиннадцати является Пашка въ видѣ нетрезвомъ, изъ какого-то весьма неблагообразнаго мѣста, гдѣ онъ пропировалъ два дня и двѣ ночи. Не только сельскаго хозяйства, но ни одного путнаго слова не могло быть въ пьяной его головѣ. Въ занимательныхъ у казенныхъ студентовъ окатили эту пьяную голову ведромъ воды, и такъ какъ отъ Пашки разило, то всунули ему въ ротъ фіалковый корень и онъ жевалъ его до того момента, когда вызванъ былъ по списку кандидатомъ Нолемъ. Достался ему билетъ объ удобреніи пудретами. Что онъ говорилъ неизвѣстно, извѣстно было только то, что агрономъ поставилъ ему четверку....

И немало насчитывалось подобныхъ экземпляровъ въ студентской братіи. И были они олицетворенныя доказательства того, что экзамены гуртомъ не болѣе, какъ эквилибристика.

У Телепнева остальные предметы всѣ прошли благополучно. Онъ могъ даже сказать про себя, что съ успѣхомъ сдалъ экзаменъ. Это обстоятельство хотя и успокоило его, какъ всякая удача; но внутренно убѣдило, что онъ все такой же школьникъ, что не было ничего серьезнаго, ни въ этомъ зубреніи, ни въ этихъ отмѣткахъ, что переходилъ онъ во второй курсъ съ клочками лекцій, съ обрывками именъ и не больше....

XXVII.

Стояли уже послѣдніе дни теплаго мая. Городъ К. опять оживился. Сваливши съ себя обузу экзаменовъ, студенты начали расхаживать по улицамъ и по Черному пруду. Послышались хороводныя пѣсни по вечерамъ; стало пахнуть отъѣздомъ, по нѣскольку разъ въ день раздавались съ пристани свистки пароходовъ, бѣгущихъ внизъ и вверхъ по Волгѣ.

Телепневъ возвращался съ послѣдняго экзамена, Богословіи, который онъ, зная всего одинъ билетъ, блистательно сдалъ ученому архимандриту, ректору академіи. Не хотѣлось ему идти домой; день былъ чудесный, блестящій, такъ и манило вонь изъ города. Но за городъ идти было далеко. Телепневъ спустился на Кузнечную площадь и забрелъ на Черный прудъ. Прудъ красовался въ свѣжей зелени; вода стояла чистая, безъ плѣсени; утки и гуси весело перекрикивались; гуляющихъ, кромѣ дѣтей, никого почти не было видно.

Проходя по большой дорожкѣ, Телепневу захотѣлось за-вернуть въ бесѣдку, гдѣ онъ когда-то, по пріѣздѣ своемъ, столкнулся съ компаніей вологодцевъ. Онъ вошелъ; на скамейкѣ сидѣла дама въ траурѣ, подъ вуалемъ, и чертила что-то такое зонтикомъ по песку. Телепневъ подался назадъ, дама встала. Сквозь вуаль онъ узналъ Ольгу Ивановну Скрыть-ся было неловко; да ему и не хотѣлось въ эту минуту. Онъ поклонился очень почтительно. Она сдѣлала тоже, и подняла вуаль.

— Здравствуйте! — проговорила она ласково, и движеніемъ руки какъ бы пригласила Телепнева войти въ бесѣдку

Онъ вошелъ и даже сѣлъ на скамейку. Нѣкоторое волненіе чувствовалось въ немъ.

— Мы съ вами, — начала она, — видно не даромъ встрѣтились... Да и пора. Вы, вѣрно, на дняхъ ѣдете, послѣ экзамена; я тоже собралась въ деревню, и не на одинъ годъ.

Надолго? — спросилъ Телепневъ.

— Да, надолго Борисъ Николаичъ. Вы пожалуйста не подумайте, что я драпируюсь. Здѣсь мнѣ дѣлать нечего; имѣньемъ надо управлять кому-нибудь, съ дѣтьми возиться. И она слегка улыбнулась.

Телепневъ молчалъ.

— Я увѣрена,—продолжала Ольга Ивановна, своимъ ровнымъ голосомъ,—что мы не иначе простимся съ вами, какъ друзьями.

— Разумѣется,—проговорилъ Телепневъ, и въ голосъ его послышалось что-то въ родѣ насмѣшки.

— Ну, вотъ это не хорошо, — живо вымолвила она: — смѣяться не нужно... Вы думаете, что я хочу дѣлать вамъ упреки!... Неужели я такъ глупа, въ вашихъ глазахъ?... Нѣтъ, Борисъ Николаичъ, я все хорошо понимаю... Вы славный юноша; вы могли бы меня любить, еслибъ я была другая женщина, вы мнѣ дали прекрасный урокъ.... Я старуха, мнѣ нужно засѣсть въ деревнѣ, и выбросить всякую дурь изъ головы... Вотъ и все... Изъ-за этого намъ, право, не стоитъ разыгрывать мелодрамы....

Въ голосъ Ольги Ивановны не слышно было никакого раздраженія; она говорила такъ покойно, такъ мягко, съ такимъ простымъ выраженіемъ въ лицѣ, что Телепневу дѣлалось все жутче и жутче.

— Если я и былъ правъ, Ольга Ивановна,—проговорилъ онъ;—то я все-таки сознаю, что не долженъ былъ....

— Ради Бога,—прервала она,—не оскорбляйте меня, не оправдывайтесь.... Вы не только были правы, но я вамъ вотъ что скажу на прощанье: вы всегда будете правы, вы во время явитесь, во время уйдете, вы сохраните себя всегда юнымъ и неиспорченнымъ. Ну разберите хорошенько: что вы потеряли, что вы потратили со мной? Вы не потратили даже молодости, потому что вашъ разрывъ со мной есть лучшее доказательство этой молодости. Я вѣдь знаю, Борисъ Николаичъ, что у васъ на душѣ есть много, до чего вы меня никогда не допускали... У васъ была, да можетъ быть есть еще любовь къ другой женщинѣ... и вы прекрасно сдѣлали, что не изливались со мной.... Вы унести съ собой свое добро... и я не могу васъ не уважать за это... Дайте же мнѣ вашу руку....

Она протянула свою и Телепневъ крѣпко пожалъ ее.

— Вѣдь вы меня совсѣмъ подавляете своей добротой, — выговоришь онъ потупившись.

— Это еще не бѣда; я вотъ что даже скажу: презирайте меня, что хотите думайте обо мнѣ, а мнѣ ни мало не стыдно смотрѣть теперь на васъ, такъ-таки не стыдно.. Вы для меня всегда будете: добрый, славный, умный Боря; да, такой славный, что онъ даже краснѣетъ отъ моихъ словъ въ эту минуту.

А Телепневъ дѣйствительно краснѣлъ все больше и больше. Она наклонилась къ нему, поцѣловала его въ лобъ и потомъ сейчасъ же опустивши вуаль встала. Онъ тоже поднялся.

— Прощай же, Боря, — скоро проговорила она. — Пожалуйста не говори обо мнѣ дурного; я сама знаю, что куда не пожу.

— Прощай, Оля! Прости меня!... вырвалъсь у Телепнева. Онъ взялъ ее за обѣ руки, Ольга Ивановна вырвала ихъ и обняла его.

— Вотъ тебѣ послѣдній поцѣлуй... Спасибо тебѣ, спасибо! Прощай! Я ѣду сегодня вечеромъ.

И она быстро вышла изъ бесѣдки. Телепневъ не провожалъ ее; а опустился опять на скамейку

XXVIII.

На палубѣ парохода: „*Рафаилъ*“ толпилось не мало пассажировъ. Публика была самая разношерстная: студенты, купцы, а всего больше татаръ, перебирающихся къ Макарію. Узкая носовая палуба была заставлена разными пассажирскими вещами; изъ трюма разило масломъ, а изъ парходной кухни шелъ запахъ жаренаго. Солнце парило и обливало рѣку яркимъ блескомъ. Взобравшись на мостики между

кожухами, Телепневъ стоялъ и оглядывалъ пристань и синюю даль внизъ по рѣкѣ. Ему хорошо дышалось на водѣ и онъ, спокойно облокотясь о тонкія желѣзныя перильца, представлялъ собою въ эту минуту довольную фигуру студента, ѣдущаго на вакацію.

Горшковъ съ Абласовымъ смотрѣли внизу, какъ машинистъ пускаетъ машину. Зашумѣли колеса, заходилъ машинный стержень взадъ и впередъ; пароходъ побѣжалъ вверхъ, таща за собою плоскодонную, пассажирную баржу, имѣющую видъ китайской джонки. Пароходъ былъ малосильный и шелъ тихо. Пассажиры начали устраиваться и въ каютахъ, и на палубѣ. Любители засѣли въ картишки; какая-то художавая иностранка забила въ уголъ съ книгой, а рыжій офицеръ въ папахѣ уже сильно бушевалъ за буфетомъ.

Наши пріятели наслаждались больше природой и вели между собою самые вакаціонные разговоры.

Въ эту минуту ни у одного изъ нихъ не было никакой заботы; они знали, что цѣлыхъ три мѣсяца можно было жить, какъ маленькимъ дѣтямъ, дышать чистымъ воздухомъ, пить молоко и гулять съ утра до вечера.

— Гдѣ ты будешь все лѣто? спросилъ Горшковъ Телепнева.

— Да немножко въ городѣ поживу, а тамъ съѣзжу къ бабушкѣ.

— Къ бабушкѣ? спросили почти въ одинъ голосъ Горшковъ и Абласовъ.

— Да!.. Что вы такъ удивились? Мнѣ теперь съ ней воевать не изъ-за чего; а жалко мнѣ ее стало.

— Есть чего жалѣть, замѣтилъ Горшковъ.

— Полно, перебилъ его Телепневъ, зачѣмъ старое поминать. Старуха свой вѣкъ выжила. Она сама, братъ, примирѣла.

— Зоветъ что ли къ себѣ въ гости?

— Да, просить, чтобы я навѣстилъ ее. Ей жить не много осталось.

— Такъ чтожъ, что не много, перебилъ Горшковъ, ее ничѣмъ не примешь.

— Полно Валеріанъ, сказалъ съ неудовольствіемъ Телеп-

невъ,—я совсѣмъ не такъ объ ней теперь думаю. Разумѣется, она не ангелъ какой-нибудь, но какъ сообразишь все какъ было, такъ и не захочется старое вспоминать.

Абласовъ слушалъ Телепнева молча, но на губахъ его играла одобрительная улыбка. Ему пріятно было слышать, что Телепневъ такъ терпимо и умно отзывается о Пелагеевѣ Сергѣевнѣ.

— Она далеко живетъ отъ города? спросилъ онъ.

— Верстъ сто.

— Ужь не хочешь ли ты ее пригласить на будущій годъ съ собой жить? проговорилъ, хихикая, Горшковъ.

— А ты полно, отвѣтилъ Телепневъ, кладя ему правую руку на плечо, — ужь тебѣ бабушка моя навѣрное меньше досадила чѣмъ мнѣ, а вотъ видишь, я къ ней никакой злобы не чувствую.

— Да ты одно слово — медоточивая струя, въ прощеніи враговъ своихъ упражняешься; а я не такъ какъ ты, меня, братъ, коли гадость какая въ человѣкѣхъ взбѣситъ, такъ я всю жизнь буду помнить.

— Напрасно, проговорилъ Телепневъ. Пелагея Сергѣевна удалилась, когда нужно было, а ей, братъ куда не легко пришлось бѣжать изъ дому. Да и что за толкъ теперь, когда всѣ умерли, разбирать, въ чемъ она была виновата, а въ чемъ нѣтъ.

— А я, вымолвилъ Абласовъ, обращаясь къ Телепневу, никогда не видалъ твоей бабушки...

— Какъ не видалъ, переспросилъ Телепневъ, не можетъ быть!...

— Право не случалось...

— Ну и немного потерялъ, братъ! крикнулъ Горшковъ; — нось вотъ какой, какъ у хищной птицы, глаза ехидные...

Телепневъ посмотрѣлъ на него и покачалъ головой.

— Ну, не буду! Ты нынче какимъ-то рыцаремъ сдѣлался; а вонъ посмотри-ка, кто-то на лодкѣ подъѣзжаетъ...

Всѣ трое взглянули на рѣку. Отъ крутаго, нагорнаго берега отдѣлялась ветхая лодка, съ длиннымъ носомъ. Въ ней сидѣло два мужика, и тотъ, который правилъ, махалъ правой рукой.

— А, Василій Васильевичъ! крикнулъ прикащикъ въ сибиркѣ, стоявшій возлѣ Телепнева.

Пароходъ немного поубавилъ ходу. Лодка, покачиваясь на волнахъ, взбитыхъ колесами парохода, приближалась къ кормѣ. Въ ней сидѣло дѣйствительно два Василя Васильевича, то-есть два черемиса, съ длинными, черными волосами, съ длинными носами на блѣдныхъ, вытянутыхъ лицахъ. Они предлагали рыбы. Поваръ хотѣлъ было вступить съ ними въ торгъ, но капитанъ крикнулъ въ рупоръ; полный ходъ, а черемисовъ обругалъ крѣпкимъ словомъ. Они сидѣли съ вытянутыми лицами, и одинъ изъ нихъ снялъ даже почему-то шляпу.

— А почему у нихъ не взяли рыбу? спросилъ Горшковъ, обращаясь къ синей сибиркѣ.

— Не требуется видно, отвѣчала сибирка.

— Не требуется, а вотъ завтра насъ протухлымъ будутъ кормить.

— Да ужъ это какъ водится, отвѣтила сибирка и отошла въ сторону.

Вечеромъ, у входа въ каюты перваго класса собралась кампанія. Совершенно неожиданно для нашихъ пріятелей выдѣзъ откуда-то *нигилистъ рыбака*, то-есть бѣлобрысый Двужилинъ, въ безобразнѣйшаго покроя парусинномъ балахонѣ.

Онъ съ распростертыми объятіями подошелъ къ Телепневу: должно быть возжелалъ пройтись на счетъ его кармана; Горшкову даже началъ говорить ты, Абласова дружелюбно потрепалъ по плечу

— Какъ вы сюда попали, и откуда? спросилъ его Горшковъ.

— Въ хладныя страны пробираюсь, въ родныя Палестины.

— А гдѣ же вы находились?

— Обучалъ дворянскихъ недоносковъ въ нѣдрахъ царевкокшайскаго узда!...

— Не понравилось?

— Вѣжалъ отъ любострастныхъ вождѣній помѣщицы, какъ прекрасный Іосифъ отъ жены Пентефріевой!

И много еще такого вралъ Двужилинъ своимъ вѣчно-хриплымъ голосомъ.

Вызвавши парходнаго капитана на веселую бесѣду, онъ началъ состязаться съ нимъ въ разсказываніи разныхъ скромныхъ анекдотовъ. Подробности этихъ анекдотовъ съ каждымъ разомъ становились все скандалезнѣе; такъ что какая-то симбирская помѣщица, ѣхавшая съ горничной по своей надобности въ Тверь, сперва желала-было прислушаться къ пріятной бесѣдѣ, но вскорѣ сочла за нужное удалиться на корму и тамъ созерцать заходящее красное солнце и прислушиваться къ цѣломудренному разговору матросовъ, хлебавшихъ жидкую кашицу

— Ну, а какъ вы полагаете, обратился къ Горшкову коренастый учитель гимназіи изъ семинаристовъ, въ камлотовой шинели, одолѣютъ-ли нашихъ въ Севастополѣ?

— А кто же знаетъ, отвѣтилъ весело Горшковъ, можетъ и одолѣютъ..

— А Тотлебинъ-то генералъ зачѣмъ? отозвался, поглаживая свою сѣдую бородку, сановитый купецъ въ гарусномъ сертукѣ.

— Ничего не подѣлаешь, вмѣшался Двужилинъ;—больно ужъ напираетъ французъ

— Это точно-съ! подтвердилъ какой-то маленькій старичекъ въ зеленомъ картузѣ, и съ такимъ видомъ, будто онъ доподлинно видѣлъ, какъ напираетъ французъ.

Въ эту минуту по витой лѣстницѣ поднялась на палубу точно изъ подземелья, долговая фигура въ инженерномъ сертукѣ, на распашку, съ повислыми, порыжелыми эполетами.—Офицеръ этотъ, видимо, возсталъ только-что отъ сна: взъерошенные волосы представляли на головѣ его цѣлый овинъ; опухлые глаза съ красными жилками еле-еле смотрѣли на свѣтъ божій; весь онъ какъ-то перекосялся, и одной рукой придерживалъ бортъ сертука, изъ-за котораго виднѣлась не безукоризненной чистоты рубашка. Въ другой рукѣ держалъ онъ короткій черешневый чубукъ. Одна штана взбилась выше голенищъ и производила также пріятный эффектъ.

— А что господа, обратился онъ хриплымъ басомъ ко всему обществу, солнце—сѣло?

А вы какъ на счетъ этого полагаете? ввернулъ ему Двужилинъ.

Офицеръ усмѣхнулся, при чемъ вся его измятая физиономія приняла такую мину, что Горшковъ не выдержалъ — прыснулъ.

— Да я, знаете, маленько соснулъ.. а далеко отъѣхали? продолжалъ спрашивать офицеръ, ни къ кому не обращаясь въ особенности.

— Оно и видно, зубоскалилъ Двужилинъ.. а куда и въ какія Палестины изволите направляться, сталъ онъ допрашивать инженера.

— Подъ Севастополь.

— Будто бы! а я вѣдь, глядя на васъ, думалъ, что вы прямехонько изъ-подъ Севастополя!...

Вся кампанія расхохоталась, и громче другихъ Горшковъ, хотя Телепневъ и удерживалъ его сзади за рукавъ.

Инженеръ нисколько не обидѣлся, а весьма дружественно ткнулъ Двужилина въ бокъ своимъ чубукомъ и проговорилъ:

— Нѣтъ ли у васъ, батенька, огоньку?...

— На защиту себя обрекаете, приставалъ къ нему Двужилинъ,—бастионы будете укрѣплять?

— Буду укрѣплять, отвѣтилъ невозмутимѣйшимъ тономъ инженеръ, и помолчавъ, обратился къ обществу съ вопросомъ: а вѣдь, господа, адмиральскій часъ пробилъ...

— Еще бы!... подхватилъ Двужилинъ, изъ-за чего же и кровь проливать на бастионѣ!

Бесѣда кончилась тѣмъ, что Двужилинъ спустился опять внизъ, въ буфетъ, съ защитникомъ Севастополя; а остальная братія разбрелась спать и перебраться въ картишки.

Поздно, часу во второмъ, когда пароходъ сталъ на якорь, Телепневъ сидѣлъ съ Абласовымъ на носу и прислушивался къ тишинѣ, охватившей большую, раскатистую рѣку.

— Я къ тебѣ заѣду погостить, проговорилъ Телепневъ.

— Заѣзжай, да только, гдѣ я тебя помѣщу; у меня вѣдь, братъ, фатеръ-то знаешь какой, отвѣтилъ, слегка зѣвая, Абласовъ.

— Ну вотъ еще! постоянный дворъ у васъ тамъ есть какой-нибудь?...

— Какъ не быть, есть и гостинница: „Константинополь“ съ клопами...

— Мнѣ вѣдь тоска будетъ въ городѣ... да какъ-то нигуда не тянетъ... съѣздить бы можно хоть въ Москву... не хочется.. Такъ у меня годъ прошелъ, что просто срамъ!...

— Ничего, наверстаешь...

— Чего наверстать, какъ вернешься въ сентябрѣ, такъ право, при всемъ желаніи, не за что будетъ взяться... этотъ факультетъ глупѣйшій... ничего на немъ путнаго не сдѣлаешь...

— Переѣзди...

— Да пожалуй, что такъ надо будетъ сдѣлать...

И оба задумались, какъ это часто бываетъ съ очень молодыми людьми: вдругъ налетѣло много мыслей, и трудно, и не хочется даже высказывать ихъ; а лучше вдыхать въ себя молча влажную и теплую ночь...

— Что вы, господа, тутъ забились? раздался вдругъ надъ ними сиплый голосъ Двужилина.

Они оба вздрогнули.

— Такъ, вотъ сидимъ, промолвилъ Абласовъ, оборачиваясь.

— Эхъ вы, юноши! ковыряете у себя въ носу, а того не чувствуете, что здѣсь на пароходѣ такія птички водятся, что ну-ну....

Двужилинъ былъ уже на второмъ взводѣ, и его бѣлый балахонъ развѣвался, какъ парусъ, на легкомъ ночномъ вѣтеркѣ.

— Какія такія птички? лѣниво спросилъ Телепневъ

— А такія, батюшка, кочуютъ изъ странъ Хвалынскихъ въ обители Макарьевскія; второклассную каюту занимаютъ. Я ужъ произвелъ рекогносцировку.. малина!... просто можно султаномъ здѣсь наслаждаться. Идемъ ребята!

— Куда? отозвался нехотя Абласовъ.

— Да говорятъ тебѣ въ каюту, а то и на палубу можно вызвать... нѣжную сцену при лунномъ сіяніи изобразимъ!...

Онъ было потащилъ ихъ; но они уперлись, и пошли къ себѣ въ каюту. Обругавши ихъ сусликами, Двужилинъ заломилъ на бекрень свой неизмѣнный блинъ, и скрылся за дрова, стоявшія стѣной вдоль палубы. Тамъ захихикали жен-

скія голоса, и вдругъ хриплый голосъ защитника Севастополя затянулъ:

Ты для меня душа и сила,

Ты для меня огонь святой ..

Все остальное челоѡчество уже спало на пароходѣ.

XXIX.

На другой день вечеромъ, на закатѣ солнца, „*Рафаилъ*“ полнымъ ходомъ катилъ вдоль нагорнаго берега, откуда смотрѣлся въ Волгу нарядный городъ Н. Круто сбѣгали внизъ по горѣ извилистыя стѣны кремля; а тамъ на высотѣ блисталъ крестъ георгіевской церкви, бѣлой и разукрашенной византійскими завитушками.... Пестрой вереницей домовъ устилался нижній берегъ, скрывая за собой людную нижебазарную улицу. Лѣсъ барочныхъ мачтъ стоялъ около Софроновской пристани, а подъ откосомъ набережной сплотились одна возлѣ другой пароходныя конторы съ разноцвѣтными, полосатыми флагами.

Пристань пароходства „*Меркурій*“ заставлена была двухтрубными пароходами, чрезъ которые пришлось путешествовать пассажирамъ, когда „*Рафаилъ*“ причалилъ.

Первый, попавшійся Телепневу челоѡкъ, былъ Лапинъ. Телепневъ непосредственно очутился въ его объятіяхъ, и такъ ему обрадовался, что даже присѣлъ на какой-то тукъ отъ душевнаго волненія.

— Ну вотъ вы и прикатили, мой дорогой, говорилъ радостнымъ голосомъ добродушный опекунъ, а я во второй разъ путешествую сюда; вчера весь вечеръ прождалъ... Здравствуйте пріятели, здравствуйте студенты, раскланивался онъ съ Горшковымъ и Абласовымъ.

— Ну что, какъ у васъ? спрашивалъ машинально Телепневъ. Что Мироновна?

— Дождается васъ, дружище, сюда все рвалась, да я ей приказалъ въ домѣ съ хлѣбомъ-съ солью встрѣчать барина.

— А бабушка?

— Здравствуетъ. Былъ недавно у ней, помирилась. все о царствіи божіемъ толкуетъ, въ благочестіе нынче удари-лась.

— Боря, крикнулъ Горшковъ, взбѣгая по лѣсенкѣ на берегъ; прощай, до завтра!

— До завтра, отвѣтилъ ему Телепневъ; — да поѣдемъ лучше вмѣстѣ. Вы въ какомъ экипажѣ? обратился онъ къ Ѳеодору Петровичу

— Я въ коляскѣ, усядемся всѣ, зовите ихъ обоихъ... Господинъ Абласовъ! крикнулъ онъ, махнувши рукой Абласову, который расплачивался съ матросомъ.

— Да вѣдь я въ другую сторону, откликнулся сверху Горшковъ; вамъ на Покровку, а мнѣ къ Варварѣ великомученицѣ.

Онъ кивнулъ головой и сталъ торговаться съ извозникомъ, а Телепневъ и Абласовъ усѣлись съ Лапинымъ въ коляску и бойкой рысью покатали въ гору, радостно озираясь и об-глядывая родную мѣстность, которая ни на волосъ не измѣ-нилась съ прошлаго лѣта.

Поднявшись на гору, коляска покатила вдоль стѣнъ крем-ля. На бульварѣ сквозь рѣдкія липки виднѣлись гуляющіе. Блѣдноватый отблескъ восходящаго мѣсяца отражался на большомъ бѣломъ зданіи семинаріи, на которую Телепневъ посмотрѣлъ съ какимъ-то безотчетнымъ вниманіемъ. Опять все та-же площадь развернулась передъ нимъ, та-же визан-тійская церковь, та-же много-знакомая гимназія со своимъ пресловутымъ флюгеромъ.

— Что, батюшка, вдругъ спросилъ его Ѳеодоръ Петро-вичъ, — чай, сердце радуется, глядя на родное пепелище?

— Да, отвѣчалъ Телепневъ и разсмѣялся.

Онъ въ эту минуту вдругъ почувствовалъ, какъ далеко отлетѣло отъ него дѣтство: все, что было вокругъ — и гимна-зія, и башня, и церковь, и гостинный дворъ, все это каза-лось такимъ маленькимъ, исчезли прежніе размѣры, исчезъ прежній дѣтскій кругозоръ.

— Абласовъ, проговорилъ онъ, — гимназія-то наша точно въ землю вросла.

— Оттого, батюшка, вмѣшался Лапинъ, что вы сами-то поднялись чуть не съ коломенскую версту.

Большая улица, показалась также Телепневу очень короткой. Не прошло и трехъ минутъ, какъ коляска съ громомъ въѣхала въ ворота дикаго дома.

Телепневъ въѣжалъ на крыльцо и въ дверяхъ передней натолкнулся на Мироновну. Въ сумеркахъ, онъ сразу не узналъ ее, и чуть-чуть не вышибъ у ней изъ рукъ хлѣбъ-соль, съ которымъ старушка поспѣшила встрѣтить своего любимца. Телепневъ схватилъ хлѣбъ, поставилъ его на ларь и бросился обнимать Мироновну. Старушка прослезилась, однако не очень: она не была плаксива по натурѣ; но все ея маленькое лицо дышало глубокой радостью.

— Ну что, долговязый! проговорила она сквозь слезы, — небось забылъ объ насъ, зимой не пріѣхалъ на побывку. Да какъ же тебя вытянуло!

— А ты, Мироновна, ни крошечку не измѣнилась, хоть бы на волосъ постарѣла.

— Вотъ и я тоже ей говорю, подхватилъ Ѳедоръ Петровичъ, входя въ переднюю.

— Ну васъ къ Богу, отвѣчала смѣясь старушка, — сгладите меня на старости лѣтъ. А ты, долговязый, чай-то пилъ ли?

— Да ужъ какой теперь чай, нянюшка!

— Вонъ какой! съ дороги да и чаю не напиться; я тебѣ въ тетенькиной диванной приготовила, иди-ка туда.

Какъ иголкой кольнули Телепнева слова: „въ тетенькиной диванной.“ Онъ опять очутился въ томъ мірѣ, который замеръ для него въ невозвратной дали. Какое-то жуткое ощущеніе пробѣжало по тѣлу; на секунду ему даже боязно сдѣлалось переступить порогъ залы и пройти рядъ этихъ большихъ, пустыхъ, наполненныхъ смертью покоевъ.

— Все въ томъ же видѣ сохранилось, заговорилъ Ѳедоръ Петровичъ, переходя въ залу вслѣдъ за Телепневымъ.

Телепневъ оглянулся назадъ. Хоры по-прежнему темной впадиной смотрѣли въ залу, точно скрывая въ себѣ какія-то невѣдомыя западни. Ломберные столы, классическіе стулья,

все словно застыло со временъ бабенки Пелагеи Сергѣевны; только не было пожелтѣлыхъ растений въ горшкахъ.

— Ты ступай, долговязый, промолвила ласково Мироновна, я сейчасъ велю самоваръ нести въ диванную.

Но Телепневъ молча стоялъ на одномъ мѣстѣ и все осматривался. Онъ испытывалъ опять тоже впечатлѣніе, какъ и на площади: все стало въ глазахъ его меньше; зала потеряла свои прежніе размѣры; но еще грустнѣе, безотраднѣе смотрѣла она.

Абласовъ подошелъ къ нему ближе и какъ-то особенно взглянулъ ему въ глаза; Телепневъ невольно потупился.

— Я вотъ на ваше благоусмотрѣніе оставилъ, началъ опять Ѳедоръ Петровичъ, какъ вы, баринъ, сами разсудите на счетъ дома: наемщики были и хорошія деньги давали, да я хотѣлъ по контракту... не соглашались... а по контракту выискался одинъ купецъ, и сильно приставакъ, да подъ трактиръ я не отдакъ.

Телепневъ почти ничего неслыхалъ изъ того, что говорилъ опекунъ...

— Что вы говорите, Ѳедоръ Петровичъ? вдругъ переспросилъ онъ.

— Да на счетъ дому-то...

— Что же, надо будетъ отдать, вѣдь онъ скорѣе рухнетъ, если оставить его пустымъ.

— Я только контрактъ все выжидаю, чтобъ годика на три взяли; а тамъ, какъ сами кончите курсъ, женитесь. да и заживете домкомъ.

— Ну не знаю, поселюсь-ли; я еще долго буду скитаться.

— Что жъ чай-то нейдешь пить, долговязый? послышался голосъ Мироновны изъ корридора.

Всѣ трое прошли гостиной, которая пахнула на нихъ сыростью и вступили въ гостепріимную диванную, гдѣ столько вечеровъ провели они въ обществѣ Софьи Николаевны. Диванная осталась жилой комнатою. Все въ ней напоминало Софью Николаевну: каждая бездѣлушка, каждый коврикъ. Телепневымъ охватило такое истинно-скорбное чувство, что онъ готовъ былъ, какъ на свѣжей могилѣ, упасть и запла-

катъ свое горе. Мигомъ пронеслась передъ нимъ вся его годовая студенческая жизнь и показалась такой грязенькой, такой пошлой въ сравненіи съ тѣмъ, что было здѣсь, что наполняло эту самую „диванную“.

— Внесли самоваръ. Мироновна усадила гостей на диванъ и стала сама разливать чай. Разговоръ какъ-то не клеился. И Лапинъ, и Абласовъ почувствовали, что Телепневъ слишкомъ взволнованъ воспоминаніями. Опекунъ поспѣшилъ удалиться, переговоривши съ Телепневымъ на счетъ ихъ поѣздки въ деревню; Абласовъ отговорился утомленіемъ и отправился спать въ бильярдную, гдѣ ему приготовили постель.

Остались старушка-няня со своимъ долговязымъ. Онъ потащилъ ее на верхъ, въ тѣ комнаты, гдѣ жили тетя и Маша. У Маши все было чисто, все стояло и лежало на прежнемъ мѣстѣ. Телепневъ осмотрѣлъ кроватку, мебель, книжки, тетрадки, игрушки, куклы... Мироновна только тутъ горько, горько заплакала, и Телепневъ не выдержалъ.. Да и дѣйствительно, что-то надрывающее душу было въ зрѣлищѣ этой свѣтлой машины комнаты..

— Пойдемъ, пойдемъ отсюда, заговорилъ Телепневъ, поднимаясь съ дивана и увлекая за собой Мироновну

Они перешли чрезъ площадку въ спальню тети. Трудно сказать, гдѣ было Телепневу тяжелѣе: въ машинной комнатѣ, или въ этой; но несомнѣнно то, что образъ Маши наполнилъ его чѣмъ-то необычайно свѣтлымъ; скорбь по ней была такъ свободна отъ всякихъ страстныхъ побужденій!.. А здѣсь, въ этой спальней, за этимъ пологомъ...

— Прибираю я, заговорила сквозь слезы Мироновна, прибираю я тутъ каждый день... чтобы ни пылинки не было.. все на своемъ мѣстѣ стоитъ, да живыхъ-то людей только нѣтъ.. и не вернешь ужъ ихъ...

Телепневъ подошелъ къ окну, растворилъ его и сталъ неподвижно смотрѣть на уголокъ неба, который виднѣлся между крышами двухъ домовъ. Уголокъ этотъ освѣщался красноватой зарей...

— Здѣсь что-ли послать тебѣ, или внизу? спросила Мироновна.

— Внизу, нянюшка, у меня въ кабинетѣ.

Онъ подошелъ къ старушкѣ, взялъ ее съ особенной нѣжностью за плечи и усадилъ подлѣ себя на низкій турецкій диванъ, гдѣ столько дней и ночей они просиживали съ „тетей“

— Ну что, взгрустнулось, не къ кому приласкаться-то, не съ кѣмъ душу отвести, промолвила старушка .. Остались только мы съ тобой на свѣтѣ: старый, да малый... только вотъ, со мной еще поплакать привелось; а я помру—и одинъ останешься.

— Одинъ! повторилъ Телепневъ.

— Не горюй очень-то, все позабудется; предъ тобой еще долгій вѣкъ и много радости, много утѣхъ, въ возрастъ взойдешь, женишься, будетъ семья, опять заживешь вотъ здѣсь съ живыми людьми... а прежняго извѣстно не вернешь.

Старушка произнесла эти послѣднія слова съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ. Телепневъ приподнялъ голову и встрѣтилъ тихій, но многозначительный взглядъ; онъ весь вспыхнулъ, точно въ первую минуту, когда юношеская страсть заговорила въ немъ.

— Да, Боря, продолжала тихо Мироновна, тяжкій грѣхъ ты на душу взялъ съ покойницей.. тяжкій безвременной смертью она за него поплатилась...

— Что ты Мироновна!.. вырвалось у Бориса.

— Господь ее можетъ и помилуетъ... на то его святая воля... И Машинька наша, чай, теперь на небесахъ со святыми херувимами за васъ у престола божія молится... И денно, и ночью земные поклоны кладу. за Софью-то Николаву, чтобъ мукъ-то вѣчныхъ не заслужить ей...

Телепневу страшно стало отъ словъ няни.

— Не обвиняй ее, Мироновна, что объ этомъ поминать; я одинъ былъ всему виной...

— Господь разсудить... оба вы такіе молодые, да красивые... я въ ту пору и сама все замѣчала, Боря, а слова не вымолвила; жалко было; а потомъ ужъ и присмотрѣлась.. точно на мужа съ женой .. Потомъ-то ужъ, какъ гнѣвъ-то божій насъ застигъ, какъ прожила я въ пустомъ-то дому, словно въ гробу, цѣлую зиму; такъ это мнѣ какъ въ сердце кольнуло, испугалась я утѣшилась грѣха, вся-то ваша

жизнь передо мной встала... И Машинькина-то смерть душу мнѣ давила, точно я потворщица была вашему грѣху Молюсь я денно и ночью, молюсь.. А ты долговязый молишь-ся-ли?

Борисъ промолчалъ. Онъ не хотѣлъ лгать; а совѣстно ему было признаться Мироновнѣ, что давно уже уста его не произнесли ни одной молитвы ни за себя, ни за Машу, ни за Софью Николавну...

— Я не въ осужденіе, продолжала старушка... а забывать-то не надо, Боря, нашихъ грѣховъ... А жалко мнѣ все-таки на тебя глядѣть... нѣтъ вотъ ея тутъ, твоей радости-то, да и не любить ужъ тебѣ никого такъ, вѣрь ты моему глупому слову... Я какъ подумаю объ тебѣ, да и говорю: женится онъ, какъ въ возрастъ войдетъ; а ужъ отъ него женѣ не будетъ такой любви; больно молодъ любить-то началъ...

Съ лихорадочнымъ интересомъ прислушивался Борисъ къ словамъ няни. Они дышали такой силой, такимъ свѣтлымъ умомъ и глубокой правдой... И все это таила про себя не-словоохотливая старушка, и вотъ когда пришлось имъ такъ задушевно поговорить о погибшихъ людяхъ, о затраченной жизни, объ умершей любви!..

И долго еще сидѣли они на диванѣ. Долго Телепневъ рассказывалъ Мироновнѣ свою студенческую жизнь. Онъ ничего не скрылъ отъ нея, рассказалъ даже объ Ольгѣ Ивановнѣ. Старушка огорчилась; но не стала журить его. Телепнову хоть и очень стыдно было передъ ней, но все-таки онъ свободнѣе вздохнулъ, когда Мироновнѣ сдѣлались извѣстны всѣ его приключенія.

— Завтра пораньше, сказала она ему, сходя внизъ, въ бильярдную, сходимъ-ка Боря пѣшкомъ на могилки.

— Разбуди меня, отвѣтилъ Телепневъ и разцѣловался съ нею.

XXX.

Долго еще не могъ заснуть Телепневъ. Онъ присматривался въ темнотѣ къ своей спальнѣ. Въ отворенное окно входила лѣтняя, ночная свѣжесть. На дворѣ все было тихо; въ бильярдной стучалъ маятникъ все тѣхъ же часовъ, подъ звукъ, которыхъ умиралъ отецъ Бориса на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь лежалъ. Въ комнатѣ стоялъ особый запахъ, который сейчасъ же напомнилъ цѣлую эпоху жизни. Было ему покойно въ постели, ничто не озабочивало, ничто не гнело его, какъ годъ тому назадъ, въ томъ же домѣ; но *хорошо* ему вовсе не было... пустоту онъ чувствовалъ, надрывающую сердце горечь, ѣдкое сознаніе, что не для кого жить, не за что схватиться, всѣ связи, всѣ струны оборваны!..

Снились Борису все старые образы, то бабенка въ своей кацавейкѣ, то одна изъ древнихъ старухъ дѣвичьей, то Маша въ гробу, окруженная цвѣтами, то прогулка съ тетей въ густой аллеѣ липкинскаго сада, то розовый дѣдушка, точно слепленный изъ воску, съ вѣчной мертво-старческой улыбкой...

Утромъ рано Мироновна пришла разбудить Телепнева. Онъ наскоро одѣлся; она ему подала умываться и шутила на счетъ того, что сталъ онъ такой „несуразный“, что совсѣмъ сталъ похожъ на „мужчинку“.

— Дойдешь ли пѣшкомъ до Петра-то и Павла? спрашивала его старушка, когда они выходили изъ воротъ на улицу.

— А ты часто ходишь? промолвилъ Телепневъ...

— Какъ ведро, такъ иной день и къ утринѣ сходишь, и вечеромъ, на закатъ солнышка посмотрѣть: брожу еще, пока ноги носятъ.

Шли они не спѣша, какъ ходятъ добрые люди Богу помолиться; но въ душѣ Мироновны было яснѣе, чѣмъ на

сердцѣ ея питомца. Онъ шелъ съ понурой головой. онъ не надѣялся на молитву, онъ не желалъ ея...

Въ головѣ его бродили воспоминанія... Вотъ онъ идетъ съ кладбища подъ руку съ тетей... Она говоритъ ему о своей душевной тревогѣ, онъ ее успокоиваетъ... Только не можетъ онъ сказать: былъ ли онъ тогда теплѣе и искреннѣе, молился ли онъ такъ, какъ она молилась?.. И все больше и больше недовольства и горечи входило въ его сердце, и все-ниже опускалъ онъ голову, и не слушалъ добродушныхъ, своеобразныхъ рѣчей Мироновны, которая ступала рядомъ съ нимъ своей неторопливой старушечьей походкой, въ короткомъ демитерновомъ салопцѣ, повязанная бѣлымъ, чистымъ, точно къ свѣтлому дню, платкомъ, и подпираясь палочкой буро-краснаго цвѣта.

На знакомомъ мѣстѣ виднѣлась чугунная рѣшетка. Въ-сто двухъ памятниковъ, тамъ стало пять Борисъ сейчасъ отличилъ памятникъ на могилѣ Софьи Николавны: онъ былъ изъ бѣлаго мрамора, изящнѣе другихъ.

Мироновна, не входя въ ограду рѣшетки, опустила на колѣни и припала лбомъ къ мягкому, свѣжему дерну Борисъ также сталъ на одно колѣно. Его вдругъ схватило за сердце, мурашки пробѣжали по всему тѣлу; на рѣсницахъ ощутились слезы... Но молиться онъ не умѣлъ.

Радостное утро сіяло; гдѣ-то невдалекѣ, въ купѣ нарядныхъ березокъ щебетали птички, отовсюду неся благоуханный духъ отъ свѣжихъ травъ и цвѣтовъ, выросшихъ на разрыхленной могильной почвѣ.

Прошло нѣсколько минутъ. Телепневъ поднималъ голову и осматрѣлся кругомъ. Какъ-то особенно улыбался свѣтлый день, оживляя кладбищенскую обстановку Въ глаза Телепнева бросился на первый разъ памятникъ Софьи Николавны. Но рядомъ съ нимъ стоялъ другой, поменьше, мраморный-же, но не бѣлый, а дымчатый, безъ всякихъ украшеній. Не вглядываясь въ надпись, Телепневъ сейчасъ же узналъ, что подъ нимъ лежала Маша.. Онъ упалъ совсѣмъ на землю; и не молитва, но здоровое, молодое горе прорвалось въ его рыданіяхъ...

Заблаговѣстили къ ранней обѣднѣ. Мироновна поднялась

и повела Телепнева къ церкви. Тамъ было совсѣмъ пусто. Борисъ сталъ въ тепломъ придѣлѣ и смотрѣлъ все на царскія двери. По четыре большихъ ангела было вырѣзано на каждой половинѣ дверей. Лики этихъ ангеловъ напомнили ему далекое дѣтство, когда мать привезла его сюда на панихиду въ зимнее, пасмурное утро.

Послѣ обѣдни Мироновна подошла сама къ отцу протопопу и попросила его отслужить панихиду „на могилкѣ“ Телепневъ слушалъ заунывное пѣніе двухъ здоровенныхъ дьячковъ, но оно на него не дѣйствовало. Ему уже не могло быть тяжело отъ повторенія роковыхъ словъ поминанья.

— Кутью-то я не успѣла... говорила Мироновна, когда они неторопливымъ шагомъ возвращались домой. Вотъ, Боря, и привелъ Богъ помолиться вмѣстѣ... У меня тутъ, на могилахъ родное гнѣздышко. Ужъ я Ѳеодору Петровичу говорила, да вотъ и тебѣ теперь низкій поклонъ положу: пусти ты меня возлѣ самой рѣшетки лечь, такъ чтобъ ужъ когда панихиду пѣтъ будутъ, такъ чтобъ и мои грѣшныя кости подъ землей слышали...

Лапинъ цѣлый день былъ въ дикомъ домѣ. Они порѣшили съ Телепневымъ черезъ два дня ѣхать въ деревню, а оттуда къ Пелагеѣ Сергѣевнѣ. Добродушный опекунъ, съ довольной миной внушалъ все своему питомцу, что имѣнье—золотое дно, что Борису нужно непременно построить тамъ винокурню и завести большое скотоводство. Телепневъ со всѣмъ соглашался, и очень мало разумѣлъ въ томъ, что ему выкладывалъ по пальцамъ Ѳеодоръ Петровичъ. Онъ было даже уклонился отъ просматриванія счетовъ; но Лапинъ чуть не вломился въ обиду, и притащивши счета, битыхъ полтора часа щелкалъ на нихъ. Ему видимо, доставляло огромное удовольствіе-то, что онъ можетъ показать Борису, какъ отлично пойдутъ его дѣла и какую привольную жизнь готовить ему будущее...

XXXI.

Въ сумерки на другой день Телепневъ пошелъ бродить по улицамъ. Его родной городъ казался ему теперь совсѣмъ инымъ: пріятнѣе ему было смотрѣть на дома, вглядываться въ лица проходящихъ, пріятнѣе было даже идти по улицамъ и сознавать совершенную свободу въ своихъ поступкахъ; но онъ чувствовалъ, что вмѣстѣ съ сознаніемъ свободы и самостоятельности имъ овладѣваетъ неподдѣльная грусть. Худо ли, хорошо ли текла здѣсь жизнь, но сердце застывало у него отъ мысли, что уже не встанутъ изъ своихъ могилъ тѣ люди, съ которыми былъ онъ связанъ такою связью.

Съ большой улицы, гдѣ стоялъ дикой домъ онъ вышелъ на площадь. Она показалась ему очень красивой при заходящемъ солнцѣ. Даже гимназія имѣла какой-то стройный видъ. На набережной Телепнева догналъ Горшковъ.

— Ну Боря, вскричалъ онъ,—я тѣбя сейчасъ потащу къ Телянинымъ.

— А развѣ они еще здѣсь? спросилъ Телепневъ.

— Послѣ завтра ѣдутъ. Я забѣжалъ къ нимъ передъ обѣдомъ. Какой же, братъ, Надя лутикъ сдѣлалась, и сейчасъ же объ тебѣ рѣчь повела: а ты хотъ бы заикнулся про нее, эфюпъ.

— Пожалуй пойдемъ.

— Пожалуй!.. да ты я вижу, совсѣмъ зазнался съ татарскими барынями!..

— Ну а ты? остановилъ Телепневъ расходившагося пріятеля, не тебѣ бы говорить, не мнѣ бы слушать; сидѣлъ цѣлый годъ въ институтѣ, а теперь въ чувствительность ударился.

— Да что жъ?.. я, ничего, я, братъ, ее къ себѣ никогда не привлекалъ; а мы только друзья; я ужъ ей разные конфидансы дѣлалъ: загубилъ, молъ, сердце свое въ нѣкоторомъ царствѣ...

— Ну чтожъ она?

— Ничего, такъ сладко, братъ, ухмыляется!.. Я въ ней

никакихъ любовныхъ чувствій не возбуждалъ, такъ ей отъ меня можно всякую штуку выслушать...

— Что ты врешь, Горшковъ.

— Ну красная дѣвица, или хочешь на лонѣ природы очиститься отъ всѣхъ грѣховныхъ помысловъ и наслаждений.

Проговоривши все это, Горшковъ, по обыкновенію своему, захохоталъ... а Телепневъ мысленно позавидовалъ въ эту минуту его неизмѣнной и шумной веселости.

Домъ м-ше Теляниной выглянулъ передъ ними все такой же общипанный, чопорно-барскій. На крыльцо выскочилъ мальчикъ Вася, въ неизмѣнной ливреѣ, и на физиономіи своей изобразилъ радость при видѣ Горшкова и Телепнева.

-- Дома господа? вскрикнулъ Горшковъ.

— Пожалуйте-съ, они въ саду; барыня выѣхала; а молодые господа гуляютъ въ саду-съ, проговорилъ жиденькимъ, торопливымъ голосомъ Вася.

— Ну ты что, бутусъ, все чай за дѣвками... и Горшковъ ущипнулъ мальчика за щеку.

Въ большой аллеѣ, какія бываютъ въ хозяйскихъ садахъ губернскихъ городовъ, виднѣлось свѣтлое платице. Пріатели наши направились къ этому платицу. А платице въ свою очередь, узнало ихъ въ сумеркахъ, и почти бѣгомъ стремилось къ нимъ навстрѣчу. Телепневъ остановился и протянулъ Надѣ руку. Передъ нимъ стояла совсѣмъ уже разившаяся дѣвушка, съ высокой грудью, съ роскошными волосами, съ блестящимъ, радостнымъ, добрымъ взглядомъ. Платье на ней было длинное. Горшковъ въ одинъ мигъ переглянулся съ Телепневымъ, и взглядъ его гласилъ: „смотри, эфіопъ, что за прелесть и казнѣся!“

Телепневъ ощутилъ неподдѣльно-радостное чувство при встрѣчѣ съ Надей. Она добродушно пожимала его руку, но когда глаза ихъ встрѣтились, Надя зарумянилась, какъ взрослая, и даже какъ-будто подалась назадъ.

— Умница моя, здравствуйте! крикнулъ Горшковъ и чуть не бросился обнимать Надю...

— Здравствуйте, здравствуйте, какъ я рада, повторяла она, глядя на Телепнева... Давно ли вы? и она не договорила своего вопроса.

— Насилу утащилъ его изъ татарскаго парста, замолоть Горшковъ;—посмотрите, какъ онъ у меня тамъ разцвѣлъ... Что родительница ваша, гдѣ Петинька?

—Маман скоро прїѣдетъ; а Петя здѣсь въ саду, и miss Вересфордъ также; она въ бесѣдкѣ...

— Ну, не горю желаніемъ съ ней раскланиваться, прервалъ Горшковъ.

Надя улыбнулась и взглянула на Телепнева.

— Все такой же шутъ, проговорилъ онъ, указавъ головой на Горшкова..

— А онъ, барышня, все такая же недотрога-царевна...

Надя довольно громко рассмѣялась.

Телепневъ еще разъ осмотрѣлъ ее съ ногъ до головы.

— Пойдемте къ Петѣ m-lle Nadine, проговорилъ онъ особенно ласково и взялъ даже ее за руку, отъ чего Надя опять немножко зарумянилась.

Они нашли Петиньку на одной изъ боковыхъ дорожекъ. Въ соломенной шляпѣ на затылкѣ, въ растегнутомъ до низу жилетѣ, онъ расхаживался съ разинутымъ ртомъ и идиотски обрывалъ прутикомъ мягкіе листки молодыхъ липокъ, окаймлявшихъ дорожку. Увидавъ Телепнева, онъ заржалъ по лошадиному и ринулся лобызать его...

— Боля, крикнулъ Петинька и осклабилъ свои огромные клыки... Ха, ха, ха! Хватилъ!..

— Ну что ты, Петинька?

— А я блатъ ничего... И Петинька опять разразился идиотски-лошадинымъ хохотомъ.

Надя, видимо, конфузилась за глупость своего брата. Горшковъ подлетѣлъ къ Петинькѣ и тотчасъ же пихнулъ его въ животъ. Тотъ разразился хохотомъ и началъ бороться съ Горшковымъ. Телепневъ пошелъ съ Надей назадъ къ большей аллеѣ.

— Я объ васъ часто вспоминала, Борисъ Николаичъ, заговорила Недя ровнымъ голосомъ; вѣдь вамъ, я думаю, ужасно тяжело было весь годъ, въ чужомъ городѣ...

Въ тонѣ Нади дрожали звуки такой первобытной искренности, что Телепнева взяло даже зазрѣніе... Ея дѣвчья чи-

стота какъ-то особенно бросилась ему въ глаза. Онъ почувствовалъ весьма сильно, что въ немъ самомъ нѣтъ уже юношеской непорочности; ему даже стыдно стало, когда онъ невольно, самъ того не замѣчая, бросилъ смѣлые взоры на роскошно развившійся бюстъ Нади... Цѣлая пропасть лежала между ея свѣтлымъ, тихимъ, дѣвичьимъ взглядомъ на открывающуюся жизнь, и его уже потертымъ сердцемъ... Онъ началъ говорить ей объ университетѣ, объ недовольствѣ собой, о скукѣ. Надя слушала его со вниманіемъ, но видно было, что она плохо его понимала. Онъ говорилъ ей черезчуръ старымъ языкомъ; ей нельзя было, почти не на что было отозваться; но все-таки доброе ея сердце радовалось, слушая рассказъ юноши, къ которому съ дѣтства она питала самое теплое чувство.

Телепневу стало неловко отъ своего сухаго, резонерскаго разсказа; но когда онъ взглянулъ еще разъ на прелестную мину Нади, онъ вдругъ оживился и, прервавши свой разсказъ, чуть не вскрикнулъ

— Ахъ, да будетъ говорить о себѣ!.. Я такъ радъ, что я здѣсь гуляю съ вами, что вы все такая же добрая, славная.. Разскажите ка мнѣ лучше, что вы подѣлывали.

— Да что, Борисъ Николаичъ, все тоже, что и годъ тому назадъ... учусь, промолвила она простодушно.

— Многимъ наукамъ?

— Нѣтъ, очень не многимъ... да и не у кого хорошенько учиться... Играю много, и все горюю, что нѣтъ у меня Валерьяна Николаича... а нѣмецъ.. такой скучной.. и глупый, прибавила она кротко; только тактъ бьетъ, а ничего не понимаетъ.

— А miss Бересфордъ? спросилъ насмѣшливо Телепневъ.

— Она нынче со мной не то, что прежде, мы — большіе друзья.

— Будто-бы?

— Право... она вѣдь только на видъ такая.

— Полноте, развѣ я не помню, перебилъ Телепневъ.

— Да вѣдь это прежде было; а теперь ужъ она со мной не обходится какъ съ маленькой.

— Такъ зачѣмъ же она при васъ состоитъ?

— А какъ же, Борисъ Николаичъ, во-первыхъ ей некуда дѣться... ну и тама много выѣзжаетъ.

— И боится оставлять васъ одну...

— Да какже? спросила наивно Надя.

— Разумѣется, подтвердилъ шутливо Телепневъ.

Они подошли къ очень безобразной бесѣдкѣ, имѣющей видъ самовара. Внутри бесѣдка была расписана порыжелыми деревьями. Скорчившись въ три погибели, сидѣла на одной изъ скамеекъ miss Берсфордъ и чмокала по обыкновенію. Телепневъ любезно раскланялся съ ней и получилъ въ отвѣтъ какое-то мычаніе. Англичанка, повидимому, не очень ему обрадовалась и даже довольно строго взглянула на Надю. Имъ обоимъ стало неловко; и Надя предложила Борису пойти въ комнаты, о чемъ тотчасъ же доложила старухѣ.

Тоже пьянино привѣтливо посмотрѣло на Телепнева. Онъ попросилъ Надю сейчасъ же сыграть ему что-нибудь... Она радостно согласилась и, какъ нарочно, заиграла одну изъ его любимыхъ сонатъ. Прибѣжалъ Горшковъ на первые звуки клавишъ и началъ сейчасъ же похваливать... Въ комнатахъ совсѣмъ сгустились сумерки.

Музыка повела къ одушевленному разговору. Горшковъ усьлся съ Надей играть въ четыре руки, наизусть, безъ нотъ. Телепневъ стоялъ у окна и слушалъ...

„Мастадонтъ“ явилась домой въ десять часовъ и величественно раскланялась съ нашими пріятелями. Телепневъ нашелъ ее въ миллионъ разъ пошлѣе, чѣмъ она казалась ему годъ передъ тѣмъ. Съ ланить ея почти валилась штукатурка, глаза были подкрашены, и такая она вся была гадкая, что Телепневъ ужъ безъ всякой юношеской скромности началъ говорить съ ней весьма небрежно. М-ме Телянина все въ него вглядывалась, и обращала къ нему материнскія фразы, сопровождая ихъ томными взорами. Это его просто бѣсило.

„Этакое чучело, этакая дряблая матрона и туда же кобенится“, повторялъ онъ про себя, и чувствовалъ въ тоже время, что послѣдній годъ сдѣлалъ его ужасно безразличнымъ въ отношеніи женщинъ.

Онъ посидѣлъ у ней въ кабинетъ минутъ десять, и безъ зазрѣнія совѣсти отправился въ залу къ Надѣ.

— Я завтра ѣду, сказалъ онъ ей на прощаньи, — вы меня такъ утѣшили.

— Чѣмъ это? спросила Надя.

— Вашей дружбой ко мнѣ.

— Слушайте вы его, барышня крикнулъ Горшковъ. Лжетъ, безстыдно лжетъ! Насилу соблаговолилъ завернуть сюда!...

XXXII.

— Ну какъ же, батюшка, говорилъ Ѳедоръ Петровичъ, поворачиваясь на своемъ мѣстѣ въ тарантасѣ, что жъ вы скажете про студенческое житье-бытье, понравилась вамъ эта жизнь, или здѣсь у насъ лучше?

— Да пожалуй, что и лучше, промолвилъ Телепневъ и весело взглянулъ на дорогу, которая длинной березовой аллей полегоньку спускалась подъ гору

— А что такъ?

— Да не по душѣ что-то пришлось мнѣ. Трудно, знаете, Ѳедоръ Петровичъ, такъ себя съ разу поставить, чтобы и дѣло-то не уходило изъ рукъ, да и съ товарищами-то ладить.

— Ужъ вы-то навѣрно занимались, не въ примѣръ прочимъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Телепневъ, тряхнувъ головой. Лгать передъ вами не стану: до самаго до великаго поста ничего я не дѣлалъ, да и на лекціи совѣмъ не ходилъ.

— Ну, оно извѣстно, спервоначала нельзя же вдругъ заговорилъ сладкимъ тономъ добродушный Ѳедоръ Петровичъ.

— Какъ нельзя, очень можно, Ѳедоръ Петровичъ, да дѣнь наша поганая...

На эго добродушный опекунъ не нашелся что отвѣтить... Ему очень хотѣлось, чтобы Борисъ самъ себя похвалилъ; а разговоръ, напротивъ, принималъ тонъ самоосужденія

Ѣхали они по гористой, большой дорогѣ. Телепневу такая дорога была новостью; онъ до отправленія въ К. нигдѣ не бывалъ дальше Липокъ. Покачиваясь въ покойномъ казанскомъ тарантасѣ, Телепневъ скоро заснулъ и проспалъ кажется станціи двѣ. Лапинъ не будилъ его и даже сиделъ немного бочкомъ, чтобы не обезпokoить своего питомца. Когда Телепневъ окончательно пробудился, дневной жаръ уже спалъ, отъ березъ пошли тѣни, воздухъ пропитанъ былъ теплой влагой; вольно дышалось въ этомъ воздухѣ.

— Хорошо вѣдь, Ѳедоръ Петровичъ, весело проговорилъ онъ, озираясь по сторонамъ.

— Хорошо, милый мой; завтра утромъ на зоркѣ подѣдемъ и къ маестностямъ... Тамъ ужъ начальство ждетъ.

— А вы развѣ дали знать?

— Какъ-же.

— За чѣмъ?

— Для порядку, а вы что-же, хотите этакъ принцомъ — инкогнито явиться.. проголодать бы пришлось, ничего бы не было готово, ни кроватей, ничего.

Вы мнѣ, Ѳедоръ Петровичъ, въ городѣ, третьяго дня все рассказывали про хозяйство я виновать, тогда однимъ ухомъ слушалъ.

— Хе, хе, хе, извѣстно не веселая матерія... Я бы только хотѣлъ, милый мой, чтобы вы на все взглянули; а вникать когда же вамъ; ужъ эги три года позвольте мнѣ послужить... прикащикомъ я пока доволенъ... онъ, извѣстно, плутъ..

— Какъ же вы его держите, Ѳедоръ Петровичъ?

— Ахъ. батюшка, гдѣ же ихъ честныхъ то набрать?... Эготъ. по крайности, дѣло знаетъ и ничего не упуститъ изъ важнаго; ну да вѣдь у меня не больно разыграется.. я всю механику-то насквозь вижу..

— Много я прожилъ денегъ... проговорилъ какъ бы про себя Телепневъ.

— Что за много... все двѣ тысячи въ зиму...

— А развѣ это мало, Ѳеодоръ Петровичъ?

— Ну доходцу-то у васъ въ этомъ году побольше было.

— А сколько? спросилъ Телепневъ разсѣянно.

Ѳеодоръ Петровичъ усмѣхнулся.

— Вижу я, багюшка, что ничего вы таки не слышали изъ того, что я вамъ изволилъ докладывать.

— Ничего, Ѳеодоръ Петровичъ, подтвердилъ добродушно и со вздохомъ Телепневъ.

— У васъ было, считая съ процентами опекунскаго со-вѣта, тысячъ до сорока...

— Серебромъ?

— Нѣтъ, я по сторонѣ, на ассигнаціи... слишкомъ де-сять тысячъ, да вѣдь тутъ не весь хлѣбъ; половину я не трогалъ.

— Вотъ какъ, проговорилъ Телепневъ и задумался...

Довольно онъ думалъ о томъ, что вотъ есть у него большія средства, такія есть деньги, которыхъ ему не прожить въ свое студенчество... Что же дѣлать съ этими деньгами, на что ихъ получше употребить?.. Ничего путнаго не представлялось ему въ эту минуту. Просто раздать бѣднымъ!.. очень ужъ наивно, да и раздать надо съ толкомъ.. Можно одна-кожъ сдѣлать что-нибудь для крестьянъ.

— Ѳеодоръ Петровичъ! прервалъ Телепневъ молчаніе.

— Что, батюшка? отвѣчалъ опекунъ съ просонья ..

— Крестьяне мои хорошо живутъ, не нуждаются?

— Съ жиру бѣсятся...

— Однако вѣдь можно, я думаю, сдѣлать какія-нибудь облегченія въ работѣ.

— Чево-съ?

— Я говорю, облегчить ихъ трудъ...

— Ну ужъ этого-то, батюшка, ради Христа не затѣвай-те; одно баловство будетъ и больше ничего... У него земли-то на душу по восьми десятинъ приходится, да угодыя всякія; а вы ему облегчать хотите трудъ... Нѣтъ, ужъ оставьте вы эти гуманности!

И Ѳедоръ Петровичъ не на шутку раскипѣлся... Телепневъ, слушающаго, только посмѣивался.

— Да какъ же, Ѳедоръ Петровичъ, началъ онъ опять, — вы такой добрый и такъ смотрите на крестьянъ...

— Такъ и смогрю, батюшка... потому что знаю ихъ.. Кабы они были разорены, тогда другое дѣло, а они просто благоденствуютъ. Какого-же имъ еще рожна... не въ фермеровъ же ихъ обратить... вы не разбоемъ ихъ захватили, а по вотчинному праву владѣете!

Телепневъ хотѣлъ было опять возражать; но добродушный опекунъ стоялъ на своемъ, и видно было, что такой разговоръ больно ему не по нутру. Телепневъ перемѣнилъ разговоръ

Вечеромъ оба рано заснули и чуть свѣтъ вѣхали въ „маетности“ Но въ деревнѣ уже поднялся людъ. Когда Телепневъ раскрылъ глаза, тарантасъ, подпрыгивая, спускался съ пригорка въ кочковатую лощину. Онъ оглянулся во всѣ стороны. Позади былъ большой лѣсъ, откуда они выѣхали, по бокамъ также рѣдѣющая опушка; впереди рѣчка, чрезъ которую положены были два мостика. По другому берегу рѣчки тянулась въ одинъ порядокъ длиннѣйшая деревня, и лицомъ смотрѣла на рѣку, стало-быть и на подъѣзжающій тарантасъ. Телепневъ съ любопытствомъ воззрися на нее и началъ даже считать избы.

— Ѳедоръ Петровичъ! почти вскрикнулъ онъ.

Лапинъ проснулся.

Что такое, батюшка?

— Посмотрите-ка.

— А-а!... Маетность на виду! Видите, какъ ее вытянуло!.. Я имъ дуракамъ тысячу разъ говорилъ, чтобъ разсѣлились. Такъ нѣтъ, ломаютъ одно, „мы-ста тутъ родились, цаво намъ дворы переносить“, а самъ за десять верстъ ѣдетъ пахать!... Такая мордва неумытая!

— Да вѣдь у насъ есть же хуторъ? спросилъ Телепневъ.

Хуторъ нашъ, господскій, тамъ бобыли, работники, есть и семейные, да тѣ на вывозъ куплены, изъ пензенской, изъ-подъ Красной слободы.

— Неужели на вывозъ?...

— А что же это васъ такъ удивило?...

— Да какже на вывозъ, точно вещи какія!...

— Ну ужъ батюшка, вы опять.. И опекунъ махнулъ рукой.

Тарантасъ въ это время переѣзжалъ мостъ и, точно по клавишамъ, игралъ по звонкимъ бревнамъ, прикрѣпленнымъ „на авось“ крестьянскимъ строительнымъ искусствомъ. Поднялись на берегъ проулкомъ, между двумя амбарами и вышли къ колодцу на небольшую, зеленую площадку

— Вотъ и дворецъ, указалъ Лапинъ.

Въ одну линію съ крестьянскими избами, только отдѣленный двумя переулками, стоялъ „барскій флигель“, довольно дубоватый на видъ, въ семь оконъ, побурѣлый и крытый почему-то тесомъ не поперегъ, а вдоль. Большой дворъ былъ огороженъ частоколомъ; изъ-за него виднѣлся густой липовый садъ. Ворота были заперты.

Звукъ колокольчика тотчасъ привлекъ къ барскому дому почти всю сельскую администрацію. Ворота со скрипомъ отворились и тарантасъ подъѣхалъ къ крыльцу, гдѣ Борисъ былъ снятъ съ подножки фигурой въ сѣромъ, широкомъ пальто лакейскаго покроя. Эта фигура оказалась прикащикомъ и ослабивъ лицо свое, отвѣсила молодому помѣщику и опекуну по очень низкому поклону.

Прикащикъ имѣлъ красноватую рожу, съ длиннымъ и толстымъ носомъ и маслянистымъ, полуплѣшивымъ лбомъ. Физиономія его вообще не понравилась Борису. Заговорилъ онъ какимъ-то удушливымъ, обиженнымъ голосомъ, при чемъ водилъ правой рукой отъ себя въ горизонтальномъ положеніи. Кромѣ прикащика, явился ключникъ, старый, сухой, высокій мужикъ съ рѣдкими буро-сѣрыми волосами и сморщеннымъ лицомъ, похожимъ на греческое мыло. Явились еще чины и власти: бурмистръ, коренастый, низенькій мужикъ съ клинообразной бородой, точно изъ кудели, съ острымъ носомъ и въ огромнѣйшихъ сапогахъ, староста, красавецъ собой, должно быть буйный и слабый на счетъ женскаго пола, и трое выборныхъ, всѣ съ какими-то карявыми, несуразными лицами.

Весь этотъ синклитъ установился около дверей, въ первой комнатѣ, гдѣ Лапинъ съ Борисомъ расположились пить чай.

Борисъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ. Начальство, видимо, желало вступить съ нимъ въ бесѣду; а онъ рѣшительно не зналъ, объ чемъ начать ему бесѣду. Лапинъ началъ спрашивать прикащика, но ему хотѣлось, чтобъ и самъ помѣщикъ показалъ нѣкоторые хозяйственные свѣдѣнія.

Всѣ чины и власти ужасно цокали; Телепневъ почти не понималъ ихъ рѣчи, особливо выборныхъ, порывавшихся говорить въ одно время. Прикащикъ отвѣчалъ довольно странно; но все въ обиженномъ тонѣ. Онъ, видимо, желалъ дать почувствовать юному помѣщику, что опекунъ поставилъ его въ слишкомъ зависимое положеніе. Телепневъ переглянулся наконецъ съ Лапинымъ и на первый разъ отпустилъ команду, объявивши, что имъ еще будетъ время поговорить.

— Что вы, батюшка, сказалъ ему опекунъ по уходѣ сельской администраціи, точно все конфузится ихъ.

— Да какже, Ѳеодоръ Петровичъ, вѣдь я никогда не имѣлъ съ ними дѣла. а тутъ нужно роль на себя брать...

— Не трудная штука... только небольшая разсудительность нужна... Да опять же вы не обязаны теперь.. позвольте ужъ. мнѣ эту тяготу нести; а вы только уваженіе имѣвайте...

— Ха, ха, ха!. разразился Телепневъ.

— Что же вы смѣтаетесь?...

— Да смѣшно ужъ очень, Ѳеодоръ Петровичъ!

— Ну, батинька. плохой, вы, я погляжу, помѣщикъ!...

Телепневъ съ этимъ вполнѣ согласился; но выразилъ мысль, что не худо бы соснуть хоть часокъ. Ѳеодоръ Петровичъ нашелъ такую мысль основательною. и оба они отправились въ спальню, просторную комнату, гдѣ пахло звѣробоемъ и полыню. Стѣны „барскаго флигера“ не были штукатурены; мебель стояла сборная, стараго фасона, какая обыкновенно имѣется въ деревенскихъ домахъ, куда господа только наѣзжаютъ разъ въ десять лѣтъ

Часу въ одиннадцатомъ проснулись они и опять принялись за чай. Прикащикъ приросъ къ дверямъ и вопросительно-масляная его физія вызывала на хозяйственный разговоръ.

Яковъ, пріѣхавшій съ господами, доложилъ, что старики

пришли. Телепневъ посмотрѣлъ вопросительно на опекуна и на прикащика.

— Пришли, значить, пожелать вашей милости добраго здоровья, проговорилъ прикащикъ и посторонился.

— Зови! крикнулъ Якову Ѳедоръ Петровичъ.

Ввалило человѣкъ десять разнокалиберныхъ мужиковъ, съ поклонами и крестнымъ знаменіемъ. Впереди помѣстился приземистый, толстощекий, съ крошечными глазами мужикъ Макушка его головы была выстрижена и вся фигура заключала въ себѣ что-то до такой степени смѣшное, что Телепневъ чуть-чуть не прыснулъ. Толстощекий мужикъ держалъ въ рукахъ небольшую кадѹшку, покрытую довольно грязной парусиной.

Телепневъ поднялся и подошелъ къ нимъ.

— Здравствуй, батюшка, Борисъ Николаевичъ, заговорили въ одинъ голосъ мужики, сильно упирая на букву а... Красное солнышко надъ нами взошло пропищалъ толстощекий, и протягивая къ Борису руки съ кадкой, добавилъ: вотъ пришли твоей милости поклониться, медку кадоцкѹ, не побрезгуй...

— Спасибо, братцы, отвѣтилъ Борисъ и очень сконфузился.

У многихъ изъ стариковъ было такое же лицо, какъ у ключника, — точно мозаиковое, или изъ разноцвѣтнаго мыла. Но далеко не всѣ старики оказались дѣйствительно стариками. Позади, во второй шеренгѣ стояло ражее мужичье, черноволосое, правда карявое на видъ, но еще очень бодрое.

— На долго ль ваша милость сюда пожаловалъ? прошамкалъ сѣдой, съ гнойными глазками старичекъ въ полушубкѣ.

— Да вотъ какъ поживется...

— А мы ужъ не цали увидать-то, началъ опять цокать толстощекий.

Произошла порядочная пауза.

Старики переминались съ ноги на ногу; видно было, что имъ хотѣлось повести объ чемъ-то рѣчь...

Телепневъ это тоже замѣтилъ...

У васъ есть до меня просьба?... наивно спросилъ онъ Опекуна это вопросъ подернулъ. Онъ съ безпокойствомъ

привсталъ и подошелъ къ Телепневу. Доброе лицо его выражало боязливую мысль: ужъ что-нибудь онъ тутъ напутаетъ!

— Ницаво, заговорилъ, почесываясь, толстощекий. много ихъ милостью довольны, и онъ указалъ на Лапина, да теперца...

— Что? спросилъ Ѳедоръ Петровичъ! Или выклянчить хочешь.. Эхъ братъ, Власъ Тимофѣевъ, вѣдь ужъ у тебя въ подпольѣ двѣ кубышки зарыты, такъ ты третью хочешь сколачивать..

— Нѣтъ, Хведоръ Петровицъ, кубышекъ я не зарывалъ...

— Знаю, братецъ, знаю... и наклонившись на ухо Телепнева, онъ проговорилъ: навѣрно что-нибудь вытянуть.

— Мы, ваша милость, начали толстощекий, обращаясь къ Телепневу, на счетъ барщины. очень ужъ намъ тяжело.

— Тяжело? спросилъ Телепневъ.

— Вотъ есть здѣсь старицки, такъ тѣхъ ослобонили; а другіе все тянутъ; а кому годовъ по пятидесяти, а кому такъ и всѣ шесть десятковъ.

— Что жъ, вы просите, чтобъ васъ освободили отъ работы?

— Явите божескую милость. заговорили мужики и въ одинъ разъ бухнулись всѣ на колѣни, и впереди всѣхъ толстощекий съ кадучкой меду въ рукахъ.

— Телепневъ едва не расхохотался, а потомъ опять очень сконфузился.

— Да развѣ вамъ трудно? спросилъ онъ, не зная что сказать.

— Тяжко, батюшка, дѣдинька вашъ покойникъ завсегда ослобонялъ...

Телепневъ было хотѣлъ изречь рѣшеніе, но Ѳедоръ Петровицъ, предвидя неминуемую опасность, выступилъ впередъ энергически, и даже слегка отстранилъ рукой юнаго помѣщика.

— Полно вамъ тутъ, шуты гороховые, прикрикнулъ онъ на нихъ. Встаньте, что вы Бога-то гнѣвите. Не стыдно вамъ барина въ первый же день обманывать!..

— Да мы, Хведоръ Петровицъ... заголосила толпа.

— Что Хведоръ Петровичъ.. ну ты, Власть Тимофѣевъ, вѣдь тебѣ брать сорокъ-четвертый годъ, ты одинъ на одинъ на медвѣдя ходишь, у тебя двѣ мельницы, маслобойня, тридцать десятинъ земли принанимаешь; а тутъ канючить... Эхъ вы, христопродавцы!

Добродушный опекунъ ужасно расходился.

— Кто изъ васъ дѣйствительно въ старости находится, — тотъ барщины не тянетъ; вотъ первый Евстигней Федосѣевъ, Еволъ, Намферъ, Яковъ Пантелѣевъ... Я вѣдь васъ знаю... Не слушайте вы ихъ глупыхъ просьбъ, Борисъ Николаевичъ.

Телепневъ еще болѣе стѣснился.

— Я, братцы, началъ онъ, хорошенько не знаю вашихъ дѣлъ; а Ѳедоръ Петровичъ, мой попечитель, и онъ вамъ зла не сдѣлаетъ...

„Старики“ помялись-помялись, начали было пространно излагать свои нужды и печали; но нахмуренныя брови Ѳедора Петровича остановили ихъ краснорѣчіе.

Аудиенція кончилась.

— Нѣтъ ужъ, милой мой, обратился къ Телепневу опекунъ, не балуйте вы ихъ ради Создателя.

— Да я, Ѳедоръ Петровичъ, ничего не понимаю и не хочу вмѣшиваться.

Дѣло не обошлось безъ сходки. Всѣ крестьяне пожелали зрѣть молодаго барина, „малолѣтка“, какъ его называли на порядкѣ. И на сходкѣ Борисъ сильно стѣснился, слушалъ, что ему выкладывали крестьяне; но не зналъ какъ и на что ему въ попадѣ отвѣчать, и что пропускать мимо ушей съ барскимъ равнодушіемъ.

Сходка гнула однако на практическій исходъ. Крестьянамъ хотѣлось, чтобы баринъ помѣнялся съ ними лугами и отвелъ десятинъ десяточекъ лѣску, такъ какъ много семей подѣлилось, и строится нечѣмъ. Борисъ рѣшительно не зналъ что дѣлать. Ему хотѣлось доставить міру какое-нибудь удовольствіе, но передъ нимъ стояла фигура Ѳедора Петровича, такого добраго и благоразумнаго .. а онъ чувствовалъ что всякое его рѣшеніе вызоветъ неудовольствіе Ѳедора Петровича.

Такъ онъ ничего рѣшительнаго и не сказалъ, о чемъ и доложилъ Лапину... Этимъ покончился первый день въ де-

ревнѣ; а всего онъ прожилъ въ ней пять дней. Ѳедоръ Петровичъ возилъ его на хуторъ, показывалъ поля, лѣсъ, пчельникъ, поташинный заводъ, скотный дворъ, молотилку, и всякую всячину. Телепневъ слушалъ, ходилъ, глядѣлъ, и вечеромъ, ложась въ постель, чувствовалъ усталость; а въ головѣ его не уяснялось никакихъ хозяйственныхъ соображеній. Но онъ видѣлъ, что все исправно, всего довольно: хлѣба, скота, разныхъ заведеній; на всемъ отпечатокъ солидности, барскаго приволья... Онъ только и дѣлалъ, что благодарилъ Ѳедора Петровича. А вообще было все-таки не ловко. Крестьяне, одинъ за другимъ начали шататься на барскій дворъ съ безконечными просьбами, и обращались всѣ къ „малолѣтку,“ а отнюдь не къ опекуну, отъ котораго никакой поблажки не ждали. Телепневъ чувствовалъ, что ему незачѣмъ соваться и путать распоряженія Ѳедора Петровича. Положеніе его дѣлалось очень щекотливымъ, и на пятый день онъ объявилъ опекуну, что желаетъ отправиться къ Пелагеѣ Сергѣевнѣ.

XXX.

Подъѣзжая къ Андронову, Борисъ не задавалъ себѣ вопроса: какъ онъ встрѣтится съ бабинькой... Прошедшее казалось ему такимъ далекимъ, что ни одна болѣзненная фибра не тронулась въ немъ при воспоминаніи о скорбной жизни дикаго дома. Онъ не задумался даже надъ тѣмъ, какъ поздороваться съ Пелагеей Сергѣевной. Старыя барскія хоромы приняли его добродушно. Когда онъ въ своемъ тарантасѣ подъѣхалъ, такъ часу въ шестомъ послѣ обѣда, къ огромному крыльцу андроновскаго дома, на встрѣчу вышелъ древнѣйшій служитель, бывшій „*самардинъ*“ розоваго дѣдушки, который съ его смерти проживалъ за ветхостью, въ деревнѣ.

Пелагею Сергѣвну Борисъ нашелъ въ гостиной, куда она вышла, слышавъ колокольчикъ.

Поцѣловались.

— Здравствуйте, бабинька, проговорилъ Телепневъ довольно искренно и пріостановился.

Старуха стояла передъ нимъ вся сгорбившись, такая страшная, что ему стало жутко. Носъ ея еще больше выдался; виски еще рѣзче были вдавлены; вѣчная кацавейка сидѣла на ней, какъ на вѣшалкѣ.

— Здравствуйте, Борисъ Николаевичъ, отвѣтила бабинька шопотомъ, и вдругъ расплакалась.

Телепневъ никакъ не ожидалъ слезъ; онъ не помнилъ, чтобъ Пелагея Сергѣвна когда-нибудь плакала. Но ему сейчасъ же сдѣлалось легко отъ этихъ слезъ... онъ пріободрился и взялъ даже бабиньку за руку.

— Спасибо, спасибо, заговорила старуха, доставая платокъ изъ ридикюля. Заѣхаль... ну чтожъ мы стоимъ, пойдемъ ко мнѣ туда... И она направилась къ двери во внутреннія комнаты.

Борисъ осмотрѣлся. Гостиная точно была въ миньятюрѣ взята изъ дикаго дома... такія же темносинія стѣны, диваны изъ корельской березы, печки, длинныя зеркала съ бронзовой мифологіей, штучный полъ. двери съ позолотой. Надъ диваномъ красовался портретъ молодой Пелагеи Сергѣвны въ голубой шали и большомъ чепцѣ съ цвѣтами. — Портретъ гласилъ, что она была когда-то хороша.

Бабинька привела его въ свою жилую комнату „боскетную“, расписанную садомъ, съ неизбежной горькой въ углу. Эта боскетная, темная, прохладная комната, обдала Телепнева особымъ запахомъ, живущимъ въ стародавнихъ покояхъ, смѣсью ладона съ мускусомъ и мятой.. Пелагея Сергѣвна усѣлась въ большія кресла; онъ помѣстился противъ нея.

— Я знала, что ты будешь, начала она довольно радостнымъ голосомъ, но съ разстановкой... Ты не злой.. довольно на меня сердчать... Ужъ я посиленѣй тебя характеромъ буду, а и во мнѣ все улеглось.

Борисъ слушалъ съ удивленіемъ.

— Людское меня теперь ничто не тревожить... тебя не хочу спрашивать, какъ жилъ... Не мое это дѣло, и меня бояться нечего... Вотъ мнѣ, прежде всего, хочется, въ городъ съѣздить, въ домѣ побывать, на кладбищѣ помолиться.

— Сдѣлайте милость, бабинька, проговорилъ Борисъ.

— Поѣду ..

— Что же вамъ здѣсь... одной...

— Я вездѣ, Борисъ Николаичъ, одна... а правда, здѣсь въ зимнее время тоска и меня заѣла... хожу по комнатамъ до поздней ночи..

— Что бы вамъ хоть теперь же...

— Пожду .. черезъ мѣсяцъ соберусь, за это тебѣ спасибо...

Телепневъ не зналъ, что отвѣчать.

Растворилась дверь изъ корридора и оттуда прѣсунулась плѣшивая голова Ёицки.. и затѣмъ масляныя ея гласки.

— Войди, произнесла Пелагея Сергѣевна.

Наперсница ринулась къ ручкѣ Телепнева. Тотъ отнялъ ручку и долженъ былъ поцѣловать ее въ масляное темя. Больше никакого женскаго пола не появлялось.

— Нѣмку я отправила, пояснила ему бабинька .. Надоѣла хуже горькой полыни, смотрѣть-то на ея фигуру смерть тошно стало.. Да и зачѣмъ на старости лѣтъ приживалокъ разводить, только, себя балуешь.

Телепневъ согласился съ этой истиной.

— Чаю Ёицка Борису Николаичу, скомандовала бабинька, и по уходѣ наперсницы опять начала прежнимъ тономъ...

— Самую мы бесполезную жизнь ведемъ, старухи, поневолѣ смерти захочешь...

— Что вы, бабушка...

— Разумѣется... Ну я, на что же я годна; а я еще изъ бодрыхъ старухъ... да и то только Бога гнѣвишь... Хорошо, мой милый, жить тогда, когда ты еще не выжилъ изъ своего вѣка... когда ты нуженъ, когда ты въ силѣ... и Пелагея Сергѣевна задумалась.

Телепневъ слушалъ ее и говорилъ про себя: „ну, бабинька-то еще не очень уходилась, и гдѣ это у ней благочестіе

нашелъ Ѳеодоръ Петровичъ“ Но она положительно начинала его занимать.

— Такъ вотъ я, милый мой, и прожила почти два года, вязала чулокъ, да и въ церковь ходила.

„А, подумалъ Телепневъ, благочестіе начинается“.

— Въ городѣ я совсѣмъ отъ церкви отстала, а здѣсь куда же больше... и попъ умный... да и нужно счета свести свои за старые годы.

„Однако вѣдь все это очень умно“, подумалъ опять Телепневъ.

— Счета свести, повторила Пелагея Сергѣевна.. Мнѣ можетъ, и передъ тобой нужно повиниться.. я не знаю... Ты мальчикъ незлой, только ты ужъ не очень на меня такъ смотри, что вотъ ты, все старое отъ доброты сердечной забываешь.

„Вонъ оно куда пошло“ подумалъ Борисъ.

— Да, трудно сказать, кто правъ былъ, кто виноватъ; вина у всѣхъ равная, у одного съ умысломъ, а у другого нѣтъ.. А я, мой милый, какъ видишь и въ старости да себя во многомъ сократила...

„Вижу, отвѣтилъ про себя Телепневъ, хорошо вижу“

— Другаго у меня нѣтъ желанія, какъ только, чтобъ ни у кого на мнѣ никакихъ долговъ не осталось... хоть изъ живыхъ, прибавила она, и довольно глубоко вздохнула.

Телепневу трудно было вставить свое слово въ такой разговоръ. Бабинька долго еще толковала на эту тему.

— Сколько тебѣ осталось еще въ ученьи быть? спросила она его между прочимъ.

— Три года, бабушка.

— Думаешь служить?

— Не знаю.

— Опекунъ твой — старательный человѣкъ; ты имъ доволенъ?..

— Онъ прекрасный человѣкъ, бабушка...

— Я это сама нахожу...

И больше во весь день никакихъ разспросовъ. Повела она его въ цвѣтникъ, въ густой садъ, показала свое хозяйство.

Выползли изъ разныхъ норъ старухи и подходили прикладываться къ плечико молодого барина.

Телепневъ ясно видѣлъ, что бабинька ужъ не та хищная бабинька, какъ въ былые годы, что въ деревнѣ она дѣйствительно „себя сократила.“

Утромъ рано, на другой день, онъ отправился гулять въ садъ и въ первой же густой липовой алеѣ встрѣтилъ, сверхъ ожиданія Пелагею Сергѣевну въ неизмѣнной кацавейкѣ.

— Хожу каждое утро, проговорила она послѣ того, какъ онъ поцѣлсвалъ у ней руки, воду пью... это меня освѣжаетъ...

Телепневъ улыбнулся.

— Я вчера тебѣ не успѣла сказать.. Вотъ ты уѣдешь, я въ этотъ годъ умереть могу... такъ я распорядилась на счетъ имѣнья... У меня кромѣ тебя нѣтъ наслѣдниковъ... Я это говорю не въ укоръ тебѣ; ты не промотаешь; опекунъ сказывалъ, что и пятой доли дохода не прожилъ... Похоронить меня тамъ, въ городѣ...

— Да вы, бабушка, почему же не думаете совсѣмъ перѣѣхать въ городъ?... кротко спросилъ Телепневъ.

Бабинька долго не отвѣчала...

— Почему? спросила она и язвительная улыбка змѣйкой проползла по ея тонкимъ губамъ... Очень тебѣ благодарна, мой милый, за твое доброе предложеніе... въ городъ я съѣзжу, недѣльку-другую поживу; а поселяться опять въ большемъ домѣ не согласна...

— Телепневъ покраснѣлъ, и понуривъ голову, выслушалъ этотъ умный и ѣдкій упрекъ...

— Такъ ты, начала опять Пелагея Сергѣевна, мою волю теперь знаешь... все, что ты здѣсь видишь, будетъ твое... я изъ денегъ кое-что отдаю на богадѣльню, да по церквямъ... немного... Передъ смертью нечего ханжить, страхъ божій имѣю; да вѣдь Бога деньгами не закупишь...

Телепневу сдѣлалось очень неловко; но онъ не зналъ, какъ ему переменить разговоръ...

— Ты, мой милый, пожалуйста для меня не стѣсняйся... тебѣ здѣсь скучно будетъ; навѣстишь, денегъ прожилъ и до-

вольно. Я тебя не гоню; но оно право такъ, ты умный мальчикъ, поймешь.

И бабинька такъ на него взглянула, что онъ опять съ ней мысленно согласился. Ему дѣйствительно нечего было больше дѣлать...

На другой день Телепневъ уже катилъ въ своемъ тарантасѣ по большой дорогѣ и лѣнливо поглядывалъ на сонную фигуру Якова, клевавшего носомъ на козлахъ. Онъ ѣхалъ въ гости къ Абласову въ уѣздный городъ А... зачѣмъ? Просто отъ скуки. „А тамъ, думалъ онъ, проѣду въ Москву, а можетъ и въ Петербургъ“... Особенно его никуда не влекло.. Онъ чувствовалъ только, что такъ или иначе, еще придется много поѣздить, много жить и, во что-бы то ни стало, искать интересовъ!...

Долгій, долгій путь открывался передъ нашимъ юношей, и уже начиналъ страшить его своимъ однообразіемъ, какъ та большая дорога, обставленная безконечными березками, по которой подпрыгивалъ его тарантасъ!

„Господи, какъ скучно! почти вскрикнулъ онъ, подѣвжая къ одинокой станціи... Хоть бы колесо сломалось!...

Но колесо пошло своей дорогой...

Конецъ четвертой книги.

ВЪ ПУТЬ-ДОРОГУ!..

ВЪ ПУТЬ-ДОРОГУ!..

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ КНИГАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

И. Д. Боборыкина.

Томъ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіяхъ Внутренней Стражи и Э. Аригольда.

1861.

Дозволено ценсурою, 5-го ноября 1864 года.

КНИГА ПЯТАЯ.

ВЪ ПУТЬ-ДОРОГУ!...

КНИГА ПЯТАЯ.

I.

Стояла морозная, ноябрьская ночь. По совершенно открытой, унылой дорогѣ, съ безконечными снѣжными равнинами по сторонамъ, тащились парные почтовые сани на чухонскій манеръ, въ видѣ лодки съ отлогой спинкой. На козлахъ, согнувшись въ три погибели, увязанный и укутанный, засунувши обѣ ноги въ передокъ, сидѣлъ забитый сынъ Эстоніи, и лѣниво перебирая возжи въ своихъ чухонскихъ варешкахъ, издавалъ свой вѣчный, неуловимый звукъ: *тау!* Что-то скорбное, томящее, раздражающее слышалось въ этомъ ни къ чему не годномъ: *тау!* Мелкія лошаденки эстонской породы, всѣ заиндевѣлыя, фыркая и выпуская клубы пару, выступали по замерзшему, малоснѣжному шоссе со скоростью восьми верстъ въ часъ. Рысь эта способна возмутить всякаго русскаго человѣка, но никакія силы неба и ада не ускорять этой восьмиверстной рыси...

— Куле, рутту! кричите вы фурману, коченѣя отъ холоду... Курратъ! добавляете вы, выходя изъ себя.

— Тау! слышится вамъ въ отвѣтъ, изъ-подъ нахлобученной шапки и увязаннаго платкомъ мѣховаго воротника... И ни единожды плеть фурмана не прикоснется къ эстонскимъ

лошаденкамъ, и ни одна изъ нихъ не вспотѣвъ больше закономъ установленнаго предѣла.

Въ саняхъ сидѣло двое. Одинъ, баринъ, въ енотовой шубѣ, побывавшей отъ морозу, и въ большомъ папахѣ, другой, по всемъ признакамъ служитель, въ полушубкѣ, поверхъ котораго надѣта была шинель на вѣчею мѣху. Служитель помѣщался рядомъ съ бариномъ; но сидѣлъ бокомъ. Лица ихъ не было видно; оба они, или спали, или дремали.

Эстонскія лошаденки трусили себѣ, въ перепрыжку *Куле* окончательно скорчился въ три погибели, и почти не проявлялъ никакихъ признаковъ жизни. Въ небольшой лощинкѣ сани стукнулись бокомъ о камень, какихъ такъ много по балтійскому побережью. *Куле* дернулъ лошадей въ сторону; что-то крикнуло, лошаденки благоразумно стали, дышло было выломано...

Неспѣшно слѣзъ съ козелъ чухонецъ, осмотрѣлъ, что случилось съ санями, издалъ какой-то неопредѣленный звукъ и преспокойно началъ откладывать одну изъ лошадей.

— Что такое? спросилъ просыпаясь баринъ въ енотовой шубѣ, т. е. Телепневъ.

Сынъ Эстоніи забормоталъ по своему...

— Яковъ, посмотри, что случилось тамъ! крикнулъ Телепневъ.

Сонный служитель поднялся, осмотрѣлъ дышло и доложилъ, что случилась бѣда...

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ, на пригоркѣ, стояла корчма съ безконечной уродливой крышей. Сани, кое-какъ дотащили до корчмы, откуда извозчикъ поѣхалъ верхомъ на станцію, версты за три. Яковъ остался при вещахъ. Телепневъ долженъ былъ войти въ корчму. Его обдало сильнымъ, ѣдкимъ, отвратительнымъ запахомъ овчины, водки, табаку и дыму. Огромная низкая комната полна была копоти. Вдоль стѣнъ стояли скамейки и столы. Возлѣ огромной печки устроена была стойка, за которой выставлялась небритая, красноносая, долгогривая рожа чухонца - корчмаря. На стойкѣ стояли жестяныя кружки разной величины. Сальный огарокъ освѣщалъ только голову чухонца, а всю комнату оставлялъ въ совершенной темнотѣ.

Телепневъ сразу не могъ придти въ себя. Онъ все проти-
ралъ глаза, озирался и чихалъ. Долговязыя фигуры въ тулу-
пахъ, огромнѣйшихъ мѣховыхъ шапкахъ и бѣлыхъ вымазан-
ныхъ дегтемъ сапогахъ шагали по корчмѣ, болтали между
собой на мягкомъ и тягучемъ нарѣчїи, подходили къ стойкѣ
и выпивали по цѣлой огромной кружкѣ водки, передавая
кружку изъ рукъ въ руки. Какими-то чудовищами казались
Телепневу въ темнотѣ эти долгогривые сыны Эстонїи. Онъ
присѣлъ молча къ столу, въ совершенно темный уголъ, и
продолжалъ смотрѣть съ любопытствомъ. Съ печи спусти-
лись два огромныхъ желтыхъ сапога, затѣмъ и вся фигура
косматаго, соннаго чухонца въ какомъ то камзолѣ сизаго
сукна. Онъ только-что спустился съ печки, сейчасъ же схва-
тилъ со ставки жестяную кружку, куда шинкаръ влилъ съ
цѣлымъ штофъ водки и отпивъ изъ нея, точно изъ кваснаго
жбана половину, передалъ другому космачу и опять отпра-
вился на печку...

Корчмаръ запримѣтилъ барина, вышелъ изъ - за стойки и
приблизившись къ Телепневу, началъ издавать какіе-то зву-
ки, которые вначалѣ походили на нѣмецкія слова, а потомъ
силились приблизиться къ русскимъ... Телепневъ махнулъ
ему рукой, желая показать, что ему ничего не нужно. Шин-
каръ отошелъ; но все-таки продолжалъ взглядывать на бари-
на, вылупя глаза.

Телепневу стало душно, отвратительный запахъ корчмы
давилъ его. Онъ снялъ свой папахъ и облокотился на столъ.
Тяжелая, дорожная дремота захватила его, глаза слипались,
лицо горѣло; въ спинѣ чувствовалась усталость, въ рукахъ
и ногахъ зудъ. Но онъ все-таки не могъ заснуть.

„Экая дорога, подумалъ онъ, и куда это только несетъ
меня “

Куда несло его? спрашивалъ себя путникъ. Тащили его
чухонскія лошаденки къ нѣмцамъ, въ дальній, ученый горо-
докъ, гдѣ ему захотѣлось поглотить корней знанія. Полгода
прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ, покачиваясь въ тарантасѣ,
безъ цѣли поѣхалъ по большой дорогѣ погостить къ Абла-
сову; а оттуда куда глаза глядятъ. Бытовая жизнь уѣзднаго
городка очень заинтересовала Телепнева. Онъ прожилъ съ

Абласовымъ почти всю вакацію. Въ первый разъ онъ былъ такъ предоставленъ самому себѣ, въ первый разъ вокругъ него была такая первобытная, такая настоящая, реальная жизнь. Познакомился онъ съ отцомъ Абласова, умнымъ старикомъ, который бесѣдовалъ съ нимъ въ свои лучшие дни, т. е. когда не зашибался хмѣлемъ; присмотрѣлся впервые, какъ это пробиваетъ свою жизненную тропинку простой людъ, какъ ему дорогъ каждый день и часъ, какъ полна его грубая, угловатая, тупая жизнь истинныхъ нуждъ и заботъ... И впервые ощутилъ Телепневъ истинное презрѣніе къ своему диллетантизму, къ своему барству, къ своей обезпеченности, къ своимъ рысакамъ... Онъ жилъ тутъ отъ бездѣлья, онъ наблюдалъ, онъ развлекался людьми, какъ картинками; а рядомъ съ нимъ у каждого своя забота, свое ежедневное дѣло, свой крестъ и предѣлъ... Жилъ онъ на постояломъ дворѣ, у мѣщанки, съ утра ходилъ купаться на рѣчку и съ утра же видѣлъ всю панораму уѣзднаго быта, шагъ за шагомъ... Какъ пойдутъ дѣвки за водой, какъ потащатся возы на базаръ, что говорится въ харчевушкѣ и трактирѣ, возгласы и пересуды по дворамъ, крики и ревъ ребятишекъ, бабьи слезы, смѣхъ и пѣсни, мужская брань, мужицкій заулъ и приказное пьянство, — все это живою струею обхватывало его и казалось ему заурядную, настоящую, хлесткую драму жизни... Толковалъ онъ съ мѣщанами, калашниками, торговками, съ судейскими, съ дѣвчатами, съ ребятишками... все его занимало; но вездѣ онъ себя чувствовалъ бариномъ, никто изъ простыхъ людей не отзывался задушевно на его барскіе распросы. Обидно, горько ему стало... Захотѣлось въ самомъ дѣлѣ надѣ чѣмъ — нибудь поработать, во что-нибудь удариться... Къ тому же Телепневъ видѣлъ, какъ работаетъ его тихій, неразговорчивый Абласовъ, какъ онъ съ толкомъ дѣлитъ свое вакаціонное время на дѣйствительный трудъ и на хорошій отдыхъ... И анатомію прошелъ еще два раза, и лекціи ко 2 му курсу приготовилъ, естественными науками началъ заниматься вплотную, составлялъ гербарій, дѣлалъ опыты надъ тѣмъ, что было подъ рукой, взрѣзалъ не одну кошку и не одинъ десятокъ лягушекъ.

„Стало, вездѣ можно заниматься, передумывалъ Телепневъ, стало, во мнѣ самомъ сидитъ вся-то гадость, все тунейдство.“ И все чаще бесѣдовалъ онъ съ Абласовымъ о томъ, какъ устроить свою студенческую жизнь, съ чего начать здѣсь и по возвращеніи въ К.

— Читай, говорилъ ему Абласовъ и продолжалъ переписывать свои лекціи.

Мало Телепневъ прочелъ книгъ; но все-таки прочелъ ихъ вдвое больше въ два мѣсяца, чѣмъ во весь свой университетскій годъ. Къ августу онъ уже рѣшилъ, за что ему приняться. Онъ сказалъ себѣ и Абласову, что бросить безцѣльный и пустой камеральный разрядъ и возьмется за естественныя науки. Вернулся онъ къ К. съ желаніемъ перемѣнить факультетъ и сейчасъ же начать работу въ лабораторіе... Но почему-то воздухъ города К. давилъ его, работа не клеилась; хандра нападала на него по цѣлымъ днямъ, ѣдко отзывалась въ немъ его неприготовленность; а обратиться не къ кому, кругомъ свѣдѣній ни въ комъ нѣтъ: все болыиe ученые пустячки, а не настоящія знанія, ни преданій, ни навыковъ, ни соревнованія.. Работать въ одиночку не хватало силъ. Помаялся Телепневъ такъ мѣсяць-другой... „Поѣду къ нѣмцамъ, здѣсь не рука“, сказалъ онъ себѣ въ одно сѣрое осеннее утро... На эту мысль натолкнули его рассказы одного молодаго адъюкта, только что вернувшагося изъ Д „Тамъ нельзя не учиться, слышалъ Телепневъ, тамъ все учится, тамъ васъ самъ воздухъ побуждаетъ зубрить, рѣзать, наблюдать и думать!“ И легче попасть, думалъ Телепневъ, не нужно ~~вызывать~~ за границу; вѣдь Д. хоть и нѣмецкій университетъ, а все же въ Россіи, примутъ безъ экзамена, и не такъ дико будетъ на первый разъ... Рассказывали ему много и про студентовъ, про ихъ своеобразную жизнь, про связь профессоровъ со слушателями, про академическое равенство, про всеобщую жажду знанія и дѣла, про поэтическія преданія, обычаи и формы...

Схватился онъ за все это какъ за якорь спасенія, и въ половинѣ ноября, съ увольнительнымъ свидѣтельствомъ, пристившись со своими закадыками—Горшковымъ и Абласовымъ, ѣхалъ сухопутьемъ, то въ саняхъ, то на телѣгѣ въ дальнія

Ливонскія страны. Проѣздомъ пожилъ два денька съ Миронной и Лапинымъ и даже съ бабушкой, которая въ это время гостила въ дикомъ домѣ. Въ Москвѣ онъ познакомился съ семействомъ Софьи Николавны; но не заживался тамъ. Ему было даже тяжело съ этими людьми, хотя они прекрасно его приняли. А тамъ чугушка и сѣрый, мокрый ноябрьскій Петербургъ... только утомившій Телепнева. Онъ спѣшилъ къ своей новой жизни, его не влекла столичная суета; онъ назначалъ для этого другое время, когда что-нибудь удастся сдѣлать, когда не будетъ такой тоски отъ бездѣлья и такого стыда отъ барства и диллетантизма.

И вотъ зимняя, мерзлая, пустынная дорога тащила его на маленькихъ эстонскихъ лошаденкахъ къ Аëинамъ, гдѣ онъ чаялъ утолить свою хандроватую жажду знанія и дѣла...

II.

— Пожалуйте, Борисъ Николаевичъ, готово-съ, пробурчалъ сонный Яковъ надъ ухомъ барина.

Телепневъ раскрылъ глаза, и первыя пять секундъ не могъ сообразить, гдѣ онъ находится. Въ корчмѣ стало еще темнѣе; запахъ еще удушливѣе бросился ему въ носъ; предъ глазами торчала рожа косматого корчмаря.. Телепневъ чуть не спросилъ: гдѣ я?

— Готово-съ, повторилъ Яковъ.

— Что готово? переспросилъ его баринъ.

— Сани... привезъ чухна новыя.. вещи перетаскали-съ...

— А.. промолвилъ Телепневъ, и тутъ только сообразилъ, куда онъ ѣдетъ, и что съ ними случилось на дорогѣ... Онъ почти бѣгомъ бросился изъ корчмы, и полной грудью вдохнулъ струю морознаго. ночнаго воздуха.

На козлахъ сидѣла опять неподвижная, укутанная фигура куде; лошаденки пофыркивали; на дворѣ еще сильнѣе сгу-

стились ночные сумерки, и рѣзкій вѣтеръ съ моря непріятно заделалъ подъ воротникъ...

Опять началась восьмиверстная рысь. Яковъ задремалъ, Телепневъ весь разомлѣлъ послѣ душевной корчмы, и вмѣсто мыслей, въ головѣ его бродили какіе-то клочки словъ, а въ ушахъ слышался не то звонъ, не то порывистое гудѣнье... Онъ успѣлъ порядкомъ озябнуть, когда кони подѣхали не спѣша къ станціи... Тутъ Телепневъ хотѣлъ выпить чаю и лечь спать. Служителю его приходилось объясняться на иностранныхъ діалектахъ по части ставки самовара и прочаго.

— Спросите, Борисъ Николаевичъ, самоваръ-съ, я почухонски не знаю-съ, проговорилъ съ какой-то кислой и хмурой усмѣшкой Яковъ, сконфуженный небывалымъ для себя положеньемъ.

„А какъ самоваръ, спросилъ себя Телепневъ; но къ удивленію не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Онъ зналъ по-нѣмецки, но рѣшительно забылъ, какъ называется самоваръ...

— Самоваръ, повторилъ онъ въ недоумѣніи.

— Да-съ; а то вонъ чухонки эти тамъ бормочатъ... кофей, говорятъ; а я имъ говорю, что кофею на ночь глядя никто не пьетъ...

„Кажется: Theekessel, подумалъ Телепневъ и заглянулъ изъ передней станціонной комнаты во вторую, откуда раздавались женскіе голоса. Станція отличалась чистотой; вездѣ лежали половики; помощникъ станціоннаго смотрителя, въ партикулярномъ сертукѣ имѣлъ весьма благообразную физію.

— Geben Sie, bitte, ein Theekessel, сказалъ Телепневъ какой-то бѣлобрысой дѣвушкѣ въ пестрой юбкѣ.

--- Theekessel? повторила дѣвица и осклбила лице свое...

Дѣло однако объяснилось, и Телепневъ пилъ чай черезъ полчаса, познавъ, что самоваръ на мѣстномъ нѣмецкомъ языкѣ называется: Theemaschine. Дали ему и поужинать холодныхъ закусокъ, на большомъ подносі: тутъ были и кильки, и телятина, и рябушка, и моченая свекла съ тминомъ, и масло, и чухонскій сыръ въ видѣ калбасы, опять съ тѣмъ же тминомъ. За все удовольствіе взяли, кажется, четвертакъ. На ночь дали чистое бѣлье, до котораго бѣлобрысая дѣвица,

подававшая чай и ужинъ, не допустила Якова, а сама по-стлала Телепневу въ боковой, чистой и просторной комнатѣ.

Опускаясь на свѣжую, прохладную простыню, Телепневъ ощутилъ сладость неописанную и созналъ, что онъ въѣзжаетъ въ страну несравненно болѣе цивилизованную, чѣмъ городъ Козмодемьянскъ, гдѣ въ трактирѣ, при станціи, его стошнило отъ селянки, съ которой онъ проглотилъ ровно четырехъ таракановъ и двухъ пауковъ...

III.

Въ послѣобѣденное время, часу этакъ въ пятомъ, почтовые сани подѣзжали къ заставѣ университетскаго городка Д. Телепневъ посвѣжѣлъ задолго до въѣзда въ Д. и бодро сидѣлъ на своемъ большомъ кожаномъ чемоданѣ. Яковъ тоже подтянулся немного. Телепневъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ подумывалъ о томъ: къ кому обратиться по приѣздѣ, какъ устроить подѣльнѣе свою студенческую жизнь. У него всего было одно письмо изъ К. къ старичку-профессору фармаціи, который когда-то читалъ рѣ К. химію; но конецъ своей ученой карьеры пожелалъ дожить въ родномъ Д., гдѣ онъ изъ аптекарскихъ учениковъ сдѣлался постепенно магистромъ и докторомъ; а теперь достигъ верха нѣмецкаго благополучія—владѣлъ длиннымъ деревяннымъ домомъ, Анной на шеѣ, и избранъ былъ на двадцать пятомъ году службы всѣмъ факультетомъ, еще на пять лѣтъ, съ титуломъ заслуженнаго профессора.

По дорогѣ встрѣчались нашимъ путникамъ маленькіе сани чухонцевъ, иные на лошаляхъ, а больше все на малорослыхъ бычкахъ, запряженныхъ въ оглобли за рога. Одинокія корчмы попадались чаще и чаще съ приближеніемъ къ городу. Шоссе все спускалось съ горы до самой заставы. Въ полверстѣ отъ нея, по лѣвую руку отъ дороги, раски-

нутъ былъ чей-то барскій паркъ и большой каменный домъ съ башенками и итальянскими окнами... У заставы оказалось что-то въ родѣ будки; но не видно было ничего похожаго на шлагбаумъ... По обѣимъ сторонамъ улицы, круто спускавшейся внизъ, шли заборы. Панорама вообще была не нарядная...

Вотъ, на право, по узенькому, приподнятому тротуару идетъ какая-то фигура. Телепневъ всматривается. Это непременно студентъ. На головѣ его надѣта крошечная, сплюснутая фуражка, похожая на булку, съ узенькимъ голубымъ околышемъ. Фасонъ этой фуражки сейчасъ-же далъ почувствовать Телепневу, что она не проста имѣетъ такую форму. что съ ней связанъ цѣлый міръ студенчества! Закутывался нѣмецъ въ какую-то чуйку, тоже невиданнаго Телепневымъ покроя. Очень ему захотѣлось остановиться и спросить студента, куда онъ идетъ, и хорошо-ли здѣсь студенческое житье, и гдѣ университетъ... Но останавливаться, разумѣется, было незачѣмъ, и сани довольно крупной рысью катились все внизъ, по улицѣ. Телепневъ обглядывалъ дома. Дома были все маленькіе, буроватые, съ высокими черепичными крышами, съ наружными крылечками. Какъ-то мизерно смотрѣли они; но за то гораздо характернѣе, чѣмъ обывательскіе домики въ русскихъ уѣздныхъ городкахъ. Улица отъ заставы, спустившись внизъ, раздѣлилась на два рукава. Извозникъ чухонецъ, оскаливъ зубы, обернулся къ Телепневу и началъ что-то такое бормотать, указывая плетью на дорогу. Онъ спрашивалъ: куда ѣхать? Сначала Телепневъ рѣшительно затруднился; но тотчасъ же вспомнилъ, какъ молодой адъютантъ въ К. рассказывалъ ему, что лучшая въ городѣ гостинница — отель Лондонъ.

— Лондонъ! крикнулъ Телепневъ чухонцу.

Тотъ, почему-то разсмѣялся, и даже ударилъ по лошаденкамъ плетью. Сани взяли направленіе влѣво и скоро очутились на небольшой площадкѣ, обставленной домами повыше и немного понаряднѣе. Виднѣлись кое-гдѣ вывѣски: булочная, калбасная, двѣ-три лавчонки съ чухонскимъ товаромъ. На одной вывѣскѣ Телепневъ прочелъ: *Restoration und Kafe*, и невольно разсмѣялся... На улицахъ было пусто; по свѣ-

жему, морозному снѣгу пробирался кое-гдѣ чухонецъ въ большой шапкѣ, или дѣвочка въ капорѣ и съ сумкой за плечами, или опять студентъ въ чуйкѣ и крохотной фуражкѣ, непремѣнно надвинутой на носъ. Сани повернули еще направо и выѣхали на каменный, старинный мостъ, откуда открывалась большая площадь съ ратушей на заднемъ планѣ, точь въ точь какъ на декораціяхъ провинціальныхъ театровъ, когда дѣйствія происходитъ на улицѣ, въ драмѣ „Смерть или Честь“

— Марктъ! крикнулъ извозчикъ, оборотившись къ Телепневу и опять ослабилъ свою бѣлобрысую рожу

„Марктъ, т. е. базаръ“ перевелъ мысленно Телепневъ и началъ поглядывать по сторонамъ.

Высокіе дома стояли въ ранжирѣ. Нѣкоторые были всего въ три окна, а поднимались этажа на четыре. Площадь пересѣкала улица, и на обоихъ углахъ, — справа у аптеки, слѣва у какой-то посудной лавки, Телепневъ увидѣлъ по большой кучкѣ студентовъ въ разно-калиберныхъ верхнихъ одѣяніяхъ. Это его очень поразило. Кучки стояли спокойно носами вмѣстѣ. Разговоровъ не было слышно. Иные ѣли что-то, кое-кто игралъ съ собаками, которыхъ около каждой кучи виднѣлось по нѣсколько штукъ. Когда сани съ Телепневымъ завертывали на углу въ узкую улицу многіе изъ студентовъ начали въ него вглядываться и даже человѣка два отдѣлилось и проводило его за уголъ.

„Вотъ обычай-то, должно быть привольное житье“, проговорилъ мысленно Телепневъ, и опять началъ смотрѣть по сторонамъ и читать вывѣски. Онъ въѣхалъ въ самую нарядную часть города. Тутъ были и двѣ кондитерскихъ, и книжный магазинъ, съ длиннѣйшимъ заглавіемъ: Buch-Kunst und Musikalien-Handlung. А потомъ опять открылась небольшая площадь съ гостинымъ дворомъ налѣво, и памятникомъ, изображающимъ поясной бюстъ какого-то генерала на гранитномъ пьедесталѣ. У гостинаго двора стояли въ рядъ городскіе извозчики. И они представляли нѣчто характерное. Всѣ были парные, въ большихъ саняхъ съ дышломъ; одѣты были въ синихъ шинеляхъ съ капишонами и ранжевými петлицами на

воротникахъ; а на головахъ картузы, съ бронзовыми коньками на околышѣ.

„Hotel London“, прочелъ Телепневъ на угловомъ домѣ, къ подъѣзду котораго подкатили его, вспотѣвшія немножко, эстонскія лошаденки. Съ удовольствіемъ и нѣкоторой тревогой выскочилъ онъ изъ саней и попросилъ очень неблаговиднаго привратника, чтобъ его провели въ номеръ. Изъ сѣней видѣнъ былъ ходъ въ гостиницу. и сквозь стеклянныя двери — первая комната съ буфетомъ и бильярдомъ. Явился вертлявый кельнеръ съ румяными щеками, въ сѣрой курткѣ и высокихъ воротничкахъ, и рѣзкимъ, картавымъ акцентомъ сталъ выпрашивать Телепнева, въ какую цѣну желаетъ получить онъ комнату. Сначала переговоры какъ-то не клеились; но потомъ дѣло обошлось, и минутъ черезъ десять Телепневъ въ халатѣ лежалъ на кушеткѣ, въ довольно плохомъ, и даже неопрятномъ номерѣ; Яковъ развязывалъ чемоданъ и разные мѣшки; а картавый кельнеръ, стуча немилосердно тарелками, накрывалъ на столъ и производилъ ни къ чему не ведущую бѣготню изъ корридора въ номеръ, и опять изъ номера въ корридоръ.

„Вотъ я и въ Аѣинахъ“, сказалъ себѣ Телепневъ, потягиваясь отъ усталости.

IV

Все утро, на другой день, Телепневъ бродилъ по городу. Проводника онъ не взялъ; это было бы слишкомъ по-европейски; онъ объ этомъ даже и не подумалъ. Да и не трудно было въ одно утро обходить и осмотрѣть небольшой, скупенный городокъ. Отправился Телепневъ опять на марктъ, гдѣ еще не видно было кучекъ, а оттуда вышелъ къ университету. Фасадъ университета ему не понравился и похожъ былъ скорѣй на казарму, съ высокимъ фронтономъ, подпи-

раемымъ тяжелыми колоннами. На фронтонѣ не было никакой надписи, а красовался только черный двуглавый орелъ, очень аляповатой работы александровскаго стиля, какъ и все зданіе. Университетъ стоялъ на возвышеніи, отдѣленномъ отъ улицы каменными столбиками и цѣпами. Телепневъ взошелъ на крыльцо, взглянулъ на фигуру швейцара въ синей ливреѣ съ капишономъ и почему-то въ картузѣ съ краснымъ околышемъ; но проникнуть внутрь не рѣшился. Лекціи уже начались. Телепневъ, стоя на крыльцѣ, всматривался въ студентовъ. Всѣ почти шли съ тетрадками подъ мышкой, увязанными въ картонную *манку*; фizioноміи были больше все бѣлокурыя. Верхнія одежды отличались разнообразіемъ; но не мало было шинелей на военный покрой съ свѣтлыми пуговицами. Вблизи университетъ имѣлъ, съ перваго же взгляда, казенную наружность и вовсе не обѣщалъ приволья академической свободы.

— Собакъ-то, собакъ-то сколько! невольно проговорилъ Телепневъ, глядя, какъ за каждымъ почти студентомъ шелъ или пудель, или бульдогъ съ намордникомъ, или какой другой представитель собачьей породы.

Собаки провожали своихъ господъ до университетскаго подъѣзда; но входъ въ храмъ музъ былъ имъ запрещенъ и онѣ, поджавши смиренно хвосты, или отправлялись по домамъ, или усаживались около ограды въ выжидающей позитурѣ, по-временамъ обнюхивая другъ друга и прилично огрызаясь.

— Was wollen Sie, Jungherr? спросилъ вдругъ Телепнева швейцаръ. бѣловатый, веснучатый парень, на нѣмецкомъ діалектѣ съ чухонскимъ оттѣнкомъ.

Телепневъ затруднился, что ему отвѣтить. Онъ вообще чувствовалъ большую трудность заговорить по-нѣмецки о житейскихъ вещахъ; въ умѣ его слагались все однѣ книжныя фразы.

Не получивши отвѣта, швейцаръ недовѣрчиво взглянулъ на Телепнева, и точно будто хотѣлъ попросить его отойти. Однако этого не воспослѣдовало. Вслѣдъ за приходящими студентами показались съ разныхъ сторонъ и профессорскія фигуры. Телепневъ глядѣлъ во всѣ глаза, чтобъ не просмо-

трѣть ни одной характерной черты. Вотъ пролетѣлъ, точно на парусахъ, шагая какъ цапля, съ вывороченными назадъ локтями, долгоносый нѣмецъ въ какой-то короткой шубейкѣ на хорьковомъ мѣху. Швейцаръ отвѣсилъ ему порядочный поклонъ.

— Пожалуй, какая-нибудь знаменитость, выговорилъ про себя Телепневъ и посторонился, когда предполагаемая знаменитость пролетѣвъ мимо, задѣла его локтемъ.

— Sagen Sie mir, bitte, обратился Телепневъ скромно къ швейцару, wer ist dieser Herr?

Швейцаръ опять подозрительно оглянулъ пришельца, тѣмъ болѣе, что на шинели Телепнева были серебряныя, а не золотыя пуговицы.

— Professor Schulz, проговорилъ онъ отрывисто и пошелъ въ сѣни, захлопнулъ за собою дверь.

— Профессоръ Шульцъ, повторилъ Телепневъ... Вѣдь это знаменитость! Онъ вѣдь химію читаетъ... мнѣ у него и нужно работать въ лабораторіи.

И ему сейчасъ же захотѣлось пойти вслѣдъ за химическою знаменитостью, рекомендоваться, высказать ему свое горячее желаніе работать подъ его руководствомъ. Однако онъ не двинулся съ мѣста. „Неловко этакъ нахрапомъ,—разсуждалъ онъ,—надо вотъ совсѣмъ поступить, къ ректору явиться; а потомъ уже и просить работы“ Мысли его прервало появленіе на горизонтѣ новой профессорской фигуры. Старичекъ съ розовыми щечками, кисло-сладкой улыбкой и сѣдыми, кудрями, постукивая тростью, прошелъ неторопливой походкой, пріятной озираясь по сторонамъ.

„Должно-быть теологъ какой-нибудь лютеранскій“, проговорилъ Телепневъ, подсмотрѣвъ подъ шубой старичка накрахмаленный бѣлый галстухъ.

Фамиліи этого теолога Телепневъ не пожелалъ узнавать. Прошло еще нѣсколько экземпляровъ, каждый—типъ въ своемъ родѣ, съ угловатыми манерами, съ нѣмецкими носами, черные, бѣлобрысые, одни мизерные, другіе весьма крупные. (Одинъ маленькій съ ноготокъ нѣмчикъ, уже пожилыхъ лѣтъ, покрытъ былъ такой громаднѣйшей теплой шапкой и представлялъ собою до такой степени уродливую фигуру, что Те-

лепневъ не могъ воздержаться отъ смѣха, несмотря на то, что былъ настроенъ серьезнѣйшимъ образомъ...

Все это напоминало однако впечатлѣніе корридора въ к — скомъ университетѣ. Все такіе-же чудаки отправлялись на такіе-же лекціи. „Но что читалось на этихъ лекціяхъ, спрашивалъ себя Телепневъ, — навѣрно ужь не то, чѣмъ меня угощали въ татарскомъ царствѣ“

Онъ было хотѣлъ идти съ рекомендательнымъ письмомъ къ заслуженному профессору фармаціи, но разсудилъ, что навѣрно онъ теперь на лекціи, и надо оставить дѣло до послѣобѣда. Отъ университета онъ прошелся по разнымъ направленіямъ, и городокъ ему вообще понравился; только вездѣ ходилъ по улицамъ запахъ цикорія. Осмотрѣлъ Телепневъ старую кирку изъ темнаго кирпича съ готическими окнами и жестянымъ пѣтухомъ на колокольнѣ, прошелся по Ritterstrasse, и на узѣйшихъ тротуарахъ безпрестанно сторонился при встрѣчѣ съ нѣмочками, въ короткихъ платьяхъ и полинялыхъ, очень непреставительныхъ капорахъ. Нашелъ онъ и русскую церковь съ оградой, которая ничѣмъ не отличалась отъ сотни церквей, видѣнныхъ имъ и въ Н., и въ К., и въ селахъ, и въ городахъ, и почтовую контору съ грязнымъ, обледѣнѣлымъ крыльцомъ, и опухлыми носами почтальоновъ... Позади университета, по крутой горѣ, онъ поднялся въ садъ, куда вела арка надъ мостикомъ, переброшеннымъ между двумя обрывами. На аркѣ Телепневъ прочелъ надпись: *Otium reficit vires*. Малое знаніе латыни не разъяснило ему смысла этихъ торжественныхъ словъ.

Взобравшись навѣрхъ на мостикъ, онъ долго стоялъ опершись на перильца и во всѣ стороны глядѣлъ на пестрый городокъ, спускавшійся полого къ рѣкѣ; черепичныя кровли, покраснѣе и по темнѣе, зигзагомъ, то поднимались, то опускались по линіямъ улицъ. Все было какъ на ладони: и марктъ, и ратуша, и кирка, и мостъ, и памятникъ генерала...

Университетскій садъ оказался обширнымъ паркомъ. Телепневъ не скоро обошелъ его. Всѣ ученыя заведенія помѣщались въ этомъ паркѣ. Реставрированная часть стараго католическаго монастыря занята была въ верхнемъ этажѣ библіотекой, а въ нижнемъ университетской церковью. Еще въ

первый разъ въ жизни Телепневъ глядѣлъ на настоящія развалины, такія, какъ бываютъ на картинкахъ.. Онъ взмошелъ подъ открытые своды и даже не могъ воздержаться, чтобъ не крикнуть. Арки, впадины, стѣны, окна—все это смотрѣло такъ цвѣтисго, характерно, и сейчасъ-же давало чувствовать другую жизнь, будило какіе-то образы. которые пронеслись въ отрочествѣ съ первыми прочитанными ночью книжками...

Противъ развалинъ стояла клиника въ совершенно-новомъ стилѣ, съ широкимъ подъѣздомъ и балкономъ. А позади ея виднѣлся еще мостикъ между двумя обрывами и шла дорога подъ гору, въ лощину на которой возвышалась гора густо заросшая деревьями. Въ углубленіи виднѣлся анатомическій театръ съ двумя небольшими флигелями. Телепневъ сейчасъ-же узналъ его по куполу. Лѣтъ, на самомъ высокомъ пунктѣ, откуда онъ еще разъ поглядѣлъ на панораму города, стояла обсерваторія, точно такая, какъ и въ К.

„Хорошо, должно быть, здѣсь лѣтомъ“, подумалъ Телепневъ и отпраился назадъ по большой аллеѣ, чтобы спуститься съ горы на марктъ. Аллея была расчищена и усыпана пескомъ, но въ настоящую пору садъ смотрѣлъ голо и скучно. Онъ жилъ только ученой жизнью и точно каждаго своимъ деревцомъ говорилъ проходящему: „смотри, здѣсь не гулянье, здѣсь учатся; а вотъ погоди, когда придетъ вакація, такъ я раскину тѣнь, тогда и о природѣ можешь помечтать и пѣсенъ здѣсь попоешь.“

V

За рѣкой Телепневъ бродилъ по пустымъ переулкамъ, въ которыхъ на одинъ домъ приходилось саженой по пятидесяти заборовъ. И всѣ же переулки носили гомкія названія: Rosenstrasse, Blumstrasse, Steinstrasse, Alexanderstrasse. Былъ уже часъ второй. Шелъ Телепневъ по срединѣ одной пустынной Strasse, ибо тротуаровъ въ ней не полагалось. Маленькій,

желтый домикъ въ четыре окна вынырнулъ изъ за-заборовъ, и какъ-то гостепріимно распахнулъ передъ нимъ свою узенькую, сѣрую, рѣзную дверь. Надъ дверью прибита была небольшая квадратная вывѣска сѣраго же цвѣта; и бѣлыми нѣмецкими буквами было на ней изображено: Speisehaus von Kranzberg.

„Это значить тутъ можно поѣсть“, перевелъ Телепневъ, и очень явственно почувствовалъ въ желудкѣ щекотаніе голода. Онъ утромъ выпилъ только чашку жидкаго кофею пополамъ съ цикоріемъ, и ничего не закусилъ.

Телепневъ пристально обглядѣлъ Speisehaus. Окна домика были до половины завѣшенны красными занавѣсками. Онъ вошелъ; но въ маленькихъ сѣнцахъ остановился въ нерѣшительности: какую ему дверь отворить, направо или налево. Налево слышались какія-то клики; потомъ шумный смѣхъ и удары бильярдныхъ шаровъ. Онъ отворилъ и прямо очутился въ главной комнатѣ гостепріимнаго Speisehaus'а. Никакой передней не было, шинель нужно было вѣшать тутъ же у дверей.

Ориганальное зрѣлище предстало передъ Телепневымъ. Онъ попалъ въ большую и шумную компанію. Направо за очень грязнымъ прилавкомъ помѣщался хозяинъ, съ толстой, масляной фizioноміей, въ ермолкѣ и какомъ-то бутылочномъ архалукѣ. На прилавкѣ стояло нѣсколько графиновъ съ водкой разнаго цвѣта, нѣсколько бутылокъ пива, двѣ тарелки съ бутербродами, лежала грифельная доска и четвертушка сѣрой бумаги исправлявшая должность карты. На бильярдѣ играло двое. Одинъ съ измятымъ румянымъ лицомъ, русыми волосами и красными большими губами; малый лѣтъ 25, въ желтомъ пальто. Партнеръ его былъ курносый студентъ, въ форменномъ сертукѣ на распашку, и огромными воротничками. Подъ сертукомъ у него надѣта была черезъ плечо, поверхъ жилета, въ вершокъ ширины трехцвѣтная лента. На головѣ фуражка. Телепневу бросилось въ глаза что и вся остальная братія изъ студентовъ, какую онъ нашелъ тутъ, не снимала фуражекъ. Многіе были въ сертукахъ на распашку и съ трехцвѣтными лентами. Въ открытыхъ дверяхъ, противъ входа, стоялъ косматый студентъ съ бѣлыми воло-

сами, и лѣнивымъ подгулявшимъ лицомъ. Грязная рубашка выбилась изъ-подъ сертука; и вообще всѣ части туалета были не въ порядкѣ. Онъ растопырилъ ноги и въ правой рукѣ держалъ стаканъ съ пивомъ; а лѣвымъ глазомъ все подмигивалъ. Было тутъ въ комнатѣ еще человѣкъ до десяти, все студенты. Двое съ большими горбатыми носами и курчаею головой стояли у бильярдной доски и скалили свои бѣлые зубы. Опершись на прилавокъ, тоже со стаканомъ пива въ рукѣ, стоялъ не первой уже молодости студентъ съ какимъ-то татуированнымъ лицомъ, и выдавшимся язвительнымъ подбородкомъ. У оконъ помѣщались еще зрители разнаго типа—и брюнеты, и яркіе блондины съ толстыми татарскими и извилистыми подѣскими носами. Телепневъ какъ вошелъ, осмотрѣлся по сторонамъ и ему стало неловко. Братія сперва его не замѣтила. Она была занята партіей. Разговоръ шелъ на нѣмецкомъ языкѣ. Возгласы играющихъ относились больше къ трактирщику, который, кажется, держалъ пари за одного изъ играющихъ. Но сквозь нѣмецкій діалектъ прорывались русскія фразы, остроты и шутки. Горбоносые студенты бормотали между собою на какомъ-то гортанномъ нарѣчїи; у окна слышался польскій языкъ... Бѣлобрысый, оборванный мальчишка ходилъ около бильярда съ машинкой и выкрикивалъ очки на чухонскій ладъ. Изъ слѣдующей комнаты кто-то напѣвалъ не то нѣмецкую, не то малороссійскую пѣсню.

„Что это за смѣшеніе языковъ?“ спросилъ про себя Телепневъ и скромно примостился къ печкѣ, около прилавка.

Студентъ съ татуированнымъ лицомъ покосился на него.

— Вали на протопопа! крикнулъ бѣлокурый игрокъ и намѣтилъ желтаго въ среднюю. Herr Kranzberg einen grossen und zwei kleine Schnäpse!

— Пьянство порокъ; а реставрація вещь хорошая, язвительно пустил изъ подлобья татуированный.

Горбатые носы разразились у доски лошадинымъ ржаніемъ.

— Пане Творжицкій, забормоталъ лѣнивымъ теноромъ бѣлый растерзанный студентъ, стоявшій въ дверяхъ, цо—заробить желтѣго, али ни?

Одинъ изъ обладателей извилистыхъ польскихъ носовъ усмѣхнулся въ отвѣтъ на эту доморощенную фразу и крикнулъ, тряхнувъ головой:

— Nie wiem!

Курносый партнеръ, опершись на кій, хриплымъ баритономъ запѣлъ:

Jch weiss nicht, was soll er bedeuten,

Dass ich so traurig bin!..

Желтый шаръ ударился о борть.

— Фушеръ! фушеръ! закричало нѣсколько голосовъ.

— Пехъ, господа, пехъ!.. оправдывался бѣлокурый, выпивая на скоро одну большую и двѣ малыя рюмки водки, которыя поднесъ ему оборванный мальчуганъ..

— Катценъ-яммеръ отшибаетъ, отозвался кто-то у окна.

— Развить-бы идею, пустилъ язвительно татуированный... Wie meinen Sie, Herr Kranzberg? обратился онъ къ трактирщику.

И пошла опять бесѣда по-нѣмецки.

Телепневъ былъ просто огорошенъ этимъ жаргономъ. Половину онъ не понималъ. Что это за слова: пехъ, фушеръ... чортъ знаетъ что такое! Удивило его, что во всей этой компаніи, по-видимому, кромѣ хозяина не было ни одного нѣмца. Больше половины было русскихъ, а остальная братія: поляки и какіе-то восточники, не то армяне, не то грузины.

Онъ скромно приблизился къ прилавку, озираясь, чтобъ ему кого-нибудь не задѣть и взялся за карту. Толстая физія хозяина взглянула на него взоромъ испытующимъ, но благосклоннымъ. Да и всѣ присутствующіе начали его обглядывать; даже партнеры пріостановили свою горячую игру. Благообразная наружность Телепнева, его франтовская шинель съ бобрами, его ловко сшитый вицъ-мундиръ съ серебрянными пуговицами,—все это привлекло вниманіе компаніи и трактирщика. На лицахъ изображался вопросъ: откуда эта птица, и какого она полету?

— Was wünschen Sie mein Herr! спросилъ хозяинъ глупо-чухонскимъ тономъ, сложивъ сальные кисти рукъ на животъ своего архадука.

Немного стѣснявшись, Телепневъ пробѣжалъ глазами чет-

вертушву сѣрой бумаги, на которой нѣмецкими каракулями было начертано:

Wassersuppe	10 k.
Karbonade	15 «
Schmorbraten.	15 «

И еще какія-то неудобочитаемыя штуки, все по 10 и 15 копѣекъ за порцію. Въ 20 копѣекъ значилось крупными буквами:

Gänzebraten mit Sauerkohl.

Этого деликатеса желудокъ Телепнева никогда вполне не выносилъ; но по крайней мѣрѣ онъ ясно видѣлъ, что это просто на просто жареный гусь съ капустой, между-тѣмъ какъ номенклатура остальныхъ яствъ вводила его въ большое смущеніе.

Онъ заказалъ себѣ порцію гуся, и проговорилъ нѣмецкую фразу довольно твердо, причемъ татуированный, стоявшій рядомъ съ нимъ, язвительно усмѣхнулся и какъ-то особенно подмигнулъ глупой рожей трактирщика.

Телепневъ обошелъ около бильярда и, желая пройти въ слѣдующую комнату, гдѣ онъ увидалъ въ отворенныя двери большой накрытый столъ, немного задѣлъ бѣлаго, растерзаннаго студента, стоявшаго въ дверяхъ все въ прежней позѣ.

— Извините, проговорилъ онъ по русски.

— Сдѣлайте милость! получилъ онъ въ отвѣтъ, и бѣлый посмотрѣлъ на него съ какой то комически-нѣжной усмѣшкой.

Когда Телепневъ присѣлъ къ большому столу, покрытому довольно грязной скатерью, и взялъ листокъ мѣстной газеты, гдѣ значилось, какіе гезеля отправились наканунѣ въ городъ Петербургъ, въ бильярдной объ немъ перемолвились игроки съ зрителями.

— *Mulus*... пустилъ своимъ суконнымъ, чухонскимъ языкомъ хозяинъ.

„Это еще что за слово?“ спрашивалъ себя Телепневъ, разрывая очень не привлекательнаго гуся, жареннаго въ салѣ, съ кислѣйшей капустой, въ которую натыкана была не то брусника, не то клюква. „Точно разбойничій жаргонъ какой, и къ чему это они всѣ въ фуражкахъ въ комнатѣ?

Это по правиламъ, что-ли, полагается? И ленточки какія-то у всѣхъ? Странно!»,

Онъ поднялъ голову и увидалъ, что рядомъ съ нимъ помѣстился растерзанный студентъ и, опершись локтями на столъ, смотрѣлъ на него съ выраженіемъ крайняго добродушія и немного пьяной нѣги въ глазахъ.

— Изъ какого университета? спросилъ онъ своимъ лѣнивымъ тономъ, съ малороссійскимъ акцентомъ.

— Изъ ^{Казанскаго} отвѣтилъ тихо Телепневъ.

— Желаете поступить сюда?

— Да-съ, проговорилъ Телепневъ, точно гимназистъ на экзаменѣ.

— А на какомъ были факультетѣ?

— На камеральномъ.

— А! здѣсь есть камералисты, только это совсѣмъ другое.

— А что-же? спросилъ Телепневъ.

— Здѣсь есть еще экономы, отвѣтилъ разстерзанный такимъ тономъ, точно онъ вполнѣ удовлетворилъ Телепнева.

— Я хочу перемѣнить факультетъ.

— Какой выбираете?

— Естественный...

— Какъ?

— Естественными науками желаю заняться.

— Понимаю; въ натуралисты хотите... по какому же предмету?... Надо выбрать... себѣ фахъ...

Фахъ? наивно переспросилъ Телепневъ и вытаращилъ глаза на своего собесѣдника.

— Да, фахъ... одинъ главный... ну хоть вотъ зоологію, или химію... понимаете, одинъ фахъ...

— А, понимаю-съ.. т. е. главный предметъ.

— Да, да..

— Развѣ здѣсь такая спеціальность?

— Здѣсь каждый фахъ можно штудировать.

„Чась отъ часу не легче,“ подумалъ Телепневъ.

— Поступите въ корпорацію, или будете дикимъ? продолжалъ свои распросы буршъ.

— Дикимъ?... повторилъ Телепневъ, и рѣшительно затруднился въ отвѣтъ.

— Да, вильдеромъ...

— А позвольте узнать, прервалъ его Телепневъ, не чувствуя возможности продолжать бесѣду въ такомъ вкусѣ, здѣсь вѣдь курсъ раздѣляется на полугодія?

— Да, на семестры.

— И теперь кончается полугодіе.

— Да, скоро фериі начнутся, вамъ торопиться еще нечего, успѣете...

„Ну съ этимъ пива не сварить“, думалъ Телепневъ, заканчивая своего гуса.

Въ столовую вошелъ татуированный и помѣстился по лѣвую руку отъ Телепнева. Онъ началъ на него поглядывать, свертывая папиросу-слюнявку и подмигивая своему визави—растерзанному буршу.

— Вы что его слушаете, милордъ, началъ онъ шепелявымъ, пресмѣшнымъ голосомъ и указалъ головой на сосѣда. Онъ съ вами тутъ объ какихъ гешефтахъ говорить... вы его не слушайте; онъ шалдашничаетъ... надо сегодня идею развить... потому что его нынче штрихнули.

Телепневъ ровно ничего не понималъ.

Растерзанный буршъ нѣжно взглянулъ на новичка и оправилъ немножко свой сертукъ.

— Изъ К. пріѣхалъ, указалъ онъ товарищу на Телепнева.

— Ваша фамилія? спросилъ татуированный, выпятивъ нижнюю губу и придавъ своей комической фізіономіи очень важный видъ.

Телепневъ назвалъ себя.

Растерзанный буршъ почему то еще разъ взглянулъ на него.

— Вы насъ видите здѣсь въ кнейпе, заговорилъ онъ лѣнивымъ голосомъ, мы сегодня шалдашничаемъ... я былъ пять лѣтъ бурсакомъ и меня штрихнули... я ужъ сегодня филлистръ... Но вамъ здѣсь надо сойтись съ людьми, у насъ есть люди... вильдеромъ вы не оставайтесь...

— Пиво пьете? спросилъ вдругъ татуированный и скорчилъ серьезнѣйшую рожу. Здѣсь баварское, вы должны попробовать.

Телепневъ велѣлъ подать двѣ бутылки.

— У насъ есть люди... продолжалъ въ томъ же тонѣ рас-
терзанный буршъ, вотъ тотъ филистръ... который на биль-
ярдѣ играетъ... экономіи магистръ... работу такую сдѣлалъ,
что... на промоціи всѣхъ оппонентовъ... мопсировалъ...

Татуированный, взглянувъ на недоумѣвающую мину Те-
лепнева, язвительно улыбнулся.

Halb ausländisch, halb russisch! проговорилъ онъ. Вы не
смущайтесь—будете бурсакомъ, все поймете.

— Вы гдѣ остановились? спросилъ буршъ.

— Въ гостинницѣ Лондонъ, скромно отвѣтилъ Телеп-
невъ.

— Вы къ намъ за рѣку переѣзжайте... наши всѣ здѣсь...
рутинисты здѣсь...

— Рутинисты? спросилъ Телепневъ.

— Да, всѣ... насъ вѣдь не много...

— Малъ золотникъ да дорогъ, пустилъ язвительно тату-
ированный,—вотъ поступайте въ корпорацію, узнаете бурсац-
кую жизнь... цвѣта получите, и онъ взялся за свою трех-
цвѣтную ленту

Телепневъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на нее.

— У куратора были? спросилъ буршъ.

— У кого-съ?

— У куратора... Онъ съ вами будетъ говорить — да это
взоръ все; до новаго года вы можете иалдашничать. —

Телепневъ взглянулъ на часы и всталъ. Ему нужно было
идти отыскивать старика профессора и снести ему рекомен-
дательное письмо. Отъ него онъ надѣялся узнать кое что
побольше, чѣмъ отъ этихъ буршей.

— Вы ужъ идете? спросилъ татуированный. По нѣмецки
это хорошо; а по русски выходитъ очень жалостно. А я
хотѣлъ вамъ гелертера завалить!..

— До свиданья, господа, промолвилъ Телепневъ...

— Заходите сюда,—процѣдилъ нѣжно буршъ, вы съ на-
шими сойдитесь...

Телепневъ еще разъ раскланялся съ своими новыми зна-
комыми. Руки ему ни тотъ, ни другой не подали. Видно
это было не въ нравахъ. Въ столовую вошло нѣсколько

человѣкъ и расположились ѣсть. Явилось сейчасъ же пиво. Татуированный примостился къ одному изъ поляковъ и шепелявымъ своимъ голосомъ запѣлъ:

Выпилъ Куба да Якуба
Павелъ да Михала,
Цу-пу-лупу, лупу-цу-пу
Компанія пала!..

Кнейнтъ-виртъ, въ знакъ почтенія, приподнял ермолку, кланаясь Телепневу.

VI.

Старичекъ, — заслуженный профессоръ, къ которому Телепневъ несъ письмо, жилъ на горѣ, около почтовой станціи, въ собственномъ длиннѣйшемъ деревянномъ домѣ. Это было добродушнѣйшее маленькое существо, въ рыжемъ паричкѣ и огромныхъ серебряныхъ очкахъ на носу, похожее на утиный клювъ.

— Ist Herr professor zu Hause? спросилъ Телепневъ у чухонки-горничной, въ полосатой тиковой юбкѣ.

— Ja... отвѣтила она, точно проглотивши это ja.

Ввели его въ первую комнату, куда проникалъ запахъ цикорея и кухни. Онъ осмотрѣлся. Кожаный диванъ, старое фортепьяно, попугай, узенькое зеркало, на стѣнѣ гравюра, изображающая Вильгельма Телля въ моментъ, когда онъ прицѣливался въ императорскаго фогта. Такъ и обдало Телепнева будничной нѣмецкой жизнью; каждый стулъ носилъ на себѣ отпечатокъ тишины, умѣренности и аккуратности.

Вышелъ старичекъ, въ сѣромъ сюртукѣ, черной скуфейкѣ и туфляхъ, которыя очень смахивали на старыя женины башмаки.

Телепневъ отрекомендовался и вручилъ письмо, которое

старичекъ тутъ-же прочелъ. Разговоръ завязался по-русски.

— Вы хатить штудировать хемію! вскричалъ старичекъ и поощрительно засмѣялся.

Телепневу, глядя на его добродушную мину, тоже стало весело.

Старичекъ спросилъ его объ К., объ его бывшемъ ученикѣ—тамошнемъ профессорѣ химіи, разсказалъ при этомъ всю свою ученую карьеру, пожалѣлъ, что въ русскихъ университетахъ хемію мало *штудируютъ*; вспомнилъ, что когда онъ пріѣхалъ въ К., въ 34 году, такъ тамъ и вовсе не было никакой хеміи; и онъ долженъ былъ устраивать лабораторію въ какомъ-то чуланчикѣ. Потомъ онъ занялся Телепневымъ, сказалъ ему, что теперь семестръ оканчивается, но что онъ можетъ явиться къ профессору химіи и просить у него работы, что нужно ему побывать у попечителя и узнать: не потребуютъ ли съ него греческій языкъ, такъ какъ онъ хочетъ штудировать хемію.

— Вы знакомъ со студентами? спросилъ онъ между прочимъ Телепнева.

Тотъ отвѣчалъ, что только вчера пріѣхалъ и видѣлъ нѣсколько русскихъ.

— Хотить поступать въ корпораціи?

Телепневъ отвѣчалъ, что онъ еще не знаетъ здѣсь никакихъ обычаевъ и порядковъ.

Старичекъ выразилъ что-то неодобрительное объ корпораціяхъ вообще; по его мнѣнію, молодой человекъ, пріѣзжающій заниматься, долженъ былъ держаться въ далекѣ отъ буйной компаніи буршей. Но все-таки старичекъ расхотился, когда завелъ рѣчь о своей юности и даже разсказалъ какой-то лихой анекдотъ, изъ котораго Телепневъ ровно ничего не понималъ.

Но вообще онъ, что называется, обласкалъ Телепнева, и все обстоятельно ему объяснилъ, прибавивъ, что если Телепневу нужно будетъ его видѣть, то онъ всегда къ его услугамъ утромъ до часу въ фармацевтическомъ институтѣ, а потомъ дома.

— Я вамъ совѣтуй, сказалъ онъ Телепневу на прощаньи, дѣлайца вильде... будить лючше...

VI.

Скоро Телепневъ устроился на квартирѣ. Знакомые бурши посовѣтовали ему поселиться по ту сторону рѣки, подальше отъ университета, увѣряя, что тамъ, и воздухъ лучше, и квартиры дешевле, и расположеніе домовъ удобнѣе. На перегибѣ улицы, которая вела отъ петербургской заставы къ мосту, стоялъ прекурьозный домикъ въ полтора этажа. Онъ весь былъ перекошенъ криво-накосо, отъ лѣтъ и отъ атмосферныхъ невзгодъ побурѣлъ до черноты угля и являлъ такую архитектуру, которая сразу бы поставила въ тупикъ всякаго знатока гражданскаго зодчества. Фасадъ имѣлъ видъ трапеціи, съ перегибомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ кончался нижній этажъ, такъ что передняя стѣна была изогнута угломъ, точно будто верхній полуэтажъ давно желалъ сползти, но не впередъ, а назадъ. Внизу было четыре окна и ветхая съ фигурными вырѣзками дверь на улицу. На верху два окна. Все это, какъ грибной шапкой, прикрывалось черепичной крышей, пестрой, точно персидскій коверъ, и самыхъ смѣлыхъ очертаній.

Телепневъ когда ходилъ подыскивать себѣ квартирку, тотчасъ же заинтересовался этой избушкой на курьихъ ножкахъ. Въ нижнемъ жильѣ онъ нашелъ хозяина, гуняваго и низкопоклоннаго старикашку, въ такомъ костюмѣ, какой обыкновенно употребляется на провинціальныхъ театрахъ для изображенія Льва Гурича Синичкина. Старикашка все присѣдалъ, улыбался, потомъ зазвенѣлъ ключами и повелъ Телепнева смотрѣть верхній этажъ. Квартирка оказалась порядочной, изъ двухъ комнатъ съ приличной мебелью. Старикашка былъ отставной столяръ, и кромѣ отдачи своего полуэтажа, промышлялъ еще отдачей мебели на прокатъ, больше, конечно, для студенческой братіи. Порѣшили за семестръ, т. е. за полгода, 45 рублей: квартира съ отопленіемъ и мебелью. Яковъ получалъ маленькую каморку, выхившую

окномъ на дворъ. Телепневъ изумился этой дешевизинѣ, такъ что счелъ за лишнее торговаться, вслѣдствіе чего старикашка, въ тотъ же моментъ, ощутилъ къ нему величайшее почтеніе, и даже, когда новый постоялецъ отдалъ ему всѣ 45 рублей впередъ, то онъ какъ-то взвизгнулъ и приложился къ плечу Телепнева. Тутъ же онъ изъявилъ готовность убрать квартиру какой угодно мебелью и повелъ Телепнева въ чуланъ смотрѣть чудное волтеровское кресло: famos! какъ онъ выразился; и когда началъ колотить по старой сафьянной подушкѣ, издававшей облака пыли, то повторялъ все: *Allerliebste, der Herr wird zufrieden!*

Но Телепнева бурсаки рѣшительно преслѣдовали. Только что онъ размѣстился и началъ раздумывать о томъ, какъ ему распредѣлить свои занятія, утромъ рано, ввалились къ нему два бурша: татуированный и еще какой-то маленькій, въ короткой чуйкѣ. Они нанесли на своихъ сапожникахъ снѣгу, и не снимая приплюснутыхъ фуражекъ, безъ всякаго предисловія, поздравили его съ принятіемъ въ корпорацію.

Оставалось кланяться и благодарить.

— Ты, обратился къ нему татуированный, долженъ сегодня выслушать команъ у шаржиртера.

— Команъ у шаржиртера? спросилъ Телепневъ привставая и скромно запахиваясь въ халатъ. Его сильно разбиралъ смѣхъ.

— Да, и *allgemeines*, вмѣшался маленькій, и нашъ корпорационный.

Для Телепнева все это было: *темна вода во облацѣхъ небесныхъ*.

Татуированный подошелъ къ стулу, на который отъ нѣкотораго смущенія опустился Телепневъ и положилъ одну руку на спинку стула.

— Мы тебя вчера приняли, теперь ты намъ и всѣмъ долженъ говорить ты...

У Телепнева чуть-чуть не вырвалось: слушаю-съ!

— И нѣмцамъ, прибавилъ маленькій, который, безъ церемоніи, отправился въ другую комнату и тамъ началъ рыться на столѣ, отыскивая папирсъ.

— Христіанъ Ивановичъ, учитель приватнаго языка! крикнулъ ему черезъ перегородку татуированный.

Унтерзухирую... нѣтъ-ли курительнаго... отвѣтилъ тотъ жиденькимъ голосомъ.

— Это нашъ ольдерманъ, пояснялъ татуированный; ты поступишь къ нему въ команду; онъ начальникъ фуксовъ.

Учитель приватнаго языка показался въ дверяхъ съ папирской въ зубахъ.

Телепневъ опять приподнялся и проговорилъ:

— Садитесь, пожалуйста, господа.

Ему не нравилось, что бурсаки не снимаютъ своихъ верхнихъ оболочекъ и продолжаютъ быть въ шапкахъ.

Маленькій очень важно подбоченился и дѣловымъ тономъ сказалъ Телепневу:

— Одѣвайся, мы пойдемъ въ корпораціонную квартиру, шаржиртеръ прочтетъ тебѣ команъ...

— А вечеромъ, сдѣлаемъ кнейпу, теперь наши понаѣхали.. легкую реставрацію устроимъ... подхватилъ татуированный и весь какъ-то искривился.

Надо было слушаться. Телепневъ одѣлся молча. Въ то время, какъ Яковъ подавалъ ему сапоги, а бурсаки въ другой комнатѣ *шалдашничали*, онъ предавался нѣкоторымъ грустнымъ размышленіямъ. Ясно было, что все это совершалось помимо его воли. Бурсаки, ихъ тонъ и воздухъ, не нравились ему. Онъ соображалъ также слова старичка-химика, который положительно не совѣтовалъ ему поступать въ корпорацію, если желаетъ дѣльно заняться чѣмъ-нибудь. Но бурсаки дѣйствовали нахрапомъ; Телепневъ просто не нашелся сказать имъ: оставьте меня въ покоѣ, господа! Онъ былъ слишкомъ кротокъ и благовоспитанъ для этого. „Впрочемъ, ничего, утѣшалъ онъ себя. натягивая сертукъ, всегда буду имѣть время распрощаться съ ними: а надо же узнать эту бурсацкую жизнь.“

VIII.

Неподалеку отъ избушки на курьихъ ножкахъ, въ глухомъ переулкѣ, который выходилъ на рѣку, стоялъ грязно-желтый домъ самой *туземной* наружности, т. е. во всемъ похожій на чухонскую корчму малаго размѣра. Бурсаки ввели Телепнева съ берега въ узкую калиточку. На дворѣ построено было множество разныхъ чуланчиковъ и всякихъ клѣтушекъ. Олдерманъ, предводительствуя шествіемъ, юркнулъ куда-то налѣво и скрылся; такъ что Телепневъ сталъ въ недоумѣніи: куда идти?

— Сюда, милордъ, зашепелявилъ позади его татуированный бурсакъ, въ подземный ходъ... И онъ указалъ Телепневу маленькую дверку, загороженную какой-то пристройкой, которая похожа была, и на курятникъ, и на будку.

Спустились они въ сѣни, куда сверху вилась убійственная студенческая лѣстница. Направо, двумя ступенями выше сѣней была другая площадка, совсѣмъ почти темная. На этой площадкѣ стоялъ олдерманъ и усиленно стучалъ въ дверь. Видно было, что ему съ перваго раза не отперли.

— *Weg da?* спросилъ наконецъ за дверью мужской хриплый голосъ.

— Свои, не бойсь, не *абфасируемъ!* крикнулъ въ отвѣтъ татуированный.

Задвижка щелкнула, отворилась дверь. На порогѣ ея Телепневъ увидалъ хмурюю фигуру, въ желтомъ байковомъ халатѣ, сшитомъ какъ сертукъ.

„Вѣрно это и есть шаржиртеръ“, подумалъ Телепневъ, и безсознательно взялся за фуражку.

Желтый халатъ былъ здоровый малый, широкоплечій и немного сутуловатый. Бѣлобрысы, жидкіе волосы торчали хохломъ на лбу. Лицо имѣло незначительныя, тупыя черты. Около коряваго носа сидѣли какія-то черныя пятнышки, точно будто все это мѣсто было обожжено порохомъ. Бурсакъ,

видимо, только что проснулся; онъ все щурился и кисло ухмылялся.

— Der Eintritt steht jedem frei, выговорилъ онъ суровымъ, однотоннымъ голосомъ.

— Sogar den Pedellen und Manihergn, подхватилъ татуированный, подталкивая сзади Телепнева.

Они взошли въ совершенно темную прихоженькую, откуда въ открытую дверь видна была маленькая спальня, съ двумя кроватями. На одной изъ нихъ лежала какая-то растрепанная фигура, драпируясь ветхимъ и засаленнымъ одѣяльцемъ.

Телепневъ, почему-то, очень стѣснился подъ впечатлѣніемъ желтаго халата. Торопливо снялъ онъ свою шинель съ бобрами и также торопливо бросилъ ее въ уголъ, не разбирая, на что онъ ее кладетъ. Онъ снялъ фуражку, чуть-ли еще не на порогѣ.

— Вотъ нашъ новый фуксъ, проговорилъ татуированный, подводя Телепнева къ желтой фигурѣ.

— Телепневъ, сказалъ ему въ упоръ желтый халатъ, точно далъ ему отъ себя клочку Руки при этомъ не подалъ.

— Телепневъ, повторилъ какъ-то особенно скромно нашъ новичекъ.

— Ты знаешь, что я шаржиртеръ? спросилъ халатъ.

Телепневъ на это только пріятно улыбнулся.

— Это нашъ шаржиртеръ и первый Паукантъ, сказалъ ольдерманъ, разстегивая сертукъ, подъ которымъ показалась трехцвѣтная ленточка. Онъ тебѣ задастъ такой пукельтерць, что вай-вай закричишь.

— Изъ К—скаго университета? спросилъ опять все тѣмъ же суровоказаннымъ голосомъ халатъ, и такъ посмотрѣлъ на Телепнева, точно хотѣлъ смѣрить глазами: сколько въ немъ вершковъ росту и какое имѣетъ сложеніе?

Телепневъ почувствовалъ себя, точно мужикъ въ рекрутскомъ присутствіи. Ему также очень хотѣлось, чтобъ шаржиртеръ крикнулъ: затылокъ!

— Пройдемте сюда, сказалъ халатъ, Лукусъ еще спитъ... и онъ направился къ двери въ просторную комнату, направо. За нимъ двинулись бурсаки и Телепневъ. Комната была почти безъ всякой мебели, кромѣ большого стола и нѣсколь-

ких соломенных стульевъ. Въ углу стояла на штативѣ цѣль для стрѣльбы изъ комнатнаго пистолета.

Шаржиртеръ повернулся неуклюжимъ поворотомъ къ свѣту и еще разъ посмотрѣлъ на новичка взглядомъ фельдфебеля, потомъ запахнулъ свой халатъ и проговорилъ:

— Я сейчасъ умоюсь и принесу команъ.

— Реставрація будетъ? прошепелявилъ татуированный.

— Надо послать Юльхень, отвѣтилъ съ кислой улыбкой корпораціонный сановникъ и прибавилъ, обернувшись къ маленькому ольдерману: Цифирзонъ, распорядись, братецъ: кюммелю за 23 копѣйки и лебервурсту за 6 копѣекъ съ укусомъ.

Телепневъ, по удаленіи сановника, присѣлъ на окошко и молчалъ. Вся эта процедура отнимала у него всякую охоту заявлять о своей личности; точно будто дѣло шло не объ немъ. Такая пассивная роль казалась ему самой удобной. Тонъ бурсаковъ былъ такъ своеобразенъ, что почти невозможно было, на первыхъ порахъ, повести съ ними послѣдовательный разговоръ. Оставалось набираться впечатлѣній и отмалчиваться.

Шаржиртеръ вернулся, держа въ рукахъ небольшую тетрадку, въ темномъ переплетѣ.

Молча сѣлъ онъ на одинъ изъ соломенныхъ стульевъ; но даже рукой не шевельнулъ, чтобъ пригласить новичка садиться. Телепневъ долженъ былъ самъ объ этомъ догадаться.

— Мы пойдемъ къ Лукусу пошалдашничать, проговорилъ маленькій ольдерманъ и увлекъ за собою татуированнаго.

Телепневъ почувствовалъ себя какъ подсудимый на слѣдствіи. Ликъ шаржиртера смотрѣлъ сурово, дышалъ какимъ-то непреклоннымъ формализмомъ и глубокомысленною ограниченностью. Заговорить Телепневъ рѣшительно не могъ первый. Они точно будто приступали къ какому-то священному ритуалу.

— Есть команъ общій, началъ шаржиртеръ, для всѣхъ буршей, и есть команъ особенный; есть два комана, пояснилъ онъ, внушительно крикнувъ.

„Я это слышу въ третій разъ, мысленно отвѣтилъ Телепневъ; но не сказалъ ни слова.

— Сперва я прочту тебѣ Allgemeines.

Телепневу захотѣлось спросить: да зачѣмъ же слушать эту штуку, какое имѣетъ она значеніе и смыслъ?... До сихъ поръ онъ не слышалъ отъ бурсаковъ ни малѣйшаго намека на такое объясненіе. Шаржиртеръ еще разъ крикнулъ, сморщилъ лобъ и сжалъ губы. Развернувъ тетрадку, онъ приподнялъ голову и нѣсколько секундъ собирался съ мыслями и приискивалъ подходящія выраженія.

— Видишь-ли, началъ онъ, оттягивая каждое слово, между буршами долженъ быть общій духъ... такія, понимаешь, Ueberzeugungen... надобны правила чести, а безъ этого никакъ нельзя...

„Убѣдительно“, подумалъ Телепневъ.

— Ты поймешь, когда будешь принять въ *корз*, что команъ много значить, безъ него будетъ Faustrecht... понимаешь?

— Кулачное право, рѣшился подсказать Телепневъ.

— Да, онъ удерживаетъ *вильдеровз*. Главное въ общемъ команѣ—это собственно правила обѣ чести, весь пауккоманъ. Ты свободно понимаешь по нѣмецки? сурово оборвалъ шаржиртеръ свою вступительную рѣчь.

— Понимаю, тихо отвѣтилъ Телепневъ, и тотчасъ же поправился: можетъ быть какія-нибудь особенныя студенческія выраженія...

— Я тебѣ буду объяснять .. такъ, чтобы для тебя было все консеквентъ.

„Консеквентъ“, повторилъ про себя Телепневъ.

Началось чтеніе общаго комана. Шаржиртеръ читалъ отрывисто, проглатывая слова и не останавливаясь на точкахъ. Телепневъ хоть и съ трудомъ, но понималъ въ чемъ дѣло. Сначала шли опредѣленія буршикознаго духа, въ очень кудрявыхъ выраженіяхъ. Запрещалось дѣлать неблаговидные поступки уголовнаго и полицейскаго характера: красть, надувать и дѣлать разныя Unhonorigkeit; „нечестности“, какъ мысленно перевелъ Телепневъ. За таковыя проступки назначались разныя наказанія: большой и малый Verruf или по просту Verschiss. Для разбора студенческихъ дѣлъ было особенное судебное мѣсто: Untersuchungscommission и собраніе

шаржиртеровъ: *Chargirtensconvent*. Наконецъ въ подробности были изложены „правила объ чести“, какъ выражался желтый халатъ. Много было тутъ кое-чего наставлено: какъ и въ какихъ выраженіяхъ вызывать, какъ устроить разбирательство и судъ по совѣсти.

— Филистръ, пояснялъ шаржиртеръ, ты понимаешь, что такое филистръ?

— Нѣтъ, не очень, отвѣтилъ Телепневъ.

— Это тотъ, кто выслушалъ всѣ фахи и штрихнулся изъ буршей.

„Нечего сказать, понятно, подумалъ про себя Телепневъ; но ничего не произнесъ, и только кивнулъ головой, точно будто онъ все понялъ.

— Филистръ, продолжалъ пояснять шаржиртеръ, можетъ выходить не на рапирахъ, а на пистолетахъ... Если онъ гарантируетъ команъ, то дерется на гиберахъ, а если не гарантируетъ, то дерется на пистолетахъ... Нѣмцы почти всѣ дерутся на гиберахъ, прибавилъ онъ съ презрительной улыбкой.

— Какъ же дерутся вообще? спросилъ наивно Телепневъ.

— Въ паукапаратъ, отвѣтилъ глубокомысленно шаржиртеръ, вотъ тебя ольдерманъ сведетъ на фехтбоденъ, ты тамъ увидишь.

Дальнѣйшіе параграфы содержали въ себѣ подробности о дуэляхъ, объ дуэльной одеждѣ и всѣхъ формальностяхъ, какія нужно соблюдать при самой операціи.

— Рука обвивается вотъ такъ, объяснял шаржиртеръ, шелковымъ шарфомъ... шарфъ вотъ такъ перевиваютъ и кладутъ *längst*... тутъ есть такая артерія... очень опасно, чтобъ не перерубили.

— Да зачѣмъ же такъ закутываться? невольно спросилъ Телепневъ.

— Нельзя... большой *реноманж* и безъ того.. рисковать жизнью изъ-за *Strund*.. для этого и есть между буршами команъ и паукируютъ на гиберахъ.

„Почему нельзя?“ шевелилось въ умѣ Телепнева; но онъ и на этотъ разъ промолчалъ, и какъ-то еще безпомощнѣе сжался на своемъ соломенномъ стулѣ.

Послѣ чтенія общаго комана послѣдовало чтеніе особеннаго.

— Вотъ видишь, началъ опять внушительно шаржиртеръ... мы русскіе составляемъ свое общество... корпорацію... имѣемъ свой уставъ.. ты еще не принялъ въ *коръ*... ты можешь знать только главные правила, но когда будешь ландсманомъ, тогда *будешь бывать* на сходкахъ. Это еще не такъ скоро, закончилъ корпораціонный принципаль. съ строго-снисходительной усмѣшкой.

Изъ особеннаго комана. писаннаго по русски, Телепневъ узналъ, что русское общество называется *Рутенія*; для чего оно образовалось и существуетъ, онъ не взялъ въ толкъ; показалось ему, что для пріятнаго препровожденія времени, сообразнаго съ „правилами объ чести“ Врѣзался ему въ память только одинъ параграфъ. въ которомъ значилось, что если два бурша на попойкѣ повздорятъ между собой и пожелаютъ вызвать другъ друга, то они не смѣютъ этого дѣлать тутъ же, во время общаго веселья, а должны сказать одинъ другому: „мы поговоримъ объ этомъ завтра“ и продолжать пирушку въ пріятномъ настроеніи духа.

VIII.

Маленькій ольдерманъ первый просунулъ голову въ дверь, когда чтеніе прекратилось. и желтый халатъ въ упоръ смотрѣлъ на Телепнева, желая, видно, распознать. что болѣе всего поразило новичка въ команѣ? Телепневъ, точно послѣ какого гимнастическаго упражненія, всталъ и расправилъ свои члены. Ему было пришло на мысль поблагодарить шаржиртера за чтеніе; но онъ тотчасъ же сообразилъ, что это будетъ вовсе не по бурсацки, пожалуй еще оборветъ его принципаль. за неумѣстную вѣжливость.

— Реставрація готова, проговорилъ ольдерманъ, обращаясь къ халату.

— Хорошо, отвѣтилъ шаржиртеръ. Пойдемъ,^е обратился онъ къ Телепневу... ты увидишь нашего самого стараго филиистра... Лукуса...

Когда они взошли въ спальню, тамъ уже не было такъ темно, но за то стоялъ преудушливый спиртной запахъ. У окна, за небольшимъ столомъ сидѣлъ татуированный и нарѣзывалъ большими ломтями печеночную колбасу. Тутъ же стояла бутылка водки и двѣ бутылки пива.

На одной изъ кроватей, поджавши ноги калачикомъ, сидѣлъ въ какомъ-то оборванномъ одѣяніи, не то халатѣ, не то шинели, *самый старый филистръ*. Телепневъ поклонился ему и съ интересомъ началъ всматриваться въ эту личность. Филистръ былъ небольшою человѣчекъ съ болѣзненнымъ, судорожнымъ лицомъ. Бѣлокурые волосы вились и косматились; красивые голубые глаза сидѣли глубоко въ впадинахъ и смотрѣли воспаленно. Несмотря на брэнность своего одѣяніе и заспанность лица, филистръ имѣлъ въ себѣ что-то такое порядочное. Онъ поклонился Телепневу не съ бурсацкой неуклюжей жесткостью, а привѣтливо. Телепневъ замѣтилъ его маленькую руку съ нервными худыми пальцами, правда, очень грязную. Филистръ скручивалъ въ этотъ моментъ папиросу.

— Нашъ новый фуксъ, прошепелявилъ татуированный, показывая филистру на Телепнева.

— Очень пріятно. вы юный фуксъ, а я, какъ видите, старый филистръ, промолвилъ онъ немного картавымъ и наспаннымъ голосомъ.

„Почему онъ меня не тыкаетъ?“ подумалъ при этомъ Телепневъ.

— Реставрація, изрекъ шаржиртеръ, простирая руку къ бутылкѣ съ водкой. Ольдерманъ, крикнулъ онъ маленькому, начини обученіе фукса... пиво не откупорено. Есть ли Kogkenzieher?

— Есть, отозвался ольдерманъ изъ темной прихожей, гдѣ онъ съ чѣмъ-то возился. Фуксъ! крикнулъ онъ Телепневу, неси сюда бутылки пива!

„Обученіе начинается, сказалъ про себя Телепневъ, и взявъ одной рукой обѣ бутылки, вышелъ съ ними въ переднюю къ ольдерману.

Тотъ досталъ изъ кармана желѣзный крючокъ и ловко откупорилъ одну бутылку

— Ну вали на протопопа, а прольешь, такъ фершишь закатимъ, проговорилъ онъ, подавая крючокъ Телепневу.

Телепневъ приступилъ къ непривычному дѣлу; засунулъ бутылку себѣ между ногами и началъ тащить пробку. Неловко дернувъ. онъ ее перервалъ.

— Эхъ. фушеръ, крикнулъ ольдерманъ, подай сюда, я самъ!

Телепневъ очень сконфузился. Точно будто его на экзаменѣ уличили въ кругломъ невѣжествѣ. Бурсаки говорили съ нимъ въ такомъ повелительномъ тонѣ, что онъ совсѣмъ потерялъ способность дѣлать имъ какія-нибудь реплики.

Ольдерманъ вырвалъ у него изъ рукъ бутылку и началъ выковыривать крючкомъ пробку. Телепневъ стоялъ опустивши руки и смотрѣлъ на эту операцію съ видомъ послушнаго ученика, который глубоко сознаетъ превосходство своего учителя

„Неужели я для того явился сюда“? промелькнуло въ головѣ его; но ольдерманъ не далъ ему долго раздумывать; а втокнулъ опять въ спальню, и передавая ему бутылки, сказалъ:

— Смотри, не разбей; я сбѣгаю наверхъ къ себѣ, есть у меня сыръ.

Онъ юркнулъ въ дверь; а Телепневъ внесъ бутылки и поставилъ ихъ передъ буршами. Ему было такъ неловко, что онъ очень бы желалъ стусеваться. Онъ даже не зналъ: можно ли ему присѣсть на кровать, или онъ долженъ стоять передъ старшими?

Филистръ спустилъ ноги съ кровати и придвинулся къ закускѣ. Вся его фигура гораздо больше нравилась Телепневу, чѣмъ остальная буршикозная братія.

— А вы не хотите выпить? обратился онъ къ новичку, съ добродушной улыбкой.

— Я не пью, скромно отвѣтилъ Телепневъ.

— Шалдашничаетъ, фуксъ! прошепелявилъ татуированный, покачивая въ рукѣ стаканъ съ пивомъ. И онъ запѣлъ фальшивымъ голосомъ;

За разгульную красотку,
За свободу нашихъ дней,
Улыбнись бурсакъ и пей
Сокрушительную водку!

— Это изъ нашихъ пѣсенъ, кротко объяснилъ филистръ Телепневу... Вы, я думаю, съ Языковымъ совсѣмъ не знакомы... студенты въ *Россіи* не уважаютъ его поэзіи.

— Они тамъ все *гелертеры*, процѣдилъ сурово шаржиртеръ, проглотивъ рюмку водки, и даже не взглянулъ на Телепнева.

— Объ высокихъ предметахъ разсуждаютъ, пустилъ язвительно татуированный.

— Здѣсь вѣдь совсѣмъ другая жизнь, началъ опять филистръ и рукой пригласилъ Телепнева сѣсть рядомъ съ нимъ на кровати. Когда сюда изъ *Россіи* пріѣзжаютъ, то хорошенько не знаютъ, чего здѣсь искать. Вы вѣрно пріѣхали специально штудировать какой-нибудь фахъ?

— Да-съ, я желаю заняться химіей, отвѣтилъ Телепневъ. Филистръ усмѣхнулся.

— Повѣрьте, что первые два года вы ничего *работаетъ* не станете.

— Отчего же? наивно проговорилъ Телепневъ.

— Да и не нужно.

Филистръ дрожащею рукой налилъ себѣ стаканъ пива и судорожно приложился губами къ стакану.

— Отчего же? повторилъ свой вопросъ Телепневъ.

— Работать надо начинать тогда, когда поживете, пошалдашничаете.

— Man muss die Jugend genießen, буркнулъ шаржиртеръ и посмотрѣлъ звѣремъ на Телепнева: пойми, дескать, любезный другъ, что предъ тобой самая глубина бурсацкой прелести излагается.

— Я, конечно, себя не беру въ примѣръ, проговорилъ филистръ, и болѣзненно поморщился, проглотивши стаканъ пива, послѣ чего лицо его немного оживилось: ротъ почти пересталъ судорожно двигаться, глаза заблестѣли болѣе ровнымъ блескомъ.

— Я плохой примѣръ тѣмъ, кто хочетъ gründlich штудир-

ровать... у меня были неудачи... вообще пехъ, съ нѣмцами возился неосторожно... но надо понять жизнь нашего бурсака!

Филистръ видимо одушевлялся.

— Надо ее понять... Это даромъ не дается... Только въ нашихъ ребятахъ и остался настоящій буршикозный духъ. Нѣмцы что... Нѣмцы—кноты. Еслибъ не команъ, они бы по мордѣ били другъ друга... Я ихъ знаю, я съ ними не мало дрался... Вотъ теперь лордъ-Чичисхеймъ ихъ пробираетъ.

И филистръ указалъ рукой на шаржиртера, который только крикнулъ и проглотилъ стаканъ пива.

— Справедливое сужденіе имѣть изволите въ мысляхъ вашихъ, пустил изъ-подъ галстуха татуированный.

Взошелъ маленькій ольдерманъ съ кускомъ сыру въ сѣрой бумагѣ.

— Христіанъ Ивановичъ, обратился къ нему съ улыбкой филистръ, мы тебя, кажется, обидѣли. Изъ гезефу ничего не осталось.

— Пехъ, отвѣтилъ ольдерманъ.

— А водка, сурово произнесъ корпораціонный принципаль... водка есть, Цифирзонъ выпьетъ и водки.

Цифирзонъ дѣйствительно выпилъ водки и закусилъ собственнымъ сыромъ.

Жутко становилось Телепневу. Но филистръ начиналъ его интересовать. Въ филистрѣ сказывалась какая-то идея, по крайней мѣрѣ видно было желаніе осмыслить ту жизнь, уголокъ которой открылся новичку. Въ остальныхъ трехъ фигурахъ Телепневъ не могъ распознать ничего особенно разумнаго и привлекательнаго. Шаржиртеръ казался ему желтой стѣной, объ которую, правда, можно было разшибить голову; но врядъ ли она при этомъ, издала-бы какой-нибудь звукъ. Татуированный буршъ представлялъ собою олицетвореніе бурсацкой утробы: онъ только ѣлъ, пилъ и говорилъ разныя пошлости. Маленькій ольдерманъ производилъ на него впечатлѣніе тѣхъ комнатныхъ собачекъ, которыя торчатъ постоянно на глазахъ, и какъ будто для чего-то нужны; а въ сущности ни на какое толковое дѣло не пригодны.

Телепневъ замѣтилъ, что у всѣхъ буршей есть прозвища:

филистра звали Лукусь, шаржиртера—лордъ Чичисхеймъ, ольдермана—Христіаномъ Ивановичемъ Цифирзономъ.—„Вотъ и мнѣ сразу же дадутъ какое-нибудь прозваніе“, подумалъ онъ и почувствовалъ себя крайне безпомощнымъ. „Точно собакъ какой бросать кличку, и надо будетъ помириться со всѣмъ этимъ!“

IX.

Часу въ шестомъ того же дня, Телепневъ только что присѣлъ къ столу и собрался было писать письмо въ К. къ своимъ оставленнымъ закадыкамъ,—какъ въ дверь стукнули довольно энергично.

„Опять бурсаки“, подумалъ онъ, и крикнулъ по нѣмецки: herein!

Ввалились дѣйствительно бурсаки: маленькій ольдерманъ и съ нимъ еще, не виданный Телепневымъ буршъ, высокаго роста, худой, съ пріятнымъ смуглымъ лицомъ, въ короткой студенческой шинелькѣ русскаго покроя.

— Одѣвайся-ка, фуксъ, заговорилъ ольдерманъ комически дѣловымъ тономъ... сегодня у насъ кнейпа мѣсячная .. будемъ тебя поздравлять съ поступленіемъ... Надо тащить корбъ!

Высокій буршъ снялъ фуражку и очень добродушно поклонился Телепневу, перегнувшись всѣмъ корпусомъ.

Телепневъ хотѣлъ было спросить: кого онъ имѣетъ удовольствіе видѣть у себя; но удержался.

Ольдерманъ дернулъ высокаго бурша за шинельку и проговорилъ:

— Это нашъ *брандофуксъ*, Варцель, нѣмецъ, но изъ Россіи, прозывается: миленькій!

Телепневъ пожалъ руку *миленькаго* и предложилъ ему покурить.

— *Rasch, rasch*, крикнулъ ольдерманъ, надо взять корбъ, одѣвайся, фуксъ!

— Мы пойдемъ за пивомъ, объяснилъ Телепневу высокій буршъ. Въ тонъ, съ которымъ онъ обратился къ новичку, было много мягкости. Онъ, видимо, желалъ показать Телепневу, что очень хорошо понимаетъ его положеніе.

Телепневъ наскоро одѣлся и не проронилъ почти ни одного слова во всю дорогу. Шли они одинъ за другимъ, по узенькому тротуару, и скоро ольдерманъ, который предводительствовалъ шествіемъ, повернулъ въ тотъ переулокъ, гдѣ стоялъ уже знакомый Телепневу: *Spreisehaus*. Шпейсехаузъ былъ пустъ, когда бурши вошли туда.

Ольдерманъ скомандовалъ *корбъ* пива. Мальчишка, съ помощью самаго *кнейпвирта* вытащилъ изъ-подъ прилавки большую корзинку съ бутылками и поставилъ ее у печки, противъ бильярда. Телепневъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на эту корзинку.

— Ну, что-жъ? крикнулъ ольдерманъ.

— Надо нести, обратился добродушный буршъ къ Телепневу.

— Намъ? наивно спросилъ Телепневъ.

— Да, намъ.

— Ну *rasch, rasch*, а то пожалуй педеля абфасируютъ! понукалъ ольдерманъ.

Нечего было дѣлать: взялся Телепневъ за ручку корзинки; высокій буршъ подхватилъ ее съ другаго конца, и поволокли они на улицу пивной *гезефъ* для предстоящей бурсацкой *кнейпы*.

Смѣшно и дико показалось Телепневу исполненіе его обязанностей. Все это имѣло видъ комедіи; и никакъ онъ не могъ взять въ серъюзъ своеѣ новой роли. Но до такой степени страшное впечатлѣніе производило на него знакомство съ міромъ буршей, что онъ рѣшительно не въ состояніи былъ начать съ ними какого-нибудь объясненія, или просто разговора.

— Тяжело? спросилъ брандфуксъ, когда они порядочно отошли отъ шпейсехауза.

— Нѣтъ, ничего, отвѣтилъ кроткимъ тономъ Телепневъ.

Ольдерманъ шелъ по тротуару; а фуксы тащили корзинку посрединѣ улицы. На площадкѣ, откуда отрывалась дорога черезъ мостъ, ольдерманъ вдругъ остановился и пугливо встрепенулся.

— Пехъ, господа, проговорилъ онъ тихой скороговоркой, педеля катятъ!

— Ничего, успокоивалъ добродушный буршъ.

— Вали на протопопа! скомандывалъ ольдерманъ, авось не замѣтятъ, правѣ держите, ближе къ домамъ.

Маневръ, однако, не удался. Когда фуксы переходили поперекъ улицы, чтобы держаться правой, болѣе темной стороны, отъ угла каменнаго дома, гдѣ внизу помѣщалась также кнейпа, отдѣлились двѣ фигуры. Это были два педеля. Они давно запримѣтили процессію, и какъ разъ, вовремя двинулись съ мѣста, чтобъ перерѣзать дорогу буршамъ.

— Meine Herrn, заголосилъ старшій педель, въ короткой шубейкѣ и снялъ фуражку.

Маневръ его повторилъ и помощникъ его, такой же гуна-вый чухонецъ, какъ и старшій педель.

Процессія стала.

Педель потребовалъ, *im Namen des Gesetzes*, чтобы бурши оставили корзинку, ибо тасканіе *gesetzu* по улицамъ закономъ воспрещается.

Ольдерманъ хотѣлъ было похорохориться, но педель пугнулъ его ректоромъ.

— Полно, Христіанъ Ивановичъ, увѣщевалъ ольдермана *миленькій*, чертъ съ нимъ, *цитируетъ* къ ректору... изъ-за вздора этакого.

Телепневъ, опустивши корзинку, стоялъ безучастнымъ зрителемъ всей сцены. Ему подъ конецъ только смѣшно сдѣлялось, что имя закона призывали по поводу разноски пива.

Ольдерманъ притихъ; за то очень воинственно крикнулъ на всю площадку: *Fuhrmann!* Подкатили парные сани. бурши поставили туда корзинку; ольдерманъ сѣлъ съ *ми-*

ленькимъ въ сани; а Телепневъ долженъ былъ помѣститься на козлахъ, рядомъ съ чухонцемъ-фурманомъ.

Педеля все еще стояли на томъ же мѣстѣ, и когда ольдерманъ сердито крикнулъ фурману: *fahr' zu*, и сани тронулись, то старшій педель и помощникъ его сняли опять фуражки и тихимъ шагомъ направились по дорогѣ черезъ мостъ, куда покатали сани.

— Экій пехъ, повторялъ всю дорогу ольдерманъ; но Телепневъ никакъ не могъ ему сочувствовать: ему казалось, что такъ просто было-бы взять фурмана отъ самой кнейпы.

„И что за особенное удовольствіе, рассуждалъ онъ, не-премѣнно самимъ тащить тяжелѣйшую корзинку съ пивомъ. Кажется, только оттого и пріятно, что можно попасться педелямъ.“

— Фуксъ! крикнулъ ему вдругъ ольдерманъ, когда сани миновали мостъ, ты испугался педелей?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Телепневъ, что же въ нихъ страшнаго?..

Добродушный брандфуксъ фыркнулъ... Подъѣхали къ сквознымъ воротамъ между двумя маленькими бѣлыми домиками. Было это въ узкомъ переулкѣ, который велъ прямо къ университету. На дворѣ стоялъ третій домикъ, въ два этажа, съ наружной галлерейкой. Корзину пришлось тащить въ верхнее жильѣ.

Телепневъ увидалъ въ сборѣ почти всю корпораціонную компанію. Часть ея помѣщалась вдоль узкаго стола; нѣсколько человѣкъ ходило по комнатѣ. Новый фуксъ узналъ желтаго шаржиртера, на которомъ былъ уже видмундиръ и фуражка, филистра, потомъ бѣлаго бурсака, изъ шпейзгауза, татуированнаго и еще нѣсколько физіономій, уже видѣнныхъ имъ у Кранцберга. Когда онъ, вмѣстѣ съ *миленькимъ* внесъ корзину и поставилъ ее у печки, къ нему тотчасъ же подошелъ татуированный.

— Господа, язвительно зашепелявилъ онъ, обращаясь ко всей братіи, вотъ нашъ новый фуксъ, Телепневъ, изъ К. Имѣеть, падо полагать, много дублоновъ...

— Поздравляю, выговорилъ жидкимъ теноромъ—съ одышкой. толстый. запыхавшій жиромъ, массивный буршъ съ

широчайшей лентой через плечо и въ огромнѣйшихъ воротничкахъ. Онъ подошелъ къ Телепневу близко, такъ что тронулъ животомъ и оглядывалъ его сверху внизъ.

Телепневъ стоялъ и раскланивался на всѣ стороны.

— Это шаржиртеръ, пояснилъ ему въ упоръ желтый, показывая на толстяка. Вѣдь я тебѣ читалъ сегодня, что въ корпораціи бываетъ три шаржиртера. А вотъ нашъ третій шаржиртеръ, добавилъ онъ, указавъ на жиденькую, очень смѣшную фигуру въ какомъ-то брусничномъ сертукѣ, съ нѣмецкой удлиненой фizioноміей и плотно стриженной головой.

Третій шаржиртеръ что-то такое промышалъ и покраснѣлъ.

— Ольдерманъ, сурово изрекъ желтый, доставай гезефъ, приучай фукса.

Ольдерманъ сейчасъ же скомандовалъ Телепневу и добродушному буршу. Бутылки выгрузили изъ корзины и разставили по столу. Потомъ вынесли изъ другой комнаты два блюда съ бутербродами очень почтенныхъ размѣровъ.

Когда все это было исполнено, желтый взялъ Телепнева подъ руку и отвелъ его въ уголъ.

— Вотъ видишь, Телепневъ, заговорилъ онъ также въ упоръ, но помягче тономъ, — у насъ есть такой *узусъ*... когда кто поступаетъ въ бурши, то угощаетъ компанію... если это тебя не затруднитъ... у насъ кромѣ пива пьютъ *боли*... ты поѣзжай съ Цифирзономъ... онъ тебѣ укажетъ.. ты понимаешь?

Понять было не трудно. Телепневъ спохватился только, что онъ не взялъ съ собою бумажника. Это его немножко сконфузило.

— Ёдемъ, подскочилъ къ нему ольдерманъ, которому нечего было объяснять секретнаго разговора шаржиртера съ новичкомъ. И миленькаго возьмемъ.

Взяли миленькаго. Вся компанія смотрѣла на Телепнева какъ-то въ полоборота, когда онъ надѣвалъ шинель, и даже разговоръ на минуточку смолкъ. Вѣроятно бурши обдумывали вопросъ: до какой степени будетъ простираться добродѣтель новопоступившаго фукса: возьметъ двѣ-три *боли*, или раскошелится на большое пьянство?

Ольдерманъ скомандывалъ фурмана и садясь въ сани, спросилъ Телепнева:

— Ты сколько *болей* возьмешь?

— Да я не знаю, что такое боля, простодушно отвѣтилъ Телепневъ.

— Боля, вмѣшался *миленькій*: это, видишь, наши ребята сженку пьютъ всегда на кнейпахъ .. въ болю входитъ одна бутылка араку и двѣ гравесу.

— Сколько же нужно взять? спросилъ Телепневъ *миленькаго*, который ему очень нравился.

— Да не знаю, братъ, каковы у тебя фонды, отвѣтилъ добродушный буршъ.

— Да мнѣ все равно, сколько нужно, столько и возьми.

— Ну *rasch, rasch*, скомандовалъ ольдерманъ, садитесь на фурмана, компанія ждетъ.

— Надо ко мнѣ захватъ, проговорилъ Телепневъ, я оставилъ дома деньги.

— Не надо. крикнулъ ольдерманъ, дадутъ на *пурфъ*, на твой счетъ запишутъ, завтра занесешь.

— Гдѣ же? спросилъ Телепневъ.

— Ужъ мы доставимъ, отвѣтилъ ольдерманъ и закричалъ фурману: Markt!

Поѣхали на марктъ въ винную лавку. Взяли вина на пять *болей*, т. е. пять бутылокъ араку и десять дешеваго бѣлаго вина *Vin de Graves*, которое на туземномъ жаргонѣ называлось *гравесъ*. Взяли еще сахару и лимоновъ, и со всѣмъ этимъ хмѣльнымъ запасомъ вернулись къ ожидавшей буршикозной компаніи.

Когда ольдерманъ громогласно объявилъ, что гезефу взято на цѣлыхъ *пять болей*, лица всѣхъ буршей просіяли; татуированный даже обнялъ Телепнева; а филистръ, мечтательно улыбнувшись, сказалъ ему очень пріятную и кудрявую фразу

Стали варить сженку. Вытащили довольно большой котелъ, очень закопѣлый и грязный, навѣрно, года съ два не луженный и влили туда аракъ. Двѣ шпаги, положенныя поверхъ котла крестъ на крестъ, поддерживали кусокъ сахару. Аракъ зажгли. *Христі изъ Иванычъ*, сидя на полу, съ любовью глядѣлъ, какъ ~~сахара~~ таялъ и капалъ въ горящій спиртъ. Даже

желтый принципаль умилился. и съ кисло-сладкой улыбкой подергивалъ свой вихоръ. *Миленькій* возился около котла съ полнѣйшимъ добродушіемъ и все рассказывалъ Телепневу, какая изъ этого выдетъ штука.

Спиртъ погорѣлъ нѣсколько минутъ.

— Тушите, произнесъ съ важностью желтый.

Ольдерманъ и миленькій взяли по бутылкѣ гравесу и начали заливать огонь. Телепневъ послѣдовалъ ихъ примѣру. Татуированный буршъ все похаживалъ кругомъ и потиралъ руки. Остальная братія притихла, точно предвкушая предстоящія наслажденія.

Залили сженку, размѣшали сахаръ, нарѣзали лимоновъ и котелъ очутился на столѣ, посреди бутылокъ пива, стакановъ и двухъ блюдовъ съ бутербродами. Началась попойка.

Всѣ разсѣлись чинно.

Телепневу пришлось сѣсть между *миленькими* и жирнымъ шаржиртеромъ. Желтый буршъ, первый зачерпнулъ стаканъ сженки, и отвѣдавъ, проговорилъ: не дурно. За нимъ начала черпать вся братія.

— Что-жъ ты, фуксъ? спросилъ жирный Телепнева своимъ жиденъкимъ теноромъ.

— Я не пью, проговорилъ Телепневъ, взявшись за пустой стаканъ

— Шалдашничаетъ милордъ! пустилъ татуированный. Онъ схватилъ стаканъ Телепнева, зачерпнулъ въ него сженки по самые края и поставилъ передъ фуксомъ.

— Полковникъ, за тобой пѣсня, пробурчалъ желтый, обращаясь къ татуированному

Татуированный привсталъ и поднявши стаканъ, запѣлъ хриплымъ голосомъ начало пѣсни:

Товарищи—друзья, давно въ бѣкаль хрустальный

Мы не лили златоструистаго вина

Хоръ тотчасъ же подхватилъ:

Давно друзья—давно, замолкъ нашъ хоръ вакхальный,

Давно друзья—давно, мы не пили до дна!

„Ну не знаю, давно ли. подумалъ про себя Телепневъ и улыбнулся, глядя на измятыя рожи бурсаковъ и прислушиваясь къ ихъ хриплымъ съ перепоя голосамъ.

Нѣжный брандфуксъ Варцель, точно угадывая мысль Телепнева, сочувственно переглянулся съ нимъ.

А хоръ оралъ дальше:

Бурсацкія уста покрылись книжной пылью,
И пить, и чокаться забыла ужъ рука.
Вина, скорѣй сюда, составимте флотилію
И поплывемъ въ винѣ съ компасомъ бурсака!

„Экая чушь! чуть не сказалъ вслухъ Телепневъ.

Но пѣсня еще не скоро кончилась. Всѣ бурсаки сидѣли съ серьезнѣйшими фізіономіями и драли горло, точно будто бы дѣлали какое-нибудь важное дѣло; маленькій ольдерманъ такъ надрывался, что даже посинѣлъ.

Пѣсни передавались по порядку; зря, не въ очередь, никто не смѣлъ начать.

— Миленькій, крикнулъ ольдерманъ брандфуксу, отдай мнѣ свою.

— Бери, отвѣтилъ кроткій Варцель.

Христіанъ Ивановичъ, всталъ, зачерпнулъ изъ котла сженки, и натужившись затынулъ:

Разгульна, свѣтла и любовна
Душа веселится моя,

Бурсаки подхватили:

Да здравствуетъ Марья Петровна,
И ручка и ножка ея!

Съ особенной виртуозностью выдѣлывалъ татуированный послѣдній стихъ:

И ручка и ножка ея—а-а-а!

Въ антрактахъ постороннихъ *дѣлу* разговоровъ не было. Вурши исполняли свой обычный ритуалъ въ чистотѣ стиля, съ строгимъ соблюденіемъ своего устава: пить и пѣть. Въ подтвержденіе этой аксіомы желтый шаржиртеръ, мрачно завопилъ:

Кто за бакаломъ не поетъ

И вся братія подхватила:

Тому не полная отрада,
Богъ пѣсень богу винограда
Восторги новые даетъ!
Слова святыя: пей и мой

Необходмы для пирушки,
Друзья! гдѣ арфа подлѣ кружки,
Тамъ бога два и пиръ двойной!

Понемногу Телепнева началъ забирать хмѣль. Ему влили уже два стакана сженки. Грубые возгласы бурсацкихъ пѣсень, суровыя лица въ шапкахъ, котель на длинномъ столѣ, все это запрыгало въ головѣ фукса. Какимъ-то особеннымъ колоритомъ освѣщали ему пары сженки буршикозную попойку. Первое впечатлѣніе всего этого церемоніяла было само по себѣ оригинально; а послѣ двухъ стакановъ, Телепневъ въ жилахъ своихъ почувствовалъ даже нѣкоторую воинственность и готовъ уже былъ подтянуть общему хору.

Въ антрактѣ, миленькій Варцель обратился къ нему съ какой-то нѣжностью.

— Вы на какомъ факультетѣ? спросилъ его также нѣжно Телепневъ.

— А! фуксъ объ наукахъ заговорилъ, зашипѣлъ татуированный, *гелертера* ему завалить!

Телепнева заставили выпить въ запуски съ татуированнымъ кружку пива. Онъ, разумѣется, сплеховалъ и половину расплескалъ по столу.

— А! заорали всѣ бурсаки. Провинился фуксъ!

И опять заставили его вытянуть цѣлый стаканъ сженки; а хоръ тянулъ:

Zieh'! Füchslein! zieh'!

Телепневъ совсѣмъ ошалѣлъ, началъ цѣловаться съ миленькимъ, и когда бурсаки загудѣли опьянѣлыми голосами:

Пусть свободны и легки
Мчатся юности досуги!

Онъ сталъ подпѣвать, и покрылъ даже весь хоръ своимъ звонкимъ теноромъ.

Попойка пошла crescendo. Промежутки между пѣснями дѣлались все меньше и меньше. Телепневъ мутными глазами слѣдилъ за тѣмъ: кто запѣваетъ и старался сейчасъ же схватить мотивъ:

Растерзанный буршъ, совсѣмъ уже чирый, завопилъ:

У насъ пѣнье
Идетъ въ лихой гурьбѣ, бе-бе!
Милый другъ, хотъ тресни,
Не уйдешь отъ пѣсни,
Валяй, валяй, валяй себѣ!

Телепневу эта штука очень понравилась. Онъ все кричалъ: валяй, валяй, валяй себѣ.

Въ 11 часовъ бурный бурсацкій хоръ во все легкія закатывалъ:

Лихой бурсакъ не дуется въ усь,
Готовъ всегда кутить! Жги—руби!
Шестерки все—одня онъ тузь,
И можетъ всѣхъ онъ бить—жги, руби—вырубай,
Бурсаковъ не выдавай!

Однако хотъ бурсакъ и тузь; а остальное человечество шестерки: въ 11 часовъ все-таки явились педеля и пригласили компанію разойтись. Телепневъ очень удивился этому и хотѣлъ даже прикрикнуть на педелей; но его удержали. Педелямъ поднесли по стакану сженки, и черезъ четверть часа вся братія разошлась. *Миленкій* довезъ Телепнева домой и дорогой все твердилъ ему:

— Миленкій, завтра не реставрируйся ты; нужды нѣтъ, что будетъ *катценъ-аммеръ*; а то сонънешься!

Х.

Волей-неволей Телепневъ долженъ былъ начать мытарства бурсацкой жизни. Поступивши въ команду ольдермана, онъ каждое утро ходилъ на фехтбоденъ, который помѣщался въ одномъ изъ высокихъ и узкихъ домовъ маркта. Отъ дурачехоталъ онъ, когда на него въ первый разъ нахлобучили тяжелый и неуглужій кожаный шлемъ. Шлемъ этотъ на

нилъ ему кивера, какіе были у жандармскихъ солдатъ во времена его дѣтства. Маленькій ольдерманъ съ постоянной своей комической важностью внушительно объяснилъ ему значеніе всѣхъ частей паук-аппарата. Фуксу ясно было, что когда бурша закутають съ ногъ до головы въ разные шлемы, бинты, галстуки и подушки, то врядъ ли много останется для губительнаго дѣйствія вражескихъ рапиръ.

Ольдерманъ самъ былъ плохой *паукантъ*. Уроки шли въ первое время туго. Телепневъ только хохоталъ, смотря на его маленькую смѣшную фигуру въ огромномъ кожаномъ шишакѣ и длиннѣйшей перчаткѣ. Объясняя новичку названія разныхъ ударовъ, всякихъ квартовъ, терцовъ, секундъ, ольдерманъ въ припрыжку насканивалъ на Телепнева и ужасно былъ радъ, когда ему удавалось хватить его по рукѣ или по плечу. Но Телепневу, видно, суждено было пройти всю школу. Желтый шаржиртеръ, считавшійся лучшимъ бойцомъ во всей корпораціи, началъ являться на фехтбоденъ и закатывать фуксу такихъ терцовъ и квартовъ, что поневолѣ приходилось вникнуть во всѣ таинства фехтовальнаго искусства.

Нѣжный сердцемъ нѣмецъ Варцель очень соболѣзновалъ синимъ пятнамъ на груди и на плечахъ Телепнева и утѣшалъ его все тѣмъ, что „это только на первое время, а потомъ, какъ слѣзетъ шкурка, такъ и будетъ нечувствительно“

Попойки продолжались своимъ чередомъ. Телепневъ сразу же схватилъ ихъ общій характеръ и почувствовалъ весь формализмъ этихъ „панихидъ“, какъ онъ почти съ перваго же приѣма называлъ бурсацкія пирушки. Паралельно съ обученіемъ фехтовальному искусству, его начали учить буршикознымъ пѣснямъ—русскимъ и нѣмецкимъ, для чего по субботамъ бывали особые сборища, которыя, конечно, каждый разъ оканчивались попойкой. Было постановлено правиломъ, чтобы каждый приносилъ съ собой въ карманѣ по бутылкѣ пива. Жирный шаржиртеръ съ тоненькимъ женоподобнымъ теноромъ садился обыкновенно къ разбитымъ фортепьянамъ на одной изъ студенческихъ квартиръ, и съ голоса училъ хууса вакхическимъ пѣснопѣніямъ. Ему присвоенъ былъ титулъ *magister cantandi*. Бурсаки остались довольны музыкальными способностями Телепнева и его теноромъ. Вся

компанія имѣла хриплые басы и баритоны, среди которыхъ только жидкій теноръ жирнаго шаржиртера выдѣлялся своей надтреснутой фистулой. Пѣли по нѣмецкой манерѣ; но больше въ униссонъ. Нѣкоторые экземпляры отличались страшной неподатливостью слуха, почему ихъ и звали *какофонами*. Когда Телепневъ познакомился съ репертуаромъ буршикозныхъ пѣсенъ, странное впечатлѣніе произвела на него эта сбродная, формальная, въ высшей степени однообразная поэзія. Только двѣ-три языковскія пѣсни были дѣйствительно не дурны и по стиху, и по свѣжести мотивовъ. Остальное: грубоватая и нескладная переложенія съ нѣмецкаго наборъ смѣшныхъ задорныхъ фразъ и вѣчный призывъ къ вину; все это ни по содержанію, ни по формѣ неспособно было ни увлечь сколько нибудь развитаго юношу, ни тѣшить его эстетическаго чувства. Но Телепневъ все-таки созналъ, что весь этотъ шумъ и голосъ, всѣ эти наивные возгласы и сурово дѣтскіе мотивы имѣютъ свой, хоть и не глубокій, но своеобразный смыслъ; въ грубой формѣ, но связываетъ все-таки разношерстную компанію юношей чѣмъ-то свѣжимъ и искреннимъ, не смотря на то, что попойки съ пѣснями имѣли страшно однообразный видъ и только съ перваго раза поражали своей оригинальностью.

До открытія лекцій время у Телепнева проходило очень буршикозно. Онъ все спрашивалъ: неужели такъ будетъ и впослѣдствіи? Утромъ ходилъ онъ на фехтбодень, откуда компанія отправлялась въ кнейпу пить пиво и набивать себѣ ротъ буттеръ-бротами; а съ ранняго послѣ обѣда начиналось развиваніе „идей“, т. е. толки о томъ, какъ сочинить попойку. Попойка, дѣйствительно, сочинялась, все больше иждивеніемъ молодаго фукса, на котораго компанія поналегла, разочухавши, что Телепневъ можетъ прожить въ мѣсяцъ одинъ столько, сколько вся братія вкупѣ. Телепневъ съ какой-то самому ему не совсѣмъ понятной скромностію подчинялся этой наянливости, и почти каждый вечеръ отправлялся преспокойно на закупку разныхъ питій. Не смотря однакожь на эти постоянныя контрибуціи, его все-таки держали, какъ фукса, въ черномъ тѣлѣ: шаржиртеры обращались съ нимъ съ суровой величественностію, маленькій ольдерманъ покрови-

тельственно, но комически-важно. Только два филистра. тотъ, котораго звали Лукусомъ и растерзанный, только что снявшій студенческую форму, были въ обращеніи своемъ съ Телепневымъ мягче, говорили ему вы и таки прохаживались на счетъ его кармана, больше, конечно, въ видѣ шнапсовъ и кружекъ пива. Не пить—нельзя было Телепневу: во первыхъ, это вызывало бы безконечныя придирки и пристыженія; и во вторыхъ, сидя каждый день за большимъ столомъ, среди пьющей братіи, невозможно было оставаться совершенно трезвымъ, не ощущая страшнѣйшей скуки.

Въ результатъ всего этого вышло то, что когда пролетѣли *ferien* и надо было подумать о формальностяхъ поступленія въ университетъ, то въ головѣ Телепнева стоялъ какой-то пивной чадъ, а въ ушахъ гудѣло безконечное бурсацкое завываніе. О наукѣ, занятіяхъ, о какихъ нибудь серьезныхъ вопросахъ, о чемъ нибудь выходящемъ изъ сферы попойки и фехтбодена—и рѣчи не было ни на одномъ бурсацкомъ сборищѣ. Существовало даже въ корпораціи правило, что толковать между собою о политикѣ, религіи, или какихъ-нибудь высокихъ предметахъ строго воспрещалось, и бурши блистательно выполняли это запрещеніе. Ходячей забавой ихъ было закатыванье другъ другу *geleerters*, т. е. вызовы на пиво, посредствомъ браннаго слова гедертерь. Употребленіе этого слова показывало неумѣстность всякой претензіи на серьезное знаніе въ буршикозномъ мірѣ и постоянный насмѣшливый протестъ противъ подобныхъ небурсацкихъ явленій.

Телепневъ чувствовалъ такое похмѣлье послѣ двухнедѣльной буршикозной жизни, что онъ точно забылъ, съ какими желаніями отправлялся изъ К. на обученіе къ нѣмцамъ; ему рѣшительно не вѣрилось, что въ этомъ мірѣ сженки, пива и пѣсенъ можно было хоть одну минуту подумать о какой нибудь химіи или политической экономіи.

На два дня онъ урвался изъ подъ корпораціонной ферулы, чтобы немного отрезвить себя и отправиться по начальству.

XI.

Кураторъ, къ которому Телепневъ явился въ полной формѣ — крошечный, лысый, изможденный старичокъ, въ изношенномъ вицъ-мундирѣ, съ золотой звѣздой, принялъ его какъ-то не совсѣмъ довѣрчиво. Онъ нѣсколько разъ спросилъ Телепнева, зачѣмъ онъ собственно пріѣхалъ и почему не оканчивалъ курсъ въ К. Дѣло, впрочемъ, обошлось, и старичокъ объявилъ, что онъ его принимаетъ.

— А что вы хотите штудировать? спросилъ съ насмѣшливой, старческой улыбкой кураторъ.

— Химію, ваше превосходительство.

— Тогда вамъ нужно будетъ сдавать экзаменъ изъ греческаго.

„Вотъ тебѣ разъ“, подумалъ Телепневъ и вышелъ отъ попечителя повѣся носъ. Греческихъ словъ онъ и въ глаза не видалъ.

Бурсаки его окончательно обезкуражили, подтвердивши, что на химіи дѣйствительно нуженъ греческій языкъ.

— Ничего, фуксъ, говорилъ ему покровительственно маленький ольдерманъ, я тебя настрочу въ одинъ семестръ, вали на протопопа!

Не очень успокоительно подѣйствовали на Телепнева обѣщанія ольдермана, и онъ, чувствуя, что по гречески сразу не подготовишься, началъ уже раздумывать — не выбрать ли другую какую науку, гдѣ бы языкъ Эллиновъ не сталъ поперекъ дороги. Бросился онъ къ старичку профессору рассказать ему свою бѣду. Хемикъ, копаясь въ своемъ фармацевтическомъ институтѣ, подтвердилъ Телепневу, что, дѣйствительно, греческій языкъ требуютъ съ того, кто хочетъ штудировать хемію, но что, такъ какъ онъ, Телепневъ, поступаетъ ужъ изъ русскаго университета и съ такого факультета, на которомъ хемія преподавалась, то, можетъ быть, ректоръ съ него и не потребуетъ греческаго языка. По какому-то особому покровительству небесъ — такъ и случилось.

Ректоръ своей фигурой и комически-надутой рѣчью распотѣшилъ Телепнева. Въ курсивныхъ фразахъ объявилъ онъ ему, что онъ будетъ *chemiae cultor*, и приказалъ быть готовымъ въ назначенный день явиться для полученія матрикула и торжественнаго приѣма въ студенты.

Взяли съ него десять рублей, и черезъ два дня неделю, явившись съ глупѣйшей чухонской улыбкой объявилъ ему, что такого-то числа въ *аула*, т. е. въ большой актовъ залъ университета, *Magnificens*, т. е. ректоръ, будетъ читать наставленіе новопоступающимъ и раздавать имъ матрикулы.

Насталъ этотъ торжественный день. Аула поразила Телепнева своей первобытной простотой. Дверь въ залу была прямо изъ коридора, такъ что негдѣ было снять шинели; полъ былъ въ ней некрашеный; колонны, подпиравшія хоры, вымазаны были бѣлой масляной краской, а ободранные стулья явились на свѣтъ божій, вѣроятно, въ одинъ день съ университетомъ. Подъ старинной кафедрой, вымазанной также бѣлой масляной краской, стоялъ большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ зеркаломъ. На немъ разложены были какіе-то листы въ родѣ дипломовъ и цѣлая стопка маленькихъ книжечекъ сѣраго цвѣта.

Когда Телепневъ вошелъ въ залу, новички были уже въ сборѣ. Видъ ихъ не былъ такъ разнохарактеренъ, какъ въ К—скомъ университетѣ; всѣ носили партикулярное платье, всѣ почти были блондины и смахивали какъ-то на одно лицо; между собой переговаривались они тихо, почтительно озирая залу, пытливо поглядывая на красный столъ съ большими листами.

Тутъ Телепневъ почувствовалъ себя уже совершенно одинокимъ, не такъ какъ въ К. Чужой говоръ, чужія лица, какая-то особенная важность на юношескихъ физіономіяхъ, все это сейчасъ бросилось ему въ глаза и говорило, что онъ пришлецъ изъ другаго міра и никогда не сольется съ задушевными интересами этихъ чухонско-нѣмецкихъ питомцевъ просвѣщенія.

Заговорить было не съ кѣмъ, да и не къ чему было придраться. Новопоступающіе видимо ужъ раздѣлились на кружки, вѣроятно по корпораціямъ, и только нѣсколько человѣкъ

ходило въ разсыпную по залѣ. Видъ всего этого университетскаго зрѣлища не представлялъ ничего особенно занятнаго, яркаго и свѣжаго. Зала, не смотря на свою простоту, дышала гораздо большей чопорностію и формализмомъ, чѣмъ внутренность К—скаго университета, со всей его русской казенщиной.

Въ 12 часовъ звякнула ручка двери корридора, всѣ новички встрепенулись и собрались въ кучку; вошелъ ректоръ въ вицъ-мундирѣ новаго покроя съ Владиміромъ на шеѣ и пресмѣшнымъ взбитымъ хохломъ; а за нимъ толстая водяночная фигура сѣдаго оберъ-педея. Ректоръ, высоко поднявъ голову и поправляя свои остроконечные воротнички, зашагалъ какъ журавль по залѣ и остановившись у стола, внушительно выпятилъ впередъ губы и важно кивнулъ головой въ отвѣтъ на общій поклонъ новичковъ.

— Мои милые питомцы! заговорилъ онъ надутымъ, декламаторскимъ тономъ, съ чрезвычайно комическимъ подергиваньемъ всего туловища. — Вы совершаете великій шагъ въ жизни. Предъ вами открывается великое откровеніе науки; вы проникаете въ святилище знанія. Но не забудьте, благородные юноши, что только тотъ можетъ достойно перешагнуть порогъ храма, кто въ чистотѣ духа и въ возвышенности побужденій почерпнулъ тѣ священныя силы, которыя нужны для принесенія истинныхъ жертвъ единому и всемогущему Богу

Начало спича показалось Телепневу курьезнѣе попечительской рѣчи въ К. Нѣмцы новички видимо оставались довольны богословскимъ краснорѣчіемъ ректора, который даже покраснѣлъ какъ ракъ, выкрикивая громкія фразы и разводя во всѣхъ направленіяхъ руками по воздуху Сѣдой оберъ-педель, который, навѣрно, видѣлъ эту штуку въ 30 или 40 разъ, стоялъ безчувственно, въ степенно-лакейской позѣ, положивши жирную ладонь на свое выпятившееся впередъ пузо.

— Но что способно вести сердце юношей по правому пути? кричалъ надсаживаясь велерѣчивый ректоръ. Неизмѣнныя правила благочестія и вѣрности, благоговѣніе предъ божественными и государственными законами, высокопочитаніе къ основамъ семейственности и гражданства.

„Экъ его прорвало,“ подумалъ Телепневъ и улыбнулся, взглянувши на тупыя чухонскія физиономіи большинства слушателей.

— Здѣсь—и ректоръ при этомъ взялъ одинъ изъ листовъ, лежавшихъ на столѣ—начертаны основы, по которымъ всякій питомецъ науки долженъ создавать свою жизнь.

И ректоръ приступилъ къ переводу семи правилъ, которыя значились на латинскомъ языкѣ въ студенческомъ матрикулѣ. Каждый пунктъ сопровождалъ онъ многословными и вычурными коментаріями; со слезами на глазахъ—и дрожью въ голосѣ онъ увѣщевалъ юношей держаться строго стези добродѣтели и не впасть въ пучину порока и заблужденій.

Истощивши все свое краснорѣчіе, растегнувши даже отъ наплыва педагогическаго чувства свой вицъ-мундиръ, ректоръ приступилъ къ вызову новичковъ по очереди одного за другимъ и къ раздачѣ матрикуловъ, вмѣстѣ съ тѣми сѣрыми книжечками, которыя лежали на столѣ. Книжечки эти служили для записыванія предметовъ курса. Новичковъ вызывали по алфавиту.

— Дайте мнѣ ваше честное слово, торжественно и трогательно произносилъ ректоръ, подавая руку новичку,—что вы исполните въ святости все то, что законъ и добродѣтель требуютъ отъ питомца науки.

Нѣмецъ ѣжилъ, почтительно пожималъ руку ректора, что-то такое бормоталъ и получалъ изъ рукъ его матрикулъ вмѣстѣ съ книжечкой, которыя сѣдой оберъ-педель подавалъ разстроганному магнификусу.

Черезъ эту процедуру прошли всѣ, и Телепневъ, когда подходилъ къ ректору, никоимъ образомъ не могъ настроить себя на чувствительно торжественный ладъ, и едва удержался отъ улыбки, глядя на красное, плаксиво-величественное лицо ректора, который какъ заведенная машина протягивалъ руку каждому подступающему новичку.

Смыслъ всей штуки однако удовлетворилъ его. Сквозь смѣшныя формы, сквозь шумиху ректорскихъ фразъ проглядывало нѣчто разумное и человѣчное, нѣчто въ иномъ вкусѣ, чѣмъ попечительскій спичъ въ К. съ указаніемъ на шляпу и шпагу.

Въ большомъ печатномъ матрикулѣ Телепневъ, также не безъ улыбки прочелъ, что онъ названъ Ruthenus и Chemiae cultor

Вся церемонія продолжалась полтора часа.

Свернувши вчетверо матрикулъ и спрятавъ его въ карманъ вмѣстѣ съ книжечкой, Телепневъ искренно произнесъ обѣтъ приступить наконецъ къ дѣльнымъ занятіямъ, и внутренно рѣшилъ, что бурсацкая жизнь есть только временный и не долгій для него искусъ.

ХІІ.

Профессоръ Шульцъ въ шестомъ часу вечера сидѣлъ въ химическомъ кабинетѣ у своего рабочаго стола, и что-то такое накаливалъ паяльной трубкой на спиртовой лампѣ, когда Телепневъ, пройдя темную аудиторію, тихо и скромно остановился въ дверяхъ кабинета и, раскланявшись, проговорилъ заранее имъ сочиненную нѣмецкую фразу объ искреннемъ желаніи его заняться специально химіей подѣ руководствомъ профессора Шульца.

— Schön, schön, вскричалъ химикъ, вскочилъ и весь задвигался. Вся его фигура съ взъерошенными волосами и разлетающимися фалдами была олицетворенное движеніе. Онъ заговорилъ такъ скоро что Телепневъ рѣшительно ничего не понималъ изъ его рѣчи. Кое-какъ однако объяснились. Телепневъ откровенно признался профессору, что имѣетъ самыя поверхностныя познанія и желаетъ начать съ азбуки.

— Schön, schön, повторялъ чужакъ, и за одинъ разъ производилъ нѣсколько манипуляцій: сыпалъ словами, дулъ въ паяльную трубку, накачивалъ ногой гуттаперчевый насосъ, отвертывалъ пробки у стлянокъ и взвѣшивалъ на химическихъ вѣсахъ платиновыя тигельки и блюдечки.

Телепневъ съ неподдѣльнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на эту разбѣгающуюся какъ ртуть ученую особу и мысленно

спрашивалъ себя: неужели онъ нѣмецъ, и какъ это нѣмецъ можетъ быть до такой степени подвижнымъ?

А нѣмецъ быть дѣйствительно нѣмецъ, и даже ни на какомъ другомъ языкѣ не объяснялся. Онъ тутъ же показалъ Телепневу весь свой химическій кабинетъ и повелъ въ заднюю комнату, гдѣ помѣщалась собственно лабораторія. Она представляла довольно плачевный видъ; похожа была на плохую грязноватую кухню. Въ ней было тѣсно и неудобно; но все таки видно было, что тамъ работаютъ. На большомъ столѣ, занимавшемъ всю средину лабораторіи, и на окнахъ стояло множество всякой химической посуды, правда въ беспорядкѣ, но на Телепнева вся мизерная обстановка этой лабораторіи подѣйствовала гораздо внушительнѣе, чѣмъ лощеные столы и стѣны К.—ской лабораторіи, гдѣ никто ничего не дѣлалъ.

— Вы производили какія нибудь работы? спросилъ его химикъ неимовѣрно быстро, такъ что Телепневъ еле-еле понялъ въ чемъ дѣло.

— Почти ничего.

— Займитесь добываніемъ металлическихъ солей, приходите завтра, я вамъ укажу.

Чудакъ протянулъ Телепневу руку, улыбнулся во весь свой нѣмецкій широкій ротъ и раздувая фалдами какъ пару сомъ, покатилъ къ рабочему столу, гдѣ, опять началъ въ одно и тоже время накачивать гуттаперчевый насосъ, дуть въ паяльную трубку и взвѣшивать платиновые тигельки.

Телепневъ съ новымъ чувствомъ наивнаго уваженія къ наукѣ и съ оригинальнымъ впечатлѣніемъ всей личности разбѣгающагося какъ ртуть химика, удалился домой готовиться къ открывающейся передъ нимъ *нѣмецко-ученой* жизни.

— Это все шалдашки, говорилъ ему растерзанный буршъ, зашедши къ нему въ тотъ-же вечеръ и приглашая развить „идею“ Фуксу нельзя штудировать въ первый семестръ. Это не консеквентъ. Вѣдь ты (онъ наканунѣ выпилъ съ нимъ брудершафтъ) не хочешь, я надѣюсь, представлять изъ себя гелертера.

— Да какой тутъ гелертеръ, оправдывался Телепневъ, я просто хочу дѣломъ заняться.

— Это консеквентъ. Но ты займись дѣломъ, когда ты на-

сладисься.... юностью. Это все оттого, фуксъ, что ты въ Россіи жилъ, ну, и привыкъ къ этому, понимаешь?..

Но Телепневъ ничего не понималъ, и растерзанный буршъ, такъ какъ онъ пришолъ послѣ восьмой бутылки пива, не могъ уяснить свою мысль.

Одинъ только *миленькій* похвалилъ Телепнева, и съ сокрушеннымъ сердцемъ признался, что онъ, какъ студентъ медицины, хотя и долженъ штудировать химію, но ни аза въ глаза не смыслить.

— Ты ихъ не слушай, нѣжно говорилъ онъ Телепневу, имъ только брюхо свое бурсацкое наливать пивомъ, а коли ты за дѣломъ пріѣхалъ, такъ не трать же тебѣ время по пустякамъ.

Корпорационное начальство сурово-насмѣшливо посмотрѣло на ученыхъ затѣи молодого фукса, и желтый шаржиртеръ на одной изъ попоекъ завалилъ Телепневу гелертера, причемъ многозначительно помѣнялся улыбкой со всей буршикозной компаніей.

— Ну, милордъ, обратился къ Телепневу татуированный буршъ, не можете ли сдѣлать анализъ вотъ этой жидкости? И онъ зачерпнулъ изъ котла стаканъ сженки. Какія тутъ заключены химическія частицы? Или, можетъ быть, въ котлѣ есть какой нибуть металлической ядъ?

— Яду-то нѣтъ, отвѣчалъ Телепневъ, а полудить-то котелъ давно бы не мѣшало.

— На твой счетъ—можно, изрекъ желтый шаржиртеръ, и на другой день маленькій ольдерманъ дѣйствительно отдалъ котелъ въ полуду, а Телепневъ долженъ былъ заплатить.

Насмѣшки буршей на него мало дѣйствовали. Послѣ фехбодена онъ отправлялся въ химическій кабинетъ. Стоя у окна онъ разстиралъ въ ступкахъ разную разность и процѣживалъ разноцвѣтные растворы въ обществѣ двухъ фармацевтовъ, одного очень серлитаго нѣмецкаго бурша и стараго бородастаго филистра, писавшаго докторскую диссертацию по судебной химіи.

XIII

Бурсаки хоть и подтрунивали надъ учеными поползновениями новаго фукса, но вообще благоволили къ нему, такъ что по прошествіи двухъ мѣсяцовъ старый филистръ предложилъ на сходкѣ дать ему цвѣта. Жолтый шаржиртеръ возсталъ противъ этого предложенія, выразившись, что не слѣдуетъ баловать „этихъ *русскихъ* студентовъ“, и надо еще посмотреть, каковъ новый фуксъ будетъ въ скандальномъ дѣлѣ.

Голоса раздѣлились, но большинство было за мнѣніе жолтаго шаржиртера и Телепневъ не получилъ цвѣтовъ. Хотя онъ объ этомъ не имѣлъ никакого понятія и весьма мало интересовался буршикозною жизнью, старый филистръ на другой день послѣ сходки зашелъ къ нему, вѣроятно съ желаніемъ его утѣшить.

— Ну, что ты скажешь, Телепневъ (съ нимъ они уже пили на брудершафтѣ), о нашей компаніи? спросилъ онъ его, усаживаясь по своему обыкновенію съ ногами на диванъ. Я не то что хочу у тебя вывѣдывать, а такъ, интересно бы знать, какъ ты сходишься съ нашими ребятами?

Телепневъ, познакомившись съ корпоративнымъ духомъ, не рѣшился вдругъ вдаться въ откровенности съ филистрами. Свободное выраженіе мнѣній о товарищахъ не было въ правахъ корпораціи, гдѣ, не смотря на ежедневныя попойки и разгульную внѣшность, преобладающей чертою былъ своеобразный формализмъ и сдержанность.

— Да ты не бойся меня, сказалъ Лукусъ, какъ бы угадывая мысль Телепнева, со мной ты можешь говорить *offenherzig*, у меня нѣтъ никакого *Parteigeist*; я люблю нашихъ ребятъ и хотѣлъ бы, чтобы ты понималъ настоящій бурсацкій духъ.

— Да видишь что, заговорилъ Телепневъ, жизнь-то въ корпораціи такая, что людей трудно узнать; сходишься каждый день, а ни объ чемъ почти не говоришь, только пьешь. А вѣдь этого, согласишься, мало. И Телепневъ съ вопросительной улыбкой посмотрѣлъ на филистра.

— Въ тебѣ сидитъ все русскій студентъ. Зачѣмъ тутъ разсужденія. Ein Mann—ein Wort. Надо, чтобъ человѣкъ былъ съ характеромъ, чтобъ былъ консеквентъ въ своихъ дѣйствіяхъ и не кнотъ—какъ нѣмцы!

— Да въ какихъ же дѣйствіяхъ? допрашивалъ все наивно Телепневъ.

— Ну, ты еще не можешь знать всего. Вотъ когда ты поступишь въ корь — я тебѣ прямо говорю, что это скоро случится, наши рябята тобой довольны—такъ вотъ когда ты поступишь въ корь, тогда на нашихъ сходкахъ ты увидишь, какъ нужно себя благородно вести буршу. У насъ постоянныя Collision съ нѣмцами.

— Изъ за чего же?

— Ты ихъ не знаешь, это кноты. Въ нашихъ ребятахъ только и есть Honorigkeit, а у нихъ что не день—то пакость какая нибудь. Между собой они тоже ругаются, и на шаржиртенъ-конвентѣ надо быть очень консеквентъ, чтобъ имъ ни въ чемъ не уступать.

— А сколько у нихъ корпорацій.

— Пять. Еще вотъ въ Арминіи, тамъ хоть и большіе кноты, но простой народъ; они на конвентѣ почти всегда съ нами за одно. Вѣдь ты не знаешь, Телепневъ,—и филистръ одушевился,—что за гуси эти нѣмцы. У нихъ какой нибудь кнотъ-шаржиртеръ воображаетъ, что на него вся Европа глядитъ. Развѣ у нихъ фуксы какъ у насъ. У нихъ фуксъ ольдерману трубку набиваетъ.

Телепневъ слушалъ стараго филистра и удивлялся, какъ это можетъ человѣкъ, которому уже за тридцать лѣтъ, придавать такое значеніе такимъ глупостямъ, какъ всѣ эти формы и подробности буршикозной жизни.

— Я еще не знаю нѣмцевъ, проговорилъ онъ, по всему, что я видѣлъ въ нашей корпораціи, я думаю, что она скроена совершенно по нѣмецкому фасону; русскаго въ ней очень мало. У насъ даже одинъ шаржиртеръ нѣмецъ.

— Ты не понимаешь, другъ, вскричалъ филистръ и даже привсталъ съ дивана, у насъ это принципъ. Мы принимаемъ всѣхъ, кто съ нами одного Gesinnung. Вѣдь здѣсь есть русскіе въ нѣмецкихъ корпораціяхъ, прозываются фонъ-Ивановъ,

фонъ-Федотовъ: и вилодера есть,—тѣ кноты. Да, продолжалъ филистръ съ какимъ-то слагостюбіемъ въ голосъ,—надо войти въ здѣшнюю жизнь; я вотъ двѣнадцатый годъ живу въ Д., испыталъ все, съ родителями поругался, скрываюсь отъ полиціи; ну, и здоровье in zwei gegangen, но здѣсь мнѣ хорошо, въ Россію я не хочу.

— Такъ и будешь здѣсь жить?

— Да объ этомъ что толковать! А я тебѣ еще разъ скажу, ты сойди съ нашими ребятами. Химія твоя не уйдетъ. Когда узнаешь нѣмцевъ, тогда увидишь, какой Unterschied между нашими ребятами и тѣми кнотами. Вотъ на шкандалахъ ихъ увидишь и на комершѣ. Нашъ Чичисгеймъ будетъ выходить съ однимъ чухонцемъ.

— Когда же? спросилъ не безъ любопытства Телепневъ.

— На будущей недѣлѣ. Это еще съ того семестра осталось. Тутъ у насъ вышла большая Collision, думали даже выходить pro patria.

— Какъ же это pro patria.

— А это значить по три пауканта отъ каждой корпораціи. А ты порядочно дерешься?

— Христіана Ивановича побиваю, отвѣтилъ со смѣхомъ Телепневъ, и вспомнилъ при этомъ фигуру ольдермана въ кожаномъ шишафѣ.

— Такъ тебѣ бы надо сорвать шкандальчикъ съ какойнибудь нѣмчурой

— За чѣмъ же непременно слѣдуетъ сейчасъ же имѣть дуэль?

— Да ужь безъ этого, мой другъ, нельзя. Это не то что-бы для реноммага, а надо въ респектѣ держать нѣмцевъ; насъ двадцать человѣкъ, а ихъ четыреста, они какъ разъ будутъ мопсировать.

Вся философія буршикозной жизни предстала предъ Телепневымъ въ лицѣ корпораціоннаго Улисса. Немножко это его еще занимало покуда, но онъ рѣшительно не могъ вдатся въ такой сербозъ, съ какимъ тридцатипятилѣтній филистръ переваривалъ всѣ эти пунктики бурсацкаго устава и морали.

Филистръ долго еще бесѣдовалъ на ту же тему и потратилъ весь свой умъ и все свое краснорѣчіе, чтобы пріобщить

фукса къ самой сути *буршендума*, и дать ему предвкусіе тѣхъ благъ, которыми онъ будетъ наслаждаться, когда наконецъ за прилежаніе и успѣхи надѣнуть на него цвѣтнуну шапку и ленту.

„Будетъ только большое пьянство и сдеруть съ меня рублей двѣсти“, подумалъ въ эту минуту Телепневъ. Мысль эта подсказала ему предложеніе выпить и закусить, на что, конечно, филистръ согласился; а на огонекъ собралась вся оставшая братія, и опять появился котель и фистула жирнаго шаржиртера, и опять татуированный буршъ хриплымъ и шепелявымъ голосомъ запѣлъ:

Товарищи друзья *давно* въ бокаль хрустальный
Мы не лили злато-струистаго вина.

И опять попойка продолжалась до прихода педелей, которыхъ встрѣтили на этотъ разъ пѣснью:

Robinson, Robinson
Flog in einem Luftballon,
In die Höh', in die Höh'
Mit der jungfrau Salome!

XIV

Впервые приступилъ Телепневъ къ занятіямъ по нѣмецкимъ книжкамъ и подъ руководствомъ нѣмцевъ. Началъ онъ съ азбуки, глубоко проникнувшись сознаніемъ, что онъ рѣшительный обскурантъ и не имѣетъ сотой доли тѣхъ свѣдѣній, съ которыми всякій дюжинный нѣмецкій гимназистъ поступаетъ въ студенты. Онъ взялъ себѣ учителя нѣмецкаго языка для того, чтобы и въ этомъ отношеніи не остаться при полузнаніи. Сталъ даже брать уроки греческаго и латинскаго у одного ученѣйшаго филолога, который продавалъ свою мудрость всѣмъ желающимъ по полтиннику въ часъ.

Не смотря на то, что двѣ трети студенчества сидѣло по

кнейпамъ и надувалось пивомъ, было все таки не мало рабotaющихъ людей, и Телепневъ въ очію увидалъ, какъ настоящимъ образомъ работаютъ въ кабинетахъ, клиникѣ и анатомическомъ театрѣ. Свободы занятій было много, выборъ предметовъ предоставляли самимъ слушателямъ. Телепневъ дѣйствительно убѣдился въ томъ, что каждый *fall* можно было штудировать специально, не такъ какъ на богоспасаемомъ камеральномъ въ К., куда отвсюда было понатыкано всякой всячины.

Съ своимъ чудакомъ Шульцомъ Телепневъ скоро поладилъ. Шульцъ прибѣгалъ въ день по тридцати разъ и тыкался носомъ во всѣ чашки и колбы, но вовсе не умничалъ и даже слишкомъ мало учительствовалъ, такъ что Телепневу, на первыхъ порахъ, по застѣнчивости и неловкости было бы не легко справляться съ своими работами, еслибъ онъ не сошелся по пріятельски съ лаборантомъ, который поразилъ его своею курьозной личностью.

Этотъ лаборантъ, по фамиліи Рабѣ, имѣлъ видъ маленькаго косматаго медвѣженка, съ желтымъ какъ лимонъ лицомъ и даже съ желтыми бѣлками глазъ. Такой колеръ получилъ онъ жертвуя жизнію на службѣ наукъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда его всего опалило какой-то горючей жидкостью. Бѣдный и безъ того невзрачный нѣмецъ совсѣмъ потерялъ почти при этомъ и зрѣніе и слухъ, такъ что Телепневу приходилось всегда кричать на всю лабораторію, бесѣдуя съ желто-лимоннымъ лаборантомъ. Свѣдѣнія лаборантъ имѣлъ громаднѣйшія, но вѣроятно ни одинъ химикъ въ мірѣ не отличался большей неуклюжестью и талантомъ бить и проливать все, что ему попадалось подъ руки, такъ что когда онъ проходилъ мимо работавшихъ въ лабораторіи студентовъ, то каждый изъ нихъ старался загородить руками всѣ свои аппараты, колбы и реторты.

Непомѣрное добродушіе нѣмца сблизило съ нимъ Телепнева въ нѣсколько недѣль. Нѣмецъ заходилъ къ нему почти каждый день, распивалъ у него кофеи, рассказывалъ планы своихъ работъ, и каждый разъ поражалъ Телепнева своей неизмѣримой наивностію и юношескими порывами чистѣйшаго идеализма, который въ немъ жилъ бокъ-о-бокъ со всѣми результатами точной науки.

Телепневъ началъ учить его по русски, за что нѣмецъ каждый день благодарилъ его, повторяя, что онъ ему дѣлаетъ чуть не благодареніе, потому что послѣ докторскаго диплома онъ поѣдетъ въ Россію искать счастья.

Съ остальной братіей, работавшей въ лабораторіи, Телепневъ оставался на довольно сухомъ знакомствѣ, но пока не имѣлъ еще ни съ однимъ непріятныхъ столкновений. Но онъ никакъ не могъ безъ улыбки смотрѣть на постоянно комическую важность, съ которой каждый студентъ выдѣлывалъ всѣ манипуляціи, начиная отъ шприцованія до процѣживания какого нибудь раствора. Онъ только въ Д. понималъ, что гдѣ столкнутся русскіе съ нѣмцами, тамъ непременно русскіе начнутъ зубоскалить, а нѣмцы озлятся—и выйдетъ скандалъ.

Лабораторную семью завершалъ служитель, или на туземномъ языкѣ калифаторъ, Кизанъ, глупѣйшей рожи чухонецъ, въ туго-накрахмаленныхъ воротничкахъ, торчавшихъ изъ подъ синяго стоячаго воротника. Этотъ Кизанъ каждый день знаменовалъ свое присутствіе какой нибудь поражающей безтолковщиной, но все-таки терпѣлся по тому обстоятельству, что профессоръ Шульцъ не въ состояніи былъ сдѣлать на него окрикъ, а каждое утро, увидавши, напримѣръ, что Кизанъ, по своему усмотрѣнію, переставилъ какой нибудь растворъ изъ холодной бани на паровикъ, только начиналъ себѣ ерошить волосы снизу вверхъ, и фыркая бѣжалъ къ своему рабочему столу, развѣвая фалдами.

Для перваго семестра Телепневъ остановился на трехъ предметахъ, но за то ходилъ на нихъ постоянно. Изъ интереса побывалъ онъ также и у другихъ профессоровъ—по разу. Талантливыхъ людей было мало, еще меньше краснорѣчивыхъ; нѣкоторые даже поражали сущью своихъ чтеній; но съ перваго же риза чувствовалось, что каждый нѣмецъ—спеціалистъ дѣлалъ свое дѣло честно. Доступъ ко всѣмъ къ нимъ былъ свободный, и вообще нравы аудиторій, кромѣ нѣсколькихъ общихъ университетскихъ формальностей, отличались крайней простотой: бурши входили прямо въ аудиторію въ своихъ чуйкахъ, плащахъ и галошахъ, никто не вставалъ при входѣ профессора; а когда лекція переходила

за урочный часъ, то вся аудиторія преспокойно начинала шаркать ногами, напоминая профессору, что пора кончить. Нѣмцы являлись съ картонными мапками, раскладывая ихъ на древнихъ, желѣзныхъ столахъ, изрѣзанныхъ фамиліями, и каждый втыкалъ передъ собой косяную чернильницу съ гвоздемъ внизу.

Въ полицейскомъ отношеніи Телепневъ далеко не нашель той хваленной свободы, о которой ему еще говорили въ К. Бурши, не смотря на то, что считали себя владыками міра, были очень стѣснены въ своей частной и публичной жизни. За каждую малость педелъ цитировалъ ихъ къ ректору: за растегнутый сюртукъ, за вычурный какой нибудь плащъ, за большіе сапоги—*капоны*, за цвѣтную фуражку. Мало того, педелъ имѣлъ право войти въ квартиру бурша во всякое время дня и ночи, и если ему не отпирали, то онъ опять-таки цитировалъ къ ректору. Каждый разъ, когда бурши задумывали собраться на попойку, они должны были давать знать объ этомъ ректору заблаговременно и представлять поручителей за порядокъ и благочиніе. Въ одиннадцать часовъ педела ихъ разгоняли съ попоекъ и изъ всѣхъ кнейповъ. Начальство только терпѣло выпивку, но наблюденіе за цѣломудріемъ питомцевъ просвѣщенія имѣло страшное, выгоняло студента замѣченнаго въ эротическихъ сношеніяхъ съ женскимъ поломъ.

Телепневъ, упражняясь въ фехтовальномъ искусствѣ, завелъ себѣ дома рапиру съ свинцовымъ привѣсомъ. Разъ какъ-то Яковъ, убирая комнату, приставилъ эту рапиру къ окну, такъ что эфесъ ея, или по бурсацки—*корбъ*, выглядывалъ на улицу. Педелъ тотчасъ это увидалъ и цитиуль Телепнева къ ректору за противозаконное держаніе у себя на квартирѣ смертоносныхъ орудій.

— Вы подвергаетесь опасности, *consilium abeundi*, вскричалъ велерѣчивый ректоръ, и покрайней мѣрѣ битыхъ полчаса держалъ рѣчь о чистотѣ христіанско-нравственнаго духа въ истинныхъ сынахъ науки.

— Прощаю вамъ, молодой человѣкъ, въ уваженіе вашей неопытности, и не заношу даже этого въ протоколъ.

Рапиру взяли и положили ее въ чуланъ рядомъ съ

карцеромъ, гдѣ было навалено не мало всякаго рода доспѣховъ, отбитыхъ педелями у своихъ вѣчныхъ враговъ, которые на нѣмецкихъ попойкахъ распѣвали каждый день:

„Frei ist der Bursch, frei ist der Bursch!“

XV

— Отопри, Тепепневъ! дѣло есть, *rasch, rasch!*

Быль первый часъ ночи. Тепепневъ проснулся, услыхавъ стукъ въ дверь и голосъ въ сѣняхъ.

— Wer da? крикнулъ онъ со сна.

— Свой.

Не совсѣмъ-таки охотно поднялся онъ съ теплой постели, не торопливо зажегъ свѣчку и отперъ дверь. Ввалились три бурсака: ольдерманъ, миленькій, и еще одинъ буршъ, по фамиліи Мандельштернъ, который только что вернулся съ вакаціи, гдѣ за болѣзнью прожилъ лишнее время. Это былъ здоровый широкоплечій мужчина, съ черными курчавыми волосами и еврейскимъ профилемъ. Тепепневъ видѣлъ его раза два на попойкахъ, считалъ за нѣмца и замѣтилъ, что онъ въ корпораціи имѣетъ большой авторитетъ.

— Что нужно? спросилъ Тепепневъ у бурсаковъ, протирая глаза.

— Одѣвайся! скомандовалъ Христіанъ Ивановичъ, не снимая своей чуйки, подбитой вѣтеркомъ. Его маленькая физиономія дышала воинственностію.

Напротивъ, добрый Варцыль кроткими и заспанными глазами съ состраданіемъ смотрѣлъ на Тепепнева.

Курчавый тайнственно и важно закутывался въ шинель.

— У тебя нѣтъ канонъ? покровительственно спросилъ онъ Тепепнева въ то время, какъ тотъ натягивалъ на себя сапоги.

— Нѣтъ.

— Они необходимы для ночных Ausfahrten, я тебѣ совѣгую приобрѣсти каноны.

Всю эту фразу буршъ выговорилъ съ необыкновеннымъ достоинствомъ и точно переводя ее съ нѣмецкаго. У него былъ какой-то смѣшанный акцентъ, не то жидовскій, не то нѣмецкій.

Кое-какъ одѣлся Телепневъ, не безпокая Якова, заперъ квартиру, взялъ ключъ съ собой и отправился съ бурсаками.

Внизу у дверей стояло двое маленькихъ чухонскихъ саней въ одиночку. Въ первые сани сѣлъ кудрявый буршъ вмѣстѣ съ ольдерманомъ; во вторые Варцель пригласилъ рядомъ съ собою Телепнева. Стояла прекрасная ночь. Лунный свѣтъ пробивался матовыми лучами сквозь тонкое дымчатое облачко. Лошаденки побѣжали бойко, звонко отбивая копытами по подмерзлой дорогѣ.

— Куда это мы ѣдемъ? спросилъ Телепневъ у миленькаго. Ему никто не сказалъ ни слова въ поясненіе таинственной поѣздки.

— Теперь заѣдемъ къ Лукусу, тамъ возьмемъ паукаппарать, а оттуда махнемъ въ пятиверстную.

— Какую пятиверстную?

— Да въ пятиверстную же корчму, по дорогѣ въ Вайвара. Тамъ вѣдь шкандалъ будетъ.

— Какой шкандалъ? спросилъ полусонный Телепневъ.

— Экой ты! вѣдь третьяго дня на попойкѣ говорили. У Чичисгейма шкандалъ еще съ прошлаго семестра съ однимъ Тевтонцемъ.

— А!

Телепневъ дѣйствительно вспомнилъ, что объ этомъ шкандалѣ была рѣчь. Къ нему готовились въ корпорации и заранѣе предвкушали удовольствіе задать лупку нѣмцамъ. Телепневу въ первый разъ приходилось отправляться на шкандалъ. Онъ вострепнулся. Любопытство его было возбуждено. А свѣжесть ночи совсѣмъ разогнала сонъ, такъ что прибодрившись, онъ даже взялъ у миленькаго возжи и началъ самъ постегивать чухонскую пѣгую лошаденку, которая иноходью бѣжала по совершенно пустой улицѣ.

Подъѣхали къ квартирѣ Лукуса, лошадей привязали къ

дырявому забору и, осмотрѣвшись по всѣмъ направлѣніямъ, юркнули въ калитку. Всѣ дуэльные доспѣхи помѣщались въ чуланчикѣ подѣ лѣстницей, уложенные въ чемоданъ. Чемоданъ этотъ былъ такъ тяжѣлъ, что Телепневъ съ трудомъ протащилъ его черезъ дворъ вмѣстѣ съ Варцелемъ и поставилъ въ первые сани, въ которыхъ опять помѣстились ольдерманъ и курчавый буршъ.

Поѣхали на крупныхъ рысяхъ черезъ Марктъ въ гору, и миновавши заставу, свернули направо по проселочной дорогѣ. Варцель правилъ, а Телепневъ съежился въ комокъ и со всѣмъ закутался въ свою шинель.

— У тебя былъ шкандалъ? спросилъ онъ миленькаго.

— Былъ, такъ плохонькій, нѣмчура одинъ задралъ меня— съ тротуара столкнулъ.

— Кто-жь кого?

— Да никто, я его только по физіономіи задѣлъ. Вѣдь у насъ до семи ходовъ, коли ничего не сидитъ, ну и конченъ балъ.

— Не опасно!

— Не ровень случай. Вонъ Мандельштерну въ прошломъ году одинъ Тевтонецъ такую квартиру засадилъ, что до легкихъ добрался.

— А кто этотъ Мандельштернъ, нѣмецъ?

— Жидъ.

— Какъ жидъ?

— Да, еврей. Онъ изъ Курляндіи. Наши ребята его уважаютъ, чуть въ шаржиртеры не попадѣть.

— И съ нѣмцами дерется?

— Онъ даромъ что еврей, а на счетъ шкандаловъ— *feiner Kerl*. Славный паукантъ; а ужъ въ секунданты всѣ его берутъ, всякую квартиру отпариваетъ. Онъ сегодня у Чичисгейма секундантомъ.

Немного стемнѣло; рѣзкій вѣтерокъ щекоталъ лицо, и мелкія порошинки снѣга кружились предъ глазами; чухонская лошадка бѣжала бойкой рысью. Телепневу въ теплой шинели сдѣлалось вдругъ очень хорошо. Онъ почувствовалъ себя въ томъ положеніи, когда бывало закутывался въ дѣтское одѣяльцо и сладко засыпалъ подѣ сказку своей доброй Мироновны.

— Это все, разумеется, Strund, заговорилъ задушевымъ голосомъ миленькій, всѣ эти скандалы выѣденнаго яйца не стоятъ; дерутся какъ пѣтухи. А вотъ поѣздки я люблю, — и онъ своими ласковыми глазами обратился къ Телепневу, — хорошо вотъ въ эдакую ночь, такъ бы до свѣту и прокатилъ верстѣ на сто!

— А назадъ-то мы когда?

— Да ужъ тамъ и заночуемъ. Пьянство будетъ. Я, Телепневъ, вѣдь тебѣ откровенно скажу, не люблю я нашихъ попоекъ, вотъ такъ какъ каждый-то день мы точно панихиду какую служимъ. Когда поѣздки бываютъ — другое дѣло, тутъ хорошо какъ-то, забористо. Они, бурсаки, надо мной вонъ смѣются все, я очень нѣженъ для нихъ. А я, разумеется, до сихъ поръ не могу привыкнуть: важность у нихъ такая. Нѣтъ, у насъ въ Харьковѣ бывало не такъ: попойку сочинимъ — такъ пиръ горой идетъ, и всѣмъ весело, а здѣсь точно заговорщики сидятъ какіе, или фармазоны.

Нѣжный Варцель говорилъ все это задушевиѣйшимъ голосомъ. Нѣкоторая возбужденность его тона какъ-то особенно дѣйствовала на Телепнева и придавала колоритъ этой бурсацкой таинственной ночи.

— Какъ же ты самъ нѣмецъ, миленькій, и недоволенъ нѣмецкими формами?

— Какой я нѣмецъ, я какъ есть русскій; да и всегда гордиться буду предъ этой чухной, что я въ Россіи жилъ и выросъ, ѣ нѣтъ во мнѣ этого кнотовства! Наши ребята только ругаютъ нѣмцевъ, а сами все съобезьянили у нихъ. Одно у нихъ, разумеется, хорошо..

— А что такое?

— Да то, вотъ видишь ли, что на попойкахъ ругательства никакого нѣтъ. У насъ въ Россіи, чай самъ знаешь — какъ только подпили, такъ и по гречески, и всякій дебошъ начнется, ну а здѣсь нѣтъ; здѣсь какъ ты не пьянъ, а все таки съ тебя отчетъ спросятъ, на другой день за каждое слово отвѣтишь.

Телепневъ мысленно согласился съ миленькимъ. Дѣйствительно, ни разу, ни на одной попойкѣ не случилось ему видѣть грязной сцены, и слышать, чтобы кто нибудь

кого обругалъ или началъ говорить циническія сальности. Даже пьяныя рѣчи буршей отличались цѣломудріемъ.

— Я какъ пріѣхалъ изъ Харькова, ну такъ знаешь, по русской привычкѣ, подхожу эдакъ вотъ къ этому самому Мандельштерну, а у него сюртукъ растегнутъ — и лента. Я за ленту-то взялъ и говорю ему: что это у тебя за....? да и ввернулъ, знаешь, крѣпкое словцо. Такъ они на меня какъ всѣ окрысились. Репримандъ мнѣ въ полномъ собраніи закатили: оставь, говорятъ, свои обскурантскія русскія привычки, ты, говорятъ, не въ кабацкѣ съ мужиками, а съ благородными буршами находишься.

— Вотъ какъ! промолвилъ серьезнымъ тономъ Телепневъ.

— Да, братъ, такой ужъ народъ. А впрочемъ я тебѣ по душѣ скажу—я вижу, что ты не ихъ поля ягода—все это у нихъ для близиру дѣлается, церемоніи однѣ, ну и предъ нѣмцами чтобы выказать себя по-форсистѣе. А такъ, чтобъ закадычности, между бурсаками совсѣмъ нѣтъ. Да и нельзя. Какая же тутъ закадычность, коли всякое слово надо съ вывертомъ говорить. У насъ вотъ только по коману между собой дуэли-то немножко ограничены, а то бы всѣ переругались.

— Да изъ-за чего?..

— Ну, какъ изъ-за чего; каждый въ шаржиртеры лѣзетъ, властвовать хочется. А куда тутъ въ шаржиртеры: никто хорошенько и говорить-то не умѣетъ. Кто по сильнѣе закричитъ, да важность на себя напуститъ, тотъ и дѣйствуетъ.

— А кто жъ у васъ на сходахъ-то вѣсь имѣетъ?

— Да только двое и говорятъ: Лукусъ, да вотъ Мандельштернъ, а остальные молчатъ какъ бараны. А споръ затѣяютъ, только и слышно: ты не консеквентъ—нѣтъ, ты самъ не консеквентъ!

— Ха, ха, ха! тихо засмѣялся Телепневъ, и добродушный Варцель началъ ему вторить.

— Право, такъ. Да и это бы еще ничего, а у насъ вотъ какая подлая есть замашка: предъ нѣмцами-то они похваляются—ну, тѣ, дѣйствительно, кноты; да ужъ коли такой гороръ имѣть и все о чести толковать, такъ ужъ надо во всемъ быть чистымъ. А то они точь въ точь какъ нѣмцы дѣйствуютъ. Коли кто въ другой корпораціи какую пакость

сдѣлаетъ, сейчасъ гвалтъ поднимутъ, и на фершисъ и все; а изъ своихъ кто проворуется—шито да крыто. А ужъ это не порядокъ.

— У насъ развѣ водятся такіе грѣшки? спросилъ Телепневъ.

Миленкій немножко помолчалъ.

— Да ужъ что объ этомъ толковать! Я вѣдь по коману не смѣю ничего рассказывать, что на сходкахъ дѣлается. Съ тобой я такъ душевно разговаривалъ, потому что ты совсѣмъ другаго покроя. А у меня, разумѣется, голосу еще теперь нѣтъ, да и не умѣю я высокимъ-то слогомъ выражаться, по бур-сакки, все молчу; только повѣрь ты моему слову, Телепневъ, что они—и онъ указалъ вдоль по дорогѣ на передніе сани—лопнуть скоро.

— Почему такъ?

— Въ долги влѣзли, и каждый день все больше залѣзаютъ, а кредиту нѣтъ, никто ни гезефу, ничего не вѣрять въ долгъ на грошъ мѣдный.

Телепневъ промолчалъ на это.

— А много ужъ у тебя капиталовъ порастрясли? спросилъ добродушный Варцель, обращаясь къ нему лицомъ.

— Да не считалъ, не очень много ..

— Ну да, толкуй, немного! Да ужъ это у насъ заведеніе такое: фукса, въ первый семестръ, какъ сидорову козу одерутъ, а коли отпору не дашь, такъ и всѣ чстыре года будутъ доить. Ты процентъ объявилъ?

— Какой процентъ?

— Да вотъ теперь пріѣхалъ нашъ казначей-то, Мандельштернъ, вѣдь ты чай знаешь, у насъ десять процентовъ платятъ съ того, сколько получаешь изъ дому

— Нѣтъ, меня еще не спрашивали.

— Такъ ты какой же капиталъ объявишь?

— Да ужъ не знаю, право, проговорилъ улыбаясь Телепневъ. Вѣдь я не проживу здѣсь того, что получаю. Если платить процентъ со всего моего дохода, такъ оно порядочно будетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ одушевляясь Варцель, пожалуй-ста ты этого не дѣлай! Вѣдь пропьютъ же, все-равно. Ну,

они знаютъ, что ты богатый человѣкъ, объяви тамъ тысячу, что ли, или полторы, а больше ни-ни! Разумѣется, для товарищей можно пожертвовать капиталами, такъ по крайней мѣрѣ, чтобъ оно стоило, а то вѣдь у насъ что дѣлается? пьяницы тутъ содержать на счетъ корпораціи, а они же еще ломаются. Лучше ужъ бѣдному студенту пособіе дать, хоть изъ нѣмцевъ, который сидитъ, да работаетъ, какъ лошадь. Вотъ какъ выберутъ тебя въ корбурши, такъ насмотришься всего! заключилъ миленькій, и увидавши, что они сильно отстали отъ первыхъ саней—стегнулъ пѣгую лошаденку, которая пустилась вскачь.

Телепневъ сперва молча раздумывалъ о томъ, что ему рассказывалъ добродушный Варцель; а потомъ мало-по-малу впалъ въ забытіе и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

XVI.

По правую сторону дороги, среди чистаго поля, стояла большая вымазанная бѣлой краской корчма классической чухонской архитектуры. У перилъ навѣса виднѣлось нѣсколько маленькихъ саней въ одиночку и двѣ какія-то фигуры ходили взадъ и впередъ по дорогѣ, въ разныхъ направленіяхъ. Ровно въ половинѣ третьяго наши бурши подъѣхали къ корчмѣ.

Варцель очень нѣжно разбудилъ Телепнева и принялся привязывать лошадь къ столбу. Сонъ такъ и разломилъ Телепнева; даже его любопытство заснуло въ немъ, и еслибъ не подчиненная роль фукса, онъ съ величайшимъ удовольствіемъ проспалъ бы тутъ всю ночь, свернувшись калачикомъ подъ своей теплой шинелью.

Ольдерманъ командовалъ внести паукаппаратъ въ корчму. Опять обдало Телепнева тѣмъ отвратительнымъ запахомъ водки, табаку и всякой мерзости, который чуть не задушилъ его,

когда ему пришлось зайти въ первый разъ въ корчму, по дорогѣ въ Д.

Нижняя комната корчмы была освѣщена. У стола сидѣло нѣсколько бѣлобрысыхъ нѣмцевъ, уже румяныхъ отъ пива. Они злобно посмотрѣли на вошедшихъ русскихъ буршей. Всѣ были въ *цивильномъ* платьѣ, т. е. въ разнокалиберныхъ сюртукахъ и короткихъ визиткахъ сѣраго цвѣта, съ трехцвѣтной обшивкой. На ногахъ у всѣхъ были каноны, а на головахъ свѣтло-зеленыя фуражки, съ звѣздой на темени и съ околышемъ *желтаго* и *лиловаго* цвѣта.

На встрѣчу пріѣхавшимъ сошли по лѣстницѣ изъ верхняго жилья: татуированный, желтый шаржиртеръ и еще нѣсколько человѣкъ рутенистовъ. Желтый, какъ одинъ изъ героев шкандала, являлъ необычайную суровую торжественность. Точно будто онъ хотѣлъ однимъ своимъ видомъ стерѣть всѣхъ нѣмцевъ съ лица земли. Телепневъ чуть не сконфузился, глядя на его фигуру.

— На верхъ пауккапаратъ! буркнулъ торжественный принципальъ, что вы какъ опоздали! оборвалъ онъ ольдермана.

Христіанъ Ивановичъ нахмурился и, ничего не отвѣчая, скомандовалъ Телепневу и Варцелю:

— На верхъ! И стыдася нѣмцевъ, прибавилъ уже на русскомъ діалектѣ: живо! вмѣсто своего обычнаго: *rasch, rasch!*

Втащили чемоданъ въ верхнюю залу корчмы, которая, кажется, при самой постройкѣ была предназначена для студенческихъ шкандаловъ.

Зала эта была лишена всякой мебели, кромѣ двухъ большихъ столовъ со скамейками. За однимъ изъ этихъ столовъ расположилась кучка нѣмцевъ; а за другимъ сидѣли русскіе бурсаки, почти въ полномъ комплектѣ, считая и филистровъ.

На столѣ стояла, разумѣется, баттарей бутылокъ. Пива было выпито на порядкахъ. Повидимому, оба лагеря не очень то ропились приступить къ военнымъ дѣйствіямъ. Разговоры на двухъ концахъ залы шли въ полголоса; но пѣсни пѣлись, и дико гудѣло въ пустой и грязной какъ сарай комнатѣ это смѣшеніе русскихъ и нѣмецкихъ звуковъ.

Желтый и его секундантъ почти ничего не пили; но за то

величественно запѣвали пѣсни, поглядывая вызывающимъ окомъ на кружокъ нѣмцевъ.

Секундантъ еврейскаго происхожденія и mosaischer Confession держалъ себя, какъ feiner Kerl, все прихорашивался и даже нѣсколько разъ, съ небрежно-рыцарскимъ видомъ подходилъ къ нѣмцамъ и вступалъ съ ними въ бесѣду.

Къ свѣту начались воинственные приготовленія. Всѣ нѣмцы собрались наверхъ и начали обряжать своего пауканта. Въ русскомъ углу, бурсаки приступили также къ одѣванію желтаго шаржиртера. при чемъ Телепневъ, разумѣется, исполнялъ служительскую роль и подавалъ разные бинты и ваточные панталоны. затягивалъ ремни и привинчивалъ клинки къ эфесамъ. Маленькій ольдерманъ страшно суетился и безъ толку кричалъ на Фуксовъ. Желтый шаржиртеръ, точно какой индѣйскій браминъ, съ невозмутимою торжественностію, стоялъ и возлагалъ на себя всѣ атрибуты бурсацкаго вооруженія. Секундантъ его охорашивался и упражнялся въ ловкости, пробуя клинки. Видно было, что всякій шкандалъ доставляетъ ему большое удовольствіе. Физиономія его улыбалась той улыбкой, какую можно только видѣть на лицѣ распорядителя танцевъ какой-нибудь нѣмецкой бюргерской вечеринки.

Противникъ желтаго шаржиртера былъ здоровенный, рыжий нѣмецъ, съ тупыми оловянными глазами. Онъ почти головой былъ выше желтаго. Секундантъ его, напротивъ, представлялъ собою худенькую, крошечную фигурку, меньше русскаго ольдермана. Почти въ одно время, оба пауканта были готовы. Ихъ совсѣмъ закупорили; даже лицъ не было видно изъ подъ огромныхъ, неуклюжихъ шлемовъ. Открытыми оставались только правая рука, плечи и верхняя половина груди. Секундантовъ такъ не закутывали: они перепоясались короткими кожаными фартуками и на правую руку надѣли по длинной перчаткѣ.

Телепневъ смотрѣлъ на весь церемоніаль съ любопытствомъ. Хотя всѣ эти укутыванія были очень смѣшны, но суровый видъ обоихъ противниковъ придавалъ воинственнымъ приготовленіямъ нѣсколько внушительный видъ.

„Неужели и меня когда нибудь такъ закутаютъ, подумалъ Телепневъ. Изъ-за чего мнѣ можно подраться съ нѣмцомъ?—

Развѣ пьяный съ тротуара столкнетъ, такъ и то глупо будетъ ковырять другъ друга рапирами“

— Фуксъ! вскрикнулъ ольдерманъ, надо отправляться внизъ.

— Зачѣмъ? спросилъ Телепневъ.

— Да ты оставайся здѣсь, вмѣшался добродушный Варцель, обращаясь къ Телепневу, я за тебя тамъ подежурю, а ты посмотри, тебѣ это въ первый разъ будетъ интересно.

И добрый нѣмецъ, который на этотъ разъ съ удовольствіемъ разыгрывалъ роль русскаго, по собственной охотѣ отправился внизъ стоять на караулъ и мерзнуть около корчмы.

Секунданты вступили въ переговоры и назначили мѣсто по срединѣ зала. Оба закутанные пауканта встали другъ противъ друга въ боевой позиціи. Одинъ изъ нѣмцевъ, выбранный добросовѣстнымъ, или по бурсацки *унпартейшомъ*, взлѣзъ на столъ, чтобы оттуда удобнѣе наблюдать поле сраженія и рѣшать: сидѣлъ-ли ударъ на чемъ нибудь, или нѣтъ.

Начался бой. Секунданты стали рядомъ съ паукантами и держали рапиры клинками внизъ. Первый выходъ обошелся безъ крови. Бурши стояли кругомъ на почтительномъ разстояніи, всѣ въ цвѣтныхъ шапкахъ, курили, нѣкоторые даже со стаканами въ рукахъ. Бѣлыя шапки русскихъ бурсаковъ смотрѣли гораздо изящнѣе засаленыхъ желто-зеленыхъ фуражекъ, покрывавшихъ головы нѣмцевъ. Телепневъ внимательно глядѣлъ на паукантовъ, и хотя они оба были хорошіе бойцы и ловко дѣйствовали своими рапирами, но ихъ костюмъ придавалъ имъ всё-таки комическій видъ, и дѣлалъ неуклюжими тѣ частыя передвиженія, которыя производятъ такую возню въ нѣмецкихъ студенческихъ дуэляхъ.

— *Hat gesessen!* крикнулъ унпартейшъ на столѣ, послѣ того, какъ рапира нѣмецкаго пауканта скользнула по перчаткѣ жолтаго шаржиртера.

— Нѣтъ, не сидѣлъ, забормотали русскіе бурши.

— *Hat gesessen!* закричалъ опять унпартейшъ, и ему вторили нѣмцы въ зеленыхъ шапкахъ.

Секунданты своими рапирами розняли паукантовъ. Третій выходъ былъ погорячее: жолтый получилъ царапину по правому плечу. Нѣмецкіе бурши просіяли. Рубашка была прорвана и на полотнѣ показалась кровь. Жолтый весь встре-

пенулся, перемѣнилъ рапиру, которую ему подалъ Телепневъ, и со злостію накинулся на нѣмца. Нѣмецъ замахнулся на него страшнымъ *квартомъ*. Но еврейскій фешенебль очень ловко отпарировалъ ударъ. такъ-что ни одинъ нѣмецъ не замѣтилъ; въ этотъ моментъ, жолтый рѣзнулъ противника вдоль плеча. Буршъ подался назадъ отъ боли. Широкая, кровавая полоса шла лентой отъ того мѣста, гдѣ кончалась перчатка и вплоть до середины спины.

Телепневъ невольно вздрогнулъ, увидавши рану. Онъ оглянулъ всю компанію, зеленые шапки окрысились, бѣлыя ликовали. Картина становилась серьезнѣе. Исчезло впечатлѣніе смѣшныхъ шлемовъ и другихъ атрибутовъ, на сцену явилась кровь и придала всему зрѣлищу свой букетъ и колоритъ. Рыжій нѣмецъ разсвирѣпѣлъ отъ боли и злости, но онъ ужъ съ трудомъ могъ владѣть рапирой. По правиламъ, выходили семь разъ; а впереди было еще четыре выхода.

— *Nat gesessen!* кричалъ унпартейшъ, видимо стараясь поскорѣй покончить шкандалъ, и улавливая всякое прикосновеніе къ шлему или перчаткѣ.

Наступилъ послѣдній седьмой выходъ. Нѣмецъ очень ослабѣлъ. Но великодушныхъ чувствъ не жило въ сердцѣ жолтаго. Онъ напалъ на нѣмца съ новой энергіей и седьмой выходъ завершился *квартомъ*, который располосовалъ грудь здороваго бурша такъ, что рапира выпала у него изъ рукъ.

Секунданты остановили шкандалъ. Между нѣмцами сдѣлалось смятеніе. *Фликеръ* (т. е. студентъ, исполняющій обязанность медика), подбѣжавъ къ раненому, отвелъ его съ помощью фуксовъ къ столу, началъ раздѣвать и перевязывать раны. Остальная братія также суетилась вокругъ пауканта. Всѣ въ разъ заговорили. Слышались и рѣзкіе возгласы, и непріязненный шопотъ, и разныя техническія замѣчанія о ходѣ дуэли.

— Возьми! прохрипѣлъ жолтый, начальнически подавая Телепневу рапиру и перчатку.

Телепневъ взглянулъ ему въ лицо.

Шаржиртеръ сохранялъ тупую суровость, и только подъ его корявымъ носомъ блуждало самодовольство. Никакихъ другихъ чувствъ не изображалось на фізіономіи корпораціоннаго

принципала. *Тонкій* секундантъ, покончивъ свое дѣло, потиралъ руки, и придавъ лицу своему нѣкоторую пріятную торжественность.

Телепневу пришлось разоблачать шаржиртера. Онъ исполнилъ это съ худо-скрываемымъ недовольствомъ. Ему противна была эта тупая желтая фигура съ ея важностью и самоуслаженіемъ. Послѣдній ударъ, рѣшившій торжество *рутениста*, возмутилъ Телепнева. Нѣмецкій буршъ еле держался на ногахъ отъ боли. Добивать его, хотя бы даже изъ желанія рѣшительной побѣды, было, въ глазахъ Телепнева, очень неблагоприятнымъ дѣломъ.

Но бурсаки не раздѣляли его чувствъ. Они просто ликовали, и тотчасъ по разоблаченіи шаржиртера начали *кнелпу*. Телепневъ, наполненный своей гражданской скорбью, долженъ былъ все-таки, по приказу ольдермана, отправиться внизъ и притащить оттуда корзинку съ пивомъ.

Въ верхней залѣ остались одни русскіе. Нѣмцы все спустились внизъ. Раненый буршъ еле двигался, его повели подъ руки. Телепневъ, забирая у корчмара пиво, видѣлъ, какъ нѣмцы ухаживали за своимъ паукантомъ. Они собирались ѣхать; только часть ихъ, человекъ десять, уѣздили за столъ, съ видимымъ намѣреніемъ продолжать попойку.

Очень не въ духѣ вернулся Телепневъ къ своимъ бурсакамъ съ корзинкой въ рукахъ.

— Вотъ такъ *либъ* былъ, вскричалъ татуированный, уже на второмъ взводѣ. Молодецъ Чичисгеймъ, такъ ихъ и нужно кнотовъ!

— Да, завалилъ добрыхъ два удара — впроговорилъ съ видомъ истаго знатока толубоглазый филистръ. Чистая работа!

— Я никогда не секундировалъ съ такимъ удовольствіемъ, изрекъ іерусалимскій *feiner Kerl*, на очищенномъ русскомъ языкѣ. Онъ и за столомъ велъ себя какъ *Tanzvorsteher*.

Желтый только выпячивалъ губы и важно чокался съ буршами. Онъ молча переваривалъ свое торжество и запивалъ его пивомъ.

Телепневу ужасно захотѣлось сказать ему какую-нибудь дерзость. Онъ, съ досады, началъ пить пиво стаканъ за стаканомъ.

— А вѣдь ты, Мандельштернъ, обратился къ секунданту жирный шаржиртеръ—лихо отпарировалъ квартиру!

— Былъ тотъ грѣшокъ, замѣтилъ со смѣхомъ Лукусъ, на это онъ — *feiner Kerl*.

Секундантъ просіялъ; но все-таки силился сохранить торжественное выраженіе. Вся его фигура такъ и говорила: я — *feiner Kerl*!

— Такъ и нужно съ кнотами! вскричалъ татуированный.

— Отчего же нужно? рѣзко спросилъ его Телепневъ. Вѣдь, я думаю, ударъ долженъ отбивать самъ наукантъ; а не секундантъ его, изподтишка?

Бурсаки всѣ встрепенулись. Возраженіе фукса поразило ихъ. Татуированный скорчилъ язвительную гримасу и прошепелявилъ:

— Справедливое сужденіе имѣть изволите въ мысляхъ вашихъ.

— Это не отвѣтъ, оборвалъ Телепневъ, у него застучало въ вискахъ и вся краска бросилась въ лицо. Онъ даже привсталъ.

— Оставь! шепнулъ ему Варцель, вернувшійся съ своего караула и дернулъ его за рукавъ.

— Тебѣ говорятъ дѣло, а ты отвѣчаешь пошлостью! крикнулъ Телепневъ.

Татуированнаго, хоть онъ и былъ уже почти готовъ, сильно передернуло.

— Какое дѣло можешь говорить ты, фуксъ, пустилъ онъ язвительно. *Fuchs ist ein Stück Fleisch ohne Sinn und Verstand (*)*. Знаешь ты эту притчу?

Телепнева страшно взорвало. Вся его обычная кротость пропала въ одинъ мигъ. Онъ готовъ былъ броситься на бурсака.

— Если таковъ фуксъ, вскричалъ онъ, то буршу надо прибавить еще цѣлый запасъ пошлости.

— Господа! оставьте! вмѣшался секундантъ, и обращаясь къ Телепневу. проговорилъ: я и Полковникъ поговоримъ съ тобою завтра.

— Очень радъ, рѣзко отвѣтилъ Телепневъ.

(*) Фуксъ — кусокъ мяса безъ всякаго смысла.

Раздраженіе его было такъ сильно, что онъ съ радостью выругалъ бы всѣхъ буршей. Но команъ запрещалъ дальнѣйшую перебранку. Надо было молчать.

Тонкій Мандельштернъ запѣлъ, какъ ни въ чемъ ни бывало:

Орлица русская сзываетъ
Къ себѣ опять дѣтей своихъ

а хоръ подхватилъ:

И жизнь лихую обѣщаетъ
Подъ сѣнью крылышекъ родныхъ.

Варцель съ искреннимъ участіемъ поглядывалъ на Телепнева и думалъ: „вотъ тебѣ разъ; два шкандала сорвалъ, Мандельштернъ вздуетъ его, бѣднаго.“

Попойка продолжалась. Телепневъ ни съ кѣмъ почти не говорилъ; но пилъ много и громче всѣхъ пѣлъ. Ему нужно было во что нибудь излить свое раздраженіе. Бурсаки не придирались къ нему, и свѣжій человѣкъ, войдя въ залу, никакъ бы не подумалъ, что тутъ за нѣсколько минутъ *сорвано было два шкандала*. Татуированный скоро свалился. Телепневъ, по должности фукса, укладывалъ его на лавку и внутренно ругался. Почти невыносима была ему вся эта бурсацкая суета, весь этотъ глупый задоръ. Онъ едва досидѣлъ до конца попойки, которая прекратилась только за истощеніемъ финансовъ. Бурсаки въ подобныхъ случаяхъ заставляли платить фукса; но на этотъ разъ они воздержались. Варцель помогъ Телепневу управиться съ паукаппаратомъ. Олдерманъ сурово обходился съ фуксомъ и приказанія свои выражалъ больше междометіями. Всю дорогу въ городъ Телепневъ проспалъ, хотя Варцель все порывался давать ему совѣты: какъ вести себя теперь и отдѣлаться отъ шкандала.

XVII.

Цѣлая недѣля пропала у Телепнева. Татуированный и Мандельштернъ прислали ему вызовы. Но этимъ дѣло не обошлось. По каждому шкандалу отдѣльно было сперва разбирательство, состоящее изъ двухъ совѣстныхъ судей и безпристрастного. Телепневъ не воспользовался совѣтами Варцеля и вовсе не желалъ миролюбиваго исхода. Онъ выбралъ секундантомъ миленькаго и потребовалъ, чтобы оба шкандала были въ одинъ день.

Вечеромъ, наканунѣ отправленія въ пятиверстную, Телепневъ сидѣлъ въ нѣкоторомъ раздумьи за столомъ. Не опасность смущала его: бурсацкія дуэли были слишкомъ застрахованы отъ смертельнаго исхода. Ему непріятно было чувствовать себя одинокимъ въ такую минуту, которая могла бы быть гораздо серьезнѣе, еслибъ онъ вмѣсто буршей сорвалъ шкандалъ съ филистрами. Впервые рѣзко представился ему вопросъ: какія же собственно у него теперь привязанности, для кого и для чего онъ живетъ? Было у него два пріятеля—Абласовъ и Горшковъ; онъ ихъ покинулъ самопроизвольно,—значить, дружба ихъ не была для него настоящей нравственной потребностью. Федоръ Петровичъ и Миرونъ входи́ли больше въ міръ дорогихъ для него воспоминаній. Здѣсь же онъ жилъ вотъ уже нѣсколько мѣсяцовъ, какъ наблюдатель и туристъ. Бурши только подъ часъ занимали его, больше же раздражали, и онъ не могъ имѣть съ ними никакой кровной связи. Отчего?—Слишкомъ тронуть онъ былъ своей постоянной внутренней работой. Бурсаки плавали въ своей жизни какъ рыба въ водѣ. Дальше кнейпы и шкандаловъ не простирались ихъ желанія. Телепневъ былъ почти всѣхъ ихъ моложе, но сравнительно съ ними смотрѣлъ уже трезвымъ, старымъ взглядомъ на малоосмысленную бурсацкую жизнь.

„Все это такъ, рассуждалъ онъ, сидя въ своей избушкѣ на

курбихъ ножкахъ, бурсаки дѣйствительно глупый и смѣшной народъ; но все таки они создали себѣ такую жизнь, какая имъ нравится; они любятъ свое пиво и свои скандалы, ихъ отсюда никакимъ куревомъ не выкуришь, значить—нашли свой идеалъ, не тормозать себя, не задаютъ вопросовъ, а просто *живутъ*. А я? Я все ищу, присматриваюсь къ жизни; а того, что около меня, не хочу брать цѣликомъ, меня это раздражаетъ и смѣшить. Наука? Что-то она еще дастъ. А придется кажется, схватиться обѣими руками, хоть за нѣмецкія книги да за лабораторію свою, а то этакъ никакого выхода не найдешь.“

Въ такихъ-то невеселыхъ и даже непоэтическихъ думахъ сидѣлъ молодой паукантъ, приготовляясь къ предстоящему фехтовальному упражненію. Со дня исторіи въ корчмѣ онъ поуспокоился. Нельзя сказать, чтобы ему особенно хотѣлось драться; но онъ все таки остался при своемъ убѣжденіи, и разсчитывалъ, что, по крайней мѣрѣ, послѣ скандала всякій пьяный буршъ не будетъ ему говорить пошлостей. Ему хотѣлось даже совсѣмъ разорвать съ бурсаками, и эти двѣ дуэли могли помочь его, выступленію изъ корпораціи.

„Не написать ли мнѣ въ К., спросилъ онъ себя. Я вотъ уже больше мѣсяца никому ни писалъ. Нѣтъ, не напишу! Я точно къ смерти приготовляюсь. Глупо! Лучше ужъ потомъ опишу Горшкову весь курьозъ, тотъ хоть вдоволь нахохочется.“

Но ему все таки представилась широкая рана на груди здороваго бурша и тупая самодовольная рожа желтаго шаржиртера въ тотъ моментъ, когда онъ отдавалъ ему рапиру и перчатку

— Глупо и скверно! вслухъ сказалъ Телепневъ, и началъ скоро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Ночь была темная и безлунная. На улицѣ стояла невозмутимая тишина. Черезъ стѣну слышно было какъ Яковъ храпитъ во всю ивановскую.

Раздался стукъ въ дверь.

„Это Варцель“, подумалъ Телепневъ, и пошелъ отворить.

Миленькій, въ своей шинелькѣ, съ покраснѣвшимъ длиннымъ носомъ началъ ѣжиться у дверей и топтаться на одномъ мѣстѣ.

— Холодно развѣ? спросилъ Телепневъ.

— Такой, братъ, морозъ закрутилъ, что вай —вай!

— Такъ ты совсѣмъ замерзнешь въ своей шинелькѣ.

— Пехъ! братъ, коротка проклятая, до колѣнъ доходить только.

— Ну, мы это справимъ сейчасъ.

Телепневъ позвонилъ въ комнату Якова и велѣлъ ему принести свою дорожную шубу; а миленькій тѣмъ временемъ разоблачился и сѣлъ у стола скручивать попироску. Телепневъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ.

— Ну, чтожъ, миленькій, какъ же мы воевать-то будемъ?

— Дѣло дрянъ выйдетъ, пожалуй; полковникъ скверно дерется, у него ужъ отъ пьянства руки дрожать; а Мандельштернъ паукантъ, пожалуй, почище Чичисгейма будетъ.

— Что ты говоришь?

— Ей Богу

— Взлупятъ меня, значить, какъ сидорову козу

Миленькій все больше и больше огорчался.

— Знаешь что, Телепневъ, зачѣмъ ты меня взялъ въ секунданты, я вѣдь плохой боецъ. Тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, такихъ хибовъ завалить...

— Да зачѣмъ тутъ хорошаго пауканта; я вѣдь не хочу, чтобы ты отбивалъ удары.

— Ты, знаешь, тогда погорячился, а вѣдь оно и нѣмцы тоже самое дѣлають...

— Пускай дѣлають! Ты все, любезный другъ, сокрушаешься о томъ, что я шкандалъ сорвалъ. Это все равно: не нынче такъ завтра бы сорвалъ, ужъ что нибудь меня да взорвало бы!

— Сильно на тебя злобствуютъ теперъ.

— Съ Богомъ.

— Ненавидятъ они, кто изъ русскаго университета; а вотъ пьянствовать на твой счетъ, такъ это можно.

— Полно, миленькій.

— Да что полно, я ужъ всегда правду скажу. А изъ того, что онъ три года себѣ пивомъ брюхо напузыривалъ, такъ онъ и воображаетъ, что фуксъ — ein Stück Fleisch. Что они въ самомъ дѣлѣ какъ собакъ дрессировку дають!..

— Да ужъ перестань, миленькій, вѣдь ты искусь прошелъ;

а вотъ лучше потолкуемъ, какъ въ путь-то снаряжаться. Ты въ саняхъ ужъ пріѣхалъ?

— Въ саняхъ, да теперъ еще рано. Чухна проклятая, лошаденку такую мерзость далъ, замерзнемъ совсѣмъ съ ней!

— Не хочешь ли чайку?

Варцель просіялъ.

— Famos! Вотъ это братъ дѣло, по крайней мѣрѣ косточки пораспаришь!

Въ добродушномъ Варцелѣ жили истыя русскія черты, не смотря на то, что онъ былъ нассаускій уроженецъ, и бурсаки его дразнили, что онъ въ Германіи имѣетъ собственнаго короля.

Яковъ поставилъ самоваръ, и плохо понимая, въ чемъ дѣло, съ нѣкоторымъ однако безпокойствомъ взглядывалъ на барина. Отъ кого-то онъ узналъ, что эти ночныя поѣздки не къ добру ведутъ. На этотъ разъ онъ сообразилъ даже, что барина прикрутили, потому что какъ-то ходитъ въ задумчивости. Неспособный выйти изъ своей молчаливой роли, Яковъ только моргалъ и отъ времени до времени, подавая чай Варцелю, какъ-то, эдакъ, бочкомъ, косился на него. Въ нѣмцѣ-то онъ и предполагалъ всю закваску

Когда господа напились чаю, Яковъ противъ обыкновенія своего, сталъ у дверей.

— На всю ночь изволите уѣхать? спросилъ онъ глухо.

— Да, на всю ночь, скоро проговорилъ Телепневъ, ты можешь преспокойно спать.

— Да я не... не для того-съ, а можетъ надобность будетъ приготовить что къ утру?

— Нѣтъ, ничего особеннаго.

— Постой, Телепневъ, вмѣшался Варцель, по нѣмецки; вѣдь старуха на двое сказала, можетъ зададутъ и кварть порядочный. Прикажи ему, чтобы онъ на всякій случай, для перевязки, приготовилъ что нибудь, нарѣзалъ бы хоть бинтовъ, ну изъ старой рубашки что-ли.

— Скажи ты ему лучше самъ.

Варцель растолковалъ Якову что ему нужно приготовить. Служитель весь какъ-то съѣжился. Онъ сильно испугался за барина.

— Не прикажете-ли съ вами поѣхать? осмѣлился онъ даже произнести.

— Нѣтъ, не нужно, оставайся. И Телепневъ поспѣшно началъ надѣвать теплые сапоги.

Яковъ еще что-то хотѣлъ сказать, но ничего у него не вышло. Онъ съ особеннымъ усердіемъ началъ укутывать господъ и посвѣтилъ имъ до самаго подъѣзда, гдѣ стояли маленькія чухонскія санки.

— Ну! вскричалъ Варцель, надѣвая варежку, садись, братъ, куда кривая не вывезла! Рутту! крикнулъ онъ на лошаденку и ударилъ ее кнутомъ.

Темная ночь охватывала со всѣхъ сторонъ тяжелой мглой.

XVIII.

Опять таже пятиверстная корчма была ареной междуусобной брани: только на этотъ разъ собралась одна своя компанія. Обязанности фуксовъ, за неимѣніемъ народа, исполняли старые бурши: караулили у корчмы, таскали на верхъ пиво, прилаживали клинки и одѣвали паукантовъ. Телепневъ имѣлъ даже удовольствіе протянуть ногу желтому шаржиртеру для укутыванія ея въ замшевую штанину Татуированный уже на порядкахъ выпилъ и пускалъ все свои избитыя бурсацкія остроты. Съ нимъ съ первымъ долженъ былъ драться Телепневъ. Желтый секундировалъ татуированному. Унпартейшемъ выбрали *жирнаго* и взгромоздили его тучную фигуру на столъ.

Стали въ позицію. Телепневъ почувствовалъ нѣкоторое волненіе, хотя онъ и зналъ, что татуированный дерется едва ли лучше его. Неловко ему было во всѣхъ регаліяхъ. Изъ подъ шлема онъ съ трудомъ видѣлъ своего противника, у котораго

отъ пьянства дрожала рука. Въ Телепневѣ жило сначала одно желаніе: поскорѣе покончить эту штуку

Заходили. Студенческая дуэль никогда не происходитъ на одномъ мѣстѣ. Пауканты безпрестанно двигаются, закидывая ногу назадъ, такъ что со стороны выходитъ пресмѣшное зрѣлище. На первомъ выходѣ Телепневъ и татуированный покружились достаточно, обоихъ прошибла испарина. Фуksomъ овладѣвало совершенно внѣшнее нервное раздраженіе, онъ началъ горячиться, и такъ и стучалъ по корбу своего противника.

— Сидѣлъ! крикнулъ жирный.

Телепневъ почувствовалъ на плечѣ маленькую царапину. Первоначальная тревога прошла у него; но все больше и больше разгоралось желаніе: задать буршу хорошей *либѣ*.

Долго еще повозились они. На четвертомъ выходѣ татуированный, опустивши вдругъ рапиру, хотѣлъ рѣзнуть Телепнева подъ мышку; но сдѣлалъ это очень не искусно, такъ что Телепневъ успѣлъ со всего размаха завалить ему здоровенный кварталъ. Кровь такъ и брызнула. Правая рука опустилась, а лѣвой буршъ схватился за грудь. Шкандалъ оставили.

Татуированнаго начали раздѣвать и перевязывать ему рану. Всѣ столпились вокругъ него, такъ что Телепневъ остался въ сторонкѣ съ однимъ Варцелемъ. Варцель помогъ ему снять шлемъ, рукавицу и растегнуть нагрудникъ, который душилъ его. Варцель же заклеилъ ему англійскимъ пластыремъ маленькую царапину на правомъ плечѣ. Телепневъ чувствовалъ раздраженіе во всемъ тѣлѣ. Колѣна его тряслись, въ горлѣ пересохло, въ какихъ нибудь пять минутъ онъ очень утомился и съ удовольствіемъ бы прилегъ, еслибъ было на чемъ.

— Опасна рана? спросилъ онъ Варцеля, указывая въ ту сторону, гдѣ столпились бурсаки.

— Нѣтъ, кожу только рѣзнулъ. А ничего порядочно! Молодецъ, братъ Телепневъ, прибавилъ онъ вполголоса, теперь не станетъ вздоръ врать!

— Какъ же, братъ Варцель, слѣдующій-то шкандалъ, сейчасъ что ли?

— Да коли не очень усталъ, такъ вали сейчасъ; а то послѣ больше размаешься.

— Такъ поди говори тому, я готовъ; только вотъ эта дурацкая-то штука, — и онъ указалъ на штаны, — больно ужъ не ловко въ ней.

— Упрѣшь! отвѣтилъ добродушный миленькій и подошелъ къ бурсакамъ.

Тагуированный держался однако на ногахъ, и раздѣвшись потребовалъ себѣ сейчасъ же пива, не взирая на запрещеніе *фликера*. Бурсаки поглядывали косо въ сторону Телепнева, но объ ударѣ отзывались одобрительно. Видно было, что тонкому іерусалимскому буршу очень хотѣлось задать лупку фуксу. Онъ потряхивалъ все своими кудрями и выбиралъ клинки. Пріятная торжественность ни на секунду не сходила съ его фizioноміи, и еслибъ Телепневъ издали рассмотрѣлъ ее — онъ бы приступилъ ко второму скандалу съ гораздо большимъ азартомъ.

Стали опять въ позицію черезъ полчаса. Іерусалимскій буршъ какъ-то все подпрыгивалъ и приплясывалъ. Удары заносилъ онъ франтовски, выгибая руку и съ гораздо большей быстротой, чѣмъ всѣ тѣ пауканты, какихъ случилось уже видѣть Телепневу. Одно только онъ почувствовалъ, что у Мандельштерна рука гораздо легче, чѣмъ у желтаго шаржиртера. *Feiner Kerl*, на первомъ выходѣ, видимо игралъ своимъ противникомъ, поддразнивалъ его фальшивыми хитами и безпрестанно кружился по залѣ, такъ что ни на одномъ изъ нихъ не сидѣло еще удара, а Телепневъ совсѣмъ умаялся. Потъ такъ и шелъ съ него градомъ, слѣпилъ глаза и вдругъ произвелъ во всемъ тѣлѣ такую чесотку, что онъ едва удерживался въ боевой позиціи.

Четыре хода прошли съ пустыми ударами. Но манера іерусалимскаго бурша ужасно раздражала и утомляла Телепнева. Онъ выбивался изъ силъ и накидывался все на тонкаго пауканта, который желалъ показать всей компаніи, что онъ дерется съ Телепневымъ, какъ съ мальчикомъ.

На пятомъ выходѣ маленькій терцъ сидѣлъ у Мандельштерна. Тонкій паукантъ встрепенулся и блеснулъ своей рапирой. Телепневъ, въ тотъ же мигъ, почувствовалъ сильную

боль; правая рука его опустилась, кровь брызнула на рукавицу Варцель засуетился около него и повторялъ все: пехъ, пехъ! Телепневъ еле стоялъ на ногахъ; отъ боли и усталости его такъ и качало изъ стороны въ сторону.

— Ну, чтожъ, миленькій, говорилъ ему Варцель, снимая доспѣхи, кривая не вывезла, хорошо еще что не кварть. Эй, жирный, крикнулъ онъ толстому шаржиртеру, поди-ка, братъ, бинтуй!

Толстый, исправлявшій должность фликера, забинтовалъ Телепневу руку. Рана была не глубока, но разрѣзь вершковъ шести вдоль. Отъ непривычной боли Телепневу сдѣлалось дурно.

Когда онъ очнулся, надъ нимъ стоялъ Варцель, маленькій ольдерманъ и жирный; остальная братія уже засѣла за попойку, и торжествующій Мандельштернъ, съ своей іерусалимской тонкостью, не безъ пріятности запѣлъ:

Друзья, за столъ: наполните стаканы,
Да здравствуетъ вино, да здравствуетъ оно!
И будемъ пить и всѣ напьемся пьяны,
Вотъ счастье—вотъ оно, вотъ счастье—вотъ оно!

И татуированный, не смотря на свою рану, во все горло оралъ припѣвъ: вотъ счастье—вотъ оно, вотъ счастье—вотъ оно!

Хоръ продолжалъ:

Мы мало просимъ, ищемъ у природы,
А больше всѣхъ найдемъ, а больше всѣхъ найдемъ,
Такъ будемъ пить свободные народы
Бокалами вино, бокалами вино!

„Свободные народы, говорилъ про себя Телепневъ, ужъ не орали бы вы такъ.“ Его ужасно раздражало пѣніе бурсаковъ.

— Что, братъ, фуксъ, завалили терць, такъ ты и того? поддразнивалъ ольдерманъ.

Телепневъ ничего ему не отвѣтилъ.

— Я думаю, лучше ему домой, сказалъ Варцель, обращаясь къ фликеру.

— На попойку останешься? спросилъ Телепнева жирный.

— Нѣтъ, мнѣ бы домой.

Бурши, кажется, ожидали выпивки на счетъ фукса.

— Поставь имъ что нибудь, шепнулъ Варцель.

— Да скажи ольдерману, что я плачу за все.

Черезъ десять минутъ миленькій повезъ его въ городъ, а бурсаки, на его деньги, продолжали распивать пиво и распѣвали чувствительную пѣсню:

Вдохнешь ли ты, когда зефиръ игривый

Листочки розъ средь утра шелестить.

— Фуксъ. право, молодецъ, сказалъ одобрительно Лукусъ, два шкандала обдѣлалъ.

— Баба, пустилъ татуированный.

— Ничего, проговорилъ съ пріятной торжественностію Мандельштернъ. Онъ *арогантъ*, но мы его исправимъ.

XIX.

Рана была хоть не изъ очень важныхъ, но Телепневъ провалялся съ ней дней десять. У него сдѣлалась лихорадка, и добродушный Варцель совсѣмъ зажилъ въ его квартирѣ. Лѣчилъ Телепнева жирный шаржиртеръ, подъ руководствомъ профессора терапіи. Педея, пронюхавъ, конечно, въ чемъ дѣло, навѣщали его чуть не каждый день и справлялись все о здоровьѣ. Телепнева ужасно раздражало, когда утромъ въ дверяхъ показывалась глупая фигура бѣлобрысаго педея и ухмыляясь объявляла въ стереотипной фразѣ причину своего посѣщенія. Онъ, наконецъ, приказалъ Якову педсей прямо къ себѣ въ комнату не пускать, а приглашать ихъ въ свою каморку, и подносить имъ каждое утро рюмку кюммеля и стаканъ шива съ приличной закуской.

Нѣкоторые изъ бурсаковъ навѣщали его, но особенной

нѣжности не оказывали. Мандельштернъ, какъ великодушный побѣдитель, былъ у него нѣсколько разъ и своимъ обхожденіемъ силился выразить тонкость своихъ рыцарскихъ чувствъ. Телепнева это очень смѣшило.

Съ Варцелемъ они еще больше сошлись въ это время. Варцель былъ только званіемъ буршъ, а въ сущности представлялъ собою добродушнѣйшій типъ русскаго студента. Онъ всѣмъ сердцемъ обрадовался сближенію съ Телепневымъ и въ буквальный смыслъ осыпалъ его всевозможными услугами. Бурсаки замораживали его сообщительную натуру, и только въ бесѣдѣ съ Телепневымъ онъ могъ говорить по душѣ.

— Ты долго еще пробудешь въ корпораціи? спрашивалъ онъ Телепнева, сидя у его кровати.

— Нѣтъ, не думаю, миленькій: ничего съ этой дурацкой жизнію не надѣлаешь путнаго, а время идетъ.

— Это точно, любезный другъ. Какая сласть, что надѣнуть на тебя шапку-то, да шалдашку черезъ плечо повѣсятъ. Только больше денегъ сдерутъ.

— Я бы сейчасъ выступилъ, да тотчасъ послѣ дуэли не совсѣмъ хорошо будетъ.

— А вотъ какъ, заговаривалъ миленькій, потирая руки, семестрикъ съ ними помайся, а потомъ и наплюй на нихъ, сдѣлайся вильдеромъ, шутдировать начнешь вплотную; я бы здѣсь вотъ на дворѣ у старикашки комнату взялъ...

— Да переѣзжай ко мнѣ, у меня мѣста довольно.

— Нѣтъ, Телепневъ, мы съ тобой душевно сошлись, и тебѣ безъ лести скажу, что я на тебя всю нашу бурсацкую братію не промѣняю, а въ одной квартирѣ жить не стану. Я ужъ, братъ, это дѣло знаю; вонъ и въ Харьковѣ бывало: если хочешь съ кѣмъ остаться пріятелемъ—не живи на одной квартирѣ.

Ну, какъ знаешь.

— Да ужъ мы отлично устроимся, только дай срокъ; и я, братъ, хочу позаняться, довольно ужъ шалдашничалъ, мнѣ вѣдь, братъ, лямку-то тянуть—не шуточное дѣло. Я стипендію получаю, скверно обманывать-то казну. Вотъ ты меня химіи подбучишь; начну анатомію зубрить. Черезъ полгода пора и philosophicum сдавать.

— Какой это такой philosophicum?

— А это полудекарскій. значить: изъ анатоміи, фізіологій. да изъ естественныхъ. Здѣсь вѣдь, братъ, на шармакато не выдешь съ своимъ билетомъ, какъ бывало въ Харьковѣ.

Миленькій сошелся не только съ Телепневымъ, но вступилъ въ дружбу и съ Яковомъ. Служитель никакъ не могъ устоять противъ добродушія нѣмца, который ухаживалъ за больнымъ бариномъ не хуже няньки Мироновны. Варцель все ему обстоятельно рассказывалъ каждое утро: куда пойти, какое принести лѣкарство, къ какому часу приготовить бинты. Вопросъ объ ѣдѣ особенно тщательно обсуждался ими. Ёда въ городѣ Д была скудная и въ высшей степени безвкусная. Телепневъ, по пріѣздѣ, ходилъ обѣдать въ различныя кнейпы. во всѣхъ кормили его *карбонадами* на салѣ и разной другой мерзостью. Это ему надоѣло и въ послѣднее время Яковъ носилъ ему на домъ, отъ какой-то мадамы, обѣдъ немножко получше, но все-таки съ молочными супами и кровавыми котлетами, съ патокой и коринкой. Когда онъ заболѣлъ, Варцель пришелъ въ совершенное отчаяніе: чѣмъ его кормить. Побѣждалъ онъ къ нѣкому русскому портному, Пѣтуху, жившему неподалеку отъ Телепнева, и заключилъ съ нимъ условіе. чтобы жена этого Пѣтуха, во все время болѣзни Телепнева, готовила то, что онъ ей, Варцель, закажетъ. И каждый вечеръ Варцель, распросивши у Телепнева, какое онъ желаетъ на завтра кушанье, вступалъ потомъ въ совѣщаніе съ Яковомъ и отправлялъ его къ Пѣтушихѣ.

XX

Филистръ Лукусъ, какъ несторъ всей корпораціи, на двухъ сходкахъ сряду толковалъ опять о томъ, что Телепневу надо дать *цвѣта*.

— Необходимо, господа, убѣждалъ онъ. Телепневъ немножко аrogантъ, это правда, но изъ него выдетъ прекрасный буршъ. Потомъ вы знаете, что наша компанія не велика. Въ будущемъ семестрѣ у насъ *президіумъ*: большіе расходы будутъ, а въ кассѣ у насъ очень плохо. Теперь онъ имѣлъ два скандала все съ своими; урокъ ему задали, но раздражать не слѣдуетъ; а для того чтобы онъ опять съ нами сошелся, это будетъ очень консеквентъ, принять его въ коръ.

Іерусалимскій буршъ, который всегда говорилъ на сходкахъ, тотчасъ послѣ Лукуса, былъ согласенъ, съ нѣкоторыми однако отгѣнками:

— Это не будетъ противъ моего убѣжденія, говорилъ онъ на очищенномъ русскомъ языкѣ, и оно будетъ дѣйствительно очень консеквентъ сблизить его опять съ нашими ребятами, посредствомъ избранія его въ ландсманы, но все-таки не будетъ-ли больше консеквентъ, если мы посмотримъ, когда онъ будетъ здоровъ, какъ онъ себя поведетъ, Я, лично, не желаю вовсе его мопсировать.

— Да зачѣмъ же откладывать, прервалъ Лукусъ, напротивъ, теперь вотъ онъ выздоравливаетъ, это подѣйствуетъ на его самолюбіе, и онъ будетъ больше преданъ корпораціи.

Жолтый шаржиртеръ вообще не благопріятствовалъ Телепневу, но на этотъ разъ не возражалъ. Двѣ трети голосовъ оказалось за мнѣніе филистра; и Телепневу присудили цвѣта, а ольдерману поручено было объявить объ этомъ избранному на другой день.

Варцель, по кротости своей, не принималъ участія въ преніяхъ на сходкѣ. Онъ не очень обрадовался выбору Телепнева въ ландсманы.

„Что это такое, рассуждалъ онъ, идя къ домику на курьихъ ножкахъ, они только деньгами его хотятъ поживиться. Вотъ имъ въ будущій семестръ нечѣмъ нѣмцевъ-то угощать, на него все и взыаютъ. Точно благодѣяніе какое оказываютъ. Ишь невидаль какая: дурацкую-то шапку надѣнуть.“

Но къ этому присоединялось все таки другое чувство: „вотъ выбрали же, скоты, думалъ Варцель; хотя имъ онъ и не понутру пришелся, а выбрали.“

Телепневу Варцель ничего не сказалъ на этотъ разъ, и сидя у него до поздней ночи, распивалъ чай и занимался розсказами про свой Харьковъ, и про то, какіе тамъ лихіе бывають театральные маскаралы.

Телепневъ совсѣмъ оправился, и хотѣлъ черезъ денегъ выйти на воздухъ. Онъ ужасно соскучился по своей лабораторіи. Молодой лаборантъ ходилъ къ нему частенько и соблазнялъ разными новыми работами; двухъ-недѣльное бездѣйствіе начинало тяготить его и онъ съ удовольствіемъ почувствовалъ, какъ нѣмцы и ихъ наука могутъ втянуть въ колею трудовой жизни.

Распрощавшись съ Варцелемъ. Телепневъ заснулъ съ мыслію о новыхъ химическихъ работахъ и съ желаніемъ на другой же день, хотя это было воскресенье, засѣсть за свои книги.

Но бурсаки явились опять помѣхой. Съ раннего утра ольдерманъ стучалъ уже въ дверь Телепнева.

— Поздравляю тебя, фуксъ; ты выбранъ въ ландсманы!

Телепневъ даже не улыбнулся.

— Теперь ты совсѣмъ здоровъ, наши ребята всѣ у тебя сегодня перебываютъ; и вечеромъ не худо бы развить идею.

— Отчего же не развить, только меня-то освободите.

— Что ты, шалдашничаетъ?

— Докторъ не велитъ.

— Ну, ты хоть лежи, мы тебя не будемъ трогать, а идею нужно развить. Меня самого, братъ, только въ началѣ второго семестра ландсманомъ сдѣлали.

— Чувствую, понимаю, отвѣтилъ съ улыбкою Телепневъ.

И началась у него ярмарка въ квартирѣ; до обѣда вся бурсацкая компанія перебивалась и прохаживалась на счетъ водки и закуски. Варцель только ахалъ. Вечеромъ опять всѣ привалили и задали жесточайшую попойку, на которую Яковъ смотрѣлъ съ сокрушеннымъ сердцемъ. Телепневъ ничего не пилъ, но миленькій, преисполненный гордости за своего пріятеля, нализался зѣло. Черезъ каждыя пять минутъ цѣловалъ онъ Телепнева, нашептывая ему на ухо разные нѣжности.

Жолтый шаржиртеръ. часу въ одиннадцатомъ, былъ также грузень, что съ нимъ случалось рѣдко. Онъ въ первый разъ вступилъ въ разсужденіе съ молодымъ ландсманомъ.

— Мы желаемъ съ тобой сойтись, бурчалъ онъ ему въ упоръ и ты это долженъ чувствовать. Теперь ты намъ долженъ быть преданъ душой и тѣломъ. Я прошелъ всѣ степени и ты ихъ пройдешь, если не будешь аrogантъ.

— Онъ будетъ лихой буршъ, картавилъ пьяненькимъ голосомъ голубоглазый Лукусъ, и паукантъ будетъ лихой, — это сейчасъ видно.

— Да, лихой! кричалъ татуированный, меня вдулъ, а я уже на что паукантъ.

Вся компанія расхохоталась.

Іерусалимскій буршъ счелъ также обязанностію прочесть длинную рѣчь Телепневу о высокомъ званіи ландсмана.

— Довольно объ ученыхъ предметахъ! вскричалъ татуированный, нѣсенку пустимъ:

На улицѣ двѣ курицы,
Съ пѣтухомъ дерутся.

Хоръ заоралъ:

Хи, хи, хи, ха, ха, ха,
Какъ мнѣ жалко пѣтуха.

XXI.

Въ лабораторіи, куда Телепневъ началъ опять усердно ходить, ему было гораздо привольнѣе, чѣмъ въ обществѣ бурсаковъ. Чудакъ Шульцъ обрадовался возвращенію Телепнева и по сорока пяти разъ на дню совалъ носъ въ его работы. Служитель Кизанъ улыбался во весь свой чухонскій ротъ, а лаборантъ тыкался по всѣмъ угламъ, показывая Телепневу новые препараты и поднимая звонъ на пути

своемъ. Лабораторія производила на Телепнева успокоивающее вліяніе. Когда онъ стоялъ у своего окна и процѣживалъ какой нибудь растворъ, никакіе лишніе вопросы не лѣзли въ голову, самоугрызеніе отходило въ сторону, ставилась ясна прямая, ближайшая цѣль. Всѣ манипуляціи связаны были одна съ другой и увлекали все дальше и дальше въ заманчивую и огромную науку. А между тѣмъ время летѣло быстро, на каждыя пять минутъ была своя забота, всякій тигелекъ и реторта требовали ухода и большой любви.

„Я, любезный другъ, писалъ Телепневъ Абласову, теперь хоть и не совсѣмъ еще устроился, какъ мнѣ нравится, но, кажется, скоро пристану въ ту пристань, гдѣ найду настоящіе свои интересы. Міръ буршей меня не увлечетъ; я скоро съ нимъ распрощаюсь и отношусь къ нему какъ къ курьозной штукѣ—не больше. Но все-таки долженъ сказать, что здѣсь, даже пустая и пьяная бурсацкая жизнь требуетъ гораздо больше выдержки, чѣмъ наша распущенная жизнь въ К. Здѣсь всякій долженъ знать свое мѣсто и опредѣлить свое *raison d'être*. Лѣнь и ничегонедѣланіе облечены въ извѣстную форму. Оно смѣшно, но опять таки повторяю, вырабатываетъ характеръ, особенно по части обхожденія съ товарищами. Здѣсь не то что въ К., cadaго зря не обругаешь. Двѣ дуэли, которыя я уже имѣлъ—кукольная комедія; но для нѣмцевъ эта штука выработана жизнію и корень ея не совсѣмъ таки глупъ. Постараюсь воздержаться отъ воинственныхъ упражненій: слишкомъ много отнимаютъ времени; а теперь я имъ, ей-Богу, дорожу. Копаясь въ своей лабораторіи, вспоминаю тебя въ К. Сидишь ты надъ своими костями и упиваешься анатоміей: я *шалдашничая*, какъ выражаются здѣшніе бурши, ѣзжу по барынямъ, сплетничаю, изображаю изъ себя пошлѣйшій типъ селадона въ голубомъ воротникѣ. Теперь въ моихъ нѣмецкихъ книгахъ, въ ретортахъ и колбахъ я нашелъ утѣху, до которой, какъ ты самъ знаешь, почти два года не могъ добраться. Отдаленныхъ цѣлей не создаю себѣ, не мечтаю сдѣлаться ученымъ, а просто работаю и сердечно этому радъ. Знаю, что тебя не вытащишь сюда, но тебѣ бы была лафа, именно тебѣ, а никакъ не

Горшкову. Цѣлую его въ обѣ щеки. Нѣмцы хоть и музыкальны, но онъ бы все таки здѣсь захирѣлъ.“

При такомъ душевномъ настроеніи Телепневу бурсацкая жизнь представлялась забавной штукой. Онъ рѣшился пожертвовать на ея изученіе еще два мѣсяца, тѣмъ болѣе, что ему не хотѣлось оскорблять буршей внезапнымъ выходомъ изъ корпораціи, тотчасъ послѣ избранія своего въ ландсманы.

Заказалъ онъ себѣ трехцвѣтную шапку и ленту по настоянію буршей. Первые двѣ недѣли послѣ избранія новаго ландсмана корпорація сильно кутила на счетъ Телепнева. Когда онъ въ одно прекрасное послѣобѣда сосчиталъ, сколько у него вышло денегъ на бурсацкій гезефъ, то оказалось сотъ пять рублей.

„Дорогой мой Федоръ Петровичъ, писалъ онъ опекуну, несу вамъ повинную голову, здѣсь не то что въ К., потребовались экстренные расходы для пріобрѣтенія высокаго званія ландсмана. Надѣли на мѣня цвѣтную шапку, цѣною въ пятьсотъ цѣлковыхъ. Деньги у меня на исходѣ, не соблаговолите-ли прислать сколько нибудь; а то привыкну жить по бурсацки на пуфъ и товарищи мои столько наберутъ вина на мой счетъ, что вы закрихтите. Могу васъ, впрочемъ, утѣшить тѣмъ, что въ лѣту выступаю изъ корпораціи и буду проживать по рублю на день.“

Въ ожиданіи этого блаженнаго времени Телепневъ кромѣ ежедневныхъ расходовъ долженъ былъ внести тотъ процентъ, о которомъ говорилъ ему Варцель.

— Объяви ты тысячу рублей, упрасивалъ добродушный нѣмецъ; вѣдь глотку-то имъ все равно не зальешь.

— Да нельзя, миленькій, вѣдь они видятъ же, что я могу больше проживать.

— Мало ли что больше! Вѣдь говорятъ тебѣ: какъ-бы на дѣло шло, я бы ни слова не сказалъ, а то на одно пьянство. Долговъ не уплачиваютъ, а только все больше на пуфъ забираютъ.

— Да ужъ мы съ тобой ихъ не исправимъ.

Онъ объявилъ капиталъ въ двѣ тысячи рублей, чѣмъ

бурсаки остались, конечно, довольны, и іерусалимскій буршъ заполучилъ съ Телепнева сто рублей.

Но этимъ не кончились контрибуціи; каждый день кто нибудь изъ буршей заходилъ къ Телепневу и просилъ рублика два, а то и пять и десять. Отказывать нельзя было, по русской барской привычкѣ, да кромѣ того Телепневъ хотѣлъ быть какъ можно благодушнѣе съ бурсаками, за что Варцель каждый почти вечеръ пріятельски журилъ его.

— Общицлють тебя такъ, что имѣніе все спустишь!

Не достигая цѣли своихъ увѣщаній, Варцель отправлялся въ комнату Якова и бесѣдовалъ съ нимъ о томъ, что надо какъ нибудь отвадить бурсаковъ, а то баринъ дескать совсѣмъ разорится.

— Ну-съ, доходовъ-то у нихъ довольно, отвѣчалъ обыкновенно молчаливый Яковъ, можно всѣхъ этихъ мусьяковъ споить, такъ и то останется; а все таки не резонъ.

— Ты пойми Яковъ, горячился Варцель, какъ-бы тутъ товарищество было настоящее; ну куда не шло; а то вѣдь это только для близиру дѣлается; они его совсѣмъ не любятъ. Бражничать съ ними баринъ твой не охотникъ, онъ вонъ цѣлый день въ лабораторіи сидитъ, стало быть, изъ за чего же совать-то въ нихъ деньги, да горло ихъ бездонное сженкой накачивать?

— Это такъ-съ.

— Скажи ты барину, чтобы онъ отдавалъ тебѣ деньги на расходъ...

— Да какъ-же я могу-съ, помилуйте.

— Такъ и можешь, эмансипировалъ Варцель Якова, ты старый слуга; ты и за отцомъ его ходилъ и все такое, значить онъ тебя уважаетъ. Скажи ему: вамъ дескать, Борисъ Николаичъ, некогда заниматься расчетами всѣми, такъ позвольте мнѣ уже деньги держать.

— Не могу-съ, отговаривался Яковъ, какъ же я смѣю, вѣдь они не въ малолѣтствѣ находятся?

— Ну, такъ вотъ вы съ баринкомъ-то и прогорите, горячился Варцель, и вотчины всѣ ваши проживете на пиво, да на сженку. Бывали примѣры-то, былъ здѣсь студентъ

одинъ, богатѣйшій саратовскій помѣщикъ, такъ тотъ двѣ тысячи просадилъ!

— Самъ, должно быть, сильно зашибался.

— Это, братъ, все равно, да еще хуже какъ человѣкъ самъ не бражничаетъ. а на другихъ безъ толку раззоряется!

Телепневъ, утѣшая Варцеля, далъ ему клятвенное обѣщаніе, что его расходы на бурсаковъ будутъ продолжаться только до 1-го іюня. Это обѣщаніе не очень успокоило Варцеля, но за то онъ всячески старался препятствовать бурсакамъ прохаживаться по карману новаго ландсмана и развѣивать на его счетъ идеи.

XXII.

— Твоя очередь справлять сходку, объявилъ ольдерманъ Телепневу въ одну изъ субботъ.

— Ну, вотъ опять поживятся, заворчалъ Варцель, когда ольдерманъ ушелъ. Поставь ты имъ бутылку пива, да два тухлыхъ бутерброда съ телятиной. Въѣдъ бурсаки на это всегда, чья очередь, два съ полтиной жертвуютъ.

— Да я больше не дамъ, успокоивалъ его Телепневъ.

— Ой-ли?

— Честное слово.

— Ну, такъ я распоряжусь.

Вечеромъ корпораціонная братія наполняла квартиру Телепнева. На диванѣ, за свадебнымъ столомъ, засѣдали чины и власти, т.е. Лукусъ, три шаржиргера и казначей. На столѣ стояли сигары. Яковъ обносилъ чай. Всѣ были въ шапкахъ ландсманскихъ, исключая Телепнева, которому по русской привычкѣ, какъ хозяину, неловко было нахлобучить на себя бурсацкую шапку. Жирный шаржиртеръ, исполнявшій должность протоколиста на сходкахъ, разложилъ небольшую мапку съ бумагами. Физиономіи буршей важно вытянулись

и, глядя со стороны, иной, пожалуй, подумалъ бы, что видѣть передъ собой политическій конгрессъ.

— Господа, Началь несторъ корпораціи, вотъ какое дѣло мы должны сегодня разобрать: нашъ казначей, Мандельштернъ, забиралъ на счетъ корпораціи въ лавкѣ купца Бранделя; тамъ былъ открытъ корпораціонный пущъ; на этой недѣлѣ онъ позволилъ себѣ грубо говорить съ Мандельштерномъ, и потому будетъ консеквентъ намъ не простить обиды нашему ландсману и посадить его, купца Бранделя, на фершисъ; и потомъ представить это дѣло въ шаржиртенъ-конвентъ, чтобы и нѣмцы посадили его также на фершисъ.

Бурсаки согласились.

Для Телепнева дѣло было не ясно, и онъ попросилъ слова.

— Говори, торжественно разрѣшилъ ему Мандельштернъ.

— Мнѣ не совсѣмъ ясно, господа, началъ Телепневъ, въ чемъ состоитъ обида, нанесенная купцомъ Бранделемъ нашему ландсману Дѣло, сколько я понимаю, — въ денежныхъ счетахъ. Такъ не лучше-ли разобрать эти счета. Вѣрное, купецъ не посмѣетъ требовать чтобы мы не должны.

— Какъ, помилуй, кнотъ! закричалъ кротко.

— Кнотъ онъ или нѣтъ — это другой вопросъ, я попросилъ бы казначея показать мнѣ счеты.

— Неужели ты не доверился своимъ ландсманамъ? возразилъ Мандельштернъ; дерзость кнота не можетъ остаться безъ наказанія.

— Но я все-таки хочу тебѣ показать мнѣ счета, чтобы знать, наконецъ, какъ обстоитъ хозяйство нашей корпораціи, отвѣтилъ Телепневъ. Выступили бурсаковъ, которые всѣ, за исключеніемъ Варшавскихъ, захмурились.

— Изволь. И Мандельштернъ, порывшись въ корпораціонной мапкѣ, досталъ счетъ.

Счетъ былъ на двѣсти и рублей.

— Изъ него сколько не заплачено? спросилъ кротко Телепневъ.

— Да, но и три шаржиртера.

Телепневъ взглянулъ на ручательство. Тамъ сказано было, что по этому счету деньги должны быть уплачены къ 1-му августа.

— Чтожъ тутъ удивительнаго, господа, что купецъ недоволенъ вами. Счетъ долженъ быть уплаченъ семь мѣсяцевъ тому назадъ. Значить, представители корпораціи не исполнили своего честнаго слова. Какой же можете вы кредитъ имѣть послѣ этого? Сколько я понимаю, вмѣсто того, чтобы сажать купца на фершисъ, лучше расплатиться съ нимъ.

Бурсаки загудѣли. Телепневъ заговорилъ съ ними въ совершенно новомъ для нихъ родѣ. Принципалы и Мандельштернъ всѣхъ больше насупились. Завязался большой споръ; но Телепневъ довелъ все-таки Мандельштерна до сознанія, что никакихъ особенныхъ дерзостей купецъ ему не говорилъ, а требовалъ только денегъ по счету.

— Какъ же быть? загудѣли бурсаки.

— Заплатить надо.

— Да ужъ если платить, рѣшилъ Лукусъ, такъ по крайней мѣрѣ его, кнота, пронять фершисомъ.

Телепнева это взорвало.

— Какъ это тебѣ не стыдно, Лукусъ, такъ разсуждать, почти вскричать опъ. Вылить свою злость на человѣка за то, что нужно съ нимъ расплатиться. Да развѣ въ корпораціи совсѣмъ нѣтъ денегъ? спросилъ онъ у Мандельштерна. Вѣдь каждый семестръ есть же доходъ, процентный сборъ.

— Да, началъ мямлить казначей, но не всѣ внесли, и потомъ были другіе расходы.

— Какіе же?

— На мѣсячныя кнейпы, на шкандалы.

— Да какъ же, господа, тратить деньги на попойки, а по старымъ счетамъ не платить?

Этотъ категорическій вопросъ смутилъ таки братію, даже самъ Несторъ корпораціи не сумѣлъ осадить новаго ландсмана. Порѣшили однако на томъ, что слѣдуетъ заплатить. Но денегъ не было.

— Такъ какъ это дѣло, началъ опять Телепневъ, очень неблагоприятно для корпораціи, то позвольте уже мнѣ распла-

тяться по счету; а вы, господа, назначьте мнѣ срокъ платежа этихъ денегъ.

Варцель такъ и подскочилъ. Еслибъ онъ немножко не побаивался бурсаковъ, онъ излилъ бы всю свою горечь, и, кажется, обѣими руками схватился бы за двѣсти рублей, выданные Телепневымъ казначею корпораціи.

— Пропьютъ и эти! шепнулъ онъ, переполненный негодованія.

Бурсаки послѣ энергическаго поступка новаго ландсмана какъ-то стѣснились и съ большимъ усиліемъ сохраняли важность на своихъ одутлыхъ отъ пива физиономіяхъ. Ландсманъ что-то очень самостоятельно повелъ себя на сходкѣ и сейчасъ же занялъ въ отношеніи ихъ весьма выгодную позицію. Началось чтеніе протокола шаржиртень-конвента, и жирный началъ словесно объяснять подробности разныхъ дѣлъ, обсуждавшихся у нѣмцевъ.

— Тевтонія сдѣлала *propositum*. Если кто сорветъ скандалъ, то на *зренъ-герихтъ* не принуждать его выходить, если это противъ его *Ueberzeugung*.

— Не соглашаться, закричали бурсаки, тевтонцы—это кноты!

— Почему же. спросилъ Телепневъ; это совсѣмъ не глупая вещь. Вѣдь если въ самомъ дѣлѣ я по своимъ убѣжденіямъ не могу драться, какъ же меня заставлять?

— Да, рѣшилъ опять Лукусъ, все это прекрасно; еслибъ еще другая корпорація сдѣлала *propositum*, можно было бы обсудить какъ и что, въ какой степени это консеквентъ, но тевтонцы—это кноты; и что бы они не предлагали, намъ, по нашему положенію, нельзя съ ними соглашаться.

Всѣ, кромѣ Варцеля и Телепнева, были за это мнѣніе.

— Голя ваша, проговорилъ Телепневъ, послѣ отобранія голосовъ, это въ вѣсшей степени неразумно.

Слово неразумие бурсаки не взяли должнымъ образомъ въ толкъ, а потому и не оскорбились.

Послѣ жирнаго докладывавтъ татуированный. Онъ засѣдалъ членомъ отъ корпораціи въ общей слѣдственной комисіи.

— Вотъ видите, милорды, зашепелявилъ онъ, курьозная

тутъ штука вышла. Два нѣмца другъ на друга жалуются: одинъ вильдеръ, а другой изъ Арминіи. Вильдеръ-то свой Ehrenwort далъ, что арминецъ взялъ у него у пьянаго бумажникъ въ кнейпѣ и деньги зажилить. Ну, и свидѣтелей представилъ.

— Какъ же по твоему Ueberzeugung?

— Да армпнецъ дѣйствительно, кажется, проворовался. Во вторникъ будетъ послѣднее засѣданіе. Но дѣло въ томъ, милорды, что вильдеръ-то дрянъ такая, кноть, а съ Арминіей намъ зачѣмъ же ссориться.

— Да, рѣшилъ Лукусъ, Арминія всегда насъ на шаржир-тентъ-конвентѣ поддерживаетъ.

— Поэтому, милорды, я думаю, что вильдера-то этого можно на бобахъ оставить.

Телепневъ слушалъ и плохо вѣрилъ своимъ ушамъ.

Бурсаки въ одинъ голосъ согласились съ мнѣніемъ татуированнаго и Лукуса.

— Какъ это можно! вскричалъ Телепневъ, что вы дѣлаете, господа! Выборный отъ васъ судья самъ же сознается, что буршъ виноватъ. Что онъ воръ, а вы хотите его выгораживать только изъ того, чтобъ поддѣлаться къ нѣмецкой корпорации!

Бурсаки посмѣялись.

— Ты слишкомъ арогаетъ, сурово заговорилъ Мандельштернъ, корпорация должна быть консеквентъ!...

— Да что тутъ за консеквентъ. Человѣкъ укралъ деньги, такъ зачѣмъ же его прикрывать; послѣ этого всѣ дуэли и всѣ ваши понятія о чести—вздоръ.

Дѣло завязалось жаркое: татуированный полѣзъ на пятый дворъ, и подъ конецъ объявить, что если арминецъ на будущемъ засѣданіи ничѣмъ не оправдается, то онъ признаетъ его виновнымъ. Варцель ликующимъ взглядомъ смотрѣлъ на Телепнева и чуть не показывалъ языкъ всей остальной братіи. Сходка кончилась сочиненіемъ кудрявой нѣмецкой бумаги въ одну изъ корпораций; прѣчемъ Мандельштернъ наставилъ такихъ фразъ, что свѣдѣй человѣкъ разочихался бы.

Телепневъ ходилъ очень недовольный изъ комнатъ. Бур-

саки перестали забавлять его, они дѣлались ему почти антипатичны. Сходка завершилась, конечно, обычными возліянiями Бахусу, и въ половинѣ десятаго татуированный уже ораль въ сопровожденіи хора:

Вино, вино,
Ты свыше намъ дано,
Не ты-ль сотворено,
Чтобъ жизни путь украсить.
Блаженъ лишь тотъ,
Кто вѣчно пьетъ,
И весело поетъ,
Безъ горести живетъ.

XXIII.

„Неужели и нѣмцы такой-же народъ, какъ наши бурсаки?“ спрашивалъ себя не разъ Телепневъ. Онъ ихъ пока еще мало зналъ; но что онъ видѣлъ, было почти тоже самое, какъ и въ русской корпорации. Да иначе и не могло быть. У русскихъ буршей формализмъ, гоноръ и бражничанье сложились по нѣмецкому образцу.

На лицахъ нѣмецкихъ студентовъ Телепневъ замѣчалъ ту же комическую важность, въ манерахъ ихъ умышленную рѣзкость и угловатость, въ костюмѣ буршикозную неряшливость, едва-ли не бѣольшую, чѣмъ у русскихъ бурсаковъ. Стаями толклись они на Марктѣ по цѣлымъ днямъ; откуда кое-кто отправлялся на лекціи или въ клинику, а остальные подкрѣплялись въ ближайшихъ кабачкахъ; а потомъ опять въ кучу, и ну галдѣть и глазѣть на проходящихъ нѣмекъ. Пьянство по кнейпамъ, пьянство по загороднымъ корчмамъ и чуть не ежедневные шкандалы, вотъ что бросалось въ глаза, какъ характерныя черты *буршенгуна*.

Съ Телепневымъ работалъ въ лабораторіи одинъ тевтонецъ, здоровенный малый, очень небожкихъ способностей; но за то такой сердитый и важный, что служитель Кизанъ подходилъ къ нему всегда на цыпочкахъ. Тевтонецъ, какъ чистый нѣмецъ, прежде своей буршикозности выставялъ свое дворянское достоинство и носилъ на указательномъ пальцѣ огромный золотой перстень съ гербовой печатью.

Съ Телепневымъ онъ спервоначалу былъ весьма суровъ, а потомъ обошелся, видя, что Телепневъ въ работѣ гораздо половчѣе и посмысленнѣе его, въ добавокъ въ большой дружбѣ съ лаборантомъ и при случаѣ можетъ ему помочь въ установкѣ аппаратовъ, на что нѣмецъ былъ куда не мастеръ.

— У васъ есть хорошіе пауканты, сказалъ онъ разъ Телепневу, благосклонно заговоривъ съ нимъ.

— Есть такі.

— Вашъ шарпиртръ далъ большой кварть нашему ландсману; онъ до сихъ поръ лежитъ.

— Я былъ на этомъ шкандалѣ.

Телепневъ, разумѣется, не разсказалъ, что изъ за этого тевтонца онъ и сорвалъ два шкандала.

— Ваша корпорація невелика, продолжалъ тевтонецъ, но у васъ богатые люди.

— Да, отвѣтилъ Телепневъ и подумавъ про себя: „очень богатые незаплаченными счетами.“

— Въ ней всегда были богатые люди! А будетъ у васъ комершъ въ этомъ семестрѣ?

— Будетъ, отвѣтилъ на обумъ Телепневъ.

— Ты въ корѣ?

— Въ корѣ.

Этотъ бурсацкій діалогъ повелъ къ тому, что нѣмецъ пригласилъ Телепнева зайти къ нему какъ нибудь и предложилъ даже читать вмѣстѣ химію.

У тевтонца Телепневъ познакомился съ его ландсманами и былъ даже на двухъ-трехъ маленькихъ попойкахъ. Но эти маленькія попойки стоили большихъ. Трудно было рѣшить Телепневу кто сильнѣе тянетъ: рутенцы, или тевтонцы. Разница состояла только въ томъ, что у нѣмцевъ пѣли гораздо складнѣе и завязывалось больше разговоровъ. Впер-

вые Телепневъ испыталъ то впечатлѣніе, когда пятнадцать подгулявшихъ нѣмцевъ заговорятъ въ одно время. / Въ комнатѣ просто стонъ стоитъ.

Одинъ бѣлобрысый буршъ, шаржиртеръ корпораціи, вступилъ, послѣ восьми бутылокъ пива, въ литературный разговоръ съ Телепневымъ.

— О! я знаю русскую литературу, кричалъ онъ. Der beste Romanist, das ist Bulgarin!

И ничѣмъ его нельзя было разувѣрить въ противномъ.

— Я читалъ также Тарантась... Но лучший романистъ все-таки Булгаринъ!

— А Тургенева ты читалъ? спрашивалъ его Телепневъ.

— Не! я не знаю этого сочинителя; но Булгаринъ—das ist etwas echtrussisches.

Всѣ бурши оказывали чужому ландсмѣну всякія любезности и съ нимъ чокнулся даже тотъ самый тевтонецъ, котораго вздулъ на шкандалѣ жолтый.

— Наши провинціи, проповѣдывалъ Телепневу бѣлобрысый буршъ, провидѣніемъ призваны для цивилизаціи Россіи. Я убѣжденъ, что ты долженъ съ этимъ согласиться.

— Ну, я не знаю...

— 'Aber erlaub', завопилъ нѣмецъ. Наши провинціи—это разсадникъ, откуда идетъ просвѣщеніе.

— И ты полагаешь, что Россія безъ вашихъ провинцій погибла бы?

— Aber erlaub', Peter der Grosse.. онъ понялъ, что провидѣніе само указываетъ...

— Да какое тутъ провидѣніе... Вѣдь, я думаю, мы прямо изъ Европы можемъ все получать?...

— Erlaub', ты вотъ пріѣхалъ къ намъ штудировать!

— Здѣсь университетъ лучше; но не призванъ же онъ спасти Россію; здѣсь и русскихъ-то всего двадцать человѣкъ.

— Aber erlaub'!...

И съ полчаса еще проповѣдывалъ буршъ о великомъ просвѣтительномъ значеніи его провинціи для російскаго государства.

„Вотъ оно что, думалъ Телепневъ, слушая его разглагольствованія. Вонъ у этихъ бѣлобрысыхъ кадбасниковъ ка-

кія претензіи! Выходить: мы скоты, варвары; а ихъ сама судьба послала, для спасенія земли русской. Курьозно!“

Онъ ужъ и не возражалъ нѣмцу подъ конецъ попойки. Со всѣхъ сторонъ слышалось безконечное повтореніе нѣмецкаго возгласа; erlaub! Всѣ нѣмцы спорили...

Тевтонецъ приглашалъ Телепнева еще на нѣсколько маленькихъ попоекъ. При большемъ сближеніи, Телепневъ увидалъ, что нѣмцы гораздо простодушнѣе, нежели кажутся. Нѣкоторые экземпляры поражали даже своей наивностью. Глупаго задора и буршикозности въ нихъ было побольше, чѣмъ у русскихъ бурсаковъ; но ихъ пирушки оживлялись все-таки умственными интересами: они всегда толковали о томъ, что было изгнано изъ бесѣды рутенцевъ. Многіе любили серьезно музыку, интересовались разными вопросами науки и практической жизни; но все это, конечно, покрывалось моремъ пива и завываніемъ пѣсенъ. Телепневъ почувствовалъ однакожъ, что русскому человѣку съ ними не сойтись. Они отталкивали какой-то смѣсью задора и мелочности, чѣмъ-то чухонско-заносчивымъ и тупо-пошловатымъ.

„Ужъ я, конечно, рѣшилъ Телепневъ, распроставшись съ моими буршами, ни за какія коврижки не поступлю въ нѣмецкую корпорацію.“

Рутенисты, пронюхавъ, что ихъ новый ландсманъ знается съ нѣмцами — перепугались. Лукусъ приходилъ вывѣдывать у Телепнева его *Gesinnung* и сладко говорилъ о чистотѣ буршикознаго духа въ „русскихъ ребятахъ.“ Миленькій тоже приставалъ къ Телепневу.

— Попадешь изъ огня да въ полымя! я нѣмецъ; но я этихъ чухонцевъ презираю. Боже сохрани тебя поступить къ нимъ въ корпорацію!

— Да что это за нетерпимость такая? возражалъ ему Телепневъ; нельзя развѣ поглядѣть на нихъ поближе; я уже довольно налюбовался на своихъ бурсаковъ!

— Будь съ ними знакомъ, да не связывайся; Христа ради!

— Завтра же пойду въ тевтонцы, поддразнивалъ Телепневъ, коли не оставишь меня въ покоѣ!

XXIV

Лаборантъ, желая всячески выразить Телепневу свое расположеніе, нѣсколько разъ зазывалъ его къ себѣ. Онъ жилъ съ матерью и тремя сестрами, въ бѣломъ домикѣ около кирки, который имъ оставилъ отецъ, бывшій профессоръ химіи. Телепневъ отправился къ нему разъ вечеромъ и нашолъ все семейство въ сборѣ. Обстановка была такая же, какъ и у старика-хемика, такія же, кажется, англійскія гравюры двадцатыхъ годовъ, древнее фортепіано съ бронзовой отдѣлкой, бумажные цвѣты въ алебастровыхъ вазочкахъ. Мать лаборанта — чопорная старушка съ сѣдыми ~~пучками~~ кудрями, сидѣла на диванѣ, а три ея дочери, изъ которыхъ двѣ уже не первой молодости и очень неказистыя, размѣстились вокругъ стола, и для контенансу разсматривали какія-то иллюстраціи. Всѣ они привстали и сдѣлали Телепневу нѣмецкій поклонъ. Лаборантъ засуетился и забормоталъ что-то такое; но это не помогло оживленію бесѣды. Нѣмки стѣснились. Вѣроятно, онѣ понаслушались рассказовъ о томъ, что Телепневъ богатый русскій дворянинъ, тонкій молодой человѣкъ; и не знали, съ чего бы всего лучше повести разговоръ съ такимъ гостемъ.

— Я такъ благодаренъ вашему сыну, рѣшился начать Телепневъ, обращаясь къ старушкѣ, онъ такъ добръ ко мнѣ, на каждомъ шагу помогаетъ въ моихъ работахъ.

Лаборантъ замоталъ головой; а четыре нѣмки улыбнулись во весь ротъ.

— О помилуйте, заговорила старушка, мой Густавъ такъ счастливъ!...

— О да! завздыхали дочери.

— Помилуйте, отговаривался Телепневъ, я такъ обязанъ вашему сыну...

— О! воскликнула старушка.

— Ахъ! вздохнули три дочери.

Становилось очень весело.

Чухонка разнесла чай и поставила на столъ бутерброды съ кильками и съ колбасой. Чай былъ пареный и отзывался какими-то спеціями. Телепневъ давился всѣмъ этимъ, но съ усердіемъ пилъ. За чаемъ нѣмки немножко разговорились. Старушка сдѣлала Телепневу нѣсколько вопросовъ объ *Rossie*. Телепневъ рассказалъ кое-что объ русской жизни. Дочери, послѣ каждой его фразы, все улыбались. У нѣмцевъ, коли въ общество попадъ бурштъ, то онъ долженъ непремѣнно острить, *Witze reissen*, ибо онъ молодъ. И чтобы студентъ ни сказалъ, хотя бы вовсе не смѣшное, нѣмки непремѣнно будутъ улыбаться.

— Я такъ желаю, говорила старушка, чтобы мой Густавъ поѣхалъ въ Россію сдѣлать счастье.

Оранжевая физіономія лаборанта кисло улыбнулась, а сестры вздохнули общимъ вздохомъ.

Тяжеленько таки было просидѣть въ этомъ почтенномъ семействѣ до десятого часа, къ счастью, разговоръ зашелъ объ музыкѣ.

— Намъ Густавъ говорилъ, обратилась къ Телепневу старшая дочь, что вы такъ хорошо поете.

— Пожалуйста, заголосили нѣмки.

Телепневъ сѣлъ за древнее фортепіано, и распотѣшилъ нѣмокъ такъ, что охамъ и ахамъ не было конца. Густавъ такъ расходился, что въ порывѣ своего нѣжнаго чувства къ Телепневу, притащилъ бутылку рейнвейну и сладкій пирогъ. Дѣвицы взяли по рюмочкѣ и когда Телепневъ запѣлъ студенческую нѣмецкую пѣсню, то они визгливо начали припѣвать.

— *Der Student ist charmant*, рѣшила старшая дочь, по уходѣ Телепнева, а меньшая вздохнула и покраснѣла.

Профессоръ Шульцъ также пригласилъ Телепнева на одну изъ своихъ субботъ, куда собиралось почти все профессорское общество города Д. Бывали тамъ и дворянскія семейства средней руки: Шульцъ былъ женатъ на какой-то фонъ-Мерзенштернъ. Вечера его, въ профессорскомъ кружкѣ — считались самыми тонкими. Телепневъ нашолъ въ гостинной щопорное общество старыхъ и молодыхъ нѣмокъ. Каждая

изъ нихъ что-нибудь ковырала. Женщины сидѣли особо — кучкой, мужчины стояли особо, и никто изъ нихъ не рѣшался перейти комнату и заговорить съ дамой. Чудакъ Шульцъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ выворотя локти. Каждому кидаль два, три слова и не дожидаясь отвѣта, пускался бѣжать дальше. Жена его приторно улыбулась Телепневу. Это была недурная собой, довольно крупная нѣмка съ кислосладкимъ выраженіемъ лица. Вурши рассказывали Телепневу, что Шульцъ ужасно ревнивъ и каждое утро, отправляясь въ университетъ, запираетъ жену на ключъ.

Телепнева Шульцъ представилъ нѣсколькимъ профессорамъ, которыхъ онъ уже видалъ на лекціяхъ. Одинъ изъ нихъ, профессоръ зоологіи, крѣпкій, широкоплечій старикъ, съ длиннымъ носомъ и большимъ открытымъ лбомъ, сразу же очень ему понравился. Онъ заговорилъ съ Телепневымъ, въ непринужденномъ товарищескомъ тонѣ, очень бойко и ѣдко пересыпая свою рѣчь нѣмецкими и французскими словами.

— У нѣмцевъ, говорилъ ему зоологъ, учитесь чему хотите, только, пожалуйста, не дѣлайтесь сами нѣмцемъ.

— Отчего же? спросилъ Телепневъ.

— Нѣмцы, это — нація кнотовъ. Нѣмцы могутъ только размазывать то, что другіе выдумали. Въ наукѣ они цѣховыхъ дѣлъ мастера, въ политикѣ — ослы, которые только мотаютъ ушами и орутъ, когда сила обстоятельствъ заставляетъ ихъ поскорѣе переставлять ноги.

„Ого, подумаль Телепневъ, какъ онъ чешетъ своихъ компатріотовъ.“

— А ужъ наши провинціи, продолжалъ зоологъ — это кофейная гуща, поддонки нѣмецкой жизни. Посмотрите вы, и онъ указаль на нѣмокъ, сидищихъ вокругъ стола — вотъ наши Kaffeschwestern... слышите вы, какъ онѣ величаютъ другъ друга? *Parole d'honneur* — они похожи на индюшекъ. Я полагаю, что индюшки также величаютъ себя по чинамъ — прислушайтесь: *Frau Hofrätthin*, *Frau Kollegienrätthin*, *Frau Assessorin*. Тутъ цѣлая табель о рангахъ.

— Да, чинопочитаніе здѣсь въ ходу, замѣтилъ Телепневъ. Я удивляюсь только, почему нѣмцы упрекаютъ русскихъ тѣмъ, что у нихъ все держится на чинѣ.

— Вы удивляетесь? Нѣмцы такой народъ, который всѣ свои природныя гадости и болѣзни нарочно окрестить иностранными именами. Въ нихъ нѣтъ ни на одну каплю мужества сказать, что они созданы не такъ, какъ остальной Божій міръ.

— Вамъ, стало быть, не легко жить въ здѣшнемъ обществѣ, при такихъ взглядахъ.

— Je m'en moque! вскричалъ зоологъ. Видите-ли, мой желудокъ не перевариваетъ здѣшняго воздуха. Поэтому, почтенные теологи лишаютъ меня всякой пищи. За то, на моихъ похоронахъ они зададутъ себѣ славный завтракъ и прольютъ горькія слезы въ рюмку рейнвейна о гибели заблудшей души.

— Они имѣютъ здѣсь вліяніе?

— Я полагаю, что здѣсь скоро будутъ читать, вмѣсто ботаники и фізіологіи, науку о томъ, какъ гноить человѣка въ атмосферѣ обскурантизма. Вы видите—я сѣдъ и старъ, мнѣ ^{шестьдесятъ} лѣтъ, а почтенные теологи до сихъ поръ находятъ, что искусство мое не конченъ, что я до конца своей жизни долженъ буду ѣсть чорствый хлѣбъ приватъ-доцента, чтобы тамъ, наверху, засѣсть за жирную трапезу ординарнаго профессора. Вы пріѣхали сюда штудировать? спросилъ онъ послѣ небольшой паузы.

— Да, я занимаюсь химіей у профессора Шульца.

— Herr Jesu! Благородный юноша, оставьте вы эти ненужныя затѣи. Kucken Sie her! Что мнѣ дала наука? гемморой, слѣпоту, долги и пріятное убѣжденіе, что человѣчество глупѣе и гаже, когда на него смотришь съ научной точки зрѣнія.—У меня есть сынъ, малый лѣтъ осьмнадцати. Вы думаете, я его отдалъ въ школу, заставилъ его пройти всѣ ступени цѣхвой науки? ничуть ни бывало. Онъ у меня ничего не знаетъ изъ того, чѣмъ старые дураки набиваютъ головы своихъ несчастныхъ дѣтей.

— Какъ-же это? въ недоумѣніи проговорилъ Телешневъ.

— Parole d'honneur! Онъ такъ-таки круглый невѣжда. Знаетъ читать и писать. И совѣсть моя говоритъ мнѣ, что я составилъ его счастье. Онъ прекрасный охотникъ, любитъ природу не по книжкамъ Шлейдена и компаніи. Я его от-

правлю въ Америку, а не удастся, онъ найметъ здѣсь кусокъ земли и будетъ его обрабатывать!

— Я намѣренъ слушать васъ въ будущемъ семестрѣ, г профессоръ, сказалъ Телепневъ съ поклономъ.

— Немного у меня научитесь, говорю вамъ впередъ. Природа не въ кабинетѣ и не въ аудиторіи. Ну, какъ вы себя представите африканскаго льва въ нашемъ музеѣ? У насъ стоитъ старая, ободранная собака, зашитая синими нитками, похожая на дряблага саксонскаго генерала. Системъ у меня нѣтъ. Прослушавши меня цѣлый семестръ, вы будете въ негодованіи, вы скажете: старикъ спятилъ съ-ума.

— Помилуйте, возразилъ Телепневъ съ скромной улыбкой.

— *Parole d'honneur*. И дѣтямъ вашимъ будете рассказывать, что нѣмецъ васъ надулъ, и за пятнадцать рублей ассигнаціями, вмѣсто хорошо нашпигованной, настоящей нѣмецкой науки, кормилъ васъ какой-то кашей, за которую несчастнаго приватъ-доцента слѣдуетъ наказать шпицъ-рутенами.

Телепнева очень занялъ ѣдкій старикъ. Его фразы проникнуты были настоящей горечью; вѣрно ему, дѣйствительно, плохо приходилось отъ своихъ академическихъ враговъ. Телепневъ пробесѣдовалъ съ нимъ цѣлый вечеръ и чокался даже рейнвейномъ. Но профессоръ Шульцъ желалъ непременно, чтобы ученикъ его полюбезничалъ съ дѣвцами и подвелъ Телепнева къ сестрѣ своей жены, длиннѣйшей нѣмкѣ съ круглыми бровями.

— Ich habe „Demon“ von Michael Lermontoff gelesen, сказала она ему, умильно улыбаясь.

— А, отвѣтилъ Телепневъ, и чрезъ пять минутъ распростился съ профессорскимъ обществомъ.

XXV

По воскресеньямъ Телепневъ заходилъ иногда въ русскую церковь. Со священникомъ онъ не познакомился, хотя бурсаки не разъ звали его туда. Въ церкви бывало всегда много народу, но Телепневъ мало интересовался семействами, которыя проживали въ городѣ. Д У бурсаковъ знакомствъ почти не было; но кое-когда въ корпораціи говорили о русскихъ *филистеріяхъ*. Кромѣ простаго люда, разныхъ старухъ, торгующихъ на Марктѣ чернымъ хлѣбомъ, отставныхъ солдатъ, купцовъ, впереди стояло всегда благородное общество: почтмейстеръ, инвалидный начальникъ, учителя русскаго языка въ гимназіяхъ и разные private господа.

Разъ какъ-то на страстной недѣлѣ Телепневъ выходилъ отъ обѣдни и остановился на паперти вмѣстѣ съ двумя бурсаками. Мимо проходили говѣльщицы. Телепневъ насчиталъ нѣсколько дамъ.

— Отчего это вы, господа, обратился онъ къ бурсакамъ, не знакомитесь здѣсь?

— Гдѣ это? — въ русскихъ филистеріяхъ? спросилъ его одинъ изъ бурсаковъ — жолтый шаржиртеръ.

— Да, въ русскихъ филистеріяхъ, вѣдь у васъ время-то много уходитъ такъ, даромъ.

— Очень нужно; что мы тамъ забыли. Есть вонъ тутъ одинъ, вотъ сейчасъ прошли его дочери, свинья помѣщикъ, такъ мы еще его на фершисъ хотѣли посадить.

— За что такъ?

— Позволилъ себѣ свинства всякія говорить про нашихъ ребятъ.

— Такъ чтожъ ты, язвительно обратился къ Телепневу татуированный, стоявшій также въ кучкѣ, ты тонкій кавалеръ, вотъ бы сдѣлался филистеріантомъ.

— Да мнѣ гдѣ же, господа, у меня лабораторія слишкомъ

много времени отнимаетъ; да и потомъ я ужъ довольно во-
зился въ Россіи съ барынями.

Въ эту минуту на паперти показались три женскія фигу-
ры. Впереди шла дѣвочка, лѣтъ тринадцати, въ сѣромъ бур-
нусѣ, большаго роста, немного подавшись впередъ всѣмъ
корпусомъ. Она вскинула на Телепнева большими сѣрыми
глазами, потомъ тотчасъ же опустила ихъ и торопливо со-
шла по ступенямъ паперти.

За ней шли двѣ барыни: одна блѣдная и худая блондинка
съ полуоткрытымъ ртомъ и пепельными волосами, вѣроятно
мать дѣвочки, и другая, смуглая молодая женщина, съ очень
бойкой походкой и быстрымъ взглядомъ. Она была одѣта мо-
ложе и наряднѣе блондинки.

— Посмотрите-ка, господа, шепнулъ татуированный; нога-
то у ней какая.

Телепневъ посмотрѣлъ на ногу; нога оказалась дѣйстви-
тельно хороша. Дамы подошли къ воротамъ и сѣли вмѣстѣ
съ дѣвочкой въ карету.

— Кто это? спросилъ Телепневъ.

— А это, вмѣшался Варцель, посѣщавшій также право-
славную церковь, не смотря на свое лютеранство, помѣщикъ
какой-то изъ Пензы что-ли, или изъ Казани пріѣхалъ недав-
но; нанялъ большой домъ, знаете что на Ревельской улицѣ.

— Нассаусскій подданный, шалдашничалъ татуированный, —
вотъ, братецъ, знакомся въ этой филистеріи, года черезъ три
и предложи руку и сердце. И стипендію за тебя въ казну
заплатятъ.

— Зачѣмъ ему, кричали бурсаки, у него есть король въ
Германіи, тотъ за него будетъ кавировать.

Отецъ протоіерей прислалъ сказать въ русскую корпора-
цію: не угодно ли будетъ господамъ студентамъ участвовать въ
пошеніи плащаницы и въ составленіи хора для свѣтлой заутрени.

— Пуститѣ меня, просилъ Варцель, плащаницу носить.

— Нельзя, миленькій, шалдашничали бурсаки, вѣдь ты иѣ-
мецъ, братецъ, лютеровой ереси.

— Да ничего, уговаривалъ Варцель, ей Богу ничего, я
въ прошломъ году несъ же у поляковъ на похоронахъ крестъ
въ бѣлой рубахѣ.

— Да то у католиковъ, а здѣсь никакъ нельзя.

— Ну, такъ я хоть пѣть буду.

— Да и пѣть нельзя, поддразнивали бурсаки.

— Нѣтъ ужъ, господа, какъ хотите, а буду. Вѣдь пускаютъ же на свѣтлую заутреню нѣмцевъ, ихъ видимо-невидимо навалить, такъ тѣ вѣдь глазѣтъ только придутъ да съ дѣвками христосоваться, а я всѣ пасхальныя пѣсни знаю, я въ Харьковѣ пѣвалъ: Приидите пиво пиѣмъ новое!...

Идя по церкви и поддерживая плащаницу вмѣстѣ съ тремя другими бурсаками, Телепневъ опять увидалъ предъ собой фигуру дѣвочки. Она стояла въ своемъ сѣренькомъ бурнусѣ и смотрѣла на него любопытно своими большими глазами. Лицо ея показалось Телепневу необыкновенно серьезнымъ для такого возраста. Темно-русые волосы, плотно приглаженные на лбу, придавали лицу ея что-то такое степенное. Когда процессія прошла мимо нея, она повернула голову, но потомъ опять быстро приняла прежнее положеніе и почти закрыла глаза. Телепневъ, осторожно спускаясь со ступеней паперти, вспомнилъ вдругъ о своей Машѣ. Эта дѣвочка въ сѣромъ бурнусѣ почему-то перенесла его въ большой дикій домъ, который въ послѣднее время точно отошелъ для него въ недосягаемую даль.

„Лучше ли ей, этой дѣвчуркѣ, думалъ Телепневъ, чѣмъ было моей Машѣ, во время оно?“

— Что ты зазѣвался, шепнулъ ему жирный шаржиртеръ сзади, спустилъ совсѣмъ конецъ плащаницы.

Пришло свѣтлое воскресенье. Бурсаки наканунѣ спѣвались съ дьячками. Но все у нихъ выходило какъ-то похоже на гимнъ: „Товарищи друзья“ Самымъ лучшимъ пѣвчимъ оказался Телепневъ. Когда онъ подошелъ въ двѣнадцатомъ часу къ церкви, большая толпа стояла у паперти. Полицейскій и два педеля творили судъ и расправу, и многихъ не пускали въ церковь.

— Что это такое? спросилъ Телепневъ у Варцеля, отправившагося съ непремѣннымъ намѣреніемъ пѣть.

— А это пѣмцы лѣзутъ. Они все думаютъ, что въ русской церкви въ свѣтлый праздникъ представленіе происходить, вотъ ихъ педеля и гоняютъ.

— Зачѣмъ?

— Шкандалы, братецъ, производять; цѣловаться со всѣми лѣзуть. Нѣмецъ и мундиръ себѣ нарочно достанетъ и свѣчку купить, подлець, и личину православія на себя приметъ, продерется, каналья, къ самымъ образамъ.

На паперти ихъ обоихъ также остановили педеля и осмотрѣли въ мундирахъ ли они.

— Herr Warzel, прогнусилъ съ ужимкой одинъ изъ педелей, Sie sind doch..

— Я русскій! огрѣзаль Варцель и двинулся въ церковь.

— Вретъ, вреть пустилъ татуированный, который стоялъ тутъ же на паперти, у него въ Германіи король есть.

Церковь была биткомъ набита, и Телепневъ дѣйствительно узналъ много нѣмецкихъ бурсацкихъ фizioномій въ мундирахъ и съ свѣчами въ рукахъ. Всѣ они пробрались впередъ и заглядывали на женскую половину, гдѣ царствовалъ бѣлый цвѣтъ. Бурсацкій хоръ заработалъ довольно энергично; но выходило какъ-то такъ, что бурсаки пѣли особенно, а дьячки особенно. Нѣмцамъ все-таки нравилось. Они жарились и потѣли въ мундирахъ съ чужаго плеча и все чего-то дожидались необыкновеннаго. Телепневъ стоялъ на клиросѣ сбоку и ему видно было всѣхъ помѣстившихся у амвона. Опять его взглядъ упалъ на дѣвочку съ серьезнымъ лицомъ. Она стояла рядомъ съ своей матерью и съ смуглой дамой, въ бѣломъ платьѣ гораздо ниже колѣнъ, но все-таки слишкомъ короткомъ по ея росту. Она вовсе не смотрѣла по сторонамъ, какъ обыкновенно дѣти въ свѣтлую заутреню, а напротивъ, напряженно молилась, такъ что все ея лицо поблѣднѣло и ротъ полуоткрылся. За ранней обѣдней она и двѣ дамы пріобщались. Телепневъ слѣдилъ за выраженіемъ ея лица, когда она подходила къ священнику и послѣ причастія прикладывалась къ чашѣ. Что-то мистически страстное блеснуло въ глазахъ дѣвочки и разлилось по лицу какой-то истомой.

Телепневъ даже пересталъ пѣть, а слѣдилъ все глазами за молодой причастницей до самаго того момента, когда она скрылась изъ церкви.

Отецъ протопопъ пригласилъ бурсаковъ, пѣвшихъ на кли-

росѣ, разгавливаться, а матушка попадѣя, получившая воспитаніе въ нѣмецкомъ пансіонѣ, игриво упрекала Телепнева, накладывая ему ветчину на тарелку, что снѣ до сихъ поръ не хотѣлъ съ ними познакомиться.

XXVI.

Пришла весна, но не красная, а очень слезливая и холодная; Телепневъ смѣнилъ шубу на пальто и каждое утро бѣгалъ черезъ рѣку въ лабораторію, много препаратовъ готовилъ онъ, и профессоръ Шульцъ одобрительно мычалъ, глядя на его работы. Бурсацкія сходки и попойки пріѣлисъ ему до приторности.

— Ты будешь на Völkerschmörung, спросилъ его тевтонецъ въ лабораторіи въ началѣ апрѣля.

— Что такое?

— Völkerschmörung, всѣ на Dom пойдутъ.

— Зачѣмъ?

— Какъ же зачѣмъ, это день основанія университета.

— И чтожь будутъ дѣлать?

— Пѣтъ общимъ хоромъ. А оттуда пойдутъ Zum weissen Rosz.

На ближайшей сходкѣ русскіе бурсаки толковали о томъ, какъ имъ посолонднѣ развить идею въ день Völkerschmörung. Изъ кассы ассигновали на это двадцать пять рублей, да у Телепнева заняли столько же.

Былъ довольно ясный, но холодный апрѣльскій день, когда со всѣхъ концовъ города спѣшили бурши на верхъ, въ университетскій садъ. Фуксы тащили гезефъ. Въ этотъ день позволялось транспортировать корзинки съ пивомъ сколько душѣ угодно. Везли даже на дрогахъ сотни бутылокъ, и все это должно было выпить въ какихъ нибудь два часа. Телепневъ вмѣстѣ съ Варцелемъ и ольдерманомъ препровожд-

далъ транспортъ пива и холодной сѣнки въ бутылкахъ на Домъ, гдѣ они выбрали уютное мѣстечко, вблизи анатомическаго театра, въ маленькомъ гротѣ и оставили хранителемъ этихъ сокровищъ безмолвнаго Якова.

Къ тремъ часамъ человекъ четырехста студентовъ собралось на мостикъ. По дорожкамъ гуляли профессорскія и бюргерскія семейства, и въ разныхъ мѣстахъ подъ кустиками, фуксами были приготовлены пивные запасы. Центръ въ толпѣ стоявшихъ на мостикѣ составляла корпорація Арминія, въ которой былъ лучший хоръ. Дирижеръ этого хора долговязый, худой буршъ съ рыжими волосами держалъ въ рукахъ свертокъ нотъ, и ровно въ четверть четвертаго взмахнулъ этимъ сверткомъ по воздуху. Вся масса грянула:

Gaudeamus igitur
Juvenes dum sumus.

Телепневъ вмѣстѣ съ бурсаками стоялъ также въ толпѣ и пѣлъ. Простая мелодія старой студенческой пѣсни загудѣла по саду и неслась внизъ въ мирный академическій городокъ; что-то подмывающее почувствовалъ въ себѣ Телепневъ и съ нѣкоторымъ задоромъ распѣвалъ: *vivant omnes virgines!* Бурсаки всѣ были уже на первомъ взводѣ, но нѣмцы явились совсѣмъ трезвые.

Пропѣвши *Gaudeamus*, толпа двинулась съ мостика къ руинамъ, взошла въ нихъ, и тамъ пропѣла двѣ пѣсни. Какъ органъ гудѣлъ хоръ подъ сводами. Телепневу почудилось, что бурши точно производятъ отпѣванье старыхъ отживающихъ формъ средневѣковой академической жизни. Не было раздолья, не чувствовалось юношеской свободы, стоялъ только одинъ обрядъ. Но молодые голоса все-таки пѣли и говорили о свѣжихъ силахъ, которыя рвутся къ какому-то идеалу...

Послѣ двухъ пѣсенъ толпа повалила опять къ мостику, гдѣ она раздѣлилась на двѣ половины: одна стала на верху, другая спустилась внизъ.

Запѣли студенческую комическую пѣсню:

Der Esel hat ein langes Ohr
пѣлъ верхній хоръ,
Und Epoletten hat Major

отвѣчалъ ему нижній,—и такъ они переговаривались мннутъ десять. Русскіе бурсаки, и въ числѣ ихъ Телепневъ, отдѣлились отъ нѣмцевъ и ушли въ свой гротъ, гдѣ началась попойка. На этотъ разъ Телепневъ былъ бариномъ, а обязанности фукса исполнялъ Яковъ. Пропѣты были всѣ бурсацкія пѣсни, начиная съ

„Товарищи друзья“

и кончая пѣснею

„Татаринъ татарочку“

— Нѣмцы двинулись, донесъ Варцель. Вѣдь мы идемъ, господа?

— Какже, рѣшили шаржиртеры. И вся братія, взявши бутылки, отправилась, вслѣдъ за нѣмецкимъ хоромъ, по главной аллеѣ сада, внизъ съ горы, а потомъ черезъ Марктъ къ заставѣ, по дорогѣ въ корчму Zum weissen Rosz.

Въ огромной залѣ корчмы разсѣлись за столами всѣ корпорации и начали допивать принесенное съ собою пиво, котораго доставлено было на Домъ по крайней мѣрѣ три тысячи бутылокъ.

Этотъ день употреблялся обыкновенно для срыванія скандаловъ между фуксами разныхъ корпораций. Фуксы толкались между столами и задирали другъ друга.

— Ну, чтожь, Телепневъ, поддускивалъ татуированный, вали на протопопа, задери какого нибудь вшиваго нѣмца, все равно вѣдь кто нибудь да сорветъ же съ тобой, безъ этого нынѣшній день не обходится.

— Помню, говорилъ сластолюбиво Лукусъ, какъ въ наше время мы въ этотъ день задирали нѣмцевъ. Лихое было время. Тогда уже меньше тридцати скандаловъ на Völkerschmörung не бывало!

— Всегда пріятно, вставилъ тонкій іерусалимскій буршъ, очень пріятно сорвать хорошій скандалъ.

— Удивительно пріятно, произнесъ съ насмѣшкой Телепневъ.

— Христіанъ Ивановичъ, подталкивалъ татуированный, хоты ты поди задери какого нибудь ольдермана, а то это пехъ будетъ.

— Пехъ, совсѣмъ пехъ, рѣшилъ Лукусъ.

— Смотрите, заговорилъ миленькій, вонъ ужъ тамъ нѣмцы срывають, вонъ краснощекій-то этотъ фуксикъ — этотъ, кажется, ужъ съ тремя тевтонцами поругался.

А у нѣмцевъ это дѣло обходилось просто: одинъ фуксъ стоитъ, а другой идетъ.

— Ты что тутъ стоишь? спрашиваетъ первый.

— А тебѣ какое дѣло?

— Du bist ein dummer Junge!

— Du bist gefordert!

Ну, вотъ и шкандалъ.

Въ корчмѣ былъ такой гулъ, что нужно было кричать, чтобы слышать другъ друга. У рутенцовъ дѣло однако обошлось безъ шкандала. Телепневъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія предаваться фехтовальнымъ упражненіямъ съ нѣмецкими фуксами, и Лукусъ на возвратномъ пути глубоко вздыхалъ о прежнемъ буршикозномъ времени.

XXVII.

На дворѣ стоялъ цвѣтущій май. Университетскій садъ зеленѣлъ вокругъ ученыхъ зданій; кусты сирени и жимолости разрослись вокругъ руинъ, и по всѣмъ дорожкамъ Дома несло свѣжее весеннее благоуханіе. Каждое утро, порабатовавши въ лабораторіи, Телепневъ отправлялся гулять на Домъ. Любимымъ его мѣстомъ была узкая березовая аллея, проходившая въ нижней половинѣ сада подъ руинами. Она называлась: Philosophengang. Тамъ онъ гулялъ разстегнувши сюртукъ, часто съ книгой въ рукѣ, не боясь встрѣтить никакихъ господъ, которые бы нарушили его мирное трудовое настроеніе.

Бурсаки то и дѣло подбивали Телепнева на загородныя поѣздки. Телепневъ, не раздражая ихъ, старался все-таки от-

бояриваться и какъ можно меньше исправлять должность фукса. Но поѣздки за городъ весною были для него пріятнѣе, чѣмъ попойки въ душныхъ и вонючихъ корчмахъ въ зимнія, холодныя ночи.

Къ половинѣ мая бурсаки готовились задать годовой *комершъ*. По этому случаю въ корпораціи происходили экстренныя совѣщанія. Касса бурсаковъ совсѣмъ оскудѣла. Весь семестръ они пьянствовали и влѣзли въ новые долги; а *комершъ* не могъ обойтись дешевле полутора ста рублей. Принципалы корпораціи за нѣсколько недѣль до *комерша* начали заигрывать съ Телепневымъ.

— Зачѣмъ вы хотите непременно давать *комершъ*, господа? сказалъ онъ имъ на сходкѣ. Вѣдь денегъ у насъ нѣтъ. Изъ за какого же удовольствія лѣзть въ новые долги?

— Какъ-же, толковали бурсаки, помилуй, вѣдь нельзя же срамиться передъ нѣмцами!

— Значить, вы, господа, хотите пускать пыль въ глаза и совсѣмъ лопнуть. И для чего-же? Для того, чтобы напоить нѣмецкихъ шаржиртеровъ.

— Да, но это *Usus*.

— Да какой тутъ *Usus*, когда въ кассѣ копѣйки нѣтъ. Зачѣмъ вамъ давать *комершъ* каждый семестръ; дайте хоть разъ въ годъ, и то деньги брошенныя въ огонь.

Бурсаки хорохорились и рѣшительно недоумѣвали, какъ это молодой фуксъ не понимаетъ важнаго значенія *комерша*, и необходимости не ударить себя лицомъ въ грязь передъ нѣмцами.

— Мы тебя все-таки будемъ просить, сказалъ Телепневу казначей, чтобы ты кавировалъ за корпорацію.

— Я, господа, не могу вамъ отказать, но не скрою, что дѣлаю это безъ всякаго удовольствія, мнѣ рѣшительно не нравится это заигрываніе съ нѣмцами. Шаржиртеровъ мы будемъ поить и пропьемъ сотню рублей; а заболѣй у насъ сегодня кто-нибудь изъ нашихъ ландсмановъ, въ корпораціи не найдется мѣднаго гроша на лекарства.

Принципалы очень поморщились отъ такихъ рѣчей фукса, но безъ его поручительства *комершъ* бы не состоялся, и они не возражали Телепневу рѣзко-начальническимъ тономъ; а

только подложили ему *кауцію* для забора винныхъ и съѣстныхъ товаровъ въ лавкѣ купца Бранделя, суммою на сто-
сѣмьдесятъ рублей серебромъ.

Бурсаки, какъ дѣти, тѣшились приготовленіями къ комер-
шу, и только о томъ и толковали, какъ бы пустить въ глаза
пыли нѣмцамъ. Распорядителями пиршества были выбраны
двое: татуированный буршъ и растерзанный филистръ. Въ
подмогу имъ откомандировали Варцеля. Онъ никакъ не могъ
переварить того, что всѣ напитки и ѣда на комершъ будутъ
на денежки Телепнева. Добрый нѣмецъ былъ, пожалуй, спо-
собенъ со злости подсыпать чего-нибудь въ сженку, чтобы
заѣзжихъ нѣмцевъ хорошенько пробрало.

За день до комерша распорядители отправились съ запа-
сами въ чухонскую деревушку, верстъ за семнадцать отъ Д.
Бѣдный Варцель цѣлый день откупоривалъ бутылки, варилъ
сженку и намазывалъ бутерброды, а главные распорядители
съ утра нализались и развалились спать подъ тѣнью древесъ
вѣтвистыхъ. Телепнева посылали по корпораціямъ разносить
приглашенія. Въ Армінію, съ которой русскіе бурсаки всего
больше заигрывали, отправился самъ жирный шаржиртеръ.
Съ утра того дня, когда назначенъ былъ комершъ, Те-
лепневъ дежурилъ въ квартирѣ желтаго, откуда должны
были отправиться на комершъ и куда ожидали нѣмцевъ. Для
пріема ихъ и веденія тонкихъ дипломатическихъ разговоровъ,
засѣли уже на диванъ Лукусъ и торжественный Мандель-
штернъ. Телепневъ внутренно смѣялся надъ той суетливой
тревогой, съ которой бурсаки ожидали пріема нѣмцевъ. Точно
будто отъ этого пріема зависѣла судьба всей корпораціи.

„Вотъ, думалъ онъ, глядя на эту тревогу, какъ ведутъ
себя наши суровые рутенцы: походя ругаютъ нѣмцевъ, а
сами егозятъ передъ ними, изъ кожи лѣзутъ, чтобы заслу-
жить отъ нихъ респектъ, рады послѣдніе штаны продать,
чтобы только пьяный нѣмецкій шаржиртеръ остался доволенъ
ихъ *лезебломъ*.“

Въ квартирѣ желтаго столъ передъ диваномъ накрыли
цвѣтной скатертью. Разложили сигары и папиросы. Старая
служанка Юльхенъ варила кофе, который фуксы обыкновен-
но подавали нѣмцамъ предъ самымъ отправленіемъ на комершъ.

Часть бурсаковъ уже уѣхала, но всѣ principals ждали гостей. Жолтый ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и тревожно поглядывалъ на часы.

— Какъ ты полагаешь, спросилъ его Мандельштернъ, нѣмцы всѣ пріѣдутъ или пришлютъ только по одному шаржиртеру?

— Они каждый годъ пріѣзжаютъ одинаково, проговорилъ Лукусъ съ видомъ знатока. Изъ Арминіи, пожалуй, явятся всѣ три шаржиртера. Тевтонцы пришлютъ самую пьяницу; остальные будутъ ломаться.

Телепневу, слушая всѣ эти переговоры, хотѣлось спросить, отчего это суровый паукантъ, какимъ казался всегда жолтый буршъ, въ волненіи готовится къ бесѣдѣ съ кнотами-нѣмцами.

Кофе давно уже вскипѣлъ. Юльхенъ, вся красная, пыхтѣла, стоя у плиты; а нѣмцы все еще заставляли себя ждать.

— Идутъ, вскричалъ одинъ изъ бурсаковъ, увидавши въ окно, что подходятъ двѣ фигуры въ чуйкахъ.

Всѣ приняли веселыя фізіономіи, жолтый всталъ въ позицію посреди комнаты, а ольдерманъ двинулся въ переднюю.

Первые явились два шаржиртера изъ Арминіи. Одинъ большой франтъ — въ сѣромъ скюртукѣ съ трехцвѣтной опушкой, другой, краснощекій, востроносый съ тонкими губами богословъ, выступающій уже пасторскою походкою.

— Кофе подавать надо! скомандовалъ ольдерманъ Телепневу и ужасно засуетился.

Телепневъ съ улыбкой поглядывалъ на картину заигрыванія съ нѣмцами. Мандельштернъ особенно тонко любезничалъ съ Арминцами. Ни одного словечка не могъ сказать онъ просто. Фразы одна другой вычурнѣе слетали съ его устъ. Нѣмцы не оставались въ долгу и вышли прекуръозный діалогъ; и трудно было даже понять, о чемъ они толкуютъ, даже человѣку, знакомому съ бурсацкимъ міромъ. Они цѣплялись за слова, дѣлали какіе-то никому непонятные намеки, говорили угловатыя нѣмецкія пріятности.

А Телепневъ долженъ былъ подавать имъ кофе и строить серьезную фізіономію, принимая чашку изъ рукъ шаржиртера-нѣмца, который въ эту минуту былъ преисполненъ убѣж-

денія, что вся Европа смотритъ на него и аплодируетъ тонкости его діалектики въ разговорахъ съ русскими варварами.

Часамъ къ двумъ подошли principals другихъ корпорацій, по одному отъ каждой. Всѣ одинаково держали голову, всѣ входили въ шапкахъ, стуча большими сапожищами и буршикознымъ тономъ говорили: Gut-Morgen. Одинъ изъ шаржиртеровъ оказался тотъ самый бѣлобрысый Тевтонецъ, который на попойкѣ убѣждалъ Телепнева въ великомъ просвѣтительномъ значеніи его провинціи для руссійскаго государства.

Телепневъ добродушно кивнулъ ему, но бѣлобрысый не удостоилъ фукса никакимъ знакомъ вниманія. Вся его аляповатая фигура дышала полнѣйшимъ самодовольствомъ, каждое его движеніе лучше словъ говорило, какъ онъ упивается своимъ шаржиртерствомъ.

„Экое дурачье“, думалъ Телепневъ, смиренно подавая нѣмцамъ кофе.

Лукусъ и Мандельштернъ такъ и юлили передъ нѣмцами и каждому изъ нихъ старались показать, въ какой степени они проникнуты буршикознымъ духомъ и какъ глубоко понимаютъ всѣ тонкости комана. Жолтый употреблялся больше для декора и вставлялъ въ общую бесѣду краткіе афоризмы.

Напоили нѣмцевъ кофе, и собрались ѣхать. Гостей усадили въ восьмимѣстный Stuhlwagen. Съ ними отправились Лукусъ и Мандельштернъ. Остальная братія, въ томъ числѣ и Телепневъ, забила въ повалку въ чухонскій *планвагенъ*, влекомый двумя лошаденками. Всѣ бока намяло Телепневу на семнадцати верстахъ. Онъ просилъ нѣсколько разъ, чтобы его пустили идти пѣшкомъ, но ольдерманъ возмущался и повторялъ все, что имъ нужно спѣшить, а то некому будетъ угощать нѣмцевъ.

Въ сторонѣ отъ проселочной дороги, въ лощинкѣ, укрывалась чухонская деревушка съ водяной мельницей. На пригоркѣ раскинулась рѣдкая дубовая рощица. Ближе къ мельницѣ, на ровномъ мѣстѣ подъ дубками, поставлено было два большихъ стола, которые Телепневъ запримѣтилъ издали.

Тотчасъ по прїѣздѣ всѣ отправились въ грязнѣйшую корчму около мельницы, гдѣ распорядители приготовили закуску.

Варцель успѣлъ уже нажаловаться Телепневу на бурсаковъ.

— Просто моченьки моей нѣтъ, говорилъ онъ, разставляя еодку, они только пьянствовали здѣсь, а я мечусь, какъ уго-рѣлый: ничего нѣтъ, накупили все безъ толку, срамъ да и только, а, впрочемъ, шутъ ихъ возьми совсѣмъ, пускай осрамятся передъ нѣмцами!

Не теряя времени, гостей пригласили на вольный воздухъ подъ дубки. Телепневу вмѣстѣ съ Варцелемъ пришлось разъ двадцать пробѣгать взадъ и впередъ отъ корчмы до столовъ, неся обѣими руками большія глиняныя плошки, наполненныя особымъ питьемъ въ родѣ сженки, которое всегда готовили на комершахъ для нѣмцевъ.

По концамъ столовъ посадили нѣмцевъ. Каждый изъ нихъ взялъ по рапирѣ. Предъ началомъ пѣсни оба президента вставали и хлопали рапирой о столъ.

Gaudeamus igitur пропѣта была прежде всего. Въ антрактахъ нѣмцы, въ своихъ цвѣтныхъ шапкахъ, сидѣли на предсѣдательскихъ мѣстахъ точно идолы какіе нибудь, руки фертомъ, и снисходительно посматривали на бурсаковъ.

Stosst an! D. ~~aus~~ leben

hurra, hoch!

Загудѣли бурши за обоими столами. Послѣ каждого куплета раздавался стукъ рапиръ и звонъ стакановъ. Пошло солидное пьянство. Пѣли и нѣмецкія и русскія пѣсни. Бурсаки, въ особенности Мандельштернъ и Лукусъ, продолжали заигрывать съ нѣмцами; но тѣ туго поддавались, и, наливая горло бурсацкой сженкой, прежде всего хлопотали о сохраненіи своего достоинства.

— Все таже панихида, шепнулъ Телепневъ Варцелю.

Они совсѣмъ почти не присаживались и состояли въ безконечной бѣготнѣ.

Около семи часовъ вечера выпили весь гезефъ, стоявшій на столахъ. Нѣмцы немножко зашумѣли и запѣвали даже пѣсенки скоромнаго содержанія.

На пригоркѣ, повыше того мѣста, гдѣ стояли столы, подъ деревьями, устроена была большая скамейка въ видѣ буквы П. Туда распорядители приглашали гостей и остальную братію.

— Landes-Vater будутъ пѣть, сказалъ Варцель Телепневу, надо бѣжать за кубками и рейнвейнгъ захватить.

Когда всѣ усѣлись на скамейкѣ, передъ ней стали четверо бурсаковъ жолтый, Мандельштернъ, Лукусъ и татуированный. У двоихъ были рапиры въ рукахъ, а у двоихъ кубки съ виномъ.

Они запѣли:

Шумъ и клики умолкайте,
Пѣснь да слышите мою.
Братья, русскіе, внимайте,
Пѣсню хоромъ повторяйте,
Пѣсню пѣсней я пою.

Потомъ они раздѣлились по двое и каждая пара приблизилась къ концу скамейки. Сидѣвшій на самомъ краю бурсакъ вставалъ. Ему пѣли:

Шапку ты коли клинкомъ,
Клятвой ты клянись святой,
Быть достойнымъ бурсакомъ.

Бурсакъ бралъ въ лѣвую руку рапиру, правой снималъ съ себя свою цвѣтную шапку и, прокалывая ее рапирой, пѣлъ:

Шапку я колю клинкомъ,
Клятвой я клянусь святой
Бы-ить до-о, быть досто-ойнымъ бурсакомъ.

потомъ выпивалъ изъ кубка.

Такъ церемоніймейстеры обошли весь кругъ и нѣмцамъ пѣли Landes Vater по нѣмецки.

Потомъ хоръ русскихъ бурсаковъ грянулъ:

Изъ страны, страны далекой,
Съ Волги-матушки широкой,
Ради сладкаго труда,
Ради вольности высокой,
Собралися мы сюда.

Звуки этой пѣсни подѣйствовали на Телепнева лучше чѣмъ все предыдущее. Она говорила, по крайней мѣрѣ, хоть о какойнибудь самостоятельности передъ нѣмцами. Даже Варцель воодушевился, и не смотря на свои всегдашнія воин-

ственные чувства противъ нѣмцевъ, распѣвалъ вмѣстѣ съ хоромъ:

Благодѣтельною силой
Съ нами нѣмцевъ подружило
Откровенное вино.
Шумно, пламенно и мило
Мы пируемъ за одно.

Послѣ Landes-Vater'a бурсаки разбрелись по рошѣ; а нѣмецкихъ шаржиртеровъ повели гулять, занимая ихъ пріятными разговорами. Въ рошѣ протекалъ ручей. На берегу его нѣмцы соблаговолили прилечь и Мандельштернъ, какъ *feiner Kerl*, предложилъ имъ сейчасъ же раставрацію.

— Фуксъ, скомандовалъ онъ Телепневу по нѣмцки, бѣги сейчасъ въ корчму и принеси оттуда коньякъ, сахаръ, воды и лимонъ.

— Зачѣмъ ихъ, несчастныхъ, такъ мучить, сказалъ важно одинъ изъ нѣмцевъ, указывая на Телепнева.

Телепнева ужасно взорвала эта покровительственная фраза чухонца. Если-бъ въ немъ было немножко побольше юношескаго задору онъ ни за что бы не пошелъ въ корчму за коньякомъ. Встрѣтивши Варцеля, онъ таки выругалъ всю бурсацкую братію. Запыхавшись, принесъ онъ реставрацію для нѣмцевъ и началъ имъ готовить грогъ. А они развалились по пригорку и разсуждали съ принципами корпораціи о тонкостяхъ комана.

Стемпло. Бурсаки поставили пустую бочку около столовъ, сажали на нее, по очередно, нѣмцевъ съ рапирой въ рукахъ и пѣли: *Fürst von Thoren*. Когда очередь дошла до татуированнаго—онъ былъ совсѣмъ готовъ и еле держался на бочкѣ. Пьянымъ, шепелявымъ голосомъ оралъ онъ:

Друзья, я царь весельчаковъ.
Чтобъ пить я избранъ вами;
Служите мнѣ вмѣсто рабовъ
Я властвую надъ вами.

И бурсаки, качаясь, отвѣчали, кто въ лѣсъ кто по дрова:

Мы къ вашей милости пришли...

— Ну, *gash, gash*, командовалъ ольдерманъ, выдѣлывая уже порядочно мыслете. Фуксъ, костеръ зажигай!

Миленькій помогъ Телепневу собрать въ кучу хворосту на площадкѣ около корчмы. Зажгли костеръ. Большое пламя начало вылизывать темноту огненными языками.

— Ну, фуксъ, крикнулъ жолтый, скачи, скачи черезъ костеръ!

Телепневъ такъ утомился, и такъ надоѣла ему вся эта возня что онъ радъ былъ провалиться даже, не то что скакать черезъ огонь.

— Боишься, фуксъ? спросилъ его покровительственно одинъ изъ нѣмцевъ.

— Боюсь, отвѣтилъ ему чуть не съ гримасой Телепневъ, и разбѣжавшись хватилъ черезъ костеръ. За нимъ Варцель, за Варцелемъ ольдерманъ, и вся братія. Даже нѣмецъ разобрала охота попрыгать козлами, и они пустились скакать.

Пока нѣмцы прыгали, Варцель съ Телепневымъ должны были бѣжать въ корчму и тамъ накрывать на столъ, откупоривать бутылки, намазывать бутерброды. Вся компанія привалила ужинать часамъ къ двѣнадцати, и послѣ ужина прображничала до утра. Весь гезефъ былъ выпить до капельки. Нѣмецъ понакатили, такъ что они со всѣми принципами начали лобызаться. Часовъ въ шесть утра они запросились домой, и ихъ посадили опять въ *Stuhlwagen*.

— *Vivat unsere Gäste?* крикнулъ Мандельштернъ и бросилъ въ воздухъ свою ландсманку.

За нимъ дернули и всѣ остальные бурсаки.

Когда шарабанъ скрылся, Лукусъ и Мандельштернъ, потирая себѣ руки, заговорили:

— Ну, эти кноты остались, кажется, довольны, напоили ихъ такъ, что до слѣдующаго комерша будутъ помнить. Небось не скажутъ, что Рутенія ударила себя носомъ въ грязь!

Телепневу такъ противно было это слышать, послѣ всѣхъ заигрываній съ нѣмцами, что онъ только плюнулъ и ушелъ бродить опять по рошѣ, не смотря на свою усталость. Бурсаки думали было продолжать пьянство, но напитоковъ не оказалось, а въ корчмѣ ничего нельзя было достать, кромѣ водки. Татуированный предложилъ пройти по водкѣ, но

остальная братія не согласилась, и рѣшила лучше, вернувшись въ городъ и выпавшись, задать хорошую реставрацію.

Какъ убитый спалъ Телепневъ въ чухонскомъ плавагенѣ, и когда выпался дома, то еще сильнѣе укрѣпился въ желаніи распроститься съ корпораціей.

XXVIII.

Приближалась вакація. Телепневъ рѣшилъ провести ее въ Д., не ѣхать домой. Ему хотѣлось, освободившись отъ бурсаковъ, засѣсть вплотную и теоретически подготовить себя для работъ въ слѣдующемъ семестрѣ. Послѣдніе дни мая стояла прекрасная погода. Свѣтлыя ночи манили его каждый день на Домъ. Тамъ онъ просиживалъ до того часу, когда весь академическій Д. погружался въ невозмутимую тишину. Нѣсколько разъ въ недѣлю нѣмцы пѣли на Домѣ хоровыя и квартетныя пѣсни. Слушая ихъ, Телепневъ обыкновенно говорилъ про себя:

„Вотъ они, хоть и кноты, а умѣютъ все-таки хоть что-нибудь извлечь покрасивѣе изъ своей бурсацкой жизни. Поютъ порядочно и во-время, среди хорошей обстановки; а наши?...“

И дальше онъ уже не продолжалъ размышленія о свойствахъ русскихъ бурсаковъ.

Разъ нѣмцы пѣли особенно складно, около руинъ. Телепневъ слушалъ ихъ и сидѣлъ на скамейкѣ у самаго спуска внизъ къ университету. Когда хоръ замолкъ, ему послышались сзади голоса, говорившіе по русски, на большой липовой аллеѣ, которая шла вдоль всего Дома. Онъ не обернулся, но началъ прислушиваться.

— Отчего-жъ ты думаешь, папан, говорилъ женскій, очень молодой голосъ, что нельзя подойти поближе къ студентамъ?

— Это неловко, мой другъ, отвѣчалъ слабый, нѣсколько картавый голосъ.

— Отчегожь неловко? Можно было бы понять слова.

— Зачѣмъ тебѣ эти слова?

— Какъ зачѣмъ, гораздо пріятнѣе, маман, понимать то, что поютъ.

Телепневъ оглянулся. На скамейкѣ, подъ липой сидѣли дама и дѣвочка, тѣ самыя, которыхъ онъ видѣлъ въ церкви. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, прислонившись о фанарный столбъ, стоялъ ливрейный лакей въ штиблетахъ. Дѣвочка на этотъ разъ была въ свѣтломъ бурнусѣ и соломенной круглой шляпѣ. Она сидѣла рядомъ съ матерью, откинувшись немного назадъ и оборотя голову въ ту сторону, гдѣ пѣли студенты.

— Вотъ, маман, мы здѣсь живемъ почти ужъ годъ, а нѣмцевъ совсѣмъ не знаемъ.

— Дитя мое, отвѣтила ей дама по французски, ты знаешь, что мы пріѣхали сюда для моего здоровья и для твоего воспитанія, стало быть зачѣмъ же намъ жить очень открыто.

— Ты меня не поняла, маман, я совсѣмъ не о томъ говорю, мнѣ не нужно, чтобы у насъ были гости, я говорю о томъ, что здѣсь вѣдь нѣмекій городъ, совсѣмъ не такой, какъ гдѣ мы жили, а мы живемъ какъ у себя въ Захаровѣ.

— Я не знаю, отвѣтила мать, что ты хочешь этимъ сказать, мой другъ.

А Телепневъ очень хорошо понималъ, чего желала дѣвочка, и съ большимъ любопытствомъ поглядѣлъ еще разъ на нее.

„Какой умный ребенокъ, подумалъ онъ. Она и теперь бойчѣе своей маменьки“

— Маман, мы сюда будемъ часто приходить, начала опять дѣвочка, я очень люблю, когда студенты поютъ. Маман, ты мнѣ даешь слово, что съ осени я начну учиться пѣть.

— Не рано ли, мой другъ.

— Почему же рано, душенька. У меня грудь крѣпкая. Я буду непременно пѣть нѣмецкіе квартеты. Мнѣ эта музыка очень нравится.

— Что же въ ней хорошаго, мой другъ.

— Да хорошо. маман. Вотъ съ тѣхъ поръ, какъ m-

Брейтфусъ началъ мнѣ здѣсь давать уроки, я занимаюсь съ большой охотой; сонаты играю, выговорила дѣвочка съ какой-то особенно серьезной интонаціей.

„Славная дѣвчурка“, подумалъ опять про себя Телепневъ.

— Пора домой, сказала дама усталымъ голосомъ по англійски.

— Нѣтъ, маман, душенька, посидимъ еще хоть съ полчаса. Здѣсь такъ хорошо. Мнѣ очень нравятся здѣшнія ночи. Свѣтло какъ днемъ. Дома, вѣдь я знаю, маман, ты меня сейчасъ уложишь спать, а мнѣ ей Богу не хочется.

Голосъ дѣвочки былъ, конечно, очень молодой, но не дѣтски пискливый, а низкій, контр-альтовый. Такъ что по голосу можно было ее принять за шестнадцати-лѣтнюю дѣвушку.

— Маман, ты сама не любишь гулять, такъ ты, душенька, оставайся дома. Я съ tante Nine могу ѣздить.

— Зачѣмъ же ее беспокоить, дитя мое, — она все нездорова.

— Ахъ полно, маман, какое же нездорова, просто ей скучно, маман, она хандритъ, отъ этого и нервы у ней являются.

— Полно, какъ тебѣ не стыдно...

— Я правду говорю, маманъ? А вотъ какъ будетъ ѣздить со мной и почаще гулять на Домъ—тогда пройдутъ всѣ ея нервы, повѣрь мнѣ, душенька.

„Дѣвчурка съ характерцомъ“, подумалъ Телепневъ.

Тонъ дѣвочки былъ необыкновенно самостоятеленъ. Она говорила съ матерью безъ тѣхъ дѣтскихъ ужимокъ, которыми обыкновенно *милыя* дѣти надуваютъ своихъ родителей.

— Я бы хотѣла, маман, совсѣмъ не такъ проводить день, какъ онъ у насъ проходитъ.

— А какъ же, мой другъ?

— У насъ ужасно иногда скучно бываетъ, маман, надо бы побольше разговоровъ, читать бы вмѣстѣ.

— Тебѣ еще не все можно читать, мой другъ.

— Да вѣдь ты мнѣ даешь же книги, маман, англійскія и другія; а что нельзя, то пропускать. Я вотъ тоже tante Nina говорю почти всякій день: отчего она со мной не играетъ

въ четыре руки; ужъ у ней - то много свободного времени.

„Ну, она скоро переростетъ свою маменьку и тетеньку“, думалъ Телепневъ, и еще разъ обернувшись, пристально взглянулъ на дѣвочку.

Его движеніе не укрылось отъ дамы, она встала, поправила свой бурнусъ и проговорила по англійскій:

— Пойдемъ же, дитя мое, ты слышишь — больше не поють, садъ совсѣмъ опустѣлъ.

Дѣвочка тоже поднялась.

— Ахъ, тапан, еще разокъ взгляну во всѣ стороны; отсюда такой славный видъ, а тамъ ты меня можешь вести.

Дѣвочка подбѣжала къ обрыву, и откинувъ свою головку, взглянула на право и на лѣво. Телепневъ сидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ нея за деревомъ.

— Не ходи дальше, крикнула ей дама, тутъ сидитъ кто-то.

Дѣвочка оглянулась и увидавши Телепнева очень спокойно и внимательно посмотрѣла на него.

— Это студентъ, сказала она возвращаясь къ матери, по англійски, — они вовсе не страшны; только онъ не похожъ на нѣмцевъ.

Дама повела ее по аллеѣ, а Телепневъ долго еще сидѣлъ на скамейкѣ и думалъ объ эѣмъ оригинальномъ ребенкѣ.

и

XXIX.

Бурсаки, передъ окончаніемъ семестра, собрали экстраординарную сходку. Повытянувши изъ Телепнева все, что имъ нужно было, корпораціонные принцыпалы измѣнили съ нимъ тонъ, сдѣлались гораздо суровѣе. На двухъ сходкахъ, которыя были послѣ комерша, они только фыркали, когда Телепневъ высказывалъ какое-нибудь мнѣніе, несогласное съ бурсацкимъ духомъ.

На послѣдней экстраординарной сходкѣ, сводили разные счета и толковали о томъ, какъ въ будущемъ семестрѣ справиться съ расходами. Рутенія должна была предсѣдательствовать, и на своей квартирѣ, каждую недѣлю устраивать угощенія для шаржиртенъ-конвента.

— Одно мы можемъ сказать, господа, заявилъ Телепневъ, что не только въ будущемъ, но и въ нынѣшнемъ семестрѣ у насъ совершенное банкротство.

Бурсакамъ эта фраза очень не понравилась.

— Во первыхъ, продолжалъ онъ, изъ счетовъ видно, что за многими ландсманами большая недоимка. И кромѣ обыкновенныхъ расходовъ на попойки, вышло много денегъ еще куда-то, неизвѣстно на что...

Бурсаки переглянулись между собою многозначительно. Луксъ и растерзанный филистръ почему-то сконфузились.

— Ты слишкомъ арогантъ, возразилъ Мандельштернъ. Эти деньги мы пуфировали.

Произошла пауза.

— Кому же вы пуфировали?

— Если ты такъ желаешь знать...

— Я думаю, господа, что это не должно быть секретомъ на сходкѣ. Вы повѣрите, надѣюсь, что я хлопочу не о себѣ самомъ. Вы видите, что многимъ изъ нашихъ ландсмановъ въ тягость платить процентъ. Стало быть, какимъ же образомъ при подобныхъ обстоятельствахъ можетъ корпорація пуфировать, и кому, спрашиваю я?

— Корпорація, отвѣтилъ Мандельштернъ, пуфнула двумъ нашимъ филистрамъ.

— На какой же срокъ?

— Нельзя ли насъ избавить отъ этикихъ вопросовъ, вскричалъ вдругъ растерзанный, поднимаясь съ своего мѣста.

— Фуксъ желаетъ задать тону, проговорилъ съ ѣдкой улыбкой Луксъ.

— Вы напрасно горячитесь, господа, здѣсь я не Фуксъ, а такой же ландсманъ, какъ и вы; на сходкѣ всѣ равны. Я имѣю полное право, какъ и другіе ландсманы, знать, на что употребляются деньги корпораціи.

— Ты слышалъ, рѣзко отвѣтилъ ему Луксъ, что ихъ

корпорация пухнула намъ. Чтоже ты имѣешь противъ этого?

— Я желалъ узнать, на какой срокъ сдѣланъ этотъ заемъ. Корпорация такъ нуждается; въ будущемъ семестрѣ ей предстоятъ такіе экстренные расходы, что она не въ состояніи давать деньги и не знаетъ когда она ихъ получить назадъ.

Лукусъ поблѣднѣлъ и опустилъ глаза.

— Объ этомъ нечего говорить, отрѣзалъ Мандельштернъ. Эти деньги корпорация можетъ считать въ числѣ своихъ расходовъ.

— Въ такомъ случаѣ, господа, я ничего больше не скажу. Я никого не желаю задѣвать, но мнѣ кажутся очень странными подобныя распоряженія. Мы въ корпорации не выписываемъ ни одного журнала, копѣйки не истратили на дѣло, а считаемъ почему-то обязанностію поддерживать людей, которые, право, могли-бы давнымъ давно оставить Д.

Впечатлѣніе словъ Телепнева выходило изъ ряда всего того, что бурсаки испытывали на сходкахъ. Произошла значительная пауза. Варцель вскочилъ и устремилъ глаза на Телепнева. Онъ ужасно за него испугался. Шаржиртеры насупились, нервное лицо Лукуса все передернулось.

— Я нахожу твои замѣчанія неумѣстными, проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ. Ты считаешь насъ unphonetic?

— Нисколько, я высказалъ только свое мнѣніе.

— И ты не берешь его назадъ?

— Не думаю брать.

— Мы поговоримъ объ этомъ завтра, заключилъ Лукусъ, послѣ чего настало опять продолжительное молчаніе.

Сходка скоро разошлась. Было это въ квартирѣ Телепнева. У него, разумѣется, остался Варцель и тотчасъ же заохалъ.

— Ахъ, дружище, что тебѣ за охота была ввязываться съ этими скотами. Говорилъ я тебѣ тысячу разъ, что добра съ ними не наживешь. Вотъ теперь шкандалъ сорвалъ.

— Такъ чтожъ такое, миленькій, надоѣли они мнѣ хуже горькой рѣдьки. Надо чѣмъ нибудь покончить.

— Да вѣдь вотъ я же ничего не говорю на сходкахъ. Шутъ ихъ возьми совсѣмъ, пускай дѣлаютъ что хотятъ.

— Это не резонъ, миленькій. Коли толкуютъ о расходахъ, такъ надо же знать куда идутъ деньги.

— Знаю что надо, да вѣдь они разбойники!

— Ты самъ-же мнѣ не разъ толковалъ о томъ, что филлисты объѣдаютъ корпорацію, пенсію отъ нея получаютъ на пьянство безпробудное. Нужно же было имъ показать, что они ведутъ себя скверно.

— Вотъ теперь поди и показывай. Лукусъ-то, братъ, только и дѣла дѣлалъ у себя запершись, что въ цѣль стрѣлялъ. Съ нимъ вѣдь нужно выходить-то на пистолетахъ, дѣло табакъ!

— Я никакого желанія не имѣю драться. Коли въ немъ есть какая нибудь порядочность, онъ самъ долженъ замять это дѣло.

— Держи карманъ; ты, я посмотрю, совсѣмъ не знаешь бурсаковъ. Онъ потому теперь и будетъ лѣзть на шкандалъ, что у него рыльце въ пуху. Это одно, а потомъ, развѣ онъ стерпитъ, чтобы ему, первому лицу въ корпораціи, напѣлъ такъ фуксъ? Если онъ стерпитъ, такъ ему не будетъ никакого респекта отъ бурсаковъ.

— Будетъ лѣзть на шкандалъ—выдемъ.

— Да выходить-то какъ. Вѣдь это, братъ, не на веретеньяхъ, тутъ голову подставляй. На бурсацкихъ шкандалахъ—вытащать на мензуру—ничего не значить, а на пистолетахъ вай, вай. Ты поди стрѣлять-то не умѣешь?

— Немножко маракую.

— Эдакій пехъ, закрихтѣлъ Варцель, надо-бы намъ съ тобой, Телепневъ, выступить изъ этой поганой корпораціи въ началѣ мая, до комерша.

— Да полно малодушествовать, миленькій, ты ужъ меня заранее отпѣваешь. Вотъ посмотримъ, что будетъ завтра; а если безъ дуэли не обойдется, пострѣляю нѣсколько дней въ цѣль и набью руку. Сразу, здѣсь, у бурсаковъ ничего не дѣлается; въ одинъ день не вытянуть на мензуру.

Варцель отправился къ Якову излить свое горе и такъ его напугалъ, что угрюмый служитель чуть не запылъ, не смотря на то, что отличался трезвостію нравовъ.

XXX.

Предсказанія Варцеля сбылись. Лукусъ прислалъ съ вызовомъ все того-же неизмѣннаго секунданта Мандельштерна. Телепневъ обошелся съ нимъ очень мягко и сказалъ, что онъ ни коимъ образомъ не желаетъ заводить ссоры, и позволилъ себѣ только такія замѣчанія, на которыя имѣлъ право какъ членъ сходки.

— Лукусъ считаетъ себя оскорбленнымъ, важно отвѣтилъ ему Мандельштернъ, и не приметъ отъ тебя никакихъ объясненій, кромѣ извиненія.

— Мнѣ извиняться не въ чемъ.

— Въ такомъ случаѣ онъ требуетъ отъ тебя удовлетворенія.

— Прекрасно, отвѣтилъ Телепневъ, о подробностяхъ ты переговоришь съ моимъ секундантомъ, Варцелемъ.

Мандельштернъ удалился; а Варцель долго толковалъ съ Телепневымъ и умаливалъ его все о томъ, чтобы продлить какъ нибудь переговоры.

Переговоры, дѣйствительно, позатынулись, но секунданты рѣшили наконецъ, что шкандалъ будетъ происходить черезъ недѣлю, въ двухъ верстахъ отъ Д., по Петербургской дорогѣ, около березовой рощицы. Условія были: тридцать шаговъ, на двѣ пули, съ барьеромъ въ пятнадцать шаговъ.

Варцель каждое утро будилъ Телепнева чуть не съ пѣтухами и тащилъ его за городъ стрѣлять. Телепневъ стрѣлялъ сносно, но добродушный его секундантъ все плакалъ и находилъ, что съ такимъ умѣньемъ нельзя становиться на мензуру. Телепневъ совсѣмъ не волновался ожиданіемъ дуэли; но наканунѣ, оставшись вечеромъ одинъ, онъ задумался. На этотъ разъ дѣло было посерьезнѣе. Смертельный исходъ представлялся очень возможнымъ. „Кто знаетъ, подумалъ Телепневъ, можетъ быть дѣло скверно кончится.“

Онъ сѣлъ къ столу и написалъ опекуну своему слѣдующее:

„Дорогой мой Ѳеодоръ Петровичъ.

„Когда вы получите это письмо, меня уже въ живыхъ не будетъ; пожалѣйте, что я такъ глупо кончилъ жизнь на глупой студентской дуэли. Благодарю васъ за все ваше добро и всѣмъ сердцемъ сокрушаюсь о томъ, что не могу въ настоящую минуту проститься съ вами. Мои желанія состоятъ въ слѣдующемъ: имѣніе мое пускай идетъ въ родъ; я знаю, что у меня есть какіе-то дальніе родственники. Денежный капиталъ я хочу обратить въ стипендію для двухъ бѣдныхъ студентовъ. На это можетъ быть употреблена половина его. Остальную половину передайте отъ меня Абласову и Горшкову. Мироновну и Якова прошу васъ обезпечить пожизненно. Прощайте, безцѣнный другъ мой, и вѣрьте, что я уношу о васъ самую свѣтлую память.“

Въ постскриптумѣ, Телепневъ прибавилъ, что одну стипендію онъ желаетъ учредить въ К., а другую въ Д. Въ Д. она должна быть сейчасъ-же предоставлена студенту Варцелю до окончанія имъ курса, съ уплатой за него той суммы, которую онъ долженъ за годъ казніѣ. А послѣ Варцеля стипендія должна быть выдаваема одному изъ русскихъ студентовъ, штудирующихъ въ Д.

Послѣ этого Телепневъ написалъ два письма къ Абласову и Горшкову, гдѣ просилъ ихъ исполнить его предсмертную просьбу: принять въ память ихъ старой дружбы небольшой капиталъ, который-бы помогъ имъ, первое время, проложить себѣ честную дорогу въ жизни. Спалъ Телепневъ спокойно. Но за то Яковъ весь измучился за него, то и дѣло просыпался и выскакивалъ изъ своей коморки, боясь видно проспать то время, когда барина поведутъ на разстрѣліаніе.

Варцель разбудилъ Телепнева въ шестомъ часу

— Смотри, миленькій, сказалъ ему Телепневъ, если меня убьютъ, то я прошу тебя отправиться вмѣстѣ съ Яковымъ на мой счетъ въ Н., гдѣ живетъ мой опекунъ, и передать ему вотъ этотъ пакетъ, гдѣ я написалъ всѣ мои желанія.

— Все что прикажешь, дружище. Я, братъ, малый простой, ужъ коли привяжусь къ комунибудь, такъ не на однихъ словахъ.

— А сильно ты за меня трусишь?

— Да шутъ ихъ знаетъ, прости Господи. Ты вотъ что сдѣлай, Телепневъ: затянись ты ремнемъ широкимъ покрѣпче, вотъ я тебѣ принесу, и засуну ты за ремень большой ключъ.

— Къ чему все это?

— Да ужъ ты слушайся меня, а не умничай. Иной разъ пуля въ самый поясъ попадаетъ; а тутъ отскочить.

— Этимъ не спасешься.

— Не умничай, говорятъ тебѣ, ради Бога. И вотъ, что я тебѣ еще скажу: тебѣ первому стрѣлять; ты вызванъ, ну, такъ ты вотъ стой такъ бокомъ, и локоть парируй пистолетомъ, и коли хочешь хватить въ него хорошенько, такъ цѣлься выше, рука непременно опустится.

— Да я выстрѣлю на воздухъ, не имѣю ни малѣйшаго желанія убить Лукаса.

— А ты больше великодушничай. Ты выстрѣлишь на воздухъ, а ужъ онъ закатитъ тебѣ; отъ этихъ бурсаковъ ты пощады не жди. По крайности въ руку ему хорошенько угоди, чтобъ его обезоружить.

— Ну, миленькій, объ этомъ что толковать. Что будетъ, то и будетъ. Скверно кончится, тогда прощай, спасибо тебѣ за твою дружбу. Исполни мою просьбу. Кончится хорошо, тогда выступимъ изъ корпораціи, будемъ жить да поживать и готовиться изъ химіи.

Барцель наканунѣ бѣгалъ въ клинику и пригласилъ фликеромъ хирургическаго ассистента.

— Тутъ дѣло не шуточнымъ пахнетъ, говорилъ онъ, бурсака не пригласишь, бурсакъ хорошенько не умѣетъ взять ланцета въ руки.

Ровно въ шесть часовъ вышли они изъ дому. Яковъ также попросился у барина и, держась въ почтительномъ отдаленіи, слѣдовалъ за господами въ ужасномъ страхѣ. Миленькій, въ короткой черной мантилькѣ, выступалъ своими длинными ногами, не сгибая колѣнъ. Подъ мышкой онъ пряталъ ящикъ съ пистолетами. Глухимъ переулкомъ вышли они на окраину города. Телепневъ всю дорогу молчалъ. На этотъ разъ въ сердцѣ его горячо отозвались всѣ умершія и живыя привязанности. Ему не хотѣлось умирать. Онъ только-что началъ новое трудовое и сознательное существованіе. Пульсъ жизни

билъ въ немъ сильно и звонко, грудь дышала чистымъ весеннимъ воздухомъ. Все звало къ труду и наслажденію. Проходя по тропинкѣ у забора, онъ всматривался въ траву и притаптывая ее ногой, спрашивалъ про себя:

— Увижу-ли я эту травку?

— Телепневъ! крикнулъ ему Варцель, шедшій позади.

— Что?

— Надо бы тебѣ поѣсть.

— Зачѣмъ?

— Отощашь, братецъ, а это не годится.

Телепневъ усмѣхнулся.

Они вышли на большую дорогу. Утро стояло яркое и прохладное. Варцель поровнялся съ Телепневымъ и зашагалъ съ нимъ рядомъ.

— Я ужъ, братъ, Телепневъ, поставлю тебя какъ слѣдуетъ къ дереву, надобно такъ стать, чтобы не противъ солнца.

Телепневъ задумался и ничего не слышалъ, что ему говорилъ миленькій. Жутко у него было на сердцѣ. Безпричинность возможной смерти особенно его подавляла, а не драться нельзя было.

„Неужели же, думалъ онъ, все что я пережилъ, все это вело только къ бурсацкому шкандалу? Видно такъ и нужно; видно затѣмъ и умерли: отецъ, Софья Николаевна, Маша, что бы мнѣ не за что было больше ухватиться въ жизни.“

— А ты воткнулъ ли ключъ-то въ поясъ?

— Чего? воскликнулъ Телепневъ.

— Я вѣдь тебя просилъ, братецъ, воткни ты ключъ въ кушакъ.

— Полно, миленькій.

— Я вотъ спосылаю Якова назадъ.

— Не надо, что за вздоръ такой.

Они начали пробираться по пашнѣ, забирая вправо отъ большой дороги. Ступая по комьямъ вспаханной земли, Телепневъ незамѣтно все замедлялъ шагъ. Его какъ-то скоро прошибла испарина, онъ разстегнулъ жилетъ и отеръ лицо платкомъ. Начало немножко припекать, пахло свѣжей травой и полынью. Телепневъ сорвалъ по дорогѣ стебелекъ придорожника и помахивалъ имъ. А въ голову лѣзли все невеселыя думы. Да это бы еще ничего; а то сердце точно

кто сосалъ. Вся молодость прилиwała въ эти минуты къ молодой груди. Телепневъ шелъ почти какъ на казнь. Ни раздраженіе, ни месть, ни оскорбленное самолюбіе, ничто не говорило въ немъ, не возбуждало его нервной системы.

Межа кончилась. Они вышли на проселочную дорогу, которая вела къ той самой березовой рощицѣ, гдѣ выбрано было мѣсто для дуэли. Они явились первые. Варцель былъ очень доволенъ. Яковъ съ совершенно убитой физиономіей стоялъ неподвижно и точно боялся взглянуть куда нибудь въ сторону.

— Ну, вотъ и прекрасно, говорилъ Варцель, пускай же они раскусятъ, мы не бойсь первые пришли. Ты ихъ не знаешь, братецъ. Вѣдь они сейчасъ трусомъ, подлецомъ обзовутъ, а вотъ на-же, поди, мы имъ и ткнемъ въ носъ-то.

Онъ зашагалъ по опушкѣ рощицы.

— Вотъ, братецъ, мѣстечко самое удобное, смотри вотъ между этими двумя березками. Яковъ, поддержи-ка ящикъ.

Служитель, не поднимая головы, торопливо приблизился и съ трепетомъ взялъ въ руки пистолетный ящикъ.

— Вотъ только нужно отсчитать будетъ ли тутъ тридцать шаговъ. Какъ разъ, братъ, тридцать два шага. Я шаги-то по-хозяйственнѣе клалъ, оно эдакъ-то лучше будетъ. Да что ты раскись, взгляни, братъ, сюда, вѣдь не меня на мездзу потащатъ, а тебя!

Телепневъ стоялъ въ какой-то безпомощной позѣ и только послѣдняя фраза Варцеля вывела его изъ раздумья. Онъ взглянулъ на добродушнаго нѣмца и не могъ не улыбнуться: миленькій, въ своей коротенькой мантилкѣ, съ подпрыгиваньемъ шагалъ между двумя деревьями и весь былъ поглощенъ своимъ дѣломъ. Онъ, который такъ убивался за Телепнева два дня передъ тѣмъ, теперь точно приготовлялся къ какому нибудь празднику.

— Хорошо! крикнулъ онъ. Вотъ ты стань у этого дерева и цѣль ты, братецъ, вонъ на этотъ сучокъ; его голова какъ разъ подойдетъ, рука опустится и попадешь въ плечо или грудь....

Послѣ измѣренія пространства нечего было больше дѣлать, а противники не являлись. Варцель разостлалъ свою мантилку

и легъ въ тѣнь. Телепневъ все ходилъ взадъ и впередъ и усиленно молчалъ.

— Лягъ сюда, Телепневъ, что ты, братецъ, какъ маятникъ шагаешь. Тебѣ успокоиться нужно, а то рука будетъ трястись. И такъ двѣ версты прошли, не шуточное дѣло

Телепневъ прилегъ возлѣ Варцеля.

— Ты, братъ, не очень смущайся, тутъ старуха на двое сказала. Лукусъ хотъ и упражнялся въ стрѣльбѣ больше твоего, да вчера у нихъ пьянство было, онъ съ перепоею-то въ точку не попадетъ, рука будетъ ходить.

— Странно мы съ тобой встрѣтились, заговорилъ Телепневъ.

— А что?

— Да такъ какъ-то; вся эта бурсадская обстановка.. Тебѣ бы совсѣмъ не здѣсь быть, а гдѣ бы нибудь въ К., вотъ бы мы тамъ съ тобой сошлись, и навѣрно бы не сталъ ты отмѣривать мнѣ шаги.

— Да ужъ это, братъ, въ первый и послѣдній. Выступишь изъ корпораціи, такъ не съ кѣмъ будетъ и срывать. И разлюбезное дѣло.

— Въ первый и послѣдній, повторилъ съ разстановкою Телепневъ.

— Да что ты, полно, не раскисай, говорю тебѣ, а то какъ разъ промахнешься.

— Нѣтъ, миленькій, я не раскисаю; а не хочется мнѣ страшно такъ кончать жизнь. Будь это годъ, полгода тому назадъ, ну куда ни шло, тогда я хандрилъ, тогда впереди у меня ничего не было, чувствовалъ я страшную пустоту, жилъ глупо и безалаберно; а теперь, теперь мнѣ хочется жить со смысломъ, хорошенько поработать, теперь я только начинаю сознавать что такое—настоящее дѣло, и вдругъ,—эта нелѣпая дуэль!...

— Вотъ отъ этого-то въ тебя пуля и не угодить, что тебѣ хочется такъ жить. Вѣрь ты моему слову. А безъ этого бы и на свѣтѣ нельзя было маяться.

Телепневъ усмѣхнулся и легъ навзничъ, заложивши руки за голову. Надъ нимъ трепетали свѣжіе листики березы, радостно переливаясь на солнышъ своимъ нетронутымъ весеннимъ

пвѣтомъ. Тонкій горьковатый духъ шелъ отъ дерева, букашка ползла по бѣлому стволу. Телепневъ смахнулъ ее вѣткой, которую все еще держалъ въ рукахъ, и сталъ разсматривать черныя крапинки на ея красныхъ жесткихъ крыльяхъ.

— Катятъ! вскрикнулъ Варцель.

Телепневъ встрепенулся. Слѣва, съ большой дороги завидѣлось облако пыли.

— Эхъ, дурачье-то фурмана взяли, чтобъ легче было педелямъ абфасировать. Яковъ!

Служитель подбѣжалъ.

— Посмотри-ко, братъ, что это такое: чухна что-ли ползеть, али дрожки ѣдутъ?

Яковъ затрусилъ на дорогу и полakeйски воззрился въ ту сторону, гдѣ клубилась пыль.

— Дрожки-съ, доложилъ онъ.

— Они, значить, валять, а фликера все еще нѣтъ. Эхъ, нѣмчура, говорилъ я ему—въ шестомъ часу. Ну, вставай, братъ Телепневъ, надо встрѣчать гостей.

Телепневъ поднялся вслѣдъ за Варцелемъ и застегнулъ жилетъ. Нѣсколько судорожно началъ онъ обрывать листики на стебелькѣ придорожника. Варцель снялъ свою мантильку и повѣсилъ на березу.

XXXI.

Дрожки остановились на дорогѣ, въ полуверстѣ отъ того мѣста, гдѣ стояли Телепневъ съ Варцелемъ. Лукусъ съ Мандельштерномъ шли неторопливымъ шагомъ и о чемъ-то между собою разсуждали. Варцель опять засуетился, подошолъ къ Якову, взялъ у него ящикъ, вынулъ оттуда пистолеты и началъ ихъ повертывать. потомъ опять положилъ, заперъ ящикъ и поставилъ его на траву.

Встрѣтивши бурсаковъ, онъ отвелъ сейчасъ же въ сторону Мандельштерна и началъ съ нимъ толковать, размахивая руками. Телепневъ издали поклонился Лукусу, но

остался на мѣстѣ. Ему показалось, что лицо Лукуса было блѣдно. Воспаленные глаза и красныя губы говорили о вчерашней попойкѣ.

“У него будетъ трястись рука“, подумалъ онъ.

Мандельштернъ, переговоривши съ Варцелемъ, привѣтствовалъ Телепнева очень пріятной улыбкой и прошолся даже на счетъ красоты природы. Телепневъ, ничего не отвѣчая, только кивнулъ головой.

— А фликера нѣтъ! вскричалъ миленькій. Эдакая нѣмчура, вѣдь толковалъ ему какъ и что, и въ которомъ часу.

— Идутъ-съ, доложилъ Яковъ.

По полю, дѣйствительно, шагала долговязая фигура нѣмца, въ бѣломъ парусинномъ пальто. Лукусъ поглядѣлъ въ его сторону и вздрогнулъ. Телепневъ зашелъ за дерево и, схватившись за сучокъ, началъ качаться на одной ногѣ. Въ эту минуту онъ ни о чемъ не думалъ. Ему хотѣлось только достать губами послѣдній листикъ березы на одной изъ вѣтокъ.

Наконецъ фликеръ явился на поле брани. Это былъ высочайшій, сухой, горбоносый нѣмецъ, весь въ бѣломъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ бештекъ съ инструментами. Секунданты начали отмѣривать шаги. Мѣсто для барьера обозначили толстымъ, сухимъ сучкомъ. Потомъ минутъ десять прошло на заряживанье пистолетовъ. Лукусъ толковалъ по-нѣмецки съ фликеромъ, а Телепневъ все продолжалъ качаться.

— Ну, становись, братъ, въ позицію, вдругъ заговорилъ надъ его ухомъ Варцель.

— Давай, почти вскрикнулъ Телепневъ, и выпрямившись, протянулъ руку

Варцель подаль ему пистолетъ. На Телепневѣ была сѣренькая визитка. На Лукусѣ черный сюртукъ. Варцель поставилъ Телепнева къ дереву въ полъ-оборота.

— Локоть-то, локоть-то защищай. Вотъ такъ.

— Прощай, братъ, Варцель, тихо сказалъ Телепневъ. Взявши пистолетъ въ лѣвую руку, онъ подаль Варцелю правую и крѣпко пожалъ.

— Ничего не будетъ, я тебѣ говорю. Бурсаки пьянство.

вали. Онъ сегодня опохмѣлиться не успѣлъ, такъ у него руки ходуномъ ходять.

Мандельштернъ устанавливалъ также своего пауканта. Филистръ, дѣйствительно, былъ съ похмѣлья, но онъ и съ утра заложилъ. Блѣдное его лицо нѣтъ-нѣтъ да подергивало; онъ силился улыбнуться, да все какъ-то неудачно. Онъ обмѣнивался съ Мандельштерномъ бурсацкими остротами, но голосъ его звучалъ глухо.

— Такъ съ третьяго разу стрѣлять? спросилъ Варцель подходя къ Мандельштерну.

— Да, протянулъ іерусалимскій буршъ.

— Ну, станови своего пауканта въ позицію.

Секунданты отошли въ сторону, и стали по срединѣ, прямо противъ барьера.

— Послѣ третьяго раза стрѣлай, Телепневъ, крикнулъ Варцель. Готовьсь!

Телепневъ подобрался. Онъ взглянулъ на фигуру филистра, и она ему показалась очень жалкой, не смотря на то, что Лукусъ имѣлъ возбужденное, даже злое лицо. Онъ сейчасъ понялъ, что противникъ его волнуется гораздо больше его, но это его не разсердило, а скорѣй обезоружило. Онъ рѣшился не цѣлить.

— Разъ, крикнулъ Варцель.

Телепневъ намѣтился въ сучокъ.

— Два, крикнулъ Мандельштернъ.

— Три!

Раздался залпъ, филистръ весь скорчился и опустилъ голову.

— Бога ты не боишься, заговорилъ Варцель, подбѣгая къ Телепневу, что ты ихъ великодушiемъ хочешь пронять что-ли?

— Не попалъ, кротко отвѣтилъ Телепневъ.

— Врешь, я видѣлъ какъ ты въ сучокъ мѣтился!

Мандельштернъ, подошедши къ Лукусу, о чемъ-то съ нимъ перешептался.

Настала для Телепнева самая жуткая минута. Волненiе въ немъ прошло, сердце точно совсѣмъ перестало биться, въ горлѣ онъ чувствовалъ какой-то клубокъ, но ни блѣдности, ни красноты не появлялось на щекахъ его.

— Разъ, крикнулъ Мандельштернъ.

Телепневъ на одну секунду закрылъ глаза. Нѣсколько образовъ промелькнуло передъ нимъ. Въ одной быстрой картинѣ онъ вспомнилъ, какъ Мироновна, когда ему было семь лѣтъ, пошла съ нимъ гулять, и подъ воротами башни противъ гимназiи купила ему груши на мѣдный пятакъ.

Онъ не слыхалъ двухъ слѣдующихъ сигналовъ. вмѣстѣ съ залпомъ почувствовалъ онъ тупую боль въ лѣвомъ бедрѣ. У него немножко свело лѣвую ногу и онъ опустился на колѣно. Секунданты и фликеръ подбѣжали.

— Раненъ! вскричалъ Варцель, блѣдный какъ полотно.

— Ничего, отвѣтилъ, какъ только могъ спокойно, Телепневъ.

Фликеръ, осмотрѣвъ рану, что-то такое промычалъ.

— Пуля сидитъ? спрашивалъ его Варцель.

Нѣмецъ только покрутилъ носомъ.

— Желаетъ ты покончить шкандалъ? важно проговорилъ Мандельштернъ.

— Нѣтъ, вскричалъ вдругъ Варцель, если ты можешь, Телепневъ, стоять на ногахъ, такъ я прошу тебя, братецъ, — стрѣлай. Это ни на что не похоже!

— Что такое? оборвалъ его Мандельштернъ.

— Да ужъ я знаю что, горячился Варцель, стрѣлай, говорю тебѣ, ты имѣешь право выйти на барьеръ на пятнадцать шаговъ; если ты не хочешь, такъ я за тебя стану

— Я могу, заговорилъ ровнымъ голосомъ Телепневъ, только зачѣмъ же на барьеръ, хорошо и отсюда.

— Имѣешь право на барьеръ, изъ за чего же тутъ нѣжничать, изъ за того, чтобы тебѣ голову раскрыли?

— Но мой паукантъ не будетъ ничего имѣть... началъ было Мандельштернъ.

— Знать я не хочу, что твой паукантъ. Эту дуэль такъ кончить нельзя. Коли одинъ стрѣляетъ на воздухъ, такъ другой ему не цѣлить въ лобъ. Вотъ что!

Мандельштернъ только пожалъ плечами и наморщилъ брови.

Телепневъ приподнялся и глубоко вздохнулъ всей грудью. Радостное чувство жизни вдругъ охватило его. Онъ энерги-

чески взялъ пистолетъ и, ничѣмъ не смущаясь, сталъ прицѣливаться. Фликеръ скрылся въ кусты и теребилъ тамъ корпю. Раздалась команда. На этотъ разъ Телепневъ, подчиняясь какому-то невольному раздраженію, твердо навелъ пистолетъ на грудь филистра. Онъ почувствовалъ, что лицо его горѣло, а глазъ такъ и устремлялся въ одну опредѣленную точку

Пафъ!

Облачко дыма разсѣялось. Филистръ упалъ. Фликеръ выскочилъ изъ-за кустовъ съ корпией въ рукахъ, а Телепневъ все стоялъ на мѣстѣ, опустивши пистолетъ.

„Неужели убить?“ вдругъ промелькнуло у него въ головѣ. Онъ скорыми шагами подошелъ къ противнику, около котораго хлопотали секунданты и фликеръ. Даже Яковъ подбѣжалъ. Онъ до такой степени испугался въ началѣ дуэли, что остоленѣлъ на мѣстѣ, когда филистръ цѣдилъ въ Телепнева и выстрѣлилъ въ него.

Пуля сидѣла въ правомъ плечѣ. Съ филистромъ сдѣлался обморокъ. Фликеръ совалъ ему въ носъ пузырекъ, а секунданты поддерживали голову. Когда онъ очнулся, Телепневъ стоялъ надъ нимъ и протянулъ ему руку. Лукусъ хотѣлъ улыбнуться, но сморщился отъ боли. Онъ однако пожалъ руку Телепневу и хриплымъ голосомъ проговорилъ:

— Das kommt zuweilen im academischen Leben.

Горбоносый фликеръ кисло усмѣхнулся и началъ перевязывать рану.

— Ты какъ? спросилъ Варцель Телепнева.

— Ничего; двигать ногой можно, а кажется сидить.

Въ эту минуту Телепневъ отъ возбужденія не чувствовалъ боли. Онъ оглянулся кругомъ, какъ бы желая увѣрить себя, что онъ дѣйствительно живъ.

Надо было и ему перевязать рану. Вся возня заняла съ полчаса. Потомъ обоихъ противниковъ посадили на широкія фурманскія дрожки. Варцель сѣлъ на козла, и всю дорогу чуть не прыгалъ, глядя на Телепнева и убѣждаясь, что онъ живъ и вовсе не опасно раненъ.

XXXII.

Опять пришлось Телепневу залечь. Пуля дня через два вышла. Филистръ заболѣлъ довольно опасно и бурсаки вознегодовали на Фукса, коментируя дуэль совсѣмъ не такъ, какъ она происходила. Никто къ нему не заходилъ, за то Варцель совсѣмъ переселился и по цѣлымъ часамъ читалъ ему вслухъ.

Въ городѣ опустѣло. Студенты разъѣхались. Начались сильные жары. Телепневу было очень томительно лежать въ душной комнатѣ, и онъ точно воскресъ, когда въ первый разъ позволили ему выйти на улицу.

Онъ тотчасъ же отправился къ Лукусу и нашелъ его въ кровати. Лукусъ принялъ своего юнаго противника довольно привѣтливо, но бывшіе тутъ бурсаки, жолтый шаржиртеръ и ольдерманъ, почти ни слова не сказали съ Телепневымъ.

— Провалиюсь еще долго, пожалуй всѣ феріи, проговорилъ филистръ съ улыбкой. Ты ѣдешь домой?

— Не стоитъ, вакаціи небольшія.

— Куда нибудь на ландъ отправишься?

— Да, по близости, много времени прошло за даромъ, такъ надо кое изъ чего подчитать.

Слыша такія ученыя рѣчи, бурсаки язвительно усмѣхнулись.

„Ну, друзья мои, подумалъ Телепневъ, возвращаясь домой, довольно я съ вами поигралъ; гадостей, кажется, никакихъ не говорилъ и не дѣлалъ вамъ, а вы все-таки на меня сентябрь смотрите.“

— Ну, миленькій, рѣшилъ онъ въ тотъ же день, сидя съ Варцелемъ на крылечкѣ, отправляйся-ка ты завтра къ принципаламъ и объяви имъ, чтобы съ меня всѣ доспѣхи сняли.

— Вали на протопопа, разлюбезное, братъ, дѣло.

— Не имѣю ни малѣйшаго желанія тянуть дурацкую лямку. А вотъ мы съ тобой на дняхъ пере беремся на озеро и будемъ себѣ жить пейзанами.

— Лихо, братъ. Я уже заодно и о себѣ объявлю. Имъ

хорошо пьянствовать да по десяти лѣтъ въ филистрахъ сидѣть, а я казенный, съ меня экзаменъ сейчасъ-же требуютъ. Да и надоѣли же они мнѣ—моченьки моей нѣтъ.

Бурсаки очень изумились выступленію Телепнева изъ корпорации. Они были убѣждены, что раннее дарованіе Телепневу цвѣтовъ непременно привяжетъ его. Филистръ по этому случаю сдѣлалъ шаржиртерамъ внушеніе, что они не такъ себя вели съ Телепневымъ и раздражили его своимъ хмурымъ видомъ за дуэль, гдѣ онъ себя велъ какъ нужно буршу. Всего больше выступленію барина обрадовался Яковъ, и даже позволилъ себѣ отпроситься у него на гулянку за городъ, „въ зеленъ“, по выраженію туземныхъ русскихъ.

Наканунъ переселенія своего въ деревню, Телепневъ съ Варцелемъ сидѣли опять на крылечкѣ и толковали о приготвленіяхъ своихъ къ послѣднему шкандалу

— Вотъ, братъ, письмо то у меня, сказалъ Телепневъ, вынимая изъ кармана пакетъ. Собрался тогда совсѣмъ умирать.

Онъ распечаталъ пакетъ и посмѣиваясь началъ читать письма къ опекуну и пріятелямъ своимъ.

— Я вѣдь тебѣ говорилъ, что не зацѣпитъ тебя пуля какъ слѣдуетъ. Хотѣлось жить—и остался въ живыхъ.

— Да кому же, миленькій, не хочется жить?

— Бурсакамъ не хочется. Они всякій вкусъ въ жизни потеряли.

— Да ужь оставь ихъ въ покоѣ....

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, можно ли гаже обойтись, какъ они съ тобой обошлись? Деньжищевъ вытянули тьму тьмущую, за нихъ ты платилъ, кавировалъ чуть не каждый день, а они хоть бы плюнули за это; рожи свои воротятъ, точно ты преступленіе какое сдѣлалъ, что попалъ въ Лукуса. Двѣ недѣли къ тебѣ ни одна собака носу не показала, хоть ты издыхай совсѣмъ.

Подошолъ почтальонъ.

— Повѣстки есть? спросилъ миленькій.

Вмѣсто отвѣта почтальонъ подалъ письмо Телепневу.

— Отъ опекуна, проговорилъ онъ, срывая печать.

Варцедъ замѣтилъ, что Телепневъ немножко поблѣднѣлъ, когда дочелъ письмо до конца.

— Что случилось? спросилъ тревожно Варцель.

— Бабушка умерла.

— Твоя.

— Моя.

„Вотъ и Пелагея Сергѣвна покончила, думалъ Телепневъ. Всѣхъ пережила, кромѣ меня.“

Опекунъ писалъ къ нему, что старуха пріѣхала въ Н. и побывавши на кладбищѣ слегла и въ два дня умерла. Телепнева Ѳедоръ Петровичъ вызывалъ сейчасъ же, не рѣшаясь безъ него дѣлать распоряженія по имѣнію Пелагеи Сергѣвны, которое все отходило къ нему.

— Вотъ, миленькій, выйдетъ-то не по нашему, надо ѣхать домой.

— Извѣстное дѣло, братецъ. Да оно и лучше; освѣжишься отъ всей этой бурсацкой кислоты.

— Хочешь со мной ѣхать?

— Я? Варцель очень обрадовался. Лихо бы закатиться, посмотрѣть на Русь-матушку, чтобъ запахъ-то здѣшній протухлый весь вышелъ... Да нѣтъ, братъ, не поѣду

— Почему такъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Ты теперь, слава Богу, здоровъ. У тебя тамъ дѣла будутъ. Что жъ мнѣ торчать. Ты знаешь, братецъ, я тебя очень полюбилъ, но все-таки я лучше здѣсь останусь.

И ничѣмъ нельзя было убѣдить Варцеля. Но за то онъ тутъ же отправился къ Якову и вступилъ съ нимъ въ продолжительный толкъ о дорожныхъ сборахъ. Служитель былъ радъ побывать дома. Въ чухонской сторонѣ онъ, при своей несообщительности, жилъ совершеннымъ затворникомъ и въ восемь мѣсяцовъ научился по нѣмецки считать до 10, ровно на столько, на сколько нужно было ему каждое утро забирать хлѣба и сухарей.

Телепневъ зашелъ въ лабораторію. Тамъ работы уже прекратились. Профессоръ Шульцъ уѣхалъ на какую-то экскурсію, только лаборантъ Рабе приводилъ въ порядокъ шкапы, и когда ему Телепневъ объявилъ о своемъ отъѣздѣ, то онъ такъ замахалъ головой и руками, что тутъ же разбилъ стеклянную трубку и реторту

Явившись къ начальству, за полученіемъ билета, Телеп-

невъ весь вечеръ проходилъ съ Варцелемъ по Дому, совершенно пустому съ окончанія лекцій. Долго стояли они на самомъ высокомъ мѣстѣ у обсерваторіи. Солнце тихо догирало надъ тихимъ университетскимъ городкомъ, который весь былъ на ладони.

— Вонъ и моя избушка, проговорилъ Телепневъ, указывая за рѣку, влѣво отъ каменнаго моста.

— Противенъ мнѣ этотъ чухонскій городъ, заворчалъ Варцель.

— Въ чемъ же городъ-то виноватъ, миленькій? Я, напротивъ, очень привыкъ къ нему.

— Я бы, на твоёмъ мѣстѣ, не сталъ бы здѣсь киснуть. Въ Москвѣ бы зажилъ или Петербургѣ.

— Это тебѣ такъ издали кажется, тамъ нашъ братъ какъ разъ начнетъ баклуши бить. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, пойдешь по одной дорожкѣ.

— Да кислятина, братецъ, вездѣ, образа человѣческаго не видно. Женскій полъ опять: скверь какая, ножищи полъаршина, ступаютъ какъ утки, въ капорахъ какихъ-то бѣлыхъ. Фу ты мерзость!

— Ну, миленькій, вѣдь это не относится къ университету

— Да, тебѣ хорошо толковать, ты тамъ въ Россіи-то срывалъ цвѣты удовольствія.

— Ты почему же такъ думаешь?

— Да ужъ я сейчасъ вижу... Вѣдь у всякаго человѣка душа есть, продолжалъ миленькій въ нѣжномъ тонѣ, а тутъ не къ кому и привязаться, такъ вотъ молодость и пройдетъ.

— Полно плакать, не пройдетъ. Вотъ пойдешь, братъ, на ландъ, молокомъ тебя тамъ отпоятъ, вернешься оттуда въ августѣ, сейчасъ же въ первую нѣмочку на Марктѣ и втюришься.

— Что мнѣ нѣмки. Не люблю, братъ, я этого цикорнаго запаха; мнѣ бы русскую, знаешь, чтобъ во всю щеку румянецъ, глаза съ поволокой. И чтобъ душа была русская!

— Вотъ ты чего захотѣлъ.

— Нѣтъ ужъ, я здѣсь не влюблюсь, братецъ, чувствую это. Вотъ кончу курсъ, пошлютъ меня куда-нибудь въ Козмодемьянскъ, въ уѣздные врачи; тамъ я себѣ подыщу помѣщичу; знаешь, дѣвушки есть отличныя, безъ всякой хитрости....

И лицо Варцеля приняло нѣжно-довольное выраженіе.

— Эй, влюбисься въ нѣмку, подшучивалъ надъ нимъ Телепневъ.

— Отрекся я отъ лютеровой ереси, претить мнѣ все нѣмецкое. Люблю Рассею матушку!

— А посмотри-ка, миленькій, городокъ-то, право, не дурень. Видишь, какіе пріятные переливы, бѣлые домики въ зелени, и мостъ, и кирка. Право, здѣсь проживешь три года и не замѣтишь какъ. Ты говоришь—за границу, миленькій. Это еще не уйдетъ. Въ Германіи все таже наука, а надо, по крайней мѣрѣ, хорошенько поработать и не разбрасываться въ разныя стороны.

— Такъ-то такъ. Тебѣ и книги въ руки; ты вольный казакъ, нѣтъ надъ тобой кабалы.

— А что, миленькій, вдругъ заговорилъ Телепневъ, измѣняя тонъ,—прими отъ меня небольшое одолженіе.

— Что такое?

— Мнѣ бы очень хотѣлось избавить тебя отъ этой кабалы, какъ ты ее называешь. Позволь мнѣ внести за тебя въ казну.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, что ты.

— Выслушай ты меня. Наканунѣ дуэли съ Лукусомъ я сдѣлалъ мое предсмертное распоряженіе, въ письмѣ къ опекуну. Половина моего капитала должна была пойти на двѣ стипендіи, въ К. и здѣсь; и здѣшнюю стипендію я просилъ тебя принять въ память обо мнѣ.

Варцель чуть не прослезился.

— Спасибо, спасибо, дружище. Конечно, это великое дѣло быть свободнымъ. Благодарю тебя, но ты не обижайся, этого пока не нужно.

— Какъ не нужно.

— Да такъ, пускай мнѣ казна выдаетъ стипендію. Вѣдь я себя знаю, я лѣнтяй, во мнѣ русскій-то духъ совсѣмъ засѣлъ. На даровыхъ хлѣбахъ я и закисну здѣсь, какъ бурсаки; а казенная-то стипендія меня подмывать станеть, хочешь не хочешь а работай. А вотъ какъ я кончу курсъ, да если меня куда-нибудь въ Царевосанчурскъ закатекасятъ, такъ ужъ тогда я тебѣ въ ножки поклонюсь: выручи, братъ, дай заимообразно полторы тысячи съ казной расчитаться!

— Какъ хочешь, миленькій, только вѣрь мнѣ, что ты всегда можешь ходить въ мой карманъ какъ въ свой собственный.

Варцель былъ совсѣмъ растроганъ.

— Пойдемъ, дружище, заговорилъ онъ, выпьемъ ужъ на прощаньи. Позволь мнѣ отъ своихъ малыхъ капиталовъ поставить бутылочку. Мы этой мерзости бурсацкой не станемъ пить, а купимъ, братъ, бургундскихъ графовъ: Нуя и Шаблису.

Телепневу стало весело смотрѣть на довольную фигуру Варцеля, который, закинувъ свою мантилку за плечо, зашагалъ по большой аллеѣ Дома, какъ журавль.

Когда они спустились подъ мостикъ, мимо ихъ прошла дама съ дѣвочкой въ соломенной круглой шляпкѣ. Телепневъ быстро обернулся и даже заглянулъ въ лицо дѣвочки.

— Что ты запустилъ глазенаны-то? спросилъ миленькій.

— А я думалъ, что это русскіе. Тутъ есть семейство одно, помнишь. говѣли, двѣ дамы и дѣвочка—большіе глаза такіе...

— Рыластенъкая, кажется?

— Замѣчательное лицо. И Телепневъ рассказалъ Варцелю разговоръ дѣвочки съ матерью на Домѣ.

— Да, дружище Телепневъ, русскія дѣвчурки такія бываютъ — огонь да и только. А чтобы тебѣ осенью не познаться кой съ кѣмъ изъ русскихъ-то, вѣдь ты не то что наши бурсаки, филистеріантъ, какъ слѣдуетъ.

— Нѣтъ, миленькій, охоты никакой нѣтъ, всѣ русскія, братъ, семейства на одинъ ладъ. Надоѣло мнѣ съ барынями-то изъ пустаго въ порожнее переливать.

— По крайности ты хоть бы зарекомендовалъ русскихъ студентовъ, а то нашихъ бурсаковъ-то никто не принимаетъ, больно кабакомъ-то провоняли.

— Не затѣмъ я сюда пріѣхалъ, миленькій.

— А вотъ бы дѣвчурку такую и подцѣпилъ, такъ бы исподволь себѣ невѣсту и сосваталъ.

— Это ужъ очень по нѣмецки.

— Нѣтъ, братъ, нѣмцы не такъ дѣлаютъ: нѣмецъ пріѣдетъ сюда безъ штановъ. Глядишь, во второмъ семестрѣ онъ примастится у какого-нибудь бюргера, гдѣ дочка есть. Ну, нѣмки вѣдь до студентовъ падки. Сейчасъ и растаетъ. Начнутъ нѣмца безштаннаго поить-кормить, одѣвать-обувать. Онъ

съ Амальхенъ своей пройдетъ подъ ручку по Ritterstrasse, кончено дѣло — женихъ значить. И жениховствуетъ онъ эдакимъ манеромъ всѣ пять лѣтъ; а кноть, будущій тятенька-то, очень доволенъ: его Амальхенъ попадетъ за доктора. а то за пастора. Карлуша съ Амальхенъ туры муры, иной разъ, братецъ, и далеконо-таки зайдутъ. Спихнетъ мой нѣмецъ экзаменъ—да и драго. Съ первой станціи пишетъ: „посылаю, дескать, тебѣ, другъ любезный, локонъ волосъ моихъ, благодарю твоего родителя за всѣ тухлые бутерброды, а тебя за нѣжную любовь. Долгъ чести заставляетъ меня отказаться отъ счастья владѣть тобою, мой ангелъ.“

— Будто бы! спросилъ Телепневъ.

— Вѣрно говорю. Каждый семестръ по нѣсколько такихъ исторій. Потому ничего не подѣлаешь, буаръ-манже нужно.

Варцель не хотѣлъ заходить въ кнейпу, а забѣжалъ въ Weinhandlung, купилъ тамъ двѣ бутылки бургундскихъ графовъ, и спрятавши ихъ подъ мантильку, повелъ Телепнева на свою квартиру, гдѣ они и распили вино въ пріятной бесѣдѣ.

XXXIII.

На другой день къ вечеру почтовая бричка трусила по шоссе. Яковъ сидѣлъ рядомъ съ бариномъ и преисполненъ былъ радостнаго чувства. Телепневъ тоже хотъ и не соби-рался на вакацію, но въ сущности ѣхалъ довольный. Домой все-таки тянуло, хотъ у него и не было дома. Но онъ ѣхалъ изъ Д. другимъ человѣкомъ, совсѣмъ не тѣмъ хандроватымъ студентомъ, котораго чухонскія сани тащили въ ноябрѣ по этой же дорогѣ. Бурсаки и лабораторія дали ему извѣстный закалъ. Онъ совсѣмъ уже не распускался и незамѣтно мысль его стала трезвѣе, воля крѣпче, желанія опредѣленнѣе. Телепневу минуло двадцать лѣтъ. На его долю досталось до вольно испытаній. Онъ желалъ пока одного: на два на три года уйти серьезно въ занятія, и, пройдя такую школу, выступить въ жизнь не баричемъ-диллетантомъ, а человѣкомъ, годнымъ на дѣло и нерасплывающимся въ туманныхъ порывахъ. А бричка тѣмъ временемъ подбрасывала его, и за

двое суток онъ таки порядочно растрепался. Въ Петербургѣ и Москвѣ онъ пробылъ по одному дню, и на шестыя сутки очутился уже въ объятіяхъ своего добрейшаго опекуна Ѳеодора Петровича. Ѳеодоръ Петровичъ очень постарѣлъ. Мироновна вся сгорбилась и безъ слезъ уже не могла говорить со своимъ питомцомъ. Она, разумѣется, повела его на могилки; а Ѳеодоръ Петровичъ заговорилъ его хозяйственными разговорами.

Узнавши, что Горшковъ въ городѣ, Телепневъ полетѣлъ къ нему. Артистъ ужасно выросъ, растолстѣлъ, но за то, вопреки художественнымъ замашкамъ, подъ гребенку выстригъ свою большую голову.

— Боря, кричалъ онъ. Нѣтъ, братъ, неудача въ женскомъ полѣ, Боря. О женщины! сказалъ Шекспиръ, и это совершенная правда. Вообрази ты себѣ, милый мой, лутикъ то, лутикъ.

— Который лутикъ?

— Все тотъ же единственный, безцѣнный; нѣтъ, подлый, отвратительный лутикъ, моя ученица-то.

— Институтская?

— Да, да. Лутикъ, на котораго я тратилъ всѣ силы моей музыкальной души, и вдругъ, эдакая гадость, вышла замужъ за прокурора. Теперь вицъ-губернаторша, изволите видѣть. Повѣрьте, говорить, Валерьянъ Михайловичъ, что я никогда васъ не забуду. О женщины! да что я изъ нея памяти,— шубу что ли сошью?

— Такъ что ты, Валерьянъ, очень теперь огорченъ?

Ни на что не похоже, страсть напала на этихъ дѣвченокъ выходить замужъ за разныхъ перепендѣвъ! ВотъиНадя...

— Неужто вышла?

— Какже, за бурбона за какого-то, за полковника. Онъ ее увезъ куда-то къ чорту на кулички, въ резервный баталіонъ.

Анна Ивановна присутствовала при этомъ разговорѣ. Она очень немного измѣнилась.

— Вотъ видите, Борисъ Николаичъ, мой Валерьяша со всѣмъ помутился. Хочетъ К. оставить.

— Куда же ты, Валерьянъ?

— Подлое это татарское гнѣздо! Опротивѣли мнѣ эти помѣщицы утробы. Какая тутъ музыка! Нѣтъ, я вонъ, я въ Питеръ махну!

— Что же, добрый путь. Въ Петербургѣ конечно, музыканту лучше. Вотъ поѣдемъ со мной. я довезу тебя.

— Все это такъ, заговорила Анна Ивановна, только смущаетъ меня, Борисъ Николаевичъ, какъ тамъ Валерьяша найдется въ большомъ городѣ. Въ К. его всѣ полюбили, онъ тамъ какъ у Христа за пазухой жилъ.

— Да что, мамочка, толку-то, что меня тамъ бифштексами откармливали. Коли у меня талантъ есть, такъ мнѣ впередъ нужно итти. А тамъ я самый первый музыкантъ, какъ разъ ополѣешь и сдѣлаешься фортепیانнымъ учителемъ Горшковымъ, или въ гении тебя доморощенные произведутъ. Тогда и конченъ балъ, погибъ!

— Что въ К.? здравствуютъ-ли милыя барыни?

— Омерзѣніе я къ нимъ почувствовалъ, Боря. Бонтоны этотъ дурацкій. Сплетничество, всякую мѣру превышающее. Вообрази, братъ, что про тебя тамъ наплели!

— И воображать не хочу

— Нѣтъ, вѣдь ты послушай только. Будто-бы тебя товарищи за мерзопакостные поступки выйти изъ университета.

— Ну, а потомъ?

— Что ты, видишь-ли, ябедничалъ начальству, а въ салоны ѣздилъ съ особыми тайными цѣлями. Откуда говорить вдругъ у простаго студента—и вдругъ рысаки. Да, говорю я имъ, дѣйствительно, вы совсѣмъ не замѣтили, онъ совсѣмъ не русскій былъ. Его англійское правительство подослало волновать умы въ татарскомъ государствѣ!

— Ха, ха. ха!

— Право. Эдакіе скоты. Ну, и Ольга Ивановна...

— Что-же Ольга Ивановна, спросилъ не безъ любопытства Телепневъ.

— Ну, братъ Боря. Сія вдовица удалилась было сначала въ пустынные дебри, но потомъ ощутила нѣкоторые другіе инстинкты.

— Полно, Валерьянъ...

Анна Ивановна, догадываясь, что ея Валерьяша начнетъ что нибудь врать, скромно удалилась изъ комнаты.

— Вотъ видишь, мать выгналъ родную.

— Да вѣдь у меня родительница больно ужъ на счетъ благочестія прохаживается. А ужъ про вдовицу я самую суть говорю.

— Не можетъ быть.

— Да что въ самомъ дѣлѣ, Боря, откуда ты пріѣхалъ, изъ какихъ странъ? Ты въ добродѣтель нашихъ татарскихъ барынь вѣришь! Я тебѣ докладываю заподлинно, что вдовица пребывала въ непорочности до ноября мѣсяца. Явилась она опять добрымъ порядкомъ, засѣла у себя въ угловой и кончилось это тѣмъ, чѣмъ, братецъ, у насъ со всѣми барынями кончается. Скотина Битюковъ.

— Не можетъ быть, прервалъ Телепневъ. Неужто выходить за него замужъ?

— Держи карманъ, женится онъ. У него такихъ невѣстъ много въ татарскомъ государствѣ.

— Такъ что они съ герцогиней-то теперь на ножи?

— Сначала было ничего, обходилось мирно, а потомъ такой скандалище разразился, что просто пальчики оближешь. Герцогиня-то ужъ послѣ того въ богомольство ударилась, все у владыки сидитъ.

— Значить, все по старому, заключилъ Телепневъ, занимательнаго мало. Я, Валерьянъ, теперь такъ чуждъ этого міра, точно будто ты мнѣ рассказываешь про какихъ нибудь лапландцевъ, или эскимосовъ. Ну, что нашъ Абласовъ?

— Здоровъ, работаетъ, братъ, онъ свое дѣло сдѣлаетъ; только ужъ больно серьезень, такъ что иной разъ мнѣ ужъ съ нимъ и неловко.

— Онъ домой поѣхалъ?

— Да. А я вотъ здѣсь поживу съ мамочкой, а къ августу ты меня захвати съ собой. Боря, какъ назадъ поѣдешь къ нѣмцамъ. Дали мнѣ рекомендательныхъ писемъ въ волю, заручусь уроками. Я, голубчикъ, ничего въ этой татарской дужѣ не писалъ, замысловъ много, да дѣнь поганая обуяла.

XXXIV

Телепневъ долженъ былъ отправиться съ Лапинымъ въ имѣніе Пелагеи Сергѣевны. Тамъ его ввели во владѣніе, и

на этотъ разъ онъ гораздо больше вникнулъ въ дѣла, чѣмъ въ прошломъ году У Пѣлагей Сергѣевны крестьяне были на оброкѣ и заведена была маленькая господская запашка. Телепневъ, осмотрѣвши хозяйство, нашелъ, что эта запашка отягощаетъ только крестьянъ, а доходу приноситъ очень мало. Ѳедоръ Петровичъ сначала было возмущился тѣмъ, что Телепневъ начнетъ баловать крестьянъ; но молодой помѣщикъ представилъ ему очень основательные резоны и заговорилъ съ нимъ уже не въ прежнемъ ничего незнающемъ тонѣ. Заживаться въ имѣніи нечего было, и онъ предложилъ Лапину отправиться въ Альховку, гдѣ за годъ опекунъ много завелъ разныхъ заведеній.

Имѣніе, дѣйствительно, оказалось въ отличномъ порядкѣ. Ѳедоръ Петровичъ устроилъ флигель, завелъ большое скотоводство, выстроилъ маслобойню и заложилъ винокуренный заводъ. Въ шести верстахъ отъ деревни, онъ для удобства хлѣбопашества завелъ небольшой хуторокъ — въ очень красивой мѣстности. Крестьяне уже не приходили ни о чемъ просить Телепнева, но на сходкѣ, которую онъ самъ приказалъ собрать, молодой баринъ распросилъ ихъ о хозяйствѣ и когда нѣкоторые старики, почесывая затылокъ, начали толковать, что вотъ запашка прежде была поменьше, то Телепневъ показалъ имъ по вѣдомостямъ, что прежде и душъ было меньше, и что на тягло приходится ровно столько же десятинъ, какъ и въ бывшее время.

Прикащикъ былъ нанятъ Лапинымъ другой, изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ. Старый совсѣмъ проворовался.

Наединѣ съ Ѳедоромъ Петровичемъ, Телепневъ все настаивалъ на томъ, что запашка дѣйствительно тяжела и гораздо лучше расширить хуторское хозяйство съ вольнаго найма.

— Все это, батюшка, отъ насъ не уйдетъ, отвѣчалъ Ѳедоръ Петровичъ. Когда рабочіе понадобятся, наймемъ и рабочихъ. А вы слушайте ихъ. Развѣ имъ при бабушкѣ-то такое было житье какъ теперь. Каждый дворъ справлялъ въ зиму по шести подводъ. А до города-то, батюшка, двѣсти верстъ, какъ вамъ извѣстно. Такъ что на тягло и сходило еще рублей по двадцати пяти серебромъ, кромѣ другихъ поборовъ: и холстомъ, и баранами, и грибами, и медомъ.

— Такъ чтожь тутъ хорошаго, Ѳедоръ Петровичъ, крестьяне были очень отягченны... Мнѣ стыдно будетъ поступать съ крестьянами, пользуясь крѣпостнымъ правомъ, которое, право, ужь доживаетъ свой вѣкъ.

— Ну, ужь батюшка, не нами заведено, не нами и кончится. Вы вотъ отъ нѣмцевъ-то пріѣхали; знаете-ли вы какъ у нихъ мужики устроены?

— Нѣтъ, я еще въ это не вникалъ.

— Такъ вникните. Они, батюшка, землю-то всю у крестьянъ отняли. Всѣ крестьяне — батраки на ихъ-же земляхъ. Мы, говорятъ, имъ свободу дали. Чего-же еще имъ больше. Такъ какъ по вашему, лучше это что-ли нашихъ барскихъ мужичковъ? У васъ, батюшка, въ вотчинѣ-то всякая душа по двѣ десятины въ полѣ имѣетъ, кромѣ лугу

Впрочемъ, большихъ несогласій не произошло между опекуномъ и молодымъ помѣщикомъ. Ѳедоръ Петровичъ остался еще въ Альховкѣ, а Телепневъ поѣхалъ погостить къ Абласову. Горячо обнялись пріатели въ скромномъ мѣщанскомъ домикѣ уѣзднаго городка. Абласовъ очень похудѣлъ, обросъ бакенбардами и смотрѣлъ еще серьезнѣе чѣмъ прежде.

— Ну, Абласовъ, вскричалъ Телепневъ, ты теперь совершенный эскулапъ.

— Да и ты тоже, любезный другъ, какой сталъ у нѣмцевъ длинный, и учености должно быть набрался.

— Гдѣ ужь тутъ ученость, началъ только азбуку разбирать.

— На долго-ли ко мнѣ?

— Да какъ поживется. Въ N., ты самъ знаешь, у меня кромѣ Мироновны да Ѳедоръ Петровича никого нѣтъ.

Телепневъ поселился по близости на постояломъ дворѣ и цѣлые дни проводилъ съ Абласовымъ. Абласовъ, за годъ выучился по нѣмецки и Телепневъ нашелъ, что онъ успѣлъ пріобрѣсти очень порядочныя теоретическія свѣдѣнія въ химіи. Они стали вмѣстѣ читать, а по вечерамъ ходили на охоту, удили рыбу, иногда ботанизировали.

Телепневъ нашелъ въ Абласовѣ совершенно сложившагося студента съ скептическимъ взглядомъ на вещи. Изученіе естественныхъ наукъ, особливо анатоміи и фізіологіи, завладѣвало его философскимъ міровоззрѣніемъ. Мысль его не-

уклонно слѣдовала по одному пути, руководилась однимъ стремленіемъ: всѣ явленія жизни привести къ законамъ матеріи.

Телепневъ сейчасъ-же почувствовалъ въ разговорахъ съ своимъ другомъ, что Абласовъ гораздо больше его думалъ. Два университетскіе года Телепнева были слишкомъ наполнены внѣшней жизнью. Онъ не выработалъ еще себѣ такихъ опредѣленныхъ мыслительныхъ тенденцій какъ Абласовъ, но уже чувствовалъ большую симпатію къ его взглядамъ.

Онъ очень былъ доволенъ, что пришлось ему провести вакацію вмѣстѣ съ Абласовымъ. Бесѣды съ нимъ укрѣпляли его въ томъ настроеніи, съ которымъ онъ оставилъ Д.

— Поѣдемъ, братъ Николай, со мной, упрашивалъ онъ Абласова. Право, ты не будешь раскаяваться, свободы занятій тамъ много, на медицинскомъ факультетѣ лучшіе профессора, особенно физиологія читается прекрасно.

— Все это такъ, любезный другъ, но дай ты мнѣ затянуть мою лямку. А тамъ мы въ одно время кончимъ курсъ, коли поѣдешь за границу и я съ тобой, можетъ быть, попрошусь.

Водрю и трудовой жизнью прожилъ Телепневъ четыре недѣли въ уѣздномъ городкѣ, онъ полюбилъ этотъ городокъ. Здѣсь, годъ передъ тѣмъ, почувствовалъ онъ впервые пустоту своей жизни, впервые присмотрѣлся, какъ живетъ и бьется черный людъ.

„Вотъ это настоящая сила, не разъ думалъ онъ, прохаживаясь съ Абласовымъ по базару. Вотъ насъ двое: я баринъ, онъ сынъ мѣдника. И какой энергіей сказывается его умственная жизнь. Сколько силы вынесъ онъ изъ своей суровой почвы, среди нужды и всеобщаго труда.“ Въ концѣ іюня, пріятели распростились. Телепневъ завернулъ въ N, расцѣловался со своей Мироновной и съ Лапинымъ, захватилъ съ собой Горшкова, довезъ его до Петербурга и ровно 1-го августа трусилъ опять обратно въ чухонской бричкѣ къ тихому, ученому пристанищу, съ нѣкоторой страстію думая о лабораторіи, чудака Шульцѣ, лимонно-желтомъ лаборантѣ и глумомъ калифакторѣ Кизанѣ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ВЪ ПУТЬ-ДОРОГУ!...

КНИГА ШЕСТАЯ.

I.

Прошло три года. Тихій академическій Д. прозябалъ себѣ своей растительно-ученой жизнью. На улицахъ каждый день повторялись іота въ іоту одна и таже исторія. Утромъ рано на пустой Марктъ пріѣзжаютъ чухонцы-молочники. Въ девятомъ часу кухарки и Aufwaerterin съ корзинками бѣгутъ на Марктъ и каждый день забираютъ одну и ту же провизію, т. е. двѣ селедки, плитку масла и на двѣ копѣйки картофелю. Въ девять по Ritterstrasse пробираются въ притруску бюргерскія и профессорскія дѣвчонки въ короткихъ салопцахъ и безобразныхъ капорахъ, въ перемежку съ гимназистами, очень бойкими и задорными. Въ одиннадцатомъ, около университета снуютъ студенты въ чуйкахъ съ мапками подъ мышкой, и псы разнаго вида и званія. На улицахъ Маркта стоятъ уже кучи буршей и жуютъ что попало, глядя по сезону. Въ двѣнадцатомъ часу пройдетъ бургомистръ въ ратушу. Потомъ опять повалятъ дѣвочки, гимназисты. Въ третьемъ, вездѣ пусто, всѣ обѣдаютъ дома и по кнейпамъ. Отъ трехъ до семи снова начинается копошиться учебная жизнь: тоже снованіе около университета, Дома, гимназіи, разныхъ пансіоновъ

и Töchter Schule. Въ девятомъ часу кое-гдѣ проѣдутъ фурманскія дрожки, нагруженные студентами. На улицахъ почти никого нѣтъ. Въ одиннадцатомъ все спитъ. Только изъ кнейпъ возвращаются собутыльники, пьяный кнотъ протащится по тротуару; педея пройдутся въ разныхъ направленіяхъ по городу, а въ какомъ нибудь глухомъ переулкѣ проскачатъ чухонскія санки или телѣжка: это бурши крадутся на шкандалъ съ паукаппаратомъ.

Въ три года выпито было въ Д. несмѣтное число бочекъ пива, четыреста юныхъ дѣвицъ подтверждалось, выпущено было шестьдесятъ докторовъ медицины, скандаловъ пришлось также по сту штукъ на каждый годъ.

Телепневъ жилъ все въ томъ же домикѣ. Варцель помещался у старикашки столяра на дворѣ. Совершенно удалившись изъ бурсацкаго міра, Телепневъ началъ работать, какъ только можетъ предаться занятіямъ молодой неопитъ. Нѣмецкая жизнь и нѣмецкая наука возбудили въ немъ такое презрѣніе къ своей неграмотности, что онъ получае не отдышалъ и все добивался того, чтобъ ему пріобрѣсти наконецъ ту истинную серьезность въ дѣлѣ своего развитія, которая вела нѣмцевъ, по разъ избранной дорогѣ, истиннымъ и твердымъ путемъ.

Симпатіями Телепнева завладѣли естественныя науки. Сначала онъ учился имъ какъ школьникъ, не мудрствуя лукаво, хлопоталъ о томъ, чтобъ азбука была какъ можно лучше затвержена. Такъ прошелъ цѣлый годъ. Ему и во снѣ только снились: химическія формулы и аналитическія вычисленія.

Лимонно-желтый лаборантъ Рабе первый заговорилъ съ Телепневымъ о нѣкоторыхъ философскихъ вопросахъ жизни и природы. Онъ принесъ ему Фейербаха, и въ концѣ третьяго семестра прибѣжалъ разъ раннимъ утромъ, держа въ рукахъ лиловенькую, довольно красивую книжку, только что полученную имъ изъ Лейпцига.

— Вотъ она, вотъ она! забормоталъ онъ. Это, конечно, не глубоко, mein lieber Telepneff, но это большой ударъ, ловкая попытка!..

Книжка эта была Kraft und Stoff. Надъ ней Телепневъ просидѣлъ три дня. Она попала въ его руки какъ разъ послѣ

Kreislauf des Lebens Мошота и Физиологических писемь Фогта.

Толковалъ онъ потомъ цѣлую недѣлю съ Рабе и даже съ профессоромъ Шульцомъ. Весь слѣдующій годъ онъ проработалъ въ возбужденномъ состояніи, и всѣ взгляды, всѣ впечатлѣнія, всю сумму своихъ свѣдѣній подогналъ подъ одинъ принципъ. Сдѣлалось это такъ быстро и рѣзко, что когда онъ вступилъ въ дѣятельную переписку съ Абласовымъ, то онъ явился въ ней гораздо болѣе безпощаднымъ матеріалистомъ, чѣмъ серьезный К—скій медикъ. Въ немъ только было больше вѣры въ торжество естествознанія и на скептическіе запросы Абласова, на его отрицанія научной медицины онъ отвѣчалъ всегда лирическими тирадами, гдѣ высказывалось убѣжденіе въ недалекомъ будущемъ, когда химія и физиологія утвердятъ врачебную науку на незыблемыхъ раціональныхъ основахъ.

А въ это время русскіе университеты пробудились. Грянула Якушкинская эпоха. Все зажило и заговорило. Все копошилось, произносило речи и создавало компаніи. Телепневъ не ушелъ отъ этого движенія. Въ своемъ тихомъ академическомъ Д. онъ не могъ, конечно, принимать непосредственнаго участія въ томъ, что творилось тогда на Руси: но онъ началъ выписывать журналы. Новые и жгучіе тогда общественные вопросы задѣвали его за живое. Онъ даже началъ сожалѣть о томъ, что не съ кѣмъ ему иной разъ помѣняться мыслями о свѣжестъ движеніи русскаго общества. Въ этотъ послѣдній годъ расширилось значительно его міровоззрѣніе, и въ одно прекрасное утро онъ даже устыдился нѣсколько пуританскаго формализма матеріалистическихъ взглядовъ, которые охватили его подъ непосредственнымъ обаяніемъ естествовѣдѣнія.

Русскіе, какіе были въ Д., рѣшительно не отвѣчали его нравственнымъ потребностямъ. Корпорация совсѣмъ спилась, промоталась и дотягивала еле еле свое бречное существованіе. Слышалъ Телепневъ, что есть въ университетѣ два-три челоѣка русскихъ вильдеровъ, но съ ними онъ нигдѣ не встрѣчался. Варцель, очень добродушный и теплый, не могъ войти въ его интересы, да и кромѣ того къ этому времени въ плотную засѣлъ за приготовленіе къ лекарскому экзамену.

Новые духовные призывы начали шевелить умъ и натуру Телепнева. Онъ уже пережилъ наивное юношеское благоговѣніе передъ точной наукой и крѣпко почувствовалъ всю недостаточность фанатически узкаго реализма. Его воспримчивая природа захотѣла взойти и въ другія сферы мышленія и ощущеній. Вопросы искусства, литературные образы, возбужденныя жизнью общественныя дилеммы,—все это стало его волновать и требовало гармоническаго сочетанія, полнаго примиренія съ тѣми строгими неумолимыми формулами, въ которыя онъ все еще, какъ неопитъ, вѣрилъ съ страстной нетерпимостью.

Но на столѣ его лежали томы Бѣлинскаго: онъ читалъ страницы, одушевленные пылкой, горячей любовью къ идеалу; онъ видѣлъ предъ собою душевную жизнь человѣка, который весь былъ погруженъ въ исканіе нравственной правды и здоровой красоты; сильно и открыто отрицался своихъ заблужденій и стремительно перѣходилъ въ новый фазисъ страстнаго философскаго мышленія. Передъ нимъ развернуты были изящныя и свѣтлыя страницы Тургенева; тутъ была русская жизнь, облитая сочувственнымъ свѣтомъ. Люди стояли живые, съ своими порываніями и своей задушевной повѣстью, своей неумѣлостью и самоугрызеніемъ. И далеки они были отъ той формальной и суровой сферы, въ которую возвѣривалъ Телепневъ; нельзя было примирить ихъ съ жизнью, скрасить или возродить ихъ душевныя движенія; нельзя, наконецъ, было глубоко понять и образно, поэтически воспроизвести всего этого міра помощію однихъ химическихъ формулъ, скальпеля и микроскопа.

А тамъ судьбы народа, своеобразное развитіе его историческаго смысла, трагизмъ великихъ минутъ и вѣковыхъ испытаній—все это въ новыхъ изслѣдованіяхъ начало появляться въ русской печати и звало также къ себѣ, требовало также отвѣта у живаго человѣка на свои кровные вопросы.

Телепневъ былъ наканунѣ кризиса; и впиваясь жаждущимъ свѣта взоромъ въ разнообразныя сферы все одной и той же жизни онъ крѣпко держалъ въ ученическихъ рукахъ тяжелую книгу суровой науки.:

II.

Надъ городомъ Д. стояли глухіе сумерки. На дворѣ былъ сентябрь, кислый, мокрый, чухонскій. Не смотря на раннее еще время, по петербургской улицѣ, гдѣ стояли избушки на курьихъ ножкахъ, — хотъ шаромъ покати. Только два мокрые педея, закутываясь въ свои форменныя пальто, проходили мѣрвымъ полицейскимъ шагомъ по площади отъ одной кнейпы въ другую.

Телепневъ сидѣлъ въ своей квартиркѣ, забившись совсѣмъ въ глубь стараго вольтеровскаго кресла съ высочайшей спинкой. На большомъ письменномъ столѣ навалено было всякой всячины: лекціи, книги, кости, скляночки съ препаратами, микроскопъ, журналы. Все это освѣщалось свѣчой въ деревянномъ подсвѣчникѣ съ широкимъ зеленымъ абажуромъ. Студенческимъ безпорядкомъ отзывался столъ. Прежняя привычка Телепнева къ комфорту и аккуратности позатерялась подъ вліяніемъ учебно-аскетической жизни, которую онъ велъ послѣдніе три года.

Свѣтъ изъ подъ абажура падалъ на его лицо. Онъ много измѣнился: на лбу прошли двѣ морщинки, мягкій тонъ исчезъ со щекъ его, губы поблѣднѣли, одни глаза сохранили прежній пріятный блескъ. Онъ былъ плотно остриженъ, но за то плохо выбрить, такъ что подбородокъ отливалъ синеватымъ цвѣтомъ. Онъ казался несравненно старше своихъ лѣтъ. Кутаясь въ темнокоричневый кашемировый халатъ, онъ сидѣлъ въ нѣсколько старицовой позѣ, согнувшись и держалъ въ правой рукѣ книгу въ значительномъ отдаленіи отъ глазъ. Изрѣдка онъ бралъ въ ротъ сигару и по-нѣмецки наморщивъ брови, выпускалъ дымъ тоненькой струей. Въ комнатѣ стоялъ особенный запахъ студенческой штудирциммеръ, сразу отзывавшейся чѣмъ-то суховатымъ и затворническимъ.

Телепневъ читалъ новую, только что вышедшую книгу по физиологической химіи, въ оранжево-красной брауншвейгской оберткѣ. Онъ читалъ уже съ нѣкоторой манерностью, отиѣ-

чивая ногтемъ пзвѣстныя мѣста и внушительно рѣзко пересворачивая листы. За стѣной слышался сапъ Якова, въ окна хлесталъ дождикъ. Телепневъ положилъ книгу на колѣни и откинулъ голову на спинку вольтеровскаго кресла. Онъ окинулъ взглядомъ комнату, шкафъ съ книгами и столъ, провелъ рукой по глазамъ, потомъ взялъ со стола тетрадь, переплетенную въ черный коленкоръ, и развернулъ ее на послѣдней дописанной страницѣ. Это былъ его меморандумъ, родъ дневника, который онъ велъ уже года полтора. Тутъ записывались, и всѣ его работы, и книги, какія нужно было прочесть, и мысли, и выдержки изъ прочитаннаго на четырехъ языкахъ. Онъ перелистовалъ тетрадь и собрался было что-то такое вписать новое, но вдругъ положилъ перо и задумался.

„Что это мнѣ нынче не работается, сказалъ онъ про себя. Голова что-то не свѣжа.“

„Нѣтъ, не голова, шепнулъ ему какой-то новый голосъ, а ты покопайся-ко хорошенько въ себѣ самомъ, такъ и увидишь, что жизнь зоветъ куда-то, тебѣ становится душно въ твоей лабораторіи и здѣсь, въ этой рабочей комнатѣ, съ запахомъ сигаръ и химическихъ препаратовъ. Ты одичалъ, ты потерялъ прежнюю простоту, ты вдался въ напускное старчество мысли и привычекъ.“

„Какой вздоръ, думалъ Телепневъ, что за глупости лѣзутъ сегодня мнѣ въ голову. А вотъ бы сходить или съѣздить надо было въ лабораторію. Боюсь я, что этотъ дуракъ Кизанъ изгадитъ мнѣ анализъ, ужъ чѣмъ нибудь да обольетъ.“

„Анализъ-то анализъ, шепнулъ опять голосъ, но вѣдь такъ нельзя жить. Куда же ты себя подготовишь? Хоть бы даже въ профессора или фармацевты, такъ и то нужно видѣть живыхъ людей, а не одиѣ колбы, не одного чудака Шульца и лимонно-желтаго Рабе.“ Телепневъ вышелъ въ другую комнату и началъ ходить въ темнотѣ.

„Отчего это, спросилъ онъ, я себѣ фортепіано не заведу, вѣдь шутка сказать три года я музыкой не занимался совсѣмъ, ни фортепіано, ни скрипкой, да и голосъ у меня совсѣмъ пропалъ. Не знаю, сьумѣю-ли я взять теперѣ

хоть какуюнибудь ногу. Впрочемъ, съ кѣмъ пѣть и для чего? Развѣ въ какомънибудь бюргерскомъ семействѣ познаться и распѣвать тамъ съ чувствительнымъ завываніемъ:

Siehst du am Abend die Wolken zieh'n?

и певольно онъ прочтѣлъ эту фразу громко. Дико немножко зазвучалъ въ его ушахъ собственный голосъ. Въ этой компаніи съ годъ не было даже и громкихъ разговоровъ, если являлись къ Телепневу какіе-нибудь вильдера пѣмцы, то книжныя бесѣды вели все въ его кабинетикѣ.

Онъ даже усталъ ходить; но какое-то неопредѣленное недовольство не уходило въ немъ. Онъ опять взялъ свою записную тетрадь.

„Записать мнѣ мое сегодняшнее настроеніе, спросилъ онъ. Нужно давать ему какой-нибудь смыслъ, или нѣтъ? Э, вздоръ, просто мозгъ утомился, и при сквернѣйшей здѣшней пищѣ реагируетъ ненормально.“

Однако онъ не высидѣлъ. Одѣвшись, онъ отправился заднимъ ходомъ къ Варцелю и засталъ его лежащимъ на кровати въ длиннѣйшемъ шлафоркѣ, съ лекціями судебной медицины въ рукахъ.

— Миленькій, чортъ знаетъ что со мной дѣлается, точно раскисъ я, расскажи-ка что-нибудь веселенькое.

— Да что, дружище, пѣмчура пуфпулъ мнѣ мерзкихъ лекцій. сокращеній наставилъ такихъ, что самъ шутъ не разберетъ.

— Да брось ты свои лекціи. Меня какъ-то начинаетъ давить моя квартира, что-то мрачно. Яковъ тоже храпитъ во всю насосную завертку. Куда бы пойти?

— До что ты, дружище, въ эдакую погоду; теперь добрый хозяинъ собаки не выпуститъ.

— Да что погода, пошлемъ Якова за фурмапомъ, крытые дрожки возьмемъ.

— Что съ тобой сдѣлалось, скажи на милость?

— Печень болитъ, отвѣтилъ съ усмѣшкой Телепневъ.

— Какая тугъ печень. А впрочемъ вотъ-что, дружище, хотѣлъ пынче со мной цѣлый день читать пѣмчура однопъ, да

на вечеръ отпросился; пойду, говорить, въ аулѣ представле-
ніе даетъ французъ Л., штука, говорить, отменная.

— Ну, вотъ и прекрасно, пожертвуй вечерокъ-то, одѣвай-
ся, а я пошлю за извозникомъ.

Поѣхали.

Въ университетѣ бывали круглый годъ концерты всѣхъ
заѣзжихъ знаменитостей, но Телепневъ очень рѣдко попа-
далъ на нихъ. И звуки музыки не трогали его, долетая въ
лабораторію, гдѣ онъ по вечерамъ оставался часу до деся-
таго. На этотъ разъ съѣздъ былъ огромный. На подѣздѣ
вмѣсто одного стояли три жандарма, всѣ педеля и два поли-
цейскихъ служителя. У кассы была давка. Телепневъ взялъ
для себя и для Варцеля два стоячихъ билета въ залу по
75 коп.

Непріятно подѣйствовало на него освѣщеніе и пестрая на-
рядная толпа. Онъ взглянулъ на свой не совсѣмъ безукориз-
ненный студенческій сюртукъ и весь какъ-то съежился. Въ
залѣ собралось все общество академическаго городка: ба-
ронскія семейства, профессора съ супружницами и чадами,
учителя гимназій, чиновники, купцы и масса разношерст-
ныхъ студентовъ. Цѣлая ватага буршей залѣзла на кафедру
и оттуда глазѣла на публику. Нѣмки сильно прифрантились,
а нѣкоторые мужчины были даже въ бѣлыхъ галстукахъ.
Всѣ точно силились придать себѣ нѣкоторую игривость,
приготовляясь къ дурачествамъ француза, изъ которыхъ,
конечно, половина должна была остаться для нихъ таинствен-
нымъ гіероглифомъ. Телепневъ замѣтилъ нѣсколько краси-
выхъ лицъ, свѣженькихъ блондинокъ въ бѣлыхъ плати-
цахъ, съ переслащенной улыбкой на толстоватыхъ нѣмецкихъ
губкахъ.

Онъ пробрался къ эстрадѣ, окруженной уже цѣлой стѣ-
ной студентовъ. Завладѣвши довольно выгоднымъ мѣстечкомъ,
Телепневъ сталъ лицомъ къ первому ряду и началъ поочеред-
но разглядывать лица барынь.

„Ба! сказалъ онъ про себя, старые знакомыя, онѣ все еще
здѣсь“

По срединѣ перваго ряда сидѣли три дамы и крупный ба-
ринъ съ бакенбардами, курчавый, съ потертымъ, но краси-

вымъ лицомъ, во фракъ очень тонкаго покроя, по всѣмъ признакамъ русскій жуиръ дворянскаго происхожденія. А дамы были никто иное, какъ тѣ русскія, которыхъ, три года тому назадъ, Телепневъ увидалъ въ первый разъ въ церкви на страстной недѣлѣ, только дѣвочка превратилась въ шестнадцатилѣтнюю дѣвицу, очень большаго роста, съ продолговатымъ рѣзкимъ лицомъ, въ длинномъ платьѣ и бѣлой мантилѣ, съ роскошной, пепельнаго цвѣта, косой. Она сидѣла между блондинкой своей матерью, очень постарѣвшей, и брюнеткой съ смуглымъ пикантнымъ лицомъ, которой казалось на видъ лѣтъ двадцать семь—восемь. Они своимъ туалетомъ и манерами рѣзко отличались отъ нѣмецкаго баронскаго общества. Баринъ сидѣлъ рядомъ съ брюнеткой, но нѣсколько разъ перегибаясь чрезъ ея кресло заговаривалъ съ дѣвушкой, вѣроятно, что нибудь смѣшное, потому что она улыбалась, но какой-то сдержанной, не совсѣмъ довольной улыбкой. Они не сидѣли особнякомъ, но безпрестанно раскланивались съ входившими туземцами бонтонаго вида.

Телепневъ началъ очень пристально смотрѣть на дѣвушку. Ему показалось, что она тоже раза два вскинула на него своими длинными рѣсницами.

„Чтоже это семейство такъ долго здѣсь дѣлаеть, думалъ Телепневъ. Занимались видно воспитаніемъ дѣвицы. А воспитаніе извѣстно какое дали; для него не стоило бы ѣхать въ Д.: парле-франсе и tenez vous droit.“

А дѣвица, дѣйствительно, держалась очень прямо и горделиво посматривала на проходящихъ мимо нѣмокъ-кухарочекъ.

Телепневъ почти вслухъ разсмѣялся, когда служитель Кизанъ внесъ нѣсколько париковъ на штативахъ и поставилъ ихъ на столъ съ глупѣйшей миной. Влетѣлъ французъ, заболталъ и запѣлъ свою знаменитую сцену: *Le coiffeur amoureux*. Нѣмецкая публика съ первыхъ словъ его начала хотать, точно по приказу. Телепневъ сначала крѣпился, а потомъ не выдержалъ, и такъ и поджималъ животики. Онъ былъ доволенъ своимъ хототомъ и въ нѣсколько минутъ почувствовалъ себя бодрѣе и оживленнѣе. Въ первый антрактъ онъ опять посмотрѣлъ на русское семейство. Баринъ громко разговаривалъ съ какимъ-то сѣденькимъ барономъ, въ маль-

тійскомъ ордень, и хохоталъ покачиваясь всѣмъ корпусомъ; двѣ дамы улыбались. но дѣвушка сидѣла съ строгимъ лицомъ.

Выкатилъ опять Л. и заоралъ:

Je suis choriste—quel chien de metier!

Нѣмцы такъ и прыснули.

Потомъ пошли другія штуки, съ кривляньями и безконечными каламбурами, которые изъ публики первого ряда во всей ихъ тонкости понималъ только барицъ бакенбардистъ. Онъ одобрительно кивалъ Л. головой и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подпѣвалъ.

Въ большомъ антрактѣ, между двумя частями представленія, Телепневъ все смотрѣлъ на дѣвушку; смотрѣлъ съ какимъ-то раздраженіемъ, точно съ желаніемъ подойти и спросить ее: зачѣмъ это она такъ манерится и хранитъ строгій видъ среди общаго добродушно-нѣмецкаго хохота. А вѣдь, поди, думаетъ, что она этимъ только и отличается отъ несчастныхъ нѣмокъ. И маменька ей много толковала о томъ, что такое значить: *air distingué*.

И вспомнилъ Телепневъ сцену на откосѣ, когда дѣвочка такъ умно болтала съ матерью. Лицо и глаза говорили о томъ жѣ умѣ и даже о гораздо большей энергіи, но въ нихъ сказывалось что-то напускное, точно быющее на эффектъ.

Вышелъ опять Л., гримированный англичаниномъ, и Телепневъ началъ глазѣть на него и хохотать надъ шутовской мимикой пале-рояльскаго корицея.

Кончилось представленіе. Нѣмцы вошли въ небывалый азартъ. Хлопалъ и Телепневъ, стоя у эстрады въ кучѣ другихъ буршей.

— Куда это ты, дружище, запропастился, вдругъ заговорилъ надъ его ухомъ миленькій; меня тамъ отгѣснили въ уголъ, а ты впередъ шмыгнулъ, я такъ почти ничего и не впдалъ.

— А я думалъ, что ты за мной слѣдомъ; очень жалко, братецъ, я просто до коликъ хохоталъ.

— Да ужъ и я смѣялся, вижу всѣ хохочутъ, что, молъ, отставать.

— Ну, и прекрасно, миленькій, значить, все-таки пора-
дѣлъ на пользу искусства. Я думаю, ты, стоя тамъ въ углу-
то, проголодался, такъ поѣдемъ поужинать въ „Лондонъ“

— Ты нынче что-то раскутился.

— Нѣтъ, я тебѣ вотъ что скажу: помнишь ты, года три
тому назадъ, я рассказывалъ про дѣвочку, видѣлъ я ее на
Домѣ и въ церкви тоже.

— Ну?

— Такъ она предо мной въ первомъ ряду сидѣла: боль-
шая, братецъ, дѣвица. Дѣвчонкой она съ матерью очень умно
болтала, а теперь такой недотрогой-царевной смотреть.

— Извѣстное дѣло. Однако пойдѣмъ-ка, дружище, а то
какъ бы у насъ тамъ въ *zoologicum* шинелей нашихъ не ста-
щили; вѣдь тутъ, братъ, съ чухной-то тоже надо опаску имѣть.

На площадкѣ предъ аудуой столпилось пропасть. Барынь
закутывали, а студенты нарочно тѣснились и глазѣли на
нихъ. Телепневъ съ Варцелемъ вошли въ зоологическую
аудиторию, гдѣ оставили свои верхнія оболочки. У дверей
стояло русское семейство и баринъ съ бакенбардами надѣ-
валъ на дѣвушку бурнусъ.

— Куда же онъ убѣжалъ? спросила по французски брю-
нетка. Ахъ, какой этотъ Григорій глупый, онъ вѣрно тамъ
ждетъ у подъѣзда. Карету отгонять и мы здѣсь стоимъ
полчаса.

— Жан, простонала бѣлокурая барыня, какже бы это...

— Сейчасъ, ма chère, отвѣтилъ разбитымъ баритономъ
господинъ, вотъ только упакую хорошенько Темиру.

„Что это за имя, подумалъ Телепневъ, который слышалъ
весь этотъ разговоръ, надѣвая шинель. Ужъ не Татьяна-ли?“

И вдругъ онъ повернулся и обратясь къ бѣлокурой дамѣ
проговорилъ по русски:

— Позвольте мнѣ справиться о вашемъ экипажѣ.

Дама нѣсколько удивленно взглянула на Телепнева.

— Ахъ помилуйте, зачѣмъ же вамъ беспокоиться, вмѣшалъ-
ся баринъ, я сейчасъ надѣну пальто.

— Здѣсь такая толкотня, прервалъ Телепневъ, вамъ нельзя
будетъ оставить вашихъ дамъ. Я сію же минуту узнаю, по-
дастъ ли вашъ экипажъ.

— Очень вамъ будемъ благодарны, проговорила брюнетка, ласково взглянувъ на Телепнева. Будьте такъ добры, спросите тамъ внизу человѣка Деулиныхъ.

Телепневъ, толкая нѣмцевъ, сбѣжалъ внизъ и тотчасъ же отыскалъ человѣка Деулиныхъ, который дожидался кареты

— Сейчасъ подають, сказалъ онъ ему

Опять поднявшись въ зоологическую аудиторію, онъ пригласилъ дамъ, потому что карета должна была въ эту минуту стоять уже у подъѣзда.

Его очень любезно поблагодарили и баринъ, сходя вмѣстѣ съ нимъ по лѣстницѣ, пожелалъ узнать его имя и спросилъ:—давно ли онъ въ Д.

Телепневъ помогъ человѣку усадить барынь въ карету, и когда онъ хотѣлъ поддержать дѣвушку подъ локоть, то она отдернула руку и очень смѣло взглянула на него.

— Pardon, проговорилъ онъ смутившись и приподнимая фуражку.

Карета отѣхала, а баринъ стоялъ на подъѣздѣ и кричалъ фурмана.

— Вы въ первый разъ видѣли этого шута? спросилъ онъ Телепнева.

— Въ первый.

— Да, нечего сказать, только у французовъ есть этотъ огонь. Разумѣется, его нужно видѣть не здѣсь, а въ настоящей, знаете, обстановкѣ, послѣ добраго обѣда, когда идешь въ Пале-Рояль переварить нѣсколько каламбуровъ.

— Нѣмцы хохотали больше изъ приличія.

— Именно изъ приличія, прекрасно сказано. Эти честные нѣмцы—они хорошій народъ. я ихъ очень люблю. Вы въ корпораціи?

— Нѣтъ.

— Какъ же это можно?

— Былъ когда-то, но теперь другимъ занятъ.

— А! Я вамъ скажу: во всемъ этомъ есть что-то. Еслибъ у меня былъ сынъ—я бы его къ нѣмцамъ, но, къ сожалѣнію, у меня дочь.

Подѣхали фурманскія дрожки. Баринъ сѣлъ и очень живоально раскланялся.

— Прощайте-съ. Очень радъ познакомиться. Здѣсь русскихъ юношей нигдѣ не видно. Да знаете что: садитесь со мной, поѣдемте ужинать къ Л. Я васъ съ нимъ познакомлю.

Телепневъ во всякое другое время отказался бы. Но тутъ онъ почему-то подумалъ о дѣвушкѣ со строгимъ взглядомъ и согласился. Варцеля онъ отпустилъ домой, а самъ помѣстился съ бариномъ на дрожкахъ и они покатали въ отель „Лондонъ“

— Я очень люблю студентовъ, заговорилъ баринъ, и вотъ четвертый годъ живу въ Д. Женѣ моей много помогли здѣшніе доктора. Она нашла также, что здѣсь прекрасно преподають. Я въ это дѣло не вмѣшиваюсь, но оно такъ Я всегда хотѣлъ, чтобъ у меня въ домѣ были студенты; но мои дамы почему-то боятся ихъ. Это, кажется, отъ того, что года два тому назадъ, я пригласилъ цѣлую нѣмецкую корпорацію. Они у меня въ залѣ пѣли,—прекрасно пѣли,—ну, и угощалъ и подпоилъ ихъ порядкомъ. Премилый *passe temps* вышелъ, но моимъ дамамъ не совсѣмъ это понравилось.

— Какую же корпорацію вы приглашали?

— Не помню хорошенько, какую-то Тевтонію, или *Fraternitas*, что-то въ этакоемъ вкусѣ, не умѣю вамъ сказать.

„Ну, папенька!“ подумалъ Телепневъ.

— И вы долго намѣренны прожить здѣсь? спросилъ онъ.

— Ну, нѣтъ, не больше года. Моя Темира теперь ужъ большая дѣвица, черезъ годъ ее нужно вывозить; ну, а гдѣ же здѣсь. А впрочемъ это будетъ зависѣть отъ моихъ дамъ.

— Я какъ-то года три тому назадъ видалъ ваше семейство, а послѣ того никуда почти не показываюсь и совсѣмъ не знаю здѣсь русскаго общества.

— Да, я удивляюсь, глядя на теперешнюю молодежь. Помилуйте, господа. на что это похоже: нѣтъ пылу, поэзіи нѣтъ!

— Ну, удивляться тутъ особенно не чему, довольно рѣзко возразилъ Телепневъ: пришло время дѣлать дѣло, а не срывать только одни цвѣты удовольствія.

— Ахъ, помилуйте. Въ восемнадцать, двадцать лѣтъ молодой человѣкъ долженъ быть весь огонь; какіе тутъ вопросы; пускай только онъ живетъ всѣми порами: влюбляется, идетъ

на всякія дурачества, дуэлируетъ, пьетъ, — вотъ жизнь! И выходитъ человѣкъ, а не ученая кукла. Отчего я свѣжъ, отъ чего я молодъ душой? Потому что я понималъ, что такое наслаждение въ жизни, люблю все изящное, поэтическое, люблю искусство. А вы замѣтили нѣмочку, вдругъ оборвалъ онъ свою тираду, тамъ во второмъ ряду сидѣла, пикантная рожица, у плкъ, знаете, есть немножко что-то миндальное, но очень сластолюбивое, ну, и плечики еще не сложились, знаете въ періодъ прозябанія. Не такъ-ли? Хи, хп, хи!

— Виновать, не замѣтилъ.

— Да тутъ четвертое кресло отъ прохода. Чтѣ это нынче за молодые люди! Обѣтъ цѣломудрія на себя наложили! Да помилуйте, mon cher, въ чемъ же есть колеръ въ жизни, вѣчный ея букетъ.

— Въ нѣмочкахъ развѣ?

— Въ женщинѣ, mon cher, такъ какъ мы ее понимали и понимаемъ доселѣ. И нѣ одна только строгая красота составляетъ суть. Надо умѣть подмѣнить. И знаете, когда дойдешь до философскаго взгляда, то скажешь, какъ нѣмцы говорить: in der Nacht sind alle Katzen grau.

„Субъектъ!“ подумалъ Телепневъ.

Пріѣхали.

— Ну, пойдемте, юный Іосифъ прекрасный. Вижу, что вы неспорченный юноша, по я надѣюсь, что я васъ совращу. Мы будемъ ужинать по студенчески.

Баринъ прошелъ изъ бильярдной въ особую комнату, гдѣ уже собралась компанія и тамъ представилъ Телепнева французу. Общество состояло все изъ туземныхъ аристократовъ, разныхъ уланскихъ и драгунскихъ поручиковъ въ отставкѣ, между которыми виднѣлась тучная фигура одного забулдыги, барона, съ подкрашенными усами и масляными глазками.

Заужиномъ, новый знакомый Телепнева болталъ безъ умолку съ комикомъ, состязался съ нимъ въ говореніи каламбуровъ и выпилъ тамъ на порядкахъ. Французъ почему-то называлъ его monsieur le prince. Онъ ему очень пришелся по душѣ. M-r le prince сѣлъ тотчасъ послѣ ужина къ фортепіано и сталъ распѣвать французскія, гривуазныя пѣсенки.

— Ну вотъ, Іосифъ прекрасный, подшучивалъ онъ надъ

Телепневымъ, вотъ мы каковы въ сорокъ лѣтъ, и такими останемся, гордимся этимъ и будемъ гордиться. M-r L. chantez moi ça:

Mère Brabanson

son son ..

Потомъ онъ затапулъ какой-то чувствительный романсъ, при чемъ комически вытягивалъ свои губы и вскидывалъ руками по клавишамъ.

— Это мои грѣшки, обратился онъ къ Телепневу. И слова и музыка. Да, юноша, сохраните любовь къ искусству; музыка, — великое дѣло. А знаете эту русскую пѣсенку. Я не знаю, гдѣ ее сочинили, въ Казани или въ Нижнемъ:

Всюду зло развелось
И житьишко сошлось
Клиномъ.

Онъ рѣшительно завладѣлъ фортепиано, такъ что нѣмцы на силу отвели его, чтобъ послушать еще куплетовъ палерояльскаго грима.

„Вотъ тутъ и отгадай, думалъ Телепневъ, глядя на барина, кто изъ нихъ французъ. Кровь разная, а пустозвонство то одно и тоже. И у такой баладайки умная дѣвочка, да кажется и съ характеромъ“

— У меня дома тоже поютъ, заговорилъ съ нимъ опять жуиръ, но у моихъ дамъ вкусъ классическій, т. е., по моему, самый нестерпимый. Я вамъ скажу, что это все фанфаронство, ну чтò такое значить классическій. Ужъ на что вамъ серьезнѣе Россіи, на что серьезнѣе, такъ нѣтъ-съ, это, говорятъ, сладко очень. Ну, вотъ у насъ Глинка, много учености, но есть, есть мѣста. Знаете это:

Любви роскошная звѣзда
Ахъ! мой Ратмиръ.

Bravo, bravo m-r L! encore un couplet. Tra la, la... tra-la-la... Вы не согласны съ моимъ мнѣніемъ?

— Да, въ Глинкѣ все есть, и глубина, и страсть.

— Ну, вотъ это тоже, вы помните, какъ бишь это? да, да:

Въ горячпхъ объятяхъ дрожитъ.

Такъ вы, пожалуйста, ко мнѣ, очень буду радъ. Я еще здѣсь

недѣли три, а потомъ ѣду въ Петербургъ; знаете, — хорошенькаго по немножку. Пріѣзжайте на дняхъ обѣдать. Если вы вошли во вкусъ рейнвейна, то у меня, *mon cher*, есть такой *Asmansheimer*, — превыше всякаго описанія. *Bravo, Bravo L.!*

Inouf, inouf, inouf, remplacez mon verre

Inouf, inouf, inouf, adieu ma colèrel.

А напрасно вы не въ корпораціи, продолжалъ жуиръ. У нѣмцевъ есть прекрасная штучка, какъ бишь она начинается... *bis, bis!*

„Эдакая скотина,“ подумалъ Телепневъ, и выслѣдивши минутку, скрылся по фрунцузски, не прощаясь ни съ своимъ новымъ знакомымъ, ни съ проѣзжей знаменитостью.

III.

„Ѣхать, или не Ѣхать,“ спрашивалъ себя Телепневъ на другой день. „Онъ пошлякъ, этотъ баринъ, но на семейство можно взглянуть. Поѣду.“

Онъ надѣлъ новый вицъ-мундиръ, натянулъ свѣжія перчатки и послалъ Якова за фурманомъ. Велѣлъ онъ ему Ѣхать черезъ мостъ, сперва по *Ritterstrasse*, потомъ мимо уѣзднаго училища, совсѣмъ на выѣздъ города. Домъ, гдѣ жило русское семейство, выходилъ фасадомъ въ поле, такъ что нужно было подняться съ улицы на гору, по аллеѣ. Домъ имѣлъ претензію смахивать на замокъ. По угламъ торчали деревянные башенки съ фальшивыми окнами. Телепневъ подъѣхалъ къ среднему крыльцу часу во второмъ. Внизу въ сѣняхъ, его встрѣтилъ очень благообразный лакей въ коричневомъ ливрейномъ фракѣ и по-русски спросилъ его — кого онъ желаетъ видѣть. Телепневъ назвалъ барина.

— Иванъ Павлычъ у себя, пожалуйста.

Изъ сѣней поднималась деревянная лѣстница очень ми-

зернаго вида, говорившая ясно о нѣмецкихъ наклонностяхъ владѣльца дома, который желалъ придать ему рыцарскую наружность, но изъ экономіи вовсе не позаботился о внутренней отдѣлкѣ.

Во второмъ этажѣ, куда человекъ провелъ Телепнева, онъ вступилъ сперва въ небольшую переднюю, изъ которой налѣво была дверь въ столовую, а направо черезъ небольшой свѣтлый коридорчикъ въ огромную залу. Зала эта была въ два свѣта. Ближайшая ко входу половина ея служила гостиной. Тутъ стоялъ большой диванъ, столъ, покрытый разными бездѣлушками и книгами, словомъ *établissement*. Дальняя половина залы, сдавленная съ обѣихъ сторонъ двумя большими нѣмецкими печами, обставлена была двумя зеркалами и рядомъ стульевъ. Направо отъ входа стояло два рояля и этажерка съ нотами.

Лакей провелъ Телепнева, наискосокъ всей залы, къ лѣвому углу ея, откуда дверь вела въ кабинетъ хозяина. Телепневъ, идя за человекомъ, оглянулся во всѣ стороны, но никого не замѣтилъ.

Кабинетъ жуира былъ устроенъ очень уютно. Вдоль одной стѣны раскинулся широкій турецкій диванъ ярко краснаго цвѣта съ разводами, стѣны были обиты персидской матеріей и увѣшаны всякими трофеями. Надъ каминомъ портретъ молодой женщины съ распущенными волосами; большой письменный столъ, съ придѣланной къ нему этажеркой для книги. Множество гравюръ и мюнстеровская галлерейя вдоль всей стѣны, по два портрета въ рядъ.

Баринъ встрѣтилъ Телепнева въ бархатномъ архалучкѣ и малиновой фескѣ.

— *Enchanté*. Благодарю, что не забыли моего приглашенія. Зачѣмъ вы вчера такъ рано уѣхали, а мы еще много бамбошировали. Садитесь, хотите сигару?

Телепневъ усѣлся покойно на турецкій диванъ; не отказался и отъ сигары.

— Не правда ли, что здѣсь очень мило. Я, знаете, все самъ. Главный мой талантъ—это быть обойщикомъ. Только, къ сожалѣнію, негдѣ мнѣ расходиться. Я, какъ Дюма, котораго настоящее призваніе быть поваромъ.

— Будто бы? спросилъ Телепневъ.

— Я васъ увѣряю, я съ нимъ знакомъ, онъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ это. Читаю теперь одну вещь. Какъ хотите, а французы все-таки... имъ принадлежитъ инициатива. Мой постоянный коммисіонеръ NN. Я имъ доволенъ. Вы не видали этой книжки?

И онъ взялъ со стола небольшой томикъ, въ желтой бумажѣ. Телепневъ взглянулъ на обертку и прочелъ: „Les fleurs du mal“

— Нѣтъ-съ, не знаю я этого. Вообще я не охотникъ до французской беллетристики.

— Напрасно, напрасно. Инициатива все-таки принадлежитъ имъ. Видите ли, это начинающій—этотъ господинъ Бодлеръ. Но я вамъ скажу, какая сила! Сколько яду. Такъ и пронзываетъ васъ. И стихъ, по моему, звучнѣе Ламартиновскаго. Конечно, если хотите, сумасшедшее воображеніе, но пикантно, въ высшей степени пикантно. Вотъ послушайте.

Баринъ всталъ посреди комнаты и размахивая рукой, задекламировалъ:

Nos péchés sent têtues, nos repentirs sont lâches,
Nous nous faisons payer largement nos aveux
Et nous rentrons gaiment dans le chemin bourbeux,
Croyant par de vils pleures laver toutes nos taches.

— Наборъ фразъ, рѣшилъ Телепневъ

— Послушайте, mon cher. Ёдкость-то, ёдкость-то. А дальше послушайте:

Sur l'oreiller du mal, c'est Satan-Trismégiste
Qui berce longuement nos esprits enchantés,
Et le riche métal de notre volonté
Est tout vaporisé par se savant chimiste!

— Вранье! опять рѣшилъ Телепневъ.

— Да вы вслушайтесь! нѣтъ, молодой человекъ, вы слишкомъ засидѣлись у нѣмцевъ. Вы извините меня, что я такъ говорю. Вы возьмите съ собой книжку, пожалуйста, возьмите. Вы не подумайте, чтобъ я былъ такъ пристрастенъ къ однимъ французамъ. О, нѣтъ. Изъ нашихъ я очень люблю Некрасова. Я думаю, мои дамы въ гостиной. Пойдемте.

Телепневъ поднялся съ дивана и немножко сконфузился. Онъ чувствовалъ неловкость, одичалость, даже началъ натягивать на правую руку перчатку, которую передъ тѣмъ снялъ.

Баринъ вывелъ его въ залу, гдѣ около стола сидѣли три женскія фигуры. Подойдя къ столу, Телепневъ раскланялся и первая отвѣчала на его поклонъ бѣлокурая дама, сидѣвшая на диванѣ—хозяйка дома.

— Ma chère ami, представляю тебѣ... М-г Телепневъ, нашъ вчерашній благодѣтель. Ma belle soeur et ma fille, указалъ онъ на брюнетку и молодую дѣвушку.

— Вы такъ были любезны вчера, начала протяжнымъ и картавымъ голосомъ хозяйка, и посадила Телепнева около себя на большое кресло, гдѣ ему было очень неловко.

Дѣвушка взглянула на него своимъ гордымъ взглядомъ и сейчасъ же начала что-то такое вышивать. Телепневъ остался очень недоволенъ этимъ взглядомъ и почувствовалъ даже нѣкоторое раздраженіе.

„Что она кобенится“, подумалъ онъ.

Брюнетка присѣла ближе къ нему и откинувшись какъ-то на бокъ, обратила на него очень ласковые, прищуренные глаза.

— Ваша вчерашняя любезность, заговорила она низкимъ пріятнымъ контральто, была вовсе не похожа на обыкновенные нравы нѣмецкихъ студентовъ.

— Да какой же я нѣмецкій студентъ, отвѣчалъ ей Телепневъ уже увѣреннымъ тономъ. Я только штудирую у нѣмцевъ, какъ здѣсь выражаются, но мои симпатіи вовсе не принадлежать буршикозному міру.

— О, напрасно, вскричалъ баринъ. Во всемъ этомъ есть идея. Нужно, чтобы молодость была, молодость.

— Какая же идея, рѣзко оборвалъ Телепневъ. Я, признаюсь, въ теченіе всего моего корпораціоннаго искуса не нашелъ ее. Жалкій остатокъ средневѣковаго быта—вотъ что по моему буршентумъ, при настоящемъ положеніи общества.

— О, какъ вы строги, замѣтила, покачавъ головой, брюнетка.

Дѣвушка вскинула глазами на Телепнева, но только на одну секунду, потомъ опять, съ совершенно холоднымъ видомъ, продолжала свою работу.

— Если вы можете мнѣ указать что-нибудь высокое и разумное въ нѣмецкомъ буршентумѣ—сдѣлайте милость. Къ сожалѣнію, тѣ русскіе, которые пріѣзжаютъ сюда, до сихъ поръ платятъ дань смѣшному увлеченію дѣтскими формами и кончаютъ очень плачевно.

— Ахъ, mon cher, въ какомъ вы видѣ все представляете. Ну, покутать, разумѣется, но это полируетъ очень. Вотъ въ чемъ вопросъ.

— Кутежъ кутежу рознь. А больше остаются филистрами по десяти лѣтъ и спиваются съ кругу.

— Ахъ, Боже мой, простонала хозяйка дома, какая жалость.

Блѣдное, исхудалое лицо барыни, съ приподнятыми бровями и всегда полуоткрытымъ ртомъ, сохраняло постоянно аффектированное выраженіе. А тонъ ея голоса былъ такой, точно будто она всему удивлялась.

— Я васъ увѣряю, продолжалъ Телепневъ, выпрямившись въ своемъ креслѣ, что я нисколько не мрачными красками рисую судьбу очень многихъ русскихъ студентовъ.

— Значить, прервала его брюнетка, вы не долюбливаете нѣмцевъ и нѣмецкую жизнь.

— Нѣмцевъ—нѣтъ. Въ нѣмецкой натурѣ есть много прекрасныхъ чертъ: смѣлость мысли, энергія, которой у насъ нѣтъ ни на грошъ, много добродушія. Но здѣшніе нѣмцы вѣдь какіе-то выродки. Ну, и студенческая жизнь, какъ я ужъ вамъ сказалъ, придаетъ буршамъ глупый, заносчивый тонъ и опошляетъ ихъ.

На это m-me Деулина не нашла возраженія. Она только кроткими и удивленными глазами взглянула на гостя и вывернула какъ-то ладони.

— Нѣтъ, mon cher, вскричалъ жуиръ, если вы не хотите со мной ссориться, то, пожалуйста, не браните такъ этихъ бѣдныхъ нѣмцевъ. Я опять повторю, еслибъ у меня былъ сынъ—непремѣнно его въ корпорацію, пускай онъ пройдетъ всѣ эти мытарства.

Телепневу показалось, что дѣвушка, слушая, что говорить отецъ, немножко затуманилась.

— Вы здѣсь нигдѣ не бываете, спросила брюнетка, начиная *занимать* Телепнева

Это отъ него не укрылось. Онъ опять обозлился.

— У меня нѣтъ никакихъ филистерій, насмѣшливо отвѣтилъ онъ—такъ вѣдь бурши называютъ семейные дома. Я провелъ три года въ постоянной работѣ, и, право, не о чемъ другомъ было подумать. Я съ тѣмъ и пріѣхалъ сюда; пріѣхалъ русскимъ второкурсникомъ, у котораго много пошло времени на свѣтскую пустоту.

Рѣзкая манера Телепнева видимо подѣйствовала на дамъ. Хозяйка силилась сказать ему что-нибудь подходящее и кротко улыбалась, а у брюнетки явилось желаніе осадить молодаго студента. Жуиръ ходилъ около печки и посвистывалъ; а дѣвушка усиленно наклонилась надъ своей работой.

„Что же это она молчитъ, какъ кукла“, подумалъ Телепневъ.

— Мнѣ кажется, начала брюнетка, вы оттого такъ хотите уйти отъ всѣхъ увлеченій, что въ васъ еще очень много молодости...

— Вы такъ думаете? прервалъ ее Телепневъ.

— Да, мнѣ такъ кажется, отвѣчала съ нѣкоторымъ заигрываніемъ брюнетка.

— Вы жестоко ошибаетесь. Еслибъ я хотѣлъ играть только въ большіе, то я бы такъ долго не выдержалъ. Кромѣ того, студенческую жизнь я узналъ, пройдя всѣ ея прелести и убѣдившись личнымъ опытомъ въ ея пустотѣ. Мнѣ кажется, у насъ вообще, между русскими, всякое сколько-нибудь энергическое желаніе жить по своему серьезнымъ интересамъ, особливо если это въ молодомъ человѣкѣ, всегда объясняется самыми мелкими, или смѣшными побужденіями.

— О, нѣтъ, вздохнула хозяйка, но дальше уже не повела своей фразы. Видно было, что Телепневъ ее подавлялъ.

Его тирада заставила даже жуира остановиться и вытаращить на него глаза. Брюнетка улыбнулась довольно язвительно. Дѣвушка посмотрѣла на всѣхъ съ недоумѣніемъ. Вышла маленькая пауза.

— Послушайте, mon cher, вскричалъ жуиръ, вы, пожалуйста, не сердитесь на мою belle soeur. У ней есть особенный талантъ говорить всѣмъ молодымъ людямъ самыя невозможныя вещи.

Телепневъ какъ-то съежился и покраснѣлъ.

— Мы здѣсь знакомы немножко съ нѣмецкимъ обществомъ, начала тянуть хозяйка для контенансу. Здѣсь есть очень милые люди. И вы совершенно справедливо сказали о нѣмцахъ; въ нихъ столько почтенныхъ свойствъ; какое нравственное воспитаніе даютъ они дѣтямъ, какихъ прекрасныхъ и дешовыхъ учителей здѣсь можно имѣть! Я очень рада за свою дочь, что она училась здѣсь.

Телепневъ взглянулъ на дѣвушку и подумалъ: чему ты еще выучилась?

— И потомъ, продолжала барыня, я имѣю нѣкоторую слабость къ Д., потому что здѣшніе доктора меня совсѣмъ подняли на ноги.

— Да, mon cher, вскричалъ жуиръ, при женѣ моей тоже не обижайте нѣмцевъ, она на нихъ такъ и дышетъ.

Брюнеткѣ все-таки хотѣлось сдѣлать какой-нибудь репримандъ въ отвѣтъ на звонкую тираду Телепнева.

— Неужели вы такъ прожили три года безъ всякаго общества?

— Я жилъ съ тѣми людьми, какіе мнѣ нужны были.

— Ахъ, какой эгоизмъ!

— Можетъ быть, но я его предпочитаю той пустотѣ, въ которую впадаютъ русскіе молодые люди, неумѣющіе создать себѣ никакой серьезной цѣли.

Телепневъ выговорилъ это громко и скоро, но нечаянно встрѣтился глазами съ дѣвушкой и покраснѣлъ. Въ ея взглядѣ онъ прочелъ насмѣшку

— Мнѣ кажется, продолжала брюнетка, вы напускаете на себя такой тонъ, который едва-ли выработанъ вами...

— Вы жестоко ошибаетесь, повторилъ съ прежней интонаціей Телепневъ. Мнѣ, въ моей здѣшней трудовой жизни, нечего было напускать какую-нибудь манерность, какое-нибудь фатовство, я высказываю свои убѣжденія, которыя не въ книжкахъ вычиталъ, а пережилъ.

Бѣлая барыня такъ и присѣла. На лицѣ ея написанъ былъ испугъ: ну, какъ студентъ выкинетъ такую штуку, что ея дочь должна будетъ удалиться изъ гостиной. Жуиръ подоспѣлъ на помощь къ дамамъ.

— Ай, ай, mon cher, вскричалъ онъ, вы ужасный радикалъ. Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ.

Это сказалъ поэтъ, mon cher. Великую истину сказалъ онъ. А вы знаете, mesdames, что м-г Телепневъ, не смотря на свою философію, любить музыку и самъ хорошій музыкантъ.

— Но студенческія пѣсни навѣрное презираетъ, вставила съ усмѣшкой брюнетка.

— Нѣтъ-съ, я пѣлъ студенческія пѣсни, когда былъ въ корпораціи. У нѣмцевъ есть двѣ, три порядочныя пѣсни съ оригинальнымъ колоритомъ, остальное все грубо и въ высшей степени однообразно. Русскіе студенты перековеркали нѣмецкіе мотивы и слова, и репертуаръ ихъ бурсацкихъ хоровъ—самый жалкій.

— Ахъ, нѣтъ, заговорила барыня, я очень люблю ихъ пѣніе на Домѣ, столько свѣжести въ этихъ нѣмецкихъ мелодіяхъ. Года два тому назадъ,—и она указала на дочь,—мы почти каждый день ѣздили слушать ихъ.

— Нѣмцы поютъ сносно, рѣшилъ Телепневъ, но на Домѣ они мало поютъ собственно студенческихъ пѣсенъ, а больше квартетныя и хоровыя Volkslieder

— Вотъ въ этомъ я съ вами согласенъ, mon cher, мои дамы въ восторгѣ отъ нѣмецкой музыки. Хоровыя эти вещи у студентовъ еще можно слушать; но вообще нѣмецкія ораторіи, симфоніи и всякія другія премудрости—все это скука мертвенная.

— Ну, я не согласенъ съ вами, оборвалъ его Телепневъ. Не хочу быть одностороннимъ, но думаю, что настоящая серьезная музыка существуетъ только въ Германіи. И еслибъ наши русскіе: и мужчины, и барыни, и барышни не сидѣли на разной дребедени, не восхищались семигривенными итальянскими конфектами, какъ ихъ называетъ одинъ мой другъ, очень даровитый музыкантъ, тогда бы къ нашему обществу привился серьезный музыкальный вкусъ. А то посмотрите, что у насъ дѣлается: дѣвочку, не спрашиваясь, есть ли у нея какой-нибудь талантъ, или нѣтъ—начнутъ сейчасъ учить на фортепіано, даютъ ей разный вздоръ: Trois rêveries par Rosellen или мазурку Шульгофа, а тамъ пойдутъ разныя Прюданы и тому подобный французскій ералашъ. А выйдетъ барышня замужъ, опустится, и черезъ пять лѣтъ все у ней

испортится такъ, что она однимъ пальцемъ наигрываетъ: во саду ли въ огородѣ.

— Mon cher, mon cher, закричалъ жуиръ и подошелъ къ Телепневу, вы забываете, сколько у французовъ веселости, силы, колорита въ ихъ музыкѣ. Robert, развѣ это нѣмцамъ чета! Возьмите вы, какой интересъ возбуждаетъ, какое богатство мотивовъ. Et l'echafaudage du drame musical? вы это ни за что считаете?

— Во первыхъ, Иванъ Павловичъ, Мейерберъ не французъ, а во вторыхъ, у него на одно талантливое мѣсто десять трескучихъ, бьющихъ только на эффектъ.

— Ну, ужъ это, mon cher, вандализмъ, извините меня. Былъ я въ Германіи и въ Дрезденѣ и вездѣ слышалъ всѣхъ вашихъ хваленыхъ Бетховеновъ и Вагнеровъ, и вотъ этого, какъ бишь, его вотъ ты еще все играешь Темира?

— Шумана, нехотя подсказала дѣвушка.

— Ну да, Шумана и всѣхъ этихъ нѣмецкихъ органистовъ. И чтожь это? все фуги, каноны, контрапункты разные, но страсти нѣтъ ни капли, все это нѣмецкія панихиды.

— Ну-съ, я считаю такой взглядъ совершенно поверхностнымъ, отрѣзалъ Телепневъ, всталъ и сдѣлалъ общій поклонъ.

Барыня открыла свой ротъ и удивленные глаза. Маневръ Телепнева былъ такъ быстръ, что опять повергъ ее въ крайнее смущеніе...

— Я надѣюсь, начала она, собравшись съ духомъ, что вы насъ не забудете.

— Прощайте-съ, процѣдила сквозь зубы брюнетка.

Дѣвушка поклонилась ему чуть чуть.

— Bonjour, mon cher, крикнулъ жуиръ, навѣщайте насъ; только ради Бога освободитесь вы отъ вашихъ ужасныхъ взглядовъ.

— Не чувствую надобности, рѣзко отвѣтилъ Телепневъ и кивнувъ ему головой—вышелъ.

.. „Ну, такъ и ожидалъ, говорилъ Телепневъ, усаживаясь въ сани: обыкновенные русошты. Напепька болванъ, гороховый шутъ, маменька размазня какая-то, потомъ старая дѣва съ ретензіями и дѣвчонка кукла. Стоило ѣздить!“

Проѣхавши подороги, онъ сталъ нѣсколько иначе разсуждать. Личность молодой дѣвушки возбуждала интересъ. Видно было, что она не очень удовлетворяется своими родителями и своей тетенькой.

„Три года тому назадъ она возбуждала надежды; но три года много значить, или замуштровали, или исковеркали ее, и потомъ каждый день слушаетъ такія пошлости отъ тятеньки. Я, кажется, немножко рѣзковато съ ними обошелся, мама на меня взирала все съ изумленіемъ; да, вѣдь, съ этимъ народомъ нельзя иначе“.

Но нѣкоторый внутренній голосъ шепнулъ ему, что онъ велъ себя аrogантно, выражаясь по бурсацки, что въ немъ не было уже прежняго, благовоспитаннаго и мягкаго Телепнева. Это его немножко даже огорчило.

„Очень нужно, проговорилъ онъ, входя въ свою квартиру, велъ себя какъ слѣдуетъ. Раскаиваюсь въ одномъ, что поѣхалъ въ эту глупѣйшую филистерію“.

А въ гостиной, которую только что оставилъ Телепневъ, о немъ произнесено было кое-что не совсѣмъ для него лестное.

— *L'étudiant est impossible!* первая сказала молодая дѣвушка и нетерпѣливо пожала плечами.

— Ахъ, Боже, какой тонъ, затянула барыня, разводя своими ладонями. *Jean*, какъ это ты могъ привести такого?

— Ахъ, *ma chère*, горячится какъ мальчикъ, а впрочемъ что мнѣ до этого за дѣло, и съ этими словами онъ отправился въ кабинетъ.

— Онъ просто страшенъ, этотъ юноша, проговорила брюнетка, вставая съ мѣста, какой-то маленькій профессоръ въ курткѣ. *Du reste, il n'est pas bête*; только ужасно скученъ.

— Я надѣюсь, что *Jean* не будетъ его больше звать. Однако какъ жалко, что въ такомъ молодомъ человѣкѣ и вдругъ такая самоувѣренность.

— Я гдѣ-то его видѣла, сказала точно про себя дѣвушка, и подошедши къ роялю вскричала: какой уродъ!...

IV

Вечеромъ того дня, когда Телепневъ былъ въ филистеріи, русскіе бурсаки все сновали около той квартиры, гдѣ жилъ филистръ Лукусъ. На всѣхъ фізіономіяхъ видно было особенная какая-то тревожность. Въ послѣднее время бурсаки въ такой степени пропились, что дольше существовать не представлялась никакой возможности.

— Бѣги, торопливо говорилъ Христіанъ Ивановичъ черно-волосому фуксу, только что пріѣхавшему изъ Россіи, бѣги и анцигируй туда, знаешь, въ Розовую улицу, чтобъ сейчас-же шли къ Лукусу на квартиру.

На сходы сидѣли угрюмые бурсаки, уже нѣсколько дней ничего не пившіе вслѣдствіе полнаго оскудѣнія финансовъ. Многіе сдѣлались уже филистрами. Жирный еще больше потолстѣлъ, а татуированный совсѣмъ облѣзъ отъ дебѣширства.

— Господа, началъ Лукусъ, когда вся компанія собралась. Въ нашемъ положеніи мы должны быть консеквентъ. Нѣмцы до такой степени аrogантъ, что мы должны ихъ предупредить. На послѣднемъ конвентѣ, мы послали имъ бумагу, которую они не снесутъ. Неужели же мы допустимъ, чтобы эти кноты сдѣлали намъ какой нибудь афронть, или подвергли насъ ферруфу

— Какъ можно, нѣтъ, заговорили бурсаки, этѣго нельзя допускать!

— Потому я предлагаю, господа, рѣшить: не лучше-ли намъ теперь *ауфлезировать* нашу корпорацію?

— Какъ ауфлезировать? вскричали два три голоса.

— Да такъ же, господа.

— Послушай, началъ іерусалимскій буршъ, это совершенный консеквентъ: не нужно допускать до того, чтобы нѣмцы посадили насъ на ферруфъ; но если мы ауфлезируемъ корпорацію, то что же насъ ожидаетъ? Мы будемъ просто вильдера, которыхъ припишутъ къ чухнамъ.

— Вы не дали мнѣ договорить, господа, возразилъ Лу-

кусь, нельзя допустить, чтобы кноты нѣмцы приписали насъ къ своимъ корпораціямъ; но у насъ есть другой выходъ: составимте такую бумагу въ шаржиртенъ-конвентъ, гдѣ мы скажемъ, что наша національность и другія причины даютъ намъ право, аффлезируя корпорацію, образовать свое общество и не гарантировать команъ.

— Не позволятъ, крикнулъ татуированный

— Ну, это еще вопросъ, позволятъ или нѣтъ. Если и посадятъ насъ на ферруфъ, то лучше же за то, что мы отложились отъ комана, нежели за какойнибудь штрундъ, чего мы можемъ ожидать съ часу на часъ.

Всѣ заговорили, и долго Несторъ корпораціи не могъ продолжать своего *propositum*.

— Надо написать такую бумагу, наконецъ заговорилъ онъ, улучивъ минуту, и пригласить русскихъ вильдеровъ участвовать въ этомъ. Ихъ здѣсь нѣсколько человекъ.

— Да что, они кноты, связываться съ ними! закричали бурсаки.

— Прекрасно такъ, господа, по нужно быть консеквентъ. Лишніе голоса намъ необходимы, а мы въ бумагѣ нашей будемъ говорить о національности; стало быть, надо пригласить всѣхъ русскихъ, кромѣ, разумѣется, тѣхъ, которые въ нѣмецкихъ корпораціяхъ и совсѣмъ очухонились.

Пошло на голоса. Мнѣніе Лукуса взяло верхъ. Мандельштернъ сѣлъ писать бумагу съ разными нѣмецкими закорючками.

— Христіанъ Ивановичъ, обратился Лукусъ къ Циѳирзону, ты посылаешь въ Розовую улицу?

— Посылалъ, отвѣтилъ бывший ольдерманъ. Они должны скоро явиться сюда.

— Это кто? спросилъ желтый, который въ послѣдніе три года сталъ еще дубоватѣе.

— Это вотъ онъ—и Лукусъ указалъ на растерзаннаго филистра—сдѣлалъ *propositum*, которое я нахожу очень консеквентъ: обратиться къ полякамъ. Между ними есть очень хорошіе ребята, мы имъ расскажемъ наше положеніе и хотя у нихъ нѣтъ представителей на шаржиртенъ-конвентѣ, но они могутъ насъ поддержать.

Это опять взволновало бурсаковъ, но опять *propositum* Лукуса принято было большинствомъ голосовъ. Впрочемъ, компанія сбилась уже съ панталыку, и ей во всякомъ случаѣ предстояла необходимость стусеваться и покончить съ буршикозною жизнью. Въ восьмомъ часу, въ дверь съ задняго крыльца, постучали и единственный фуксъ, черноватый малый съ длинными волосами, ввелъ трехъ поляковъ, представителей двухъ партій польскаго общества *Щегула* и *Огула*, т. е. студентовъ изъ Литвы и изъ Короны. Поляки эти были: Францъ Ельшальскій, Адамъ Шуляковскій и Венцеславъ Тшжечекъ. Литвины были рослый народъ, съ толстыми носами и губами. Венцеславъ Тшжечекъ—худой, черноватый студентъ, съ нервнымъ лицомъ, въ синихъ очкахъ. Всѣ трое были одѣты въ чамарки и большіе сапоги.

— Мы васъ просили, господа, начать почему-то жолтый, не давши говорить Лукусу, принять участіе въ нашемъ дѣлѣ.

Паны двусмысленно улыгнулись.

— Мы, господа, хотимъ ауфлезировать свою корпорацію, потому что мы, наконецъ, русскіе, но намъ не хорошо будетъ приписаться вильдерами къ этимъ чухонцамъ. По этому мы хотимъ, по примѣру вашему, составить особое общество и не гарантировать комана.

— Дображе, сказалъ одинъ литвинъ подобродушиѣе. Остальные молчали.

— Вотъ видите ли, господа, прервалъ Лукусъ нескладную рѣчь жолтаго. Насъ здѣсь, какъ вамъ извѣстно, очень мало. Ну, и согласитесь, что національность много значитъ. Вы тоже когда-то составляли корпорацію—Полонію, а потомъ пришли къ *Ueberzeugung*, что это не консеквентъ. И теперь вы совершенно свободны отъ всѣхъ этихъ чухонскихъ законовъ (Лукусъ все это говорилъ скрѣпя сердце); стало быть, почему же намъ, видя, что нѣмцы дѣлають намъ разныя гадости, грозятъ посадить насъ на ферруфъ, не отдѣлится отъ нихъ навсегда?

Представитель Огула смотрѣлъ насмѣшливо изъ подъ своихъ синихъ очковъ, и все дожидался, чтобъ ему объяснили, за чѣмъ же собственно притащили его и двухъ молодцовъ изъ Щегула.

— Мы бы хотѣли знать, продолжалъ Лукусъ, можемъ ли мы надѣяться на вашу поддержку?

— Польскій конвентъ, отвѣчалъ одинъ изъ литвиновъ, не вмѣшивается въ дѣла корпорацій между собою. Нѣмцы ничего вамъ сдѣлать не могутъ.

— Да, прервалъ его Лукусъ, но намъ бы хотѣлось знать, какъ вашъ конвентъ смотритъ на это дѣло.

— Мы не можемъ говорить чужимъ того, что у насъ бываетъ на конвентѣ, съ разстановкой произнесъ представитель Огула, опуская глаза.

Дѣло выходило дрянъ. Славянскіе принцыпалы вели себя очень холодно и двусмысленно. Оставалось напоить ихъ чайкомъ, а потомъ дать по стакану пива съ злокачественнымъ бутербротомъ: на сженку корпорація уже не имѣла достаточно фондовъ.

— Нѣмцы васъ боятся, говорилъ желтый одному изъ поляковъ за бутылкой пива. Вы съ ними не выходите на цхъ глупыхъ гиберахъ, а сейчасъ на мензурку и пифъ-патъ. Если они увидятъ, что вы за насъ, тогда не будутъ аrogантъ.

— Наши ландсманы, отвѣчалъ ему представитель Огула, сами себѣ завоевали эту свободу отъ нѣмецкихъ правилъ. Ну, вотъ и вы также постарайтесь...

— Да, подхватилъ Лукусъ, но тогда было другое время, и васъ считалось больше чѣмъ теперь, и вы составляли одно общество.

Славянскихъ принцыпаловъ проводили весьма вѣжливо; но по уходѣ ихъ тотчасъ смекнули, что отъ нихъ какъ отъ козловъ -- ни шерсти, ни молока. Бумага къ нѣмцамъ была переписана и Цифирзонъ отдалъ фуксу приказъ, справиться въ Pedellstube объ адресѣ всѣхъ русскихъ вильдеровъ, въ томъ числѣ и Телепнева, и просить ихъ явиться на конвентъ бурсаковъ черезъ три дня, въ квартиру желтаго, въ двѣнадцать часовъ. Всѣ сидѣли, какъ въ воду опущенные. Гезефу не на что было достать, корпораціонныхъ долговъ заплатить нечѣмъ. Все точно будто ждало появленія какого нибудь чуда, которое бы возродило бурсацкую корпорацію. Унылыми глазами смотрѣлъ растерзанный филистръ на первую страницу

тетради, въ которой записывались протоколы сходовъ, разрисованную разными бурсадскими тротсеями, и гдѣ, по срединѣ, была разноцвѣтная надпись: *Vivat, crescat, floreat Rutenia.*

V

„Нельзя же мнѣ, однако, думалъ Телепневъ, сидя въ своемъ вольтеровскомъ креслѣ, не поѣхать къ нимъ хоть вечеркомъ. Положимъ, это простая, очень пошловатая, обыкновенная русская филистерія, но нѣтъ благовидной причины прервать съ ними дальнѣйшее знакомство“

Онъ записалъ кое-что въ свой меморандумъ о новыхъ русскихъ знакомыхъ и поставилъ большое *nota bene* въ томъ мѣстѣ, гдѣ значилось о молодой дѣвушкѣ. Тамъ написалъ онъ, что дѣвочка смотритъ теперь куклой, но что, вѣроятно, она не совсѣмъ еще извращена глупымъ воспитаніемъ.

„Надо поѣхать всеркомъ“, рѣшилъ Телепневъ, и велѣлъ Якову подать одѣться и сходить за фурманомъ. Въ большомъ домѣ въ этотъ вечеръ, вѣроятно, не ожидали постороннихъ. Жуиръ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, предъ каминомъ, пилъ зельтерскую воду и очень оживленно, хотя въ полголоса, разговаривалъ съ своей *belle soeur*, которая развалилась съ ногами на турецкомъ диванѣ.

— Нѣтъ, Нина, говорилъ жуиръ, выпячивая губы, ты меня сдѣлаешь несчастнымъ человѣкомъ. Ты меня знаешь, я на все готовъ. Я не посмотрю на семейство. Я страстный человѣкъ.

— Полно, Jean, медленно отвѣчала ему Нина Александровна, покачивая своей ножкой, ну, какой ты страстный человѣкъ. Ты слишкомъ для этого — *volage*. Потому-то я съ тобой такъ и говорю, что я тебя прекрасно знаю.

— Нѣтъ, ты меня не знаешь и не имѣешь права такъ меня мучить. Помилуй, какую будущность готовишь ты мнѣ.

Помилуй, Нина, чѣмъ же ты недовольна, что можетъ тебя огорчать. Это просто у тебя хандра.

— Да, хоть бы и хандра, отвѣчала молодая женщина, все-таки ты ее не вылъчишь. Я не могу дольше оставаться въ этой глупой жизни.

— Но чего же тебѣ надо, ma chère, птичьяго молока?

— Мнѣ надобно человѣка, мужчину; а ты тряпка.

— Нѣтъ, ты не уѣдешь, прервалъ жуиръ, вставая съ кресель, я лягу поперекъ дороги—ты не уѣдешь!

— Ничего этого не будетъ, и пожалуйста ты меня не пугай. Это смѣшно, Jean; такой эгоистъ, какъ ты, никогда ни на что крупное не рѣшится.

Жуиръ заходилъ по комнатѣ и пускалъ густые клубы дыма.

— Я убѣгу изъ дому, вскричалъ онъ.

— И прекрасно сдѣлаешь, потому что здѣсь ты совершенно бесполезенъ, ты только торчишь на глазахъ, и надѣдаешь Julie. Поѣзжай себѣ въ Петербургъ на зиму, ходи тамъ къ Дюссо, играй на бильярдѣ, ѣзди въ англійскій клубъ, таскайся тамъ съ разными камеліями—вотъ твоя жизнь.

Каминъ догоралъ. Въ кабинетъ становилось темно.

— Нѣтъ, Нина, прошепталъ жуиръ, подходя къ турецкому дивану и становясь на него однимъ колѣномъ. Онъ взялъ ея руку Нѣтъ, ты меня не покинешь, я одинъ въ этомъ мірѣ. Что жена? Она меня не понимаетъ.

— Да тебя понимать-то нечего.

— Полно, не растравляй моихъ ранъ. Говорю тебѣ, что я страстный человѣкъ. Неужели ты меня подозрѣваешь въ чемъ?

— Въ чемъ подозрѣвать, полно говорить вздоръ, Jean. Я ужъ давнымъ давно перестала чувствовать какую бы то ни было ревность. Развѣ можно ревновать такихъ людей, какъ ты. Вотъ ты теперь сидишь со мной, а войди другая женщина, и останься съ тобой наединѣ, ну ты сейчасъ же примешься за свое всегдашнее серьезное занятіе, — за волокитство.

— Mon Dieu, Нина! je me brûlerai la cervelle!

— Посмотримъ. Дѣлай съ собой что хочешь, но я живу здѣсь послѣднюю зиму, это мое рѣшительное слово.

Жуиръ взялся за волосы и хотѣлъ сдѣлать какое-то энер-

гическое приближеніе къ своей belle soeur, когда въ дверь послышался стукъ.

— Кто тамъ? сердито спросилъ онъ и подбѣжалъ къ двери.

— Зажги, по крайней мѣрѣ, свѣчу, сказала спокойно брюнетка, вставая на диванѣ.

Жуиръ зажегъ свѣчу и повторилъ свой вопросъ.

— Я-съ, отвѣчалъ голосъ за дверью, г. Телепневъ, отвѣчалъ лакей.

— Ah, que diable l'emporte!

— Я пойду его занимать, сказала брюнетка. И не обращая вниманія на то, что жуиръ взялъ было ее за руку, оправила платье и вышла въ залу, освѣщенную большой столовой лампой, подъ разноцвѣтнымъ абажуромъ.

Телепневъ стоялъ между двумя роялями въ тѣни, которую бросала отъ себя одна изъ боковыхъ печей. Онъ слышалъ возгласъ жуира и догадался объ его содержаніи. Брюнетка поклонилась ему, прищуривъ, по обыкновенію, свои глаза. Телепневъ досадовалъ на себя въ эту минуту, что онъ поѣхалъ не зная зачѣмъ, сидѣть въ пошлѣйшей филистеріи. Да и возгласъ хозяйина дома не могъ смягчить расположенія его духа.

— Сестра сейчасъ выйдетъ, сказала брюнетка, садитесь, пожалуйста. Вы послѣдній разъ такъ скоро ушли, что я рѣшительно не успѣла познакомиться съ вами.

— Напротивъ, отвѣтилъ Телепневъ, мнѣ кажется, что я слишкомъ долго сидѣлъ, и завелъ даже неумѣстный споръ. Вы куда нибудь не собираетесь ли ѣхать? такъ, пожалуйста, скажите.

— Нѣтъ, нѣтъ. Иванъ Павловичъ дома, сейчасъ выйдетъ, а у Темиры сидитъ одинъ профессоръ, онъ ей даетъ уроки натуральной исторіи. Сестра всегда присутствуетъ при этихъ урокахъ.

— Ваша племянница еще продолжаетъ занятія?

— Какже. Къ ней ходятъ нѣкоторые профессора. Она очень способная дѣвушка. А вы, м-г Телепневъ, чѣмъ же собственно занимаетесь?

— Позвольте мнѣ вамъ безъ церемоніи сказать, что вѣдь это для васъ совсѣмъ не интересно, занимаюсь ли я анатоміей или ѣздой на конькахъ. Вы просто спросили для того, чтобы меня чѣмъ нибудь занять.

— Ахъ, Боже мой, почему же?

— Да такъ-съ. Я нисколько не желаю задѣвать вашего са-
молюбія, но вообще у насъ женщины не могутъ еще инте-
ресоваться какими нибудь научными вопросами.

— Положимъ такъ, м-г Телепневъ, возразила она, за-
дѣтая за живое, допустимъ даже, что я начала васъ зани-
мать, но вамъ гораздо пріятнѣе говорить о томъ, что васъ
интересуетъ, чѣмъ о какомъ нибудь вздорѣ.

— Да-съ, но, къ сожалѣнію, все это дѣлается изъ конвенанса.

Брюнетка хотѣла что-то отвѣтить, но изъ кабинета м-те
Деуллиной отворилась дверь. Телепневъ всталъ. Оттуда пока-
залась высокая фигура въ вицъ-мундирѣ. Это былъ, пріятельски знакомый Телепневу, профессоръ зоологіи, у котора-
го онъ въ теченіе трехъ лѣтъ слушалъ каждый семестръ
разныя части его науки. Огорченный скептикъ крѣпко по-
жалъ ему руку и тутъ же *сорвалъ* какой-то нѣмецкій вицъ,
проходя въ переднюю. За нимъ показалась барыня съ до-
черью. Дѣвушка, нахмуривъ брови, кивнула головой Телеп-
неву и не присаживаясь къ дивану начала въ дальней поло-
винѣ залы прохаживаться взадъ и впередъ. М-те Деулина, въ
чепцѣ съ длинными лентами и короткой мантильѣ, завздохала,
увидя Телепнева, и сѣвши на диванъ, подняла на него свои
удивленные глаза, точно желая спросить—чему ей припи-
сать пріятное появленіе рѣзкаго и самоувѣреннаго студента.

— М-г Телепневъ, проговорила наконецъ хозяйка дома,
разводя ладонями врозь, какъ это любезно съ вашей сто-
роны...

— У васъ даетъ уроки профессоръ Игнаціусъ?

— Да, вотъ моя Темира доканчиваетъ въ нынѣшнемъ году
свои занятія. Мы имъ очень довольны, онъ такой пріятный
человѣкъ и такъ много знаетъ.

— Свѣтлая голова, только я не думаю, чтобы онъ былъ
хорошъ для элементарнаго преподаванія.

— Онъ очень хорошо рассказываетъ, замѣтила брюнетка.

— Да, у него есть свой особенный, оригинальный даръ
слова, но я опять таки повторяю, что онъ хорошъ въ ау-
диторіи, для людей подготовленныхъ, хорошъ по своимъ
свѣтлымъ соображеніямъ. Вообще же энциклопедическое

преподаваніе естественной исторіи не приноситъ никакой пользы.

— Помилуйте, вздохнула барыня, это такъ интересно, познакомиться съ устройствомъ вселенной и видѣть во всемъ...

— Премудрое провидѣніе, добавилъ Телепневъ. Но еслибъ за тѣмъ только заниматься естественными науками, толку было бы мало. Конечно, лучше если дѣвушка узнаетъ про какого нибудь рака, или инфузорію, чѣмъ выдолбитъ генеалогію какихъ нибудь французскихъ королей, но это все таки не придастъ ей никакого серьезнаго импульса.

Дѣвица, ходившая въ темнотѣ, остановилась на минуту и начала прислушиваться.

Вышелъ жуиръ, морщась и зѣвая. Онъ небрежно подаль руку Телепневу и началъ широкими шагами похаживать около печки.

— Вотъ, Jean, обратилась къ нему брюнетка, m-r Телепневъ опять насъ поражаетъ. При немъ рѣшительно нельзя высказывать никакихъ мнѣній.

— А! протянулъ жуиръ, и обернувшись въ сторону своей жены, сказалъ съ гримасой, — здѣсь холодно и вонно. Этотъ дуракъ Гришка всегда навоняетъ лампой.

— Ты куда нибудь ѣдешь, Jean? спросила на распѣвъ супруга.

— Въ клубъ поѣду

Человѣкъ вошелъ и доложилъ, что чай поданъ.

— Ты, болванъ, всегда навоняешь лампой, крикнулъ на него жуиръ. Oh, les gens, les gens!

Хозяйка пригласила Телепнева въ столовую, гдѣ на большомъ столѣ шипѣлъ серебряный самоваръ и вмѣстѣ съ сухарями и разными печеньями стояло блюдо съ холоднымъ жаренымъ. Жуиръ былъ очень не въ духѣ и даже не присаживался до тѣхъ поръ, пока дочь не налила ему чаю и не поставила чашку на его мѣсто. Расположеніе духа супруга тотчасъ отразилось на вздыхающей барынѣ, и она совсѣмъ раскисла. Дѣвица разливала чай и лицо ея было скрыто отъ Телепнева самоваромъ. Только одна брюнетка была совершенно спокойна и видимо желала занимать не совсѣмъ-таки пріятнаго гостя.

— Получаете вы здѣсь русскіе журналы? спросила она. Ниче они оживились.

— Да, я имѣю всѣ литературные и нѣсколько спеціаль-
ныхъ, отвѣтилъ Телепневъ, и подумалъ при этомъ. хоть бы она
лучше меня не занимала, а то я опять ее на чемънибудь оборву.

— Вамъ, вѣроятно, нравится больше Русскій Вѣстникъ,
заигрывала она.

— Да, онъ теперь самый серьезный и бойкій.

— Очень, кажется, увлеченъ Англіей.

— Англіей. вдругъ отозвался жуиръ, прихлебывая чай. Я,
mon cher не понимаю этого. Ну, я былъ и въ Англіи. Джонъ-
Буль все таки Джонъ-Буль. Намъ совсѣмъ этого не нужно.
Да и никакой нѣтъ свободы. Я самъ собственными глазами
видѣлъ, какъ на Regent-street полисменъ пинками толкалъ
одну женщину. Правда, она была немножко dans les vignes du
seigneur. Но вѣдь онъ всѣ тамъ тянуть джину. Ну, вотъ вамъ и
свобода хваленая. Ахъ, Темира дай-ка мнѣ еще полчашки....
Что это за вкусъ нынче въ чаѣ... этотъ дуракъ Гришка. Oh,
les gens, les gens!

— Я думаю, что у французовъ, начала брюнетка немнож-
ко тонируя, гораздо больше развито чувство свободы... и
они это доказали.

— Вы такъ полагаете? спросилъ ее Телепневъ, намазывая
бутербродъ.

— Да, я въ этомъ убѣждена.

— Вы жестоко ошибаетесь, рѣшилъ онъ, и проглотивши
кусочъ, медленно положилъ пожикъ и выпрямился на стулѣ.
Изъ вашихъ словъ я вижу, что вы совершенно не понимаете
глубокой разницы, какая существуетъ въ историческомъ раз-
витіи этихъ двухъ націй. Французы никогда не любили и не
будутъ любить настоящей свободы.

— Но, помилуйте, какже?... начала было брюнетка.

— Позвольте мнѣ досказать. Револүція ничего не значитъ;
однѣ только вспышки. Но французы безъ няньки, безъ опеки
правительства, которое имъ все предоставляетъ, начиная съ
мера и кончая послѣднимъ камешкомъ шоссеиной дороги, —
безъ этого нянчанья они пропали. И всегда во француз-
скомъ обществѣ возьмутъ верхъ буржуазныя тенденціи, для
которыхъ мелкіе интересы и почти рабское поклоненіе предъ
центромъ будутъ дороже всякой истинной и разумной свободы!

Выговоривши свою тираду по Русскому Вѣстнику, Тепленевъ прихлѣбнулъ изъ чашки и увѣренно поднялъ голову. Жуиръ хотѣлъ было что-то возразить, но тряхнулъ головой и ни съ кѣмъ не прощаясь, уѣхалъ въ клубъ. Супруга его, какъ насѣдка, вся нахохлившись, прослѣдила за нимъ тоскующими глазами до того момента, когда онъ скрылся въ переднюю.

— Но помилуйте, м-г Тепленевъ, горячилась брюнетка.

— Позвольте мнѣ досказать. Англичане совсѣмъ не то: они не будутъ строить баррикадъ, но у нихъ всякій человѣкъ сознаетъ свои права, и правительство не явится руководить каждымъ его шагомъ. Вы не сдвините никакими силами принципа его *self government*. Вотъ въ томъ-то и бѣда, что у насъ въ русскомъ обществѣ все понимаютъ превратно и увлекаются однимъ трескомъ.

Брюнетка покраснѣла. Тонъ Тепленева показался уже очень безцеремоннымъ, и ей, и вздыхающей барынѣ. Но этого мало. Самолюбіе ея было взорвано тѣмъ самоувѣреннымъ спокойствіемъ, съ которымъ Тепленевъ показалъ ей, что она не смыслитъ ничего въ томъ, о чемъ говорить.

— Я все-таки остаюсь при своемъ мнѣніи, м-г Тепленевъ. Помилуйте, посмотрите вы на англичанъ въ ихъ внѣшней политикѣ. Какой эгоизмъ, какія возмутительныя интриги для того только, чтобъ имъ было хорошо.

— Нація, сознающая свою силу и свои права, не можетъ не быть себялюбивой, и наконецъ это къ дѣлу не относится, мы говорили о томъ, гдѣ есть настоящій духъ свободы, въ Англіи или во Франціи.

Барыня уже рѣшительно не знала что ей дѣлать. Она тоскливыми, безпокойными глазами своими оглядывалась въ обѣ стороны. Но у ней не было энергіи прекратить споръ, пригласивъ гостя перейти въ гостинную, такъ какъ всѣ уже отпили чай.

Маневръ этотъ произвела Нина Александровна и, переходя въ гостинную, продолжала все-таки перебрасываться съ Тепленевымъ возраженіями; больше, конечно, цѣпляясь за слова и пасуя предъ рѣзкими доводами студента, катавшаго по Русскому Вѣстнику.

Барыня сѣла нахохлившись къ столу и по ея лицу можно было заключить, что она собирается начать какую нибудь очень складную для нея фразу Брюнетка также примастилась къ столу, а Телепневъ почему-то остановился у одного изъ роялей и облокотясь объ него, стоялъ въ выжидающей позѣ. Брюнетка бросила быстрый взглядъ на непріятнаго спорщика и не скоро оторвала его отъ Телепнева. Въ полусвѣтѣ его стройная фигура и красивое блѣдное лицо были гораздо симпатичнѣе его тона, того тона, съ которымъ онъ велъ политическій разговоръ, намазывая себѣ тартинку

— Да, м-г Телепневъ, рѣшилась наконецъ барыня, испустивши изъ себя глубокій вздохъ, вы, можетъ быть, справедливо разсуждаете, но вѣдь нельзя такъ уже не допускать другихъ мнѣній.

— Мы, русскіе, перебила брюнетка, спорить не умѣемъ, у насъ никогда нѣтъ середины. Не такъ ли, м-г Телепневъ?

Телепневъ только что собрался отвѣчать, какъ въ комнату вошла молодая дѣвица, и оглянувши его съ ногъ до головы, сѣла въ сторонкѣ и взяла работу

Телепневъ понялъ, что ему хотятъ дать замѣтить непріятность и рѣзкость его поведенія. Онъ самъ почувствовалъ это. Однимъ свободнымъ движеніемъ руки онъ придалъ себѣ очень непринужденную позу и точно сбросилъ съ себя свою напускную рѣзкую суховатость. Въ эту минуту, онъ почти превратился въ прежняго ловкаго и очень тактичнаго юношу.

— Вы, можетъ быть, справедливы, заговорилъ онъ, обращаясь къ обѣимъ дамамъ, сидящимъ у стола, еще болѣе правы, если дѣло идетъ о молодомъ человѣкѣ, которому ни въ какомъ случаѣ неприлично заносчиво обращаться съ мнѣніемъ другихъ, особливо, если это дѣлается въ гостинной. Но извините меня, mesdames, едва ли наше общество само не виновато въ рѣзкости тона и безтактности молодыхъ людей.

— Какъ же это такъ? быстро спросила брюнетка.

Дѣвица подняла голову отъ работы.

— Очень просто. Только позвольте себѣ заявить какое нибудь, не говорю смѣлое, но ясное и опредѣленное мнѣніе, выговорите его серьезно, безъ банальной улыбки и при людяхъ старшихъ васъ лѣтами, вы почти никогда не найдете

настоящаго отвѣта. Вамъ сейчасъ полупонамеками покажутъ, что вы мальчишка. что вы заносчивый гимназистъ. Что же выйдетъ? самолюбіе раздражено, тонъ дѣлается рѣзче и непріятнѣе, вы позволите наконецъ себѣ такую выходку, на которую были совершенно неспособны при началѣ разговора.

Телепневъ перевелъ духъ, дамы ничего не отвѣчали. Онъ были немножко стѣснены, а дѣвушка съ положительнымъ интересомъ смотрѣла на Телепнева. Онъ говорилъ отрывисто, но искреннимъ тономъ, съ нѣкоторою даже дрожью въ голосъ.

— Чтожъ дѣлать, вскричалъ онъ. Человѣкъ вѣдь не становится вдругъ, въ одинъ разъ, цѣльнымъ характеромъ. Онъ можетъ пройти черезъ тысячи вліяній, до которыхъ въ свѣтѣ никому нѣтъ никакого дѣла. Я былъ танцоръ и шаркунъ, а потомъ ударился въ нѣмецкую науку; въ дѣтствѣ и первой юности прошелъ тысячи разныхъ ощущеній и вліяній, а у всякаго есть своя судьба, свое развитіе. Конечно, это не даетъ права ни старому, ни молодому человѣку быть въ обществѣ безтактнымъ, рѣзкимъ и заносчивымъ, но мнѣ кажется, люди, болѣе пожившіе, болѣе развитые въ общественномъ отношеніи, если они только добрые и умные люди, могутъ легко отличить, гдѣ видно фанфаронство и эгоистическій задоръ, а гдѣ рѣзкость и угловатость, происходящія отъ причинъ болѣе серьезныхъ и искреннихъ!

Репримандъ былъ силенъ. Но онъ хорошо подѣйствовалъ на двухъ барынь, на лицѣ дѣвицы нельзя было ничего разобрать. Юлія Александровна, хозяйка дома, развела ладонями и умилилась. Ей стало уже совѣстно предъ студентомъ. Брюнетка наградила его одобрительной улыбкой.

— Вы насъ не поняли, м-г Телепневъ, начала было она.

— Нѣтъ, Нина Александровна, очень хорошо понялъ. И повѣрьте, я благодаренъ вамъ за урокъ. Когда человѣкъ засидится, онъ теряетъ, конечно, необходимыя свѣтскія качества. Но въ вопросѣ о французской свободѣ мы все-таки съ вами не сойдемся, добавилъ онъ разсмѣявшись.

— Ну, я вѣдь въ политикѣ очень слаба, и изъ-за этого мы съ вами не будемъ ссориться.

— Зачѣмъ же, простонала барыня. Намъ такъ пріятно было бы, м-г Телепневъ, поговорить иногда о томъ, что у насъ теперь дѣлается въ Россіи. Мы любимъ слушать чтеніе и по вечерамъ почти всегда дома. Жанъ уѣзжаетъ въ клубъ, а у насъ вотъ, съ Ниной и съ Темирой, книги и музыка..

— Да, прервалъ ее Телепневъ, вы, вѣроятно, играете хорошія вещи. У васъ даже два инструмента. Я начинаю жалѣть, что въ послѣднее время университетъ меня слишкомъ отвлекъ отъ музыки.

Онъ подошелъ къ одному изъ роялей, очень непринужденно открылъ его, сѣлъ на табуретъ, взялъ нѣсколько аккордовъ и вдругъ ни съ того ни съ сего запѣлъ.

Дамы привстали. Дѣвушка сдѣлала гримасу.

Телепневъ пѣлъ глинковский романсъ:

Какъ сладко съ тобою мнѣ быть.

Дамы приблизились къ роялю. Дѣвушка осталась на своемъ мѣстѣ.

— Да у васъ прекрасный голосъ. заговорила Юлія Александревна. Темира, позвала она дочь, прислушай. Она тоже поетъ. У насъ есть много Мендельсоновскихъ дуэтовъ. Вы читаете ноты, м-г Телепневъ?

— Когда-то очень много читалъ. а теперь, ужъ Богъ знаетъ сколько времени, не садился за фортепіано.

— Спойте намъ какуюнибудь студенческую пѣсню. сказала брюнетка, если ужъ онѣ вамъ не очень противны.

— Нѣмецкія я позабылъ; а изъ русскихъ всѣ хоровыя, очень жалкія по мотиву. Есть только одна получше, это прощальная бурсацкая пѣсня, слова Языковскія.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько аккордовъ и запѣлъ:

Въ послѣдній разъ, приволье жизни братской,
Друзья мои, вкушаю среди васъ,
Сей говоръ чашъ—свободный дружбы гласъ,
Сей шумъ и крикъ,—разгулъ души бурсацкой,
Привѣтствуютъ меня въ послѣдній разъ.

— C'est charmant! заахала дама Темира, поди сюда, какъ это мило. Пожалуйте, продолжайте, м-г Телепневъ.

— Сладковато немножко, ну, и мотивъ не глубокій.

— Ну, ужъ вы очень строги, возразила ему брюнетка. Это такъ задумчиво, оставимте критику до другаго раза.

Когда Телепневъ началъ слѣдующій куплетъ, дѣвушка подошла медленно къ роялю, облокотилась на него и слушала съ совершенно безстрастнымъ лицомъ. Маменька ея такъ раскисла, что начала подпѣвать послѣднія слова каждаго куплета, а въ антрактахъ все повторяла: *charmant charmant*.

Телепневъ закончилъ:

А мнѣ, друзья, отрадою священной
Останется счастливая мечта
Про васъ и Д. и милыя мѣста,
Гдѣ я гулялъ молодой и вдохновенный
И съ вами пѣлъ: все мигъ и суета.

На этотъ разъ дамы не выдержали и подтянули refrain:

Все мигъ и суета.

— У васъ есть мендельсоновскія вещи? спросилъ Телепневъ у дѣвушки.

Она секунды двѣ помолчала и какъ бы не хотя, но довольно вѣжливо отвѣтила:

— Да, есть.

— У ней mezzo-soprano. Темира, вотъ ты недавно еще разбирала этотъ дуэтъ мендельсоновскій, онъ здѣсь у тебя на первой полкѣ.

— Позвольте мнѣ отыскать, подслужился Телепневъ.

Онъ досталъ съ этажерки продолговатую тетрадку нотъ и разложилъ ее на пюпитрѣ.

— Угодно вамъ будетъ? спросилъ онъ Темиру Я давно не разбираю, но попробую; хотите вы акомпанировать или мнѣ позвольте?

Дѣвушка вся вострепелась и, подойдя къ табурету, скороговоркой отвѣтила:

— Я буду сама акомпанировать.

Телепневу понравилось, что она согласилась пѣть безъ всякаго жеманства.

Маменька велѣла подать свѣчей и отошла съ сестрой къ дивану. А молодые люди зацѣли *Wasserfahrt*.

У дѣвушки былъ довольно сильный голосъ, переходящій

въ контръ-альто. Когда она брала ноту повыше, лицо ея приобрѣтало то выраженіе, которое Телепневъ подмѣтилъ въ ней три года тому назадъ, во время говѣнья. Онъ разбиралъ еще порядочно и второй куплетъ прошолъ гладко, такъ что маменька сочувственно заахала.

— Вы много здѣсь учились? спросилъ Телепневъ.

— Нѣтъ, я всего второй годъ пою. Здѣсь нѣтъ хорошаго учителя.

— А вамъ бы надо продолжать.

Дѣвушка строго взглянула на Телепнева.

— Я знаю, что у меня голосъ не хорошъ, отвѣтила она. Но вы, пожалуйста, не думайте, что я продюизируюсь.

Телепневъ не могъ скрыть насмѣшливой улыбки.

— Съ какой же стати, проговорилъ онъ сквозь зубы.

Дѣвушка покраснѣла.

— У васъ голосъ пріятенъ, проговорила она раздражительно, но вы слишкомъ тонируете.

Телепневъ хотѣлъ поблагодарить за наставленіе и подумалъ:

„Что это за дикая особа“

— Спойте еще что нибудь, заговорила брюнетка.

— Ахъ, да, пожалуйста. Вамъ грѣшно не пѣть, м-г Телепневъ, затинула маменька.

Телепневъ только что хотѣлъ сказать что-то дѣвушкѣ, но она его предупредила:

— Вы меня не поблагодарили, вдругъ сказала она ему.

Телепневъ совершенно сконфузился и промолчалъ.

— Если хотите, — будемъ пѣть, продолжала спокойно дѣвушка.

— Благодарю васъ за репримандъ, проговорилъ тихо Телепневъ.

Дѣвушка посмотрѣла на него насмѣшливо и ничего не отвѣчая, сѣла на табуретъ. Они спѣли еще нѣсколько дуэтовъ; мѣстами она одушевлялась и на высокихъ нотахъ голосъ ея напомнилъ Телепневу манеру пѣть Софьи Николаевны

— Благодарю васъ, сказалъ насмѣшливо Телепневъ, когда она кончила.

Дѣвушка тотчасъ же подошла къ столу, шепнула своей матери нѣсколько словъ по англійски, простилась съ ней и съ теткой и, сдѣлавши Телепневу легкій поклонъ, ровной и медленной поступью ушла въ свою комнату.

— Merci, m-r Телепневъ, затянула маменька. Пожалуйста, посѣщайте насъ. Вы видите, у Темиры небольшой голосъ, но она можетъ пѣть. Мы каждый день почти дома.

— Я никакъ не ожидала, m-r Телепневъ, заигрывала брюнетка, что вы такъ музыкальны. Скажу вамъ откровенно, что на первый разъ вы произвели на меня впечатлѣніе студента, который ничего не хочетъ знать, кромѣ своей пѣмечкой учености.

— А вы развѣ полагаете, что нельзя заниматься серьезно химіей и любить музыку?

— Нѣтъ, совсѣмъ не то, но извините меня, у васъ былъ такой тонъ, что заговорить съ вами о музыкѣ было бы просто...

— Неприлично, подсказалъ Телепневъ.

— Ха, ха, ха! — почти что неприлично.

— Постараюсь исправиться и воздержаться отъ политическихъ разговоровъ.

— Пожалуйста, m-r Телепневъ, къ намъ какъ нибудь обѣдать за просто.

Телепневъ поклонился на приглашеніе хозяйки.

— Мы очень любимъ чтеніе, обратилась къ нему Нина Александровна, если вы выберете свободный вечеръ и найдете что нибудь интересное въ журналахъ, то пожалуйста.

Телепневъ раскланялся. Хозяйка сказала ему на прощанье еще нѣсколько сладкихъ фразъ, а сестра ея объявила, что она любитъ также играть въ четыре руки, и если Телепневъ желаетъ, то она къ его услугамъ.

По уходѣ студента, двѣ дамы сперва помолчали, потомъ Юлія Александровна, поднявши свои брови, изрекла:

— Съ нимъ можно быть знакомымъ; Нина. Мнѣ кажется, онъ порядочный человѣкъ.

— Да, отвѣтила сестра, онъ рѣзокъ, но въ немъ есть что-то такое интересное.

— Il faut rat que Jean l'engage à dîner.

— Я ему скажу. Что это Темира какъ себя странно держитъ?

— Ахъ. та chère, застонала маменька, ты знаешь я себѣ не позволяю никакого замѣчанія.

— Да она, можетъ быть, думаетъ, что ты желаешь ее продюзировать, такъ ужь лучше этого не дѣлать.

У Юліи Александровны выступили слезы на глазахъ.

— Ахъ. помилуй Нина, заныла она, я знаю, что она сама любить пѣть. Я не понимаю ее. Годъ тому назадъ она все хотѣла быть большой, а теперь ведетъ себя, какъ маленькая дѣвочка.

— Дай мнѣ съ ней поговорить. Ты до сихъ поръ точно боишься моего вліянія. Ты думаешь, что я ее соврашу.

— Ахъ полно, Нина, когда же..

— Конечно, это было. Я занималась ею два года тому назадъ, ты испугалась чего-то, отгѣснила меня Ну, это окончательно запутало дѣвочку, а она и безъ того дикая. Теперь она, Богъ знаетъ, на что похожа.

— Ахъ, Нина, я молю Бога только объ одномъ, чтобъ онъ сохранилъ ея сердце размягченнымъ.

— Эхъ, полно Julie, все ты не дѣло говоришь. Ты не умѣешь быть матерью, не умѣешь во время прикрикнуть, во время приласкать, и изъ Темиры выйдетъ нравственный уродъ, я тебѣ предсказываю.

— Нина, застонала барыня.

— Да. это непременно будетъ. Дѣвочку нельзя такъ вести. Нужно что нибудь одно: или давать ей свободу, или не давать. И главное такой особѣ, какъ Темира, нужно все говорить рѣзко, прямо, *il ne faut pas dorer les pilules*.

— Да я. право, вѣдь, никогда не желаю ея фуасировать

— Дѣло тутъ совсѣмъ не въ томъ. Julie ты другихъ не допускаешь до хорошаго вліянія на Темиру, а сама такъ слаба, что изъ рукъ вонъ; и слаба, и скрытна, употребляя все не прямые средства. и думаешь, что дѣвочка, при ея умѣ, не понимаетъ твоего желанія третировать ее какъ ребенка. Она это прекрасно понимаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ, что съ ней ты совершенно безсильна.

Маменька совсѣмъ раскисла, лицо ея было вмѣстѣ и уязвлено, и точно просило прощенія.

— Нѣтъ. Нина, ты ко мнѣ несправедлива. проговорила она, наконецъ, поднявши брови и широко разведя ладони.

— Да ужъ повѣрь, что это такъ. А теперь, Julie, позволь, я пойду къ Темирѣ. Ты, пожалуйста, не ревнуй, я съ ней немножко поговорю. Выговоры ей не буду дѣлать.

— Чтожъ, я ничего, пойдѣ, зачѣмъ же ей чуждаться тебя. Я никогда этого не желала, Нина

Сестры облобызались. Брюнетка пошла къ той двери, въ которую скрылась дѣвушка, а барыня осталась сидѣть на диванѣ и начала опять что-то такое ковырять.

VI.

Темира, или по просту Танечка, лежала въ кроваткѣ, высоко поднявши голову на подушку, въ ночной кофточкѣ и чепцѣ. Она почти сидѣла на постелѣ. На столикѣ горѣла свѣча, лежалъ карандашъ и маленькая записная книжечка. Темира читала книгу, англійскій романъ, лейпцигскаго изданія. когда къ кровати тихо подошла Нина Александровна, и откинувши немного рукой бѣлый пологъ, присѣла на концѣ кровати.

— Ma tante, произнесла нѣсколько удивленнымъ тономъ дѣвушка, и положила спокойно книгу на колѣна, покрытыя вязанымъ полосатымъ одѣяломъ.

— Ну, какъ тебѣ нравится нашъ гость?

— Большой фатъ.

— Отчего же, Темира?

— Конечно, фатъ: показываетъ свою ученость, свои таланты и говорить только о себѣ.

— Но это несправедливо. Онъ рѣзокъ, но, кажется, порядочный юноша.

— Я не люблю такихъ. А впрочемъ онъ меня мало интересуеъ.

— Да ты кажется...

— Не была съ нимъ особенно любезна, хотите вы сказать, ma tante? Я и не желаю Прїѣдетъ всякій уродъ и занимай его. Да онъ и самъ себя займетъ, онъ много говоритъ, и слишкомъ много слушаетъ себя, когда говоритъ.

— Послушай, Темира, сладко заговорила Нина Александровна, мы съ тобой какъ-то въ послѣднее время совсѣмъ раздружились. Я знаю, что ты не вполнѣ въ этомъ виновата, но все-таки ты теперь въ такихъ уже лѣтахъ, что сама можешь поступать по своимъ симпатіямъ. Было время, когда ты меня немножко любила, любила читать со мной, спрашивала меня обо всемъ, и главное, Темира, вѣрила, что я не хочу стѣснять твоей свободы, ну, а теперь... и Нина Александровна остановилась.

Дѣвушка выпрямилась совсѣмъ въ постели и лицо ея стало очень серьезно, почти сердито.

— Вы сами же говорите, ma tante, что я въ этомъ на половину виновата.

— Да, мой другъ, но твоя мама навѣрно теперь не будетъ уже бояться моего вліянія и ревновать тебя ко мнѣ.

Дѣвушка покраснѣла.

— Зачѣмъ объ этомъ говорить, ma tante, что было, того уже нельзя вернуть. Теперь у меня самой есть на столько ума, чтобы знать какъ себя вести.

— Я, душа моя, возразила обиженнымъ тономъ тетка, не выговоры пришла тебѣ читать; если тебѣ не нужно мое расположение, то я, конечно, не намѣрена его навязывать, ты напрасно такъ отталкиваешь близкихъ людей. Темира, въ шестнадцать лѣтъ, конечно, всегда воображаешь, что можно прожить безъ всякой поддержки, оскорбляешься каждымъ со-
вѣтомъ и хлопчешь только о томъ, чтобы поступать по своему, но, милый другъ, я считаю тебя за слишкомъ умную дѣвушку.

— Ma tante, прекратимте этотъ разговоръ. Вы мной когда-то занимались—благодарю васъ. Если теперь въ моей жизни случится что нибудь крупное и мнѣ нужна будетъ ваша поддержка, тогда вы докажете мнѣ ваше расположеніе. У меня такой характеръ, я не сообщительна, постараюсь не дѣлать глупостей, а, право, изливаться намъ съ вами не о чемъ.

Нина Александровна встала и сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Я не знаю, Темира, отчего ты такъ раздражительна, но какъ я ни терпимо смотрю вообще на вещи, я должна тебѣ сказать, что молодой дѣвушкѣ, въ твои лѣта, слишкомъ рано брать такой увѣренный тонъ и отталкивать отъ себя всѣхъ, кто къ тебѣ подходитъ съ самымъ искреннимъ чувствомъ. Ты вотъ сейчасъ осуждала этого студента, нашла его и фатомъ и Богъ знаетъ чѣмъ, а ему гораздо простительнѣе имѣть то, что такъ непріятно дѣйствуетъ на другихъ. Онъ жилъ больше тебя-то. И сегодня, какъ умный мальчикъ, онъ очень умно принялъ урокъ....

— Да, для того чтобы порисоваться, прервала дѣвушка.

— Ну, дитя мое, я тебя больше не хочу беспокоить, я **вижу**, что мы говоримъ съ тобой на двухъ разныхъ языкахъ, желаю тебѣ покойной ночи. Она подошла, холодно поцѣловала дѣвушку въ лобъ, бросила взглядъ на маленькую книжечку, лежащую на столикѣ, и скорыми шагами вышла изъ спальни.

Темира повернулась къ столику, взяла записную книжку. По губамъ ея скользила насмѣшливая улыбка, но не видно было, чтобъ она волновалась.

Развернувши книжку на недописанномъ листочкѣ, она поставила на вѣху „16 ноября“ и начала писать карандашомъ:

„Какъ они мнѣ надоѣли; когда, наконецъ, оставятъ меня въ покоѣ. Была tante Нина и хотѣла со мной изливаться. Я ее не люблю. Она всегда притворяется, а если и не притворяется, то подойдетъ къ человѣку на нѣсколько минутъ. Она меня уже разъ обманула: я вѣрила, что ко мнѣ она серьезно привязалась и все это вышло вздоръ. Маман тутъ немножко виновата, но на самую малость. То что дѣлается дурного въ нашемъ домѣ, я увѣрена, происходитъ отъ tante Нины. Я не могу ни съ кѣмъ быть откровенной“

Въ особой замѣткѣ стояло слѣдующее:

„Былъ опять этотъ студентъ, очень противная личность. Хорошъ собой. Лицомъ своимъ не занять, но за то занять всей своей особой. Такіе люди точно носятъ вездѣ аттестатъ

объ успѣхахъ и поведеніи. Я буду съ нимъ какъ можно не пріятнѣе. Маман онъ очень не понравился, но сегодня она съ нимъ, кажется, примирилась. Эготъ уродъ навѣрно будетъ у насъ обѣдать; рара сдѣлаетъ изъ него пріятеля и каждый обѣдъ пойдутъ несносные каламбуры и весь вздоръ, который мнѣ страшно опротивѣлъ. Я совершенно одна въ семействѣ. Теперь я это чувствую сильнѣе чѣмъ недѣлю тому назадъ. Еслибъ мнѣ только ничего не видать....“

Потомъ дѣвушка свернулась подъ своимъ одѣяломъ калачикомъ и задула свѣчу. За пологомъ видно было мерцаніе лампадки. Она долго не могла заснуть, хотя дыханіе ея было совершенно ровно, и она ни на минуту не измѣнила своего положенія.

— Нѣтъ, Julie, говорила раздраженнымъ тономъ брюнетка, никого другаго нельзя винить кромѣ тебя. Вотъ тебѣ твоя ревность, вотъ тебѣ твое постоянное желаніе, чтобы никто не дотрогивался до Темиры. И чѣмъ же ты кончила? Тѣмъ, что она никого не подпускаетъ къ себѣ, ты для нея совершенно чужая—это сейчасъ видно.

— О нѣтъ. Нина, ты не понимаешь моей методы, пускай ея будетъ самостоятельна—это ничего, надо, чтобы характеръ дѣвушки выработался. Меня не это смущаетъ, меня смущаетъ недостатокъ въ ней любви. Прежде она такъ хорошо молилась. И каждая ея мысль, такъ все это было свѣтло и примирительно, а потомъ....

— Что же потомъ? перебила брюнетка. Ты хочешь сказать, что потомъ я испортила ея сердце?

— Нѣтъ, помилуй, Нина.

— Ну, Julie, воля твоя, я объ этомъ съ тобой не стану говорить; я ни тебя, ни твоей дочери не повижаю. Пожалуйста, меня ни въ чемъ не упрекай и не удивляйся ничему, что ты увидишь дикаго въ Темирѣ. Прощай, пора спать.

Барыня осталась опять одна въ гостиной, а Нина Александровна прошла черезъ кабинетъ во внутренніе покои. Юлія Александровна еще нѣсколько разъ поахала, позвонила, велѣла убрать лампу и совершенно разстроенная, не дождавшись возвращенія Ивана Павловича изъ клуба, отправилась въ свою спальню, которая была рядомъ съ комнатою Темиры.

Часу въ первомъ вернулся жуиръ, раздѣлся, надѣлъ халатъ и отослалъ человѣка. Ероша свои волосы, онъ прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ и потомъ скрылся въ маленькую погаенную дверь, которая вела на темную площадку, оттуда внизъ можно было спуститься въ дѣвичью, а на право виднѣлся свѣтъ надъ узкой дверью.

Жуиръ стукнулъ въ дверь тихонько. Отвѣта не было.

— *C'est moi*, Нина, шепнулъ онъ звучнымъ шепотомъ.

Свѣтъ погасъ въ комнатѣ, но продолжалась мертвая тишина. Жуиръ вскипѣлъ, но принужденъ былъ ретироваться.

Въ кабинетѣ онъ присаживался нѣсколько разъ къ столу, хотѣлъ было что-то такое писать, изорвалъ два листа бумаги, потомъ схватился за сонетку и отдалъ приказъ вошедшему человѣку постлатъ ему въ кабинетѣ на диванѣ.

Въ этотъ моментъ Нина Александровна, кутаясь въ теплое одѣяло, сластолюбиво улыбалась въ темнотѣ и давала про себя жуиру разныя неслестныя прозвища.

А въ супружеской спальнѣ, гдѣ одна кровать осталась пустой, Юлія Александровна стояла на колѣняхъ предъ кіотою, и воздѣвая свои удивленные брови, съ прирожденной своей афектаціей, молилась о здравіи и благоденствіи все того же Жана.

Jean долго ворочался на турецкомъ диванѣ и кончилъ тѣмъ, что развернулъ книжечку Бодлера и вслухъ началъ декламировать:

Nos pechés sont têtues, nos repentirs sont lâches.

Удовлетворившись своей декламаціей, онъ вслухъ сказалъ:

— Здѣсь, кажется, будетъ клописто; но черезъ пять минутъ храпѣлъ уже на разныя тоны.

VII.

„Они, кажется, гораздо добродушнѣе, думалъ Телепневъ, возвращаясь изъ филистеріи. Хотѣли задать мнѣ репримандъ,

но я имъ все-таки напѣлъ. Только ничего новаго нѣтъ. Если начать таскаться, пойдутъ тары да бары, чувствительная музыка, да жестокіе романсы. Дѣло все извѣстное. Но что это за дѣвчонка такая дикая? Просто дерзости говорить. Надо ее хорошенько осадить. Мать такая курица, отецъ дрянй и таранта, а она, ой, ой, съ какимъ душкомъ“

Телепнева встрѣтилъ въ квартирѣ миленькій. Онъ былъ въ вицъ-мундирѣ.

— Ты ходилъ куда нибудь? стросилъ его Телепневъ.

— Вотъ какое дѣло, дружище. Смѣху подобно. Приходили меня бурсаки просить и тебя также.

— Кавировать за нихъ, что-ли?

— Какое! Такъ они теперь профершпилились, что хотятъ покончить съ корпораціей. У меня былъ Цифирзонъ и всю эту штуку росписалъ.

— Да намъ какое до этого дѣло?

— А видишь-ли, дружище, они ауфлезируютъ корпорацію, но приписываться вильдерами къ другимъ не хотятъ.

— Да мы-то тутъ при чемъ, спрашиваю я?

— Они дѣлаютъ намъ *propositum*, чтобы мы не признавали общаго комана и отложились отъ нѣмцевъ. Ну, и бумагу они такую сочинили въ шаржиртенъ-конвентъ. О національности пишутъ. что мы, говорятъ, особъ статья.

— Ха, ха, ха! разразился Телепневъ. Тебя-то всего милѣе приглашать заявлять свою русскую національность.

— Ну, у нихъ на это есть тоже отговорка: русскіе, пишутъ, и всѣ кто воспитывался въ русскихъ заведеніяхъ. Ну, я, коли хочешь, подхожу подъ этотъ пунктъ.

— Ну, какже ты полагаешь объ этомъ, миленькій?

— Да что намъ съ тобой впутываться. Мы съ тобой кончаемъ курсъ, скоро штрихнемся, такъ съ какой стати тутъ возню поднимать съ нѣмцами; они, разумѣется, за это на ферруфъ посаждать.

— Ну, какъ тебѣ сказать, миленькій, ты не совсѣмъ дѣло говоришь. Разумѣется, бурсаки уничтожаютъ корпорацію и отрѣшаются отъ нѣмцевъ не потому чтобы, дѣйствительно, сознали пустоту и нелѣпость буршентума. Прикрутило ихъ— они схватились за единственный выходъ. И то правда, что

мы съ тобой кончаемъ курсъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и если согласимся на предложеніе бурсаковъ, то насъ нѣмцы навѣрно посадятъ на ферруфъ. Но все это не резонъ. Здѣсь есть другіе русскіе вильдера, говорятъ даже очень порядочные люди, если они присоединятся, то можетъ составиться общество русскихъ студентовъ, совершенно въ другомъ духѣ, чѣмъ были бурсаки. Вѣдь нельзя же, миленькій, намъ только о себѣ думать. Вѣдь каждый семестръ сюда являются изъ Россіи.

— Да вѣдь тогда, дружище, нѣмцы знаться не захотятъ, выживутъ совсѣмъ, тогда житья не будетъ даже тѣмъ, кто пріѣдетъ заниматься сюда

— Ну, это вздоръ, миленькій. Мы съ тобой три года прожили, никакихъ столкновеній съ нѣмцами не имѣли и не нуждались въ нихъ.

— Да это-то такъ.

— Стало быть, почему же не воспользоваться случаемъ и не помочь доброму и разумному дѣлу. Бурсаки тутъ, конечно, слѣпое орудіе, но выйдетъ то, что черезъ годъ русскіе возьмутся за умъ и окончательно убѣдятся въ томъ, что буршикозныя формы жизни смѣшны и глупы, а подчиненіе нѣмецкому ритуалу еще постыднѣе.

— Завтра они просили въ двѣнадцать часовъ въ квартиру къ Чичисгейму.

— Я пойду И если только бумага ихъ къ нѣмцамъ написана не глупо, и они дѣйствительно имѣютъ твердое намѣреніе не признавать комана—я подпишу.

Варцель задумался и ничего не отвѣчалъ Телепневу. Возражений у него не оказывалось. и спорить зря онъ не желалъ. На томъ они и разстались.

На другой день, въ двѣнадцать часовъ. въ квартирѣ желтаго собралось большое общество. Телепневъ въ первый разъ, послѣ трехъ лѣтняго промежутка, увидѣлъ въ сборѣ всю бурсацкую братію. Всѣ бурсаки обошлись съ нимъ весьма мягко, а растерзанный буршъ даже съ нѣкоторымъ заигрываніемъ. Лукуса не было. Онъ при дневномъ свѣтѣ не показывался на улицу, боясь полиціи, а въ его квартирѣ не собирали сходки, потому что были приглашены посторонніе.

Спикеромъ состоялъ жолтый, который все какъ-то ухмылялся и потирая руки, повертывался по срединѣ комнаты на одномъ мѣстѣ.

Телепневъ, кромѣ бурсацкихъ фizioномій, замѣтилъ еще нѣсколько челоуѣкъ вильдеровъ. Два изъ нихъ бросились ему въ глаза. Одинъ высокаго роста мужчина, немножко уже лысый, брюнетъ, съ черными, какъ уголь, глазами, широкоплечій, въ сѣромъ коротенькомъ сюртукѣ; другой въ вицъ-мундирѣ, тоже черноватый, очень подвижный, съ выдающимся узкимъ подбородкомъ, смуглымъ цвѣтомъ лица и извилистымъ польскимъ носомъ.

— Вы незнакомы, господа, промышчалъ жолтый, обращаясь съ одной стороны къ Телепневу, а съ другой къ этимъ двумъ вильдерамъ.

— Нѣтъ съ, звонко вскричалъ смуглый и весь задвигался.

— Это Телепневъ, промышчалъ жолтый, нашъ бывший ландсманъ, а это студентъ Палей и студентъ Вертиковский.

Телепневъ взглянулъ который Палей и догадался, что это—высокій студентъ съ лысиной.

Вертиковский заговорилъ съ Телепневымъ очень громко и скоро съ малороссійскимъ акцентомъ; при этомъ плевался немилосердно и схватилъ сейчасъ же Телепнева за пуговицу.

— Я васъ видалъ на улицахъ и въ аудиторіи, вы вѣдь химію штудируете?

— Химію.

— Ну, то-то, я какъ-то разъ разлетѣлся къ вамъ въ лабораторію, мнѣ нужно было одного нѣмца. И помню вы стояли и что-то такое дѣлали, кажется, раздували мѣхами огонь.

— Вы получили также приглашеніе, спросилъ Палей, ставши спиной къ остальной братіи.

— Какъ же, отвѣтилъ Телепневъ.

— Посмотримъ, проговорилъ значительно здоровенный вильдеръ тоже съ хохлацкимъ акцентомъ.

— Всѣ, кажется, въ сборѣ, промышчалъ жолтый и нѣсколько разъ откашлялся. Господа, началъ онъ, смотря на свои сапоги, мы здѣсь всѣ русскіе.

— Ну, не очень таки русскіе, проговорилъ тихо высокий хохоль, сидѣвшій около Телепнева.

— Мы вотъ пришли къ Ueberzeugung, что совершенно не консеквентъ гарантировать команъ, особенно когда нѣмцы насъ мопсируютъ. Здѣсь всѣ наши ландсманы, мы анцигировали вильдерамъ. У насъ были разныя Collision съ шаржиртеръ-конвентомъ.

— Молодцомъ говорить! шепнулъ хохолъ.

— Но кромѣ Collision мы пришли къ Ueberzeugung, совершенно будетъ не консеквентъ, потому что наша національность.

— Оно и видно, шепнулъ опять хохолъ.

— Мы, господа, рѣшились ауфлезировать корпорацію и отправить въ шаржиртенъ-конвентъ, что мы, какъ русскіе, и даже не только русскіе, но и тѣ, которые съ нами одного Gesinnung и Gebürtig изъ Россіи, не можемъ гарантировать комана; точно также, какъ это дѣлаетъ польскій конвентъ. Мы всѣ, ландсманы, на нашемъ конвентѣ согласились написать такую бумагу и приглашаемъ васъ, вильдеровъ, такъ какъ вы русскіе, подписаться. И нѣмцы намъ ничего не смѣютъ сдѣлать, хотя бы даже они насъ посадили на феруфъ.

— И это будетъ консеквентъ! добавилъ хохолъ надъ ухомъ Телепнева.

Телепневъ чуть чуть не фыркнулъ. Онъ переглянулся съ хохломъ, на тонкихъ губахъ котораго лежала презрительная улыбка.

Всѣ молчали.

— Значить, промычалъ опять желтый, вы ничего не будете имѣть dagegen, если наше propositum вы считаете rationel.

— По просту говоря, отвѣтилъ Телепневъ, вставая съ своего мѣста, вы на вѣкъ прощаетесь со всѣми нѣмецкими законами и хотите жить сами по себѣ?

— Да, мы пришли къ такому Ueberzeugung.

— Позвольте посмотрѣть, что вы написали, сказалъ высокій хохолъ.

— Вотъ наша бумага. И желтый началъ читать нѣмецкую бумагу, гдѣ въ кудрявыхъ выраженіяхъ рассказывалось то же самое, что краснорѣчивый шаржиртеръ излагалъ въ своемъ спичѣ.

— Что до меня, подавь голосъ Телепневъ, то я согласенъ.

Остальные вильдера, въ томъ числѣ и Варцель, подписали также бумагу.

— Но мнѣ кажется, это не все, заговорилъ опять Телепневъ, это только начало дѣла. Корпорация уничтожится, стало быть русскіе бурши будутъ жить уже совсѣмъ по другому. Теперь должно образоваться одно русское общество...

— Да, прервалъ его жолтый, это такъ, но вотъ мы пождемъ, что намъ отвѣтитъ шаржиртенъ-конвентъ, тогда мы васъ пригласимъ составить сходку и будемъ рѣшать.

Засѣданіе разошлось.

Телепневъ возвращался за рѣку вмѣстѣ съ двумя хохлами, которые жили въ одной квартирѣ.

— Ты давно уже здѣсь? спросилъ онъ высокаго хохла.

— Пятый годъ.

— И мы нигдѣ не встрѣчались?

— Я кромѣ Дома и клиники нигдѣ не бываю. Да все, чай, слышалъ мою фамилію отъ бурсаковъ. Вѣрно на попойкахъ меня честили не мало.

— Развѣ ты былъ въ корпораціи?

— Какже и цвѣта носилъ.

— И вѣрно не вытерпѣлъ всѣхъ прелестей буршикозной жизни.

— Похерилъ таки ихъ, и подъ конецъ напѣлъ имъ хорошо.

— Я никогда не былъ въ корпораціи, заговорилъ шепелявымъ голосомъ другой хохолъ, размахивая рукавами своей шинели. Все это глупости были. Только я думаю, что нѣмцы насъ посадятъ на ферруфъ.

— А ты, Ванечка, боишься, подшучивалъ надъ нимъ высокій хохолъ. У него, видишь ли, обратился онъ къ Телепневу, здѣсь филистерій много, за нѣмочками все увивается, такъ вотъ ему уже и плохо будетъ.

— Ну, вотъ еще! оправдывался совершенно серьезно Ванечка.

— Намъ, господа, началъ Телепневъ, надо бы какъ нибудь сойтись помимо бурсаковъ; отъ нихъ вѣдь толку мало. Необ-

ходимо, такъ сказать, опредѣлить свое политическое положеніе. Ну, и наконецъ, надо подумать о всѣхъ тѣхъ, которые будутъ послѣ насъ поступать. Теперь самое удобное время для образованія такого кружка русскихъ студентовъ, который жилъ бы сколько нибудь серьезными интересами.

— Ну, съ бурсаками не знаю ужъ какіе будутъ интересы, лѣнивымъ и насмѣшливымъ тономъ замѣтилъ высокій хохоль.

— Совершенно согласенъ, но вѣдь общество тогда состояло бы не изъ однихъ бурсаковъ; они по необходимости должны будутъ измѣнить свои нравы.

— И прежде всего выучиться говорить на человѣческомъ языкѣ, подсказалъ хохоль.

Телепневъ пригласилъ вильдеровъ зайти къ себѣ, оставилъ ихъ обѣдать. Выпили они бургундскихъ графовъ и согласились собраться на недѣлѣ и перетолковать хорошенько о дальнѣйшихъ судьбахъ русскаго студенческаго общества въ городѣ Д.

VIII.

Телепневъ собирался итти на лекцію физиологіи. Былъ яркій и морозный день; снѣгъ уже два дня какъ выпалъ. Онъ сошелъ внизъ и остановился на минутку на порогѣ наружной двери, поглядывая вправо и влево на улицу. Въ верхъ къ заставѣ тащились чухонскія розвальни. Внизъ по улицѣ бѣжалъ студентъ, драпируясь въ свой холодный циркельмантиль, а на встрѣчу ему катили большія парныя сани въ дышлахъ на крупныхъ рысяхъ. Телепневъ началъ вглядываться. Видиѣлась круглая, рыжая борода кучера, въ лиловой бархатной шапкѣ, но кто сидѣлъ въ саняхъ нельзя было разсмотрѣть.

„Какіе нибудь нѣмцы франтатъ въ русской упряжи“, подумалъ Телепневъ.

Сани подкатили очень скоро и вдругъ остановились у фонаря въ двухъ шагахъ отъ Телепнева. Онъ очень удивился. Подбѣжалъ лакей въ синей ливреѣ и штиблетахъ.

— Г. Телепневъ здѣсь живетъ? спросилъ онъ.

— Что тебѣ нужно? спросилъ Телепневъ, и узналъ человека Деулиныхъ.

— Ахъ, виноватъ, сударь... Иванъ Павловичъ и Юлія Александровна приказали кланяться и просить васъ сегодня кушать въ четыре часа.

— А кто тутъ въ саняхъ?

— Нина Александровна и барышня-сѣ.

Телепневъ подошелъ къ санямъ и раскланялся съ дамами. Брюнетка на морозѣ разгорѣлась и въ бѣлой шляпкѣ была очень свѣжа и пикантна. Темира въ простенькомъ салопцѣ щурилась отъ солнца и смотрѣла въ другую сторону.

— Ахъ, м-г Телепневъ, вскричала Нина Александровна, ласково кивая головой, какъ это удачно. Julie просила меня послать вамъ приглашеніе.

Телепневъ отвѣсилъ почтительный поклонъ, дѣвушка, смотря не на него, а въ спину кучера, еле-еле поклонилась.

— Такъ вы будете сегодня?

— Непремѣнно-сѣ.

— Принесите что нибудь почитать.

— Я только что получилъ Русскій Вѣстникъ, но не успѣлъ еще разрѣзать.

— Такъ вы пожалуйста, мы васъ ждемъ.

Нина Александровна еще разъ привѣтливо взглянула на Телепнева и приказала ѣхать дальнѣе къ заставѣ. Отъ Темиры Телепневъ не дождался другаго поклона.

„Экая недотрога-царевна, думалъ онъ, идя въ анатомическій театръ на лекцію, гдѣ должны были въ этотъ разъ взрѣзать теленка. Совсѣмъ изломанная барышня. А тетенька ея, кажется, барыня во вкусѣ К-скихъ. И Телепневъ вспомнилъ при этомъ про Ольгу Ивановну Да и что такое она, дѣвица или дама? Бонвиванъ-то на нее особенно поглядываетъ. Тутъ дѣло, пожалуй, не чисто“

На лекціи фізіологіи взрѣзали теленка. Несчастное четвероное умильно мотало хвостомъ, а бурши держали его за ноги. Телепневъ довольно разсѣянно слушалъ демонстрацію профессора и два три раза во время лекцій подумалъ о барыняхъ.

Онъ долженъ былъ вернуться домой, переодѣться, и въ этотъ разъ немножко дольше занимался своимъ туалетомъ; замѣтилъ даже про себя, что напрасно онъ такъ плотно стрижется, что это придаетъ ему слишкомъ сухой, педантскій и самоувѣренный видъ.

„Что я имъ буду читать? спрашивалъ онъ себя. Маменька, кажется, такого сорта, что вмѣсто любости нужно вездѣ ставить морковь.“

Онъ разрѣзалъ только что полученную книжку Русскаго Вѣстника, но не нашелъ тамъ ничего для легкаго чтенія. „Вѣдь не читать же имъ Ансельма Кентербѣрійскаго. Господь съ ними! пообѣдаю, а потомъ и по домамъ. Бонвиванъ хвалился рейнвейномъ; кажется, лучше будетъ заняться этимъ дѣломъ, чѣмъ разводить разводы съ пустоголовыми барынями.“

Ровно безъ четверти въ четыре Телепневъ входилъ въ гостиную Деулиныхъ. Дѣвушка играла одна, и при входѣ Телепнева остановилась. Онъ почувствовалъ себя не совсѣмъ ловко.

— Pardon, проговорилъ онъ, я вамъ помѣшалъ.

— Раа у себя въ кабинетъ, указала она.

Телепневъ сжалъ губы, сдѣлалъ дѣвицъ *salût oblique* и отправился въ кабинетъ Ивана Павловича, обозвавши опять барышню медотрогой-царевной. Жуира онъ нашелъ въ какомъ-то мечтательно-меланхолическомъ настроеніи.

— Bon jour, bon jour, mon cher, замолотъ онъ, грустно качая головой.

Что наша жизнь! ничто иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое.

Да вотъ и подите вы, и разсуждайте. Ну, вотъ и наука, положимъ, открытія...

— Да, вотъ мы теленка сегодня взрѣзали.

— Ну да, вотъ и теленка взрѣзали, а дасть-ли это душѣ гармонію, — нѣтъ, не дасть. И къ чему мы бьемся, спрашивается?

— Да вы какъ желудкомъ? спросилъ, не скрывая своей насмѣшки, Телепневъ.

— Ахъ, mon cher, тутъ бѣлужиной запоешь. Я всю свою жизнь, — жуиръ всталъ, — да, всю, всю жизнь хотѣлъ создать что-то такое, и вотъ тебѣ щелчки, щелчки.

— И въ носъ, и въ ротъ, и во всякое мѣсто?

— Да, именно во всякое мѣсто. Повѣрьте мнѣ, mon cher, ничего нѣтъ въ жизни прочнаго. Вы, конечно, въ такомъ возрастѣ, что можете увлекаться надеждой, —

Иль нѣтъ — тяжелый нѣкій шаръ,
На тонкомъ волоскѣ висящій.

Берите наслажденіе, гдѣ только можно, обѣими руками берите.

— Давайте.

— Non, mon cher, non. Вы вѣдь не въ корпораціи?

— Нѣтъ, я вильдеръ.

— Знаете, у нѣмцевъ есть такое выраженіе на счетъ молодости... забылъ.

— Вы скоро поѣдете, Иванъ Павловичъ, въ Петербургъ? спросилъ Телепневъ, желая прервать болтовню жуира.

— Не знаю. Боже мой, ничего не знаю; хотѣлъ ѣхать на дняхъ, но разныя дѣла задержали. Самое, батюшка, жалкое званіе въ мірѣ быть російскимъ помѣщикомъ. Подъ вами всегда тяготѣетъ какой-то мечъ Дамоклеса. Вотъ нынче хлѣба много, цѣнъ нѣтъ, никакихъ цѣнъ. Вы ведете такой train, у васъ домъ монтированъ на двадцать тысячъ, глядь, вы пяти не получаете. Вотъ теперь начинаютъ толковать въ Петербургѣ объ эмансипаціи. Я, конечно, всегда за гуманное начало, но помилуйте, какая это эмансипація; впрочемъ, mon cher, не подумайте, чтобъ меня волновали хозяйственные заботы. Я неисправимъ. Увы и ахъ! Я всегда былъ идеалистъ и останусь идеалистомъ. Потому то гораздо обиднѣе, когда никакія ваши лучшія, самыя идеальныя... Ну, словомъ сказать, mon cher

Lasciate ogni speranza voi ch'entrate

„Только этой цитаты не доставало“, подумалъ Телепневъ.

— Кушать подано, доложилъ человѣкъ.

— Идемте, mon cher, обѣдать, идемте. Вы все таки нѣмецкій студентъ, должны любить рейнвейнъ Asmansheimer....

Они нашли дамъ въ гостиной. Вздыхающая барыня привѣтливо поклонилась Телепневу, а сестра ея подала ему руку.

За обѣдомъ, жуиръ подливалъ все Телепневу вина, но продолжалъ хандрить, Юлія Александровна всячески его ублажала, а онъ только фыркалъ; за то Нина Александровна обращалась съ нимъ въ какомъ-то полушуточномъ тонѣ. Жуиръ нѣсколько разъ заговаривалъ съ ней и силился придать себѣ меланхолическое выраженіе.

Вообще за столомъ было очень глупо и натянуто. Дѣвица сидѣла хмурая. Говорить приходилось одному Телепневу, съ которымъ отъ времени до времени заигрывала пикантная Нина Александровна. Жуиръ разворчался подъ конецъ на обѣдъ.

— Извините меня, mon cher, нынче не я заказывалъ обѣдъ. Oh! les gens, les gens! ѣсть ничего нельзя.

— Нѣтъ, Jean, сказала Юлія Александровна, обѣдъ нынче право не дуренъ.

— Ну, ужъ, ma chère. Женщины вѣдь какъ заказываютъ обѣдъ? Придетъ пьяный Сережка, или Митька и говоритъ: что прикажите-съ къ завтраму? Супъ, говоритъ, какой нибудь, а холодное, — извѣстно холодное, соусъ, — помнишь тогда на той недѣлѣ, жаркое обыкновенное, а пирожное придумай, пожалуйста. Когда женитесь, mon cher, ради Бога не допускайте вы, чтобы жена заказывала обѣдъ.

Насѣдка совсѣмъ затуманилась.

— А гораздо лучше, прервала брюнетка, не слушайте вы никогда женатыхъ людей въ хандрѣ. Вы какъ разъ приучитесь сваливать все на другихъ.

Жуиръ промолчалъ. Входя съ Телепневымъ послѣ обѣда въ кабинетъ, онъ вдругъ задекламировалъ:

Волшебный лучъ любви и возрожденья,
Я звалъ тебя во снѣ и на яву,
Въ трудѣ, въ борьбѣ, на рубежѣ паденья,
Я звалъ тебя, теперь ужъ не зову.

— Да и хорошо дѣлаете, сказалъ спокойно Телепневъ.

— Да, язвительно отвѣтилъ жуиръ, хорошо дѣлаю и говорю вамъ: юноша, жуируйте жизнью, а то она васъ сотретъ въ муку.

„Экая толчя“, подумалъ Телепневъ, и еще разъ пожалѣлъ, что излишняя любезность познакомила его съ этими уродами.

Въ гостиной кто-то заигралъ. Телепневъ на скоро докурить свою сигару и оставилъ Ивана Павловича въ поискахъ волшебнаго луча.

Играла Нина Александровна.

„Такъ и есть, сказалъ про себя Телепневъ, непременно sonate pathétique, безъ этого никакъ нельзя“

— Хотите играть со мной въ четыре руки *Lieder ohne Worte*?

— Давайте.

Начали. Нина Александровна сидѣла очень близко къ Телепневу. Играла она не дурно, но съ большой аффектаціей, съ нервными *ritardando*.

— Въ мендельсоновской музыкѣ есть какая-то особенная грація, сластолюбиво проговорила она, прищуривая свой глазъ.

— Да талантъ, но талантъ однообразный. Много сладости и жидовскихъ мотивовъ.

— Ахъ, м-г Телепневъ, какъ вамъ не стыдно. Впрочемъ, это кажется у очень молодыхъ людей общая болѣзнь начинается—нелюбовь къ мендельсоновской музыкѣ. Вотъ и моя племянница Темира, тоже небольшая охотница до Мендельсона, она ужъ слишкомъ сидитъ на этюдахъ, на Бетховенѣ и Шуманѣ.

— Чтожъ, и прекрасно.

— Она вообще очень способная дѣвушка. Нина Александровна осмотрѣлась. Въ гостиной никого не было. И могла бы очень хорошо развиваться; но вы знаете, м-г Телепневъ, въ русскихъ семействахъ это никогда не удастся. Матери прежде всего воспитываютъ дочерей своихъ для себя, а не для нихъ самихъ.

— Да, бываетъ.

— И всего болѣе жалко то, что дѣвочка вдается въ ранній эгоизмъ. Когда нужно было, ее раздражали тѣмъ, что стѣсняли ея свободу, а теперь она никого къ себѣ не подпускаетъ!

„За чѣмъ ты мнѣ все это, милая, рассказываешь“; думалъ Телепневъ, слушая Нину Александровну.

— Сестра моя очень добра, она до такой степени еще наивна и такъ малодушна во многихъ случаяхъ, что она со-всѣмъ исковеркала Темиру.

— Я думаю всего лучше, когда дѣвочка воспитывается подъ чѣимъ нибудь однимъ руководствомъ. У семи нянекъ дитя безъ глазу бываетъ.

Нина Александровна немножко поморщилась.

— Я съ вами несогласна, м-г Телепневъ. Помилуйте, въ томъ-то вся и бѣда, что отъ дѣвочки начинаютъ разными маневрами отводить такихъ людей, которые были бы ей все-го полезнѣе, когда она формируется. Во первыхъ, никогда дѣвочка не можетъ быть откровенна съ матерью, по крайней мѣрѣ у насъ, въ русскихъ семействахъ. Тутъ всегда скрытность, всегда ложь. Мать не дастъ и книги во-время. Матери не расскажетъ дѣвочка разныхъ своихъ фантазій и маленькихъ *engouements*. Все это я испытала сама, и, повѣрьте, горькія слезы проливала о томъ, что не было у меня въ 15, 16 лѣтъ друга, съ которымъ бы я могла быть всегда проста и искренна.

— Вы хотите сказать, Нина Александровна, что вамъ не удалось получить вліянія на вашу племянницу.

Нину Александровну покорило.

— Я, м-г Телепневъ, говорила не о себѣ, но если вы хотите знать: я, дѣйствительно, очень жалѣю, что разстроили прежнюю привязанность Темиры ко мнѣ.

— Если оно такъ, какъ вы говорите, то кого же винить кромѣ васъ?

— Почему же меня?

— Кого же, Нина Александровна? Изъ словъ вашихъ я понялъ, что ваша сестра, вѣроятно, мѣшала вашему вліянію на племянницу. Если оно такъ, значитъ, вы не были достаточно сильны и не умѣли привязать къ себѣ дѣвочку.

Нина Александровна ничего не отвѣчала на это.

— Да и вообще я не понимаю, началъ опять Телепневъ, изъ чего тутъ биться? Всѣ эти развиванія ровно ни къ чему не ведутъ. Больше тѣшишь собственное самолюбіе.

— Ну, это напрасно. Если такъ рассуждать, то вдашься въ ужаснѣйшій эгоизмъ, ни до кого не будетъ дѣла, никому не дашь поддержки...

— Полноте, Нина Александровна. Все это ненужный идеализмъ, извините меня. Какія тутъ поддержки, зачѣмъ это развиваніе? Человѣкъ растетъ, видитъ около себя людей. Хорошіе они люди, тогда онъ разовьется въ ихъ обществѣ, а несимпатичны они ему, такъ надо оставить его въ покоѣ. Кажется, это ясно и просто—рассуждать тутъ не о чемъ.

— Будемте играть. Хотите Бетховенскую Леонору?

— Давайте.

Они забарабанили. Нина Александровна щурила свои глазки и находилась вообще въ возбужденномъ состояніи, а Телепневъ, работая лѣвую руку, продолжалъ себя спрашивать: „зачѣмъ эта барыня начала съ нимъ изливаться и какое ему дѣло до развитія ея племянницы“. Играли они долго, безъ разговоровъ.

— Моя сестра занимается съ Темирой по англійски, объяснила Нина Александровна.

— Вы извиняетесь, что она меня не занимаетъ.

— О нѣтъ, я знаю, что вы слишкомъ просто смотрите на вещи, чтобы обидѣться.

— Непремѣнно обижусь.

— А вотъ и онъ.

Дверь изъ рабочей комнаты Темиры отворилась, оттуда вышла Юлія Александровна одна.

— Продолжайте, продолжайте, заговорила она. У васъ прекрасно идетъ. Да вы, m-g Телепневъ, серьезный музыкантъ. Вы намъ доставите много удовольствія.

Она усѣлась на свое обыкновенное мѣсто у стола и заковыряла крючкомъ.

— Проиграемте еще разъ увертюру, сказала Нина Александровна.

Начали опять барабанить. Настѣдка послушала немножко, потомъ отправилась тихимъ шагомъ въ кабинетъ бонвивана. Минутъ чрезъ пять она вышла оттуда очень блѣдная. Врови приподнялись еще выше обыкновеннаго, лицо вытянулось, ротъ ужасно раскрылся. Она заметалась по комнатѣ, потомъ пошла къ полю.

— Нина, застонала она. Jean себя вдруг почувствовалъ дурно, онъ тебя желаетъ видѣть. Я, право, не знаю, что мнѣ и дѣлать,—послать за докторомъ, что-ли?

— Ахъ полно, Julie, онъ просто хандрить.

— Ахъ, нѣтъ, онъ весь въ жару лежитъ.

— Онъ меня желаетъ видѣть?

— Да. М-г Телепневъ извинить.

— Пойдемъ къ нему. Такъ пойдемъ вмѣстѣ, я съ нимъ съ больнымъ не умѣю возиться.

— Pardon, m-г Телепневъ, застонала барыня.

— Сдѣлайте милость, не стѣсняйтесь, проговорилъ Телепневъ, и всталъ съ табурета.

Нина Александровна поблагодарила его и пошла вмѣстѣ съ сестрой въ кабинетъ.

„Бонвиванъ что-нибудь затѣваетъ, подумалъ Телепневъ. Экіе они кислые. Эта Нина Александровна съ своими изліяніями. Какъ тутъ не запутать дѣвчонки. А мнѣ не убраться-ли во свояси?“ И онъ хотѣлъ было взять съ рояли свою фуражку, но опустилъ руку: въ дверяхъ своей рабочей комнаты стояла Темира.

Она смутилась, увидавши Телепнева одного въ гостиной, но скрыла свое смущеніе, и, подойдя къ столу, спокойно спросила его:

— Вы кончили вашу музыку?

— Нѣтъ, но съ вашимъ рара что-то такое. Нина Александровна пошла туда въ кабинетъ.

— Я васъ не спрашивала, куда пошла Нина Александровна, вдругъ прервала его дѣвушка.

Телепневъ смѣрилъ ее съ ногъ до головы.

— Mlle Déouline, вы меня поражаете. Я не знаю, чѣмъ я заслужилъ, въ два три раза, такую антипатію. Я, мнѣ кажется, имѣю право, по крайней мѣрѣ, на вашу вѣжливость. Скажите на милость, что значитъ вашъ рѣзкій отвѣтъ? Я вамъ объяснилъ очень простую вещь, что мы играли съ Ниной Александровной и ваша татап позвала ее въ кабинетъ. Кто же виноватъ въ томъ, что васъ въ шестнадцать лѣтъ въ такой степени изломали, что вы походя можете.

— Прошу васъ не доканчивайте, отвѣтила дѣвушка и не

могла уже болѣе совладать съ смущеніемъ. Щеки ея горѣли.

— Нѣтъ, я докончу. Вы, кажется, собираетесь записаться въ эксцентрическія особы и, вѣроятно, очень строги къ другимъ. Я замѣтилъ съ перваго раза, что мой тонъ, моя манера вамъ не понравились; но зачѣмъ же говорить грубости и быть смѣшной.

— М-г Телепневъ! вскричала дѣвушка.

— Я не испугаюсь вашего тона. Вы вполне заслужили то, что я вамъ сейчасъ сказалъ. Но, если я вамъ такъ неприятенъ, то мнѣ только остается избавить себя отъ удовольствія слышать отъ васъ незаслуженныя рѣзкости.

Дѣвушка сдѣлала порывистое движеніе и собралась отвѣтить на рѣзкую фразу Телепнева, но въ кабинетѣ послышался громкій говоръ, возгласъ Ивана Павловича, и потомъ женскій плачъ. Темира сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери, глаза ея заблестѣли, и, отвернувши голову отъ Телепнева, она простояла неподвижно съ минуту. Опять послышался возгласъ жуира. Телепневу сдѣлалось жалко дѣвушку. Въ ея позѣ, въ блѣдномъ лицѣ, блестящихъ глазахъ, было столько хорошей гордости и столько свѣжей боли чувствовалось въ нихъ... Телепневъ вдругъ подошелъ къ ней очень близко и протянулъ ей руку.

— Простите меня, тихо и отрывисто выговорилъ онъ. Я васъ понялъ. Не слушайтесь никого и ничего, кромѣ вашего сердца.

И онъ двинулся къ рояли, желая взять фуражку и уйти совсѣмъ.

Темира подняла голову и вдругъ посмотрѣла на Телепнева гораздо довѣрчивѣе.

— Вы идете? тихо спросила она.

— Мнѣ пора, да и лучше будетъ, если я уйду. Вашъ рара не совсѣмъ здоровъ.

— Да, идите, идите, прошептала дѣвушка дрожащимъ голосомъ.

Но не успѣлъ Телепневъ обернуться отъ рояли, какъ онъ услышалъ глухія рыданія. Темира опустила на диванъ и плакала, заглушая свои всхлипыванія платкомъ. Потомъ она прижалась къ подушкѣ и вся дрожала. Телепневъ стоялъ

около стола и не зналъ помочь ли ей чѣмъ-нибудь, велѣть ли подать воды или удалиться. Но эти слезы были не простая слезливость. Онѣ говорили о какой-то крупной борьбѣ.

Быстро подняла голову Темира, сдержавъ наконецъ рыданія и встала съ дивана.

— Зачѣмъ вы здѣсь стоите, заговорила она, идите, ради Бога идите. Вы не должны были видѣть, какъ я плакала.

— Но я видѣлъ. Чего же вы стыдитесь? Я не врываюсь въ вашу жизнь. Прощайте, закончилъ онъ, подавая ей руку. Да дайте же мнѣ руку. Вамъ самимъ будетъ совѣстно, если вы меня дурно отпустите.

Темира подала ему руку.

— Бѣдная дѣвушка, сказалъ ей въ упоръ Телепневъ, и не дожидаясь ея отвѣта, вышелъ изъ гостиной.

Впервые, въ послѣдніе четыре года, онъ былъ такъ взволнованъ. Чѣмъ-то новымъ пахнулъ на него весь образъ этого, только что вставшаго на ноги, ребенка. Жалко было ея и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то раздражающее приносила она съ собою, что-то такое, въ чемъ сказывалась и гордость, и воля, и какое-то скороспѣлое презрѣніе, и неподдѣльное благородство. „Ее такъ нельзя оставить, подумалъ Телепневъ, я здѣсь не въ послѣдній разъ“.

На дворѣ разгулялась вьюга, но Телепневъ, спускаясь отъ дому по аллеѣ, не обратилъ на это вниманія и шелъ быстрыми шагами, все спрашивая себя мысленно: „какая же это тревога могла закрасться такъ сильно въ натуру шестнадцатилѣтней дѣвочки, и что за судьба ожидаетъ ее съ такими папаженъ и мамахенъ и съ такой тетенькой, желающей во что-бы-то ни стало развивать свою строптивую племянницу“?

IX.

Кабинетъ Ивана Павловича представлялъ слѣдующее зрѣлище: самъ онъ раскинулся на диванѣ и дергалъ свои волосы,

Нина Александровна ходила, а насѣдка на низкихъ креслахъ около камина тихо плакала.

— Ты самъ не знаешь, чего тебѣ хочется, вскричала Нина Александровна.

— Нѣтъ, я знаю. Но вы всѣ согласились убить меня.

— Что ты вздоръ говоришь, ты самъ себѣ надоелъ. Кто же въ этомъ виноватъ.

— Полно, Jean, хныкала барыня. Нина можетъ еще остаться съ нами, я ее упрошу.

— Нѣтъ, это вы, вы вашимъ ригоризмомъ и разными нелѣпостями довели до того, что никому нельзя остаться у насъ въ домѣ.

— Я уйду сейчасъ, прервала его Нина Александровна, я не желаю слушать твоихъ глупостей. У тебя желудокъ не варить, а ты ставишь весь домъ вверхъ дномъ. Что я сказала, то я сдѣлаю.

Насѣдка бросилась къ ней.

— Ради Бога, Нина, ты видишь, какъ Jean разстроенъ, зачѣмъ-же его еще больше раздражать.

— Jean, душа моя, не мальчикъ. Прекратимте эту глупую сцену.

И Нина Александровна направилась къ двери.

— Оставьте меня, закричалъ Иванъ Павловичъ, и закатался на турецкомъ диванѣ, такъ что полы его яркаго халата разлетѣлись въ разныя стороны.

Насѣдка встала и подошла все-таки къ своему Jean'у, но онъ ее оттолкнулъ и завопилъ:

— Laissez moi, je me brulerai la cervelle, и опять закатался кубаремъ.

Въ гостиной во время всей этой сцены стояла Темира, облокотившись о косякъ печки и приложивъ платокъ къ губамъ, она вся вздрогнула, когда вошли мать и тетка.

Юлія Александровна, проходя мимо, обняла ее и прошептала:

— Que je souffre, mon enfant.

Она пошла въ спальню, а дѣвушка оставалась все въ томъ-же положеніи.

— Что ты тутъ такъ стоишь, спросила ее тетка.

— Не спрашивайте меня, ma tante.

— Да что ты, Темира, съ какой стати ты напускаешь на себя такой величественный тонъ. Вы мнѣ такъ всё надоѣли, что я молю Бога объ одномъ: поскорѣе отсюда убраться.

— Уѣзжайте, сказала дѣвушка съ дрожью въ голосѣ.

— А ты рада будешь этому?

Темира отвернулась и потомъ выпрямившись сдѣлала два шага впередъ. Глаза ея были прямо устремлены на лицо Нины Александровны.

— Да, я рада буду. Я рада буду, потому что когда вы уѣдете, мать моя не будетъ такъ страдать. Наконецъ, я сама буду свободнѣе. Вы меня не будете подавлять вашей требовательностью, вашими совѣтами, намеками, изліяніями. Я ихъ не желаю. Я уже вамъ нѣсколько разъ это говорила.

— Ты дѣвчонка, отвѣчала разозлившись Нина Александровна, вздорная и злая дѣвчонка. Ты совершенный папенька, только въ другомъ изданіи.

— Оставьте меня, шептала Темира, и вся при этомъ дрожала. Чтожъ мнѣ съ вами дѣлать. Я молчу—вы ко мнѣ пристаёте. Я всегда вамъ буду такъ отвѣчать, я васъ не люблю, уѣзжайте отъ насъ, отъ васъ все зло!

Нина Александровна покраснѣла и судорожно взялась за спинку дивана.

— Ты дѣвчонка, и говорить съ тобой я больше не буду, но я сдѣлаю такъ, чтобы ты хорошенко раскаялась въ своихъ дерзостяхъ.

И съ этими словами Нина Александровна оставила гостиную.

Опять Темира стояла одна, облокотившись о печку.

„Куда мнѣ итти, промелькнуло у ней, къ маман или къ отцу?“

Она было сдѣлала движеніе къ той двери, въ которую ушла Юлія Александровна, но обернулась и, тихо подойдя къ кабинету, взялась за ручку.

Въ кабинетѣ ничего не было слышно. Темира осторожно отворила дверь и взглянула въ комнату. Иванъ Павловичъ лежалъ въ халатѣ лицомъ къ стѣнѣ. Дочь подошла къ дивану.

— Рара, тихо проговорила она, что у тебя голова болитъ?

— Ммъ!... простоналъ жуиръ.

— Не хочешь ли намочить голову?

— Ммъ!...

— Тебѣ, кажется, помогаетъ спиртъ что у татапа стоитъ, красный.

— Ммъ!...

— Я схожу сейчасъ.

— Laissez moi tranquille! вскричалъ вдругъ Иванъ Павловичъ, точно ужаленный змѣей.

— Я уйду, папа. Но вѣдь ты самъ же не любишь оставаться одинъ, когда ты нездоровъ.

Иванъ Павловичъ приподнялся.

— Никого мнѣ ненужно. Я хочу быть одинъ. И буду одинъ. И уму одинъ.

Темира смотрѣла на него своими большими глазами и стояла въ кроткой выжидающей позѣ.

— И ты тоже по слѣдамъ матери?

— Что я? спросила дѣвушка тревожно.

— Tais-toi! Что ты о себѣ воображаешь. Съ какой стати ты фыркаешь. Я слабъ, я знаю, что я слабъ, но за это терзать меня нужно, жилы тянуть? Всякій человѣкъ убѣжить отсюда. И нельзя не убѣжать. Позвони.

Темира подошла къ сонеткѣ и дернула за нее. Въ смущеніи она такъ и осталась у стѣны въ темномъ углу.

Жуиръ разлегся навзничъ, и распахнувъ полы халата вытягивалъ впередъ кулаки.

— Тебя тетка любитъ, она тебя воспитала, она была твоимъ другомъ—и вдругъ такая неблагодарность! Ты должна понимать, что мать твоя женщина больная, что ее нужно менажировать, что отъ нея и безъ того страдаютъ и я, и сестра ея.

— Я-то что-же?

— Tais-toi te dis-je. Mon Dieu, mon Dieu quel supplice!

— Никого я не раздражаю и нисколько не виновата въ томъ, что люблю Нину Александровну меньше, чѣмъ она этого желаетъ.

— Grands Dieux, кого ты называешь Ниной Александровной, кто она такая? Или ты вообразила, что я ужъ ничего, я Гришка или Сережка кучеръ? О хо, хо, хо! закричалъ вдругъ

жуирь и закатался по турецкому дивану. Зельтерской воды дайте мнѣ, зельтерской воды!

Какъ разъ въ эту минуту вошелъ лакей.

— Гдѣ ты, болванъ? Иванъ Павловичъ вскочилъ и подлетѣлъ къ служителю. — Образи́на ты египетская, дура ты эѳіопская!

— Чего изволите-съ?

— Зельтерской воды! трагически заоралъ Иванъ Павловичъ, точно желая разорвать себѣ руками грудь.

Человѣкъ двинулся.

— Стой, дурьнда. Съ чѣмъ зельтерской воды, спрашиваю я тебя?

— Съ чѣмъ прикажете.

— О го-о-о-о! застоналъ Иванъ Павловичъ. Да что я. здоровый человѣкъ? ты не видишь, что я лежу, что я двинуться не могу? И это животное спрашиваетъ меня съ чѣмъ прикажете.

— Съ лимономъ, рара, и съ сахаромъ?

— Съ лимономъ. съ лимономъ! Господи, только поскорѣе, захныкалъ Иванъ Павлычъ и закатался по дивану.

— Да тебѣ бы совѣмъ лечь въ постель.

— Развѣ не все равно гдѣ умерѣть. *Sortez, mademoiselle.* Еще одинъ вашъ поступокъ, если тетка ваша будетъ въ чемъ нибудь задѣта—*je vous ferais sentir le joug de la volonté paternelle. Sortez!*

Темира все еще стояла въ своемъ темномъ углу. Лицо ея слегка подергивало.

— Я ни въ чемъ не виновата, спокойно сказала она. Я никого не задѣваю и прошу только объ одномъ, чтобы ко мнѣ не приставали.

— *Sortez!* крикнулъ жуирь во всю глотку

Дѣвушка вышла довольно твердо, но дойдя до дивана опустилась на него въ изнеможеніи и долго старалась душить подушкой свои истерическія рыданія.

Лакей принесъ Ивану Павловичу зельтерской воды съ лимономъ и сахаромъ. Жуирь замычалъ и весь облился, глотая пѣнистую воду.

Въ кровати, въ двѣнадцатомъ часу, Темира въ своей записной книжки записала: „22 Ноября“.

„Я понимаю, что отецъ не хочетъ отпустить Нину Александровну. Зачѣмъ она ему такъ нужна? Она дразнить его. Мнѣ противно все, что дѣлается въ нашемъ домѣ. Мнѣ жалко маман; но зачѣмъ она такъ слаба? Пускай Нина Александровна затѣваетъ противъ меня что хочетъ, я ее не боюсь, и просить у нее извиненія не буду. Не хочется мнѣ мириться съ этой глупой жизнью; совсѣмъ не такой я ее воображала три года тому назадъ. Неужели всегда такъ будетъ. Оправдывать отца я также не умѣю. Мнѣ за него стыдно. Еще одна такая сцена—и я перестану плакать.“

Въ Nota Bene стояло:

„Я *ей* не хотѣла оскорблять. Онъ мнѣ показался противнымъ; но, кажется, я ошибаюсь. Если бы онъ былъ фатъ, то я бы, несравненно больше обидѣлась въ сегодняшней сценѣ. Но зачѣмъ онъ говорить такъ не просто? Онъ пожалѣлъ меня. Мнѣ будетъ неловко съ нимъ заговорить въ другой разъ... Если онъ рисовался, я его возненавижу. А если нѣтъ, и кажется онъ не рисовался.... Все-таки лучше ему не являться къ намъ.“

Въ это самое время Теленневъ вносилъ тоже замѣтки въ свой меморандумъ:

„Я чувствую, писалъ онъ, что нельзя уже мнѣ довольствоваться тѣмъ, что до послѣдняго времени наполняло мою нравственную жизнь. Слишкомъ уже давно нѣтъ у меня никакой душевной жизни. Оставаясь вѣрнымъ принципамъ, выработаннымъ мною изъ области естествовѣдѣнія, я не могу не отдаться другимъ умственнымъ потребностямъ, не могу также отказать себѣ въ разныхъ жизненныхъ впечатлѣнiяхъ, въ которыхъ сказывается настоящая поэзія и правда жизни. Но вопросъ—гдѣ искать? Можетъ быть они кругомъ насъ, только мы не хотимъ отнестись къ нимъ просто и энергично, сбросивъ свое резонерство. Вотъ хоть бы эта дѣвушка: кажется матеріалъ богатый. Разу~~м~~ѣется, нечего накидываться на *развиваніе* и тому подобныя нѣжности, но отворачиваться также не слѣдуетъ. Если среди такой обстановки она не ополхнѣетъ, или не ожесточится, то такая натура кой-чего стоитъ. Впрочемъ, чтожь я говорю? Не заниматься же мнѣ этой дѣвочкой специально. Пожалуй такъ

раскиснешь, что будешь хуже этой размазни, m-me Деулиной. Похерить бы всѣхъ этихъ дурацкихъ папахенъ и мамахенъ, тогда бы, по крайней мѣрѣ, хоть въ шестнадцать лѣтъ попадались дѣвочки, не исковерканныя русской распущенностью“

Затѣмъ слѣдовала какая-то большая нѣмецкая выписка изъ новой брошюры по судебной медицинѣ.

Х.

Нѣмецкій шаржиртенъ конвентъ прислалъ сказать бурсакамъ, что онъ не можетъ дать русскимъ *такихъ правъ*, какія они требовали въ своей бумагѣ. И такъ какъ русскіе положительно объявляютъ, что они впредь не будутъ гарантировать комана, то шаржиртенъ-конвентъ чувствуетъ себя вынужденнымъ посадить ихъ на ферруфъ, т. е. лишить ихъ всѣхъ правъ гражданства въ буршикозномъ мірѣ, совершенно отлучить ихъ отъ всякаго общенія съ студентами, признающими команъ, *bis sie sich dem allgemeinen Comment fügen*. Бурсаки собрали сходку, на которую опять пригласили всѣхъ вильдеровъ. Видно было, что имъ очень не по вкусу пришлось рѣшеніе нѣмцевъ, и главное, то обстоятельство, что они лишены были правъ требовать удовлетворенія въ случаѣ какихъ нибудь Collision съ нѣмецкими буршами. Для ихъ бурсацкаго духа это была нестерпимая обида. Да и вообще всѣ они съ сокрушеннымъ сердцемъ и большимъ душевнымъ уязвленіемъ прощались съ преданіями и утѣхами своего буршентума. Но наружно ими овладѣлъ задоръ, и они желали показать, что безъ всякаго трепета и раскаянія сожгли свои бурсацкіе корабли. Нельзя ужъ имъ было больше пѣть:

А бурсака компанъ извѣстенъ въ винномъ морѣ,
Въ немъ острова утѣхъ—и къ нимъ-то онъ плыветъ.

Приходилось превратиться въ отверженцевъ, въ парій того міра, гдѣ они имѣли своихъ представителей; приходилось

жевать хлѣбъ сокрушенія и, пожалуй, даже братья за тетрадки, чтобъ вырваться какъ нибудь изъ тяжелой жизни, которую уже нельзя будетъ скрасить ни шкандаломъ, ни корпорационной кнейпой, ни комершомъ, ни фарбендекелемъ.

Но бурсаки все-таки хорохорились. Дальше задорныхъ фразъ противъ чухонцевъ они однакожь не пошли и даже корпорационный Несторъ—Лукусъ, спасовалъ со всей своей мудростію, когда Телепневъ на сходкѣ спросилъ — что же теперь будутъ дѣлать русскіе: составить ли какое общество, или ударятся въ разсыпную? Надо же было опредѣлить свое положеніе въ отношеніи нѣмцевъ, съ которыми коллизіи были почти неизбѣжны. Порѣшить ли на томъ, что, въ случаѣ столкновенія, каждый отвѣчаетъ за себя, или будетъ солидарность между людьми, подписавшими отреченіе отъ комана. Толку никакого онъ не добился. Одинъ говорилъ—это консеквентъ, а другой — это неконсеквентъ. А между тѣмъ чрезъ нѣсколько дней произошелъ пассажъ, вызвавшій необходимость какъ нибудь дѣйствовать. Въ университетскомъ клубѣ, который образовался за семестръ передъ тѣмъ, почти всѣ бурсаки были членами и имѣли тамъ своего *Vorsteher'a* русскаго представителя, іерусалимскаго бурша Мандельштерна. Въ этой академической муссѣ существовало правило, что двѣнадцать членовъ могутъ предложить новую баллотировку того лица, котораго они бы желали выгнать изъ муссы. Нѣмцы тотчасъ послѣ опредѣленія шаржиртентъ конвента воспользовались этимъ правиломъ, чтобы выгнать изъ клуба всѣхъ бурсаковъ, не признающихъ комана, какъ людей, съ которыми они не могутъ имѣть никакихъ сношеній. Баллотировка состоялась, и бурсаковъ, разумеется, вытурили. Они жестоко уязвились, собрали сходку, и опять не пришли ни къ какому путному исходу. Изъ вильдеровъ только одинъ вертлявый хохоль былъ членъ муссы, какъ охотникъ до картишекъ. Телепневъ заявилъ такое мнѣніе, что этимъ поступкомъ нѣмцевъ нечего особенно возмущаться, потому что онъ есть неизбѣжное слѣдствіе ихъ рѣшенія, но что во всякомъ случаѣ нужно на что нибудь рѣшиться и, не задирая нѣмцевъ, начать свою самостоятельную жизнь, отличную отъ бурсацкой.

— Выдержкой своего поведенія, заключилъ Телепневъ, мы

покажемъ имъ всю нелѣпость ихъ претензій и положимъ основаніе другому порядку вещей, при которомъ русскіе, пріѣзжающіе сюда, заживутъ какъ они хотятъ, найдутъ поддержку въ своихъ землякахъ и не будутъ такъ чужды русскимъ интересамъ, какъ это до сихъ поръ было въ корпорациі.

Опять ничего не вышло. Телепневъ пригласилъ къ себѣ вильдеровъ. Изъ нихъ самымъ толковымъ и сильнымъ по характеру былъ хохоль Палей. Онъ совершенно былъ согласенъ съ Телепневымъ и сталъ довольно горячо говорить о необходимости нѣкоторыхъ общихъ интересовъ. Бурсаки такъ опошлили въ послѣднее время свою жизнь, что итти по стопамъ ихъ было постыдно; въ добавокъ, нетерпимость нѣмцевъ придавала русскимъ студентамъ новый общественный отбѣнокъ, при которомъ жизнь въ разсыпную, безъ всякаго сближенія, ставила бы всѣхъ новопоступающихъ русскихъ въ слишкомъ тяжелое положеніе. Всѣ бывшіе на квартирѣ у Телепнева условились сходиться между собой по извѣстнымъ днямъ, образовать маленькую библіотеку на общій счетъ, дѣлиться своими научными интересами, въ случаѣ столкновенія съ нѣмцами, совѣщаться и поступать сообща.

Бурсакамъ Телепневъ предложилъ пристать къ этому обществу; но они начали отговариваться. Лукусь на первый разъ было подался, но сейчасъ же сталъ предлагать разные нѣмецкіе формы и обряды, т. е. желалъ сохраненія той же корпорациі, только безъ голоса на шаржиртенъ - конвентѣ. Телепневъ искренно желалъ какъ нибудь согласить вильдеровъ съ бурсаками, но убѣдился, что съ корпорационной братіей ничего не подѣлаешь. Они умѣли только шалдашничать, а на всякое мало-мальски серьезное желаніе смотрѣли насмѣшливо своими отягченными пивомъ глазами.

Кончилось это тѣмъ, что корпорационный острякъ—татуированный далъ прозвище двумъ раздѣлившимся партіямъ русскихъ. Бурсаковъ назвалъ онъ Пелазгами, вильдеровъ—Эллинами.—Пелазги однако плохо шалдашничали. Собираться имъ было не зачѣмъ, да и не на что. Сидѣли они въ своихъ номерахъ и выпивали по малости, внутренне оплакивая свою горькую долю. Нѣкоторые съ горя начали даже ходить на лек-

ции. Лукусь призывалъ ихъ къ общежителъству и на каждой маленькой попойкѣ пѣлъ свою лебединую пѣснь; предложилъ разъ даже по средамъ устроить литературные вечера. Ничто не могло ужь видно возродить бурсацкаго эдема, и они пробавлялись насмѣшками надъ Эллинами, которые въ это время зажили себѣ гораздо лучше, привольнѣе и веселѣе.

Здоровый хохолъ Палей, сбросивши свою хохлацкую апатичность, вмѣстѣ съ Телепневымъ дѣлалъ очень много для общей жизни кружка. Телепневъ нашелъ въ немъ уже совсѣмъ сложившагося человѣка съ оригинальнымъ умомъ, очень большимъ запасомъ гордости и хохлацкой хитрости. Но все это не мѣшало ему быть честнымъ и даже добродушнымъ малымъ. По натурѣ своей онъ былъ способенъ страстно воспринимать нѣкоторыя идеи, и стойко, съ упрямствомъ ихъ отстаивать. Съ Телепневымъ они вступили въ жестокіе споры. Палей, не смотря на то, что изучалъ медицину, развилъ въ себѣ своеобразный идеализмъ, признавалъ многіе абсолютные нравственные принципы, и даже съ высока третировалъ тѣ проявленія раціонализма, которыя онъ не могъ не признавать, какъ человѣкъ, испытавшій на себѣ вліяніе естествовѣдѣнія. Телепневъ началъ платить ему тѣмъ, что подсмѣивался надъ его хохломаніемъ и всякій разговоръ начиналъ съ фразы: — а переведи-ка мнѣ на хохлацкій языкъ: грамматика есть наука правильно говорить и читать по русски.

Палей, по страстности своего темперамента, преувеличивалъ непріязнь великоруссовъ къ южно-русской рѣчѣ и ко всѣмъ вождѣлѣніямъ хохломановъ, и въ подобныхъ спорахъ его оставляла даже обычная сдержанность.

Другой хохолъ не имѣлъ никакихъ политическихъ убѣжденій, за то множество общительныхъ талантовъ: страсть знакомиться, говорить безъ умолку, возиться съ барышнями, плясать, дупиться въ картишки, нянчиться и играть съ дѣтьми и ѣсть за четверыхъ. Но со всѣмъ съ этимъ онъ порядочно работалъ и даже у нѣмцевъ профессоровъ былъ на хорошемъ счету. Занимался онъ политической экономіей и безпрестанно бѣгалъ въ университетскую библіотеку. Съ нимъ нельзя было не сойтись, и Телепневъ все себя спрашивалъ: какъ могла эта юла прожить три года въ вильдерахъ, не-

поступивши никуда въ корпорацію? Обстоятельство это объяснилось тѣмъ, что Ванечку привезла въ Д. маменька и отдала его на хлѣбъ къ суровому нѣмцу, учителю гимназій, гдѣ его запугали ужасами про бурсацкую компанію. Онъ такъ и остался въ дѣвственномъ состояніи по части куренія табаку и крѣпкихъ напитковъ.

Кричалъ онъ на собраніяхъ Эллиновъ непомѣрно и оперевалъ каждого, кто къ нему подходилъ. Со всѣми онъ умѣлъ найти подходящій разговоръ, но никогда не вступалъ въ толкъ объ убѣжденіяхъ. По этой части онъ точно далъ довѣренность Палею, который обращался съ нимъ, какъ нянька.

За-то съ первыхъ же дней Ванечкѣ надавали, кажется, чуть не двадцать прозвищъ, звали его и Мальчикъ у ручья, и полтавскій Донъ-Жуацъ, и Алексисъ—или хижина въ лѣсу. Онъ добродушнѣйшимъ образомъ ругался, но давалъ откликъ на всѣ прозвища.

Варцель тоже оживился. Онъ хотя зубрилъ по цѣлымъ днямъ, но русская его душа радовалась, что наступилъ конецъ царству бурсаковъ и взялись за умъ русскіе юноши. Онъ не пропускалъ ни одного сборища, умильно улыбался и говорилъ сладкія слова.

— Я, братцы, теперь между вами, какъ въ царствіи небесномъ. Право. Пускай тамъ эти Пелазги издыхаютъ себѣ, а мы еще поживемъ. Меня вотъ штрихнутъ скоро; а кабы моя волюшка была — еще бы семестрика три студентомъ побылъ. Эллиномъ бы такимъ сталъ. что люди ма-лина.

Телепневъ отдалъ въ распоряженіе общества всѣ свои спеціальныя книги и журналы. Новые русскіе интересы очень зашевелили компанію Эллиновъ. По цѣлымъ вечерамъ шли такіе разговоры, отъ которыхъ Пелазги съ бурсацкимъ обращеніемъ отвернули бы лицо свое. Ванечка писалъ диссертацию на медаль по исторіи литературы и читалъ ее во всеуслышаніе. Телепневъ предложилъ каждое собраніе кому нибудь приносить хотъ небольшія замѣтки о замѣчательныхъ статьяхъ, появившихся въ это время въ русскихъ журналахъ. Почти во всѣхъ Эллинахъ жило горячее желаніе сколько нибудь наверстать время, ушедшее на шалдашки

или на спеціальныя занятія и подготовить себя къ обществу — къ отъѣзду въ *Россію*. какъ выражались въ Д

XI.

У Друлиныхъ Телепневъ былъ въ теченіе мѣсяца три раза, но всякій разъ неудачно. Утромъ не засталъ никого дома, вечеромъ нашелъ одну Нину Александровну, которая начала съ нимъ разводить разговоры о литературѣ и эмансипации женщинъ, и онъ ей наговорилъ рѣзкостей. Въ другой вечеръ достался онъ Юдіѣ Александровнѣ. Она сидѣла точно на угляхъ и то и дѣло бѣгала въ кабинетъ къ Ивану Павловичу, а Темира показалась на минутку, и когда Телепневъ предложилъ ей пропѣть что нибудь—она ему отвѣтила, что у нее болитъ грудь.

Онъ очень удивился, когда къ нему часу въ первомъ пріѣхалъ Иванъ Павловичъ. Жуиръ весь какъ-то раскисъ, опухъ и пожелтѣлъ, но все таки былъ въ пестромъ жилетѣ и лаковыхъ сапогахъ.

— Зачѣмъ вы беспокоились, сказалъ ему Телепневъ, усаживая на диванъ, я съ вами визитами считаться не стану.

— Какой визитъ, mon cher, такъ пришелъ съ вами побесѣдовать. Намъ, старикамъ, остается одно утѣшеніе: смотреть и слушать золотую юность.

— Съ какихъ же это поръ вы въ старики-то записались?

— Да-съ, записался, и никто объ этомъ не заплачетъ.

— Конечно, нечего плакать, смѣяться лучше, mon cher, надъ нами, дураками, которые всю жизнь искали идеала. Ха, ха, ха, идеала!

— Вамъ не угодно-ли сигару?

— Потерялъ вкусъ, mon cher, потерялъ. Обонянія даже

— Да вы бы слабительнаго.

— Э, mon cher, вѣрованія разбиты. Мы вѣдь тоже бились изъ чегонибудь. Помилуйте, мои сверстники генераль-адъютанты, посланники. А я? Я всѣмъ пожертвовалъ семейной жизни, я гналъ тщеславіе,—и вотъ награда.

— И прекрасно дѣлали, что гнали.

Иванъ Павловичъ всталъ и началъ разсматривать разные аппараты и стеклянки, разставленные на окнахъ и по стѣнамъ.

— Послушайте, mon cher, заговорилъ онъ съ комической таинственностію. Вы вѣдь, кажется, химикъ?

— Не химикъ еще, а занимаюсь химіей.

— Да, да, великая наука?

— Хорошая наука.

— Собственно распознаетъ составы?

— Ну, не одно это.

— И яды,—вѣдь это по части химіи?

— Да все на свѣтѣ, Иванъ Павловичъ, по части химіи.

— Какъ же это такъ, mon cher?

— Очень просто. Всякая вещь во всѣхъ трехъ царствахъ имѣетъ непременно какойнибудь химическій составъ, только не въ томъ смыслѣ, какъ вы употребили это выражение.

— Ну да, mon cher, я вѣдь не специалистъ. Но скажите мнѣ, пожалуйста, и голосъ его сталъ еще таинственнѣе. Какое самое сильное ядовитое вещество?

— Есть разные.

— Вѣдь мышьякъ, это ужъ грубо, не правда ли?

— Да, если отравляться, такъ не стоитъ.

— Рвота?

— Всякія штуки, да и долго.

— А! Ну, а самое скорое, что же это такое?

— Концентрированная синильная кислота.

— Ну, и сколько же? такъ, маленькую стеклянку?

— Ну, довольно будетъ и двухъ капель.

— Неужто-съ!

— Да сдѣлайте экспериментъ—убѣдитесь.

Иванъ Павловичъ почему-то заходилъ по комнатамъ и затеребилъ свои кудри.

— И у васъ, mon cher, тамъ, гдѣ вы занимаетесь, всякія есть вещества?

— Какъ же, въ химическомъ кабинетѣ все есть. Безъ этого нельзя читать лекціи. Да и у меня есть кой-что.

— Есть-съ? спросилъ Иванъ Павловичъ съ большой живостью и разинулъ ротъ. Какъ же это вамъ позволяютъ, вѣдь вы не имѣете еще диплома?

— Такъ что же изъ этого? Я четвертый годъ работаю въ лабораторіи, надъ нами вѣдь присмотра нѣтъ, да и потомъ, я вѣдь знаю же какъ обращаться.

— Ну, однако, mon cher, кто нибудь можетъ нечаянно взять.

— Нечаянно. Иванъ Павловичъ, можетъ взять и въ лабораторіи кто нибудь. А у меня что посерьознѣе, такъ припрятано.

— Ну, а какъ же-съ, кромѣ этой синильной кислоты — это кажется Lauriers-cerises — есть еще другіе составы?

— Въ органической химіи много ядовъ: стрихнинъ, кодеинъ....

— Стрихнинъ-съ, слыхаль, слыхаль. Это что же такое-съ?

— А этакое растительное вещество, въ родѣ хинина.

— Горько?

— Очень горько, такъ что проглотить не совсѣмъ легко.

— Да вы развѣ пробовали, mon cher?

— Нѣтъ, не пробоваль, а это дознано опытомъ и занесено ужъ въ книжки. Есть ціанъ-кали еще; вотъ этимъ не дурно отравиться, и довольно скоро, и безъ особенныхъ страданій.

— Ціанъ-кали, странное названіе!

— Вотъ я вамъ покажу, если хотите.

Телепневъ досталъ изъ шкапика въ маленькой стеклянной банкѣ ядовитое вещество. Иванъ Павловичъ со страхомъ взялъ въ руки банку и повертывалъ ее.

— Можно открыть?

— Можете, это незаразительно.

— И запахъ ничего?

— Ничего.

Иванъ Павловичъ, отвернувши стеклянную пробку и при-

щуривъ глазъ, потряхивалъ все кусочки ціанъ-кали и при-
сматривался.

— Да, mon cher, есть многое на свѣтѣ, другъ Гораціо,
о чемъ не снилось вашей философіи. Вотъ моей дочери чи-
тають тоже что-то такое, кажется химію, нѣмецъ какой-
то ходить.—Я въ это не вмѣшиваюсь.

— Чтожъ, это полезно, и больше развиваешь, чѣмъ такъ
называемая натуральная исторія, то есть кусочки ботаники
и зоологіи.

— Можетъ быть, можетъ быть. Но что ваша химія, это
все такъ; ну, отравить человѣка, конечно, можно. Вотъ алхи-
мія—та была выше—воля ваша. Какая высокая идея, жиз-
ненный элексиръ добывали.

— Да, и философскій камень. Только нынче это стало
проще; говорятъ, вотъ въ Англіи русскія депозитки какъ
славно фабрикують.

— Да, смѣйтесь, mon cher, тутъ идеалъ былъ. А скажите
мнѣ, пожалуйста, вы ужъ кончаете курсъ?

— Кончаю.

— Ну, а простите меня, mon cher, за нескромный воп-
росъ: сколько вы здѣсь проживаете. сколько вамъ высыл-
ють ваши родные?

— Да вѣдь у меня нѣтъ родныхъ. Я самъ хозяинъ. Ты-
сячи двѣ проживаю.

— Однако!

— Да, можно было бы меньше, но я трачу на книги, на
разныя разности.

— Да, вы знаете, mon cher, я васъ спрашиваю и думаю:
еслибъ мнѣ десять лѣтъ съ плечъ долой, убѣждалъ бы отсю-
да, ей Богу убѣждалъ-бы, и гдѣ нибудь, въ нѣмецкомъ городѣ,
начать бы штудировать, отдался бы наукѣ... Проживалъ бы
триста, четыреста талеровъ

— Попробуйте теперь, Иванъ Павловичъ.

— Теперь! Вы знаете у Некрасова есть:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть.

Прощайте, mon cher. Извините, что я васъ побезпо-

моилъ, оторвалъ отъ занятій... А скажите, пожалуйста, вотъ вы мнѣ показывали: этотъ, какъ его, кали какой-то?

— Ціанъ-кали.

— Да, да, ціанъ-кали. Его такъ, въ аптекъ не дадутъ?

— Конечно, не дадутъ.

— Ну, а эта синильная кислота, она какого вида, у васъ есть?

— Нѣтъ, у меня нѣтъ. Она такъ прозрачная жидкость.

— Похожа на воду?

— Да.

— Merci, mon cher, merci. Вы къ намъ, пожалуйста. Я знаю, у насъ не очень занятно для молодого человѣка. Я совсѣмъ расклеился. Приходите запросто обѣдать.

Иванъ Павловичъ подалъ торжественно руку Телепневу и послѣ маленькой паузы вскричалъ:

— О, моя юность, о моя свѣжесть!

— Скоро ѣдете въ Петербургъ? спросилъ Телепневъ.

— Двинуться не могу, mon cher, двинуться не могу.

„Экая уродина, проговорилъ Телепневъ, проводивши гостя. Что онъ отравится что ли хочетъ? Доброе бы дѣло, однимъ пошлякомъ будетъ меньше“.

На зовъ Ивана Павловича Телепневъ не поддался и запросто къ нему обѣдать не поѣхалъ. Но дня черезъ четыре поѣхалъ въ филистерію ^ввечеромъ. Онъ очень долго звонилъ, наконецъ ему отворилъ дверь не человѣкъ, а поваръ. Телепневъ спросилъ дома-ли господа.

— Не знаю-съ, должно быть дома, отвѣтилъ поваръ, только Иванъ Павловичъ не совсѣмъ здоровы.

Телепневъ осторожно поднялся на верхъ и не нашелъ въ салонѣ никого. Онъ кашлянулъ. Изъ кабинета выплыла Юлія Александровна, безъ чепца, съ осунувшимся лицомъ.

— Иванъ Павловичъ нездоровъ? спросилъ Телепневъ раскланявшись.

— Да, онъ все какъ-то разстроенъ. Не хотите-ли къ нему пройти.

„Видно ужъ и ей не втерпѣжъ стало“, подумалъ Телепневъ проходя въ кабинетъ. Юлія Александровна впустила его одного, а сама скрылась. Иванъ Павловичъ сидѣлъ

у стола подъ большой лампой и рылся въ какихъ-то бумагахъ.

— Я вамъ не помѣшалъ? сказалъ Телепневъ, входя.

— Нѣтъ, mon cher, нѣтъ. Я просматривалъ всякіе документы.

— Что же такъ? хотите писать завѣщаніе что-ли?

— На то похоже, mon cher.

— Да что это вы, Иванъ Павловичъ, какъ разстроились, дѣла что-ли дурны, денегъ нѣтъ?

Жуиръ посмотрѣлъ на Телепнева.

— У кого же нынче деньги, спрашиваю васъ, всѣ мы нищіе, кто только обрабатываетъ землю.

— Ну, это не совсѣмъ правда, вотъ у меня есть деньги.

— У васъ?

— Да, у меня.

— И вы довольны вашимъ хозяйствомъ?

— Очень. Я въ нынѣшнемъ году получилъ въ полтора раза больше, чѣмъ въ прошломъ, не увеличивая запашки.

— Я не знаю. Можетъ быть. Но что мнѣ матеріальныя заботы, mon cher, когда душа болитъ...

— А коли болитъ,—надо какъ нибудь полѣчить.

Иванъ Павловичъ, вмѣсто отвѣта, подошелъ къ двери и заперъ ее на задвижку.

— Выслушайте меня, mon cher, заговорилъ онъ почти шопотомъ, я вамъ довѣряю. Вы вѣдь почти докторъ?

— Ну, нѣтъ, я медицинѣ не учился.

— Знаете химію.... И вы человѣкъ съ характеромъ, я это вижу. Мнѣ жизнь моя надѣла. Я хочу съ ней покончить.

Телепневъ не могъ скрыть улыбки.

— Чтожь вы—отравиться хотите, Иванъ Павловичъ? спросилъ онъ спокойнымъ голосомъ.

— Хочу покончить, да-съ!

— Полноте, да изъ чего же, скажите на милость?

— У! Что я вынесъ, что я вынесъ, молодой человѣкъ!

— Чѣмъ же вы думаете отравиться? продолжалъ спокойно спрашивать его Телепневъ.

— Не знаю, mon cher, но я не хочу жить.

Жуиръ сѣлъ на край дивана и опустилъ трагически голову.

— Я готовъ, я совсѣмъ готовъ. Вы думаете, я жалѣю какихъ нибудь привязанностей? Нѣтъ. Душа моя мертва. Мнѣ ничего не жалко, ничего. Вы говорили стрихнинъ очень горько?

— Горько, Иванъ Павловичъ.

— Ну, а этотъ, какъ его,—вотъ все не могу припомнить—какъ его, этотъ кали, кали кажется?

— Этотъ будетъ повкуснѣе.

— Гдѣ цѣль? Когда цѣли нѣтъ, то что же? Le neant! пустота, совершенная пустота. Ну, а вы говорите — грубо мышьякомъ?

— Да, мышьякомъ не изящно. Да вы бы прилегли, Иванъ Павловичъ, отдохнули.

— Да, mon cher, я отдохну, я на вѣки отдохну. Не всели равно: часомъ раньше, часомъ позже. Вѣдь въ древнемъ Римѣ дѣлали же это, каждый день дѣлали!

— Да въ древнемъ-то Римѣ, пожалуй, такъ. только бы все таки Иванъ Павловичъ прилегли хорошенько.

— Ахъ, mon cher, это все равно.

— Нѣтъ вы, право, полюбите-ка. Я васъ беспокоить не хочу.

— Да куда же вы?

— Я пойду къ дамамъ.

Иванъ Павловичъ заметался на диванѣ, а Телепневъ вышелъ.

Въ гостиной никого не было. Онъ отправился черезъ коридорчикъ въ столовую и тамъ, подойдя къ двери въ буфетъ—отворилъ ее. Въ буфетѣ онъ увидалъ горничную.

— Нина Александровна дома? спросилъ онъ.

— Дома-съ. онѣ у себя въ комнатѣ.

— Пожалуйста, доложите имъ,—не могутъ-ли онѣ теперь меня принять.

— Сейчасъ, отвѣтила горничная, посмотрѣвши на Телепнева и скрылась.

Онъ началъ ходить по столовой, полуосвѣщенной одной лампой. Во всемъ домѣ была совершенная тишина. Комнаты нѣсколько напомнили ему большой дикій домъ и онъ подумалъ: не знаю, что лучше было, обстановка моей юности, или то что здѣсь происходитъ?

— Барышня васъ просятъ-съ.

— Какая барышня?

— Нина Александровна.

„Такъ она барышня,“ подумалъ Телепневъ. „Вотъ оно что!“ Горничная проводила его въ коридоръ. откуда на лѣво подвела къ двери съ небольшимъ окномъ. сквозь которое видѣнъ былъ свѣтъ. Телепневъ почему-то сообразилъ, что эта комната какъ разъ выходитъ противъ кабинета Ивана Павловича.

— Пожалуйте-съ, проговорила горничная и ретировалась.

Будуаръ Нины Александровны въ два окна, съ сѣренъкими обоями, съ серебрянымъ зеркаломъ Psyché и небольшимъ письменнымъ столомъ смотрѣлъ очень весело. Вправо углублялся альковъ, завѣшанный темной шолковой занавѣсью.

Нина Александровна сидѣла на диванѣ въ тѣни и при входѣ Телепнева немножко подалась впередъ.

— М. Телепневъ, pardon, я нынче что-то расклеилась. Очень вамъ благодарна, что навѣстили...

— М. Нина Александровна, началъ Телепневъ довольно сухо, не зная, что вы нездоровы и пришолъ къ вамъ за дѣломъ.

— Пожалуйста, говорите.

— Я не имѣю никакого права, какъ посторонній чело-вѣкъ, вмѣшиваться въ то, что происходитъ у васъ въ домѣ. Но я сейчасъ былъ у Ивана Павловича. Онъ сумасбродствуетъ. И за нимъ надо присмотрѣть.

— Ха, ха, ха, полноте, оставьте его. Онъ вѣрно хотѣлъ при васъ застрѣлиться.

— Нѣтъ, застрѣлиться не хотѣлъ, а очень можетъ статься, что онъ какую нибудь штуку проглотитъ. Вы не смѣйтесь, Нина Александровна, я очень хорошо знаю, что онъ слабый чело-вѣкъ, безъ толку кричитъ и распинается. Но за подобныхъ людей нельзя отвѣчать. Когда они очень раскиснутъ, не-блажь... ну, и отравится.

— Что мы съ вами противъ этого можемъ сдѣлать? преврала его Нина Александровна насмѣшливо и ка-кимъ тономъ.

— Но вамъ все-таки не захочется, чтобы это случилось.

— Конечно, м-г Телепневъ; но онъ сумасшествуетъ, надо оставить его въ покоѣ.

— Нина Александровна, скажу вамъ прямо: не раздражайте его. Притворитесь немножко. Въдь это не такъ трудно. Миѣ кажется, надо сдѣлать это, если не для самого Ивана Павловича, то для бѣдной сестры вашей и племянницы. Будьте съ нимъ почаше. Я также стану заходить къ Ивану Павловичу, если можно, каждый день. Сдѣлаегь онъ какую нибудь глупость, по крайней мѣрѣ будетъ возможность если не предупредить, то по-время захватить. У васъ въ домѣ ни одного мужчины, всѣ теряють голову—выйдетъ очень скверно.

— Вы развѣ серьезно говорите, м-г Телепневъ? вдругъ спросила Нина Александровна, измѣняя тонъ.

— Очень серьезно. Повторяю вамъ, за такихъ людей, какъ Иванъ Павловичъ, ручаться нельзя. Но еслибъ даже это было вздоръ, то все таки его разстройство отражается на цѣломъ семействѣ. Миѣ кажется, Нина Александровна, что вы бы могли прекратить это.

— Я и прекращу, сказала брюнетка, вставая съ дивана. Только тогда еще хуже будетъ.

— Можетъ быть. Да и то нѣтъ. Иванъ Павловичъ навѣрно уѣдетъ отсюда.

Нина Александровна, взглянула прищурившись на Телепнева и точно вдругъ спохватилась:

— Что вы этимъ хотите сказать, м-г Телепневъ?

— Полноте, Нина Александровна, зачѣмъ намъ играть провербъ. Я васъ не оскорбляю. Хотите вы принять мои слова—примите; нѣтъ, воля ваша. Затѣмъ имѣю честь кланяться и прошу извинить меня за беспокойство.

— Ахъ, м-г Телепневъ, я совсѣмъ не то, но, право, я больше не могу дышать въ этомъ домѣ.

— Увѣжайте тогда. Чтѣ васъ удерживаетъ? Въдь ужь, конечно, не привязанность къ Ивану Павловичу и не особенная симпатія къ вашей сестрѣ и племянницѣ.

— Да я и уѣду. Я чувствую, что я здѣсь бесполезна. Jean невыносимъ, Julie также, и наконецъ моя геніальная племянница ведетъ себя такъ, что никто въ мірѣ не въ сос-

тояніи выносить отъ злой и взбалмошной дѣвчонки, что я выношу за все мое добро.

— Ну, это ваше дѣло. Уѣзжайте, но сдѣлайте это не такъ, чтобы поражать Ивана Павловича. И Телепневъ не могъ при этомъ не усмѣхнуться. Солгите немножко, Нина Александровна, вѣдь это, право, не трудно. Не прощайтесь совсѣмъ; скажите, что вы пріѣдете. Иванъ Павловичъ, разумѣется, бросится за вами. Ну, да всегда можно сдѣлать такъ, что онъ васъ большіе не будетъ беспокоить.

Нина Александровна слушала опустивъ голову. Она, то краснѣла, то блѣднѣла. Ее уязвилъ Телепневъ, заговоривши съ ней въ такомъ тонѣ, который, во первыхъ, показалъ, что онъ все понимаетъ, а во вторыхъ, отнималъ у нея возможность хоть сколько нибудь порисоваться.

„И съ какой стати онъ говорить со мной такъ?“ спросила она себя мысленно, но не рѣшилась остановить Телепнева, или даже заговорить съ нимъ съ чувствомъ собственного достоинства.

— Я не могу притворяться, сказала она взволнованнымъ голосомъ.

— Ну, пожалуйста, притворитесь. За что же бѣднаго Ивана Павловича такъ ужъ вдругъ подвергать всѣмъ испытаніямъ. Онъ вонъ выбираетъ органическіе яды. Вѣдь, пожалуй, если неосторожно обойдется съ синильной кислотой, вы сами же заплачете. Ей Богу, заплачете, Нина Александровна.

— Ахъ, полноте.

— Право, не хорошо, Нина Александровна. Вѣдь, согласитесь сами, нельзя же человѣка казнить за то, что онъ не герой, и начать ему доказывать это вдругъ, когда было очень довольно времени гораздо раньше убѣдиться во всѣхъ его качествахъ и художествахъ.

— Вы мнѣ дѣлаете репримандъ? вскипѣла Нина Александровна.

— Зачѣмъ же? Я говорю съ вами, какъ съ умной женщиной.

— Во-первыхъ, я не женщина, а дѣвушка.

— Ну, съ умной дѣвушкой. Вѣдь вы любите же говорить о женской эмансипаціи. Ну, такъ вотъ вы и докажете,

что стоите выше предразсудковъ. Обвините немножко и себя самое и кой съ чѣмъ помиритесь.

— Оставаться здѣсь я неспособна больше; но я, можетъ быть, сдѣлаю такъ, какъ вы говорите.

— Будете умница, я у васъ расцѣлю за это ручки. И если ужъ Иванъ Павловичъ очень захандрить, такъ, пожалуйста, дайте мнѣ знать.

Телепневъ хотѣлъ ужъ раскланяться.

— Да куда же вы, м-г Телепневъ, удержала его за руку Нина Александровна, вы со мной Богъ знаетъ какъ обращаетесь. Пришли, наставленіе сдѣлали и сейчасъ же вонъ. Развѣ можно такъ третировать женщину. Посидите, вы видите я нездорова.

— Да я никуда не тороплюсь, Нина Александровна. И съ этими словами онъ сѣлъ рядомъ съ ней на диванъ.

— Вы скоро кончите курсъ? сладко спросила она.

— А сколько вы получаете балловъ? передразнилъ ее Телепневъ.

— Что это, м-г Телепневъ, я разсержусь!

— Да какъ же вы меня опять начали занимать, вѣдь это возмутительно.

— Да я совсѣмъ васъ не занимаю. Что это какой вы, право. Вамъ нельзя слова сказать, чтобы вы сейчасъ же не сдѣлали выговоръ. Нѣтъ, серьезно, скажите, долго вы еще здѣсь пробудете?

— До весны.

— А тамъ куда?

— Да не знаю какъ. Надо будетъ браться за какое нибудь дѣло. Можетъ быть въ Петербургъ, а то, если нужно будетъ подучиться чему, съѣзжу за границу

— Мы, можетъ быть, съ вами еще встрѣтимся, сказала Нина Александровна, подавая Телепневу руку

— А вы какъ же думаете, жить сами по себѣ?

— Конечно, моей свободы я теперь не отдамъ ни за какія сокровища въ мірѣ. Я тоже хочу за границу.

— Такъ, однѣ и поѣдете амазонкой?

— Да, амазонкой.

И Нина Александровна начала въ лирическомъ тонѣ: — Ни-

чего мы не знаемъ и не видимъ, м-г Телепневъ. Живемъ безъ всякихъ интересовъ въ глупой и безцѣльной жизни...

„Ну, это Иванъ Павловичъ въ юбкѣ“, подумалъ Телепневъ.

— Не принимайте, пожалуйста, моихъ словъ за фразу, м-г Телепневъ. Я говорю не изъ сумасбродства, не изъ слабости. Я не Иванъ Павловичъ. Стращать всѣхъ отравленіемъ не стану, но я такъ страдаю. . .

— А вы замужъ ступайте. Какъ рукой сниметъ.

— Ахъ, полноте. Женщина, когда разъ разрушить свой душевный міръ, если она свою первую молодость проведетъ глупо, гадко, если она почувствуетъ презрѣніе къ себѣ и къ тѣмъ, кто около нея—кончено, жизнь загублена!

— Да ужь, Нина Александровна, что разъ упустишь того не вернешь. А впрочемъ, если вы дѣйствительно почувствовали сильное отвращеніе къ вашей прошедшей жизни, кто же вамъ мѣшаетъ зажить заново. Если же вы такъ слабы, что не можете взяться за умъ, въ такомъ случаѣ все это бесполезные разводы.

— Вы мужчина—эгоистъ, вскричала Нина Александровна. Всѣ вы на одинъ покрой. Я у васъ не нравоученія прошу. Я вижу, что нынче молодежь—ужасъ что такое! Вотъ и въ нашей Татьянѣ Ивановнѣ тотъ же духъ: резонерство, эгоизмъ, гордость сатанинская. Вы къ нимъ подходите, а они оскорбляютъ васъ и умничаютъ.

Нина Александровна вдругъ зарыдала. Она не сдерживала своихъ рыданій. Въ эту минуту, въ нихъ дѣйствительно сказывалось горе.

Телепневу стало совѣстно.

„Что съ ней дѣлать“, подумалъ онъ, „я не умѣю говорить съ такими барынями, больно ужь она отшибаетъ Ольгой Ивановной“

— Нина Александровна, проговорилъ онъ, когда рыданія ея стихли. Посмотрите на меня. Я вовсе не такой человекъ, какъ вы говорите. Когда я повѣрю вашему горю, тогда я заговорю съ вами другимъ языкомъ.

— Не вѣрьте, не вѣрьте, истерически повторяла Нина Александровна. Я не вымаливаю у васъ сочувствія. Вы сами пришли и вызвали меня на тяжелый разговоръ.

Глотая слезы и выпрямившись, Нина Александровна гордо подняла голову и прищурила глаза.

— Я не нуждаюсь въ вашихъ совѣтахъ, m-г Телепневъ, вы можете оставить ихъ про себя. Благодарю васъ, вы только усилили мою головную боль. И она приложила руку къ правому виску.

— Не изъ чего сердиться, отвѣтилъ Телепневъ. Если я сдѣлалъ глупость, тѣмъ хуже для меня.

И съ этими словами онъ вышелъ.

„Экъ меня дернуло“, думалъ онъ переходя черезъ коридоръ отъ одной двери къ другой. Отворивъ дверь въ столовую, онъ остановился на порогѣ: въ трехъ шагахъ отъ него стояла Темира и смотрѣла ему прямо въ лицо.

— Здравствуйте, Татьяна Ивановна, сказалъ Телепневъ, назвавши Темиру въ первый разъ этимъ именемъ.

— Здравствуйте, отвѣтила сухо дѣвушка. Откуда вы идете?

Телепневъ не могъ совладать съ маленькимъ смущеніемъ.

— Я былъ у Нины Александровны.

— У Нины Александровны? повторила дѣвушка.

— Да-съ. Вамъ это, можетъ быть, не нравится?

— Мнѣ рѣшительно никакого нѣтъ дѣла, оборвала его дѣвушка, до васъ и вашихъ отношеній къ Нинѣ Александровнѣ, но я хотѣла съ вами говорить.

— Я къ вашимъ услугамъ.

Телепневъ взглянулъ пристально на Темиру. Видно было, что она взволнована, глаза особенно горѣли, лицо какъ-то вытянулось. Въ черномъ платьѣ, на полусвѣщенномъ фонѣ комнаты, стройная и крупная ея фигура вдругъ дала Телепневу совсѣмъ инныя впечатлѣнія. Строгостию и изяществомъ дышала она. Онъ сейчасъ-же подобрался, почувствовавъ душевную тревогу.

Они начали ходить по столовой.

— Я прошу васъ, начала дѣвушка, я могу даже требовать отъ васъ.....

— Чего же? подсказалъ Телепневъ.

— Не являйтесь къ намъ часто теперь.

— Слушаю-съ.

— Отецъ разстроенъ, мамап также...

— И вы не хотите, по вашей гордости, чтобы посторонній человекъ что нибудь замѣтилъ.

— Что замѣтилъ! Глаза Темиры точно хотѣли съѣсть Телепнева.

— Очень простую вещь, что отецъ вашъ хандрить.

— Вы меня не хотите понять.

— А вы боитесь развѣ, что я вмѣшаюсь во что нибудь, что до меня не касается?

Дѣвушка хотѣла что-то отвѣтить, но удержалась.

— Да говорите же. Развѣ такъ можно вести разговоръ. Вы держите человекъ точно на мундштукѣ.

— Я бы все вамъ сказала. Въ голосѣ дѣвушки уже слышалась нервная дрожь. Но нѣтъ, нѣтъ Люди не умѣютъ слушать и понимать. Вы къ нимъ подойдете, а они вамъ вмѣсто добраго слова подадутъ крымское яблоко.

Это было почти тоже самое, что Телепневъ только что выслушалъ отъ Нины Александровны; но слышались другіе звуки, звучала живая и чуткая душа.

— Я еще васъ ничѣмъ не отталкивалъ, сказалъ Телепневъ. Ваша гордость меня не возмущаетъ. Она отъ любви...

— Кто васъ просить выдавать мнѣ похвальный листъ!

— Если вы въ такой степени впечатлительны, я не скажу вамъ ни слова

— Нѣтъ, говорите...

— Я прекращу свои посѣщенія; но вы напрасно меня гоните. Тутъ гордость надо отложить въ сторону. Вашъ отецъ очень разстроенъ, Юлія Александровна совершенно не умѣетъ съ нимъ обходиться. Со мной онъ охотно говоритъ, я вамъ прямо скажу: въ настоящую минуту вы должны быть очень рады, если я стану являться каждый день.

— Это совсѣмъ не то, начала было дѣвушка и опять остановилась.

— Такъ говорите-же что? Вѣдь вы должны же чувствовать, что я не резонирую и не рисуюсь. Вы любите вашу мать, а не хотите мнѣ повѣрить.

Лицо дѣвушки вдругъ преобразилось. Губы сложились въ

добрую, открытую улыбку Она протянула Телепневу руку съ необыкновенно прямодушнымъ движеніемъ.

— Я, можетъ быть, не права. Я хочу все вамъ высказать. Я вамъ довѣряю.

Въ эту минуту въ комнатѣ показалась Юлія Александровна.

— Благодарю васъ, отвѣтилъ Телепневъ дѣвушка; но мы это сдѣлаемъ въ другой разъ.

Лицо Темиры вдругъ опять измѣнилось, оно приняло прежній гордый и встревоженный видъ.

— Что-съ? рѣзко спросила она, отдергивая свою руку. Мнѣ вамъ больше нечего говорить.

Она круто повернулась на мѣстѣ и прошла мимо матери, которая стояла въ дверяхъ. Телепневъ не зналъ, что ему подумать, и съ поникшей головой приблизился къ Юліѣ Александровнѣ. Маменька видѣла какъ Темира подала ему руку и вдругъ отдернула и ушла. Раскисшее лицо насѣдки изображало большое недоумѣніе и тревогу, но силилось улыбнуться.

— Вы здѣсь, м-г Телепневъ, застонала она.

— Уже давно здѣсь, отвѣтилъ Телепневъ.

— Видите, какая я нелюбезная хозяйка. Вы говорили съ Темирой?

Юлія Александровна сдѣлала этотъ вопросъ съ особенной интонаціей.

„Ну, вотъ еще бѣда,“ подумалъ Телепневъ, „съ маменькой надо объясняться“

— Да, мы ходили, отвѣтилъ кротко Телепневъ. Онъ не хотѣлъ говорить про то, что былъ въ комнатѣ Нины Александровны.

Маменька потекла въ гостиную и усѣлась на диванѣ. Телепневъ, скрѣпя сердце, помѣстился также у стола. Онъ видѣлъ, что насѣдка что-то такое собираетъ ему внушать по поводу рукопожатія въ столовой.

-- Иванъ Павловичъ, кажется, отдыхаетъ, началъ было онъ.

— Да, Жезп теперь немножко поспокойнѣе. — Онъ васъ очень полюбилъ, м-г Телепневъ. Я васъ прошу навѣщать его иногда.

Телепневъ поклонился.

— Простите любопытству матери, м-г Телепневъ, и Юлія Александровна вся зардѣлась. Не говорила ли вамъ чтонибудь Темира объ отцѣ?

— Объ Иванѣ Павловичѣ собственно ничего не говорила.

— Она, видите ли, ужасно впечатлительна. Вы не подумайте, м-г Телепневъ, чтобъ я желала стѣснять ея свободу; но согласитесь, она вѣдь еще ребенокъ и .. Юлія Александровна не договорила.

„Надо ей помочь,“ подумалъ Телепневъ.

— Я понимаю васъ, Юлія Александровна, только не доволенъ тѣмъ, что вы со мной не говорите прямо и просто. Вамъ не понравилось, что я ходилъ съ вашей дочерью одинъ по столовой. Вамъ не нравится, можетъ быть, вообще мой тонъ и вы не хотите, чтобы дочь ваша въ 16 лѣтъ сближалась съ молодымъ человѣкомъ. Если это такъ, то не стѣсняйтесь, говорите мнѣ прямо, безъ всѣхъ тѣхъ маневровъ, которыми маменьки такъ часто путаютъ и портятъ своихъ дочерей въ этомъ возрастѣ.

— Ахъ помилуйте, м-г Телепневъ, я совсѣмъ не то. Вы себя ведете прекрасно; но Темира, кажется, беретъ не тотъ тонъ, какой прилично ей лѣтамъ. Я думаю, что ей еще нужно больше уединенія...

Телепневъ усмѣхнулся.

— Вы, Юлія Александровна, опять такъ отвѣчаете мнѣ не прямо. По просту говоря, вамъ не хочется, чтобы дочь ваша держала себя какъ взрослая дѣвушка. Я это съ первыхъ словъ понялъ и, какъ видите, самъ вызвалъ васъ на объясненіе. Будьте увѣрены, я не подамъ говода ни къ одному замѣчанію, и сдѣлаю это не столько по своимъ убѣжденіямъ, сколько для того, чтобы избавить молодую дѣвушку отъ всякихъ лишнихъ раздраженій.

— Ахъ иѣтъ, заохала опять Юлія Александровна, повѣрьте, что я болѣе чѣмъ кто либо чувствую все благородство вашего поведенія.

„Ну, съ пей пива не сварись,“ сказалъ про себя Телепневъ, и поспѣшилъ раскланяться съ маменькой. Она его удерживала, предлагала даже играть съ Темирой въ четыре

руки, на что онъ отвѣтилъ, что у Темиры Ивановны болить грудь. И не заходя къ Ивану Павловичу, онъ былъ радъ радехонекъ поскорѣе уйти, и на вольномъ воздухѣ освѣжиться сколько нибудь отъ четырехъ діалоговъ со всѣми членами филистеріи.

Однако, какъ онъ не злился, но весь образъ молодой дѣвушки, ея тонъ, порывистость движенія, и особая, своеобразная впечатлительность засѣли таки въ его думы, а можетъ быть и поглубже. По крайней мѣрѣ, вернувшись домой, онъ что-то много писалъ въ своемъ меморандумѣ, и на этотъ разъ не химическіе термины, а прописное Т. пестрѣло по строчкамъ его памятной книжки.

XII.

Юлія Александровна умилилась сердцемъ. Студентъ поразилъ ее своей откровенностію и благородствомъ чувствованій. Она была успокоена на счетъ своей Танечки. Не сознаваясь въ этомъ, она ревновала дочь ко всѣмъ; хотя въ сущности была слабая мать, не особенно ищущая нравственного вліянія на дочь свою. Ея Jean былъ нумеръ первый, около него она постоянно кудachtала, отъ его желудочнаго расстройства омрачалась или свѣтлѣла ея психическая жизнь. Темирѣ она почти ничего не говорила прямо, но очень много благородными сентенціями въ своемъ обыкновенномъ, сладко аффектированномъ тонѣ, который давнымъ давно наскучилъ дѣвушкамъ и раздражалъ ея.

Теперь она стояла между двухъ огней. Съ сестрой бы она простилась хоть сейчасъ, но ее страшно пугало разстройство Ивана Павловича, и еслибъ она знала его разговоръ съ Темирой, она уже давно бы лежала плашмя на своей кровати, въ потокахъ слезъ и истерическихъ припадкахъ.

Въ кабинетъ Ивана Павловича не слышно было ни шаговъ его, ни храпа. Юлія Александровна подошла къ двери и ста-

ла прислушиваться. Войти она не рѣшилась, а отправилась въ комнату дочери. Темира писала, и при входѣ Юліи Александровны припрятала свою записную книжку.

Насѣдка очень нѣжно ее поцѣловала въ темя, обняла за талію и сѣла рядомъ съ ней.

— Я очень довольна этимъ молодымъ человѣкомъ, заговорила она.

— Телепневымъ?

— Да, мой другъ. Въ немъ есть сердце. Онъ только рѣзокъ на языкъ, но это сгладится. Онъ гораздо лучше, чѣмъ онъ намъ показался въ первые раза. Только, конечно, мой милый другъ, для тебя, напримѣръ, какъ для очень молодой дѣвушки, его образъ мыслей еще не совсѣмъ удобенъ.

Темира сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Не беспокойтесь, татап, сказала она спокойно. Я съ нимъ не буду входить въ разговоры. Что рара? спросила она, желая перемѣнить матерію.

— Кажется заснулъ немножко. Ты бы къ нему пошла, около чаю.

— Я не знаю, какъ мнѣ быть, татап. Рара все раздражается.

— Это отъ разстройства, мой другъ. Не спорь съ нимъ. А если на тебя что нибудь наскажутъ, что же дѣлать, мой другъ, надо потерпѣть. Теперь онъ слишкомъ раздраженъ.

— Нѣтъ, татап, я не пойду.

— Для меня сдѣлай это, для меня. Онъ отецъ.

Дѣвушка долго ничего не отвѣчала.

А въ кабинетѣ Ивана Павловича раздавался только его сапъ. Жуиръ лежалъ на своемъ турецкомъ диванѣ навзничъ, заложивъ руки за голову. Тихими шагами черезъ маленькую дверку вошла Нина Александровна, преобразившаяся послѣ ухода Телепнева въ бѣлый пенюаръ.

Жуиръ тотчасъ проснулся и вскочилъ на ноги.

— Что вы вѣяетесь, Иванъ Павловичъ, сказала Нина Александровна шутливымъ, но мягкимъ тономъ, и усѣлась къ камину.

— Я еле-еле живъ, прошепталъ Иванъ Павловичъ.

— А вы бы поѣхали въ клубъ.

— Зачѣмъ вы меня мучите, трагически зашепталъ Иванъ Павловичъ.

— Ахъ полно, Jean. Ты такъ на себя напустилъ хандру, что съ тобой рѣшительно нельзя говорить, я не хочу тебя раздражать. Мнѣ нужно освѣжиться. Я только на время уѣду отсюда.

— Вы меня обманете.

— Не изъ за чего, Jean, мнѣ тебя обманывать. Да и тебѣ бы нужно проѣхаться.

— Я знаю, вы поѣдете, я за вами потащусь, и бросите тамъ меня. Кинитесь тамъ на шею первому попавшемуся мальчишкѣ.

— Непремѣнно брошусь.

Иванъ Павловичъ, подобравъ полы своего цвѣтнаго халата, вдругъ опустился на колѣни передъ Ниной Александровной, схватилъ ея руку и началъ порывисто цѣловать.

— Нина, шепталъ онъ отчаяннымъ шепотомъ, не покидай меня. Не губи твоего Jean а. Зачѣмъ намъ разставаться? Я всю свою жизнь искалъ идеала. На любовь къ тебѣ я положилъ все. И теперь я одной ногой стою въ гробу.

— Полно, Jean, тихо отвѣтила Нина Александровна, и наклонившись поцѣловала его въ лобъ. Я съ тобой не стану говорить серьезно до тѣхъ поръ, пока ты не перестанешь быть нервной женщиной.

— Я буду спокоенъ, шепталъ задыхаясь жуиръ, мнѣ нужна только вѣра, не отнимай у меня только вѣры въ то, что ты не покинешь меня.

— Стань мужчиной, не раскисай. Мучить тебя я не хочу, и если уѣду на дняхъ, то не надолго.

— Обмани меня, Нина, обмани, но не отнимай надежды.

— Но пока я здѣсь, Jean, я хочу быть спокойна. А то кончится тѣмъ, что я не стану показываться въ гостиной.

— Что это такое! завопилъ Иванъ Павловичъ, вставая. Не опять ли эта дѣвчонка осмѣлилась сказать тебѣ что нибудь!

— Я отказываюсь, Jean, выслушивать ея дерзости.

— Умоляю тебя, мой ангелъ, и жуиръ опять опустился на колѣни; не волнуйся. Я всѣмъ пожертвую, заставлю ихъ почувствовать, что я отецъ. Я выгоню ихъ.

— Выгонять не нужно, а стыдно быть такой тряпкой, какъ ты, Jean, въ своемъ семействѣ.

Иванъ Павловичъ всталъ и заходилъ по кабинету.

— Вонъ изъ этого дома, задекламиривалъ онъ. Что мнѣ дороже: ты или онъ! Ъдемъ завтра.

— Ну, вотъ ты какой ребенокъ, Jean. Ни съ чѣмъ ты не умѣешь справиться. Не слѣдуетъ ѣхать, ни сегодня, ни завтра. А ты сдѣлай такъ, чтобы съ тобой можно было говорить на человѣческомъ языкѣ, и чтобы въ твоёмъ семействѣ можно было спокойно сидѣть въ гостиной.

Нина Александровна встала.

— Не уходи, зашепталъ опять Иванъ Павловичъ. Только съ тобой я оживаю.

— Нѣтъ, Jean, у меня мигрень, я вся расклеилась. Завтра, если все будетъ такъ, какъ я просила, могу съ тобой посидѣть подольше.

Иванъ Павловичъ схватилъ ея обѣ руки и покрывалъ ихъ поцѣлуями. Она вывернулась и подошла къ двери.

— Вмѣсто того, чтобы валяться, ѣхалъ бы ты лучше въ клубъ сегодня, завершила она и юркнула въ дверцу.

Иванъ Павловичъ опять заходилъ, подирая свои кудри. Подойдя къ сонеткѣ, онъ дернулъ очень сильно и приказалъ вошедшему лакею позвать къ себѣ барышню, которая въ это время слушала англійское чтеніе Юліи Александровны.

— Ну, вотъ, видишь, дитя мое, заговорила маменька, отецъ желаетъ тебя видѣть. Надо было предупредить его желаніе.

— Онъ вѣрно сдѣлаетъ мнѣ какую нибудь сцену, тамап

— Поди, дитя мое.

— Да я пойду, коли онъ зоветъ.

Юлія Александровна проводила дочь въ гостиную. Она опять таки не рѣшилась войти въ кабинетъ, но стала ходить въ темной половинѣ гостиной, куда открывалась дверь отъ Ивана Павловича.

Не успѣла Темира сдѣлать пяти шаговъ отъ двери, какъ отецъ накинулся на нее.

— Иди просить прощенье у тетки.

— Мнѣ не въ чемъ извиняться, рара.

— Несчастная, не раздражай меня. *Vas, ou je te maudis!*

Юлія Александровна услышала этотъ возгласъ. Она вся затрепетала и взялась за ручку двери. Темира стояла опустивши руки и голову. Она рѣшилась все выслушать отъ отца и ничѣмъ не возмущаться.

— Иди! кричалъ жуиръ, не выводи меня изъ предѣловъ. Я могу быть страшенъ.

— Ты скажи. по крайней мѣрѣ, рара, въ чемъ я виновата.

— Ты нагрубила опять теткѣ.

— Когда же?

— Какъ ты смѣешь мнѣ предлагать такіе вопросы,—и каблукъ! Ивана Павловича застучали по кабинету съ силою. Юлія Александровна, держась за ручку двери, чуть не упала въ обморокъ. Любовь къ дочери однако на этотъ разъ пересилила. Она вошла и тотчасъ же обняла Темиру, точно желая показать, что способна защищать дочь противъ отцовскаго гнѣва.

— Порадуйтесь, сударыня, завопилъ жуиръ, увидѣвъ жену. Вы ей натолковали, что она фениксъ. Да что я наконецъ такое? и онъ вытаращилъ глаза. Я не господинъ своихъ поступковъ? Вы изъ нея сдѣлали дрянную дѣвчонку; да я то не хочу вамъ потакать. Слышите, не хочу. *Sortez!* крикнулъ онъ Темирѣ. *Obeissez, ou je vous maudis sur le champ!*

Юлія Александровна взвизгнула, опустила на стулъ и начала стонать. Темира опять ничего не отвѣтила отцу, и вышла изъ кабинета. Насѣдка была въ такомъ состояніи, что даже жуиръ не рѣшился продолжать свое оранье и кончилъ тѣмъ, что разлегся на диванъ, задравши ноги въ верхъ. Юлія Александровна тихо плакала и повторяла все:

— Это ужасно, Jean, прости ей, она еще ребенокъ...

— Идите и оставьте меня въ покоѣ. Возитесь съ вашей дочерью, убейте мужа. Онъ уже стоитъ одной ногой на краю гроба.

Темира пошла прямо въ комнату Нины Александровны, и задыхаясь сказала ей:

— Я прошу васъ передать рара, что я извиняюсь предъ вами во всемъ, что вамъ показалось обиднаго.

Нина Александровна хотѣла было начать нервное изліяніе, но Темира не дождалась ея отвѣта и повернула вонъ изъ комнаты.

XIII.

Телепневъ получилъ записку отъ Нины Александровны такого содержанія:

„Во первыхъ, простите меня. Я была больна и хорошенко не поняла васъ. Не откажите мнѣ въ поддержкѣ и вѣрьте, что я искренно васъ уважаю. Я поступала такъ, какъ вы мнѣ совѣтовали. Сегодня я думаю приготовить Ивана Павловича къ моей поѣздкѣ, которая состоится на дняхъ. Я его ни чѣмъ не пугаю, а напротивъ обнадеживаю. Будьте вечеромъ у насъ и постарайтесь не дать ему малодушествовать. Можетъ быть найдете для меня доброе слово. Душевно преданная вамъ Нина“

Записку эту Телепневъ получилъ чрезъ два дня послѣ того вечера, когда имѣлъ четыре діалога.

Онъ упрекалъ себя, вернувшись тогда изъ филистеріи, за объясненіе съ Ниной Александровной, смѣялся надъ своимъ идеализмомъ и неумѣстнымъ посредничествомъ; но полученію записки онъ очень обрадовался, хотя и не признался себѣ въ этомъ чувствѣ. Записка давала ему прямой поводъ отправиться въ филистерію. А филистерія что-то очень скоро перестала быть для него чужою. Онъ уже не могъ не сознать, что всѣ инстинкты его натуры возбуждены отъ столкновенія съ крупной личностью молодой дѣвушки. Мужское самолюбіе сильно зашевелилось. Но еще громче заговорили тѣ душевныя побужденія, которыя дремали въ Телепневѣ цѣлыхъ четыре года подъ прикрышкой чисто умственныхъ интересовъ. Эта высокая дѣвушка съ большими глазами, каждымъ своимъ словомъ заставляла оглянуться на самого себя, гораздо больше требовала, чѣмъ давала, не прощала ни одного неискрен-

наго движенія и ревниво стояла на сторожѣ своего женскаго достоинства.

„Да, говорилъ себѣ Телепневъ, любовь такой дѣвушки не легкая вещь; за то стоитъ добиться этой любви. Она отталкиваетъ меня своей гордостью, но я все-таки сдѣлаю такъ, чтобы смягчить ея впечатлѣнія въ этой глупой и возмутительной семейкѣ“

Думая о Темирѣ, Телепневъ началъ относиться къ себѣ несравненно строже и чувствовать все больше и больше, что нѣмецкая работающая жизнь слишкомъ уже окрасила его въ свою краску. Его разговоръ отзывался резонерствомъ, онъ не могъ попасть въ тонъ людей менѣе его развитыхъ и отталкивалъ ихъ съ первыхъ же словъ. А ему хотѣлось уже вызвать искренность Темиры во что бы то ни стало, заставить ее цѣнить то, что въ немъ было прямаго, серьезнаго, молодого.

Не совсѣмъ-таки терпѣливо дожидался Телепневъ семи часовъ, чтобы, пославши Якова за фурманомъ, начать одѣваться.

„Пожалуй, придется отпѣвать жуира“, пошутилъ онъ про себя.

Только что вошелъ Телепневъ въ сѣни, онъ тотчасъ же по испуганному лицу горничной, которая ему отворила, догадался, что надъ филистеріей стряслась какая-нибудь бѣда.

— Что Иванъ Павловичъ? спросилъ онъ.

— Ихъ схватило-съ шибко. За докторомъ послали.

„Должно быть лизнулъ чего-нибудь“ И Телепневъ поспѣшно поднялся наверхъ. Въ гостиной Юлія Александровна лежала въ истерикѣ. Надъ ней стояла Темира и пожилая горничная.

— Что съ вашимъ отцомъ? спросилъ тихо Телепневъ, подойдя къ дѣвушкѣ.

— Подите, подите къ нему, отвѣтила она и опустила на колѣни передъ матерью, давая ей какія-то капли въ рюмкѣ.

Телепневъ бросился въ кабинетъ. Жуиръ, весь блѣдный, съ раскрытымъ воротомъ рубашки, лежалъ и барахтался на диванѣ. По разнымъ подробностямъ обстановки, Телепневъ тотчасъ догадался, чего лизнулъ Иванъ Павловичъ. Лакей

стоялъ у его изголовья и подавалъ ему что-то такое пить. Иванъ Павловичъ стоналъ и дрягалъ ногами, закатывая глаза.

— Что это съ вами? спросилъ весело Телепневъ.

— Дайте мнѣ умереть, замычалъ Иванъ Павловичъ.

— А вотъ посмотримъ еще. Что это у тебя такое? дай-ка мнѣ.

И Телепневъ взялъ кружку у человѣка. Въ ней было молоко.

— Ты можешь выдти пока, я останусь при Иванѣ Павловичѣ.

Телепневъ тотчасъ увидалъ, что Ивана Павловича не очень забираетъ, что, вѣроятно, онъ только попробовалъ запрещеннаго плода.

— Насталъ мой послѣдній часъ, стоналъ жуиръ.

— Что это вы затѣяли, а? Эхъ, Иванъ Павловичъ, и отравиться-то хорошенько не умѣли. Вѣдь я говорилъ, что мышьякомъ грубо.

— Нельзя меня спасти! вдругъ вскричалъ жуиръ и вытаращилъ глаза.

— А вы вотъ выпейте-ка, выпейте. И Телепневъ началъ лить ему въ горло, сѣвши рядомъ съ нимъ на диванъ.

— Я знаю-съ, шепталъ ему Иванъ Павловичъ, наука безсильна, я долженъ умереть—и я умру. Я умру!... завопилъ онъ.

— Ну, вотъ видите, какъ вы кричите. Коли бы вы кончались—такого діапозону бы не было.

— Го, хо, хо! Я вижу смерть. Ай!... Иванъ Павловичъ схватился за животь.

— Ну, сразу, Иванъ Павловичъ, разумѣется, не пройдетъ; кой-чего похлѣбаете. Да ужъ признайтесь мнѣ, — много ли хватило; лизнули только?

— Я былъ въ изступленіи, mon cher.

— Не вѣрится. Еслибъ въ изступленіи, такъ накушались бы поплотнѣе.

— О, вы не знаете. Бѣдная жена! Мнѣ ее жаль. Но я долженъ былъ покончить съ жизнію. Кто меня спасетъ? трагически спросилъ Иванъ Павловичъ и вытаращилъ опять глаза.

— Да и я васъ спасу, коли хотите; а то вотъ сейчасъ докторъ прїѣдетъ. Вы только пейте вотъ.

Отворилась дверь, выглянула Темира.

Телепневъ подошелъ къ ней и тихо сказалъ:

— Ничего нѣтъ серьезнаго; подите, успокойте маман. Я побуду здѣсь до прїѣзда доктора.

Голова Темиры скрылась.

Внизу раздался звонокъ.

— Ну, вотъ и докторъ, Иванъ Павловичъ. Только, пожалуйста, вы не говорите ужъ ему лишняго. Онъ и самъ догадается.

— Что-жь, я готовъ къ смерти.

— Вы все не то. Лежите покойнѣе, вамъ сейчасъ пропишутъ лекарства и завтра вы будете здоровы.

Иванъ Павловичъ разлегся въ страдальческо-безпомощной позѣ. Телепневъ вышелъ въ залу, когда старикъ-докторъ — туземная знаменитость — только что входилъ. Онъ остановилъ его въ дверяхъ, и тихо, въ двухъ-трехъ словахъ, рассказалъ ему, въ чемъ дѣло. Докторъ приказалъ увести Юлію Александровну и раздѣтъ, и тотчасъ же отправился вслѣдъ за Телепневымъ въ кабинетъ.

Жуиръ началъ было говорить ему трагическія полу-нѣмецкія, полу-французскія фразы, но угрюмый старикъ тотчасъ сѣлъ писать рецептъ, даже безъ всякихъ разговоровъ. Но Иванъ Павловичъ все-таки не унимался.

— *Sauvez-moi, docteur!* вопилъ онъ, дрыгая ногами. *Ich bin tod!*

— *Sein Sie ruhig*, повторялъ старикъ, прописывая рецептъ.

Онъ всталъ, переговорилъ съ Телепневымъ, принимая его, кажется, за студента медицины, еще разъ подошелъ къ больному, и улыбаясь, съ нѣмецкимъ акцентомъ проговорилъ:

— *Il n'y a pas de danger*

Распорядившись о лекарствахъ, Телепневъ остался опять возиться съ жуиромъ. Иванъ Павловичъ совсѣмъ раскился, кувыркался по дивану и въ антрактахъ выкрикивалъ фразы трагическаго характера.

„Гдѣ же эта виновница всѣхъ золъ“ спрашивалъ Телеп-

невъ. „Ужь и она не лизнула ли чего нибудь, или не похитилъ ли ее какой нибудь заѣзжій иностранецъ?“

Онъ заглянулъ въ залу. Тамъ никого не было.

„Пускай его пока покарячится.“

Телепневъ позвалъ Григорія, приказалъ ему стоять около Ивана Павловича и подавать ему молоко до тѣхъ поръ, пока привезутъ лекарства. Онъ безъ всякихъ распросовъ отправился прямо въ комнату Нины Александровны. Въ коридорчикъ его остановила дѣвушка.

— Вамъ куда-съ? Барышня нездоровы.

— Лежитъ?

— Да-съ, лежатъ.

Телепневъ подался было назадъ.

— А все таки, моя милая, доложите Нинѣ Александровнѣ, что мнѣ бы очень хотѣлось ее видѣть. Можетъ быть она меня приметъ.

Въ комнатѣ слышался разговоръ и шумъ мебели.

— Пожалуйте-съ, пригласила горничная Телепнева, минуты черезъ три.

Нина Александровна въ пеньюарѣ, покрытая шалью, лежала на диванѣ очень больная, съ головой, повязанной бѣлымъ платкомъ. Въ комнатѣ стоялъ запахъ валеріаны.

— Ну что? спросила она. Какъ Jean? Я двинуться не могу

— Ну вотъ, Нина Александровна, и доигрались.

— Опасень!

— Ну, умереть-то не умереть. Да зачѣмъ же было его до этой комедіи-то допускать.

— Развѣ я виновата? Я дѣйствовала съ нимъ такъ мягко. Но сегодня утромъ я сказала ему только, что поѣду на будущей недѣлѣ.

— Ну, и напрасно, Нина Александровна. Вы бы ему ничего не говорили; а объявили бы наканунѣ отъѣзда, и въ такомъ видѣ, чтобъ онъ не видалъ въ этомъ своего смертнаго приговора.

— Несчастный человѣкъ!

— Да ужъ мизерикордію-то мы оставимъ, а подумаемъ лучше, какъ справить дѣло, чтобы другой разъ такая штука не повторилась.

— Я согласна даже притвориться, прошептала Нина Александровна.

— Возьмите вы ужь на себя мужество какихъ нибудь мѣсяцъ, полтора, а тамъ все обойдется, вы хорошо знаете Ивана Павловича. У него мелодраматическіе замыслы остываютъ какъ разъ.

— Я вамъ такъ благодарна, м-г Телепневъ, томо сказала Нина Александровна, протягивая ему свою красивую и, на этотъ разъ, очень горячую руку

— Да ужь мы объ этомъ потомъ потолкуемъ, Нина Александровна. А теперь я пойду опять къ Ивану Павловичу, вѣроятно превизли лѣкарство. Мы его денька три четыре попоимъ, а тамъ приличное наставленіе прочтемъ.

— Вы такъ добры, продолжала въ лирическомъ тонѣ Нина Александровна.

— Къ вамъ заходилъ докторъ?

— Нѣтъ; я терпѣть ихъ не могу. Я сама себя лечу.

— Что вы принимаете? Впрочемъ я слышу валерьяну.

— Да. Отъ мигрени спиртъ у меня есть.

— Ну, и прекрасно

— Я не знаю, что съ сестрой; -- чувствую, что предстоятъ еще безконечныя сцены.

— А вы только будьте помягче, Нина Александровна. Ужь не такая ваша сестра женщина, чтобъ ее бояться.

— Боже, когда я вырвусь изъ этого дома!

— Когда я вамъ прикажу, закончилъ Телепневъ и разсмѣялся. А теперь лежите спокойно и ждите отъ меня добрыхъ вѣстей.

Нина Александровна приподнялась и очень нѣжно пожала руку красивому студенту, который велъ себя такъ безцеремонно.

Отпаивалъ Телепневъ Ивана Павловича принесенными лѣкарствами и балагурилъ съ нимъ часа полтора. Жуиръ все не хотѣлъ еще выйти изъ патетическаго тона.

— Уходя въ могилу, шепталъ онъ ослабѣвшимъ голосомъ, мнѣ пріятно видѣть среди юношей — un excellent coeur, comme le votre. Наша молодежь — въ ней нѣтъ сомнѣнія. mon cher, сомнѣнія нѣтъ. Ну, а какъ у меня въ желудкѣ тамъ — извы начнутся?

— Коли хорошо попьете вотъ этой штуки, такъ никакихъ язвъ не будетъ.

— Да-сѣ. Ну, а какое же это дѣйствіе имѣетъ. Химическое дѣйствіе?

— Нѣтъ. обволакиваетъ стѣнки желудка.

— Да-сѣ! Ну, если оно только обволакиваетъ, значить какже онъ уничтожится?

— Да ужъ вы объ этомъ не безпокойтесь, Иванъ Павловичъ; послѣ завтра будете на ногахъ.

— Что мнѣ жизнь, mon cher, зачѣмъ вы меня оставили жить. Зачѣмъ вы меня оставили жить?

— Да зачѣмъ, что вамъ не изъ чего было умирать.

— Какъ не изъ чего-сѣ! вытаращилъ глаза Иванъ Павловичъ.

— Да такъ. Развѣ еще лизнете. А этой порціи мало.

— О! застоналъ Иванъ Павловичъ. Никто не пойметъ моихъ страданій!

И все это было въ перемежку съ кувырканіями по дивану и разными другими эволюціями, которыя производилъ раскисшій и перетрусившій Иванъ Павловичъ.

Наконецъ онъ совсѣмъ ослабъ. Телепневъ велѣлъ его раздѣть и закуталъ. Позвалъ горничную и посадилъ ее въ кабинетъ, растолковавши, какое лекарство подавать, когда Иванъ Павловичъ проснется.

Онъ хотѣлъ было отправиться и на половину Юліи Александровны, но дѣвушка ему сказала, что „онъ тоже забылся“

„Куда же пойти, подумалъ Телепневъ, къ прелестной Нинѣ? Нѣтъ, она мнѣ тоже надоѣла. Посижу здѣсь и отдохну маленько. Тотъ уродъ закарячится скоро. А гдѣ же Темира?“ мелькнуло у него.

Онъ присѣлъ къ столу и взялъ книжку какого-то французскаго журнала. Какъ онъ только остался одинъ самъ съ собой, опять тревога заговорила въ немъ. Онъ все точно собирался на какую-то битву.

„Если бы теперь, думалъ Телепневъ, разсѣянно смотря въ книгу,—эта дикая, но прелестная дѣвушка позволила только подойти къ ней съ искреннимъ привѣтомъ.... Неужели я

буду на столько слабъ, что поддамся ея болѣзненному настроенію, что она ускользнетъ и останется чужой?"

— Что рара? раздался надъ нимъ тихій, но тревожный голосъ. Онъ бросилъ книгу и быстро приподнялся.

— Заснулъ.

— Боже! прошептала дѣвушка и въ изнеможеніи опустилась на кресло. Она глотала свои слезы и задыхалась.

Телепневъ нагнулся надъ ней.

— Вѣрьте мнѣ, заговорилъ онъ, никакой опасности нѣтъ. Я не обманываю васъ, послѣ завтра Иванъ Павловичъ будетъ уже на ногахъ.

— Онъ отравился? спросила дѣвушка, уставивъ на него свои большіе расширившіеся глаза.

— Нѣтъ, нѣтъ. Повторяю вамъ, черезъ два дня—онъ здоровъ.

— Онъ принялъ яду, я это знаю, я это видѣла. Зачѣмъ же это? Это все изъ за той... Какое оскорбленіе татан!...

Дѣвушка залилась слезами. Телепневъ слушалъ ее едва сдерживая свое волненіе. Онъ былъ глубоко растроганъ неожиданными изліяніями этой гордой души. Онъ взялъ Темиру за руку, колѣни его подогнулись. Онъ едва устоялъ на мѣстѣ.

— Не страдайте такъ, прошепталъ онъ. Не стойтъ. Я говорю вамъ не стойтъ.

Дѣвушка вдругъ перестала плакать, и не отрывая руки своей бросила на Телепнева какой-то особенный, не то страстный, не то пугливый взглядъ.

— Вы говорите не стойтъ, зашептала она отрывисто. Это правда. Слушайте, что я вамъ скажу Мнѣ холодно. Я не могу, я не умѣю ихъ любить. Куда-то улетѣло то, что я прежде чувствовала. Я оскорблена за татан. Но я не страдаю за нее, я за себя страдаю. Охъ, какъ мнѣ холодно, если бы вы знали. Молиться я не могу, и давно ужъ не молюсь. Еслибъ здѣсь меня вдвое больше любили—я бы тоже чувствовала.

— Но вѣдь это ужасно! вдругъ вскричалъ Телепневъ. Вы хороните себя въ шестнадцать лѣтъ. Вы сильнѣе всѣхъ близкихъ вамъ людей; не распускайтесь.

— Я не могу такъ, шептала дѣвушка. Или все, или ничего. Когда меня разъ обманутъ—я не забываю. Надо мной все дѣлали опыты. И теперь я отгалкиваю всѣхъ.

— Но зачѣмъ же всѣхъ? Я васъ знаю два мѣсяца. Вы меня встрѣтили съ недовѣріемъ, враждебно, но отчего же я тотчасъ понялъ васъ, отчего же меня не охладила ваша гордость, весь васъ образъ? Узнайте меня, Темира. Дайте мнѣ хоть на одну минуту сблизиться съ вами, дайте мнѣ хоть сколько нибудь освѣжить и развлечь васъ.

— А вамъ не холодно? спросила дѣвушка, васъ не давить ничто, вы можете молиться?

— Я живу, Темира, и хочу жить. Полгода тому назадъ мнѣ казалось, что ничего мнѣ не нужно, кромѣ моихъ книгъ и стеклянокъ. Я напускалъ на себя и сухость, и жесткость и не-людимый эгоизмъ. А теперь мнѣ опять хочется быть съ людьми, ссориться и ладить съ ними, любить ихъ, помогать имъ. Вотъ я васъ увидалъ... Вы хотите себя ожесточить; а почему вы знаете, что вы со всей вашей гордостью, изломанностью, со всѣмъ, что въ васъ есть горькаго и болѣзненнаго, не явитесь въ жизни другого человѣка, какъ свѣтлая звѣзда, какъ новая сила, какъ источникъ новыхъ, горячихъ, высокихъ стремленій!....

Дѣвушка слушала, не поднимая глазъ на Телепнева. Онъ уже не владѣлъ собою, схватилъ ея руку и прижалъ къ губамъ.

Дѣвушка выпрямилась и вся задрожала. Телепневъ чувствовалъ на губахъ своихъ трепетаніе ея блѣдной руки съ тонкими нервными пальцами.

— Скажите слово, бросьте вашу маску. Дайте мнѣ полюбить васъ! вскричалъ онъ и, не выпуская ея руки изъ своихъ рукъ, взглянулъ на Темиру такимъ взглядомъ, отъ котораго она вся зардѣла.—Я васъ не обману, шепталъ Телепневъ. Я не могу, не могу уйти отъ васъ!

Свѣтлая улыбка преобразила лицо дѣвушки и перешла въ какое-то страстно-торжественное выраженіе.

— А съ вами мнѣ не будетъ холодно? сказала она замедленнымъ, но почти спокойнымъ голосомъ. Мнѣ нельзя половину, мнѣ нужно всего человѣка.

Телепневъ цѣловаль руку и повторяль со слезами въ голосъ:

— Вѣрьте, вѣрьте мнѣ.

Изъ кабинета слышались оханье и стоны Ивана Павловича.

Подите къ рару, вдругъ сказала Темира, отнимая свою руку

Телепневъ почти ничего не слыхаль и не видалъ. Онъ схватился за голову, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ сторону и опять подошелъ къ Темирѣ.

— Я васъ не пущу отъ себя! почти вскричалъ онъ.

Она вскинула на него глазами и молча сильно пожала ему руку. Онъ бросился бѣгомъ къ Ивану Павловичу

Жуиръ опять разметался, скинулъ съ себя одѣяло, теребилъ кудри и вопилъ бѣлужиной:

— Господи, когда ты меня приберешь! Empoisonnez moi de grace!

Телепневъ вмѣсто всякаго отвѣта началъ поить его лекарствами и укутывать въ одѣяло.

— Да вы, Иванъ Павловичъ, зачѣмъ разметались-то; вѣдь надо животъ-то потеплѣе держать.

Онъ едва могъ исполнять свою роль сидѣлки. Руки его тряслись, въ вискахъ стучало. Къ счастью, Иванъ Павловичъ накорячившись опять забылся. Телепневъ, сказавъ дѣвушкѣ, какъ ему давать лекарство, поспѣшилъ въ гостиную.

Темиры не было. Онъ опустился на диванъ и, тяжело дыша, прислушивался къ каждому шороху, къ каждому скрипу двери. Наконецъ она показалась изъ своей комнаты. Онъ подбѣжалъ къ ней.

— Матан очень слаба, начала она своимъ обыкновеннымъ строгимъ голосомъ. Она васъ благодарить за отца. Прощайте, вамъ нужно ѣхать.

Телепнева такъ и обдало холодомъ. Онъ протянулъ ей руку.

— Зачѣмъ вы такъ со мной прощаетесь, Темира?

— А какъ же? отвѣтила дѣвушка, не подавая ему руки. На губахъ ея явилась насмѣшливая улыбка.

— А вѣдь это очень смѣшно было....

— Что смѣшно? почти съ ужасомъ спросилъ Телепневъ.

— А вотъ то, что между нами было тутъ у стола.

И съ этими словами она пошла къ двери.

Телепневъ хотѣлъ къ ней броситься, но онъ былъ ошеломленъ.

— Господи! что это за дѣвушка, что это за дѣвушка! шепталъ онъ съ страшной душевной болью.

XIV

Варцель слышалъ изъ своей комнатки, что Телепневъ вернулся отъ Деулиныхъ часу въ одиннадцатомъ; но къ нему не зашелъ.

„Частенько онъ сталъ похаживать въ филистерію“, подумалъ нѣмецъ. „Вѣрно дѣвчурка его забрала за живое. Ну, да оно что же? Ему можно. Кончить курсъ—женится. Охъ, только бы хорошая дѣвушка, вздохнулъ добрый Варцель, преисполненный самыхъ теплыхъ желаній своему пріятелю. Пораспрошука его завтра немножко. Вѣдь кто ужъ влюбился, тому непременно нужно вылить все“

И взялъ онъ опять въ руки фармакологию и началъ зазубривать хинные препараты. Утромъ, часу въ девятомъ, онъ отправился въ своемъ халатикѣ черезъ холодныя сѣни пить чай къ Телепневу. Телепневъ былъ уже совсѣмъ одѣтъ.

— Куда это ты, такъ рано? спросилъ миленькій.

— Да видишь, нужно будетъ съѣздить къ Деулинымъ.

— Да что-жь ты тамъ будешь въ девять часовъ-то дѣлать?

— Да самъ онъ очень заболѣлъ, жена также; ну, никого нѣтъ въ домѣ.

— Такъ ты кураторомъ. Чтобы нашему брату практикуто предоставить. Ты смотри, донесемъ на тебя, незаконно дѣйствуешь.

Телепневъ казался очень разстроеннымъ и, расхаживая по комнатѣ, урывками пилъ чай.

— Ты хоть китайскими-то травами угости, что-ли.

— Извини, братъ. Онъ позвонилъ.

— Да ты что это, дружище, какъ нахохлился?

— Такъ.

— Да ужъ ты не финти. Я вижу, что не *такъ*. Что-жь, видно, братъ, заговорило ретивое?

А дѣва русская Гаральда презираетъ.

Да ты скажи-инъ. Полегчаетъ.

— Ты, миленькій, пожалуйста, ко мнѣ не приставай, у меня ужъ такой характеръ: пока что внутри не перегорѣло, ничего ты отъ меня не добьешься.

— Да я ничего, дружище, приставать не стану. Такъ ты ступай, коли нужно.

Дверь съ трескомъ отворилась, влетѣлъ хохоль.

— Шкандалъ, братцы! закричалъ онъ и заплевался. Большое мордобитіе.

— Врешь ты, Мальчикъ у ручья, послалъ ему въ отвѣтъ Варцель.

— А вы послушайте. Ванечка кинулъ свою шинель на полъ, сѣлъ къ окну, потомъ опять вскочилъ и расположился по срединѣ комнаты, размахнувши руками.

— А ты говори, да не плюйся.

— Тутъ, братцы, такое дѣло, что плюйся или нѣтъ, все выходитъ дрянъ. Знаете вы, тутъ фуксъ былъ у бурсаковъ, черноватый, Севрюгинъ, кажется, по фамиліи, изъ Астрахани.

— Алексисъ, говори кратче, поддразнивалъ Варцель.

— Ну, такъ вотъ этотъ Севрюгинъ, еще какъ въ корпорации былъ, все нѣмцевъ задиравъ, и въ одномъ семестрѣ сорвалъ двѣнадцать шкандаловъ. На пистолетахъ пять, ей Богу, пять, и ни разу не былъ раненъ.

— Ну? подтолкнулъ уже Телепневъ.

— Ну, вотъ, государи мои, этотъ самый Севрюгинъ столкнулся тутъ гдѣ-то около Лондона, съ нѣмцемъ съ однимъ, съ Тевтонцемъ. Тотъ его и шарахъ съ тротуара-то. Севрюгинъ къ нему секунданта: давай, говорить, удовлетвореніе. А нѣмецъ-то, поджавши руки въ боки, говорить: шалишь, вы всѣ, говорить, сколько васъ тамъ ни на есть, Рутенцы

führen hinein bis Sie sich dem allgemeinen Comment fügen, т. е., дескать, вы всё, такіе-сякіе, на фершисѣ, и можно, дескать, васъ по мордасамъ бить, какъ кнотовъ и сатисфакціи вамъ не давать.

— Ну, я такъ и зналъ, вскричалъ миленькій, ужъ эти бурсаки не могутъ!

— Ну, что-жъ Севрюгинъ-то? спросилъ Телепневъ, начиная интересовываться разсказомъ Ванечки.

— Ну, вотъ въ этомъ-то и штука. Ужъ его, братцы, у нѣмцевъ не даромъ прозвали Mordkerl. А онъ ни на пистолетахъ, ни на рапирахъ аза въ глаза не смыслить, а только, знаете, хорохорится, форсу имъ задаетъ. Ты, говоритъ, мнѣ, нѣмецъ, сатисфакцію дать не хочешь, такъ я же тебя уконтентую. Сегодня утромъ, вотъ часъ тому назадъ, отправляется онъ, взявъ двоихъ свидѣтелей изъ бурсаковъ, въ переулочекъ, знаете, за университетомъ-то, стоитъ и дожидается, какъ Вильгельмъ Тель. А Тевтонецъ-то живетъ, братцы, у сапожника Киваста. Выходитъ онъ въ девятомъ часу изъ дому съ двумя тоже Тевтонцами. Фамилія этому нѣмцу Купфершмидтъ. Севрюгинъ сейчасъ къ нему на встрѣчу, поравнялся: зачѣмъ, говоритъ, Купфершмидтъ, ты не даешь мнѣ сатисфакціи? А Тевтонецъ ему отвѣчаетъ: ты, говоритъ, на фершисѣ, и никакой, говоритъ, сатисфакціи я тебѣ давать не намѣренъ. Севрюгинъ разсвирѣпѣлъ. У него ужъ умыселъ-то былъ. Какъ выхватилъ онъ, братцы, изъ-подъ пальто ремень съ пряжкой, да и звякнулъ Тевтонца въ самую рождественскую часть—глазъ чуть не вышибъ. Нѣмецъ-то, говорятъ, завопилъ. А другіе два бурша кинулись на Севрюгина. Севрюгинъ отъ нихъ драго. А Купфершмидтъ этотъ кричитъ: оставьте, тащите меня въ клинику, глазъ онъ мнѣ выхватилъ.

Ванечка перевелъ духъ, наплевавшись вдоволь.

— Ну, что, братцы, хороша исторія?

— Эхъ, бурсаки, бурсаки! кричалъ Варцель, забѣгавши по комнатѣ.

— Да что ты такъ возмущаешься, миленькій? спросилъ его Телепневъ.

— Да помилуй, братецъ, вѣдь это чѣмъ пахнетъ?

— Я вѣдь про то-то и говорю, заплевался Ванечка, чѣмъ это пахнетъ и для насъ всѣхъ. Вонъ тоже и Палей толкуетъ—чортъ съ ними, съ бурсаками. Но ему хорошо,—онъ косая сажень въ плечахъ. А вѣдь до насъ тоже доберутся, мы вѣдь комана тоже не гарантируемъ вмѣстѣ съ бурсаками. Вооружайтесь, братцы, вооружайтесь. Нѣмцы-то развѣ эту штуку оставить такъ? Варѣоломеевская ночь будетъ! крикнулъ Ванечка такъ, что Яковъ, который въ эту минуту несъ чай, чуть-чуть не уронилъ подносъ.

— Да, заговорилъ Варцель, теперь будетъ общее мордобитіе.

— Варѣоломеевская ночь! крикнулъ Ванечка.

— Полноте, останавливалъ ихъ Телепневъ. Надо вѣдь хорошенько узнать, въ чемъ дѣло. Что-жъ тутъ трусѣ то праздновать.

— Да вѣдь я же тебѣ все толкомъ рассказываю, началъ плеваться хохолъ. Бурсаки ужъ перетрусили. Прибѣжали отъ нихъ, просятъ насъ сейчасъ туда на квартиру, къ тому, къ шаржартеру, сходку составить.

— А! прервалъ Варцель, вотъ они бурсаки, теперь за насъ, не бойсь, взялись. У! я бы ихъ. Пускай ихъ всѣхъ нѣмцы передушатъ. Впередъ наука будетъ.

— Такъ, такъ, миленькій, болталъ хохолъ, слѣдовало бы имъ лупку хорошую. Да вѣдь нѣмцы до всѣхъ насъ доберутся, вы разсудите это, братцы. Выйду я теперь на улицу—станетъ онъ разбирать развѣ: былъ я бурсакомъ или вильдеромъ? Ну, и Варѣоломеевская ночь. Такъ вѣдь надо же какъ-нибудь. Депутацію что-ли составить. Вѣдь намъ же не отвѣчать за безобразія бурсацкія.

— Ты не кипятись, Ванечка, прервалъ его Телепневъ. На сходку надо пойти. Такое дѣло. разумѣется, можетъ разыгратъсѣ очень скверно.

„А Темира?“ спросилъ его внутренний голосъ.

— Идемте, господа, сказалъ онъ твердо.

— Поѣдемте, братцы, фурмана возьмемъ. А то ватага наскочетъ—мы безоружны.

— Да на тебѣ кинжалъ и пистолетъ карманный.

Телепневъ пошелъ въ другую комнату, вынесъ оттуда

длинный кинжалъ, когда-то купленный имъ въ К., и засунулъ Ванечки между двумя петлями пальто.

— Ха, ха, ха! разразился Варцель; Ванечку будутъ потрошить. Дайте срокъ мнѣ одѣться, и маршъ на баталію.

Въ квартирѣ желтаго шаржitera собралось цѣлое вѣче. Когда Телепневъ съ Варцелемъ и Ванечкой вошли туда, тамъ стоялъ дымъ коромысломъ. Всѣ говорили въ одинъ разъ и толкались изъ угла въ уголъ. Виновникъ скандала, бурсакъ Севрюгинъ, задорливый, крикливый мальчикъ, лѣтъ восемнадцати, что-то опѣшилъ, хотя наружно горячился. Телепневъ увидалъ не только всѣхъ бурсаковъ, за исключеніемъ, впрочемъ, Лукуса, не показывающагося при дневномъ свѣтѣ, но разныя другія фигуры, вовсе не принадлежащія бурсацкому міру. Тутъ былъ и учитель гимназіи, и отставной чиновникъ, слушавшій лекціи на медицинскомъ факультетѣ, и какой-то черноватый русскій, въ мундирѣ военнаго покроя съ бѣлыми пуговицами, и даже два купца. Всѣ страшно хорохорились и ругали нѣмцевъ.

— Что, братъ, тутъ дѣлать, сказалъ Палей, отводя Телепнева въ сторону, наскочили эти Пелазги на побоище.

— Да вѣдь дѣлать нечего, рано или поздно это должно было случиться. И нѣмецкая-то дурь не втерпежъ. Человѣка лишать правъ за то, что онъ не хочетъ признавать ихъ глупостей!

Телепневъ почувствовалъ себя въ болѣе раздраженномъ и воинственномъ состояніи, когда потолкался минутъ пять—десять между всей этой компаніей. Ужъ тутъ не различали Пелазговъ отъ Эллиновъ. Всѣ болѣе или менѣе раззадорились на чухонцевъ.

— Ну, что же, господа, началъ Палей, обращаясь ко всему собранію,—надо на чемъ нибудь порѣшить.

— Да, да, да, вскричали бурсаки, сдѣлайте *propositum*.

— Чтожъ вы хотите, бить что-ли нѣмцевъ, господа? спросилъ немного язвительно Палей. Вѣдь ихъ пятьсотъ человѣкъ, а насъ двадцать пять.

— Да вѣдь это чортъ знаетъ что такое, кричали со всѣхъ сторонъ.—Взять нагайки, да лупить ихъ по улицамъ. Поляки же дѣлали это и добились того, что ихъ ссадили съ фершиса.

— Такъ вѣдь поляковъ, господа, было полтора ста чело-
вѣкъ, а въ первое время тоже жутко приходилось.

— Позволь, Палей, перебилъ Телепневъ, все это прекрас-
но, но теперь вопросъ въ томъ состоитъ, дѣйствовать — ли
сообща, или нѣтъ. Если у насъ были какіе нибудь счеты,
мнѣ кажется нужно ихъ бросить въ настоящую минуту. Въ
глазахъ нѣмцевъ мы составляемъ одно цѣлое, несемъ одно
наказаніе. Значить, нужно стоять за одно.

— За одно, за одно, вскричали всѣ.

— Больше на скандалы намъ нарываться нечего, но нуж-
но, по крайней мѣрѣ, оградить себя какъ нибудь. Самое луч-
шее средство — предупредить начальство. А Севрюгину си-
дѣть здѣсь въ квартирѣ и никуда не показываться. На ули-
цу выходить съ оружіемъ, если нѣмцы позволяютъ себѣ ка-
кое нибудь самоуправство.

Всѣ почти согласились съ мнѣніемъ Телепнева.

— Здѣсь нѣтъ никакого оружія, вскричалъ Mordkerl Сев-
рюгинъ, на порядкахъ перетрусившій.

— Ничего, сюда не придутъ, бурчалъ жолтый, сохраняв-
шій суровое молчаніе во все время преній. Эти чухны трусы,
я ихъ знаю.

— Что же, къ попечителю что ли итти? спросилъ Палей.

— Разумѣется, къ попечителю, рѣшилъ Телепневъ.

— Кому же, кому же? раздалось нѣсколько голосовъ.

— Тебѣ; ступай ты, буркнулъ шаржиртеръ, ткнувши Те-
лепнева пальцемъ.

— Я не отказываюсь, господа, но не будетъ-ли лучше ко-
му нибудь изъ рутенистовъ отправиться.

— У Эллиновъ есть мундиры, пустилъ язвительно татуи-
рованный, добывшій откуда-то бутылку пива.

— Вотъ Ванечка можетъ еще идти, сказалъ шутливо Па-
лей, у него мундирчикъ съ иголки.

— Нѣтъ, господа, заплевалъ Ванечка, избавьте меня, я и
по-нѣмецки дурно говорю...

— Да зачѣмъ тебѣ по-нѣмецки, что ты, Ванечка, поддѣль
его Варцель.

— Иди, иди. начали упрашивать бурсаки.

— Кураторъ-то вечеромъ принимаетъ, замѣтилъ Варцель.

— Полякамъ бы дать знать, сказалъ военный вицъ-мундиръ.

— Да, не дурно бы и къ полякамъ, забурчали рутенцы.

— Мнѣ кажется это совершенно напрасно. Поляки, господа, себѣ на умѣ, вступаться горячо за наши интересы они никогда не будутъ.

— Ну, между ними есть хорошіе ребята, возразилъ Телепневу Палей, вообще симпатизирующій польской національности. Нѣмцы ихъ боятся.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, но до насъ-то имъ мало дѣла.

— Коли хотите, братцы, вскричалъ Ванечка, сейчасъ вамъ двадцать человѣкъ поляковъ приведу. Нѣмцы какъ ихъ увидятъ, такъ такую дерку дадутъ, что пятки заблестятъ. *Ит.*

Всѣ опять заговорили и Mordkerl Севрюгинъ тридцать пятый разъ началъ рассказывать: сколько онъ имѣлъ шкандаловъ съ нѣмцами, какъ нѣмецъ толкнулъ его съ тротуара, и какъ онъ ему заѣхалъ ремнемъ въ физиономію.

— Значить, господа, спросилъ Телепневъ, двое изъ насъ, я и Ванечка, отправимся сегодня, въ шесть часовъ, къ куратору? Собраться можно вечеромъ, только ужъ не здѣсь, я думаю, а лучше въ моей квартирѣ.

— А гдѣ Христіанъ Ивановичъ? вдругъ спросилъ татуированный.

Христіана Ивановича не оказалось.

— Онъ далеко живетъ, за ботаническимъ садомъ, объявилъ желтый, такъ ему не успѣли анцигировать.

— Поглядите-ка, братцы, нѣмцы валяютъ, видимо невидимо! кричалъ Ванечка изъ окна. Всѣ столпились.

Изъ квартиры желтаго прямо были сквозныя ворота между двумя флигелями. Къ воротамъ, дѣйствительно, припирала большая толпа буршей, человѣкъ по крайней мѣрѣ сто.

— Осада, съострилъ татуированный.

— А, ну какъ сюда повалятъ? болталъ Ванечка.

— Запереть надо крыльцо, сказалъ сурово желтый. А если будутъ ломаться, то я каждого въ одиночку повалю.

— Есть пистолетъ, хорохорился Севрюгинъ. Мы ихъ, господа, отсюда какъ барановъ перестрѣляемъ.

— Ну, это будетъ совсѣмъ напрасно, осадилъ его Телепневъ.

Всѣмъ собраніемъ овладѣло безпокойство и сильное раздраженіе. Покажись въ эту минуту нѣмецъ на галлерейкѣ, ему навѣрное пришлось бы плохо. Даже спокойный Палей сверкнулъ своими южно русскими глазами, воззрившись на толпу нѣмцевъ, пестрѣвшую сквозь ворота.

— Ни одинъ не взойдетъ, успокоивалъ Телепневъ. Господа, сдѣлайте опытъ. Выйдемъ отсюда вдвоемъ, втроемъ, я увѣренъ, что ни одинъ нѣмецъ не задержитъ. Во всякомъ случаѣ намъ не сидѣть же здѣсь въ засадѣ. Это будетъ и смѣшно, и покажется имъ трусостью.

— Ну, идемъ, Ванечка, поддразнивалъ Палей, натачивай кинжалъ.

— Да зачѣмъ же, заплевался Ванечка, непременно натываться на...

— Смертоубійство, подсказалъ Палей.

— А что жъ вы думаете, захрабрился вдругъ Ванечка, я струшу что-ли нѣмцевъ, идемте, братцы, сквозь всю нѣмецкую стѣну пройду!

— Господа, не оставляйте меня, вскричалъ ни съ того ни съ сего Mordkerl Севрюгинъ, и обличилъ свое душевное настроеніе.

Жолтый шаржиртеръ непріятно поморщился.

— Никто тебя не оставляетъ, оборвалъ онъ его. Педеля разгонять этихъ кнотовъ, вотъ и весь гешефтъ.

Собрались въ путь Телепневъ, Палей, Варцель, Ванечка и вицъ-мундиръ воснаго покроя, который почему то вызвался оповѣстить поляковъ, на томъ, кажется, основаніи, что онъ съ ними по субботамъ ходилъ на охоту.

Ванечка мужественно надѣлъ пальто и первый сбѣжалъ съ галлерейки въ проходъ между двумя флигелями. Онъ очень задорно подошелъ къ воротамъ и пріотворилъ калитку. Нѣмцы запрудили всю улицу и глазѣли въ скважины воротъ.

— Ну, идемъ, Ванечка, сказалъ Телепневъ, догнавши хохла. Какъ тебя толкнетъ нѣмецъ какой, такъ ты его кинжаломъ въ лѣвый бокъ.

Они выѣзли изъ калитки и остановились. Гуль между

нѣмцами смолкъ. Впереди стояли все здоровенные ребята, рыластые и долгогривые.

— Erlauben Sie, meine Herrn, сказалъ спокойно Телепневъ, и подумалъ въ эту минуту, — ну ужь если меня нѣмецъ какой хватить, дамъ же я ему сдачи!

Но нѣмцы разступились, всѣ пять человѣкъ прошли благополучно сквозь толпу и на перекресткѣ около университета стали.

— Ну, вотъ видишь, Ванечка, сказалъ Телепневъ. Нѣмцы почувяли, что ты ихъ пырнешь кинжаломъ — и ни гугу.

— Чухонцы трусы, хорохорился Ванечка.

— Ну такъ, господа, обратился Телепневъ къ подошедшимъ Палей и Варцелю, сегодня ко мнѣ вечеромъ на сходку Ты смотри, полтавскій Донъ-Жуанъ, будь у меня въ половинѣ шестаго въ мундирчикѣ.

— Да я, право, не знаю.

— Полно отбояриваться, ужь рѣшено. Въ половинѣ шестаго будь передо мной, какъ листъ передъ травой.

Палей съ Варцелемъ отправились по домамъ зубрить. Ванечка побѣжалъ въ университетъ, а Телепневъ взялъ фурмана и отправился въ филистерію. Изъ квартиры жолтаго вышло еще нѣсколько человѣкъ и разбрелись въ разныя стороны.

Нѣмцы все стояли и гудѣли. Справа и слѣва отъ университета и изъ кнейпы *Костяшки*, гдѣ обыкновенно они сидѣли до обѣда, валилъ все народъ. Наконецъ узенькую улицу совсѣмъ запрудили. Куратору была уже отъ нихъ отправлена депутація, но этимъ они хотѣли только, кажется, очистить совѣсть, но цѣль скопища была: расправиться самосудомъ съ дерзкимъ оскорбителемъ всего буршентума въ лицѣ корпораціоннаго ландсмана. Все припирали нѣмцы на ворота, но никакихъ дальнѣйшихъ воинственныхъ дѣйствій не проявляли. Толки въ толпѣ были разные. Одни утверждали, что тамъ въ квартирѣ сидятъ сорокъ человѣкъ поляковъ, явившихся съ раннего утра на подкрѣпленіе, и что у каждого по два револьвера. Другіе были умѣрениѣе въ предположеніяхъ, но за то предлагали болѣе энергическія средства: итти по всѣмъ квартирамъ русскихъ и тамъ ихъ избить, нещадя и тѣхъ, какіе попадутся на улицѣ,

Мнѣніе это поддерживали Тевтонцы-ландсманы заушеннаго бурша. Хотѣли даже выломать ворота, не смотря на то, что онѣ совсѣмъ не были заперты. Предлагали выстоять цѣлыя сутки, а если нужно и двое, и подвергнуть осажденных ужасамъ голодной смерти. Предлагали наконецъ просто напросто взойти, если нужно выломать дверь и увести съ собой русскаго Mordkerl'я. Гудѣли, гудѣли, а все ни съ мѣста. На ратушѣ пробилъ часъ. Педея зашмыгали около толпы и силились прорваться къ воротамъ, но ихъ все отталкивали.

Наконецъ два фукса рѣшились принести жертву на алтарь отечества: храбро проникли они въ калитку, прошли дворикъ и начали подниматься по галлерейкѣ. Первый запри-мѣтилъ ихъ въ окно одинъ изъ купцовъ, явившихся на патріотическій зовъ. Онъ, выставивъ свою бороду, показалъ имъ кулакъ. Къ окну подскочилъ Севрюгинъ и погрозилъ на нихъ перламутровымъ ножомъ. Фуксы чуть не кубаремъ слетѣли съ лѣстницы и донесли толпѣ, что тамъ цѣлый гарнизонъ и въ нихъ уже цѣпились.

— Da sitzen Polen, толковали нѣмцы, mit Flinten und Pistólen.

Поляки имъ вездѣ мерещились. А компанія, засѣдавшая въ квартирѣ жолтаго, потѣшалась въ это время надъ бѣгствомъ двухъ нѣмецкихъ храбрецовъ.

Часу во второмъ Христіанъ Ивановичъ Цифирзонъ, жившій въ захолустѣ, позади ботаническаго сада, въ комнаткѣ, которая ходила по восьми рублей въ семестръ, трусилъ прикрытый своей ветхой шинелькой къ каменному мосту Бѣжалъ онъ изъ анатомическаго театра, куда началъ съ горя ходить, и несъ подъ шинелью связку костей въ платкѣ, которую держалъ подъ лѣвой мышкой, а въ правой у него была бедренная кость. За мостомъ ему нужно было завернуть въ Rosenstrasse, къ одной старушенціи по части добыванія дублоновъ и залога четырехъ рубашекъ, что на техническомъ языкѣ Христіана Ивановича называлось ein Podriad abmachen.

На мосту встрѣтилась съ нимъ ватага Тевтонцевъ, человекъ двадцать, подъ предводительствомъ одного высочайшаго филистра. Тевтонцы шли изъ кнейпы распаленные воинствен-

нымъ духомъ противъ русскихъ. Маленькій Цифирзонъ трусилъ мимо нихъ мелкими шажками, не догадываясь въ чемъ дѣло. Одинъ изъ Тевтонцевъ точно нарочно столкнулся съ нимъ.

— Pardon, проговорилъ не оглядываясь Христіанъ Ивановичъ и продолжалъ себѣ спускаться по нѣсколько приподнятому тротуару моста.

— А! закричала вся ватага. Онъ толкается! Schlagt Ihn tod!

Христіанъ Ивановичъ не взвидѣлъ свѣта божьяго, какъ на него накинудись двадцать дюжихъ нѣмцевъ и сшибли его съ ногъ. Шинеленка, подбита вѣтеркомъ, распахнулась, бедрая кость упала на дорогу

— А, онъ съ костью, онъ шелъ насъ бить! и удары посыпались на бѣднаго Цифирзона.

Можетъ быть отъ него остались бы весьма бренные остатки, если-бъ въ эту минуту изъ за угла каменнаго дома не показались два педея.

— Бѣгите, педея! закричалъ кто-то изъ нѣмцевъ, и всѣ бросились на мостъ, оставивъ на полѣ битвы трофеи и разбитаго на голову врага.

Педея подобрали Христіана Ивановича, вмѣстѣ съ бедренной костью, и отвезли его на квартиру. Его совсѣмъ разломило, такъ что онъ попросилъ одного изъ педелей поѣхать въ клинику за профессоромъ или ассистентомъ.

Въ этотъ часъ осада около квартиры жолтаго все еще продолжалась.

Телепневъ, сидя въ фурманскихъ саняхъ, сначала раздумалъ о скандальномъ бурсацкомъ дѣлѣ. Ему противны были нѣмецкіе уставы и нѣмецкая глупая нетерпимость. Онъ радъ былъ, что окончательно порвется та внѣшняя обезьянская связь, которая существовала между бурсаками и нѣмецкимъ корпораціоннымъ міромъ. Но онъ все-таки не могъ вполнѣ оправдать поступка забіяки Севрюгина, и не сознаться, что вся эта исторія смѣшна и полна всякаго мальчишества.

Чѣмъ ближе онъ подъѣзжалъ къ дому Деулиныхъ, тѣмъ все сильнѣе рвалось его сердце, тѣмъ страстнѣе хотѣлось ему разгадать наконецъ душевную загадку гордой дѣвушки, завладѣть во что бы то ни стало всѣмъ ея существомъ...

Ивана Павловича онъ засталъ, разумѣется, въ раскисшемъ состояніи, хотя въ сущности жуиръ почти уже оправился. Онъ сидѣлъ въ креслѣ. Внизу у ногъ стоялъ тазъ. Иванъ Павловичъ то и дѣло взглядывалъ на часы. Въ кабинетѣ Телепневъ нашелъ Юлію Александровну и даже Нину Александровну съ повязанной головой. Онъ тотчасъ же замѣтилъ по ея лицу, что между нею и Иваномъ Павловичемъ произошла примирительная сцена. Насѣдка ухаживала около своего Jean'a и совсѣмъ не присаживалась.

— Благодарю васъ, mon cher, заговорилъ Иванъ Павловичъ. Вы меня спасли. Но у меня нѣтъ полной надежды. То и дѣло тошнить меня. Въ желудкѣ вѣрно язвы. Да-съ. Вотъ я смотрю на часы, по часамъ наблюдаю. Ну, вотъ опять, опять... двухъ минутъ не прошло.

Телепневъ успокоилъ его, спросилъ о докторѣ, перекинулся двумя тремя словами съ Ниной Александровной и выслушалъ отъ насѣдки цѣлый потокъ трогательныхъ изліяній о благородствѣ его души и глубинѣ ея признательности за всѣ высокіе подвиги, совершенные имъ изъ любви къ Jean'у.

Долго сидѣть въ кабинетѣ Телепневу не хотѣлось, а о Темирѣ онъ не желалъ спрашивать при Юліѣ Александровнѣ.

„Вѣрно какой нибудь урокъ у ней“, подумалъ онъ, и сталъ прощаться, обѣщая заѣхать на другой день вечеромъ.

— Отчего же такъ долго, застонала Юлія Александровна, пожалуйста пріѣзжайте обѣдать и сегодня и завтра.

Телепневъ разсказалъ исторію съ нѣмцами, которая могла потребовать большихъ хлопотъ и разъѣздовъ.

— Ахъ, напрасно, заговорилъ Иванъ Павловичъ. Les Allemands sont des braves gens. Гдѣ же стремленія къ идеалу? какъ это грустно!

— Да ужъ какой тутъ идеалъ, Иванъ Павловичъ, когда приходится на кулачкахъ драться.

Дамы заахали, но Телепневъ больше не распространялся, сдѣлалъ общій поклонъ и вышелъ.

„Неужели я ее не увижу?“ спросилъ онъ себя въ гостиной, и даже остановился посреди комнаты въ раздумьи, смотря на дверь въ кабинетъ Темиры. Но дверь не отворя-

лась. „Это ужасно, что я такъ и уѣду, и можетъ быть еще нѣсколько дней не услышу отъ нея ни одного слова. Я не хочу оставаться подъ впечатлѣніемъ ея послѣдней болѣзненной выходки.“

Надо было остаться подъ этимъ впечатлѣніемъ, и забывъ Темиру, идти на гражданскіе подвиги, воевать съ нѣмцами и руководить бурсацкой политикой.

Въ половинѣ шестаго Ванечка дѣйствительно прибылъ на квартиру Телепнева въ полной формѣ, даже немножко подзавитой и выбритый, что было совершенно лишнее, ибо вмѣсто бороды у него значился еще юношескій пушокъ.

— Ты какже начнешь, затарантилъ онъ. Ты составилъ проектъ своего спича?

— Да какіе тутъ спичи, Донъ Жуанъ. Просто скажемъ въ чемъ было дѣло и предупредимъ начальство, чтобъ оно на насъ потомъ не пѣняло, если не усмирятся нѣмцы.

— Да; но знаешь, вѣдь кураторъ—онъ тонкій старикъ, его на мякинѣ не проведешь.

— Милѣйшій Алексисъ, не нужно тутъ никакихъ тонкостей. А ты вотъ лучше захвати кинжальчикъ.

— Да что вы думаете, я боюсь что ли нѣмцовъ? хорохорился Ванечка. Я одного нѣмца на пистолетный шкандалъ вызывалъ, такъ онъ какъ перетрусилъ.

— Ну, не боишься, такъ и прекрасно. Ёдемъ тогда. Только, Ванечка, не кричи очень и руками меньше размахивай.

Въ квартиру ввалилось нѣсколько бурсаковъ.

— Шкандалъ, кричали они. Чухны побили Христіана Ивановича!

И Телепневу рассказали все случившееся съ бѣднымъ Цифирзономъ на каменномъ мосту.

— Тѣмъ больше причинъ, сказалъ онъ, ѣхать къ куратору.

— Теперь совсѣмъ другая штука, кричали бурсаки, даромъ этого нельзя оставить.

Телепневъ возмутился.

— Экая мерзость, проговорилъ онъ съ сердцемъ. А что тутъ станешь дѣлать, не съ ружьями же ходить по улицамъ.

Ну, ѣдемъ, Ванечка! Подождите насъ, господа, мы черезъ полчаса назадъ.

Дорогой Телепневъ молчалъ, а Ванечка ужасно ругался и плевался.

Квартира куратора помѣщалась въ угольномъ домѣ на Марктѣ, противъ ратуши, надъ Pedellstube. Они вступили въ сѣни и поднявшись по крутой лѣстницѣ позвонили.

— Смотри, Ванечка, говорилъ Телепневъ, раскланивайся, братъ, по всѣмъ правиламъ танцевальнаго искусства.

— Я теперь разсвирѣплъ.

Лакей во фракѣ провелъ ихъ черезъ неосвѣщенную залу въ маленькую пріемную, въ родѣ коридорчика, гдѣ горѣла на стѣнѣ старомодная лампа.

— Я сейчасъ доложу его пр—ву, господину куратору, просюсюкалъ лакей на чухонскомъ діалектѣ.

Ванечка хотѣлъ было присѣсть на диванъ, но всталъ и началъ обдергивать свой мундирчикъ. Телепневъ викакъ не могъ направить свои мысли на предстоящее ему объясненіе съ кураторомъ, хотя былъ раздраженъ поступкомъ нѣмцевъ съ Христіаномъ Ивановичемъ, и не прочь былъ отъ какого нибудь патріотическаго заявленія. Минуты черезъ двѣ ихъ впустили. Кабинетъ куратора — большая, зеленая комната со шкафами и большимъ портретомъ какого-то меченосца, дышавъ геренгутерскою суровостію и чопорностію. Прямо противъ двери, поперекъ, стоялъ длинный письменный столъ, освѣщенный высокой лампой съ абажуромъ. Весь свѣтъ лампы падалъ на голый черепъ изможденнаго старичка, наклонившагося надъ бумагой, въ желтомъ халатѣ.

„Точно изъ слоновой кости выточень“, подумалъ Телепневъ, входя вслѣдъ за Ванечкой. Ванечка всталъ въ третью позицію и раскланился по всѣмъ правиламъ танцевальнаго искусства. Старичокъ приподнялъ голову, которая у него точно была на шарнирахъ, и ласково, на сколько могъ, проговорилъ:

— Очень радъ васъ видѣть, господа. Что вамъ угодно? Садитесь.

Они придвинули два соломенные стула и сѣли. Ванечка держалъ шляпу на колѣняхъ обѣими руками, въ очень смѣшной позѣ.

— Мы пришли къ вамъ, ваше пр—во, заболталъ онъ, какъ представители русскихъ студентовъ.

— У меня здѣсь всѣ русскіе студенты, отвѣтилъ ему съ улыбкой старичокъ.

Ванечка хотѣлъ было вступить съ кураторомъ въ состоязіе, но Телепневъ его прервалъ.

— Намъ просили товарищи наши, студенты русскаго происхожденія, непризнающіе теперь нѣмецкаго комана, заявить вамъ, ваше пр—во, что наше положеніе чрезвычайно затруднительно.

— Я знаю, что у васъ случилось, сказалъ безстрастно кураторъ.

— У васъ, вѣроятно, были шаржиртеры отъ корпорацій, продолжалъ Телепневъ, не смущаясь тономъ куратора. Врядъ ли они представили вамъ дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Согласитесь сами, что студенты, пріѣзжающіе сюда изъ русскихъ университетовъ, вовсе не обязаны подчиняться формамъ и обычаямъ буршендума.

— Они однако составляли корпорацію, возразилъ кураторъ.

— Да, составляли; а теперь пришли къ убѣжденію, что такая жизнь имъ не годится и захотѣли занять то положеніе, какое имѣютъ поляки. Вы сами же изволили выразиться, что здѣсь всѣ русскіе студенты; слѣдовательно на какомъ же основаніи студенты, которые принадлежатъ къ преобладающей національности, обязаны подчиняться чужимъ формамъ?

— Вы, мой милый, говорите о полякахъ. Поляки пріобрѣли себѣ такое положеніе не сразу, это ужъ есть совершившійся фактъ.

— То есть, ваше пр—во, они ходили и били нѣмцевъ нагайками. Ихъ было полтора ста человекъ въ то время, а насъ двадцать пять.

— Что дѣлать, мой милый, съ волками жить—по волчьему быть.

Тонъ куратора, при всемъ своемъ спокойствіи, началъ раздражать Телепнева.

— Русскіе студенты, заговорилъ онъ опять, были выгнаны изъ академической муссы, лишены всѣхъ правъ гражд-

данства въ студенческомъ мірѣ, потому что никто изъ буршей не даетъ имъ, въ случаѣ обиды, никакого удовлетворенія. Наконецъ то, что случилось сегодня...

— Да, я знаю, прервалъ кураторъ, но этотъ студентъ, какъ его фамилія?...

— Севрюгинъ, подсказалъ Ванечка сердитымъ голосомъ.

— Ну да, этотъ Севрюгинъ, онъ самъ виноватъ.

— Можетъ быть и виноватъ, ваше пр—во, прервалъ его Телепневъ. Но какъ же оправдать поступокъ нѣмцевъ, которые нападаютъ на безоружнаго въ числѣ двадцати чело-вѣкъ, среди бѣла дня и бьютъ его?

— Севрюгинъ будетъ исключенъ, а по этому дѣлу начнетъ слѣдствіе.

— Мы все-таки сочли долгомъ заявить все это вашему пр—ву. Мы ничѣмъ не защищены и нельзя поручиться, чтобы каждый день не было такихъ грязныхъ столкновеній, какъ сегодня.

— Что же вы отъ меня хотите, господа? спросилъ кураторъ, высоко поднимая свой голый черепъ. Хотите, чтобы я исключилъ нѣсколько чело-вѣкъ нѣмцевъ? Пожалуй, это можно сдѣлать. Но какой же будетъ изъ этого толкъ? Раздраженіе противъ васъ во сто разъ усилится. Если вы не на столько сильны, чтобы отстоять свои требованія — вамъ остается одно: избѣгать столкновеній. Я и говорилъ сегодня шаржиртерамъ, что ни одна выходка не останется безнаказанной. А больше тутъ нечего дѣлать.

— Но, помилуйте, закричалъ Ванечка, задвигавшись на своемъ стулѣ, вѣдь это унизительное положеніе. Мы какъ парія какія нибудь, насъ могутъ бить похода!

— Бить васъ не будутъ, мой милый, успокойтесь. А на все, что я здѣсь отъ васъ слышалъ, господа, я въ заключеніе скажу вамъ слѣдующее: если-бъ я былъ въ Римѣ и стоялъ въ толпѣ народа на площади въ тотъ моментъ, когда папа выходитъ на балконъ и благословляетъ ее: не упали я на колѣна—толпа растерзала бы меня.

„Аудіенція, значитъ, кончена“, подумалъ Телепневъ и при-поднимаясь сказалъ:

— Имѣю честь кланяться, ваше пр—во.

Ванечка вскочилъ, всталъ опять въ позицію и махнувъ шляпой въ бокъ, повторилъ за Телепневымъ:

— Честъ имѣю кланяться, ваше пр—во, и раскланялся по всѣмъ правиламъ танцевальнаго искусства.

— Прощайте, господа, кротко отвѣтилъ старичокъ, и уткнувъ свой голый черепъ въ бумагу.

— Это чортъ знаетъ что такое, заплелся Ванечка, проходя по залѣ. Денной разбой. Иезуитская философія!!..

— Полно, Ванечка, орать, удерживалъ его Телепневъ, нечего, братъ, тутъ хорохориться. Въ сущности онъ дѣло говорилъ.

— Да развѣ мы безъ него этого не знали. Приходили-то мы зачѣмъ же, скажи на милость, чтобъ онъ намъ дураковъ загнулъ?

— Нѣтъ, не затѣмъ. Мы свое дѣло сдѣлали, а тамъ ужъ онъ себѣ мотай на усъ, и сдерживай неистовства буршей.

— Держи карманъ, станетъ онъ сдерживать. Вотъ теперь Христіана Ивановича побили, такъ и будетъ все шито да крыто. Ни одну каналью не исключать.

Краснорѣчіе Ванечки не имѣло предѣловъ. Всю дорогу на квартиру Телепнева онъ болталъ безъ умолку и обзывалъ нѣмцевъ разными ругательными словами. А въ это время около квартиры желтаго все еще стояла толпа, но уже значительно порѣже. Педелямъ, подъ предводительствомъ оберъ-педея, удалось, наконецъ, пробиться къ воротамъ, стать около нихъ и начать свои полицейскія мѣры противъ незаконнаго скопища. Когда улица была очищена, оберъ-педель съ помощниками вошелъ въ квартиру, взялъ Севрюгина и отвелъ его подъ прикрытіемъ въ университетскій карцеръ.

Въ тотъ же вечеръ состоялась резолюція куратора, по которой студентъ Севрюгинъ подвергнулся наказанію *relegatio*, т. е. полному исключенію: *wegen thatsächlich verübter Frechheit*, какъ значилось въ кураторской бумагѣ, которую сей часъ же выставили въ университетскихъ сѣняхъ.

Телепневъ передалъ собранію отвѣтъ куратора. Всѣ повѣсили носы. О дѣлѣ Христіана Ивановича рѣшили однакожь хлопотать. Онъ могъ по имени назвать всѣхъ почти буршей, въ добавокъ педея видѣли побоище и могли также засвидѣтельствовать.

Къ концу совѣщанія растерзанный филистръ привелъ трехъ польскихъ представителей. Они повели себя точно такъ же, какъ въ первый разъ, когда ихъ призывали бурсаки.

— Да вѣдь что ты хочешь съ бурсаками, съ ними пива не сварить, говорилъ Палей Телепневу.

— Нѣтъ, ужъ ты себѣ какъ тамъ не благодумствуй, а выходить по пословицѣ: что пнемъ сову, ~~что сову о нень~~. Они отрѣзанный ломоть, и нѣжничать съ ними глупо.

Ванечка хлопоталъ о вооруженіи, а бурсаки хоть и ругали нѣмцевъ на разные фасыны, но зарубили себѣ на носу слова куратора и не хотѣли больше лѣзть на воинственные столкновенія.

XV

Темира ожидала Телепнева и слышала, какъ онъ пріѣхалъ, но нарочно не вышла къ нему. Когда Юлія Александровна вечеромъ сидѣла въ ея рабочей комнатѣ, Темира то и дѣло прислушивалась и даже раза два подошла къ окну.

— Кто нынче былъ предъ обѣдомъ у насъ; татан? спросила Темира, разсѣянно слушая мать, которая читала ей что-то по англійски.

— М-г Телепневъ былъ.

— Былъ?

— Да, я его просила обѣдать. Онъ вѣрно будетъ завтра или послѣ-завтра. Молодой человѣкъ съ очень хорошимъ сердцемъ, заключила Юлія Александровна и посмотрѣла на дочь.

Темира ничего не отвѣчала. Хотѣлось ей спросить—а не пріѣдетъ ли онъ сегодня вечеромъ?—но она удержалась.

Иванъ Павловичъ оставилъ ее въ покоѣ. Нина Александровна только язвительно улыбалась, но не пилила ее больше. Весь вечеръ прошолъ спокойно. Жюиръ хотя и корячился, но не кричалъ и не придирался.

Вечеромъ Темира распрощалась съ матерью рано, не дождавшись прїѣзда Телепнева. Ей стыдно было вспомнить о вчерашней сценѣ, она упрекала себя въ страшномъ малодушіи и заподозрила опять Телепнева въ желаніи порисоваться и вызвать ее на нѣжныя изліянія. Такъ колдобродилъ умъ молодой дѣвушки, но въ сердцѣ шевелилось нѣчто иное.

Когда она въ кровати взяла карандашъ и записную книжечку, то рука что-то не очень легко начала писать рѣзкія фразы о Телепневѣ. Въ *Nota bene* стояло даже:

„Я, можетъ быть, и ошибаюсь. Но какъ онъ смѣлъ воспользоваться минутой моей слабости. Это дурно, гадко. Я ему не прощу.. Неужели мы непременно должны изливаться передъ людьми, если они разъ безцеремонно заговорили съ нами. Кто поручится, что въ нихъ не простое любопытство, а вовсе не симпатія къ намъ... Его поразили мои слова, когда я вышла во второй разъ. Но мнѣ противна всякая сладость. Вы скажете человѣку одно искреннее слово, и онъ уже считаетъ себя въ правѣ требовать отъ васъ постоянныхъ нѣжностей“

Черезъ нѣсколько строчекъ стояло:

„Въ домѣ у насъ какъ будто притихло, но въ сущности тоже самое. Все такъ же гадко и оскорбительно. Я увѣрена, что отецъ, какъ только выздоровѣетъ, уѣдетъ вслѣдъ за Ниной Александровной. Сегодня я точно безчувственная какая. Пишу эти гадкія слова безъ всякаго содраганія. Неужели мнѣ все съ каждымъ днемъ холоднѣе и холоднѣе... Онъ говорилъ: вѣрьте мнѣ. Это такъ легко сказать, особенно когда придешь въ нервное раздраженіе. Я ничего отъ него не могу требовать, но если онъ солгалъ хоть въ одномъ словѣ—возненавижу его. Что будетъ завтра? .. Но что-жь я спрашиваю. Развѣ я не умѣю владѣть собой, держать себя такъ, какъ я того хочу. Всякая новая слабость будетъ непростительна.“

Сонъ дѣвушки былъ тревожный. Проснувшись она рано, сѣла готовить уроки свои, но читала разсѣянно и вышла предъ обѣдомъ очень рано въ гостиную. Присаживалась нѣсколько разъ къ роялю, играла порывисто, ходила по столовой, взглядывала нѣсколько разъ въ окна.

Телепневъ весь день былъ занятъ разными хлопотами и совѣщаніями. Началось дѣло о побіеніи Христіана Ивановича. Надо было съѣздить въ университетское правленіе, еще разъ къ куратору, къ ректору, къ синдику. Только къ вечеру онъ освободился и сейчасъ же полетѣлъ на фурманѣ въ филистерію. Его не беспокоила больше семейная драма, онъ зналъ, что Иванъ Павловичъ будетъ себѣ здоровехонекъ и успокоится духомъ, по крайней мѣрѣ до своего отъѣзда. Юлія Александровна также должна была придти въ нормальное состояніе, успокоившись на счетъ своего Jean'a. Одна Темира тревожила Телепнева.

Въ гостиной онъ какъ разъ наткнулся на Нину Александровну, чего вовсе не желалъ.

— Вы довольны мной? сказала она ему, покачиваясь въ креслѣ.

— Вы исправляетесь.

— И даже очень,—посмотрите-ка на Ивана Павловича.

— Цвѣтеть?

— Да. Больше уже не призываетъ смерть.

— А вы скоро поѣдете? спросилъ тихо Телепневъ.

— Заживаться не буду.

— Погодите, по крайней мѣрѣ, пока Иванъ Павловичъ совсѣмъ оправится.

— Престранный вы человѣкъ, м-г Телепневъ.

— Отчего же такъ, Нина Александровна?

— Перваго молодого человѣка вижу, который бы такъ смѣло и просто подходилъ къ людямъ, и такъ пріятно ставилъ ихъ въ очень выгодное для себя положеніе.

— Другими словами—я интриганъ.

— О, нѣтъ. Но вы съумѣете всегда поставить всякаго въ должную позицію.

— Ну, не совсѣмъ. А желалъ бы имѣть это свойство.

— И я знаю для чего.—Нина Александровна тихо разсмѣялась.—Вы, кажется, обожглись на моей племянницѣ?

— Что же это очень скоро ужъ?

— Скоро или нѣтъ, я не знаю; но если вы еще въ нее не влюблены, то навѣрное чрезъ нѣсколько дней влюбитесь.

— Можетъ быть и влюблюсь, сказалъ рѣшительно Телеп-

невъ. И ужъ, конечно, если влюблюсь, то захочу имѣть тѣ свойства, какими вы меня награждаете.

Не желая продолжать проѣрка съ Ниной Александровной, Телепневъ всталъ, сдѣлалъ ей salut oblique и отправился къ Ивану Павловичу.

Жуиръ сидѣлъ въ креслѣ и потиралъ себѣ животъ.

— Все еще тошнить, mon cher, смотрю на часы: каждая четверть часа позываетъ.

— Оттого и позываетъ, Иванъ Павловичъ, что вы все смотрите на часы.

— Ну, что вы, какъ, какъ ваша борьба гвельфовъ и гибеллиновъ? Заносчивость, mon cher, славянская заносчивость. Я всегда говорилъ, въ нынѣшнемъ юношествѣ нѣтъ сомнѣнія. Мы пушкинскіе люди. Знаете, онъ сказалъ въ одномъ мѣстѣ:

Поэтъ, не дорожи любовію народной.

И не нужно дорожить. А вы нынче, mon cher, всѣ въ честолюбіе ударились. Пили бы себѣ, пѣли, и прекрасно. Нѣмцы, китайцы, чухонцы, у всѣхъ людей въ молодости одинъ идеалъ. Вы, пожалуйста, не сердитесь, что я вамъ такъ говорю. Хотите сигару?

„Экъ онъ раскудахтался нынче! должно быть Нина Александровна его по губамъ помазала“, думалъ Телепневъ, принимая сигару изъ рукъ Ивана Павловича.

— Я услалъ жену прокатиться съ Темирой. У ней оттого и припадки,—все сидить, все сидить.. Ахъ, mon cher, когда женитесь, помянете меня. Женщины, это—сосудъ скудельничій. Но мы, со всей нашей энергіей, со всѣмъ, вы понимаете, со всѣмъ, что насъ дѣлаетъ вѣнцомъ созданія, мы пасъ, рѣшительно пасъ. И Боже васъ сохрани предаться страсти. Тогда вы погибли!

— Какже это, Иванъ Павловичъ, евнухомъ что-ли сдѣлаться?

— Чѣмъ хотите, mon cher. Фолишонируйте, жизнь прекрасна, когда съ каждаго цвѣтка собираешь медъ. Но такъ.. погрязнуть, всѣми силами души—одинъ шагъ..

— И какъ разъ возьмешься за синильную кислоту? прервалъ Телепневъ и засмѣялся.

— Не шутите этимъ, mon cher. Я знаю, вы смѣтаетесь надо мной, потому что для меня чувство дороже всего.

— А вы лучше вотъ что скажите, Иванъ Павловичъ, прервалъ его Телепневъ, какъ аппетитъ у васъ сегодня, хорошо?

— Ничего кромѣ бульона не могу, mon cher. У меня непремѣнно язвы образовались.

— Какія язвы! вотъ денька чрезъ два будете совсѣмъ молодцомъ, а тамъ и въ Петербургъ, я думаю?

— Не знаю, не знаю, ничего не знаю. Душно мнѣ, душно здѣсь. Не могу сидѣть подолгу на одномъ мѣстѣ, душа проситъ впечатлѣній. Вы не поѣдете ли, mon cher?

— Нѣтъ. мнѣ нельзя.

— Удивляюсь, какъ это вы себя хороните. А то бы я вамъ предложилъ гостепріимство. У меня всегда тамъ есть холостая квартирка. Ужъ я бы васъ пустилъ, mon cher, во вся тяжкія. Со мной бы Іосифомъ прекраснымъ не остались.

„Скоро-ли это онѣ пріѣдутъ, волновался Телепневъ. Мнѣ ужъ не втерпежъ слушать эту сороку“.

Внизу раздался звонокъ.

— Это вѣрно ваши дамы возвратились, сказалъ онъ радостнымъ голосомъ.

— Только что уѣхали, mon cher. Юлія Александровна вѣдь не можетъ на воздухѣ быть больше пяти минутъ...

Телепневъ сидѣлъ точно на угляхъ и безпрестанно оглядывался на дверь. Послышались шаги въ гостиной, онъ вскочилъ и отъ волненія сѣлъ опять на край турецкаго дивана.

— Помилуй, та chère, встрѣтилъ Иванъ Павловичъ супругницу, — вы, я думаю, успѣли только спуститься внизъ. Стоило закладывать лошадей.

— Да погода дурная, Jean, оправдывалась насѣдка, цѣлуя его въ лобъ.

За ней вошла и Темира въ мѣховой мантии, разрумяненная морознымъ вѣтромъ, съ бѣлымъ бѣломъ на шеѣ. Телепневъ поклонился ей очень низко. Дѣвушка отвѣтила какимъ-то неопредѣленнымъ поклономъ, не то ласково, не то насмѣшливо.

— М-г Телепневъ! захохла насѣдка, а мы васъ ждали сегодня

цѣлый день. Думали, не случилось ли чего-нибудь непріятнаго.

— Какъ видите, Юлія Александровна, здоровъ и невредимъ.

— И вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы гвельфовъ съ гибеллинами, съострилъ Иванъ Павловичъ и разсмѣялся придерживая свой животъ.

Съ дочерью Иванъ Павловичъ обходился съ нѣкоторой торжественностію.

— Мы тебя не беспокоимъ ли, Jean? спросила Юлія Александровна, ты бы прилежь.

— Что это ты меня все укладываешь, ma chère, я приду къ вамъ пить чай. А теперь нужно принимать лекарство.

Насѣдка засуетилась около него, а Темира пошла къ двери, Телепневъ вслѣдъ за нею. Въ гостиной Нины Александровны уже не было.

— Сегодня у меня не болитъ грудь, сказала ему Темира; мы можемъ поиграть, если вы хотите.

Слушая тонъ, съ которымъ сказаны были эти слова, Телепневъ подумалъ: „ну, надо опять начинать сначала.“

— Мы будемъ играть, проговорилъ онъ, но скажите мнѣ, пожалуйста, зачѣмъ вы все сокращаетесь?

— Какъ сокращаюсь? спросила дѣвушка, снимая свой бѣлѣ и поправляя волосы.

— Къ чему эта неумѣстная гордость. Вы думаете, что я не стою вашего задушевнаго слова, вы устыдились того, что третьяго дня здѣсь обошлись со мной какъ съ человѣкомъ.

— Давайте играть, m-l Телепневъ.

— Полноте играть мною, отвѣчалъ онъ, смѣло взглянувъ на нее. Вы мнѣ сказали, что для васъ: все или ничего. Чтобы требовать всего, чтобы желать всего—надо любить когонибудь.

— Зачѣмъ вы читаете мнѣ нравоученія! вдругъ прервала его дѣвушка. Какъ въ васъ видѣнъ человѣкъ, котораго избаловали.

— Не знаю.

— Да, видѣнъ. Вы не можете слова сказать безъ того, чтобы не проглядывало ваше я.

— Ну, чтожь изъ этого! вскричалъ Телепневъ; можетъ быть вы и правы, васъ поразили мои недостатки; но что вамъ до нихъ. Неужели вы бьетесь только изъ за-того, чтобы ничто въ людяхъ васъ не шокировало. Вы упрекаете меня въ барствѣ, а сами вдаетесь въ ужасный эгоизмъ. Еслибъ человекъ полюбилъ васъ страстно, неужели вы стали бы хлопотать о каждомъ вашемъ впечатлѣніи, бояться за каждое свое движеніе и слово! Хорошо ли это?

— Пойдемте играть, повторила опять Темира.

Но это *пойдемте играть* уже не возмутило Телепнева. Онъ шелъ за дѣвушкой и на душѣ его всплыла какая-то внезапная радость. Темира быстро взяла его всего и съ первыхъ же минутъ съ такой необычайной силой сдерживала его порыванія. Страстные слова толпились на устахъ, а онъ молчалъ и чувствовалъ, что много говорить не нужно, что нужно готовиться къ дальнѣйшей борьбѣ и схватывать такіе моменты, когда дикая дѣвушка явится во всей своей дѣвичьей искренности и душевной красотѣ...

Заиграли они мазурку Шопена. Темира молчала, но какъ-то въ под-оборота взглядывала на Телепнева. По движенію ея лба видно было, что она передумывала все, что было между ними сказано. Телепневъ опять испугался этой думы и ожидалъ новыхъ „сокращеній“

— Какъ вы играете! вдругъ заговорилъ онъ Отчего вы не кладете въ слова ваши столько искренности и простоты, сколько въ звуки?

— Оттого, что я тутъ сама себя слушаю.

— А до другихъ вамъ опять дѣла нѣтъ?

— Я не знаю, нужна ли имъ моя искренность.

— Перестаньте, Темира, прошепталъ порывисто Телепневъ и остановился.

Дѣвушка сдѣлала видъ, что ее шокируетъ безцеремонность Телепнева.

— Ну, дѣлайте мнѣ выговоръ, продолжалъ онъ также порывисто. Я васъ зову Темирой, и буду васъ такъ звать. Вы можете до сихъ поръ разводить разводы: нужна-ли кому ваша искренность или нѣтъ, послѣ того, что я вамъ сказалъ третьяго дня тутъ у стола?—Подите.. И онъ всталъ. Вы на-

рочно оскорбляете людей. Вы дурно шалите съ жизнью, поступаете со мной, какъ злая дѣвушка!

Онъ отвернулся въ уголъ къ этажеркѣ. Слезы душили его, но не слащавыя чувствительныя слезы, а горькія, жолчныя. То барство, какое развилось въ Телепневѣ, было страшно возмущено. Онъ ни у кого еще не выпрашивалъ привязанности, и никто не заставилъ его перестрадать столько уязвленнымъ чувствомъ и молодымъ заносчивымъ самолюбіемъ.

Онъ стоялъ уткнувшись въ этажерку. Его бѣсило, что онъ не можетъ бѣжать, не можетъ двинуться ни направо, ни налево, точно что-то гвоздями приковывало его къ мѣсту и дергало его за всѣ нервы.

— Какъ васъ зовутъ? вдругъ послышался ласковый голосъ. Телепневъ молчалъ.

— Оставьте меня, прошепталъ онъ. я не повторю вамъ того, что я сказалъ. Я могу васъ любить, но не стану забавлять васъ.

Губы его дрожали. Онъ даже одной рукой схватился за столбикъ этажерки.

— Скажите же мнѣ, какъ васъ зовутъ? говорила Темира и смотрѣла на него кроткими, ласкающими, глубокими глазами. Я не хочу васъ звать по фамиліи.

Она произнесла это такъ, будто все, что говорилъ Телепневъ, ей уже давно было извѣстно, точно будто она смотрѣла на его раздраженіе, какъ на неизбѣжную, но не опасную вспышку.

— Меня зовутъ Борисомъ, выговорилъ наконецъ Телепневъ.

— Натѣ мою руку, сказала дѣвушка, и пожмите хорошенько. И ужъ если я передъ вами дѣйствительно виновата,—я заглажу мою вину.

Телепневъ весь преобразился отъ этихъ словъ. Онъ не зналъ, что ему говорить. Не выпуская руки Темиры, онъ стоялъ передъ ней и смотрѣлъ на нее такъ радостно, съ такимъ заразительнымъ счастіемъ, что она не вынесла этого взгляда, тихо опустила свои длинныя рѣсницы и также тихо просмѣялась.

— А что-жъ наша мазурка, сказала она вслухъ, мы вѣдь остановились на пол-фразѣ.

Телепневъ, не разбирая уже, гдѣ онъ стоитъ, бухнулъ на табуретъ и заблуждалъ глазами по нотамъ, путая и сбиваясь на каждомъ шагу Темира продолжала все тихо посмѣиваться, оставливая его и два раза переставила ему пальцы на клавишахъ.

На музыку пришли папахенъ и мамахенъ, приплыла и Нина Александровна и прищуриваясь поглядывала съ усмѣшкой на играющую юность.

„Смотрите, смотрите, уроды, говорилъ про себя Телепневъ, весь переполненный новаго страстнаго чувства. Вы ничего не увидите у меня внутри. Вонъ та эмансипированная барышня уже рѣшила, что я влюбленъ. Но и она ничего не увидитъ, и она вѣкъ не будетъ знать, что теперь живетъ во мнѣ. Никто изъ этихъ уродовъ не понимаетъ чудной дѣвочки и никто изъ нихъ не будетъ знать, какъ я ее люблю. Что для нихъ эта мазурка? Шопеновскія фразы. А для меня музыка не въ ней, для меня теперь все музыка, что только говорить мнѣ о моей гордой дѣвушкѣ.“

— Переверните же страницу, нахмутивъ брови сказала Темира и прикоснулась къ его рукѣ мизинцемъ.

Телепневъ хватилъ черезъ двѣ страницы.

— Ни на что не похоже!

И опять это „ни на что не похоже“ зарябило въ глазахъ у Телепнева. И онъ готовъ былъ вскочить и облобызать даже хотъ Ивана Павловича.

„Какой онъ милый, думала Темира, выдѣлывая правой рукой шопеновскую мелодію. Онъ не обманетъ. Какъ это сладко, когда вдругъ человѣкъ такъ радуется. Я еще его не люблю такъ, какъ онъ меня любитъ, но ...“

— Не правда ли, Jean, заняла Юлія Александровна, какъ т-г Телепневъ мило играетъ.

— Ммъ! отвѣтилъ Jean, потирая свой животъ. Не могу я, ослабъ, а то бы я съ вами попѣлъ, mes enfants!

Нина Александровна, сохраняя уязвленную фигуру, не изрекала никакихъ сентенцій.

— Видите, какъ маманъ васъ любитъ, насмѣшливо проговорила Темира.

— Больше васъ, отвѣтилъ онъ.

— Она ужь очень увѣрилась въ вашей добродѣтели.

„Смѣйся, думалъ Телепневъ, путаясь въ нотахъ, я тебѣ не повѣрю. Всѣ твои насмѣшки теперь для меня ничего не значать. На попятный дворъ ты не пойдешь.“

Маменька подошла къ Темирѣ, обняла ее за шею и начала нѣжно перевертывать листы.

„Онъ привыкаетъ ко мнѣ, думала дѣвушка, я не буду его обижать. Но сразу нельзя же улыбаться каждому его слову, какъ татап теперь дѣлаетъ. Что не смѣшно, надъ тѣмъ я смѣяться не стану. Если къ нему не быть строгой, то къ кому же? Онъ это почувствуетъ—я вижу.“

— Самоваръ поданъ, доложилъ лакей.

— Ну, вотъ, mon cher, опять позываетъ.

— И папа передъ вами таетъ, шепнула Темира. Вы—irresistible.

— Ты пойдешь пить чай, Jean?

— Посижу, посижу съ вами, но не знай, ничего нельзя пить.

— Попробуйте, крикнулъ Телепневъ съ своего мѣста.

— М-мъ, отвѣтилъ Иванъ Павловичъ.

— Благодарю васъ, церемонно сказалъ Телепневъ Темирѣ вставая.

Темира разсмѣялась.

— А развѣ это лишнее? спросила она.

— А вотъ у насъ есть еще Ванечка, такъ тотъ кланяется по всѣмъ правиламъ танцевальнаго искусства.

Нина Александровна, проходя мимо Телепнева, остановилась и многозначительно посмотрѣла на него и на Темиру.

— Какъ ваша голова? спросилъ ее Телепневъ, что называется съ кондачка.

— Моя?—ничего, отвѣчала она.

— Тѣмъ спиртомъ примачиваете?

— Что это, m-g Телепневъ, вы совсѣмъ превратились въ сидѣлку.

— А развѣ это дурно?

И онъ пошелъ съ ней въ столовую, не предложивши однако руки. Темира пробѣжала мимо нихъ, спѣша къ самовару.

— Влюблены? шепнула Нина Александровна.

— Что это вы такъ часто повторяете, точно съ завистью какой.

— М-г Телепневъ!

— Право, вѣдь вы не старуха; можете, я думаю, отличить гдѣ любовь, а гдѣ нѣтъ. Или уже не можете? спросилъ онъ, подходя съ ней къ чайному столу.

— Вы, кажется, меня хотите въ конецъ разбѣсить, тихо проговорила Нина Александровна, опускаясь на стулъ.

Отъ Темиры не ускользнуло выраженіе ея лица. Она бросила на Телепнева, такъ что тетка этого не видала, очень милый, веселый взглядъ, и тотчасъ же скрыла свою голову за самоваръ.

Иванъ Павловичъ, избѣжавши когтей смерти, начиналъ уже тосковать о клубѣ, почему безпрестанно фыркалъ и отвергалъ все, что ему предлагали, и чай, и тартинки, и молоко.

— Молочка-то бы, Иванъ Павловичъ, молочка-то, подзадоривалъ Телепневъ.

Lassé de tout, même de l'esperance
Je n'irai plus de mes vœux importuner le sort.

задекламировалъ жуиръ въ отвѣтъ.

Pretez moi seulement le vallon de mon enfance,
Un asile d'un jour pour attendre la mort.

— Такъ вѣдь, Иванъ Павловичъ? подхватилъ Телепневъ.

— Да, mon cher, да, да, такъ, такъ.

— Чувствительные стихи. Я еще ихъ въ гимназiи зубрилъ....

Телепневъ вдругъ остановился, почувствовавъ на себѣ взглядъ Темиры. Онъ поднялъ голову, она дѣйствительно на него смотрѣла изъ за самовара. Взглядъ ея говорилъ: какъ вамъ не стыдно смѣяться надъ моимъ отцомъ при матери и при мнѣ?

Юлія Александровна также съежилась. Телепневъ почувствовалъ смущеніе и отвѣчалъ Темирѣ взглядомъ, который говорилъ: другой разъ ни при васъ, ни безъ васъ не будетъ.

И съ видомъ благовоспитаннаго юноши онъ началъ намазывать себѣ тартинку, вспоминая при этомъ, какъ

здѣсь же, на томъ самомъ мѣстѣ, онъ читалъ лекціи Нинѣ Александровнѣ о свободѣ англійской націи.

„Боже мой, какъ я былъ глупъ, подумалъ онъ. А мнѣ казалось тогда, что я величественецъ, и что иначе нельзя себя вести студенту, знающему всѣ формулы органическихъ радикаловъ.“

А Юлія Александровна продолжала ублажать своего Жана и сокрушалась, что ему нельзя ѣхать въ клубъ, а дома некому составить партію.

— Вы не играете въ карты, м-г Телепневъ? сладко спросила она.

— Совершенный профанъ, Юлія Александровна, имѣю самое смутное понятіе о пикетѣ.

— Эго, кажется, любимая твоя игра Jean?

— Вы олицетворенная добродѣтель, mon cher. Я удивляюсь, какъ вы курите еще сигары, вамъ бы пахитосы нужно.

— Вотъ, Jean, м-г Телепневъ, можетъ быть, составить тебѣ партію

— Неужели вы спуститесь до картъ? язвительно спросила Нина Александровна. Ваше ученое достоинство отъ этого пострадаетъ.

— Неужели вы меня все за то извите, возразилъ ей Телепневъ, что я себя неприлично велъ, мѣсяца полтора тому назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ? Я ужъ давнымъ давно раскаялся.

Взглядъ Темиры сказалъ ему въ эту минуту: и прекрасно сдѣлали.

— Какія карты, ma chère, горячился жуиръ, тутъ четверть часа не пройдетъ и все опять... начинается. Гришка! достань мнѣ изъ кабинета, на столѣ лежитъ книга, такая продолговатая.

„Ну, угостить, подумалъ Телепневъ. Будетъ, значить, отечественная или иностранная декламация.“

Юлія Александровна просіяла. Жанъ нашелъ наконецъ утѣху. Нина Александровна безъ всякой церемоніи встала и начала прохаживаться изъ столовой въ гостиную черезъ коридорчикъ.

Гришка принеси томикъ Некрасова.
Иванъ Павловичъ началъ на распѣвъ:

Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудинкой,
Я росъ средь буйныхъ дикарей
И мнѣ дала судьба, по милости великой,
Въ руководители цсарей.

N'est ce pas qu'a du nerf, mon cher? Это изъ Ларры, объяснялъ Иванъ Павловичъ аудиторіи. Только откуда же это псарито взялись. Это немножко вольный переводъ.

— Поэту все допускается. Иванъ Павловичъ.

Опять онъ почувствовалъ взглядъ Темиры, но поспѣшилъ ей отвѣтить, что никакой насмѣшки въ его словахъ не было.

Чтеніе длилось битый часъ, такъ что Теленцевъ, видя, что ему не удастся побыть съ Темирой, поспѣшилъ раскланяться, какъ только перешли всѣ въ гостиную.

— Вы не будете больше? сказала она ему, около рояля въ темнотѣ.

— Не буду. отвѣчалъ онъ и тайкомъ прикоснулся къ ея рукѣ.

Темира смѣло подняла руку и подала ему на глазахъ матери, сидѣвшей у стола.

XVI.

Дѣло о Христіанѣ Иванычѣ разыгралось очень неудачно. Всѣ пѣмцы, которыхъ онъ называлъ, отперлись, педея также дала уклончивый отвѣтъ. Начальство наконецъ объявило ему, что онъ vogelfrei, то есть можетъ отправляться на всѣ четыре стороны, замѣтивъ, конечно, что ему неблагоприятно будетъ оставаться студентомъ. Теленцевъ хлопоталъ о томъ, чтобы спарядить Христіана Иваныча въ путь и дать ему возможность поступить въ русскій университетъ. Внутренно онъ былъ радъ такому исходу, хоть и негодовалъ на пѣм-

цевъ. Христіанъ Ивановичъ, думалъ онъ, малый въ сущности способный, поневолѣ, возьмется за умъ и кончитъ курсъ, тогда какъ здѣсь онъ закись бы вѣчнымъ филистромъ и пансіонеромъ кнейпвирта Кранцберга. Онъ предложилъ подписку. Бурсаки подписали вдвое меньше, чѣмъ пропили на проводахъ Христіана Ивановича. вмѣстѣ съ Христіаномъ Ивановичемъ отправлялся въ предѣлы русскіе и Mordkerl Севрюгинъ, протестовавшій все противъ распоряженія начальства. Онъ хорохорился и клялся отыскать нѣмца Купфершмидта на днѣ морскомъ и принудить наконецъ его къ скандалу.

На проводахъ Пелазги и Эллины заключили между собой наступательный и оборонительный союзъ. Пелазги особенно старались предъ Эллинами, чувствуя свое убожество. Филистръ Лукусъ проливалъ даже горькія слезы въ пьяномъ видѣ.

— Рухнула бурсацкая жизнь, плакалъ Лукусъ, и никто ее не воскреситъ. Поцѣлуемся, Телепневъ. И за чѣмъ ты выступилъ тогда отъ насъ. Ты хотѣлъ меня мопсировать, но я не злопамятенъ. Былъ бы ты хорошій паукантъ, поддержалъ бы нашу корпорацію. Что теперь наши ребята? Все ауфлезировалось. Вы, Эллины, народъ ученый, но безъ бурсацкаго духа нельзя.

— Запоемте, господа, вскричалъ онъ, обратясь ко всей компаніи, нашу прощальную пѣсню. Насъ гонять, насъ бьютъ, уладимте слухъ нашъ бурсацкою пѣснюю.

Хоръ затянулъ:

Въ послѣдній разъ приволье жизни братской,
Друзья мои, вкушаю среди васъ.

Жалко стало Телепневу бурсаковъ. Они какъ Іудеи оплакивали свой Іерусалимъ. ¹Исчезли формы — выдохлась и жизнь! = *Amalgam der Corporationen*!

Отъѣзжающихъ провожали по дорогѣ версты полторы, все съ той же прощальной пѣсней. Даже Варцель прослезился, и цѣлуясь съ Телепневымъ, повторялъ:

— Я имъ зла не желаю.

Христіанъ Ивановичъ съ сокрушеннымъ сердцемъ покидалъ чухонскія Аѣины. Лучше жизни онъ не могъ себѣ представить, ни подъ какимъ небомъ, ни въ какой цивилизаціи. Сев-

рюгинъ былъ въ сущности очень доволенъ, что уѣзжалъ героемъ и все время оралъ:

— Дайте срокъ, я имъ задамъ феферу!

Ванечка въ первый разъ сильно подпилъ и тоже изливалъ воинственные рѣчи противъ чухонъ. Палей попѣввалъ свои хохлацкіе мотивы, но ни съ кѣмъ особенно не изливался.

Посадили изгнанниковъ въ сани, закричали имъ вслѣдъ *vi-va!* и пошли обратной дорогой въ невеселыхъ разговорахъ.

— Ну, вотъ, Палей, говорилъ дорогой Телепневъ, теперь, кажется, Пелазги поумялись.

— Толку отъ этого мало, отвѣчалъ своимъ обыкновеннымъ полунасмѣшливымъ тономъ Палей. Ужъ они кромѣ попойки ни на что неспособны, ничѣмъ ихъ не пробудишь.

— А можетъ быть. Вѣдь надоѣстъ же такъ, зря, болтаться безъ всякаго пристанища.

Онъ догналъ Лукуса и взявши его подъ руку вступилъ въ живую бесѣду

— Вы такъ и разбредетесь теперь въ разныя стороны, сказалъ онъ ему.

— Такъ и разбредемся, хныкалъ Лукусъ.

— То то, вотъ вы, Пелазги; на вильдеровъ плевали въ бы-лое время, да и теперь не хотите взяться за умъ. Посмотри—вездѣ жизнь въ русскихъ университетахъ, все кипитъ и работаетъ, а вы здѣсь кисните.

— Теперь ты можешь меня мопсировать, плакалъ филистръ, у насъ комана нѣтъ, *Faustrecht* у насъ.

— Кто тебя мопсируетъ.

— Вы, Эллины, насъ не примете, вы всѣ высокимъ слогомъ выражаетесь.

— Вамъ-то что до этого, теперь надо не врозь смотрѣть, а въ кучу.

— Что-жь, я поговорю ребятамъ.

— Нечего тутъ говорить. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Филистръ совсѣмъ раскисъ, и его нужно было вести двоимъ подъ ручки. Ванечка тоже убѣждалъ бурсаковъ, что они народы дикіе, и если не бросятъ своихъ безобразій, то всѣ исчезнутъ съ лица земли.

Палей держался въ сторонѣ и продолжалъ мурлыкать хохлацкія пѣсенки. Пьяненькій Варцель возвращался съ желтымъ, который только моргалъ.

— Я вамъ не желаю зла, нѣжно говорилъ онъ. Вы меня не любили, смѣялись надо мной, Богъ съ вами. Вы думали весь свѣтъ въ одной корпораціи,—анъ вышло не по вашему. Я въ Эллины записался и горжусь этимъ, ей Богу горжусь.

Всѣхъ Пелазговъ Телепневъ завелъ къ себѣ, за исключеніемъ филистра, котораго нужно было отвезти домой.

Съ этого дня эллинство стало преобладающимъ элементомъ.

XVII.

„Сократится опять, или не сократится?“ спрашивалъ себя Телепневъ каждый день, отправляясь въ филистерію.

А Темира продолжала держать его на мундштукъ. Ни одного ласковаго слова не услышалъ онъ отъ нее въ теченіе цѣлой недѣли. Когда Юлія Александровна начнетъ говорить ему любезныя фразы, Темира непременно вставитъ какое нибудь насмѣшливое замѣчаніе. Сядутъ они играть — Темира говорить спокойно, просто, и вдругъ встанетъ, церемонно раскланяется съ Телепневымъ и окатитъ его всего холодной водой. Онъ бѣсился, но такъ какъ все это происходило въ присутствіи маменьки, то нужно было поневолѣ мириться съ поведеніемъ неукротимой дѣвицы.

Нина Александровна объявила наконецъ день своего отъѣзда.

— Сестра ѣдетъ погостить къ роднымъ въ Петербургъ, сказывала Юлія Александровна Телепневу.

Жуиръ мычалъ и дѣлалъ какіе-то томно бараньи глаза, когда рѣчь заходила о Петербургѣ. Онъ вошелъ въ свою обычную колею, т. е. говорилъ изящной прозой, декламиро-

валъ Бодлера, пилъ зельтерскую воду съ лимономъ и отправлялся въ клубъ.

Въ день отъѣзда Нины Александровны, Телепневъ обѣдалъ у Деулиныхъ. Нина Александровна имѣла видъ великодушной женщины, приносящей жертву на алтарь отечества. Она объяснялась со всѣми односложными фразами, и въ первый разъ говорила съ Телепневымъ на тонкой деликатности.

Послѣ обѣда она отправилась укладываться въ свою комнату. Телепневъ почему-то догналъ ее.

— Что вы со мной очень торжественны на прощаньи? сказалъ онъ, останавливая ее въ столовой.

— Вамъ, я думаю, рѣшительно все равно, отвѣтила она, горько усмѣхнувшись.

— Да ужъ не говорите мнѣ язвительныхъ словъ, пожалуйста.

— Я знаю, что вы хотите сдѣлать: погладить меня по головкѣ и поблагодарить за доброе поведеніе. Вы очень рады, что я уѣзжаю?

— Что же мнѣ-то лично радоваться, прервалъ ее Телепневъ.

— Какъ что? вы останетесь на свободѣ съ одной маман, которая къ вамъ такъ благоволитъ.

— Развѣ вы думаете, что я кого нибудь боюсь; васъ, напримѣръ?

— Не будемъ перекидываться словами. Вы меня довольно бѣсили, м-г Телепневъ, но я все таки должна сказать, что вы очень милый человѣкъ.

И она присѣла.

— А вы очень умная дѣвушка, сказалъ онъ церемонно кланяясь. Но потомъ тотчасъ же перемѣнивъ тонъ, закончилъ:

— Я никогда не смѣялся надъ вами, Нина Александровна, не мучьте ужъ вы очень бѣднаго Ивана Павловича.

— Вотъ и всѣ ваши добрыя желанія; а для меня то что же?

— Мнѣ кажется, вы проживете очень хорошо, когда окончательно примиритесь сами съ собой.

— Спасибо хоть и за это. Пойду укладываться.

И повернувшись къ двери, Нина Александровна нѣсколько секундъ помедлила на одномъ мѣстѣ, потомъ еще разъ кивнула головой Телепневу и скрылась.

— Вы уж успѣли порисоваться, проговорила тихо Темира, проходя мимо Телепнева въ свою комнату.

„Развѣ я рисовался? тревожно спрашивалъ онъ себя. Почему она знаетъ; и что это за адская требовательность. Я возненавижу ее.“

Онъ любилъ ее все сильнѣе и сильнѣе, каждое ея слово было для него откровеніемъ какой-то новой науки, переворачивало весь его душевный строй, дѣлало строгимъ, безпощаднымъ къ каждой своей мысли, къ каждому побужденію.

Лошади были готовы. Юлія Александровна суетилась, жуиръ ходилъ по залѣ и мурлыкалъ французскую пѣсенку

Явилась наконецъ Нина Александровна въ дорожномъ платьѣ. Вышла и Темира. Всѣ присѣли. Началось цѣлованье. Жуиръ меланхолично облобызалъ свою *belle soeur*.

— Прощай, Нина, прощай; не знаю, когда увидимся, не заживайся долго.

„Экая скотина, думалъ Телепневъ, и тутъ-то не могъ удержаться.“

Юлія Александровна проследилаась.

— Право, какъ ты поѣдешь одна, говорила она, дорога дурная. Ты хоть бы подождала, когда Jean....

— *Ma chère*, Богъ знаетъ, я, кажется, закисну въ этой мушѣ.

„Насѣдка-то о чемъ плачетъ,“ спрашивалъ Телепневъ.

Темира стояла блѣдная. Телепневъ видѣлъ, какъ пріятна ей эта сцена.

— Прощай, Темира, сказала Нина Александровна, подходя къ племянницѣ и протягивая ей руку Мы, можетъ, долго не увидимся.

„Не заплачетъ,“ подумалъ Телепневъ.

Темира пожала руку теткѣ и поцѣловала ее.

— Не нужно ли тебѣ чегонибудь изъ Петербурга, ноть какихънибудь?

— Ничего, *ma tante*, здѣсь все есть.

„Выдержала,“ сказалъ про себя Телепневъ.

— Прощай, ~~ma chère~~, прощай, бормоталъ жуиръ. Пожалуйста, пиши, что ~~тамъ~~. Мы здѣсь такъ засидѣлись.

Онъ еще разъ меланхолично облобызалъ свою *belle soeur*

Юлія Александровна еще разъ немножко прослезилась и всѣ спустились внизъ.

— Зачѣмъ же вы идете? спросилъ насмѣшливо Телепневъ Темиру.

— Для папан, отвѣтила она и такъ на него посмотрѣла, то онъ вознегодовалъ, но умолкъ.

Жуиръ завалился спать. Темира ушла заниматься. Нечего дѣлать, Телепневъ долженъ былъ для контенансу посидѣть съ Юліей Александровной.

— Ахъ, м-г Телепневъ, застонала она. Очень тяжело мнѣ иногда. И жалко мнѣ сестру; она такая возвышенная дѣвушка, но судьба ея не устроилась. Мы когда-то съ ней были очень дружны и, можетъ быть, я виновата въ томъ, что эта дружба не осталась такой теплой. Но все-таки въ нашемъ домѣ она всегда была окружена любовью и вниманіемъ. Jean отдавалъ ей всегда глубокое уваженіе, онъ любитъ ее какъ родную сестру.

Телепневъ въ упоръ смотрѣлъ на Юлію Александровну, а она все приподнимала брови и впадала въ паеосъ.

— Я сознаю, м-г Телепневъ, что Нина гораздо умнѣ меня, у ней больше талантовъ.

— Почему жъ вы такъ думаете? замѣтилъ Телепневъ.

— О, я въ этомъ увѣрена. А Jean такъ добръ, вдругъ начала ни съ того ни съ сего Юлія Александровна, у него такое прекрасное сердце. Вы сами видите, м-г Телепневъ, какъ онъ молодъ душой. Онъ любитъ все возвышенное, любитъ поэзію. Ему нѣтъ настоящей дѣятельности. Служить онъ не захотѣлъ.

„И съ храбростью его, съ талантомъ

Когда-бы службу продолжалъ

Навѣрно былъ-бы онъ московскимъ комендантомъ,“

мысленно прибавилъ Телепневъ.

— Онъ, конечно, скромнѣе, продолжала Юлія Александровна въ лирическомъ тонѣ, онъ не показываетъ всѣхъ своихъ талантовъ, но я скорблю душой, что иногда не могу его оживить и поддержать.

„Господи Боже мой, думалъ Телепневъ, вотъ медоточивая-

то струя. Вѣдь можетъ же супружеская любовь доходить до такого безобразія!“

И такимъ-то аллюромъ изливалась Юлія Александровна все время, пока Темира сидѣла у себя въ рабочей комнатѣ, а неуяснившій свое призваніе жуиръ сапѣлъ на турецкомъ диванѣ.

Жуиръ, возставъ отъ сна, напившись зельтерской воды, уѣхалъ тотчасъ же въ клубъ. Телепневу сдѣлалось очень жутко. Онъ предчувствовалъ, что не удастся ему поговорить съ Темирой.

„Заведу я, по крайней мѣрѣ, съ ней при матери какой-нибудь индифферентный разговоръ.“

Она явилась предъ самымъ чаемъ.

— Что вашъ Игнаціусъ? спросилъ онъ ее у стола при маменькѣ.

— Онъ ходитъ ко мнѣ теперь рѣдко, разъ въ недѣлю, отвѣтила Темира, отыскивая свою работу.

— А что же такъ?

— Занимается своей диссертацией. Онъ будетъ ее скоро защищать.

— Вы знаете его исторію? спросилъ Телепневъ, обращаясь болѣе къ Юліи Александровнѣ.

— Какже, *le pauvre homme*, онъ такой славный, и его, кажется, ужасно тѣснятъ.

— Да, онъ давно докторъ, извѣстенъ множествомъ открытій, а его заставляютъ держать на магистра, а иначе не хотятъ сдѣлать исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора. Вы кончаете съ нимъ? обратился онъ къ Темирѣ.

— Кончаю.

— Прости всю естественную исторію?

— Вы меня, кажется, экзаменуете, м-г Телепневъ? Я знаю, что вы очень учены, поэтому вы со мной лучше не говорите о наукахъ.

— Отчего же? Если вы дѣйствительно интересуетесь естествознаніемъ, мы могли бы съ вами вступить въ долгія бесѣды.

— Въ самомъ дѣлѣ, дитя мое, запѣла Юлія Александровна, ты могла бы многимъ воспользоваться отъ м-г Телепнева.

— Я, маман, хорошенько не знаю и того, чему меня учили.

— Ну, вотъ я вамъ помогу

— Благодарю васъ, я постараюсь одна.

И дѣвушка замолкла.

„Господи, зачѣмъ она такъ изломала себя!“ думаль Телепневъ почти со слезами на глазахъ.

Онъ еле высидѣлъ за чаемъ и тотчасъ же сталъ раскладываться. Въ коридорчикъ его остановила Темира

— Зачѣмъ вы себя такъ гадко ведете? сказала она ему.

— Я?

— Разумѣется. Вы задѣваете мое самолюбіе затѣмъ только, чтобы порисоваться.

— Нѣтъ, рѣзко отвѣтилъ Телепневъ, я хочу быть съ вами, вмѣстѣ заниматься, знать, что вы учите, о чемъ вы думаете, вотъ вся моя вина.

— Зачѣмъ вамъ быть моимъ менторомъ?

— А другомъ, нельзя?

— Друзья такъ не тонируютъ.

— Ваши друзья никогда не могутъ быть просты, потому что вы взвѣшиваете каждое слово и мучите ихъ своею требовательностію.

— Не правда.

— Правда! вскричалъ Телепневъ.

— Ха, ха, ха! разразилась Темира, у васъ никакого характера нѣтъ. И съ этимъ словомъ она убѣжала въ гостиную.

Цѣлый адъ привезъ съ собой Телепневъ домой. Онъ и рвалъ и металъ; швырялъ свои книги и препараты.

— Работать надо, а не нѣжничать. Шесть недѣль до экзаменовъ, а я разводы развожу

Сѣлъ онъ къ столу, схватилъ первую попавшуюся химію и ну катать вслухъ. Но не долго продолжалось чтеніе, и въ головѣ сидѣла Темира, и въ сердцѣ Темира, и въ глазахъ Темира.

— Господи, какъ я ее люблю! вскричалъ онъ. Долго ли же она будетъ со мною такъ?!

И началъ онъ думать, думать. И всѣ его планы, соображенія, надежды, все это тѣснилось около одного дорогаго образа.

„Засяду за химію, думалъ онъ, экзаменъ сдамъ къ маю, скажу ей въ послѣдній разъ — да или нѣтъ. Отъ нея все будетъ зависѣть. Но она должна быть моею. Уѣдемъ за границу, будемъ вмѣстѣ работать для одной общей цѣли!“

Онъ, дѣйствительно, засѣлъ. Ему предстоялъ *rigorosum* изъ всѣхъ химическихъ предметовъ; изъ такихъ химій, какія только существуютъ на свѣтѣ божіемъ. Нѣсколько дней онъ не показывался въ филистеріи. Проходя изъ лабораторіи по университетскому корридору, онъ увидалъ на черной доскѣ прибитый печатный билетикъ: „Zur feierlichen *Magister*-Disputation des Herrn *Doctor* ~~George Ignatius~~ laden ergebenst ein Decan und Mitglieder der physisch-matematischen Fakultät.“

„Надо пойти, подумалъ онъ. Можетъ быть и она будетъ.“

Онъ зналъ, что на нѣкоторыхъ промоціяхъ бывають дамы.

По этому поводу, придя домой, онъ весь вечеръ продумалъ о Темирѣ, а страница агрономической химіи о „*Patent-Dünger*“ такъ и осталась непрочитанной.

Да, не испыталъ еще Телепневъ такой страсти. Это была не юношеская получувственная горячка, охватившая его въ большомъ дикомъ домѣ, не селадонство чичисбея татарской львицы. Образъ дѣвушки стоялъ передъ нимъ строгій, требовательный, карающій, неотразимо-прекрасный. Отъ нея онъ не ждалъ сладкаго, примирительнаго, убаюкивающаго чувства Софьи Николаевны. А воспоминаніемъ объ Ольгѣ Николаевнѣ онъ даже не хотѣлъ марать свое преклоненіе предъ чистымъ существомъ Темиры. Всѣми фибрами чувствовалъ Телепневъ, что съ этой дѣвушкой нельзя ему разстаться, что съ ней приходитъ и свѣтъ, и радость и одушевленіе, что ей по силамъ будетъ всякій подвигъ, всякое состраданіе здоровымъ, жизненнымъ, прекраснымъ цѣлямъ. Онъ смирялся, онъ забывалъ о себѣ, онъ не хотѣлъ являться передъ ней героемъ, наставникомъ, просвѣтителемъ; онъ жаждалъ только *одного* слова. Онъ глубоко вѣровалъ въ превосходство ея одаренной натуры.

XVIII.

Въ университетѣ диспуты обыкновенно начинались въ одиннадцатомъ часу. Сперва до отправленія въ актовую залу, деканъ, опоненты и всѣ знакомые студенты и профессора, приглашенные диспутантомъ, собирались въ дежурной комнатѣ, помѣщавшейся около швейцарской. Тамъ стоялъ всегда завтракъ, стоившій съ незапамятныхъ временъ сорокъ рублей серебромъ. Каждый диспутантъ заказывалъ его у кондитера на Ritterstrasse. Служитель Кизанъ всегда исполнялъ роль официанта на этихъ ученыхъ завтракахъ, въ бѣломъ жилетѣ и такомъ же галстукѣ. На столѣ, посрединѣ закусокъ, возвышалась пирамида изъ печенья и конфектъ, по четыремъ угламъ — бутылки съ рейнвейномъ, назначенныя къ распитію по окончаніи диспута. Деканъ и опоненты выпиваютъ по рюмкѣ краснаго вина, закусываютъ чѣмъ нибудь, и помявшись около стола въ своихъ мундирахъ и бѣлыхъ галстукахъ, отправляются наверхъ.

Телепневъ пришелъ въ университетскую залу до начала диспута. Студентовъ собралось очень много. Сбоку около кафедръ сидѣло нѣсколько дамъ. Онъ быстро взглянулъ туда, но Деулиныхъ не было. Между студентами шли оживленные разговоры. Почти всѣ держали въ рукахъ книжечки. Этотъ диспутъ возбуждалъ общій интересъ. Студенты любили Игнаціуса и сочувствовали его постоянной вознѣ съ господствующей теологической партіей. Бурсаковъ, конечно, не было. Собирались Палей и Варцель, но занятые зубреніемъ — не пришли. Телепневъ пробрался назадъ и сѣлъ на окно противъ самой кафедры. Стулья стояли полукружіемъ. Первый рядъ — кресла — оставался пустымъ. Педеля не позволяли студентамъ садиться на кресла — первый рядъ былъ предназначенъ для куратора, ректора, профессоровъ, именитыхъ гостей и дамъ. Народъ все прибывалъ. Но вотъ показалось въ дверяхъ лиловое платье. — Телепневъ вскочилъ. Юлія Александровна выступала очень нарядная, въ горностаевой

мантильи; а за ней бѣлое буа и шляпка съ розаномъ. У Телепнева всѣ поджилки затряслись.

Педелъ провелъ Деулиныхъ поперегъ всей залы и пригласилъ ихъ сѣсть по правую руку отъ каѳедры. Телепневъ тотчасъ же зашелъ сзади во второй рядъ, приблизился къ нимъ съ боку, сталъ у колонны и раскланялся.

— Ахъ, м-г Телепневъ, заговорила Юлія Александровна, не грѣхъ вамъ, вы насъ совсѣмъ забыли.

Темира, искавшая глазами Телепнева съ самаго входа въ залу, быстро обернулась.

— Bon jour, сказала она ему, противъ обыкновенія, по французски

— А Jean уѣхалъ вчера.

— Какъ, уже?

— Да. И Юлія Александровна меланхолически сжала свои губки. Я очень рада за него; онъ немножко хандрить, а Петербургъ его всегда освѣжаетъ.

„Полагаю!“ подумалъ Телепневъ.

— Cet excellent m-г Ignatius nous a engagé à sa promotion, пропѣла она оглядываясь на нѣмцевъ. Я его очень люблю, и Темира хотѣла посмотрѣть на ученое торжество.

Темира отвернулась.

„Отвертывайся, подумалъ Телепневъ. Я тебя ждалъ, значитъ ты хотѣла пріѣхать.“

— C'est du Chinois pour moi, продолжала Юлія Александровна, но Темира, кажется, читала.

Въ эту минуту вошла процессія. Именитыя лица и гости начали размѣщаться по кресламъ, деканъ влѣзъ на верхнюю каѳедру, три оппонента сѣли противъ нея.

Телепневъ зашелъ во второй рядъ и помѣстился какъ разъ позади кресла Темиры.

— Вотъ видите, тихо заговорилъ онъ, вы умѣете только обижаться, а если-бъ вы со мной говорили когда нибудь одѣлѣ, мы съ вами прочли бы вмѣстѣ диссертацию и вамъ понятнѣе стало бы, что здѣсь будутъ говорить.

Темира пожала плечами.

— Очень вамъ хочется попрофессорствовать? спросила она.

— Посидѣть въ вашей комнатѣ хотѣлось бы, отвѣтилъ онъ. Она покраснѣла.

— Dr. Georg, Carl, Gustaw Ignatius, загудѣлъ съ своей вышки деканъ, ist im Jahre 1862 geboren.

И пошла казенная исторія ученой дѣятельности диспутанта, которую, разумѣется, никто не слушалъ.

— Зачѣмъ это онъ читаетъ? спросила Темира.

— Это называется Curriculum vitae.

— Я не понимаю по латини.

— Очеркъ его ученой жизни.

— Я слышу только одни числа и года.

— На томъ извините.

— Qu'est-ce qu'il lit, mon enfant? спросила Юлія Александрова.

— Curriculum vitae, повторилъ Телепневъ. — Очеркъ его жизни.

— Ça doit être interessant.

Телепневъ ожидалъ съ нѣкоторымъ интересомъ начала диспута. Присутствіе Темиры волновало его, и вмѣстѣ подзадоривало его ученое самолюбіе. Всѣ диспуты—большую частію медицинскіе—на какихъ онъ бывалъ въ этой залѣ, отличались крайней безцвѣтностью; оппоненты бормочатъ по латини, докторантъ отвѣчаетъ — mihi videtur и concedo tibi, среди всеобщей страшнѣйшей скуки и зѣвоты. Оппонентами были профессоръ Шульцъ, профессоръ ботаники, лысенькій, небольшой старичокъ и приватъ-доцентъ сравнительной анатоміи, долгоносый нѣмецъ въ очкахъ, только что вернувшійся изъ Гейдельберга. Диссертация была по палеонтологіи. Шульцъ заговорилъ такъ скоро, что ни слушатели, ни диспутантъ, ни деканъ, ничего ровно не понимали. Игнаціусъ стоялъ опершись о кафедру и добродушно ухмылялся. Возражать профессору Шульцу онъ считалъ излишнимъ, ибо никакой не предвидѣлось возможности вставить слово въ его вязкую рѣчь. Съ ботаниковъ Игнаціусъ пробавлялся шуточками. Въ нихъ было видно двухъ старыхъ, университетскихъ пріятелей, которые для исполненія академическаго ритуала шалдашничаютъ, какъ выражаются бурсаки.

— Неужели это ученый споръ? спросила Темира Телепневъ.

— Какъ видите. А вы развѣ хотѣли, чтобы они порисовались передъ вами?

— Нѣтъ, я дожидаюсь, когда вы покажете вашу ученость; вы вѣрно будете оппонировать?

— Непремѣнно, отвѣчалъ со злостью Телепневъ.

Заговорилъ привать-доцентъ, сухая нѣмчура, преисполненная самодовольства. Онъ изъ Гейдельберга привезъ тупую цѣховую подученость и желалъ подкосить на диспутѣ популярность Игнаціуса.

Высокій лобъ и умные нѣмецкіе глаза диспутанта зашевелились. На губахъ всплыла презрительная улыбка, онъ приставилъ ладонь къ лѣвому уху и сморщившись слушалъ оппонента, какъ слушаютъ нелѣпо-затверженный урокъ школьника. Когда привать-доцентъ вытрясъ всю свою ученость, пришилилъ къ своей рѣчи всѣ мелкія придирки тупаго классификатора—Игнаціусъ немного помолчалъ и, оглянувъ всю аудиторію, своимъ нѣсколько глухимъ и отрывистымъ голосомъ сказалъ:

--- *Gedulter Collega!* Если бы вы подавили меня и всѣхъ присутствующихъ здѣсь меньшимъ арсеналомъ знаній, я бы очень удивился; *aber Sie haben den ganzen Tschomodan ausgepackt.*

Студенты захохотали.

— Чѣмъ хуже и скорѣе кто жуетъ пищу, тѣмъ больше ея извергаетъ...

Привать-доцентъ позеленѣлъ.

Игнаціусъ, начавши этимъ предисловіемъ съ ѣдкой, неумолимой послѣдовательностью началъ поражать каждое мнѣніе новоиспеченнаго схоласта и раскрылъ въ блистательномъ обращеніи къ слушателямъ всю широту и ясность своихъ научныхъ воззрѣній. Лица оживились, исключая нѣкоторыхъ париковъ.

— Какой онъ славный, сказала Темира, обертываясь къ Телепневу своимъ просіявшимъ лицомъ. Я жду васъ завтра.

Телепневъ, обрадованный этимъ приглашеніемъ, окинулъ всю залу довольнымъ взглядомъ и почти вслухъ разсмѣялся, смотря какъ деканъ и оппоненты подошли къ Игнаціусу и начали съ нимъ лобызаться. Особенно курьезенъ былъ поцѣлуй долгоносаго привать-доцента.

— Зачѣмъ онъ цѣлуется съ Игнаціусомъ? проговорила Темира, выйдя въ коридоръ; вѣдь онъ бы его растерзалъ, еслибъ могъ.

— Такъ слѣдуетъ по уставу. Въ жизни на каждомъ шагу такъ цѣлуются.

— И вы цѣловали кого-нибудь, по принужденію?

— Въ дѣтствѣ, покойную бабушку Пелагею Сергѣевну, отвѣтилъ Телепневъ, подавая салопъ Темирѣ. А завтра не будетъ сокращеній? прибавилъ онъ тихо.

— Не будетъ, весело сказала она, и хорошо улыбнулась.

XIX.

Вечеромъ, въ филистеріи, Юлія Александровна сидѣла на своемъ мѣстѣ у стола и вздыхала объ Иванѣ Павловичѣ. Темира возлѣ нея съ книгой.

„Хорошо ли доѣхалъ, думала Юлія Александровна. Желудкомъ бы не разстроился. Нина ничего не пишетъ. *По-идетъ ли онъ къ ней*“...

И лицо насѣдки затуманилось, она болѣзненно приподняла брови и звонко вздохнула

— Что это ты такъ вздыхаешь? спросила Темира.

— Думается мнѣ, дитя мое, какъ доѣхалъ рара...

— Ахъ, душенька, прекрасно доѣхалъ.

Пауза.

— Маман, начала Темира, строго взглянувъ на мать, тебѣ не будетъ непріятно, если я чаще стану говорить съ Телепневымъ?

— Нѣтъ, дитя мое, напротивъ.

— Ты, пожалуйста, не волнуйся, не стѣсняй меня. Я должна быть убѣждена, что ты ничего не имѣешь противъ моего сближенія съ нимъ.

— Только, разумѣется, дитя мое...

— Я знаю, маман, въ чемъ состоитъ это—разумѣется. Я, маман, не привыкла къ общимъ разговорамъ, и когда Телепневъ сдѣлаетъ мнѣ какой нибудь вопросъ при тебѣ, я не умѣю ему отвѣчать.

— Это не хорошо, мой другъ. Отъ этого у насъ, между русскими, нѣтъ никогда общаго разговора.

— Благодарю тебя, маман, сказала съ удареніемъ Темира, встала и поцѣловала Юлію Александровну въ лобъ.

— Ты спать?

— Да, немного позаймусь. Устала я что-то сегодня...

У себя въ спальнѣ Темира долго лежала съ памятной книжкой.

„Еслибъ маман, писала она, не захотѣла моего сближенія съ нимъ, все равно, я рѣшила *подойти* къ нему и хорошенько его разглядѣть. Онъ говоритъ, что я все *сокращаюсь*. Когда я смѣюсь надъ нимъ, или говорю съ нимъ сухо, это очень сильно на него дѣйствуетъ, такъ сильно, что мнѣ послѣ дѣлается стыдно. Но, ей-Богу, я его не дразню, я только требую отъ него больше, чѣмъ отъ другихъ. Онъ *славный*. Мнѣ кажется, что еслибъ теперь онъ и оттолкнулъ меня, то все-таки я бы хотѣла хорошо его знать. Я почти увѣрена, что онъ совсѣмъ не хуже, чѣмъ кажется. Большихъ подробностей не нужно, а *такъ*, чтобъ видѣнъ былъ человѣкъ. Я часто сижу далеко отъ него; а чувствую его взглядъ. Мнѣ бываетъ *тепло* и тогда даже, когда онъ вспылитъ и прикрикнетъ на меня. *Въ немъ ли это, или во мнѣ?*“

Темира заснула скоро. Сейчасъ же стали передъ ней разныя видѣнія. Душно, жарко ей сдѣлалось, широко разметалась она по своей бѣлой кроваткѣ. Грезы сперва смутныя, но тревожныя и жгучія подымали ея грудь и задерживали дыханіе. Но вотъ она гдѣ-то, не то въ саду, не то въ какой-то нишѣ. Сквозь трепещущія вѣтви широколиственныхъ растений проглядываетъ странный, красноватый свѣтъ. Передъ ней близко, близко стоитъ *онъ*. У него длинные волосы. Своими синими глазами онъ ласкаетъ ее.

— Ты моя, говоритъ онъ, и отсюда никуда не убѣжишь!

— Убѣгу на Домъ, отвѣчаетъ Темира.

— Я и тамъ тебя отыщу, говоритъ Телепневъ и кладетъ

ей руку на плечо; она вся вздрагиваетъ. Я тамъ тебя увидалъ дѣвочкой, тогда ты сказала, что я вовсе не страшень, а теперь ты боишься меня и любишь меня.

— Нѣтъ. отвѣчаетъ Темира, я никого не боюсь и люблю тебя, когда ты мнѣ скажешь, что я такое?

— У меня нѣтъ словъ, отвѣчаетъ онъ, у меня есть только поцѣлуй. Онъ наклоняется къ ней и начинаеть страстно ласкать.

— Ай! кричить Темира и просыпается.

— Дитя мое, раздаётся надъ ней голосъ Юліи Александровны, что съ тобой, ты говоришь вслухъ, что тебя пугаетъ?

Темира открываетъ свои большіе глаза и силится рассмотреть въ полусвѣтѣ спальни: кто стоитъ передъ ней. Она вся дрожитъ, она готова вскочить съ кровати и бѣжать отъ призрака.

— Это я, Темира.

— Ахъ, маман! что ты, душенька?

— Я услышала твой голосъ и крикъ. Знаешь что Темира, лягъ ты на правый бокъ и прочти молитву...

— Какую? спрашиваетъ въ полузабытѣ Темира.

— Отче нашъ прочти. На вотъ тебѣ водицы испить.

Темира испила водицы, машинально перекрестилась, легла на правый бокъ и заснула, какъ убитая, подложивъ подъ голову маленькую подушечку, обшитую кружевомъ.

Утромъ, Темира покраснѣла и даже схватилась обѣими руками за лицо, вспоминая свой сонъ. Она смутно припомнила, что ночью Юлія Александровна стояла у ея кровати и подавала ей пить.

— Что ты, дитя мое, какъ себя чувствуешь? спросила маменька, войдя къ ней въ комнату раньше обыкновеннаго.

— Прекрасно, душенька, а что?

— Ты дурно спала...

Темира опять немножко зарумянилась. Играла она до объѣда съ какимъ-то особымъ нервнымъ оттѣнкомъ, а послѣ объѣда, когда Юлія Александровна удалилась писать къ Жану, заходила вдоль оконъ, прислушиваясь къ малѣйшему звуку.

Въ окна чуть-чуть мерцала бѣлая полоса снѣжнаго поля.

Но вотъ, вправо, изъ аллеи, спускавшейся на улицу, послышалось что-то. Темира плотно приложилась къ окну. Сани визжали полозьями по снѣгу.. она отскочила, и тотчасъ же присѣла къ роялю. Аккордъ, другой, третій. Большая пауза. Звонокъ внизу. Нѣсколько тревожныхъ аккордовъ. Легкій шумъ и быстрые шаги по лѣстницѣ. Громкое и порывистое *allegro* Шаги ближе, въ передней, въ коридорчикѣ... *allegro* все шумнѣй и шумнѣй. Кто-то остановился на порогѣ. Пальцы такъ и бѣгали..

— Здравствуйте, Темира, раздался наконецъ тихій голосъ.

— Ахъ! и пальцы перестали бѣгать.

— Ваша фантазія? спросилъ Телепневъ.

— Моя, чуть слышно отвѣтила Темира и, обернувшись лицомъ къ Телепневу, подала ему руку. Взглядъ ея говорилъ: эта фантазія называется ожиданіе...

Онъ припалъ губами къ рукѣ.

— Подите-ка сюда, сказала Темира, вставая, и повела его къ столу. Мамап пишетъ письма, а мы на свободѣ потолкуемъ

Она сѣла въ кресло и посадила противъ себя Телепнева.

— Ну, познакомимтесь, проговорила она. Вы хорошій человекъ, вѣрю; только перестаньте думать, что я къ вамъ придираюсь.

— Вы не придираетесь, но вы дикая особа.

— Прежде всего я вотъ вамъ что скажу: вы избалованы любовью. Я васъ въ шутку назвала *irresistible*, и часто вы дѣйствительно себя такъ ведете; а это очень гадко.

— Можетъ быть, сказалъ Телепневъ и задумался. Я слишкомъ рано началъ любить.

— Какъ?... Темира не договорила своей фразы и покраснѣла.

— Я не стану рисоваться передъ вами, сказалъ Телепневъ, не поднимая на нее глазъ. Меня любила женщина слишкомъ страстная, слишкомъ нетребовательная. Но она была хорошая женщина, Темира.

— Да. Но вѣрно она вамъ все отдавала, а вы ей очень мало

— Можетъ быть, можетъ быть, повторилъ онъ, все бо-

лѣе и болѣе смущаясь. Я краснѣю за многое. Особенно годъ моей жизни въ К. — постыдное время. Я могъ такъ упасть, что отъ скуки игралъ въ любовь. Безъ отвращенія я и теперь не могу объ этомъ вспомнить.

— Ну да, ну да, спокойно говорила Темира. Я сейчасъ увидала, что вы много уже пережили, избаловали себя. Вѣдь вы большой баринъ. И я это вижу лучше чѣмъ кто другой.

Онъ взялъ ея руку.

— Не щадите меня. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я ни отъ кого не слыхалъ ни одного рѣзкаго слова. Я думалъ, что выработалъ себѣ характеръ, сдѣлался серьезнымъ человекомъ, чуть не ученымъ. А теперь я вижу, что я ничего не знаю, что взглядъ мой на жизнь узокъ, побужденія эгоистичны, цѣли мелки.

— Не говорите о себѣ, прервала его Темира, дайте мнѣ говорить о васъ. Вотъ вы меня встрѣтили и сейчасъ подумали: а, глупая дѣвчонка, набитая всякимъ вздоромъ, надо ей показать, какое она ничтожество.

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Ну, чтонибудь въ этомъ родѣ. Разовьемъ предъ ней теорію англійской свободы, а если она немножко намъ понравится, — Темира опустила глаза, — приблизимъ къ себѣ, можемъ ее развить немножко, порисуемся передъ ней, великодушно отдадимъ ей частичку своего образованія — такъ-то; пожалуй, и свои симпатіи.

— Попадите.

— Всего этого не было, конечно, но такъ кусочками навѣрно было. И еслибъ вы продолжали въ такомъ вкусѣ — я бы васъ возненавидѣла. Теперь уже я не стыжусь моей слабости, тихо промолвила она, вы умѣли подойти ко мнѣ въ тяжелую минуту. Но не думайте, что я способна только плакать и жаловаться. Нѣтъ, Борисъ, я также хочу жить и, можетъ быть, больше чѣмъ вы. Горько мнѣ, обидно за другихъ — я вся вскиплю. Но я не исправлю людей.

— Вамъ все также холодно? спросилъ Телепневъ.

— Не легко мнѣ вамъ отвѣчать. Но вы славный, рисоваться не будете. Мнѣ уже не такъ холодно.

— Значитъ, вскричалъ Телепневъ, теперь можно проститься съ старымъ.

— Нѣтъ, проститься нельзя со всѣмъ, и во мнѣ будетъ старое и въ васъ. Въ васъ — баринъ, во мнѣ — дикая особа, какъ вы сказали.

— А исправлять другъ друга? тихо спросилъ Телепневъ.

— Опять претензія.

— Да вы же меня исправляете.

— Не знаю, я этого вовсе не желаю. Я только требовательна къ вамъ, а вы будьте ко мнѣ. Мамап теперь дала мнѣ свободу, вы можете говорить со мной, когда вы хотите, разумѣется здѣсь, а не у меня въ комнатѣ.

— Ну, а нельзя будетъ мнѣ, спросилъ кротко Телепневъ, дѣлать вамъ вопросы о вашихъ занятіяхъ?

— Менторствовать?

— Да нѣтъ же, Темира, вмѣстѣ читать.

— Нѣтъ, вы слишкомъ учены для меня. Повѣрьте, у меня учителя хорошіе, все зависитъ отъ себя самой. Я бы хотѣла учиться еще годъ или даже другой, какъ маленькая. Вѣдь вы уже больше ихъ не знаете?

— Но книги, Темира, выборъ книгъ.

— То есть вы желаете, чтобы я читала то, что вамъ нравится.

— Какъ это можно. Я хотѣлъ бы только дѣлиться съ вами. Я теперь выписываю много журналовъ. Появляются очень хорошія статьи. Отчего же вамъ не читать многія изъ нихъ?

— Отчего не читать, отвѣтила Темира, только, пожалуйста, не занимайтесь вы моимъ развиваніемъ. Скажите мнѣ просто: такая-то статья мнѣ нравится; заинтересуюсь я—прочту, а нѣтъ—такъ чтожь за бѣда.

— Есть ли у васъ любимый авторъ, любимый поэтъ?

— Вотъ вы опять. Нѣтъ, право, вѣрно васъ ктонибудь развивалъ, вы точно изъ книжки говорите. Ну, какой еще у меня можетъ быть любимый поэтъ; мнѣ до прошлаго года только англійскія дѣтскія книжки давали.

— Не можетъ быть.

— Очень можетъ быть, коли я вамъ говорю.

— Ну, а теперь-то?

— Теперь я читаю, или лучше сказать, причитываюсь.

— Бѣлинскаго принести вамъ?

— Вотъ я такъ и знала, что вы Бѣлинскаго мнѣ предложите. Мнѣ кажется это мода.

— Какая же мода, Темира, помилуйте. Я сидѣла три года въ лабораторіи, думала, что вся премудрость въ однихъ естественныхъ наукахъ, и когда полгода тому назадъ я взяла въ руки эти вдохновенныя страницы, на меня пахнуло другимъ воздухомъ, другой жизнью, а вы говорите мода.

— Ну, не сердитесь. Я вѣдь и сама васъ обо многомъ буду спрашивать. Только не подавляйте меня вашей ученостью. Мнѣ очень хочется читать. А все-таки поучиться нужно. Вѣдь правда?

— Вы умница, вскричалъ Телепневъ и началъ цѣловать ея руку.

Она отдернула.

— Что вы? Вотъ видите, какой вы баричъ. Я вамъ сказала, что вы можете со мной свободно говорить, а вы сейчасъ... Вѣдь еслибъ *татап* вошла въ эту минуту — она бы огорчилась. А я бы не умѣла васъ оправдать, да и не захотѣла бы.

— Виновать, шепталъ Телепневъ.

— Я буду имѣть свободу, когда мнѣ нужно. Но о семействѣ не говорите лучше со мной, Борисъ. Когда нельзя чего нибудь людямъ сдѣлать, измѣнить дурныя вещи, гадко толковать... точно сплетничаешь.

— Это правда.

— Вамъ я благодарна, очень благодарна, и она подала ему руку. Вы немножко не совсѣмъ такъ дѣйствовали, очень ужъ что-то свободно и смѣло, по барски, прибавила она усмѣхнувшись; но все-таки хорошо. И такъ, мы не будемъ касаться этихъ больныхъ вещей. А лучше вотъ я вамъ сдѣлаю экзаменъ. Вы что-то мнѣ упомянули разъ о вашей бабушкѣ; расскажите мнѣ ваше дѣтство.

— Я боюсь, Темира, вы скажете, что я рисуюсь. Мое дѣтство было не веселое — лучше оставить это до другаго раза.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу теперь.

Телепневъ, не вдаваясь въ подробности, рассказалъ ей исторію большаго дикаго дома.

Содрогнулась Темира.

— Какой смертью отзывается этотъ вашъ большой домъ. Неужели онъ существуетъ?

— Стоить все на томъ же мѣстѣ.

— Такъ всѣ и умерли?

— Да, Темира.

— Вѣдь это судьба. А можетъ быть они умерли оттого, что вы ихъ мало любили?

Телепневъ задумался.

— Какъ мнѣ жаль Маши, тихо говорила Темира. Кто же была ваша первая любовь? Неужели Софья Николаевна? и она во всѣ глаза на него посмотрѣла.

— Да, чуть слышно отвѣтилъ Телепневъ.

Долго тянулась пауза. Темира вся потупилась и даже закрыла лицо руками.

— Вы меня будете презирать? спросилъ онъ.

— Презирать,—нѣтъ, не за что. Это такъ странно, такъ... но оно должно было случиться. Она—красавица, вы—и Темира не договорила, только посмотрѣла на Телепнева. Но я вамъ прямо скажу, Борисъ—я васъ обвиняю. Вы любили себя больше, чѣмъ всѣхъ ихъ. Отъ этого вамъ и не нужна была жизнь ни вашей тѣти, ни этой славной Маши. Вотъ онѣ и умерли, и смерть ихъ показала, каково человѣку, который не дорожилъ ихъ любовью.

— Это жестоко, что вы говорите!

— Оно правда, правда, горячо возразила дѣвушка. А потомъ вы остались одни, начали хандрить, вонъ даже отъ хандры играли въ любовь, какъ сами признаетесь. А потомъ нѣмцы, книги и университетъ?

— Да, Темира.

— Этого мало, Борисъ.

— Я самъ чувствую что мало.

— Очень, очень, мало.

— Я это сознаю. Я уже говорилъ вамъ, что сбросилъ съ себя эту односторонность; хочу жить полно, создать себѣ не одни умственные интересы.

— Ахъ, это все не то, Борисъ, надо просто больше любить людей, больше для нихъ дѣлать. Я знаю, что во мно-

отрезвленнымъ. но настоящимъ, не официальнымъ почтеніемъ своихъ товарищей по наукѣ.

Особенно жалко было смотрѣть на семейство Игнаціуса и думать, что ученая слава покойнаго и его доброе имя не спасутъ ихъ отъ ѣдкой, назойливой нужды.

Послѣ старлчка ботаника привсталъ одинъ изъ таларовъ, университетскій проповѣдникъ, также сѣденькій, точно фарфоровый старикашка. тотъ самый, котораго Телепневъ увидалъ въ первый разъ на университетскомъ подѣздѣ, когда на другой день по прибытіи въ Д. пошелъ осматривать городъ. Неслышными, скользящими шагами подползъ теологъ въ своей евангелической робѣ къ кафедрѣ и, юркнувши въ нее поднялъ надъ пупитромъ свое розовое, улыбающееся пасторской улыбкой лицо.

Самый всходъ этого проповѣдника на кафедру и взглядъ-обращенный имъ къ аудиторіи, сильно не понравился Телепневу и, вѣроятно, половинѣ всѣхъ остальныхъ студентовъ.

Мягко, но съ особымъ діалектическомъ вывертомъ заговорилъ ученый теологъ, оттягивая слова и переходя изъ одной искусственной интонаціи въ другую. Рутинной и бездушіемъ запахло начало его надгробнаго слова. Но вслѣдъ за предисловіемъ появились теологическія шпильки и язвительные подходы; проповѣдникъ, съ худо скрываемымъ злорадствомъ, дѣлалъ одну инсинуацію за другой. Вотъ, говорилъ онъ, добрые люди, смотрите, ужасенъ перстъ Божій. Вотъ человѣкъ. Убитый скоропостижною смертію. Вы думаете — это просто? Нѣтъ. Это есть кара за его беззаконіе. Въ чемъ состояли эти беззаконія, проповѣдникъ прямо не объявлялъ, но тысячью намековъ далъ понять, что покойный былъ безбожникъ, человѣкъ скверной нравственности, безчестный въ дѣлахъ, развращавшій юношество своимъ тлетворнымъ вліяніемъ, дурной отецъ семейства, зазорный примѣръ всѣмъ близкимъ людямъ. И это говорилось въ упоръ женѣ и дѣтямъ покойнаго, сидѣвшимъ прямо противъ кафедры.

У Телепнева такъ все и закипѣло внутри.

— Точно кошка ходитъ вокругъ молока, сказалъ онъ съ сердцемъ, наклонясь надъ ухомъ Темиры.

Телепневъ всталъ на запятки и еще разъ вмѣстѣ съ Темирой обернулся назадъ, откуда шла толпа студентовъ.

Послѣ объѣда Темира что-то точно избѣгала разговора съ Телепневымъ и почти тотчасъ же предложила ему играть, а Юлія Александровна отправилась писать письмо къ Жану

Но музыка не спорилась. Видно было, что Темира еле разбираетъ ноты. Лобъ ея затуманился, она усиленно думала на одну какую то тему

— Вамъ играть не хочется, сказалъ ей Телепневъ, да кажется и говорить не хочется.

— Ахъ, иѣтъ Борисъ, я, напротивъ, хотѣла.. Видите, эта смерть и сегодняшніе похороны, все это меня застало въ расплохъ..

— Какъ въ расплохъ, Темира?

— Это зашевелило вдругъ много вещей, которыя для меня смутны.. Ну, какъ же, Борисъ, умеръ человѣкъ, хорошій человѣкъ, и на его похоронахъ говорятъ, что онъ чуть не злодѣй. Да это еще ничего; а тотъ старикашка такія ужасы говорилъ объ этомъ Игнаціусъ.

Темира выговорила все это безъ особенной тревоги, но въ тонѣ ея слышалась неувѣренность. Она шла по новому пути. Она колебалась...

— Предъ вами, Темира, ~~отвѣчалъ~~ ей Телепневъ, былъ блестящій примѣръ того, что такое простой, человѣчный взглядъ на жизнь. Вы его слышали въ задушевномъ словѣ старичка-профессора.

— Да, но онъ не сказалъ, чему вѣрилъ Игнаціусъ...

— Зачѣмъ же ему было говорить это? Онъ горячо отозвался на потерю добраго, честнаго и даровитаго человѣка; а какое же право имѣемъ мы врываться въ его внутренній міръ, дѣлать тамъ полицейскій обыскъ, а потомъ карать или миловать.

— Все это такъ, Борисъ, но вотъ что меня смущаетъ: вѣдь надо же, чтобы человѣкъ имѣлъ внутри себя.. Чтобы онъ создалъ себѣ...

— Извѣстныя вѣрованія, хотите вы сказать, Темира.

— Да, да, как же жить иначе. вѣдь онъ держался за что-нибудь?

Держался; и крѣпче. чѣмъ многіе, кто выставляетъ на показъ свои догматы.

— Но что же онъ признавалъ, это не ясно было, виденъ былъ очень хорошій человѣкъ: но вѣдь это не все же, Борисъ. Надо, чтобы человѣкъ каждое свое чувство, каждый поступокъ слилъ.

— Со своими убѣжденіями. Темира. подсказалъ опять Телепневъ. Но Игнаціусъ именно такъ и жилъ весь свой вѣкъ; не случайно же, не по прихоти взялъ онъ въ руководство тѣ мысли и вѣрованія, которыя потомъ никогда не скрывалъ, не смотря на то, что ему приходилось очень жутко. Его тѣснили, не давали ему никакого хода, держали его всю жизнь въ черномъ тѣлѣ, и все-таки онъ остался твердъ въ своихъ воззрѣніяхъ. Откуда же вынесъ онъ правила и вѣрованія? Онъ изучалъ точныя науки, глубоко проникся ихъ выводами, посмотрѣлъ на жизнь трезво, и какъ истинный поборникъ знанія, освободилъ свой умъ отъ преклоненія предъ тѣми воззрѣніями, которыя уже перестаютъ существовать для людей подобныхъ Игнаціусу.

Темира слушала Телепнева съ полузакрытыми глазами. Лицо ея не прояснялось. Она слѣдила за мыслию, но вопросы сердца искали отвѣта.

— Вотъ видите ли, Борисъ, говорила она послѣ небольшой паузы. Мнѣ мало того, что вы сейчасъ сказали. Неужели человѣкъ можетъ не вѣрить въ то, что Игнаціусъ не признавалъ, и все-таки быть прекраснымъ человѣкомъ? Значить никакихъ не нужно идеаловъ, значить всякій будетъ держаться только тѣхъ правилъ, какія ему хороши. И неужели Игнаціусъ никогда въ жизни не боялся остаться самъ съ собой?

— Что вы хотите этимъ сказать. Темира? прервалъ Телепневъ.

— Да какъ же. Борисъ: у него были жена, дѣти, онъ любилъ ихъ, и онъ могъ такъ безнадежно смотрѣть на жизнь своей души. Умеръ — и ничего не осталось. Если такъ, то никогда самые близкіе ему люди не слыхали отъ него ни одного радостнаго слова. Какъ же онъ долженъ былъ смотрѣть

на себя и на нихъ? Ихъ души не сливались, и можетъ быть тотъ старикашка былъ правъ: они также не смѣли сегодня пожелать встрѣтиться съ нимъ когда нибудь, въ другой жизни.

Тревога разливалась по лицу Темира и большіе глаза ея вызывали Телепнева на искреннее слово.

— Нѣтъ, не такъ понимаете вы, Темира, всю нравственную личность Игнаціуса. Вы говорите: не было душевной связи съ близкими къ нему людьми. Да развѣ тотъ только человѣкъ живетъ душевною жизнью, кто высказываетъ обыкновенныя правила и ходячія воззрѣнія? Вы хотите сказать, что Игнаціусъ долженъ былъ по своимъ убѣжденіямъ распространять вокругъ себя холодъ, что всѣ его отношенія къ близкимъ людямъ не могли имѣть никакой задушевности, — и вы сами чувствуете, Темира, что это не такъ, что этого не было и не могло быть. Вы сами въ какой-нибудь годъ полюбили этого человѣка. Какимъ же образомъ онъ вызвалъ вашу симпатію, не живя душевною жизнью? Онъ былъ живой, любящій, искренній человѣкъ. Онъ страстно былъ преданъ истинѣ, онъ способенъ былъ всѣмъ жертвовать для науки, а ее Темира, нельзя оспаривать...

— Но вы сами же мнѣ говорили, Борисъ, что настала такая минута, когда вы почувствовали, что этой науки мало, что нужно еще что-нибудь.

— Да, я это говорилъ, Темира, и теперь повторю, еще съ большей силой: не могутъ удовлетворить живаго человѣка сушь и ограниченность грубо матеріалистическихъ воззрѣній. Жизнь не вставишь въ свои рамки, нужно признавать все, что она возбуждаетъ въ душѣ человѣка, всѣ духовныя потребности, искусство, поэзію, все, отчего бьется сердце въ груди и что нужно полюбить, не мудрствуя лукаво, не отворачиваясь во-имя своихъ узкихъ тенденцій! Но такому широкому, любящему взгляду на жизнь наука не противорѣчитъ, и если вы разъ прониклись ея правдой, вы должны на вѣкъ остаться съ тѣмъ завѣтомъ въ рукахъ, какой она дала вамъ...

Темира все блѣднѣла и блѣднѣла.

— Неужели и вы, Борисъ, вдругъ прервала она Телепнева, также какъ Игнаціусъ?..

Дѣвушка не договорила и въ смущеніи низко опустила голову.

Телепневъ нѣсколько секундъ промолчалъ.

— Я не скрываю своихъ убѣждений, Темира, и не стыжусь ихъ. Черезъ что я прошелъ, пройдетъ всякій живой человѣкъ, можетъ быть, и вы, прибавилъ онъ тихо.

Когда онъ взглянулъ въ лицо дѣвушки, оно все преобразилось: слезы текли изъ ея большихъ глубокихъ глазъ, ротъ полуоткрылся, что у ней всегда обличало сильную душевную тревогу.

— Да, Борисъ, страстно шептала она, я боюсь, что потеряю все; уйги отъ сомнѣній нельзя, знаю я мало, схватиться за новое слово я еще не умѣю. Вы, близкій мнѣ человѣкъ, но вѣдь вы не дадите мнѣ прежняго простаго дѣтскаго чувства! Не ужели иначе нельзя?

— Если вы, Темира, жаждете этого чувства—оно возродится въ васъ, но не обманывайте себя. Вы сказали разъ: мнѣ нужно все или ничего. Скажите и теперь также. Оставаться на полпути нельзя, да и не такая у васъ натура, вы должны себѣ выработать...

— Что? прервала его дѣвушка и, не сдерживая болѣе слезъ своихъ, вскричала: когда же будетъ у меня тепло на душѣ, что же мнѣ дѣлать, если я потеряла прежнее чувство.

— Любить...

Телепневъ остановился. Молодая душа трепетала передъ нимъ. Святымъ благоговѣніемъ наполнилъ его образъ безцѣнной дѣвушки, открывавшей передъ нимъ чистый тайникъ своихъ душевныхъ стремлений. Какъ онъ любилъ въ эту минуту Темиру и какъ горячо захотѣлось ему влить въ это гордое, ищущее правды сердце, тѣ вѣчныя истины, которыя жизнь открываетъ человѣку послѣ назойливой и, часто, роковой борьбы.

— Темира, говорилъ онъ, беря ее за обѣ руки, послушайте меня, взгляните проще на жизнь, не плачьте объ томъ, что было въ дѣтствѣ...

Дѣвушка вдругъ освободила свои руки и быстро поднялась.

— Нѣтъ, прервала она Телепнева, и слезы смѣнились на лицѣ ея, одушевленнымъ, почти гордымъ взглядомъ. Не го-

ворите мнѣ ничего, я не хочу. чтобы вы вліяли на меня вашимъ умомъ. Я сама должна найти то, что мнѣ нужно. Это не дается разговорами. это даетъ жизнь, Борисъ. Зачѣмъ я плакала? зачѣмъ я изливалась предъ вами? Это мое дѣло.

— Темира, вскричалъ Борисъ, да развѣ я чужой вамъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, это мое дѣло! повторяла дѣвушка и сдѣлала шагъ къ двери. Это все сладость. Сама слушаешь себя и рисуешься, а тутъ,—произнесла она съ ужасомъ,—цѣлая бездна, смерть.. хуже смерти..

Она даже не сказала Борису „прощайте“ и оставила его одного въ пустой и не освѣщенной залѣ.

Всѣ Эллины должны были сдавать rigorousum. Телепневъ совсѣмъ приготовился. Окончательный экзаменъ получалъ для него больше вѣсу, нежели бы это было до встрѣчи съ Темирой. Хотѣлось начать новую жизнь и войти въ нее рука объ руку съ одаренной натурой своей избранницы. Такъ какъ его rigorousum состоялъ исключительно изъ химическихъ предметовъ, то онъ, конечно, приступалъ къ экзамену совершенно спокойно, не долженъ былъ засаживаться зубрить. Впрочемъ Темира не позволяла ему являться больше трехъ разъ въ недѣлю, и всегда по вечерамъ.

Такъ пролетѣлъ постъ.⁶⁹ Темира говѣла, но ни разу уже послѣ разговора о смерти Игнаціуса не задавала никакихъ религіозныхъ вопросовъ Телепневу. и какъ бы молча просила не вліять въ этомъ отношеніи на нее своимъ мужскимъ умомъ. Сближеніе ихъ шло уже безъ скачковъ и „сокращеній“, но Темира умѣла съ необыкновенной волей сдерживать страстные порыванія Телепнева, и каждымъ своимъ словомъ, каждымъ движеніемъ говорила: погоди, мой милый другъ, если ты любишь, твоя любовь не пропадетъ даромъ, но поддержишь ее, право, она отъ этого ничего не проиграетъ.

Юлія Александровна порывалась было въ Петербургъ для свиданія съ Жаномъ, который не хотѣлъ уже возвращаться въ Д. на пути за границу. Она рѣшилась съ сокрушеннымъ сердцемъ прожить въ Д. до іюня, и потомъ отправиться на лѣто въ деревню, а къ сентябрю ожидать Ивана Павловича.

Профессоръ Шульцъ прокричалъ свое schön, schön, когда

Телепневъ, сидя около его рабочаго стола за химическими вѣсами, объявилъ ему, что какъ нибудь, на недѣлькѣ, надо устроить экзамень. Вспомнилъ Телепневъ при этомъ глупо торжественную процедуру въ К. съ фабрикованными билетами, дежурными помощниками, съ мундирами и всякимъ здоромъ официальной обстановки. Дня черезъ три, онъ часовъ въ одиннадцать сѣлъ противъ Шульца у рабочаго стола въ своемъ затрепезномъ балахонѣ. Шульцъ разложилъ передъ собой листъ протокола, и начали они толковать. Экзамень впродолженье былъ хотя и добродушный, но все таки солидный. Къ обѣду отдѣляли только двѣ химіи, а на вечеръ оставили еще пять и на закуску физиологическую, по которой чудакъ Шульцъ сдѣлалъ себѣ извѣстность спеціалиста.

Лаборантъ Рабе, достигшій въ пріязни своей къ Телепневу до нѣкотораго лиризма, забрался также въ кабинетъ, желая знать какъ пойдетъ экзамень. Онъ воображалъ, что его не будетъ видно за шкапами, но онъ таки давалъ о себѣ знать: звенѣли стеклянки во всѣхъ углахъ. Шульцъ и Телепневъ то и дѣло оглядывались. Послѣ обѣда экзамень перешелъ въ разговорную форму. Телепневъ больше спрашивалъ, чѣмъ самъ отвѣчалъ. Шульцъ добрался до физиологической химіи, и задѣтый за живое нѣсколькими вопросами Телепнева, началъ катать страшной скороговоркой свою теорію пищеваренія, при чемъ вскакивалъ, потомъ опять присаживался къ столу дѣлалъ выкладки и ерошилъ себѣ волосы во всѣхъ направленіяхъ. Въ семь часовъ экзамень кончился Шульцъ также быстро, какъ говорилъ, отмѣтилъ въ протоколномъ листѣ противъ каждаго предмета *sehr gut*, подаль руку Телепневу, съ сіяющей физиономіей поздравилъ его и побѣждалъ на верхъ отдать протоколъ въ правленіи. Какъ онъ только скрылся, лимонно-желтый Рабе подскочилъ кубаремъ къ Телепневу и облобызалъ его. Много онъ кой-чего бормоталъ. Телепневъ только и понялъ, что пострадавшему отъ науки нѣмцу хочется, во что бы то ни стало, сдѣлать счастье въ Россіи.

Стоялъ Телепневъ у профессорскаго стола и оглядывалъ полуосвѣщенный кабинетъ. Тутъ прошли четыре года неслложной и работающей жизни, тутъ начался анализъ не однихъ

неорганических солей, а всѣхъ жизненныхъ возрѣній, всего душевнаго состава. И тутъ же среди этихъ шкаповъ, стѣлянокъ и ретортъ, весь его душевный анализъ скрасился и возродился здоровымъ и свѣтлымъ взглядомъ, и на божій міръ, и на свою судьбу, и на ближайшія свои жизненные цѣли.

Случилось такъ, что въ тотъ же день Варцель долженъ былъ сдавать свой *rigorosum*. Онъ съ утра отправился на квартиру декана съ тремя нѣмцами. Утромъ онъ напутствовалъ Телепнева разными желаніями, а самъ таки трусилъ на порядкахъ.

— Зачѣмъ ты держишь на лекаря, говорилъ ему Телепневъ, все равно, братъ, рискъ. Ты посмотри, какъ здѣсь докторовъ пекутъ.

То, братъ, нѣмчура. У нихъ глаза безстыжіе, я казенный, дружище, что казну-то обманывать. На лекаря у меня пороху хватить, а на доктора—куда! Да и возни, братъ меньше, пойдутъ эти диссертациі, да полатыни еще нужно учиться, шутъ ихъ поberi совсѣмъ.

— Послушай, миленькій, ты помнишь года четыре тому назадъ, мы съ тобой, передъ феріями, послѣ моего скандала съ Лукусомъ, стояли на Домѣ, тогда ты мнѣ отказалъ въ моей просьбѣ, ты говорилъ: коли запрутъ меня куда нибудь въ Царевосанчурскъ, надо будетъ отдѣлаться отъ казны.

— Погоди, дружище, погоди. Вотъ дай сегодня выдержать экзаменъ, ну и назначеніе выдать, коли скверное—буду бить тебѣ челомъ, а коли такъ-себѣ, все равно, только чтобы въ матушкѣ Россіи.

— Около Харькова?

— Да, къ хохлушкамъ, братъ.

Телепневъ, вернувшись изъ лабораторіи, послалъ Якова за Палеемъ и Ванечкой и сталъ поджидать Варцеля. Миленькій явился около десяти часовъ съ радостнымъ лицомъ.

— Ну, какъ ты, дружище? спросилъ онъ Телепнева.

— Да у меня то, братъ, по домашнему, ничего; вотъ какъ тебя-то продирали?

— *Cum laude*, братецъ. Вотъ не догадался, пожалуй бы и доктора дали, коли бы держалъ на доктора. Ну, да Господь

съ ними, такъ то покойнѣе. Нѣмчура одна провалилась, а я ничего.

— Изо всѣхъ?

— Изо всѣхъ. Только надо вотъ сдать препараты. Забрались мы съ двѣнадцатаго часу, по двадцати рублей, братъ, съ рыла сошло.

— На угощеніе?

— Да. Только житье, братъ, этому декану: ни чаю, ни сахару, ни кофею, ни сигаръ, ни вина, ничего не покупай. Ну, сначала бульонъ обносили. Я, скрѣпя сердце, взялъ чашечку; думаю съ кого-то начнетъ, какъ придется, дескать, изъ теоретической, или изъ судебной — такъ узнаешь кузькину-то мать. Одначе съ фармаціи началъ.

— У хемика?

— Да, братъ, у хемика. Онъ мнѣ и рейнвейнцу. Думаю: дай подкрѣплюсь, на свои же вѣдь. Ну, и подкрѣпился. Сошла фармація. Ну, а тамъ ужъ колесомъ покатилося. Спустилъ фармакологию. Судебной дожималъ, охъ какъ *кветчировалъ*. А тамъ шоколадцу подали. Возбуждившись, дружище, пріятнымъ манеромъ, взялъ я сигарочку, да и наткнулся на глазные. Еле-еле не провалилъ. Да и на самой пустяковинѣ: *trichiasis*, говорить расскажите. Я что-то самую малость перевралъ. А ты знаешь этого, глазнаго то?

— Видѣлъ.

— Ну, скотина, братецъ, фонъ, въ клиникѣ носъ задираетъ, все это онъ поморщивается, тоны задаетъ. Ну, и тутъ началъ фыркать и меня шпынять. Такую, братъ, извительную физимордію сдѣлалъ, что просто плюнулъ бы ему. Однако поумялся. А тамъ ужъ подъ конецъ деканъ еще винцомъ угостилъ. Веселая штука пошла. Ворчуну нашему изъ акушерства, такъ, братъ, отмахивалъ, что небу жарко стало! А на одного нѣмца старичища нашъ заворчалъ: *Solche*, говоритъ, *miserable medicinische Studien*. Просто смѣхъ меня разбиралъ. Терапію я отдѣлалъ минутъ въ десять. У насъ братъ теперь вѣдь этотъ шутъ гороховый помѣшался на своихъ типахъ; ну и лупилъ ему: типусъ такой-то—онъ и радъ.

— Такъ значить, миленькій, — *Artzt cum laude*?

— Да, дружище.

Телепневъ пошелъ въ свой кабинетъ, досталъ тамъ что то такое въ ящикъ и подойдя къ Варцелю презентовалъ ему зеленый футляръ.

— Что это дружище. зачѣмъ?

— За успѣхи и благонаравіе, отвѣчать смѣясь Телепневъ и въ память объ нашемъ съ тобой житьѣ-бытьѣ.

Добродушный нѣмецъ радовался, какъ маленькій. Подошли Эллины. Ванечка заболталъ, принесли бургундскихъ графовъ и загудѣла эллинская бесѣда.

— А послать бы за Пелазгами, господа, вскричалъ Варцель красненькій и очень веселый. Что ихъ въ самомъ дѣлѣ обижать. Они вѣдь теперь смирились.

Послали за Пелазгами.

— А знаете что, господа, предложилъ Телепневъ, вѣдь надо какъ нибудь бурсацкимъ-то филиграммъ помочь отсюда выбратся, а то они вѣдь скоро Богъ знаетъ до чего дойдутъ. Лукусъ-то, говорятъ, совсѣмъ безъ всякаго пристанища.

— Да какой же толкъ изъ этого будетъ? замѣтилъ Палей; нить-то все равно, здѣсь ли, или у себя дома

— Ну нѣтъ, горячо вступился Варцель, ты этого не говори Палей. Тамъ онъ пріѣдетъ, коли прикрутитъ нужда — будетъ работать. Ну, и все-таки на глазахъ, и совѣсть зазритъ. А здѣсь пока хоть три, четыре бурсака останутся — все будетъ изъ одной кнейпы въ другую перепархивать.

— Нечего и толковать, заключилъ Телепневъ, что здѣсь Лукусъ окончательно погибнетъ. Я съ нимъ переговорю, и обдѣлаю это.

Привалили Пелазги и попойка вышла соладная. На этотъ разъ дѣйствительно можно было запѣть съ полной правдой:

Товарищи друзья, давно въ бокаль хрустальный
Мы не лили златоструистаго вина.

XXII.

Лукусь сначала было руками и ногами, а потомъ поддался на предложеніе Телепнева. Только его бурсацкая гордость сильно страдала отъ того, что Эллины позаботились объ его судьбѣ на развалинахъ корпораціи. Вмѣстѣ съ нимъ Телепневъ предложилъ отправиться и растерзанному буршу, который самъ сознался, что потерялъ всякую способность не только сдать экзаменъ, но даже просто взять въ руки тетрадку.

Филистрамъ были устроены большіе проводы за городъ, гдѣ цѣлый день ннадашничали и произошло окончательное примиреніе Пелазговъ съ Эллинами.

— Пятнадцать лѣтъ выжилъ я здѣсь, хныкалъ Лукусь, поводя своими впалыми голубыми глазами. И вы думаете, что я жалѣю этихъ пятнадцати лѣтъ? Strund, совсѣмъ не жалѣю. Вы, Эллины, ребята хорошіе, чувствую, опшудировали и экзаменъ обдѣлали, но вы не презирайте насъ, мы тоже имѣли свой фахъ, пожили... У насъ были люди... Я знаю, вы, Эллины, смѣтаете надо всѣмъ и надъ команомъ. А команъ—ей-ей дѣло великое. За него вы на фершисъ сидите. Нѣмцы кноты, противъ этого я спорить не стану, но безъ комана нельзя, повѣрьте мнѣ нельзя безъ комана. Faustrecht будетъ. Онъ ужъ и начался. Но теперь держитесь, господа, не сдавайтесь нѣмцамъ, пускай ихъ хоть десять лѣтъ не снимаютъ, а тогда какъ снимутъ, надо конвенцію съ ними сдѣлать, и свой команъ завести: нельзя безъ своего комана.

Подъ конецъ попойки Лукусь, еле держась на ногахъ, зарыдалъ и началъ всѣмъ кланяться въ поясъ.

Передъ Телепневымъ стояли двѣ картины: одна умирающей бурсацкой жизни и послѣднее слово ея философіи, въ лицѣ опьянѣвшаго филистра; другая картина — будущность русскаго студенческаго общества въ Д.

„Нѣтъ, не надобно имъ никакого устава, говорилъ онъ

про себя, коли захотятъ взяться за умъ, будутъ такъ работать и готовить себя къ жизни. Ну, вотъ онъ, Лукусъ, этотъ тридцатипятилѣтній ребенокъ съ дрожащими руками и потухлымъ взглядомъ, вотъ онъ самый умный и способный человѣкъ цѣлой бурсацкой эпохи, — и съ чѣмъ онъ возвращается? Но права была и Темира, когда нападала на мой слишкомъ барскій взглядъ. Лукусъ неліцемерно оплакиваетъ лучшія стороны бурсацкой жизни. И еслибъ ихъ да сочетать съ тѣмъ, о чемъ бурсаки поютъ въ языковской пѣсни, вышло бы другое дѣло.

Ради сладкаго труда

стремились многіе и шли по дорогѣ Лукуса.“

Проводивши филистровъ, Телепневъ созвалъ сходку и высказалъ на ней все, что онъ считалъ необходимымъ для разумной жизни русскаго кружка въ Д. Тутъ же онъ сдѣлалъ то приношеніе, о которомъ думалъ еще предъ своимъ скандаломъ съ Лукусомъ. Онъ учредилъ стипендію для одного изъ русскихъ студентовъ, по выбору товарищей, принадлежащихъ къ кружку, т. е. не признающихъ комана. И онъ, и Палей, и даже большинство Пелазговъ были того мнѣнія, что фершисъ нѣмцевъ слѣдуетъ выносить стоически, избѣгая всякихъ задираТЕЛЬСТВЪ. Но разбиваться въ разсыпную, при такихъ обстоятельствахъ, повело бы къ упадку всякой энергіи и, можетъ быть, къ еще большому пьянству и ничегонедѣланію, чѣмъ это было въ корпораціи.

Варцеля Телепневъ убѣдилъ раздѣлаться съ казной и собирался везти его въ N, чтобъ онъ тамъ отдохнулъ и рѣшилъ, желаетъ ли ѣхать за границу, или начать сейчасъ же практику. Телепневу оставалось представить диссертацию и выправить себѣ дипломъ на пергаментномъ листѣ.

Экзаменъ въ лабораторіи сдалъ онъ очень легко; но другой страшный экзаменъ предстоялъ ему въ филистеріи, гдѣ въ рукахъ Темиры находился такой дипломъ, котораго сразу нельзя было пріобрѣсти самыми глубокими химическими свѣдѣніями.

Она приняла извѣстіе объ его кандидатствѣ радостно, но спокойно. Въ послѣднее время Темира безъ всякой уже сдержанности входила во всѣ интересы Телепнева. — но въ ея в

просахъ, въ маленькихъ замѣчаніяхъ, ему чудилось постоянно одно слово: впередъ, этого мало, я еще недовольна.

— Я не знаю, говорила ему Темира, сотой доли того, что стоитъ въ вашемъ дипломѣ, но, пожалуйста, не думайте, что я останусь все такой же дурочкой. Мнѣ химіи не нужно, но я буду знать все, что я хочу знать.

— И будете учиться однѣ?

— Одна.

— А долго ли, Темира?

— До тѣхъ поръ, пока вы перестанете думать о моемъ развиваніи.

Минутами Телепневу казалось, что Темира точно играетъ съ нимъ., Она чего-то ждетъ, думалъ онъ, но мнѣ нельзя ждать. Я хочу начинать жизнь съ ней, и ни съ кѣмъ больше. Она должна же чувствовать, сколько она отнимаетъ у меня силы и душевнаго добра“

Но дѣвушка думала свою думу. Сердце ея сильно стучало. Ея памятная книжка была цѣлыми страницами исписана страстными обращеніями къ нему, буква Б. такъ и пестрѣла по строчкамъ; но уста не открывались для изліяній.

Юлія Александровна сообразила, наконецъ, что сближеніе Телепнева съ Темирой не проста. Она отписала Жану на счетъ того, какія угодно ему будетъ сдѣлать соображенія, если бы Телепневъ попросилъ руки ихъ дочери. Жуиръ отвѣчалъ высокимъ слогомъ, съ присоединеніемъ цитатъ изъ Ламартина, что въ жизни главное молодость, а что впрочемъ какъ Юліѣ Александровнѣ будетъ угодно, и что въ это дѣло онъ не вмѣшивается. Больше распространялся на счетъ желудка и превратностей судьбы людской. Онъ совершенно профуфырился въ рулетку, о чемъ Юлія Александровна сокрушалась денно и нощно, успокоивая себя, впрочемъ, тѣмъ, что Жанъ нашелъ себѣ удовольствіе, хотя и разорительное, но возбуждающее его нервы.

Отъѣздъ Деулиныхъ былъ назначенъ въ первыхъ числахъ іюня. Юлія Александровна все приглашала Телепнева къ себѣ въ деревню, но онъ видѣлъ, что Темирѣ это приглашеніе не нравится, и она имъ однимъ словомъ его не поддерживала. Осенью они опять хотѣли вернуться въ Д.

„Какъ же я-то, спрашивалъ себя Телепневъ; она не зоветъ меня; значить, мы должны проститься теперь. Но такъ нельзя же кончить. Неужели она сама произвольно наложила на себя и меня тяжелый искусь? Зачѣмъ?“

Послѣдніе дни онъ ходилъ совсѣмъ растерянный; на него напала какая-то болѣзненная робость передъ Темирой. Явится въ филистерію, начнетъ съ ней говорить о постороннихъ предметахъ, а то такъ молчитъ; она весела, смѣется, ходитъ съ нимъ по саду, бѣгаетъ съ Ванечкой, катается по двору на каретной лошади. Время летитъ день за днемъ, все ближе и ближе къ отъѣзду, все строже и строже представляется вопросъ жизни или смерти.

Телепнева уже ничто больше не удерживаетъ въ Д.; все готово, дипломъ выправленъ, поѣзжай на всѣ четыре стороны; но онъ не спитъ ночей, у него на душѣ какой-то ужасъ, бываютъ минуты, когда его встрѣча съ Темирой представляется ему призракомъ, когда онъ начинаетъ увѣрять себя, что ничего между ними не было, что онъ не вправѣ ничего требовать отъ нея, никакихъ словъ привязанности, никакой поддержки, никакой надежды. И вдругъ это переходитъ въ плачь, въ ярость. Онъ, лежа у себя на кровати, осыпаетъ Темиру самыми страстными упреками, съ жолчью и озлобленіемъ воспоминаетъ малѣйшія подробности, всѣ ея улыбки, слова, взгляды, все, чѣмъ она возбудила такое могучее всеобъемлющее чувство.

Наканунѣ закрытія лекцій Телепневъ получилъ письма отъ Абласова и Горшкова. Абласовъ кончилъ курсъ и ждалъ Телепнева у себя въ городкѣ передъ отправленіемъ своимъ на службу въ среднеуральскіе горные заводы. Горшковъ писалъ о томъ, что кончаетъ оперу и ѣдетъ на полгода съ однимъ богатымъ баринѣмъ за границу, чтобъ „потереться около Бердіоза и покалякать съ нимъ на счетъ оркестровки.“

Захотѣлось ему увидѣться съ своими закадыками, захотѣлось ему остановить того и другаго и предложить имъ, не разставаясь, выбрать общее мѣсто жизни и дѣятельности, но Темира стояла передъ нимъ какъ безотвѣтный сфинксъ и никуда не пускала, пока онъ не добьется отъ него спасенія или гибели.

XXIII.

Темира сидѣла на террасѣ. Былъ часъ шестой вечера. Она держала въ рукахъ зонтикъ и, наклонивши свою строгую головку, покрытую небольшою кружевною, черною косынкой, шевелила концомъ зонтика листики плюща. Изъ саду неся тонкій духъ черемухи, цвѣли сирень и каштаны. Сквозь рѣдкіе стволы березъ, образующихъ аллею внизу сада, виднѣлась ярко-красная полоса неба. Утромъ былъ дождикъ, и воздухъ, влажный еще отъ паровъ, какъ-то особенно ласкалъ

Въ дверяхъ террасы показалась Юлія Александровна.

— Мaman, мы поѣдемъ на Домъ. Телѣпневъ говоритъ (Темира въ разговорахъ съ матерью называла его Телепневъ, а не Борисъ Николаевичъ), что студенты поютъ сегодня въ послѣдній разъ.

— Хорошо, дитя мое, я велю заложить коляску. Да развѣ мы не дождемся Бориса Николаича?

— Нечего его дожидаться, онъ навѣрно придетъ туда самъ.

Дѣвушка опять задумалась. Глаза ея смотрѣли и строго, и радостно. Въ ней не было никакихъ сомнѣній. Все существо ея было переполнено любовью, она боялась только распушенности и сладости. Кругомъ природа благоухала. Высоко дышала грудь, взоры все больше и больше разгорались. Еще нѣсколько дней — и эта жизнь кончится. Онъ уѣдетъ, не услышавши отъ нея ни одного слова. „Зачѣмъ эти слова, спросила себя Темира, эти пустые звуки — развѣ онъ не видитъ?...“ А жизнь? шептало ей сердце и природа ему вторила, — зачѣмъ же ты ее-то гонишь, къ чему ты отсрочиваешь? Ты бранила его за резонерство, за лишніе слова и мысли, а сама бѣжишь отъ радости, отъ силы, отъ наслажденія!

Темира, сидя съ наклоненной головой, все краснѣла и краснѣла.. Потомъ, точно на что-то рѣшившись, она вста-

ла, вся выпрямилась, сбѣжала съ террасы и пошла вокругъ газона прерывающейся походкой.

На Домѣ, около обсерваторіи, пѣлъ хоръ тевтонцевъ. Славный, невозмутимо тихій вечеръ закатывался надъ академическимъ городкомъ. Коляска ввезла Деулиныхъ на гору и остановилась около клиники. Онѣ пошли по большой аллеѣ. Темира часто оглядывалась.

— Сядемъ здѣсь, маман, указала она на скамейку около фонарнаго столба. Отсюда прекрасно слышно.

А въ это время Телепневъ уже бѣгалъ по Дому, ища Деулиныхъ. Отъ этого вечера онъ чего-то ждалъ. Терпѣть и ждать дольше онъ былъ не въ силахъ. Онъ испугался своей слабости, онъ ѣдкими упреками раздиралъ себѣ грудь и вторялъ все: „еще четыре дня—и все кончено!“

Но вотъ, по большой аллеѣ налѣво сидятъ двѣ дамы. Онъ бросился почти бѣгомъ. Завидѣвъ его, Темира привстала и подошла къ обрыву.

— Ахъ, Темира, это вы, запыхавшись сказалъ онъ, подбѣжавъ къ ней, и снимая свою бѣлую фуражку съ голубымъ околышемъ. Я искалъ васъ по всему Дому.

— Мы только что приѣхали, но я намѣрена здѣсь долго гулять. Подите, откланяйтесь маман и вернитесь сюда, я сяду на эту скамейку.

Телепневъ исполнилъ приказаніе. Они сидѣли на скамейкѣ и сначала молча слушали пѣніе. Студенты пѣли двойной квартетъ.

— Вы помните, Темира, четыре года тому назадъ?

— Да. Мнѣ тогда больше нравился Домъ.

— Я сидѣлъ здѣсь другимъ человѣкомъ.

Телепневъ замолчалъ. Темира не прерывала молчаніе. Опять запѣли студенты. За ратушей пылала заря, въ аллеяхъ уже сгустились сумерки.

— Пройдемтесь по саду, сказала Темира.

Телепневъ не слыжалъ даже ея словъ.

— Проснитесь, Борисъ, я вамъ предлагаю идти по саду. Онъ вскочилъ и подаль ей руку.

— Маман, сказала Темира, подходя къ Юлія Александровнѣ, ты не любишь, душенька, гулять, я хотѣла бы

пройтись по аллеѣ и туда за руину Ты не будешь за меня бояться?

— Хорошо, мой другъ, только, пожалуйста, не очень ужъ долго.

— Какъ погуляется, тапан.

Они пошли довольно скорыми шагами. На Телепнева напало какое-то оцѣпенѣніе, онъ задышался и молчалъ.

— Куда же мы? спросила Темира. Послушаемъ сперва пѣніе поближе.

Подошли къ хору. Нѣмцы пѣли послѣднюю пѣсню. Гуляющихъ было уже очень мало.

— Пойдемте къ руинѣ, сказалъ наконецъ Телепневъ и повелъ Темиру по боковой аллеѣ къ развалинамъ, полуосвѣщеннымъ восходящей блѣдноватой луной. Объ эту пору не наступили еще бѣлыя приморскія ночи.

Они постояли на площадкѣ предъ руиною Темира прислушивалась къ вечернимъ звукамъ и отъ времени до времени взглядывала на Телепнева. Онъ, весь тревожный, съ блѣднымъ, почти страдальческимъ лицомъ, стоялъ немного отвернувшись отъ нея и глядя вдаль воспаленными глазами.

— Гдѣ ваше любимое гулянье? спросила Темира, прикоснувшись къ его рукѣ.

Philosophengang, глухо отвѣтилъ Телепневъ.

— Пойдемте туда.

— Надо будетъ спускаться внизъ.

— Ничего, я не испугаюсь.

По крутой дорожкѣ съ уступами сошли они отъ руины, внизъ, въ узкую березовую аллею, гдѣ стояла уже настоящая ночь; только въ просвѣтахъ между вѣтвями глядѣло блѣдноватое небо съ перистыми облачками.

Какъ же мы оставили тапан? спросилъ Телепневъ.

— Ничего: она вѣдь любитъ быть одна на воздухѣ.

А въ эту минуту Юлія Александровна думала: „какая это Темира скорая, взяла и ушла съ м-г Телепневымъ. Конечно, съ нимъ можно, но все-таки ужъ я, кажется, слишкомъ слаба.“

Но ея мысль тотчасъ же перешла къ Жану и она внутренно заахала, воображая, какъ Иванъ Павловичъ въ Вис-

баденъ выскакиваетъ изъ игровой залы и съ отчаянія теревить свои кудри.

— Не идите такъ скоро, сказала Темира Телепневу Какъ здѣсь темно, мнѣ даже страшно немножко...

Телепневъ довелъ ее до конца аллеи, гдѣ стояла скамья. Справа дрожалъ на листьяхъ лунный блескъ и ложился пологомъ по дорогѣ.

— Хотите сѣсть? спросилъ онъ.

— Да, я немного устала.

Глубокая тишина разлита была кругомъ. Городъ уже замеръ. Въ темной аллеѣ пахло ночной свѣжестью, такъ и хотѣлось все шире и шире дохнуть грудью. Телепневъ стоялъ передъ Темирой и вздрагивалъ.

— Что-жь вы не сядете? тихо проговорила Темира.

— Темира! произнесъ Телепневъ и голосъ его задрожалъ, чего мнѣ ждать?

Темира пристально на него посмотрѣла. Бѣдное страданіе разлито было по его лицу Онъ стоялъ въ позѣ человѣка, точно приговореннаго къ смерти.

— Чего ждать? повторила она вопросъ.

— Да.

— А развѣ вы ждете чего-нибудь?

— Одного слова, Темира...

Она молчала.

— Неужели вы его не скажете? Вѣдь это хуже смерти!...

— Подите сюда, прошептала она и протянула ему руки.

Телепневъ вдругъ припалъ къ ея колѣнамъ и началъ цѣловать ихъ съ какимъ-то безумнымъ восторгомъ. Онъ покрывалъ поцѣлуями ноги Темиры, которая все шептала: полно, полно...

— Ты меня любишь! вскричалъ, задыхаясь отъ радости, Телепневъ, и, опустивъ голову въ колѣни гордой дѣвушки, зарыдалъ.

Античныя бѣлые руки обвили его шею. Большіе глубокіе глаза страстно ласкали его... Трепетный, безконечный поцѣлуй дрожалъ на влажныхъ устахъ...

— Милый мой, красавецъ мой, тихо говорила Темира,

глядя руки и волосы Телепнева, прости, я тебя мучила; но развѣ ты не видалъ?.. Я давно твоя Темира.

— Нѣтъ, ангелъ мой, я не вѣрю, я приготовился къ смерти и вдругъ такое невозможное счастье!

И онъ опять бросился цѣловать ея ноги.

— Да полно же, Борисъ, я разсержусь .. Я говорить съ тобой хочу, мы сегодня прощаемся...

— Какъ прощаемся? вскрикнулъ Телепневъ, точно ужаленный.

— Да, я такъ рѣшила.

— Зачѣмъ же разставаться? спросилъ онъ съ ужасомъ.

— Такъ нужно. Я дѣвочка. Ты мальчикъ. Ты умный и ученый; но ты еще не жилъ... Поѣзжай къ себѣ, полюби людей больше, начини настоящее дѣло... Пройдетъ годъ, ты много измѣнишься... Тогда я посмотрю. Будешь ты меня любить, будешь человѣкъ, Борисъ,—иди ко мнѣ смѣло, я тебя жду...

Она выговорила это спокойно, почти торжественнымъ голосомъ. Телепневъ слушалъ ее и не могъ вымолвить ни одного слова.

— Что же ты молчишь? Тебѣ тяжело? А мнѣ, ты думаешь, хочется отпускать тебя, Борисъ? Но, *такъ* нужно!

— Ты не увѣрена во мнѣ Темира! Но развѣ можно больше любить? Вѣдь я твой рабъ, я у ногъ твоихъ умоляю не покидай меня, возьми все, все; позволь только глядѣть на тебя, родная моя, голубушка моя!

— Не нужно этихъ словъ, Борисъ. Больше я уже тебя не люблю: но теперь, сейчасъ, я не буду твоей женой. Глупый, развѣ ты не слышишь любви въ моемъ строгомъ приказѣ? Вернись ко мнѣ человѣкомъ, повтори: я тебя также люблю Темира; и я посмотрю тогда что ты изъ себя сдѣлалъ.. А безъ этого твоя Таня не будетъ никогда твоей...

Телепневъ притихъ и цѣловалъ ея руки.

— Я не смѣю, Темира, умолять тебя больше...

— И не умоляй; а люби меня, если можешь, и построже смотри за собой.

— Но не обманывай меня!... Быть можетъ ты смущена. Помнишь нашъ разговоръ въ день похоронъ Игнаціуса.

Твои вѣрованья .. я не буду ихъ оскорблять; но я не могу Темира не быть...

— Полно, не говори объ этомъ. Ты думаешь: я не помирюсь съ тѣмъ, что ты не молишься. Ахъ нѣтъ, Борисъ! Это—ничего! Я никогда и не посмѣю да и не захочу перучивать тебя. Я сама хожу въ туманѣ... Это дѣло совѣсти ..

— Такъ что-же, безцѣнная моя дѣвушка, можетъ смущать тебя! Ты меня выбрала: значить, ты вѣришь въ меня, ты любишь меня хоть за что-нибудь.

— За то, что ты милый, умный, славный... Но это только задатки, Борисъ, а что скажетъ жизнь?.. Пускай она рѣшитъ... Слушай меня. Я объ этомъ цѣлый мѣсяцъ думала и лучше придумать нельзя. На годъ—въ разныя стороны. И переписываться не будемъ.

— Нѣтъ, Темира, это жестоко!..

— Лучше, Борисъ, въ сто кратъ лучше, въ письмахъ рисуешься, изливаешься, въ письмахъ—ложь и сладость. И все затагиваешь другъ друга какимъ-то узломъ. Право, такъ. Нужна полная свобода. Я буду учиться у нѣмцевъ уму-разуму, ты поѣдешь къ себѣ, выберешь дѣло, повозишься съ людьми, совсѣмъ станешь живой, совсѣмъ хорошій станешь у меня, такой, какъ я мечтаю о тебѣ каждую ночь, да... И нужно забыть о томъ, что вотъ она меня ждетъ, она меня любить и дастъ мнѣ пряничка. Это не нужно. Будь самъ по себѣ хорошій. Вспомни только черезъ годъ, что надо на меня взглянуть. И если ты вернешься вотъ съ такой же любовью—тогда я въ одинъ мигъ разгляжу тебя.

— Темира! что ты говоришь, мой ангелъ, это не возможно!

— Возможно Борисъ. Чего ты боишься?

— Но какъ же не видать тебя цѣлый годъ?

Да я-то вѣдь тоже тебя не увижу. А почему ты знаешь, грустный, что я меньше тебя люблю?

— Позволь мнѣ хоть зимой пріѣхать сюда!

— Нѣтъ...

— Кто знаетъ, Темира...

Что-о? протянула она. Ты боишься, что я разлюблю тебя, что какой-нибудь нѣмецъ отниметъ у тебя твою Таню. А зачѣмъ я тебя ласкаю теперь, красавецъ мой?

И Темира обвила его еще разъ руками вокругъ шеи. Онъ опять обезумѣлъ отъ счастья.

— Вотъ видишь, Борисъ, я не стыжусь цѣловать тебя.. Этотъ поцѣлуй—послѣдній... Ты мнѣ его возвратишь черезъ годъ. Не бойся. Если Темира тебя разъ поцѣловала—никто не приблизится къ ней, кромѣ тебя. Ну, улыбнись, слышишь, я говорю: до свиданія, противный студентъ!

— Идти?

— Да, идти и далеко, на край свѣта, идти за живой водой.

— Какъ въ сказкахъ?

— Только Иванъ - царевичъ всегда глупый, а ты у меня, умница.

— Прощай, жизнь моя!

— Милый, до свиданія!

Еще жаркій, долгій поцѣлуй! Еще горячая, свѣтлая слеза..

Въ аллеѣ совсѣмъ день отъ луннаго блеска.

— Будешь ждать, Таня?

— Боря, красавецъ мой, буду ждать всю жизнь!

XXIV

Юньское солнце такъ и пылало на раззолоченныхъ византійскихъ главахъ Успенскаго Собора. Шапка Ивана Великаго, воздымаясь высоко надъ всѣмъ кремлевскимъ холмомъ, уходила въ ярко-голубое небо. У рѣшетки, глядя на замоскворѣчье, стоялъ Тедепневъ. а возлѣ его Варцель. Облитые радостнымъ свѣтомъ: соборы, терема, башенки и крыльца дышали какой-то особой свѣжестью и дразнили взглядъ все новыми и новыми очертаніями. Точно всѣ они, вмѣстѣ съ каменнымъ поломъ, которымъ выстлано пространство, окру-

женное рѣшоткою, выточены были изъ одной массы рукою чародѣя-зодчаго.

— Душа радуется, сладко заговорилъ Варцель, оглядываясь на всѣ стороны. Вотъ она, матушка Расея, не чухонская берлога! Посмотри-ка, дружище, указалъ онъ Телепневу на крытый ходъ церкви Спаса, — золотая рѣшош^{ка}, экая прелесть! такъ и чуешь, братъ, жизнь-то прежнюю!

— Особливо ты, миленькій, весело отвѣчалъ Телепневъ.

— Да, смѣйся, дружище. Пелазги все издѣвались, что у меня король въ Германіи, а приведи ихъ сюда, такъ они по своимъ вонючимъ кнейпамъ будутъ вздыхать. Я былъ нассаускій подданный, а теперь русскій, и никогда съ нѣмчурой возиться не стану. У меня на душѣ сладко, а имъ...

— Да оставь ты пелазговъ, прервалъ его Телепневъ. Ну хочешь еще усладиться, пойдемъ посмотрѣть на царь-колоколь.

— И царь-колоколь люблю.

— И царь-пушку любишь?

Телепневъ расхохотался.

Но у него на душѣ было радостно. Передъ нимъ стояла яркая и самоцвѣтная картина. Его со всѣхъ сторонъ обступала та русская жизнь, съ которой онъ желалъ слиться всѣми порываніями своей натуры.

„Предо мною—годъ, говорилъ онъ про себя, глядя съ высоты на пестрый коверъ Замоскворѣчья, въ этотъ годъ я долженъ найти кровное, настоящее дѣло. Моя прекрасная дѣвушка послала меня на жизненный турниръ и ждетъ побѣды.—Съ чѣмъ ты вернулся, спросить она меня, гдѣ твои подвиги, за что тебя вѣнчать, за что любить тебя? Вотъ мои трофеи, скажу я ей, они принадлежатъ тебѣ, ты вдохновила меня, я нашелъ дѣло, я слился съ живою жизнью, нося въ сердцѣ твой чудный образъ.—Нѣтъ, отвѣтитъ мнѣ строгая дѣвушка, я тебѣ объ этомъ не просила, не въ мое имя, а въ силу того, что въ тебѣ есть молодость, воля, сердце, знаніе, долженъ ты отдать себя всего, цѣликомъ, безраздѣльно людямъ, ихъ горькимъ нуждамъ, ихъ жалкому неразумію, всѣмъ ужасамъ ихъ паденія! Если ты *такъ* полюбилъ людей, если ты *такъ* отдалъ себя обществу—я улынусь твоей побѣдѣ, я протяну

тебѣ руку, я скажу тебѣ: пойдемъ вмѣстѣ, я полюблю тебя навѣчно“...

— Ну, идемъ же смотрѣть на царь-пушку! прервалъ Варцель думу Телепнева.

— Идемъ.

Часу въ девятомъ, они еще разъ пришли на кремлевскій холмъ. Въ свѣтлую, мѣсячную ночь еще ярче выступали образы прошлаго и будили въ душѣ Телепнева здоровыя, полныя, жизненные думы.

— А жалко тебѣ, дружище, своего студенчества? спросилъ вдругъ Варцель, кладя руку на плечо Телепнева. Вотъ, братъ, и мы съ тобой филистры, знаешь пѣсенку:

Конченъ, конченъ дальнѣй путь,
Вижу край родимый;
Какъ пріятно отдохнуть
Здѣсь съ подругой милой....

И Варцель разсмѣялся.

— Нѣтъ, миленькій, заговорилъ Телепневъ тихимъ и медленнымъ голосомъ, не жаль мнѣ моего студенчества, не жаль моего прошлаго. Когда я ѣхалъ въ К. осмнадцати лѣтъ, думалъ я, что не для чего жить, что все потеряно, всѣ близкіе умерли, тосковалъ я, послѣ тоски явилась хандра, послѣ хандры—горячка знанія, мозговая работа и душевная борьба. А теперь вотъ видишь, Варцель, я опять живой человѣкъ, не хандрю и не добиваюсь невозможнаго, хочу жить и работать, бросилъ свой прежній диллетантизмъ и стою предъ строгимъ экзаменомъ жизни.

— Такъ-то такъ, дружище, сладко отвѣтилъ Варцель, учились мы кое-чему, да каковы-то будемъ на практикѣ?

— Жизнь и покажетъ—каковы мы будемъ. Много званныхъ, мало избранныхъ. Сейчасъ же объявится на что мы годны, внесемъ ли мы свою лепту въ общее дѣло? Была бы любовь, была бы честная мысль и воля, миленькій, съ этимъ выйдемъ на правую дорогу; а чего не было въ нашей выучкѣ, какихъ задатковъ не вложила въ насъ семья и школа, за то люди, быть можетъ, застыдятся казнить насъ....

— Авось не свихнемся! вскричалъ своимъ добродушнымъ пафосомъ Варцель.

— Не свихнемся, твердо выговорилъ Телепневъ.

— И завтра въ путь?

— Завтра, миленькій. Увидимъ нашу красавицу Волгу Тамъ, на мѣстѣ, начнется кровное, родное дѣло. Оно намъ скажетъ простое, послѣднее слово человѣчной правды.

Тѣни ложились все рѣзче! Съ фигурныхъ древнихъ стѣнъ точно слетали свѣтлыя полосы. Глубокимъ покоемъ величавой жизни дышала ночь, покрывая темносинимъ пологомъ засыпающій городъ.

„И Темира на меня смстрить, думалъ Телепневъ, отъ того такъ полно и отрадно на душѣ.“

— Хорошо, вѣдь? спросилъ вдругъ Варцель.

— Хорошо, миленькій!

Вы, постановленные на грани двухъ міровъ: школы и общественнаго служенія, вы, прошедшіе мало-осмысленную, горькую, полную случайностей, русскую выучку, и честнымъ порывомъ рвущіеся къ здоровому дѣлу и не громкому, простому добру—огляните яснымъ взглядомъ весь пройденный путь и не отдавайте алчнымъ зазывамъ растлѣвающей кривды той крупницы правды, знанія и воли, которую удалось вамъ пронести сквозь мытарства тяжелой семьи, тупой азбуки и схоластической аудиторіи. Не настала еще пора призывать васъ предъ судилище и рѣшать: что дали вы родной землѣ, какъ отвѣтили на голосъ народной нужды, куда поведете вы общество, на что потратите свои силы и порыванія? Не вы сами создали жизнь, которая вскормила васъ, и только ядъ бездуйнаго старчества можетъ сдѣлать васъ отвѣтчиками за то худосочіе, какое разлилось по вашимъ венамъ и артеріямъ. Но не на вѣки же засядетъ въ тѣлѣ наследственная краза? Все та же жизнь излечить ее. Жизнь эта требуетъ теперь такого человѣка, о которомъ и не мечтали ваши воспитатели. Мало однихъ знаній и навыковъ. Прошло время сочувствовать и понимать. Постыдно копать только въ самомъ себѣ, создавать безплотные идеалы, мириться на одной гармоніи внутренняго міра. Встаетъ другой идеалъ—могучій и всеобъемлющій. Въ немъ личная жизнь въ здоровомъ и прекрасномъ сліяніи съ волною народныхъ

судебъ. Въ немъ всѣ силы духа найдутъ исходъ, данный великою земскою жизнью!

Земскихъ людей освѣтитъ заря отраднаго бытія. Земскій человѣкъ, отдавая себя всего безпредѣльному дѣлу, въ каждый мигъ полной, всесторонней жизни, пройдя долгій путь испытаній и кровной мірской лужбы, будетъ готовъ къ новымъ подвигамъ, и съ доброй волей, съ любовію къ возродившейся вокругъ него родной средѣ, пустится дальше въ путь дорогу!....

КОНЕЦЪ.